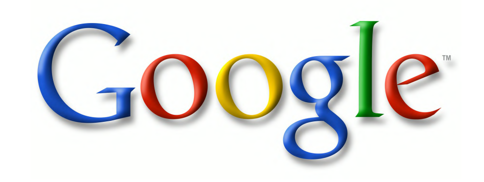
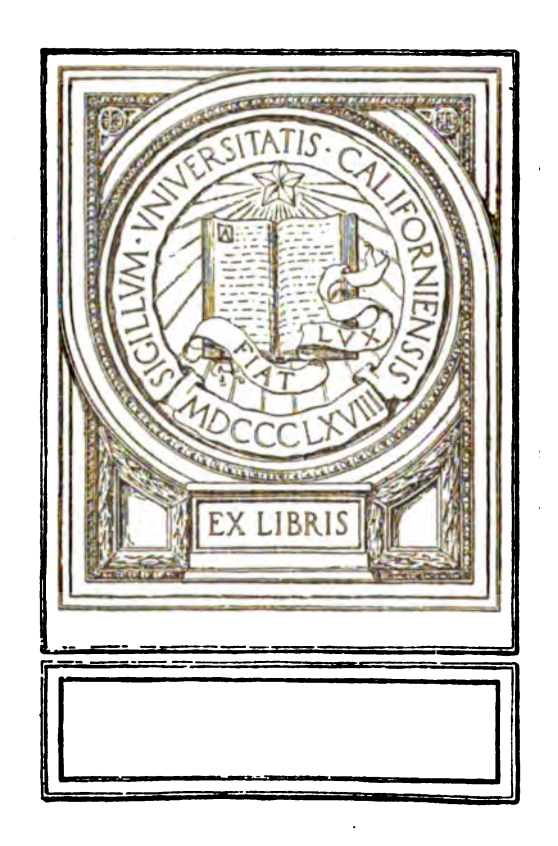
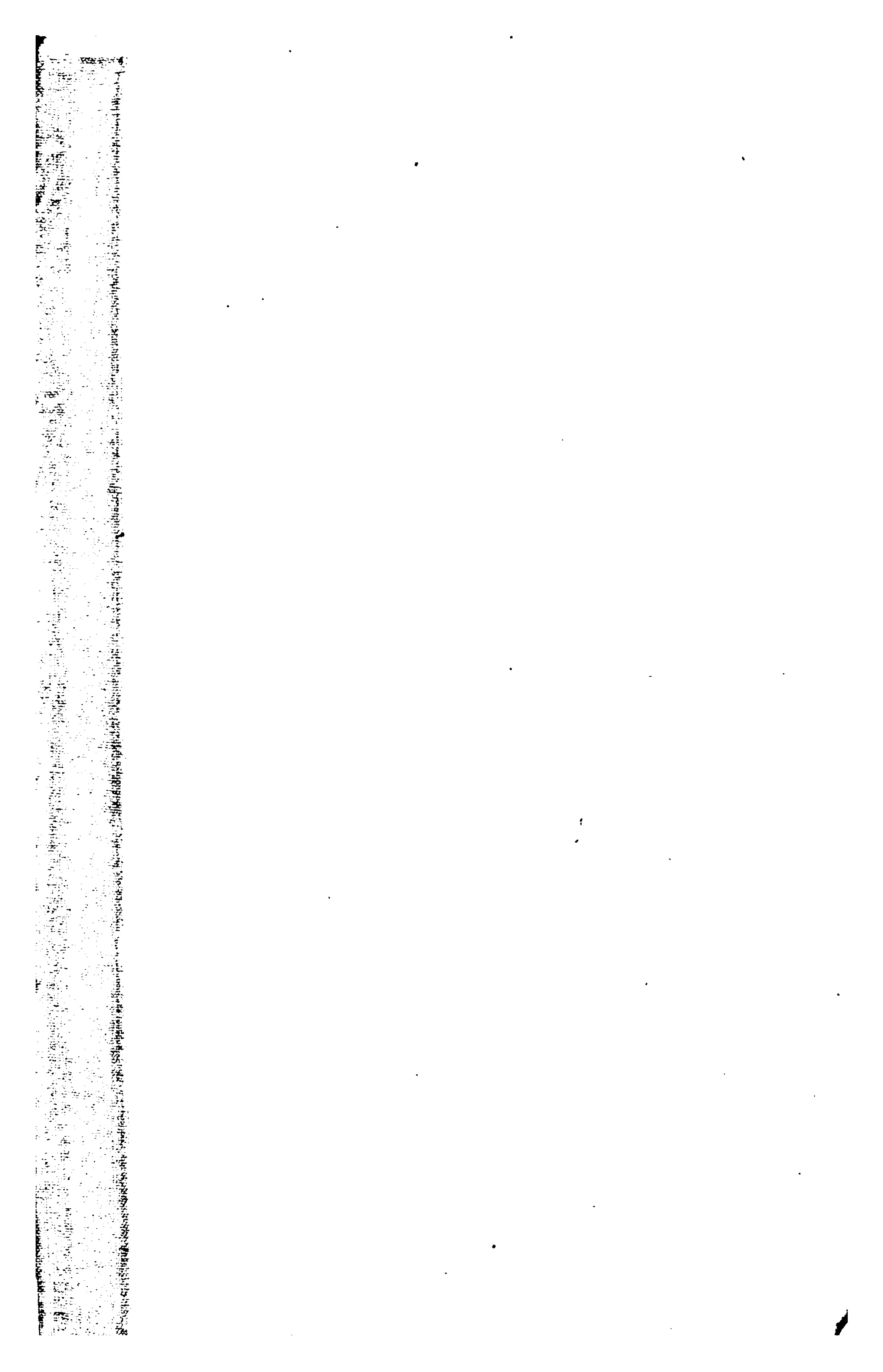
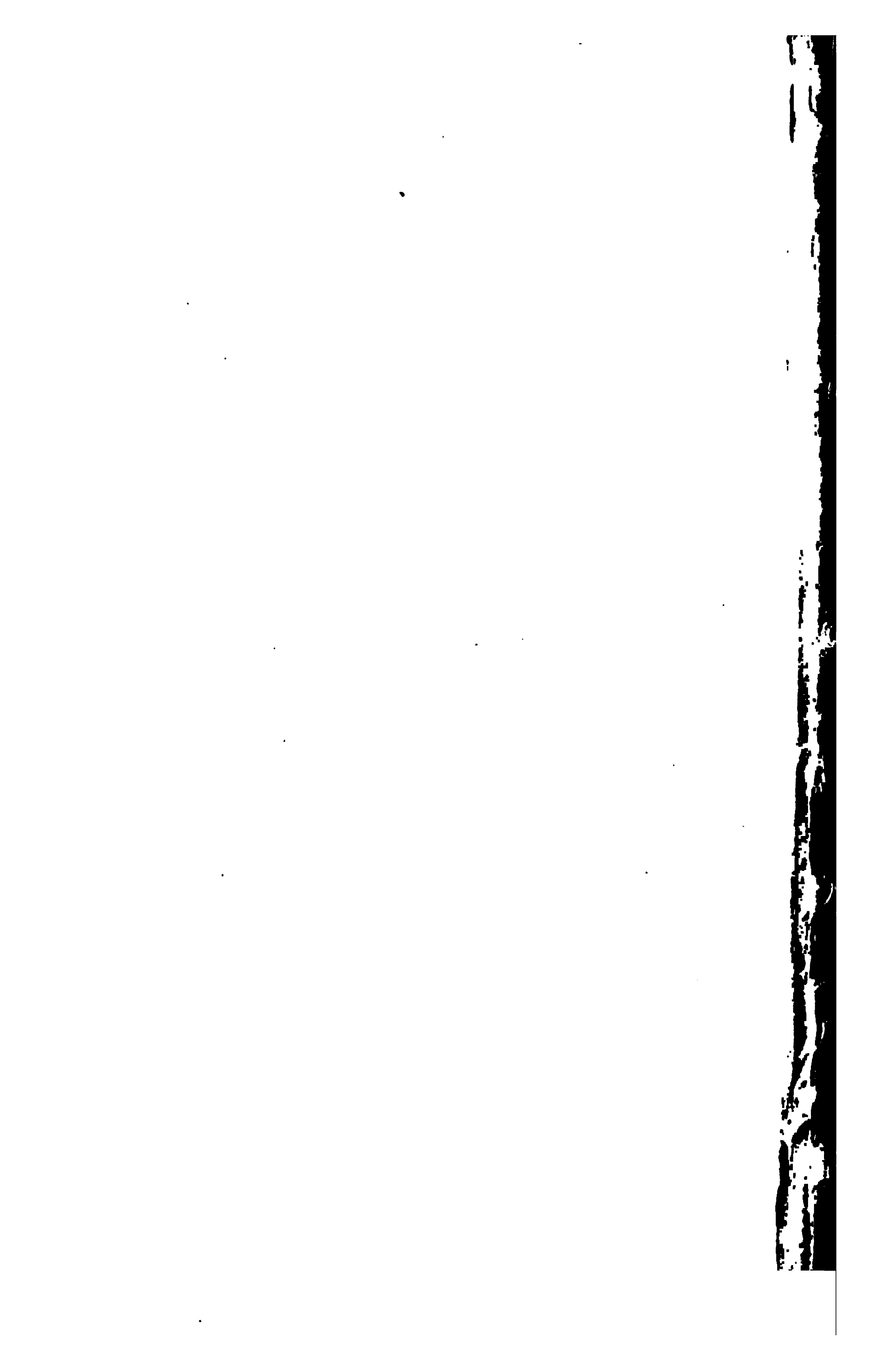



SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS





ОПЫТЪ
ИСТОРИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

ОРЕСТА МИЛЛЕРА.

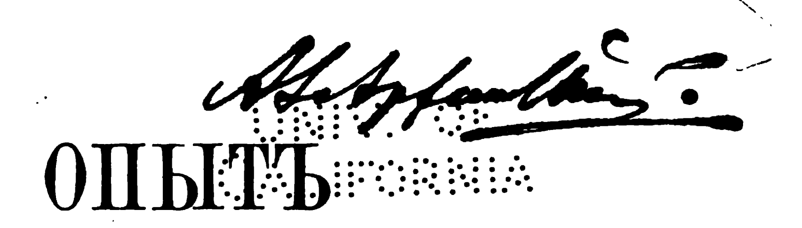
ЧАСТЬ I. ВЫПУСКЪ I.

(ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ТАТАРЩИНЫ).

Изданіе 2-е,

передѣланное и дополненное тремя новыми главами.

ПЕТЕРБУРГЪ. 1866.



ОПЫТЪ
ИСТОРИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

СЪ ХРИСТОМАТІЕЮ,

РАСПОЛОЖЕННОЮ ПО ЭПОХАМЪ.

ОРЕСТА МИЛЛЕРА.

ЧАСТЬ I.

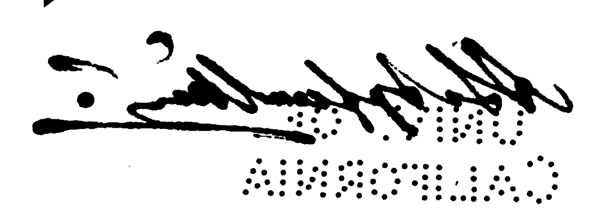
ВЫПУСКЪ I.

(Отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины.)

Изданіе второе,

ПЕРЕДѢЛАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ТРЕМЯ НОВЫМИ ГЛАВАМИ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КУКОЛЬ-ЯСНОПОЛЬСКАГО.
На углу Малой Мѣщанской и Столярнаго переулка, въ домѣ № 6/14.
1865.



ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-му ИЗДАНІЮ.

Прежде чѣмъ время позволило мнѣ приступить къ продолженію моего труда, понадобилось 2-е его изданіе. Пользуюсь этимъ для исправленія многихъ погрѣшностей и для значительныхъ пополненій. Въ христоматіи отдѣлъ народной словесности дополненъ обрядовыми пѣснями, загадками, заговорами, пословицами и сказками. Соотвѣтственно этому и въ «историческомъ обозрѣніи» главѣ о былинахъ предпосылаются цѣлыхъ три новыхъ главы: объ остаткахъ миѳическо-обрядовой поэзіи, миѳическаго и животнаго эпоса. Сверхъ того сдѣланы кое-какія прибавки въ разныхъ мѣстахъ христоматіи, а сообразно съ тѣмъ и измѣненія въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ «историческаго обозрѣнія.»

Мнѣ пріятно выразить признательность двумъ моимъ рецензентамъ: Л. Н. Майкову («Отечественныя Записки») и В. П. Скопину («Учитель»). Многое измѣнено на основаніи ихъ указаній. Считаю также пріятнымъ долгомъ отъ всей души поблагодарить К. Н. Бестужева-Рюмина, котораго совѣтами и указаніями я пользовался съ самаго начала моего труда.

Въ «историческомъ обозрѣніи» мнѣ остается еще догнать христоматію. Между тѣмъ какъ въ послѣднюю вошли уже и памятники эпохи Донскаго, первое доведено только до начала татарщины. Я приложу все стараніе, чтобы не замедлить изданіемъ 2-го выпуска 1-ой части моего «историческаго обозрѣнія». А за тѣмъ уже, догнавъ такимъ образомъ христоматію, можно будетъ подумать и объ изданіи одновременно 2-й части какъ «историческаго обозрѣнія», такъ и христоматіи.

Надѣюсь, что въ скоромъ времени мнѣ удастся отдаться по преимуществу этому труду, а равно и продолженію сродныхъ ему — «Бесѣдъ о Русской исторіи.» Старая виновность въ несдерживаніи обѣщаній пусть загладится при помощи обстоятельствъ, благопріятствующихъ сосредоточенію въ трудѣ.

Орестъ Миллеръ.

Октябрь
1865 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Полная, соотвѣтствующая всѣмъ требованіямъ науки, исторія русской словесности, при все еще недостаточной разработкѣ нашихъ историко-литературныхъ данныхъ, въ настоящее время едва-ли возможна. Тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ преподаванія нельзя обойтись безъ книги, которая бы представляла въ строгой исторической системѣ все то, что̀ уже достаточно разъяснилось и опредѣлилось при помощи монографій, и такимъ образомъ избавляла учителя отъ утомительнаго и даже убыточнаго труда собирать и приводить въ порядокъ разбросанное по различнымъ изданіямъ. Для полнаго удобства, при такой книгѣ должна находиться и приспособленная къ ней историческая христоматія.

Первымъ дѣломъ составителя такого руководства и такой христоматіи должно быть—съ точностію опредѣлить себѣ, что̀ именно можетъ и должно быть отнесено къ словесности, и что̀ не относится къ ней. Несоблюденіе этого требованія внесло въ наши историческіе курсы словесности и въ наши христоматіи много такого, что̀ собственно должно быть отнесено къ исторіи русскаго языка, русскаго права, русской церкви, или къ наукѣ русскихъ древностей. Такимъ образомъ вниманіе учащихся обременяется множествомъ разнохарактернаго матеріала, въ результатѣ же они остаются въ полномъ невѣдѣніи на счетъ отличительнаго характера собственно-литературныхъ произведеній, а потому и на счетъ того, много ли такихъ произведеній на языкѣ отечественномъ? Между тѣмъ степень, занимаемая собственно литературными богатствами народа, составляетъ одинъ изъ признаковъ степени его развитія вообще.

Съ другой стороны пора дать болѣе видное мѣсто въ христоматіяхъ и въ историческихъ обозрѣніяхъ отечественной словесности, — устно-народнымъ произведеніямъ, изученіе которыхъ особенно важно у насъ, такъ какъ въ нихъ-то по преимуществу выражается нашъ народный характеръ,

до сихъ поръ еще мало успѣвшій себя проявить въ нашей далеко не самостоятельной письменности.

Ежели съ появленіемъ послѣдней и не у насъ однихъ были естественнымъ образомъ сопряжены необходимыя для успѣховъ развитія заимствованія изъ-чужа, то у насъ какъ-то особенно долго длилось рѣшительное преобладаніе подобныхъ заимствованій, при особой же односторонностости ихъ, они стали дѣйствовать прямо въ ущербъ нашей народной самостоятельности. Отъ самаго крещенія Руси и до временъ рѣшительнаго усиленія московскаго государства мы видимъ книжную нашу словесность подъ исключительнымъ, можно сказать, вліяніемъ византійскимъ.

Періодъ этотъ естественнымъ образомъ распадается на два отдѣла: до Монголовъ и послѣ Монголовъ. Въ первомъ — не смотря на значительный разрывъ между книжною и устною словестностью, все-таки подается еще надежда на ихъ сближеніе, и книжная словестность отличается нѣкоторымъ разнообразіемъ и значительнымъ богатствомъ. Во второмъ, вслѣдствіе задержаннаго умственнаго развитія, книжная словесность бѣднѣетъ, становится одностороннею, и разрывъ между нею и устною словесностью окончательно упрочивается. Въ періодъ возвышенія московскаго государства начинаютъ къ намъ проникать первые слабые проблески западнаго вліянія — частію черезъ Новгородъ, частію изъ Литвы. Въ XVII в. западное вліяніе рѣшительно усиливается, проникая къ намъ изъ южной Руси при посредствѣ кіевской академіи. Наконецъ въ XVIII в. оно окончательно торжествуетъ вслѣдствіе реформы Петра, и, съ одной стороны благотворно сказываясь усиленіемъ сатиризма (съ Кантеміра) и стремленіемъ къ самостоятельности въ наукѣ (съ Ломоносова), съ другой только поддерживаетъ совершенный схоластицизмъ во всѣхъ остальныхъ явленіяхъ литературы (первые проблески жизни сказываются развѣ въ лиризмѣ Державина). Наконецъ послѣдній періодъ, начинающійся (при Карамзинѣ) стремленіемъ къ общедоступности и сближенію со всею массою читающей публики, ознаменовывается, уже въ ближайшее къ намъ время, и попытками сблизиться съ общенародною жизнію. Вліяніе западной образованности въ концѣ концовъ приводитъ насъ и къ труднѣйшему изъ всѣхъ знаній, къ познанію самихъ себя. Мы начинаемъ наконецъ сознавать, что образованность и народное своеобразіе вовсе не исключаютъ другъ друга. Мы усматриваемъ уже, что ежели въ недѣлимомъ именно образованностью и развивается личность, то настоящая, основательная образованность не можетъ не содѣйствовать и развитію личности въ цѣломъ народѣ; народную же личность составляетъ, какъ извѣстно, его народность. При такой точкѣ зрѣнія не можетъ не получить особеннаго значенія и вопросъ о народности въ литературѣ. Уже не исключительно эстетическими, а жизненно-народными интересами обусловливается въ наше время ея достоинство. Становится первостепен-

нымъ дѣломъ узнать, какъ великъ тотъ кругъ, на который могло распространяться дѣйствіе того или другаго писателя. А съ тѣмъ вмѣстѣ становится необходимымъ опредѣлить взаимныя отношенія обще-народной мысли къ направленію умовъ въ образованномъ классѣ, другими словами — отношенія устно-народной словесности къ письменности. На эти-то отношенія имѣется въ виду обратить вниманіе въ настоящемъ трудѣ. Новостью задачи пусть будутъ хотя до нѣкоторой степени извинены его недостатки. Съ другой стороны, ежели неизбѣжнымъ образомъ, вслѣдствіе подобной новости дѣла, многое должно еще оставаться предположеніемъ, догадкою, то авторъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что свое «Историческое Обозрѣніе Русской Словесности» предназначаетъ онъ не прямо для учениковъ, (какъ христоматію), а для учителей, какъ посредниковъ между нимъ и учениками. Пусть учитель отбрасываетъ все то, что покажется ему недостаточно положительнымъ и доказаннымъ въ этой книгѣ. Авторъ будетъ чрезвычайно доволенъ, ежели, не вполнѣ удовлетворивъ своими рѣшеніями многихъ вопросовъ, онъ вызоветъ нашихъ преподавателей на самостоятельную работу надъ ними.

ВВЕДЕНІЕ.

Языкъ, словесность, литература.

Въ нашей старинной литературѣ вмѣсто слова **народъ** употребительно было слово **языкъ**, т. е. народъ и языкъ значили одно и то-же. И дѣйствительно, значеніе этихъ словъ тѣсно связываетъ ихъ между собою: всѣ люди, отъ природы говорящіе однимъ языкомъ, составляютъ одинъ народъ, какъ всѣ, одаренные вообще даромъ слова, составляютъ одинъ родъ человѣческій.

Безъ дара слова человѣкъ не былъ бы человѣкомъ. Главное въ человѣкѣ составляетъ то, что онъ есть существо по преимуществу **мыслящее**; а **мыслить безъ словъ нельзя**. Мы говоримъ не только тогда, когда слова наши звучатъ, обращаемыя къ другому лицу; мы внутренно говоримъ и тогда, когда думаемъ про себя. Каждая мысль есть уже неизбѣжно и сочетаніе словъ.

Хотя мыслить безъ словъ нельзя, хотя человѣкъ сталъ бы сочетать слова, т. е. говорить, и въ томъ случаѣ, если бы былъ совершено одинъ на свѣтѣ, однако же говорить въ **полномъ смыслѣ** этого слова значить — **сообщать слова**, т. е. **мысли**, **другому**. Такимъ образомъ даръ слова служитъ человѣку связью съ другими людьми. Благодаря ему, становится возможнымъ обмѣнъ мыслей между людьми, и люди сознаютъ, что находятся между собою въ духовномъ родствѣ.

Но люди, живя въ различныхъ странахъ и въ особыхъ климатахъ, а потому и испытывая особыя впечатлѣнія, стали выражать мысль свою, т. е. облекать ее въ слово, говорить, болѣе или менѣе различно, въ каждой странѣ — по своему. Тотъ особый способъ образованія и сочетанія словъ, какой сталъ употребляться населеніемъ той или другой мѣстности, составилъ его языкъ. Въ языкѣ выразилась вся особенность мысли народа, все, что стало его отличать отъ людей другихъ мѣстностей, что сдѣлало его между ними какъ бы особымъ лицомъ — народомъ. Какъ вообще человѣкъ безъ свойственнаго ему дара слова еще недостаточно бы отличался отъ прочихъ животныхъ, такъ безъ свойственнаго ему одному языка народъ не отличался бы отъ другихъ народовъ. Пока народъ сохраняетъ языкъ свой, онъ еще продолжаетъ жить своею особою жизнью, хотя бы его покорилъ другой народъ, Но если народу побѣдителю удастся отучить его отъ употребленія роднаго его языка, онъ долженъ будетъ окончательно умереть какъ народъ. Народъ и языкъ нераздѣльны [1]).

Когда, въ незапамятныя времена, отдаленнѣйшіе наши предки, вмѣстѣ съ предками другихъ европейскихъ народовъ, жили еще въ одной мѣстности, въ средней Азіи, то говорили однимъ языкомъ (нѣкоторыя черты котораго сохранилъ древній письменный языкъ Индійцевъ—санскритскій) и составляли одинъ народъ. Впослѣдствіи же, когда часть этого народа-праотца осталась въ Азіи, гдѣ заняла преимущественно Индію, часть вышла въ Европу и разсѣялась по всему пространству этой части свѣта (почему всѣ вообще народы, происшедшіе отъ этого народа-праотца, называются индо-европейскими), то разсѣявшіеся — въ каждой мѣстности стали говорить особымъ языкомъ, т. е. распались на нѣсколько особыхъ народовъ. Тѣ, которые поселились въ мѣстности, прилежащей среднему и нижнему теченію Дуная, стали говорить языкомъ славянскимъ и составили народъ славянскій. Но и этотъ народъ впослѣдствіи разошелся по разнымъ мѣстностямъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій сталъ говорить хотя и сходными между собою, но все-таки разными языками, а потому и распался на разные, хотя и родственные народы. Тѣ изъ Славянъ, которые поселились на родной намъ равнинѣ восточной Европы, стали говорить языкомъ русскимъ, т. е. составили народъ русскій. Но обширна страна, занятая народомъ русскимъ, много въ ней разныхъ мѣстностей, а по различію мѣстностей появились и различія въ языкѣ, которымъ говорили Русскіе той или другой мѣстности. Впрочемъ эти различія не были уже особенно рѣзки, а потому русскій языкъ и распался не на особые языки, а только на особые виды одного и того же языка, или, какъ называютъ, нарѣчія. Ихъ у насъ три: великорусское, бѣ-

---

[1]) Ср. J. Grimm. Gesch. d. Deutsch. Sprache, I. B, v.

лорусское и малорусское [1]. Каждое изъ этихъ нарѣчій въ свою очередь распалось на еще менѣе розняшіеся, но все-таки розняшіеся между собою виды нарѣчій или говоры. Люди, соединенные между собою однимъ и тѣмъ же говоромъ, еще не составляютъ народа, еще не составляютъ его и люди, соединенные между собою особымъ нарѣчіемъ. Если бы эти послѣдніе съ теченіемъ времени составили особый народъ, то въ то же самое время и ихъ нарѣчіе составило бы особый языкъ, и на оборотъ: если какое-нибудь нарѣчіе возвысится на степень языка, то нѣтъ сомнѣнія, что и люди, имъ говорящіе, обособятся въ отдѣльный народъ. Стало-быть опять только люди, рѣзко отличающіеся отъ другихъ своимъ языкомъ, составляютъ особый народъ, т. е. такое собраніе людей, которое имѣетъ рѣзко-опредѣлившійся и не-даромъ принадлежащій ему характеръ. Только народы или, какъ совершенно вѣрно выражались у насъ въ старину, языки, въ состояніи не просто жить, но жить, совершая дѣла замѣтныя и остающіяся, дѣла, которыя, становясь все болѣе и болѣе разнообразными, показываютъ, что народы измѣняются и совершенствуются, а вмѣстѣ съ ними измѣняется и совершенствуется и весь человѣческій родъ. А такъ какъ рядъ измѣненій и усовершенствованій составляетъ исторію, то только народы или языки могутъ имѣть исторію. Говоры и нарѣчія, т. е. люди, употребляющіе ихъ, особой исторіи не имѣютъ, и жизнь ихъ принадлежитъ только къ общей исторіи ихъ народа [2]. Но если, не имѣя особаго языка, нельзя имѣть особой исторіи, то только имѣть языкъ еще не значитъ имѣть исторію. Нѣтъ народа безъ особаго языка; но есть народы, не имѣющіе исторіи, или народы неисторическіе. Народъ имѣющій исторію, т. е. народъ историческій, не только имѣетъ языкъ, но и умѣетъ сдѣлать изъ него самое полное, многостороннее и высокое употребленіе, умѣетъ сдѣлать изъ него то употребленіе, которое производитъ сперва словесность, а потомъ и литературу. Чѣмъ выше стоитъ народъ въ исторіи человѣчества, тѣмъ замѣчательнѣе и его литература. И на оборотъ: если литература народа еще бѣдна, то онъ мало еще сдѣлалъ для исторіи; чѣмъ болѣе богатѣетъ литература, тѣмъ многозначительнѣе для человѣчества становится жизнь народа. Литература есть важное мѣрило достоинства и историческаго значенія народовъ.

Но что же такое она, эта великая сила — литература? Есть народы, не имѣющіе литературы, хотя, разумѣется, имѣютъ языкъ; есть также

---

[1]) Кромѣ вліянія самой мѣстности, на обособленіе нарѣчій имѣетъ вліяніе также и сосѣдній съ тою или другою мѣстностью языкъ; такъ на малорусское и бѣлорусское нарѣчія имѣлъ вліяніе языкъ польскій.

[2]) Есть нарѣчія, которыя очень близки къ тому, чтобы быть признанными за особый языкъ, наприм. нарѣчіе малорусское. Вмѣстѣ съ тѣмъ Малоруссы имѣютъ, можно сказать, свою исторію, хотя она и находится въ тѣсной связи съ общей исторіей русской.

народы или языки, не имѣющіе письменности. Но изъ этого еще никакъ нельзя заключить, чтобы имѣть литературу значило имѣть письменность. Правда, безъ письменности невозможна литература; литературу тѣмъ и слѣдуетъ отличить отъ словесности, что она есть словесность письменная. Тѣмъ не менѣе многое можетъ относиться къ письменности, нимало не относясь къ литературѣ. Надо, стало быть, умѣть различать языкъ, письменность, словесность и литературу. При помощи письменности языкъ, по природѣ своей только ощутимый для слуха, становится еще видимымъ глазу; при помощи ея, произведенія языка не только удерживаются памятью, всегда болѣе или менѣе ихъ измѣняющею, но и самымъ прочнымъ образомъ сохраняются неприкосновенными въ видимыхъ знакахъ или письменахъ. Словесность — это особенное употребленіе языка, употребленіе его не для простыхъ, обыденныхъ, но для высшихъ цѣлей, хотя еще безъ помощи письменности. Литература, это та-же словесность, но при помощи письменности, а потому и обладающая бóльшими и прочнѣйшими средствами [1]).

И такъ письменность только служитъ средствомъ для литературы, но не есть еще сама литература. Съ другой стороны литература отличается отъ словесности только этимъ лишнимъ средствомъ — письменностью. Общаго съ словесностью у нея то, что и та, и другая составляютъ высшее употребленіе языка.

Но что же это за высшее употребленіе? Языкъ, какъ было уже сказано, служитъ во-первыхъ выраженіемъ мысли вообще, во-вторыхъ выраженіемъ мысли, сообщаемой другому, т. е. связью между людьми. Какъ говоря сами съ собою или, лучше сказать, сами въ себѣ, такъ и говоря съ другими, мы обращаемъ иногда нашу мысль только на предметы необходимые для нашего существованія или нашихъ матеріальныхъ удобствъ и пріятностей, на предметы насущные, будничные, житейскіе Это низменное, хотя и необходимое употребленіе мысли, а стало быть и языка, можетъ, для бóльшаго удобства, соединяться даже и съ письменностью— въ какихъ-нибудь счетахъ, перечняхъ, дѣловыхъ спискахъ и актахъ, скрѣпляющихъ разныя сдѣлки, въ мѣсяцесловахъ, поваренныхъ книгахъ, и т. п. Все это не можетъ быть выражено безъ помощи письменнаго слова, и между тѣмъ все это не относится къ литературѣ. Но вотъ мысль человѣческая поднимается нѣсколько выше: человѣкъ заботится не только о своемъ существованіи, о своихъ матеріальныхъ удобствахъ, онъ старается также оградить себя отъ всякой обиды, упрочить и обезопасить свое положеніе законами. Эти законы сперва существуютъ въ видѣ уст-

[1]) Я считаю возможнымъ такимъ образомъ разграничить значеніе словъ словесность и литература. Самое происхожденіе послѣдняго отъ латинскаго litterae (въ первоначальномъ значеніи)—письмена указываетъ на то, что литература есть словесность собственно письменная.

ныхъ изреченій, сохраняемыхъ памятью; потомъ, уже съ первыми успѣхами умственнаго развитія, они записываются, и изъ нихъ мало по малу составляются цѣлые своды, которые могутъ разростаться въ большое количество книгъ, и между тѣмъ всѣ эти книги — все-таки не литература. Дѣло въ томъ, что всѣ эти своды законовъ, всякого рода акты и постановленія, словомъ, вся эта дѣловая письменность, все-таки удовлетворяетъ еще только чисто-насущной потребности, клонится только къ окончательному упроченію спокойствія и безопасности. Мысль человѣческая умѣетъ подняться выше; она работаетъ не только надъ тѣмъ, изъ чего можетъ немедленно извлечь пользу, она способна подниматься и къ такимъ предметамъ, отъ которыхъ человѣку не сдѣлается вдругъ ни теплѣе, ни удобнѣе, ни безопаснѣе, отъ которыхъ не прибудетъ у него денегъ въ карманѣ и не умножатся его матеріальныя наслажденія. Мысль человѣческая стремится не только къ тому, чтоби умѣть сдѣлать практическое употребленіе изъ предмета, но и къ тому, чтобы просто узнать его, какъ онъ есть, и почему въ немъ то или другое такъ, а не иначе. Уже у ребенка, едва начинаютъ раскрываться его умственныя способности, пытливость на каждомъ шагу сказывается вопросомъ—не только: для чего это? но и—что̀ это и отчего это? И въ этомъ пытливомъ вопросѣ ребенка уже сказывается жажда знанія — ради самаго знанія, безъ всякой дальнѣйшей цѣли; въ немъ уже сказывается стремленіе — составить себѣ о всѣхъ вообще явленіяхъ и предметахъ міра совершенно вѣрное, настоящее, т. е. истинное понятіе, или, что̀ то-же, въ немъ уже сказывается стремленіе къ истинѣ. Пробуждаясь уже въ ребенкѣ, это стремленіе усиливается съ возрастомъ, если только не подавятъ его неблагопріятныя обстоятельства. Точно также пробуждается и усиливается стремленіе къ истинному и въ цѣлыхъ народахъ; и вотъ, становясь орудіемъ удовлетворенія этому стремленію, языкъ выполняетъ уже особое высшее, не только будничное, не только насущное, назначеніе, и такимъ образомъ вступаетъ уже въ кругъ словесности. И такъ къ этому кругу можно будетъ отнести все то, что̀ выражается языкомъ для удовлетворенія — не насущнымъ, житейскимъ нуждамъ, а чистому, безкорыстному стремленію къ истинѣ.

Кромѣ этого возвышеннаго стремленія, рано пробуждается и другое, столько же безкорыстное. Человѣкъ, стремясь составить себѣ настоящія, истинныя понятія объ всемъ существующемъ, не удовлетворяется тѣмъ, что эти понятія располагаются въ извѣстномъ порядкѣ въ умѣ, онъ стремится представить себѣ явленія и предметы совершенно живо, онъ стремится возобновить, воссоздать ихъ въ воображеніи. При помощи воображенія, изъ понятій, доступныхъ только уму, составляются образы, доступные чувствамъ; и если эти понятія истинны, то эти образы будутъ прекрасны. Мысль не удовлетворяется наконецъ и та-

живыми образами, т. е. совершенно живымъ возсозданіемъ того, что̀ дѣйствительно существуетъ; ей недостаточно, ей мало дѣйствительно существующаго, она старается дополнить дѣйствительный міръ своими собственными созданіями. Только дополненный ими, міръ представляется ей вполнѣ прекраснымъ, вполнѣ удовлетворяющимъ тому стремленію къ прекрасному, которое, на ряду съ стремленіемъ къ истинному, составляетъ жизнь человѣческой мысли или идеи. Міръ, создаваемый идеею, это міръ идеальный, міръ идеаловъ; дѣйствительно существующее, это, какъ выражаются обыкновенно, дѣйствительность. Уже ребенокъ не удовлетворяется дѣйствительностью; смутное, неясное стремленію къ идеальному заставляетъ уже и его съ наслажденіемъ слушать вымыслы. То-же бываетъ съ народами уже съ самаго ихъ младенчества. Но такъ какъ это младенчество не можетъ быть принимаемо въ буквальномъ смыслѣ, то уже во время его народные вымыслы способны проникаться глубокимъ смысломъ и служить настоящимъ дополненіемъ къ дѣйствительности. Вотъ и являются сказанія о существахъ, вполнѣ удовлетворяющихъ тому, что̀ въ идеѣ этихъ народовъ составляетъ человѣческое совершенство. Въ этихъ идеальныхъ сказаніяхъ, удовлетворяющихъ такимъ образомъ другому высокому стремленію человѣка — стремленію къ совершеннѣйшей красотѣ, къ идеалу — языкъ получаетъ опять высшее употребленіе, а потому эти сказанія и относятся опять къ кругу словесности. И такъ, чтобы свести въ одно оба вывода, къ словесности относится все то, что̀ выражается языкомъ для удовлетворенія высшимъ стремленіямъ человѣка: 1) стремленію къ истинному, 2) стремленію къ прекрасному и къ идеалу.

Которое изъ двухъ стремленій пробуждается ранѣе? Едва ли оба они не пробуждаются одновременно; но легче достигаетъ удовлетворенія, а потому и ранѣе крѣпнетъ и развивается стремленіе къ прекрасному. Дѣло въ томъ, что способность, служащая этому стремленію, есть воображеніе (и высшая степень его — фантазія); а оно развивается ранѣе и легче, чѣмъ умъ, служащій стремленію къ истинному. Но творческое воображеніе человѣка образуетъ себѣ прекрасныя формы не только изъ человѣческаго слова, — пользуясь для этого имъ, оно называется поэзіей; но оно умѣетъ употреблять для этого и другое, менѣе тонкое вещество: употребляя волнообразныя струи воздуха, образующія музыкальные звуки, оно становится музыкой; употребляя измѣненія человѣческаго лица и движенія человѣческаго тѣла, оно становится мимикой и орхестикой; употребляя дерево, камень и другого рода твердое вещество, — то получающее, посредствомъ рѣзца, округлость и выпуклость формъ дѣйствительно существующихъ, хотя и идеализированныхъ, то получающее отъ человѣка совершенно новыя формы — для зданій, которыхъ назначеніе быть не только полезными, но и прекрасными, — творческое воображеніе

становится ваяніемъ (скульптурой) и зодчествомъ (архитектурой); наконецъ, употребляя рисунокъ и краски, расположеніемъ и сочетаніемъ производящіе округлость и какъ бы выпуклость въ плоскомъ пространствѣ, творчество становится живописью. А всѣ эти виды творчества человѣческаго, взятые вмѣстѣ: поэзія, музыка, мимика, орхестика, ваяніе, зодчество, живопись, — все это образуетъ тотъ особый, въ дополненіе къ міру дѣйствительному, человѣкомъ создаваемый, идеальный міръ, который называютъ искусствомъ или художествомъ. И такъ поэзія. т. е. творчество въ области слова или языка, составляетъ только одинъ изъ способовъ удовлетворенія жаждѣ прекраснаго; но способъ этотъ употребляется ранѣе всѣхъ другихъ, и это совершенно понятно: тутъ человѣкъ находитъ вещество для творчества въ самомъ себѣ, въ той тонкой вещественной оболочкѣ, безъ которой не могла бы проявиться мысль его, въ словѣ. Но также очень рано, на помощь этому первому изъ искусствъ приходитъ другое: слово не только произносится, но и мѣрно, музыкально звучитъ въ тѣхъ гармоническихъ сочетаніяхъ, которыя образуютъ размѣръ и стихи. Первобытныя поэтическія произведенія народовъ—всегда въ стихахъ, и стихи эти всегда непремѣнно поются. Въ нихъ такимъ образомъ слово человѣческое становится не только поэзіей, но и музыкой. На помощь этой первоначальной, такъ сказать, голосовой, человѣческой музыкѣ, также очень рано приходитъ музыка инструментальная; въ самыя отдаленныя времена пѣсни уже не только поются, но и сопровождаются игрою на какомъ-нибудь, конечно очень простомъ, инструментѣ. Наконецъ, также въ отдаленныя времена, на помощь всѣмъ этимъ первоначальнымъ способамъ достиженія прекраснаго, приходятъ искусства, находящія для себя вещество опять въ самомъ человѣкѣ, но уже не въ его тонкомъ, почти невещественномъ словѣ, а въ движеніяхъ его тѣла: пѣсни начинаетъ сопровождать мимика, и едва ли не ранѣе мимики — пляска (орхестика) *). Вотъ эти-то искусства возникаютъ уже съ незапамятныхъ временъ почти нераздѣльно съ поэзіей, и ихъ, хотя въ слабой степени, мы находимъ у самыхъ грубыхъ, самыхъ, повидимому, матеріальныхъ народовъ. — Остальныя искусства — ваяніе, зодчество (не какъ простая постройка какихъ-бы то ни было обиталищъ для человѣка, а какъ сооруженіе прекрасныхъ архитектурныхъ памятниковъ) и живопись, возникаютъ, или по крайней мѣрѣ развиваются только у такихъ народовъ, которые способны подвигаться впередъ, т. е. сдѣлаться историческими.

Нераздѣльно съ искусствомъ слова или поэзіей такимъ образомъ возникаютъ въ первоначальныя времена и другія поименованныя искусства, всѣ въ своей совокупности удовлетворяющія пробудившемуся, еще младенче-

*) Примѣромъ всего этого могутъ служить наши хороводы.

скому стремленію къ прекрасному; но съ этимъ стремленіемъ еще нераздѣльно сливается въ первобытныя времена и стремленіе къ истинному. Оно выражается первоначально не столько желаніемъ въ точности получить понятіе о настоящемъ составѣ и значеніи явленій, сколько желаніемъ сразу узнать ихъ причину; не тою постепенностью терпѣливыхъ изслѣдованій, которыя могутъ наконецъ дать отвѣтъ: на вопросъ «что̀ это?» а нетерпѣливымъ любопытствомъ поскорѣе узнать — отчего это? И отвѣтъ на этотъ заманчивый и по настоящему самый трудный, отдаленнѣйшій изъ вопросовъ, дается легко: это потому, что онъ дается тутъ не умомъ, а фантазіей, т. е. высшею степенью воображенія. Тутъ этотъ отвѣтъ не берется, такъ сказать, съ бою, продолжительною, упорною работою ума надъ явленіями жизни, надъ опытомъ, а создается такъ же легко, какъ и поэтическіе образы. Тутъ этотъ отвѣтъ и есть не что̀ иное, какъ поэтическій образъ: желая рѣшить, отчего то, или другое явленіе, воображеніе усматриваетъ въ нихъ дѣйствія особыхъ живыхъ существъ, и совершенно удовлетворяется тѣмъ, что считаетъ ихъ виновниками этихъ явленій. Эти особыя существа, эти различные образы, созданные воображеніемъ, и ихъ сочетанія составляютъ такъ называемые миѳы, а изъ нихъ составляется миѳологія того или другого народа. Какъ созданіе творческаго воображенія, она своими образами удовлетворяетъ чувству прекраснаго; какъ отвѣтъ, хотя и ребячески простодушный, на вопросы ума, она удовлетворяетъ и чувству истины. Въ первобытныя времена это чувство не находитъ лучшаго удовлетворенія, какъ именно въ миѳологіи, т. е. въ первобытныя времена это чувство не существуетъ отдѣльно отъ чувства прекраснаго, потому что умъ не обходится безъ помощи воображенія. Миѳы — эта простодушно-фантастическая попытка отвѣтовъ на умственные вопросы, существуютъ у всякихъ, даже у самыхъ грубыхъ народовъ, подобно тому какъ не существуетъ народа, не имѣющаго пѣсенъ. У народовъ болѣе развитыхъ, способныхъ сдѣлаться историческими, миѳы, кромѣ поэзіи, соединяются также съ ваяніемъ: первоначальныя скульптурныя произведенія изображали предметы миѳологическіе, т. е. и это искусство первоначально служило не только чувству прекраснаго, но въ извѣстномъ смыслѣ и чувству истиннаго. Однако жъ потребность истины сказывалась не только желаніемъ знать, отчего произошли тѣ или другія явленія, но и желаніемъ человѣка въ точности знать, что̀ именно происходило вокругъ него, и сохранять это знаніе памятью, передавать его изъ рода въ родъ. Но и тутъ сейчасъ же примѣшивалась фантазія. Разсказъ о дѣйствительныхъ происшествіяхъ немедлено дополнялся вымысломъ, исторія становилась поэзіей, подобно тому какъ поэзіей была миѳологія. Впрочемъ уже и въ первоначальныя времена чувству истиннаго удовлетворяла не только одна фантазія: начиналъ уже отчасти работать

и умъ; начиналъ онъ внимательно наблюдать за происшествіями человѣческой жизни и дѣлать изъ нихъ различныя заключенія, которыя, какъ практическія правила народной мудрости, сохранялись въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ и дошли до насъ въ видѣ пословицъ. Но и онѣ, эти древнія изреченія ощутившаго наконецъ свои силы и выходящаго на настоящую дорогу ума, и онѣ дошли до насъ въ видѣ остатковъ, только съ теченіемъ времени оторвавшихся отъ того цѣлаго, съ которымъ были первоначально связаны, — или же сократившихся изъ него; а это цѣлое — были тѣ же поэтическія преданія, которыя заключали въ себѣ и миѳологію, и исторію, и еще нераздѣльные съ ними проблески народной мудрости [1]).

И такъ уже у самыхъ первобытныхъ народовъ существуютъ оба высшія стремленія человѣка, а потому и обѣ отрасли словесности: и поэзія, по преимуществу удовлетворяющая стремленію къ прекрасному, и та отрасль, которая по преимуществу удовлетворяетъ стремленію къ истинному и обыкновенно называется прозою. Но обѣ эти отрасли существуютъ еще въ состояніи смѣшанномъ, обѣ въ формѣ не только стиховъ, но и пѣсни, наконецъ при помощи музыки. Однимъ словомъ, зародыши прозы, т. е. слова умственнаго, существуютъ въ смѣшеніи не только со словомъ художественнымъ, т. е. поэзіей, но и съ другимъ, даже не вполнѣ словеснымъ искусствомъ. Наконецъ все это смѣшивается по временамъ съ искусствами уже рѣшительно не словесными — мимикой и орхестикой, между тѣмъ какъ прочихъ искусствъ: ваянія, зодчества, живописи — еще не существуетъ. Такое хаотическое смѣшеніе тѣхъ искусствъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ народъ, и смѣшеніе съ ними даже словесности прозаической, замѣтно у всѣхъ народовъ въ первобытномъ ихъ состояніи. У народа, способнаго двинуться далѣе этого состоянія, съ одной стороны начинаютъ возникать тѣ искусства, которыми обдѣлены народы неисторическіе, съ другой — изъ прежняго, хаотическаго смѣшенія каждое изъ остальныхъ выдѣляется порознь, и отъ искусства слова или поэзіи отдѣляется слово умственное или проза, т. е. стремленіе къ прекрасному и стремленіе къ истинному начинаютъ итти каждое своимъ отдѣльнымъ путемъ, не смѣшиваясь, а только соприкасаясь въ томъ, что у нихъ есть общаго.

Когда происходитъ такое обособленіе, умъ уже не требуетъ помощи фантазіи; онъ самъ своими силами собираетъ точныя и вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣйствительно существуетъ, самъ начинаетъ мало по малу доискиваться и до причинъ всего существующаго. Всѣ эти пріобрѣтенія ума — составляютъ непреложныя истины, и потому должны быть сбере-

---

[1]) Буслаева Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, Т. I, стр. 111—136.

жены въ точной, опредѣленной, неизмѣнной формѣ, а для этого уже недостаточно одного устнаго слова. Для передачи изъ рода въ родъ созданій фантазіи устное слово еще достаточно; эти созданія болѣе или менѣе вымышленныя, т. е. болѣе или менѣе произвольныя, а потому ихъ и можно болѣе или менѣе измѣнять, и они мало терпятъ отъ тѣхъ измѣненій, которымъ подвержено устное слово. Для точнаго охраненія пріобрѣтеній и заключеній ума необходимо то, что̀ даетъ слову, такъ сказать, застыть, принять неизмѣнную форму, — необходима *письменность*. Сама по себѣ не придающая еще языку его высшаго значенія, потому что она можетъ служить и просто насущнымъ потребностямъ человѣка, письменность становится въ высшей степени важною, какъ единственное средство обособленія и самостоятельнаго развитія словесности по преимуществу умственной или прозаической. Только при помощи письменности, съ точностію сберегаемыя пріобрѣтенія ума могутъ постоянно, почти до безконечности пополняться, могутъ быть распредѣляемы по предметамъ, и по каждому предмету можетъ образоваться то стройное, въ порядокъ приведенное соединеніе знаній, которое называютъ *наукой*. Наука составляетъ высшую степень, достигаемую словесностью прозаическою, хотя съ другой стороны она можетъ также и выходить изъ ряда произведеній словесности. Изъ ряда ихъ выходятъ тѣ науки, которыя имѣютъ прямое житейское примѣненіе къ насущнымъ потребностямъ человѣка, напримѣръ *грамматика* въ ея обыденномъ и не строго научномъ смыслѣ, какъ сводъ правилъ для того, чтобы безошибочно говорить и писать; напримѣръ *садоводство*, какъ сводъ правилъ для ухода за растеніями, и т. п. Наконецъ изъ круга словесности рѣшительно должны быть исключены тѣ науки, въ которыхъ слово человѣческое играетъ второстепенную роль, а главную — особенный способъ выраженія мысли, способъ *численныхъ выкладокъ* или *чертежныхъ фигуръ*; это науки въ строгомъ смыслѣ *математическія*. За то тѣ, въ которыхъ на первомъ планѣ не самыя выкладки и математическія фигуры, а только выводы изъ тѣхъ и другихъ, нужные для объясненія живыхъ явленій, — какъ напримѣръ *физика* и *астрономія*, — опять могутъ быть отнесены къ кругу словесности [1]).

---

[1]) Выше было сказано, что собранія законоположеній, удовлетворяющія только насущной потребности спокойствія и безопасности, не относятся къ литературѣ. Но человѣкъ можетъ обращаться къ тому или другому законоположенію не только для того, чтобы *справиться*, какимъ образомъ рѣшается то, или другое важное для него *дѣло*, а также и для того, чтобы *изучить* различныя законоположенія въ томъ, что̀ у нихъ есть общаго, и сдѣлать изъ этого выводъ объ основныхъ началахъ того или другаго законодательства. Такимъ образомъ законоположенія сдѣлаются *матеріаломъ* особой *науки*, которая, такъ какъ законы должны удовлетворять потребности оградить, обезпечить *права* человѣка, называется *наукою правъ* или *наукою права*. Эта наука, удовлетворяя потребности — не только *воспользоваться* въ томъ или въ дру-

И тѣмъ болѣе у народа самостоятельныхъ сочиненій по той или по другой наукѣ, тѣмъ богаче его прозаическая словесность и тѣмъ выше въ историческомъ смыслѣ стоитъ народъ.

Письменность, безъ которой въ особенномъ смыслѣ невозможна прозаическая словесность, необходима и для дальнѣйшаго хода, для дальнѣйшихъ успѣховъ словесности поэтической. Безъ нея и поэзія остается въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ въ состояніи неподвижномъ, какъ бы стоячемъ. Оно съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, потому что именно устныя поэтическія произведенія и не могутъ разъ навсегда окрѣпнуть, застыть въ одной постоянной формѣ, потому что именно онѣ, переходя постоянно изъ устъ въ уста, и измѣняются постоянно, безостановочно. Да, но всѣ эти измѣненія такъ незначительны, такъ мало удаляются отъ основнаго, неизмѣннаго содержанія! Народная пѣсня первоначально слагается, конечно, какимъ-нибудь однимъ пѣвцомъ; но имя его не сохраняется, — почему? Потому, что немедленно переходя въ уста другихъ пѣвцовъ, она повторяется ими, какъ ихъ собственное произведеніе; каждый изъ нихъ что-нибудь въ ней измѣнитъ по своему, но эти измѣненія совершенно незначительны въ сравненіи съ тѣмъ, что въ устахъ цѣлаго множества пѣвцовъ и въ продолженія цѣлаго множества лѣтъ поется по общему. Дѣло въ томъ, что въ первобытныя времена чувства и мысли народа сливаются въ одни и тѣ же общіе и въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ неизмѣнные тоны. Одни и тѣже поэтическія преданія, удовлетворяя въ одно и то же время и уму, и воображенію народа, передаются только съ частными измѣненіями, вполнѣ сохраняя свой общій характеръ, изъ вѣка въ вѣкъ, и въ каждую пору жизни приходятся по сердцу каждому отдѣльному лицу въ народѣ. Дѣло въ томъ, что тутъ еще мало замѣтны особенности отдѣльныхъ лицъ, т. е. личности еще почти что не существуютъ, почти не не выдаются впередъ изъ общаго уровня; этотъ же общій уровень остается въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ почти неизмѣннымъ, почти неподвижнымъ. Народы неисторическіе и останавливаются на этой ступени неподвижности и несуществованія личности; и они, и эти народы, имѣютъ свою поэзію пѣсенную, но не идутъ далѣе этой устной поэзіи, вполнѣ удовлетворительной только въ пору или эпоху несуществованія личности. Еслибъ въ такую эпоху ка-

гомъ случаѣ тѣмъ или другимъ частнымъ правомъ, но просто знать вообще человѣческія права, чтобы чрезъ это вѣрнѣе узнать человѣческую природу, — эта наука, какъ всѣ не имѣющія исключительно прикладнаго значенія, относится, конечно, къ литературѣ. У всякаго народа есть хоть какія-нибудь законоположенія, хотя такія, которыя сохраняются только памятью, въ видѣ устныхъ изреченій, но только у народовъ, имѣющихъ литературу, т. е. у народовъ историческихъ, могутъ существовать самостоятельные труды по наукѣ законовъ или наукѣ права.

кимъ нибудь чудомъ явился пѣвецъ, котораго мысли и чувства многимъ бы отличались отъ всеобщихъ и вѣковыхъ чувствъ и мыслей народныхъ пѣсенъ, т. е. если бъ явилась самостоятельная, выдвинувшаяся изъ общаго уровня личность, то она возвѣстила бы наступленіе новой эпохи, и ея своеобразная, личная пѣсня не нашла бы себѣ пѣвцовъ-повторителей, а если бы какимъ нибудь образомъ и нашла, то эти повторители были бы исказители, т. е. стерли бы съ нея все, что въ ней есть собственно личнаго. Однимъ словомъ, съ пробужденіемъ въ народѣ ярко выдающихся личностей нуженъ уже новый способъ сохраненія ихъ произведеній, способъ сохраненія точнаго; а этотъ способъ именно и есть письменность [1]). Только благодаря письменности, пробудившаяся въ народѣ сильная личная мысль сберегается въ совершенной неприкосновенности. Вытекая же всетаки изъ народа, т. е. родственная ему, она можетъ своимъ вліяніемъ мало по малу вызывать изъ общей среды новыя самобытныя личности. И только возникновеньемъ подобныхъ личностей народъ можетъ наконецъ быть выдвинутъ изъ своей застоявшейся ровности; только при существованіи ихъ можетъ онъ зажить жизнію разнообразною и подвижною и начать историческое восхожденіе съ одной ступени на другую. И между тѣмъ, разнообразясь въ проявленіяхъ своей жизни и безостановочно движась впередъ, онъ не только не перестанетъ быть, но именно черезъ это и сдѣлается въ полномъ смыслѣ самимъ собою; чѣмъ болѣе возникнетъ въ народѣ отдѣльныхъ физіогномій, тѣмъ болѣе всѣми этими физіогноміями выяснится, опредѣлится и выступитъ весь наружу общій складъ народнаго духа или народный типъ. Именно въ эпоху первобытную, т. е. въ эпоху почти рѣшительнаго несуществованія личностей, народы своими нравами, своею духовною жизнью мало разнятся между собою; потому-то и первобытная пора ихъ устной словесности представляетъ, безъ всякаго умышленнаго заимствованія другъ у друга, несравненно болѣе сходствъ, чѣмъ особенностей. Позже и въ устной словесности, въ силу долгой работы по-немногу-проникающей и въ нее личной мысли, начинаютъ выражаться и особенности народныя. Но только въ литературѣ — конечно здоровой, самостоятельной — окончательно и вполнѣ можетъ выразиться личная физіогномія народа. Между тѣмъ въ этомъ проявленіи личности не только не исчезаютъ общія человѣческія основы, но напротивъ именно въ ней и достигаютъ онѣ своего настоящаго, окончательнаго развитія. Такъ точно типъ человѣческаго лица—своего высшаго и полнѣйшаго развитія достигаетъ именно въ тѣхъ людяхъ, которые имѣютъ характерную, рѣзко опредѣлившуюся физіогномію, а не въ тѣхъ, у которыхъ не замѣтно почти ничего, кромѣ

---

[1]) Высшую степень усовершенствованія письменности составляетъ книгопечатаніе.

общихъ составныхъ частей человѣческаго лица. Про лицо, въ которомъ есть только глаза, носъ, ротъ и т. д., и во всемъ этомъ ничего особеннаго, ничего такого, что бы принадлежало именно только одному этому лицу, такъ и хочется сказать: «какое пошлое, нечеловѣческое лицо!» Главное въ человѣческомъ типѣ именно и составляетъ способность — во всѣхъ человѣческихъ лицахъ сохраняя общія свои основанія, въ то же время становиться въ каждомъ изъ нихъ чѣмъ-то единственнымъ въ своемъ родѣ. Поэтому-то и то, что̀ выражаетъ собою всего полнѣе не физическій, а духовный типъ человѣческаго рода, — словесность, своего полнаго развитія достигаетъ и со всею ясностію выводитъ наружу всю глубину человѣческаго духа именно тогда, когда являются въ словесности произведенія отдѣльныхъ, рѣзко опредѣлившихся лицъ, т. е. личнаго творчества, изъ которыхъ каждое составляетъ нѣчто единственное въ своемъ родѣ.

Для этого же, какъ сказано, словесность должна сдѣлаться письменною, т. е. изъ словесности обратиться въ литературу. Она должна перейти въ эту дальнѣйшую ступень своего развитія и для того, чтобы, какъ было уже равнымъ образомъ сказано, не только могли въ ней выдѣлиться отдѣльныя личности, но и могли раздѣлиться и пойти особымъ путемъ оба высшія основныя стремленія каждаго человѣка — стремленіе къ истинному и стремленіе къ прекрасному. И такъ, съ возникновеніемъ личной мысли, соединяется явственное развѣтвленіе поэзіи и прозы; и то и другое вмѣстѣ обозначаетъ эпоху перехода отъ словесности къ литературѣ, эпоху, въ которую вступаютъ только историческіе народы.

Такимъ образомъ слово **словесность** шире: оно обнимаетъ собою всѣ произведенія народной мысли — и устную словесность, и литературу, Слово **литература** тѣснѣе; оно выражаетъ только извѣстную, но за то высшую сторону проявленія народной мысли. Это слово тѣснѣе, исключительнѣе, но потому-то и относится оно далеко не ко всѣмъ народамъ. Всѣ народы имѣютъ словесность; только у народовъ историческихъ она возвышается на степень литературы.

Послѣ всего сказаннаго должно быть ясно, какимъ образомъ это происходитъ. Изъ словесности мало по малу имѣетъ возникнуть литература; второй предстоитъ воспринять въ себя, такъ сказать, отъ первой жизненные соки, и только своеобразно ихъ переработать: только въ такомъ случаѣ она будетъ литературою, родившеюся изъ народа, только въ такомъ случаѣ будетъ она **духомъ отъ его духа**; въ противномъ случаѣ она будетъ не рождена, а **сдѣлана**, отъ нея будетъ вѣять холодомъ, она также мало будетъ походить на жизнь, какъ какая-нибудь маска — на живое человѣческое лицо, какъ искусственные цвѣты на настоящіе. Бываютъ такія **дѣланныя** литературы, только онѣ остаются безплодными, почти **нулями** въ исторіи человѣческаго развитія. Но подобная

сдѣланность литературы по большей части бываетъ лишь временною, хотя иногда и продолжительною болѣзнью. Къ счастью, она можетъ заразить только нѣкоторые слои общества, вслѣдствіе этого, между прочимъ, считающіе себя высшими. Такая дѣланная литература бываетъ плодомъ того рабскаго подражанія другимъ народамъ, какимъ можетъ, вслѣдствіе особыхъ причинъ, почти до помѣшательства увлечься извѣстная частичка народа. Въ чаду подобнаго помѣшательства, этой частичкѣ можетъ захотѣться съ разу и цѣликомъ перенести къ себѣ рѣшительно все, что̀ видитъ она у другихъ, и перенести совершенно въ томъ видѣ, какъ оно тамъ. Люди, принадлежащіе къ этой частичкѣ, не справляются даже съ своими силами и способностями; каждый берется за все, чтобы съ разу надѣлить отечественную литературу произведеніями во всѣхъ родахъ, существующихъ у иностранцевъ. Имъ и въ голову не приходитъ, что такимъ образомъ эта отечественная литература будетъ только ихъ литература; они въ своей простодушной гордости воображаютъ, что отечество — это они, ихъ маленькій, оторвавшійся отъ народа слой. Они не понимаютъ, что такая литература, которая не стремится постепенно проникать въ массы, не стремится отвѣчать ихъ потребностямъ, ихъ стремленіямъ, не умѣетъ составить изъ себя только высшую переработку, высшую степень развитія того, что̀, какъ въ зародышѣ, заключалось уже въ общей народной словесности, что такая литература не удовлетворяетъ своему назначенію: сдѣлаться такого рода высшимъ употребленіемъ языка, которое могло бы, подобно самому языку, принадлежать не только немногимъ, но и всему народу.

Изъ всего сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ, чтобы народу не надо было знакомиться съ жизнью и съ литературой другихъ народовъ. Напротивъ, это столько же необходимо для полноты его умственнаго развитія, сколько каждому изъ насъ необходимы умственныя сношенія съ другими людьми. Но вѣдь каждый изъ насъ, когда заимствуетъ, хотя бы и въ юношескомъ возрастѣ, что-нибудь у другихъ, и хотя бы притомъ у людей болѣе опытныхъ, не обязанъ однако же, рабски копируя ихъ, перестать быть самимъ собой. Какъ жалокъ тотъ ученикъ, который только буквально затверживаетъ то, что̀ слышалъ онъ отъ учителя, и не въ состояніи переваривать слышанное въ своемъ умѣ, чтобы такимъ образомъ питать, а не набивать только умъ, и со временемъ получить силу самостоятельно работать этимъ умомъ, — такъ-же точно жалокъ былъ бы и цѣлый народъ, если бъ сталъ только рабски, безъ всякаго участія собственнаго ума и собственнаго воображенія, повторять въ своей литературѣ то, что̀ встрѣчаетъ въ литературѣ хотя бы и опередившихъ его народовъ. Литературою въ настоящемъ смыслѣ можетъ быть только самостоятельная литература, какъ плодъ собственной, хотя и заимствующей у другихъ, но умѣющей все заимствованное перерабатывать

по своему, вполнѣ сознавшей себя мысли народа. Въ противномъ случаѣ литература будетъ только развитіемъ умѣнья писать, хотя бы и съ чужихъ словъ, хотя бы и держа предъ собою чужія тетради!

Теперь, кажется, достаточно разъяснились понятія о связи между народомъ, его языкомъ и высшими его проявленіями — словесностью и литературой. Послѣ этого можно уже обратиться къ историческому ходу русской словесности. Нашъ языкъ уже съ незапамятныхъ временъ достигъ высшаго своего употребленія въ богатой устно-народной словесности. Переходъ отъ нея къ литературѣ совершился у насъ не совсѣмъ нормальнымъ, а скорѣе искусственнымъ образомъ. У насъ на долгое время завелась сдѣланная, безжизненная литература. Но духовныя силы народа русскаго были только задержаны въ своемъ развитіи, но не уничтожены этою нравственною болѣзнью. Литература дѣланная уже отжила на Руси свой жалкій, мишурный вѣкъ. У насъ стало силы, чтобы начать вступленіе въ новую, изъ самой жизни рождающуюся литературу.

I. Устная словесность.

1. ОСТАТКИ МИѲИЧЕСКО-ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗІИ.

Устная словесность, которою не обдѣленъ рѣшительно ни одинъ народъ, у народовъ, отличающихся своей развитостію, вполнѣ историческихъ, является важною по тому, что въ ней замѣчаются корни всего ихъ дальнѣйшаго нравственнаго развитія. Уже до появленія первыхъ признаковъ письменности, устная словесность успѣваетъ прожить не одинъ весьма долгій періодъ. Но какъ же такъ, какіе же могутъ существовать періоды въ устной словесности—когда выше было говорено о той ея неподвижности, которая вытекаетъ изъ господствующаго въ умственной жизни народа общаго уровня? — Но вѣдь неподвижность есть понятіе относительное. Полной, рѣшительной неподвижности въ жизни нѣтъ; не движется, т. е. другими словами, не переходитъ изъ состоянія въ состояніе, не измѣняется только то, что мертво. Устная поэзія неподвижна только въ сравненіи съ тою быстротою движенія, какою отличается вполнѣ развитая литература. Вслѣдствіе такой быстроты, идеи и идеалы, увлекавшіе одно поколѣніе, могутъ уже оставлять равнодушными людей поколѣнія слѣдующаго. При такой быстротѣ періоды такъ и смѣняютъ другъ друга; они срокомъ своимъ коротки, и въ тоже самое время обширны по содержанію. Напротивъ того, при той незначительной, едва и замѣтной степени подвижности, какая однако же ощущается и въ устной словесности, періоды длятся цѣлыми вѣками, и въ тоже самое время содержаніе ихъ весьма ограниченно. Тѣмъ не менѣе цѣлые періоды и сло-

весностью устною—не столько переживаются, сколько, такъ сказать, проживаются. Не говорю, чтобы они ею окончательно переживались—потому, что никакіе идеи и идеалы, когда либо въ ней появившіеся, народомъ окончательно не оставляются, не становятся совершенно отжившими. Самые первобытные ея идеи и идеалы—народу, до сихъ поръ не знакомому съ другою поэзіею, способны еще приходиться по сердцу на ряду съ идеалами и идеями, въ той же устной словесности появившимися позже. Другими словами: старое изъ устной словесности вполнѣ никогда не уходитъ, хотя это и не мѣшаетъ мало по малу входить въ нее новому.

При такой, такъ сказать, живучести старины въ народной словесности, въ ней до сихъ поръ уцѣлѣли остатки даже самой отдаленной поры—миѳической. Уцѣлѣвъ подъ позднѣйшею христіанскою оболочкой, они могутъ быть выдвинуты изъ подъ нея, соединены, сопоставлены, и изъ нихъ можетъ снова сложиться передъ нами нѣчто цѣлое. Оно тѣмъ скорѣе оказывается возможнымъ, чѣмъ болѣе собирается пѣсень изъ различныхъ краевъ Россіи. Что̀ не уцѣлѣло, или не вполнѣ уцѣлѣло въ одномъ краю, то можетъ, и нерѣдко оказывается уцѣлѣвшимъ въ другомъ. Хотя до сихъ поръ еще многія мѣстности обширной Россіи остаются неизслѣдованными относительно пѣсеннаго ихъ богатства, все таки собрано уже довольно много, чтобы стало возможнымъ посредствомъ сличенія добираться до отдаленнѣйшихъ и иногда даже совсѣмъ не отрывочныхъ остатковъ старины. Между пѣснями, записанными въ самыхъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго краяхъ, попадаются черты поразительно сходныя, и вотъ онѣ-то и носятъ по преимуществу характеръ еще миѳическій, сберегшійся удивительнымъ образомъ подъ всѣми разнообразными наслоенія позднѣйшаго времени. Вотъ между такими-то, почти повсемѣстно одинаково сохранившимися, чертами, и между отдѣльными, только тамъ или здѣсь сохранившимися, нерѣдко оказывается самая тѣсная связь. Такимъ образомъ какая нибудь отдѣльная, повидимому совершенно отрывочная и лишенная смысла черта получаетъ достаточно ясный смыслъ, оказываясь занимавшею извѣстное мѣсто въ цѣломъ.

Но не только между пѣснями, записываемыми въ разныхъ краяхъ Россіи, замѣчаются поразительныя черты основнаго сходства. Такое же сходство оказывается нерѣдко и между нашими русскими пѣснями съ пѣснями другихъ славянскихъ народовъ. Изъ внимательнаго сличенія между собою пѣсень славянскаго племени рѣшительно приходится вывести, что племя это когда-то имѣло общія поэтическія преданія, подобно тому какъ когда-то имѣло и одинъ общій языкъ. Вотъ остатками этой-то общей всѣмъ Славянамъ поэзіи и являются тѣ пѣсни, которыя и въ настоящее время оказываются сходными у всѣхъ Славянъ. А такими-то и оказываются пѣсни миѳическія—остатки древнѣйшей, также общей когда-то всему славянскому племени миѳологіи.

Но нѣкоторыя изъ этихъ миѳическихъ пѣсенъ оказываются общею принадлежностью даже и еще большаго круга людей, — а съ тѣмъ вмѣстѣ онѣ оказываются и остатками еще болѣе отдаленнаго времени. У нѣкоторыхъ изъ нихъ оказывается сходство даже съ кое-какими преданіями многихъ другихъ индоевропейскихъ народовъ, такъ что ихъ приходится считать остатками того наиболѣе отдаленнаго времени, когда еще не было отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ, а былъ только общій имъ всѣмъ народъ-праотецъ, имѣвшій еще одинъ языкъ, одни вѣрованія и наконецъ однѣ и тѣ-же пѣсни, посвященныя исключительно вѣрованіямъ.

И такъ, миѳическія пѣсни, и до сихъ поръ еще оказывающіяся сходными не только у различныхъ Славянъ, но и у различныхъ народовъ индоевропейскаго племени,—вотъ какая глубокая старина сохранилась, правда, подъ многообразнымъ наслоеніемъ позднѣйшихъ временъ, но все-таки болѣе или менѣе сохранилась въ народной поэзіи. Вотъ въ нихъ-то и настоящее начало словесности — у всѣхъ народовъ.

Выше уже было отчасти говорено о значеніи миѳовъ [1]), о томъ, что они были порожденіемъ той поры, когда на первые вопросы едва пробуждающейся въ умѣ пытливости отвѣчало еще исключительно воображеніе. Это, какъ выше уже показано, была пора еще слитнаго существованія и прозаическихъ и поэтическихъ стремленій, а равно и пора не обособившихся зачатковъ всѣхъ другихъ видовъ творчества, пора совмѣстнаго, нераздѣльнаго существованія всѣхъ искусствъ. Но ежели слово тогда еще исключительно было поэзіей, поэзія не только становилась непремѣнно и музыкой, т. е. непремѣнно пѣлась, но непремѣнно становилась и пластикой, т. е. разыгрывалась, такъ сказать, при помощи пояснительныхъ тѣлодвиженій, то при такомъ слитномъ, какъ бы хаотическомъ состояніи различныхъ родовъ искусства, въ столько же слитно-нераздѣльномъ состояніи находились еще и различные роды искусства слова, т. е. поэзіи. Тогда еще не было порознь — ни лирической пѣсни, ни эпоса, ни драмы. Поэзія, исключительно занятая поражающими явленіями еще не понятыхъ человѣкомъ могущественныхъ силъ природы, въ одно и тоже время была и лирическимъ обращеніемъ къ нимъ, и вдохновеннымъ повѣствованьемъ о нихъ, т. е. эпосомъ, и поочереднымъ соединеніемъ того и другаго въ одно совокупное цѣлое — въ чередованіе хоровъ, то взывающихъ къ божествамъ, то объ нихъ повѣствующихъ и при этомъ движущихся, дѣйствующихъ, — совершая

---

[1]) Миѳъ (μῦθος) собственно значитъ — слово, т. е. сказываемое, сказаніе; такое общее названіе получили сказанія о богахъ, какъ единственное содержаніе древнѣйшаго поэтическаго слова. (Ср. Макса Мюллера Чтенія по наукѣ о языкѣ, чтеніе 1-е).

обряды; — словомъ, тутъ были уже и зачатки драмы. Такимъ образомъ первою, по времени, формою народной поэзіи является пѣсня миѳическо-обрядовая. Только позже отдѣляется отъ обряда миѳическое повѣствованіе, и возникаютъ различные виды уже собственно эпоса [1]), — сказка, загадка (родъ сокращенія сказки) и т. п. Первоначально же смутные зародыши и лирики, и эпоса, и драмы сливались въ служеніи одной цѣли — спасительно дѣйствующему обряду.

Тутъ именно была опредѣленная цѣль, и цѣль еще совершенно практическая, житейская. Человѣкъ признавалъ себя совершенно зависящимъ отъ явленій природы;—нужно было подумать о томъ, чтобы исходъ ихъ постоянно былъ благопріятенъ для человѣка. Дѣло въ томъ, что въ этихъ явленіяхъ видѣлъ человѣкъ настоящія дѣйствія, въ этихъ дѣйствіяхъ — настоящія, живыя силы или, лучше сказать, существа. Замѣчая вліяніе этихъ живыхъ силъ—существъ на собственную свою жизнь, онъ принималъ въ ихъ дѣйствіяхъ самое живое участіе, онъ надѣялся какъ бы направить ихъ въ свою пользу при помощи обращающагося къ нимъ, или повѣствующаго объ нихъ слова, а также и цѣлаго ряда собственныхъ дѣйствій, обрядовъ, которыми онъ какъ бы думалъ заставить опять повториться тѣ благопріятныя для него происшествія, какія представлялись ему совершающимися на небѣ, и которыя какъ бы перенимались, копировались въ этихъ обрядахъ [2]). Все вниманье первобытнаго человѣка было исключительно привлечено явленіями небесными. Тамъ, по его простодушному взгляду, постоянно происходила борьба между свѣтлыми существами, и другими, имъ враждебными, —темными. Грозныя, мрачныя тучи надвигались на небо и задвигали ясное солнышко — это злыя, враждебныя существа его брали въ плѣнъ. Чѣмъ долѣе оставались тучи на небѣ, чѣмъ долѣе продолжалось ихъ боевое, губительное движеніе, — тѣмъ страшнѣе становилось первобытному человѣку за ясное солнышко, тѣмъ менѣе былъ онъ увѣренъ въ томъ, что оно таки выйдетъ на волю.

---

[1]) Эпосъ (ἔπος) — слово, т. е. опять сказаніе, (первоначально, стало быть сродно по смыслу съ миѳомъ) позже получившее смыслъ разсказа, повѣствованія въ отличіе отъ выраженія въ словѣ внутренней жизни, личнаго чувства и мысли — предмета лирики (отъ инструмента, которымъ сопровождалось пѣніе пѣсень.) Что касается драмы, то это слово (греческое, какъ и эпосъ, и лирика) означаетъ дѣйствіе.

[2]) Такъ на примѣръ въ небесномъ пространствѣ, откуда проливается дождь, видѣли большое вмѣстилище водъ — цѣлое море; звуки грома, послѣ которыхъ проливался на землю дождь, представлялись происходящими отъ раскатыванія громовыхъ камней, сверканіе же молніи, которымъ сопровождается тоже явленіе, объясняли себѣ происходящимъ отъ небесныхъ бичей или прутьевъ, ударами коихъ по небесному морю и низводится изъ него вода. И вотъ, чтобы низвести, по желанію, снова дождь на землю, прибѣгали къ киданію камней въ земныя озера или къ бичеванію этихъ послѣднихъ обыкновенными бичами и прутьями. Schwartz, Ursprung der Mythologie, 269).

Исходъ небесной борьбы представлялся первобытному человѣку столь же случайнымъ, столь же зависящимъ отъ обстоятельствъ, какъ и исходъ обыкновенной земной борьбы, борьбы между враждующими людьми. Вотъ и являлось стремленіе высказать свѣтлому солнышку пожеланія благополучнаго выхода изъ трудной его борьбы,—и такія пожеланія облекались въ пѣсню. Совершались и особаго рода дѣйствія, способствовавшія, какъ полагали, благопріятному исходу небесной борьбы: такъ на примѣръ во время затмѣнія солнечнаго или луннаго, которое объяснялось тѣмъ, что свѣтила небесныя находятся въ пасти чудовищъ, собирающихся ихъ поглотить, — во время затмѣнія старались производить всѣми возможными мѣрами шумъ, а иногда и стрѣляли, думая, что чудовища испугаются и выронятъ изъ пасти свою добычу. [1]. Но не въ однихъ, повторяющихся только по временамъ, несрочно, явленьяхъ грозы, или еще болѣе рѣдкихъ затмѣніяхъ, видѣлъ первобытный человѣкъ борьбу существъ свѣтлыхъ и темныхъ; такая борьба происходила передъ нимъ каждодневно въ томъ бореніи ночи и дня, которое именно и представлялось ему бореніемъ. Постоянно оканчивалась эта борьба умираніемъ солнышка; зато также постоянно, казалось бы, и возставало оно на другое утро. Но простодушный взглядъ первобытнаго человѣка не сразу увѣрился въ томъ, что послѣ заката солнечнаго всегда непремѣнно послѣдуетъ и его восходъ: были же дни, когда оно, по милости сплошныхъ тучъ, и совсѣмъ не показывалось [2]). При каждомъ вечернемъ умираніи солнца—а оно представлялось именно умираніемъ—первобытный человѣкъ вовсе не былъ увѣренъ даже въ рожденіи вмѣсто умершаго—новаго солнышка. Именно новымъ, другимъ первоначально считалось каждое, вновь восходившее солнце, и не малымъ шагомъ было уже сознаніе, что солнце постоянно одно и тоже, сознаніе, при которомъ закатъ уже долженъ былъ представляться отходомъ ко сну, а восходъ пробужденіемъ. Но ежели не легко было дойти до подобнаго представленія, то еще труднѣе было увѣриться въ постоянно благополучномъ исходѣ болѣе дол-

[1]) J. Grimm. D. Mytnologie, 400, 403.

[2]) Приведу при этомъ замѣчательныя слова Макса Мюллера: «увѣренность, съ какою мы теперь говоримъ: «солнце должно взойти» оставалась рѣшительно неизвѣстною первобытнымъ поклонникамъ природы... Когда мы читаемъ въ Ведахъ: «встанетъ ли снова солнышко?», «старинный нашъ другъ, заря, возвратится ли къ намъ?», «силы ночи будутъ ли наконецъ побѣждены свѣтлымъ богомъ», — то всѣ эти выраженія кажутся намъ ребяческими. Но такими казались они первобытному человѣку. (Max Müller, Essai de Mythologie comparée, trad. de l'anglais par Ern. Renan, Paris. Londres 1859, p. 73 et 74). Остаткомъ упомянутаго воззрѣнія служитъ одна черта въ чешской дѣтской пѣсенкѣ. Поймавъ жучка, называемаго slunicko (солнышко) дѣти даютъ ему опять улетѣть и поютъ: дети на небо и разскажи мнѣ, выйдетъ ли нынче солнышко. (Erben, C. prostonar. pisně, 78) (Ср. Mannhardt, G. Mythen, 248—56).

гой и сложной борьбы — борьбы между *свѣтлымъ лѣтомъ* и *темной зимой*. Измѣнившееся состояніе яснаго солнышка въ продолженіи зимы должно было долго представляться человѣку рѣшительнымъ *обезсиленіемъ*, *нездоровьемъ*, *превращеніемъ*, даже *убійствомъ*. Когда наконецъ явилась увѣренность въ непремѣнномъ возстановленіи лѣтняго теплаго свѣта послѣ мрачной холодной зимы, то этотъ возстановленный свѣтъ первоначально долженъ былъ представляться возникшимъ самостоятельно, совершенно особымъ свѣтомъ. Ежели уже не съ каждымъ новымъ днемъ, то еще очень долгое время съ каждою новою весною встрѣчалось и новое солнце. Только позже ежегодное *рожденіе* солнца стало представляться ежегоднымъ его *возрожденіемъ* [1]).

Такъ ли впрочемъ, иначе ли стали объяснять возвращеніе свѣтлаго начала, — всего важнѣе была окончательно установившаяся увѣренность въ томъ, что оно не можетъ не возвращаться, что побѣда надъ нимъ — только временная побѣда, что на его сторонѣ конечный перевѣсъ силы. Только съ такою окончательно установившеюся увѣренностью въ человѣкѣ могло водвориться спокойствіе и на счетъ своей собственной участи. Съ торжествомъ свѣтлыхъ существъ соединялось и для него самого торжество надъ цѣлымъ рядомъ невзгодъ. Съ сознаніемъ торжествующей, перевѣшивающей силы свѣта явилось и благоговѣніе передъ нею, и теплая къ ней благодарность — за то, что̀ давала она человѣку. Только съ этихъ поръ могло явиться понятіе о благоволеніи божествъ къ людямъ, о тѣсной пріязненной связи между небеснымъ и человѣческимъ міромъ. Только съ этихъ поръ въ *миѳологіи* зараждается и *религія* — которая именно и основывается на сознаніи такой связи. Только съ этихъ поръ прежнее обращеніе чувствъ къ свѣтлымъ силамъ становится *молитвеннымъ* обращеніемъ къ нимъ, изъ прежняго соединенія пѣсенъ съ обрядами возникаетъ — *богослуженіе*.

Относясь къ благотворнымъ явленіямъ свѣта, возвеличивая ихъ торжество надъ силами тьмы, оно особенное значеніе должно было получать въ извѣстные сроки, когда яснѣе сказывалось и послѣдовательно возрастало это торжество. Каждому новому успѣху въ годичной борьбѣ

---

[1]) Сравни у Швартца въ новомъ его сочиненіи — Sonne, Mond und Sterne. Berlin 1865, на стр. 154—157, также на стр. 94 и слѣд. Для ознакомленія съ первобытными миѳами важно также сочиненіе Маннгардта—Germanische Mythen, Berlin 1858. Основные результаты новѣйшихъ изслѣдованій по сравнительной миѳологіи весьма искусно сжаты въ статьѣ Дельбрюка «Die Entstehung des Mythos», помѣщ. въ 3-мъ вып. 3-го т. журнала Лацаруса и Штейнталя «Zeitschrift für Völker psychologie, и т. д. (Русскій перев. въ Заграничномъ Вѣстникѣ въ одномъ изъ начальныхъ номеровъ 1865 г.) важны также главы о первобытныхъ вѣрованіяхъ въ книгѣ Вундта «Vorlesungen über die Menschen und Thierseele,» ч. II, гл. 44 — 48. Наконецъ статья Baudry—de l'interprétation mythologique — въ Revue germanique et française, 1 Fevrier 1865.

свѣта съ непріязненной тьмой долженъ былъ посвятиться особенный праздникъ, а всѣ они вмѣстѣ составили цѣлый годичный праздничный кругъ, съ особыми пѣснями и обрядами для каждаго составнаго его звена. Вотъ изъ этихъ-то праздничныхъ пѣсень и дошли до насъ нѣкоторыя, до сихъ поръ воспѣваемыя народомъ, только относимыя уже къ праздникамъ христіанскимъ, по времени ихъ справленія соотвѣтствующимъ прежнимъ языческимъ празднествамъ.

Началомъ праздничнаго языческаго года можно считать время, непосредственно слѣдовавшее за зимнимъ солоноворотомъ, т. е. то, когда, послѣ рѣшительнаго преобладанія ночи снова начинаетъ прибывать день [1]). Съ этихъ поръ, по народному выраженію, солнце уже идетъ на лѣто (а зима на морозъ—пояснительно прибавляетъ народъ) Какъ ни незначительно еще прибываніе свѣта въ концѣ декабря, въ это время праздновали уже возвращеніе свѣтлыхъ явленій желаннаго лѣта, и вотъ языческій праздникъ рожденія свѣта физическаго и замѣстился впослѣдствіи духовнымъ праздникомъ христіанскаго рождества. Долгое время оставаясь далекимъ отъ настоящаго, внутренняго пониманія христіанства, народъ простодушно сталъ относить ко Христу и святымъ тѣ-же самыя пѣсни, которыя относились первоначально къ свѣтиламъ небеснымъ. Подъ христіанскими именами еще очень легко узнается старинная языческая основа. Если же въ пѣсняхъ, поющихся о рождествѣ, т. е. во время еще рѣшительно зимнее, а равно и въ обрядахъ, сюда относящихся, какъ бы заранѣе торжествуется лѣто, то это едвали не слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что и пѣсни эти, и обряды, вынесены нашими предками еще изъ тѣхъ болѣе теплыхъ странъ, въ какихъ и сложились первоначально вѣрованія общеславянскаго пра-народа. На это, повидимому, указываетъ и припѣвъ, нерѣдко раздающійся у насъ о рождествѣ — пѣсенный припѣвъ о виноградьѣ, а отчасти и попадающееся въ тѣхъ же пѣсняхъ упоминовеніе о Дунаѣ [2]). Этимъ, повидимому, еще болѣе подтверждается отдаленная старина нашихъ пѣсень.

Названіе, придаваемое пѣснямъ, распѣваемымъ о рождествѣ — колядки; въ самыхъ же пѣсняхъ упоминается нерѣдко коляда или коледа, какъ бы имя собственное. Въ прежнее время видѣли въ немъ особое божество, не смотря на то, что такое имя не встрѣчается въ числѣ владиміровыхъ боговъ у Нестора, а упоминается только у Димитрія Ростовскаго въ позднѣйшемъ чети-минейномъ житіи Владиміра [3]).

---

[1]) Cp. J. Grimm, Gesch. d. D. Sprache, I, 74.

[2]) Сахарова. Сказанія Р. Н. I, III, 16. Снегирева, Русск. простонар. Праздн. и Обр. II, 107. Метлинскаго, Южно-Русск. II., 332.

[3]) Снегирева, Русскіе простонародные праздники и обряды, II, 28. Сравни—Hanus, Bajeslovny Kalendarz Slovansky, 49.

По смыслу же колядскихъ пѣсень выходитъ, что коляда—это было имя свѣтлаго солнечнаго божества, т. е. одно изъ многаго множества его именъ, соотвѣтствовавшаго многому множеству его образовъ. (Такое же многоразличіе образовъ, какъ увидимъ, принадлежало не одному солнцу, но и другимъ миѳическимъ существамъ). Женскій родъ имени коляда какъ бы указываетъ на солнышко въ женскомъ образѣ. Соотвѣтственно этому въ Москвѣ съ распѣваніемъ колядскихъ пѣсень соединялось катаніе въ саняхъ дѣвушки въ бѣлой одеждѣ, называвшейся колядою (и служившей, очевидно, какъ бы живымъ изображеніемъ божества [1]). Съ этимъ совершенно согласно и народное повѣріе, что солнышко со времени зимняго солоноворота наряжается въ праздничный сарафанъ и кокошникъ, садится въ телѣгу и ѣдетъ на теплыя страны [2]). Въ женскомъ образѣ встрѣчается солнышко и въ миѳахъ у многихъ индоевропейскихъ народовъ, и притомъ сравнительное изученіе миѳологіи доказало, что женскій образъ солнца древнѣе, чѣмъ мужескій. Потому-то весьма древнею можно считать и одну изъ самыхъ распространенныхъ колядскихъ пѣсень, — ту, въ которой воспѣваются три чудесныхъ терема, и въ одномъ изъ нихъ — солнышко въ женскомъ образѣ [3]). Въ двухъ другихъ теремахъ являются другія свѣтила: въ одномъ—свѣтелъ мѣсяцъ, въ другомъ—частыя звѣзды. Въ концѣ великорусской пѣсни небесныя свѣтила уподобляются: мѣсяцъ—хозяину, солнце—хозяйкѣ, звѣздочки дѣтямъ ихъ [4]). Но замѣчательно уже и то, что солнце уподобляется хозяйкѣ, т. е. женщинѣ. Между тѣмъ мѣсяцъ, уподобляемый тутъ хозяину, т. е. мужу, въ миѳологіи многихъ народовъ являлся мужемъ солнца, звѣзды же — дѣтьми отъ этого брака. Такимъ образомъ, и по одной великорусской пѣснѣ можно бы было догадываться, что примѣненіе къ хозяину дома явилось только позже, первоначально же мѣсяцъ, солнце и звѣзды были тутъ сами по себѣ, какъ совершенно самостоятельная семья небесная. Коляда Святая, которую отыскиваютъ въ началѣ пѣсни, обрѣтается среди двора, только впослѣдствіи назвавшагося господиновымъ. Самое описанье его ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что это не обыкновенный дворъ: онъ на семи верстахъ, тынъ у него желѣзный, на маковкѣ каждой тычинки—жемчугъ...

[1]) Вотъ при этомъ-то катаніи ея и пѣли:

Уродилася Коляда
Наканунѣ рождества

(См. Христоматію, въ самомъ началѣ) (Снегир. Пр. и Обр. II, 29. Терещенка, Бытъ Р. Народа, VII, 57).

[2]) Сахарова Сказ. Р. Нар., II, vii, 69) у Болгаръ напротивъ того коледа уже муж. рода; такъ на примѣръ въ одной пѣснѣ въ собраніи Безсонова — коледо мой (Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. 1855, II часть сборника, 5. 10).

[3]) Христ. стр. 2.

[4]) Въ христоматіи этотъ конецъ опущенъ, какъ позднѣйшій, испорченный.

Не къ простому житейскому быту относятся и три находящихся по-среди двора терема золотоверховатыхъ, въ одномъ изъ которыхъ и обрѣтается наконецъ коляда—солнце. Уже довольно ясно, что все это только позже перенесено на землю, что первоначальная мѣстность была тутъ—небесная. Это рѣшительно подтверждается сходными пѣснями изъ другихъ краевъ. Такъ въ одной карпато-русинской не хозяину, хозяюшкѣ и ихъ дѣтямъ уподобляются свѣтлыя явленія неба, а Богу, сыну божьему, и божьимъ дѣткамъ (подъ послѣдними слѣдуетъ, кажется, разумѣть ангеловъ, которыми въ христіанскія времена замѣнялись у многихъ народовъ первоначальные боги-звѣзды). Впрочемъ въ русинской пѣсенкѣ мѣсто звѣздъ замѣняютъ ясныя зори, солнце поименовано во главѣ и оно-то уподобляется Богу, изъ уподобленія же мѣсяца сыну божьему слѣдуетъ заключить, что тутъ въ основѣ лежало уже особое миѳическое воззрѣніе — по которому и солнце и мѣсяцъ являлись въ мужескомъ образѣ, солнце — отцемъ, мѣсяцъ — сыномъ [1]). Въ русинской колядкѣ такимъ образомъ являются лица небесныя—уже въ христіанскомъ смыслѣ, подъ ними же должны скрываться лица небесныя же—въ смыслѣ миѳическомъ. Такими уже прямо являются они въ другой русинской колядкѣ, въ которой только звѣзды замѣнены—дробнымъ дождикомъ; но всѣ три явленія выступаютъ уже сами по себѣ, какъ самостоятельныя существа, и каждое изъ нихъ—и солнце, и мѣсяцъ, и дождь сами говорятъ о своемъ благодѣтельномъ кругѣ дѣятельности. Въ одной пѣснѣ называются они тремя милыми гостями, т. е. пришельцами изъ другихъ странъ, являющимися къ человѣку съ благодатными для него гостинцами. Въ другой пѣснѣ они—трое родныхъ братцевъ—представленіе, въ свою очередь существовавшее у различныхъ народовъ, какъ это доказывается сравнительною миѳологіей. (Христом., стр. 2).

Опять особое воззрѣніе—въ русинской колядкѣ, гдѣ, вмѣсто многихъ дѣтушекъ солнца (какими являются въ другихъ колядкахъ ясныя звѣздочки) воспѣвается одинъ сынъ, являющійся тутъ уже въ человѣческомъ образѣ, какъ молодой Иванцё. Сестрою своею онъ называетъ тутъ ясную зарю (вѣроятно вечернюю); самого же его едва ли не слѣдуетъ признать за близкую къ ней звѣзду — вечернюю. Тогда братецъ его — сивый (свѣтлый) соколойко будетъ соотвѣтствовать другой какой нибудь особенно видной звѣздѣ,—по всей вѣроятности утренней (та и другая занимаютъ довольно важное мѣсто въ миѳахъ у разныхъ народовъ) (см. Schwartz, Sonne, etc. 11, 275). (Христом. стр. 2).

[1]) Въ поясненіе приведу слова Макса Мюллера о томъ, что въ древнѣйшихъ еще нѣтъ установившихся степеней родства между божествами: „отецъ иной разъ является сыномъ, братъ—мужемъ, женское божество въ одной пѣснѣ представлявшееся матерью, въ другой уже представляется женой. Воззрѣнія пѣвцовъ измѣнялись, а съ ними постоянно мѣнялась и природа боговъ.“ (Mythologie comparative, 57 58).

Во всѣхъ упомянутыхъ пѣсняхъ (въ сущности въ нихъ одно содержаніе, онѣ его только различнымъ образомъ выражаютъ, варьируютъ, а потому такія въ сущности сходныя пѣсни и принято называть варьянтами) во всѣхъ приведенныхъ варьянтахъ солнце является въ сообществѣ другихъ небесахъ существъ, что и заставляетъ заключать, что праздникъ колядскій былъ праздникомъ не только возвращенія солнышка, но и вообще обратнаго поворота на лѣто. Въ нѣкоторыхъ другихъ пѣсняхъ солнцу принадлежитъ уже рѣшительно преобладающее значеніе. Въ одной изъ нихъ описывается, повидимому, явленіе, уже рѣшительно принадлежащее другому, христіанскому міру — Богородица, моющая ризы и повивающая своего сына у Іордана. [1]) Но не трудно замѣтить, что о подобномъ мытьѣ ею ризъ вовсе не знаютъ преданія христіанскія; не знаютъ и о томъ, чтобы вслѣдъ за этимъ прилетѣли ангелы и унесли младенца Іисуса на небеса, какъ оно происходитъ въ нашей колядкѣ. Такое преждевременное, перенесенное на младенческіе годы Христа вознесеніе уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что первоначально тутъ должно было разумѣться какое-то особое вознесенье, вознесенье другаго рода. Таже пѣсенка имѣется въ болгарскомъ, чешскомъ и моравскомъ варьянтѣ. Болгарская начинается словами:—«Богъ ся роди, Коладе,» — а за тѣмъ обращеніе къ матери: «Налей золотые котлы, искупаемъ младаго Бога.» [2]) И такъ тутъ вмѣсто мытья ризъ матерію младенца, — омываніе самаго младенца: Въ чешскомъ же варьянтѣ — умывается въ рѣчкѣ сама дѣва Марія, и вслѣдъ за этимъ, тутъ же на берегу, рождаетъ младенца. [3]) — Въ моравскомъ варьянтѣ дѣва-мать, согласно съ болгарскимъ, омываетъ младенца, и затѣмъ кладетъ его въ ясли; при этомъ растворяются двери храма, зажигаются свѣчи и Христосъ самъ служитъ обѣдню.» [4]) — И тутъ опять преждевременное развитіе силъ, рѣшительно чуждое священному христіанскому повѣствованію и указывающее на таящуюся тутъ миѳическую основу. Такою преждевременностью развитія отличаются чудесные герои древнѣйшихъ народныхъ сказаній, а такіе герои—миѳическіе. Эти не по днямъ, а по часамъ растущія дѣти,—это исполинскіи развивающіяся силы природы, это быстрота ея могучихъ явленій. Подъ младенцемъ Іисусомъ, служащимъ обѣдню, тутъ долженъ скрываться другой младенецъ, немедленно послѣ рожденія вступающій въ свѣтоносную службу, младенецъ отъ приближенія котораго зажигаются свѣчи—на небѣ, т. е. свѣчи-лучи, озаряющіе небо-

---

[1]) Въ Христоматіи не приводится вслѣдствіе своей христіанизированной формы.

[2]) Конецъ пѣсни уже рѣшительно христіанскій — о крещеніи Іисуса Христа Іоанномъ Предтечею. Безсонова Болг. п., II, 11.

[3]) Erben, Prostonarodni Ceske pisne, I, 43.

[4]) Susil, Moravske Pisne, VIII, 739.

склонъ; передъ которымъ отворяются двери, т. е. небесныя двери, знаменующія только, что путь на небо открытъ для свѣтоноснаго восхода омывшагося въ ключахъ младенца-коляды. Что этотъ младенецъ именно онъ, юный богъ—солнце, это рѣшительно подтверждается однимъ миѳомъ, долгое время сохранявшимся — не у Славянъ, а у одного изъ самыхъ близкихъ къ Славянамъ народовъ индоевропейскаго племени — Литовцевъ. Это миѳъ о матери бога Перуна (владыки грома и молніи), ежедневно купающей утомившееся и запыленное солнце, и потомъ отпускающей его отъ себя обновленнымъ, сіяющимъ. [1]) Мать Перуна, молніеноснаго, т. е. также свѣтлаго бога, а потому и родственнаго солнцу, въ нашихъ колядкахъ является матерію самого солнышка;—это, по всей вѣроятности, даже представленіе болѣе древнее, такъ какъ солнышку естественнѣе быть омываемымъ собственною своею матерью. Подъ этою же матерію-дѣвою (скрывающеюся подъ именемъ дѣвы Маріи), омывающею младенца въ ключевой водѣ или раждающею его у ключа, приходится разумѣть то свѣтоносное существо, которое въ народныхъ загадкахъ называется красною дѣвицею, роняющею ключи-росу. (Христ., 12) Какъ эти ключи оказываются въ загадкѣ водными ключами, росою, такъ дѣвица оказывается въ нихъ являющеюся вмѣстѣ съ росою—зарей-зареницею, т. е. зарею утреннею. Зарю же равнымъ образомъ можно было представить себѣ и купающеюся въ росѣ,—а вслѣдъ за тѣмъ и отпускающею отъ себя, т. е. какъ бы производящею, пораждающею юное солнце; [2])—и съ другой стороны купающею въ росѣ не себя, а его, и тѣмъ самымъ какъ бы придающею ему силу. Что касается мытья небесною дѣвою своихъ ризъ, то такою ризою могла представляться багряная полоса зари, края которой какъ бы омываются въ росѣ утренней. Вотъ всѣ эти представленія и являются передъ нами въ варьянтахъ, вознесеніе же младенца на небо становится послѣ этого утреннимъ вознесеніемъ солнца. Но какой же смыслъ могутъ имѣть два ангела, съ помощью которыхъ совершается вознесеніе въ малороссійскомъ варьянтѣ? Между древними миѳическими представленіями существовало одно, по которому двѣ птицы, живущія на океанѣ морѣ, принимали на распущенныя свои крылья и разносили солнечные лучи, при чемъ одной приписывалось воспріятіе собственно лучей утреннихъ, другой же — воспріятіе лучей, доносимыхъ ею до самаго вечера. [3]) Вотъ

---

[1]) Schwenk, Slawische Mythologie, 107. Сравни у Шварца, Sonne, Mond und Sterne. стр. 31 и слѣд.

[2]) Тутъ заря — мать солнца; выше въ русинской колядкѣ, она дочь солнышка (представляемаго въ женскомъ образѣ). Такою могла представляться вечерняя заря, раждающаяся вслѣдъ за дневною дѣятельностію солнца, какъ бы вслѣдствіе ея, какъ бы отъ нея. Впрочемъ надо еще припомнить выше приведенныя слова Макса-Мюллера.

[3]) Schwartz, Sonne, Mond u. Sterne, 31.

эти-то свѣтоносныя птицы и могутъ скрываться въ малороссійской колядкѣ подъ христіанскимъ именемъ ангеловъ. По другому, малороссійскому же варьянту, анголята принимаютъ на свои крылья и возносятъ на небо ризу, омытую дѣвою, что̀ совершенно соотвѣтствуетъ представленію тѣхъ же птицъ разносящими по небу свѣтъ зари. [1]) Въ томъ же варьянтѣ вслѣдъ за тѣмъ возлетающею на небо **птицею** является самъ чудесный младенецъ:

Несетъ се птахъ,
А то есть пречистой сынъ. [2])

Это совершенно соотвѣтствуетъ чрезвычайно распространенному у многихъ народовъ представленію себѣ самаго солнца **лучезарною птицею**, представленію еще несравненно болѣе древнему, чѣмъ представленіе солнышка въ женскомъ образѣ. [3]) (Какъ и вообще **человѣческій образъ** божествъ есть явленіе болѣе позднее, древнѣе же представленіе ихъ себѣ въ образѣ различныхъ животныхъ или даже предметовъ вещественныхъ). Такимъ образомъ въ одномъ изъ варьянтовъ пѣсни, изображающей солнышко уже небеснымъ, быстро растущимъ отрокомъ, уцѣлѣла отрывочная черта несравненно древнѣйшаго времени, — того, когда солнцу не принадлежалъ еще человѣческій образъ. И такіе остатки **самаго древняго** среди **гораздо-позднѣйшаго** еще не разъ намъ будутъ встрѣчаться въ народной поэзіи.

Заря-красна дѣвица, въ только что объясненныхъ пѣсняхъ скрывающаяся подъ именемъ дѣвы Маріи, является и въ другихъ колядкахъ. Та **красная дѣвица**, о которой въ нихъ говорится, и которой придаются всякіе признаки явленія свѣтоноснаго, по всей вѣроятности есть та же заря заряница; хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ этимъ образомъ можетъ скрываться и солнце, представлявшееся не только **женою**, но и **дѣвицею** [4]). Что касается той стоящей въ **свѣтлицѣ** Орышечки, о которой говорится въ одной изъ малороссійскихъ колядокъ, то выраженіе пѣсни, что она **какъ заря взошла**, должно быть только позднѣйшимъ измѣненіемъ въ поэтическую фигуру того, что̀ первоначально представлялось дѣйствительностью: въ первообразѣ пѣсни она должна была быть въ самомъ дѣлѣ — **заря**, а не — **какъ заря**, церковь же, въ которую входитъ она въ теперешнемъ видѣ пѣсни, должна была быть — **небомъ**. Зарею же слѣдуетъ признать и **красную панну** другой колядки, гдѣ она **стережетъ вино**. Подъ **виномъ**, равно какъ и подъ **медомъ**, **молокомъ** и т. п. разумѣлась по вѣровищахъ индо-европей-

[1]) Schwarz. ibid.
[2]) Терещ. VII. 83, 84.
[3]) Schwarz, ibid. 261.
[4]) Schartz. ibid. 26, 34, 96, 116, 135, 141. 143, 148, 181, 201, 212, 213.

скихъ миѳахъ вообще небесная влага; — къ ней же относится и роса, эта главнѣйшая принадлежность дѣвы-зари. Райскія пташечки, выпивающія ея вино,—это должны быть лучи солнечные (скрадывающіе ключи — росу по многимъ загадкамъ), лучи, которыхъ представленіе въ образѣ птицъ было также довольно распространено. Если заря представляется спящею, то это вѣроятно уже дальнѣйшее распространеніе человѣкообразнаго миѳа, явившееся вслѣдствіе соображенія, что трудно было бы выпить вино, если бы дѣвица, его стерегущая, не заснула. Такимъ же распространеніемъ является и пробужденіе дѣвицы птицами и все заключительное ея обращеніе къ птицамъ съ жалобою на то, что ей самой было нужно вино для свадьбы брата, сестры, да и для собственной свадьбы.

Эта послѣдняя роль устроительницы браковъ въ другой колядкѣ приписывается уже прямо — зарѣ, которая, встрѣтившись съ переходящимъ по небу мѣсяцемъ, говоритъ ему, что она гоститъ у пана Ивана, занятаго свадьбою сына и дочери... [1]) Этотъ панъ Иванъ, по всей вѣроятности, только замѣна первоначальнаго существа миѳическаго. Впрочемъ тутъ можетъ разумѣться и человѣческая семья, такъ какъ богамъ, по древнѣйшимъ миѳическимъ представленіямъ устраивавшимъ свадьбы на небѣ, позже, съ дальнѣйшимъ развитіемъ представленія объ ихъ участіи къ человѣку, стали приписывать и устроеніе свадьбъ на землѣ. — О свадьбахъ же между небесными существами до сихъ поръ еще свидѣтельствуетъ у Славянъ цѣлое множество — преимущественно сербскихъ пѣсень. Въ одной изъ нихъ звѣзда-денница — близкая по значенію къ нашей денницѣ-зарѣ — устраиваетъ женитьбу яснаго мѣсяца (его-то, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть и въ братѣ красной панны зари въ нашей малороссійской колядкѣ). Въ другихъ сербскихъ пѣсняхъ упоминается какая-то сестра солнца [2]),—быть можетъ таже заря, которой родственныя отношенія къ солнцу могли представляться и отношеніями сестры къ брату. Она тутъ точно также является и сама невѣстою, какъ красная панна въ нашей колядкѣ. Ту-же солнцеву сестру находимъ мы и въ одной болгарской колядной пѣснѣ, гдѣ руку ея добываетъ юнакъ (добрый молодецъ) благодаря тому, что ему удается сдержать слово—обогнать солнце на своемъ быстромъ конѣ [3]). Въ этомъ юнопѣ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть утреннюю звѣзду, которая дѣйствительно является въ миѳахъ у разныхъ народовъ въ образѣ свѣтлаго молодца; бракъ же между утреннею звѣздою и утреннею зарею — представленье весьма понятное.

---

[1]) Христом., стр. 2, столб. 2.

[2]) Вука Стефановича Караджича, Српске народне пiесме, изд. 2, ч. I, стр. 157, 158.

[3]) Безсонова II, 5 — 10.

Какія-то особыя отношенія между яснымъ молодцемъ и нарядною панною упоминаются въ цѣломъ рядѣ малороссійскихъ колядокъ, гдѣ онъ представляется осаждающимъ городъ и добывающимъ себѣ изъ него невѣсту [1]) При томъ развитіи человѣкообразности, какому впослѣдствіи подверглись миѳы, явилось множество такихъ подробностей и распространеній, которыми рѣшительно затемнился первоначальный, все болѣе и болѣе забывавшійся и въ самомъ народѣ смыслъ миѳа. Такихъ-то подробностей уже весьма много и въ только что упомянутыхъ малороссійскихъ колядкахъ, такъ что по записаннымъ до сихъ поръ варьянтамъ еще трудно опредѣлить, кто именно этотъ молодецъ и эта дѣвица. Но по всѣмъ признакамъ видно, что молодецъ — существо свѣтоносное: шатеръ его изъ бѣлаго шелку, сидитъ онъ на золотомъ столѣ (престолѣ) по всей вѣроятности высоко, потому что далеко видитъ; у коня его золотая грива, самъ онъ красный панычъ (а красный, какъ извѣстно, на народномъ языкѣ равнозначительно съ яснымъ, сіяющимъ); его сабля блеститъ, какъ солнышко среди тучъ. Впрочемъ это уже качество не собственно его сабли, но и сабель тѣхъ его сподвижниковъ, какими окружило его постоянно распространяющее и дорисовывающее воображенье народа — ради той воинственной роли, какую въ человѣческомъ мірѣ уже трудно разыгрывать одному. Эти вѣрные сподвижники уже просятся, въ малороссійской колядкѣ, у своего краснаго паныча въ невѣрную землю—а въ ней также слѣдуетъ видѣть уже позднѣйшую замѣну первоначальныхъ враговъ совершенно иного рода, какихъ нибудь темныхъ чудовищъ, противъ которыхъ выступало свѣтлое божество. Эти темныя чудовища обыкновенно означаютъ въ миѳологіи тучи, держащія солнце въ плѣну, освободителемъ же изъ этого плѣна является добрый молодецъ—молніеносецъ и громовержецъ. Своею молніею онъ разсѣкалъ тучи, разбивалъ ихъ ударами грома и, заставивъ пролиться на землю дождемъ, очищалъ небо и давалъ снова выйти на волю солнцу. И въ нашей колядкѣ сподвижники добраго молодца собираются пустить стрѣлу — какъ громъ по небу, пуститься на коняхъ своихъ—какъ дробенъ дождикъ [2]) (въ образѣ коня нерѣдко является въ миѳологіи громоносная туча, а ударомъ копыта такого коня источается источникъ—дождь). По всей вѣроятности въ добромъ молодцѣ нашихъ колядокъ и является молніеносный громовникъ. На это можетъ указывать и самое его имя — Иванъ, постоянно придаваемое и въ сказкахъ народныхъ чудесному доброму молодцу, который, какъ уже рѣшительно можно считать доказаннымъ, именно и есть божество грома и молніи. Ивану во многихъ колядкахъ приписывается и конь, совершенно сходный съ чудеснымъ свѣтоноснымъ

---

[1]) Метлинскаго Украинскія пѣсни, 334 — 6, 38 — 9.

[2]) Христом., стр. 3, столб. 1.

конемъ сказочнаго Ивана. Такимъ образомъ изъ этихъ колядокъ приходится заключить, что праздникъ Коляды, относясь къ столь многимъ явленіямъ свѣта: солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, зарѣ, относился и къ проявленію свѣта въ молніи (съ сопровождающимъ ее громомъ, а равно и дождемъ — который впрочемъ уже и игралъ роль въ нашихъ колядкахъ на ряду съ солнцемъ и мѣсяцемъ).

Громоносным существомъ слѣдуетъ, кажется, признать и того гордаго молодца, который изображается трубящимъ въ одной русинской колядкѣ [1]). Во первыхъ тутъ прежде всего выдвигается чорная тоpонька, означающая на мифическомъ языкѣ густую громовую тучу; далѣе изъ за горы выдвигается — такъ уже прямо и называемая черная хмаронька (тучка), съ другой стороны представляющаяся стадомъ овецъ (т. е. столпленіемъ небольшихъ тучъ — одно изъ употребительнѣйшихъ значеній овцы въ миѳологіи). Вслѣдъ за предтечами — тучами является наконецъ и самъ гордый молодецъ, а звукъ его чудныхъ трубъ оказываетъ вліяніе на всю природу; звуками же трубы представлялись иной разъ громовые звуки, уподоблявшіеся въ миѳологіи всякаго рода громкимъ звукамъ. (Schwartz, Ursprung der Mythologie, 281).

На служеніе богу-громовнику указываетъ наконецъ и одна изъ великорусскихъ колядокъ, та, въ которой описывается торжественное приношеніе въ жертву козла [2]). Что тутъ именно принесеніе жертвы — это ясно уже изъ самаго мѣста дѣйствія — за быстрой рѣкой въ дремучихъ лѣсахъ: у Славянъ, за неимѣніемъ храмовъ, мѣстами богослуженія служили лѣса и берега рѣкъ, почитавшіеся какъ бы обиталищами божествъ. Далѣе — среди цѣлаго сборища молодцевъ и дѣвицъ, воспѣвающихъ пѣсни колiодушки, т. е. колядныя, собирается зарѣзать козла старикъ — старшіе же въ семействѣ первоначально и играли у Славянъ роль жрецовъ. Что тутъ описывается жертвоприношеніе, окончательно удостовѣряетъ историческое свидѣтельство объ обрядѣ, совершавшемся въ сродной Славянамъ Литвѣ, а равно и въ литовской Руси. Начиналось тѣмъ, что пастухи и пастушки (соотвѣтствующіе добрымъ молодцамъ и краснымъ дѣвицамъ нашей пѣсни) разводили большой огонь и пѣли священныя пѣсни. Вслѣдъ за тѣмъ приводили козла, который и закалывался — жрецомъ [3]) (такъ какъ этотъ классъ существовалъ у Литовцевъ). По всей вѣроятности и у насъ въ старину не только пѣлась упомянутая пѣсня, но въ тоже время разыгрывалось ея содержаніе. Такого рода мимическое изображеніе того, о чемъ повѣствуется въ пѣснѣ, совершенно обычно въ народной поэзіи. У насъ сохранилась только пѣсня, — у Литовцевъ долгое

[1]) Христом., стр. 3, ст. 1, внизу.

[2]) Христом., стр. 4, вверху.

[3]) Снегир. I, 101 — 103.

время сохранялось и мимическое ея сопровожденіе (акомпаниментъ). Что касается животнаго, приносимаго въ жертву, а именно козла, то онъ у многихъ индоевропейскихъ народовъ имѣлъ отношеніе къ богу—громовнику. Такъ германскому Тору (нашему и литовскому Перуну) замѣнялъ онъ коня. Животныя же, въ какомъ либо отношеніи служившія тому или другому богу, обыкновенно приносились ему также въ жертву. Такимъ образомъ принесеніе въ жертву козла, упоминаемое въ колядкѣ, служитъ подтвержденіемъ тому, что праздникъ Коляди относился также и къ богу громовнику [1]). Послѣ этого выходитъ рѣшительно, что праздникъ Коляды былъ праздникомъ возвращенія всѣхъ вообще явленій, господствующихъ въ лѣтнюю пору, т. е. праздникомъ вообще поворота на лѣто [2]).

Благодатное вліяніе лѣтнихъ божествъ на занятія, которыми жилъ человѣкъ, должны были мало по малу развить представленіе о томъ, что они какъ бы покровительствуютъ этимъ занятіямъ. Ежели съ теченіемъ времени, какъ выше уже было замѣчено вскользь, божествамъ стало приписываться даже участіе въ заключеніи браковъ, то тѣмъ естественнѣе, а потому и тѣмъ раньше могло возникнуть представленіе, что боги принимаютъ прямое участіе въ тѣхъ дѣлахъ человѣка, исходъ которыхъ рѣшительно зависѣлъ отъ вліянія ихъ. Сюда относятся обычныя занятія и пастушескаго, и земледѣльческаго быта. Совершенная зависимость тѣхъ и другихъ отъ благотворныхъ явленій лѣта, т. е. лѣтнихъ боговъ, возможность существованія первыхъ только вслѣдствіе дѣятельности послѣднихъ, очень легко развивала взглядъ на боговъ этихъ, какъ на учредителей, установителей тѣхъ и другихъ занятій. Но установители должны были сами научить человѣка этимъ занятіямъ, — а поэтому они должны были первые заниматься ими. Такимъ образомъ явилось понятіе, что и въ ораніи поля, на примѣръ, подали первый примѣръ человѣку боги. Если же такъ, то ими же долженъ былъ быть изготовленъ и пер-

---

[1]) Остатокъ почитанія этого бога видятъ также у Сербовъ—въ сожиганіи наканунѣ рождества т. н. бадняка — дубоваго пня, возлагаемаго на очагъ, посыпаемаго зернами и поливаемаго виномъ (въ чемъ видятъ какъ бы жертву ему). Бадникъ величается и въ пѣсняхъ, при чемъ онъ называется старымъ и противополагается молодому—божичу, т. е., надобно полагать, возрождающемуся солнцу. Такое представленіе бога громовника старымъ могло явиться только въ позднѣйшее время, вслѣдствіе окончательной увѣренности въ томъ, что молніеносный громъ всегда одинъ и тотъ же, на время только скрывающійся, и вновь себя проявляющій, неистребимо-живучій. Болѣе первобытнымъ слѣдуетъ считать представленіе громовника вождемъ юношей, какимъ и является онъ въ нашихъ сказкахъ и въ ниже приведенныхъ колядкахъ. (На счетъ бадняка см. Гануша Bajesl. Kalend., 21, и статью Потебни въ чтеніяхъ Моск. общ. Ист. и древн. 1865 г. II. стр. 1—6.

[2]) Ср. Kuhn u. Schwartz, Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche, 518.

вый плугъ. Да отчего же и нѣтъ? Земной плугъ куется, а на небѣ происходило, по миѳическому воззрѣнію, выковываніе своего рода — молнійныхъ стрѣлъ и громовыхъ ядеръ. Въ миѳологіи всѣхъ индо-европейскихъ народовъ существуетъ исполинскій образъ небеснаго ковача. Вотъ этому-то ковачу было приписано и изготовленіе перваго плуга. Но свѣтоносному небесному ковачу свойственнѣе всего имѣть дѣло съ золотомъ—и вотъ первый плугъ является золотымъ плугомъ. Такой-то упоминается въ карпатской колядкѣ, изображающей ходящимъ за нимъ самого Господа, при помощи богоматери и Петра апостола [1]). Такая земледѣльческая дѣятельность высшихъ существъ упоминается въ цѣломъ рядѣ колядокъ, и хотя всѣ онѣ отличаются уже христіанскими именами, ясно, что этими послѣдними только замѣстились первоначальныя языческія; (вѣдь нѣтъ же въ христіанскихъ преданіяхъ ничего, что бы хотя сколько нибудь намекало на непосредственное участіе въ земледѣліи Господа Бога) упоминовеніе же земледѣльческой дѣятельности божества въ колядкахъ еще болѣе подтверждаетъ значеніе праздника Коляды, праздника, какъ поворота на лѣтнюю пору.

Дѣйствіемъ свѣтлыхъ лѣтнихъ божествъ природа каждогодно обновляется, какъ бы возсоздается. Отъ такого окончательно усмотрѣннаго человѣкомъ, каждогоднаго возсозданія, ему естественно было, съ усиленіемъ въ немъ пытливости, додуматься до того, что когда-то первоначально должно было происходить созданіе. На вопросъ: какимъ образомъ? какъ? — простодушно давалъ онъ отвѣты различными миѳами. Но ежели первымъ поводомъ къ этимъ миѳамъ должны были послужить тѣ, въ которыхъ шло дѣло о каждогодномъ возсозданіи, то естественно было въ праздникъ, посвященный какъ бы зачину этого послѣдняго, праздникъ Коляды, обращаться мыслію и къ основному зачину всего, къ первоначальному акту созданія. Вотъ поэтому-то въ числѣ колядокъ и могутъ находиться такія, въ которыхъ повѣствуется о «початкѣ свѣта». — Такова карпаторусинская, по которой образователями вселенной являются два чудесныхъ голубя, достающіе для этого матеріалъ со дна моря. Матеріаломъ же этимъ оказывается тутъ мелкій песокъ и синій камень: изъ перваго создается земля, изъ втораго — синее небо со всѣми его свѣтилами [2]).

Колядки относятся собственно къ кануну теперешняго рождественскаго праздника. Но онъ длился не одинъ день, а около двухъ недѣль — по теперешнему — отъ рождества до крещенья. Извѣстно, что вечера рож-

[1]) Христом., стр. 2. столб. 2. Подъ именемъ богоматери скрывается тутъ богиня, соотвѣтствующая нѣмецкой Гольдѣ, которой приписывалось управленіе плугомъ. (Ст. Потебни о Бабѣ-Ягѣ въ чт. М. О. И и Д. 1865, III, стр. 89).

[2]) Христом., стр. 3, столб. 2, въ концѣ.

девственскихъ дней носятъ названіе святокъ. Они были священными еще во времена языческія, еще тогда собирались по вечерамъ на общественныя игры, гаданія, и т. п. Такъ и святочное переряживанье — очевидно, немогущее имѣть никакого отношенія къ христіанскому «рождеству» — есть остатокъ языческой игры — обряда: одни думаютъ, что этимъ указывалось на то превращенное состояніе природы, въ какомъ находится она (будто бы не въ своемъ, а чужомъ образѣ) въ суровое зимнее время; другіе — имѣя въ виду переряживаніе собственно въ животныхъ — думаютъ, что такимъ только и было оно первоначально, что при этомъ старались уподобляться собственно тѣмъ животнымъ, въ образѣ которыхъ первоначально представляли себѣ то или другое божество, и что это служило какъ бы обрядовымъ представленьемъ праздничнаго посѣщенья людей богами. — Что касается гаданій, то ихъ нехристіанское происхожденіе столько же ясно: желаніе узнать заблаговременно будущее христіанствомъ всегда осуждалось. Въ настоящее время гаданіемъ занимаются по преимуществу дѣвушки и этимъ онѣ удовлетворяютъ собственно только желанію — узнать про суженаго. Но такими гаданія могли сдѣлаться собственно съ той поры, когда божествамъ приписано было участіе въ устроеніи человѣческихъ свадебъ [1]). Первоначально же гаданія относились собственно къ свойствамъ предстоящаго лѣтняго времени, повороть къ которому и праздновался въ эту пору. И играми, относящимися къ этой порѣ, первоначально указывалось на тѣ-же предстоящія судьбы лѣта. Это видно, между прочимъ, и изъ пѣсни, распѣваемой до сихъ поръ при самомъ началѣ святочныхъ игръ [2]). Въ настоящемъ своемъ видѣ — это пѣсня въ честь государя, но заключительныя слова ея, воздающія честь хлѣбу [3]), заставляютъ думать, что и вся она первоначально пѣлась не другому какому нибудь государю, какъ именно властелину человѣческой жизни, питателю и хранителю — хлѣбу. Въ этомъ убѣждаетъ и сравненіе съ тѣмъ причитаніемъ, какое употребляется въ нашъ теперешній «новый годъ» при вареніи каши, обязательной для этого дня. Каша — въ сущности также хлѣбъ. Она въ нашемъ причитаніи прославляется отъ начала и до конца какъ живое лицо, какъ какая-то важная барыня, встрѣчаемая у воротъ князьями-боярами; пріѣзжаетъ же она, сопровождаемая

---

[1]) Изъ святочныхъ гаданій замѣчательно то, при которомъ, переводя коня черезъ прутъ, замѣчаютъ, споткнется ли онъ, или нѣтъ, и по этому судятъ о характерѣ суженаго. — Тоже самое, по свидѣтельству нѣмецкихъ писателей XI — XII в., дѣлалось еще у балтійскихъ Славянъ, только конь переводился у нихъ черезъ копья, и заключеніе дѣлали — не о суженомъ, а объ исходѣ предстоящей войны. (Hanus, Bajesl. Kal., 45, 147, 149).

[2]) Христом., стр. 4.

[3]) Въ одномъ варіантѣ поется: хлѣбу да соли дологъ вѣкъ, слава! (Снегир. Пр. и Обр II, 85).

двумя другими достопочтенными лицами—честнымъ овсомъ и золотымъ ячменемъ. (Христ., стр. 4).

Изъ святочныхъ игръ, которыхъ множество, достаточно будетъ указать, какъ образчикъ, одну; это такъ называемое хороненіе золота. (Христ., стр. 4). Обыкновенно при этомъ хоронится, (т. е. прячется дѣвушками, составляющими между собою кругъ), если не золотой (по неимѣнію такого), то вообще металлическій перстень. Съ подобіемъ этой народной игры можно встрѣтиться даже въ свѣтскихъ гостиныхъ; — это всякому знакомая игра въ колечко. Разумѣется, занимающіяся ею отъ нечего дѣлать модныя барышни и понятія не имѣютъ о томъ, какая это стародавняя старина и какой сокровенный смыслъ заключался когда-то въ этой игрѣ — обрядѣ. У Чеховъ существуетъ въ народѣ совершенно такая игра; у Болгаръ же сохранился сродный съ этимъ обычай— хороненіе золота другимъ способомъ, посредствомъ запеканія золотыхъ или серебрянныхъ монетъ въ особаго рода хлѣбъ, изготовляемый наканунѣ новаго года. Смыслъ во всемъ этомъ долженъ быть слѣдующій. Золото на миѳическомъ языкѣ есть небесное золото,—яркое, красное солнышко, которое въ зимнее время являлось какъ бы схороненнымъ [1]). Въ пѣснѣ, относящейся къ нашей игрѣ, перстень (какъ онъ, такъ и запекаемая монета представляли подобіе солнца и своею круглою формою) называется былицею — змѣиными крылицами. Смыслъ этихъ словъ уже затемненъ; въ объясненіе ихъ можно привести изъ миѳологіи только то, что забота о небесномъ золотѣ приписывалась огненному змѣю — молніи, которая, разсѣкая тучи, возвращала унесенное ими золото — солнце [2]). Еще менѣе ясны, но несомнѣнно миѳическій-же смыслъ заключаютъ въ себѣ слова дѣвушки, отыскивающей золото, и боящейся дождаться отъ матери ударовъ тремя прутьями золотыми и четвертымъ жемчужнымъ. Можно замѣтить, что въ сказкахъ упоминаются прутья изъ различныхъ металловъ, которые принадлежатъ и отъ которыхъ достается миѳическимъ существамъ. Вообще, какъ эта пѣсня, такъ и самая игра уже утратила и для народа свой смыслъ, что относится и къ большей части народныхъ игръ. Между тѣмъ даже тѣ изъ нихъ, которыя въ настоящее время принадлежатъ уже исключительно дѣтямъ, первоначально были въ ходу у большихъ—какъ священныя дѣйствія [3]).—Относительно же только что нами разсмотрѣннаго хороненія золота можно замѣтить еще, что нѣчто сходное съ этимъ, т. е. также хороненіе, только уже не золота,

---

1) Hanus, Bajesl. Kal., 11.

2) См. статью Аѳанасьева въ архивѣ Калачова, ч. II, кн. II, отд. VII, стр. 10.

3) Относительно цѣлаго множества нѣмецкихъ дѣтскихъ игръ и пѣсенокъ это положительно доказано Маннгардтомъ въ его Germanische Mythen. Наши дѣтскія игры и пѣсни остаются до сихъ поръ почти неизслѣдованными.

замѣтно у Французовъ и Нѣмцевъ — въ обычаѣ запекать въ хлѣбъ — не деньги, какъ у Болгаръ—а желтый бобъ (что совершается собственно въ заключительный праздничный день—наше теперешнее крещеніе, которому на западѣ соотвѣтствуетъ день трехъ царей). Въ этомъ обычаѣ видятъ указаніе на всѣ тѣ задатки предстоящей весенней растительности, которые во время праздника рожденія солнца еще скрыты въ землѣ, еще тайно заготовляются въ ней [1]).

Канунъ нашего теперешняго новаго года ознаменовывается своими особыми пѣснями, въ которыхъ воспѣвается какой-то добрый молодецъ Овсень. Его, какъ и Коляду, приходится считать однимъ изъ множества образовъ солнечнаго божества. Самое имя его, — различнымъ образомъ варьируемое — Овсень, Авсень, Усень [2]), происходя отъ одного корня съ весною, заключаетъ въ себѣ понятіе о ясности, этомъ основномъ свойствѣ солнца. Затѣмъ къ нему обращаются съ такимъ же призывомъ, какъ и къ Колядѣ, и въ пѣсняхъ, воспѣвающихъ его, совершенно подобно колляднымъ, описываются три терема [3]). Но Коляда, какъ мы видѣли, первоначально была божествомъ женскаго рода; что касается Овсеня, то ему уже рѣшительно придается образъ добраго молодца, за которымъ, по нѣкоторымъ пѣснямъ, оказывается сверхъ того большая странность:

На чемъ ему ѣздити?
На сивенькой свинкѣ...

Но при помощи сравнительной миѳологіи странность эта объясняется.— Ѣздящимъ — не на свинкѣ, а на кабанѣ и притомъ золото-щетинномъ, а не сивомъ—представлялся у Германцевъ не кто иной, какъ солнечный богъ. Наша замѣна кабана (свинкою, и притомъ просто сивенькою) есть только позднѣйшее упрощеніе, подобно тому какъ далѣе въ нашей пѣснѣ—позднѣйшее присочиненіе:

Чѣмъ погоняти?
Живымъ поросенкомъ [4]).

Какъ бы то ни было, порода этихъ животныхъ — одна, и она находилась въ несомнѣнномъ соотношеніи съ солнечнымъ божествомъ. Дѣло въ томъ, что намъ, на нашей ступени развитія, трудно себѣ и представить, до какой степени были простодушны воззрѣнія на природу первобытнаго человѣка. Почти не было предмета, не было животнаго въ окружающемъ его быту, которые бы не представляли ему возможности къ сближенію ихъ съ тѣмъ, что имъ затѣчалось на небѣ. Такъ достаточно было одной пря-

[1]) Hanus, Kal., 17.

[2]) Даже Говсень, Таусень, Бауцень — въ различныхъ мѣстностяхъ различно. (Снегир. Пр. и Обр. II, 103).

[3]) Христом., стр. 5, ст. 1.

[4]) Терещ. VII, 118.

молнiейности во всѣ стороны расходящихся лучей солнечныхъ, чтобы они представились ему золотыми иглами лучезарнаго небеснаго ежа. Подобнымъ же образомъ былъ онъ въ состоянiи усмотрѣть въ лучахъ солнечныхъ и золотую щетину, — въ самомъ же солнцѣ — золотаго кабана. вепря и т. п. [1]) Позже, когда солнцу уже былъ приписанъ человѣческiй образъ, золотому вепрю досталось служить ему вмѣсто коня.

На эту связь солнечнаго молодца съ упомянутымъ родомъ животныхъ указываетъ и приготовленiе свиныхъ кишокъ, ножекъ, и т. п. [2]) наканунѣ новаго года, а равно и выпрашиванiе себѣ подобныхъ гостинцевъ (первоначально—не себѣ, а для жертвы богу) ходящими по домамъ славить Овсеня, выпрашиванiе—слѣдующими словами: «свинку да боровка выдай для васильева вечерка».

Васильевымъ этотъ вечеръ называется уже отъ христiанскаго празднованiя въ день новаго года памяти св. Василiя Великаго. Въ Малороссiйской пѣснѣ, относящейся къ этому вечеру, на Василья (т. е. наканунѣ васильева дня) ходитъ Илья; — христiанскимъ же именемъ Ильи замѣнился въ народныхъ преданiяхъ языческiй богъ громовникъ, что произошло вслѣдствiе представленiя себѣ этого бога раскатывающимся по небу въ колесницѣ, которой народъ и уподобилъ огненную колесницу Ильи пророка. Въ нашей пѣснѣ такимъ образомъ ходящимъ на васильевъ день первоначально являлся Перунъ, слѣдствiемъ же его появленiя становится въ пѣснѣ зарожденiе пшеницы и всякого хлѣба. Мальчики, ходящiе съ такими пѣснями по домамъ, посыпаютъ при этомъ изъ рукава различными зернами, что соблюдается до сихъ поръ у различныхъ Славянъ [3]). Въ связи съ этимъ находится устанавливанiе снопами той комнаты, въ которой ужинаютъ, что соблюдается преимущественно въ Малороссiи, также въ Голицiи (въ послѣдней сверхъ того кладется на столъ рукоять плуга [4]) Снопы кладутся и на самый столъ, а посреди ихъ, въ Малороссiи, становятъ большущiй пирогъ; сидя за нимъ, отецъ спрашиваетъ дѣтей, видятъ ли они его? — «Не видимъ, отвѣчаютъ

---

[1]) Ch. Schwartz, S. M. и S. 13, 120 etc.

[2]) Употребительно въ Нерехотскомъ уѣздѣ Костромской губернiи (Снегир. Пр. и Обр. II, 104) У Болгаръ всякiй непремѣнно готовитъ свинину къ колядному празднику. Чтобы сдѣлать это доступнымъ для всѣхъ, установляется передъ праздникомъ такса, для чего община нарочно собирается — и притомъ въ церкви (Каравелова, памятн. быта Болгаръ, I, 276). Нѣкоторыя сербскiя колядныя пѣсни прямо указываютъ на праздничное значенье свинины (Вука пѣсни, I, 117). И у насъ, въ одной изъ пѣсень, призывающихъ съ неба Коляду, описывается приготовленiе колбасъ изъ убитой свинки (Терещ. VII, 48, 49). Замѣчательно также, что у Чеховъ солнечный отблескъ на зеркалѣ называется zlaté prase (Hanus, 11).

[3]) Снегир. II, 103. Сахар. II, vii, 2, 3. Вука Караджича Сербскiй Словарь, стр. 533.

[4]) Буслаева письмо къ Соловьеву (Ист. Россiи т. II, прилож., стр. 32).

дѣти.—Ну, дай Богъ, чтобы и на тотъ годъ не увидѣли». Этотъ обычай, смыслъ котораго состоитъ въ желаніи, чтобы отца не видно было за высотою обильнаго хлѣба на нивахъ,—этотъ обычай особенно замѣчателенъ потому, что совершенно то-же было замѣчено еще нѣмецкими писателями XI — XII вѣка у Балтійскихъ Славянъ, съ тою разницею, что тамъ за громаднымъ хлѣбомъ скрывался жрецъ [1]). У нѣкоторыхъ Славянъ употребляются и другіе обряды, которыхъ первоначальною цѣлію должно было быть—поскорѣе пробудить къ дѣятельности усыпленныя силы природы. Такъ у Чеховъ уже въ ночь на рождество дѣти выходятъ съ родителями въ садъ и поютъ стоя у дерева: «встань ото сна, деревцо, дай намъ плодовъ, — нынче вѣдь щедрый день «(наименованіе щедрымъ сохранилось и въ Малороссіи, только не за рождественскимъ, а за васильевымъ днемъ). Тогда родители кидаютъ на дерево яблоки, дѣти же, подбирая ихъ, поютъ: «деревцо встало ото сна', дало плодъ,—нынче вѣдь щедрый день».—У Сербовъ нѣсколько иначе: угрожаютъ дереву ударомъ топора, при чемъ одинъ изъ присутствующихъ говоритъ: «не сѣки, будетъ давать плоды.» Это повторяется до трехъ разъ, и за тѣмъ всѣ уже вмѣстѣ кричатъ: «будетъ давать!» [2]) Наконецъ тотъ же самый смыслъ привлеченія на землю небесныхъ даровъ изобилія долженъ былъ первоначально имѣть и усвоенный всѣми Славянами нѣмецкій обычай увѣшивать всяческими гостинцами елку [3]).

О вареніи каши на новый годъ уже было говорено по поводу употребляемаго при этомъ дѣйствіи причитанія въ честь гречи. Какъ въ причитаніи повѣствуется о гречѣ, о ея похожденіяхъ изначала и до самаго ея пріѣзда на «гостеванье,» такъ самымъ дѣйствіемъ какъ бы изображается ея прибытіе, а то и другое вмѣстѣ должно было первоначально соединяться съ надеждою тѣмъ самымъ содѣйствовать произростенью гречи и вообще хлѣба [4]).

Васильевымъ днемъ еще не оканчивается рядъ праздниковъ: 4-го января вечеромъ дѣвушками, выходящими при этомъ на воздухъ, отправляется молитвенное обращеніе къ звѣздамъ, называемымъ тутъ дѣтьми одной матери. Если припомнить первую изъ вышеразобранныхъ колядныхъ пѣсень, то этою матерью здѣсь должно оказаться солнце. Звѣздамъ придается тутъ уже вполнѣ человѣческій образъ, такъ что дорисовывающее воображеніе изображаетъ ихъ даже бѣлорумяными и дородливыми. Наконецъ имъ же приписывается тутъ и участіе въ устроеніи браковъ между людьми.

[1]) Костом. Слав. Миѳол., 79.

[2]) Hanus, Kal., 32.

[3]) Ibid., 14, 31.

[4]) Мнѣніе г. Потебни, что греча была символическимъ образомъ воды кажется мнѣ нѣсколько натянутымъ. Чт. Общ. Ист. и древн. 1865 г. II, стр. 63.)

Праздникъ завершается днемъ теперешняго «крещенія».—Послѣ обѣдни мѣстами употребляется разстилание по двору снопов всякаго хлѣба, причемъ пригоняется къ нимъ скотина, и все это окропляется святою водою [1])—дѣйствіе, въ которомъ какъ бы заранѣе изображается выгонъ скота на весенній кормъ, выгонъ, обыкновенно совершаемый 23-го апрѣля, причемъ также употребляется окропленіе. Такою преждевременностью содержанія поражаетъ, какъ было сказано, и весь разобранный нами праздникъ. Окончательно преждевременнымъ является окропленіе водой, которой какъ бы приписываются уже весеннія свойства, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она еще достается изъ подо-льда. Этимъ вполнѣ подтверждается происхожденіе всѣхъ этихъ обрядовъ изъ болѣе теплыхъ странъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ихъ отдаленная давность. Что касается собственно цѣлебности окропленія, то ее приписывали и каплямъ земной воды вслѣдствіе спасительнаго дѣйствія небесныхъ дождевыхъ капель. Нужно ли прибавлять, что іорданская вода стала употребляться при этомъ только въ христіанское время?

Чисто языческаго происхожденія и купаніе въ проруби.

Если уже при первыхъ признакахъ поворота на лѣта радостно справлялся цѣлый рядъ праздниковъ, то тѣмъ болѣе повода было къ тому при болѣе ощутительномъ успѣхѣ въ явленіяхъ свѣта и теплоты. И точно, съ рѣшительнымъ наступленіемъ весны справлялся новый рядъ праздниковъ, въ свою очередь уцѣлѣвшій и до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ отчасти. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ начинается ранѣе, въ нѣкоторыхъ позже—до извѣстной степени сообразно съ климатомъ. Впрочемъ, были и другія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ начинаютъ праздновать рано даже и въ очень суровыхъ мѣстностяхъ. Такъ какъ первоначальное время празднованія, по принятіи христіанства, болѣе или менѣе совпадало съ великимъ постомъ, то часть праздниковъ была перенесена на время непосредственно предшествующее посту, т. е. теперешнюю нашу маслянницу. Такъ оно было у насъ на Руси подъ вліяніемъ православной церкви, не допустившей шумныхъ и веселыхъ празднествъ во все теченіе поста. Напротивъ церковь католическая сдѣлала въ этомъ отношеніи нѣкоторую уступку народнымъ обычаямъ, и допустила самый широкій разгулъ веселья—въ серединѣ поста, во время такъ называемаго его перелома. Вслѣдствіе такой уступки, въ эту то пору и совершаются у западныхъ Славянъ нѣкоторые изъ весеннихъ обрядовъ, сходные съ которыми у насъ совершаются раньше—на маслянницѣ. Впрочемъ и на Западѣ весеннія празднества начинаются уже съ маслянницы. Собственно пѣсенъ, относящихся къ этому времени, сохранилось мало; у насъ почти вовсе не сохранилось. Зато сохранилось довольно много об-

[1]) Сообщено г. студ. Веневитиновымъ.

рядовъ, по которымъ можно отчасти судить и о содержаніи позабытыхъ пѣсень, такъ какъ между обрядомъ и пѣснію существовало первоначально самое строгое соотвѣтствіе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи возятъ о масляницѣ на огромныхъ саняхъ въ 12 лошадей большой столбъ, на верху котораго положено колесо, на колесѣ же сидитъ особеннымъ образомъ одѣтый мужикъ [1]). Извѣстно, что колесо (др. коло) было подобіемъ того огненнаго колеса, какимъ, по одному изъ весьма распространенныхъ миѳическихъ представленій, почиталось солнце. Когда въ болѣе позднее время свѣтило это представлялось уже въ человѣческомъ образѣ, то прежнее колесо сохранилось въ видѣ его принадлежности. Такимъ образомъ масляничный мужикъ съ колесомъ можетъ быть признанъ за такой же одушевленный кумиръ солнечнаго божества, какимъ была дѣвушка, которую возили въ Москвѣ въ сочельникъ и величали Колядою. — Въ другихъ мѣстахъ возятъ большое дерево, убранное лоскутками и всяческими украшеніями [2]); этимъ, какъ и рождественскою елкою, изображалось прибытіе лѣтняго плодородія — Особенно же замѣчательно совершаемое въ Сибири катаніе на огромныхъ саняхъ корабля съ парусами, въ которомъ сидитъ медвѣдь и другое наряженное существо, величаемое госпожею масляницею [3]). Корабли въ миѳологіи плавали по небеснымъ водамъ, за которыми въ самой глубокой дали находилось мѣсто вѣчнаго тепла и свѣта [4]): вотъ на эту-то благодатную сторону, на прибытіе изъ нея желанныхъ даровъ, по всей вѣроятности, и указывалъ развозимый въ Сибири корабль. Что касается медвѣдя, то онъ въ миѳологіи служилъ однимъ изъ образовъ бога громовника, прибытіе котораго, празднуемое уже о рождествѣ, тѣмъ естественнѣе было праздновать на масляницѣ — болѣе близкой къ весеннему времени. Въ числѣ святочныхъ пѣсень есть одна коротенькая, совершенно соотвѣтствующая сибирскому обряду:

Медвѣдь пыхтунъ
По рѣкѣ плыветъ;
Кому пыхнетъ во дворъ,
Тому зять во теремъ [4])

Послѣднія слова, относящіяся къ вліянію бога громовника на учрежденіе брака, и были, вѣроятно, причиною отношенія этой пѣсенки къ святкамъ — времени гаданья о бракѣ. Произойти это могло легко, такъ

---

[1]) Снегир. II, 127.

[2]) Сахар. Сказ. II, VII, 78. Снегир. II, 128.

[3]) Снегир. II, 132. Г. Потебня видитъ въ этой масляницѣ (названье позднѣйшее) богиню—тучу. См. статью его о Бабѣ-Ягѣ въ Ч. М. О. И. и Др. 1865, III, 108—111.

[4]) Ср. ст. Аѳанасьева объ островѣ Буянѣ (Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1851 г., кн. IX, стр. 11).

[4]) Сахар. II, III, 14.

какъ и въ колядныхъ обрядахъ и пѣсняхъ уже прославляется богъ-громовникъ [1]).

Другаго рода обрядъ составляетъ употребительное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, т. назыв. сожиганіе соломеннаго мужика т. е. собственно кучи, образуемой изъ охапокъ соломы, приносимыхъ каждымъ изъ участниковъ. То-же совершается въ Болгаріи въ послѣдній день масляннницы, причемъ еще скачутъ черезъ зажженный огонь. Обычай зажигать его такимъ образомъ соблюдался и при другихъ праздникахъ; этотъ искусственный огонь служилъ подобіемъ огня небеснаго, скакали же черезъ него, приписывая ему такую же благотворную силу, какая признавалась за небеснымъ огнемъ Въ послѣдній же день масляннницы послѣ ужина въ Болгаріи выходятъ на воздухъ, и стрѣляютъ изъ пистолетовъ и ружей, при чѐмъ поются пѣсни въ честь Лада (солнечнаго божества) [2]). Такое стрѣляніе изъ оружій, свойственныхъ болѣе позднему времени, въ старину должно было замѣняться стрѣляньемъ другаго рода, въ настоящее время уже перешедшимъ къ дѣтямъ. Съ самаго начала масляннницы и до конца ея болгарскіе мальчики занимаются стрѣльбою изъ лука—стрѣлами, оружіемъ, свойственнимъ отдаленнѣйшей старинѣ. Стоитъ только вспомнить при этомъ метаніе стрѣлъ изъ лука греческаго Аполлона [3])—божества солнечнаго—чтобы усмотрѣть въ этихъ стрѣлахъ образъ лучей солнечныхъ, удары которыхъ въ весеннюю пору пробиваютъ затвердѣлую въ зимнее время землю. На связь масляннницы съ божествомъ свѣта указываетъ и сербское ея наименованіе—бјела недјелька (Каравел. I, 187).

Что касается вышеупомянутаго зажиганья соломы, то имъ, можетъ быть, обозначалось сожженіе—въ смыслѣ истребленія, погубленія вреднаго существа. У Нѣмцевъ употребительно сожженіе соломеннаго чучела, называемаго зимою [4]). Сперва оно прогоняется за городъ, а потомъ сожигается,—только у Нѣмцевъ это происходитъ въ серединѣ поста. Сверхъ того нѣмецкій обрядъ предварительно выражаетъ борьбу зимы съ изображаемой другимъ чучеломъ — весною. У насъ совершаются—и опять на масляннницѣ—другіе обряды, заключающіе въ себѣ намеки на какую-то борьбу. Остаткомъ такого обряда слѣдуетъ считать оборону съ одной стороны, съ другой же взятіе приступомъ—ледяной крѣпости [5]).

---

[1]) Обряды съ медвѣдемъ совершаются на масляннницѣ и у Чеховъ (Гануша Миеологич. Календарь, 80, 81). Изъ всѣхъ дней масляннницы у нѣкоторыхъ Славянъ особенное значеніе имѣетъ четвергъ—день, посвященный Перуну (Тору или Донару — у Германцевъ, отсюда и Donnerstag. Peren-dan у Полабовъ) (Ганушa, 79, 120).

[2]) Каравелова, Памяти. быта Болгаръ, I, 190.

[3]) Иліада, пѣснь 1, ст. 44—55.

[4]) Снегир. II, 129, 130. W. Müller, Gesch. und System der altdeutschen Religion, 188, 9.

[5]) Снегир. II, 132.

На миѳическое значеніе этой борьбы указываетъ то, что одержавшему въ ней побѣду приходится выкупаться въ проруби. Быть можетъ и независимые отъ взятія ледяной крѣпости кулачные бои на льду [1]) представляютъ остатокъ упомянутой борьбы обрядовой.

Но ежели радостное начало весеннихъ празднествъ перенесено у насъ на масляницу, то нѣкоторыя пѣсни, славящія весну, поются и не смотря на постъ—въ мартѣ мѣсяцѣ [2]). Обычай пѣть ихъ на высокихъ мѣстахъ указываетъ на обрядовое ихъ значеніе — такъ какъ горы были однимъ изъ мѣстъ богослуженія у языческихъ Славянъ. Между этими пѣснями—носящими названіе веснянокъ—замѣчателенъ бѣлорусскій варьянтъ, въ которомъ, соотвѣтственно обряду прогнанія зимы, эта послѣдняя противополагается веснѣ такимъ образомъ:

Благослови, Боже,
Весну закликати,
Весну закликати,
Зиму запирати [3]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи окликаніе весны соединяется съ купаніемъ. Еще до восхода солнечнаго дѣвушки входятъ по поясъ въ воду и, схватясь за руки, приплясываютъ и припѣваютъ. Ясно, что при этомъ водѣ приписываются уже весеннія свойства; если же, по особенной суровости погоды, это оказывается рѣшительно невозможнымъ, т. е. рѣки еще не прошли, то, точно также схватившись руками, приплясываютъ вокругъ проруби [4]).

Изъ ряду мартовскихъ дней особенно выдаются по своему отношенію къ весеннему празднеству — день весенняго равноденствія, когда, по народной примѣтѣ, прилетаютъ жаворонки, и день теперешняго праздника Благовѣщенія, къ которому относится выпусканіе птичекъ на волю и нѣкоторые другіе обычаи [5]). Къ теперешней вербной недѣлѣ также относятся у насъ остатки весеннихъ обычаевъ, сохранившихся подъ позднѣйшимъ, видоизмѣненнымъ значеніемъ. Во всемъ этомъ у насъ сходство со всѣми другими Славянами—только нѣтъ у насъ празднованія середины поста, къ которому относится у Славянъ католическихъ обрядъ принесенія весны вслѣдъ за сожиганіемъ зимы, или смерти (значеніе полученное зимою на томъ основаніи, что она есть смерть природы) [6]).

1) Снегир. II, 126. Сахар. II, VII, 74.

2) Христом., стр. 6.

3) Сообщено мнѣ студ. ист. фил. фак. А. В. Праховымъ.

4) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это совершается въ самый великій четвергъ (Снегир. II, 13. О сходномъ обычаѣ въ Польшѣ см. у Терещ. V, 9)

5) Снегир. III, 2. Сахар. II, VII, 18, 19. Терещ. VI, 23.

6) Впрочемъ въ Малороссіи съ пѣніемъ веснянокъ соединяется мѣстами и обрядъ сожиганія Мары или Марены. Въ другихъ мѣстахъ Россіи—не сожженіе, а изгна-

Вслѣдствіе этого у нихъ и называется смертною недѣлею четвертое воскресенье поста, когда совершается этотъ обрядъ. У Славянъ западныхъ собственно этотъ-то день и служитъ началомъ весеннихъ праздниковъ, рядъ которыхъ прекрасно характеризованъ съ его основнымъ значеніемъ въ одной моравской пѣснѣ. «Смертная недѣля, куда ты дѣвала ключи?» спрашивается тутъ въ началѣ. — Я отдала ихъ цвѣтной (вербной) недѣлѣ. — Вербная недѣля, куда ты дѣвала ключи? — Я отдала ихъ зеленому четвергу (такъ называется у Чеховъ страстной четвергъ, чѣмъ и указывается на то, что первоначально это былъ праздникъ весенній). — Зеленый четвергъ, куда ты дѣвалъ ключи? — «Я ихъ отдалъ св. Егорію (великомученику Георгію, память котораго празднуется 23 апрѣля). Святой Егорій всталъ и отворилъ землю, чтобы стала рости трава, трава зеленая» [1]. — Нечего, кажется, и говорить, что св. Егорій замѣняетъ здѣсь миѳическое существо, отворяющее землю какъ бы ключемъ, т. е. вызывающее изъ нѣдръ ея тѣ сокровища, первою предвѣстницею которыхъ и является первая трава весенняя. Такимъ образомъ, собственно егорьеву дню приписывается достиженье того, къ чему стремились одинъ за другимъ предыдущіе праздники. Значенье ихъ, такимъ образомъ, только подготовительное.

Между ними первый послѣ «смертной недѣли,» — это вербное воскресенье. Подъ позднѣйшимъ значеніемъ вербы, какъ подобія масличной вѣтви Іерусалимлянъ, тутъ скрывается древнѣйшее, миѳическое. Слѣдъ его ясенъ въ обычаѣ бить дѣтей вербою, что не можетъ имѣть отношенія къ вербѣ въ ея христіанскомъ смыслѣ. Въ одной малороссійской пѣснѣ, употребляемой при ударахъ вербою, высказываются такія желанія ударяемому:

> Будь великій, якъ верба,
> А здоровый, якъ вода,
> А богатый, якъ земля [2].

Соотвѣтственно такому благодѣтельному дѣйствію вербы въ обычаѣ ею же ударять и скотъ [3]. Въ сущности эти удары вербою тоже что масляничное пусканіе стрѣлъ: то и другое — подобіе лучей солнечныхъ, ударяющихъ землю, пробуждающихъ ее къ жизни, надѣляющихъ ее силою [4]. Самое же вербное дерево, распускающееся такъ рано, стало, повидимому, миѳическимъ изображеньемъ весны [5]. Если у насъ не со-

---

ніе смерти метлами и кочергами совершается позже—на ѳоминой недѣлѣ. (Архивъ. Калачова II, і, статья А. Н. Аѳанасьева, стр. XV).

[1]) Сушила Моравскія пѣсни, 769, 770.

[2]) Максимовича, Дни и Мѣсяцы Укр. селянина (Русск. Бес. 1856 г. I, Смѣсь, 86).

[3]) Терещ. VI, 84, Снегир. III, 71.

[4]) Ганушъ 106, 123.

[5]) Въ Болгаріи на вербной недѣлѣ употребительно плетеніе вѣнковъ изъ вербы и пусканіе ихъ на воду, при чемъ поются пѣсни, имѣющія уже отношеніе къ выбору суженаго (Каравел. I, 204).

хранился въ неприкосновенности обрядъ торжества надъ изгоняемою зимою весны, приносимой въ видѣ разукрашеннаго деревца, то мы видѣли, что мѣстами у насъ на масляницѣ возятъ на саняхъ подобное деревцо, о роли же, играемой въ этомъ смыслѣ собственно вербою, говорятъ нѣкоторыя пѣсни, упоминающія даже о превращеніи въ вербу — дѣвицы, подъ которою надобно разумѣть ту-же весну [1]).

Что касается слѣдующаго за тѣмъ праздника — зеленаго четверга — то и у насъ, не смотря на христіанское значеніе страстной недѣли, мѣстами именно въ этотъ день поются веснянки и совершается то купаніе дѣвушекъ, о которомъ было сказано выше. Въ Малороссіи — не купаніе, а обливаніе водою употреблялось еще въ XVII в. преимущественно въ понедѣльникъ пасхи. У Лужичанъ въ первый день пасхи употребляется умываніе на рѣкѣ. (Гануша, 128). У древнихъ Чеховъ нѣчто сходное совершалось въ страстную субботу: именно освящали воду, сверхъ же того умывались послѣднимъ, уже тающимъ снѣгомъ. У Сербовъ снѣгъ этотъ называется бабиными уковами, т. е. цѣпями бабы, зимняго враждебнаго существа, все еще задерживающаго ими плѣненную ею землю. Но цѣпи эти окончательно расковываются—таютъ; земля омывается въ струящихся отовсюду потокахъ, и вотъ ее-то, весеннюю, возраждающуюся землю, и разумѣетъ одна чешская пѣсня подъ именемъ дѣвицы Маріи: «Гдѣ ты такъ долго оставалась, Марія, скажи мнѣ, Марія?—У ключика руки мыла; замочкомъ, замочкомъ я замыкалась, и отмыкалась листочкомъ, листочкомъ.»—Подобно тому какъ землѣ цѣлебно подобное омовеніе, той-же цѣлебной силы надѣялся отъ омовенья въ весенней водѣ и самъ человѣкъ.

Даже въ самый день страстной пятницы (самый страшный, какъ называютъ его у насъ въ народѣ подъ вліяніемъ уже христіанской идеи этого дня) оказывается возможнымъ совершеніе обрядовъ, могущихъ относиться только къ до-христіанскому празднованію весны. Такіе обряды уцѣлѣли до сихъ поръ у Чеховъ. Передъ восходомъ солнца, выходя въ садъ, становятся на колѣни подъ деревомъ и обращаются къ нему такимъ образомъ: «молю тебя, зеленое деревцо, да надѣлитъ тебя Богъ добромъ» [2]). —Ясно, что Богъ тутъ явился только въ позднѣйшее христіанское время, какъ верховный податель всѣхъ благъ, первоначально же молились самому дереву — какъ отдѣльному божеству — у него просили добра. Въ этомъ случаѣ молили; иной же разъ употреблялась, какъ оно обычно въ язычествѣ, и угроза. Такимъ образомъ въ ночь со страстной пятницы на субботу у чеховъ бѣгаютъ по саду съ крикомъ: «завязывай-

---

[1]) Такова одна бѣлорусская пѣсня, сообщенная мнѣ г. Праковымъ, а равно и одна болгарская—у Каравея. I, 207.

[2]) Пѣсни Эрбена, 69.

тесь, деревья, завязывайтесь, а не то посѣчемъ васъ.» При звонѣ же колоколовъ во время христіанскаго богослуженья субботы трясутъ деревьями и, ходя по саду, позваниваютъ ключами, въ полной увѣренности, что, въ какой мѣрѣ разнесется звонъ, въ той же мѣрѣ и плодородіе распространится по саду. [1]). — Изъ этихъ обрядовъ въ саду можно, кажется, заключить, что первоначально зеленымъ могъ называться не одинъ четвергъ, но и слѣдующіе два дня теперешней страстной недѣли.

Свѣтлый день пасхи не упомянутъ въ ряду праздниковъ, обнимаемыхъ чешскою пѣснею. Между тѣмъ и въ народныхъ обычаяхъ пасхальной недѣли проглядываютъ до сихъ поръ очевидные языческіе остатки. Не у однихъ Славянъ, но и у многихъ народовъ весеннее пробужденіе къ жизни послѣ зимняго усыпленія выражалось обрядами, указывавшими сначала на схороненіе свѣтлаго существа, далѣе же—на его возстаніе, обрядами, сопровождавшимися пѣснями, сперва печальными, а вслѣдъ за тѣмъ радостными [2]). — Остаткомъ этого служитъ у насъ въ Малороссіи, а равно и въ Галиціи, такъ называемое погребенье Кострубонька, изображаемое дѣвушкою среди круга, которая сперва падаетъ и оплакивается другими, какъ умершее существо, а потомъ поднимается къ общей ихъ радости [3]).—Въ Великороссіи ничего подобнаго уже нѣтъ, но въ пѣсенномъ воззваніи къ солнцу, относящемся къ этому празднику, есть какъ бы намекъ на ту-же идею въ словахъ: «твои дѣтки плачутъ».—Для утѣшенія ихъ, какъ бы осиротѣлыхъ дѣтей своихъ, и должно снова выглянуть ясное солнышко — божество, по повѣрью народному радостно играющее на небѣ въ этотъ день.—Самое наше названіе пасхальной недѣли свѣтлою свое глубокое христіанское значеніе могло получить только позже. (У Чеховъ сходнымъ прилагательнымъ—бѣлая—обозначается уже суббота; у Сербовъ же, какъ мы видѣли, бѣлою называется наша масляница — начало весеннихъ праздниковъ). На древнее миѳическое значеніе еще яснѣе указываетъ нѣмецкое названіе пасхи—ostern. Оно происходитъ отъ германской богини утренняго разсвѣта, а затѣмъ и весенняго разсвѣта природы, Остары [4]). Самое употребленіе яицъ должно было задолго предшествовать христіанству. Яйцо играетъ очень важную роль въ миѳическихъ представленіяхъ о зачинѣ вселенной. У многихъ народовъ она представлялась какъ-бы вылупившеюся изъ большаго яйца, заклю-

[1]) Ганушa Словарь. 117, 118.

[2]) Снегирева III, 4. Ганушa, 102, 114, 115, Костомарова Слав. миѳологія, 75.

[3]) Христом. стр. 6. Тамъ же и объясненіе слова Кострубъ.

[4]) Его сближаютъ съ санскр. astran—свѣтъ. Главный корень тутъ as и придат. кор. tar (Съ этимъ же сходно g-us-tro (утро), нѣм. o-st (востокъ), наша в-ясна (весна). По основному корню ас—(яс) сюда же относится и нашъ — яс-ень, ясный (см. выше объясненіе Овсеня) (Ганушa, 119). (Ср. Wolf, Beiträge z. D. Mythol., I. 177).

чавшаго въ себѣ зародыши всяческой жизни [1]). Точно также и каждогодное весеннее состояніе земли съ заключающимися въ ней зародышами стало уподобляться состоянію нераскрывшагося еще яйца. Соотвѣтственно этому и въ обычаѣ биться яйцами—въ которомъ нѣтъ уже ни малѣйшаго соприкосновенія съ чѣмъ либо христіанскимъ — видятъ указаніе на весеннее пробитіе земной оболочки, на ея весеннее отпираніе. Что касается краснаго цвѣта яицъ, то первоначально онъ имѣлъ отношеніе къ красному солнышку [2]).

Тоже прилагательное красный, и въ томъ же смыслѣ, придается народному празднику, справляемому въ наше теперешнее ѳомино воскресенье [3]), и справляемому на возвышенностяхъ, отчего праздникъ и называется красною горкою. Состоитъ онъ въ пѣніи пѣсень веснѣ, зачинаемыхъ женщиною, становящеюся лицомъ къ востоку съ краснымъ яйцомъ и круглымъ хлѣбомъ въ рукахъ (послѣдній своею формою также служитъ миѳическимъ образомъ солнца). Вмѣстѣ съ этимъ справляются хороводы, рядъ которыхъ начинается именно съ этого дня и продолжается до конца іюня. Весенніе хороводы справляются преимущественно на возвышенностяхъ.—Сообразно священному значенію этихъ послѣднихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, у Подолянъ, на примѣръ, они должны происходить непремѣнно на цвѣнтари, т. е. въ церковной оградѣ [4]). На священное значеніе, когда-то соединявшееся съ хороводами, также указываетъ особый почетъ, оказываемый хороводницѣ. Употребительные у всѣхъ Славянъ—у иныхъ подъ названіемъ кола (круга)—хороводы своимъ кругообразнымъ теченьемъ указываютъ на теченіе солнечнаго колеса. Самое наше наименованіе ихъ можно, какъ думаютъ иные, связывать съ Хорсомъ—однимъ изъ наименованій солнечнаго божества [5]).

Съ хороводами соединяется цѣлое множество пѣсень, относящихся большею частію уже къ позднѣйшему времени и имѣющихъ предметомъ любовь или различныя отношенія семейной жизни. Но между этими пѣснями попадается въ различныхъ варьянтахъ одна, въ которой повѣствуется о какомъ-то свѣтломъ князѣ, ищущемъ своей свѣтлой княгини [6]). Чтобы добыть ее, онъ сѣчетъ и рубитъ своимъ мечемъ ворота —

[1]) Такъ оно, напр., въ 1-й кн. Законовъ Ману (Les livres sacrés de l'Orient, trad. par Pauthier, p. 334).

[2]) Ганута, 122. 124. Терещ. VI. 91, 92.

[3]) Мѣстами на западѣ называемое опять бѣлымъ (Терещ. V. 15).

[4]) Шейковскаго. Бытъ Подолянъ. I. 8.

[5]) Архивъ Калачова. I, 32 (статья Соловьева). О солнечномъ значеніи Хорса см. въ донесеніи покойнаго Прейса (Ж. М. Нар. Пр. 1841, февраль) Также см. статью Бодянскаго о тождествѣ Хорса и Даждь-Бога (Чт. М. О. Ист. и Др. 1846 г. № 2). Ср. Срезневскаго, о божествѣ солнца (Ж. М. Н. П. 1846 г. іюль).

[6]) Христоматія. стр. 7.

черта, уже рѣшительно выводящая за предѣлы обычнаго народнаго быта. Такого рода воинственное добываніе невѣсть очень часто попадается въ сказкахъ, и тамъ оно объясняется миѳически. Между тѣмъ нашей пѣснѣ, которой содержаніе при томъ и разыгрывается, соотвѣтствуетъ у Сербовъ, Чеховъ и Моравань такъ называемое хожденіе краля и кралицы. Наконецъ у Нѣмцевъ употребительна сходнаго рода игра, подъ названіемъ Maigraf и Maigräfin [1]). Этимъ указаніемъ на май они рѣшительно связываются съ явленіями весенними. Въ нашемъ свѣтломъ воинственномъ князѣ, сербскомъ свѣтломъ же кралѣ, слѣдуетъ видѣть или богагромовника, разсѣкающаго облака и выводящаго изъ за нихъ дѣву—солнце: или же солнечнаго молодца, пробивающаго своими лучами зимній покровъ земли; отворяющаго себѣ входъ къ ней, и вступающаго въ бракъ съ освобожденною имъ землею.

Съ наступленіемъ весенняго времени желанными становятся и плодотворно дѣйствующіе на землю дожди. Не даромъ еще въ колядныхъ пѣсняхъ въ числѣ трехъ божественныхъ гостей воспѣвается и дробный дождикъ. Весной его усиленно призываютъ — въ настоящее время уже только дѣти, обѣщающія выставить ему на дубокъ горшокъ борщу, въ чемъ сохранился, какъ надобно думать, намекъ на приносившуюся дождю жертву. Когда же его выпадаетъ не въ мѣру, то поется пѣсня, въ которой предлагается ему тоже самое приношеніе — съ надеждою, что послѣ этого онъ дастъ голубямъ себя унести на крыльяхъ въ чужую землю (вѣроятно такую, гдѣ дождикъ надобенъ) [2]). Когда дождь желателенъ, то ему приписывается вліяніе даже на человѣческую природу, что видно изъ слѣдующаго малороссійскаго варьянта:

. . . . Очи молодицы,
Якъ чаровницы,
Нехай отъ тебѣ (отъ дождя)
Ще краще буде.
Лице биле,
Косу довгу,
Шію и нижку
Нехай умые [3]).

И дѣйствительно употребляется умовенье дождемъ, что считается особенно благотворнымъ въ томъ случаѣ, ежели съ дождемъ соединяется

[1]) Архивъ Калачова, I, 26. Вука Караджича сербск. пѣсни I, 97—111. Вука Словарь, 298. Эрбена чешскія пѣсни, 75. Гануша календарь, 154—5. W. Müller, Geschichte und System der altdeutschen Religion, 140.

[2]) Жегота Паули, приводящій подобную пѣсню въ своемъ сборникѣ (I, 47), прямо говоритъ, что считаетъ ее остаткомъ миѳическаго гимна въ честь Мокоши, въ которой онъ видитъ славянское божество дождя.

[3]) Терещ. V, 12.

гроза. О связи между этими двумя явленіями говорится въ одной чешской пѣснѣ: «св. Петръ (замѣнившій Перуна) гремитъ и надѣляетъ насъ виномъ, чтобы мы всѣ напились [1]).—Чтобы низвести съ неба это божественное вино, въ древности не только пѣлись призывныя пѣсни, но употреблялись способствующіе тому обряды. Таковъ до сихъ поръ сохраняющійся у Сербовъ обряды Додолы. Онъ состоитъ въ томъ, что выбранная для этого дѣвушка вся обвивается зеленью по нагому тѣлу, и, водимая по деревнѣ, пляшетъ, другія же въ это время поютъ особыя додольскія пѣсни, послѣ чего бабы обливаютъ Додолу (такъ называется дѣвушка въ зелени) водою. Въ народѣ вѣрятъ, что этимъ и у небесныхъ бабъ—тучъ вынуждается дождь, котораго жаждетъ земля, изображаемая Додолою. Пѣсни, употребительныя при этомъ, начинаясь мольбой о дождѣ, далѣе описываютъ уже процессъ его ниспаденія: «мы идемъ по селу, тучи же пò небу; мы скорѣе, — и тучи скорѣе, но тучи насъ обогнали и оросили поля» [2]). За тѣмъ же повѣствуется о явленіи, непонятномъ съ перваго раза: «мы идемъ по селу, а тучи пò небу, и вотъ изъ тучи выпадаетъ перстень [3]).» Между тѣмъ этимъ объясняется нашъ русскій обычай, въ случаѣ дождя при молніи, собирать его въ чашку, на дно которой кладутся кольца. Въ Рязанской же губерніи употребляется умываніе водою, пропускаемою черезъ обручальное кольцо. Сохранилось наконецъ старинное историческое свидѣтельство о сходномъ обычаѣ у древнихъ германцевъ [4]). Изъ того, что кольца употребляются тутъ при молніи и что въ сербской пѣснѣ кольцо падаетъ изъ тучи, можно, кажется, заключить, что золотое кольцо было миѳическимъ подобіемъ небеснаго золота молніи [7]). Какъ въ связи съ ниспаданіемъ небеснаго золота признавалась особенно благотворною небесная влага, такъ и земную воду считали особенно благотворною въ соединеніи съ земнымъ золотомъ.

---

[1]) Эрбенъ, 59.

[2]) Вука сербскія пѣсни, I, 113—14. Вука Словарь, 128.

[3]) О сходномъ обычаѣ у древнихъ Германцевъ, ново-Грековъ и нѣкоторыхъ Африканцевъ упоминаетъ Я. Гриммъ въ статьѣ своей «Ueber das Gebet.» И самое слово Додола у него объясняется. Такъ какъ послѣдній слогъ ла (ле) повторяется, какъ припѣвъ, между каждымъ стихомъ пѣсни, то онъ считаетъ его приставкой. Остающееся-же затѣмъ Дода сопоставляется имъ со славянскими миѳическими именами Дида, Дунда, (въ муж. р. Дидъ). Изъ сравненія же съ литовск. didis=великій онъ заключаетъ, что этимъ эпитетомъ указывается на могучее, высокое божество (der name Doda liesse sich hehre oder alma deuten) (Kleinere Schriften, II, 448). О распространенности обычаевъ, сходныхъ съ додольскимъ, какъ у Индоевропейцевъ, такъ и у Симитовъ, см. также Wundt Menschen- und Thierseele, II, 304.

[4]) Сахар. Сказ. II, vii, 83.— Русская Бесѣда 1856 г. II, смѣсь, статья Селиванова — годъ русскаго земледѣльца, стр. 9. W. Müller. Gesch. und Syst d. altd. Rel., 137.

[5]) Ср. Гануша, 150.

Но вотъ наступаетъ и егорьевъ день, о которомъ уже ла намъ чешская пѣсня, какъ о настоящемъ вѣнцѣ весенняго празднованія. Въ нашихъ русскихъ пѣсняхъ о Егоріѣ (Георгіѣ) онъ величается храбрымъ,— чѣмъ, вѣроятно, указывается на побѣду его надъ чудовищнымъ змѣемъ и спасеніе отъ него царевны. Подвигъ этотъ существуетъ въ миѳологіи всѣхъ народовъ, и то обстоятельство, что его приписали почти всюду св. Георгію, прямо указываетъ на замѣну этимъ послѣднимъ древняго языческаго божества;—какого именно, солнечнаго, или громоваго, этого навѣрное еще рѣшить нельзя. И то, и другое божество представлялось благопріятствующимъ какъ скотоводству, такъ и земледѣлію; а такимъ представляется и Егорій въ величающихъ его праздничныхъ пѣсняхъ [1]). Въ одной изъ нихъ его просятъ оберегать стада отъ хищныхъ звѣрей, чѣмъ вполнѣ объясняется одна изъ народныхъ пословицъ: что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ [2]) (т. е. онъ дѣлаетъ похищенья изъ стада не иначе какъ съ позволенья Егорія). Отсюда и обычай въ егорьевъ день выгонять стада въ поле. Въ Болгаріи при этомъ до сихъ поръ еще совершается какъ бы цѣлое жертвоприношеніе,—а именно съ торжественными обрядами закалаются стариками бараны, дѣвушки же подбираютъ траву, на которую льется ихъ кровь [3]) Въ другой пѣснѣ указывается на то, что Егорій своими золотыми ключами (вѣроятно лучами солнечными) отмыкаетъ русскую землю (послѣ зимняго замкнутаго ея состоянія). Онъ отмыкаетъ ее сверхъ того и посредствомъ мелкой росы, пускаемой имъ на весь свѣтъ и въ свою очередь способствующей растворенью земли. Увѣренностью въ цѣлебномъ дѣйствіи росы не только на землю, но и на животныхъ и самого человѣка объясняется бѣлорусскій обычай выгонять скотъ на егорьеву росу, или же малороссійскій и болгарскій — давать молодцамъ и дѣвушкамъ кататься по росѣ въ этотъ день [4]).

Съ приближеніемъ лѣта наступаютъ новые праздники, сопоставляемые въ великорусской пѣснѣ:

Первый праздникъ — семикъ честной,
Другой праздникъ — троицынъ день,
А третій праздникъ — купальница [5]).

Семикомъ завершается рядъ весеннихъ праздниковъ. Въ эту пору года

[1]) Христом., стр. 8.
[2]) Даля, Словарь 459.
[3]) Каравелова, Пам. быта Болгаръ. I, 211.
[4]) Снегир. III, 73—74. Каравел. I. 212. Употребительно въ юрьевъ день и купанье въ рѣкѣ. Такъ у Латышей еще до разсвѣта водятъ купать лошадей, хотя бы и ледъ еще былъ („День" 1865, № 41, стр. 979).
[5]) Снегир. III, 100. О значеніи слова семикъ см. въ христом. стр. 8. Тамъ же и поясненіе нѣкоторыхъ обрядовъ.

даже въ суровомъ климатѣ уже окончательно распускаются—по крайней мѣрѣ березки; и если уже въ нѣкоторые изъ предшествующихъ праздниковъ употребляются обряды съ подобіемъ дерева (см. выше), то тѣмъ естественнѣе ихъ совершать съ настоящимъ зеленымъ деревомъ—прямымъ проявленьемъ оживленнаго состоянія природы. Въ пѣсняхъ, сопровождающихъ эти обряды, обращаются къ березамъ, какъ къ живымъ существамъ [1]); упоминаются въ нихъ и небесныя существа, способствующія растительности, каковы туча и громъ, собирающіеся гулять вмѣстѣ; упоминаются наконецъ два человѣкообразныя существа, молодецъ и дѣвица, которые уже не просто гуляютъ, а борются. Быть можетъ это только новые образы для тѣхъ же небесныхъ существъ, какъ можно судить по одной сербской пѣснѣ, въ которой дѣвица-молнія борется съ молодцемъ-громомъ и побѣждаетъ его [2]).

Въ семицкихъ пѣсняхъ миѳы уже являются значительно затемненными; то-же еще болѣе относится къ пѣснямъ, поющимся на Троицу. Тѣмъ не менѣе, и не смотря на свое христіанское имя, этотъ уже лѣтній праздникъ сопровождается въ народѣ обрядами, очевиднымъ образомъ сохранившимися отъ языческой старины. Мѣстами, на примѣръ, употребительная уже въ семицкій праздникъ березка на Троицу убирается въ пестрое платье и, подъ именемъ гостейки, выносится за селеніе. Въ другихъ мѣстахъ употребляется купаніе также разукрашенной дѣвушки, называемой Костромою [3]). Въ самыхъ пѣсняхъ, относящихся къ празднику, повѣствуется—уже не о купаніи только, а объ утопаніи какъ дѣвушки, такъ и молодца. (Христом. стр. 9).

Пѣснями этого рода троицынъ день сближается съ купальницею и купалою (23 іюня, Аграфены, по народному прозванью—Купальницы, и 24-го того же мѣсяца—рождество Іоанна Предтечи, или, по народному, Ивана Купала). Впрочемъ между ними еще — такъ называемое христіанскимъ терминомъ всесвятское заговѣнье (праздникъ всѣхъ святыхъ, первое воскресеніе послѣ Троицы, и послѣдній день передъ петровымъ

---

[1]) Христом. стр. 9.

[2]) Вука пѣсни, I, 151—152. Ст. Потебни о Бабѣ Ягѣ (Чт. М. О. И. и Др. 1865. III, 174). Молодецъ, борющійся съ дѣвицею, въ нашей пѣснѣ называется туромъ (Христом. стр. 8). Въ одной же изъ нашихъ загадокъ туръ является громомъ, а подъ турицею (мигающею) слѣдуетъ понимать тутъ молнію, между тѣмъ та-же молнія въ другихъ загадкахъ является уже дѣвою (Христом. стр. 13). Г. Аѳанасьевъ напротивъ склоняется къ тому, что бы въ добромъ молодцѣ—турѣ видѣть солнечное божество (потому что попадающійся въ этой пѣснѣ припѣвъ Дидъ-Ладо повторяется въ пѣсняхъ при встрѣчѣ солнца). (Комета Щепкина, 131—134). Подъ дѣвицею же, какъ извѣстно, разумѣется и Заря. Послѣ этого побороніе дѣвицей молодца можетъ выражать побороніе, т. е. прогнаніе, смѣну солнца вечерней зарей, или же, можетъ быть, и свѣтлою лѣтнею ночью (ср. съ загадками о днѣ и ночи). (Христом., стр. 13. ст. 2-й).

[3]) Снегир. III, 134, 135. Терещ. VI, 189, 191.

юстомъ); къ нему мѣстами относятся обряды, указывающіе на потопленіе какого-то женскаго существа (величаемаго опять Костромою) или же на погребеніе существа мужскаго, называемаго Ярилομъ [1]).— Такое замѣчательное сродство между столькими обрядами и соотвѣтствующими имъ пѣснями заставляетъ полагать, что во всемъ этомъ долженъ таиться какой нибудь уже затемнившійся миѳъ. Какъ эта многообразно вспоминаемая Купальница, такъ и этотъ Купало должны быть божественныя существа. Не даромъ же главный ихъ праздникъ—торжественная ночь съ 23 на 24-е іюня — считается однимъ изъ важнѣйшихъ народныхъ праздниковъ и изобилуетъ разнообразнѣйшими обрядами. Къ сожалѣнію всѣ сюда относящіяся пѣсни отличаются рѣшительною неясностію. Въ одной изъ нихъ, малороссійской, купающимся является самъ Богъ, (Терещ. V, 77) большею же частію купало величается Иваномъ — отъ праздника Іоанна Крестителя, который по времени сталъ совпадать съ прежнимъ языческимъ. Такъ какъ, по всей вѣроятности вслѣдствіе этого, имя Ивана и въ колядкахъ утвердилось за добрымъ молодцемъ-солнцемъ, то можно догадываться, что и Иванъ купало — солнечное божество. Это доказывается и многими обрядами ивановой ночи, обрядами, сходными у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Между ними особенно замѣчательно скатываніе съ горы зажженнаго колеса. Если оно и вообще служило подобіемъ солнца, то тѣмъ болѣе это достигалось гореніемъ колеса. Но что же означаетъ скатываніе его съ горы? Надо припомнить, что иванова ночь относится уже ко времени лѣтняго солноворота: т. е. еще до этого дня солнце начинаетъ поварачивать какъ-бы опять назадъ. Оно какъ бы идетъ снова внизъ, потому что дни съ этихъ поръ уже убываютъ. Правда, въ концѣ іюня это еще мало замѣтно, но живое воображенье народа любитъ, такъ сказать, забѣгать впередъ въ своихъ простодушныхъ наблюденіяхъ надъ природою. Мы видѣли, какъ еще среди сильнѣйшихъ морозовъ, съ едва замѣтнымъ прибываніемъ дня, народомъ уже замѣчается рѣшительный поворотъ на лѣто и справляется радостный праздникъ въ честь лѣтнихъ явленій. Правда, выше это объяснялось тѣмъ, что праздникъ долженъ былъ первоначально сложиться въ болѣе тепломъ краю; но и тамъ въ эту пору года все еще далеко до настоящаго лѣта. Совершенно въ такой же мѣрѣ, въ столь, напримѣръ, благодатномъ краю, какъ Болгарія, среди іюльскихъ жаровъ, казалось бы, далеко до малѣйшихъ признаковъ предстоящей зимы, а меж-

[1]) Сахар. Сказ. II, VII, 90, 91. Терещ. V, 100. Ярило производятъ отъ ярь — весна. Что касается Костромы, то въ ней видятъ женскую форму вышеупомянутаго Кострубонька, похороны котораго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, также происходятъ въ эту пору (Ср. Русск. Бесѣда 1856 г., III, Смѣсь, 105—107. Шейковскаго, бытъ Подолянъ, I, 23—27).

ду тѣмъ и тамъ уже 5-е іюля—день Атанаса зимняго, названнаго такъ потому, что, по повѣрью народному, въ ночь на этотъ день онъ является въ шубѣ, заранѣе возвѣщая зиму [1]). Такимъ образомъ, уже съ первыми признаками умаленія дня, народъ провидитъ впередъ, что въ концѣ концовъ послѣ этого предстоитъ не что другое, какъ зимнее время. Тѣмъ болѣе въ такомъ суровомъ климатѣ, каковъ нашъ, онъ можетъ говорить уже въ іюнѣ, что «солнце идетъ на зиму (пояснительно прибавляя однако же: а лѣто на жары) [2]). — Вотъ на это-то обратное шествіе солнца и долженъ указывать обрядъ скатыванія горящаго колеса съ горы. Такое же обратное шествіе легко могло представляться уже и шествіемъ къ смерти. Замѣчательно послѣ этого, что между различными германскими повѣрьями ивановой ночи нѣкоторые прямо указываютъ на бога Бальдера; — Бальдеръ же былъ однимъ изъ миѳовъ солнечнаго божества, прекраснаго и преждевременно погибающаго. Существуетъ по этому мнѣніе, что въ немъ выражается лучшая пора солнца, его пребываніе на высочайшей точкѣ, его зенитъ, — явленіе кратковременное, продолжающееся не далѣе, какъ до второй половины іюня. Склоненіе солнышка книзу представлялось уже шествіемъ Бальдера къ гробу; а такъ какъ, по древнему обычаю, хоронили посредствомъ сожженія и притомъ посреди корабля, на водѣ, то подобнымъ же образомъ былъ схороненъ и Бальдеръ. Сожженный на кораблѣ, онъ вслѣдъ за тѣмъ погрузился въ воду. И у насъ въ иванову ночь до сихъ поръ совершается мѣстами и сожиганіе разукрашеннаго изображенія, называемаго Купайлою, или же киданіе его въ воду [3]). Теперь-то или другое, прежде, когда ясно еще сознавался смыслъ обряда, по всей вѣроятности должно было совершаться и то, и другое, одно вслѣдъ за другимъ. Въ Малороссіи иногда и теперь еще такъ. А на то, что съ сожженіемъ соединяется тутъ мысль о погребеніи, указываетъ малороссійская пѣсенка, которая поется при кострѣ.

....Петречко умеръ.
Бижите, звоните,
Настенци скажите.
Настенька бѣжить,
Серденько болить.
Петречко серденько,
Не умирай раненько.

Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ прыганія черезъ огонь, поютъ:

Ходили дивочки коло
Мариночки.

[1]) Каравелова. I, 237.
[2]) Сахар. сказ. II, vii, 32.
[3]) Терещ. V, 5, 69, 82, 83. Сахар. II, vii, 37. „День" 1864 г., № 13, статья Козлова о чешскихъ народныхъ праздникахъ. 15, 16. Каравел. I, 234.

Коло мого Вудола —
Купала....
Накупався Иванъ, та
въ воду упавъ.

Далѣе сходно и про Купальницу. Самый напѣвъ этихъ пѣсень — унылый [1]). Въ настоящее время во многихъ мѣстахъ уже и не жгутъ разукрашеннаго изображенія, а просто зажигаютъ костры, и, приписывая огню этому цѣлебную силу, перепрыгиваютъ черезъ него сами и переводятъ черезъ него скотъ. Что касается миѳа о Бальдерѣ, приведеннаго въ поясненіе подобныхъ обрядовъ, то ежели онъ съ особенною полнотою сохранился единственно у германскаго племени, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не существовалъ въ старину и у другихъ индоевропейскихъ народовъ. Повсемѣстность у нихъ обрядовъ, сходныхъ съ германскими, заставляетъ полагать это. Между тѣмъ повсемѣстностью миѳа, соотвѣтствующаго германскому о Бальдерѣ, объяснились бы и обряды сожиганія и киданія въ воду не только мужескаго, но и женскаго изображенія, не только Купалы, но и Купальницы. По германскому миѳу вмѣстѣ съ Бальдеромъ сожглась и съ нимъ утонула жена его Нанна. И у насъ въ одной малороссійской купальской пѣснѣ воспѣвается вмѣстѣ (а не порознь, какъ въ остальныхъ) купаніе и Ивана и Марьи [2]). Должна также быть и какая нибудь связь между этимъ и травою Иванъ да Марья, которою мѣстами, принято париться въ иванову ночь [3]), съ вѣрою въ цѣлебное отъ этого дѣйствіе. Кромѣ Иванъ да Марьи цѣлебность приписывается и многимъ другимъ травамъ, собираемымъ въ иванову ночь [4]). — Замѣчательно, что въ одной изъ купальскихъ пѣсень особеннымъ образомъ объясняется происхожденіе нѣкоторыхъ растеній. Въ началѣ пѣсни требуютъ у Ивана-Иващечки, чтобы онъ не переходилъ дорогу (не намекается ли этимъ на переходъ солнышка съ прежней дороги — въ гору, на новую — подъ гору, внизъ, на убыль?). Въ случаѣ, ежели онъ не послушается, угрожаютъ ему утратою коня, котораго хотятъ, поймавъ, разрубить на части и посѣять,—а отъ этого и выростутъ упомянутыя растенія. По другой пѣснѣ растенія должно насадить на могилѣ какой-то сестры, убиваемой братомъ [5]).

---

[1]) Пассека, Очерки Россіи, I, 98, 100, 109.

[2]) Терещ. V, 78. Объясненіе купальскаго праздника миѳомъ о Бальдерѣ предложено было еще Сабининымъ (въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1841, іюль, статья „Купало"). Я не могу принять только мнѣнія Сабинина о заимствованіи нами этого миѳа у Скандинавовъ. Тутъ, какъ и въ большей части случаевъ сходства, причиною является не заимствованіе, а основное, изъ племеннаго родства вытекающее единство миѳовъ.

[3]) Она называется мѣстами Купальницею (Пассека Очерки Россіи, I, 98).

[4]) Всѣ онѣ подробно разобраны у Терещенки въ томѣ V, въ главѣ о Купалѣ.

[5]) Жеготы Паули Галицкія пѣсни I, 31. 42. Метлинскаго Южно-Русск. П., 310.

Кромѣ такихъ, отличающихся темнотою, купальскихъ пѣсень, сходящихся собственно только въ томъ, что ими указывается на что-то трагическое, имѣется также и рядъ другихъ, столько же не ясныхъ, но указывающихъ скорѣе на брачныя отношенія между Иваномъ и какимъ-то существомъ женскаго рода. Съ другой стороны самое существованіе между ивановскими обрядами и такихъ, которые имѣютъ отношеніе къ браку, а равно и гаданья о суженомъ, заставляетъ полагать, что день этотъ былъ также и днемъ празднованія брака между небесными существами. И естественно, что такая благодатная пора года, какъ конецъ іюня, — ежели смотрѣть на нее, какъ на настоящее, не смущаясь мыслію о томъ, что уже готовится въ будущемъ, — могла представляться и съ исключительно радостной, въ полномъ смыслѣ праздничной стороны. Народное воображеніе, отличающееся замѣчательною многосторонностію, умѣло взглянуть на дѣло и подобнымъ образомъ. Отсюда двоякость въ купальскомъ праздникѣ: мы имѣемъ какъ бы два переплетающихся ряда обрядовъ и пѣсень—одинъ радостный, другой — трагическій. Каждому изъ нихъ должна была соотвѣтствовать своя особенная эпоха, но который рядъ создался раньше, это трудно сказать. Между свѣтлыми повѣрьями съ идеею брака уцѣлѣло даже одно такое, въ которомъ солнышко является еще въ женскомъ образѣ. По этому повѣрью въ ивановъ день оно выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ, серебрянномъ, золотомъ и брильянтовомъ, на встрѣчу своему супругу, мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненныя искры [1]). По сербскому повѣрію солнце въ ивановъ день трижды останавливается на небѣ (Сахар. II, VII, 38). По чешскому въ этотъ праздникъ свѣта наружу выходитъ и все, что таится свѣтлаго въ нѣдрахъ земли,—золото и вообще сокровища, какъ бы глубоко они ни лежали. (День, 1864 г., № 43, стр. 16). Отсюда и распространенный повсюду обычай отыскиванія кладовъ въ иванову ночь.

Возвращаясь къ трагическому значенію праздника Купалы, мнѣ приходится задать себѣ вопросъ: какимъ же образомъ объяснить себѣ совер-

[1]) Терещ. V, 79. О брачномъ значеніи праздника Купалы см. также Костомарова, (Слав. Миѳол., 93 и 94. Онъ видитъ тутъ сочетаніе солнечнаго божества (уже мужескаго) съ воднымъ. Самое слово купало сближаетъ онъ съ совокупленіемъ. По мнѣнію же Ѳ. И. Буслаева корень куп имѣетъ значеніе бѣлаго, яраго, свѣтлаго (купавый=бѣлый, купала=бѣлый цвѣтокъ) (Письмо къ Соловьеву въ прилож. ко 2 т. его Ист. Россіи, стр. 25, 26). Я. Гриммъ сближаетъ куп съ герм. hufo, houf и литовск. kanpas, kapas=куча, возвышеніе, холмъ (могильный), съ другой стороны сопоставляется у него—купа и купина (Kleinere Schriften II 250, 251). Приведу также мнѣніе Пассека: «купалу можно производить отъ копа, по малороссійски=половина (полтина);—что соотвѣтствовало бы германскому названію этого дня—Mittsommer.» (Очерки Россіи, I, 106).

шеніе обряда, сходнаго съ вышеприведеннымъ купальскимъ, въ болѣе раннее время, всесвятское заговѣнье, которое только въ случаѣ весьма поздней пасхи можетъ прямо совпасть съ солоноворотомъ, по большей же части приходится раньше его нѣсколькими недѣлями? Какимъ образомъ также объяснить пѣсни объ утопаніи—о троицѣ? На это можно отвѣчать замѣчаніемъ г. Соловьева, что «вѣроятно сопротивленіе церкви содѣйствовало тому, чтобы празднованіе [1]) во время поста отмѣнено было въ большей части мѣстъ и перенесено на заговѣнье, на день всѣхъ святыхъ, или на троицынъ день, или же на разговѣнье, на другой день праздника Петра и Павла» (Ист. Россіи. I, 67).

Что касается этого послѣдняго, то и къ нему относятся нѣкоторыя повѣрія, сходныя съ повѣрьями иванова дня (т. е. съ ихъ свѣтлою, радостною стороною). Уже съ зарею въ петровъ день выходятъ караулить солнце, ожидая, что оно будетъ играть на небѣ. (Снегир. IV, 67). Мѣстами даже всю ночь не ложатся спать и съ пѣснями ожидаютъ восхода (сообщ. г. Веневитиновымъ). Пѣсни петровскія, впрочемъ, не представляютъ уже яснаго миѳическаго содержанія.

Наступаетъ іюль съ его усиленными жарами, но и со свѣтомъ, все болѣе и болѣе убывающимъ, суляшимъ впереди — зиму. Самый жаръ этого времени,—жгучій, часто губительный жаръ, а уже не то благотворное, живительное тепло, которое растворяетъ и дѣлаетъ плодотворною землю. И чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ скорѣе и самый жаръ сулитъ уже впереди — желтый листъ, этотъ признакъ умиранья природы, провозвѣстникъ не чего другаго, какъ той-же зимы. Понятно послѣ всего этого, почему живое воображенье народа замѣчаетъ уже съ этой поры — поворотъ на зиму. 20 іюля, по народному дневнику, уже первый осенній праздникъ. Но, служа только переходомъ къ осени, онъ еще ознаменовывается лѣтнимъ явленіемъ, — громомъ, долженствующимъ проявиться во всей своей силѣ — какъ бы на прощаніе. Онъ, по народному вѣрованію, не можетъ не быть въ этотъ день; — потому что это былъ день, когда-то посвященный Перуну, богу грома и молніи, въ настоящее время скрывающемуся подъ именемъ Ильи громовника (такъ прямо и называется у Сербовъ Илья пророкъ, котораго огненная колесница, восхитившая его на небо—сдѣлала возможнымъ замѣну имъ, въ народномъ воображеніи, языческаго громовника). Одинъ изъ величайшихъ народныхъ праздниковъ, Ильинъ день, при всемъ томъ уже не отличается какими

[1]) Т. е. собственно Ярилѣ=(Купалѣ) и Костромѣ (=купальницѣ), такъ какъ шествіе съ изображеніемъ ихъ, а потомъ погребеніе по преимуществу отличалось характеромъ миѳическимъ. Дѣйствительно въ иванову ночь обрядъ этотъ уцѣлѣлъ только мѣстами; содержаніе же его передается, какъ мы видѣли, въ купальскихъ пѣсняхъ, хотя и въ затемненномъ видѣ.

либо особыми пѣснями [1]). Такія пѣсни слышатся за то въ августѣ, въ самомъ началѣ котораго, замѣчая уже быстрое убываніе дня, стерегутъ солнышко на закатѣ и обращаются къ нему съ мольбою подождать (такъ въ первомъ стихѣ пѣсни. дальнѣйшіе стихи которой уже не заключаютъ въ себѣ ничего миѳическаго) [2]). Особыми пѣснями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (преимущественно въ галицкой Руси) ознаменовывается жатва, начало и конецъ которой отличаются также и обрядами особаго рода. Жатва, это собираніе даровъ благодатнаго лѣта, не могла не представляться дѣломъ священнымъ. И теперь еще въ Малороссіи мѣстами ее долженъ начинать самъ священникъ. въ языческія же времена она, надо думать, начиналась старѣйшиною. Въ другихъ мѣстахъ зачинщицею жатвы должна еще и теперь быть женщина. отличающаяся безукоризненностью своей жизни. Готовясь въ первый разъ выходить на жатву. одѣваются какъ на праздникъ — въ нарядныя платья. Приступая къ жатвѣ, молятся на три стороны,—опуская четвертую, сѣверную, ту, гдѣ господствуетъ тьма и холодъ. Первый сорванный пукъ созрѣвшихъ колосьевъ относится на домъ и кладется подъ образа — первоначально же, надобно думать, приносился въ жертву богамъ. Яснѣе характеръ языческой жертвы сохранился въ обычаѣ оставлять на поляхъ клоки несжатаго хлѣба, и класть подлѣ нихъ на землю хлѣбъ и соль. Это совершается и въ началѣ, и въ концѣ жатвы; при этомъ несжатые клоки колосьевъ завязываются въ узелъ, что̀ называется завиваніемъ бороды Волосу. Что̀ касается этого имени, то оно попадается въ лѣтописи и въ въ «словѣ о Полку Игоревѣ» какъ миѳическое существо, и миѳологи склоняются къ тому, чтобы видѣть въ немъ солнечное божество или божество неба [3]). Въ Германіи, гдѣ остались слѣды подобнаго же несжинанія нѣкоторыхъ колосьевъ, въ XVI в. употреблялись еще пляски вокругъ нихъ и пѣніе пѣсень, вымаливающихъ плодородіе на слѣдующее лѣто. При этомъ употребительно также вспрыскиваніе колосьевъ и киданіе въ нихъ крохъ хлѣба. Если этого не исполнить, то, по нашему народному повѣрью, на слѣдующій годъ нельзя ожидать урожая. У насъ, въ Малороссіи, употребительно также убираніе послѣдняго сжатаго снопа въ сарафанъ и отнесеніе его на хозяйскій дворъ, гдѣ принимаютъ его съ почетомъ. При этомъ поются пѣсни, воспѣвающія хозяина; первоначально же въ нихъ, по видимому, воспѣвалось какое-то свѣтлое божество [4]).

[1]) Ильинскія пѣсни уцѣлѣли однако же у Болгаръ (Каравел. I. 241—47).

[2]) Сахар. II, VII. 48. Христом., стр. 6.

[3]) Срезневск. О покл. солнцу у древн. Слав. Ж. М. Н. Пр. 1846 г. іюль. стр. 36. Статья о Волосѣ Сабинина — тамъ же 1843 г. Окт. стр. 43 и слѣд.

[4]) Такъ можно догадываться по тѣмъ золотымъ воротамъ хозяйскаго дома, въ которымъ подходятъ въ этихъ пѣсняхъ жнецы. Жеготы Паули, I, 49, 51. Сахар. II,

Съ окончательнымъ наступленіемъ осени многое мѣняется въ народномъ быту. И трудъ, и веселье происходятъ уже не на вольномъ воздухѣ, а въ избѣ. И тутъ раздается пѣсня, никогда и нигдѣ непокидающая народа,—но это уже пѣсня съ позднѣйшимъ характеромъ, не носящая миѳическо-обрядоваго характера. И въ промежутокъ времени отъ начала осени до Коляды имѣются свои праздники, но уже не имѣется собственно къ нимъ относящихся обрядовыхъ пѣсень, и миѳическій смыслъ въ нихъ вообще уже меньше замѣтенъ. Но между различными средствами препровожденія времени въ долгіе осенніе вечера, на народныхъ сходбищахъ встрѣчается загадываніе загадокъ. Въ настоящее время это не болѣе, какъ средство скоротать вечеръ, но по значенію, какое имѣетъ загадка въ эпическихъ преданіяхъ различныхъ народовъ, мы должны заключать, что въ старину она была важнымъ дѣломъ. За разгаданную загадку, по народному эпосу, нерѣдко получалась рука неприступной царевны-красавицы; разгадываніе служило доказательствомъ правоты разгадчика въ сомнительномъ тяжебномъ дѣлѣ; умѣньемъ разгадывать даже обреченный на смертную казнь нерѣдко искупалъ себѣ жизнь. Пониманіе смысла загадокъ служило доказательствомъ мудрости, а мудрость почиталась даромъ боговъ, и кому доставалась она, тотъ тѣмъ самымъ уже доказывалъ и свою правоту. Премудрый Соломонъ, по народнымъ преданьямъ, препирался загадками. На скандинавскомъ сѣверѣ, по свидѣтельству Эдды, загадками препирались между собою боги и великаны [1]). Доказательствомъ премудрости загадка сдѣлалась потому, что ею рѣшались вопросы о началѣ и сущности всего существующаго. Вопросы эти рѣшались, согласно съ характеромъ первобытныхъ временъ, миѳически; загадки — это тѣ-же миѳы, сокращенія, сжатыя формулы миѳовъ. Но, какъ достояніе только немногихъ, тѣмъ самымъ доказывавшихъ свою особенную премудрость, загадка могла возникнуть только въ болѣе позднюю пору развитія народныхъ вѣрованій, такъ какъ въ древнѣйшую пору, по своей простотѣ и немногосложности, одни и тѣже вѣрованія въ равной мѣрѣ принадлежали рѣшительно всѣмъ въ народѣ. Только съ размноженіемъ и усложненіемъ миѳовъ, а равно и съ тѣмъ затемнѣніемъ ихъ для общенароднаго пониманія, которое было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ все болѣе и болѣе накоплявшихся распространеній, (а ихъ совершало воображенье на основаніи условій чело-

VII, 44, 49. Терещ. V, 105, 109, 120, 131—134. Статья о Волосѣ Сабинина въ Ж. М. Н. Пр. 1843 г., Окт., стр. 43—48. Статья Селиванова «Годъ русскаго земледѣльца» въ Русск. Бес. 1856 г., IV. (См., 77, 78). Аѳанасьева. Вѣдунъ и Вѣдьма (Комета, Альманахъ 1851 года, стр. 144—145). Его-же «Зооморфич. божества» (Отеч. Зап. 1852 года I, 24).

[1]) Этнограф Сб., вып. VI, предисловіе г. Худякова къ его сборнику великорусскихъ загадокъ. Ср. Friedreich, Geschichte des Räthsels, 84—135.

вѣческаго быта),—только съ этими новыми условіями въ области вѣрованій первоначально ясное всѣмъ могло становиться загадочнымъ, — а съ тѣмъ вмѣстѣ и появилась загадка, ключемъ въ которой стали владѣть уже только особые хранители размножавшагося вѣками запаса народныхъ вѣрованій, хранители, складывавшіе ихъ въ цѣлое народное вѣроученіе. Вотъ они то и должны были заключать его въ сжатыя таинственныя формулы, кромѣ ихъ становившіяся доступными только людямъ, у нихъ поучившимся. Какимъ образомъ отъ такого исключительнаго, не многимъ только дававшагося пониманья загадокъ, совершился опять переходъ къ теперешнему обыденному ихъ значенію, это съ полною опредѣлительностью сказать трудно. Надобно полагать, что это было слѣдствіемъ постепеннаго упрощенья загадокъ, упрощенья, мало по малу переходившаго въ рѣшительное опошленіе. Многія изъ существующихъ въ настоящее время загадокъ и отличаются уже совершенною пошлостью; многія уже и первоначально возникли съ подобнымъ характеромъ въ позднѣйшее время, многія только опошлились, совершенно утративъ заключавшійся въ нихъ древній миѳическій смыслъ. Но и до сихъ поръ еще существуетъ не мало загадокъ, въ которыхъ смыслъ этотъ до извѣстной степени сохранился, и которыя для изученія миѳологіи составляютъ матеріалъ особенно важный,—такъ какъ тутъ же дающаяся разгадка служитъ пособіемъ къ уразумѣнію миѳа. Сличеніе загадокъ съ обрядовыми пѣснями можетъ пролить такимъ образомъ новый свѣтъ и на пониманіе этихъ послѣднихъ. Подобно обрядовымъ пѣснямъ, загадки служатъ обломками старины отдаленной, что опять подтверждается и ихъ нерѣдко поразительнымъ сходствомъ у соплеменныхъ народовъ. Въ общей сложности ихъ, какъ и въ обрядовыхъ пѣсняхъ, нельзя не замѣчать различныхъ пластовъ, уцѣлѣвшихъ отъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ эпохъ развитія миѳа. Между ними попадаются еще и такія, въ которыхъ свѣтлымъ явленіямъ неба придается еще — не только не человѣческій, но и не животный, а просто вещественный образъ, образъ, заимствованный у самой обыденной обстановки первобытнаго человѣчества. Такъ въ одной малороссійской загадкѣ слѣдующимъ образомъ характеризуется солнце: «една чаша масла всему свѣту доста». Сходно съ этимъ въ славянской загадкѣ: «една глава воска свему свиту доста». Сравнительнымъ же изученіемъ миѳологіи доказывается, что представленіе солнца и вообще небесныхъ свѣтилъ сосудами съ горящею жидкостью есть одно изъ древнѣйшихъ миѳическихъ представленій [1]). Сходное представленіе—

[1]) Тоже представленіе въ литовской загадкѣ «на краю поля горшокъ ломается; разгадка—день занимается (отъ масла, разомъ проливающагося изъ горшка) (Шлейхеръ, 194).

и въ той загадкѣ о мѣсяцѣ, гдѣ онъ оказывается висящимъ котломъ [1]. Едва-ли не первобытнѣе даже этого представленія то, по которому мѣсяцъ (полумѣсяцъ) оказывается краюшкою хлѣба, звѣзды же — горошинами, раскиданными по рогожкѣ — небу. Сродное представленіе въ литовской загадкѣ о звѣздномъ небѣ: рѣшето переполнено крохъ; а равно и въ славонской: полно рѣшето орѣшковъ, а посерединѣ большой орѣхъ (мѣсяцъ [2]). Сюда же можно отнести и литовскую загадку уже собственно о мѣсяцѣ: посередь деревни блинъ лежитъ. По другому представленію, возникшему изъ условій быта пастушескаго, мѣсяцъ является кускомъ творогу [3]) Отъ такого простодушнаго представленія небесныхъ свѣтилъ образовавшимися изъ того же, что̀ составляло одно изъ главнѣйшихъ богатствъ человѣка — изъ молока, могъ произойти переходъ и къ уподобленію небесныхъ свѣтилъ живымъ вмѣстилищамъ молока—животнымъ. Питаясь отъ своихъ стадъ и ихъ же шерстію согрѣваясь, первобытный человѣкъ и этими двумя ихъ качествами могъ быть приведенъ къ уподобленію ихъ—солнечному свѣтилу, главному согрѣвателю и (своимъ дѣйствіемъ на растительность) главному питателю человѣка. Вотъ отсюда-то и возможность изображенія солнца въ загадкахъ—бурой коровой. По сродству съ главнѣйшимъ свѣтиломъ, и другія свѣтила—звѣзды, представляются въ образѣ, заимствованномъ у того же пастушьяго быта—козами, идущими по мосту, т. е. небу и, при видѣ зари, прячущимися въ воду, т. е. исчезающими съ появленьемъ росы. Отсюда и представленіе ихъ въ другой загадкѣ—вообще стадомъ, а мѣсяца пастухомъ (неба же—полемъ полянскимъ [4]). Изъ другихъ вещественныхъ образовъ, приданныхъ свѣтиламъ небеснымъ, замѣчательно золотое веретено, какъ образъ падающаго въ окно луча солнечнаго въ одной изъ нашихъ загадокъ. Такимъ же точно веретёномъ является въ финской поэмѣ «Калевала» самое солнце, т. е. оно, надобно полагать, принималось за тотъ кружокъ, что̀ находится на нижнемъ концѣ веретена, лучи же—за нити пряжи. Позже отсюда возникло у нѣкоторыхъ народовъ

[1]) Христ. стр. 12, Снегир. Русскіе въ своихъ пословицахъ, IV, 44. Ilic, Slawonski obicaji, 227. Schwartz, Sonne, Mond und Sterne, 23.

[2]) Ср. сербск. заг. «пуна тепсія (половъ тазъ) кошчица (косточекъ) (звиезде) (Сахар. сказ. II, vii, 100).

[3]) Schwartz, ibid., 9. Schleicher Litanische Märchen, Räthsel, etc., 204. По одному датскому сказанію, мѣсяцъ является сыромъ, образовавшимся изъ молока, разлитаго по млечному пути (Rocholz, Naturmythen, 253). Въ чешской загадкѣ мѣсяцъ — козисыречекъ. Эрбена пѣсни, 13.

[4]) Сличи съ загадкою, гдѣ небо и земля представляются двумя бодущимися быками (Христом. стр. 12), или тою, гдѣ ночь является черной коровой; наконецъ съ тою, гдѣ ночное небо—черная овечка, горящая огнемъ (стр. 13).

человѣкообразное представленіе солнца небесною пряхою [1].—Высоко поэтическимъ образомъ является въ нашихъ загадкахъ тотъ золотой корабль, который, плывя по небесному морю, разсыпается — неисчислимымъ множествомъ звѣздъ. Небеснымъ же судномъ, т. е. собственно лодкою, является въ нѣкоторыхъ миѳахъ мѣсяцъ (Schwartz. 10); въ одной же литовской пѣснѣ этотъ послѣдній наказывается богомъ громовникомъ за холодность къ своей прекрасной женѣ — солнцу, наказывается тѣмъ, что у него отсѣкается цѣлая его половина,—отсюда и полумѣсяцъ [2]). Въ дополненіе же къ этому надобно привести черту, сохранившуюся въ русскомъ повѣрьѣ, что старые мѣсяцы крошутся Богомъ на звѣзды. — Подновленною по своей формѣ надо считать ту загадку, въ которой звѣзды являются — огненною грамотою по синему бархату неба.

Уже нѣкоторыя загадки съ преобладаніемъ еще вещественныхъ образовъ невольно насъ заставляли переходить къ сроднымъ съ ними такого рода, въ которомъ свѣтила представляются уже въ образѣ цѣлыхъ стадъ, или отдѣльныхъ животныхъ изъ стада. По времени же своего происхожденія загадки съ животнымъ образомъ должны быть отнесены ко второй ступени. Изъ животныхъ занимаетъ тутъ важное мѣсто конь, которымъ выражается въ загадкахъ и мѣсяцъ (какъ сивый жеребецъ — по сербской загадкѣ перескакивающій черезъ море—небесное море, небо — не смочивъ копыта), и громъ (какъ ржущій на все царство или скачущій такъ, что земля дрожитъ;—въ другой загадкѣ явленіе грома распадается на перекликающееся ржаніе двухъ существъ—жеребца, и кобылы) и вѣтеръ (какъ несущійся съ быстротою коня, котораго не поймать, не сдержать!) Конь въ этомъ послѣднемъ значеніи является то братцевымъ конемъ, то батюшкинымъ жеребцомъ; т. е. онъ тутъ только принадлежность человѣкообразнаго существа. Такое значеніе въ миѳологіи получали—уже въ позднѣйшее время—всѣ тѣ животныя, которыя первоначально служили самостоятельнымъ образомъ для того или другаго явленія. Въ загадкахъ о громѣ конь еще самостоятельный образъ; онъ-то и есть — самъ громъ; напротивъ того въ сказкахъ онъ уже только принадлежность того добраго молодца, который въ позднѣйшее время сдѣлался воплощеніемъ грома. Вотъ такое-то значеніе простой принадлежности получаетъ уже конь и въ загадкахъ о вѣтрѣ; вѣтеръ уже не онъ самъ, а тотъ братецъ, или тотъ батюшка, который носится на этомъ быстромъ конѣ. Въ тѣхъ же загадкахъ упоминаются еще и другія существа: какая-то сестра, производительница снѣга въ такомъ изобиліи, что этого ея точива не собрать; и какая-то мать,

[1]) Schwartz, 12, 210.
[2]) Nesselmann, Littauische Lieder. 1.

держательница огромной коробьи—земли (по другому же варьянту земля—сундукъ отца). Возвращаясь еще разъ къ брату—вѣтру, надо указать еще на одинъ причудливый образъ для этого же явленія: оборотъ вѣтра, отъ котораго гнется лѣсъ, это, по одной загадкѣ,—взмахъ хвоста щуки. Своего рода взмахъ встрѣчаемъ мы и въ другой загадкѣ, означающей ночь: но это уже болѣе поэтическій взмахъ — огромной птицы, покрывающей весь свѣтъ однимъ чернымъ перомъ. Кромѣ этой черной птицы—ночи—загадки знаютъ другую птицу—свѣтлую, птицу веретеницу. Послѣ того, что было говорено о значеніи свѣтоносной птицы въ обрядовыхъ пѣсняхъ, не трудно понять, что и въ загадкахъ она должна оказаться—солнцемъ. Но тутъ она сидитъ на дубѣ-стародубѣ, подъ которымъ едва-ли не слѣдуетъ разумѣть скопившееся подъ солнцемъ деревоподобное столпленіе тучъ (дубъ нерѣдко служитъ, какъ намъ уже извѣстно, ихъ миѳическимъ образомъ).—Попадается въ загадкахъ и еще одна птица: кочетокъ или пѣтушекъ, какъ образъ огня, что вполнѣ соотвѣтствуетъ народному выраженію о поджогѣ: пустить краснаго пѣтуха.

Мы замѣчали уже въ загадкахъ и переходъ къ человѣческому образу. Преобладаніе его и въ загадкѣ, какъ вообще въ миѳологіи, составляетъ уже третью историческую ступень. Въ нашихъ загадкахъ въ человѣческомъ образѣ во первыхъ является солнце — и при томъ исключительно въ женскомъ образѣ, (болѣе древнемъ, чѣмъ мужескій, какъ уже было показано выше). Затѣмъ мы имѣемъ и нѣсколько загадокъ о красной дѣвицѣ Зарѣ, теряющей, играя по полю, (въ одномъ варьянтѣ по церкви — небу) свои ключи; о томъ, что эти послѣдніе обозначаютъ росу, было говорено еще при обзорѣ колядокъ о дѣвѣ-зарѣ. По одному изъ варьянтовъ, ключи теряются при запираньѣ зарею воротъ,—очевидно, тѣхъ воротъ, за которыя уходитъ день: роса дѣйствительно и выпадаетъ послѣ заката. Мѣсяцъ, по нашимъ загадкамъ, видитъ ключи, но молчитъ объ нихъ, т. е. ему до росы нѣтъ дѣла, она преспокойно лежитъ себѣ подъ холоднымъ сіяніемъ мѣсяца; солнце же, совершенно напротивъ, сейчасъ же поднимаетъ, или скрадываетъ ее, по нашимъ загадкамъ, т. е. оно, теплотою своею, поѣдаетъ росу. Это послѣднее воззрѣніе проявляется въ одной нѣмецкой загадкѣ, гдѣ солнышко-дѣва, не смотря на то, что у нея нѣтъ рта (Jungfrau mundelos) поѣдаетъ — только не росу, а снѣгъ [1]). По литовской загадкѣ, мѣсяцъ, сыскавъ росу, отдалъ ее солнцу, солнце же сгубило—только не ключи, а запонку, (по другому варьянту—перстень), которые являются тутъ образами для росы на

---

[1]) Simrock, D. Volksb. VII, 285. Ср. Schwartz, S. M. и S., 201, etc. Сходно въ сербской загадкѣ: «тица безъ зуба, а сниетъ изеде (сунце, кадъ топи сниегъ) Сахар. сказ. II, vii, 112). Въ чешской загадкѣ солнце—беззубатко — поѣдаетъ снѣгъ—безнержатко (Эрбена пѣсни, 12).

томъ единственно основаніи, что капли ея, свѣтясь на солнцѣ, могутъ представиться разсыпавшимися драгоцѣнностями [1]. — Въ образѣ дѣвы, ходящей по̀ воду, и роняющей также ключи, но уже другаго рода—водяные ключи, т. е. токи дождя, въ образѣ такой дѣвы, даже съ человѣческимъ именемъ Маріи, является въ загадкахъ и молнія (по другому представленію она—мигающая турица, тогда какъ громъ—ходящій по горамъ и свистящій туръ). Въ одной изъ загадокъ дѣва, высѣкаетъ огонь, находясь въ гробницѣ (одинъ изъ миѳологическихъ образовъ тучи), гробница же эта — въ дубу (также, какъ извѣстно, употребительный образъ для столпленія тучъ). Въ другой загадкѣ, при томъ же гробѣ, молнія является въ вещественномъ образѣ горящихъ свѣчей, лежащимъ же въ гробу и ревущимъ оказывается громъ (при чемъ, въ довершенье картины, еще и ладанъ пышетъ). Тоже явленье грозы олицетворяется также въ образѣ—царя, который то крикнетъ (громъ), то мигнетъ (молнія). Человѣческій образъ видимъ мы и въ прекрасныхъ загадкахъ о днѣ и ночи. Въ одной, они двѣ сестры; въ другой, день — братъ, который постоянно уходитъ отъ идущей къ нему въ гости сестры—ночи. — Въ образѣ трехъ братьевъ являются наконецъ три стихіи: ненасытный огонь, вѣчно алчущая земля и вѣчно гуляющая вода. Въ нѣмецкой загадкѣ сохранился сверхъ того и четвертый братъ—вѣчно свистящій (въ вѣтрѣ) воздухъ [2].

Загадки, эти обломки миѳическаго вѣроученія, когда-то дававшія посвященнымъ въ ихъ смыслъ значенье людей одаренныхъ особенною мудростью,—въ настоящее время, какъ мы видѣли, находятся въ общемъ употребленіи, служа простымъ средствомъ препровожденія времени. Но есть одинъ родъ словесныхъ произведеній, который, въ пору усложненія миѳовъ поступивъ въ завѣдываніе особаго, по преимуществу къ тому призваннаго рода людей, до сихъ поръ составляетъ достояніе собственно только немногихъ. Родъ этотъ—заговоры. Самое названіе это, указывая на всѣмъ хорошо извѣстный суевѣрный обычай заговариванья—напр. зубной боли, кровотеченія, и т. п.,—самое названіе уже показываетъ, что слову приписывается тутъ съ одной стороны совершенно практическое; съ другой — чрезвычайное, могущественное значеніе. Посредствомъ заговора, по простодушному первобытному вѣрованію, думали овладѣть тою или другою силою природы, и, охвативъ ее, такъ сказать, словами, ими напести ее, наговорить на то, или на другое, на того, или на другаго; и подобнымъ же наговоромъ что̀-либо вредное въ томъ, или въ другомъ притупить, пришибить, уничтожить, — заговорить. Въ собственномъ

---

[1] Schleicher L. M. etc., 210.

[2] Simrock, Volksbücher, VII, 274.

смыслѣ всѣ древнѣйшія пѣсни, молитвеннаго содержанія—молитвы только въ переводѣ на позднѣйшій языкъ; первоначально всѣ онѣ были именно заговоры, основываясь на увѣренности въ томъ, что ими враждебное будетъ непремѣнно заговорено, а благопріятное — наговорено, сообразно съ потребностью [1]). Могущественному дѣйствію словъ способствовало и соединявшееся съ ними могущественное дѣйствіе обряда (уже въ самомъ началѣ было у насъ говорено о томъ, что этотъ послѣдній служилъ какъ бы подражаніемъ явленьямъ природы, такимъ подражаніемъ, отъ котораго ожидали воздѣйствія на самыя эти явленія). Но выше было говорено и о томъ, какъ съ теченіемъ времени мало по малу развивалась увѣренность, что нѣкоторыя благопріятныя явленія повторяются постоянно, т. е. миѳически говоря, что свѣтлые, благотворные боги постоянно являются въ этомъ случаѣ побѣдителями. Съ окончательнымъ утвержденіемъ подобной увѣренности, — въ томъ, напр., что послѣ зимы непремѣнно послѣдуетъ лѣто, должно было все болѣе и болѣе утрачивать смыслъ первоначальное заговариваніе зимы, и всѣ относящіеся сюда пѣсни и священныя дѣйствія должны были получить значеніе только хвалебнаго, благодарственнаго обращенья къ богамъ. По мѣрѣ установленія постоянныхъ годичныхъ празднествъ, (теперь уже намъ знакомыхъ), сквозь еще сохраняющіеся слѣды прежнихъ заботъ о томъ, чтобы человѣческимъ словомъ и дѣйствіемъ помочь, такъ сказать, благотворному божеству,—все болѣе и болѣе развивались заботы о томъ, какъ бы достойнымъ образомъ возблагодарить божество, и словомъ, и дѣйствіемъ, за его постоянную помощь. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ заботы прежняго времени все еще сохраняли значеніе. Постоянное возвращеніе лѣта послѣ зимы дѣлало его несомнѣннымъ и упраздняло въ этомъ случаѣ заговоръ; но лѣто, всегда наступая, не всегда оказывалось одинаково благопріятнымъ. Нужны были дожди, а стояло ведро; нужно сіяніе солнца, а лилъ безпрерывный дождь; вотъ въ этихъ-то случаяхъ и ощущалась еще необходимость заговаривать то излишній дождь, то излишнее солнечное сіяніе. Если то, или другое заговаривалось, то противоположное заговариваемому, желанное — низводилось съ неба посредствомъ слова и посредствомъ обряда. Указанія на это не разъ попадались намъ и въ праздничныхъ пѣсняхъ съ относящимися къ нимъ дѣйствіями. Уже въ праздникъ поворота на лѣто должны были заблаговременно совершаться дѣйствія и пѣться заговоры, имѣющіе дать будущимъ явленіямъ лѣта оборотъ совершенно благопріятный. Съ дальнѣйшими праздниками, все болѣе и болѣе вводившими въ лѣто, могла ощущаться потребность давать какъ-бы новый толчокъ благопріятности лѣтнихъ явленій; самый же

---

[1]) J. Grimm, D. Mythol., 1173, 1176, 1179.

Кромѣ такихъ, отличающихся темнотою, купальскихъ пѣсень, сходящихся собственно только въ томъ, что ими указывается на что-то трагическое, имѣется также и рядъ другихъ, столько же не ясныхъ, но указывающихъ скорѣе на брачныя отношенія между Иваномъ и какимъ-то существомъ женскаго рода. Съ другой стороны самое существованіе между ивановскими обрядами и такихъ, которые имѣютъ отношеніе къ браку, а равно и гаданья о суженомъ, заставляетъ полагать, что день этотъ былъ также и днемъ празднованія брака между небесными существами. И естественно, что такая благодатная пора года, какъ конецъ іюня, — ежели смотрѣть на нее, какъ на настоящее, не смущаясь мыслію о томъ, что уже готовится въ будущемъ, — могла представляться и съ исключительно радостной, въ полномъ смыслѣ праздничной стороны. Народное воображеніе, отличающееся замѣчательною многосторонностію, умѣло взглянуть на дѣло и подобнымъ образомъ. Отсюда двоякость въ купальскомъ праздникѣ: мы имѣемъ какъ бы два переплетающихся ряда обрядовъ и пѣсень—одинъ радостный, другой—трагическій. Каждому изъ нихъ должна была соотвѣтствовать своя особенная эпоха, но который рядъ создался раньше, это трудно сказать. Между свѣтлыми повѣрьями съ идеею брака уцѣлѣло даже одно такое, въ которомъ солнышко является еще въ женскомъ образѣ. По этому повѣрью въ ивановъ день оно выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ, серебрянномъ, золотомъ и брильянтовомъ, на встрѣчу своему супругу, мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненныя искры [1]. По сербскому повѣрію солнце въ ивановъ день трижды останавливается на небѣ (Сахар. II. vii, 38). По чешскому въ этотъ праздникъ свѣта наружу выходитъ и все, что таится свѣтлаго въ нѣдрахъ земли,—золото и вообще сокровища, какъ бы глубоко они ни лежали. (День, 1864 г., № 43, стр. 16). Отсюда и распространенный повсюду обычай отыскиванія кладовъ въ иванову ночь.

Возвращаясь къ трагическому значенію праздника Купалы, мнѣ приходится задать себѣ вопросъ: какимъ же образомъ объяснить себѣ совер-

[1]) Терещ. V, 79. О брачномъ значеніи праздника Купалы см. также Костомарова. (Слав. Миѳол., 93 и 94. Онъ видитъ тутъ сочетаніе солнечнаго божества (уже мужескаго) съ воднымъ. (Самое слово купало сближаетъ онъ съ совокупленіемъ. По мнѣнію же Ѳ. И. Буслаева корень куп имѣетъ значеніе бѣлаго, яраго, свѣтлаго (купавый=бѣлый, купала =бѣлый цвѣтокъ) (Письмо къ Соловьеву въ прилож. ко 2 т. его Ист. Россіи, стр. 25, 26). Я. Гримъ сближаетъ куп съ герм. hufo, houf и литовск. kaupas, kapas=куча, возвышеніе, холмъ (могильный), съ другой стороны сопоставляется у него—купа и купина (Kleinere Schriften II 250, 251). Приведу также мнѣніе Пассека: «купалу можно производить отъ копа, по малороссійски=половина (полтина);—что соотвѣтствовало бы германскому названію этого дня—Mittsommer.» (Очерки Россіи, I, 106).

шеніе обряда, сходнаго съ вышеприведеннымъ купальскимъ, въ болѣе раннее время, всесвятское заговѣнье, которое только въ случаѣ весьма поздней пасхи можетъ прямо совпасть съ солоноворотомъ, по большей же части приходится раньше его нѣсколькими недѣлями? Какимъ образомъ также объяснить пѣсни объ *утопаніи*—о троицѣ? На это можно отвѣчать замѣчаніемъ г. Соловьева, что «вѣроятно сопротивленіе церкви содѣйствовало тому, чтобы празднованіе [1]) во время поста отмѣнено было въ большей части мѣстъ и перенесено на заговѣнье, на день всѣхъ святыхъ, или на троицынъ день, или же на разговѣнье, на другой день праздника Петра и Павла» (Ист. Россіи. I, 67).

Что касается этого послѣдняго, то и къ нему относятся нѣкоторыя повѣрія, сходныя съ повѣрьями иванова дня (т. е. съ ихъ свѣтлою, радостною стороною). Уже съ зарею въ петровъ день выходятъ караулить солнце, ожидая, что оно будетъ играть на небѣ. (Снегир. IV, 67). Мѣстами даже всю ночь не ложатся спать и съ пѣснями ожидаютъ восхода (сообщ. г. Веневитиновымъ). Пѣсни петровскія, впрочемъ, не представляютъ уже яснаго миѳическаго содержанія.

Наступаетъ іюль съ его усиленными жарами, но и со свѣтомъ, все болѣе и болѣе убывающимъ, сулящимъ впереди — зиму. Самый жаръ этого времени,—жгучій, часто губительный жаръ, а уже не то благотворное, живительное тепло, которое *растворяетъ* и дѣлаетъ плодотворною землю. И чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ скорѣе и самый жаръ сулитъ уже впереди — *желтый листъ*, этотъ признакъ умиранья природы, провозвѣстникъ не чего другаго, какъ той-же зимы. Понятно послѣ всего этого, почему живое воображенье народа замѣчаетъ уже съ этой поры — поворотъ на зиму. 20 іюля, по народному дневнику, уже первый *осенній праздникъ*. Но, служа только *переходомъ* къ осени, онъ еще ознаменовывается лѣтнимъ явленіемъ, — громомъ, долженствующимъ проявиться во всей своей силѣ — какъ бы на прощаніе. Онъ, по народному вѣрованію, не можетъ не быть въ этотъ день; — потому что это былъ день, когда-то посвященный Перуну, богу грома и молніи, въ настоящее время скрывающемуся подъ именемъ Ильи *громовника* (такъ прямо и называется у Сербовъ Илья пророкъ, котораго огненная колесница, восхитившая его на небо—сдѣлала возможнымъ замѣну имъ, въ народномъ воображеніи, языческаго громовника). Одинъ изъ величайшихъ народныхъ праздниковъ, Ильинъ день, при всемъ томъ уже не отличается какими

[1]) Т. е. собственно Ярилѣ=(Купалѣ) и Костромѣ (=купальницѣ), такъ какъ шествіе съ изображеніемъ ихъ, а потомъ погребеніе по преимуществу отличалось характеромъ миѳическимъ. Дѣйствительно въ иванову ночь обрядъ этотъ уцѣлѣлъ только мѣстами; содержаніе же его передается, какъ мы видѣли, въ купальскихъ пѣсняхъ, хотя и въ затемненномъ видѣ.

рода — того губительнаго для народнаго быта повѣтрія, которое носитъ названье **коровьей смерти** (падежа). Если прежде всего человѣку нужно было заговаривать тѣ періодически повторяющіяся **болѣзни природы**, отъ которыхъ страдала главная кормительница его — земля (засуха, избытокъ дождей и т. п.), то важно было найти средства и противъ тѣхъ, хотя бы и болѣе рѣдкихъ болѣзней, которыя вредили **кормильцамъ** другаго рода—стадамъ, а наконецъ и тѣхъ, которыя по временамъ постигали и самого человѣка. И тутъ опять средства оставались тѣже—тайная сила обряда и заговора. Вѣрою въ преимущественную способность на это женщинъ объясняется то, что и въ случаѣ **коровьей смерти** онѣ даже просто велятъ мущинамъ попрятаться по домамъ, сами же, вооружившись орудіями очага (къ нимъ впрочемъ уже присоединяются и другія, обычныя въ крестьянскомъ быту — косы, серпы и т. п. — вѣроятно, прибавка позднѣйшая), начинаютъ съ ними шествіе вокругъ деревни вслѣдъ за старшею, **повѣщалкою**, которая запрягается въ плугъ, и должна троекратно его обвезти вокругъ всей деревни. Вотъ этимъ-то **опахиваніемъ** (какъ оно называется) коровьей смерти (которую представляютъ себѣ въ видѣ живаго существа), ей преграждается доступъ въ деревню: она уже не въ состояніи перешагнуть за черту проведенную плугомъ (скотъ между тѣмъ предварительно запирается весь по дворамъ). Замѣчательно, что женщины, совершающія это спасительное шествіе, должны быть въ однѣхъ бѣлыхъ рубашкахъ и съ распущенными волосами — а такими представляются и вѣдьмы въ тѣхъ преданіяхъ о нихъ, которыя получили потомъ значенье враждебное, темное. Первоначально же самою **бѣлизною** уже указывалось на свѣтлое, благотворное дѣло, подобно тому, какъ длинными распущенными волосами—на **дѣвственность**, соединявшуюся со священнымъ значеніемъ **вѣщихъ женъ**. Непремѣннымъ условіемъ благаго исхода ихъ дѣйствія въ случаѣ коровьей смерти почитается также пѣніе ими пѣсни, гласящей о томъ, какъ —

> Отъ океанъ — моря глубокаго....
> Выходили двенадесять дѣвъ,
> Шли путемъ, дорогой не малою
> По крутымъ горамъ, высокіимъ,
> Ко тремъ старцамъ старыимъ....
> „Ставьте столы бѣлодубовые....
> Точите ножи булатные,
> Зажигайте котлы кипучіе,
> Колите, рубите на мертво
> Всякъ животъ поднебесный.“

Далѣе въ пѣснѣ повѣствуется о томъ, какъ старцы исполняютъ моленіе двѣнадцати дѣвъ, только послѣдствія оказываются совершенно другія:

Во тѣхъ котлахъ кипучіихъ
Горитъ огнемъ негасимыимъ
Всякъ животъ поднебесный,
Вокругъ котловъ кипучіихъ
Стоятъ старцы старые
Поютъ старцы старые
Про животъ, про смерть,
Про весь родъ человѣчь.
Кладутъ старцы старые
Всему міру животы долгіе;
Какъ на ту ли на злую смерть
Кладутъ старцы старые
Проклятьице великое.
Сулятъ старцы старые
Вѣковѣчну жизнь
На весь родъ человѣчь [1]).

Пѣснѣ, повѣствующей о такомъ спасительномъ для людей рѣшеніи, приписывается способность, въ связи съ обрядомъ, животворную силу такого рѣшенія неотразимымъ образомъ примѣнить и къ данному случаю. Что подъ этими таинственными старцами разумѣются свѣтлыя благотворныя божества, то это, будучи ясно и само по себѣ, подтверждается также сходствомъ со многими легендами, въ которыхъ точно такимъ же образомъ разрубленныя и кинутыя въ котелъ тѣла, вслѣдъ за тѣмъ слагаются въ новое тѣло и возраждаются болѣе здоровыми и совершенными; подвергаютъ же ихъ такому леченію—въ теперешнемъ видѣ легендъ уже христіанскіе святые, которыми во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода замѣстились, какъ извѣстно, первоначальныя свѣтлыя божества. Но что же это за двѣнадцать дѣвъ, въ умыслѣ которыхъ, повидимому, вовсе не животы долгіе, а всеобщая смерть?—Двѣнадцать зловредныхъ сестеръ встрѣчаются во многихъ заговорахъ, имѣющихъ въ виду охранить отъ нихъ—именуемыхъ злыми трясавицами (т. е. трясущими человѣка). Въ нѣкоторыхъ заговорахъ каждая изъ нихъ именуется сверхъ того и своимъ особымъ именемъ, по смыслу же всѣ эти имена—различнаго рода болѣзни [2]). Большая часть заговоровъ этого рода, попадаясь въ старинныхъ рукописяхъ, уже не чужда христіанскаго отпечатка: трясавицы въ нихъ уже дочери Ирода.

Несравненно лучше сохранился первоначальный миѳическій характеръ въ тѣхъ заговорахъ, которые записаны только въ ближайшее къ намъ время со словъ народныхъ знахарей, или же заимствованы изъ рукопи-

---

[1]) Сахар. Сказ., II. VII, 12—13.

[2]) Такъ оно и въ заговорѣ отъ недуговъ, помѣщенномъ въ христом. на стр. 15-й; только тутъ трясавицею названа собственно одна изъ сестеръ; по большей же части это названіе общее всѣмъ имъ. (Такъ оно въ Лѣтоп. Тихонравова, IV, Смѣсь, 79).

сей, составившихся въ самомъ народѣ для его лечебнаго обихода [1]) Большая часть тѣхъ заговоровъ, которые дошли до насъ, именно лечебнаго свойства—отъ различныхъ недуговъ, постигающихъ человѣка. Вотъ это-то свойство ихъ заставляло даже нашихъ духовныхъ людей древняго времени, по преданію привыкшихъ къ нимъ прибѣгать, вносить ихъ въ свои душеполезные сборники. Съ одной стороны выставляя остатки языческой старины въ черномъ цвѣтѣ, они же сами съ другой стороны не могли окончательно отъ нихъ отказаться, и легко успокоивали свою совѣсть тѣмъ, что видѣли силу заговора уже не въ прежнихъ языческихъ, а въ новыхъ, подставленныхъ имъ взамѣну, именамъ христіанскаго міра.

Самою возможностью подобной замѣны языческихъ именъ христіанскими доказывается, что и первыми обозначались уже по преимуществу свѣтлыя силы. Но не слѣдуетъ думать, чтобы въ заговорахъ обращались исключительно къ силамъ такого рода, и чтобы существующее теперь названіе всей совокупности народныхъ таинственныхъ дѣйствій и словъ — чернокнижіемъ — основывалось на одномъ позднѣйшемъ изображеніи первоначально бѣлаго — чернымъ. Во первыхъ, уже въ XI в. лѣтопись свидѣтельствуетъ объ обвиненіяхъ въ колдовствѣ со зловредною цѣлію, взведенныхъ на нѣкоторыхъ женщинъ не кѣмъ другимъ, какъ кудесниками, еще упорствовавшими въ язычествѣ [2]). Не подъ вліяніемъ же христіанскаго недовѣрія къ свѣтлому значенію колдовства выставляли они его чернымъ, — т. е. выставляли черною извѣстную его сторону, такимъ образомъ отличая ее отъ себя, отъ своего собственнаго кудесничества.. А для этого и подобная сторона въ этомъ дѣлѣ уже должна была существовать въ понятіяхъ самого язычества. Отсюда-то и до сихъ поръ сохранилось въ народѣ раздѣленіе знахарства на двѣ противоположныя стороны, такъ что нерѣдко къ какому нибудь вѣдуму прибѣгаютъ за тѣмъ, чтобы онъ открылъ колдуна и оберегъ отъ его злыхъ чаръ [3]) (кажется, это послѣднее слово и получило по преимуще-

---

[1]) Собственно такіе и помѣщены въ христоматіи. Нѣкоторые заговоры изъ древнихъ духовныхъ сборниковъ можно найти въ приложеніяхъ къ рѣчи «О Народной поэзіи въ древне-русской литературѣ» Ѳ. И. Буслаева, Москва 1859 г. — Впрочемъ и въ духовныхъ сборникахъ подъ христіанскими именами часто оказывается очень хорошо сохранившеюся древняя языческая основа: это видно изъ сравненія, сдѣланнаго Ѳ. И. Буслаевымъ, между нашимъ заговоромъ изъ рукописи XVII в. и нѣмецкими, записанными еще въ IX в. (см. его статью «О сродствѣ одного русскаго заклятія съ нѣмецкимъ, относящимся къ эпохѣ языческой» — въ «Историч. Очеркахъ Р. Нар. Словесности и искусства,» I, 250—57). Упомянутый же нѣмецкій заговоръ (а стало быть и нашъ съ нимъ сходный) оказывается совершенно соотвѣтствующимъ индѣйскому замѣченному въ «Ведахъ» А. Куномъ (см. статью его «Germanische und Indische Segensprüche» въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, B. XIII, H. 1.). J. Grimm, D. Myth., 1180 etc.

[2]) Сахарова, Сказ. I, II, 3—5.

[3]) Сахарова, Сказ. I, II, 52.

слову враждебный смыслъ). Уже въ древней Индіи вѣрили въ то зловредное чарованіе, которое называется худымъ глазомъ [1]; уже въ гимнахъ Ригъ-Веды, этомъ древнемъ памятникѣ индійской религіозной поэзіи, встрѣчаемъ мы слѣдующаго рода заговоръ противъ врага царскаго: «когда онъ увидитъ, какъ молнія исчезаетъ на небѣ, пусть и самъ онъ исчезнетъ подобно ей; когда онъ замѣтитъ испаряющуюся дождевую влагу, пусть и самъ испарится подобно ей; во время затмѣнія мѣсяца, пусть и самъ онъ, подобно ему, затмится; при закатѣ солнечномъ, пусть и самъ онъ закатится съ нимъ; чуть замѣтитъ, что тухнетъ огонь, пусть и самъ онъ потухнетъ, ему подобно [2].» Какъ на друга можно было, словомъ и дѣйствіемъ, насылать благотворныя силы, такъ на недруга насылали дѣйствіе силъ зловредныхъ.

До сихъ поръ сохранился у насъ въ народѣ слѣдующій заговоръ противъ вора: «будь ты проклятъ въ землю преисподнюю, въ смолу кипучую, въ золу горючую, въ тину болотную, въ домъ бездонный; будь прибитъ въ притолкѣ осиновымъ коломъ, иссушенъ суше травы, заморожен пуще льда; окривѣй, охромѣй, ошалѣй, одеревянѣй, одурѣй, обезручѣй, оголодай, отощай, валяйся въ грязи, съ людьми не свыкайся и не своею смертію умри.» [3] Замѣчательны еще слѣдующія слова въ краткомъ заговорѣ для отысканія бѣжавшаго слуги: «буди путь его тма». [4]— Имѣются также заговоры, помощію которыхъ напускаются различные недуги: «пристаньте сему человѣку скорби, икоты, трясите и мучьте его до окончанія жизни» [5] Въ число напускаемыхъ недуговъ особенно ужасными считаются въ народѣ «стекла» (больному чувствуется, какъ будто-бы они у него подъ кожею шеи, рукъ, поясницы, и т. д.) и волосци (боль какъ бы отъ наростанья щетинъ подъ кожею ладоней и пятокъ). Вотъ противъ такихъ-то ужасовъ, причиняемыхъ злыми знаха-

---

[1]) Bastian, der Mensch in der Geschichte, II, 244, 45. Ср. также стр. 242. Въ 36-мъ гимнѣ Ригъ-Веды молятъ Агни, что бы онъ пожегъ всѣхъ замышляющихъ колдовство (очевидно зловредное, черное) (Orient u. Oceid. I, III, 387) ср. J. Grimm, D. Mytgol., 1173, 1177.

[2]) Pictet, Origines Indoeuropéennes, II, 634.

[3]) Сахар. Сказ. I, II, 28. Сравн. въ Библ. для Чт. 1848, въ статьѣ Гуляева «Очерки В. Сибири» заговоръ противъ вора, стр. 56.

[4]) Калачова Архивъ, т. II, изъ рукописи В. И. Григоровича (мною заимствоване изъ двухъ листовъ набора Сборника заговоровъ, начатаго В. А. Яковлевымъ, переданнаго имъ вмѣстѣ съ рукописнымъ матерьяломъ въ Этногр. Отд. Геогр. Общества, а оттуда вмѣстѣ съ другими рукописными и списанными съ печатнаго заговорами, сообщеннаго мнѣ В. И. Ламанскимъ, коему и считаю долгомъ принесть мою искреннюю благодарность. Все заимствуемое мною изъ матерьяловъ Эти. Общ. буду обозначать буквами М. Э. О.

[5]) М. Э. О.

рями и призывается на помощь искусство знахарей добрыхъ [1]) «Можетъ ли злой лихой человѣкъ, спрашивается въ одномъ заговорѣ, заговорить громъ и громову стрѣлу, огненную молнію, и т. д.» Слѣдуетъ успокоительный отвѣтъ, какъ бы со стороны противудѣйствующей доброй силы, что «не можетъ». «Бралъ бы злой, лихой человѣкъ, колдунъ, и т. д. своими бѣлыми руками свой булатный ножъ, грызъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми зубами.» [2]) Въ нѣкоторыхъ заговорахъ злая сила насылается съ цѣлію произвесть остуду между мужемъ и женою (т.-е. остудить, ослабить, истребить ихъ любовь да совѣтъ). На встрѣчу мнѣ бѣжитъ духъ вихорь изъ чистаго поля со своею негодною силою, съ моря на море, черезъ долы широкіе; и какъ онъ бьетъ травы и цвѣты ломаетъ и бросаетъ, также бы (имя) билъ, ломалъ (имя) и на очи не принималъ, и до себя вплоть не допущалъ, и казался бы тотъ человѣкъ пуще змѣя лютаго, и палило бы его огнемъ, громомъ и молніей.» [3]) Для предупрежденія зловредныхъ вліяній такого рода особенно важнымъ должно почитаться то знахорское умѣнье открыть колдуна, о которомъ было сказано выше.

Всѣ упомянутые слѣды обращенія къ темной силѣ тѣмъ не менѣе уже только слѣды, т. е. только остатки тѣхъ грубыхъ воззрѣній, которыя все болѣе и болѣе застилались воззрѣніями иного рода. Въ большей части заговоровъ, какъ уже и было сказано, преобладаетъ обращеніе къ свѣтлымъ силамъ; ихъ-то насылаютъ и на самихъ враговъ, приписывая имъ уже и способность карать по требованію правосудія. Къ темной же силѣ обращаются не рѣдко съ угрозою: такъ оно въ заговорѣ противъ двѣнадцати скорбныхъ недуговъ, которыя прогоняются въ

---

[1]) Харитонова, Врачеванье, Забавы и Повѣрья крестьянъ Архангельск. губ. (Отеч. Зап. 1848 г. № 8, Отд. VIII, стр. 18). Заговоръ отъ глаза см. въ Очерк. Россіи Пассека, II, Смѣсь, 19 и 20.

[2]) Статья Щапова «Очерки народнаго міросозерцанія», приложеніе къ 1-й статьѣ стр. 59. (Ж. М. Н. П. 1863 г.) Ср. Сарат. губ. Вѣд. 1846. М. Э. О.

[3]) Занис. въ Ю. Сибири Гуляевымъ. Библ. для Чт. 1848 г. М. Э. О. Въ заговорахъ этого рода, подъ позднѣйшимъ вліяніемъ христіанства, говорится въ началѣ: «стану, не благословясь; пойду, не перекрестясь»; М. Э. О.;—тогда какъ въ большей части заговоровъ то-же вліяніе христіанства сказывается необходимостью благословенья крестомъ. Г. Аѳанасьевъ въ своей прекрасной статьѣ о «Вѣдунѣ и Вѣдьмѣ» вдался въ нѣкоторую крайность, утверждая, что темное значеніе вѣдунства было только слѣдствіемъ того христіанскаго взгляда, по которому все языческое представлялось темнымъ; но въ другой статьѣ своей, «о Колдовствѣ въ древней Руси» (Современникъ 1851 г., т. XXVI, отд. II), онъ дѣлаетъ слѣдующую исправительную оговорку: «Колдуны и вѣдьмы, по своему жреческому значенію, могли завѣдывать обрядами поклоненія не только свѣтлой силѣ, но и нечистой, которая необходимо требовала умилостивительныхъ жертвъ», (стр. 58).

преисподнія, и т. п. [1]). Вообще же заговоры начинаются тѣмъ, что въ нихъ воображаютъ себя приходящими въ непосредственное общеніе съ явленіями свѣта: идутъ въ восточную сторону, [2]) одѣваются ясною зарею, то опоясываются, то опотыкаются частыми звѣздами, (послѣднее можно объяснить существующимъ въ миѳологіи представленіемъ звѣздъ серебрянными гвоздями) [3]), умываются медяною (медвяною) росою, этими свѣтлыми ключами ясной дѣвицы зари, утираются солнцемъ (иногда же солнцемъ опоясываются, или кладутъ его себѣ на голову, въ тоже время обекаясь въ свѣтлый младый мѣсяцъ) [4]). Иной разъ упоминаются три зари: утренняя, вечерняя и полуночная [5]). Въ одномъ заговорѣ покрываются мѣднымъ небомъ (замѣчательный намекъ на миѳическое представленіе неба выкованнымъ изъ металла); въ немъ же съ восточной стороны текутъ ключи огненные (вѣроятно тѣ золотые ключи, какими Егорій въ весенней пѣснѣ отпираетъ землю, ключи-лучи солнечные); и въ этихъ ключахъ произносящій заговоръ умывается [6]). Покрываясь небомъ, облаками небесными облекаются (совершенно согласно съ буквальнымъ смысломъ облака). Въ заговорахъ мысленно направляются также къ «водѣ-матушкѣ, обмывающей крутые берега, желты пески, горючь камень своею быстриной и золотой струей», къ ней направляются съ тѣмъ, чтобы она «обмыла съ такого-то всѣ скорби и болѣзни, щипоты и ломоты, злу худобу;» чтобы она «унесла ихъ своей быстриной въ зимнее море; за топучія грязи», и т. д. [7]) Вообще у явленій природы хотятъ позанять часть ихъ силы: такъ у матери сырой земли, разукрашенной всякаго рода цвѣтомъ, требуютъ, чтобы она-же разукрасила и произносящаго заговоръ, у той-же земли матери, переполненной кипучею, рѣзвою дѣятельностью растительныхъ силъ; хотятъ позанять рѣзвости; у сильнаго синяго моря позаимствоваться силою; у буйнаго вѣтра—храбростью, у звѣздъ (этихъ небесныхъ очей,

---

[1]) Христ. стр. 15. Ср. въ Лѣтоп. Тихонравова, IV, Смѣсь, 79. Также Перм. Сб. Прилож. ко II ч., XXXVI. Угрозы тучею и каменьемъ также въ заговорѣ отъ укушенья змѣи (Христ. 14—15).

[2]) На востокъ, на солносходъ; съ заговоромъ обходя скотъ, знахарь долженъ ходить по солнцу (Библ. для Чт. 1848 г. ст. Гуляева. М. Э. О.

[3]) Schwartz, Sonne, Mond u. Sterne, 65, 85, 103.

[4]) Арханг. губ. М. Э. О.

[5]) Каждой придается женское имя; утренняя заря-Марья. Это можно сопоставить съ Маріею Богоматерію, купающею младенца (въ колядкѣ), которая была у меня объяснена именно утреннею зарею (Арх. Калачова 1854 г., отд. VI, 51.) Отеч. Зап. 1848 г., II. М. Э. О.)

[6]) Саратовск. губ. вѣд. 1846 г. М. Э. О.

[7]) Арх. истор. юр. свѣд. 1854 г., отд. VI, стр. 51. М. Э. О.

ію одному изъ миѳическихъ представленій) — зоркостью зрѣнія [1]). Изобиліемъ жизненныхъ силъ, проявляющихся растительностью, объясняется удаленіе произносящаго заговоръ въ лѣса темные; ихъ темнота столь же мало мѣшаетъ народу ихъ признавать порожденіемъ живительной силы тепла и свѣта, какъ черная сердцевина земли не мѣшаетъ ей быть воспріимчивою относительно той-же свѣтлой животворной силы. Если же въ нѣкоторыхъ заговорахъ воображаютъ себя идущими въ чистое поле, то это, вѣроятно, вслѣдствіе его совершенной открытости для дѣйствія на него лучей,—такъ, что, стоя на немъ, можно быть ими совершенно облитымъ. [2]).

Замѣчая однако-же, что, при усиленномъ дѣйствіи солнца, оно можетъ становиться и истребительнымъ, эту крайнюю степень его вліянія стали насылать на предметы, подлежащіе истребленію. Такимъ образомъ взываютъ къ жаркому солнцу: «не пали и не пожигай ты овощь и хлѣбъ мой, а жги и пали куколь и полынь траву». [3]) Усмотрѣвъ за свѣтилами силу истреблять зло въ растительности, первобытный человѣкъ имъ же приписалъ и истребленіе зла другаго рода—болѣзни. Потому-то онъ и требовалъ въ заговорѣ, чтобы мѣсяцъ «сошелъ къ нему, снялъ его зубную скорбь, и унесъ ее подъ облака». (Христом., стр. 15) Въ другомъ замѣчательномъ заговорѣ спрашивается у молодаго мѣсяца, гдѣ онъ былъ?—за морями. — Чего не видалъ ли? У мертваго зубы болятъ-ли? Такъ бы зубамъ не болѣть у такого-то.» (Изъ рукоп. мат. Э. О.) Наконецъ съ теченіемъ времени свѣтиламъ же приписано было и истребленье зла нравственнаго: такъ не у кого другаго, какъ у нихъ же стали просить обороны отъ колдуна, могущаго встрѣтиться, стать поперегъ (стрѣшника и поперешника) отъ призора (дурнаго глаза) и всякаго рода урока или порчи, могущей произойти отъ различныхъ враждебныхъ людей, отъ парня, или отъ дѣвки. Между физическими признаками этихъ послѣднихъ, большею частію непривлекательными, попадаются однако же и такіе какъ бѣловолосость и пустоволосость [4]), признаки скорѣе указывающіе на первоначально-свѣтлое значеніе дѣвъ-знахорокъ, ко-

---

[1]) Гуляевъ О. Южн. Сиб. (Библ. для Чт. 1848) Воронежск. Вѣд. 1862 г. Рук. мат. изъ Арханг. губ. Э. О.

[2]) Быть можетъ, вслѣдстіе этого, между прочимъ, и мѣстомъ для богослуженія выбирались т. н. лысыя, т. е. открытыя горы. Замѣчательно, что относительно одного заговора, насылающаго на червей огонь, сѣру горячую и смолу кипящую, въ рукописи сказано, что произносить его слѣдуетъ, какъ зайдетъ солнце (потому, вѣроятно, что тогда удобнѣе могутъ дѣйствовать тѣ враждебныя начала, которыя въ заговорѣ призываются) (Домашній обиходъ, рукопись XVII в. въ прилож. ко 2 вып. Пермск. сб., стр. XXXV).

[3]) Этногр. оч. Сибири, въ Биб. для Чт. 1848 г. № 8, отд. III. М. Э. О.

[4]) Христом., стр. 14, столб. 1-й, вверху.

торыхъ обязательно-длинные и непокрытые волосы считались проявленіемъ благаго избытка жизненныхъ силъ. Такое смѣшеніе признаковъ свѣтлыхъ, благихъ съ темными и враждебными могло, очевидно, произойти лишь въ то позднѣйшее время, когда все болѣе и болѣе затемнялась память о вѣщихъ служительницахъ свѣта, и образъ ихъ все болѣе и болѣе сливался съ позднѣйшимъ образомъ вѣдьмы. Обороняясь свѣтилами неба, ихъ неотразимою силою, отъ всякой злой встрѣчи, человѣкъ первобытной поры, отправляясь на ловъ, тою же неотразимою силой свѣтилъ думалъ загонять и залучать на желанную встрѣчу себѣ всякаго звѣря лѣснаго, съ тѣмъ, чтобы онъ совершенно безвредно и прямо ему доставался въ руки [1]). Тою же неотразимою силой свѣтилъ сажалъ онъ въ свой улей пчелъ: «сажаю не я, сажаютъ свѣтлыя звѣзды, рогоногій мѣсяцъ, и красное солнышко, сажаютъ и укорачиваютъ» [2]) (т. е., надо полагать, укрощаютъ, удерживаютъ, останавливаютъ въ ульѣ заговаривающаго, замыкая, какъ оно прямо и говорится далѣе, всѣ пути и дороги). Но могучія силы небесныхъ существъ могутъ сообщаться отъ нихъ и самому, повидимому, незначительному предмету, въ которомъ человѣку оставляется такимъ образомъ совершенно доступный и осязательный оберегъ отъ всякаго рода золъ. Такъ сила, воспринимаемая отъ небесныхъ свѣтилъ матерію сырою землею, производитъ травы; ихъ поливаютъ дѣвы небесныя, или небесныя же — самокрутки бабы, [3]) т. е. крутящіяся по небу облака, и тѣмъ самымъ прибавляютъ имъ силу. И вотъ въ числѣ этихъ травъ знахари знаютъ такую, чудесныя свойства которой ясно обозначаются ея названіемъ: одолень. Съ нею безопасно отправляются въ путь-дороженьку; «одолень трава! одолѣй ты злыхъ людей! и т. д. Одолѣй ты горы высокія, лѣса темные. и т. д. (Христом. стр. 14, ст. 2-й). Про одолень траву разсказываются въ народѣ различныя чудеса. Такъ, напримѣръ, при помощи ея можно къ себѣ придружить собаку; пастуху необходимо имѣть ее при себѣ, и ея одолѣвающая сила не дастъ скоту далеко отъ него расходиться [4]).

Есть заговоры, въ которыхъ, повидимому, обходятся и безъ помощи божественныхъ силъ, полагаясь вполнѣ на одну силу своего собственнаго, человѣческаго слова. Посредствомъ слова хотятъ заимствовать у того, или другаго предмета свойства, которыя, будучи усвоены враждебнымъ предметомъ, уничтожали бы въ немъ зловредность. Такъ, заимствуя у мятелицы ея неспособность летѣть прямо, хотятъ этимъ свой-

---

[1]) Христ. стр. 13.

[2]) Христ. стр. 14.

[3]) Христ. стр. 14, ст. 2-й. Г. Аѳанасьевъ, какъ мнѣ кажется, ошибочно видитъ тутъ вѣдьмъ, (Комета, стр. 126),

[4]) Статья Харитонова въ От. Зап. 1848 г., стр. 14,

ствомъ обезоружить стрѣлу и копье, и заставить ихъ пролетать мимо. (Христ. стр. 14, заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, и т. д.) Съ другой стороны силою слова разлагають стрѣлу на ея составныя части, и отсылають каждую изъ этихъ частей туда, откуда она взята: желѣзо стрѣлы въ породившую его матерь землю; древо стрѣлы — въ дерево; перья, украшающія стрѣлу, въ птицу; клей, которымъ все склеено — въ рыбу. Но въ объясненье подобной желѣзной силы слова надобно привести, что, по представленью миѳическому, прилагательное—желѣзный—и тутъ, какъ вездѣ, употреблялось въ прямомъ, а не въ иносказательномъ смыслѣ: въ сказкахъ голосъ выковывается, и его можно выковать тонкимъ и толстымъ, смотря по намѣренію миѳическихъ кузнецовъ, тѣхъ самыхъ, которыми выковывается золото молніи [1]. Такимъ образомъ и слово оказывается близкимъ по происхожденію къ небесному свѣту. Надо замѣтить, что слово обыкновенно и называется въ заговорахъ крѣпкимъ; въ нѣкоторыхъ оно крѣпко, какъ замокъ, и заговоръ получаетъ такую замыкающую силу—помощію ключа, сбереженье котораго поручается не кому другому, какъ свѣтлымъ явленьямъ природы. «Ключъ моимъ словамъ въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ» (море же, по первоначальному смыслу, было небесное море, т. е. то-же небо); или же: «дамъ ключи звѣздамъ»—вотъ что говорится въ заговорахъ. [2]) При разыгравшемся воображеніи подобная сила слова становится сильнѣе воды, тяжелѣе золота, выше горы, крѣпче горючаго камня алатыря (Христом. стр. 16, въ концѣ 1-го столбца) — того самаго камня, подъ который, по многимъ заговорамъ, бросается ключъ отъ нихъ. Камень этотъ, какъ и подобно ожидать, лежитъ среди моря — небеснаго моря—лежитъ на особомъ островѣ, какъ въ заговорахъ, такъ и въ другихъ произведеньяхъ народной поэзіи именуемаго Буяномъ. Что касается этого названія, то буйный - ярый, т. е. исполненный жизни, кипучій силою. Островъ Буянъ, по народнымъ преданіямъ, это-то мѣсто за далекимъ небеснымъ моремъ, откуда заносится всякая жизнь, и куда она снова относится; эта та, лежащая на востокъ, страна солнца, гдѣ оно какъ бы живетъ домомъ, куда оно каждый вечеръ уходитъ и откуда возвращается каждое утро. Какъ страна солнцева, это страна незаходящаго лѣта, откуда вѣтры заносятъ его на время и къ намъ на землю со всякими сѣменами. [3]) Что касается самаго камня алатыря, то въ нѣкоторыхъ заговорахъ ему придана уже христіанская обстановка: онъ

---

[1]) Христом. стр. 78, въ сказкѣ объ Ивасѣ и Вѣдьмѣ.—Съ помѣщ. въ христ. заговоромъ на оружіе ср. Лѣтоп. Тихонравова, IV, См., 79.

[2]) Оч. Сиб. въ Библ. д. Чт. 1848 г. ст. Щапова въ Ж. М. Н. Пр. 1863 г. М. Э. О.

[3]) См. ст. Аѳанасьева объ островѣ Буянѣ (Временн. ист. общ. 1851 г., IX, стр. 11, 14—16).

при Іорданѣ-рѣкѣ, на немъ святая золотая церковь, или святъ золотъ престолъ—самъ Господь; или Богородица-Дѣва, или сила небесная, семь ангеловъ съ семью свѣтильниками; или же при немъ святое бѣлое дерево (по нѣкоторымъ варьянтамъ кипарисовое, то, изъ котораго, по преданію, сдѣланъ былъ крестъ христовъ); златая святая лѣстница — на лѣстницѣ Михаилъ Архангелъ, [1]) и т. и. Но сквозь всю эту позднѣйшую примѣсь не трудно разглядѣть единство основнаго, безъ сомнѣнья древнѣйшаго признака: это свѣтлость всего, соединяемаго съ алатыремъ. Самъ онъ—то бѣлый алатырь, то бѣлъ горючь камень. Въ одномъ заговорѣ духи идутъ на море горючь камень зажигать; въ другомъ его хотятъ распилить и изъ него вынуть палящій и гулящій огонь. [2]) Послѣ всего этого, кажется, позволительно будетъ признать алатырь, это центральное мѣсто Буяна, Солнцева острова, не чѣмъ либо инымъ, какъ миѳическимъ образомъ самого солнца, этого настоящаго центра и источника вечеческой жизни. А представленіе солнца горящимъ, свѣтящимся камнемъ положительно существовало, и слѣды его сохранились у различныхъ народовъ. [3]) Это, повидимому, подверждается и тѣмъ, что въ одномъ заговорѣ упоминается на восточной сторонѣ (т. е. тамъ-же, гдѣ и Буянъ) трисвѣтлое царство, а въ этомъ царствѣ три великія свѣтлицы солнечныя (три—по всей вѣроятности соотвѣтственно утреннему, полуденному и вечернему солнцу; [4]) это слѣдуетъ сблизить съ тремя теремами въ колядкахъ о солнцѣ). Въ другомъ заговорѣ отъ силы небесной, пребывающей на алатырѣ, ѣдутъ семь ангеловъ,—далѣе же Георгій храбрый, на бѣломъ конѣ и со щитомъ огненнымъ (щитъ—одинъ изъ миѳическихъ образовъ солнца — ср. Schwartz, S. M. и St., 6, 24, 97 etc.); онъ-же, въ одномъ изъ заговоровъ, попадается на встрѣчу на своемъ бѣломъ конѣ — при восхожемъ солнцѣ. [5]) При этомъ слѣдуетъ припомнить и тѣ пѣсни егорьевскія, въ которыхъ онъ отпираетъ землю своими золотыми ключами (выше объяснены они лучами солнца). (Всѣмъ этимъ, съ другой стороны, едва-ли не подтверждается значенье Егорья, какъ солнечнаго витязя, храбраго, или буяго въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и солнечный островъ — Буянъ островъ). Такому объясненію алатыря ни мало не противорѣчитъ и то, что по нѣкоторымъ заговорамъ на немъ сидитъ — стратимъ-птица, по другимъ — красная дѣвица и булатный быкъ, булатными

---

[1]) Ж. М. Н. П. 1863 г. ст. Щапова. Б. д. Чт. 1848 г. ст. Гуляева. Отеч. Зап. 1847 г. М. Э. О.

[2]) Арх. Калач. 1859 г. IV.—Рукоп. мат. Влад. губ. Э. О.

[3]) Schwartz, Sonne, Mond. u. Sterne, 1—6, 97, 124, 143.

[4]) Ср. ст. Куна о заговорахъ въ Zeitsch. für. Vergl. Sprachf.

[5]) Рук. Заг. Арх. губ. М. Э. О. Б. д. Чт. 1848 г. Отеч. Зап. 1847 г., Ж. М. Э. О.

рогами бодущій гору: и птица, и дѣва, и быкъ — все это образы, въ различныя миѳологическія эпохи принадлежавшія тому-же солнцу; образы, которые могли смѣшаться между собою и съ камнемъ алатыремъ въ позднѣйшую эпоху затемнѣнія миѳовъ (боданье горы рогами —, быть можетъ, пробиваніе тучи лучами — булатными, вслѣдствіе той остроты, какая могла быть имъ сообщена ковавшимъ ихъ кузнецомъ небеснымъ)[1].

Такое представленіе алатыря—солнца центромъ страны незаходимаго свѣта, могло, очевидно, сложиться только въ ту позднѣйшую пору, когда отъ первоначальнаго множества солнцъ пришли наконецъ къ сознанью во всѣхъ нихъ—единаго вѣчнаго солнца. Эта вѣчность, непоколебимая твердость его существованья, положеннаго въ основу всего, какъ камень во главу угла, и стала выражаться тѣмъ крѣпкимъ лежаньемъ алатыря, о которомъ говорятъ заговоры (христом. стр. 14, ст. 2-й, 3 аг. на путь дороженьку). Отъ такого же лежанія ненарушимаго уже легокъ былъ переходъ къ представленію и вообще о Буянѣ, странѣ неподвижнаго постоянства, — къ представленью такого рода, что тамъ—и люди не движутся, да и птицы, и тѣ не летаютъ. [2]) Сюда-же, впрочемъ, могъ примѣшаться и нѣсколько иной оттѣнокъ — указанье на тотъ покой въ смыслѣ отдыха, какимъ должно было наслаждаться на Буянѣ и закатывающееся туда солнышко, совершенно соотвѣтственно одной изъ немногихъ пословицъ миѳическаго періода: солнце днемъ работаетъ а ночью отдыхъ беретъ.

Послѣ всего, сказаннаго о Буянѣ островѣ и окружающемъ его океанѣ морѣ, ясно, почему тамъ — какъ-бы начало всему, тамъ пребываютъ матери всякаго рода существъ. Тамъ-то, на зеленомъ кустѣ, сидитъ пчелиная матка)—всѣмъ маткамъ старшая, властью которой угрожается непокорнымъ пчеламъ въ упомянутомъ уже заговорѣ на посаженье ихъ въ улей (собственно-Буянъ въ немъ не упомянутъ, но такъ какъ все

---

[1]) Ст. Щап. въ Ж. М. Н. П. 1863 г. Отеч. Зап. 1848 г. Рук. мат. В. И. Ламанскаго. Э. О.—Въ нѣкоторыхъ заговорахъ подъ алатыремъ рыба, которая и пожираетъ брошенный къ ней ключъ отъ заговора. «А кто эту рыбу добудетъ и замокъ мой отопретъ, да будетъ яко древо, палимое молнью.» (Гуляева Оч. Ю. Сиб. въ Биб. д. Чт. 1848 г. Отеч. Зап. 1847, Х. Харитонова изъ Записокъ Шенкурца. М. Э. О.) Но и рыба была миѳическимъ образомъ плавающаго по небесному морю солнца, котораго просвѣчиваніе сквозь тонкую слойку дымчатыхъ облаковъ могло представляться, особенно рыболовамъ, сіяніемъ золотой чешуи Ср. Chwartz, S. M. и. St., 123, etc.

[2]) Отеч. Зап. 1848 г., П. М. Э. О. Г. Аѳанасьевъ видитъ въ алатырѣ только выраженье той крѣпости и могущества плодотворной творческой силы, какая таится на Буянѣ островѣ въ вѣчно юныхъ зародышахъ (Врем. стр. 16). Но такое отвлеченное представленіе могло возникнуть только въ позднѣйшее время. — Что касается имени—алатырь—то, при настоящемъ состояніи науки, оно едва ли можетъ быть объяснено. (Попытки г. Безсонова въ замѣткѣ къ VI вып. Кирѣевскаго, критики, кажется, не выдерживаютъ). Въ одномъ заговорѣ вмѣсто алатыря—злaтырь.

подробности указывают на него, то это должно быть объяснено позднейшим пропуском — (Христом. стр. 14, ст. 1-й). Там-то, надобно полагать, и жилище той змѣи—всѣм змѣям старшей и большей (Македоницей названа она, вѣроятно, уже подъ книжным позднѣйшим вліяньем), которую въ другом, также упомянутом заговорѣ, заставляют вынуть жало, оставленное въ тѣлѣ такого-то одною изъ пчелъ, ея подданных (Кон. стр. 14-й и нач. 15-й). [1]) Понятно что ежели на Буянѣ первоначальный источникъ жизни, то оттуда-же вызывается ея сила и для врачеванія всяких изъянов, наносимых ей на землѣ. И дѣйствительно на алатырѣ, по цѣлому ряду заговоров, представляется пребывающею красная дѣвица, ниткою рудожелтою зашивающая раны кровавыя;—вот объ ней-то и вспоминают съ увѣренностью, что чрезъ это должно остановиться теченіе крови. (Христ. стр. 15, загов. отъ порѣза) [2]).

При подобном значеніи Буяна может вдругъ показаться странным, что оттуда-же заносится на землю и тоска, которой дѣйствіе, повидимому, совсѣм не живительно. Но тоска эта въ заговорах накликается на людей, въ которых питают любовь; она должна только вызвать съ их стороны то-же чувство любви къ заговаривающему. [3]) Тоска эта — томленіе любви по милому существу, неодолимо къ нему влекущее, не дающее быть съ ним въ разлукѣ. Тоска эта, таким образом, служит только путем къ союзу любви, къ браку,—въ нем-же новая жизнь, источник новых существованій. Вот почему тоска эта—происхожденія свѣтлаго; въ иных заговорах прямо достается она на Буянѣ изъ подъ богатырь камня (по другому варьянту — изъ подъ алатра); заносится же она оттуда семидесятью семью вѣтрами, которые по другим варьянтам оказываются птицами. [4]) Въ иных заговорах упоминаются всего семь братьевъ, — семь вѣтров буйных, которых просят собрать «тоски тоскучія со вдов, сирот и маленьких ребят, со всего свѣта бѣлаго.» Иной-же раз упоминаются всего три брата, три вѣтра. Или-же обращаются къ огню, полымю и буйному вѣтру: «выньте изъ меня тоску—несите, не уроните — вложите

---

[1]) Ср. Лѣтоп. Тихонр. V, См. 105.

[2]) Въ Лѣт. Тихонр. IV, См., 78. таких красных дѣвицъ на Буянѣ двѣ. По нѣкоторым заговорам золотою иглою зашивает раны старецъ (рук. мат. В. И. Ламанскаго) (Ср. Отеч. Зап. 1848, П. М. Э. О.)

[3]) Христом. стр. 16, ст. 2-й. Тут упоминается только о подвосточной сторонѣ; но по многим другим заговорам мѣсто тоски—Буян островъ.

[4]) Число 77 имѣло какое-то таинственное значеніе еще въ Ведах (Kuhn, Zeitsch. f. vergl. Sprachf. XIII, 128). См. заговоры на любовь у Худякова, Матеріалы для изуч. нар. слов., 9, 10. Тихонрав. Лѣт. IV, 75, См. 111, 112. Библ. д. Чт. 1848. М. Э. О.

въ такую-то.» Соотвѣтственно тому въ одномъ заговорѣ на любовь—три кузницы, и при помощи ихъ куются узы, которыми слѣдуетъ къ такому-то приковать такую-то, —или наоборотъ (соотвѣтственно этому, какъ видно будетъ въ своемъ мѣстѣ, куется и вѣнецъ брачный). [1]) Наконецъ въ одномъ сибирскомъ заговорѣ сряжается и споряжается зажигать горы, домы и быстрыя рѣки, и призывается на зажиганье любовной тоски — огненный змѣй (ст. Гуляева въ библ. для чтенія 1848 г.) Съ этимъ надо сличить народное повѣрье объ огненномъ змѣѣ: о томъ, какъ въ началѣ января (т. е. въ концѣ праздника поворота на лѣто) онъ начинаетъ летать, проникаетъ черезъ трубу въ избы, оборачивается добрымъ молодцемъ и привораживаетъ къ себѣ красныхъ дѣвицъ. Въ одной сербской пѣснѣ дѣвица, уносимая огненнымъ змѣемъ, сама называетъ себя его «вѣрною любою.» Все это объясняется тѣмъ, что въ миѳологіи огненный змѣй есть одинъ изъ образовъ молніи. Весенняя земля, оплодотворяемая въ пору первыхъ весеннихъ грозъ, стала миѳически представляться невѣстою огненнаго змѣя. Тотъ-же огненный змѣй, самъ вступающій въ брачный союзъ съ природой, позже сталъ представляться и устраителемъ брака между людьми. Такимъ образомъ ему-же могло быть приписано и занесенье на землю тоски любовной. [2]) Послѣ этого ясно, что ежели въ нашемъ повѣрьѣ о летаніи змѣя онъ получилъ уже нѣсколько враждебный оттѣнокъ (отъ его посѣщеній имѣются свои оберегательныя средства), то это могло произойти только въ позднѣйшее время. Такъ и въ нѣкоторыхъ заговорахъ — насыланье любовной тоски является уже дѣломъ темнымъ. Нѣкоторые изъ нихъ начинаются даже словами: «встану, не благословясь;» а далѣе въ нихъ призывается бѣсъ Санчакъ; въ нѣкоторыхъ другихъ заговорахъ на любовь даже 77 вѣтровъ, несущихъ тоску, являются уже 77 бѣсами. [3]) Очевидно, что все это—уже позднѣйшая порча, первоначально-же свѣтлому змѣю огненному, или живоноснымъ вѣтрамъ, подавателямъ любовной тоски, противополагался особый враждебный духъ-вихорь, который

---

[1]) Библ. д. Чт. 1848 г. ст. Гуляева. Ворон. Лит. Сб., вып. 1. Отеч. Зап. 1848 г. М. Э. О.

[2]) Сахар. Сказ. II. VII, 5, 6. Вука Српске Пјесме, I, 163, 164. Гануша Календ., 66. Комета, ст. Аѳанасьева, 138. Его же о Зооморфич. божествахъ въ Отеч. Зап. 1852 г., во 2-й статьѣ. Наконецъ огненный змѣй сдѣлался и подателемъ всякихъ жизненныхъ благъ, счастья, богатства. Отсюда горно-лужицкая пословица про человѣка, которому повезло: «вонъ ма змія» или чешская: «у нихъ се плевникъ угнѣздилъ» (угнѣздился змѣй). Schmaler, Volkslieder der Wenden, II, 266. Челяковскаго Слав. мудрость въ пословицахъ, 494—96. Ср. Schleicher, Litthauische Märchen, etc.. 149).

[3]) Сарат. губ. вѣд. Отеч. Зап. 1848 г. Архивъ Калачова 1859, IV. Слѣдств. дѣло 1769 г. М. Э. О.

не разжигалъ, а студилъ, и злыми знахарями призывался, какъ уже сказано выше, на остуду между женою и мужемъ.

И такъ первоначальное значеніе любовной тоски было значеніе вполнѣ благотворное, свѣтлое, и первоначально она накликалась—съ доброю цѣлью. Совершенно другаго рода тоска уже не накликается, а прогоняется—въ другомъ рядѣ заговоровъ, тѣхъ, которые служатъ для матери врачеваньемъ въ разлукѣ съ ея ненаглядными дитяткою (Христом., стр. 15 и 16). Становясь среди лѣса дремучаго (о жизненной силѣ, таившейся въ немъ, было упомянуто выше), тоскующая мать очерчивается чертою призорочною, т. е. такою которая не подпускала бы къ ней никакого зловѣщаго призрака (о смыслѣ очерчиванія уже сказано было выше). На помощь призывается, сверхъ прочихъ явленій, исполненныхъ свѣта и жизни, сіяніе обручальной свѣчи, а также и чаша, и платъ вѣнчальные, т. е. связанные съ бракомъ, этимъ источникомъ новой жизни (какъ было объяснено выше), а потому и почерпающіе отъ него живительную, цѣлебную, оберегающую отъ всего злаго силу. Что касается тѣхъ враждебныхъ существъ, отъ которыхъ всѣмъ этимъ надѣется мать уберечь свое дитятко, то въ числѣ ихъ упоминаются и такія, которыхъ первоначальное значеніе было—вовсе не темное. Не что иное, какъ позднѣйшую порчу, надобно видѣть въ томъ, что враждебнымъ является тутъ и тотъ летучій змѣй огненный, о благодатномъ значеніи котораго сказано выше. Такъ и Баба-Яга стала треклятою только позже изъ первоначально благодатной подательницы дождя—тучи-бабы. Такъ наконецъ и названіе вѣдьмой—кіевскою и муромскою—указываетъ только на языческо-богослужебное значеніе Кіева и Мурома, куда первоначально стекались позже-лишь ставшія вѣдьмами — вѣщія жены. Напротивъ уже изначала именно враждебный, а не какой другой смыслъ, соединялся съ Ѣдуномъ-Кощеемъ (Костенящимъ силою своего холода, поѣдающимъ жизнь на землѣ, смертоноснымъ духомъ зимы) (Дальнѣйшая характеристика кощея, а равно и другихъ существъ, упоминаемыхъ въ нашемъ заговорѣ: лѣшаго, чужаго домоваго, водянаго, русалки будетъ представлено въ своемъ мѣстѣ).

Въ заговорахъ отъ тоски, а равно и на тоску, слову и тѣмъ силамъ природы, къ которымъ оно обращается, до извѣстной степени уже приписывается вліяніе—не только на физическую, но и на нравственную сторону человѣка. Не диво же, послѣ этого, если заговорами надѣются врачевать и нравственные недуги. Отсюда цѣлый рядъ заговоровъ отъ запоя, въ которыхъ унять отъ него такого-то должны звѣзды, мѣсяцъ и солнце. (Христоматія стр. 15, ст. 2-й). Но посредствомъ заговоровъ надѣются притупить въ человѣкѣ и недуги, казалось бы, еще болѣе отличающіеся внутренними свойствами, еще болѣе зависящіе не отъ чего другаго, какъ отъ направленія воли самаго человѣка. Такъ имѣются за-

говоры, съ которыми безбоязненно идутъ на глаза начальству, въ твердой увѣренности, что силою ихъ притупится всякій гнѣвъ и неизбѣжнымъ образомъ будетъ преложенъ на милость. «Буди у супостата моего властелина (такого-то) сердце заячье, уши тетерьи, очи мертваго мертвеца, и не могли бы отворяться уста, и ясныя его очи возмущаться, ни ретиво сердце браниться, ни бѣлыя его руки подниматься на меня [1]).

Ясно, что заговоры такого рода должны были образоваться въ ту отдаленную пору, когда человѣкомъ даже внутренній его міръ ставился еще въ совершеннѣйшую зависимость отъ внѣшнихъ вліяній, когда еще не пробуждалось сознанье могущества свободной человѣческой воли.

Всѣ, уцѣлѣвшіе до настоящаго времени заговоры, имѣютъ въ виду, какъ не трудно замѣтить, обезпеченіе человѣческаго благосостоянія, постоянно благаго исхода во всѣхъ обычныхъ занятіяхъ человѣка. Первоначально же, о чемъ уже были намеки, кругъ заговоровъ долженъ былъ быть несравненно шире. Къ нимъ должны были прибѣгать для вызыванія и тѣхъ годичныхъ явленій природы, въ постоянствѣ которыхъ человѣчество убѣдилось не сразу. При обозрѣніи годичнаго круга праздниковъ мы видѣли остатки подобныхъ заговоровъ, и соединявшихся съ ними зачаровывающихъ обрядовъ: въ изгнаньѣ зимы и заклинаньѣ весны, въ призываньѣ дождя, и т. п. Первоначально же, надобно полагать, считалось нужнымъ прибѣгать къ заклинанію и для вызова каждаго новаго дня изъ ночнаго плѣна.

Такимъ образомъ теперь мы имѣемъ, по большей части, уже заговоры болѣе поздней формаціи, въ тоже время заключающіе въ себѣ, какъ не трудно было замѣтить, наслоенія различныхъ степеней давности [2]).

---

[1]) Арханг. губ. М. Э. О.

[2]) Я. Гриммъ въ своей статьѣ Ueber das Gebet различаетъ три послѣдовательныхъ періода: «первый, когда только приносились жертвы, второй, когда жертвовали и молились, третій, когда только молились.» (Kleinere Schriften, II, 460). Мнѣ кажется, что даже первому долженъ быть предпосланъ древнѣйшій: такой, когда еще и жертвъ не приносили, но совершали обряды, которые, съ перваго взгляда, могутъ въ настоящее время показаться жертвами, но были первоначально только подражаньемъ тому, что замѣчали въ природѣ, подражаньемъ, имѣвшимъ въ виду вынудить у нея повтореніе тѣхъ же явленій (см. выше начало этой главы). Въ смыслѣ первоначальнаго обряда заключалось стремленіе овладѣть природой; тотъ же смыслъ — въ заговорѣ, которымъ долженъ былъ уже изначала сопровождаться обрядъ и который служилъ предшественникомъ молитвы. Если послѣдняя имѣетъ въ виду только добрую волю божествъ; если вся сила ея — въ надеждѣ на ихъ милосердіе, то заговоръ, относясь къ эпохѣ болѣе грубаго представленія о божествѣ, долженъ былъ имѣть на него вліяніе просто-напросто принудительное. Въ «Ведахъ» это уже нѣсколько смягченнѣе, тоньше выражается тѣмъ, что богамъ, чтобы получить охоту и силу дѣйствовать, нужны человѣческіе обряды и гимны, что боги въ нихъ—обрѣтаютъ силу. Съ особою ясностію выражается это въ Ригъ-Ведѣ, отд. I, гимнѣ 4, 5, 9, 10, 16, 36, 39, 51, 59, 71, 83, 84,

Наши русскіе заговоры отличаются замѣчательною полнотою, сравнительно, напримѣръ, съ тѣми короткими и очевидно испорченными нѣмецкими, какіе помѣщены у Куна (Norddeutsche Sagen, etc, 437 — 444). (Несравненно болѣе полные и поэтичные собраны имъ у различныхъ племенъ германскаго корня и сличены съ индійскими въ вышеупомянутой статьѣ Zeitschr. für vergl. Sprachf., XIII. 1 и 2). Между славянскими народами, кромѣ Русскихъ, прекрасные заговоры сохранились, какъ слышно, у Сербовъ, но до сихъ поръ они остаются по большей части необнародованными (См. В. И. Ламанскаго, Сербія и Юго-Славянскія земли Австріи); что касается тѣхъ немногихъ, которые напечатаны были В. С. Караджичемъ подъ именемъ заклятве, (въ его сборникѣ сербскихъ народныхъ пословицъ, стр. 303—305), то это скорѣе сжатыя формулы клятвы, въ слѣдующемъ родѣ: «чтобы такъ меня живой огонь не пожегъ!» (подразумѣвается: какъ справедливо то, въ чемъ я клянусь); или «чтобы такъ земля меня не отняла у солнца!» и т. и. Потому-то Караджичъ и былъ совершенно правъ, издавъ ихъ вмѣстѣ съ пословицами, такъ какъ онѣ по своей формѣ прямо переходятъ въ разрядъ этихъ сжатыхъ изреченій народной опытности, наблюдательности и мудрости.

Что касается вообще пословицъ, то и между ними попадаются еще такія, которыя носятъ болѣе или менѣе явственный отпечатокъ отдаленной норы миѳической. Нѣкоторыя изъ нихъ уже приводились выше; напрнм: «что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ.» Столько же ясно свидѣтельствуетъ о миѳическихъ представленіяхъ быта пастушескаго слѣ-

91, 93, 100, 103, 105, 113 и 116. (Benfey, Orient und Occident, B. I, H. 1—4, B. II, H. 2 и. 3, B. III, H. 1. Uebersetzung des Rigveda). Въ нѣкоторыхъ гимнахъ даже живо проглядываетъ самое первобытное значеніе гимна-заговора; наприм. въ слѣдующемъ: «тканію словъ пѣвецъ гимна пробуждаетъ ото сна утро ясное» (гимнъ, 113-й). Или въ слѣдующемъ: «Зашедшее солнце, погрузясь въ колодезь, звало боговъ на помощь; зовъ его услышалъ Бригаспати (владыка священныхъ гимновъ) (т. е. имъ былъ снова вызванъ восходъ зашедшаго солнца) (гимнъ 106-й). Тутъ такимъ образомъ солнечное божество нуждается въ помощи гимна, сила котораго олицетворяется, становится владыкою, своего рода божествомъ. Точно такимъ же олицетвореніемъ является въ Ведахъ Агни — огонь обрядный, и въ тоже время могущественнѣйшее божество; или же Сома—столь же могущественное божество, по первоначальному же смыслу напитокъ, особеннымъ образомъ приготовляемый людьми для боговъ. Такъ какъ боги, упиваясь имъ, чрезъ это получаютъ силу, съ другой же стороны сила боговъ умножается вслѣдствіе упоенія небеснымъ напиткомъ—дождемъ, то изготовленіе сомы какъ бы перешло человѣкомъ у дождевой тучи, перешло на пользу и въ помощь самимъ богамъ. Послѣ этого совершенно справедливо говоритъ Мори, что въ первобытныхъ религіяхъ «сила обрядовъ была превознесена выше силы самихъ боговъ» (Alfred Maury, Croyances et légendes de l'antiquité, 45). Въ Сама-Ведѣ, говоритъ тотъ же ученый, Сома является какъ создатель всего существующаго..., чьею силою поднимается солнце, кѣмъ произведено небо, воздухъ и звѣзды. ibidem, 91, 92; ср. также стр. 94).

дующая: «Егорій да Власъ (св. Власій, замѣнившій Волоса,—скотьяго бога, какъ его называетъ Несторъ) всему богатству (т. е. стаду) главъ. Сюда же можетъ быть отнесена и пословица: «моленой баранъ отлучился, инъ гулящей прилучился» (молить употреблялось въ значеніи колоть, рѣзать—для жертвы,—что̀ до сихъ поръ уцѣлѣло въ областномъ нарѣчіи вятскомъ; моленой—обреченный въ жертву; смыслъ пословицы тотъ, что назначался одинъ, а попался другой); или же наконецъ: «обреченная скотинка ужь не животинка» (т. е. ей уже не водъ; если не принесть въ жертву, отнять такимъ образомъ у божества, то она или околѣетъ, или достанется волку) [1]). Скорѣе уже земледѣльческимъ бытомъ отзывается слѣд. галицкая пословица, свидѣтельствующая о высокомъ почитаніи кормилицы земли-матери: «Не годенъ да го земля святая на себѣ носить» (съ этимъ сходна клятва: «земля бы го святая не пріймила!» и сербск. эпическое привѣтствіе; «бувай богата якъ земля святая) Соотвѣтственно этому святымъ въ другой галицкой пословицѣ названъ огонь: «Огонь святый мстится, якъ го не шануешь (т. е. не чтишь, какъ могучее и благодѣтельное божество) [2]). По видимому, уже поэтическій образъ изъ міросозерцанія христіанскаго заключается въ пословицѣ: «вѣтеръ—божій духъ;» но не трудно будетъ усмотрѣть и тутъ первоначальную миѳическую основу, если привести для сличенія, что въ Ведахъ вѣтеръ называется «дыханіемъ Варуны» [3]) (Бога небесной тверди, соотвѣтствовавшаго славянскому Сварогу). — Быть можетъ поблѣднѣвшій слѣдъ миѳическаго воззрѣнія слѣдуетъ видѣть и въ странной пословицѣ: «врагъ силенъ, валяетъ и въ синемъ,» въ объясненіе которой приводятъ наше древнерусское названіе молніи синею и сербскую поговорку: «пуче као сини громъ» [4]). Но въ такомъ случаѣ уже позднѣйшею порчею должно быть тутъ признано слово врагъ, такъ какъ, по чистому миѳическому представленію, въ молніи скорѣе дѣйствуетъ другъ, доброжелательное божество, разсѣкающее врага, или, лучше сказать,—враговъ, т. е. то скопище темныхъ тучъ, которыми полонено солнышко, и которыя, только проливишись дождемъ вслѣдъ за молніею, снова даютъ ему выйти на волю. Въ этомъ случаѣ болѣе чистое миѳическое представленіе сохранилось въ сербскомъ изреченіи, характеризующемъ какъ бы дальнѣйшій моментъ—когда солнышко начинаетъ проглядывать сквозь все еще продолжающій накрапывать дождикъ: «сунце грије, киша

---

[1]) Буслаева, Русскій бытъ и пословицы (Ист. Оч. Р. Нар. Слов. I, 81, 82). Прекрасное извлеченіе отсюда въ исторіи Р. Слов. г. Галахова, I, 25 — 28. См. также у Снегирева, Русскіе въ своихъ пословицахъ, ч. IV.

[2]) Буслаевъ, тамъ же, 120.

[3]) Orient und Occident, I, i, 35.

[4]) Буслаевъ, Очерки, I, 87.

(дождь) иде, — дьяволи се легу!» — т. е. враги (дьяволы — терминъ уже христіанизированный) ложатся, низложены, сокрушены — результатъ всей той драмы, какая происходила въ природѣ. — Другой оттѣнокъ придается варьянтомъ: «вьештице се легу;» т. е. вѣдуньи, вѣщія жены ложатся — идутъ на покой, достигнувъ цѣли, т. е. словомъ и дѣломъ своихъ обрядовыхъ чаръ вызвавъ дождь изъ безплодно висѣвшихъ тучъ, и тѣмъ самымъ очистивъ небо для солнышка [1]). О сходномъ дѣйствіи женъ — чаровницъ говоритъ и наша пословица (изъ галицкой Руси): «сонце свѣтить, дощикъ кранить, — чарôвница масло робить». Почти совершенно тоже въ польскомъ: «дещикъ пада, соньце свѣци, чаровница масло клеци (сбиваетъ) [2]). (Въ объясненіе надо припомнить выше сказанное о представленіи свѣта — чашею жидкаго масла, или же молокомъ небесныхъ коровъ; — вѣщая дѣва силою своихъ заговоровъ и обрядовыхъ дѣйствій снова сбиваетъ небесное свѣтоносное масло — вызываетъ солнце сквозь дождь, быть можетъ уподобляющійся при этомъ той жидкости, которая оказывается при сбиваніи масла). Наконецъ весьма древнее и, послѣ вышесказаннаго, понятное намъ значеніе заключается въ другой польской же пословицѣ: «выглядитъ какъ чаровницы съ лысой горы» (Челяковскаго, 496).

Этихъ немногихъ пословицъ достаточно, чтобы получить понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ въ нихъ оказываются сохранившимися черты первобытныхъ миѳовъ. Ими дополняются всѣ тѣ другіе различные роды словесныхъ произведеній, которые нами разсмотрѣны какъ остатки древнѣйшаго миѳическаго періода. Но мы могли замѣтить, что и этотъ періодъ въ свою очередь распадается на нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней, такъ что съ одной стороны, такимъ образомъ, его слѣдуетъ признать періодомъ громаднымъ по своей продолжительности, съ другой же стороны только въ такую громадность періодовъ, т. е. въ такую медленность историческаго движенія, и должна обратиться та пресловутая неподвижность въ народныхъ преданіяхъ, которую создало воображеніе людей, или предупрежденныхъ, или незнакомыхъ съ тѣмъ, о чемъ говорятъ. Мы могли замѣтить перетасовывающуюся пестроту миѳическихъ образовъ, возникавшихъ въ разныя времена и потомъ уживавшихся вмѣстѣ.

Одни и тѣже явленія выдвигались передъ нами въ многоразличныхъ образахъ, съ другой же стороны нерѣдко въ одномъ и томъ же образѣ выражались многоразличнѣйшія явленія. Въ этихъ образахъ видѣли мы отраженіе тѣхъ послѣдовательныхъ бытовыхъ ступеней, чрезъ которыя переходили всѣ народы индоевропейскаго племени. Мы встрѣчались во

[1]) Вука Караджича, Српске Пословице, 290.
[2]) Челяковскаго, Мудрослови слованскéго народу въ пришловихъ, 496.

первыхъ съ образами изъ быта пастушескаго, далѣе съ воинственнымъ образомъ добраго молодца, передавшимъ и позднѣйшему Георгію наименованіе храбраго, — этотъ же образъ долженъ былъ первоначально возникнуть на той-же ступени, такъ какъ у всѣхъ народовъ кочевники-скотоводы были въ то же время и воинами [1]). Намъ попадались и образы свидѣтельствующіе о другомъ бытѣ—о томъ, къ которому мало по малу самостоятельно приходилъ каждый изъ индо-европейскихъ народовъ, о бытѣ уже осѣдломъ, смягчающемъ нравы, по преимуществу мирномъ,— бытѣ земледѣльческомъ.—Только при этомъ послѣднемъ могъ установиться тотъ праздничный солнечный кругъ, съ которымъ мы познакомились выше, только при немъ могло окончательно установиться богослуженіе [2]). Для богослуженія нужна уже та вѣра въ боговъ, какъ вѣчно единыхъ подателей и хранителей жизни, вѣра, безъ которой, съ другой стороны невозможны занятія земледѣльческія, такъ какъ все тутъ основано на томъ, чтобы свѣтлыя явленія лѣта не были только мимолетнымъ капризомъ природы, а были постоянною доброю волею, твердымъ намѣреніемъ дѣйствующихъ въ ней существъ. Быту земледѣльческому вполнѣ соотвѣтствуетъ та увѣренность въ постоянномъ торжествѣ свѣтлыхъ силъ, то сознаніе ихъ рѣшительно - преобладающаго значенія, какое не трудно было замѣтить въ выше разобранномъ праздничномъ кругѣ. А изъ такого сознанія, изъ такой, въ свою очередь свѣтлой увѣренности, прямо вытекало то успокоенное состояніе души, которое не можетъ не имѣть и облагораживающаго, смягчающаго вліянія на человѣческіе нравы. Великимъ шагомъ для человѣчества сталъ переходъ отъ тѣхъ безразличныхъ отношеній какъ къ свѣтлымъ, такъ и темнымъ силамъ, послѣднимъ отзвукомъ которыхъ (снова усилившимся подъ вліяніемъ позднѣйшаго взгляда на все языческое, какъ на дьявольское) является кое что въ заговорахъ, въ ворожбѣ, въ повѣрьяхъ и преданьяхъ объ ней и т. п. Въ ту грубую отдаленнѣйшую пору все состояло лишь въ томъ, чтобы чрезъ чары обрядовыхъ дѣйствій и словъ завладѣвать какъ добромъ, такъ и зломъ въ природѣ, и, завладѣвъ, насылать другъ на друга то то, то другое—по своему усмотрѣнію. Силы природы, при такомъ суевѣрномъ

---

[1]) «Нельзя раздѣлять воиновъ, охотниковъ и пастуховъ».... «всѣ странствующіе пастухи были воинственны, всѣ воины водили за собою стада.» J. Grimm, Geschichte der D. Sprache, I, 22. «Въ языкѣ кочевниковъ множество выраженій для всякаго рода оружія» (тамъ же, стр. 20).

[2]) J. Grimm, ibidem, 71, 116.—О самостоятельномъ переходѣ къ нему какъ Славянъ, такъ и Германцевъ, Литовцевъ и др. см. тамъ-же стр. 56, 58, 70. Ср. также Kleinere Schriften, II, 219. О знакомствѣ съ земледѣліемъ еще древнихъ Аріевъ, этихъ предковъ индоевропейскаго племени, см. у Pictet, Origines Indoeuropéennes, II, 73 etc., 739—741.

взглядѣ, переходили въ руки людей, и, при вѣрѣ въ возможность съ помощью ихъ причинять вредъ другъ другу, этимъ поддерживался взаимный страхъ, взаимное недовѣріе и вражда.—Но вотъ начинаетъ развиваться взглядъ на темныя силы, какъ уже не равносильныя свѣтлымъ, а долженствующія постоянно имъ уступать; начинаетъ развиваться увѣренность въ несокрушимомъ могуществѣ этихъ послѣднихъ, увѣренность въ томъ, что въ нихъ лишь—прямая сила, лишь съ ними надеженъ союзъ. Вмѣстѣ же съ тѣмъ оказывается, что уже самымъ своимъ торжествомъ эти свѣтлыя существа постоянно дѣйствуютъ въ пользу человѣка,—а при томъ надѣленіи ихъ всѣми свойствами человѣческими, какое окончательно произошло въ миѳологіи, они оказывались дѣйствующими преднамѣренно; благодѣтельствуя человѣку, онѣ и хотѣли ему благодѣтельствовать. Такимъ образомъ надъ собою люди должны были увидѣть цѣлый міръ существъ, направлявшихъ на пользу ему весь избытокъ своего могущества. Уже нѐ зачѣмъ было прибѣгать къ чарамъ;—боги сами заботились о человѣкѣ, требуя отъ него лишь труда надъ землею, которому сами же его научили, даже собственноручно выковавъ для него первое орудіе земледѣльческое. Человѣку послѣ этого предстояло только трудиться и славить боговъ,—приносить имъ жертву благодаренія и молитвы; и вотъ этою послѣднею сталъ замѣняться когда-то всеобъемющій заговоръ, кругъ котораго долженъ былъ съузиться, какъ уже намъ извѣстно.—Съ такой перемѣной въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, или, лучше сказать, съ такимъ зарожденіемъ религіи въ миѳологіи, предстояло наконецъ оказаться и связи между вѣрованіями и нравственными понятіями человѣка. Если первые зародыши этихъ послѣднихъ должно искать въ томъ простомъ обстоятельствѣ, что человѣкъ не одинъ, а что людей много; если уже просто изъ этого, независимо отъ всего другаго, должно было мало по малу возникнуть сознанье взаимности правъ и обязанностей между людьми; — то нѣтъ сомнѣнія, съ другой стороны, что съ тѣмъ смягченіемъ въ вѣрованіяхъ, съ тѣмъ перевѣсомъ въ нихъ свѣтлыхъ началъ, съ тѣмъ проникновеніемъ въ нихъ религіозной увѣренности въ союзѣ боговъ съ человѣкомъ, о которомъ было говорено, должно было подготовиться и вліяніе религіозныхъ началъ на нравственныя. Богамъ, доброжелательнымъ человѣку, богамъ, какъ благимъ отцамъ людей, предстояло получить наконецъ въ ихъ понятіи и значенье праведныхъ отцовъ, требующихъ отъ дѣтей также благости, братскихъ отношеній другъ къ другу—т. е. къ тому ближайшему кругу родныхъ, за предѣлы котораго долго, очень долго не могъ выступить человѣкъ, такъ какъ и боги, въ его понятіи, освѣщали съ небесъ лишь тотъ видимый ему горизонтъ, за которымъ для него еще не было необъятности. При подобнаго рода отношеніяхъ къ богамъ совершенно особое объясненіе предстояло получить тѣмъ, все-таки замѣтнымъ въ теченіи природы не-

привильностямъ, отъ которыхъ все же приходилось по временамъ терпѣть человѣку. Объясненіе предстояло ему найти въ томъ, что это было въ наказаніе отъ боговъ за людское зло,—и вотъ тутъ-то опять совершенно особое значеніе получила молитва, какъ средство умилостивленія боговъ, чтобы утолился ихъ гнѣвъ и прекратились тѣ пагубныя явленія въ природѣ, которыя, для его же нравственной пользы, самими богами были допущены [1].

Таковы тѣ воззрѣнія, которыя пока еще только подготовлялись, только имѣли развиться изъ того, уже ясно выразившагося преобладанія свѣтлыхъ божествъ, какое оказывается въ большей части выше разобранныхъ произведеній миѳическаго періода.

Безъ сомнѣнія, цѣлый рядъ вѣковъ долженъ отдѣлять эти позднѣйшія представленія отъ того основнаго древнѣйшаго, изъ котораго первоначально вытекла миѳологія. Это воззрѣніе заключалось въ томъ, что все въ мірѣ одарено также точно жизнію, какъ и самъ человѣкъ. Но отсюда долженъ былъ вытечь опять совершенно особый рядъ вѣрованій, развившійся на ряду съ тѣмъ, который выше уже разсмотрѣнъ, и наконецъ сочетавшійся съ нимъ совершенно дружно. Ежели все вокругъ человѣка живо, то живъ и тотъ бездыханный трупъ существа ему близкаго, о которомъ онъ плачетъ—но только, какъ объ отправившемся въ отдаленный путь. Всѣ свидѣтельства о погребальныхъ обрядахъ какъ древнихъ народовъ, такъ и въ настоящее время еще находящихся въ состояніи, недалекомъ отъ первобытнаго, единогласно доказываютъ, что умершаго считали и еще считаютъ живущимъ и за дверями гроба. Самый гробъ на мѣстномъ малороссійскомъ нарѣчіи сохраняетъ выразительное въ этомъ отношеніи наименованіе—домовина [2]. Соотвѣтственно этому родились и заботы о томъ, чтобы умершему, въ новомъ его дому, не было ни въ чемъ недостатка. Въ домовину клали даже хлѣбъ

---

[1]) О высокомъ нравственномъ значеніи божествъ, проявившемся въ Ведахъ, см. Мори, Croyances et légendes de l'antiquité p. 141 et suiv., 150 et suiv. Вообще объ отношеніи религіи къ нравственности см. Delbrück, die Entstehung des Mythos (Zeitschr. v. Lazarus und Steinthal III, 3) и его-же Das Verhältniss zwischen Religion und Mythologie (ibidem, III, 4).

[2]) Шейковскаго, Бытъ Подолянъ, вып. 2 стр. 5. «Мы знаемъ изъ раскопки кургановъ, что древніе гробы имѣли видъ домика или шатра, смотря потому, принадлежатъ ли курганъ осѣдлому племени, или кочевому.»

и сосудъ съ питьемъ, въ позднѣйшее время—деньги [1]). И нашъ теперешній обычай хоронить съ главнѣйшими аттрибутами званія слѣдуетъ считать сохранившимся (съ измѣненіемъ смысла) отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда съ воиномъ, напримѣръ, клалось въ могилу оружіе—на томъ основаніи, что оно и тамъ ему будетъ надобно, и т. п. Отсюда и древній обычай хоронить вмѣстѣ съ любимымъ конемъ,—что употреблялось преимущественно тамъ, гдѣ тѣло умершаго сожигалось. Этотъ способъ погребенія долженъ былъ возникнуть уже на ранней ступени быта—кочевой и воинственно-скотоводческой, возникнуть изъ самыхъ условій перекочевыванія, заставившихъ думать о способахъ легкаго перенесенія праха усопшихъ, а легко можетъ переноситься только прахъ въ собственномъ смыслѣ,—т. е. только пепелъ, оставшійся отъ сожженія трупа. Но при сожженіи на костеръ взводили не только коня, на него восходила, и нерѣдко даже вполнѣ добровольно, жена умершаго, управляемая твердою увѣренностью въ томъ, что и за дверями гроба она нужна ему, а что ей въ тоже время будетъ тамъ съ нимъ хорошо [2])! Но замѣчательно, что умершаго у многихъ народовъ, сожигали посреди воды на суднѣ [3]), или же въ гробѣ, похожемъ на лодку, ставили на костеръ. Въ этомъ выразилось понятіе объ отплываніи умершихъ—отплываніи по тому, какъ надобно полагать, небесному морю, посреди котораго обитающими представлялись свѣтлыя божества, принимавшія къ себѣ души отшедшихъ [4]). По всей вѣроятности только позже, съ утратою первоначальной полноты такого понятія и сохраніемъ только смутной идеи удаленія вообще въ дальній путь, явился обычай класть мертвецовъ на сани, что соблюдалось, напримѣръ, у насъ на Руси даже до XVII ст. Изъ того же, что на сани становили даже и лѣтомъ, надо, кажется, заключить, что слово сани первоначально имѣло смыслъ болѣе широкій (въ областныхъ говорахъ оно, напримѣръ, означаетъ носилки [5]) смыслъ вообще повозки, т. е. того, на чемъ можно везть—лѣтомъ-

---

[1]) Терещ. III; 76, 84. Ср. J. Jirecek, Studia v oboru mythologie ceske (Часописъ чешскаго Музеума. 1863 г., вып. 1., стр. 7. Bastian, der Mensch in der Geschichte, II, 332 etc. Статья Забѣлина о скиѳскихъ могилахъ—въ Труд. Моск. археол. общ. I, 72, 86, 88.

[2]) Jacob Grimm, Ueber das verbrennen der Leichen (Kleinere Schriften II, 307—309). Тутъ приведены свидѣтельства о сожженіи тѣлъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, въ томъ числѣ и у Славянъ. Относительно послѣднихъ едва ли только имѣются достаточныя доказательства, что съ умершимъ сожигались и его рабы (описанное у Ибнъ Фоцлана относится къ Руссамъ—но подъ ними едва ли не слѣдуетъ разумѣть торговый варяжскій людъ). Впрочемъ—объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

[3]) См. выше въ описаніи праздника Купалы. Grimm, ibidem, 257, 265, 372—273.

[4]) Grimm, D. Mythologie, 790 etc.

[5]) Терещ. III, 81, 82, 107.

ли, зимою-ли, все равно. Господствующій въ настоящее время у индоевропейскихъ народовъ обычай схороненія въ землю имѣлъ возможность возникнуть, и дѣйствительно сталъ возникать по мѣрѣ перехода отъ кочеваго пастушьяго быта къ осѣдлому земледѣльческому, хотя мѣстами долго могло сохраняться и сожженіе тѣлъ, представлявшее многія преимущества и имѣвшее особый миѳическій смыслъ, какъ будетъ показано ниже [1]). Древняя же идея отплытія по морю и при схороненіи въ землю имѣла возможность сказываться тѣмъ, что гробу мѣстами все еще придавался видъ лодки, (не окончательно изчезнувшій, можетъ быть, и въ теперешней формѣ гробовъ), или же тѣмъ, что надъ могильнымъ холмомъ камни укладывались на подобіе корабля (такія могилы сохранились въ Швеціи, гробы же въ формѣ лодокъ до сихъ поръ еще обычны въ Китаѣ) [2]).

Во всѣхъ этихъ различныхъ видахъ обращенія съ трупами, относящихся къ разнымъ эпохамъ, но уживающихся нерѣдко рядышкомъ, какъ оно и вообще обычно въ народномъ быту,—во всемъ этомъ общее—то, что за мертвымъ сохраняются тутъ всѣ обычныя нужды, желанія, чувства живаго. Тоже сказывается и во множествѣ причитаній, до сихъ поръ еще употребительныхъ въ народѣ тамъ или здѣсь. Такъ, напримѣръ, въ Малороссіи причитаютъ: «чи чуете вы, мой батенько и моя матусенька» (т. е. чувствуете ли вы наше присутствіе здѣсь, у васъ на могилѣ) «Чи вамъ тамъ лучче, чи намъ туточки?» — Или-же: «дай вамъ Боже легко въ землѣ лежати» [3]) Это послѣднее причитаніе, не смотря на позднѣйшую вставку въ него христіанскаго Бога, должно относиться къ глубочайшей давности, вполнѣ соотвѣтствуя еще древнему римскому: Sit tibi terra levis! — При заботахъ живыхъ объ умершихъ существуетъ у различныхъ народовъ и вѣра въ заботы умершаго о живыхъ. Если съ одной стороны слезы родныхъ надъ могилой, проникая сквозь землю,

[1]) Grimm, ibidem 224.—На страницѣ же 218-й онъ говоритъ, что «сожженіе приличествуетъ народамъ кочевымъ и воинственнымъ, погребеніе же—земледѣльческимъ.» Но въ этомъ есть нѣкоторое противорѣчіе съ его мнѣніемъ, что погребеніе было древнѣйшею формою, сожженіе же—значительнымъ шагомъ впередъ (стр. 218). Такое противорѣчіе можно примирить развѣ въ томъ случаѣ, ежели допустить погребеніе и у номадовъ (очевидно отсталыхъ относительно болѣе передовыхъ земледѣльцевъ)—еще на той совершенно грубой ступени, когда не было и въ поминѣ уваженія къ праху умершихъ, когда еще ни чего не значило, бросивъ ихъ въ землю, уйти, и не знать, какъ найти къ нимъ путь! Такая ступень, очевидно, не многимъ выше той, при которой тѣла выбрасывались (и еще выбрасываются — у нѣкоторыхъ дикарей) на съѣденье животнымъ (ibidem, 212).

[2]) J. Grimm, ibidem, 274.

[3]) Терещ. V. 30, 31. У него же см. надгробныя причитанія въ т. III, стр. 100—102.

орошаютъ одежду покоющагося въ могилѣ, то съ другой стороны столь живо имъ ощущаемыя доказательства привязанности къ нему вызываютъ и съ его стороны отвѣтныя выраженья привязанности. Такъ матери, по народнымъ преданіямъ, нерѣдко являются ночью и кормятъ своихъ дѣтей, или же чешутъ имъ голову, и т. п. [1]) Этимъ объясняются и начальныя слова нашего русскаго надгробнаго причитанія употребительнаго въ началѣ весны, когда и съ могилы снять зимній покровъ и голосу близкихъ какъ будто-бы легче проникнуть къ усопшимъ: «чѣмъ-то мы васъ родимыхъ прогнѣвали, что нѣтъ отъ васъ ни привѣту», и т. д. (Христ. стр. 10). Отъ умершихъ, стало быть, ждали вѣсточки, ждали ихъ посѣщенія, и, не дождавшись, сами шли на могилу,—и надъ нею-же взываютъ далѣе къ солнцу и мѣсяцу, прося ихъ посвѣтить въ могилку къ покойничкамъ, къ вѣтру-же—прося его донести къ нимъ вѣсточку о родныхъ. Тоже самое проглядываетъ въ той увѣренности, что живые могутъ даже у себя на дому угощать покойниковъ, которая выражается въ замѣчательномъ обычаѣ жителей олонецкаго края. Изготовивъ обѣдъ, выходятъ изъ избы—какъ-бы на встрѣчу невидимымъ дорогимъ гостямъ. «Вы устали, родные, покушайте-же чего-нибудь, говорятъ имъ при входѣ, какъ бы вмѣстѣ съ ними, уже въ самую избу. «Чай зазябли, родные,—погрѣйтесь!»—И при этомъ увѣрены, будто умершіе невидимо располагаются у домашняго очага, — живые-же между тѣмъ усаживаются за столъ. Передъ послѣднимъ кушаньемъ, киселемъ, когда поется «вѣчная память», хозяинъ выпускаетъ изъ окна на улицу тотъ самый холстъ, при помощи котораго покойники въ свое время спущены были въ могилу: «теперь пора-бы вамъ и домой, да ножки у васъ устали — не близко вѣдь было итти—вотъ тутъ помягче—ступайте съ Богомъ» (т. е. ихъ какъ бы столько же бережно спускаютъ изъ окна по холсту, какъ это дѣлалось въ день погребенія. [2]) Въ олонецкой же губерніи сохранилось также много плачей, или пѣсень, распѣваемыхъ у мертваго тѣла тѣми особыми вопленицами,—въ завѣдываніе которыхъ, по всей вѣроятности только въ болѣе позднее время, стали переходить эти пѣсни—подобно тому какъ и заговоры только въ позднѣйшее время перешли къ особому роду людей. Между этими плачами нѣкоторые, очевидно, даже и сложились въ болѣе позднее время, нѣкоторые даже импровизируются вопленицами (впрочемъ въ народѣ импровизація есть только составленіе новыхъ сочетаній изъ готоваго запаса оборотовъ и образовъ [3]).

[1]) J. Grimm, ibidem, 214.

[2]) Терещенко заимствовалъ этотъ обычай изъ Дашкова описанія Олонецкаго края, Б. Р. Н. III, 128.

[3]) Рыбникова Пѣсни, III.

чаѣ—весною, на красную горку (т. е. на ѳоминой недѣлѣ) катать на могилѣ яйца, а затѣмъ, расположившись на ней, справлять пиръ, при чемъ мѣстами обращаются къ душамъ съ приглашеніемъ такого рода: «святые родители, приходите къ намъ хлѣба-соли откушать.» (Хрис., 10). На особое, сверхчеловѣческое почитаніе указываетъ тутъ прилагательное святые; обращеніе же собственно къ родителямъ свидѣтельствуетъ о воздаваніи божеской чести собственно имъ, старѣйшимъ изъ умершихъ родныхъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ господствующему у многихъ народовъ почитанію родоначальниковъ [1]). Яснѣе, и въ то же время въ самой грубо-простодушной формѣ, тѣ же отношенія къ умершимъ отцамъ выражаются у Мордвы слѣдующимъ образомъ: «вотъ тебѣ (имярекъ) яица, и т. д.; это тебѣ принесла—имярекъ; смотри, береги у нея скотину и хлѣбъ. Когда я сама буду жать, ты корми цыплятъ и смотри за домомъ [2]).—Подобно тому какъ здѣсь душамъ умершихъ приписывается попеченіе о домашнемъ хозяйствѣ живыхъ, въ подольской губерніи увѣрены въ томъ томъ, что во время праздника красной горки «родители изъ могилъ тепломъ дохнутъ.» — Замѣчательно, что красная горка, въ смыслѣ праздника собственно въ честь умершимъ, носитъ еще и особое наименованіе—радуница или радовница. Если ставить это въ соотношенье съ глаголомъ радовать, то прилется прійти къ объясненію такого рода, что, какъ весенній праздникъ, эта пора радостна и для умершихъ, принимающихъ участіе въ дѣятельности жизненныхъ силъ, таящихся подъ землею (на что и указываетъ выраженіе—что отъ нихъ идетъ изъ земли жизненное тепло). Но можно также въ этомъ названіи видѣть испорченное родовница, и тогда онъ оказывается празникомъ рода, боговъ—родителей или родоначальниковъ [3]). Прямое отношеніе къ почитанью умершихъ имѣетъ и тотъ, уже лѣтній праздникъ, который скрывается подъ теперешнимъ троицынымъ днемъ. Вся недѣля эта носитъ мѣстами названье русальной—потому, что въ это время народъ представляетъ себѣ странствующими по землѣ русалокъ—не здѣшнихъ особаго рода дѣвъ, живущихъ въ водѣ, впрочемъ не въ ней исключительно. Про маленькихъ между ними вѣритъ народъ, очевидно уже не

[1]) F. de Coulanges, La Cité antique, étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome. Черезъ цѣлую книгу именно и проводится, съ избыткомъ ума и таланта, та мысль, что самою древнѣйшею религіею было такое почитаніе родоначальниковъ. Но, чтобы оно непремѣнно предшествовало всякой другой религіи, это едва ли доказано авторомъ. Сообразнѣе съ общимъ ходомъ изслѣдованій по миѳологіи предположить, что рядомъ, почти одновременно развивались — миѳическія представленія и о богахъ-физическихъ силахъ, и о богахъ-родоначальникахъ.

[2]) Терещ. III, 84.

[3]) Шейк. Б. Подолянъ, II, 14.

безъ помощи христіанской позднѣйшей примѣси, что это души дѣтей, не получившихъ крещенія. Между тѣмъ въ миѳологіи разныхъ народовъ индоевропейскаго племени существовало многое множество различныхъ духовъ въ образахъ, похожихъ на дѣтскій, населявшихъ и воды, и воздухъ, и лѣса, и поля, и самыя нѣдра здмли. Извѣстные вообще подъ названіемъ эльфовъ, они сравнительнымъ изученіемъ миѳологіи признаются за человѣкообразное олицетвореніе душъ усопшихъ. (Mannhardt, Germanische Mythen, 709, 712, 721.) Тѣмъ же самымъ должны были быть—не только маленькія изъ нашихъ русалокъ, но и всѣ онѣ вообще, по своему характеру представляющія много общаго съ эльфами. Подъ ними послѣ этого слѣдуетъ разумѣть не исключительно водяныхъ, но и всякихъ другихъ, т. е. эльфовъ въ широкомъ и общемъ смыслѣ [1]). Въ повѣріи же о ихъ преимущественномъ пребываніи въ водѣ сохранилась, быть можетъ, память о миѳическомъ пребываніи душъ среди небеснаго моря. Что̀ касается основнаго характера нашихъ русалокъ, то въ нихъ замѣтна такая же точно двойственность, какъ и вообще у эльфовъ, относящихся къ людямъ то враждебно, то благосклонно. Эта же двойственность вполнѣ соотвѣтствуетъ тому распаденію душъ на два царства, о которомъ было выше говорено.—Въ пѣсняхъ, повѣствующихъ у насъ о русалкахъ, встрѣча съ ними бываетъ не рѣдко опасна для дѣвушекъ, которымъ онѣ задаютъ загадки, — и за неумѣніе разгадывать готовы защекотать ихъ (по малороссійски залоскотать — христ. стр. 11, ст. 1-й). Самое же задаванье загадокъ служитъ доказательствомъ той высокой мудрости, какая приписывается русалкамъ, какъ существамъ неземнымъ, божественнымъ.—По нѣкоторымъ пѣснямъ, загадки задаются не ими, а имъ, и онѣ немедленно и безъ всякаго труда ихъ разгадываютъ. (Христом. стр. 10). О значеніи загадыванія надо припомнить то, что̀ сказано было въ отдѣлѣ загадокъ).

---

[1]) Такое мнѣніе было высказано еще К. Д. Кавелинымъ въ его критикѣ на книгу г. Терещенки (Полное собраніе сочиненій, IV, 128). См. также статью Ѳ. И. Буслаева «О сродствѣ русалокъ съ эльфами, валькиріями, и т. д. (Очерки I, 231 — 242). Что̀ касается самаго слова русалка, то его производили и отъ русла, и отъ древнеславянскаго названья рѣки—руса. Замѣчательно, что въ Бѣлоруссіи русалокъ представляютъ себѣ живущими въ житѣ, которое нерѣдко называется русымъ (сообщено студентомъ ист. фил. фак. г. Виторскимъ). Миклошичъ, въ своей статьѣ «Die Rusalien, ein Bitrag zur slavischen Mythologie» (Sitzungs-berichte der philol. hist. Cl. der Wiener Akademie, jahrg. 1864, B. XLVI) производитъ русалокъ отъ наименованія троицкаго праздника русаліями—rosalia, это же же послѣднее названіе отъ розы, на томъ основаніи, что въ западной церкви существовалъ обычай изображать сошествіе святаго духа киданіемъ розъ изъ купола церкви. Такое мнѣніе, очевидно, замѣчательно только по своей парадоксальности; но статья важна тѣмъ, что въ ней имѣются русальныя пѣсни, сообщенныя автору г. Головацкимъ (впрочемъ онѣ уже сильно христіанизированы, а потому ни одна изъ нихъ и не взята мною въ христоматію).

Если изъ всѣхъ повѣрій, имѣющихъ отношенье къ умершимъ, возстановить въ памяти то, по которому они, посѣщая живыхъ, должны помѣщаться у очага, то съ этимъ не лишнее будетъ сопоставить то, что было сказано выше о священномъ значеніи послѣдняго. На немъ, какъ извѣстно, возжигался огонь, какъ самая чистая жертва божествамъ свѣта. Вотъ къ этому-то огню и должны были тяготѣть души, которыхъ представленіе также въ видѣ огня было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ у различныхъ народовъ [1]). Ежели во многихъ мѣстахъ, какъ сказано было выше, и по установленіи земледѣльческаго образа жизни еще долго могъ сохраняться погребальный огонь костровъ, то причину надобно видѣть въ томъ, что въ огонь, которымъ поѣдалось тѣло, легко и естественно, по миѳическому возрѣнію, переходила огненная природа души, а, перейдя въ него, поднималась съ нимъ вмѣстѣ по направленію къ небу, къ вѣчному огню свѣтилъ, отъ которыхъ, со всякою прочею жизнью, зачиналась и нисходила на землю и жизнь души. Заносимыя черезъ небесное море съ Буяна, солнцева острова, туда же, по одному изъ распространеннѣйшихъ миѳическихъ представленій, должны были снова уноситься изъ нашего міра души [2]). При окончательномъ развитіи подобнаго представленія объ огненномъ происхожденіи и огненной природѣ души, имъ все болѣе и болѣе могли заслоняться всѣ прочія представленія объ усопшихъ, и вотъ тогда-то понятіе о постоянномъ общеніи ихъ съ усопшими могло выразиться ихъ неотлучнымъ присутствіемъ на очагѣ, присутствіемъ, зависящимъ единственно отъ того, чтобы огонь, ихъ въ себѣ вмѣщающій, постоянно поддерживался усердіемъ и заботами родственниковъ. Вотъ отсюда то богопочитаніе домашняго очага, которое существовало у многихъ народовъ [3]) и слѣды котораго сохранились и у насъ на Руси. Не что иное какъ ихъ надо видѣть въ томъ, что совершается въ народѣ при переходѣ на новоселье. — Послѣ того, какъ все уже вынесено изъ старой избы, остающаяся въ ней до конца престарѣлая женщина изъ семейства еще должна на послѣдяхъ истопить печь. Весь жаръ выгребаетъ она изъ печи въ печурку и должна дожидаться полдня т. е. того времени, когда свѣтъ солнечный, сродный свѣтлой природѣ души, въ наибольшей силѣ. Съ этимъ можно сопоставить то, что у насъ въ старину пограбали до захожденія солнца (Терещ. III, 80, 81). Вотъ тогда-то она собираетъ горячія уголья въ заранѣе для того заго-

[1]) Ср выше, стр. 94. Grimm, D. Sagen, I, 284.

[2]) О томъ, что на Буянѣ и начало всему, и конецъ, что тамъ таится и смерть въ особомъ миѳическомъ образѣ птицы—см. Аѳанасьева о Буянѣ во Временникѣ М. И. О. 1851 г. IX, 17.

[3]) F. de Coulanges, La Cité antique, p. 23 et suiv. Mannhardt, Germanische Myhten, 721.

товленный ею горшокъ, и плотно его закрываетъ скатертью. Потомъ, растворяя двери и обращаясь къ заднему углу, она говоритъ: «милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новое жилье,» и за тѣмъ отправляется на новоселье съ своею ношею. Тамъ у воротъ хозяинъ съ хозяйкою уже ожидаютъ ее, или вѣрнѣе, и х ъ, такъ какъ на вопросъ стучащейся въ ворота старухи: «рады ли хозяева г о с т я м ъ,» тѣ съ нижайшими поклонами отвѣчаютъ: «милости просимъ, д ѣ д у ш к а, къ намъ на новое мѣсто.» — Тогда старуха вступаетъ съ дѣдушкой въ новые покои;—хозяинъ несетъ впереди хлѣбъ соль, сзади провожаетъ хозяйка. Старуха ставитъ горшокъ съ драгоцѣнною ношею на загнетку, беретъ скатерть и трясетъ ее по всѣмъ угламъ, какъ бы выпуская дѣдушку; затѣмъ всѣ священныя уголья высыпаетъ въ печурку. Тогда только радостно садятся всею семьею за столъ и ѣдятъ хлѣбъ соль. Что касается горшка, въ которомъ былъ принесенъ дѣдушка, то отнынѣ онъ уже не можетъ употребляться, — его разбиваютъ и ночью онъ зарывается подъ передній уголъ дома, такъ какъ пребываньемъ въ немъ дѣдушки ему придана особая сила, которая и дѣлаетъ важнымъ его положеніе во г л а в у у г л а. Только по совершеніи всѣхъ этихъ обрядовъ хозяева успокоиваются: въ новомъ домѣ жить можно, такъ какъ въ него перешелъ вмѣстѣ съ ними и дѣдушка домовой [1]). Не трудно было замѣтить, что онъ былъ взятъ съ очага, перенесенъ съ горячими угольями и въ новомъ жильѣ ему помѣщеньемъ служитъ — тотъ же очагъ. Отсюда ясно, что этотъ, въ огнѣ очага пребывающій дѣдъ, не кто иной, какъ обоготворяемая душа дѣда, родоначальника. Что касается названія д о м о в о й, то, по первоначальму смыслу, оно совершенно равнозначительно слову д о м а ш н і й, т. е. всегда пребывающій въ домѣ, неразрывно связанный съ нимъ. Но откуда же послѣ этого тотъ особый оттѣнокъ въ выраженіи д о м о в о й, оттѣнокъ, положительно существующій, какъ это всѣмъ извѣстно, придающій ему что-то страшное, враждебное, нежеланное? — Дѣло въ томъ, что народное понятіе о домовомъ отличается тою же двоякостью, какую замѣтили мы и вообще во взглядѣ народа на души усопшихъ. Домовому желанному, доброму дѣдушкѣ, противополагается домовой л и х о й, отъ враждебныхъ затѣй котораго лучшая оборона — въ томъ же дѣдушкѣ домовомъ. Объяснить же такую двоякость можно бы было, повидимому, тѣмъ самымъ сохраненіемъ и за гробомъ первоначальнаго земнаго характера душъ, добраго или злаго, — какимъ объяснена была выше двоя-

---

[1]) Сахар. сказ. II, VII, 54, 55.

вость въ понятіи о нихъ вообще. Но есть основаніе думать, что тутъ скрывается и нѣчто другое. Въ заговорахъ, какъ намъ извѣстно, упоминаемый въ числѣ враждебныхъ существъ домовой носитъ названье чужаго (Христ· стр. 16, ст. 1-й). Это и подало поводъ заключать, что враждебно дѣйствовалъ противъ дома — не свой, а принадлежавшій чужому дому, для него въ свою очередь добрый дѣдушка, и лихой лишь для всѣхъ — не своихъ. Отсюда же заключили въ концѣ концовъ, что каждый дѣдушка былъ благодѣтельнымъ божествомъ только въ тѣсномъ кругу, что за порогъ роднаго жилья не переходила ни его попечительная дѣятельность, ни богопочитаніе, оказываемое ему [1]).

Подобное заключеніе о существованіи совершено особаго божества въ каждомъ отдѣльномъ жильѣ подтверждается одною чешскою свадебною пѣснію, въ которой молодая, проситъ, чтобы остановили музыку, не давали ей больше играть передъ ея прежнимъ домомъ, такъ какъ она въ эту минуту «разлучается съ милымъ владыкою богомъ» [2]). Переходя въ чужой домъ, въ чужую родню, дѣвушка вмѣстѣ съ тѣмъ переходитъ, какъ видно, и подъ сѣнь чуждыхъ, ей еще незнакомыхъ боговъ.

Но этимъ мы уже приведены къ поэзіи свадебной, которая и во всякомъ случаѣ должна была привлечь вниманіе наше вслѣдъ за всею остальною обрядовою поэзіею. Издавна уже такое событіе, какъ вступленіе въ бракъ, отъ котораго зависитъ продолженіе жизни въ человѣческомъ родѣ, было отмѣчено и особеннымъ рядомъ многозначительныхъ дѣйствій, и особеннымъ рядомъ пѣсенъ. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ отдѣлахъ народной поэзіи, доносятся до насъ звуки, уцѣлѣвшіе отъ различныхъ эпохъ, и страннымъ образомъ сливающіеся въ одинъ разновѣковый хоръ. У каждаго изъ славянскихъ народовъ, даже у тѣхъ, которые болѣе другихъ испытали на себѣ вліяніе образованности, уцѣлѣли въ обрядахъ и пѣсняхъ даже слѣды самой грубой, самой нечеловѣчески первобытной эпохи, когда бракъ былъ насильнымъ захватомъ. Но то, что теперь имѣетъ значеніе просто обряда, первоначально было дѣйствительностью, въ которой, относительно брака, еще и помина не было объ обрядности съ ея освящающимъ и идеализирую-

[1]) Аѳанасьева, Дѣдушка Домовой (Архивъ Калачова 1850 г. I, vi). Его же: О значеніи рода и рожаницъ (тамъ же, кн. II, пол. 1-я, отд. 1). Его же: о загробной жизни по славянскимъ преданіямъ (тамъ же, III, vi).

[2]) Эрбена Чешскія народныя пѣсни, 326. Въ доказательство высокой древности этой пѣсни издатель приводитъ и то, что далѣе въ ней употреблена древне-славянская форма lud (людъ) вм. позднѣйшей чешской lid.

щимъ значеніемъ. Вотъ о такой-то еще совершенно голой дѣйствительности свидѣтельствуетъ начальный нашъ лѣтописецъ, когда, болѣе развитому, болѣе человѣчному изъ русско-славянскихъ племенъ — Полянамъ —противуполагая Древлянъ со звѣринскимъ ихъ образомъ жизни, замѣчаетъ объ этихъ послѣднихъ, что они и брака не знали, но умыкали, т. е. похищали дѣвицъ у воды (пользуясь, можетъ быть, тѣмъ временемъ, когда онѣ выходили на рѣку за водою [1]). Уже смягченный обычай замѣчаетъ Несторъ у Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ: они умыкали себѣ женъ на игрищахъ, происходившихъ между селами, но умыкали уже съ согласія дѣвушки, по совѣщаніи съ нею. Такимъ образомъ одновременно существующими оказываются у русскихъ славянъ два различныхъ обычая,—а наконецъ и третій, уже совершенно различествующій: въ недальнемъ даже сосѣдствѣ съ Древлянами настоящіе задатки гражданственности оказываются у Полянъ — у нихъ уже и настоящіе браки, даже съ приданымъ, получаемымъ за невѣстою, т. е. получаемымъ отъ ея родителей, по добровольному ихъ согласію [2]). Отзвуки всѣхъ этихъ трехъ обычаевъ встрѣтимъ мы и въ свадебной поэзіи, и тогда откроются въ нихъ еще и особаго рода оттѣнки. Въ свадебныхъ пѣсняхъ встрѣтимся мы еще и съ особымъ обычаемъ, на который не видно намека у Нестора. Частью на него намекается одною изъ весеннихъ хороводныхъ пѣсень, сопровождаемою игрою—сѣяніе проса. Становятся другъ противъ друга два хора и между ними происходитъ обмѣнъ угрозъ. Коней, которыми хочетъ одинъ изъ нихъ вытоптать просо, посѣянное другимъ, тотъ намѣревается перенять, т. е. захватить; на предложеніе-же выкупа за этихъ коней—отвѣчаетъ, что не того ему надобно, а надобно дѣвицу. Тогда дѣвушки начинаютъ, каждая при повторяющемся пѣсенномъ чередованіи тѣхъ же словъ, переходить изъ одного хора въ другой [3]): ясно, что дѣвушки такимъ образомъ оказываются замѣною выкупа, онѣ—вымѣниваются на коней. Мѣна-же въ древности была равносильна куплѣ; въ нашей хороводной пѣснѣ, такимъ образомъ,—указаніе—на куплю невѣсты.

Хоры эти, очевидно, представляютъ двѣ враждующія между собою стороны: и дѣвицъ своихъ одна сторона другой не дастъ добромъ (т. е.

---

[1]) Такъ объясняетъ г. Буслаевъ, приводя слѣдующія мѣста изъ малороссійскихъ пѣсень: «годовала (растила, т. е. мать) себѣ дочку для своей пригоды, щобъ принесла изъ крыныци (ключа, колодезя) холодной воды»; а потому, послѣ смерти дочери, будетъ мать «якъ голубонька густи, що некому буде водици принести!» (Письмо къ Соловьеву въ прилож. ко II т. Ист. Россіи, 35).

[2]) Христом. стр. 17, вверху.

[3]) Христ. стр. 17, ст. 1-й.

добровольно—по народному смыслу этого выраженія);—надобно или силою взять, или куплею [1]).

Объ увозѣ силою свидѣтельствуетъ цѣлый длинный рядъ свадебныхъ пѣсень—изъ разныхъ краевъ обширной Россіи и изъ разныхъ концовъ обширнаго славянскаго міра (христом. стр. 17—19). Не иначе величается въ нихъ женихъ, какъ чужимъ чужбининомъ, или чужаниномъ, который наносится откуда-то тучей черною, окруженный—недругами невѣсты, своимъ храбрымъ поѣздомъ. Этой храбрости женихова поѣзда вполнѣ соотвѣтствуетъ названіе главнаго въ немъ лица военачальническимъ титуломъ тысячскаго, самаго же поѣзда—въ нѣкоторыхъ краяхъ, напримѣръ, Сибири—полкомъ [2]); наконецъ сербскія названія самого жениха: храбаръ, войно [3]).

Подобно этому и пѣсни даже образованнѣйшаго (въ массѣ) изъ славянскихъ народовъ—Чеховъ—возвѣщаютъ пріѣздъ жениха словами: «непріятель близко!» [4]) »Наѣхалъ воръ злодѣй женихъ», говорится въ одной вельской пѣснѣ [5]). Позже ему были приданы имена историческихъ ансильниковъ русской земли—Татаръ и Литвы (Христом. стр. 18, ст. 2; 19, ст. 1; 20, ст. 1). Подобно тому, какъ они уводили полоны русскіе, отъ него, по свидѣтельству одной свадебной пѣсни, быть всему роду покореному, т. е. всему роду невѣсты, отстаивающему ее, не отдающему ея добромъ въ чужой родъ. Чтобы взять ее, надобно выбить стѣну каменную, пустить стрѣлу перловую (оружіе древнихъ временъ, въ свою очередь говорящее о древности пѣсни). Чтобы достать ее, надо, по свидѣтельству одной галицкой пѣсни, замки ломать [6]). При такомъ насильственномъ доставаніи, ясно, что какъ невѣстѣ въ роднѣ жениха видятся медвѣдь съ медвѣдицей, шипица колючая, да крапива жгучая, такъ и самая эта родня уже заранѣе видитъ въ ней существо, недружелюбно къ нимъ относящееся: медвѣдицу, людоѣдку, неряху, непряху [7]). Тутъ еще нѣтъ и въ поминѣ свободныхъ

---

[1]) Въ Сербской пѣснѣ, напоминающей наше сѣяніе проса, прямо и говорится: «не дадите намъ дѣвицу, такъ мы и силой возмемъ (Вука Пѣсни, I, 1, 2).

[2]) Гуляева, Оч. Южн. Сибири, ст. 1-я, стр. 13, 33.

[3]) Вука Словарь, 70. См. также въ 1 т. Пѣсень Вука.

[4]) Эрбена Ч. Пѣсни, 296.

[5]) Этнограф. Сб. V, 32.

[6]) Wacław z Oleska, 10.

[7]) Тотъ же взглядъ выражается и въ нѣкоторыхъ пословицахъ, помѣщенныхъ въ Христоматіи на стр. 28-й. Имъ соотвѣтствуетъ сербская: «свака свекрва мрзи на снаху.» (Челяковскаго, Слав. народ. мудр., 298) О значеніи же молодой, какъ рабочей силы у мужнина рода, говоритъ слѣд. славонская пословица: млада је метла и лопата (Илича, Слав. нар. обычаи, 72).

человѣческихъ отношеній, нѣтъ того взаимнаго обмѣна правъ и обязанностей, на которомъ зиждется нравственный міръ человѣка. Тутъ еще отзвуки «звѣринской» поры въ человѣческомъ бытѣ: какъ отъ волка гибнетъ растерзанная имъ коза, такъ погибшею, какъ бы не существующею оказывается на другой день свадьбы силою взятая молодая, величающая своего жениха погубителемъ, раззорителемъ — потеряй красу, расплети коса [1]) (Христом. стр. 19). Соотвѣтственно всѣмъ этимъ пѣснямъ въ то же время разыгрывается, въ тотъ или другой моментъ длиннаго свадебнаго ряда дѣйствій, этой своего рода драмы, — разыгрывается стороною жениха и невѣсты цѣлая осада и оборона (см. Христом.). Такъ въ Малороссіи, не смотря на значительную смягченность нравовъ, ясно отражающуюся и въ пѣсняхъ, при расплетаніи косы (непокрытость которой служитъ признакомъ дѣвичьей независимости) и надѣваніи на молодую чепца (который, охватывая, какъ бы полоняя волосы, указываетъ на поступленіе подъ начало, подъ власть мужнину) она должна сильно сопротивляться и даже бросить ненавистный ей чепецъ на полъ, сторонники же жениха, при крикѣ: «бояре, до шабель!» притворяются выхватывающими ножи и нападающими на молодую, обороняемую своими сторонниками [2]). Мѣстами въ Россіи еще наканунѣ свадьбы, при пріѣздѣ жениха, крѣпко накрѣпко запираются не только двери, но и ворота; впрочемъ отпираются они уже вслѣдствіе — просто переговоровъ, весьма продолжительныхъ, и свидѣтельствующихъ уже о позднѣйшей куплѣ невѣсты [3]). Подобно этому и у Сербовъ Лужичанъ поѣздъ жениха, подъѣхавъ къ деревнѣ невѣсты, посылаетъ спросить у судьи сельскаго: «позволено ли войти въ деревню нѣсколькимъ чужеземцамъ». Если испрашиваніе позволенія указываетъ уже на смягченіе обычая, то въ отвѣтѣ судьи слышится опять самая отдаленная, грубая старина: «пусть войдутъ, только бы пощадили стариковъ и малыхъ дѣтей.» Далѣе же, не смотря на данное позволеніе, держутъ передъ поѣзжанами ленту или разукрашенную лентами палку (очевидно, смягченная форма заставы, рогатки), ссылаясь на то, что чужаго пускать не велѣно. (Въ концѣ концовъ снятіе рогатки достигается уже при помощи денегъ [4]).

---

[1]) Замѣчательны тутъ употребленныя рядомъ двѣ различныя формы винительнаго падежа — на *а* и на *у*, формы, соотвѣтствующія различнымъ эпохамъ, подобно тому какъ и въ содержаніи свадебныхъ пѣсенъ уживаются рядомъ слѣды не одной эпохи.

[2]) Маркевича, Повѣрья, Обычаи, и т. д. Малороссіянъ 131. Киданіе на полъ чепца также обычно у Чеховъ (Эрбена, 340).

[3]) Этногр. Сб. V, 6.

[4]) Schmaler und Haupt, Volkslieder der Wenden, II, 232.

На насильственный увозъ невѣсты указываетъ наконецъ и употребительное во всѣхъ славянскихъ земляхъ большое число участвующихъ въ свадебныхъ дѣйствіяхъ со стороны жениха. У Черногорцевъ число сватовъ должно быть не меньше 60, иногда же доходитъ и до трехъ сотъ. Отправляясь въ дорогу, какъ бы въ походъ, они должны взять съ собою и знамя [1]).

Память о томъ времени, когда изъ за невѣстъ велись войны, сохранилась и въ греческомъ преданіи о похищеньи Елены, какъ причинѣ троянской войны, и въ римскомъ — о похищеньи Сабинокъ, такъ дорого обошедшемся. (Письмо Буслаева, стр. 35). Всего же яснѣе свидѣтельствуетъ объ этой грубой порѣ финскій народный эпосъ «Калевала», гдѣ именно цѣлымъ вооружившимся родомъ отнимаютъ невѣсту у ея рода [2]).

Но замѣчательно, что въ одной изъ славянскихъ земель умыканье невѣстъ еще въ началѣ настоящаго вѣка происходило по временамъ — не какъ обрядъ, а въ самой дѣйствительности. Дѣвицу сторожили во время ея выхода за стадомъ въ поле, или на рѣку за водой (стало быть, совсѣмъ какъ у Нестора); иногда же похищали ночью, вооруженною силою нападая на домъ родителей, и связывая по рукамъ и по ногамъ какъ ихъ, такъ и братьевъ дѣвицы. Въ случаѣ сопротивленія съ ея стороны употребляли побои, и скорѣе были готовы дать себя перебить до послѣдняго человѣка, чѣмъ обратно отдать похищенную защищающей ее роднѣ. На защиту же, чуть послышится шумъ, должны были выбѣгать всѣ жители того села, къ которому принадлежала дѣвица. Связь между этими жителями первоначально была родовою же связью. Многія села въ Сербіи и теперь еще помнятъ о своемъ происхожденіи отъ одного общаго родоваго корня, что̀ выражается какъ наименованіемъ села именемъ предка, такъ и празднованіемъ въ цѣломъ селѣ одного общаго, соотвѣтственнаго этому наименованію, дня родовыхъ имянинъ [3]). Если этимъ выражается тѣсная связь между собою людей, происходящихъ отъ одного рода, то самый увозъ дѣвицы, по сербски — отмица — въ свою очередь является застарѣлымъ свидѣтельствомъ о когда то господствовавшемъ отсутствіи всякихъ человѣческихъ отношеній между жителями отдѣльныхъ родовыхъ селъ. Но замѣчательно также, что отмица нерѣдко кончалась судомъ, и ежели оказывалось, что она про-

---

[1]) Медаковича, Животъ а обичаи Црногораца, 41.

[2]) См. Castren, Vorlesungen über die Finnische Mythologie, главу: die Heroen, гдѣ указывается, между прочимъ, и на эту сторону «Калевалы».

[3]) Въ каждомъ же отдѣльномъ домѣ празднуются свои семейныя имянины. Отдѣльное же лицо своихъ имянинъ не празднуетъ. Ранке, Исторія Сербіи, перед. Бартенева, 41—45.—Свидѣтельство объ отмицѣ изъ Словаря Караджича приводится у Ѳ. И. Буслаева въ его письмѣ къ С. М. Соловьеву (Истор. Россіи, II, прилож., 34).

исходила противъ воли дѣвицы, то виновные заключались въ тюрьму, въ противномъ же случаѣ — ежели было ея согласіе, то похитители просто мирились съ невѣстинымъ родомъ и преспокойно справляли свадьбу. Не трудно замѣтить, что это напоминаетъ Несторово свидѣтельство объ умыканьи дѣвицъ — «съ нею же кто съвѣщаваашеся.»

Если подумать о томъ, что могло заставлять одинъ родъ не уступать своей дѣвицы другому, то не трудно будетъ усмотрѣть, что это не могла быть одна забота о томъ, какъ бы ей не было худо между чужанами, но и то чисто-эгоистическое опасеніе — самимъ потерять работницу, передать въ чужой домъ живую метлу и лопату (употребляю вышеприведенное славонское выраженіе). Время отсутствія всякихъ нравственныхъ отношеній между тѣмъ или другимъ родомъ, было также и временемъ далеко не полнаго господства такихъ отношеній между членами одного и того же рода. Это было время такъ называемое патріархальное, которое давно уже утратило для науки свою прежнюю фантастическую обаятельность. Это было такое время, когда полный перевѣсъ правъ былъ исключительно на одной сторонѣ, на другой же — исключительная тягость обязанностей. Такъ что̀ же мудренаго, ежели, обреченная на служеніе въ качествѣ метлы и лопаты у своихъ старшихъ, дѣвушка могла иной разъ искуситься мыслію — да ужь не попытать ли каковъ чужой родъ, родъ приглянувшагося добраго молодца. А приглянуться онъ могъ на тѣхъ игрищахъ между селами, которыя, не смотря на всю родовую рознь, могли заводиться уже издавна — украдкою, какъ первый шагъ отъ замкнутости родоваго быта въ кругу отношеній болѣе широкому и свободному. И вотъ, дѣвушка сама даетъ себя увести, — но первоначально ей иногда приходилось за то и терпѣть отъ родни, напримѣръ у древнихъ Германцевъ, гдѣ какъ ея похититель, такъ и она сама наказывались смертною казнію [1]). Въ Германіи родовая разрозненность была такъ сильна, что даже въ IX в. члены извѣстныхъ родовъ не имѣли права вступать между собою въ бракъ, а если рѣшались вступать, то насильственно разводились [2]). Первоначально законнымъ бракомъ считался такимъ образомъ только бракъ между членами одного и того же рода, — при которомъ молодыя рабочія руки не выходили изъ его тѣснаго круга. Но насиліе, вызвавъ однажды отпоръ, должно съ нимъ все чаще и чаще встрѣчаться: побѣги невѣсты входили въ обычай, такъ что на германскомъ языкѣ VIII ст. самый бракъ сталъ обозначаться словомъ bruthlauft (побѣгъ невѣсты). [3])

---

[1]) Weinhold, Die Deutschen Frauen im Mittelalter, 200.
[2]) Ibidem, 240.
[3]) Письмо г. Буслаева, 35.

Впрочемъ и сами старшіе родичи должны были наконецъ понять, что вмѣсто воинственной обороны своей дѣвицы, нерѣдко кончавшейся полоненіемъ рода, несравненно выгоднѣе ее уступать чужому роду добромъ—но только не даромъ, а въ обмѣнъ на что либо для себя полезное—по хороводной игрѣ, на коней, иной разъ, по всей вѣроятности, на стада, на всякаго рода произведенія, позже—на деньги. Вотъ отсюда-то и обычай купли невѣсты, отъ котораго, очевидно, самой ей ни мало не было легче, такъ какъ продовалась она на всей волѣ родителей, даже и цѣлаго рода. Но невѣста оставалась при этомъ въ такой же мѣрѣ рабой, какъ и въ случаѣ насильственнаго увоза ея совершенно ей незнакомымъ чужаниномъ (умыканье — «съ нею же кто съвѣщаваашеся» является такимъ образомъ единственнымъ желаннымъ исходомъ для дѣвушки—свѣтлымъ лучомъ въ этомъ темномъ царствѣ) И дѣйствительно, всѣ пѣсни, упоминающія о куплѣ невѣсты, обрисовываетъ ея отношенія какъ къ своему собственному, такъ и къ чужому роду самыми ужасными красками. (Христом. стр. 19—21). Какъ бы переходомъ къ этого рода пѣснямъ отъ выше-разобранныхъ служитъ та, помѣщеная въ Сказаніяхъ Сахарова, гдѣ мать, на полные страха вопросы дочери о томъ, что это за гости пріѣхали на коняхъ, сперва долго отвѣчаетъ обѣщаніемъ ее не выдать, подъ конецъ же оказывается и сама какъ бы бывшею въ заговорѣ противъ свободы дочери (Христ. стр. 19, ст. 2-й вверху). Въ длинномъ рядѣ пѣсень о куплѣ, кромѣ жениха-злодѣя и вора, предметомъ отчаянныхъ жалобъ невѣсты служатъ родители, прогуливающіе ея волюшку — рѣшившіеся ее прогулять уже въ то время, когда они колыхали ее въ колыбели, самымъ направленіемъ колыханія какъ бы указывая на чужую сторону. Этотъ поэтическій образъ вполнѣ объясняется древнимъ обычаемъ просватывать дѣтей своихъ — именно въ колыбели, какъ оно и до сихъ поръ еще нерѣдко дѣлается въ Черногоріи, и дѣлается по приговору цѣлой родни. [1]) Между тѣмъ и эта деспотическая родня, въ сравненіи съ тою, вполнѣ неизвѣстною, какая ждетъ дѣвушку у чужанина-вора, представляется ей сочувственною — т. е. такими собственно представляются родимый батюшка и родимая матушка, живя у которыхъ дѣвица, по свидѣтельству пѣсень, мочила свои русы волосы ключевою водою, а не слезами горючими,—какъ будетъ у родни мужа. [2]) Вотъ тамъ-то придется ей быть и поклонливой и покорливой, — какъ будто-бы того-же самаго не требовалось отъ нея и у собственной родни ея, родни, которая продаетъ ее,

---

[1]) Медаковича, Жив. Црногораца, 37.

[2]) Противоположеніе чужой родни своей, отъ которой дѣвица „отдѣляется какъ отъ корня"—въ болгарской свадебной пѣснѣ (Миладиновыхъ Сборникъ, 466).

ей же бы было милѣй, чтобы батюшка снесъ ей мечомъ буйну голову. [1]) Ей было-бы это милѣй потому, что и подъ тяжестью изначальнаго гнета въ ней все-таки уцѣлѣло сердце, способное человѣчески, свободно любить: а между тѣмъ излюбленный ею стоитъ за дверями, ее же везутъ—но куда? Она столько же знаетъ, сколько листочекъ, несомый вѣтромъ. (Христ. стр. 21) Совершенно подобно этому и въ чешской свадебной пѣснѣ невѣста жалуется на то, что «ее везутъ, а куда? она и сама не знаетъ.» [2]) И у Чеховъ, не смотря на веселый характеръ нѣкоторыхъ пѣсень, не смотря на употребительность свадебпой музыки и пляски, въ которей принимаетъ участіе и невѣста, и у нихъ въ нѣкоторыхъ сценахъ свадебной драмы на долю ея полагается обязательный плачъ, какъ отзвукъ того отдаленнаго времени, когда сама дѣйствительность заставляла говорить невѣстѣ: «подожди, чернокая дѣвушка, тебѣ непремѣнно предстоитъ плакать; минетъ недѣля со дня твоей свадьбы, и дня не обойдется безъ слезъ.... А какъ минетъ мѣсяцъ, придется плакать и того болѣе.» [3]) Обязательность слезъ среди уже очень замѣтной веселости нѣкоторыхъ обычаевъ, и грустные отолоски въ пѣсняхъ встрѣчаются равнымъ образомъ и у Сербовъ Лужичанъ. [4]) Съ другой же стороны даже у одного изъ тѣхъ Славянскихъ народовъ, которые всего менѣе были затронуты образованіемъ, — у Болгаръ—послѣ заунывныхъ пѣсень, свидѣтельствующихъ о неволѣ невѣсты, вдругъ раздаются веселыя, вызывающія ее на пляску. [5]) Этимъ доказывается, что и у тѣхъ изъ Славянъ, которые всего менѣе подвигались впередъ, все-таки, совершенно самостоятельно, въ силу того внутренняго развитія, которое — хотя бы въ незначительной степени — непремѣнно существуетъ вездѣ, оказалась возможность сойти со ступени патріархальнаго рабства и родовой вражды и приблизиться къ ступени, ознаменованной большею человѣчностью въ отношеніяхъ брачныхъ. Это выкажется съ совершенною ясностью далѣе.

Среди нашихъ свадебныхъ скорбныхъ пѣсенъ очень трогательно обращеніе дѣвицы къ брату. Ему она расточаетъ самыя ласковыя слова, какъ такому лицу въ роднѣ, отъ котораго, повидимому, всего скорѣе можетъ ожидать защиты. (Христом. стр. 17, ст. 2-й). Но когда

---

[1]) Въ одной сибирской свадебной пѣснѣ невѣста говоритъ родителямъ: «у васъ сердце каменное, во булатѣ сковано, во ларцѣ положено, ключи въ море спущены».— Въ другой сибирской же пѣснѣ она жалуется на то, что родителямъ «притакнули весь родъ—племя великое» (Авдѣевой, Записки и Замѣчанія о Сибири, М. 1837 г., 129 — 130, 134).

[2]) Эрбена Ч. II., 323.

[3]) Ibidem, 288, 300, 302, ср. также стр. 329. Также у Сушила, Мор. II., стр. 466,

[4]) Schmaler u. Haupt, II, 249.

[5]) Безсонова Б. П. II, 25.

дѣло доходитъ до того, чтобы не сдаваться на торгъ — тогда-то оказывается, что и брату сестра не милѣе золота!—И вотъ, нѣкоторыя пѣсни уже съ укоромъ величаютъ его татариномъ—за то, что онъ продалъ сестру свою!—(Христ. стр. 20, ст. 1-й) (Wacław z Oleska, 25). Въ одной болгарской пѣснѣ братъ рѣшается даже отвѣтить сестрѣ: «какъ же мнѣ тебя спрятать? Съ этихъ поръ ты уже продана, продана и заложена, передъ кумами, передъ сватами ты продана юнаку. [1]) Но о куплѣ невѣсты въ свою очередь говорятъ и чешскія пѣсни—отъ имени одного изъ главнѣйшихъ свадебныхъ лицъ, женихова дружки (по чешски—дружба, чѣмъ еще яснѣе указывается на то, что товариществомъ, дружбою связывалось это лицо съ женихомъ): «выдайте мнѣ невѣсту, я хорошо заплачу вамъ; на то я и посланъ, чтобы выплатить за невѣсту полновѣсными талерами.» [2]) Въ моравской же пѣснѣ описывается прiѣздъ купцовъ, спрашивающихъ, по чемъ шерсть: «Пожалуйте къ намъ купцы; мы продадимъ вамъ телятку: изъ теляточки будетъ коровка, изъ нашей невѣсты—жена молодая.» [3]).

Совершенно съ этимъ сходны слова, которыми у насъ въ Россіи обмѣниваются съ роднею невѣсты. «У васъ товаръ, у насъ купецъ» вотъ, употребленная Пушкинымъ, основная формула этихъ словъ, составляющихъ необходимую принадлежность самаго, такъ сказать, пролога свадебной драмы — сватоства съ слѣдующимъ затѣмъ сговоромъ или заручинами (отъ ударенія по рукамъ—въ знакъ согласія). При этомъ сваты-купцы, хотя-бы были и изъ одной деревни съ невѣстою, должны представляться пріѣзжающими изъ далека, изъ чужа — чѣмъ опять указывается на древнюю разрозненность и отчужденность отдѣльныхъ родовъ. Передъ отправленьемъ къ невѣстѣ сваты должны садиться, какъ это дѣлается передъ отъѣздомъ въ дорогу. Въ Ярославской губ. сватъ говоритъ: ищу, нѣтъ ли гдѣ получше ярочки; (овечки) слышалъ я, что у тебя есть хорошая, да еще продажная.»—Есть, отвѣчаетъ отецъ, да самому нужна мнѣ. — «Нечего мѣшкать, покуда годки не ушли; тогда бы и радъ продать, да ужь поздно будетъ.» — Наконецъ сговариваются на счетъ вывода, т. е. того количества денегъ, которое имѣло бы силу вывести дѣвицу изъ ея рода; количество это назначается отцемъ и ходило въ прежнее время до 40 р. ассигнаціями. [4]) Тутъ такимъ образомъ сохранился даже дѣйствительный торгъ невѣстою. Большею

[1]) Безсонова Б. П. II, 21.

[2]) Эрбена Ч. П. 297.

[3]) Сушила М. П. 445.

[4]) Этногр. Сб. I, 143. Кстати можетъ быть тутъ-же приведена и малороссійская поговорка: «для подиву дівку продають» (Номиса Укр. Посл. 172). (Сравни съ пѣснію въ Этногр. сб. I, 37).

же частію онъ имѣетъ уже значеніе только обрядовое. Такъ въ Малороссіи старшіе сваты, старосты, кладутъ на тарелку невѣстѣ по грошу. [1] Еще болѣе полноты и ясности въ томъ, какъ обрядъ этотъ справляется въ Черногоріи, гдѣ, при приходѣ сватовъ къ родителямъ невѣсты уже послѣ сговора, старшій изъ нихъ сначала долженъ потчевать хлѣбомъ, на что женихова родня замѣчаетъ, что слѣдуетъ позолотить его.– «Это изъ за чего?»—Какъ изъ за чего? Да не мы-ли даемъ вамъ дѣвицу, которая бы стоила Цареграда.»—Тогда монета за монетою выкладывается сватомъ на хлѣбъ, отецъ же невѣсты изъ всѣхъ, выложенныхъ сватомъ денегъ, высчитываетъ и оставляетъ у себя извѣстную сумму, на счетъ которой онъ долженъ былъ еще до сговора условиться съ сватами, — а что̀ оказалось бы сверхъ того, онъ возвращаетъ, [2] У насъ мѣстами деньги подносятся невѣстѣ дружкою, или же и самимъ женихомъ — обыкновенно вмѣстѣ съ пряникомъ, или другими лакомствами. Описываемая въ пѣсняхъ продажа невѣсты братомъ, также и представляется —тѣмъ, что послѣ долгаго торга, деньги дѣйствительно выкладываются женихомъ, или его дружкою, передъ братомъ невѣсты. Въ иныхъ мѣстахъ, пока дружка торгуется, женихъ по нѣскольку часовъ стоитъ на дворѣ, хотя-бы это было зимою, и имѣетъ право войти въ избу только по совершеніи торга. Мѣстами торгъ этотъ называется торгомъ за косу дѣвичью. Вслѣдствіе этого въ Сибири продающій ее называется косникомъ; дружка подноситъ ему вино и нѣсколько разъ подсыпаетъ денегъ, побуждаемый къ тому плетію, которою грозитъ косникъ.—Въ Олонецкой губерніи, пріѣзжая за невѣстою уже передъ самымъ вѣнцомъ, женихъ даетъ тещѣ денегъ—на красные сапоги (отсюда и поговорка: «расти, расти, будетъ на красные сапоги»). Тамъ же, въ повѣнецкомъ уѣздѣ, при выводѣ уже одѣтой къ вѣнцу невѣсты, платятъ за нее какъ всѣмъ родственницамъ ея, такъ и поющей заупывныя пѣсни, такъ-называемой вопленицѣ (замѣчательно это присутствіе на свадьбѣ лица, принадлежащаго главнымъ образомъ похоронамъ). Когда вопленица возьметъ у жениха деньги, всѣ кричатъ: взяла, продала.» — Въ Пермскомъ краю обрядовымъ образомъ разыгрывается и пропой невѣсты, о которомъ, какъ скрѣпляющемъ вспрыскиваніи торговой сдѣлки, говорится и въ пѣсняхъ. Это совершается наканунѣ свадьбы, въ день такъ-называемаго дѣвишника (послѣдній день жизни въ дѣвицахъ, проводимый невѣстою по преимуществу въ кругу подружекъ, что̀ не мѣшаетъ однако же на время быть у нея и въ этотъ день жениху). Съ подносомъ въ рукахъ женихъ подходитъ къ каждому изъ родственниковъ невѣсты, при

[1] Маркевича, Пов. Обыч. и т. д., 100.
[2] Медаковича, Жив. Црн. 43.

чемъ каждому поется пропойная пѣсня (Христ. стр, 20, ст. 1-й), послѣ которой онъ осушаетъ чарку. Когда всѣ онѣ окажутся опорожненными, женихъ передаетъ подносъ дружкѣ, самъ же, схвативши невѣсту за руку, тащитъ ее вонъ изъ комнаты. Дѣвушки бросаются отнимать: «сегодня она наша, а завтра будетъ ваша.» Тогда женихъ отдаетъ ее и уѣзжаетъ. — На куплю указываютъ наконецъ и нѣкоторыя обрядовыя дѣйствія, совершаемыя уже послѣ свадьбы. Такъ при обычномъ у насъ въ народѣ (а въ старину и не только въ народѣ) разуваніи молодаго самою молодою (въ знакъ покорности жены мужу), въ сапогахъ у него находитъ она деньги. Въ Нижегородской губерніи въ обычаѣ особыми деньгами выкупать постель молодой.—Въ Малороссіи, гдѣ молодая, послѣ вѣнца, отправляется не прямо въ домъ къ мужу, а сперва еще возвращается въ домъ родителей, молодому приходится тутъ встрѣтиться съ кое-какими — теперь уже просто обрядовыми преградами. Такъ братъ молодой, пока идетъ пиръ, долженъ увести у молодаго коня, изъ за котораго потомъ у него завязывается съ дружкою торгъ. «Сестра у меня дорогая, а положить тыи гроши, що батько казавъ; я сіого двадцать лытъ ожыдавъ.» И дружка даетъ, столько требуется. Затѣмъ повторяется совершавшійся наканунѣ обрядъ выкупанія у родни молодой мѣста подлѣ нея молодому. Замѣчательно, что какъ тутъ, такъ и при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, а равно и въ другихъ мѣстностяхъ употребляются уже и подарки со стороны родныхъ молодой роднѣ молодаго. Употребительны также еще до свадьбы подарки отъ самой невѣсты. Свидѣтельствуя уже о томъ времени, когда стали нѣчто вдавать за невѣстой (по свидѣтельству Нестора), этотъ очевидно-позднѣйшій обычай съ древнимъ обычаемъ купли невѣсты приводится въ соглашеніе тѣмъ, что за всѣ подарки женихъ и его родня отплачиваютъ деньгами; невѣстина же родня мѣстами отдаривается, но нигдѣ не отплачивается. — Можно наконецъ привести и то, что въ Галиціи какъ дружки молодаго, такъ и онъ самъ должны выкупать свои шапки, отнятыя у нихъ подругами молодой. [1]).

Совершенно тоже дѣлается и у Чеховъ. У нихъ же замѣчателенъ

---

[1]) Этнограф. Сб. V, 6, 7, 11, 19; I, 49. Маркевича Обыч. Мал., 104, 105, 121 — 131. Гуляева Этногр. Оч. Южн. Сибири, ст. 1-я, стр. 38, (Б. д. Чт. 1848) Рыбникова П., III, 407, 408. Александрова, Вологодская свадьба, 68, 71. — Пермск. сб. I, п, 60, 64. Waclaw z Oleska 27, 29. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославск. губ. выплата денегъ со стороны молодаго замѣняется удачнымъ разгадываньемъ загадокъ, задаваемыхъ стороною невѣсты (Этногр. сб. II, 22). Въ объясненіе надо припомнить то, что̀ сказано было выше объ особенномъ значеньи загадокъ (стр. 61—62). Обмѣнъ подарковъ между жениховою и невѣстиною стороною обыченъ былъ уже въ Индіи (Weber, Indische Studien, V, 298 и 299). Но тамъ-же въ древнихъ св. книгахъ уцѣлѣли и слѣды купли невѣсты (Ibid., 284, 343, 407).

обрядъ построенія дружкою моста для молодой: состоитъ это въ томъ, что онъ выкладываетъ по столу отъ угла до угла два ряда крейцеровъ (мелкихъ монетъ) по двумъ пересѣкающимся діагоналямъ. Невѣста же должна, вставъ на столъ, перейти черезъ этотъ денежный мостъ (не трудно понять, что первоначально онъ долженъ былъ строиться не изъ такого мелкаго матеріала, какъ крейцеры).—У Сербовъ Лужичанъ женихъ, пріѣзжая свататься—иногда одинъ, иногда въ сопровожденіи женатаго пріятеля, начинаетъ вопросомъ: нѣтъ-ли продажной скотинки или же сѣмянъ, льну, и т. п. Передъ свадьбою употребляется обрядъ выкупа невѣсты у подругъ ея. Уже выше было указано мимоходомъ на то, что поѣздъ жениха торгуется за рогатку, выставленную передъ нимъ жителями того села, къ которому принадлежитъ невѣста. Точно такой же торгъ изъ за выставляемой вновь рогатки происходитъ и послѣ вѣнца,—и тогда откупаться должны сами молодые: онъ, какъ отнимающій ее у рода, она, какъ лишающая свой родъ—хотя бы и противъ собственной воли — до тѣхъ поръ служившихъ ему усердно рабочихъ рукъ. — Откупаются, какъ уже сказано, у села: первоначально же каждое отдѣльное село состояло изъ членовъ одного рода. У тѣхъ же Сербовъ Лужичанъ вопросъ о бракѣ рѣшается не одними родителями, но и всею роднею. Соотвѣственно этому съ другой стороны, у Кашубовъ денежные подарки невѣстѣ дѣлаются всею родней жениха. [1])

Существованіе купли невѣсты и у Германцевъ доказывается памятниками древняго германскаго права. Мѣстами закономъ была установлена такса—вѣроятно уже въ позднѣйшее время, для ограниченія слишкомъ высокихъ запросовъ со стороны невѣстина рода. Позже, когда купля, какъ и у Славянъ, обратилась въ одну пустую формальность, долго, въ теченіи всѣхъ почти среднихъ вѣковъ, еще удерживалось выраженіе: «ein Weib kaufen» (купить жену). [2]) Ясные признаки купли невѣсты замѣтны и въ древней Греціи, и у Римлянъ (coemtio — древнѣйшая форма заключенія брака). [3]) Накопецъ обычай купли, составляя всеобщую принадлежность такъ-называемыхъ патріархальныхъ временъ, выходитъ и за предѣлы индоевропейскаго племени. Такъ въ финской поэмѣ «Калевала» (изъ которой выше приведены были доказательства насильственнаго умыканія), невѣста называетъ себя проданною; тамъ-же поютъ ей: «узда для тебя уже куплена, рабскія узы уже на готовѣ — именно для

---

[1]) Эрбена Ч. II. 322, 339. Schmaler u. Haupt, L. d. W. 228, 237, 232, 234, 239, 244. Гильфердинга, Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря (Этногр. Сб. V, 57).

[2]) Weinhold, Die Deutschen Frauen, 299, 210—212.

[3]) J. Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer. 2-е Ausg., 420—426.

тебя, несчастная...» «Ниже придется тебѣ теперь клапяться, усерднѣе посыпать привѣтлпвыя слова...» «Тамъ старикъ въ углу, словно волкъ, старуха, словно медвѣдица; деверь встрѣтитъ тебя змѣей на порогѣ, а золовка клиномъ поперекъ двора». [1]) Сходная съ нашими пѣснями, ужасающая характеристика того новаго круга, въ который невѣсту продали!—Наконецъ признаки продажи можно встрѣтить и въ ветхо-завѣтномъ патріархальномъ быту, только тамъ невѣста пріобрѣталась скорѣе трудомъ жениха, а потомъ и молодаго, долголѣтнимъ его трудомъ—на родичей молодой. Стоитъ только вспомнить про сватовство Іакова и родолжительное его служеніе тестю своему Лавану. [2]) Съ этимъ обычаемъ, кажется, нѣсколько сходно то, что въ Малороссіи, какъ сказано выше, молодая отъ вѣнца возвращается къ своему отцу, мѣстами же (на прим. въ Харьковской губ.) на свадебномъ пиру у тестя, женихова родня прислуживаетъ. [3]) Въ этомъ какъ-бы проглядываетъ указаніе на выкупной трудъ за невѣсту со стороны всѣхъ родичей жениха.

Если невѣста такимъ образомъ низведена была на степень товара, то, какъ товаръ живой, она не могла не быть исполнена ненависти къ зачинщикамъ торга. А такими зачинщиками являлись сваты и свахи. Дочернему чувству было отрадно сваливать на нихъ всю вину, тѣмъ самымъ выгораживая родителей. (Христ. стр. 22, ст. 1-й внизу) Невѣста даже проситъ отца, чтобы онъ вывелъ свата заворотъ и въ отплату за его услугу расчесалъ ему голову бороной. Но въ то же время, какъ бы чувствуя, что отецъ и самъ за одно со сватами, она думаетъ раздѣлаться съ ними сама, накликая на нихъ всяческія бѣды и недуги. Первоначально подобное накликаніе, можетъ быть, было заговоромъ, и сила его противополагалась невѣстою силѣ тѣхъ заговоровъ, какими первоначально должны были скрѣплять свои хлопоты свахи. Въ Сибири и до сихъ поръ, въ первый разъ ступая на крыльцо дома невѣсты, сваха произноситъ: «какъ нога моя стоитъ твердо и крѣпко, такъ слово мое будетъ твердо и лѣпко; тверже камня, лѣпче клею и сѣры; острѣе булатнаго ножа; что задумаю—да исполнится. (Гуляева Этнографич. Очерки Южной Сибири статья 1-я стр. 2. Библ. дл. Чт. 1848). Въ другихъ пѣсняхъ невѣста обращается къ своимъ подруженькамъ съ просьбою, чтобы онѣ ей вплели въ косу саблю—авось свахи, расплетая косу, себѣ перерѣжутъ руки (Христом. стр. 21-я ст. 2-й внизу; стр. 22). [4]).

---

[1]) Kalewala, übersetzt v. Schiefner, 126, 128, 133, 134.

[2]) Кн. Бытія, гл. XXIX.

[3]) Этнограф. Сб. III, 10.

[4]) Въ Вологодской губерніи свату, при пѣніи особыхъ ругательныхъ пѣсень, подносятъ въ видѣ подарка платокъ изъ сахарной бумаги, убранный лоскутками и хохломъ шерсти;—это на одной лопатѣ, на другой же—пирогъ съ начинкою изъ рябины,

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ проклятія посылаются свату и свахѣ не самою невѣстою, не однимъ лицомъ, а многими: «ты злодѣйка наша сватовщица и т. д. (Христ. стр. 22, ст. 2-й)» Не трудно понять, что это должно говориться отъ лица тѣхъ подружекъ невѣсты, къ которымъ она неоднократно обращается съ любовію и въ пѣсняхъ, прося ихъ, между прочимъ, заплесть саблю ей въ косу, чтобы порѣзалась сваха, и т. п. Подруженьки постоянно посѣщающія невѣсту, готовящуюся ихъ оставить,—накануне свадьбы, въ дѣвишникъ, пѣснями приглашають ее въ послѣдній разъ вмѣстѣ помыться—попариться въ банѣ. Въ пѣсняхъ, сюда относящихся, выражается глубокое сожалѣнье невѣсты о разлукѣ съ волею дѣвичьей, волею, которая съ другой стороны представляется красотою. Только при волѣ дѣвичьей, понародному представленію, возможна настоящая красота; у женщины, обремененной заботами, она ужь не прежняя, ужь отцвѣтшая! Въ одной вологодской пѣснѣ, поющейся также передъ отправленіемъ въ баню, грозится на слѣдующій же день «обезчестить дѣвью красоту» поднимающееся костылемъ существо, по имени—кика бѣлая [1]) Такъ какъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ кикою называется тотъ или другой головной уборъ, то подъ этою кикою бѣлою слѣдуетъ, кажется, разумѣть олицетвореніе того головнаго убора замужней женщины, который до того непріятенъ ей на первыхъ порахъ, что у Чеховъ, какъ выше сказано, она срываетъ его съ головы и кидаетъ на полъ. Олицетворенія въ народной поэзіи чрезвычайно обычны. Кикѣ, какъ олицетворенному признаку замужества, можетъ быть противопоставлена лента, украшеніе косы дѣвичьей. Въ ней, въ этой лентѣ, какъ бы вмѣщается дѣвичья красота—воля; становясь ненужною при замужествѣ, она выплетается изъ косы, а съ нею какъ бы оставляетъ невѣсту и ея красота вольная. (Христ. стр. 23, ст. 2-й, пѣсня влад. губ.) Но невѣста продолжаетъ ее любить и о ней заботиться. Она думаетъ ее пріютить у своей подруженьки, то опять хочетъ сберечь ее при себѣ, отнести на чужую сторону въ окованной коробеечкѣ, чтобъ хоть изрѣдка любоваться ею; то, какъ бы больше заботясь о ней, чѣмъ о собственномъ своемъ утѣшеніи, отпускаетъ ее туда,

---

утыканный угольемъ и кирпичомъ, и стаканъ мутной воды съ плавающими угольями. (Александрова Вологодск. свадьба, 53—56). Если въ характерѣ подарка и въ содержаніи пѣсень свату слѣдуетъ видѣть остатокъ древнѣйшей поры, то пѣніе прямо въ лицо свату подобныхъ пѣсень и дѣйствительное поднесенье ему на глаза такихъ подарковъ возможны только при позднѣйшемъ, чисто обрядовомъ значеніи ненависти къ свату. Шутить такимъ образомъ съ дѣйствительно грознымъ сватомъ было-бы не безопасно.

[1]) Филологич. Зап. 1864 г. V, 279—282. Статья г. Сняткова о кикѣ. Авторъ думаетъ видѣть въ кикѣ славянское божество брака.

откуда всякая жизнь и всякое добро, откуда ..., — къ свѣтиламъ небеснымъ — во дубушку, во бережку [1]); то невѣста, боясь покидаемой матери, хочетъ чтобъ она ударилась объ землю, разсыпалась зерниномъ, а матушка бы подобрала ..., сказала, ходила бы за ней, какъ бывало за дочерью. (Христ. стр. 22.) Въ этомъ поэтическомъ образѣ ясно сознаніе, что дѣломъ матери было и прежде холить, лелѣять дочернюю волюшку-красоту. Такимъ образомъ оказываются уже настоящія человѣческія отношенія между матерью и дочерью. Это уже не тотъ патріархальный деспотизмъ, который предполагается продажею за выкупъ дочери. Да и всѣ эти величанія воли дѣвичьей — развѣ возможны они при такомъ деспотизмѣ? Скорѣе даже неразлучно понятіе вещи, — продажною можетъ быть дочь только въ качествѣ вещи, ..., а какая же воля у вещи? Отсюда, кажется, ясно, что самое появленіе пѣсенъ о волѣ дѣвичьей уже вызвано уже разложеніемъ патріархальнаго быта, измѣнившимися отношеніями родителей къ дѣтямъ. Ежели дочерей могли уже цѣнить и холить, то за тѣмъ неминуемо было отстать отъ мысли о торгѣ дочерью.

Между свадебными пѣснями встрѣчаются и такія, въ которыхъ отчизна характеризуется любовью, и притомъ она является ... не матери только (отъ которой и при патріархальномъ бытѣ естественно ожидать нѣжной мягкости относительно дочери), но и отца: «Гдѣ ты росла, калинушка? спрашивается въ одной галицкой пѣснѣ, что выросла такая тонкая и высокая, а листъ широкій? — На лугу у ключа, у студеной водицы, въ сторонѣ отъ буйнаго вѣтра и отъ палящаго солнышка». — «Гдѣ ты, дѣвушка, выростала, что стала такая красивая? — У батюшки въ холодочкѣ, на сладкомъ медочкѣ» [2]). — «Какой бы тамъ ни былъ свекоръ, говорится въ другой пѣснѣ, а все ужъ не будетъ такой, какъ родимый батюшка». Или: «такъ, ... (свекоръ), а все же не то (отецъ)» [3]). Но съ особенной силой любовь дочери выражается въ пѣсняхъ, относящихся къ сиротѣ невѣстѣ (Христ. стр. 23—24). Въ нихъ она скорбитъ не о томъ, что ей предстоитъ переходъ къ новой жизни, а о томъ, что некому дать ей благословенье на новую ея жизнь. Но та вѣра въ существованіе и за гробомъ, изъ которой, какъ мы видѣли, развилось даже цѣлое особое богопочитанье умершихъ, эта вѣра заставляетъ невѣсту ждать, что родимый батюшка,

---

[1]) Въ Пермск. губ., подъ позднѣйшимъ вліяніемъ христіанства, дѣвья красота въ пѣсняхъ поручается Богоматери, причемъ дѣвушки торжественно относятъ ее въ церковь и вѣшаютъ на икону Богородицы. (Пермскій Сб. I, II, 76—78.)

[2]) Жегота Паули, I, 107.

[3]) Метлинскаго Южно Р. П. 148, 149.

[illegible] родимая матушка, оставивъ могилу, прибудетъ къ ней — чтобы снарядить ее слезно и дать ей благословенье. Въ одной малороссійской пѣснѣ такая умершая мать собирается спуститься тучею и пролиться благодатнымъ дождемъ надъ мѣстомъ жительства невѣсты дочери. (Въ настоящемъ видѣ своемъ пѣсня уже христіанизирована — тѣмъ, что мать [illegible] у Бога позволенья спуститься тучею; — при первоначальномъ же богопочитаньи родителей это должно было зависѣть отъ нея же самой).

Пѣсни такого рода, рѣшительно выводя насъ изъ круга патріархально-деспотическихъ отношеній, уже сами по себѣ заставляютъ заключать о томъ, что и замужество должно было сдѣлаться наконецъ дѣломъ той же, предоставляемой любовью родительскою, дѣвичьей воли. Чтобы сдѣлаться ей полною, воля не могла уже быть далѣе связываема и въ самомъ вопросѣ о суженомъ. Такъ могли бы мы заключать, хотя бы и не имѣлось пѣсенъ, прямо свидѣтельствующихъ о томъ. А между тѣмъ такія пѣсни имѣются, и въ не маломъ количествѣ, имѣются наконецъ у каждаго изъ славянскихъ народовъ. И у насъ на Руси, въ какой бы мѣстности ни были собраны пѣсни, непремѣнно между ними попадаются и такія, отраднымъ образомъ рознящіяся отъ древнѣйшихъ, выше разобранныхъ. То въ этихъ болѣе позднихъ пѣсняхъ мать право предоставляетъ дочери выбрать себѣ изъ незнакомыхъ знакомаго; то говорится о томъ, какъ дѣвушка снаряжала себѣ ясна сокола и сама приносила его къ родной матушкѣ; то раздается мольба ея къ мѣсяцу — свѣтить во всю дороженьку суженому, чтобы назадъ онъ не воротился — онъ, когда-то, въ другую эпоху, представлявшійся страшнымъ чужаниномъ, непріятелемъ, воромъ! То она предсказываетъ подруженькамъ, что и у нихъ будутъ свои женихи, даже лучшіе, — но она и не вздумаетъ имъ позавидовать: до такой степени по сердцу ей ея собственный! То описывается безпріютный горемычный молодецъ, — но дѣвушка замѣчаетъ его и онъ взысканъ ея любовью. Ужь не грознымъ покупщикомъ, а милымъ подаркомъ родителей, подаркомъ побольше и подороже терема, является тутъ женихъ — вѣковой дружокъ. Ужь не дочь горемычнымъ живымъ товаромъ отчаянно жалуется на родителей, а родители съ любовью жалуются на то, что она ихъ хочетъ оставить. Уже не дочь слезно молитъ о томъ, чтобы родители не сдавались на торгъ, а ее самое уговариваютъ не сдаваться ни князю, ни сыну гостиному (т. е. купцу), а ужь сдаться — такъ лучше Терентью Ивановичу. И дѣйствительно не другой кто, а онъ — но не деньгами и не приказомъ родительскимъ — а волей ее беретъ. Теперь ужь не дрожь пробѣгаетъ по членамъ дѣвушки при взглядѣ на суженаго, а взглядомъ его исцѣляются недуги сердечные. Теперь уже образъ его рисуется въ радужномъ свѣтѣ, а отъ него самого и на весь его поѣздъ — когда то черную тучу — упадаетъ сіяющій отблескъ. Ужь не

по прежнему, не чрезъ посредство насильниковъ-оватовъ, рѣшается теперь дѣло; завися отъ самой дѣвушки, оно требуетъ личнаго прибытія молодца: «Коли онъ меня полюбитъ, то самъ ко мнѣ будетъ». — Уже не въ плѣнъ уводятся защитниками дѣвицы кони ненавистнаго молодца, а по милому молодцу ей становятся милы и его кони: сама ихъ кормитъ она, приголубливаетъ — и не зачѣмъ другимъ какъ за тѣмъ, чтобы подальше ее увезли отъ батюшки, ближе но ближе ко свекру на дворъ! Когда-то лютый медвѣдь, свекоръ становится милъ ей по сыну, — онъ теперь даже милѣе ей, чѣмъ родители, и цѣлый рядъ пѣсень отдаетъ ему преимущество передъ ними. Особенно же замѣчательна тутъ одна, въ которой дѣвушка потопаетъ и зоветъ къ себѣ на помощь отца, мать, но оба отнѣкиваются тѣмъ, что не въ состояніи плавать; дѣвушка обращается къ суженому и онъ сейчасъ же ее спасаетъ ([1]). — При сильной любви къ жениху становится уже не сладокъ и медъ, на которомъ выросла у родителей дѣвица; слаще ей теперь пить простую воду, но пить вмѣстѣ съ суженымъ. — Ужь не унимать отъ слезъ надо теперь невѣсту: ей напоминаютъ о томъ, что не жалко ей плачется, что не жаль, видимо ей не жаль своей матушки. (Христом. стр. 26—27).

Изо всего этого ясно, что та-же воля, изъ за которой такъ крѣпко любила родителей дочь, предоставленная ей вполнѣ, сдѣлалась и естественною причиной ея остуды къ нимъ.

Въ одной изъ моравскихъ свадебныхъ пѣсень мать съ досады рисуетъ дочери какъ будущаго ея мужа, такъ и всю родню его, такими же ужасными красками, какими въ древнѣйшихъ пѣсняхъ рисовала себѣ женихову родню сама дочь. При этомъ мать постоянно ей повторяетъ: «сама за него захотѣла!» — Да, отвѣчаетъ дочь, я себѣ выбрала розовый цвѣтъ; этотъ мой суженый милѣе мнѣ цѣлаго свѣта.» [2]) Въ другой моравской же пѣснѣ дочь такимъ образомъ утѣшаетъ мать: «не тоскуй, моя матушка, что я оставлю тебя; все же я буду твоя до смерти.» — Не о томъ я тоскую, дочка, что ты покидаешь меня, а о томъ, каково-то тебѣ тамъ

---

[1]) Между многими варьянтами этой чрезвычайно распространенной пѣсни есть такіе, въ которыхъ отброшенъ конецъ. Такъ какъ въ нихъ одно утопаніе дѣвицы, происходящее въ воскресенье (обычный свадебный день въ Малороссіи, гдѣ особенно употребительна эта пѣсня), то можно съ перваго разу предположить въ ней совершенно противный смыслъ—указанье на то, что бракъ какъ бы равняется гибели. Привожу это какъ примѣръ, до какой степени надобно быть осмотрительнымъ въ выводахъ и въ какой мѣрѣ необходимо собраніе многихъ варьянтовъ для каждой пѣсни. (См. Вацлава зъ Олеска, стр. 10. Замѣчателенъ также сербскій варьянтъ, въ которомъ холодность родителей доведена до того, что они говорятъ дочери: „тони тони, дьяволе; ни еи моя, ни била". Этимъ, можетъ быть, выражается ихъ досада на то, что она оставляетъ ихъ. Вука пѣсни I, 101.)

[2]) Сушила М. П., 448.

будеть.»—Мнѣ? еще бы не хорошо! Развѣ не то мнѣ досталось на долю, чего такъ жаждало мое сердце.» [1]) Любовь къ суженому такъ сильна, что для него дѣвица въ чешской пѣснѣ радостно разстается со своимъ зеленымъ вѣнкомъ (соотвѣтствующимъ у Славянъ западныхъ нашей лентѣ — красотѣ): она сдаетъ его ему на руки, — чтобы онъ «берегъ его, а ее постоянно любилъ и лелѣялъ до самой смерти.» Мало того, любовь къ суженому заставляетъ ее не бояться и того чепца, который, по древнему чешскому же обычаю, (свято соблюдаемому, какъ и остальные) долженъ быть ею сорванъ съ себя и брошенъ: «не боюсь я этого бѣлаго чепчика, говоритъ она въ одной пѣснѣ, и не жалѣю для моего милаго зеленаго своего вѣнка.» [2]) Радостно говоритъ невѣста въ одной лужицкой пѣснѣ, что она «переходитъ изъ своего хорошаго дома въ другой, еще несравненно лучшій.» [3]) Совершенно соотвѣственныя черты встрѣчаются наконецъ и въ сербскихъ пѣсняхъ: «прекрасная Мара, неужели тебѣ не жаль матери?»—Чего же жалѣть мнѣ? У моего милаго, мнѣ говорили, мать еще лучше.» (Далѣе такой же вопросъ и отвѣтъ касательно отца). Въ другой сербской пѣснѣ горько тоскуетъ по дочери матушка, а дочери невѣстѣ и горя мало, — она такъ и спѣшитъ къ жениху. — Опять въ сербской же пѣснѣ навѣрное обѣщаютъ невѣстѣ, что мать ея жениха будетъ охотно давать ей совѣты—еще и лучше, чѣмъ родная мать. Нѣчто сходное — не поется, а говорится — у Болгаръ въ день Св. Савы, 5-го декабря, когда дѣвушки сѣютъ муку сквозь сито. — «Не такъ, чадо», должна тутъ замѣтить мать. — Дѣвушка будто не слышитъ. «Какъ же ты, послѣ этого, угодишь свекрови?» — О, у меня будетъ свекровь хорошая, добрая. — «Все же не лучше меня?» — Ну нѣтъ, получше.» — Давай Богъ, чадо, чтобъ была лучше; коли такъ, то я тебя въ этомъ году выдамъ замужъ». Весь этотъ обрядъ и служитъ къ тому, чтобы дѣвушкѣ досталась свекровь хорошая [4]). Параллель между мужниною роднею и собственною проводится еще такимъ образомъ въ сербской пѣснѣ: «хорошо мнѣ было во всемъ у своей родни: рано ложилась вечеромъ, поздно вставала я утромъ...» — Ежели такъ хорошо тебѣ было дома, то зачѣмъ же, молодая, захотѣла ты замужъ? — Ожидаю я, молодая, и не такого еще добра себѣ: отъ свекрови мудрой заповѣди, мудраго совѣта отъ свекра, отъ золовокъ дорогихъ ласокъ», и т. д. Тоже опять иначе въ другой пѣснѣ: «Милѣе Марѣ свекоръ ея, нежели милый родимый батюшка, милѣе Марѣ свекровь, нежели мать родимая (и далѣе

[1]) Ibidem 453. Ср. Эрбена Ч. II. 328.
[2]) Эрбена Ч. II. 340. 339.
[3]) Смоляра и Гаупта Л. П. II, 238.
[4]) Каравелова, Пам. б. Болгаръ, I, 272.

такое же предпочтеніе всѣмъ роднымъ мужа передъ своими собственными. Въ нѣкоторыхъ сербскихъ пѣсняхъ, «мать жениха ждетъ не дождется прибытія невѣсты: въ косѣ у нея солнце красное, на груди — свѣтлый мѣсяцъ, — пусть же она обогрѣетъ нашъ бѣлый дворъ» [1]. Соотвѣтственно этому сербская дѣвушка уже заранѣе способна смотрѣть на замужество, какъ на счастливую долю. «Выйдемъ, говоритъ она въ одной пѣснѣ брату, выйдемъ на яркое солнце, обогрѣемся, братецъ, и налюбуемся на ѣдущихъ мимо нарядныхъ сватовъ: счастье тому двору, куда они завернутъ!» Изъ отвѣта же брата дѣвушка узнаетъ, что сваты ѣдутъ именно къ ней на дворъ. Все это ясно свидѣтельствуетъ о добровольномъ замужествѣ, тогда какъ въ прежнюю, патріархальную пору, не только замужество, но и женитьба была неволею: не только дочь, но и сына просватывали по своему усмотрѣнію родители. Только съ измѣнившимся положеніемъ того и другой оказалось возможнымъ обращаться къ нимъ въ пѣсняхъ (у Сербовъ) съ такимъ совѣтомъ: «подумай, молодецъ (воине), подумай, во всемъ ли она по тебѣ, и, чуть замѣтишь, что нѣтъ, садись на коня и въ обратный путь!.. Подумай же и ты, дѣвица, во всемъ ли онъ по тебѣ, и, чуть замѣтишь, что нѣтъ, скинь съ головы вѣнецъ и бѣги!..» Въ другой пѣснѣ слѣд. образомъ напоминается жениху объ его обязанностяхъ (а онѣ возможны лишь тамъ, гдѣ существуютъ права; кто самъ приневоленъ къ женитьбѣ, тотъ всегда вмѣстѣ съ женою — безсильная жертва другихъ): «молодой женихъ, роза румяная! Вотъ, мы вручили тебѣ розмариновый кустъ, смотри, если онъ у тебя увянетъ, то тебѣ будетъ срамъ, а намъ будетъ грѣхъ!» Совершенная самостоятельность, даже гордая неподатливость женскаго сердца выражается въ одной сербской пѣснѣ, повѣствующей о томъ, какъ дѣвушка, долго не сдававшаяся на мольбы юнака, наконецъ «смиловалась надъ нимъ»; сходно съ этимъ въ славонской пѣснѣ — дѣвушка, сначала ревнующая юнака, убѣдившись потомъ въ его вѣрности, посылаетъ ему кольцо черезъ сокола; тогда какъ присутствующая при этомъ мать остается рѣшительно въ сторонѣ [2].

Существованіе подобнаго рода пѣсенъ даже у Сербовъ, оставшихся не затронутыми вліяніемъ какихъ либо болѣе просвѣщенныхъ сосѣдей, а равно и существованіе ихъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи, также недоступныхъ какому либо цивилизующему вліянію, — не прямо ли доказываетъ оно, что пѣсни эти возникали сами собою, совершенно самостоятельнымъ образомъ, въ силу того внутренняго развитія, которое болѣе или менѣе существуетъ во всякомъ народѣ? Рядомъ же съ пѣснями вы-

---

[1]) Вука С. П. I. 16, 35, 36, 50, 63, 75.
[2]) Вука, С. П. I, 3, 5, 12, 33. Илича, С.-О., 37—40.

дѣлаются съ разныхъ сторонъ и соотвѣтственные обычаи. Но, подобно тому, какъ это только въ изображеніи пѣсни позднѣйшей формаціи пост-сватовства сказано, въ церемоніи съ болѣе древними прямо противоположными свойствами, такъ и обычаи позднѣйшей смягченной поры примыкаютъ къ обычаямъ самой грубой патріархальности. Такъ, напримѣръ, сватовство съ одной стороны еще повсемѣстно носитъ характеръ торговой сдѣлки между родителями и сватами, съ другой же сквозь эти старыя формы обычаи проглядываетъ уже и прямое участіе жениха и невѣсты. «Я ей тоды не намѣренъ отдавати» — такими словами отецъ малороссійскій долженъ въ началѣ отвѣчать сватамъ; при дальнѣйшихъ же домогательствахъ съ ихъ стороны онъ отвѣчаетъ уже совершенно иначе: «я не знаю, якъ ій любо буде, повоните, що вона скаже» — Дѣло такимъ образомъ уже прямо, самою формулою обрядовыхъ словъ, предоставляется свободному рѣшенію дѣвушки. Когда же, на зовъ отца, она входитъ, родители выставляютъ ее виновницею прихода сватовъ: «на що-жъ ты, дочко, старостивъ намъ навела, а мы ихъ и не питались» (не спрашивали). — Хиба я имъ наказовала (велѣла), я сномъ и духомъ не знала, должна на это отвѣтить дочь. «Ваша воля отдавать и не отдавать», продолжаетъ она, затѣмъ прибавляя однакоже свое мнѣніе: «а мени у васъ до вѣку не жить». — На это отецъ, еще поворчавъ немного (обрядовымъ образомъ), велитъ наконецъ внести предлагаемаго жениха. Когда тотъ входитъ, невѣста же сорамляется (отъ скромности закрываетъ лицо руками), отецъ обращается къ ней словами: «дочко, коли его любишь (и такъ, опять прямое предоставленіе дѣла на ея волю), то шукай (ищи) рушники [1]», т. е. тѣ полотенца, которыя заранѣе изготовляются въ подарокъ для жениха. Подарки въ свою очередь свидѣтельствуютъ объ измѣнившихся отношеніяхъ между женихомъ и невѣстою; обмѣнъ ихъ, вездѣ теперь существующій, указываетъ уже на равенство между тѣмъ и другою. Какимъ образомъ обычай дарить примкнулъ къ древнѣйшему обычаю купли; какъ денежною отплатою со стороны жениха за подарки невѣсты напоминается о прежнемъ значеніи его, какъ женовладѣльца, — объ этомъ было уже упомянуто выше. Тѣмъ не менѣе въ подаркахъ со стороны невѣсты уже видѣнъ признакъ той готовности родителей выдѣлить свою дочь, какъ самостоятельное лицо, изъ которой именно и приданое, разумѣемое уже въ несторовомъ замѣчаніи о Полянахъ: «приношаху по невѣстѣ, что вдадуче [2].» О значеніи

---

[1]) Маркевичъ, Обычаи, повѣрья, и т. д. Малороссіянъ, 97—99.

[2]) О появленіи приданаго уже въ весьма отдаленныя времена свидѣтельствуетъ санскритское его наименованіе gôdâna=коровы. Этимъ, очевидно, выражается, что древнѣйшее приданое составляли стада;—происхожденіе его такимъ образомъ должно относиться еще къ быту пастушескому. Сходно, по смыслу, съ gôdâna средневѣковое Braut-

невѣсты, какъ живаго лица (вмѣсто прежняго значенія вещи) свидѣтельствуетъ и распространенный въ народѣ обычай ежедневнаго ея посѣщенія женихомъ для болѣе короткаго съ нею знакомства еще до свадьбы. Въ народѣ никогда не было тѣхъ отношеній между женихомъ и невѣстой, которыя, въ московскомъ періодѣ русской исторіи, завелись въ боярскомъ быту, а оттуда проникали отчасти и въ бытъ горожанъ — я разумѣю совершенное незнакомство съ невѣстою жениха до самой свадьбы. Въ народѣ, напротивъ того, и до самаго сватовства знакомство уже существуетъ между женихомъ и невѣстою. Хотя бракъ заключается очень часто только по волѣ родителей, безъ малѣйшей любви, все-же невѣста, подающая руку тому, кого вовсе не знаетъ, составляетъ только пѣсенное воспоминаніе о порѣ, ужь давно минувшей. Для народа позднѣйшій боярскій регрессъ, выразившійся затворничествомъ дѣвицы, былъ невозможенъ вслѣдствіе самой скудости народнаго быта, спасительной въ этомъ случаѣ. Не изъ чего было тутъ строить особые терема, эти дѣвичьи крѣпости, да и съ своей стороны спасительная работа крестьянская постоянно заставляла сходиться, сближаться. А затѣмъ уже свободно сходились и въ часы отдыха, — лѣтомъ на хороводы и всякаго рода игры, зимою — на посидѣлки съ загадываніемъ загадокъ, разсказываніемъ сказокъ, гаданіемъ и т. п. Общительность, украдкою зараждавшаяся уже въ несторовыхъ «игрищахъ межю селы», вслѣдъ за тѣмъ мало по малу развившись открыто въ народномъ быту, стала отличаться тою же самой живучестью, какъ и все, возникающее въ народѣ. Свобода обращенія между обоими полами на народныхъ сходбищахъ всѣмъ извѣстна. Мѣстами, напримѣръ въ тотемскомъ уѣздѣ, парень, по мѣстному выраженію, занимается съ тою дѣвушкою, на которой имѣетъ въ виду жениться. Это значитъ, что гдѣ бы они ни сошлись, они почти не отходятъ одинъ отъ другаго: иногда это продолжается года три, и болѣе. Если занимающіеся, при столь долгомъ и близкомъ знакомствѣ, увѣрятся въ томъ, что характеры ихъ не сходны, то занятія ихъ прекращаются и никто не винитъ ихъ въ этомъ; въ противномъ же случаѣ между ними заключается бракъ [1]. Конечно, далеко не вездѣ знакомство до брака такое короткое; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ случаются даже примѣры сочетанія бракомъ людей, почти незнакомыхъ [2]; но зато въ весьма многихъ мѣстахъ въ этомъ случаѣ — не только знакомство довольно близкое, но и свободный, на любви основанный выборъ [3].

---

vieh—дававшееся вассалами дочери сюзерена. По корню же съ gôdâna можетъ быть сближено польское gody=свадьба (Pictet, Orig. Indo européennes, II, 337).

[1]) Этногр. Сб. V, См. 57.

[2]) Тамъ же, I, 44, II, 155.

[3]) Этногр. Сб. I, 142, 186, 303, II, 151; III. 9, 33; V, 92. Пермск. Сб. I, II

Сходно съ этимъ и у другихъ Славянъ. Даже у тѣхъ самихъ Славонцевъ, которые сохранили древнее названіе молодой *лопатою и метлою*, и у которыхъ она, сообразно тому, по обряду должна отправлять всѣ работы въ домѣ на другой же день послѣ свадьбы, а мѣстами и въ теченіи всей недѣли прислуживать даже куму, — и у Славонцевъ она знакомится съ женихомъ уже задолго до свадьбы — на играхъ. Сначала обмѣниваясь подарками, потомъ они, по взаимному соглашенію, объявляютъ родителямъ о своей любви ([1]). У тѣхъ же Славонцевъ замѣчательна смягчающая приставка къ древнему унизительному обычаю *разуванія* молодою своего мужа, обычаю, существующему и въ русскомъ народѣ и, очевидно, указывающему на служебное значенье жены. Славонская же приставка къ нему (конечно позднѣйшая, хотя также древняя, какъ надобно заключить изъ того, что она въ свою очередь получила уже обрядовое значеніе), славонская приставка заключается въ томъ, что послѣ обязательнаго разутія мужа, жена равномѣрно обязана ударить его по головѣ сапогомъ — чтобы онъ не вздумалъ привыкнуть къ мысли, что она и всегда будетъ ему прислуживать.—Впрочемъ уже при самомъ выходѣ изъ церкви славонская молодая старается очутиться на паперти первая, — что имѣетъ вліяніе, по народному представленію, на доставленіе ей первенства передъ мужемъ, или, какъ у насъ выражаются, *большины*. Для доставленія себѣ послѣдней, и у насъ въ Россіи невѣста еще въ церкви спѣшитъ ступить первая на такъ называемыя *подножки* — кусокъ розовой ткани, на который становятъ ее вмѣстѣ съ женихомъ. У Чеховъ же съ тою же самою цѣлію, невѣста, при пріѣздѣ за ней жениха, старается на него взглянуть первая. — Если съ одной стороны самый подобный способъ привораживать къ себѣ, такъ сказать, большину, указываетъ на трудность добиться ея обыкновеннымъ путемъ, то съ другой стороны самая мысль о большинѣ не могла бы возникнуть при исключительной порабощенности женщины. Стремленіе къ большинѣ со стороны жены есть во всякомъ случаѣ ужъ отпоръ совершенному подчиненію, отпоръ, возможный только при извѣстномъ чувствѣ самостоятельности въ невѣстѣ. — Такая самостоятельность, даже совершенное *равенство* съ женихомъ, выражается нѣкоторыми сербо-лужицкими свадебными обычаями. Такъ дружка обязанъ спросить невѣсту, согласна ли она итти за такого-то (и вездѣ тоже самое

5—6, 33—34. Терещенка Б. Р. Н., 144, 166, 195. („Вѣдь у насъ сторона не басурманская, въ ней не вѣнчаютъ молодыхъ безъ погляду"—слова свата въ Орловской губ.) 207, 208, 280, 232, 288, 476, 494.

[1]) Ilic, Slavonski obicaji, 72, 33—35. Но мѣстами у Славонцевъ попадаются и примѣры, что вѣнчаются, предварительно вовсе не зная другъ друга (Стр. 35). По большей же части женихъ старается по крайней мѣрѣ черезъ вечеръ бывать у невѣсты (42).

является священникомъ — но это уже вліяніе церкви — вопросъ же подобнаго рода со стороны дружки, древне-народнаго обрядоваго лица, указываетъ на принадлежность такого обычая и самому народу). Свадебныя обрядовыя лица выбираются у Лужичанъ уже по обоюдному соглашенію между женихомъ и невѣстою. Наконецъ приглашеніе гостей на бракъ происходитъ уже отъ имени — какъ жениха, такъ и честной невѣсты [1]).

Послѣ всего этого становится уже совершенно понятно величаніе [illegible]сть, величающихъ, по ихъ выраженію, «сонцѣ да [illegible] съ женою» (Христ. стр. 27—28; тоже выражается въ нѣкоторыхъ пословицахъ, Христ. стр. 28). Такое супружеское согласіе замѣчается въ нихъ — съ одной стороны между свекромъ и свекровью, съ другой — между молодыми. Свекоръ съ дѣтьми его уподобляются тутъ свѣтлому мѣсяцу со звѣздами; свекровь же съ ея дочерьми, красному солнышку съ ясными его лучами. Если же припомнить мифическія отношенія мѣсяца къ солнцу, какъ мужа къ женѣ, и мифическое значеніе звѣздъ, какъ дѣтей ихъ, то не трудно будетъ понять, что въ нашей пѣснѣ земная семья служитъ какъ бы отраженіемъ семьи небесной. Какая же невѣроятная перемѣна должна была произойти въ понятіяхъ народа, чтобы вмѣсто прежняго уподобленія дикимъ звѣрямъ, родня жениха пожелала быть уподоблена свѣтиламъ, богамъ небеснымъ! Въ другой пѣснѣ — нѣсколько иное мифическое уподобленіе относится уже къ молодой четѣ: какъ зорюшка красная уговариваетъ яснаго мѣсяца (употребляю эту форму винительнаго падежа, такъ какъ мѣсяцъ тутъ — одушевленный предметъ, или, лучше сказать, существо живое), какъ заря уговариваетъ его не заходить до ея появленія, чтобы имъ обоимъ освѣтить и обрадовать небо и землю, — такъ невѣста желала бы выйти и сѣсть вмѣстѣ съ женихомъ, чтобы развеселить родню свою. Что касается времени появленія подобныхъ пѣсенъ, то о глубокой древности ихъ можно, кажется, заключать изъ того, что совершенно сходное встрѣчается уже въ свадебномъ гимнѣ «Ведъ»: и тамъ союзъ между моло-

[1]) Илича, Слав. Об. 60, 67. Эрбена, Ч. П., 295. Смоляра и Гаупта Лит. П., II, 229, 231, 232. И у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свадебные чины выбираются женихомъ и невѣстою (Николаева, свадебные обряды малоруссовъ Суджанскаго уѣзда. Москв. 1854 г., VIII, отд. совр. изв., 130). На свободу выбора суженаго или суженой указываютъ также многія, не вошедшія въ Христоматію пѣсни — у Сахар. Сказ. I, III, 113, 120, 122, 123. Этногр. Сб. V, 39. (Жениховъ ли тебѣ не было, выбирать ли тебѣ не изъ кого.) Тамъ же, 44; III, 10 (бирчатый, перебирчатый младъ Михайлушка); тамъ-же, 240. Рыбник. III, 387. Варенцова П. Самар., 156 (женися, женись дитятко, кая тѣ поглянется). Гуляева, оч. Сибири. (Б. для Ч. 1848 г. ст. 1-я, стр. 4 (ужъ я выбрала-то, матушка, себѣ суженое-ряженое); см. также стр. 7, 10, 11, 19, 22, 24, 29). Метл. Укр. П., 141. Семевск. Торопецъ, 167. Вацлава зъ Олеска, 19, 20. Терещенки, 205, 217, 276.

дица уподобляется прямо союзу мѣсяца съ солнцемъ, радующему всю землю и повсюду поддерживающему жизнь [1]. Соотвѣтственно этому, положеніе молодой въ цѣломъ семьѣ — самое высокое и внушающее почтеніе [2].

Уподобленіе брачныхъ отношеній между людьми брачному союзу между богами замѣтно и въ томъ, что въ одной болгарской свадебной пѣснѣ говорится объ огненномъ змѣѣ, уносящемъ свою вѣрную любу [3]; — а что въ немъ слѣдуетъ видѣть божество молніи, оплодотворяющее весеннюю землю-дѣву, объ этомъ уже говорено было выше [4]. Замѣчательно, что въ другой, болгарской же пѣснѣ, говорится объ отправленіи юнака въ походъ на другой же день свадьбы, причемъ онъ даетъ позволеніе своей молодой женѣ, ежели въ теченіи десяти лѣтъ она его не дождется обратно, выбрать себѣ другаго мужа [5]. Въ нашихъ народныхъ былинахъ (какъ увидимъ мы при разборѣ ихъ) тоже самое повѣствуется о Добрынѣ Никитичѣ; въ основѣ же этого сказанія, существующаго во множествѣ разнообразныхъ варіацій у многихъ европейскихъ народовъ, заключается миѳъ — о бракѣ и продолжительномъ удаленіи вслѣдъ за тѣмъ *свѣтлаго лѣтняго божества* [6]. Употребленіе болгарской пѣсни подобнаго содержанія на *свадьбѣ*, въ связи съ выше упомянутыми свадебно-миѳическими пѣснями, можетъ, кажется, служить подтвержденіемъ только что высказанному мнѣнію. Не безъ связи съ этимъ, быть можетъ, и то, что какъ въ былинахъ о Добрынѣ жена, по его возвращеніи черезъ десять лѣтъ, узнаетъ его по кольцу, опущенному

---

[1]) Weber, Indische Studien, V, въ большой и прекрасной статьѣ «Ueber die Trauung nach den Veden» и Haas, стр. 257 и слѣд., въ началѣ статьи (См. также предшествующую ей статью самого Вебера «Indische Hochzeitssprüche». Какъ изъ той, такъ и изъ другой, невольно выводится заключеніе о единствѣ первоначальной основы въ свадебной поэзіи всѣхъ индоевропейскихъ народовъ.

[2]) «Войди въ домъ мой, чтобы въ немъ быть госпожею...» «Приносящая счастіе, охранительница домоводства, спасительная для мужа, благодатная свекру, осчастливливающая свекровь, — войди въ этотъ домъ» (Indische Studien, V, 287, 295—96).

[3]) Миладиновы, Болг. П., 463.

[4]) Г. Потебня въ своей статьѣ «Змѣй, волкъ, вѣдьма» (Чтенія М. И. О. 1865 кн. IV) совершенно отвергаетъ свѣтлое, благотворное значеніе змѣя; но противъ этого, кромѣ всего остальнаго, выше упоминавшагося, говоритъ и только что приведенное упоминаніе о змѣѣ въ свадебной пѣснѣ.

[5]) Миладин., 485.

[6]) Это убѣдительно доказано Вильгельмомъ Миллеромъ въ его статьѣ «Die Fahrt in den Osten», помѣщенной 2-мъ приложеніемъ въ сборникѣ нижнесаксонскихъ сказаній и сказокъ (Sagen und Märchen), изданномъ имъ вмѣстѣ съ Шамбахомъ, Göttingen, 1855. А Миллеръ еще не зналъ нашихъ былинъ о Добрынѣ, которыя послужили бы ему многозначительнымъ дополненіемъ.

имъ въ вино, такъ и невѣста у Малоруссовъ должна подать жениху чарку вина—съ кольцомъ на днѣ. [1])

Наконецъ, какъ мнѣ кажется, не лишено значенья и то, что при свадьбахъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, такъ и у другихъ Славянъ, совершаются нѣкоторые обряды, прямо сходные съ совершаемыми во время праздниковъ въ честь свѣтлыхъ небесныхъ божествъ [2]).

Отъ мысли о томъ, что земной, человѣческій бракъ есть только отраженіе брака божескаго, небеснаго, уже не далекъ переходъ къ представленью себѣ боговъ первоначальными учредителями и дальнѣйшими покровителями и оберегателями неразрывности брака. А какъ на миѳическомъ языкѣ неразрывнымъ считается только то, что выковано, то и брачныя узы стали коваться — но кому же было приписать это дѣло, какъ не тому же небесному ковачу, изначальному производителю молніи? Подобно первому плугу, и первый брачный вѣнецъ былъ приписанъ его божественному искусству... И вотъ уже въ святочныхъ пѣсняхъ, которыми, какъ сказано выше, сопровождаются гаданья о суженомъ, обращаются къ какому-то кузнецу съ просьбою сковать золотой вѣнецъ, а изъ остаточковъ обручальный перстень и булавочку, для притыканья убруса (покрывала) брачнаго. (Христ. стр. 28, ст. 1-й). А что подъ этимъ кузнецомъ разумѣется именно ковачъ небесный, то это доказывается призываніемъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ на свадьбу Кузьмы-Демьяна, этихъ христіанскихъ святыхъ, слившихся у народа какъ бы въ одно лицо, и лицо—съ характеромъ именно ковача, только носящаго христіанскія имена, а по основѣ своей—миѳическаго [3]). Наконецъ въ одной пѣснѣ

---

[1]) Метлинскаго Южно-Русск. II, 128.

[2]) Такое украшеніе деревца у Малороссіянъ, въ Ярославск. губ. и у Чеховъ (132 Метлинск. Этногр. Сб., I, 146. Эрбена, 316) Дерево—образъ весны—позѣвети; стоитъ вспомнить различные весенніе съ нимъ обряды). Киданіе молодою монетъ въ разложенный ею на очагѣ огонь (ср. съ рождественскимъ badнякомъ). (Илича, 66) Стрѣлянье во время свадьбы (вспомнить весеннее стрѣляніе, какъ подражаніе дѣйствію лучей солнечныхъ. Сахарова II, 234. Медаковича, 42). Постланіе сѣна въ домѣ молодыхъ, сходное съ употребительнымъ на коляду). (Этногр. Сб. VI, библ. ук., 45). Обсыпаніе молодыхъ зерновымъ хлѣбомъ (также напоминающее коляду) и печеніе у жениха свиньи (всп. про связь ея съ жертвою солнцу). (Этногр. Сб. III, 12, 18). Употребленіе молодыми въ пищу яичницы (вспомнить о миѳическомъ значеніи яйца и изготовленіи яичницы на Троицу). (Этногр. Сб. III, 148). Подвесеніе молодымъ и разрываніе ими курицы (птицы, имѣющей миѳическую связь съ огнемъ). (Сахар. сказ. II, vi, 16. Потебни Миѳич. знач. нѣк. обр. Чт. 1865 г. II, 55. (Окачиваніе молодыхъ водою на другой день свадьбы (сходное съ весеннимъ окачиваніемъ дѣвицъ молодцами и т. п.) (Эти. Сб. I, 191. Пермск. Сб. I, II, 96.)

[3]) Этногр. Сб. VI, библ. ук., 13. Народныя нареченія о Кузьмѣ и Демьянѣ какъ кузнецахъ—у Каравелова, Пам. б. Болгаръ, I, 266. Въ сказкахъ—кузня Кузьмы и Демьяна—Аѳан. II, 102.

приглашаютъ на свальбу боженьку и просятъ его сковать свадьбу такъ, чтобы ни вѣтеръ ея не развѣялъ, ни дождикъ не размочилъ, ни солнце не изсушило [1]). (Христ. стр. 28, ст. 1-й и 2-й).

Всѣ эти миѳическо-свадебныя пѣсни въ высшей степени важны. Если въ нихъ человѣческій бракъ является установленнымъ самими богами по образцу брачныхъ отношеній, существующихъ въ ихъ небесномъ мірѣ, то, послѣ всего вышесказаннаго объ образованіи миѳовъ, не трудно понять, что на самомъ дѣлѣ происходило скорѣе нѣчто совершенно обратное. Такъ какъ человѣкъ переносилъ вообще въ міръ боговъ все, совершавшееся въ его собственномъ мірѣ, то и брачныя отношенія могли быть туда только перенесены,—а для этого надобно прежде всего, чтобы бракъ, какъ постоянный, священный союзъ, установился въ самомъ быту человѣка. Отсюда же слѣдуетъ заключить, что уже въ пору миѳическую, (хотя на высшей, это правда, ступени развитія миѳологіи.) и отъ древнѣйшаго умыканія, и отъ немного позднѣйшей купли невѣсты былъ совершенъ переходъ къ добровольнымъ, основаннымъ на взаимности любви, отношеніямъ между женою и мужемъ. [2]).

Но вѣдь подобныя отношенія невозможны безъ предварительнаго, короткаго знакомства между тѣмъ и другою; такое же знакомство уже предполагаетъ общеніе между когда-то обособленными родами. Посредствомъ браковъ такое общеніе, очевидно, поддерживалось: роды еще тѣснѣе сближались между собою. Не даромъ же въ пѣсняхъ молодые говорятъ другъ другу: «возвеселимъ два двора — и моего батюшки и твоего.» Или же говорится про молодую, что она украсила два двора—и тотъ, гдѣ росла, и тотъ новый, куда пришла (Христ. стр. 27-я, ст. 2-й, 28-я, ст. 1-й.) На такое же сближеніе указываютъ и обычаи: тѣ, напримѣръ, неоднократныя посѣщенія, какими обмѣнивается между собою родня какъ молодаго, такъ и молодой — частію еще до свальбы, частію на первыхъ дняхъ послѣ нея. И замѣчательно, что при этомъ сторона-гостья привозитъ съ собою гостинцы, но они только вручаются ею сторонѣ-

---

[1]) Въ одной пѣснѣ Самарскаго края упоминается олень—золотые рога, обѣщающійся молодцу быть у него на свадьбѣ и освѣтить своими рогами весь дворъ (Варенцова, Сам. П. 154, 155). Г. Потебня видитъ въ немъ божество солнечное. (Чт. М. И. О. 1865 г., II, 38.)

[2]) Въ своей извѣстной статьѣ «о Бытѣ Р. Народа» Терещенки, К. Д. Кавелинъ, нападая на родовой бытъ съ его деспотизмомъ, въ концѣ замѣчаетъ, что только религія служила до извѣстной степени связью между враждебными родами, сближая ихъ, между прочимъ, и посредствомъ освящаемыхъ ею союзовъ брачныхъ. Какъ будто бы самыя вѣрованія миѳическо-религіозныя не являются порожденіемъ человѣческихъ же понятій, удовлетвореніемъ—человѣческимъ же потребностямъ, отраженіемъ—человѣческаго-же быта. Если вѣрно выраженіе: nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu; то не менѣе вѣрно и то, что—nihil est in religione, quod non fuerit in vita.

хозяйкѣ, угощаетъ же эта послѣдняя своихъ собственныхъ, нарочно для того приготовленнымъ угощеніемъ. О существованіи же такихъ отношеній между двумя, сближающимися черезъ бракъ сторонами, уже въ весьма отдаленное время, до извѣстной степени можетъ свидѣтельствовать первоначальный смыслъ нѣкоторыхъ выраженій на языкѣ древнихъ Индійцевъ, Санскритѣ. Такъ сестра мужа по санскритски — nanândi — радующая; мужъ сестры — bhâmaka — свѣтъ; братъ мужа, деверь — и по санскритски dêvar, что объясняется корнемъ div — свѣтить; жена мужнина брата — yâtar — подруга, опора, помощь [1]). Чествуя взаимно такими дружелюбными прозваніями, два породнившихся рода должны были сродниться на самомъ дѣлѣ.

Но что же приходится окончательно вывести изо всего этого? Кажется, вотъ что. Если пѣснями и обрядами, свидѣтельствующими объ умыканьи и куплѣ, подтверждается та древнѣйшая, враждебная разрозненность родовъ, при которой чужой и домовой дѣйствительно могъ почитаться лихимъ, то наличность рядомъ другихъ обрядовъ и пѣсенъ, не менѣе многочисленныхъ и повсемѣстно существующихъ у Славянъ, доказывается совершающееся вслѣдъ за тѣмъ сближеніе отдѣльныхъ родовъ, т. е. постепенный переходъ отъ принудительныхъ родовыхъ отношеній къ отношеніямъ свободнымъ, общественнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, въ настоящее время указывающихъ на связи, уже чисто общественныя, можно доискаться первоначальной, опять таки родовой основы. Стоитъ только вспомнить о томъ, что цѣлыя села когда-то составляли одинъ строго замкнутый родъ, чтобы понять, что въ историческомъ корнѣ теперешняго непосредственнаго участія, принимаемаго въ свадебномъ торжествѣ всѣми жителями села, заключалось когда-то не болѣе, какъ участіе родовое.

Участіе это проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Такъ у Черногорцевъ невѣстѣ дѣлаются подарки всѣми ея знакомыми. Въ Славоніи невѣста за нѣсколько дней до свадьбы начинаетъ, по обычаю, дружелюбно привѣтствовать каждаго встрѣчнаго. Тоже происходитъ у насъ на Волыни—когда невѣста отправляется приглашать къ себѣ на свадьбу гостей. Въ Бѣлоруссіи передъ вѣнцомъ невѣста проситъ благословенія у всѣхъ присутствующихъ: «благословиця и прасциця всѣ людзи добрые» (а уже не родъ-племя, которому, какъ суммѣ всѣхъ родичей, нѣкоторыми свадебными пѣснями приписывается просватаніе). Точно также въ Тверской губерніи дружка обращается рѣшительно ко всѣмъ и каждому съ просьбою благословить князя, и каждый отвѣчаетъ на это: Богъ благословитъ! Въ Нижегородской губерніи на возвратномъ пути отъ

[1]) Pictet, Orig., II, 359, 373, 374.

вѣнца, свадебные чины угощаютъ всѣхъ встрѣчныхъ виномъ и пивомъ, дружко же, останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, и знакомыхъ и незнакомыхъ приглашаетъ на свадебный пиръ. Такъ у Лужичанъ всѣхъ встрѣчныхъ по пути отъ вѣнца поятъ пивомъ и водкою. У Чеховъ же бросаютъ въ народъ хлѣбы. Въ Бѣлоруссіи, по возвращеніи отъ вѣнца, молодые, получивъ наставленіе отъ родителей, точно такое же получаютъ, по установленной изустной формулѣ, отъ каждой присутствующей четы; при этомъ молодые лежатъ ничкомъ, подобно тому, какъ въ Харьковской губерніи, поднося вино, они каждому падаютъ въ ноги. У Чеховъ каждый изъ приглашенныхъ на свадьбу посылаетъ невѣстѣ что-нибудь отъ себя для пира; невѣста же должна каждаго отдарить хлѣбомъ. Сверхъ того, со всѣхъ присутствующихъ на свадьбѣ собирается для невѣсты деньгами такъ называемая [illegible]. Наконецъ свадебный чепчикъ для молодой покупается въ складчину знакомыми ей замужними женщинами. — Въ Пермской губерніи каждый встрѣчный и поперечный отправляется на дворъ къ молодымъ съ поздравленіемъ; молодые же должны ему высылать угощеніе. — Точно также у Лужичанъ всѣ женщины изъ того села, гдѣ совершается свадьба, подъ окнами молодыхъ поютъ имъ въ честь пѣсни; и отсюда молодая имъ высылаетъ хлѣбы, которые сверхъ того доставляются и всѣмъ, почему либо отсутствующимъ. Наконецъ у Лужичанъ же въ свадебный вечеръ молодая непремѣнно должна послать угощеніе самому бѣдному семейству въ цѣломъ селѣ; остатки же пира вообще раздаются бѣднымъ. [1]

Во всемъ этомъ, заимствованномъ изъ столь разныхъ мѣстъ, хотя бы въ историческомъ корнѣ и заключалась тутъ связь родовая, не трудно однакожь замѣтить совершенно ее заглушившую связь уже чисто общественную. Если же мы хоть немного припомнимъ старое, то развѣ не объ общественной связи, не о широкомъ, выходящемъ за предѣлы отдѣльныхъ родовъ, единствѣ вѣрованій свидѣтельствуетъ распространенность однѣхъ и тѣхъ же миѳическихъ пѣсенъ и дѣйствій на такихъ обширныхъ пространствахъ? Уже прямо не болѣе какъ обломкомъ отдаленнѣйшей старины оказывается разлука невѣсты съ особеннымъ родовымъ [illegible] болѣе, когда вспомнимъ о томъ понятіи особаго села, по-

1) Этногр. Сб. I, 49, 51, 258, 305; II, 157, 187; III, 16, 147. Перм. сб. I, II, 92. — Малиновича, 40. Илича, 41. Эрбена, 288, 300, 337, 340. Смоляра и Гаупта, II, 232, 234, 240, 346, 248. У Кельтскаго населенія Бретани угощеніе нищихъ происходитъ на другой день свадьбы, при чемъ молодая пляшетъ съ самымъ почтеннымъ, молодой же съ самою почтенною изъ нихъ (Villemarqué: Barzaz-Breiz, chants populaires de la Bretagne, II, 315). Замѣчательно, что и въ бретонскихъ обрядахъ и пѣсняхъ вмѣстѣ съ очевидными свидѣтельствами о свободѣ невѣсты (см. напр. стр. 311) сохранились еще въ прошломъ вѣкѣ и отголоски когда-то существовавшаго умыканія (см. стр. 297).

дей, посвященныхъ храненію вѣры, знахарей, а тѣмъ паче—знахарокъ, о которомъ говорено было выше. При чисто-родовомъ бытѣ невозможенъ подобный отдѣльный, свободно пополняемый классъ;—при немъ исключительные хранители вѣры — это старшіе въ родѣ, родоначальники; а вслѣдствіе этого — женщинѣ уже всего менѣе можно посягать на священническое значеніе. При родовомъ бытѣ женщина—совершенно лишена правъ. [1]).

Чтò служитъ основою родоваго быта? Связи исключительно родственныя, кровныя. Раждающій, дающій существованье другимъ, чрезъ то самое получаетъ надъ ними право неограниченной власти, той же власти, какую имѣетъ владѣлецъ надъ вещью: отъ него зависитъ еще при рожденіи вопросъ о томъ, быть имъ, или не быть — въ первомъ случаѣ онъ признаетъ ихъ дѣтьми, въ послѣднемъ — можетъ велѣть ихъ убить (если сложенье ихъ слабо, ежели онъ найдетъ, что ихъ у него и безъ того много, и т. п.); за тѣмъ и взрослыми онъ всегда можетъ продать дѣтей въ рабство, отдать въ заложники и т. д. [2]). У государя родителя въ безпрекословномъ, рабскомъ повиновеніи его порожденіе, весь его родъ. На древнемъ языкѣ русскомъ слово это имѣетъ именно такой тѣсный смыслъ—семьи, это-же послѣднее слово въ свою очередь принималось въ еще болѣе тѣсномъ значеніи супруга или супруги [3])

---

[1]) F. de Coulanges, La cité antique, 58, 63, 86 — 90. Ozanam, Etudes Germaniques I, 113 et suiv.—J. Grimm, R. A., 407, 423, 473. Самъ г. Аѳанасьевъ, изъ значенія домоваго заключая о родовомъ бытѣ, понялъ съ другой стороны, что такія явленія, какъ вѣщія женщины, какъ жертвы общественныя, свидѣтельствуютъ уже объ издавнемъ измѣненіи быта, на что онъ и указалъ какъ въ «Вѣдунѣ и Вѣдьмѣ“; такъ и въ «Дѣдушкѣ Домовомъ». Впрочемъ и г. Кавелинъ признаетъ общественный элементъ въ Славянской религіи, но только не обращаетъ вниманія на то, что она всегда вытекаетъ изъ быта народнаго. Г. Потебня, въ статьѣ своей «Змѣй, волкъ, вѣдьма« (Чтенія 1865 г., IV), отожествляя вѣдьму съ змѣемъ и волкомъ миѳическими, не согласенъ видѣть въ ней, вмѣстѣ съ г. Аѳанасьевымъ, первоначальную вѣщую женщину. Но онъ не оспариваетъ вслѣдствіе этого существованія у Славянъ такихъ женщинъ, ясно доказанное — хотя бы вѣгласными дѣвами въ Чешкомъ «Судѣ Любуши».

[2]) Grimm, D. Rechtsalterthümer, 455—462. Waitz, D. Verfassungsgesch., 2-e Ausg., I, 45, 53. Diefenbach, Vorschule der Völkerkunde, глава о Нравахъ (книга впрочемъ менѣе замѣчательная, чѣмъ можно бы ожидать). Ozanam, Et. germ. II, 114, Dans chaque maison il n'y a qu'une personne libre, et c'est le chef (ibia, 113).

[3]) Чтò положительно доказано К. С. Аксаковымъ въ его превосходной статьѣ о древнемъ бытѣ Славянъ (см. Полн. Собр. его соч., т. I). Странно, послѣ этого, встрѣчаться съ возраженіями такого рода: «г. Аксаковъ, требуя точнаго опредѣленія понятій рода и семьи, постоянно смѣшиваетъ ихъ самъ.“ (В. Никольскаго, о Началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, стр. 89). Да въ томъ-то и заключается главнымъ образомъ сила статьи Аксакова, что, требуя точнаго разграниченія рода и

(см. Христ. стр. 171, ст. 2-й—«моя милая семеюшка»=жена). На такое значеніе слова родъ до сихъ поръ указываетъ выраженіе—двоюродный братъ [1]). Глава рода въ древнѣйшемъ смыслѣ этого слова есть глава семьи. Онъ имѣлъ впрочемъ и свое особое названіе—кънязь, которое только гораздо позже получило значеніе болѣе широкое, сперва общественное, потомъ государственное. Первоначальное же кънязь сродно съ древне-германскимъ kon-ung, kun-ing; сюда же за тѣмъ относится готское kuni, кельтическое cine, ginel, греческое геносъ, латинское genus, наконецъ санскритское gana; въ основѣ же всего этого лежитъ корень gan, имѣющій въ санкритѣ значенье—рождать, порождать [2]). Остатокъ такого значенія слова князь надо видѣть въ народномъ названіи княземъ—молодаго супруга, а княгинею—молодой супруги (такимъ образомъ и величаются они въ свадебныхъ обрядовыхъ формулахъ). Не слѣдуетъ однако же думать, чтобы званье княгини придавало женѣ уравнивающее ее съ княземь—мужемъ значенье главы семейства. Только въ позднѣйшее время, рядомъ съ древнимъ величаньемъ отца государемъ батюшкою, могло появиться и дѣйствительно приравнивающее къ нему величаніе матери—государыней-матушкой. (Въ Далмаціи мать величается даже владыкою (Никольскаго, О насл. 21.) Конечно, для дѣтей она уже издавна могла и должна была стать предметомъ глубокаго уваженія; — для дѣтей, но никакъ не для мужа. Добытая имъ или силою, или посредствомъ купли, она, въ патріархальныя времена, должна была и затѣмъ оставаться—просто вещію мужа, имѣвшаго право даже продать ее [3]). Такимъ-то положеньемъ ея въ

семьи отъ современныхъ ученыхъ, онъ доказываетъ, что въ древнемъ языкѣ русскомъ родъ не имѣлъ вовсе того значенія, какое ему навязываютъ, а употреблялся по преимуществу именно въ значеньи семьи.

[1]) У Нестора и братья Кій, Щекъ и Хоривъ живутъ каждый со своимъ родомъ; и Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ избираются—со своими родами (Полн. Соб. Р. Лѣтоп. I, 4, 8. Христ., 214) Съ другой же стороны слово родъ имѣетъ у Нестора и значеніе уже широкое (опять отличное отъ того, какое оно получило въ ученыхъ изслѣдованіяхъ), подобное расширенному же значенію латинскаго gens; „мы отъ рода русска“ говорится въ договорахъ съ Греками (П. С. Р. Л. I, 13, 19). Послѣ этого нельзя не согласиться съ г. Лешковымъ, что Несторово — „вста родъ на родъ“ можетъ значить — восстало племя на племя, т. е. Кривичи на Новгородцевъ, Новгородцы на Чудь, и т. д. (Лешкова, Р. Народъ и Госуд, стр. 136 и 137).

[2]) Pictet, Orig., II, 389, 390. Ср. у Никольскаго, О Насл. 22. У Сербовъ Лужичанъ именемъ князя привѣтствуютъ всякаго, такъ что это равно нашему — господинъ, сударь, и т. п.

[3]) J. Grimm, R. A., 450, 451. „Право мужа продавать жену можно производить отъ того, что она имъ покупалась.... Извѣстно, что въ Англіи въ простомъ народѣ до сихъ поръ еще существуетъ обычай выводить жену на рынокъ и прода-

семьѣ поддерживалось и то, что власть послѣ смерти мужа переходила не къ ней, а къ старшему сыну и сама мать такимъ образомъ попадала къ нему въ зависимость [1]). Но если таково было положенье жены и матери, то тѣмъ зависимѣе должно было быть положеніе дочерей и сестеръ. На нихъ, имѣющихъ выйти изъ рода, быть или увезенными, или проданными въ чужой родъ, смотрѣли какъ на глядящихъ вонъ—а отсюда и полная ихъ безправность. Правда, повидимому, крѣпкою дому, а потому и иначе цѣнимою, могла бы на всегда оставаться пребывшаю дѣвою; но самая возможность пребывать въ этомъ положеніи, избѣгая—съ одной стороны насильственнаго увоза, съ другой—выгоднаго сбыта въ чужія руки самими родными—самая эта возможность служитъ уже признакомъ смягчившихся отношеній, освобожденія отъ родовыхъ оковъ [2]). Появленіе же цѣлаго ряда дѣвъ, совершительницъ жертвоприношеній, дѣвъ, въ этомъ отношеніи замѣнившихъ родоначальниковъ, уже окончательно не мыслимо при родовомъ бытѣ [3]).

Мы начали съ рода въ древнѣйшемъ смыслѣ—рода-семьи. Само собой ясно, что съ теченіемъ времени онъ разростался, изъ одного становилось нѣсколько; но всѣ они долгое время оставались съ другой стороны крѣпко сплоченными—въ одинъ родъ, только родъ уже въ нѣсколько расширенномъ смыслѣ. И при дальнѣйшемъ разростаніи вѣтьвей этого корня-рода въ новыя вѣтви все еще могло сохраняться единство. Вотъ такой-то еще болѣе разросшійся родъ обозначается въ нашей народной поэзіи сложнымъ названіемъ рода-племени. Отъ него, какъ мы видѣли изъ свадебныхъ пѣсень, отъ согласія всѣхъ его членовъ, долгое время зависѣлъ вопросъ о бракѣ; у Черногорцевъ же и до сихъ поръ, какъ было говорено, просватываетъ вся родня—въ этомъ уже расширенномъ смыслѣ. Но возможность не распадаться и при весьма значительномъ разростаніи

вать“. См. также Waitz, D. V. G. I, 53, и статью покойнаго Ешевскаго о женщинѣ въ средніе вѣка (въ Р. Вѣст. 1864 г. (январь).

[1]) Георгіевскаго, Галлы въ эпоху Юлія Цезаря, 252. Ср. Weber, Indische Studien, V, 310. На свадьбахъ у др. Индійцевъ рука невѣсты подавалась жениху отцомъ ея, если же его не было въ живыхъ, то дѣдомъ или же вмѣсто него старшимъ братомъ, потомъ старымъ родственникомъ, и только въ случаѣ, ежели не имѣется и такого, то право на то получала мать.

[2]) Объ обязательности вступленія въ бракъ при родовомъ бытѣ—см. у F. de Coulanges, la Cité etc, 56.

[3]) Удивительно, какимъ образомъ г. Никольскій, въ приложеніи къ своей книгѣ помѣстивъ статью Реппеля о родовомъ союзѣ у Поляковъ, не замѣтилъ, что если упоминаемое въ ней исключеніе дочерей изъ наслѣдства признается признакомъ родоваго быта (стр. 20), то прямо противорѣчащею ему должна быть признана княжна Любуша „на отнемъ златомъ столѣ“, творящая судъ и расправу при помощи своихъ „дѣвъ вѣгласныхъ.“

въ ширь могла представляться лишь до тѣхъ поръ, пока существовали условія кочеваго быта, когда, пася стада свои на обширныхъ пространствахъ, родичи только на время раскидывали по нимъ и свои подвижныя жилища, которыя и умножить, и иначе размѣстить было очень легко [1]. Но съ переходомъ къ осѣдлости, съ построеніемъ постоянныхъ, такъ сказать *окрѣплыхъ* жилищъ, должно было многое измѣниться. По мѣрѣ нарожденія новыхъ членовъ, помѣщеніе, когда-то просторное, становилось все болѣе и болѣе тѣснымъ, тѣмъ самымъ уже заставляя свое населеніе расходиться, разъединяться. О раздѣленіи братьевъ послѣ смерти отца (при возможности, впрочемъ, и пребывать въ нераздѣльности, подъ началомъ у старшаго брата). [2] говорятъ уже священныя книги Индійцевъ.—И при частыхъ примѣрахъ подобнаго раздѣленія долгое время могла сохраняться связь — но все уже постепенно слабѣя. Если первоначально не чѣмъ другимъ, какъ единствомъ рода связывались между собою жители даже цѣлаго какого-нибудь села, то по мѣрѣ его разрастанія связь эта неминуемо позабывалась; — предпринимались въ различныя стороны выселки, и люди, происходившіе отъ одного корня, могли, съ совершенной утратой воспоминаній о томъ, даже очутиться между собою въ отношеніяхъ враждебныхъ. И дѣйствительно, дальнѣйшимъ признакомъ такъ называемаго родоваго быта считаютъ, и вполнѣ справедливо, замѣченныя нами въ цѣломъ множествѣ свадебныхъ пѣсень, враждебныя отношенія между различными родами, при самой тѣсной замкнутости и сплоченности въ каждомъ изъ нихъ. Это уже вторая ступень въ развитіи *рода*. На этой-же ступени является и *родовая месть*—обязанность за каждаго изъ своихъ хотя бы и дальнихъ родичей—отомщать, хотя бы и самому дальнему между родичами обидчика;—обязанность, и до сихъ поръ еще свято соблюдаемая въ Черногоріи, какъ одинъ изъ неоспоримыхъ обломковъ родоваго быта, [3] обломковъ, объясняемыхъ только тою странною живучестью *самаго стараго* рядомъ съ *болѣе новымъ*, какую уже не разъ замѣтили мы какъ въ народной поэзіи, такъ и въ народномъ бытѣ.

Выше уже замѣчено было объ участіи цѣлаго рода—племени въ дѣлѣ *просватанія*. Не трудно понять, что въ подобномъ *общемъ* участіи есть уже нѣчто *уравнивающее*, т. е. противодѣйствующее тому исключительному деспотизму *родоначальника*, какимъ ознаменовалась пер-

---

[1]) Waitz, D. Verfassungsgesch. I, 49, 50.

[2]) Weber, Indische Studien, V, 286.

[3]) А. И. Попова, Путешествіе въ Черногорію, 148. „Часто мстили не тому, кто оскорбилъ, но лучшему изъ членовъ того рода, къ которому принадлежалъ оскорбившій“.

шая ступень въ развитіи родоваго быта [1]). Съ другой же стороны и право распоряжаться заработками каждаго родича, которое первоначально должно было неограниченно принадлежать лично тому же родоначальнику, съ теченіемъ времени перешло къ собирательной единицѣ — роду, какъ суммѣ всѣхъ родичей. Вмѣсто прежняго, такъ сказать, львинаго дѣлежа, явилась общность имущества; ясно, что въ самомъ родѣ какъ бы завелась такимъ образомъ — община. — Но намъ попадалось уже и указанье на то, что послѣ смерти отца власть переходила къ старшему сыну; далѣе же являются свидѣтельства и о томъ, что она могла переходить къ нему даже и при отцѣ, въ случаѣ его преклонной старости и соединеннаго съ нею упадка силъ [2]). За старшимъ братомъ слѣдовалъ второй, и такъ далѣе; въ случаѣ же несовершеннолѣтія старшаго сына при смерти отца, власть покрайней мѣрѣ временно переходила къ ближайшему и старшему родственнику, становившемуся опекуномъ. Такимъ образомъ самая непрочность человѣческой жизни должна была вносить измѣненія въ кровное право владычества. Если же, вслѣдствіе случайностей смерти, власть могла очутиться въ рукахъ хотя бы и совершеннолѣтняго, но всетаки молодаго, то почему же было не прійти къ мысли, что по смерти естественной главы рода, отца, наслѣдовать можетъ и не случайно, а по согласію всѣхъ остальныхъ, не старшій изъ сыновей, а достойнѣйшій или вообще пригоднѣйшій? Такимъ образомъ могъ произойти переходъ къ избирательному началу, и вмѣсто прежней исключительности правъ крови являлись уже совершенно другія права. А такъ какъ избирательство было общимъ дѣломъ, то оно является новымъ успѣхомъ общины въ самыхъ предѣлахъ рода. Между тѣмъ о томъ, что у Славянъ уже издавна послѣ смерти главы челядиной (главы челяди, чяди, рода) избирали владыку изъ всей родни, — свидѣтельствуетъ уже древнѣйшій письменный памятникъ чешской народной поэзіи, «Судъ Любуши» [3]). Тоже самое избирательство сохранилось и до сихъ поръ въ сербскомъ народномъ быту, гдѣ съ дру-

---

[1]) «Въ чисто-патріархальномъ быту господствуетъ глава, патріархъ, дѣти же повинуются безусловно; въ немъ со стороны младшаго поколѣнія — только обязанности, и никакихъ правъ». (Совершенно не то уже у южныхъ Славянъ Utiescheno wic, die Hauscommunion der Süd Slaven, 53).

[2]) Waitz, Verfassungsgesch. I, 54.

[3]) По мнѣнію первыхъ, знаменитыхъ издателей памятника, онъ сохранился въ рукописи конца IX вѣка (Die ältesten Denkmäler der Slavischen Sprache v. P. J. Safarik und F. Palacky. Prag 1840). Въ извѣстной исторической Христоматіи.—Wybor literatury česke (Прага 1845) онъ помѣщенъ въ главѣ памятниковъ наистарѣйшей эпохи. — Ср. въ книгѣ Иречковъ «Die Echtheit der Königinhofer Handschrift, Prag 1862, стр. 205—202. Также у Шемберы, въ его Исторіи Чешской Литературы в. I. (Вѣна 1858), стр. 34.

гой стороны сохраняется и общность хозяйства у цѣлой обширной родни [1]). Но у тѣхъ же Сербовъ, именно и отличающихся соблюденіемъ старины, существуетъ также допущенье въ свою родню — людей, по рожденію къ ней вовсе не относящихся, но готовыхъ, въ обмѣнъ за предоставляемыя имъ права, принять на себя какъ бы родственныя обязанности. Соотвѣтственно такой, вовсе не кровной стихіи, и самый союзъ, по основѣ своей родовой, носитъ уже названіе, указывающее на свободныя, добровольныя связи — задруга. Эта сербская задруга, такимъ образомъ, со своимъ общимъ хозяйствомъ, со своимъ избирательнымъ началомъ въ извѣстныхъ случаяхъ, со своимъ наконецъ допущеніемъ дружества въ предѣлы родства,—является какъ бы переходной ступенью отъ рода къ общинѣ. И эта переходная ступень оказывается застывшею въ Сербіи, подобно тому какъ въ Черногоріи во многихъ отношеніяхъ застывшею оказывается древнѣйшая родовая ступень [2]). Въ Сербіи же рядомъ съ задругой являются уже и союзы, совершенно свободные отъ родоваго начала, —союзы, общинные въ полномъ смыслѣ этого слова. Уже не зная родовой мести (сохранившейся, какъ мы видѣли, въ Черногоріи) Сербы, при отсутствіи большихъ родовъ, представляютъ многочисленные примѣры соединенія семей въ общину—на основаніи взаимнаго договора, а не родства и одинаковости происхожденія [3]).

И не трудно понять, что послѣ того какъ община зародилась въ родѣ, она уже не могла не выступить и за его предѣлы: связи должны были завязываться и между разрозненными родами, имѣвшими мало по малу соединяться въ общины.—Изъ цѣлаго ряда свадебныхъ пѣсенъ мы уже видѣли, какимъ образомъ утвердившаяся наконецъ, благодаря нарушенію первоначальной патріархальности, свобода союзовъ брачныхъ должна была повести и къ упроченію свободныхъ союзовъ между родами. Къ тому же въ одинаковой мѣрѣ велъ и господствовавшій у всѣхъ пер-

---

[1]) Ранке, Исторія Сербіи, 41. Никольскаго, о наслѣдованіи по древнѣйшему русскому праву, 21, 22. И свидѣтельствуя объ этомъ — на основаніи какъ сербскаго народнаго быта, такъ и «Суда Любуши», авторъ не замѣчаетъ прямаго въ этомъ свидѣтельства противъ родоваго быта—въ его настоящемъ смыслѣ! Въ подтвержденіе тому, что въ «Судѣ Любуши» господствуетъ еще исключительно этотъ послѣдній, онъ приводитъ то обстоятельство, что на снемы (сеймы), по этому памятнику, ходятъ только главы семей, а не всѣ и каждый. Онъ въ этомъ случаѣ забываетъ, что главы эти— уже лица выборныя, т. е. уже не начальники, а представители цѣлыхъ семей; въ лицѣ ихъ сближавшихся, т. е. вступавшихъ въ общенье — на снемахъ.

[2]) О сербской задругѣ см. статью Миличевича въ Р. Бесѣдѣ 1858 г., III кн. Тоже ст Утѣшеновича—Die Hauscommunion der Süd.—Slaven. Wein, 1859, стр. 21, 23, 46, 90 92. Власть присуждается въ задругѣ по пословицѣ. Ко ради, онаой валья и да суди (кто работаетъ, тому и творить расправу, властвовать).

[3]) Ранке, Ист. Сербіи, 45.

вобытныхъ народовъ, у Славянъ же едва ли не больше, чѣмъ гдѣ либо, смягчающій и облагораживающій обычай гостепріимства [1]). Къ тому же неминуемо велъ наконецъ и равно распространенный повсюду обычай вступать въ чисто-свободныя отношенія дружбы. У Славянъ это — такъ называемое побратимство и посестримство, или братство названное, получившее подъ позднѣйшимъ вліяніемъ христіанства названіе братства крестоваго.—Ежели же о брачныхъ союзахъ, какъ средствахъ общенія между родами, уже ясно свидѣтельствовали намъ пѣсни свадебныя, то съ двумя другими средствами такого общенія, гостепріимствомъ и братствомъ названнымъ, въ самомъ скоромъ времени познакомятъ насъ бѣлевыя пѣсни.

Бытъ родовой въ томъ значеніи, о какомъ нами было говорено, одинаково существовавъ въ свое время у всѣхъ народовъ, и сохранившись тамъ или здѣсь въ болѣе или менѣе живучихъ остаткахъ, ни у одного историческаго народа не могъ застыть навсегда, какъ исключительная и неподвижная форма быта. Въ силу самаго естественнаго, хотя бы медленнаго, но все же неудержимаго хода развитія, долженъ былъ совершаться,—ранѣе можетъ быть, здѣсь, нѣсколько позже тамъ, — переходъ къ отношеніямъ—уже не единственно—кровнымъ но и свободнымъ общественнымъ. Факты, свидѣтельствующіе о такомъ переходѣ къ быту Славянъ (уже нами разобранные), свидѣтельствуютъ о томъ, что и Славяне не стояли внѣ общаго историческаго закона [2]).

Но оказывается, что у Славянъ даже тверже чѣмъ гдѣ либо должна была постепенно подготовиться и сложиться община — именно потому, что она, какъ мы видѣли, зараждалась уже въ самомъ родѣ. У Германцевъ, напротивъ того, по изслѣдованіямъ многихъ нѣмецкихъ ученыхъ и наконецъ одного изъ новѣйшихъ и лучшихъ историковъ, оказывается не существовавшею, или, по крайней мѣрѣ, мало развитою родовая

---

[1]) Замѣчательно, что у кельтскаго населенья Ирландіи, гдѣ родовой бытъ преобладалъ до такой степени, что за чью либо вину взыскивалось съ родичей даже XVII колѣна,—что тамъ, по древнему праву, каждый иностранецъ, а такимъ почитался и житель хотя бы сосѣдней мѣстности, принимался за непріятеля; онъ не только не пользовался гостепріимствомъ у чужаго рода, но схватывался и насильственно отводился обратно за родовую границу. (Lasteyrie, l'Irlande au V s. въ Rev. d. D. M. 1865 г., 15 Novembre, p. 386).

[2]) Споръ о родѣ и общинѣ происходилъ и въ Германіи, гдѣ также какъ и у насъ каждая изъ спорящихъ сторонъ была на половину права, а не права лишь на столько, что, признавая одну изъ спорныхъ формъ быта, не признавала другой, тогда какъ онѣ составляютъ двѣ неизбѣжныя послѣдовательныя ступени. (См. статью покойнаго Грановскаго о родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ въ т. 1-мъ П. Собр. его соч.) Впрочемъ родовой бытъ, кромѣ вышеизложеннаго древнѣйшаго своего значенія, въ позднѣйшее время слагался въ особыя формы,—и слагался такимъ образомъ уже далеко не у всѣхъ народовъ. Объ этомъ еще будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ.

общность имущества [1]) И Славяне издавна уже чувствовали въ этомъ отношеніи все свое отличіе отъ Германцевъ. Уже «на судѣ Любуши» говорили они о томъ, что имъ не хвально ходить за правдою къ Нѣмцамъ», что у нихъ «своя правда по святому закону боговъ вѣкожизненныхъ»;— правда же эта оказывается состоящею въ томъ, чтобы обладанье «отцовской дѣдиной» (родовымъ имуществомъ) было у дѣтей «во едино.» [2])

---

[1]) Waitz, D. V. G., I, 60, 61. О повсемѣстности у Славянъ общиннаго пользованія родовымъ имуществомъ свидѣтельствуютъ древнѣйшіе акты—дарственные, или купчія крѣпости, изъ которыхъ видно, что отецъ не могъ ни отдать въ даръ, ни продать имѣнія, безъ формальнаго согласія всѣхъ своихъ сыновей (иногда и боковыхъ родственниковъ, большею же частію сыновей—стало быть тутъ болѣе семейное, чѣмъ родовое начало) (см. Hube, Erbfolgerechte der Slaven, 11, 19, 25, 35, 42, 44, 54, 56).

[2]) На родовую общность имущества даже особенно налегаетъ г. Никольскій, не чувствуя, что она составляетъ уже переходъ отъ чисто родоваго быта къ общинному. Впрочемъ, онъ признаетъ у насъ общину все-таки съ болѣе раннихъ временъ, чѣмъ нѣкоторые другіе поборники родоваго быта: по его мнѣнію переходъ къ общинѣ сталъ совершаться у насъ на Руси уже съ приходомъ князей, и является даже господствующимъ въ „Русской правдѣ“. — Замѣчательно, что начало тѣсной связи (сперва въ предѣлахъ рода, а потомъ и за его предѣлами) выразилось въ самомъ способѣ древне-славянской постройки селеній: домъ къ дому, кругообразно, съ одними воротами; способѣ, до сихъ поръ еще уцѣлѣвшемъ мѣстами у германскихъ Славянъ (см. статью Landau—Ueber die Thüringischen Bauernhöfe, въ Beilagen zum Correspondenz Blatt 1862, Januar). О томъ, какимъ образомъ понимать свидѣтельство Прокопія о постройкѣ славянскихъ селъ см. у Гильфердинга, Исторія Балтійскихъ Славянъ I, стр. 89, вин. Особенно же важно то, что при славянской семейной общинѣ въ основу клалось уже издавна сожительство и соединенное съ нимъ участіе въ общемъ трудѣ: выдѣлившіеся изъ семьи, хотя бы первоначально они и были въ ней очень важными членами, теряли право на родовое имущество, которымъ напротивъ того пользовались остававшіеся постоянно въ семьѣ, хотя бы они принадлежали къ болѣе дальнимъ степенямъ родства (Hube, ibid., 34, 37). Если у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ изъ права участія въ родовомъ имуществѣ исключалась дочь, то именно на томъ основаніи, что она, выходя за мужъ, уже переставала жить въ трудовомъ общеніи съ своимъ родомъ. Но она повсемѣстно пользовалась правомъ на приданое (Тамъ же, стр. 29, 34). У нѣкоторыхъ же слав. народовъ, какъ, напримѣръ, у Чеховъ, право на пользованіе имуществомъ въ равной мѣрѣ предоставлялось и женщинамъ и мужчинамъ (Jirecek, das Recht in Böhmen und Mähren, geschichtlich dargestellt, I B., 1 Abth. (bis zum Schlusse des X Jahrh.), S. 47). При полномъ призрѣніи семьею всѣхъ своихъ престарѣлыхъ и слабыхъ, семья пользовалась правомъ исключать изъ себя рѣшительно вредныхъ, неисправимыхъ членовъ. Только такіе-то исключенные и становились безпріютными, бѣдными, на что и указываетъ двоякій смыслъ древне-славянскихъ словъ худый, лихый=и дурной, злой, и ѣдный (тамъ же 47; см. вообще у Иречка на стр. 15—51, а равно и принадлежащую уже перу обоихъ братьевъ Иречковъ II-ую ч. Oesterreichische Geschichte für das Volk, стр. 73 и слѣд. Впрочемъ тѣже Иречки, съ другой стороны, впадаютъ тутъ и въ теорію родоваго быта—въ его позднѣйшемъ значеніи—о чемъ у меня сказано будетъ ниже.)

Послѣ всего этого становится рѣшительно страннымъ, какимъ образомъ находили у насъ пригоднымъ и важнымъ «доказывать, что слово община даже вовсе и не существовало у Славянъ въ древности, а было только искусственнымъ образомъ придумано учоными въ новѣйшее время. Во первыхъ, оно оказывается у различныхъ славянскихъ племенъ въ письменныхъ памятникахъ уже XIV ст., сближеніе же этого слова съ нѣкоторыми, происходящими отъ одного съ нимъ корня, подаетъ даже поводъ заключать о первоначальной его принадлежности еще пастушескому періоду быта [1]). Во вторыхъ же, и это особенно важно, хотя бы даже собственно слово община и было самоновѣйшимъ филологическимъ изобрѣтеніемъ, все таки объ издавнемъ существованіи у Славянъ соотвѣтствующаго понятія свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ другихъ, и при томъ неоспоримо древнихъ словъ. Изъ всѣхъ выраженій, обозначающихъ у насъ большое собраніе людей, собственно только одно, по своему основному смыслу, указываетъ на первоначально кровныя связи: — это народъ, т. е. то, что̀ родилось, народилось. Но самое это слово стало употребляться у насъ въ связи съ другимъ — уже совершенно иного свойства. Въ выраженіи міръ-народъ (чисто народномъ) слышится уже ясно сказавшаяся необходимость къ прежнему понятію о кровной связи, присоединить болѣе новое — о связи духовной, о нравственномъ строѣ, согласіи, о томъ, что̀ зовется миромъ (извѣстно, что міръ и миръ — первоначально одно и тоже). Но мы уже самую эту книгу почти что начали словомъ, въ отдаленнѣйшей древности обозначавшимъ у Славянъ то, что̀ называютъ теперь народомъ: это—языкъ. Ясно, что оно указываетъ на связь, ни мало не кровную, на общеніе въ словѣ, въ единствѣ слова.—Сходнымъ образомъ никакого воспоминанія о чемъ-либо кровномъ и родовомъ не слышится въ словѣ людіе, употреблявшемся у насъ въ старину также для обозначенья народа [2]). Сюда же наконецъ относится и употребленье въ томъ же смыслѣ слова земля, указывающаго на связь — по сожительству на одной общей почвѣ. Тѣснѣе земли—обозначающее единицу подраздѣленія слова вервь, (въ смыслѣ извѣстнаго круга людей, обитающихъ въ пространствѣ, измѣренномъ,

---

[1]) Вл. Ламанскаго, о нѣкоторыхъ рукописяхъ въ Загребѣ, Бѣлградѣ, и т. д. (Зап. Ак. Н. VI, і, 108. У Чеховъ obec въ соч. Ѳомы Штитнаго — въ смыслѣ именно общины; у насъ—сходное слово въ граматахъ начиная съ XIV ст.; у Сербовъ употребленіе слова опħина не менѣе древне. Община можетъ быть сближена съ обьдь обедь=кругъ, богатство. Въ Славянскомъ же и нѣмецкомъ яз. слова, обозначающія эти понятія, одного корня со словами, обозначающими стадо, скотъ (Rint-ring) (обьд-о, овь-нъ, овь-ця).“

[2]) „Отъ всѣхъ людій русьскыя земля“ — въ договорѣ Игоря съ Греками (П. С. Р. Л. I, 20).

вервію).[1]) Въ свою же очередь вервь—подраздѣляется на дымы (т. е. дома), сохи, рала, тягла — рядъ выраженій, указывающихъ или на сожительство, или на сотрудничество и соучастіе въ тяготѣ,—а вовсе не на сродство въ кровномъ смыслѣ.

Таковы тѣ заключенія о родѣ и общинѣ, какъ двухъ послѣдовательныхъ ступеняхъ развитія, къ которымъ невольно приводитъ изученіе свадебныхъ пѣсень. По мѣрѣ же того, какъ намъ придется обозрѣвать другія ступени народной поэзіи, община въ ея отличіяхъ отъ рода будетъ еще не разъ возвращаться намъ на глаза—и тогда-то должны будутъ совершенно выказаться особенныя характеристическія черты общеславянской, а затѣмъ и русской исторической жизни. Поспѣшимъ же теперь къ дальнѣйшей ступени въ народной поэзіи, къ эпосу — на первыхъ порахъ еще чисто миѳическому (какъ и все въ народной поэзіи первоначально—миѳъ). Остаткомъ этого эпоса являются—сказки.

II. ОСТАТКИ МИѲИЧЕСКАГО ЭПОСА

СКАЗКИ.

Мы видѣли, что первоначальная поэзія, какъ и первоначальное искусство вообще, коренится въ обрядѣ. Не имѣя еще самостоятельнаго значенія, она или стремится непосредственно помочь человѣку въ нуждѣ призывая на него вліяніе свѣтоносной силы—въ заговорѣ, или воздаетъ хвалу божествамъ въ дни великихъ религіозныхъ празднествъ, или же озаряетъ такія событія въ быту самаго человѣка, каковы, напр. бракъ, похороны. Уже нѣсколько независимѣе отъ практическихъ примѣненій становится поэзія народа, устремляясь только сосредоточить его вниманіе на какой либо замысловатой сторонѣ миѳа—въ загадкахъ. Но и онѣ, т. е. разгадываніе ихъ, имѣло, какъ мы видѣли на основаніи свидѣтельствъ самой народной поэзіи, какое-то особое, утилитарное же значеніе въ жизни народа. Много должно было пройти времени, прежде чѣмъ поэтическая мысль народа, не измѣняя еще по преимуществу миѳическому настроенію, освободилась окончательно отъ всякихъ практическихъ цѣлей и нашла выраженіе въ такой миѳической пѣснѣ, которая нѣ-

[1]) Впрочемъ первоначально тутъ могло заключаться и указаніе на родовую связь; и теперь у Сербовъ връвникъ=родственникъ, подобно древнему—ужика) (ст. Аѳанасьева въ Труд. М. Арх. Общ. I, 25).

лась уже свободно, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ—пѣлась, просто потому, что поется,—оставалась же миѳическою потому, что только такое содержаніе и приходилось еще по силамъ народу [1]).

Но съ отдѣленіемъ поэзіи отъ обряда, она подверглась сильнѣйшей степени измѣняемости. Прикладное значеніе обряда заставляло сберегать какъ его, такъ и неразрывно съ нимъ связывавшіяся пѣсни, въ той точности и неприкосновенности, при которой только и могла достигаться цѣль того и другихъ; напротивъ распѣваемая уже внѣ обряда, хотя и все еще о богахъ, пѣсня уже съ меньшею бережностью передавалась изъ устъ въ уста. Вотъ почему отъ этого рода пѣсень, миѳическихъ, но уже не обрядовыхъ, дошли до насъ только очень немногіе, сколько нибудь сохранившіяся остатки. Такими остатками служатъ еще до сихъ поръ тѣ сербскія пѣсьни, которыя повѣствуютъ о явленіяхъ чисто-миѳическихъ: женитьбѣ мѣсяца, сватовствѣ за солнцеву сестру, и т. п. Таковы и многія финскія пѣсни, вошедшія въ составъ Калевалы. Съ теченіемъ времени этого рода первоначальная миѳическая пѣсня должна была перерабатываться: однимъ путемъ перерабатывалась она въ т. н. былину, другимъ путемъ—въ сказку. Первымъ путемъ она вышла на почву исторіи: ея миѳическія личности и событія пріурочивались къ историческимъ мѣстностямъ и явленіямъ, получали все болѣе и болѣе историческую обстановку, наконецъ даже ставились въ соотношенія, иногда же и совсѣмъ совпадали съ личностями историческими. Переработавшись такимъ образомъ, пѣсня получила для народа, подвинувшагося между тѣмъ впередъ, (чему доказательствомъ служитъ самая возможность подобной переработки)—пѣсня получила для него новаго рода важность — важность повѣствованія о дѣйствительно-бывшемъ между людьми, важность были, былины, которая, на тогдашней ступени развитія, стала служить какъ бы тѣмъ, чѣмъ служитъ теперь исторія. Эту особенно драгоцѣнную быль надобно было хранить какъ зѣницу ока—хранить почти также, какъ пѣсни обрядовыя; и ежели, при отсутствіи письменности, нельзя было ее сохранить съ тою точностію, съ какою свидѣтельства историческія сохраняются въ книгахъ—все-таки должна была развиться заботливость о сохраненіи въ точности этихъ завѣтныхъ пѣсень. Вотъ такой-то заботливости, по всей вѣроятности, былина и обязана тѣмъ, что въ ней удержался большею частію и самый пѣсенный строй, до извѣстной степени охранявшій отъ искаженій и самое ея содержаніе. Дѣйствительно, чуть начинаетъ разлагаться въ былинѣ ея пѣсенный строй (такія разлагающіяся былины принято у насъ называть побывальщинами)—вмѣстѣ съ нимъ утрачивается

[1]) См. мою статью о Сборникѣ Сказокъ А. Н. Аѳанасьева, въ XXXIV присужденія демидовскихъ наградъ, стр. 20.

непремѣнно и самая стройность ея содержанія (что и замѣтно во всѣхъ записанныхъ до сихъ поръ т. н. побывальщинахъ.

Самый фактъ разложенія и порчи былинъ, при важности, какую онѣ получили, долженъ былъ побуждать къ изысканію особенныхъ средствъ для болѣе точнаго ихъ сбереженія. Вслѣдствіе этого, по всей вѣроятности, былина и стала какъ-бы переходить въ завѣдываніе только не многихъ; изъ народа стали до извѣстной степени выдѣляться особые и не совсѣмъ многочисленные ея хранители....

«Не каждый, говоритъ г. Котляревскій, умѣетъ передать былину, требующую счастливой памяти, повѣстнаго развитія поэтическаго, даже музыкальнаго.... Не такъ сказка: она доступна каждому, безъ различія возраста и пола, и сказывается тоже почти каждымъ, кого природа не обидѣла фантазіей, а жизнь дѣйствительная досугомъ....» (Старина и народность за 1861 г., стр. 47-я). Дѣло въ томъ, что сказка выработалась изъ своей первоначальной основы не тѣмъ путемъ, который бы могъ ей придать особую и новую важность. Въ настоящее время народъ отличаетъ ее отъ былевой пѣсни, былины, такимъ образомъ: пѣсня-быль; сказка — складка. Но до такого значенія она могла быть доведена только послѣдовательнымъ затемнѣніемъ въ сознаніи народа ея первоначальнаго миѳическаго значенія..... Все болѣе и болѣе теряя ту важность, которую она должна была имѣть изначала, какъ выраженіе религіознаго вѣрованія, она только доставляла, своимъ дѣйствіемъ на воображеніе, беззавѣтное наслажденіе всѣмъ и каждому.... Съ утратою первоначальнаго сознанія важности основнаго миѳа, не могло уже быть и заботливости о томъ, чтобы бережно обращаться со способомъ его выраженія.... Пѣсенный строй такимъ образомъ безпрепятственно долженъ былъ разлагаться въ прозу. Слѣды пѣсеннаго строя однакожъ мѣстами еще проглядываютъ въ сказкахъ. Сохранились даже цѣлые отрывки сказокъ съ пѣсеннымъ строемъ. Существуютъ наконецъ и цѣлыя сказки-пѣсни, записанныя впрочемъ въ небольшомъ числѣ; напримѣръ «О Ванькѣ Удовкиномъ сынѣ и царѣ Волшанѣ Волшанскомъ». (См. Христ., стр.) 143—45) Подобно формѣ внѣшней, безпрепятственно измѣнялась, въ извѣстномъ отношеніи, и самая форма внутренняя: когда-то священное содержаніе нерѣдко втѣснялось въ самыя обыкновенныя рамки житейской и будничной жизни....·И между тѣмъ—въ одномъ отношеніи—основа этого содержанія среди среди всѣхъ измѣненій, встрѣчавшихся на этомъ пути, могла сохраниться въ большей неприкосновенности, чѣмъ на пути, которымъ выработалась былина—гдѣ на встрѣчу миѳу попадалась исторія, всего болѣе опасная для него.... Не сохранивъ первоначальной пѣсенной формы, не сохранивъ своей несомнѣнной первоначальной важности тона, миѳическая основа однакоже сохранилась несравненно полнѣе въ той будничной обстановкѣ частнаго быта, которая

давалась ей въ сказкѣ и которая съ меньшею тяжестью налегла на нее, чѣмъ историческая обстановка налегала на первоначальную основу былины [1]).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что какъ внѣшняя форма большинства теперешнихъ сказокъ,форма прозаическая, такъ и теперешняя внутренняя форма очень многихъ изъ нихъ, ихъ теперешній буднишній тонъ, —только слѣдствія позднѣйшей порчи. Только относительно теперешняго тона сказокъ можно признать вѣрными слова К. Аксакова, что тутъ «уже съ самыхъ первыхъ словъ дается знать, что это вымыселъ». Напротивъ, въ ту отдаленную пору, когда первоначально слагались основы сказокъ, онѣ точно также не могли представляться народу вымысломъ, какъ вымысломъ не могла ему представляться та почва миѳическая, на которой и выросла сказка. Не изначальною вымышленностью сказки, а тѣмъ же миѳическимъ происхожденіемъ ея объясняется и замѣченный въ ней К. Аксаковымъ недостатокъ опредѣленности мѣста и времени. Если, сравнительно съ нею, въ былинѣ, напротивъ, замѣтна такая опредѣленность, то это именно потому, что былина первоначально-общую всѣмъ произведеніямъ народной поэзіи миѳическую основу уже пріучиваетъ къ историческимъ мѣстностямъ и событіямъ, тогда какъ сказка такого пріурочиванья не знаетъ. Въ ней не можетъ быть и приблизительно точной хронологіи и географіи, потому что и въ позднѣйшихъ своихъ измѣненіяхъ она еще носитъ на себѣ живой отпечатокъ той области, изъ которой произошла она, области миѳа [2]).

Что сказка только по формѣ относится къ позднѣйшему времени, а что по основѣ своей она составляетъ отзвукъ древнѣйшаго повѣствованія о богахъ, древнѣйшаго миѳическаго слова или эпоса, — то это вполнѣ доказывается поразительнымъ сходствомъ сказокъ у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ, сходствомъ, которое только въ немногихъ случаяхъ можетъ быть объяснено заимствованіями, вообще же служитъ свидѣтельствомъ объ отдаленнѣйшемъ единствѣ воззрѣній цѣлаго племени. Напротивъ того поэзія былевая отличается уже у каждаго народа своими особенностями, въ которыхъ отражаются уже ихъ различныя историческія судьбы. Именно какъ еще вовсе не знающая настоящей исторіи, сказка по своей основѣ древнѣе, а потому и должна быть разбираема ранѣе того рода народной поэзіи, который называется былевымъ, и соотвѣтствуетъ позднѣйшему историческому.

---

[1]) См. мою статью въ Пр. Дем. наградъ, стр. 7—9. Мнѣ пріятно было замѣтить, что въ сущности къ сходнымъ со мною выводамъ на счетъ сказокъ пришелъ такой знатокъ дѣла, какъ А. А. Котляревскій, и въ статьѣ своей о сборникѣ Аѳанасьева, помѣщенной въ № 94, 100 и 108 С. П. Б. Вѣд. 1864 г.).

[2]) Таже стр. 4. (Страницы указаны у меня по отдѣльному оттиску).

Но, не зная исторіи, сказка тѣмъ не менѣе, какъ и все въ мірѣ, имѣетъ ее. И въ области сказки одно появилось ранѣе, другое могло появиться лишь позже.

Сказки, впрочемъ, оказываются поразительно сходными не только у различныхъ народовъ индоевропейскаго племени, даже такихъ, между которыми трудно было бы и предположить позднѣйшія историческія сношенія [1]) (а при нихъ только и возможны заимствованія); сходство нерѣдко выходитъ и за предѣлы племени, и, частію объясняемое внутреннимъ единствомъ природы человѣческаго воображенія, частію, конечно, должно быть объяснено и силою историческаго взаимновліянія. [2]) Но, при сли-

[1]) Сюда, напримѣръ, относится сходство славянскихъ сказокъ съ кельтскими, записанными въ Шотландіи въ самое недавнее время и изданными Кампбеллемъ (см. статью объ нихъ—съ подробною передачею ихъ содержанія—Рейнгольда Кёлера въ журналѣ Бенфея Orient und Occident, годъ 2-ой, книжки 1—4.

[2]) Такимъ образомъ, кажется, объясняется сходство нашихъ русскихъ, а чрезъ нихъ и вообще славянскихъ сказокъ, съ финскими, (нѣкоторые образцы которыхъ можно найти въ «матеріалахъ для изученія народной словестности» г. Худякова). Но пользоваться этимъ способомъ объясненія исключительно не признавая другаго—объясненія сходствъ племеннымъ единствомъ, а частію и внутреннимъ всеобщимъ единствомъ природы человѣческой — это слишкомъ односторонне и крайне, хотя бы (вопреки основнымъ началамъ такихъ мастеровъ сравнительнаго изученія, какими были Гриммы) такого одностороннаго взгляда держались и люди весьма замѣчательные, какъ Бенфей и нѣкоторые изъ сотрудниковъ его по журналу «Orient u. Occident». Они рѣшительно утверждаютъ, что большая часть тѣхъ сказокъ, которыя составляютъ теперь общее достояніе Индо-Европейскихъ народовъ, сначала перешли изъ Индіи вмѣстѣ съ буддизмомъ—къ Монголамъ, потомъ Монголами занесены къ Славянамъ, а отъ нихъ уже перешли на Западъ. (См. предисловіе Бенфея къ его «Пантша-Тантрѣ» и статью Либрехта въ 1-ой кн. 1-го года «Orient и Occident»—Beiträge zum Zusammenhang Indischer und Europäischer Märchen und Sagen»). Какъ будто-бы подъ вліяніемъ этого взгляда и академикъ Шифнеръ, въ своемъ предисловіи къ изданному недавно монгольскому сборнику «Шидди-Куръ», высказалъ мнѣніе, что въ сказкахъ, здѣсь заключающихся, мы „знакомимся не только съ образцами монгольской и калмыцкой поэзіи, но и съ источниками самой древне-русской поэзіи". (Этногр. Сб. кн. VI). Я пишу курсивомъ — источниками — желая обратить особенное вниманіе на всю—по меньшей мѣрѣ неточность этого выраженія. На слѣдующей страницѣ своего предисловія, г. Шифнеръ употребляетъ слово основы, и при этомъ нѣсколько уточняетъ свой взглядъ; при помощи Шиддикура, говоритъ онъ тутъ, „мы получаемъ возможность изучить основы нашей народной поэзіи и восходить постепенно до первообразныхъ ея типовъ въ Санскритской литературѣ, при чемъ монгольскія или калмыцкія редакціи служатъ однимъ изъ посредствующихъ званьевъ". (Стр. 4) Казалось бы, уже одно короткое знакомство съ такимъ чисто-народнымъ произведеніемъ, какъ «Калевала», не могло позволить многоуважаемому академику придавать столь высокую цѣну сборнику, подобному Шиддикуръ. Сказки, въ немъ заключающіяся до такой степени уступаютъ въ безъискусственной первобытной свѣжести какъ нашимъ народнымъ сказкамъ, такъ и нашей народной поэзіи вообще, что производить отъ нихъ эту послѣднюю, какъ отъ звена, посредствующаго между нею и первообразными типами,—это почти тоже, что произво-

Борьба свѣта и тьмы, составляя основное содержаніе физико-миѳическихъ сказокъ, выражается въ нихъ различными похожденіями, которыя, кажется, могутъ быть приведены къ слѣдующимъ главнымъ видамъ. I) Чудовищнымъ змѣемъ (тучею) поглащается бѣлый свѣтъ (являющійся такимъ образомъ самъ по себѣ, безъ какого либо олицетворенія—въ животненномъ или человѣческомъ образѣ); но добрымъ молодцемъ Иваномъ (богомъ громовникомъ молніеносцемъ) разламывается голова змѣя, —и бѣлый свѣтъ снова разливается по всему царству (см. эту сказку въ христ. стр. 98—100). Совершенно соотвѣтсвенное содержаніе — въ добыванія воды (благотворной дождевой влаги), остановленной чортомъ (позднѣйшая замѣна первоначальнаго змѣя=тучѣ, черной, безплодно висящей на небѣ) [1]). II). Свѣтъ небесный является уже въ образѣ различныхъ диковинокъ, полу-вещественныхъ, полу-животненныхъ, добываемыхъ добрымъ молодцемъ обыкновенно для отца своего или для царя — (можетъ быть только позже присочиненнаго). Диковинки эти—золотыя яблоки, жаръ-птица, олень златорогій, конь златогривый, свинка золотая щетинка. (Общій ихъ признакъ — золото—прямо указываетъ на свѣтлую ихъ природу; сверхъ же того всѣ эти животненные (зооморфическіе) образы уже попадались намъ въ отдѣлѣ обрядовомъ, какъ различные миѳы солнца). Соотвѣтственно этому въ другомъ рядѣ сказокъ добывается чудесная живая вода; она возвращаетъ къ жизни (т. е. оживляетъ природу) и возвращаетъ зрѣніе (послѣ пролившагося дождя снова загарается небесное око — солнце); добываютъ же эту воду вороны (вѣтры, наносящіе благотворныя дождевыя тучи) [2]). Въ нѣкоторыхъ сказкахъ диковинки добываются молод-

---

леніе. Наконецъ трагическій же конецъ—въ христ. (стр. 88 и 89); но и тутъ жизнь убитаго не окончательно прекращается, а переходитъ въ кустъ, выросшій на его могилѣ, и сказывается человѣческими звуками дудочки, вырубленной изъ него. (Ср. Grimm. Kinder und Hausmärchen, I ск. 28 и 47).

[1]) Аѳанасьева сказки, VI, стр. 102. Подобно этому въ другихъ сказкахъ являются подъ своими настоящими именами—Вѣтеръ, Градъ, Громъ, (похищающіе дѣвицъ;—по другимъ же варьянтамъ они—Соколъ, Орелъ и Воронъ). Похищаемыя же дѣвицы иногда прямо называются въ сказкахъ Луной и Звѣздой (Аѳанасьева Сказка и Миѳъ въ Филолог. Зап. 1864 г. вып. 1 и 2, стр. 16 и 17). Встрѣчаются и разнаго рода Вѣтры, какъ подданные Яги-бабы, и между ними Южный Вѣтеръ, который говоритъ про себя: если я загуляю, ни одного дома въ городѣ, ни одного дерева въ садахъ не останется; все вверхъ дномъ поставлю (Христ стр. 58 и 59) Сюда же надобно отнести и Морозка, за котораго мачиха выдаетъ падчерицу (Христ. стр. 84 — 92). Особенно часто явленія природы подъ прямыми ихъ именами встрѣчаются въ сербскихъ сказкахъ (а также и пѣсняхъ), частію въ чешскихъ (на прим. у Эрбена въ Читанкѣ II, (См. также чрезвычайно ясную картину бури въ Христ. стр. 54 и 55, варьянтъ первый (въ выноскѣ).

[2]) Аѳан. Сказка и Миѳъ, 37.

цемъ для царя, или для самого себя—вмѣстѣ съ одушевленною диковиною—невѣстой, составляющей только примкнувшій къ древнѣйшимъ образамъ позднѣйшій антропоморфическій образъ для тѣхъ же благотворныхъ явленій—свѣта солнечнаго, ясной зари, или дождевой влаги. — Такая диковинная невѣста характеризуется, напримѣръ, тѣмъ, что какъ она засмѣется, такъ цвѣты расцвѣтаютъ (ясно, что это то оживотворяющее природу, улыбаніе солнышка, о которомъ мы говоримъ и теперь на нашемъ будничномъ языкѣ (Христ. стр. 75). Добываніе подобнаго рода невѣсты является наконецъ и независимо отъ диковинокъ [1]) Оно составляетъ содержаніе и особаго рода былинъ (см. въ Христом. былины о сватовствѣ, стр. 143—148), хотя и тутъ уже замѣчается пріуроченіе къ историческому времени и исторической мѣстности. Добываніе невѣсты составляетъ также основу цѣлаго ряда средневѣковыхъ германскихъ поэмъ—König Rother, Otnit, Hugdietrich и т. д. (Uhland's Schriften zur geschichte der Dicht. und Sage I, 32, 37, 419—421.—III) Свѣтлыя существа уже въ образѣ исключительно человѣческомъ—то дѣвы, обреченной на съѣденіе змѣю и спасаемой отъ него юношею (Христ. стр. 48, 104, 232—233—Никита Кожемяка [2]); то юноши, при помощи дѣвы освобождающагося изъ плѣна у морскаго царя (Христ., стр. 53—39) [3]). Молодцу освободителю нерѣдко приписывается сверхъестественное происхожденіе: то онъ рождается вслѣдствіе проглоченной матерію горошины (Покати-горошекъ, Христ., стр. 31—33); то онъ происходитъ отъ быка, медвѣдя, собаки, рыбы [4]) (все различные животненные образы для порождающей бога громовника тучи; что касается гороха, то и онъ находится въ тѣсной миѳической связи съ громомъ [5]). — Та-же основа сказывается въ другихъ эпическихъ произведеніяхъ: одна ея сторона—спасеніе дѣвы—въ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ, духовномъ стихѣ о Егоріѣ Храбромъ, (Христ. стр. 280—282) въ которомъ къ преданію христіанскому примкнули отдаленнѣйшія миѳическія); въ классическомъ сказаніи о Персеѣ, германскомъ о Сигфридѣ; вторая же половина — спасеніе молодца дѣвицею изъ плѣна—въ былинѣ о Садкѣ Новгородскомъ, (Христ. стр. 177, 178) частію — въ нѣкоторыхъ объ Ильѣ Муромцѣ, (Рыбник. III, 207.

---

[1]) Аѳанасьева II, 26. III, 12. VI, 31. (Христом. стр. 92 и слѣд).

[2]) Ср. также. Аѳанасьева II, ск. 21, 22. II, стр. 264—7. V, ск. 20, 43. VI, ск. 15; стр. 103. VIII, 330. Grimm. K. u. H. M. I, 60.

[3]) Также Аѳан. VI, ск. 48, а. См. также филол. Зап. 1864 г., в. 1 и 2, стр. 17.

[4]) Аѳан. III, ск. 2, 10. V, ск. 34. VI, ск. 10. VII, ск. 8. Къ тѣмъ же чудесно-рожденнымъ долженъ относиться и мальчикъ-съ-пальчикъ (христ. стр. 29—31), но ему приписываются уже особыя похожденія, а не спасеніе дѣвы.

[5]) Rocholz, Naturmythen, 22. Panzer, Beitrag z. D. Myth., 118, 208, 306.

дѣвицы спасаютъ отъ голодной смерти заключеннаго въ погребъ Илью Муромца) даже въ такомъ полу-книжномъ и позднемъ произведеніи, каковъ рыцарскій романъ Fierabras. (Fauriel, Histoire de la poésie provençale, t. II.). IV) Возвращаются обратно отъ змѣя или же отъ кощея (человѣкоподобный мужескій образъ собственно зимней тучи, зимы—костенящей; соотвѣтствующій женскій образъ—Яга-баба); возвращаются отъ него то мать, то жена, то сестра, то дочь добраго молодца. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ онѣ отдаются ему добровольно (Христ., стр. 44—53) (такъ оно и въ нашихъ былинахъ о Михайлѣ Потыкѣ (Христом., стр. 146, сходно и въ средневѣковыхъ разсказахъ о Соломонѣ, (тоже въ классическомъ преданіи о похищеніи Елены Парисомъ, о миѳическомъ значеніи коего см. Макса Мюллера — Vorles. über die Wissensch. d. Sprache, II, 436), а равно и во многихъ сербскихъ миѳическихъ пѣсняхъ) [1]. Въ другихъ же сказкахъ онѣ унесены насильно (Христ., стр. 31—33, 92—98) [2]; — также точно оно и въ миѳическомъ по своей основѣ духовномъ стихѣ о Ѳеодорѣ Тиронѣ.) (Христ. стр. 28).—Въ соотвѣтствіе освобожденію тутъ мужемъ жены можетъ быть поставлено сохранившееся впрочемъ не въ сказкахъ, а въ нашихъ былинахъ — освобожденіе женою мужа (Ставра Годиновича — освобождаемаго уже отъ историческаго лица—Владиміра). [3]) Таже миѳическая основа должна скрываться въ индійскомъ преданіи объ освобожденіи Сатъявана изъ царства смерти прекрасною Сâвитри [4]), а можетъ быть и въ похожденіяхъ Дамаянти, отыскивающей Наля [5]).—V). Вмѣсто похищенія—превращенное состояніе свѣтлаго существа. Заключается оно—иногда въ усыпленіи, причиненномъ уколомъ вѣдьмы (зимы, оцѣпеняющей колючимъ морозомъ природу) (стôитъ только вспомнить «Спящую Царевну» Пушкина, произведеніе, основанное на чисто-народной и обще-европейской сказкѣ.) [6]) Соотвѣтственно этому въ усыпленномъ же состояніи является

---

[1]) Вука Пѣсни, II, 26—38, Кулиша, Зап. о Ю. Р. II, стр. 48—58.

[2]) Аѳан. I, ск. 14. II, ск. 21, 24. II. стр. 369. III, ск. 2. V. ск. 27, 28. VII, ск. 6. VIII, ск. 5. Кощей или змѣй замѣняется тутъ иногда чудомъ-юдомъ, медвѣдемъ. Сводъ сказокъ о Кощеѣ въ Orient u. Occident, II, стр. 100—104, 105, 116.

[3]) Рыбник., I, 241—50 Кирѣевск., IV. 59—68.

[4]) Jolowicz, Polyglotte der orientalischen Poesie, 134—145.

[5]) И нѣкоторыя другія стороны индійской повѣсти попадаются въ нашихъ сказкахъ наприм. проигрываніе добрымъ молодцемъ (соотвѣтствуетъ Налю) всего своего имущества какому-то игроку—злому духу (Христ., стр. 55); избавленіе молодцемъ изъ огня заколдованнаго змѣя (стр. 67).

[6]) Пушкина П. С. С. (изд. Анненкова), III, 462. Grimm, K. u. H. M. I, 50, II, 163.

въ нѣкоторыхъ сказкахъ и молодецъ, вслѣдствіе чего верхушки на всѣхъ деревьяхъ сохнутъ (Христ. стр. 56): ясное указаніе на животворное, лѣтнее значеніе этого существа. Иной разъ превращенное состояніе заключается въ окаменѣлости цѣлаго царства (Христ., стр. 59, 60) (миѳическій образъ зимняго оцѣпененнаго состоянія природы). Сюда же относится съ другой стороны и окаменѣніе помощника царевича въ нѣкоторыхъ сказкахъ (Христ., стр. 96—98), а въ былинахъ—окаменѣлое состояніе Михаила Потыка (Христ., стр. 146—148) [1]. Иной разъ превращеніе заключается въ томъ, что чарами злой вѣдьмы—зимы прекрасная дѣва становится—какою нибудь лягушкой, змѣей, медвѣдицей, и т. п., человѣческій же образъ возвращается ей вслѣдствіе того, что молодецъ все-таки рѣшается на ней жениться. — (Христ., стр, 64—69) [2]. Сходное же превращеніе достается и на долю молодца—сходнымъ же образомъ освобождаемаго рѣшимостью дѣвицы выйти за него замужъ. [3]. (Таковъ, повидимому, и добрый молодецъ, превращенный въ ужаку—Христ., стр. 69—71 — а позже снова получающій человѣческій образъ; въ такомъ случаѣ за убіеніемъ его матерію вышедшей за него замужъ женщины, надобно полагать, первоначально должно было слѣдовать оживотвореніе постоянно-живучаго, неистребимаго добраго молодца сказокъ. Но, можетъ быть, этотъ молодецъ—вовсе не свѣтлое, а темное, т. е. враждебное природѣ существо, такъ какъ царство его на днѣ моря и онъ такимъ образомъ какъ бы становится соотвѣтствующимъ морскому царю. Смерть его въ такомъ случаѣ—смерть по дѣломъ, любовь же къ нему жены можетъ быть такая же странная, причарованная любовь, какъ та привязанность къ Кощею имъ похищаемой женщины, о которой свидѣтельствуютъ нѣкоторыя сказки). [4].

---

[1]) Аѳан. V, ск. 37, 38. Grimm, Kind. u. Hausmärchen, I, 6. Добрый помощникъ (дядька) освобождается отъ окаменѣнія при помощи орошенія его кровью нарочно для того убитыхъ дѣтей царевича, которыя потомъ оживаютъ (тоже исцѣленіе кровію въ средневѣковыхъ сказаніяхъ—Miles et Amys, der arme Heinrich). Надобно полагать, что какъ такое пожертвованіе дѣтьми, такъ и цѣлебность ихъ крови—черта уже позднѣйшая; первоначально же должно было быть и тутъ—исцѣленіе живою водою (вспомнить ея миѳическое значеніе).

[2]) Аѳан. II, ск. 31, VI, 28. VII, 17. Ср. также Аѳан. VI, 18, 28.

[3]) Кулиша, Зап. о Ю. Р., II, стр. 14 и слѣд. Вука Сербск. пѣсни, II, 51—63. Вука Сербск. сказки, 63—75. Grimm, Kinder u. Hausmärchen, I, 1. II, 100, 101, 108, 144. Orient u. Occident, II, 329—330. Подробно о миѳическомъ значеніи превращеній —у Аѳанасьева въ филол. Зап. 1864 г., в. 1 и 2, стр. 30 и слѣд.

[4]) Бракъ водяного съ земною женщиной довольно обыченъ въ германскихъ народныхъ сказаньяхъ и пѣсняхъ, Simrock D. Volkslieder, 1 и 595. Geijer, Schwed. Volkslieder, übers. v. Wolf, 16. Erben, Citanka, I. 89). Подобныя же сказанія распространены и у насъ въ олонецкой губерніи (см. письма П. Н. Рыбникова къ И. С. Аксакову

Къ превращенному состоянію должно быть отнесено и то погруженіе дѣвицы въ постоянную скорбь, которое дѣлаетъ ее—царевною-несмѣяною и заставляетъ отчаявающагося отца обѣщать ея руку тому, кто съумѣетъ ее разсмѣшить Но тотъ, кому это удается, въ свою очередь оказывается жертвою превращенія — въ неумойку; этимъ-то превращеннымъ своимъ состояніемъ и удается ему разсмѣшить Несмѣяну, передъ бракомъ съ которою снова становится онъ красавцемъ. Наконецъ превращенною надо признать и загнанную, лежащую на печи, въ грязи попелюгу (cendrillon) и соотвѣтствующаго ей попялова: какъ первая является на балу разливающею яркій свѣтъ, такъ у втораго во лбу, подъ грязной повязкой, скрывается свѣтлый мѣсяцъ. Въ заключеніе же надо замѣтить, что и въ былевыхъ сказаніяхъ о возвращеніи изъ дальняго странствія витязей, они являются какъ бы превращенными: ни нашего Добрыню, ни Одиссея, ни Одина, ни Карла Великаго, ни Генриха Льва не узнаютъ домашніе при ихъ возвращеніи восвояси. [1]).
VI.) Противъ свѣтлаго существа возстаютъ существа ему родственныя (родство явилось, быть можетъ, только вслѣдствіе позднѣйшаго затемнѣнія миѳа, а можетъ быть, оно основывалось и на чисто-миѳическихъ представленіяхъ, каково наприм. сближеніе ночи и дня, тучи и молніи, какъ явленій, которыя непосредственно одно за другимъ слѣдуютъ,—сближеніе, не уничтожавшее съ другой стороны природной противоположности, а потому и вражды между ними.) То злая сестра изводитъ невиннаго брата или сестру, но душа того или другой, переходя въ кустъ, выросшій на могилѣ, а потомъ въ вырѣзанную изъ него дудочку, человѣческимъ голосомъ возвѣщаетъ о преступленіи [2]); то злыя завистницы сестры оклеветываютъ свою замужнюю сестру: она обѣщалась мужу родить ему свѣтлыхъ мальчиковъ — по локоть руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ серебрѣ, (тѣже примѣры въ духовныхъ стихахъ о Егоріѣ) и т. д., а онѣ увѣряютъ его, что у нея родились щенки, или т. п. (Христ. стр. 71 и 72). [3]) Иной разъ сестры завистницы стараются погубить свѣтлаго жениха сестры своей; но онъ спасается, она долго ищетъ

въ осеннихъ №№ „Дня" 1862 г.).—Превращенное состояніе молодца также въ христ. на стр. 76 и 77. Аѳан. II, ск. 29, IV, ск. 45. V, ск. 26.

[1]) Былины о Добрынѣ см. въ Христоматіи, стр. 169—172. На счетъ сродныхъ западно-европейскихъ сказаній см. статью В. Мюллера «Die Fahrt in den Osten, на которую была уже ссылка выше, причемъ замѣчено было также, что долгая отлучка героя—это отсутствіе свѣтлыхъ явленій лѣта въ долгое зимнее время. См. еще Pröhle, Deutsche Sagen, стр. 2—14, Anmerkungen dazu, 1—21).

[2]) Христом., стр. 88 и 89. Аѳан. V, ск. 17. VI, ск. 25. VII, стр. 314.

[3]) Аѳан. III, ск. 7. Grimm, I, 49, II, 96. Schleicher, Littauische Märchen, 20. Худякова Матеріалы, стр. 72—77.

его, и наконецъ соединяется съ нимъ (Христ., стр. 80—83) [1]. Соответственно сестрамъ завистницамъ имѣются въ сказкахъ и братья-завистники, отъ которыхъ, послѣ долгихъ невзгодъ, также постоянно спасается младшій братъ (см. сказки о трехъ братьяхъ — христ. стр. 98—109). VII) Борьба свѣта и тьмы выражается враждебными отношеніями между лицами, принадлежащими къ двумъ различнымъ родамъ, сблизившимся посредствомъ брака. Такъ злая жена молодца оклеветываетъ свою золовку, нѣжно любимую имъ, и мало по малу доводитъ его до величайшей жестокости съ нею (Христ. стр. 72—75—Косоручка [2]). Подобно этому въ нашихъ былинахъ—злая свекровь, при помощи клеветы, изводитъ безвинно свою невѣстку (но тутъ и конецъ трагическій [3]). VIII). Губительницею является злая вѣдьма, яга-баба (зимняя туча, зима). Терпитъ же отъ нея, по нѣкоторымъ сказкамъ, чужой ей мальчикъ, при помощи находчивости обращающій злой ея умыселъ противъ нея же самой или ея дочери (Христ. стр. 77—80); (Таже основа и въ сказкѣ объ одноглазомъ лихѣ (Христ., стр. 42 и 43), (Grimm, K. u. H. M., I, 5, 15, 56. Or. u. Occ. II, 300). По другому же ряду сказокъ терпитъ отъ вѣдьмы падчерица, но въ концѣ концовъ все обращается ей же въ пользу, а жертвою становится — опять любимая дочь (иногда—дочери) вѣдьмы (мачихи) (Христ. стр. 83—88; 89—92) [4]. Гонимой падчерицѣ обыкновенно помогаетъ душа ея матери, вселяющаяся въ коровушку (коровушка буренушка), по убіеніи же коровы мачихою, въ садъ, выросшій надъ зарытою ея требухою, и одаренный способностью двигаться (Христ., стр. 83—85). Преслѣдованія со стороны мачихи иной разъ сопровождаются обращеніемъ ею падчерицы въ какое нибудь животное, что не мѣшаетъ ей навѣщать и кормить грудью своего младенца. Иногда же вѣдьма преслѣдуетъ двоихъ — падчерицу и пасынка, соединенныхъ между собою самою нѣжною дружбою (Христ., стр. 76 и 77) (Grimm, I, 11, 13, 15, 21, II, 141).—IX) Злая мачиха (вѣдьма) вмѣсто падчерицы-невѣсты (которую приводитъ въ превращенное состояніе) подсовываетъ свою дочь. (Христ. стр. 76, 77, 84. Совершенно соответственно этому злой дядька выдаетъ себя за царевича, его же заставляетъ играть роль слуги своего (Христ. стр. 61—64) (Grimm, I, стр. 62 и слѣд.; II, ск. 89, 135. Худякова Матеріалы 51—57. Таже основа сохранилась въ средневѣковомъ сказаніи о Бертѣ, матери Карла В., сказаніи,

---

[1]) Аѳан. VII, ск. 1. VIII, ск. 1. Pentamerone v. D. Basile, I, 162—182, 246—252.

[2]) Аѳан. III, ск. 6, 13. VI, ск. 68 и 69. Сводъ сказокъ объ оклеветанной въ Or. u. Occ. II, 113—316.

[3]) Кирѣевск. V, 68—76.

[4]) Аѳан. I, ск. 3. II, ск. 31. III, ск. 5. IV, ск. 41, 43 и 44. V, ск. 15 и 26. VI. ск. 29 и 30, 54 и 55. VIII, стр. 310—312. Schott, Walachische Märchen, № 4. 6, 19,

дошедшемъ до насъ уже въ формѣ позднѣйшаго рыцарскаго романа [1]). Соотвѣтственно такому подмѣну невѣсты, въ сказкѣ нерѣдко попадается и подмѣнъ жениха—избавителя дѣвы отъ змѣя (Христ. стр. 48 и 49.)

Таковы, повидимому, тѣ—уже по преимуществу антропоморфическіе (человѣкообразные) миѳы, которые замѣтны въ основѣ сказокъ. При человѣкообразности, съ позднѣйшею утратою миѳическаго сознанія, естественнымъ образомъ должны были все болѣе и болѣе наростать подробности, относящіяся уже исключительно къ человѣческой обстановкѣ и все болѣе и болѣе затемнявшія первоначальный миѳъ. Объ руку съ такимъ усложненіемъ содержанія шло упрощенье его—упрощеніе въ смыслѣ приближенія къ кругу людей простыхъ, т. е. невысоко поставленныхъ. Если первоначальные свѣтлые боги стали сначала царевичами, то позже надѣли они крестьянское платье, или солдатскую аммуницію: въ нѣкоторыхъ варьянтахъ мы еще видимъ царевичей и царевенъ, въ другихъ—дѣтей уже крестьянскихъ, солдатскихъ, купеческихъ (см. въ христоматіи варіанты при нѣкоторыхъ изъ помѣщенныхъ въ ней сказокъ) Сверхъ всего этого первоначально-отдѣльныя сказки сцѣплялись, нанизывались одна за другою на объединяющую, проходившуюся по нимъ нить: такъ въ сказкѣ о морскомъ царѣ и Василисѣ прекрасной (Христ. стр. 33—39) собственно заключаются цѣлыхъ четыре сказки: 1) о милосердіи царя къ молодому раненому орлу и отплатѣ со стороны послѣдняго (по нѣкоторымъ варіянтамъ этому еще предшествуетъ бой между звѣрями и птицами—вслѣдствіе котораго и раненъ орелъ—бой, относящійся собственно къ разряду сказокъ о животныхъ, о которомъ рѣчь еще впереди); 2) объ обѣтѣ, данномъ царемъ, за услугу, оказанную ему Водянымъ, пожертвовать ему первымъ, что̀ попадется ему на встрѣчу (припомнить ветхозавѣтное сказаніе объ Іеѳфаѣ и его обѣтѣ: послѣднему вышла на встрѣчу дочь, царю же нашему—сынъ; 3) объ отправленіи царевича къ Водяному, спасеніи его при помощи дочери Водянаго и бракѣ съ нею (сравнить съ былинами о Садкѣ); 4) о томъ, какъ царевичъ забылъ свою молодую жену и какимъ образомъ она съ нимъ снова соединилась (сходно съ германскимъ преданіемъ о забвеніи Брюнгильды Сигфридомъ, съ индійскимъ—о забвеніи Сакунталою своего любезнаго [2]). Подобно этому въ сказкѣ о королевичѣ и его дядькѣ сцѣплены—по меньшей мѣрѣ двѣ, первоначально отдѣльныя сказки. (см.

---

[1]) Berte au grans piés (Li Romans des douze pairs de France, t. 1. Объ исторіи этого сказанія см. тутъ въ предисловіи, написанномъ Paulin Paris'омъ).

[2]) Этому забвенію мужемъ жены соотвѣтствуетъ забвеніе женою мужа въ сказкѣ—царевна лягушка, стр. 66, внизу. Въ основѣ же такого забвенія должна лежать та миѳическая измѣна, о которой говорено было выше (сказки разряда V-го).

Христ. стр. 60—64). Тоже самое въ сказкѣ о Кощеѣ безсмертномъ (Христ. стр. 92—99). (Подобныя же соединенія и у Гримма, на прим. II, 88. Въ Orient u. Occident, II, 1, стр. 103—105.) Наконецъ въ сказкахъ съ теченіемъ времени происходило и то, что первоначально единое существо двоилось, троилось. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, и Иванъ царевичъ первоначально являлся особнякомъ (что сохранилось и до сихъ поръ—въ нѣкоторыхъ сказкахъ) и только позже явился въ сообществѣ—сначала съ однимъ, потомъ съ двумя братьями. Попадаются, наконецъ, и примѣры — даже усемеренія: такъ дѣло первоначально единаго молодца распалось на дѣла семи братьевъ въ сказкѣ о семи Семіонахъ (Христ., 39—42; ср. у Гримма, I, 41, II, 129. Or. u. Occ. II, 298.) (См. также у Шотта, W. M., 348—350. [1])

Дѣло семи Семіоновъ—добыванье невѣсты—во многихъ сказаніяхъ сходнаго содержанія совершается однимъ добрымъ молодцемъ (См. былины о сватовствѣ — Христ. стр. 143—150). Въ нѣкоторыхъ же при этомъ и способъ увоза—тотъ же—хитростью при помощи корабля; ясно, что она тутъ—главное, а потому главнымъ же является и употребляющій ее Семіонъ, остальные же шестеро выражаютъ собою только приготовительныя и вспомогательныя стороны дѣла) (Увозъ на кораблѣ при помощи той-же воровской хитрости попадается, напр., въ нѣкоторыхъ редакціяхъ повсемѣстно распространеннаго сказанія объ увозѣ жены у царя Соломона [1]). Что касается самаго корабля, при помощи котораго только и удается хитрость, то онъ въ одномъ варьянтѣ замѣняется крылатымъ конемъ—обыкновенною принадлежностью сказочнаго добраго молодца. Подобно коню этому, корабль Симеоновъ носится между небомъ и землею, т. е. по воздуху, по за синими морями (небесными), по за сизыми горами; (опять небесными—тучами), онъ способенъ плавать подъ водою и вынырнуть (т. е. скрываться на время за вмѣстилищемъ водъ—облаками —и снова изъ за нихъ выдвигаться). Корабль этотъ (летучій—по нѣкоторымъ сказкамъ), какъ и крылатый конь—это миѳическій образъ быстро носимой порывистымъ вѣтромъ тучи,—то же, что и коверъ самолетъ (Христ. стр. 57),—[2]) опять одна изъ главнѣйшихъ принадлежностей въ основѣ своей единаго молодца—того носящагося на тучѣ громовника, обычное миѳическое дѣло котораго только вслѣдствіе длиннаго ряда распространеній и дополненій могло распасться на дѣла — цѣлыхъ семи Семіоновъ. Подобнымъ же образомъ въ другихъ сказкахъ часть подвиговъ тогоже громовника досталась на долю особымъ, присочиненнымъ къ нему

[1]) См. Сложившіяся подъ вліяніемъ заходившихъ къ намъ повѣстей былины о царѣ Соломонѣ во II т. Сб. Рыбникова.

[2]) См. Аѳан. въ Филол. Зап. 1864, I и II, 51—53.

помощникамъ. Таковъ—Опивало (Христ. стр. 36), какъ особое существо, тогда какъ въ Ведахъ опивалою является еще самъ громоносецъ Индра [1]) (по связи между громомъ и небеснымъ виномъ—дождемъ). По соотвѣтствію же опиванія — объѣденію, вѣроятно только въ позднѣйшее время присочиненъ былъ и Объѣдало (Христ. тамъ же). Впрочемъ и такимъ является во множествѣ сказокъ опять таки самъ добрый молодецъ—напр. въ сказкѣ о Покатигорошкѣ (Христ. стр. 32 и 33), гдѣ онъ поѣдаетъ, по настоянію пастуховъ, вола, барана и кабана: по всей вѣроятности — миѳическое указаніе на поглощеніе (застиланіе) большою громовою тучею множества другихъ тучъ, (столь часто становящихся въ миѳахъ животными). (Тоже въ другихъ сказкахъ выражается поглощеніемъ желѣзной, или вообще металлической пищи—такъ какъ тучи, по своему цвѣту, представлялись различнаго рода металлическими царствами; [2]) отсюда же и металлическіе токи (желѣзный. серебряный, золотой), на которыхъ добрый молодецъ бьется со змѣемъ; металлическіе чоботы, просвиры, и т. д.). Еще рѣшительнѣе присочиненіемъ къ молодцу можетъ быть признанъ Морозъ Трескунъ, спасающій его отъ той раскаленной бани, въ которой пытается его извести враждебная ему темная сила (хотя съ другой стороны, м. б., и тутъ есть гиперболическое указаніе на внезапное охлажденіе воздуха, которое иной разъ почти непосредственно соединяется съ громомъ). Во всякомъ случаѣ въ сказкахъ этого рода мы видимъ олицетвореніе въ образѣ особыхъ сподвижниковъ молодца только извѣстныхъ сторонъ его же собственнаго существа. Первоначально существо это само собою, своими силами добывало у темнаго существа ясную дѣвицу—весну, весеннюю землю, окончательно освобождаемую отъ оковъ зимы только послѣ перваго грома; добывало ее—царю-жениху—Солнцу. (Тамъ-же, гдѣ дѣвица добывается молодцемъ самому себѣ—самъ онъ можетъ оказаться существомъ солнечнымъ; его сказочный мечъ саморубъ (Христ. стр. 69)—не непремѣнно же молнія, но, можетъ быть, и солнечный лучъ; скатерть его самобранка скорѣе всего—изобиліе лѣтнихъ даровъ вообще. Его сапоги скороходы. (стр. 57)—не непремѣнно же быстро летящія тучи, но, можетъ быть, быстрота движенія вообще, т. е. быстрота развитія лѣтнихъ явленій, (то же, что̀ быстрый ростъ сказочныхъ молодцевъ и былевыхъ богатырей). Зато дудочка (стр. 62) молодца скорѣе указываетъ опять—на значенье его, какъ громовника; (сравнить —съ трубою яснаго молодца въ тѣхъ колядкахъ, которыя выше объяснены были именно громомъ [3]).

---

[1]) Orient и Occident, I, 16, 41, 409.

[2]) Аѳанасьева VIII, стр. 598.

[3]) (См. выше стр. 35. Нѣтъ, кажется, никакой надобности въ дѣлѣ миѳическаго ис-

Солнечный ли, громовый ли молодецъ—огненный (въ благотворномъ смыслѣ этого явленія)—въ нѣкоторыхъ сказкахъ распадающійся, какъ мы видѣли, на нѣсколько отдѣльныхъ существъ, постоянно приходитъ въ столкновеніе съ Бабой-Ягой—въ свою очередь также распадающеюся, троящеюся (въ нѣкоторыхъ сказкахъ—одна Яга, въ нѣкоторыхъ—три сестры Яги). Но это важное въ сказкахъ лицо отличается еще распаденіемъ особаго рода—на двѣ противуположныя стороны, то доброжелательную, то враждебную. Если на послѣднюю указываетъ уже самый образъ ея — почти неизмѣнно - чудовищный (костяная нога, носъ желѣзный, и т. п.), а равно и тотъ характеръ, какой получаетъ она въ нѣкоторыхъ сказкахъ, какъ мачиха; то на доброжелательную т. е. свѣтлую сторону въ ней указываютъ—и ея отношенія къ молодцу, которому она большею частію помогаетъ въ отыскиваніи дѣвицы (или дѣвицѣ въ отыскиваніи молодца), и ея подарки тому или другой — различныя золотыя диковинки, и наконецъ то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ сказкахъ она называетъ себя родственницею Фенисту-ясну—соколъ—нерышку (существу, очевидно, свѣтлому) (Христ. стр. 87). Съ такимъ же точно двоякимъ характеромъ является въ германскихъ миѳахъ богиня Гольда или Берта. Что касается собственно наружности, то послѣдняя точно также является часто зубатою, растрепанною старухою, носитъ названье желѣзной Берты или же Берты съ желѣзнымъ носомъ (иногда съ желѣзною грудью) [1]. Но въ Германскихъ преданіяхъ она-же съ другой стороны является и въ самомъ свѣтломъ, привлекательномъ образѣ который изъ нашихъ сказокъ уже почти исчезъ, но первоначально не

толкованія исключительно становиться на сторону—или Куна (наклоннаго по преимуществу къ громовымъ миѳамъ, или же М. Мюллера, наклоннаго къ миѳамъ зари и Солнца (см. формулированіе той и другой системы у М. Мюллера въ Vorlesungen uber die Wissenschaft d. Sprache, bearbeitet von Karl Böttiger, II, 475— 481) Шварцъ, первоначально державшійся какъ бы исключительно системы Куна, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, какъ и самое заглавіе означаетъ (Sonne, Mond und Sterne) далъ мѣсто въ своихъ изслѣдованіяхъ и системѣ другого рода. (Г. Аѳанасьевъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ сказкамъ до извѣстной степени пользуется обѣими). Кажется наконецъ, что и вообще сверхъ толкованія миѳовъ одними явленіями небесными. должны быть снова приняты и другія: если новѣйшая наука сравнительной миѳологіи дѣйствительно доказала, что первоначальная мѣстность миѳическая—это небо; то всетаки же позже миѳы были переносимы на землю (все еще—оставаясь миѳами). Такъ и морскаго царя во многихъ сказкахъ слѣдуетъ признавать уже царемъ моря земнаго; тогда только можетъ быть объяснено происхожденіе отъ него, существа темнаго, свѣтлой дѣвицы—дочери; она, уводящая отъ него изъ плѣна свѣтлаго молодца, въ такомъ случаѣ оказывается зарею, рождающеюся изъ моря и выводящею вслѣдъ за собой какъ бы погружающееся въ него (по вечерамъ) Солнце.

[1]) Ст. Потебни о Ягѣ Бабѣ въ III кн. Чт. М. О. И. и Др. 1865, ст. 88, 95. См. тамъ же дальнѣйшія доказательства миѳическаго тождества Яги и Берты.

могъ не существовать и унасъ—соотвѣтственно привлекательнымъ сторонамъ въ характерѣ Бабы.—Говорю почти, потому что мы имѣемъ сказку, въ которой тому же существу, хотя и скрывающемуся подъ другимъ именемъ — покрайней мѣрѣ не приписывается отталкивающаго образа (Христ. стр. 85—и 86). Между тѣмъ нравъ ея оказывается тутъ злобнымъ: она сердито глядитъ, а глаза такъ и сверкаютъ; молодую бабу, къ которой приходила она, предостерегаютъ, что она удавитъ ее на холстѣ или же сваритъ (какъ вѣдьма=той же Ягѣ—въ сказкахъ объ Ивасѣ); она, какъ и всякая темная сила, пропадаетъ съ пѣніемъ пѣтуховъ (возвѣщающимъ наступленіе дня — является же поздно вечеромъ); подъ вліяніемъ уже христіанскихъ понятій, она представляется боящеюся креста, и даже прямо величается нечистою силою. А между тѣмъ по наружности это только—«баба уже не молодая», которая ходитъ, «покрывшись по кичкѣ бѣлымъ полотенцемъ».—Если съ одной стороны бѣлизна тутъ указываетъ на значеніе свѣтлое, то съ другой она напоминаетъ германскую бѣлую женщину — позднѣйшую форму развитія той же миѳической Верты. Сверхъ того, она прядетъ, помогаетъ прясть (молодая баба даже сама обращается къ ней съ молитвою—помочь ей попрясть). Точно также прядущею и покровительствующею пряжѣ является и Берта (съ другой же стороны она и наказываетъ за пряжу—ежели это приходится въ день, ей посвященный). Названіе, которое носитъ въ нашей сказкѣ чудесная женщина—Середа—должно указывать на день, посвященный ея чествованію (подобно этому въ другихъ сказаніяхъ является у насъ пятница и недѣля, также какъ существа живыя, только позже получившія у насъ значеніе святыхъ христіанскихъ женщинъ). Быть можетъ, баба въ нашей сказкѣ первоначально пряла именно въ середу, а потому и звала на помощь божество дня, которое, съ другой стороны, именно за нарушеніе своего праздника и смотритъ сердито. Наконецъ въ сказкѣ оказываются серединскія дѣти, которыя живутъ на морѣ. Это опять напоминаетъ то обстоятельство въ миѳѣ Гольды, что у нея среди небеснаго моря (иногда — у нея въ колодцѣ) живутъ дѣти — души (соотвѣтственно миѳическому представленію душъ живущими среди небеснаго моря — см. выше стр. 91) [1]. Всего этого, кажется, уже достаточно для того, чтобы усмотрѣть, что въ нашей сказочной Середѣ скрывается существо, соотвѣтствующее германской Гольдѣ, и, при уже преобладающихъ чертахъ внутренней непривлекательности, во внѣшней своей сторонѣ еще чуждое того безобразія, какимъ постоянно отличается наша Баба Яга, соотвѣтствующая, какъ мы видѣли, той же Гольдѣ или Бертѣ.

---

[1]) Mannhardt, germanische Mythen, 257, etc., 338, etc Ср. Потебни Яга баба, 89, 96. У Шотта W. M., 147, 248—9 три матери: среда, пятница и недѣля.

Яга-Баба является во множествѣ сказокъ какъ-бы своего рода непремѣннымъ членомъ. Самымъ-же тѣснымъ образомъ связанъ съ нею тотъ особый рядъ сказокъ, въ которыхъ повѣствуется о трехъ братьяхъ и который можетъ быть нами отнесенъ къ особому разряду (X-му), сложившемуся, какъ кажется, позже другихъ, изъ различнаго рода варірованій многоразличнаго матеріала всѣхъ остальныхъ разрядовъ. Слагаться онъ долженъ былъ въ теченіи весьма долгаго времени, такъ какъ въ немъ замѣчается нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней развитія — относящихся собственно къ личности младшаго брата. Въ сущности этотъ послѣдній, сперва презираемый, въ качествѣ глупаго, слабаго, а потомъ и преслѣдуемый, даже губимый,—на время, потомъ же со славою торжествующій,—это тотъ же миѳически-свѣтлый молодецъ, въ темное зимнее время являющійся разслабленнымъ, оборученнымъ, страждущимъ, позже же выказывающійся рядомъ подвиговъ самыхъ славныхъ и самыхъ трудныхъ,—словомъ, то-же намъ знакомое первенствующее лицо, проводимое, можно сказать, по всѣмъ прочимъ разрядамъ сказокъ. Только тамъ онъ—самъ по себѣ, одинъ, здѣсь же приданы ему братья, становящіеся новою, противодѣйствующею ему силою. Но нѣтъ, положительно можно сказать, ни одной черты, свойственной этому молодцу—младшему брату (Иванушкѣ-дурачку), которая бы не отыскалась въ той или другой сказкѣ о стоящемъ еще совершенно особнякомъ свѣтломъ царевичѣ, хотя бы онъ и не всегда сохранялъ то-же, впрочемъ преобладающее, имя Ивана.—Но, ежели, такъ сказать, корни этого младшаго брата Иванушки скрываются въ стольких другихъ Иванахъ, у всѣхъ же у нихъ одинъ общій миѳическій корень, то именно въ личности младшаго брата эта миѳическая основа все болѣе и болѣе заслонялась чертами уже не миѳическими, такъ что въ лицѣ этомъ сталъ наконецъ развиваться своего рода нравственный идеалъ, а сказки о немъ такимъ образомъ заняли посредствующую ступень между сказками миѳическими и нравоописательными.

Есть еще между сказками о трехъ братьяхъ такія, въ которыхъ миѳическое рѣшительно преобладаетъ надъ нравоописательнымъ — это, очевидно, остатки самой первой ступени развитія. Тутъ еще приписывается братьямъ особое, нечеловѣческое происхожденіе — отъ какой-нибудь чудеснаго свойства рыбы, или т. п., при чемъ на долю младшаго, по видимому, должно бы достаться менѣе силъ, такъ какъ родится онъ тутъ отъ коровы, (кобылы, собаки), съѣвшей только кишки, или даже просто выпившей помои послѣ чудесной рыбы, тогда какъ старшіе братья родятся отъ царицы, съѣвшей рыбье мясо, и поварки, оглодавшей косточки [1]). Между тѣмъ именно у младшаго-то и оказываются въ концѣ

[1]) Аѳан. V, ск. 54. VII. ск. 3. VIII, ск. 2.

концовъ чрезвычайныя силы — въ сказкахъ этого ряда еще преимущественно физическія. Въ одной изъ нихъ умножающая сила воображенія разыгрывается до того, что вмѣсто трехъ братьевъ создаетъ цѣлыхъ сорокъ—вылупившихся изъ одного яйца—вмѣстѣ съ сорокъпервымъ, Заморышкомъ, сначала совершенно хилымъ, послѣ же—первѣйшимъ богатыремъ (сообразно такому умноженію братьевъ въ сказкѣ умножены и невѣсты ихъ—дочери Яги-Бабы [1]). Какъ по особености происхожденія, такъ и по кажущейся мелкости, дробности силъ (прекрасно опредѣляемой самымъ названьемъ — Заморушекъ), — вполнѣ ему соотвѣтствующимъ является мальчикъ съ пальчикъ (христ. стр. 29—31), раждающійся по нѣкоторымъ варьянтамъ изъ отрубленнаго мизинца, и миѳически объясняемый молніею, таящеюся въ нѣдрахъ миѳической тучи — коня (которому въ ухо залѣзаетъ мальчикъ) или коровы (въ требуху которой влѣзаетъ мальчикъ), или же наконецъ волка (которымъ мальчикъ проглатывается вмѣстѣ съ требухою, и преблагополучно доносится до дома родительскаго, гдѣ онъ преспокойно изъ него вылѣзаетъ) Всему этому въ похожденіяхъ младшаго брата дурачка соотвѣтствуетъ непремѣнное залѣзаніе въ ухо коньку; въ соотвѣтствующихъ же сказкахъ о дѣвицѣ (а такія имѣются и въ этомъ разрядѣ) — пролѣзаніе этой послѣдней въ ухо коровѣ (Христ., 83) [2]). По первоначальной дробности (сказывающейся самымъ происхожденіемъ — отъ горошины) соотвѣтствующимъ младшему брату Заморышку является и Покатигорошекъ (Христ. стр. 31—33); у этого послѣдняго мы видимъ даже двухъ братьевъ (еще до его рожденія изведенныхъ змѣемъ) и сестру (одновременно съ ними похищенную), и все отличіе отъ обычныхъ сказокъ о трехъ братьяхъ заключается тутъ въ томъ, что, при столь позднемъ рожденіи младшаго, еще нѣтъ и возможности быть ему изначала въ за-

---

[1]) Аѳан. VII, ск. 30. О миѳическомъ значеніи яйца уже было, отчасти, говорено выше, стр. 49, 50. О вылупленіи изъ яйца у различныхъ народовъ существъ миѳическихъ см. въ книжкѣ Dognée, Les Symboles antiques. L'oeuf. Bruxelles 1865, стр. 15—17, 19, 25, 27, 34 (греческіе Діоскуры—братья близнецы—также вылупились изъ яйца). Въ Рамаянѣ многое множество братьевъ вылупляется изъ огромной тыквы. (Jolowicz, Polyglotte der orientalischen Poesie, 75).

[2]) Молнія и въ миѳическихъ преданьяхъ другихъ народовъ является маленькою да удаленькою. Въ Финской Калевалѣ пребыванію нашего мальчика въ требухѣ и въ волкѣ соотвѣтствуетъ пребываніе Вейнемейнена во чревѣ Випупена. — Тамъ же замѣчателенъ своего рода мальчикъ съ пальчикъ, убивающій мечомъ своимъ громаднѣйшаго быка, и другой, которому удается срубить своимъ топоромъ исполинское дерево (какъ оно, такъ и быкъ—извѣстные миѳы тучъ, мальчикъ же очевидно соотвѣтствуетъ разсѣкающей ихъ молніи (J. Grimm. Ueber das finnische Epos, Kl. Schr., II, 91, 96, 97). Небольшимъ мальчикомъ первоначально является и въ Ведахъ огненный Богъ Агни (Or. u. Occident, 1, 594). Ср. Филол. Зап. 1864 г., I и II, 42—44.

гонѣ у старшихъ, напротивъ того онъ уже изначала рождается именно для спасенія ихъ и сестры.—Замѣчательно, что Покатигорошку принадлежитъ еще и та способность объѣдаться (не смотря на дробность происхожденія), которая по другимъ сказкамъ достается уже, какъ мы видѣли, особому Объѣдалѣ—одному изъ помощниковъ добраго молодца Ивана.—Съ этою же способностью объѣдаться миѳически связана, какъ мы знаемъ, и способность опиваться — въ особомъ рядѣ сказокъ приписываемая младшему брату, и не только не мѣшающая, но, напротивъ, способствующая ему, пьянчугѣ, выдвигаться впередъ передъ братьями [1]). Ясно, что при миѳическомъ значеніи пьянства, и сказки этого ряда должны представляться остатками еще отдаленной поры развитія. Тоже относится къ ряду сказокъ, въ которыхъ младшій оказывается вороватымъ, также хитрымъ — при помощи вороватости или и вообще безнравственности [2]) что сооотвѣтствуетъ свойствамъ младшаго изъ Семіоновъ (Семіону-вору), цѣлому ряду сказокъ о вороватости, какъ хитрой наукѣ, и разнонароднымъ сказаніямъ о воровствѣ, имѣющимъ столько же миѳическое значеніе, какъ и вороватость классическаго Гермеса (Меркурія) (Воровство тутъ то же, что добываніе, похищенье, увозъ диковинокъ, или чудесныхъ невѣстъ). [3]) Въ особомъ рядѣ сказокъ, очевидно принадлежащемъ значительно-позднѣйшей ступени, эта хитрость младшаго брата (часто совершенно безнравственная) является уже скорѣе смышленостію, умомъ, даже мудростью — такъ какъ одно изъ проявленій ея—задаваніе трудныхъ загадокъ [4]), въ народныхъ преданіяхъ служитъ существеннѣйшимъ доказательствомъ именно—мудрости. Качествамъ этого рода соотвѣтствуетъ находчивость добраго молодца — въ сказкахъ объ Одноглазомъ Лихѣ (Христ. стр. 42 и 43), замѣчательнымъ образомъ варьирующихъ то распространенное у многихъ народовъ сказаніе, одною изъ извѣстнѣйшихъ формъ котораго является эпизодъ объ ослѣпленіи хитроумнымъ Одиссеемъ одноглазаго Полифема [5]). Та же смы-

---

[1]) Аѳан. VII, ск. 13.

[2]) Аѳан. VII, 37. VI, ск. 7 и 9. VII, ск. 16.

[3]) О миѳическомъ значеніи воровства (по поводу миѳа о похищеніи огня) см. у Куна, Herabkunft des Feuers, 16 и 17.

[4]) Аѳан. VII, 17.

[5]) Въ этомъ одноглазомъ людоѣдѣ видятъ миѳъ солнца съ его истребительной стороны—знойной, какъ бы пожирающей все живое (въ нашей сказкѣ Полифему соотвѣтствуетъ враждебное существо женскаго рода—но вѣдь солнце, какъ намъ извѣстно, принималось и въ женскомъ образѣ). Ослѣпитель же солнечнаго исполина можетъ и тутъ оказаться тѣмъ, чѣмъ такъ часто оказывается сказочный добрый молодецъ — молніеносцемъ, при помощи этого жгучаго своего орунія уничающимъ враждебный зной, на время какъ-бы отнимающимъ зрѣнье у причиняющаго его солнца. Schwartz, Sonne, Mond und Sterne, S. 83.—Ср. W. Grimm, die Sage von Polyphem (Abhandlun-

шленость сказочнаго Ивана оказывается и у малороссійскаго Ивася (даже и имя тоже—только въ уменьшительной формѣ, вполнѣ соотвѣтствующей тому, что Ивась тутъ ребенокъ, но, не смотря на это, несравненно умнѣе чудовищно-сильной но глупой вѣдьмы). Такое противоположеніе грубой тѣлесной силы той особенной силѣ ума, которая дѣйствуетъ и въ самомъ слабомъ ребяческомъ тѣлѣ — является довольно распространеннымъ въ народныхъ преданіяхъ — но очевидно уже на довольно значительной ступени развитія. Поэтому-то и сказки о братьяхъ съ идеею этого рода должны быть отнесены къ довольно высокой ступени. Повидимому прямо противоположны, а потому и принадлежатъ весьма не далекой ступени развитія тѣ сказки, въ которыхъ младшій братъ является просто на просто дуракомъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова и притомъ дуракамъ лѣнивымъ, но тѣмъ не менѣе постоянно во всемъ успѣвающимъ [1]). Только тутъ примѣшалась идея особаго рода, не съ разу являющаяся въ вѣрованіяхъ народа — идея о полновластной силѣ судьбы — существа уже собственно не миѳическаго, а отвлеченнаго. Съ другой-же стороны понятіе о судьбѣ тутъ, повидимому, еще очень грубое: это еще сила рѣшительно произвольная, жалующая ни съ того, ни съ сего. Она тутъ (уже подъ позднѣйшимъ именемъ Бога) помогаетъ Ивану потому собственно, что дурней жалуетъ.

Впрочемъ и подобное представленіе о судьбѣ, какъ жалующей безъ причины, должно быть признано шагомъ впередъ противъ представленія о ней, какъ ненавидящей, преслѣдующей безъ причины,—даже насильственно, изъ вражды, вовлекающей въ преступленіе. Подобное-же представленіе (долго державшееся даже въ классическомъ мірѣ) въ свою очередь уцѣлѣло въ особомъ родѣ народныхъ сказаній, который, впрочемъ, у Русскихъ, сколько пока извѣстно, не сохранился въ устной поэзіи и дошелъ до насъ только въ книжныхъ переработкахъ (таковы наши старинныя рукописныя сказанія о своего рода Эдипѣ, уже христіанизированномъ какъ у насъ, такъ и въ соотвѣтствующихъ средневѣковыхъ сказаніяхъ запада); у Сербовъ же такое сказаніе до сихъ поръ еще со-

---

gen der Berliner Akademie, Jahrgang. 1857). Относительно-же буравленія вообще (и Одисей собственно выбуравливаетъ глазъ Полифему) см. Kuhn, Herabkunft des Feuers, 14—16. Относительно Полифема (или нашего Лиха) оправдывается и мнѣніе одного изъ нашихъ изслѣдователей, г. Шеппинга, что какъ богатыри, такъ и враги ихъ—персонификація одной и той-же идеи солнца, но только съ тою разницею, что первые выражаютъ свѣрепое, благотворное вліяніе небеснаго свѣтила на землю, тогда какъ послѣдніе—вредную сторону того-же вліянія (Русская старина въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ стр. 81 и 83). Но это вѣрно только относительно очень немногихъ существъ, враждебныхъ героямъ сказокъ, а ни какъ не относительно всѣхъ вообще.

[1]) Аѳан. V, ск. 53. VI, ск. 14, 32

храняется и въ формѣ устной пѣсни—это Находъ Симеунъ [1]). Сравнительно съ подобнымъ представленіемъ о судьбѣ,—судьба, которая, какъ мы видѣли, жалуетъ дурней, составляетъ, дѣйствительно, представленіе уже болѣе высокой ступени. Но оно поднимется даже ступенію выше, ежели вдуматься въ сказки этого рода: окажется, что дурень тутъ уже не только дурень, но и самое добродушное существо, такимъ образомъ и заслуживающее милость судьбы. Къ этому добродушію младшаго брата, въ сказкахъ опять особаго ряда, присоединяется, все еще при несомнѣнной, дѣйствительной глупости, необыкновенное безстрашіе дурачка, безстрашіе, всюду ведущее на пряникъ, прямо противоположно осторожности умныхъ братьевъ [2]) Но затѣмъ выдвигаются еще и такія сказки, въ которыхъ глупость младшаго брата — только кажущаяся, только существующая во мнѣніи старшихъ братьевъ—людей себѣ на умѣ, но, собственно говоря, вовсе не умныхъ.

А что младшій, напротивъ того, не только не глупъ, но, при высокой степени добродушія, скорѣе очень смышленъ, даже иногда остороженъ, это видно, напримѣръ, изъ той сказки, гдѣ онъ называется Попяловымъ (отъ двѣнадцатилѣтняго его лежанія въ пеплѣ—о чемъ уже сказано было выше, по поводу V разряда сказокъ — о превращенномъ состояніи молодца или дѣвицы; та-же сказка уже упомянута была и въ I-мъ разрядѣ—по прозрачности миѳа, положеннаго ей въ основаніе.) Онъ тутъ сейчасъ же догадывается, и именно онъ, а не старшіе братья, что попадающіеся имъ по дорогѣ золотыя и серебрянныя подушки, яблоня съ золотыми же и серебрянными яблоками, наконецъ прохладительный ключь,—что все это—разставленныя передъ ними ловушки, чародѣйскіе образы, принятые зміевыми дочками;—и точно отъ удара его купабы (булавы, палицы—одного изъ обычныхъ миѳическихъ образовъ молніи) изъ всего этого начинаетъ течь кровь. (Христ. стр. 98—100). При подобной смышлености, напоминающей неподатливость ни на какія чародѣйственныя ловушки хитроумнаго Одиссея, младшій братъ потому развѣ оказывается тутъ дурнемъ, что вызывается на труднѣйшій подвигъ — истребленіе змѣя, между тѣмъ какъ старшіе преспокойно себѣ живутъ,

---

[1]) Вука пѣсни, II, 63—70. Памятн. стар. Р. Лит. Костомарова, II, 415—424. Его-же Историческія Монографіи, I, 327—359.

[2]) Съ особенною ясностію мысль эта выражается въ нѣмецкой сказкѣ — Von einem der auszog das fürchten zu lernen (это и есть младшій братъ — дурачокъ) Grimm. K. и H. Märchen 1 B., 4 Märchen. Нѣкоторыя мѣста этой сказки напоминаютъ похожденія Кельтскаго—впрочемъ уже только кажущагося—дурачка Передура, и служившаго до извѣстной степени первообразомъ такому высокому идеалу средневѣковаго эпоса, какъ Парциваль (см. Villemarqué, les romans de la table ronde et les contes populaires des anciens Bretons, 324 etc.)

не чувствуя никакого желанія, для спасенія царства, подставлять свою шею. Впрочемъ въ сказкѣ этой старшіе братья, по крайней мѣрѣ, не оказываются прямо злыми;—они даже рѣшаются помогать своему брату дурню.—Но большей же части они являются, какъ уже и сказано было, не только что презирающими, но и готовыми погубить его. Такъ они, вытянувъ на канатѣ трехъ невѣстъ (сестеръ Норки звѣря,—прекрасныхъ, не смотря на свое родство съ существомъ враждебнымъ) и боясь, что онъ имъ не дастъ ихъ замужъ (очѣвидно, они судятъ о немъ по себѣ, считаютъ его злымъ, злопамятнымъ), перерѣзываютъ канатъ, съ тѣмъ, чтобы онъ разшибся (Христ. стр. 100—103). Но дурачокъ не простъ: зная братьевъ, онъ вмѣсто себя привязываетъ къ канату камень, который и расшибается вмѣсто него, онъ же остается цѣлымъ и невредимымъ — только не видя выхода изъ подземнаго царства.—При такомъ предусмотрительномъ недовѣріи къ братьямъ, ясно, что и въ этой сказкѣ младшій является дурнемъ потому развѣ, что оказывается способнымъ, вмѣсто веселой трактирной ночи, простеречь ее всю въ звѣринцѣ своего отца. Но въ настоящей сказкѣ на это еще имѣется эгоистическое побужденіе: отецъ обѣщаетъ полъ-царства тому, кто поймаетъ вора въ его звѣринцѣ. По другимъ же сказкамъ ясно, что побужденіемъ Иванушкѣ дурню служитъ единственно желаніе пособить отцу. Особенно это ясно въ тѣхъ сказкахъ, гдѣ отецъ его боленъ, и дурень добываетъ ему цѣлющихъ веществъ, подвергаясь самымъ большимъ опасностямъ [1]). То-же самое безкорыстное чувство любви открывается за Иваномъ и въ сказкахъ одного изъ разобранныхъ выше разрядовъ (IV-го) гдѣ онъ является еще безъ братьевъ, съ сестрою, которая, измѣняя ему, и отдавшись змѣю, прикидывается больною, и требуетъ у брата такихъ цѣлющихъ веществъ, добыванье которыхъ сопряжено съ опасностями. Онъ же съ полною готовностію, безъ малѣйшаго подозрѣнія, успѣшно ихъ добываетъ, и даже, убѣдившись въ коварствѣ сестры, щадитъ ея жизнь и только обрекаетъ ее на особаго рода наказаніе (Христ. стр. 44—47). Характеръ Ивана царевича въ той же сказкѣ (звѣриное молоко) соотвѣтствуетъ Иванушкѣ въ сказкахъ о трехъ братьяхъ еще и въ томъ отношеніи, что Иванъ-царевичь также имѣетъ глупость—даже никѣмъ не прошенный, заботиться и тревожиться за другихъ. Случилась—даже не въ своемъ, а въ сосѣднемъ государствѣ,—бѣда не малая: вымеръ весь народъ;—просится Иванъ-царевичъ: «батюшко, благослови въ то государство на житье ѣхать»;—и желанье его такъ сильно, что въ этомъ случаѣ онъ даже отца не слушаетъ: «не благословишь, я и такъ пойду.» (Христом. стр. 44)—Но мы имѣемъ еще другой варіантъ сказки о звѣриномъ молокѣ, гдѣ у

---

[1]) Аѳан. VIII, ск. 4. VII, ск. 9.

царевича, обращеннаго тутъ изъ мужика, кромѣ сестры, оказывается и братъ — умный, самъ же онъ — дуракъ, такъ и называется — дуракомъ (по подобію сказокъ о трехъ братьяхъ) (Христ. стр. 49—53). При этомъ, сначала оказываясь только богатырски сильнымъ и притомъ безстрашнымъ, далѣе онъ выказывается и съ нравственной стороны. Привязанность къ отцу, хотя и обдѣлившему его въ пользу старшаго брата, выражается въ томъ, что первое употребленіе, какое дѣлаетъ онъ изъ золота, добытаго у разбойниковъ—это на поминки отцу. Далѣе отсутствіе всякой злопамятности и величайшее миролюбіе выражается въ дуракѣ тѣмъ, что, когда старшій братъ требуетъ отъ него дѣлежа золота, онъ отвѣчаетъ ему: «чѣмъ дѣлить, бери лучше все,» самъ же отправляется съ сестрою жить въ домъ, въ которомъ онъ перебилъ разбойниковъ. А когда сестра, измѣняя, и прикидываясь больною, посылаетъ его за цѣлебными яблоками, онъ, уже нарвавъ ихъ, ждетъ прихода хозяина, чтобы заплатить ему и не быть, такимъ образомъ, приняту имъ за вора. И всѣ эти качества молодца въ сказкѣ о звѣриномъ молокѣ опять разнообразно варіируются въ сказкахъ о трехъ братьяхъ. Такъ готовности помянуть отца соотвѣтствуетъ въ нихъ готовность проводить, по его завѣщанію, цѣлыя ночи у него на могилѣ, — чего опять не дѣлаютъ двое старшихъ братьевъ, тяготясь этимъ и засыпая. (Христ. стр. 105—106). Тутъ даже нѣтъ никакого завѣщанія со стороны отца; Ванюша — недоросточекъ (въ этомъ варіантѣ)—идетъ на могилу по собственному вчинанію, старшіе же въ это время отправляются за невѣстами. — Той силѣ привязанности къ своимъ, которая заставляетъ Ивана съ опасностью жизни отыскивать для нихъ цѣлющихъ предметовъ въ сказкѣ о звѣриномъ молокѣ, въ сказкахъ о трехъ братьяхъ соотвѣтствуетъ стремленіе младшаго отыскать и спасти свою мать, похищенную существомъ враждебнымъ. — Наконецъ въ нихъ отыскиваются и черты, вполнѣ соотвѣтствующія тому качеству Ивана въ «звѣриномъ молокѣ,» которое можетъ быть обозначено народнымъ выраженіемъ — безсребренникъ. Есть сказки, въ которыхъ младшій—дуракъ все, добытое имъ золото сей часъ же и раздаетъ нищимъ («куда мнѣ съ нимъ!») или же—отказывается отъ золота и проситъ себѣ въ замѣну мѣшокъ песку, которымъ засыпаетъ огонь, окружающій заколдованную царевну [1]). — Если это послѣднее обстоятельство, прямо напоминающее въ германскомъ эпосѣ избавленіе Сигфридомъ изъ огня воительницы Брюнгильды, носитъ еще характеръ вполнѣ миѳическій (см. сказки V-го разряда — о заколдованности), то безсребренность нашего дурачка (рѣшительно незамѣтная въ Сигфридѣ), должна быть, мнѣ кажется, признана чертою исключительно бытовою,

[1]) Аѳан. VII, ск. 22 и 38.

-нравоописательною. Существа миѳическія, напротивъ того, въ высшей степени жадны на золото, что вполнѣ соотвѣтствуетъ миѳическому смыслу добыванія этого послѣдняго, которое, какъ мы видѣли, постоянно оказывается добываніемъ свѣтлыхъ небесныхъ явленій. Миѳическія существа вообще богаты и берегутъ свое богатство, какъ зеницу ока. — Но не трудно замѣтить, что не только въ сказкахъ о дурачкѣ-безсребренникѣ, а также и во всѣхъ другихъ, гдѣ замѣтили мы за нимъ качества столько же нравственныя, сквозь эти послѣднія, или, лучше сказать, сквозь то, къ чему они прилагаются, столько же ясно проглядываетъ первоначальный миѳъ. О миѳическомъ значеніи цѣлющихъ веществъ (этого молока—какъ небеснаго молока, молока небесныхъ звѣрей—облаковъ; или же этихъ золотыхъ плодовъ—какъ небесныхъ плодовъ—свѣтилъ) было уже достаточно говорено выше. Въ одномъ изъ варьянтовъ «звѣринаго молока» (Христ. стр. 46, выноска) это послѣднее является даже въ совершенно уже прозрачномъ образѣ живущей и цѣлющей воды (дождя), которая добывается изъ-за высокихъ толкучихъ горъ (облаковъ), добывается при страшной бурѣ, при сильномъ громѣ, при чемъ молодецъ пролетаетъ промежъ горъ стрѣлою (молніею) (стр. 47, въ выноскѣ). — Менѣе прозраченъ, конечно, миѳическій образъ того же самаго въ другомъ варьянтѣ: мельница за двѣнадцатью дверями желѣзными, изъ-за которой (какъ изъ-за толкучихъ горъ) надо добыть мучной пыли (вмѣсто живой воды) (Христ. стр. 46, текстъ).— Въ нѣкоторыхъ сказкахъ опять чрезвычайно прозрачны тѣ образы, въ какихъ представляется вражья сила. похищающая мать дурачка; — если иногда она — Змѣй, Кощей, Воронъ Вороновичъ, то иногда она прямо — Вихрь; мать же молодца, имъ похищаемая,—царица золотая коса, мужъ ея—Бѣлъ Бѣлянинъ (прилагательныя, указывающія прямо на свѣтлость этой четы, подъ которой въ данной сказкѣ слѣдуетъ, можетъ быть, разумѣть извѣстныхъ супруговъ миѳическихъ — мѣсяцъ и солнце). Молодецъ отыскивая свою свѣтлую мать, долженъ взлѣзать на крутую гору при помощи взятыхъ имъ въ руки желѣзныхъ когтей (въ соотвѣтствующихъ сказкахъ у другихъ народовъ—это гора стеклянная, которой миѳическое толкованіе — небо). — Наконецъ молодецъ и похититель его матери. во время боя, сходятся, словно громовыя тучи въ небѣ [1]).— Съ неменьшею ясностію сквозитъ миѳъ въ сказкахъ объ отыскиваніи молодцемъ чудеснаго похитителя животныхъ изъ звѣринца, или же плодовъ изъ сада, или наконецъ хлѣба съ поля его отца. Этотъ похититель—существо, очевидно, миѳическое. Иной разъ является онъ Норкою-

[1]) Аѳан. II, ск. 24. VII, ск. 9. (ср. I. примѣч. стр. 128—134); тамъ же стр. 103—105. VIII, ск. 8; такъ же, стр. 91—93.

звѣремъ. (Христ. стр. 100—103) самое имя котораго какъ бы указываетъ на нору, пещеру—т. е. темное мѣсто, входъ къ коему заваленъ тяжелымъ камнемъ, обыкновенно миѳически-объясняемымъ безжизненною окамененностію природы въ холодное, темное зимнее время;—въ другомъ же мѣстѣ сказки Норка, спящій на камнѣ, посреди моря, своимъ храпѣніемъ подымаетъ волны на семь верстъ въ окружности,—и этимъ какъ бы намекается уже на другую, зловредно-дѣятельную, бурную сторону его существа. — Иной разъ похититель является чудесною птицею, которой названіе—Жаръ птица—а равно и соотвѣтствующее названію выпаданіе изъ нея свѣтящихся перьевъ, указываетъ уже не на темное, а на очевидно свѣтлое существо; но, такъ какъ значенье его—враждебное, то оно, по всей вѣроятности, должно выражать ту чрезмѣрность въ явленіяхъ свѣта и теплоты, которая становится уже пагубною: по всей вѣроятности, похитительница Жаръ-птица есть не что иное какъ знойное, истребительно дѣйствующее, жгучее солнце [1]). Наконецъ уже нечего и говорить о миѳическихъ свойствахъ того пышущаго огнемъ конька, какимъ надѣляетъ Ивана умершій отецъ за ночи, проводимыя имъ на могилѣ.

Смѣшеніе миѳическаго съ нравоописательнымъ особенно выдается впередъ въ тѣхъ сказкахъ, гдѣ Иванушка является сострадательнымъ къ различнымъ животнымъ [2]). Съ одной стороны сострадательность эта отличается уже всѣми признаками качества чисто нравственнаго; — съ другой же—въ этихъ животныхъ еще выдаются признаки чисто-миѳическіе (такъ наприм., птица, благодарная Иванушкѣ и выносящая его изъ подземнаго царства, такъ велика, что отъ нея и свѣтъ затмѣвается—Христ. стр. 102).—Особый оттѣнокъ составляетъ та—скорѣе услужливость, готовность каждому порадѣть, пособить, которою въ особомъ рядѣ сказокъ отличается Иванушка относительно — опять таки животныхъ и опять таки животныхъ, запечатлѣнныхъ чертами миѳическими. Такъ онъ, по просьбѣ ихъ, дѣлитъ между ними добычу, и въ отплату получаетъ отъ нихъ способность оборачиваться соколомъ и мурашикомъ (Христ. стр. 103—105). Иванъ пользуется этимъ чудеснымъ даромъ, — и за тѣмъ уже сказка окончательно вдается въ миѳичность: добрый молодецъ—соколъ налетаетъ на царство, которое втянуто въ хрустальную гору; но, при помощи плѣнницы дѣвы, онъ отыскиваетъ чудное сѣмячко зажигаетъ его, подноситъ къ горѣ, и она отъ этого быстро таетъ.

---

[1]) Аѳан. VII, ск. 11 и 14. Относительно жаръ птицы, такимъ образомъ, опять можетъ оказаться вѣрнымъ вышеприведенное мнѣніе Шеппинга — о солнечномъ началѣ и во врагахъ Ивана.

[2]) На прим. Христ. стр. 102. Тамъ же стр. 45 и 46 (сказка «звѣриное молоко).» Также у Аѳан. V, ск. 55; VI, ск. 32; VII, ск. 38.

На миѳическомъ языкѣ эта тающая гора можетъ обозначать только ледяную кору, оковывающую зимою землю, и тающую весною отъ солнца—миѳомъ котораго и оказывается это чудесное сѣмячко. Но замѣчательно, что оно, по нашей сказкѣ, запрятано въ яйцѣ, яйцо въ уткѣ, утка въ зайцѣ, заяцъ въ сундукѣ, сундукъ въ змѣѣ. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, есть зооморфическій образъ тучи, поглощающей солнце; всѣ остальныя животныя, какъ бы концентрически помѣщаемыя тутъ въ змѣѣ, составляютъ, можетъ быть, только позднѣйшее размноженіе первоначально простаго (т. е. не сложнаго) образа. Что же касается этого, заключеннаго въ уткѣ, яйца, которое уже непосредственно служитъ вмѣстилищемъ сѣмячку, то по нѣкоторымъ другимъ сказкамъ само оно выполняетъ роль сѣмячка. Это — въ сказкахъ о Кощеѣ безсмертномъ (Христ. стр. 95—96). Какъ отъ зажженнаго сѣмячка таетъ гора хрустальная, такъ отъ удара въ лобъ чудеснымъ яйцомъ, и единственно отъ него, можетъ погибнуть Кощей—становящійся такимъ образомъ тождественнымъ съ горою хрустальною (о связи его имени съ костенѣніемъ и о значеніи его, какъ зооморфическаго образа зимы костенящей, было уже говорено выше). Яйцо же — эта Кощеева смерть — отыскивается подъ дубомъ на островѣ, среди океана моря, — въ мѣстности, напоминающей ту, гдѣ, какъ намъ извѣстно по заговорамъ, обитаетъ ясное солнышко (см. выше стр. 78 и слѣд.). Этимъ еще болѣе подтверждается, что яйцо — кощеева смерть, какъ и сѣмячко — смерть горы, можетъ быть только солнышкомъ — смертью зимы. (Первоначально оно, по всей вѣроятности, было золотымъ яйцомъ, какъ то космогоническое яйцо индійской миѳологіи, которое сіяло подобно золоту и было исполнено свѣта [1]). Достаетъ же это яйцо-солнце въ сказкахъ о Кощеѣ безсмертномъ царевичь, и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ соотвѣтствующій Иванушкѣ въ сказкахъ о трехъ братьяхъ. При тождествѣ миѳическаго значенія (и тотъ и другой — доставитель солнышка богъ грамовникъ), въ нихъ замѣтно и величайшее сходство нравственное. Какъ Иванушка—младшій братъ, такъ и царевичъ въ «Кощеѣ безсмертномъ», отличается сострадательностью ко всѣмъ и каждому. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи сказки о трехъ братьяхъ оказываются сложившимися изъ матеріала, уже существовавшаго въ другихъ сказкахъ. Въ сказкѣ о «Кощеѣ» сострадательность Ивана царевича получаетъ даже особый оттѣнокъ — свойства уже чисто нравственнаго. Дѣло не въ томъ, что сострааніе оказывается тутъ человѣку; и въ другихъ сказгахъ молодой царевичъ является состра-

---

[1]) Dognée, les symboles antiques Leuf. p. 14. О значеніи Кощея см. въ статьѣ Аѳан. Фил. Зап. 1864, I и II, 17—18. Mannhardt, Zeitschr. f. D. M. IV, 255.

дательнымъ — по крайней мѣрѣ къ человѣкообразному существу (наприм. къ мужику лѣшему — Христ. стр. 61 и слѣд.); но тамъ еще примѣшивается побужденіе отчасти корыстное (мужикъ-лѣшій обѣщаетъ молодому королевичу, что онъ ему самъ пригодится) [1]). Въ сказкѣ же о «Кощеѣ» царевичъ выкупаетъ человѣка, наказываемаго за долги кнутомъ, нетолько безъ всякой надежды на вознагражденіе, но даже не смотря на то, что при этомъ объявлено: «кто его выкупитъ, у того Кощей унесетъ жену» (Христом. стр. 93). Точно такая же сострадательность безъ малѣйшей тѣни разсчета встрѣчается и во многихъ сказкахъ о трехъ братьяхъ, которыя и тутъ, какъ въ большей части случаевъ, отличаются собственно тѣмъ, что безкорыстная доброта младшаго представляется какъ бы глупостью—прямо противоположно сухости сердца двухъ старшихъ братьевъ — умныхъ, т. е. себѣ на умѣ. Такъ въ одной изъ сказокъ дурень, котораго мать надѣляетъ въ дорогу такою провизіею, какую, по словамъ его, и показать людямъ стыдно, только сначала, собственно изъ-за этого, медлитъ подѣлиться такимъ добромъ съ прохожимъ старцемъ, вскорѣ же потомъ, по просьбѣ его, дѣлится съ нимъ по пословицѣ: чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ. Но и тутъ, какъ вездѣ въ этихъ сказкахъ, безкорыстно оказанное добро вознаграждается со стороны имъ воспользовавшагося добромъ сторичнымъ (Христом. стр. 106—109). Въ этомъ-то и заключается сущность всѣхъ вообще сказокъ о трехъ братьяхъ — въ той уже позднѣйшей, нравоописательной формѣ, которая налегла въ нихъ на первоначальную миѳическую основу, не мѣшая однако и ей все еще мѣстами сквозить, и сквозить очень ясно, какъ мы въ томъ могли убѣдиться. По этой, еще сквозящей основѣ, а отчасти и по бытовымъ чертамъ совпадая со сказками прочихъ разрядовъ, — по своей уже чисто-нравственной, только что указанной мысли, сказки о трехъ братьяхъ составляютъ разрядъ совершенно особый, находящійся въ довольно тѣсной связи и съ нѣкоторыми пословицами. Потому-то эти послѣднія могутъ служить для дальнѣйшаго выясненія упомянутой нравственной мысли сказокъ. Такъ напримѣръ пословица: «пря-

---

[1]) Съ изгнаньемъ царевича въ наказаніе за освобожденіе имъ мужика лѣшаго начинается совершенно особое повѣствованіе—о подмѣнѣ царевича слугою (соотвѣтственно подобной же подмѣнѣ царевны мачихиною дочерью — см. выше). При этомъ замѣчательно похожденіе царевича-слуги на кухнѣ у одного царя: изъ зависти къ нему прежніе повара посыпаютъ яду на изготовленный имъ пирогъ и показываютъ царю его дѣйствіе на собакѣ, тутъ же и околѣвающей (Христ. стр. 62). Черта совершенно подобная попадается въ одной изъ Chansons de geste — Gaydon (дошедшей до насъ въ редакціяхъ уже довольно позднихъ—конца XII или нач. XIII—что, конечно, не мѣшаетъ основѣ ея быть очень древнею) (см. Les anciens poëtes de la France, t. VII, p. 58).

мой, что дурной (глупый)», [1]) уже прямо намекаетъ на то, что и дурность Иванушка есть только прямота (въ широкомъ значеніи этого слова). «Прямику одна дорога, поползню десять» — свидѣтельствуетъ другая пословица — въ этомъ случаѣ какъ бы въ пользу поползня, въ доказательство бо̀льшихъ удобствъ, находящихся на его сторонѣ. Но опять другая пословица зато говоритъ: «по кривой дорогѣ впередъ не видать.» [2])—Особая сторона такъ называемой глупости выражается пословицею: «глупый да малый всегда говорятъ правду.» [3]) — При такомъ соотвѣтствіи глупости дѣтскому чистосердечію, особый, глубокій смыслъ получаетъ малороссійская пословица: «И Богъ за дурнимъ.» [4]). — Опять особый оттѣнокъ въ пословицѣ: дурному горя нема (Номиса 125). Съ этимъ сродно и свидѣтельство польской пословицы, что ему страха нема, [5])—пословицы какъ бы формулирующей содержаніе тѣхъ сказокъ, въ которыхъ особенно выдвигается неустрашимость дурня. — При столь различныхъ сторонахъ такъ называемой глупости понятною становится и пословица сербская: «будалаштина (глупость) іе различна.» Понятна вмѣстѣ съ тѣмъ и другая, сербская же: Мудра будала (мудрый глупецъ). [6]) Этою послѣднею какъ бы сокращенно выражается самая сущность сказокъ о дурнѣ, который именно и оказывается мудрымъ, тогда какъ братья его только—себѣ на умѣ. Они со своею умною теоріею эгоизма остаются въ концѣ концовъ предоставленными самимъ себѣ; онъ же со своею глупою готовностію заботиться о другихъ, безъ всякаго умысла и разсчета снискиваетъ себѣ повсюду такихъ друзей, которые съ теченіемъ времени въ свою очередь готовы ему порадѣть. Наши сказки, такимъ образомъ, при всемъ простодушіи своей формы, таятъ въ себѣ мысль—впрочемъ такъ же простодушную, по мнѣнію цѣлаго множества умниковъ. Въ нихъ совокупный народный умъ простодушно проповѣдуетъ ученіе братства, взаимной помощи, то ученіе, которое издавна хранится въ народѣ и служитъ ему нравственною опорою среди всѣхъ, имъ переносимыхъ невзгодъ. Сознавая преобладаніе въ мірѣ того,

---

[1]) Даля пословицы, 463.

[2]) Тамъ-же 823—30.

[3]) Тамъ-же 473.

[4]) Номиса Украинскія приказки 121. Есть еще пословицы отчасти сходнаго свойства—но съ другимъ оттѣнкомъ, роднящимъ ихъ съ тѣмъ разрядомъ сказокъ о дурнѣ, гдѣ онъ дѣйствительно дурень, и ему просто везетъ. Таковы: «дурневи щастя»; «дурному удасця, розумному же трясця»; «дурневи и Богъ не противиця» (Номиса, Посл. Укр. на той же стр.). Сюда же относится и извѣстная великороссійская: дуракамъ счастье. Сходныя пословицы и у Нѣмцевъ (Simrock, D. Sprichw., 79).

[5]) Jim kto glupszy, tym smielszy, a jim medrszy, tym bojazliwszy — (Celakowsky, Mudroslovi Slovanskeho narodu, 208).

[6]) Вука Српске Пословице, 30, 183.

что̀ называютъ умомъ, но не мирясь съ подобнымъ преобладаніемъ — такъ какъ при умѣніи сильныхъ людей быть себѣ на умѣ плохо приходится слабымъ — народъ бережетъ и на этотъ счетъ знаменательную пословицу: «много на свѣтѣ умнаго, да хорошаго мало» [1]).

Та же простодушно глубокая мысль проводится народомъ и черезъ сказки о трехъ сестрахъ, совершенно соотвѣтствующихъ тремъ братьямъ (такъ что и въ этомъ разрядѣ сказокъ, какъ и вовсѣхъ остальныхъ, двѣ половины — мужеская и женская: сходныя похожденія приписываются съ одной стороны молодцу, съ другой — дѣвицѣ). Въ сказкахъ этихъ младшему брату Попялову вполнѣ соотвѣтствуетъ младшая сестра Попелюга (западно-европейская Сандрильона), точно также презираемая своими близкими, и точно также, при своихъ прекраснѣйшихъ качествахъ, взыскиваемая наконецъ судьбою. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ сестры у нея — не родныя, а сводныя, и загнанное ея положеніе объясняется тѣмъ, что она падчерица, а не родная дочь. Въ этомъ отношеніи сказки о трехъ сестрахъ примыкаютъ къ сказкамъ о гоненіяхъ мачихи (разрядъ VIII); только въ этихъ послѣднихъ, при преобладаніи миѳическаго значенія, менѣе выдвигались впередъ высокія нравственныя свойства гонимой. — Въ сказкахъ, гдѣ презираемая — не родная дочь, а падчерица, она, весьма естественно, должна была изъ младшей сдѣлаться старшею. Такъ оно и въ сказкѣ о «Морозкѣ», гдѣ особенно выдается впередъ противоположеніе кроткаго нрава падчерицы строптивому, злобному нраву сводныхъ ея сестеръ (Христ. стр. 89 — 92).

Сказками—какъ о трехъ братьяхъ, такъ и о трехъ сестрахъ, мы уже рѣшительно переведены изъ миѳической области въ бытовую. Но какою-же именно оказывается тутъ эта послѣдняя; т. е. о которой изъ главнѣйшихъ формъ быта свидѣтельствуютъ эти сказки? Съ одной стороны надо замѣтить, что нелюбовь отца къ младшему сыну, такъ рѣзко выдающаяся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, иной разъ доводится до того, что при раздѣлѣ наслѣдства младшій рѣшительно обдѣленъ [2]). Тутъ такимъ образомъ еще не видать того славянскаго общиннаго пользованія ро-

[1]) Даля пословицы, 462. До нѣкоторой степени тоже направленіе въ сербской пословицѣ: луди бои бију, а мудри вино пију (Вука Посл., 171). Но опять совершенно другой оттѣнокъ—съ намекомъ на способность умниковъ перехитрить, перемудрить—замѣтенъ въ болгарской пословицѣ: луди направиле, мудри развалиле (Каравелова, Пам. Б. Болгаръ I, 47); или же съ намекомъ на способность умниковъ болѣе думать, чѣмъ дѣйствовать: «довъ (пока) се мудрый намудроваше, мудрый се наживоваше» (Челяковскаго, Слав. нар., мудр., 208). Но, при всемъ различіи оттѣнковъ, черезъ всѣ пословицы этого рода проведено народное сомнѣніе въ томъ, что̀ такъ часто величаютъ умомъ. Въ своемъ родѣ сильно такія скептическія отношенья къ уму выражаются и въ нѣмецкой пословицѣ: пока человѣку везетъ, онъ считается умнымъ (Simrock. 266).

[2]) Аѳан. V, ск. 52. VI, ск. 7—9, 14 VII, ск. 26.

довымъ имуществомъ, о которомъ говорено было въ концѣ первой главы. Тутъ еще, въ дѣлѣ наслѣдства, тотъ рѣшительный произволъ государя-батюшки, патріарха, которымъ запечатлѣно было время частаго безпримѣснаго родоваго быта [1]). Въ этой чертѣ нашихъ сказокъ такимъ образомъ еще сохранился отдаленнѣйшій отголосокъ первобытной поры, когда среди рода еще не было и зародышей общинности. О той же первобытной порѣ, хотя и съ другой ея стороны, свидѣтельствуютъ тѣ гоненія мачихи, которыхъ выше-указанное миѳическое значеніе не должно помѣшать находить въ нихъ и позднѣйшее наслоеніе бытовое. Миѳичны тутъ только гоненія вообще. Въ области чистаго миѳа это могли быть, какъ мы и видѣли выше, даже гоненія родной матери. Можетъ быть, только замѣною послужила ей, въ позднѣйшее время, мачиха, послужила тогда, когда приписывать ненависть родной матери, при нѣкоторомъ смягченіи нравовъ, стало представляться уже неестественнымъ. Что же касается мачихи, то ежели и до сихъ поръ, даже у относительно-просвѣщенныхъ писателей, сохраняется наклонность выставлять ее непремѣнно нелюбящею дѣтей мужа, то тѣмъ понятнѣе живучесть такого характера мачихи въ понятіяхъ массъ народныхъ.

Но тѣ размѣры этой нелюбви, или, лучше сказать, звѣрской ненависти, какіе придаются ей въ сказкахъ, понятны только при той совершенной разрозненности и враждебности родовъ, когда все, что не нашей крови, почиталась рѣшительно чуждымъ. Мачиха сказокъ — это еще рѣшительно мачиха родоваго быта, котораго только совсѣмъ блѣдный оттискъ сохраняется, между прочимъ, и въ теперешнемъ образѣ дурной мачихи. Таже сила родительской власти, при помощи которой отецъ выполняетъ въ сказкахъ безчеловѣчныя требованія второй жены своей— напримѣръ отвозя дочь свою въ лѣсъ на жертву морозу (см. въ Хрестоматіи сказку о Морозкѣ) — это еще рѣшительно патріархальная власть, въ ея настоящемъ, а не сентиментально-идеализированномъ значеніи, та власть, которая позволяла отцу и продать, и изувѣчить, и убить своё дѣтище, и которой теперешнія проявленія служатъ опять таки только самымъ глухимъ отголоскомъ временъ родоваго быта.

Этотъ послѣдній, такимъ образомъ, несомнѣнно оставилъ свои слѣды и въ сказкахъ, подобно тому какъ оставилъ онъ ихъ въ пѣсняхъ свадебныхъ, но какъ тамъ мы видѣли съ другой стороны и свидѣтельства объ иной формѣ быта,—не имѣются ли они также точно и въ сказкахъ?—А этотъ мягкій, заботливый относительно всѣхъ, радѣющій всѣмъ и каждому характеръ младшаго брата — была ли возможность возникнуть ему

---

[1]) Hube, Erbfolgerechte etc, 9 — 12 О бытовомъ знач. сказокъ — въ ст. Котляр., стр. 35—40.

при родовомъ деспотизмѣ и родовой враждебной разрозненности?—Самая крѣпость его сердечной привязанности къ отцу—да развѣ возможна она при исключительно властномъ значеніи послѣдняго? Отношеніями только—властными т. е. деспотически властными, вызывается страхъ,—не любовь. Родоначальническій (патріархальный) характеръ отца, съ какимъ и является онъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сказокъ, долженъ быть-въ нихъ обломкомъ отдаленнаго родоваго быта. Но любящій, кроткій характеръ младшаго сына, подобно тому какъ въ свадебныхъ пѣсняхъ нѣжныя проявленья любви дочерней, могли возникнуть только въ позднѣйшее, болѣе смягченное время, когда и со стороны отцовъ стали возможными любящія отношенія къ дѣтямъ. Имѣя возможность возникнуть только въ такое время, любящій, нѣжный характеръ сына, по обычной наклонности народной поэзіи ставить новѣйшее рядомъ съ древнѣйшимъ, могъ быть во многихъ сказкахъ поставленъ лицомъ къ лицу съ уцѣлѣвшимъ отъ старины деспотическимъ типомъ отца - патріарха. Во всякомъ случаѣ въ младшемъ сынѣ, или же младшей дочери (иногда падчерицѣ) сказокъ, —не смотря на то, что и эта послѣдняя ставится еще въ столкновеніе съ древнѣйшими типами звѣрской мачихи или патріархально-деспотическаго отца— въ этихъ двухъ проявленьяхъ одного и того же глубоко-человѣчнаго типа нельзя не признать отпечатка уже человѣчной поры, а она не есть уже пора родовая. Если же вникнуть въ отношенія этихъ младшихъ человѣчныхъ существъ, этого молодаго поколѣнія сказокъ, ко всѣмъ и каждому,—въ ихъ способность подѣлиться послѣднимъ кускомъ съ какимъ нибудь въ первый разъ встрѣченнымъ странникомъ, не побояться предвозвѣщаемыхъ бѣдъ, чтобы только не оставить въ бѣдѣ страждующаго незнакомца, или же наконецъ поспѣшить на спасенье въ сосѣднее государство; —если сообразить все это, то будетъ ясно, что для молодаго поколѣнія сказокъ, существуютъ уже нравственныя связи, выводящія далеко за предѣлы древней родовой замкнутости. Нѣтъ сомнѣнія, что сейчасъ упомянутое сосѣднее государство первоначально могло означать не болѣе, какъ сосѣдній родъ; —но вѣдь самая эта способность заботиться — хотя бы только о родѣ, но уже не исключительно о своемъ, а также и о сосѣднемъ,—прямо выводитъ изъ тѣсноты родоваго быта, прямо указываетъ на появленіе связей между родами, такого же рода связи—уже очевидно не кровныя, а общественныя.

Между тѣмъ всѣ эти человѣчныя свойства младшаго поколѣнія сказокъ замѣтны не у какого либо одного изъ славянскихъ народовъ, а у каждаго; мало того,—замѣтны не только въ обще-славянской семьѣ, но и въ цѣлой великой семьѣ арійской или индо-европейской. Сравнительное изученіе сказокъ положительно это доказываетъ [1]). Отсюда же слѣдуетъ

[1]) См. Grimm, Kinder—und—Hausmärchen, I, ск. 7, 28, 54 (безсребренность дурачка),

обще-европейская древность того смягченнаго типа сказочныхъ героевъ, коего мы не могли не признать отраженіемъ быта—не родоваго уже, а общиннаго, того быта, участье въ которомъ уже издавна и обширной семьи славянской могло быть заподозрѣвамо такъ долго только въ силу незнанія, или же ученаго самодурства.

Но нами еще и не тронутъ цѣлый, совершенно особый родъ сказокъ, въ которомъ бытовое, нравоописательное уже совершенно господствуетъ;—это, во первыхъ, сказки объ убожествѣ и богатствѣ. Тутъ опять сохраняются бытовыя черты—разновременныя. Съ одной стороны, такъ какъ богатымъ и бѣднымъ являются тутъ двое братьевъ, и такъ какъ бѣдный — вовсе не лѣнтяй и не пьяница, т. е. бѣденъ не по своей винѣ, (Христ. стр. 114—117) то различіе ихъ состояній должно быть признано изначальнымъ, должно быть объясняемо тѣмъ, что одному отцомъ оставлено было много, а другому мало, или ничего, т. е. должно быть объясняемо произволомъ патріархальности. Это опять таки обломокъ такого времени, когда еще не было и въ поминѣ того общиннаго пользованія родовымъ имуществомъ, которое уже выше было признано нами за проявленіе—даже преимущественной и особенно ранней наклонности къ общинности именно славянскаго племени. Въ германскомъ, напротивъ того, какъ уже было сказано, при несомнѣнномъ существованіи многихъ, признаковъ перехода къ общинѣ, общиннаго пользованія наслѣдствомъ,—этой изстари, уже въ самыхъ предѣлахъ рода зачавшейся общинности, однакоже не было, или почти не было [1].—У Германцевъ даже замѣчательно рано предпочтенье одного изъ сыновей передъ прочими стало изъ произвола патріархальности переходить въ обычность, въ право, въ законъ. Такое предпочтеніе все болѣе и болѣе закрѣплялось за старшимъ, т. е. сильнѣйшимъ, а потому и почтеннѣйшимъ въ родѣ, представителемъ его цѣльности, въ смыслѣ недробимаго пользованія родовымъ имуществомъ, и преимущественно на немъ, а потому и на кровномъ началѣ, основанной власти. Это, какъ я понимаю, позднѣйшее превращеніе того же стараго родоваго быта, та третья его ступень, о которой лишь мимоходомъ упомянуто было выше, и о развитіи которой въ германскомъ племени уже прямо противоположно славянскому придется еще

57, 62, 65 (дурачокъ, сдѣлавшись королемъ, царствуетъ долго и мудро). II, ск. 97, 136 (безсребренность), 157, 166, 191. (См. также въ ч. III, соотвѣтственныя примѣчанія). Orient und Occident, II Jahrgang, S. 124, 294, 291, 278.

[1] Вайтцъ, ее отрицающій у Германцевъ, отрицаетъ также и развитость у нихъ круговой поруки, которая, правда, зачиналась въ германскомъ родѣ, но изъ рода не перешла въ германскую общину, такимъ образомъ остававшуюся лишенною нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ общинности (Waitz D. Verfassungsgeschichte, I, 89—91, 128, 424, etc.

говорить при обзорѣ былинъ. Эта новая метаморфоза рода, сильно развившаяся въ германизмѣ впослѣдствіи, сильно стѣснила въ немъ дальнѣйшее развитіе повсемѣстно зачинавшейся въ арійскомъ племени общинности. При появленіи у Германцевъ уже изстари упомянутыхъ признаковъ маіората, т. е. права старшаго, права первородства, неравенство состоянія братьевъ въ германскихъ сказкахъ можетъ быть объясняемо именно такимъ — узаконившимся предпочтеніемъ старшаго. Но въ славянствѣ, и по ясно выраженному сознанію народной поэзіи, и по изслѣдованіямъ большинства ученыхъ, маіората рѣшительно не оказывается [1]). Потому то неравенство между братьями въ нашихъ сказкахъ можетъ быть объясняемо только до - общинными проявленіями—не какого либо закона, а просто патріархальнаго произвола. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ, впрочемъ, братья, уже сообразно общинному началу въ семьѣ; живутъ вмѣстѣ, не дѣлятся, послѣ же, вслѣдствіе ссоръ между своими женами, раздѣляютъ отцовское добро поровну; (Христ. стр. 117) т. е. они поступаютъ совершенно такъ, какъ слѣдовало (въ Судѣ Любуши) по «закону вѣкожизныхъ боговъ: будета имъ оба въ іедно владу; чи ся роздѣлита, ровну мѣру».—Тутъ причина позднѣйшаго неравенства состоянія въ томъ, что одинъ беретъ жену бѣдную, а другой богатую, и именно у перваго что ни годъ, то рождаются дѣти. Если не основная причина, то, по крайней мѣрѣ, усугубленіе бѣдности – отъ дѣтей же—въ другой

---

[1]) Въ судѣ Любуши на настояніе старшаго брата—pr' vencu dedinu dati wavda — вѣче народное торжественно отвѣчаетъ: „nechvalno nam v Nemcech iskat pravdu". О появленіи въ нѣкоторыхъ отрасляхъ германскаго корня маіората уже въ V в. см. статью Шафарика въ Полн. Собр. его соч., т. III, стр. 153 — 158 (или же въ часописѣ чешскаго музеума 1864 г. кн. 1.). См. также у Никольскаго, О наслѣд. по др. Р. праву, стр. 81. „По германскому порядку наслѣдованія, говоритъ Филлипсъ, каждому отцу наслѣдуютъ прежде всего сыновья, способные носить оружіе. Они, какъ ближайшіе по крови, исключаютъ прежде всего внуковъ, а потомъ, по способности своей носить оружіе, и младшихъ своихъ братьевъ, не достигшихъ еще этой способности".... „Тирбахъ... подвергъ этотъ предметъ основательному изслѣдованію, и обнаружилъ, что наслѣдство первороднаго есть древне-германскій институтъ". У Гильфердинга въ Исторіи балтійскихъ Славянъ I, 88 о маіоратѣ у Германцевъ также говорится, но не приводится фактическихъ доказательствъ. Съ противоположной же стороны рѣшительно не видать, на чемъ основанно у Іос. Иречка мнѣніе о существованіи у Славянъ такихъ привилегированныхъ родовъ, изъ которыхъ будто-бы только и могли избираться племенные князья; мнѣніе, выраженное въ его Studie v oboru mythologie ceské (часопись чешск. муз. 1863 г., въ концѣ 3ьей. статьи). Сходное мнѣніе заявлено и обоими братьями Иречками въ ихъ Entstehen der christlichen Reiche стр. 75 хотя оно прямо противорѣчитъ упоминаемому тамъ же на стр. 79 позднѣйшему введенію въ княжескихъ славянскихъ семействахъ извѣстной степени предпочтенія старшаго, а равно и многимъ фактамъ, приводимымъ Герм. Иречкомъ въ его Recht in Böhmen und Mähren, стр. 65—70 (Fürstenrecht). (Ясно, что существованіе привилегированныхъ древнихъ родовъ возможно только при сильномъ и издавнемъ развитіи маіората).

сказкѣ, гдѣ уже не два брата, а одинъ, совершенно особнякомъ, убогой Нѣстерка, только позже находящій себѣ въ таинственномъ старикѣ—названнаго брата; (Христ. стр. 119=120) (о принадлежности же этого званія уже быту не родовому, а общинному было говорено выше). Въ особомъ же рядѣ сказокъ выставленъ также особнякомъ—не бѣднякъ, а богачъ; что̀ косается причинъ его цвѣтущаго состоянія, то прямо онѣ не указываются, но, такъ какъ онъ—купецъ, то можно полагать что богатство его по крайней мѣрѣ до извѣстной степени нажито имъ самимъ, а не только наслѣдовано (Христ. стр. 110—114). Но и къ нажитому (т. е. слишкомъ скоро) богатству народная мысль относится не совсѣмъ-то довѣрчиво и сочувственно. Это видно и изъ затронутыхъ нами сказокъ и изъ особаго ряда пословицъ (Христ., стр. 120—123): «богатые раньше насъ встали, да все и расхватали»—вотъ сущность взгляда народнаго на причины богатства, взгляда, пошедшаго, вѣроятно, еще съ того дальняго времени, когда и торговля была захватомъ, когда всюду проявлялъ свое право сильнаго этотъ умѣлый и смѣлый захватъ, когда и крупныя области, и крупныя состоянія основывались на немъ, и только на немъ. Уже нѣсколько мягче, съ намекомъ на прихоть счастія, отзывается о причинахъ богатства слѣдующая пословица: «денежки что̀ голуби, — гдѣ обживутся, тамъ и поведутся»; но снова рѣзкій намекъ на совершенно другое слышенъ въ пословицѣ: «деньги, что̀ каменья: тяжело на душу ложатся»; — въ пословицѣ, которой столько же разительнымъ дополненіемъ служитъ другая: «голъ да нагъ—передъ Богомъ правъ»—[1]). Вполнѣ соотвѣтственна, только еще рѣзче, пословица сербская: «богатство покрива хоріатство (мошенничество [2]) сюда же можетъ быть отнесена и слѣдующая, нѣсколько фигуральная, сербская же: «змія змію ако (если) не изjе, аждаjомъ (большою змѣею) не може постати.» Съ послѣднею же сродна и чешская: богатый не има дость (до-сыта, достаточно), докудъ много худыхъ (бѣдныхъ) не сежере (не пожретъ);» или же польская: «тенъ тему (тотъ тому) панъ, кто кого зjе». Но еще большею рѣзкостью (въ томъ же духѣ) отличаются слѣдующія, польскія же пословицы: «кто быстро разбогатѣетъ, тотъ душою за это приплатитъ»;—«богатый рѣдко оказывается правымъ—если не самъ онъ, то предокъ его» [3]).

---

[1]) Совершенно тоже и въ малороссійской: хочъ голъ, такъ правъ „(Номиса Укр. Прик., 31)". Замѣчательны слѣдующіе оттѣнки въ пословицахъ, записанныхъ въ томской губерніи: „Кто чѣмъ питается, тотъ тѣмъ марается";—„Не отъ того обѣднѣли, что сладко ѣли";—„Отъ работъ не будешь богатъ...." (Потанина Ю. Зап. часть томской губерніи—въ Этногр. Сб., VI, стр. 54 и 55).

[2]) Вука Сербск. Словарь, 805.

[3]) Вука Серпске Посл., 17. Челяковскаго, Слав. нар. мудр., 167. Совершенно сходны нѣмецкія: „ein Reicher ist ein Schelm oder eines Schelmen Erbe";—"Reich sein und gerecht, reimt sich wie krumm nnd Schlecht" (Simrock, D. Sprich w, 393, 394).

Всѣ эти заключенія простодушиой народной мудрости, конечно, не сходятся съ положеніями многихъ политико-экономовъ, но они вѣдь слагались въ такую пору, когда еще и въ жизни не существовало достаточныхъ данныхъ для политической экономіи. Впрочемъ и этой послѣдней, при всемъ простодушіи народа, не мѣшало бы обратить по-больше вниманья на то, что̀ способствовало живучести въ немъ подобныхъ воззрѣній на убожество и богатство.

Но воззрѣнія эти отличаются, съ другой стороны, не только не односторонностію, а даже замѣчательнымъ разнообразіемъ въ оттѣнкахъ. И въ сказкахъ отчасти, еще же больше въ пословицахъ (впрочемъ многія изъ этихъ послѣднихъ служатъ какъ бы сокращенною формулою сказокъ) мысль народная по временамъ вдается въ извѣстную крайность идеализаціи; какъ бы желая въ себѣ усыпить, убаюкать горькое чувство неудовлетворенности своимъ состояніемъ, народъ рисуетъ его себѣ — съ внутренней, нравственной стороны даже болѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ состояніе богачей, не знающихъ мира, покоя душевнаго (см. Христоматію въ пословицахъ объ убожествѣ и богатствѣ (стр. 120—122) № 3, 6, 8, 20, 21, 25, 26, 34 36). [1]) Уже несравненно болѣе практической правды, даже тонкой психологической наблюдательности, въ томъ заключеніи пословицъ и сказокъ, по которому богатый потому собственно не можетъ быть названъ счастливымъ, что ему всё мало, и страстное исканіе еще большаго дѣйствительно не даетъ успокоиться (въ пословицахъ—№ 1, 44, 48, 50). Сюда же примыкаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другое—боязнь потерять пріобрѣтенное, дрожанье надъ каждой крохой, доводящее до полнѣйшаго непониманья чужой нужды, до полнѣйшаго очерствѣнія нравственнаго. Вотъ такимъ-то по преимуществу и является богачъ въ сказкахъ,—а комментаріемъ къ нимъ служатъ и тутъ, какъ вездѣ, пословицы: «и двери богатыхъ стыдятся нищихъ;»—«не отъ скудости скупость вышла, а отъ богатства»;—«чѣмъ богатѣе, тѣмъ скупѣе»;—«будешь богатъ, будешь и скупъ»; — «залѣзъ въ богатство, забылъ и братство» (см. Христоматію). Таковы же и малороссійскія: «богатый біднаго не знае»;—«не той бідній, хто хліба не мае, а той, хто души»; — «не той убогій, що мало мае, а той що богацько жадае».—[2]) Совершенно противоположна,

---

[1]) Сходно и у Нѣмцевъ: «arme leute schlafen für wohl essen» — или же: „бѣдность не въ бѣдность, если не умѣетъ быть весела“ (Simrock, 23). Сюда же относится и латинское изрѣченіе: habet et sua gaudia pauper. (Wander, Sprichworter Lexicon, 135).

[2]) Номіса, Укр. Прик. 32—34. Сходно и у Сербовъ: у богата Влаха скупа шеница (Вука С. П., 325). Наконецъ подобныя же пословицы и у Нѣмцевъ: „Не тотъ бѣденъ, у кого мало, а тотъ, кто во многомъ нуждается“; — «бѣдности недостаетъ немногаго, скупости же — всего»). (Simrock D. Spr. 22 — 26). „При приходѣ бѣднаго богатый вдругъ слѣпнетъ“ (Wander, Sprichworter Lexicon, 137).

по увѣренью народной словесности, способность бѣднаго—хорошо знакомаго не съ воображаемой, не съ нервически себѣ создаваемой, а съ настоящею и прямою нуждою — способность его сострадать нуждѣ каждаго, сострадать, и стремиться помочь—по силамъ. Въ сказкахъ народныхъ—странникъ, ушедшій ни съ чѣмъ отъ воротъ богатаго, всегда находитъ пріютъ и хотя ломоть хлѣба въ хижинѣ бѣдняка. «Отдалъ убогій нищему послѣдній пятакъ, а самъ отъ богатаго ушелъ и такъ», говоритъ пословица» (Христом. № 46, см. тамъ же другія сходныя) или же—въ малороссійской формѣ: «до вбогого йди сорочки позичати (занять) а до богатаго николи не йди»)—[1]). И въ этомъ также мало идеализаціи, такъ же много психологической правды, какъ, съ другой стороны, — въ рѣшительно безотрадныхъ (прямо противоположныхъ вышеприведеннымъ идеализирующимъ) пословицахъ слѣдующаго рода: «наготы, босоты изувѣшены шесты; холоду, голоду амбары полны»;—«ни задавиться, ни зарѣзаться не чѣмъ» (Христ. стр. 121; см. тамъ же другія сходныя). Такая же точно — но уже дающая и отраду, служащая свѣтлымъ лучомъ среди тьмы, такая же точно правда — а вовсе не порожденіе ложной идеализаціи—въ той способности бѣдныхъ помочь другъ другу, о которой уже упомянуто. Если съ одной стороны народъ — опять хотя бы и идеализируя, но не ложно — придаетъ какъ бы нравственную цѣнность бѣдности тѣмъ, что порою ее обрисовываетъ вызывающею на борьбу, на дѣятельность, борьбой и трудомъ, такъ сказать, закаляющею, выковывающею желѣзо воли («нужда горюетъ — нужда воюетъ»; — «богатый на деньги, убогій на выдумки»;—«богатство гинетъ нищета живетъ» «злыдни скачутъ, неволя учитъ, чужіе хлѣбы спать не даютъ — см. Христ.); [2]) ежели это съ одной стороны служитъ нравственною опорой народу, то съ другой, едва ли не большей еще опорою служитъ ему то могучее чувство братства, которое выразилось въ пословицахъ: «на каждую душу готова краюшка»;—«богатый бѣднаго не кормитъ а всѣ сыты бываютъ», «одинъ хлѣба не съѣшь» (см. Христ.); — еще же выразительнѣе сибирская форма той же повидимому пословицы; «у хлѣба не безъ крохъ» [3]).

---

[1]) Номіса, Укр. Прик., 33.

[2]) Замѣчат. также малороссійская: «Наши злидни ваше богацьтво перебудуть» (Номіса, 32). Ср. между нѣмецкими: arm sein ist eine Kunst, wer's kann!—Armut ist der sechste Sinn (Simrock, 22—25) Armut kann alles, Reichtum nichts.—Armut ist der Tugend Stiefmutter (Wander, 141, 142). Замѣчательны наконецъ по оригинальному своему складу пословицы: «Armut ist der gesundheit Mutter» (Wander, 140).

[3]) Съ особенною же полнотою мысль эта выражается въ слѣд. двухъ нѣмецкихъ пословицахъ: Никого нельзя назвать бѣднымъ до такой степени, чтобы онъ уже не могъ никому и ничѣмъ помочь; и никто не богатъ въ такой мѣрѣ, чтобы уже рѣшительно не нуждаться въ помощи; — „Десять бѣдныхъ уживаются въ одной хижинѣ; но два короля въ одномъ государствѣ—ни за что на свѣтѣ не уживутся (Wander, 133, 138).

Такое направленіе народной мысли, служа народу опорою въ томъ отношеніи, что оно его нравственно возвышаетъ въ его же глазахъ, что оно возбуждаетъ въ немъ сознаніе своего рода силы, съ другой же стороны — и своего рода умѣлости, даже мудрости; — это направленіе вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, которое мы уже видѣли и въ позднѣйшей формаціи сказокъ о такъ называемомъ дурнѣ, на самомъ же дѣлѣ о мудромъ—какъ понимаетъ его простодушный, конечно, народъ!

«Рубище не дуракъ, а золото не мудрецъ» говоритъ одна изъ пословицъ (№ 37 въ Христ. стр. 121); поясненьемъ же можетъ служить другая: «бѣдный, какъ сможетъ; богатый, какъ хочетъ». Что одна дѣйствительно связывается тѣсно съ другою, что въ этой возможности жить, какъ захочется, жить исключительно по себѣ, не стѣсняясь ни въ чемъ другими, народъ въ самомъ дѣлѣ не видитъ особенной мудрости, это ясно изъ малороссійской пословицы: «пани (они-же, по мнѣнію народа, непремѣнно и богачи) якъ дурни; — що хотять, то и робять». Тутъ даже съ полною откровенностію—въ этой неограниченности ничѣмъ усматривается народомъ глупость: такимъ образомъ свойство, во мнѣніи старшихъ братьевъ принадлежащее младшему, этимъ послѣднимъ отворачивается (по народному выраженію), т. е. воздается обратно, возвращается старшимъ. Но то-же самое направленіе проявляется и въ нѣмецкой пословицѣ: «каждому нравится жить по себѣ; оттого-то земля и переполнена дураками»;—а также въ другой, пояснительной: «глупость живетъ у богатыхъ» [1]).

И такъ, если сказки, повидимому, наружно, какъ-бы соглашаясь со старшими (богатыми) братьями, признаютъ за младшимъ (безсребренникомъ) званіе дурня, то пословицы въ этомъ случаѣ растолковываютъ настоящую, затаенную мысль народа, и прямую мудрость усматриваютъ въ изреченіи: «не боюсь богатыхъ грозъ, а боюсь убогихъ слезъ», и въ чуждомъ богатому правилѣ: «одной рукой жни, другой сѣй» (Христ. № 39 и 43). Если же въ идеалѣ младшаго брата мы видѣли произведеніе поры—не родовой уже, а общинной, то не то ли же должно относиться и ко всѣмъ этимъ сказкамъ и пословицамъ объ убожествѣ и богатствѣ?—Не ясно ли, что эта крѣпкая братская связь, взаимно поддерживающая бѣдняковъ, дающая имъ возможность сказать, что «богатый не золото ѣстъ, а бѣдный не камень гложетъ» (№ 34), — что связь эта основана уже не на кровномъ, а, такъ сказать, на названномъ братствѣ [2])?

---

[1]) Этногр. сб. VII, 55 (ст. Потанина о Томской губ.) Челяковскаго, Сл. Нар. Мудр., 170. Simrock, D. Sp., 344, 486.

[2]) Въ Христ. на стр. 119 убогой старикъ, которому помогаетъ убогой же Нестерка, дѣйствительно вступаетъ съ нимъ въ братство названное. Выше замѣчено было,

Но народная мысль умѣла подмѣтить и еще одну сторону въ отношеніяхъ къ бѣдняку богатаго: въ особыхъ пословицахъ она выражаетъ особенную, міровую важность того труда, которымъ трудится бѣднякъ, выражаетъ зависимость отъ него всѣхъ и каждаго — и богача въ томъ числѣ. Въ пословицахъ этого рода выразилось самосознаніе по преимуществу земледѣльческаго народа (какимъ и были Славяне): «ѣлъ бы богачъ деньги, кабы убогій его хлѣбомъ не кормилъ (№ 42). Это голосъ того же народа, который, какъ намъ уже извѣстно, видѣлъ особую, божественную силу въ хлѣбѣ, величалъ его царемъ · хлѣбомъ» и воздавалъ ему честь въ особыхъ священныхъ пѣсняхъ (см. выше стр. 38) [1]. Но народомъ отмѣчены наконецъ и особые случаи зависимости отъ него богача, случаи, зависящіе отъ перемѣны счастія: «всяко случается: и богатый къ бѣдному стучится» (№ 41). Если же именно къ нему, а не къ своему брату богатому, то причина тому указывается основною сущностью нашихъ пословицъ и сказокъ: она—въ той тугости, съ какою вообще раскрывается крѣпко замкнутая копилка богатаго, и въ той легкости, съ какою раскошеливается неимущій Иванушка дурачокъ. Но вотъ эта-то самая всегдашняя готовность повытряхнуть и послѣднее изъ своей суммы, подъ вліяніемъ дѣтски разыгрывающагося воображенія народнаго, становится иной разъ причиною — перемѣны счастія. Въ цѣломъ рядѣ сказаній, существующихъ у различныхъ народовъ, именно у бѣдняка постоянно находятъ пріютъ и угощеніе странники, и, оказываясь божественными существами, изъ благодарности надѣляютъ его состояніемъ богача, только что ихъ прогнавшаго отъ своего дома. Въ относящейся сюда сказкѣ, помѣщенной въ Христоматіи на стр. 110 — 114, по милости доброй дочери богача странникамъ, по крайней мѣрѣ, даютъ пріютъ въ скотной избѣ, о милосердіи же бѣдняковъ уже нѣтъ помину (болѣе полные въ этомъ отношеніи изводы того же сказанія мож-

---

что при древне-славянской общности родоваго имущества, бѣдными могли становиться только исключенные, за негодность, изъ родовой своей общины, вслѣдствіе чего худой и бѣдный—это были понятія очень близкія. Только что разобранныя сказки и пословицы указываютъ, конечно, на иное направленіе народной мысли, которая, какъ мы уже имѣли случай не разъ убѣдиться, замѣчательно далека отъ односторонности. Это новое направленіе должно было усиливаться, по мѣрѣ учащавшихся примѣровъ раздѣла (хотя бы и поровну) между братьями, и слѣдовавшей за тѣмъ прихотливой неравномѣрности счастія относительно того и другого.

[1]) Сходное направленіе замѣтно и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ пословицахъ, но уже безъ указанія собственно на хлѣбъ, на важность его воздѣлыванія бѣдняками (что соотвѣтствуетъ меньшей наклонности германскаго племени собственно къ земледѣльческому труду). Таковы пословицы: die Armen helfen alle, dass kein Reicher falle;—Armut ist des Reichen Kuh;—Armut ist des Reichen Hand und Fuss. (Simrock, D. Sp. 22—26).

но найти въ легендахъ народныхъ [1]); что̀ касается сходныхъ сказаній у другихъ народовъ, то, для примѣра, вспомнить можно хотя бы угощеніе боговъ недостаточною старческою четою—Филемономъ и Бавкидою—заимствованное Овидіемъ, какъ и многое, изъ миѳовъ существовавшихъ въ народѣ). Въ другой сказкѣ, помѣщенной въ Христоматіи на стр. 119—120, въ домѣ разбойника-богача сначала совсѣмъ не хотятъ принять, а потомъ оставляютъ безъ ужина странниковъ бѣдняковъ; но въ одномъ изъ нихъ, старикѣ безногомъ, скрывается божественное существо, — и домъ негостепріимнаго богача-разбойника по отшествіи бѣдняковъ проваливается сквозь землю. Сказаніями этого рода, очевидно, выражается также и важность того начала гостепріимства, которое, какъ мы видѣли, служило и у многихъ народовъ однимъ изъ прямыхъ проявленій совершавшагося перехода къ общительности, у Славянъ же оказывается даже преимущественно развитымъ, какъ оно выходитъ уже изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ о нихъ чужеземныхъ, и даже не всегда къ нимъ благосклонныхъ писателей [2]).

---

[1]) Въ настоящій выпускъ Христоматіи онѣ не вошли по преобладающему въ нихъ наслоенію позднѣйшаго христіанскаго времени; до нѣкоторой степени, впрочемъ, оно замѣтно уже и въ только что указанной сказкѣ о Маркѣ Богатомъ, но съ другой стороны сказка эта представляетъ и нѣкоторыя — даже миѳическія черты (напр. царя-Змія, чудесную рыбу—Китъ и т. п., см. Христ. стр. 112 и 113).

[2]) Всѣ Славяне, говоритъ Гельмольдъ, какъ бы по врожденному чувству, принимаютъ всякаго путешественника съ такой готовностію, что никогда не нужно требовать у нихъ пристанища... Въ такомъ случаѣ хотя бы хозяинъ и укралъ что нибудь у другого для угощенія своего гостя, преступленіе почиталось маловажнымъ и грѣхъ простительнымъ. Когда открывалось, что кто нибудь отдѣлался отъ путешественника, не принявъ и не угостивъ его, то всякому позволено было поджечь его домъ». (Въ нашей сказкѣ домъ негостепріимнаго богача не поджигается, а проваливается и притомъ дѣйствіемъ не человѣческой воли, а чудеснаго, т. е. божественнаго существа; но извѣстно, что боги миѳическіе всегда поступаютъ въ томъ духѣ, какимъ надѣляютъ ихъ люди, народъ. Впрочемъ въ нашей сказкѣ—вѣроятно это только позднѣйшее измѣненіе, такъ оно, покрайней мѣрѣ, выходитъ изъ сличенья съ другими подобными сказками—въ нашей сказкѣ домъ проваливается въ наказаніе уже не за негостепріимство собственно, но скорѣе за то, что хозяинъ его разбогатѣлъ грабежомъ. Во всякомъ случаѣ между этою сказкою и подмѣченнымъ Гельмольдомъ въ нравахъ Славянъ, есть кажется, нѣкоторое соотвѣтствіе). «Всѣ, продолжаетъ Гельмольдъ, встрѣчали того ругательствомъ, и единодушно называли безчестнымъ и подлецомъ, кто не дѣлился съ гостемъ». Такія же свидѣтельства оставили намъ о Славянахъ и древніе греческіе писатели, единогласно утверждающіе, что хозяинъ, или тотъ, кто, слѣдуя обычаю народному, добровольно брался проводить путешественника съ мѣста на мѣсто, отвѣчалъ за его безопасность и вредъ, ему нанесенный; что всякій сосѣдъ считалъ обязанностью своей позвать его къ отвѣту и мстить ему, если онъ сдѣлалъ такую обиду гостю. Это гостепріимство Славяне распространяли... даже и на самыхъ враговъ, съ которыми враждовали и вели войны.» (Суровецкаго, Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ, стр. 66 и 67 — въ Чтен. М. О. И.

Тѣ-же сказки, съ другой стороны, примыкаютъ, какъ не трудно замѣтить, и къ народнымъ сказаніямъ о судьбѣ (до извѣстной степени уже затронутымъ выше). Въ иныхъ изъ нихъ еще проявляется своенравная, причудливая судьба, или, лучше сказать, судьбы. Ихъ тутъ, дѣйствительно, двѣ: судьба, или доля, счастье богатаго (усердное, дѣятельное), и счастіе бѣднаго (лѣнивое, лежащее подъ кустомъ). Но если первое трудолюбиво, то это именно оно, а не онъ: богачъ себѣ «пьетъ, гуляетъ, а я на него работаю», отвѣчаетъ оно устами одного изъ служащихъ ему работниковъ. Счастье же бѣднаго брата, лѣнивое, съ другой стороны также дѣятельно — въ качествѣ Горя: оно безостановочно подталкиваетъ бѣдняка, чтобы окончательно его разорить, — и вдругъ, ни съ того ни съ сего, указываетъ ему кладъ (Христ. стр. 116), въ другомъ же варіантѣ берется быть дѣятельнымъ, въ прямомъ и хорошемъ смыслѣ, на новомъ, купеческомъ поприщѣ (стр. 118). Когда же бѣднякъ отъ этого богатѣетъ, а въ богачѣ возбуждается зависть, возбуждается томительное желаніе видѣть брата по прежнему въ нищетѣ (сообразно господствующимъ чертамъ богача въ народной словесности)—то прихотливая измѣнчивость Доли (судьбы) выражается особеннымъ образомъ: выпущенная завистливымъ изъ ямы (куда засадилъ ее разбогатѣвшій внезапно братъ), Злая Доля, вмѣсто того, чтобъ къ нему возвратиться, вскакиваетъ на плечи завистливому богачу и уже не отстаетъ отъ него—какъ бы изъ благодарности. Но эта особаго рода, коварная, такъ сказать, благодарность, снова приводитъ на умъ ту совершенно иную, настоящую благодарность странствующихъ боговъ, о которой уже сказано было выше. Такая божественная благодарность милосердому бѣдняку, такая, мудрости исполненная рѣшимость на обмѣнъ состоянія между нимъ и богатымъ,—это уже соотвѣтствующее болѣе высокой ступени, очищенное понятіе о божествѣ. Первоначально миѳическое, оно проникается уже высшимъ религіознымъ началомъ.

Это уже божество — въ отвлеченномъ духовномъ смыслѣ, божество - судьба въ лучшемъ духовномъ значеніи этого слова. Благодарность уже становится тутъ наградою, воздаяньемъ сторицею за добро, творимое бѣднякомъ, и правосудное возмездіе богачу за зло. Прежнее, человѣкоподобное представленіе сохраняется тутъ развѣ въ томъ, что божество должно еще, совершенно по человѣчески, на соб-

и др. 1847 г. № 1). И при подобной способности Славянъ мстить своему за чужаго, такъ долго говорили у насъ о неподвижномъ пребываніи ихъ на ступени родоваго быта! При этомъ же не лишнее вспомнить то совершенно противоположное отсутствіе гостепріимства у древнихъ Ирландцевъ, о которомъ говорено было выше (стр. 134, вып. 1) и которое возможно только при дѣйствительно долгой, застоявшейся вѣрности родовому быту.

ственномъ опытѣ убѣдиться, какимъ образомъ пользуется своимъ богатствомъ богатый; но, совершенно божественно, тутъ уже — возмездье ему, а не месть,—дѣло не личное, а такъ сказать, міровое. [1]) Тоже высокое понятіе о божествѣ, какъ справедливомъ возмездникѣ, выражается и особыми сказками—о непремѣнно открывающемся преступленіи,—сказками, отчасти уже нами затронутыми выше; это тѣ, въ которыхъ душа убитаго или убитой переходитъ въ какое-нибудь неодушевленное существо и, сообщая ему даръ слова, неожиданно выдаетъ преступника — (Христ. стр. 88 и 89). [2]) Та-же мысль выражается иной разъ и нѣсколько иначе. Такъ въ сказкѣ о братцѣ козленочкѣ (отчасти также затронутой нами — съ другой ея стороны — въ отдѣлахъ гоненій мачихи и подмѣна невѣсты) онъ, и превращенный подобнымъ образомъ, сохраняетъ способность говорить человѣческимъ языкомъ; сестра же, и утопленная въ пруду, сохраняетъ на днѣ его жизнь, и откликается на вызовъ козленочка. (Христ. стр. 76 — 77). Наконецъ разговоръ ихъ подслушанъ, сестра вытащена изъ пруда, а губители ея наказаны. Но, въ настоящемъ видѣ своемъ, эта сказка, очевидно, уже попорчена и урѣзана: нѣтъ ни слова о возвращеніи козленочку человѣческаго его образа (а такое возвращеніе обычно въ сказкахъ—сообразно

---

[1]) По приговору боговъ, въ сказкахъ этого рода, имѣнье богатаго должно со временемъ перейти къ родившемуся во время ихъ посѣщенія сыну бѣдняка. Богатый употребляетъ всѣ средства, чтобы погубить мальчика;—и, не смотря на все, онъ остается цѣлымъ и невредимымъ и приговоръ судьбы сбывается въ точности. Такою идеею предопредѣленія сказки этого рода сближаются съ цѣлымъ рядомъ сказокъ о вѣщемъ снѣ (отчасти о нихъ уже упомянуто было выше). Эти же послѣднія представляютъ много общаго съ ветхозавѣтнымъ сказаніемъ объ Іосифѣ, извѣстнымъ персидскимъ преданіемъ о Кирѣ и Астіагѣ, и т. п.

[2]) Чрезвычайно сходная, миѳическо-нравственная основа оказывается въ сказаніи, прочитанномъ на одномъ египетскомъ папирусѣ, который учоными относится къ XIII или даже XIV в. до Р. Х! (См. статью Маннгардта—Das älteste Märchen, въ его-же Zeitschr. f. D. M., IV, 232—259). Сюда же относится по основной своей мысли и то классическое преданіе, которое передано Шиллеромъ въ его Kraniche des Ibicus, и то средневѣковое которое обработано имъ же въ балладѣ der Gang nach dem Eisenhammer (Судъ Божій —въ переводѣ Жуковскаго). Сходное съ послѣднимъ имѣлось въ литературной передѣлкѣ — въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ (см. Пам. стар. Р. Лит. Костомарова, I, стр. 81—83; тамъ же на стр. 84 интересное примѣчанье издателя). (Въ той же 1-ой части важны объясненія Костомарова къ «Горю злочастію,» гдѣ указывается на Горе, какъ на одно изъ тѣхъ олицетвореній «отвлеченныхъ понятій, которыя общи всѣмъ народамъ въ извѣстный періодъ ихъ развитія и составляютъ существенную стихію всякой миѳологіи, когда она возвысится отъ неопредѣленнаго шаманства, безсмысленнаго страха таинственной неизвѣстной силы на степень антропоморфизма и свободнаго творчества образовъ» (стр. 11) О повѣсти же «Горе-Злочастіе,» какъ носящей печать уже несравненно позднѣйшаго времени, рѣчь еще, впереди.(Ср. Бусл. Ист. Оч. I, 548.)

вполнѣ счастливому ихъ исходу); наказанными же являются только позднѣйшіе, вторичные, такъ сказать, губители, о самыхъ же первыхъ, о зачинщикахъ гибели, сказка уже забываетъ. Въ этомъ именно надобно видѣть уже позднѣйшую порчу, — первоначально мысль о возмездіи должна была быть проведена во всей полнотѣ.—Что же касается мысли этой вообще, то проникнуть въ сказанія, первоначально миѳическія, и такимъ образомъ внести въ нихъ стихію, уже религіозную,—она могла только подъ условіемъ возникновенія хотя бы первыхъ понятій о правосудіи уже въ самой жизни людей; подобныя же понятія рѣшительно невозможны на ступени исключительно родоваго быта, съ его произволомъ патріархальности, съ его исключительнымъ правомъ старшаго, т. е. сильнаго [1]).

И такъ, въ свою очередь о другой, уже болѣе высокой ступени свидѣтельствуютъ всѣ эти сказки о возмездіи, къ разряду коихъ должны быть отнесены и самыя выразительныя въ этомъ отношеніи сказки о правдѣ и кривдѣ. Въ нихъ выражается уже рѣшительная окрѣплость въ народѣ увѣренности въ томъ, что рано или поздно божественное правосудіе торжествуетъ. Въ сказкахъ этихъ богатому соотвѣтствуетъ тотъ, который утверждаетъ, чту лучше жить кривдою (криводушный — такъ величаетъ его народъ), бѣдному же—тотъ, который, не смотря на преслѣдующую его нужду, напираетъ на то, что лучше жить правдой (правдивый). Но тѣ и другія могутъ быть приведены къ одной общей основѣ еще и со сказками третьяго рода—уже хорошо намъ извѣстными объ умномъ и глупомъ. Какъ послѣдніе являются братьями (только ихъ —мы замѣтили—большею частію три: два умныхъ и одинъ глупый), такъ очень часто братьями же являются богачъ и бѣднякъ, криводушный и правдивый [2]). Заключительное же похожденіе правдиваго — спасенье

---

[1]) Конецъ «братца-козленочка» напоминаетъ послѣднія слова колядки о принесеніи въ жертву козла (Христ. стр. 4), только тамъ слова эти приписываются брату, а въ сказкѣ—сестрѣ, сверхъ того въ колядкѣ еще цѣлъ размѣръ, а въ сказкѣ онъ уже разложился въ прозу. Но такъ какъ первоначально онъ долженъ былъ быть и въ этой послѣдней, то надобно полагать, что эти заключительные стихи колядки были только занесены въ нее изъ сказки въ позднѣйшее время, когда различныя преданія, утративъ для народа прежнюю ясность и раздѣльность своего содержанія, стали нерѣдко смѣшиваться въ памяти народныхъ пѣвцовъ. Въ колядкѣ козлу предстояло быть зарѣзаннымъ;—утративъ сознаніе, что тутъ рѣчь идетъ о принесеніи его въ жертву, пѣвецъ могъ припомнить соотвѣтствующее мѣсто изъ сказки—(гдѣ собираются зарѣзать братца-козленочка)—и примѣшать его къ колядной пѣснѣ;—а тамъ оно такъ и пошло переходить отъ него къ другимъ пѣвцамъ. Впрочемъ открытіе новыхъ, сходныхъ сказаній можетъ представить это и въ другомъ свѣтѣ.

[2]) Въ одной изъ народныхъ сказокъ, вошедшихъ въ составъ итальянскаго литературнаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ Пентамероне, бѣднякъ отличается точно

царевны отъ вражьей силы—есть только переиначенное похожденіе младшаго брата—грязнаго дурня сперва, подъ конецъ же—свѣтлаго добраго молодца-побѣдоносца (въ Христ. на стр. 124 и 125, этотъ заключительный подвигъ правдиваго уже сильно христіанизированъ — но такъ оно въ настоящее время уже и во всѣхъ вообще сказкахъ о правдѣ и кривдѣ [1]). Наконецъ, (опять подобно и младшему брату - дурню, и бѣдняку-добряку), правдивый оказывается до конца незлобивымъ и сострадательнымъ къ каждому — даже къ криводушному, не смотря на его прежнее безчеловѣчіе съ нимъ;—но сама судьба наказываетъ послѣдняго, и то, что послужило къ спасенью правдиваго, служитъ къ погибели криводушнаго, подобно тому, какъ это обыкновенно случается въ сказкахъ о падчерицѣ и мачихиныхъ дочеряхъ (онѣже, какъ мы знаемъ, составляли только женскую сторону сказокъ о братьяхъ—умныхъ и глупомъ).

Въ нашихъ сказкахъ особенно выдается впередъ непоколебимая вѣра правдиваго, что правдою лучше жить (такъ и въ сербскомъ варьянтѣ; напроревъ въ германскомъ, норвежскомъ, валашскомъ—этой увѣренности нѣтъ вовсе, и только самая сказка своимъ исходомъ свидѣтельствуетъ въ пользу вправды). Въ нѣкоторыхъ варьянтахъ (Христ. стр. 126 и 127) именно побившись объ закладъ изъ-за этой вѣры, правдивый и лишается

такою же привѣтливостью, такимъ же ласковымъ обращеніемъ (о всѣми и каждымъ, какъ и младшій братъ-дурачокъ, и этимѣ онъ точно также снискиваетъ себѣ друзей (Pentamerone v. D. Basile, übers. v. F. Liebrecht, II, стр. 159—167. Тамъ же другая сказка (стр. 12—28) служитъ связію между сказками о бѣднякѣ и богатомъ со сказками о правдѣ и кривдѣ.

[1]) Впрочемъ несравненно менѣе христіанизаціи въ сербскомъ варьянтѣ, гдѣ нѣтъ ни чудотворной иконы, ни изгоняемыхъ ею бѣсовъ, а въ концѣ являются (тамъ, гдѣ въ русскомъ варіантѣ нечистые духи) чисто миѳическія существа—вилы. Въ тоже время въ сербской сказкѣ, вмѣсто крестьянъ, портныхъ, купцовъ (и по большей части уже не родственниковъ) русскихъ сказокъ, криводушнымъ и правдивымъ являются еще два брата—царевича, изъ которыхъ старшій послѣ смерти отца насильственно обдѣляетъ младшаго (Вука српске приповjетке, 106—109). Въ нѣкоторыхъ варьянтахъ у другихъ народовъ также братья; въ валашской же—злая мать и добрая дочь. Замѣчателенъ варіантъ норвежскій, который, (какъ и записанный въ Пентамероне) сказки этого рода прямо роднитъ со сказками о дурачкѣ и умникѣ. Отправившись вмѣстѣ съ правдивымъ въ путь, криводушный пользуется его припасами; когда же они всѣ съѣдены, и правдивый хочетъ воспользоваться припасами брата, тотъ не даетъ ему.—«Но вѣдь ты же ѣлъ изъ моего мѣшка,» замѣчаетъ правдивый. «А вольно же тебѣ было быть такимъ дуракомъ» (Примѣч. Аѳанасьева къ сказкамъ 1-го вып., стр. 108—112). Въ нѣмецкомъ варьянтѣ они уже не братья, а чужіе—сапожникъ и портной. Послѣдній своими качествами напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ Иванушку—младшаго брата; подобно ему, напримѣръ, оказывается милосердымъ къ животнымъ, которыя потомъ ему помогаютъ изъ благодарности. Съ другой же стороны портной имѣетъ дѣло и съ висѣльниками—опять подобно Иванушкѣ, который выказываетъ состраданіе къ нимъ въ одной изъ сказокъ о братьяхъ (Grimm, K. u. H. M., II, 102—113).

всего своего имущества (въ другихъ они только спорятъ, оба уже изначала бѣдны, но одинъ не теряетъ при этомъ вѣры (Христ. стр. 122 — 123). Противъ вѣры правдиваго рѣшительно всѣ—всякіе встрѣчные мужики, прикащики, писаря, судьи (въ различныхъ варьянтахъ—различно): всѣ въ одинъ голосъ поддакиваютъ криводушному, что правдой не проживешь. А правдивый все настаиваетъ на своемъ,—и оказывается, что онъ не одинъ, что за него мысль народная, выражающаяся благополучнымъ исходомъ сказки. Повидимому, правдивый совсѣмъ уничтоженъ: чтобы не умереть голодною смертію, ему приходится купить себѣ у криводушнаго два куска хлѣба — цѣною двухъ своихъ глазъ. Но вотъ тутъ то и совершается крутой поворотъ въ отношеніяхъ къ нему судьбы: зрѣніе ему возвращается, онъ становится спасителемъ царской дочери, выходитъ въ люди,—а криводушный гибнетъ.

Та-же самая мысль о всегдашнемъ конечномъ торжествѣ правды выражается и цѣлымъ рядомъ пословицъ (Христом. стр. 127 и 128). Нѣкоторыя изъ нихъ служатъ какъ бы сокращенною формулою сказокъ о всегдашней открываемости преступленія: «и перекати - поле (трава) на виноватаго доносчикъ;» — «и ракитовый кустъ за правду стоитъ (сравнить со сказкой объ убитой сестрѣ и калиновой дудкѣ—Христ. стр. 88 и 89). Нѣкоторыя, наоборотъ, какъ бы раздѣляютъ невѣріе въ правду всѣхъ тѣхъ встрѣчныхъ, которые въ сказкахъ попадались правдивому (№ 15, 16, 18, отчасти 33—см. Христом. стр. 128). Но ихъ не мудрено помирить съ пословицами противоположнаго, вѣрующаго свойства. Такъ, если одна изъ малороссійскихъ утверждаетъ, что «брехнею свѣтъ живетъ,» то другая дополнительно свидѣтельствуетъ, что онъ однако же «не на брехнѣ стоитъ.» Дальнѣйшимъ же дополненіемъ служитъ великороссійская: «рать стоитъ до мира, ложь до правды.» — Если одна малороссійская пословица говоритъ: «правда на днѣ моря спочивае,» то и тутъ она только почиваетъ; — по другой же пословицѣ: «правда якъ олива (масло) на верхъ вiйде» [1]). Въ великороссійской же формѣ: «правда со дна моря выноситъ.»—Особеннымъ образомъ выражается о томъ же пословица сербская: «у лажи су кратке ноги;» или же: «лажи je плитко (плоское, мелкое) дно.» Въ томъ же направленіи говоритъ сербъ: «како право, тако здраво;» — «ако (если) правда не поможе, кривда не че помочи.» — Чтò касается болгарина, тò ежели иной разъ онъ сознается, что «правда та кисела, а кривда-та сладка,» то это не мѣшаетъ и ему быть вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что «правда торжествуетъ надъ кривдою.»—«Съ особенною поэзіею выражается чехъ: «огне нельзе упалити, воды утопити, ветру удусити, а правде загинути.» [2])

---

[1]) Совершенно такъ въ польской (Челяк., 63).

[2]) Челяк., 63, 64, 66. Каравелова, I, 113. Wenzig, Westslawischer Märchenschatz,

Существованіе въ народѣ такой глубокой увѣренности въ неистребимости правды составляетъ, конечно, явленіе, надъ которымъ мало ли кому стоило бы задуматься. Если нельзя еще придавать особой цѣны такого же рода идеализму въ какомъ нибудь кабинетномъ мыслителѣ, которому живется тепло и привольно, а потому и философствуется легко о конечной разумности всего существующаго;—то такая же или сходная философія при практическомъ смыслѣ народа, не смотря на всѣ, казалось бы, противорѣчащія свидѣтельства жизненнаго, и притомъ въ полномъ смыслѣ собственнаго своего опыта,—это вѣрующее постоянство мысли, не смотря на вѣковое мученичество народа, вотъ что тутъ цѣнно и замѣчательно, какъ бы даже различны ни были тѣ заключенія, какія могутъ быть отсюда составлены. Этою стороною сказокъ, повидимому, мы уже окончательно выведены изъ миѳической области и переведены въ бытовую, — а между тѣмъ и тутъ въ одной изъ существеннѣйшихъ подробностей, той, которая рѣшительно сходна во всѣхъ разнонародныхъ изводахъ, кроется—опять таки миѳическая основа. — Подробность эта — ослѣпленіе правдиваго криводушнымъ и чудесный возвратъ ослѣпленному зрѣнія при помощи цѣлющей живой воды. О миѳическомъ значеніи этой послѣдней не разъ уже было говорено. На миѳическомъ языкѣ она возвращаетъ зрѣніе—небу, она возвращаетъ ему его свѣтлое око — солнце (которое, послѣ пролившагося дождя, снова является на обезоблаченномъ небѣ). Соотвѣтственно этому и самое ослѣпленіе первоначально должно было быть ослѣпленіемъ свѣтлаго божества [1].

---

309. Наконецъ поразительно сходныя пословицы имѣются и у Нѣмцевъ, напримѣр. Lügen haben kurze Beine; mit der Wahrheit kommt man am weitesten; Wahrmanns Haus steht am längsten;—zum Begräbnit dess Wahrheit gehören viel schaufeln. (Simrock 307, 528). Существованіе же такого направленія и въ нѣмецкихъ пословицахъ заставляетъ полагать, что если въ сказкахъ нѣмецкихъ мы уже не видимъ упорнаго напиранья правдиваго на неизбѣжность торжества правды, —то это только позднѣйшая утрата и искаженіе.

[1]) О глазѣ, какъ миѳѣ солнца, см. Буслаева, о славянскихъ народныхъ сказкахъ Ист. Оч. I, 327—337. Также см. примѣч. Аѳанасьева къ сказкамъ о правдѣ и кривдѣ. Также примѣчанія Гриммовъ къ К. и. Haus-Märchen, III (3-е Ausgabe), s. 188, 189; тутъ указаны варьянты этихъ сказокъ нѣмецкіе, датскій, чешскій, венгерскіе, персидскій и уже намъ извѣстные—норвежскій и сербскій. Въ одномъ венгерскомъ варіантѣ замѣчательно, что между братьями добрымъ и злымъ заключается, по предложенію злаго, такое условіе: кто изъ насъ первый сдѣлается знатнымъ бариномъ, тотъ получитъ право выколоть другому глаза. Лишившись ихъ такимъ образомъ, добрый изцѣляется тутъ при помощи—не росы, а особаго рода травы, указанной ему говорящими воронами (Mailáth. Magyarische Sagen, I, 171, 173, 174); что касается этой послѣдней, то она должна соотвѣтствовать разрывъ-травѣ нашихъ повѣрій, существующей и вообще въ индоевропейскомъ племени и на миѳическомъ языкѣ означавшей траву (иногда корень, цвѣтъ) —молнію, разрывающую тучи и такимъ образомъ возвра-

Свѣтъ этотъ, первоначально физическій, только позже, на высшей ступени развитія миѳологіи, могъ сдѣлаться свѣтомъ нравственнымъ, свѣтомъ—въ смыслѣ правды. Еще позже, въ пору рѣшительнаго затемнѣнія миѳовъ, свѣтлыя божества—поборники правды, утративъ свое божественное значеніе, и ставъ, не по внѣшнему образу только, людьми, сдѣлались земными поборниками правды, божественное же покровительство ей перешло къ отвлеченному божеству — судьбѣ. Присутствіе судьбы именно въ этомъ ея значеніи замѣтно въ основѣ сказокъ о кривдѣ и правдѣ у многихъ народовъ. — Онѣ вмѣстѣ со сказками съ идеею божества, въ концѣ концовъ возвеличивающаго честнаго бѣдняка или взыскивающаго загнаннаго и презрѣннаго младшаго брата - дурня, въ тоже время наказывающаго за гордость, неправду и преступленіе, принадлежатъ къ числу самыхъ распространенныхъ въ народной словесности всевозможныхъ странъ, т. е. къ числу сказаній уже издавнихъ [1].

Такимъ образомъ древняя миѳическая основа сказокъ съ позднѣйшимъ, уже чисто-нравственнымъ значеніемъ многихъ изъ нихъ, связывается тѣмъ, такъ сказать, одухотвореніемъ самыхъ миѳовъ, тѣмъ проникновеніемъ въ нихъ религіозно-нравственнаго начала, которое рѣшительно замѣчается въ миѳологіи—по крайней мѣрѣ извѣстнѣйшихъ историческихъ народовъ. Такъ уже въ Ригъ - Ведѣ встрѣчаемъ мы, можно

щающую небу его зрѣніе—солнце (ср. Kuhn, Herabkunft 213. Его же статья въ Маннгардтовомъ журналѣ für deutsche Mythol., III, 384). О солнцѣ, какъ глазѣ, въ статьѣ В. Гримма „Die Sage v. Polyphem (Abh. d. Berl. A., 1856, стр. 27).

[1]) Приведу здѣсь слова Я. Гримма изъ его предисловія къ Pentamerone von Giambattista Basile, слова, относящіяся вообще къ тѣмъ сказкамъ, которыя сходны у различныхъ народовъ: «пусть наконецъ откажутся отъ заблужденія, будто бы онѣ произрасли въ одной какой нибудь благопріятной мѣстности, и оттуда уже расходились въ даль—по такому пути, который можетъ быть указанъ и прослѣжонъ чисто внѣшнимъ образомъ.... Подобно тому, какъ между языками всѣхъ европейскихъ народовъ замѣчаются повсемѣстно большіе или меньшіе признаки совпаденія, точно также въ эпической и миѳической ихъ стихіи повсемѣстно звучитъ одна и та-же основа (Grundlaut), (стр. IX и X) Ср. съ этимъ взглядъ братьевъ Шоттовъ Wal. Märchen, стр. 315 и 316. О распространенности же цѣлаго этого рода сказокъ см. въ примѣч. Гриммовъ, K. и. H. M. III s. 22—23, 34—39, 40—44, 55—56 («даже у Ветшуановъ въ Ю. Африкѣ попадается подобная сказка»—объ открывшемся преступленіи) 98—100, 110—115, 146—152, 176—178, 218—219, 245. — Также Grimm. Altdeutsche Wälder II, 25, (Anm. 60) 26. Max Müller, Wissensch. der Sprache, II, 389. Orientu. Occident II, 124, 296, 300, 322—329, 678. Тамъ-же, III, 93—103 (статья Кёлера — Zu dem Märchen von dem dankbaren Todten — сводъ сказокъ о благодарности души умершаго, которая, сообразно миѳическому богопочитанію душъ, надѣляется тутъ чудесною силою, съ помощію коей сторицею воздается сострадательному юношѣ;—въ другомъ же рядѣ сказокъ точно такимъ же образомъ воздаютъ за добро существа живыя, освобождаемыя юношею изъ плѣна; въ нихъ же скрываются въ свою очередь божественныя существа) Mannhardts Zeitschrift für D. Mythologie, IV, 232—259 (das älteste Märchen).

сказать, чисто молитвенныя (въ высшемъ духовномъ смыслѣ этого слова) обращенія, напримѣръ, къ богу Агни, когда-то, первоначально, бывшему только олицетвореньемъ огня физическаго, но тутъ становящемуся уже силою совершенно другого рода. «О Агни! ты намъ премудрый защитникъ, ты намъ отецъ; тебѣ мы обязаны жизнію, мы, составляющіе твою семью.... Приди къ намъ, о Агни, съ тою любовію, какую питаетъ къ дѣтищу своему отецъ; будь нашимъ другомъ и благодѣтелемъ;—ты, столь благой и столь милосердый!... О Агни, ты родной для смертныхъ, ты ихъ обожаемый другъ.... О предусмотрительный покровитель слабаго,—тебя именуютъ отцомъ!» —Совершенно сходны, по духу, и нѣкоторыя обращенія къ Индрѣ: «всѣ мы — твои друзья, и почитаемъ тебя, какъ нашего избавителя.... Тотъ, чей гнѣвъ постоянно направленъ исключительно на преступныхъ и нечестивыхъ, — это онъ, это Индра!... О Индра, ты мнѣ дороже отца и брата, могущихъ меня покинуть. Ты для меня и отецъ и мать....» Наконецъ въ томъ же духѣ и слѣдующее обращенье къ Варунѣ: «да дастся намъ счастье служить, молиться тебѣ, и тебя прославлять! [1]) Существованьемъ подобныхъ воззрѣній уже въ отдаленную пору Ригъ-Веды окончательно подтверждается, кажется, возможность издавняго-же существованія той повсемѣстно сходной, уже религіозно-миѳической сущности сказокъ (и съ ними сходныхъ пословицъ), которая только что нами разсмотрѣна. Конечно, цѣнность ихъ религіозной стихіи умалится (а съ тѣмъ вмѣстѣ еще понятнѣе станетъ ихъ возможность уже въ отдаленную пору), если мы

---

[1]) Alfred Maury, Croyances et légendes de l'Antiquité, p. 149, 150. Сравни тамъ же стр. 12, 20—21, 26, 30, 37 («Магованъ—одно изъ именъ Индры—доставляетъ богатство бѣднымъ, онъ обращаетъ преступника въ прахъ»), 45, 100, 117, 120, 141, 142. — Что же касается времени редакціи гимновъ Ригъ-Веды, то Мори, слѣдуя М. Мюллеру, относитъ ее къ 1100—1200 г. до Р. Х.; —отдѣльные же гимны этого сборника, по его мнѣнію, и еще несравненно древнѣе; они, по его выраженію, „теряются во мракѣ временъ" (стр. 15). — О высотѣ религіозной стихіи у Аріевъ ср. Pictet, Orig. II, 652—661 (впрочемъ тутъ и большія преувеличенія, очевиднѣйшія натяжки—въ пользу даже исконности единобожія у Аріевъ; тоже на стр. 708 — 711, но уже съ оговорками; 694—698; 715 (тутъ приводится замѣчательно-религіозный гимнъ изъ Ригъ-Веды—съ идеею міросозданія); 748, 749. Не безъ нѣкоторыхъ натяжекъ (что касается исконности чисто-религіозной стихіи у Аріевъ) и сходный взглядъ Макса Мюллера, съ другой стороны (относительно болѣе поздней ступени въ арійскихъ вѣрованіяхъ) совершенно вѣрный (Vorles. über Wissensch. der. Sprache, II, 386, 388, 390, 393, 395, 408, 415). (Тутъ, между прочимъ, доказывается существованіе высоко религіозныхъ отношеній къ божествамъ и у древнихъ Грековъ — при всей очевидной безнравственности въ собственно миѳической сторонѣ ихъ вѣрованій). Противоположная Максу Мюллеру крайность во мнѣніи Бюрнуфа сына, будтобы въ Ведахъ вовсе не было стихіи нравственной и собственно-религіозной (La science des religions, sa méthode et ses limites—въ Rev. d. deux Mondes 1864 г. 15 декабря, стр. 980, 1007).

обратимъ вниманіе на то, что, являясь уже отцомъ, божество тутъ, съ другой стороны, являлось еще только отцомъ семьи, рода, племени, много что общины (ср. выше, стр. 89, внизу); соотвѣтственно же этому и братство между людьми было еще только братствомъ въ семьѣ, въ родѣ, въ племени,—отчасти уже и въ общинѣ, но еще никакъ не въ народѣ, а тѣмъ менѣе—въ человѣчествѣ. Самое гостепріимство, переводившее, какъ мы видѣли, въ кругъ отношеній замѣтно расширенныхъ, въ сущности сближало не болѣе, какъ сосѣднія поколѣнія, а потомъ и по преимуществу все-же сосѣднія общины. [1])

Начавъ со сказокъ чисто миѳическихъ, (въ грубомъ, первоначальномъ смыслѣ) мы, слѣдя за постеннымъ ходомъ развитія мысли народной, окончили сказками, уже причастными высшей стихіи — религіозной и нравственной. Но и тѣ, и другія, какъ мы видѣли, до сихъ поръ еще уживаются рядомъ (хотя, разумѣется, и сказки, еще миѳическія по преимуществу—являются уже сильно видоизмѣненными, уже далекими отъ первоначальнаго, грубаго, такъ сказать, голаго миѳа). Подобнымъ же образомъ и рядомъ съ высокими въ бытовомъ смыслѣ, идеально-человѣческими личностями сказокъ, до сихъ поръ еще уживаются, въ сказкахъ особаго рода, личности низшаго, и даже очень низкаго свойства. Личности эти—животныя; сказки, въ которыхъ онѣ являются — это обломки особаго, когда-то богатаго эпоса о животныхъ.

III. ОСТАТКИ ЖИВОТНАГО ЭПОСА.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХЪ.

Чтобы понять значеніе этого совершенно особаго рода народной словесности, слѣдуетъ обратиться назадъ и припомнить сказанное гораздо выше о той первобытной, чисто младенческой наклоности человѣка — все существующее уподоблять себѣ, подводить подъ условія своей собственной жизни — той наклонности, на которой основывалось и почи-

---

[1]) Ср. у Альфреда Мори, Croyances de l'Antiquité, 145. „Аріецъ требуетъ у божествъ и пособія противъ враговъ его, ибо боги Ведъ — боги не столько вселенной, сколько того рода, или того племени, которому принадлежитъ человѣкъ, къ нимъ взывающій.“ — Другой писатель, Fustel de Coulanges, противополагая языческимъ религіямъ христіанство, отзывается такимъ образомъ: «это не была уже домашняя религія рода, или національная религія города (въ древнемъ смыслѣ, города — государства, cité) или же племени; она не принадлежала съ другой стороны и какой либо кастѣ, или корпораціи; уже при самомъ своемъ появленіи она обращалась — къ цѣлому человѣчеству.... Идите научите вся народы. (La Cité antique, p. 515. Ср. тамъ же стр. 152, 153, 156, 200, 201, 204, 462).

танiе явленiй природы, какъ одушевленныхъ существъ, и почитанiе душъ умершихъ, какъ существъ, продолжающихъ еще жить. (См. выше стр. 24 и 90.) Та-же наклонность заставила человѣка считать животныхъ, его окружающихъ, существами, не отличающимися отъ него ничѣмъ, кромѣ одного наружнаго вида. Но не только въ животныхъ, — въ каждый неодушевленный и вовсе не значущiй, самый мелкiй, почти незамѣтный предметъ, человѣкъ первобытной поры вносилъ душу, вносилъ ее даже въ обыденныя издѣлiя собственныхъ рукъ своихъ. Такимъ образомъ не только какая нибудь соломинка, или пузырь, — но и какой нибудь лапоть, или колобокъ (родъ лепешки) — въ сказкахъ, и до сихъ поръ еще существующихъ — являются одушевленными, дѣйствующими [1]). Послѣ этого названiе сказокъ такого рода **сказками о животныхъ** — далеко не точно, такъ какъ тутъ къ очеловѣченному мiру животныхъ отнесены и до извѣстной степени также очеловѣчены существа, или, лучше сказать, предметы несравненно низшiе. Даже отдѣльныя части человѣческаго тѣла являются — каждая какъ бы особеннымъ существомъ: ведутъ между собою разговоръ, спорятъ, враждуютъ (Христом. стр. 134 и 136, гдѣ **говорятъ** отдѣльные члены лисы).

Сказки такого рода являются въ свою очередь распространенными чуть ли не по всей землѣ. На Востокѣ и въ Грецiи уже съ первыхъ вѣковъ по Р. Х. были онѣ собираемы въ рукописные сборники и при этомъ, весьма естественно, подвергались литературной переработкѣ [2]). Сборники эти въ средніе вѣка распространились въ различныхъ передѣлкахъ по всей Европѣ, но, совершенно независимо отъ нихъ, въ ней явились тогда и свои особыя литературныя обработки того совершенно самостоятельнаго животнаго эпоса, который до тѣхъ поръ сохранялся въ устахъ народа — преимущественно Германцевъ. Яковъ Гриммъ положительно доказалъ, что средневѣковыя литературныя его обработки, уцѣлѣвшiя во Фландрiи, Францiи и самой Германiи, не могутъ быть подражанiемъ хотя и составившимся несравненно ранѣе литературнымъ обработкамъ Востока и Грецiи, потому что въ этихъ послѣднихъ, подъ влiянiемъ книжной разсудочности и сухости, уже сильно потерпѣла первобытная свѣжесть и

---

[1]) Аѳанасьева, IV, ск. 18 и 33. Позже такая пора стала представляться народу уже **прошедшимъ**; объ ней стали отзываться словами: „въ то время, когда еще говорили животныя» (Grimm, Reinhart Fuchs, V). Но, какъ прошедная, какъ пережитая ступень, пора эта до сихъ поръ еще представляется дѣйствительностью въ народныхъ сказанiяхъ.

[2]) А. Н. Пыпина, Очеркъ литературной исторiи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, 148—180. — Benfey, Pantscha-Tantra, Einleitung. — Benfey, Orient u. Occident, I, 138—186, 481—496, 657—688. II, 133—171, 261—268. (О средневѣковыхъ передѣлкахъ восточныхъ сборниковъ).

эпическая полнота, такъ прекрасно сохранившаяся въ средневѣковыхъ обработкахъ, которыя именно поэтому и могли имѣть только чисто-народный, устный источникъ [1]).

Въ началѣ своей знаменитой книги, увлекаясь мыслію о принадлежности чисто-народнаго животнаго эпоса по преимуществу Германіи, Я. Гриммъ почти отрицалъ существованіе его у многихъ народовъ, въ томъ числѣ и у Славянъ (стр. XVI). Но, вѣроятно уже по отпечатаніи первыхъ листовъ, онъ познакомился со сказками о животныхъ, сохраняющимися у Эстовъ, и былъ ими приведенъ къ заключенію, что «еще несравненно богатѣйшій запасъ ихъ долженъ сохраняться у Финновъ, Леттовъ, Литовцевъ, вѣроятно мѣстами и у Славянъ» (стр. CCXCV). Такая догадка въ настоящее время уже окончательно подтверждается тѣмъ множествомъ нашихъ русскихъ сказокъ о животныхъ, которыя напечатаны г. Аѳанасьевымъ (преимущественно изъ богатаго запаса В. И. Даля), а равно и нѣкоторыми сказками о животныхъ, записанными у тѣхъ или у другихъ Славянъ. Между ними оказывается большая часть похожденій, входящихъ въ составъ германскаго эпоса, но, если приложить къ нимъ методу Гримма, то придется заключить, что онѣ также самостоятельны и не заимствованы у Германцевъ, какъ эти послѣдніе не заимствовали у Езопа, Гитопадесы или Пантшатантры. Сходство и тутъ должно и можетъ быть

---

[1]) Reinhart Fuchs, von Jacob Grimm, Berlin, 1834. См. преимущественно стр. XV—XVII, CCLIX—CCLXXXVIII—CCXCV. «Въ языкѣ и поэзіи нашихъ предковъ вообще открывается сродство съ Греціею, ни мало не зависѣвшее отъ заимствованія; то-же относится и къ животному эпосу» (CCLXIX стр.) Изъ сходства, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «слѣдуетъ только коренное, исконное сродство индійскаго и германскаго племени». (CCLXXIX стр.) «Кто бы сталъ производить (греческаго) Езопа отъ индійской «Гитопадесы», или наоборотъ, тотъ бы понапрасну трудился: и мы въ свою очередь только требуемъ своего, и германскій животный эпосъ въ правѣ напирать на свое своеобразіе, которое никакъ не можетъ быть производимо ни отъ того, ни отъ другого сборника, ни отъ обоихъ вмѣстѣ". Взглядъ Я. Гримма, возбудивъ на первыхъ порахъ нѣкоторыя возраженія и въ Германіи, вызвалъ особенно сильное противодѣйствіе со стороны французскихъ писателей, болѣе склонныхъ къ объясненію сходствъ—внѣшнимъ путемъ заимствованія. Противъ книги въ такомъ же направленіи, изданной даже не такъ давно Paulin Paris'омъ, извѣстный нидерландскій ученый Jonkbloet написалъ обширное и чрезвычайно дѣльное сочиненіе подъ заглавіемъ: Etude sur le roman du renart, Groeningue, 1863. Книга эта, подтверждающая основныя положенія Я. Гримма, обратила на себя особенное вниманіе послѣдняго и сдѣлалась предметомъ его предсмертной статьи, напечатанной въ Göttingische Gelehrte Anzeigen, 1863, 2 September. Говоря тутъ о сходствѣ между европейскими сказками и индійскимъ сборникомъ «Пангша Тантра», сходствѣ, доказанномъ Бенфеемъ (который объясняетъ его заимствованіемъ), Гриммъ возражаетъ: «но изъ подобнаго совпаденія — заимствованія еще никакъ не слѣдуетъ». «Германскій животный эпосъ, замѣчаетъ онъ далѣе, носитъ въ себѣ простодушную стихію (naives element), которая — при чуждой и отдаленной основѣ — неминуемо должна бы была стереться (стр. 1362).

объясняемо только племеннымъ сродствомъ; и, не смотря на то, что германскій животный эпосъ установился, окрѣпъ, такъ сказать, при помощи письменности, уже въ средніе вѣка, а нашъ и до сихъ поръ хранится только въ устахъ народа, въ нашемъ эпосѣ могли уцѣлѣть черты, даже болѣе первобытныя, чѣмъ въ германскомъ, подобно тому какъ въ этомъ послѣднемъ многое первобытнѣе эпоса греческаго и индійскаго, хотя бы эти два и были уже несравненно ранѣе литературнымъ образомъ обработаны. Всякія литературныя обработки стираютъ болѣе или менѣе свѣжесть первобытнаго поэтическаго колорита. Средневѣковою германскою, хотя относительно и позднѣйшею, онъ былъ менѣе стертъ, чѣмъ древнѣйшею греческою и восточною; но и въ германской обработкѣ, подъ вліяніемъ уже высшей ступени развитія, достигнутой поэтами-обработывателями, ежели не колоритъ, то многія внутреннія черты первобытности уже поутратились; тогда какъ въ русскихъ животныхъ сказкахъ, вовсе не знавшихъ вліянія какихъ либо образованныхъ личностей, первобытность и тона, и содержанія могла быть пронесена народною памятью черезъ рядъ вѣковъ. Разсмотрѣніе нашихъ сказокъ дѣйствительно убѣждаетъ въ этомъ.

Я. Гриммъ, указавъ на существованіе животнаго эпоса у столькихъ народовъ, замѣчаетъ за тѣмъ, что «этимъ путемъ онъ можетъ быть наконецъ отодвинутъ и въ древнѣйшую область миѳическую» [1]). Это до извѣстной степени уже сдѣлано однимъ изъ нашихъ ученыхъ, г. Потебнею, при помощи сопоставленія русскихъ, ино-славянскихъ и разнонародныхъ животныхъ сказокъ со сходными человѣческими [2]). Изъ такого сопоставленія оказывается, что главнѣйшее лицо и славянскаго и германскаго животнаго эпоса, лиса, совершенно соотвѣтствуетъ миѳической личности Яги-Бабы — во вредномъ, темномъ ея значеніи, какъ сплошной, зимней тучи, зимы, смерти. Подобно тому, какъ лиса въ цѣломъ рядѣ сказокъ уноситъ неосторожнаго пѣтушка [3]), Яга-Баба (она-

---

[1]) Стр. CCXCV. Ср. у него же стр. XXX, гдѣ говорится о финскомъ названіи сѣвернаго сіянія — лисьимъ огнемъ. Также въ статьѣ его о книгѣ Жонкблота (Gött. Gel. Anz. 1863 г., 2 Сент.), стр. 1872.

[2]) См. его статью о Бабѣ-Ягѣ въ Чт. М. О. И. и Др. 1865 г., кн. III, стр. 107— и до конца статьи.

[3]) Въ сказкахъ, помѣщенныхъ у меня въ христоматіи, черта эта попадается неоднократно, впрочемъ уже какъ подробность второстепенная, въ неполномъ, а иногда и искаженномъ видѣ. Такъ на стр. 131-й приключеніе, составляющее содержаніе цѣлыхъ особыхъ сказокъ (см. у Потебни стр. 112—115), передается въ какихъ нибудь трехъ строкахъ, — притомъ съ намекомъ на позднѣйшее, уже сатирическое значеніе лисы, какъ исповѣдницы (чѣмъ она и сводитъ съ дерева пѣтушка, который завсегда грѣшонъ). Въ концѣ стр. 132 и нач. 133 вкратцѣ попадается заключительная часть сказокъ о пѣтушкѣ и лисѣ — ополченіе противъ лисы — тутъ пѣтуха, (тамъ-

же и злая вѣдьма) уноситъ человѣческое существо — Ивася (Христом. стр. 77—80).—Въ объясненіе къ этому г. Потебня приводитъ, что цыплята — (близкіе къ пѣтушкамъ) — это одна изъ обыкновенныхъ миѳическихъ формъ, въ которыхъ представляются души дѣтей, окружающихъ германскую Гольду (стр. 117; соотвѣтствіе же этой послѣдней нашей Ягѣ-Бабѣ вполнѣ имъ доказано, какъ упомянуто у меня выше на стр. 153). Но г. Потебня, кажется, понапрасну не вполнѣ рѣшается объяснять отношенія къ пѣтушку Яги-Бабы-лисы и чисто-физическимъ миѳомъ. Замѣчаетъ-же самъ онъ, что пѣтухъ служитъ также миѳомъ огня (можно прибавить еще указаніе и на извѣстную связь его — съ солнцемъ, вообще со свѣтомъ); о значеніи же Бабы-Яги, какъ смерти — въ смыслѣ зимы, съ особенною яркостію говоритъ приводимая имъ словацкая сказка, гдѣ она сначала ударомъ своего прута превращаетъ юношу (соотвѣтствующаго пѣтуху) — въ камень (о миѳическомъ же смыслѣ окаменѣнія было говорено выше—стр. 147-я»), послѣ же её самоё разрываютъ звѣри, и отъ этого кругомъ разсвѣтаетъ и зеленѣетъ лѣсъ (Потебни, 119, 120). Въ свою очередь о зимнемъ же значеніи соотвѣтствующей бабѣ лисы свидѣтельствуетъ приводимый г. Потебнею, согласно съ Гриммомъ, обычай — въ началѣ лѣта ходить изъ дому въ домъ съ мертвою лисою въ корзинѣ (стр. 111; извѣстно, что къ тому же времени относится выносъ Марены — чучела смерти, зимы) [1].— Подобно тому, какъ въ очеловѣченномъ рядѣ сказокъ находчивымъ мальчикомъ перехитряется Баба-Яга (вѣдьма) и вслѣдствіе такой хитрости гибнуть — иной разъ ея дочери, (придуманныя, вѣроятно, позже), иной же разъ и она сама; точно также перехитряется въ цѣломъ множествѣ нашихъ сказокъ и лиса, не смотря на ея природную хитрость, такимъ образомъ еще не подмѣченную, или не вполнѣ подмѣченную въ

же замѣняется онъ котомъ, защитникомъ живущаго съ нимъ пѣтушка). Наконецъ еще менѣе полные намеки на отношенія лисы — тутъ уже къ курочкамъ — на стр. 134 136, 137 (внизу), но вездѣ тутъ лиса уже въ сообществѣ съ другими звѣрями).

[1]) Всѣмъ этимъ указывается на темное, враждебное миѳическое значенье лисы. Но замѣчательно, что она, а равно и волкъ, также нѣкоторыя другія животныя, являются у Чеховъ и Моравань въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ пѣсняхъ—а именно въ колядкахъ, гдѣ имъ приписываются земледѣльческія и воообще хозяйственныя занятія (Эрбена Чешскія Пѣсни, 39. Сушила Моравскія Пѣсни, 742—743). Не указывается ли этимъ на другую, благотворную миѳическую сторону въ тѣхъ же животныхъ, что̀ вполнѣ бы соотвѣтствовало благопріятной сторонѣ Яги-Бабы? И въ сказкахъ благосклоннымъ отношеніямъ этой послѣдней къ молодцу и дѣвицѣ (см. выше стр. 153) соотвѣтствуетъ спасеніе лисою снѣгурушки (Христ. стр. 135). Съ такимъ же точно благопріятнымъ значеніемъ, какъ устроительница человѣческаго счастія, лиса является въ сказкахъ о Кузьмѣ Скоробогатомъ, который ея находчивостью выводится въ люди. Въ западныхъ сказкахъ ей тутъ соотвѣтствуетъ котъ (Chat botté), а въ одной датской—юноша (Orient und Occident, III, 99).

нѣкоторыхъ изъ нашихъ сказокъ. Этою перехитряемостью лисы (Христ. стр. 131, 133, 134, 135, 136, 138) окончательно подтверждается ея первоначально-миѳическое значеніе — темное, вслѣдствіе чего ей, какъ и всему темному въ сказкахъ, и должно быть въ концѣ концовъ побѣждаемой (иной разъ она даже совершенно гибнетъ — см. тѣже страницы). Между тѣмъ въ германскомъ эпосѣ, какъ извѣстно, лиса не перехитряется, а становится прототипомъ тончайшей и постоянно счастливой хитрости. Отмѣтивъ немногіе примѣры перехитряемости лисы во французскомъ животномъ эпосѣ, и въ одномъ латинскомъ стихотвореніи, Гриммъ видѣлъ въ этомъ наклонность уже болѣе позднихъ писателей (R. F., стр. CXXIII, CXXXVIII). Но, если бы ему была вполнѣ знакома распространенность этой черты въ нашихъ сказкахъ, то онъ бы навѣрное согласился, что въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, «славянская народная поэзія стоитъ на болѣе древней точкѣ развитія, чѣмъ германская» [1]).

Но ежели перехитряемость лисы первоначально имѣла значенье миѳическое, то она, и по утратѣ этого послѣдняго, могла сохраняться долгое время, и дѣйствительно сохраняется, какъ мы видѣли, даже до сихъ поръ — въ нѣкоторыхъ сказкахъ. По всей вѣроятности сказки о животныхъ уже издавна утратили для народа свой миѳическій смыслъ; (онъ, какъ кажется, не замѣтенъ уже въ древнихъ индійскихъ сборникахъ). Обратившись, какъ и сказочные молодцы или дѣвицы, просто въ людей, животныя, въ этомъ качествѣ существъ совершенно человѣкоподобныхъ, или даже тождественныхъ съ человѣкомъ, удержались въ народномъ воображеніи, благодаря уже тому первобытному неумѣнію человѣка ясно отличать себя ото всей остальной природы, о которомъ сказано было въ началѣ этой главы. При такомъ неумѣніи, человѣкъ первоначально приписывалъ всѣмъ животнымъ, т. е. каждому роду ихъ,

---

[1]) Слова г. Потебни, относящіяся вообще къ славянскимъ сказкамъ о лисѣ (Яга-Баба, стр. 107). «Что мы можемъ предполагать глубокую древность въ каждой самостоятельной чертѣ этихъ сказокъ, говоритъ онъ далѣе, это видно, между прочимъ, изъ того, что женскій родъ нашего слова лиса древнѣе мужескаго рода слова fuchs (Готск. fauhô ДВН. vohâ, СВН vohe—женскаго рода, какъ и греч. алопексъ, лат. vulpes, лит. lapi.)»—«На отсутствіе рѣзкой разницы въ характерахъ волка и лисы, выработанной поэзіею, повидимому, въ относительно позднее время, говоритъ г. Потебня, указывается единствомъ происхожденія лат. vulpes — лиса, и готск. vulfs, нѣм. wolf, волкъ. Ср. также новогреч. алепу— лиса, и алопосъ — лиса и волкъ. Областн. великор. волчина — хитрый мужчина или женщина, свидѣтельствуетъ о томъ, что волку приписывалась и хитрость, хотя средневѣковой германскій эпосъ и нѣкоторыя народныя сказки представляютъ его вовсе не хитрымъ (Яга-Баба, стр. 132). Впрочемъ указанія на первоначальное сродство волка и лисы имѣются уже и у Гримма (R. F. XXIV—XXIX).

все то разнообразіе качествъ, всю ту разносторонность, какою отличается его собственный, столь измѣнчивый и подвижный характеръ. Долго еще не замѣчалось имъ то существенное отличіе отъ него животныхъ, по которому за каждымъ ихъ родомъ сохраняется постоянно одинъ и тотъ же, общій всѣмъ его недѣлимымъ, вѣками неизмѣняемый типъ, типъ, тяготѣющій надъ ними, какъ своего рода роковая предопредѣляемость. Вотъ на этомъ-то основаніи и за лисою могло еще долго не замѣчаться постоянная и исключительная ея хитрость, съ другой же стороны тоже качество замѣчалось и за всѣми другими животными, какъ замѣчалось и за самимъ человѣкомъ. Вотъ такимъ-то образомъ во множествѣ нашихъ сказокъ лиса перехитряется не только котомъ (дѣйствительно хитрымъ), или человѣкомъ, не только собакою (умною, какъ извѣстно), но даже какимъ-нибудь пѣтухомъ, журавлемъ, даже ракомъ, или же такимъ представителемъ—силы, конечно, но не ума, какъ медвѣдь, по другимъ сказкамъ — глупѣйшій (Христ. стр. 133—134). Но въ сказкахъ нашихъ хитрыми, на ряду съ человѣкомъ, являются даже такія животныя, какъ козелъ и баранъ. Такъ они, физически слабые, перехитряютъ волковъ, подобно тому какъ дѣти перехитряютъ въ нашихъ сказкахъ Ягу, молодцы — великановъ, и вообще слабѣйшіе — сильнѣйшихъ (въ физическомъ смыслѣ). Замѣчательно, что хитрость съ волчьею головой, въ нашихъ сказкахъ приписываемая козлу и барану (Христ. стр. 138—140), существуя и въ западныхъ редакціяхъ, тамъ сообщается имъ въ видѣ совѣта изобрѣтающею ее лисою — являющеюся тамъ, какъ мы уже видѣли, постояннымъ и неизмѣннымъ прототипомъ хитрости. — И наши сказки находятся уже, такъ сказать, на дорогѣ къ тому; но онѣ какъ бы застыли, остановились въ этомъ переходномъ своемъ состояніи, сказывающемся весьма ясно и въ той противоположности, и въ томъ соперничествѣ между хитрою лисою и глупымъ волкомъ, какія замѣтны въ рядѣ сказокъ, помѣщенныхъ въ Христ. на стр. 129—133 [1]). Но глупымъ не менѣе волка, въ иныхъ случаяхъ, является въ сказкахъ нашихъ и человѣкъ (стр. 130, 131, 133 и 134); а иной разъ оказывается просто глупою даже сама лиса (наприм. на стр. 134 и 136— гдѣ она хочетъ наказать свой хвостъ, не понимая, что этимъ и себя наказываетъ). Что же касается человѣка, то при умѣ, иной разъ онъ отличается чисто животною степенью эгоизма. Такъ, напримѣръ, онъ оказывается грубо-неблагодарнымъ лисѣ (Христ. стр. 134, 135 и 136), тогда какъ въ этомъ животномъ, съ противоположной стороны, тутъ вы-

---

[1]) Въ индійской Пантшатантрѣ соперничества между волкомъ и шакаломъ (соотвѣтствующимъ лисѣ) еще не замѣтно. (Gött. Gel. Anz. 1868 г., 2 Сент., стр. 1372 — въ статьѣ Гримма о Жонблотѣ).

называется скорѣе человѣческая способность дѣлать добро, — въ отношеніяхъ къ Снѣгурушкѣ — способность, какою лиса отличается и въ сказкахъ о Кузьмѣ Скоробогатомъ [1]). Словомъ, во многихъ—еще совершеннѣйшее смѣшеніе человѣческаго съ животнымъ въ одинъ безразличный типъ. Такого же рода смѣшеніе, я полагаю, указываетъ опять на то, что въ нашихъ животныхъ сказкахъ сохраняется еще точка развитія самая отдаленная.

Ту-же точку развитія можно еще до извѣстной степени усмотрѣть и въ древнихъ восточныхъ сборникахъ. При всей, уже позднѣйшей, сухости содержанія, при всей книжности проникнувшей въ нихъ разсудочности, въ нихъ еще, какъ и въ русскихъ, сохраняется первобытная неразличаемость между отдѣльными родами животныхъ, и постоянное съ ними общеніе столько же мало отличаемаго отъ нихъ человѣка [2]). Совершенно не то уже въ германскомъ животномъ эпосѣ. Тамъ, во первыхъ, міръ животныхъ поставленъ уже совершенно особнякомъ. Во вторыхъ за каждой породой животныхъ сохраняется уже неизмѣнно ея изначальный, природный типъ; каждая въ германскомъ эпосѣ получаетъ своего (и притомъ единственнаго) представителя, становящагося какъ бы отвлеченіемъ, прототипомъ, совмѣщающимъ въ себѣ весь свой родъ.

Послѣ этого не удивительно, если Гриммъ, какъ особенность, отмѣчаетъ въ восточномъ эпосѣ то, что животныя той или другой породы являются тутъ по два, и болѣе (два шакала; — однажды до 44-хъ воловъ) [3]). Въ видѣ особенности можно бы было отмѣтить какъ въ немъ, такъ и русскомъ животномъ эпосѣ, и то обстоятельство, что тутъ являются всякаго рода животныя, тогда какъ Гриммъ, основывавшійся по преимуществу на германскомъ эпосѣ, считаетъ маленькихъ животныхъ менѣе свойственными ему на томъ основаніи, что они не обладаютъ достаточными особенностями, птицъ же уступающими первенство млекопитающимъ потому, что онѣ менѣе ихъ походятъ на человѣка [4]). Въ первобытномъ же эпосѣ всякое незначительное животное еще умѣстно—потому, что тутъ еще и вообще не замѣтно характерныхъ особенностей;

---

[1]) Аѳан., IV, ск. 11 и 10 (совершенно сходная, только подъ другимъ названіемъ—о Бухтанѣ Бухтановичѣ). Примѣч. VIII, стр. 271 и 272.— Худяк. III, стр. 89—93.

[2]) См. въ моей книгѣ «О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ, Спб. 1858 г., стр. 223 и 224. Ссылаюсь на нее, не смотря на то, что считаю уже въ настоящее время многія ея стороны пережитою, побѣжденною точкою зрѣнія (überwunden, какъ любитъ прибавлять въ скобкахъ А. Н. Пыпинъ). Вѣдь изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы съ другой стороны многое въ ней не оставалось бы вѣрнымъ, и чтобы и вообще между нею и теперешнимъ моимъ направленіемъ не существовало внутренней, органической связи.

[3]) Gött. Gel. Anz. 1863, 2 Sept., S. 1372.

[4]) Reinhart Fuchs, IX.

птицы же могутъ играть роль на томъ основаніи, что сходными съ человѣкомъ признаются еще рѣшительно всѣ существа и даже не существа—а предметы. И въ этомъ отношеніи, стало быть, германскій животный эпосъ стоитъ уже на болѣе поздней точкѣ развитія;—и тутъ опять совершенно противоположно нашему—съ его отношеніями между лисою и какимъ нибудь ничтожнымъ ракомъ (Христ. стр. 134), съ его сожительствомъ человѣка, животныхъ и птицъ (стр. 137), съ его сходбищемъ четвероногихъ съ букашками—въ теремѣ муки (стр. 142).

Однимъ изъ важныхъ признаковъ позднѣйшей ступени развитія признается самимъ Яковомъ Гриммомъ сатирическое начало въ животномъ эпосѣ. Онъ всѣми мѣрами старается доказать, что у Германцевъ оно еще не замѣтно;—и дѣйствительно, изъ доказательствъ его становится яснымъ, что личной сатиры, которой доискивались нѣкотые изслѣдователи французскіе, въ германскомъ животномъ эпосѣ нѣтъ [1]).—Самъ Яковъ Гриммъ съ другой стороны однакоже признаетъ, что германскій животный эпосъ былъ отраженіемъ средневѣковаго общества. Не даромъ же онъ замѣчаетъ что распространенность его была непріятна католическому духовенству [2]) на томъ, очевидно, основаніи, что оно не на шутку въ немъ задѣвалось.—Что касается нашего животнаго эпоса, то въ немъ по большей части еще нѣтъ и этого въ широкомъ смыслѣ принимаемаго сатиризма. Тѣ немногія сказки уже съ чисто сатирическими намеками, какія у насъ имѣются, относятся, очевидно, къ несравненно позднѣйшему времени, [3]) а теперь нашему разбирательству не подлежатъ. Въ остальныхъ же если и попадаются такія отрывочныя сатирическія черты, какъ намекъ на исповѣдь пѣтуха лисою,—(Христ. стр. 131) то онѣ не нарушаютъ того прямо противоположнаго впечатлѣнія, какое производится цѣлымъ. И въ этомъ отношеніи, стало быть, ежели примѣнить къ нашимъ даннымъ воззрѣніе Гримма, то они окажутся болѣе сохранившими старину, чѣмъ германскія данныя.

«Первое человѣческое учрежденіе, отразившееся въ животномъ эпосѣ, говоритъ Гриммъ, это власть королевская, и отсюда становится яснымъ, какою естественною необходимостью представлялась въ древности единодержавная власть вообще». Далѣе, напирая на древность короля въ гер-

---

1) R. F., CXLVII, CCLI—CCLIX.

2) R. F., LXX. Ср. также стр. C, CVII.

3) Таковы напр., о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ и т. п. Аѳанасьева IV, ск. 32. Сказокъ съ сатирич. намеками болѣе всего въ Пермск. сборн., также у Чудинскаго — Русскія нар. прибаутки, сказки и т. п. Спб. 1864 г. (я разумѣю сказки съ сатирическими намеками вообще, а не собственно таковыя о животныхъ). Таковы-же въ пѣсенной формѣ — разсказы о томъ, какъ птицамъ живется на морѣ (Рыбник. I, 485—487: II, 310, 314).

манскомъ животномъ эпосѣ, Гриммъ доказываетъ, что позднѣйшій, очевидно заимствованный изъ-чужа левъ, былъ только замѣною исконнаго германскаго короля—медвѣдя [1]). Между тѣмъ въ русскомъ животномъ эпосѣ мы еще почти не видимъ царя звѣрей; о немъ, а равно и о царѣ птицъ, упоминается только вскользъ въ тѣхъ немногихъ сказкахъ, которыя начинаются войною птицъ и звѣрей, служащею иной разъ какъ бы вступленіемъ къ сказкѣ о Морскомъ царѣ (см. выше стр. 150). Еще почти не зная царя звѣрей, нашъ животный эпосъ не знаетъ и прочихъ признаковъ государственности (опять исключая тѣ немногія, позднѣйшія сказки, о которыхъ замѣчено было выше).

Но для полноты въ сличеніи нашихъ данныхъ съ германскими, слѣдуетъ еще привести и слѣдующее замѣчаніе Гримма: «мнѣ представляется въ нашемъ эпосѣ глубокою та черта, что тутъ изображаются въ лицѣ животныхъ скорѣе пороки и заблужденья людей, чѣмъ ихъ хорошія свойства, какъ бы на томъ основаніи, что наша лучшая сторона слишкомъ прекрасна, чтобы быть нами раздѣляемою съ животными, и все сходство такимъ образомъ ограничивается тѣмъ, что̀ въ насъ еще только животно [2]). И въ этомъ вѣдь, собственно говоря, уже заключается, конечно, совсѣмъ уже широко понимаемый, своего рода сатиризмъ животнаго эпоса, и вотъ этотъ-то сатиризмъ до извѣстной степени причастенъ ему и у насъ на Руси. По всему видно, что нашъ животный эпосъ былъ уже — снова пользуюсь выше употребленнымъ мной выраженіемъ—на дорогѣ къ тому. При всемъ существованіи въ сказочныхъ нашихъ животныхъ и свѣтлыхъ сторонъ человѣка, все-же преобладающими являются въ нихъ уже стороны темныя. Господствующимъ качествомъ въ этомъ животномъ эпосѣ является хитрость; правда, она принадлежитъ тутъ и человѣку, но преимущественными представителями ея являются уже животныя, болѣе всѣхъ—лиса, но кромѣ ея, какъ мы видѣли, и всѣ остальныя.

Мы можемъ, однакожь, припомнить, что хитрость составляла господствующую черту и въ особомъ рядѣ сказокъ вполнѣ человѣческихъ. Хитрость являлась какъ замѣна физической силы, ей отдавалось преимущество передъ нею, такъ какъ ей приписывалось торжество надъ величай-

---

1) R. F., XLIII—XLVII.

2) Reinhart Fuchs, XIII—XIY. Сходная мысль у Edelstand du Mèril, въ его poésies populaires Latines, antèrieures au XII siécle, introduction. Въ томъ же направленіи (болѣе или менѣе) посмотрѣлъ на животный эпосъ и я въ моей диссертаціи „О нравственной стихіи въ поэзіи и т. д. Мнѣ крѣпко досталось тогда и за этотъ взглядъ. Ежели почтеннѣйшій А. А. Котляревскій припомнитъ упрекъ, сдѣланный имъ мнѣ, относительно этого мѣста, въ непониманіи Гримма, то я укажу ему на только что приведенныя изъ него строки. Онѣ были указаны мною уже тогда—въ отвѣтной моей статьѣ, оставшейся ненапечатанною—вслѣдствіе боязни тогдашнихъ журналовъ помѣщеньемъ ея на своихъ страницахъ,—скомпрометтироваться!

*

шимъ избыткомъ послѣдней. По преимуществу хитрымъ, какъ видѣли мы, являлся даже младшій братъ—въ особомъ разрядѣ сказокъ. Но затѣмъ развился и достигъ преобладающаго значенія другой, уже высшій въ нравственномъ смыслѣ, идеальнѣйшій его типъ—типъ прямоты, благодушія, самоотверженья. И сказки о младшемъ, какъ хитрецѣ, уцѣлѣли мѣстами—но уже какъ рѣдкія, разрозненныя—окаменѣлости, такъ сказать. При новомъ, высшемъ, нравственнѣйшемъ направленіи, принятомъ сказками изъ человѣческаго міра, когда-то развитый въ немъ типъ хитреца долженъ былъ уцѣлѣть, сохраниться по преимуществу, окрѣпнуть вполнѣ и застыть, такъ сказать, въ сказкахъ изъ міра животныхъ. Типъ этотъ, составлявшій когда-то значительный шагъ и въ человѣческомъ эпосѣ, будучи пережитъ въ немъ, былъ какъ бы сданъ имъ — въ эпосъ животный.

Вотъ, кажется, основаніе, по которому и этотъ послѣдній, хотя и остававшійся у насъ, сравнительно съ германскимъ, на низкой ступени развитія, долженъ быть въ свою очередь признанъ причастнымъ историческому движенію. Вотъ какою своей стороной вяжется онъ, при всей своей относительной грубости, съ тою позднѣйшею, нравственно-бытовою ступенію нашихъ человѣческихъ сказокъ, о которыхъ говорено было въ концѣ предшествующей главы. Отъ этой же ихъ ступени былъ уже не далекъ переходъ и къ той еще высшей, на которой уже развивается былевая поэзія.

IV. ОСТАТКИ БЫЛЕВАГО ЭПОСА.

БЫЛИНЫ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ произведеніями, болѣе или менѣе сходными у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; — былины, какъ уже выше было замѣчено, должны насъ вывести въ кругъ, совершенно иной, въ кругъ народныхъ особенностей, для изученья которыхъ важенъ тотъ-же сравнительный методъ, но понимаемый уже не буквально: при помощи его принадлежащее различнымъ народамъ только сличается, сопоставляется, — чтобы тѣмъ рѣзче, тѣмъ опредѣлительнѣе выказались различія. [1])

[1]) См. объ этомъ во второй половинѣ статьи моей, помѣщенной въ начальномъ августовскомъ № «Дня» 1865 г., подъ заглавіемъ: «Народное направленіе въ преподаваніи и въ изученіи отечественнаго языка.» Тутъ, между прочимъ, выражается и мое мнѣніе о томъ, какимъ образомъ пользуется сравнительнымъ методомъ г. Буслаевъ.

Какъ сказки вообще, такъ и сказки о животныхъ, носятъ еще отпечатокъ той поры, которую принято называть до-историческою, а она, какъ пора младенчества, можно сказать, повсемѣстно одна и та же. Если и оказываются тамъ или здѣсь кое какія особенности, то это уже черты, наслоившіяся несравненно позже, въ историческое уже время. Такъ и въ животномъ эпосѣ — я разумѣю западно-европейскій — если и выражаются въ сатирическомъ свѣтѣ особенности западно-европейской жизни, — то это уже наслоеніе среднихъ вѣковъ, поры несравненно позднѣйшей и чисто уже исторической; но и при всемъ томъ все еще ясно сквозитъ и тамъ та отдаленнѣйшая основа, отъ которой, по выраженію Якова Гримма, такъ и пахнетъ лѣсомъ [1]. Вотъ собственно эта-то основа и роднитъ западно-европейскій животный эпосъ съ славянскимъ, еще почти и не знающимъ, какъ мы видѣли, того позднѣйшаго наслоенія сатиризма, какое замѣтно уже въ западно-европейскомъ. Въ славянскомъ животномъ эпосѣ еще рѣшительно преобладаетъ та отдаленная, доисторическая старина, которая повсемѣстно обозначалась бытомъ сперва звѣроловнымъ, потомъ настушескимъ, а подъ конецъ уже первыми признаками перехода къ высшему — земледѣльческому. [2]) Изъ такой послѣдовательной смѣны бытовъ слѣдуетъ, впрочемъ, что выраженіе доисторическое уже и тутъ оказывается не совершенно точнымъ. Гдѣ есть хоть какая нибудь возможность смѣны, тамъ уже, собственно говоря, есть и исторія. Она есть уже до извѣстной степени и въ самомъ младенчествѣ народовъ, подобно тому, какъ и въ младенчествѣ отдѣльнаго человѣка уже есть своего рода черты, годящіяся въ жизнеописаніе. Но историческою въ полномъ, дѣйствительномъ смыслѣ слова принято называть ту пору — уже юношества народовъ, когда измѣняющее начало въ ихъ жизни съ быстротою усиливается, и вслѣдствіе такой-то быстроты, а, стало быть, и разнообразія измѣненій, начинаютъ выказываться, обособляться тамъ или здѣсь — особености.

Если бы у Славянъ въ ихъ народной словесности не было живыхъ признаковъ этого позднѣйшаго, уже вполнѣ историческаго характера, то долгое пребываніе славянскаго животнаго эпоса на чуждой еще сатиризма чисто-первобытной ступени могло бы говорить весьма сильно противъ

---

[1]) R. Fuchs, CCXCIV.

[2]) Для меня нѣсколько странно, что г. Котляревскій въ своей прекрасной статьѣ о сборникѣ г. Аѳанасьева, говоритъ про животную сказку: создать ее могла только жизнь пастушеская. (Петерб. Вѣд. 1864 г., № 94, 100, 108; стр. 21 (отдѣльнаго оттиска). (Въ словѣ только курсивъ принадлежитъ мнѣ). Въ такомъ случаѣ въ ней бы былъ скорѣе луговой запахъ, а не тотъ лѣсной, о которомъ говоритъ Гриммъ, и который ярко указываетъ на звѣроловный и охотничій бытъ. (Ср. въ R. Fuchs стр. II, гдѣ говорится и о пастухахъ, но тотько на ряду съ охотниками).

важности исторической роли Славянъ. Но о такой ихъ роли должно свидѣтельствовать уже самое существованіе у нихъ той поэзіи былевой, которая даже и не дается вовсе народамъ неисторическимъ. Вотъ почему изученіе этого отдѣла народной поэзіи особенно важно.

Богатою былевою поэзіею владѣетъ народъ нашъ, и, можно сказать, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе раскрываются передъ нами ея богатства. Въ началѣ нашего вѣка образованному русскому люду былъ извѣстенъ только одинъ сборникъ былинъ или отдѣльныхъ былевыхъ пѣсень, напечатанный по рукописи XVIII в., приписываемой обыкновенно Киршѣ Данилову. Но съ тѣхъ поръ, какъ благодаря задушевному голосу Хомякова, Кирѣевскихъ и Константина Аксакова, еще такъ недавно и такъ преждевременно нами утраченныхъ, образованные русскіе люди съ любовію обратили вниманіе на свою забытую старину и свою народность, сколько явилось и продолжаетъ являться печатныхъ сборниковъ [1]), а въ этихъ сборникахъ — сколько совершенно новаго и сколько разнообразныхъ видоизмѣненій или варьянтовъ того, что было уже и прежде извѣстно! Послѣ всего сказаннаго уже понятно, почему вслѣдствіе того пробужденія въ насъ самосознанья народнаго, которому такъ много содѣйствовали упомянутые писатели, изъ всѣхъ другихъ отраслей народной словесности прежде всего обратились къ былинамъ. Ежели же ихъ въ короткое время собрано уже такое количество, то какъ много еще, безъ сомнѣнія, будетъ открыто впередъ и записано любителями народной поэзіи со словъ народа, который въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, до сихъ поръ еще мало извѣстныхъ этимъ любителямъ, могъ по чему-нибудь сохранить пѣсни, уже позабытыя, или полузабытыя въ другихъ мѣстностяхъ!

Уже выше, въ началѣ главы о сказкахъ, при обозначеніи главнѣй-

---

[1]) Изъ нихъ лучшіе: «Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Люб. Россійской словесности.» Москва, 1860—64 выпуски 1—6»—«Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ», I и II, Москва 1861 и 2 г. ч. III, Петрозаводскъ. 1864 г. На счетъ послѣдняго существовали у насъ сомнѣнія въ подлинности—въ печати, впрочемъ, сколько извѣстно мнѣ, ни разу доказательнымъ образомъ не заявленныя. Казалось бы, послѣ оцѣнки рыбниковскаго сборника такимъ судьею, какъ И. И. Срезневскій, оцѣнки доставившей г. Рыбникову демидовскую премію, подозрѣнія должны бы были замолкнуть. Но они снова возбуждены у насъ въ послѣднее время, — и, къ сожалѣнію, опять помимо печати. Желательно бы было, чтобы на вновь распространяющіеся слухи обратила вниманіе Академія. Ей бы слѣдовало попросить у подозрѣвающихъ ясныхъ, положительныхъ доказательствъ — и, если таковыя дѣйствительно будутъ представлены, сознаться, что она присудила премію — по ошибкѣ. Впрочемъ, какъ занимающійся народною словесностью, и я въ свою очередь считаю себя въ правѣ обратиться къ подозрѣвающимъ съ покорнѣйшею просьбою — не замедлить печатнымъ предъявленіемъ своихъ доказательствъ. Если же таковыя не появятся, то это, кажется, послужитъ передъ публикой лучшимъ доказательствомъ — противъ такихъ доказательствъ.

шихъ отличій ихъ отъ былинъ, замѣчено было, что тѣ и другія выработались однакоже — изъ одной и той же основы [1]). Далѣе, при обзорѣ различныхъ разрядовъ сказочныхъ, указаны были и нѣкоторые примѣры такого основнаго единства былинъ и сказокъ.—Если существенное свойство былинъ, — историческое пріуроченіе, то чѣмъ оно меньше замѣтно въ былинѣ, тѣмъ она ближе подходитъ къ сказкѣ. Въ сборникахъ былинъ попадаются и такія, въ которыхъ еще и вовсе нѣтъ историческаго пріуроченія. Общаго съ былинами у нихъ собственно только то, что онѣ сохраняютъ еще пѣсенную форму, въ сказкахъ уже утраченную. Но мы знаемъ, что слѣды ея попадаются иногда и въ сказкахъ, а что древнѣйшія основы сказокъ были непремѣнно — пѣснями. Вотъ остаткомъ такихъ-то отдаленныхъ пѣсень и слѣдуетъ считать эти — собственно еще не-былины, не знающія историческаго пріуроченія. Такова пѣсня о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и о его сватовствѣ у царя Волшана Волшанскаго, пѣсня, о которой было уже мимоходомъ упомянуто выше (Христ. стр. 143—145). Ясно, что этотъ царь ея—одинъ изъ тѣхъ царей сказочныхъ, которые царствовали—просто въ тридесятомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ [2]). При такой, чисто сказочной неопредѣленности мѣста, тутъ также и полнѣйшая неопредѣленность времени. По характеру же — царь Волшанъ—чародѣй, изъ ряду чудесныхъ существъ — опять таки сказочныхъ. Сватовство за дочь его—это, какъ не трудно понять изъ того, что̀ уже намъ извѣстно,—только видоизмѣненіе одной изъ обычнѣйшихъ основъ сказочныхъ, основъ, какъ мы знаемъ, постоянно въ себѣ таящихъ миѳъ. О миѳическомъ сватовствѣ вообще, какъ добываніи свѣтлаго существа, было уже говорено выше. Что̀ же собственно миѳически означаетъ въ нашей былинѣ - сказкѣ прятаніе Ваньки, какъ условіе сватовства, это едва ли можно рѣшить, при теперешнемъ состояніи науки. На сказаніи, повидимому, уже наросли различныя распространенія, затемняющія первоначальный миѳъ; не ясна ни эта чародѣйская книга волшанская, ни эти лишающія ее силы, чудесныя перышки Могуль-птицы. Что̀ же касается вообще отношеній послѣдней къ Ванькѣ, то это та-же, распространенная въ сказкахъ, благодарность чудесныхъ существъ, благодарность за участіе, оказанное имъ, или дѣтямъ ихъ, добрымъ молодцемъ Иваномъ. Ванька Удовкинъ, прикрывающій дѣтей Могуль-птицы—

---

[1]) Ср. у братьевъ Шоттовъ въ ихъ примѣчаніяхъ къ Валахскимъ сказкамъ, стр. 315 и 316.

[2]) Что̀ касается мнѣнія г. Безсонова, будто бы Волшанъ есть первообразъ Волота или Волотомана, то оно опровергается проф. Тихонравовымъ, между прочимъ на томъ основаніи, что въ Волшанѣ корень волхъ указываетъ на позднѣйшее волхвованіе. Относительно же того, есть ли что̀ либо общее между книгою Волшана и знаменитою въ духовныхъ стихахъ голубиною книгою — кое какія соображенія представлены будутъ ниже, въ отдѣлѣ духовныхъ стиховъ.

это тотъ же, намъ хорошо извѣстный, сострадательный дурачокъ, который на дѣлѣ оказывается—совсѣмъ инымъ.

Сватовство занимаетъ видное мѣсто и въ другихъ еще пѣсняхъ, до извѣстной степени уже пріурочиваемыхъ исторически (Христ. стр. 146—150). Такъ Михайло — Потыкъ [1], связываемый съ Кіевомъ и Владиміромъ-княземъ собственно тѣмъ, что въ началѣ посылается имъ за данію (при этомъ—даже и рѣшительно поздняя вставка—Татары),—Михайло Потыкъ далѣе же женится на невѣстѣ—чисто-миѳической, на лебединой дѣвѣ [2]). На самое отдаленное время указываетъ далѣе заключаемое ими условіе: «который изъ насъ впереди помретъ, живому съ мертвымъ въ одинъ гробъ лечи;»—въ самомъ же исполненіи этого условія Потыкомъ и въ оживленіи имъ жены при помощи живой воды, приносимой змѣею подземельною, выдается основа очевидно миѳическая, напоминающая многое въ сказкахъ (хотя вполнѣ тутъ понять смыслъ едва ли теперь возможно). Послѣднею же своею половиною—измѣною Михаилу жены, передающейся другому — былина наша совпадаетъ вполнѣ со сказками объ измѣнѣ (разрядъ IV) (только сказочный похититель измѣнницы—Кощей или т. п. чудовищное существо — уже замѣняется тутъ существомъ, носящимъ человѣческое имя и отчество; царь же Лиходѣй въ началѣ былины и самымъ именемъ своимъ подходитъ еще къ царямъ сказочнымъ [3]). Такимъ образомъ въ концѣ былины о Михаилѣ Потыкѣ окончательно утрачивается всякое историческое примѣненіе, едва только промелькнувшее въ самомъ началѣ [4]). Уже до извѣстной степени цѣльнѣе проводится подобное примѣненіе черезъ былину о Дунаѣ Ивановичѣ: онъ является и сватомъ у князя Владиміра, и собственную свою свадьбу справляетъ у князя въ Кіевѣ, и тамъ-же наконецъ, на пиру у князя,

---

[1]) Подобнымъ образомъ произноситъ это прозвище (вм. прежняго Потока) г. Безсоновъ, производя отъ корня тък, тьк, тек, и понимая это въ смыслѣ бродячаго, кочеваго (Замѣтка къ 1 т. П. Рыбн стр. II) и дѣйствительно, былинамъ о Потыкѣ еще чужды черты человѣчнаго, земледѣльческаго, осѣдлаго быта.

[2]) О миѳическомъ значеніи ея см. у Буслаева, Ист. Оч., I, 239, 240. «Въ русской пѣснѣ преданіе сохранилось первобытнѣе, нежели въ нѣмецкомъ сказаніи, которое можно признать порчею и подновленіемъ древнѣйшаго миѳа, сохранившагося у насъ». Сходная нѣмецкая сказка у Grimm'а, К. и Н. М. I, ск. 16 (стр. 88—89).

[3]) Очень сходное польское сказаніе, записанное въ XIII ст. въ хроникѣ Богуфала передается Я. Гриммомъ въ его Lateinische gedichte des X и XI Jh., стр. 113—114, Сходство особенно выдается при сличеніи съ другими, рыбниковскими варьянтами былины о Михаилѣ потыкѣ (II, 78).

[4]) Правда, въ другихъ варьянтахъ онъ стоитъ уже менѣе особнякомъ, тѣснѣе связанъ съ богатырями кіевскими, и даже съ первѣйшимъ изъ нихъ, Ильею Муромцемъ. Рыбник. II, 59—87. Кирѣевск. IV, 52—59. Сходны по своей основѣ (также увозъ измѣнившей жены) и былины объ Иванѣ Годиновичѣ. Рыбн. I, 197—205. II, 52—57. III, 113—117. Кир. III, 9—27.

трагически кончаетъ жизнь вслѣдъ за своею женою. Но, ежели онъ уже связанъ, и довольно тѣсно, съ Владиміромъ, то, такъ сказать, по частнымъ дѣламъ; тутъ еще нѣтъ и въ поминѣ того уже общественнаго значенія, съ какимъ являются позже богатыри Владиміровы. Первая половина былины—добыванье невѣсты Князю — роднитъ ее со сказочнымъ добываньемъ невѣсты для царей, (разр. II) съ добываньемъ, котораго миѳическое значеніе несомнѣнно доказывается сходствомъ съ одною изъ пѣсень древней Эдды, гдѣ невѣста—ненаглядная красота добывается для бога Фрейра [1]). Что касается невѣсты, добываемой Дунаемъ для самого себя, то ея воинственныя качества совпадаютъ съ воинственностью сказочной царь-дѣвицы, рѣшимость же чудесной невѣсты выйти замужъ единственно за того, кто ее въ бою пересилитъ, напоминаетъ миѳическую воинственность германскихъ Валькирій вообще, въ особенности же Брюнгильды, о чемъ, какъ извѣстно, въ свою очередь свидѣтельствуютъ уже и нѣкоторыя изъ пѣсень старой Эдды, этого по преимуществу миѳическаго сборника. Въ концѣ былины миѳическая ея сторона высказывается особенно ярко, но миѳъ тутъ уже переносится на землю (первоначальная мѣстность миѳическая, какъ извѣстно,—небо); тутъ миѳически толкуется происхожденіе уже земной рѣки, которой извѣстное имя (Дунай) придано и самому, ее производящему богатырю (первоначальныя же рѣки миѳическія—это небесныя рѣки) [2]). Что касается бытоваго значенья былины, то эта воинственность даже женщины, эта ея похвальба своимъ умѣньемъ стрѣлять, наконецъ то чувство воинскаго задора, какое вызывается ея похвальбою въ самомъ Дунаѣ и, становясь въ немъ сильнѣе привязанности къ женѣ, доводитъ его до убіенья ея, — все это рисуетъ картину нравовъ, чисто воинственныхъ, вовсе не соотвѣтствующихъ позднѣйшимъ нравамъ главнѣйшихъ богатырей кіевскихъ, которые, и среди боя, оказываются очень часто полными человѣчности, соотвѣтственно тѣмъ благимъ послѣдствіямъ вполнѣ установившагося земледѣльческаго быта, которыя и самую воинственность дѣлаютъ уже только оборонительною.—По воинственному характеру, былины о Дунаѣ стоятъ почти совершенно особнякомъ, представляя собою и въ этомъ отношеніи обло-

---

[1]) Skirnisför (Edda, übersezt v. Karl Simrock, 2-e Ausg., 33—40; Anmerk., 387—391). Миѳич. толкованіе этого сказанія смотри также у Вольфа въ его Beiträge zur D. Myth., I, 103. Онъ сравниваетъ со сказкою Der treue Johannes, (Grimm K. и H. M., I, 31—33). Ср. также наши былины о женидьбѣ Князя Владиміра. Рыбн. III, 9—13. Былина о Дунаѣ была у насъ варіируема до безконечности. На одной основѣ съ нею построены и несравненно позднѣйшія (по бытовымъ своимъ особенностямъ) былины о Ванькѣ Клюшникѣ (т. е. первая ихъ половина), о которыхъ рѣчь еще впереди.

[2]) Въ нѣкоторыхъ варьянтахъ и жена Дуная получаетъ имя рѣки — Днѣпра Королевична, и соотвѣтственно тому кровь ея также обращается въ потокъ рѣчной. Рыбн. I, 194—198.

мокъ временъ отдаленнѣйшихъ, по всей вѣроятности еще предшествовавшихъ быту земледѣльческому со всѣми его смягчающими послѣдствіями.

Въ свою очередь особнякомъ стоятъ и былины о Хотенѣ Блудовичѣ (Христ. стр. 149 и 150), хотя и его похожденія уже привязаны къ Кіеву и завязка ихъ происходитъ на пиру у князя Владиміра (въ отчествѣ же Блудовичъ — звучатъ даже позднѣйшія историческія воспоминанія). Съ другой же стороны хотя и былины о Хотенѣ должны были несомнѣнно имѣть въ свое время миѳическое значеніе, но оно уже совершенно закрыто въ нихъ значеніемъ бытовымъ,—только бытовымъ-отдаленнѣйшимъ, переносящимъ насъ даже во времена воинственнаго захвата невѣсты, т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ, и во времена родоваго быта съ патріархальнымъ его самодурствомъ. Правда, и тутъ уже предвѣстіемъ другой поры является самая власть вдовы - матери, власть, которая при чисто родовомъ устройствѣ существовать не могла, такъ какъ при немъ сама овдовѣвшая мать попадала скорѣе въ зависимость къ своему старшему сыну. Но еще явнымъ остаткомъ родовой замкнутости, отчужденности и разрозненности родовъ является тутъ этотъ чисто - самодурный отказъ въ рукѣ своей дочери, (при чисто-родовомъ бытѣ онъ бы происходилъ отъ отца или старшаго брата) эта угроза взять въ плѣнъ предлагаемаго ей въ женихи, эта воинственная расправа между нимъ и братьями недоступной невѣсты, наконецъ это взятіе ея съ бою и бракъ съ нею, можно сказать, на трупахъ шестерыхъ ея братьевъ (стр. 150). Съ другой же стороны въ этой былинѣ какъ бы сказывается сверхъ того и наслоенье позднѣйшее, даже чуждое—напоминающее нравы пришлой къ намъ дружины варяжской а, можетъ быть, и кое какія историческія преданія; вотъ почему къ былинѣ о Хотенѣ Блудовичѣ намъ придется еще возвратиться.

Одною своею стороною, во всякомъ случаѣ, она примыкаетъ еще къ тѣмъ, какъ мы видѣли, стоящимъ особнякомъ, былинамъ о сватовствѣ, которыя, по своему совпаденію со столькими сказками, являются какъ бы сохранившими пѣсенную форму обломками того эпоса, который служилъ первоначальною основою сказокъ. Эти былины, какъ видѣли мы, къ тому же еще и не крѣпко вяжутся со средоточіемъ былевой нашей поэзіи, Кіевомъ, и богатыри въ нихъ еще не являются земскими дѣятелями, оборонителями русской земли. Богатыри еще являются въ нихъ —совершенно особнякомъ, каждый самъ по себѣ; они еще не связаны въ нихъ въ тотъ тѣсный и многочисленный богатырскій кругъ, который является какъ бы цѣльною собирательною личностію, какъ бы сложною единицею—въ тѣхъ былинахъ, которыя дѣйствительно соотвѣтствуютъ такому названію [1]).

---

[1]) Что словомъ былины дѣйствительно обозначалась изстари повѣствованіе быле-

Но самый этотъ былевой богатырскій кругъ распадается у насъ на двѣ рѣзко - различающіяся между собою ступени. Къ первой принадлежатъ богатыри старшіе. Они еще очень походятъ на существа сверхъестественныя; нѣкоторые изъ нихъ надѣлены, между прочимъ, способностію обращаться въ животныхъ (оборотни); силы этихъ богатырей до того чрезмѣрны, что нерѣдко становятся имъ самимъ въ тягость. Вторую ступень занимаютъ такіе богатыри, которые уже ближе къ людямъ и не мѣняютъ никогда человѣческаго образа; силы еще и у нихъ громадны, но уже въ меньшей степени, и служатъ имъ въ прокъ, употребляются ими по большей части съ благою, человѣческою цѣлью. Это богатыри младшіе; собственно они-то, по народному вѣрованію, и жили во времена Владиміра, и въ пѣсняхъ объ нихъ уже постоянно является и онъ самъ. Такимъ образомъ въ богатырскій ихъ кругъ входитъ уже непремѣннымъ членомъ лицо историческое: и тутъ, какъ вездѣ въ народной поэзіи, одна ступень развитія не разграничивается рѣзко съ другою, а онѣ заходятъ одна въ другую, какъ звѣнья въ цѣпи.

Но что же такое означаетъ самое это выраженіе богатырь, которое вообще придается дѣйствующимъ лицамъ былинъ? Если вѣрно, что оно стоитъ въ тѣсной связи съ богатствомъ, и значитъ собственно — богато одаренный, силами обильный [1]), то не менѣе вѣрно и то, что все это въ тѣснѣйшей связи со словомъ богъ, вслѣдствіе чего и богатый, и богатырь по первоначальному своему смыслу близко подходятъ къ божественный. — Богатыри, — это, стало быть, люди, одаренные богатствомъ, божественнымъ изобиліемъ силъ, люди, такъ сказать, сверхчеловѣческіе; въ сущности же подъ ними скрываются существа еще высшія, первоначальные — боги. Выше упомянутыя два поколѣнія ихъ — старшее и младшее — это передѣлавшіяся въ богатырей первоначально - божескія поколѣнія, смѣна которыхъ замѣтна въ миѳологіи всѣхъ народовъ. (Представленіе о смѣнѣ одного божескаго поколѣнія другимъ лежитъ, можетъ быть, и въ основѣ былины о томъ, какимъ образомъ перевелись богатыри на Руси — христ. стр. 191; въ такомъ случаѣ вмѣсто богатырей тутъ первоначально предполагать должно старшихъ боговъ. Но въ настоящемъ видѣ своемъ былина имѣетъ уже совершенно измѣненный, сильно христіанизированный смыслъ — а потому о ней еще будетъ) ниже. Богатыри (первоначально боги) старшіе, соотвѣтственно

вое, быль (то, что соотвѣтствуетъ ученому термину — историческое, исторія), — это видно изъ начала „Слова о полку Игоревѣ", гдѣ поэтическимъ «замышленьямъ Бояна» противуполагаются «былины своего времени» (Христ. стр. 311).

[1]) Такъ объясняетъ Д. Щепкинъ въ своей во многихъ отношеніяхъ странной, переполненной самыми произвольными толкованіями, но далеко не бездарной книгѣ: Объ Источникахъ и формахъ русскаго баснословія, II, 36.

греческимъ титанамъ, отличаются силами исполинскими, а потому также и разрушительными. Таковъ Святогоръ, который чувствуетъ, что могъ бы поднять всю землю; (христ. стр. 154) по другому же варьянту, онъ могъ бы смѣшать земныхъ съ небесными. [1]). Сообразно съ такою стихійною, страшною силою, онъ невыносимо тяжолъ для земли (какъ оно видно изъ того отзыва, какой даютъ о немъ Калики Ильѣ Муромцу — христ. стр. 155); соразмѣренъ тому и ростъ — выше лѣсу стоячаго, (стр. 156) такъ что славнѣйшій изъ младшихъ богатырей, Илья Муромецъ, передъ нимъ просто карликъ: безъ труда умѣщается у него въ карманѣ. (Рыбник. I, 38). Таковъ же по объему у тотъ богатырь-гора, которому, подобно горѣ, и съ мѣста не сдвинуться, и для котораго получить ударъ ота меча Ильи Муромца — все равно, что̂ за сучокъ зацѣпить или за камешекъ задѣть. (Христом. стр. 154, стоб. 2 внизу и 156, столбецъ 1-й). Точно такими же кажутся скандинавскому исполину Скримиру удары молота бога Тора, который, съ другой стороны, такъ-же точно ночуетъ въ одномъ пальцѣ перчатки Скримира, какъ Илья въ карманѣ у Святогора. [2]) Послѣ всего этого богатырь-гора едва ли не тождественъ со Святогоромъ, что̂ отчасти указывается и именемъ этого послѣдняго. Если же вспомнить первоначальное миѳическое значеніе горы, то придется признать этихъ старшихъ богатырей антропоморфическими исполинскими миѳами тучъ. Ихъ неподвижность можетъ обозначать сплошныя, на долго залегшія небо, тучи. Напротивъ уже подвижными, даже бродячими, странствующими, являются очень хорошо знакомые со Святогоромъ и чрезмѣрностью силъ къ нему подходящіе—богатыри, скрывающіеся подъ позднѣйшимъ именемъ каликъ перехожихъ (даже являясь уже христіанскими странниками въ Іерусалимъ, они заставляютъ дрожать мать сыру-землю и падать вер-

---

[1]) Рыбник. III, 2, 3. Тутъ онъ носитъ имя Самсона, отличающееся, очевидно, происхожденіемъ уже книжнымъ, библейскимъ; но похожденія его тѣ-же, что похожденія Святогора въ другихъ варьянтахъ, только нѣсколько христіанизированы сношеніями съ ангелами, и т. п. При одной и той же основѣ, позже изъ двухъ различныхъ именъ выработались два отдѣльныхъ богатыря, и затѣмъ даже ставятся рядомъ: такъ въ христ. на стр. 155, столб. 2, калики, перечисляя Ильѣ Муромцу богатырей предшественниковъ его, называютъ и Святогора, и Самсона; особенностью послѣдняго являются только власы ангельскіе, составляющіе, очевидно, простодушную передѣлку библейскаго сказанья о томъ, что сила Самсона заключалась въ волосахъ его; но почему ихъ у насъ въ былинѣ семь, это сказать мудрено).

[2]) Uhland, der Mythus von Thor, 63, 64, 73. Буслаева, Слѣды русскаго народнаго эпоса въ древнѣйшихъ преданіяхъ индоевропейскаго племени. (Филол. Зап. 1862 г. кн. II и III.) Сходны въ одной татарской сказкѣ отношенія между одноглазымъ исполиномъ (=циклопу, лиху) и богатыремъ Биссатомъ, стрѣлы котораго кажутся исполину докучливыми мухами, и который потомъ умѣщается въ сапогѣ исполина. (W. Grimm, die Sage v. Polyphem, 9 и 10).

шины съ деревьевъ — христ. стр. 272 «Сорокъ Каликъ со Каликою). На значенье же ихъ, какъ бродячихъ тучъ (съ другой стороны являющихся, какъ намъ извѣстно, горами толкучими) указываетъ то носимое ими питьице, при помощи котораго изцѣляютъ они Илью Муромца (та-же живая вода — т. е. дождь). Если эти Калики такимъ образомъ выражаютъ и благотворную сторону тучи (срываніе же съ деревьевъ вершинъ указываетъ въ нихъ на другую, скорѣе зловредную, сторону); если и Святогоръ, по тому братству названому, въ какое вступаетъ онъ съ Ильею Муромцемъ, выказывается со стороны доброй, [1]) то другія стороны его (и богатырь-горы) указываетъ частію на безплодность, непроизводительность хотя и громадной силы, частію же (смѣшенье земныхъ съ небесными) на прямую зловредность ея. Тутъ та-же двоякость, что и въ Бабѣ-ягѣ — женскомъ образѣ той же тучи (см. выше стр. 153). Она, можетъ быть, составляетъ остатокъ того же старшаго поколѣнья, той же старшей поры божествъ—когда они были по преимуществу страшными существами. Выше упоминалось о томъ, что убѣжденіе въ постоянномъ и непремѣнно повторяющемся торжествѣ свѣтлыхъ силъ было не сразу добыто человѣкомъ (стр. 24—26, 88—90). Вотъ потому-то враждебныя имъ силы тмы — тучи (въ ихъ обширномъ и всестороннемъ значеніи) — должны были представляться долгое время господствующими. Это и было время старшихъ боговъ, позже передѣлавшихся въ старшихъ богатырей. Когда же, первоначально почитавшіяся слабыми, постоянно гонимыми а потому и возбуждавшія за себя опасеніе, силы свѣта оказались напротивъ того конечными, непремѣнными побѣдоносцами, и первенство стало переходить къ нимъ, этимъ младшимъ богамъ, тогда прежнее, по преимуществу ужасающее поколѣнье боговъ, стало переходить въ чудищь — въ тѣхъ змѣевъ Горынычей, и т. д., съ которыми постоянно ратуютъ богатыри младшіе и которыхъ миѳическое значеніе указывается самымъ этимъ названіемъ горынча, т. е. сына горы (тучи), названіемъ, роднящимъ ихъ, какъ съ богатыремъ-горою, такъ и со Свято-горомъ. Но, какъ оно часто бываетъ въ народной поэзіи, и эти древнѣйшіе образы мѣстами уцѣлѣли еще, не смотря на появленіе позднѣйшихъ, видоизмѣненныхъ, долженствовавшихъ, повидимому, служить имъ на смѣну. [2]).

---

[1]) Напротивъ отецъ Святогора, о которомъ знаетъ только одна былина (Рыбник. III, 6) относится къ Ильѣ скорѣе враждебно, когда Святогоръ самъ совѣтуетъ Муромцу при посѣщеніи его протянуть ему вмѣсто руки кусокъ желѣза (а руку бы старикъ великанъ раздавилъ).

[2]) Къ такимъ видоизмѣненіямъ старшихъ боговъ (богатырей) слѣдуетъ, можетъ быть, отнести и великана—Лихо, (христ. стр. 42 и 43) который, какъ выше сказано, въ татарскомъ изводѣ сходствуетъ со Святогоромъ и съ богатыремъ-горою, и который съ

Къ числу богатырей, стоящихъ какъ бы въ сторонѣ отъ плотнаго богатырскаго круга кіевскаго, относится также Вольга́ Буслаевичь (или Волхъ Всеславьевичъ — по варьянту Кирши Данилова). Изъ рода младшихъ богатырей выдвигается онъ по тому потрясающему впечатлѣнію, какое еще младенцемъ производитъ на всю природу. Это колебаніе матери сырой земли, когда онъ, еще только полуторачасовой, уже какъ громъ гремитъ, (христ. стр. 150 и 151) объясняется только уничтоженіемъ союза какъ (что̀ уже оказывалось намъ нужнымъ для возстановленія миѳовъ), послѣ чего въ немъ придется видѣть ужасающую, исполинскую силу грома, этого своего рода Горыныча (въ смыслѣ миѳической горы—тучи).—Если же упомянутое выше, какъ одна изъ особенностей старшихъ богатырей, оборотничество, собственно принадлежитъ между ними одному Вольгѣ, то и оно въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть, служитъ миѳическимъ указаніемъ на то-же явленіе, на ту безконечную смѣну самыхъ разноорбазно-причудливыхъ образовъ, какіе принимаются громовыми тучами. — Но въ настоящемъ видѣ былины оборотничество служитъ Вольгѣ пособіемъ въ дѣлѣ, уже совершенно земномъ. Если всѣ тѣ животныя, которыхъ видѣли въ тучахъ, должны были быть созданы воображеньемъ людей, жившихъ еще звѣроловнымъ бытомъ, то не мудрено, если и то небесное существо, которое проходило черезъ всѣ эти образы, при существованіи въ немъ уже и образа человѣческаго, могло представиться звѣроловомъ небеснымъ. Такимъ и представляется Вольга̂ въ нашихъ былинахъ. Но бытъ звѣролововъ, какъ намъ уже извѣстно, тѣсно связанъ и съ бытомъ воинскимъ. И вотъ тотъ самый Вольга́, при помощи того же миѳическаго оборотничества, совершаетъ и воинскіе походы. Но ежели первоначальный образъ долженъ былъ сложиться еще въ пору звѣроловнаго быта, то къ изначально-воинскимъ его сторонамъ могли примыкать и воинскія же черты несравненно позднѣйшаго, уже историческаго времени. Впаденье его въ историческій типъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣна типу миѳическому съ особенною ясностію сказывается тамъ, гдѣ онъ собираетъ себѣ дружину. Въ этомъ случаѣ ему какъ будто бы не хватаетъ его собственныхъ силъ, и онъ такимъ образомъ даже болѣе измѣняетъ своему прежнему божественному характеру, чѣмъ богатыри младшіе, умѣющіе, какъ всѣмъ извѣстно, совершать свои подвиги и безъ дружины.—Надѣленіе дружиною богатыря Вольги могло, очевидно, совершиться только въ ту пору, когда въ самой жизни, въ самомъ быту появилась у насъ дружина княжеская; — вотъ онъ и является

другой стороны является уже врагомъ маленькаго, да удаленькаго добраго молодца. Надо замѣтить также, что подобно ему слѣпымъ является и отецъ Святогора. Рыбн. III, 6).

княземъ дружинникомъ, даже собирателемъ дани съ тѣхъ городовъ, которые даетъ ему тутъ во владѣніе — не кто другой, какъ Владиміръ князь. Имя яснаго солнышка кіевскаго, обыкновенно являющагося ласковымъ хозяиномъ уже младшихъ богатырей, такимъ образомъ связывается тутъ даже съ однимъ изъ богатырей старшихъ. При подобномъ сближеніи позднѣйшаго историческаго съ самымъ древнимъ миѳическимъ, что̀ мудренаго, ежели къ воинственно-изворотливому образу богатыря Вольги могли еще раньше примкнуть и полуисторическія преданія о князѣ, предшественникѣ Владиміра, Олегѣ Вѣщемъ, что̀ ни мало не помѣшало пожаловать этого послѣдняго въ племянники ясному солнышку кіевскому. Когда-то миѳическое оборотничество Вольги, по мѣрѣ усиленія въ немъ очеловѣченности, стало представляться умѣлостью, хитростію;—а такія свойства сохранились въ народной памяти и за Олегомъ, самое имя котораго, — по народному способу произношенія — Олегъ, Вольгъ,—близко подходило къ имени богатыря Вольги или Вольга. Отсюда-то и возможность совпаденія опоэтизированнаго образа князя Олега съ образомъ очеловѣченнаго и тѣмъ самымъ сведеннаго на землю бога-богатыря Вольги. Извѣстно, что и въ лѣтописи Олегъ является отчасти лицомъ сверхъестественнымъ; онъ Олегъ вѣщій, т. е. вѣдунъ, знахарь, чародѣй, — его чрезвычайная хитрость умудряется до чудесъ въ походѣ его на Грековъ. Однимъ словомъ, уже въ лѣтопись Олегъ вошелъ отчасти такимъ, какимъ становился онъ въ поэтическихъ сказаніяхъ народа. Потому то и въ былинахъ можетъ быть къ нему же относилось свидѣтельство, что онъ если не силой возметъ, то хитростью. (Калики перехожіе Ильѣ Муромцу—христ. стр. 155, ст. 2-й); съ другой же стороны, можетъ быть, даже память о походѣ его на Царь-городъ сохраняется въ чисто баснословномъ преданіи былины о томъ, какъ Вольга̀ одержалъ побѣду надъ Турецъ-Санталомъ при помощи своего оборотничества. (Христ. стр. 152.) [1])

---

[1]) Вотъ въ какой мѣрѣ только, какъ я теперь понимаю, можно раздѣлять мнѣніе г. Безсонова о тождествѣ Олега съ Вольгою; считать же этого послѣдняго уже изначала лицомъ историческимъ, и видѣть въ былинѣ о Вольгѣ только позднѣйшую порчу былинъ о Вольгѣ—Олегѣ,—это, конечно, ошибочно. Съ другой же стороны нельзя опять не согласиться съ Безсоновымъ же, что въ нашу былину могли быть занесены историческія воспоминанія даже о другомъ, позднѣйшемъ Олегѣ — Святославовичѣ (и Вольга въ нѣкоторыхъ варьянтахъ называется Святославичемъ): именно о паденіи его съ моста (въ Овручѣ), что̀ повѣствуется и про Вольгу, — съ тою разницею, что въ былинѣ онъ однако же спасается. (Рыбн. I, 22, выноска). (Самое имя мѣстности г. Безсоновъ думаетъ видѣть въ былинномъ городѣ—Гурчевцѣ, какъ испорченномъ изъ Овруча (?) (христом. стр. 153 ст. 1-й внизу) —(см. замѣтку его въ I т. Рыбн., стр. XX—XXI) Примыканіе къ первоначально миѳическимъ похожденіямъ событій и именъ историческихъ весьма обычно и въ германскомъ эпосѣ. Относительно эпическаго named-

Тѣмъ, что въ Вольгѣ примкнули историческія воспоминанія объ Олегѣ, этомъ умѣломъ князѣ, образъ Вольги былъ рѣшительно выдвинутъ изъ круга богатырей старшихъ, вовсе не отличающихся умѣлостью. Съ другой же стороны и Вольга не всегда отличается ею; въ одномъ случаѣ даже онъ оказывается столько же неумѣлымъ, какъ и тяжеловѣсный богатырь Святогоръ. Совершенно подобно послѣднему, и Вольгѣ ни къ чему не служитъ необычайная сила — при приключающейся одинаково имъ обоимъ встрѣчѣ съ существомъ, которое если и относятъ къ кругу богатырей старшихъ, то единственно по отсутствію его въ обычныхъ былинахъ о младшихъ богатыряхъ. По свойствамъ же своей силы и своего образа, вовсе не отличающимся исполинствомъ, но зато удивительною умѣлостью, лицо это рѣшительно выступаетъ изъ ряда старшихъ богатырей. Говорю про Микулушку Селяниновича. Отчество его прямо указываетъ на представителя быта уже земледѣльческаго, къ которому именно и относится вся умѣлость Микулушки (имя уже человѣческое-христіанское — Микула, Миколя, Никола). Такъ онъ безъ труда несетъ на своихъ плечахъ ту маленькую сумочку переметную, въ которой, по его словамъ, заключается тяга земная; тогда какъ Святогоръ, который изображается «выше лѣса стоячаго, головою до облака ходячаго», захотѣлъ поднять эту сумочку, и отъ натуги угрязъ по колѣна въ землю. (По одному рыбниковскому варьянту даже въ камень, на которомъ онъ въ это время стоялъ — III, стр. 20). Дѣло въ томъ, что совладать съ подобною тяжестью можетъ совсѣмъ не та сила, какую даетъ богатырскій ростъ; т. е. тутъ нужно не количество силы, а ея качество — умѣнье употребить ее такъ, чтобы она не разрушала, а производила, производила при помощи упорнаго, продолжительнаго труда. Этого рода сила рѣшительно выдвигаетъ Микулу изъ круга богатырей старшихъ. Онъ какъ бы предвѣщаетъ появленіе новыхъ, младшихъ богатырей, у которыхъ количествомъ силы гораздо менѣе, чѣмъ у прежнихъ, но которымъ прежніе по неволѣ должны уступить дорогу.

Какъ Святогоръ съ маленькою переметною сумочкою, такъ съ сохою микулушкиной не можетъ совладать вся дружина Вольги. Вмѣстѣ съ тѣмъ Микулушка на своей кобылкѣ соловенькой, даже нисколько не торопя ее, опережаетъ далеко-далеко скачущаго во весь опоръ Вольгу. Ясно, что всѣмъ этимъ указывается въ Микулушкѣ именно на умѣлость, на каче-

---

ванія лицъ и событій говоритъ Я. Гриммъ: «сказанія народныя любятъ сосредоточивать на одномъ лицѣ блескъ цѣлыхъ столѣтій, или же наоборотъ богатое содержаніе одного великаго дѣла раздѣлять на нѣсколько поколѣній.» (J. Grimm, Die beiden ältesten D. Gedichte, etc., 64). Совмѣщеніе въ одномъ эпическомъ лицѣ Вильгельма Оранскаго цѣлаго множества Вильгельмовъ прекрасно прослѣжено Jonckbloet'омъ во II-й части его Guillaume d'Orange, La Haye, 1854.

ственность его силы, и что соха его, совершенно подобно сумочкѣ, выражаетъ ту тягу, съ какою не совладать при помощи только тѣлесной силы. Но съ другой стороны эти нравственныя силы Микулы — силы не человѣка, но богатыря, въ которомъ, при всемъ его неказистомъ, повидимому, обликѣ, такъ и сквозитъ еще первоначальное божество. Если съ одной стороны въ картинѣ вспахиванья имъ земли оказывается мѣстность не только уже вполнѣ земная, но и вполнѣ соотвѣтствующая тому краю, въ которомъ былина была записана (христ. стр. 153, выноска 1-я); если къ чисто земному, человѣческому земледѣльцу относятся — при томъ же и христіанизированныя, до сихъ поръ употребительныя въ народѣ,—привѣтственныя слова Вольги: «Божья ти помочь, оратаюшко;» ежели совершенно обыкновеннымъ оратаемъ выставляетъ себя и самъ Микула въ заключительной части былины (христ. стр. 154);—то совершенно другая, божественная природа сказывается въ томъ, что Вольга уже при первой встрѣчѣ съ оратаемъ, видя его, повидимому, вблизи, ѣхалъ день, ѣхалъ другой, и все не могъ до него доѣхать; и въ томъ, что земледѣльческая работа оратаюшки (какъ тутъ поражаетъ это уменьшительное названіе) совершается въ безпредѣльномъ пространствѣ: въ край онъ уѣдетъ, другаго и не видать.—На принадлежность божественному существу указываютъ и извѣстныя свойства сохи микулушкиной, на которыя существуютъ намеки въ нѣкоторыхъ варьянтахъ, подкрѣпляемые сходными преданіями не русскими. Въ одномъ варьянтѣ сошка оказывается позолоченною. (Рыбн. I, 23), въ другомъ она — красна дерева (обыкновенно же въ народномъ эпосѣ краснымъ называется золото), омѣшики у нея серебрянные, присошачекъ — золотой (и именно краснаго золота). (Рыбн. II, 60.) Съ другой стороны въ одномъ изъ варьянтовъ она улетаетъ къ подоблакамъ, (Рыбн. II, 33) что̀ совершенно сходно съ чешскимъ преданіемъ о взятіи на небо плуга Премысла-оратая и дополняется древнимъ скиѳскимъ преданіемъ о томъ, что первый плугъ, скованный для людей на небѣ, упалъ оттуда на землю. Если же въ чешскомъ преданіи соха уносится на крылатыхъ волахъ, то въ одномъ изъ нашихъ варіянтовъ кобыла микулушкина называется «подыми голова—заздынула она голову подъ облаку.» (Рыбн. II, 1.) Что̀ касается опять золота его сохи, то и съ этимъ можетъ быть сближенъ скиѳскій золотой и притомъ горючій плугъ, даже обжигавшій руки тому, кто хотѣлъ за него взяться. Вотъ потому-то и не могли ничего съ нимъ сдѣлать два старшихъ брата (имена которыхъ въ скиѳскомъ преданіи значатъ князь-мечь, и князь-щитъ — и такимъ образомъ, по воинственному своему смыслу, сближаютъ этихъ князей съ Вольгою); между тѣмъ тотъ же плугъ вовсе не обжигаетъ рукъ младшему брату (смыслъ его имени — князь-коло (колесо)—до извѣстной степени сближаетъ его съ нашимъ Селяниновичемъ, который такимъ образомъ попадаетъ и въ соотвѣтствіе съ

младшимъ братомъ сказокъ — съ этимъ лицомъ, отличающимся, какъ мы знаемъ, неожиданною умѣлостью). Такъ и въ германскихъ народныхъ преданіяхъ встрѣчается горючая борона, спускающаяся съ неба на землю, въ связи съ которою находятся и нѣкоторые средневѣковые юридическіе обычаи. Наконецъ и въ одномъ изъ карловингскихъ романовъ упоминается золотой плугъ короля Гугона [1]). Если же со всѣми этими чудесными свойствами сохи (плуга, бороны,) и того, кто умѣетъ этимъ орудіемъ владѣть, сопоставить наши колядки о золотомъ плужкѣ, управляемомъ самимъ Господомъ (выше стр. 35), то сдѣлается яснымъ, что во всемъ этомъ скрывается миѳическое представленіе о небесномъ происхожденіи труда земледѣльческаго, о томъ, что первый примѣръ его былъ людямъ поданъ самимъ божествомъ. Между тѣмъ какъ съ одной стороны изъ божествъ первоначально-физическихъ дѣлались божества-покровители быта воинскаго—а такое божество и слѣдуетъ видѣть въ богатырѣ Вольгѣ; — съ другой изъ такого же рода первоначальныхъ божествъ могли возникать и божественные покровители земледѣлія — какимъ и является нашъ Микулушка. Въ былинѣ о встрѣчѣ его съ Вольгою сопоставляются, въ лицѣ своихъ божественныхъ представителей, два быта: — и народъ отдаетъ тутъ преимущество быту земледѣльческому, придаетъ ему, сравнительно съ воинскимъ бытомъ, опережающее, т. е. передовое значеніе.

И у другихъ народовъ съ теченіемъ времени вырабатывались представленія о божествѣ. покровительствующемъ земледѣлію; вырабатывались обыкновенно изъ первоначальнаго бога громовника, дѣятельность котораго столь тѣсно связана съ успѣшностью земледѣльческаго труда, и образъ котораго долженъ скрываться и въ нашемъ Микулушкѣ (какъ скрывается онъ весьма часто въ близкомъ къ нему по умѣлости сказочномъ младшемъ братѣ). И у Германцевъ изъ бога-громовника Тора выработался съ теченіемъ времени богъ покровитель земледѣльческаго труда, подобно тому какъ изъ бога пространства воздушнаго, Одина, выработался у Германцевъ божественный представитель воинственности. Они даже и встрѣчаются въ германскихъ преданіяхъ, какъ въ нашихъ Вольга съ Микулою; только исходъ ихъ встрѣчи уже совершенно иной. Воинственный богъ—Одинъ, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и богомъ родовитыхъ людей—тѣхъ, которые, происходя по прямой нисходящей линіи отъ древнихъ родоначальниковъ, свое исконное, наслѣдственное старѣйшинство—а оно основывалось, какъ мы видѣли, на преимущественномъ умѣніи владѣть мечомъ (см. выше стр. 171, в.)—должны были постоянно поддерживать бле-

---

[1]) J. Grimm, Gesch. der D. Sprache, I, 41—43. Ср. Лѣтоп. Тихонравова, I, статья Котляревскаго о Скиѳахъ. — Буслаева, Русскій народный эпосъ (Р. Вѣст. 1862 г.)

скомъ воинскихъ подвиговъ и гордо чуждались мирнаго, земледѣльческаго труда, предоставлявшагося у нихъ младшимъ, или же и самымъ младшимъ (въ иномъ, особенномъ смыслѣ)—рабамъ. Богъ-воинъ Одинъ, представитель начала родовитости, этой позднѣйшей, уже чисто исторической формы отдаленнаго родоваго быта, формы, въ которой онъ уцѣлѣлъ и до нашего времени въ родовитыхъ (аристократическихъ) установленіяхъ западно-европейской жизни;—богъ-воинъ Одинъ—въ лицѣ земледѣльческаго Тора сталкивается также и съ богомъ плебейскимъ, мало того—съ богомъ рабовъ. Отсюда-то въ германскомъ преданіи о ихъ встрѣчѣ и глубочайшее къ нему презрѣніе Одина, выдерживаемое до конца, и заставляющее жертву его—оборванца, неуча и невѣжду Тора—до конца разыгрывать самую жалкую, и ничѣмъ не возвышаемую тутъ роль [1]). Таково различіе между древне-германскимъ и древне-славянскимъ воззрѣніемъ, выражаемое особенностями былеваго эпоса Славянъ и Германцевъ [2]).

---

[1]) W. Mannhardt, die Götterwelt der deutschen und nordischen Völker, I, 229—231. Ср. у В. Мюллера, Geschichte und System der altdeutschen Religion, 237, 240, 244, 346—7.

[2]) Г. Буслаевъ, говоря о томъ творческомъ предпріимчивомъ духѣ, который выказывается въ воинственномъ Одинѣ, т. е. о совпаденіи въ его лицѣ начала воинственнаго съ началомъ историческаго движенія,—видитъ въ этомъ отраженіе культурнаго духа германизма, и замѣчаетъ, что у „Славянъ оставалось въ первобытныхъ зародышахъ то, что въ нѣмецкихъ племенахъ пустило глубокіе корни и получило блистательное развитіе“ (Филол. Зап. 1862 г. вып. 2 и 3, стр. 20). Но у Славянъ, какъ видно у меня изъ всего приведеннаго,—даже и корней не пускало то, чѣмъ такъ восторгается г. Буслаевъ; — у нихъ корни пустило нѣчто совершенно другое, прямо противоположное—правда, не развившееся до той степени, до какой развилось у Германцевъ ихъ особенное историческое начало. — Конечно, и въ германской миѳологіи богу Тору приписываются весьма многія, привлекательныя черты: неустанность въ работѣ, готовность всегда помочь человѣческому труду, и т. п. (Uhland, Mythus v. Thor, 221—222). Есть сверхъ того у Германцевъ преданіе, въ которомъ своеобразно указывается даже на важность и особую качественную силу земледѣльческаго труда: дочь великана приноситъ къ отцу своему захваченнаго ею въ передникъ маленькаго человѣчка съ волами и плугомъ; — но отецъ замѣчаетъ на это: «отпусти его поскорѣе на волю,—этотъ маленькій родъ намъ опасенъ, и гдѣ поселяется онъ, оттуда намъ слѣдуетъ удаляться». (J Grimm, Gesch. d. D. Sprache, I, 11 (2-е изд.). Но тутъ—преимущество земледѣльческому существу отдается собственно передъ великанами,—они же оказываются постоянно глупыми; стало быть, это вовсе не то, что наше предпочтенье Микулы—Вольгѣ, славному не только одною грубой воинственностью, но и хитростью мудростью. Германское преданіе важно собственно потому, что имъ подтверждается существованіе въ народныхъ преданіяхъ качественной, нравственной силы. Вотъ почему, кромѣ всего другаго, старанія г. Скопина вразумить меня на счетъ отсутствія такой силы въ подъемѣ микулиной сумочки, остаются для меня ни мало не вразумительными (Учитель 1865 г. № 3 и 4). Не безъ связи съ тою тягою земною, которую поднимаетъ оратай Микула, и сербское наименованіе земледѣльца—тежакъ (Вука

Но это различіе выказывается и еще болѣе изъ того, что у Чеховъ, отъ оратая Премысла (вспомнить выше изложенное его сродство съ Микулою) производится и власть княжеская: его избираетъ себѣ въ мужья та самая княжна Любуша, о которой, какъ о представительницѣ уже вовсе не родоваго быта, говорено было выше. (Стр. 130, вын.). Посланные застаютъ его у плуга за сельскимъ завтракомъ, и на память о своемъ крестьянскомъ происхожденіи онъ сберегаетъ свою крестьянскую обувь. По сродному же преданію польскому оратай Пястъ въ лаптяхъ вступаетъ на столъ княжескій [1]). Подобнымъ преданіямъ соотвѣтствуетъ и обрядъ возведенія на столъ княжескій, соблюдавшійся у каринтійскихъ Славянъ даже до XIV в., но происхожденію же своему относящійся, очевидно, къ временамъ отдаленнѣйшимъ. Новопоставляемаго князя приводили къ каменному столу (престолу), находившемуся посреди поля; на немъ заставалъ онъ уже сидящимъ старосту сельскаго, и, подойдя къ нему, долженъ былъ совлечь съ себя верхнюю княжескую одежду и облечься въ крестьянскую. По обѣимъ сторонамъ князя становились его приближенные—одинъ съ воломъ, другой съ кобылою (тѣ же самыя земледѣльческія животныя, что̀ и въ преданіи о Микулѣ — Премыслѣ). Тогда староста сельскій обращался къ нимъ съ престола со слѣдующими вопросами: «Кого это вы привели сюда?» —Князя земли нашей, которому долженъ ты уступить свой столъ»,—отвѣчали ему.—«Не сдѣлаю этого пока не буду удостовѣренъ, что онъ достоинъ того, чтобы возсѣдать на немъ».—Онъ вполнѣ достоинъ. — «Не дѣйствительно ли онъ человѣкъ, исполненный честности, вѣрный правдѣ, безукоризненный»? — Дѣйствительно.—«Справедливый ли онъ судія, котораго не отведетъ отъ неумытной правды ни непріязнь, ни пріязнь»? — Таковъ онъ и есть и будетъ. «Станетъ ли онъ охранять покой земли нашей, защищать вдовъ и сиротъ и соблюдать для каждаго въ ненарушимости его право»?—Станетъ. —«Такъ пусть же присягнетъ въ томъ, что будетъ такъ поступать». — Затѣмъ присяга давалась сперва троими изъ приближенныхъ княжескихъ, становившимися какъ бы его поручителями. — Тогда староста сельскій, сойдя со стола, указывалъ на него князю, который, вступивъ на него, давалъ уже самъ за себя присягу. Вслѣдъ же за тѣмъ весь народъ

Словарь, 784). Г. Иречекъ сопоставляетъ это съ древне-чешскимъ — zeme - tehy, нѣсколько позднѣйшимъ чешскимъ же—тежити, и старо-славянскимъ—тягъ, тяжати—въ смыслѣ вообще—работы, работанія (Das Recht in Böhmen und Mähren, I, 44).

[1]) Буслаевъ, Ист. Оч., 371—372. Я. Гриммъ указываетъ слѣды подобныхъ преданій у Римлянъ, Готовъ, Франковъ, (ежегодное проведеніе по полю плуга Королемъ Гуго-номъ) (Gesch, d. D. Spr. I, 42); но все это блѣдно, сравнительно съ яркою выразительностью славянскихъ преданій (не говоря уже о тѣхъ совершенно противоположныхъ, которыя позже возникли и развились въ германизмѣ.

присягалъ въ свою очередь Князю [1]. Тутъ уже съ совершенною ясностію сказывается вовсе не родовое, и не родовитое, а выборное, общинное начало. — Совершенно противоположно этому германскія родовитыя поколѣнія стали производить себя не отъ кого либо другаго, какъ бога Одина, этого представителя родовитой воинственности. Даже во время распространенія христіанства многіе изъ германскихъ родовиковъ потому собственно и сопротивлялись ему, что не хотѣли очутиться въ демократическомъ христіанскомъ раю рядышкомъ со своими прежними крестьянами, или даже рабами [2]. Напротивъ славянство и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, издавна уже подготавливалось къ христіанству,—человѣчнымъ, уравнивающимъ началомъ общины.—И древняя языческая вѣра Славянъ не заключала въ себѣ тѣхъ прямо противныхъ ему элементовъ, которые, на примѣръ, заключались въ преданіи Эдды объ исконномъ раздѣленіи людей на рабовъ, земледѣльцевъ, и знатныхъ. Каждое изъ поименованныхъ состояній производилось тутъ, при участіи странствующаго божества, отъ особой изначальной четы: та, отъ которой пошли рабы, уже отъ природы ужасала своимъ безобразіемъ; у той, которая произвела земледѣльцевъ, самая наружность отличалась болѣе человѣческими чертами; послѣдняя же, родоначальница родовитыхъ людей, была и сама красавица, и все потомство ея отличалось красотой ненаглядною, лучшимъ же цвѣтомъ ея, позже всѣхъ рожденнымъ, какъ бы верховнымъ выводомъ родовитости, является Конуръ (король) [3]. Вотъ кровное происхожденіе германской верховной власти въ противоположность славянскому общинному.—Что же мудренаго, если при этомъ послѣднемъ могли рѣшительно въ обычай войти, а у нѣкоторыхъ изъ славянскихъ народовъ и до нашего времени сохраниться—отношенія къ власти верховной, какъ къ плоти отъ народной плоти и кости отъ народныхъ костей, такъ что при этомъ и всякія покушенія противъ власти прямо представляются злоумышленіями противъ самого народа

Если поводъ къ подобнымъ, чисто историческимъ заключеніямъ подалъ намъ Микулушка Селяновичъ, то ясно, что онъ уже имѣетъ въ

---

1) Palacky, Dejiny narodu ceskeho, I, I, 197.

2) W. Müller, Gesch. u Syst. d. A. D. Rel., 202.

3) Rigsmal въ старой Эддѣ (переводъ Зимрока, изд. 2-е, стр. 124—130). О преимущественно земледѣльческомъ бытѣ Славянъ (съ его послѣдствіями) см. въ диссертаціи О. М. Бодянскаго—о нар. поэзіи славянскаго племени, М. 1837 г. стр. 36 и 46. Я Гриммъ, доказывая у Германцевъ самостоятельность перехода къ земледѣлію отъ кочеванья, звѣроловничества и пастушества, признаетъ однакоже заимствованіе Германцами у Славянъ слова Pflug—(плугъ) (Gesch. d. D. Sprache, I, 40) также и А. Шлейхеръ въ статьѣ „Очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индогерманскихъ языковъ“ (2-е прил. къ VIII т. Зап. Ак. Н., стр. 7. Ср. однакоже стр. 43, 51).

былинахъ историческое значеніе, прямо выдвигающее его изъ ряда богатырей старшихъ. Къ числу ихъ, какъ выше и сказано, онъ былъ относимъ у насъ единственно потому, что также рѣдко встрѣчается въ былевомъ нашемъ эпосѣ, какъ и Святогоръ, Вольга и т. д. По всему видно, что образъ Микулушки, такъ глубоко задуманный, дальнѣйшаго развитія въ нашемъ народномъ эпосѣ не имѣлъ; но свойства, ему принадлежащія, еще шире и многостороннѣе развились въ новомъ образѣ, явившемся какъ бы на смѣну Микулѣ,—въ образѣ одного изъ младшихъ богатырей, Ильи Муромца. Въ обоихъ скрывается одинъ и тотъ же, первоначально-—физическій, позже нравственно-бытовой, земледѣльческій богъ громовникъ, соотвѣтственный индійскому Индрѣ и германскому Тору [1]). Самое имя Илья заимствовано въ позднѣйшее время для нашего бога-богатыря у такого святаго, который, по своему восхищенію на небо въ огненной колесницѣ, представлялся простодушному воображенью народному близко подходящимъ къ огнезарному богу-громовнику. Первенствующее же значеніе этого бога-покровителя земледѣлія, — полнѣйшимъ образомъ сохранилось въ первенствѣ передо всѣми богатырями — Ильи Муромца крестьянскаго сына.

И такъ первый изъ младшихъ богатырей — Илья Муромецъ. Онъ родится еще во время богатырей старшихъ, съ ними сначала онъ и имѣетъ дѣло. Тридцать лѣтъ сила какъ бы спитъ въ Ильѣ, — не умѣетъ онъ владѣть своей силой. Вотъ приходятъ къ нему однажды калики перехожіе, уже намъ знакомые образы отдаленнѣйшей старины. Приходятъ къ Ильѣ калики, просятъ впустить ихъ домъ. Отвѣчаетъ имъ Илья, что не можетъ. Но когда они повторили свою просьбу, Илья заставилъ себя встать,—и всталъ. Такъ передается это начальное похожденіе Муромца въ большей части варьянтовъ. Но многіе изъ нихъ — уже не былины, а побывальщины (стихъ утраченъ), христіанизація очень сильна (калики являются даже—Христомъ и апостолами), изцѣленію придано значенье награды за христіанское милосердіе къ бѣднымъ. Впрочемъ и та-

---

[1]) Черты, сходныя у того или другаго съ Ильею, можно найти у Маннгардта въ его Germanische Mythen, стр. 23—25 (отношенія къ дубу и первоначальный молотъ скрывающійся въ позднѣйшемъ крестѣ) 28—30 (отношенье къ росѣ—а въ ней выкатывается конь Ильи) 101, 162 (противоположность великанамъ) 124, 145 (высѣканье ключей ударомъ копыта коня) 128 (побѣда надъ сильнымъ разбойникомъ) 132 (обереганье границъ), 136 (покровительство земледѣлью) 140 (защита яснаго солнышка) 143 (эпитетъ—стараго) 146—147, 167 (странствованіе на кораблѣ по водамъ, мощенье мостовъ) 148 (богатство отъ добытыхъ кладовъ) 166—168 (рожденіе облаковъ и бой съ тѣми же облаками). Ср. Uhland, Mythus v. Thor, 91, 92, 139, 142, 222, 116 и 165. (Киданіе побѣжденныхъ вверхъ) 117 и 118 (бой съ орломъ—великаномъ бури, сидящимъ на дубѣ). Также Буслаева въ Фил. Зап. 1862 г. кн. II и III, стр. 7, 14 (разрыванiе на-полы). Аѳанасьева, Поэтич. воззрѣнія Славянъ на природу, I, 469—478.

кое начало возмездія заключалось уже, какъ мы видѣли, въ сказаніяхъ о странствованіи боговъ, сострадательность же Муромца — въ сострадательности сказочныхъ бѣдняковъ и младшаго брата сказокъ. Съ другой стороны извѣстная загнанность младшаго брата и его продолжительная кажущаяся глупость вполнѣ соотвѣтствуютъ продолжительной разслабленности Ильи—и въ основѣ всего этого можетъ заключаться только миѳически-выраженная измѣненность или превращенность благотворнаго божества въ долгое враждебное зимнее время. Такъ и само изцѣленіе—въ основѣ своей вовсе не христіанское чудо, а извѣстное цѣлющее дѣйствіе миѳической живой воды. Потому-то болѣе близкими къ первообразному должны почитаться тѣ варіанты, гдѣ питье подается Ильѣ уже спервоначалу самими каликами (христ. стр. 155) а не отворачивается ему ими (стр. 157). По большей части варьянтовъ, сначала дѣйствіемъ своего питья они ему умножаютъ силу до страшныхъ размѣровъ, но когда онъ говорятъ имъ, что съ этимъ количествомъ силы могъ бы землю поворотить, они убавляютъ ее вполовину: новому поколѣнію богатырей такой разрушительной силы не надобно, да она и имъ бы самимъ была въ тягость. (Самъ Илья отказывается отъ полной силы Святогора богатыря, когда тотъ ему хочетъ ее передать посредствомъ дыханія—(христ. стр. 157, ст. 2-й, вверху). За то эти новые богатыри, богатыри съ уменьшонною силою (а по Микулѣ мы видѣли, что она въ тоже время и сила совершенно другаго рода — не количественная просто, а качественная), за то это младшее поколѣніе богатырей, не опасное, а спасительное для земли, никогда уже не изчезнетъ съ нея. Не даромъ калики говорятъ Ильѣ, что «смерть ему на бою не написана» [1]) — новому поколѣнію богатырей не перевестись! Только не совѣтуютъ калики Ильѣ мѣряться силами съ богатырями старшими: ихъ вѣдь не побѣдишь, да имъ и такъ суждено сойти съ лица земли. Не велятъ ему также биться и съ родомъ микуловымъ: «его любитъ матушка сыра-земля» [2]). Но биться съ Микулой значило бы Ильѣ итти на своихъ. Онъ и самъ Селяниновичъ, т. е. сынъ поселянъ; первая работа его послѣ того, какъ пробудилась въ немъ сила, работа крестьянская. Но зачѣмъ же беретъ онъ у отца съ матерью благословеньице великое, и пускается на конѣ въ чистое поле—искать супротивника? Зачѣмъ же былины заставляютъ его встрѣтиться со Святогоромъ, побрататься съ нимъ,

---

[1]) Черта эта упоминается такъ часто въ богатырской жизни Ильи и въ ней до такой степени сходятся варьянты, что нельзя не считать ее чертою древнею, подлинною. (Кирѣевск. I, 51, IV, 12. Рыбник. I, 68, 71, 86; II, 2, 4, 336. III, 2, 14, 53, 57, 219). О миѳ. знач. сидѣнья Ильи—у Аѳан. Поэт. воззр. Слав., I. 304—306.

[2]) Ср. Кир. I, 7, 45, 58, 60, 61, 78. 80, 81. Рыбник. II, 2, 4. Лѣтоп. Тихонр. IV, Пѣсни Костом. и г-жи Мордовцевой, 10.

присутствовать при ужасной смерти, назначенной ему рокомъ, и получить отъ него въ наслѣдство еще новое количество силы и его мечъ-кладенецъ? (Христ. стр. 157, ст. 2-й). И младшимъ богатырямъ по неволѣ надобно еще быть богатырями-воинами, нельзя имъ отдаться со всею своею качественною силою труду мирному, нужно имъ еще и количество силы не малое, — много еще повсюду кругомъ немирныхъ людей, много было еще по краямъ Руси земледѣльческой людей кочевыхъ, воинственныхъ; вотъ отъ ихъ-то набѣговъ приходилось постоянно оборонять себя древней Руси, вотъ на это и была ей нужна не только мирная трудовая сила, но и сила воинская, защитительная,—и идеалами этой силы должны были сдѣлаться богатыри младшіе. Столько же воинственны они, какъ и старшіе, но воюютъ не для того только, чтобъ воевать (хотя и это иногда еще съ ними случается — война у нихъ входитъ въ привычку); воевать имъ не просто потѣха, а долгъ; иному и не хочется воевать, да надобно — не переводятся въ конецъ злыя чудища, Соловьи разбойники, да Тугарины Зміевичи, живучи они, окаянные, и налетаютъ бѣдою на русскую землю. Чудища эти, сперва имѣвшія миѳическое значеніе, впослѣдствіи стали обозначать и враговъ Руси: Добрыня выводитъ изъ пещеры Змѣя Горыныча полоны русскіе (Христ. стр. 168). Налетаютъ они — въ пѣсняхъ на крыльяхъ бумажныхъ, какъ въ исторіи налетали неожиданными набѣгами то Печенѣги, то Половцы, то другая нехристь, какъ зовется она по старому. И нужны были народу эти идеалы богатырей-побѣдителей, нужны были чудеса ихъ тѣлесной силы, которыя въ то же время — и подвиги нравственные, ибо они употребляютъ свои силы сознательно и охотно на защиту земли своей.

Но не сразу становится Илья Муромецъ во главѣ этихъ — уже въ земскомъ историческомъ смыслѣ понимаемыхъ богатырей. Долго стоялъ онъ еще совершенно особнякомъ, долго должны были пѣться особыя пѣсни про отдѣльные его подвиги, пѣсни, въ которыхъ сквозь образъ богатыря все еще проглядывало и первоначальное божество грома. Впрочемъ и позже, уже на земской службѣ кіевской, въ исторически-примѣненномъ богатырствѣ Ильи все еще ясно сквозитъ его прежняя, и даже физическая божественность. Въ основѣ каждаго, и позднѣйшаго его похожденія, почти всегда можетъ быть высмотрѣнъ основной, хотя и затемнившійся миѳъ.

Но тѣмъ болѣе это относится къ тѣмъ остаткамъ древнѣйшей поры, гдѣ онъ стоитъ еще совершенно особнякомъ. Къ такимъ остаткамъ относится и былина о встрѣчѣ его съ богатыремъ Святогоромъ, о пріѣздѣ ихъ ко гробу, на которомъ написано: «Кому суждено во гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ», и о томъ, какъ на вѣки ложится въ него Святогоръ, потому что его «поискала судьба.» — (Христ. стр. 156 и 157). Особнякомъ же стоитъ Илья Муромецъ и въ тѣхъ былинахъ, гдѣ онъ

какъ бы хочетъ испытать на дѣлѣ, точно ли совершенно иначе, благосклонно относится та-же судьба—къ нему. Это былина — о трехъ поѣздочкахъ Ильи Муромца (хр. стр. 158). Всѣ онѣ, вызванныя надписью другаго рода, предпринимаются именно съ цѣлью провѣрить приговоръ судьбы и даже, такъ сказать, помѣряться съ нею. Между тѣмъ въ основѣ этихъ трехъ поѣздочекъ лежатъ при различныхъ миѳа для одного и того же явленія: и эти разбойники, и эта враждебная королевна, и тотъ, кому принадлежать клады (въ варьянтѣ, напечатанномъ въ христоматіи, его уже нѣтъ—но въ одномъ рыбниковскомъ варьянтѣ является онъ поганымъ чудищемъ и убивается Ильей Муромцемъ, III, 48) — все это различные образы одной и той же враждебной силы, побѣждаемой богомъ громовникомъ, который, какъ добывающій у нихъ кладъ, и является тутъ богатымъ — въ лицѣ даже лукаво хвастающагося этимъ Ильи Муромца. Но къ богатству (по основѣ своей миѳическому) присоединяется тутъ и безсребренность — уже знакомая намъ по бытовымъ сказкамъ, тутъ же получающая особенное значеніе. Въ одной изъ роковыхъ надписей сказано, что на такой-то дорогѣ волей-не волею будешь богатъ; — вотъ Илья и хочетъ, чтобы и это не сбылось также точно, какъ и другія два предсказанія — убиту быть и женату быть. Но ежели онъ не боится перваго, то, можетъ быть, потому, что относительно его существуетъ уже другой, исключительный приговоръ судьбы; дѣйствительно, въ одномъ изъ варьянтовъ, онъ подновливаетъ надпись такимъ образомъ: «На бою Ильѣ смерть не писана» (Рыбн. III, 53)—очевидно ссылка на извѣстный ему приговоръ судьбы (въ христ.— и въ этомъ случаѣ сходно съ тѣмъ, какъ въ другихъ: «въ тую дорожку ѣздилъ, убитъ не былъ»). Но удача на первой дорожкѣ раззадориваетъ Илью схватиться съ судьбою и на другихъ: ѣдетъ онъ туда, гдѣ женату быть. Если вспомнить и въ этомъ случаѣ богатырей старшихъ, то какъ смерть Святогора была предопредѣлена, такъ въ свое время предопредѣлено было и лицо, на которомъ ему жениться: чего не дѣлалъ онъ, чтобы избавиться отъ такого предопредѣленія, оно неотразимо сбылось (Рыбн. I, 40, вын.) Илья, напротивъ того, пытается—и выдерживаетъ въ борьбѣ и со вторымъ роковымъ приговоромъ. Тутъ уже дѣйствуетъ самъ онъ и притомъ силою чисто нравственною: все дѣло въ томъ, чтобы не укинуться на мнимыя, чародѣйныя прелести королевишны,—и онъ на нихъ не укидывается! Точно также на третьей дорожкѣ Илья выдерживаетъ въ рѣшимости — не укинуться на клады подземные: видитъ, беретъ,—но раздаетъ другимъ. Такимъ образомъ приговоръ судьбы, неотразимый для богатырей старшихъ — этихъ представителей грубой тѣлесной силы—ничего не значитъ для Ильи Муромца, причастнаго, и еще

въ какой степени, внутренней, нравственной силѣ! Вотъ новое свидѣтельство о качественномъ значеніи младшихъ богатырей [1]).

Состязанье съ судьбою и нравственное торжество надъ нею составляетъ въ нашей народной словесности явленіе знаменательное, и, сколько извѣстно мнѣ,—исключительное. И въ древне-классическомъ, и въ восточномъ мірѣ, даже подъ перомъ позднѣйшихъ обработывателей народнаго эпоса уцѣлѣло понятіе о самой могучей, неодолимой силѣ судьбы. Тоже понятіе развито въ скандинавскомъ, и въ древне-германскомъ эпосѣ, и въ свою очередь уцѣлѣло подъ перемъ средневѣковыхъ литературныхъ его передѣлывателей. И свѣтлый богъ Бальдуръ, и позднѣйшій его богатырскій образъ — Сигфридъ падаютъ жертвой судьбы; послѣднему заранѣе уже предсказана и какъ бы помимо воли его сбывается — даже невѣрность его Брюнгильдѣ [2]). Знаменитое лицо Нибелунговъ, Гагенъ, попытался было, подобно Ильѣ Муромцу, помѣряться силой съ судьбой—и на первыхъ же порахъ убѣдился, что это тщетно [3]).—Но если одуматься, то понятно, почему сознаніе силы человѣческой воли не такъ легко могло развиться при бытѣ воинскомъ (какой и окрѣпъ у Германцевъ), чѣмъ при земледѣльческомъ (закрѣпившемся у Славянъ). О вызовѣ земледѣльческимъ бытомъ наружу силъ не количественныхъ, а качественныхъ, нравственныхъ, уже ясно свидѣтельствовалъ Микулушка Селяниновичъ. Это упорное вымоганіе у земли, не всегда охотно и паддающейся, ея даровъ драгоцѣнныхъ, эта неутомимая трудовая упрямка, эта сила терпѣнія и умѣлости,—вотъ она, та почва нравственная, на которой сложился и выросъ Илья, дальнѣйшее развитіе Микулушки, Илья — богатырь уже въ очень широкомъ смыслѣ, богатырь **силой воли и самосознанія**. А нужно ли говорить, что подобные идеалы, свидѣтельствуя о возможности для

---

[1]) Отчасти та-же сила **устоя**—преимущественно въ бѣдѣ—выражается въ нѣкоторыхъ пословицахъ: таланъ—не туманъ, не мимо идетъ;—оттерпимся, и мы люди будемъ;—стояньемъ города берутъ;—бояться несчастья, и счастья не будетъ;—по третьему разу всегда вырубишь огня;—успѣешь охнуть, какъ придется издохнуть;—все перемелется, мука будетъ;—кто божитъ (сильно желаетъ), тому встрѣчу бѣжитъ;—покорись бѣдѣ, и бѣда покорится;—пришла бѣда, не брезгуй и ею! — не радуйся, нашедши, не плачь, потерявши;—счастью не вѣрь, а бѣды не пугайся;—сидя на колесѣ, думай что быть подъ колесомъ; — лейся бѣда, что съ гуся вода; — отвага медъ пьетъ и кандалы третъ. (Даля Посл., 24, 25, 27, 29, 39, 45, 5). Не менѣе сильныя пословицы разныхъ Славянъ учеляковскаго, Мудр., 279, 281 — 282) Н. И. Костомаровъ, приводя свидѣтельство Прокопія о томъ, что **Славяне судьбы не знаютъ**, указываетъ на Малороссійскую пословицу: не доля виновата, а воля (Слав. Миѳол., 69).

[2]) Rassmann, Die Deutsche Heldensage, I, 171.

[3]) Der Niebelunge Noth, herausgegeben v. K. Lachmann, 3-e Ausgabe, 202. Лахманъ видитъ тутъ вставку позднѣйшаго поэта, но если и такъ, то тѣмъ даже болѣе замѣчательно, что и тутъ попытка восторжествовать надъ судьбою остается только **попыткою**.

человѣка захотѣть и смочь, служатъ выраженіемъ силъ, настоящихъ, двигающихъ впередъ, историческихъ силъ народа [1])?

Способностью торжествовать надъ судьбою главный представитель младшаго богатырства окончательно отличествуетъ отъ старшаго. Разумѣется, такая способность составляетъ въ нашей былинѣ о трехъ поѣздочкахъ уже черту относительно позднюю, только сверху налегшую на ту древнюю ея основу, однимъ изъ признаковъ коей служитъ и то, что Илья Муромецъ еще тутъ и не знаетъ пощады къ врагамъ—какъ и всѣ миѳическіе побѣдители не знаютъ ея къ миѳическимъ вражьимъ силамъ. Тотъ же суровый характеръ сохраняется еще во многихъ варьянтахъ былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ. Бой этотъ долженъ быть признанъ однимъ изъ древнѣйшихъ похожденій нашего богатыря,—уже потому, что этимъ онъ еще отчасти вяжется съ богатырями старшими (жена Ильи должна принадлежать къ ихъ роду, что̀ видно по тому избытку силъ, какой принадлежитъ ея сыну даже сравнительно съ Ильею, а равно и по чёрнымъ грудямъ этого молодаго богатыря, намекающимъ на поколѣніе темное, старое). Далѣе—это еще частное дѣло Ильи (такъ, по крайней мѣрѣ, въ большей части варьянтовъ), тутъ онъ еще въ сторонѣ отъ Кіева и отъ князя Владиміра. Наконецъ — и это всего болѣе свидѣтельствуетъ о старинѣ—бой отца съ сыномъ составляетъ одно изъ похожденій, распространенныхъ у многихъ народовъ. Какъ это, такъ и возмутительная, противочеловѣческая основа такого боя, свидѣтельствутъ и о непремѣнно-миѳическомъ его значеніи. (См. выше — о миѳической враждѣ между близкими родственниками — стр. 148) Быть можетъ тутъ кроется то представленіе, что богъ громовникъ, производя, т. е. пораж-

---

[1]) Объ исторической важности понятія о силѣ воли еще недавно свидѣтельствовалъ современный физіологъ, хорошо знакомый, въ тоже самое время, и съ психологіею народовъ. Вотъ замѣчательныя слова Вундта: «понадобилась продолжительная работа мысли, прежде чѣмъ былъ окончательно побѣжденъ и оставленъ взглядъ, что судьба налагается на человѣка извнѣ. Первоначально народная вѣра приписываетъ силу, опредѣляющую судьбу, предметамъ непосредственно его окружающимъ. Негръ создаетъ себѣ домоваго бога изъ какого нибудь камня, растенія или даже ремесленнаго издѣлія, и молится ему о благопріятномъ направленіи своей судьбы... Когда Халдеецъ взиралъ на звѣзды, чтобы по положенію, занимаемому подвижными звѣздами между постоянными, заключать о своей судьбѣ, то это уже было шагомъ впередъ къ болѣе зрѣлому взгляду, ставящему судьбу человѣка въ зависимость отъ высшихъ божественныхъ силъ; — планеты вѣдь были его богами... Въ греческой древности мѣсто многочисленныхъ олицетвореній таинственныхъ силъ постепенно заступилъ отвлеченный fatum. Сперва поставленный надъ богами, впослѣдствіи онъ совпалъ съ высшимъ божествомъ. Но все еще судьба оставалась внѣшнею силою. Воззрѣніе, по которому человѣкъ самъ себѣ создаетъ судьбу, принадлежитъ уже новому свѣту. Это его величайшее пріобрѣтеніе. (Wundt, Menschen und Thier-Seele, II, 273—274).

дая тучи, съ другой стороны ихъ же и истребляетъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, только въ древнѣйшія времена могла быть терпима (уже по утратѣ первоначальной ясности миѳа) та трагическая развязка, какую видимъ мы въ персидскомъ, кельтскомъ, по всей вѣроятности въ древне-германскомъ (VIII в. — до насъ онъ дошелъ безъ конца, но о свойствахъ его можно догадаться по началу) и въ большей части нашихъ русскихъ варьянтовъ [2]). — Со смягченіемъ нравовъ, неминуемо потребовалось и уничтоженье развязки трагической — и вотъ, мы уже не видимъ ея въ двухъ позднѣйшихъ германскихъ изводахъ, въ итальянскомъ, въ византійскомъ (свѣдѣніями о немъ я обязанъ Г. С. Дестунису), и наконецъ въ двухъ русскихъ варьянтахъ (таковъ и помѣщенный въ христоматіи на стр. 162 и 163, гдѣ имѣется уже и пріуроченіе къ богатырской заставѣ кіевской). Но замѣчательно, что даже въ трагическихъ нашихъ былинахъ уже подготовляется тотъ смягченный характеръ Ильи, котораго дальнѣйшее развитіе мы увидимъ вскорѣ. Уже тутъ онъ готовъ пощадить юношу, еще и не подозрѣвая, что это его сынъ, а ежели подъ конецъ онъ (по обычному миѳическому пріему разсѣкающей тучу молніи) разрываетъ его на̀ полы, то только послѣ предательскаго покушенія на него самого — уже ни мало несмягчающагося и до конца неизмѣннаго сына. Напротивъ въ германскихъ изводахъ—даже и тѣхъ, которые оканчиваются счастливо — отецъ, уже догадываясь, что передъ нимъ сынъ, всетаки бьется съ нимъ не на животъ, а на смерть, потому что подзадоривающія выраженія юноши пробуждаютъ въ немъ чувство воинской чести,—а оно оказывается болѣе сильнымъ, чѣмъ чувство отцовской любви. Въ этомъ опять отразился воинскій бытъ Германцевъ, чуждый нашему русскому эпосу—вслѣдствіе чисто оборонительнаго характера самой воинственности славянской. Способный смягчиться уже въ варьянтахъ трагическихъ, Илья Муромецъ окончательно мягокъ въ былинахъ съ счастливымъ исходомъ. Въ одной изъ нихъ онъ даже плачетъ, привѣтствуя своего сына; въ обѣихъ (счастливыхъ мы имѣемъ собственно только

---

[1]) Индра сражается съ драконами тучъ — молнія противъ молніи (Mannhardt, G. M. 168). Торъ, производящій грозу, борется въ то-же время съ разрушающею силою той же грозы (Uhland, M. v. T. 91—92, 139).

[2]) Различные изводы боя отца съ сыномъ указаны Я. Гриммомъ въ его «Die beiden Aeltest. Deutsch. Gedichte, das Lied von Hildebrand, etc. Cassel 1812. Еще нѣкоторые изводы у Edelestand du Méril въ его Histoire de la poesié scandinave, Prolegomènes, 1839. p. 447 — 458. Также Weimariches Jahrbuch, herausgegeben v. Reinhold Köhler, IV, 1 Heft, статья Anthes'а: das deutsche Hildebrandslied und die iranische Sohrabsage.—Русскіе трагическіе варьянты у Кир. в. I, отд. I. п. 2, 3, 4, отд. IV, п. 1, 2. В. IV, п. 3. Рыбн. ч. I, п. 11, 12, 13, 14. ч. II. н. 64. Ч III, п. 14.

двѣ) только подбрасываетъ его вверхъ (опять миѳическій же пріемъ) и безвредно принимаетъ на руки [1]).

Точно такъ-же только подбрасываетъ, а потомъ подхватываетъ Илья богатыря Зюзю, [2]) уже совсѣмъ не родню себѣ; и все это дѣлаетъ онъ не въ порывѣ — сначала гнѣва, а потомъ пробудившейся разомъ жалости,—а совершенно спокойно, сознательно, съ явнымъ умысломъ только постращать, но отнюдь не губить своего противника. У Ильи Муромца вообще мало порывовъ; въ немъ сила уже не кипучая, а спокойная, установившаяся; онъ всегда и во всякое время совершенно владѣетъ собой, т. е. при всей громадности его тѣлесныхъ силъ, духовная сила еще въ немъ громаднѣе [3]). Эти свойства Ильи Муромца окончательно высказываются въ тѣхъ былинахъ, гдѣ онъ является уже справляющимъ свою земскую службу. Такою службою слѣдуетъ уже считать проложеніе имъ прямоѣзжей дорожки къ Кіеву, и всѣ тѣ встрѣчи, какія тутъ ему попадаются. Между тѣмъ по основѣ своей, какъ эти встрѣчи — съ вражьею силой, облегшей Черниговъ-градъ, потомъ со станашниками-разбойниками,—такъ и заложившій прямую дорогу къ Кіеву Соловей-разбойникъ—не что иное какъ различные миѳы одного и того же явленія, миѳы, значенье которыхъ тождественно съ тѣми, что̀ легли въ основаніе былины о трехъ поѣздочкахъ. Этотъ Соловей разбойникъ со своимъ страшнымъ свистомъ, отъ котораго валятся съ теремовъ верхи, и которому совершенно подобенъ въ германскихъ миѳахъ исполинскій орелъ Тіасси, также точно проказящій на дубу,—[4]) это не что̀ иное какъ олицетворенная буря съ ея вѣтвистымъ деревомъ тучъ и ея грознымъ свистаньемъ. Подобно тому, какъ въ сказкахъ побѣдами молніеноснаго молодца пролагается путь къ свѣтозарнымъ диковинкамъ или къ освобождаемой имъ изъ плѣна красавицѣ — солнцу, — такъ тутъ сокрушеніемъ чудища пролагается дорога — къ солнышку же ясному, только въ мужескомъ образѣ князя, лишь въ позднѣйшее время пріуроченнаго къ исторической мѣстности, Кіеву, и получившаго историческое же имя Владиміра. — Сравнительнымъ изученіемъ народныхъ сказаній вполнѣ

---

[1]) Кир. I, отд. I, п. 5 и 6. См. статью мою на нѣмецкомъ языкѣ о боѣ Ильи съ сыномъ сравнительно съ германскимъ преданьемъ о томъ-же — въ журналѣ Геррига "Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Litteraturen", за 1863 г. Также статья моя въ апр. книжкѣ Библ. для чт. 1864 г. „Русскій народный эпосъ передъ судомъ г. Соловьева».

[2]) Кир. I, Зам., XXX.

[3]) См. въ I т. Соч. К. С. Аксакова статью «Богатыри временъ Владиміра,» стр. 368, 369. 370, 376, 377.

[4]) Uhland, Mythus v. Thor, 117 и 118. Въ одномъ изъ варьянтовъ нашъ Соловей сидитъ на девяти дубахъ, что̀ вершинами въ небо ввиваются; засвиститъ въ полъсвиста—замретъ листъ въ зеленомъ саду (Кир. IV, 3.—Аѳан. П. В. Сл, I, 302, 308).

доказывается, что ясное солнышко нашихъ былинъ первоначально могло быть только яснымъ солнышкомъ именно въ своемъ прямомъ и буквальномъ смыслѣ. Въ основѣ и всѣхъ остальныхъ подвиговъ Муромца лежитъ такая же миѳическая борьба съ темною силою; всѣ эти подвиги въ сущности только варіаціи одного и того же основнаго подвига. Но миѳъ съ теченіемъ времени затемнялся, все болѣе и болѣе очеловѣчиваясь; самыя чудища, получая значеніе историческихъ враговъ русской земли, какъ бы вступали въ человѣческій кругъ, иной же разъ замѣнялись прямо человѣческими образами разбойниковъ, воинской силы, и т. п. А такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ развивался и совершенствовался человѣкъ въ Ильѣ Муромцѣ, то прежнему миѳическому ожесточенію противъ враговъ уже не было мѣста. Все болѣе и болѣе развивалась способность щадить и ихъ. И вотъ, уже въ самомъ началѣ богатырскихъ похожденій Ильи, отецъ, отпуская его въ путь во дороженьку, даетъ ему благословенье на дѣла добрыя, а на худыя дѣла не даетъ: «не помысли, говоритъ онъ ему, зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина», (Христ. стр. 159, ст. 1-й). Въ другой пѣснѣ онъ самъ даетъ себѣ слово «рукъ въ пути не кровавити.» Но какъ сдержать эту заповѣдь, когда подъѣзжаетъ Илья къ Чернигову, а подъ Черниговымъ стоитъ сила—смѣты нѣтъ, стоятъ три царевича, съ каждымъ силы сорокъ тысячей — на погибель народу русскому? Не хочется Ильѣ нарушить отцовскую заповѣдь, да какъ же опять не помочь Черниговцамъ? И вотъ онъ беретъ въ руки саблю боевую, начинаетъ по силушкѣ погуливать, добивается до трехъ царевичей, — но щадитъ ихъ всѣхъ и отправляетъ домой, приказавъ имъ вездѣ говорить, что есть кому защищать святую Русь. (Христ. стр. 159, ст. 2-й). При другой встрѣчѣ, когда попадаются ему станишники, которые хотятъ его ограбить, жалко Ильѣ ихъ до смерти убить; онъ просто показываетъ имъ свою силу тѣмъ, что стрѣляетъ въ дубъ и разбиваетъ его въ черенья ножовые. (Христ. стр. 160). Если же въ отношеніяхъ къ Соловью разбойнику, повидимому, снова высказывается въ Ильѣ суровость миѳическая. («Не строитель онъ вѣковой, а раззоритель,» объяснительно говоритъ Илья, на предложеніе соловьиной родни, что онъ выстроитъ села вкругъ Кіева) [1]), то тутъ же въ отношеніяхъ къ дѣтушкамъ Соловья проявляется опять мягкость и другая уже знакомая намъ черта Ильи, (Христ. стр. 161) безсребренность. Эта послѣдняя высказалась и при освобожденіи имъ Чернигова, высказалась въ связи съ другимъ — съ отсутствіемъ всякаго честолюбія: не принялъ Илья ни денегъ, ни угощенія, какъ не принялъ и отъ станиш-

---

[1]) Рыбник. II, был. 63, стр. 344. О Владимірѣ-солнцѣ — у Бусл. Оч. I, 417. Ср. Рыбн. II, 99.

никовъ предложенной ему власти. Одна мысль, одно чувство владѣютъ Муромцемъ—поскорѣе пробраться къ Кіеву на неустанную службу общественную [1]). И онъ совершаетъ ее, уже въ дѣлѣ Соловья разбойника, какъ охранитель не только границъ, безопасности внѣшней,—но и внутренней — справедливости. Когда дѣти Соловья прикатываютъ въ Кіевъ свое имѣнье богачество, то обзарился на него Владиміръ князь. «Не тобою, говоритъ Илья, они приказаны, и не тобой назадъ отпустятся;»—затѣмъ, возвращая имъ все: «оставлена вамъ казна отъ батюшки, не надо вамъ ходить по міру.» Они покатили казну,—заплакали [2]).

Вотъ такое-то лицо становится въ нашемъ народномъ эпосѣ во главѣ богатырской дружины. Когда-то земледѣльческое божество, позже—богатырь - земледѣлецъ, онъ сразу пріобрѣтаетъ себѣ первенствующее значеніе въ Кіевѣ, совершивъ такой подвигъ, которому ни князь, ни его приближенные , не хотѣли и вѣрить, и въ которомъ убѣдились они, заползавъ раскорякою отъ выпущеннаго передъ ними Ильей Соловья разбойника (стр. 161). Затѣмъ мы видимъ Илью уже названымъ братомъ племянника княжескаго — Добрыни, въ этомъ же Добрынѣ скрывается божество, въ основѣ своей соотвѣтственное германскому Одину. Извѣстная былина о долгомъ его отсутствіи, во время котораго жена его просватана за другаго, (Христ. стр. 170 и 171), есть только варьянтъ сказанія, распространеннаго у многихъ народовъ, и въ томъ числѣ у Германцевъ, у которыхъ тутъ и кроется миѳъ объ Одинѣ [3]). И вотъ между тѣмъ какъ изъ этого божества развился у тѣхъ же Германцевъ первенствующій представитель воинственности,—у насъ, какъ ни могучъ тотъ образъ Добрыни, который возникъ изъ одной съ нимъ основы, все-же первенствующее значенье имѣетъ не онъ, а возникшій изъ основы, соотвѣственной Тору, богатырь - земледѣлецъ Илья. (Но замѣчательно, что та земледѣльческая смягченность въ самой воинственности, какую замѣтили мы у Ильи, отчасти сообщается и Добрынѣ, когда онъ сѣтуетъ о томъ, что ему приходится много проливать крови. (Христ. стр. 109, ст. 1-й). Названный братъ Добрыни, Илья Муромецъ, первенствуетъ передъ нимъ уже тѣмъ, что становится атаманомъ [4]) по край синя моря на заставу богатырскую, чтобы не впускать никого въ землю святорусскую (Христ. стр. 161 и 162; тутъ къ этой дружинѣ отнесены даже которые изъ старшихъ богатырей, въ томъ числѣ и какой-то, извѣ

---

[1]) Кир. в. I, отд. III, п. 1, 3, 5, 6. вып. IV, п. 1. Рыбн. ч. I, п. 9, 10. ч. II, п. 3. ч. III, п. 5, 6. Только въ одномъ варьянтѣ Илья два раза беретъ заработчее (Рыбн. I, стр. 47 и 49).

[2]) Рыбник. II, 345.

[3]) См. выше стр. 123. Тамъ-же ссылка на статью В. Миллера.

[4]) Кир. I, 47.

стный только по имени, Колыванъ). Тутъ очевидно сохранялась память о той дружинной службѣ по окраинамъ Руси, для защиты ея отъ степняковъ, которую установилъ уже князь Владиміръ и которой дальнѣйшимъ, послѣднимъ развитіемъ было-украинское качество. Не даромъ Илья Муромецъ зовется казакомъ въ большей части пѣсень; самое это названіе, разумѣется, есть позднѣйшая вставка, но далеко не лишенная смысла: и всѣ вообще богатыри наши, а въ особенности благороднѣйшій и сильнѣйшій изъ нихъ, Илья, были уже первообразами будущихъ казаковъ, защитниками родной земли, слабыхъ и сирыхъ, нашими русскими рыцарями. Не было у нихъ той утонченности, зато не было и той вычурности, того щегольства своими поступками, той изысканной похвальбы и того тщеславія, той мягкости внѣшней при внутренней грубости, той заказной, чисто-сдѣланной добродѣтели, т. е. той лжи, которая замѣтна у рыцарей. Наши богатыри не рисуются, они не хотятъ казаться тѣмъ, чѣмъ не умѣютъ быть; они просты, открыты, правдивы въ своей грубости. Наши богатыри— не знать, какъ рыцари, или, пожалуй, они тоже знать, но знать по заслугамъ собственнымъ. Первый изъ нихъ, Илья, какъ мы знаемъ, не кто иной, какъ крестьянинъ— тотъ же Микулушка Селяниновичъ, только посвятившій себя оборонѣ земли своей; его названный братъ — Добрыня, племянникъ владиміровъ; остальные богатыри—кто поповичъ, кто гостиный сынъ (купецъ—Иванъ Гостиной Сынъ), кто приказный, дьякъ (Василій Казиміровичъ). И всѣ они другъ другу ровня, никто ни передъ кѣмъ не чванится; попадающіяся въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ презрительныя слова: «ахъ ты засельщина, деревенщина,» безъ сомнѣнія, не что иное, какъ вставка позднѣйшаго времени, когда и у насъ завелись сословныя раздѣленія, впрочемъ никогда не доходившія на Руси до той степени, какъ на западѣ. Всѣ богатыри одинаково приняты у князя Владиміра, всѣ пируютъ за однимъ и тѣмъ же столомъ, всякому князь предлагаетъ три мѣста: одно по изотчеству (по заслугамъ отца, но не выше — не по заслугамъ предковъ), другое мѣсто богатырское (по собственнымъ заслугамъ каждаго изъ богатырей), третье, гдѣ самъ захочетъ (т. е. оно окончательно равняло всѣхъ на пиру у Владиміра). И всѣ они съ княземъ Владиміромъ, какъ товарищи; иной разъ и дурнемъ его назовутъ, — онъ не сердится (Христ. стр. 161, ст. 1-й, внизу). За то всѣ готовы за него заложиться, стекаются ото всѣхъ концовъ земли русской на его бережепіе. Стекаются — не по приказу его государеву, а любя его, ласковаго князя Владиміра. Онъ—ихъ радушный хозяинъ, онъ богатый хозяинъ всей русской земли; вотъ какимъ запомнила его навсегда крѣпкая память народная; запомнила она навсегда про пиры его, про отворенныя имъ настежь двери для всѣхъ и для каждаго! Записано было и въ лѣтописи про пиры его, но въ ней было записано про него и много

другаго, чего уже не приписываетъ ему память народная. Записано было про то, какъ онъ самъ совершалъ походы, а въ пѣсняхъ постоянно воюютъ только богатыри его, Владиміръ же только постоянно пируетъ въ Кіевѣ. Не въ немъ настоящая сила Руси,—а въ нихъ, людяхъ всякаго рода, такъ сказать, въ выборныхъ людяхъ земли русской; онъ же только даетъ широкій просторъ ихъ богатырскимъ силамъ. Такъ рано уже отразилось въ поэтическихъ образахъ глубокое заключеніе народной мудрости, что сила въ самой землѣ, въ самыхъ людяхъ родной земли, и что дѣло государственной власти — только снимать отовсюду преграды для развитія народныхъ силъ [1]).

Не ясно ли, что въ этихъ, былинами выдвигаемыхъ отношеніяхъ князя и земщины, замѣтна живучесть того же начала, которое видѣли мы въ чешскомъ преданіи о Премыслѣ и въ хорутанскомъ обрядѣ постановленія князя?—И тамъ, и здѣсь чисто-общинное, и притомъ расширенное начало, ибо что такое эта, такъ свободно относящаяся къ своему князю земская сила, какъ не одна великая община? Такою является уже въ нашихъ былинахъ матушка свято-Русь-земля [2]), цѣльность которой обороняется богатырями, — ихъ небольшою воинскою общиною. И стоящій въ главѣ ея Илья богатырь есть только первенствующее по своимъ заслугамъ, но никакъ не начальствующее лицо. Не назначаетъ онъ тому или другому итти на врага, а просто спрашиваетъ: кто у насъ удалѣе всѣхъ? И этотъ наиболѣе удалой, уже самъ собою, въ силу своей особенной годности, добровольно пойдетъ на бой [3]). Дружина

---

[1]) Г. Буслаевъ въ статьѣ своей о Русскомъ народномъ эпосѣ (р. Вѣсти. 1862 г.) замѣчаетъ, что богатыри относятся къ Владиміру подобострастно. Такія, или близкія къ тому отношенія, дѣйствительно встрѣчаются въ нѣкоторыхъ былинахъ,— но ихъ нельзя не признать позднѣйшими. Въ былинахъ собственно два Владиміра — древній кіевскій земскій князь, и позднѣйшій полувизантійскій царь. Критика должна отдѣлять одного отъ другаго, а она, при всѣхъ ученыхъ заслугахъ г. Буслаева, не всегда у него имѣется. Такъ онъ и заключеніе свое о дурномъ пріемѣ Ильѣ, какъ мужику, уже при первомъ его пріѣздѣ къ Владиміру, составляетъ на основаніи сводннаго варьянта, относящагося, очевидно, уже къ позднѣйшему времени (Рыбн. II, п. 63; сходно у Кир. I, отд. VI, п. 1), хотя нѣкоторыя черты въ немъ и несомнѣнно древни. Объ этомъ подробнѣе въ статьѣ моей въ Библ. д. Чт. Дальнѣйшіе же доводы какъ по этому вопросу, такъ и вообще относительно былинъ я приведу въ изготовляемой мною особой книгѣ объ Ильѣ Муромцѣ. Имѣя въ виду ее, позволяю себѣ изложить здѣсь главу о былинахъ короче, чѣмъ бы, можетъ быть, слѣдовало. (Отношенія къ Ильѣ при его пріѣздѣ ни мало не презрительныя—въ большей части варьянтовъ: Кир. в 1, отд. III, п. 1, 2, 4, 6. вып. IV, п. 1. Рыбн. ч. I, п. 9, 10. ч. II, п. 3. ч. III, п. 4, 5, 6.

[2]) Рыбн. I, 213. III, 205—10.

[3]) Рыбн. III, 70. Ср. I, 104 и 105, 112. Такъ-же иной разъ спрашиваетъ богатырей и Владиміръ (Христ. стр. 169. Ср. Рыбн. I, 99, 115, 116, 147, 138, II, 59).

атамана Ильи, по собственнымъ словамъ его, вся состоитъ изъ его крестовыхъ братьевъ.—[1]) Не диво, если всякое распоряженіе дѣлается атаманомъ во имя цѣлаго братства, что обыкновенно выражается мѣстоименіемъ множественнаго числа: мы [2]). Но и со всякимъ встрѣчнымъ богатыремъ, ежели только онъ русскій, слѣдуетъ непремѣнно побрататься [3]).

Ко времени стоянія Ильи на заставѣ во главѣ такой богатырской дружины была впослѣдствіи пріурочена и его боевая схватка съ сыномъ, которому прежде боя съ отцомъ сталъ доставаться при этомъ еще и бой съ другимъ богатыремъ (Христ. стр. 162). Только видя, что другому не совладать съ нимъ, самъ Илья на него напускается. Наконецъ еще позже, надобно полагать, появились былины, въ которыхъ на заставѣ богатырской схватывается съ Ильею уже не сынъ, а просто богатырь-жидовинъ (хотя ему и приписываются черты, рѣшительно напоминающія сына Ильи Муромца [4]). Такимъ образомъ это мрачное похожденіе изъ частной жизни нашего богатыря не только стало смягчаться, но и совершенно позабываться, изглаживаться. Илья является вмѣстѣ съ тѣмъ уже постоянно на службѣ общественной; на его частную жизнь, на его семейныя отношенія только тамъ или здѣсь сохраняются кое какіе намеки.

Уже цѣлые годы успѣлъ провести Илья на своей богатырской службѣ, когда русской землѣ начинаетъ угрожать новое чудище — идолище поганое [5]). Этимъ именемъ, придуманнымъ, очевидно, уже въ христіанскія времена, для презрительнаго обозначенія имъ враждебнаго языческаго начала; — этимъ именемъ только прикрывается древнѣйшее, миѳически-чудовищное значеніе этого существа, въ сущности тождественное съ Соловьемъ - разбойникомъ и т. п. Это таже, первоначально физически-темная сила, которая нападала на ясное солнышко, и только позже стала, въ качествѣ собирательнаго лица съ бытовымъ значеніемъ, нападать на солнце русской земли, Владиміра. Въ былинахъ объ Идолищѣ особенно выдается впередъ противопоставленіе его чудовищной обжорливости — умѣренному употребленію пищи Ильей Муромцемъ. Въ

---

[1]) Рыбн. I, стр. 67. Ср. Р. I, 60, II, 72. III, 211—218. «А крестовий братъ паче роднаго» (Рыбн. II, 16).

[2]) Кир. I, стр. 47 и 48. Посылаемый куда либо въ походъ говоритъ также во множ. меня посылаютъ (Рыбн. I, 117, 116, 120, 140, II, 115, 145. III, 70, 216). Только въ одномъ варьянтѣ спрашиваетъ Илья: кого мнѣ послать? (Рыбн. I, 76).

[3]) Кир. I, стр. 8. Рыбн. III, 55.

[4]) Кирѣевск. I, 46—52.

[5]) Такъ оно по варьянту Кирѣевскаго, в. IV, п. 4. «Не годъ ѣздитъ Илья по полю, не другой ѣздитъ, а двѣнадцать лѣтъ,» — далѣе же нападеніе Идолища. (Другой варьянтъ въ Христом., стр. 164 и 163).

мірѣ миѳическомъ быть объѣдалою и опивалою, какъ мы видѣли, представлялось еще весьма почтеннымъ доказательствомъ силы (см. выше, о сказкахъ, стр. 152). Самъ Илья Муромецъ въ нѣкоторыхъ былинахъ (иныя изъ нихъ даже тѣсно связываются съ появленьемъ Идолища [1]) является опивалою, что, противорѣча бытовому характеру Муромца, можетъ быть понимаемо только въ томъ миѳическомъ смыслѣ, въ какомъ является опивалой и Индра. Но при хвастовствѣ Идолища своимъ уменьемъ попить и поѣсть, Илья просто надъ нимъ издѣвается, сравнивая его въ этомъ отношеніи съ коровищемъ отца своего, которое ѣло, ѣло, и наконецъ лопнуло. [2]) — Къ такому чудовищному богатырю-животному Илья Муромецъ не знаетъ пощади: онъ разсѣкаетъ его на полы, по обычному миѳическому пріему, свойственному и Тору и Индрѣ, и миѳически обозначающему, какъ намъ уже извѣстно, разсѣканіе молніею сплошной тучи.—Что же касается бытовой стороны нашей былины, то тутъ важенъ въ самомъ началѣ добровольный вызовъ Ильи помѣряться силами съ идолищемъ (такая готовность постоять за русскую землю [3]) проявляется у него и въ другихъ случаяхъ); далѣе замѣчательна встрѣча его съ каличищемъ. Свойства клюхи, которую носитъ каличище (какъ и тяжесть того колпака, которую носитъ другой каличище — въ Новгородской былинѣ о Васькѣ Буслаевѣ (Христ. стр. 180) — заставляетъ предполагать тутъ одного изъ тѣхъ страшныхъ по силамъ каликъ, которые были выше отнесены нами къ богатырямъ старшимъ. Но о службѣ общественной, на какую обрекаютъ себя богатыри младшіе, этотъ каличище и не думаетъ: чтобы послужить оборонѣ русской земли, клюха его должна перейти къ Ильѣ Муромцу, который, по нѣкоторымъ варьянтамъ, при этомъ попрекаетъ каличища: «молодца въ тебѣ въ два меня, силы въ три меня, а смѣлости нѣтъ и въ-полъ-меня.» [4]) Разсерженный какъ этимъ, такъ и тѣмъ, что, самъ не пользуясь своего клюхою, каличище не хочетъ давать ее и другимъ, Илья отнимаетъ ее у него силою, но, употребивъ ее на дѣло общественное,—оборону русской земли, — по одному изъ варьянтовъ снова возвращаетъ ее каличищу, читая ему наставленіе: «впредь ты, каличище, не такъ дѣлай, — не вы-

---

[1]) Рыбн. III, п. 9 и 10. Тутъ же отъ походки его мать-сыра-земля колыбается, маковки съ церквей валятся — очевидно, обломокъ старины, не подходящій къ позднѣйшимъ размѣрамъ силъ Ильи Муромца. Ср. Кир. I, 60 (съ той ли чаши Илью хмѣль зашибъ).

[2]) На миѳическомъ же языкѣ и эта корова могла означать тучу, какъ бы лопающуюся отъ переполнившаго ее дождя и такимъ образомъ изливающую его на землю.

[3]) Наприм. Рыбн. I, 81. „Я могу служить—стоять за Кіевъ градъ" (при нападеніи Соловникова).

[4]) Рыбн. III, п. 7. Ср. Кир. IV, п. 4, р. Рыбн. I, п. 17. III, п. 9.

давой крещеныхъ поганымъ татаровьямъ.» [1]) Но особенно замѣчательны два варьянта, гдѣ Илья спасаетъ отъ Идолища не русскую землю, а Цареградъ (Рыбн. I, 17, III, п. 9); и тотъ совершенно особый, гдѣ, видя, что на Руси ему уже не съ кѣмъ силою мѣряться, онъ идетъ въ землю идольскую и, къ величайшей радости ея жителей, убиваетъ поѣвшаго у нихъ все добро Идола-богатыря (это собственно уже побывальщина, Рыбн. I, п. 16), при чемъ, сверхъ того, онъ, по своему обычаю, отказывается отъ власти и отъ награды [2]). Такимъ образомъ нашъ богатырь является тутъ оборонителемъ не только своей, но и чужой земли: черта, чуть промелькнувшая передъ нами въ Иванѣ сказочномъ (идущемъ на выручку царства, гдѣ вымеръ весь народъ—см. выше стр. 160), получаетъ дальнѣйшее развитіе въ Ильѣ Муромцѣ. И ежели тамъ уже мы видѣли рѣшительный признакъ общинности; то тутъ, послѣ всѣхъ остальныхъ, чисто общинныхъ свойствъ Ильи, какъ не видѣть даже весьма расширеннаго общиннаго начала, прямо включающаго въ число своихъ даже и чужеземцевъ. Это даже шире того, что видѣли мы въ славянскомъ гостепріимствѣ (хотя и тутъ обороняется, собственно, царство сосѣднее).

Но одна изъ былинъ объ оборонѣ Муромцемъ Цареграда связываетъ ее съ былинами о другомъ, совершенно особомъ его похожденіи. На предложеніе цареградскаго князя, чтобы Илья остался у него воеводою, нашъ богатырь отвѣчаетъ: «послужилъ я у тебя только три часа, а выслужилъ слово сладкое; служилъ я у Владиміра триддать лѣтъ, и не выслужилъ слова сладкаго, ни хлѣба соли мягкія.» (Рыбн. I, п. 17). Этимъ явно указывается на несправедливость Владіміра, на такую сторону въ немъ, которая прямо противоположна тому характеру — добродушнаго, ласковаго хозяина земли русской, съ какимъ онъ являлся намъ выше. За Владиміромъ, такимъ образомъ, оказывается своего рода двоякость, уже хорошо намъ знакомая по нѣкоторымъ лицамъ сказокъ. При миѳической же основѣ Владиміра, и эта двоякость его можетъ имѣть миѳическое же основаніе. Уже изъ сказокъ мы знаемъ, что и солнышко могло представляться не только ласковымъ, яснымъ, но и жгучимъ, палящимъ, злобнымъ. При позднѣйшемъ бытовомъ наслоеніи на солнышко кіевское, благотворная миѳическая его сторона должна была перейти въ доброжелательныя отношенія князя къ народу, напротивъ сторона враждебная могла сохраниться въ отношеньяхъ къ народу иного рода — во вспышкахъ произвола, самоуправства. Если эти послѣднія

---

[1]) Рыбн. I, п. 17.

[2]) Впрочемъ въ одномъ изъ варьянтовъ спасенія Ильей Цареграда онъ беретъ заробочее (Рыбн. I, п. 17).

стали особенно выдвигаться впередъ только въ позднѣйшее время нашей исторіи, — то первоначальныя проявленія ихъ могли быть возможны уже въ старину, а потому къ ней же можетъ быть отнесенъ и первый зародышъ былинъ о такихъ, такъ сказать, неблагопріятныхъ **припадкахъ** у князя Владиміра [1]).—Безъ сомнѣнія уже при первыхъ признакахъ подобнаго рода припадковъ у князя, извѣстное нравственное чувство народной поэзіи стало противопоставлять его деспотизму то высокое сознаніе собственнаго достоинства, которое не позволяетъ богатырямъ поддаваться Владиміру и рѣшительно портить его рабскою покорностью. Чуть случится съ нимъ грѣхъ, не довольно учествуетъ ихъ за подвиги, позабудетъ быть благодарнымъ или, разсердится, что вышло не **по его**,—и сейчасъ же достается ему за такія продѣлки отъ стараго казака Ильи Муромца! Но иные богатыри и не думаютъ за себя отплачивать; имъ больно видѣть неблагодарнымъ князя; они не съ досады, а съ **горя** бросаются даже на острый мечъ. Такъ кончаетъ свою жизнь Сухманъ (христ. стр. 172). Богатыри нашихъ пѣсень покоряются только власти, которой не могутъ не уважать (и любить въ то же время). — Прежде всего имъ свята **природная**, опирающаяся на благодарность за рожденіе и воспитаніе, власть **государей-родителей** (такъ называются они въ нашихъ пѣсняхъ); безъ ихъ благословенія богатырь не оставляетъ своего дома, хотя бы ему было за тридцать лѣтъ, какъ Ильѣ Муромцу, и неисполненіе совѣтовъ родительскихъ вездѣ ведетъ за собою въ нашей поэзіи дурныя послѣдствія, [2]) Между тѣмъ постоянно это только **совѣты**; власть родительская не представляется принудительною, деспотическою, и богатыри не рабски слушаются, а любятъ и уважаютъ ихъ. Добрыня не столько сердится на Алешу за то, что онъ мнимою вѣстію объ его смерти хотѣлъ заставить женудобрынину выйти за себя за мужъ, [3]) сколько за то, что онъ этою ложною вѣстью заставилъ понапраснулить горькія слезы его государыню-матушку [4]). А она, матера вдова Амелфа Тимоѳеевна, когда Добрыня, послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія, безъ докладу вошелъ къ ней въ комнату,—не узнавая его, говоритъ ему, что никто бы не позво-

---

[1]) Къ числу ихъ можетъ, на прим., быть отнесено приневоливаніе Настасьи, жены Добрыни, въ отсутствіе его выйти замужъ за Алешу Поповича (Христ. стр. 171; еще яснѣе это у Рыбник. I, 145, 170; II, 18, 26); въ чемъ Добрыня съ совершенною откровенностію и упрекаетъ князя. Еще смѣлѣе отвѣтъ на предложеніе его выдать жену Михайлову требующимъ ее царямъ: отдай-ка лучше самъ ты, стольный князь, свою богатырскую княгиню Апраксѣевну. (Рыбник. I, 221, 222. II, 61, 63, 64).

[2]) См. былину о Добрынѣ, Христ. стр. 167 и 168. Также и заѣзжій богатырь Дюкъ Степановичъ не мало страху натерпѣлся за то, что, не послушавшись матушки, выѣхалъ изъ родной земли, а потомъ хвастался въ Кіевѣ (Рыбн. I, 273, II, 139, 60).

[3]) Христ. стр. 171.

[4]) Тамъ же, стр. 171.

лилъ себѣ оказать ей такую невѣжливость, если бы былъ живъ ея сынъ, Добрыня Никитичъ.

Кромѣ привязанностей семейныхъ существуютъ въ нашей народной поэзіи привязанности чисто-свободныя, чисто душевныя: каждый почти богатырь имѣетъ своего брата названаго, т. е., какъ мы уже и знаемъ, брата по свободному выбору, друга; въ знакъ братства мѣняются они крестами и кладутъ между собою заповѣдь великую—меньшему слушаться старшаго, а старшему слушаться меншаго, другъ за дружку обоимъ стоять, т. е. между ними совершенное равенство, имъ обоюдно принадлежитъ другъ надъ другомъ власть, — и какая власть! Вотъ она-то и проявляется въ одной изъ былинъ о ссорѣ Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ (христ. стр. 164 и 165). Приведенный въ негодованіе княземъ, страшно расходился нашъ богатырь; впрочемъ и то, что дѣлаетъ онъ въ отплату Владиміру,—это стрѣляніе по золоченымъ—маковкамъ дѣлаетъ онъ не въ забытьи, а съ совершенно сознательной цѣлью подѣлиться этимъ золотомъ съ голью, людьми неимущими. Въ существующихъ пока варьянтахъ былины объ этомъ поступкѣ Ильи, голь, съ которою дѣлится онъ, названа кабацкою, и онъ приглашаетъ ее обирать золоченныя маковки, чтобы пить вмѣстѣ съ нимъ зелена вина; но такъ какъ господствующій характеръ Ильи, выводимый изъ всей суммы былинъ о немъ, никакъ не позволяетъ въ немъ видѣть кутилу-буяна, [2]) то надобно полагать, что голь, съ которою дѣлиться онъ, получила въ устахъ народа названье кабацкой только въ позднѣйшее время, когда подъ вліяніемъ татарскаго ига значительно огрубѣли народные нравы. Во всякомъ же случаѣ замѣчательны его заботливыя отношенія къ массѣ народной. По одному изъ варьянтовъ, Илья, уже по примиреніи съ княземъ приглашенный къ нему на пиръ, идетъ туда не одинъ, а ведетъ съ собою и голей; когда же ему предлагается мѣсто бóльшее, онъ отказывается отъ этого (какъ всегда и вездѣ отказывался и прежде отъ власти) и садится между ними на мѣсто середнее [1]). Опять одно изъ разительныхъ проявленій того уравнивающаго духа общины, въ силу котораго отдѣльныя личности, какъ бы ни были крупны и ярки, изчезали, терялись въ собирательной личности міра-народа. Но то-же общинное начало, та-же взаимная власть въ ней равныхъ надъ равными проявляется и въ томъ способѣ, къ какому прибѣгаетъ былина для укрощенія гнѣва Ильи на Владиміра.

Когда, спохватившись, сталъ Владиміръ князь звать на мировую Илью, зналъ онъ, кого послать къ Муромцу — брата названаго, Добрыню Ни-

---

[1]) Исключеніе составляютъ только вышеуказанныя былины, Рыбн. III, 9, 10, гдѣ пьянство Муромца служитъ однимъ изъ остатковъ миѳическаго его значенія.

[2]) Рыбн. II, 340.

витича. Напоминаетъ Ильѣ Добрыня, что онъ долженъ своего брата послушаться. «Ка-бы не ты, отвѣчаетъ Илья, никого бы я не послушалъ, не пошелъ бы къ князю на пиръ,—а нельзя законъ переступить;» законъ, т. е. ту заповѣдь взаимнаго послушанія, которую они между собой положили: Илья не пойдетъ послушаніемъ подслуживаться стольному князю, а добровольно исполнитъ законъ, который самъ па себя наложилъ. При такомъ направленіи Ильи, удивительно ли, если смерть ему на бою не написана: подобнаго рода богатыри не должны исчезать со свѣта. И если всѣ богатыри владиміровы сохранились въ народной памяти, то про Илью сложились совершенно новыя пѣсни и позже, въ періодъ тотарщины, и мы встрѣтимся еще, говоря объ этомъ печальномъ времени, съ его ободряющимъ, свѣтлымъ образомъ.

Теперь же, переходя къ прочимъ богатырямъ, надо прежде всего замѣтить, что, подобно тому, какъ самъ Илья Муромецъ былъ однажды удержанъ въ порывѣ гнѣва Добрынею, такъ же точно силою, даже попреимуществу сдерживающею и всѣхъ другихъ, является въ былинахъ о различныхъ богатыряхъ нашъ первенствующій богатырь-крестьянинъ. Такимъ-то образомъ въ одной былинѣ къ заступничеству Ильи Муромца прибѣгаетъ баба-Горынинка, побитая въ полѣ Добрынею: «гой еси ты, Илья Муромецъ, не прикажи ты мнѣ рѣзать груди бѣлыя.»—И схватилъ Илья Добрыню за бѣлу руку; — но далѣе, пользуясь тѣмъ, что Илья оглянулся, Добрыня всетаки ссѣкаетъ бабѣ голову [1]). — За то въ концѣ былины о возвращеніи Добрыни къ женѣ, просватанной безъ него за Алешу, Илья Муромецъ окончательно удерживаетъ руку добрынину: «не убей ты смертью напрасною меньшаго братца Алешу Поповича.» (Христ. стр. 172). Между тѣмъ, если Алеша и называется братомъ, то только по общему обычаю русскихъ богатырей между собою брататься; по личному же нраву Алеши его отношенія къ прочимъ богатырямъ скорѣе враждебныя [2]). Такія отношенія уже съ самаго начала обнаруживаются даже преимущественно между нимъ и Ильею Муромцемъ. Въ одной изъ былинъ о пріѣздѣ Ильи къ Владиміру послѣ торжества надъ Соловьемъ-разбойникомъ, Алеша, сидя за столомъ княжескимъ, вѣроятно изъ зависти, кидаетъ въ Илью ножомъ; но нашъ сдержанный богатырь-крестьянинъ преспокойно подхватываетъ ножъ на лету и втыкаетъ его въ

---

[1]) Кир. II, 14, 15.

[2]) Въ варьянтѣ былины объ отсутствіи Добрыни Никитича, помѣщенномъ у меня въ Христоматіи, Добрыня позволяетъ женѣ, въ случаѣ, если онъ не воротится, выйти хоть за Алешу. Но съ общимъ характеромъ послѣдняго сообразнѣе тѣ варьянты, гдѣ Добрыня именно за Алешу-то, и только за него одного, и въ случаѣ своей смерти не позволяетъ ей выходить за мужъ. — (Кир. II, 20, 32).

столъ [1]). По праву Илья не можетъ быть другомъ Алешѣ Поповичу: между тѣмъ какъ первый всегда избираетъ прямой, хотя бы и самый опасный путь, Алеша Поповичъ предпочитаетъ дороги окольныя, беретъ обманомъ и хитростью. (Христ. стр. 167 — убіеніе Тугарина). Онъ до такой степени себѣ на умѣ, что, пользуясь безотвѣтною добротой своего брата названнаго, Якима Ивановича, дѣлаетъ его просто слугой своимъ (христ. стр. 165), тогда какъ по общему обычаю нашихъ богатырей братья названые — взаимно другъ другу слуги. Въ одной былинѣ Алеша Поповичъ даже самымъ подлымъ образомъ подслуживается княгинѣ, женѣ Владиміра. (Христ. стр. 273—Сорокъ каликъ со каликою) .Алеша Поповичъ, по своему непрямому и неуживчивому характеру, вообще какъ-то выдается изъ ряда богатырей кіевскихъ. Въ основѣ его какъ бы таится какая-то темная сила, втѣснившаяся въ свѣтлый богатырскій (первоначально божескій) міръ, подобно тому какъ въ міръ боговъ сѣверныхъ втѣснился враждебный, рѣшительно-темный Локки. (Впрочемъ съ другой стороны общій характеръ богатырей— бойцовъ съ нечистою силою — сообщился уже и Алешѣ, выступающему оборонителемъ Владиміра отъ грубо-тѣлеснаго, чудовищно-обжорливаго Тугарина, который—замѣчательная миѳическая черта — однажды убитый уже Алешею, оживаетъ, и вторично убивается имъ (христ. стр. 166 и 167). Дальнѣйшее же развитіе, надобно полагать, личность Алеши получила уже въ позднѣйшее историческое время, къ которому должно относиться и прозванiе такого богатыря — поповичемъ; — а потому намъ придется еще возвратиться къ нему — гораздо позже. — А теперь, чтобы покончить съ отношеніями его къ Ильѣ Муромцу, которыхъ враждебность можетъ быть, по основѣ своей, издавнею, надо замѣтить еще, что въ одной изъ былинъ Ильѣ Муромцу попадается на полѣ красна дѣвица, бѣгущая отъ Алеши—обидчика, отъ насмѣшника—пересмѣшника. «Охъ ты, что мнѣ давно не сказалася, я-бы съ Алешей перевѣдался», — замѣчаетъ на это Илья, въ качествѣ защитника слабыхъ, обидимыхъ [2]). — И такимъ защитникомъ является онъ опять не только что для своихъ, но и для чужихъ. Заѣзжаетъ въ русскую землю богатырь Дюкъ Степановичъ (самое имя указываетъ уже на происхожденье его изъ-чужа, еще же болѣе вся обстановка этого Дюка (duca, dux), — какъ увидимъ далѣе). Встрѣчаетъ онъ среди поля выжидающаго враговъ Илью Муромца и вызывается имъ на бой. «Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ, одинъ богатырь на святой Руси, Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,» — отвѣчаетъ Дюкъ. И эти рѣчи Ильѣ показалися: «буду я, говоритъ онъ, за тебя

---

[1]) Кир. I, 39.
[2]) Кир. I, 5.

печаль держать и буду за тебя заступатися» [1]). — По другому варьянту Дюкъ будитъ Илью ото сна; пробуждающійся богатырь спрашиваетъ, ради чего это: «али бьютъ тебя во чистомъ полѣ поганые татаровья (прямое указанье на то, какъ привыкъ Илья, чтобы его и отъ сна будили—за помощью); «али, продолжаетъ Муромецъ, самому тебѣ, молодцу, хочется со мной съѣздить во чисто поле?» — «что мнѣ съ тобою ѣхать во чисто поле, тебѣ смерть на бою не написана... А на то будилъ, что будетъ надежный товарищъ во чистомъ полѣ, повыучить всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ.» — Вставалъ Илья на рѣзвы ноги, цѣловалъ во уста во сахарныя, — называлъ меньшіимъ крестовымъ братомъ (человѣка совершенно чужаго—изъ чужой земли). «А станутъ ли тебя обижать во Кіевѣ, далѣе говоритъ Илья, узнавъ, что Дюкъ собирается туда ѣхать;—«держи ты ко мнѣ вѣсточку во чисто поле, такъ тогда не обидятъ больше во Кіевѣ» [2]).—И Дюкъ дѣйствительно пользуется дружбою Муромца. Когда изъ Кіева собираются ѣхать общѣнивать его имѣнье-богачество, и общѣнщикомъ долженъ быть и такой человѣкъ какъ Алеша [3]),—Дюкъ посылаетъ къ Ильѣ стрѣлу-вѣстницу, а Илья, получивъ ее, отправляетъ къ нему на помощь Добрыню, который, явившись, спрашиваетъ: «ты по что насъ требуешь изъ чиста поля?» (какъ тутъ опять выразительно это множественное число мѣстоименія личнаго, которое вообще играетъ въ нашемъ эпосѣ болѣе видную роль, чѣмъ единственное число того же мѣстоименія—свойственное по преимуществу германизму). По другому варьянту Дюкъ вспоминаетъ про Илью Муромца въ то мгновеніе, когда, побившись объ закладъ съ богатыремъ Чурилою перескочить на своемъ конѣ черезъ Днѣпръ рѣку, уже готовится сдѣлать скачокъ и, въ колеблющемся раздумьи, говоритъ коню своему: «ежели ты не перескочишь черезъ матушку Нѣпру рѣку... то поѣду я искать своего брата крестоваго.» Но оказывается, что его уже и искать нечего—Илья Муромецъ тутъ какъ тутъ, и, послѣ удачно-совершившагося скачка своего названнаго брата, съ намекомъ на безчеловѣчное условіе, заключенное при закладѣ, говоритъ окружающимъ: «хоть бы не перескочилъ конь у молодаго боярина, далъ ли бы я вамъ отсѣчь ему голову (таково и было условіе), когда я засматривалъ ровно три года во каждый день.—Но человѣколюбіе Ильи Муромца не даетъ при этомъ выполниться условію и надъ побѣжденнымъ Чурилою: когда хотятъ отрубить ему голову, Илья не позволяетъ и этого [4]).

---

[1]) Рыбник. II, 140 — 41.

[2]) Рыбник. I, 275—77, 279 II, 164, 167.

[3]) Рыбн. I, 305, 306.

[4]) Рыбник. II, 145, 150—51 183—3. При такой вѣрности завѣту, только что заключенному.

Но кто же они такіе, по нраву и по обычаю, эти еще незнакомые намъ Дюкъ и Чурила? Въ нихъ выражается уже нѣчто совершенно особенное, рѣзко ихъ отдѣляющее отъ собственно кіевскихъ, земскихъ богатырей. Если эти, какъ видѣли мы, составляютъ всѣ вмѣстѣ одну дружину, въ которой, въ сущности, всѣ равны, какъ крестовые братья, и господиномъ которой является земля русская; то Чурила Пленковичъ стоитъ во главѣ своей особой, лично ему и служащей дружины, которая даже ни за что ни про что въ кровь избиваетъ ловцовъ и охотниковъ яснаго солнышка русской земли, Владиміра. Но въ то же самое время въ ней же, а особенно въ ея главѣ — Чурилѣ, является намъ идеалъ богатства, тѣмъ болѣе замѣчательный, что онъ далеко превосходитъ богатство Владиміра; а между тѣмъ ласковый князь, узнавъ про Чурилу, самъ приглашаетъ его ко двору своему, нимало не боясь, что этотъ богачъ-богатырь затмитъ своего стольнаго князя. (Христ. стр. 173—174).

Подобно тому, какъ Владиміръ не завидуетъ Чурилѣ Пленковичу, не завидовалъ и весь народъ русскій богатству своихъ сосѣдей и всякимъ заморскимъ затѣямъ и хитростямъ. Это гуманное отсутствіе зависти, эта готовность не только отдать преимущество постороннимъ, но и восхищаться ихъ благами, какъ бы своими, вполнѣ отражается въ идеалѣ богатырей заѣзжихъ, которые превосходятъ нашихъ богатствомъ и хитростями (искусствомъ). Вотъ однимъ изъ нихъ и является Дюкъ Степановичъ, богачъ и щоголь, которому сильно завидуетъ богатѣйшій изъ нашихъ богатырей и отмѣннѣйшій щоголь Чурила; но заморскимъ богатствамъ Дюка нимало не завидуетъ народъ русскій. Простодушно разсказываетъ онъ о томъ, какимъ образомъ Дюкъ брезгуетъ всѣмъ у Владиміра и возмущается тѣмъ, что церкви въ Кіевѣ всѣ деревянныя, маковки на церквахъ всѣ осиновыя (Рыбн. I, 300), платье же у Владиміра таково,

хотя бы и съ выходцами изъ чужихъ странъ, тѣмъ теснѣе связанъ Илья Муромецъ со своими давнишними братьями-земляками. Къ числу ихъ относится нѣкоторыми былинами и Михайло Потыкъ, котораго выше мы видѣли еще въ сторонѣ отъ круга богатырей кіевскихъ. Въ нѣкоторыхъ рыбниковскихъ варьянтахъ едва узнаетъ Илья про измѣну жены его, какъ уже спѣшитъ его отыскать и увѣдомить (Рыбникова I, 210). Совершенно также отправляется онъ искать замѣшкавшагося въ отлучкѣ Добрыню, чтобы дать ему знать о просватаніи жены его за Алешу Поповича. (Рыбник. III, 73). Когда же чарами жены измѣнницы Михайло Потыкъ превращенъ въ камень (соотвѣтственно превращенью Добрыни въ тура чарами злой Марины), то стосковулися по немъ братцы названные—Илья и Добрыня Никитичъ (по др. варьянту—также и Алеша). На пути встрѣчаютъ они калику — одного изъ знакомыхъ намъ исполиновъ каликъ — и добытое вмѣстѣ добро дѣлится на пять частей. А Илья Муромецъ не стерпѣлъ своего сердца ретиваго: „кому часть пятая?“—Кто изъ этого камня сдѣлаетъ богатыря—Михайлу.—И говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ· «батюшка, четвертый калика незнакомый, буде ты сдѣлаешь изъ этого камени богатыря, пусть весь животъ тебѣ пойдетъ,—не надо-ть намъ одна денежка“. Рыбн. II, 69; Ср. I, 224).

какъ въ его сторонѣ у послѣдняго бѣднаго (II, 154). Между тѣмъ этому самому Дюку воображенье народное въ одной изъ былинъ доставляетъ побѣду надъ Чурилою въ состязаніи о богатствѣ и ловкости (христ. стр. 174—175). Съ такою уже любовію рисуетъ воображенье народа и блистательный образъ иноземнаго гостя (купца), Соловья Будиміровича, который своими заморскими чудесами до того прельщаетъ племянницу князя Владиміра, что она сама просится за него за мужъ (христ. стр. 176—176). За то превосходство въ богатствѣ, какое признается за чужими богатырями, воображенье народное вознаграждаетъ себя признаніемъ богатѣйшаго изъ этихъ богатырей: «одно солнце на небѣ, и одинъ Илья Муромецъ на землѣ!» Чтò нибудь да одно: или возможность такой крупной собственности, какъ та, которая сосредоточивается въ рукахъ Дюка (на покупку одной бумаги для переписи ея понадобилось бы продать весь Кіевъ),—или такіе богатыри, какъ Илья, богатыри, легко, безъ сословныхъ помѣхъ, выдвигающіеся изъ крестьянства, но и тутъ не порывающіе связи съ цѣлымъ народомъ, и въ своемъ качествѣ первенствующаго лица всетаки поглощаемые земщиной [1]),—богатыри, возникающіе изъ общинности и не мыслимые внѣ ея. Гдѣ развита эта общинность, это поглощеніе личности земщиной, — тамъ нѣтъ, тамъ не можетъ быть мѣста и для крупной собственности, какъ и для всякихъ другихъ проявленій широко-захватывающей и само-волящей личности. Крупная собственность—это принадлежность тѣхъ странъ, гдѣ развился маіоратъ, или право первородства, право, въ которомъ, въ ущербъ возникавшей общинѣ съ ея свободными, нравственными связями, воскресло и зажило долгою жизнью кровное, чисто-физическое начало родоваго быта. Не знавъ маіората, древній міръ русскій не зналъ у себя и крупныхъ родовыхъ собственниковъ; онъ видѣлъ ихъ въ чужѣ, готовъ былъ имъ удивляться,—но не завидовалъ имъ!

При томъ чуждомъ началѣ, присутствіе котораго такъ замѣтно въ богатыряхъ заѣзжихъ, а также и въ Чурилѣ Пленковичѣ (образъ послѣдняго долженъ быть списанъ со столь хорошо знакомыхъ древней Руси воинственно-торговыхъ варяговъ) намъ еще придется къ нимъ возвратиться, когда дѣло дойдетъ до чуждыхъ на насъ вліяній. Теперь же достаточно будетъ замѣтить еще, что въ былинахъ о богатыряхъ заѣзжихъ явно сохраняется память народа русскаго о древнѣйшихъ, преимущественно торговыхъ сношеніяхъ его съ сосѣдями. Впослѣдствіи, благодаря монгольскому игу, во всемъ послужившему намъ помѣхою и задержкою, эти сношенія сохранились почти исключительно въ одномъ Новгородѣ великомъ. По своему географическому положенію онъ уже и издавна пользовался постоян-

[1]) Мѣткое выраженье г. Стоюнина (о преподаваніи русской литературы).

нымъ приливомъ чуждой, заморской стихіи, а потому какъ въ основахъ его исторической жизни, такъ и въ дальнѣйшемъ ея развитіи оказывается много такого, что̀ дѣлало славную вольность новогородскую — вольною не въ древнеславянскомъ смыслѣ. Уцѣлѣвъ всего долѣе въ Новгородѣ, уцѣлѣвъ тамъ даже въ такую пору, когда индѣ какъ бы не ставало ея слѣда, свобода народная приняла въ нашемъ вольно-торговомъ городѣ совершенно особенное, скорѣе варяжское направленіе.

Не много сохранилось намъ былинѣ мѣстныхъ новгородскихъ; онѣ составляютъ совершенно особый кругъ, отдѣльный отъ круга Владимірова. Въ этомъ кругѣ, какъ и слѣдовало ожидать, является государемъ не кто иной, какъ самъ Новгородъ. И богатъ онъ, этотъ государь-городъ, — богаты и его граждане. Вздумалось однажды одному изъ нихъ, богатому гостю (купцу) Садко, помѣряться своими богатствами съ государемъ великимъ Новгородомъ. Скупаетъ онъ въ одно утро всѣ товары въ городѣ, — на другой же день вдвое привозятъ товаровъ изъ за моря; скупаетъ онъ и эти товары, а на завтра опять привозятъ товаровъ уже втрое болѣе; хочетъ и ихъ всѣ скупить Садко, но не можетъ и долженъ сознаться, что какъ онъ себѣ ни богатъ, а богаче его государь великій Новгородъ.

Если въ этомъ все-таки преобладающемъ значеніи цѣлой общины, міра новогородскаго, еще слышится начало славянское, то въ дерзкой попыткѣ отдѣльной личности превзойти цѣлый городъ, въ этомъ ея поползновеніи на крупную собственность въ родѣ Дюка — нѣчто уже совершенно иное, противное древне-славянскому поглощенію земщиной [1]). Нѣтъ сомнѣнья также, что, какъ бы рано ни проникала въ Новгородъ эта стихія чуждая, но дальнѣйшее развитіе могла она получить только позже, а потому къ болѣе позднему времени должно относиться и дальнѣйшее развитіе нашей былины. Съ другой же стороны въ основѣ ея лежатъ еще представленія отдаленнѣйшія, миѳическія: разбогатѣть помогаетъ Садку царь морской, пляшущій отъ его игры на гусляхъ и этой пляскою производящій бурю на морѣ (христ. стр. 178); царь морской, къ которому позже попадаетъ онъ въ плѣнъ, подобно сказочному царевичу (очевидно, тутъ только видоизмѣненіе той же основы — см. выше о сказкахъ разряда III-го).

Но въ былинахъ новгородскихъ выдается еще другое лицо, о кото-

---

[1]) Имѣется даже одинъ варьянтъ, въ которомъ Садко пересиливаетъ: послѣ того какъ все имъ въ три пріема скуплено, въ рядахъ новогородскихъ остаются только черепаны, гнилые горшки, а Садко скупаетъ и ихъ, говоря лукаво: «пригодится ребяткамъ черепками играть, поминать Садку гостя богатаго, — что не я-де, Садко, богатъ, богатъ Новгородъ — всякими товарами заморскими и тѣми черепанами—гнилыми горшки.» (Кирѣевск. V, 53).

ромъ по-подробнѣе придется намъ говорить далѣе — такъ какъ въ немъ, можетъ быть, съ особою ясностью отразилось начало чужое, варяжское. Теперь же замѣтимъ, что, подобно Садку-купцу, оно вступаетъ въ состязаніе съ Новгородомъ, но въ состязаніе другаго рода. Василій Буслаевичъ,—это идеалъ безграничной, ничѣмъ не сдержанной удали, прямая противоположность Ильи Муромца; какъ тотъ постоянно владѣетъ собой, такъ этотъ ни въ чемъ не умѣетъ воздерживаться и умѣрять свой пылъ. Составляетъ онъ себѣ дружину изъ молодцевъ, предварительно испытавъ ихъ силу при помощи очень нелегкаго опыта, и съ этой дружиною вызываетъ на бой всѣхъ гражданъ новгородскихъ. Плохо приходится Новгороду,—такъ и валятся съ волховскаго моста, на которомъ ведется бой, его граждане отъ руки васильевой; тогда прибѣгаютъ Новгородцы къ единственной власти, которой не можетъ и онъ не признать надъ собой, — къ его матушкѣ. Она сначала посылаетъ унять Василья его крестоваго батюшку, старика каличищу. Старикъ, понадѣявшись на свое вліяніе, идетъ прямо на встрѣчу Василью; не выдержалъ богатырь, и однимъ ударомъ повалилъ крестоваго батюшку. Мать Василья была находчивѣе: она подошла къ нему сзади и положила ему руки на плечи; не видя ея, а только слыша родимый голосъ, Василій выпускаетъ изъ рукъ свою бѣдовую ось желѣзную, и смиряется его богатырская сила передъ просьбою матери! (Христ. стр. 180). Такимъ образомъ ежели надъ Васильемъ уже утратила свою власть славянское общинное начало, то надъ нимъ еще сохранило ее славянское-же начало семейное. Оно тутъ именно семейное, не родовое: при чисто родовомъ бытѣ, какъ мы уже выше видѣли (стр. 119), мать, какъ женщина, еще не можетъ имѣть такого высокаго первенствующаго значенія. Напротивъ въ бо́льшей части нашихъ былинъ, женщина и вообще занимаетъ положеніе, уже вполнѣ человѣческое. Мѣстами еще раздаются, это правда, отзвуки тѣхъ временъ насильственнаго захвата, о которыхъ свидѣтельствовали намъ пѣсни свадебныя: «возьми меня за волосы за женскіе, привяжи меня ко стремени ко сѣдельному, поразмыкай меня по чисту полю,» говоритъ Добрынѣ жена его, когда онъ застаетъ ее готовою выйти за мужъ за другаго [1]). Между тѣмъ къ той же самой Настасьѣ свекровь ея передъ отъѣздомъ Добрыни обращается тономъ другой, уже смягченной поры: «ой же ты, богоданное мое дитятко, поди спрашивай у милой своей ладушки, у крѣпкой у сдержавушки (мужа), скоро ли назадъ будетъ.» А послѣ

---

[1]) Рыбн. I, 145. Ср. Тамъ-же 138, 215. Ср. также христ. стр. 171 ст. 2-я. Впрочемъ незавидное положеніе женщины въ нѣкоторыхъ былинахъ могло выслоиться и въ позднѣйшее время, когда вслѣдствіе стольких причинъ историческихъ, нравы народные обратно впадали въ грубость.

его отъѣзда «садилася свекровушка да невѣстушка въ одно мѣсто, плачуть-обливаются, да молода Добрынюшка изъ чиста поля дожидаются.» Вполнѣ человѣческій порядокъ вещей слышится и въ упрекахъ Добрынѣ матушки передъ его отъѣздомъ: «на кого покидаешь ты молоду жену? За чѣмъ-же ты, дитятко, и бралъ за себя?» — Добрыня же, при отъѣздѣ, со своею матерью прощается, иначе того съ молодою женой [1]). (А если выше у насъ было сказано, какъ крѣпко любилъ онъ мать, то тѣмъ болѣе возвышается степень его привязанности къ женѣ). Въ свою очередь и она, прождавъ возвращенья Добрыни назначенные имъ шесть лѣтъ, ждетъ его по собственной волѣ и еще шесть лѣтъ, и только по прошествіи ихъ соглашается, по настоятельному сватовству Владиміра, выйти за Алёшу Поповича. Вотъ тутъ-то въ слезахъ говоритъ свекровь ея: «закатился свѣтелъ мѣсяцъ, ушла у меня Настасья Микулишна» [2]). Несравненно выше Настасьи стоитъ сестра ея Василиса, по одному ряду былинъ при помощи ума и молодечества освобождающая изъ тюрьмы своего мужа, по другому — изъ вѣрности къ нему убивающая себя на его могилѣ въ глазахъ у погубившаго его и требующаго ея руки, Владиміра. Но оба эти ряда былинъ (о Ставрѣ бояринѣ и о Данилѣ Ловчанинѣ) заключаютъ въ себѣ уже такъ много позднихъ наростовъ—особливо въ лицѣ Владиміра — что должны быть разсмотрѣны не теперь, а гораздо позже. Тѣмъ не менѣе съ другой стороны въ образѣ самой Василисы еще много первобытнаго, богатырскаго. Она, какъ и Настасья,— Микулишна, т. е. дочь Селяниновича, крестьянина; это не мѣшаетъ имъ быть воинственными не менѣе жены Дуная — Настасьи-королевишны; но воинственность, по печальной необходимости древнихъ временъ постоянно обороняться, сдѣлавшаяся непремѣнною принадлежностью идеала какъ мужскаго, такъ и женскаго, не мѣшаетъ имъ съ другой стороны, какъ видѣли мы, обладать глубокимъ семейнымъ чувствомъ. Если этого чувства рѣшительно нѣтъ въ нѣкоторыхъ женскихъ образахъ нашей народной поэзіи, то не надобно забывать, что это образы — не настоящихъ женщинъ, а чародѣекъ (какъ жена Михаила Потыка, Марья — Лебедь бѣлая [3]), т. е. существъ сверхъестественныхъ, а они составляютъ остатки миѳологіи, до смысла которыхъ добраться теперь не всегда легко. Можно, конечно, замѣтить, что женщина является въ нашихъ былинахъ довольно рѣдко, остается по большей части какъ бы въ тѣни, въ сторонѣ. Но не

[1]) Рыбник. I, 140, Кирѣвск. II, 20. Рыбн. II, 23. III, 71.

[2]) Рыбн. I, 142.

[3]) Марина Игнатьевна, пріятельница змѣя Горынича, обертываетъ Добрыню гнѣдымъ туромъ (Сказанія Русскаго Народа, т. I, былины, стр. 6). Марья Лебедь Бѣлая измѣняетъ своему мужу Михайлу Потыку. (Одинъ изъ распространенныхъ мотивовъ сказочныхъ, какъ уже намъ извѣстно).

слѣдуетъ забывать, что былины наши весьма мало входятъ въ частную, домашнюю жизнь нашихъ богатырей, — и это потому, что онѣ налегаютъ по преимуществу на ихъ общественное служеніе, на оборону русской земли. Всего менѣе затрогивается въ былинахъ домашняя жизнь — именно первѣйшаго изъ богатырей, того самаго, который сейчасъ же является всюду, гдѣ только нуженъ хранитель, оберегатель. Впрочемъ въ одной былинѣ выставляется жена Ильи Муромца, и выставляется какъ его помощница, въ отсутствіе богатыря побивающая за него силу вражію [1])

Таковы, кажется, основныя стороны нашихъ былинъ, т. е. тѣ собственно, которыя могутъ быть признаны начальными историческими сторонами. По временамъ намъ приходилось уже, это правда, встрѣчаться и съ нѣкоторыми выраженіями изъ позднѣйшаго христіанскаго круга. Но всѣ они относились собственно къ христіанской внѣшности. Касательно этой стороны въ нашихъ былинахъ я позволю себѣ привести свидѣтельство одного иностраннаго автора. Въ немъ, конечно, есть крайность и не полное пониманіе духа нашей народной поэзіи, а равно и того, что авторъ называетъ «христіанскимъ одушевленіемъ;» но въ сущности онъ правъ, когда замѣчаетъ, что собственно такихъ внутреннихъ свойствъ, которыя вытекали бы исключительно изъ христіанства, въ былинахъ у насъ почти не оказывается, а что тѣ, «нѣжные, кроткіе звуки, которые въ нихъ раздаются порой,—это чисто природные, первобытные звуки (echte Naturlaute), проявленья природной славянской мягкости (der weichen slavischen Gefühlsnatur.) — «На основаніи же этого, продолжаетъ онъ, можно было бы заключить по подобнымъ пѣснямъ, что христіанство оставалось въ народѣ русскомъ лишеннымъ истинной теплоты (lau), внѣшнимъ, поверхностнымъ.... А между тѣмъ подобное заключеніе... въ сущности оказалось бы примѣненнымъ невѣрно. Здѣсь скорѣе слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на малоподвижную и неподатливую природу народнаго эпоса, который, что̀ касается частностей, въ состояніи, конечно, слѣдовать измѣненіямъ историческимъ, но, что̀ касается основнаго настроенія и характера, принятаго имъ со временъ незапамятныхъ, остается неизмѣннымъ въ продолженіи долгихъ вѣковъ» [2]).

Вопросы, затронутые въ этомъ отзывѣ, слишкомъ важны и стоютъ того, чтобы въ нихъ внимательно вникнуть. Если природа Славянъ, — въ этомъ случаѣ по признанію даже нѣмца—уже сама по себѣ такъ мягка, человѣчна, то не представляла ли она изначала самой удобной, такъ сказать, благодарной почвы для христіанства? И не должно ли бы было оно въ

---

[1]) Кир. I. 56—58.

[2]) Marthe, Die russische Heldensage (Gosche's Juhrbuch füs Litteraturgeschichte Berlin 1865, I. B., 187, 188.)

такомъ случаѣ скорѣе и глубже подѣйствовать даже на эпосъ народный, который, какъ старался я постоянно доказывать, если и неподатливъ, то все же не въ той мѣрѣ, какъ кажется это нѣмецкому автору? — Но мы такимъ образомъ подошли къ началу у насъ христіанства; вмѣстѣ же съ нимъ началась на Руси и письменная словесность, литература — прежде всего духовная. Пора обратиться къ ней, чтобы узнать, что́ именно ею вносилось къ намъ вполнѣ новаго?

II. ЛИТЕРАТУРА.

V. ПАМЯТНИКИ XI ВѢКА.

Христіанская вѣра принесла къ намъ истины, которыя надобно было сохранить неизмѣнными, во всей ихъ чистотѣ, и преданія историческія, которыя также слѣдовало оградить отъ примѣси къ нимъ фантазіи. Для этого необходима была письменность, безъ которой ни въ какой странѣ не утверждалось христіанство. Но въ странахъ западныхъ, католическихъ, не всегда заботились о томъ, чтобы книги, относящіяся къ христіанскому вѣроученію, были переводимы на языкъ того народа, среди котораго распространялось христіанство. Въ какой бы странѣ ни возникали католическіе храмы, и священное писаніе въ нихъ читалось, и все вообще богослуженіе совершалось на вселенскомъ языкѣ католической церкви—латинскомъ. Такъ было и у Славянъ западныхъ, къ которымъ христіанство пришло изъ Рима. Этотъ вселенскій языкъ католической церкви былъ, какъ извѣстно, наслѣдованъ ею отъ Рима языческаго, и притомъ наслѣдованъ вмѣстѣ съ поползновеніями на власть вселенскую. То и другое, тѣсно связанное между собою, составляло рѣшительное отпаденіе отъ духа первоначальнаго христіанства. И оно заключало въ себѣ, разумѣется, стремленья вселенскія—но стремленья иного рода—(къ распространенію по вселенной, къ объединенью ея не насиліемъ, а закономъ всеобщаго тяготѣнія нравственнаго, всенародной братской любви. Оно стремилось при этомъ остаться именно всенароднымъ, т. е. не подавлять, не захватывать, а только уничтожать вражду и разрозненность. «Шедше, научите вся языки,» говорило

говорило первоначальное христіанство, и при этомъ позволяло имъ оставаться — языками. Повѣствованіе книги дѣяній апостольскихъ о томъ, какимъ образомъ, по сошествіи Духа Святаго, стали апостолы говорить на языкахъ всего свѣта, ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Христіанство впервые провозгласило настоящія космополитическія начала, т. е. начала всемірнаго гражданства — въ смыслѣ признанія правъ человѣка у всѣхъ народовъ, въ смыслѣ призванія ихъ отовсюду — въ «свободу славы чадъ Божіихъ.» Вотъ въ этомъ-то смыслѣ и говорило первоначальное христіанство, что «нѣсть Эллинъ и Скиѳъ, рабъ или свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ.»—И вотъ этому-то христіанскому духу долѣе вѣрною оставалась восточная, православная церковь. Это выражалось уже и тѣмъ, что ею допускались всѣ языки, допускалась, или лучше сказать, прямо требовалась проповѣдь вѣры понятная, вразумительная. Вотъ почему Славяне, изначала принявшіе православіе и позже остававшіеся ему вѣрными, сохранили свою народность въ большей неприкосновенности, чѣмъ Славяне католическіе и окатоличенные. Къ тому же и съ другой стороны—это столько же несомнѣнно—«православіе съ его соборнымъ началомъ, съ древнимъ, въ немъ допускавшимся важнымъ значеніемъ братствъ, было ближе къ общинной натурѣ Славянъ, чѣмъ католичество съ самодержавнымъ значеніемъ папы». — Чтобы признать это, вовсе нѣтъ надобности быть ревностнымъ православнымъ, смотрѣть съ точки зрѣнія церковной или даже религіозной;— достаточно смотрѣть исторически, быть мало мальски причастнымъ исторической правдѣ и безпристрастію.

Но не будь даже въ православіи ничего особаго, кромѣ допущенія въ церковь народнаго языка, ужь и это одно «было бы способно и во всякой народности сдѣлать православіе популярнымъ сравнительно съ католичествомъ» [1]).—Вотъ почему въ сравненьи со многими изъ своихъ братьевъ счастливы были Славяне, жившіе въ Греціи, или по сосѣдству съ нею. Два ученыхъ грека, уроженцы города Солуня [2]), обратили вниманіе на то, что у Славянъ еще нѣтъ азбуки, и составили ее для нихъ (въ основаніе взяли они буквы азбуки греческой, а для такихъ славянскихъ звуковъ, которымъ соотвѣтствующихъ у Грековъ нѣтъ, заимствовали нѣкоторые звуки изъ азбукъ еврейской, армянской и коптской). Этотъ под-

---

[1]) См. мою брошюру: «Славянскій вопросъ въ наукѣ и въ жизни. По поводу обзора Исторіи славянскихъ литературъ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Спб. 1865 г., стр. 20. О позднѣйшемъ отпаденіи высшаго византійскаго духовенства отъ этой исконно-православной терпимости къ народному языку, см. въ той же брошюрѣ ниже на стр. 29 и 30.

[2]) М. П. Погодинъ старается, впрочемъ, доказать, что они были Славяне (Кирил. Меѳодіевскій сборникъ, 99 — 165).

книгъ былъ совершонъ незабвенными Константиномъ (въ монашествѣ Кириллъ) и Меѳодіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ они немедленно приступили къ переводу св. писанія [1]). Они перевели его на языкъ тѣхъ Славянъ, среди которыхъ жили; но онъ былъ понятенъ и другимъ Славянамъ, потому что въ то время языки славянскіе еще мало разнились между собою. Такимъ образомъ переводъ ихъ сдѣлался общимъ для всѣхъ Славянъ, а языкъ этого перевода общимъ языкомъ славянской церкви, почему и называется церковно-славянскимъ. Этотъ же самый переводъ перешелъ и къ намъ послѣ принятія нами христіанства, а вмѣстѣ съ нимъ перешли къ намъ на томъ же языкѣ богослужебныя книги и творенія отцовъ церкви, также переведенныя съ греческаго [2]).

Такимъ образомъ вмѣстѣ съ христіанствомъ проникла къ намъ уже цѣлая, можно сказать, готовая литература—почти исключительно духовнаго содержанія. Образовалась же эта литература у соплеменныхъ намъ Болгаръ преимущественно въ вѣкъ славнаго ихъ царя Симеона (889 — 927). Произведенія этой литературы, хотя и вполнѣ понятныя нашимъ предкамъ, не могутъ однако же почитаться древнѣйшими произведеніями литературы русской; но, по огромному вліянію, котораго не могли они не имѣть на нашу образованность, они должны быть по крайней мѣрѣ поименованы. Неоцѣнимое преимущество составляла для насъ возможность познакомиться сразу на языкѣ намъ понятномъ и съ самымъ священнымъ писаніемъ, и съ лучшими его толкователями. Это должно было чрезвычайно облегчить распространеніе у насъ христіанства, которое съ другой стороны, какъ мы видѣли, находило благодарную почву во многихъ сторонахъ славянскаго быта и нравовъ. Потому-то распространеніе христіанства, а съ нимъ и образованности, съ самаго начала должно было, повидимому, пойти у насъ быстро, успѣшно [3]). Мы увидимъ, вполнѣ ли такъ оно вышло на самомъ дѣлѣ.

---

[1]) Когда именно, говоритъ И. И. Срезневскій, началъ Константинъ философъ свое дѣло въ Константинополѣ, когда съ готовымъ переводомъ книгъ отправился въ Мораву, это опредѣлить трудно. Большинство изслѣдователей указываютъ на 862 г. (Древніе памятники письма и языка югозападныхъ Славянъ, стр. 7). Ср. Кир. Меѳ. Сб., 146.

[2]) См. П. Лавровскаго, Кириллъ и Мѳѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ Славянъ, Харьковъ 1863 г., пр. стр. 250, 258, 262, 271 — 74, 293, 378, 396, 465, 543, 548.

Также Погодина Кирилло-меѳодіевскій сборникъ, М. 1865 г., и др. стр. 98, 523. Хотя славянскія книги Кирилла были первоначально освящены самимъ папою Адріаномъ и въ Римѣ допущено даже богослуженіе на нихъ, тѣмъ не менѣе тотъ же папа, при отправленіи Меѳодія въ Моравію, требовалъ „да на мьши первое чтуть апостолъ и евангеліе римьскы, таче же словѣньскы (Срезневскаго, Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ, стр. 6).

[3]) Изъ этого не слѣдуетъ, что бы христіанство распространялось у насъ совер-

Какія же книги существовали на языкѣ церковно-славянскомъ у соплеменныхъ намъ Болгаръ и отъ нихъ перешли къ намъ, и кто трудится у нихъ надъ этими книгами? Кромѣ перевода книгъ св. писанія и богослужебныхъ, совершеннаго славянскими первоучителями Кирилломъ и Меѳодіемъ, это были:

1) Поученіе о правой вѣрѣ самого Кирилла [1]).

2) Меѳодіевъ переводъ книги поученій Кирилла, до насъ не дошедшій.

3) Слова на дни праздничные Климента, ученика Меѳодія (нѣкоторые сохранились).

4) Его-же похвала св. Кириллу, учителю словѣньску языку; 5) Ему-же приписываются еще т. н. Паннонскія житія Кирилла и Меѳодія и похвальное слово обоимъ.

6) Труды болгарскаго епископа Константина: поученія на воскресные дни, составленныя изъ бесѣдъ Іоанна златоустаго и др., и переводъ словъ св. Аѳанасія Александрійскаго противъ Аріанъ.

7) Труды Іоанна, экзарха болгарскаго, современника Симеона: а) Шестодневъ, или разсужденіе о сотвореніи міра, подражаніе Василію Великому, Златоусту и др. б) переводъ Богословія Іоанна Дамаскина; в) переводъ его Діалектики, и г) его же грамматики; д) Слово на вознесеніе господне, и др.

8) Григорія пресвитера, переводъ Хроники Іоанны Малалы.

9) Трудъ м. б. самого Симеона, царя болгарскаго: Златоструй, книга, содержащая въ себѣ переводъ 136 избранныхъ словъ Іоанна Златоуста съ нѣкоторыми прибавленіями.

10) Сборникъ, переведенный съ греческаго для царя Симеона и содержащій множество статей, преимущественно догматическаго, отчасти нравственнаго, даже философскаго и риторическаго содержанія, заимствованныхъ изъ сочиненій св. отцовъ: Василія Великаго, Аѳанасія Великаго, Григорія Нисскаго, Іустина Философа, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Августина, и др. (сборникъ этотъ былъ на Руси переписанъ въ 1073 г. для вел. князя Святослава, и потому называется святославовымъ).

11) Черноризца Храбра отвѣти о письменѣхъ и 12) Слово на еретикы пресвитера Козмы [2]):

шенно безъ сопротивленія, сразу—по мановенію руки Владиміра, какъ говорилось объ этомъ въ иномъ учебникѣ.

[1]) Важно, какъ доказательство полнаго единомыслія св. Константина (Кирилла) съ православнымъ востокомъ (Кирилло-Меѳ. Сб., стр. 425—427).

[2]) Подробно объ этомъ болгарскомъ періодѣ: у Калайдовича: «Іоаннъ, экзархъ Болгарскій»; Палаузова: «Вѣкъ Болгарскаго Царя Симеона»; также въ Исторіи русск.

Эти книги вѣроятно приносились къ намъ мало по малу, а у насъ ихъ усердно списывали и распространяли. Немедленно послѣ крещенія Руси Владиміръ позаботился о томъ, чтобы родители отдавали дѣтей «на ученіе книжное;» учили конечно священники, присланные къ намъ греческимъ духовенствомъ, а въ числѣ ихъ, по всей вѣроятности, было много намъ соплеменныхъ Болгаръ. Первые обученные грамотѣ сами становились священниками, а потомъ учили другихъ. Примѣру Владиміра, «любившаго словеса книжная», слѣдовали многіе изъ его сыновей, особенно же Борисъ и Ярославъ. При Ярославѣ было заведено училище на триста мальчиковъ даже въ Новгородѣ, хотя тамъ христіанство распространялось медленнѣе чѣмъ въ Кіевѣ, гдѣ оно зачиналось уже издавна, еще до Владиміра. Ярославъ съ увлеченіемъ читалъ книги и днемъ и ночью, и составилъ вокругъ себя цѣлое общество людей, которые, по его порученію, частію списывали книги съ готовыхъ уже болгарскихъ переводовъ, частію же сами переводили съ греческаго. Собравъ такимъ образомъ довольно много книгъ, Ярославъ положилъ начало книгохранилищу при кіево-софійскомъ соборѣ. Священникамъ, поставляемымъ по городамъ и селамъ, назначалъ онъ изъ своего имѣнья урокъ (жалованье), чтобы побудить ихъ почаще собирать народъ въ церкви и ревностнѣе учить вѣрѣ. Это было наставленіе устное, посредствомъ проповѣдей; грамотѣ же въ первое время, по всей вѣроятности, учили только будущихъ священниковъ [1]). Не легкое дѣло предстояло духовнымъ лицамъ новокрещенной Руси: съ одной стороны борьба съ языческими суевѣріями и чувственностью, съ другой борьба съ католицизмомъ, который, надо полагать, дѣлалъ попытки проникнуть къ намъ, вслѣдствіе чего наши пастыри постоянно возставали противъ него въ своихъ писаніяхъ. Уже второй изъ митрополитовъ кіевскихъ, Леонтій (992—1008), составилъ на греческомъ языкѣ трактатъ объ опрѣснокахъ, т. е. о способѣ совершенія католиками таинства евхаристіи; но въ этомъ трактатѣ заключается также и опроверженіе другихъ особенностей католическаго исповѣданія [2]). Первые митрополиты наши были Греки, но вотъ уже при Ярославѣ ви-

---

слов. Максимовича и Шевырева (ч. I). Срезневскаго, Др. Пам. письма и языка юго-западныхъ Славянъ, стр. 1—31.

[1]) Макарія, Истор. Русск. Церкви, т. I, стр. 77—80. См. въ Эпохѣ 1864 г. статьи Ив. Григорьева: Замѣтки по исторіи книжнаго просвѣщенія въ Россіи, гдѣ, при значительныхъ натяжкахъ, имѣются и дѣльные доводы въ пользу существованія у насъ въ старину не малаго числа людей грамотныхъ. Особенно важны тутъ указанія на упоминаніе о такихъ людяхъ въ былинахъ.

[2]) Тоже писали противъ католиковъ (латынянъ) Митрополитъ (также изъ грековъ) Георгій (1065—1079) и Іоаннъ II (1080—88); первый очень рѣзко, второй съ кротостію и уважительно. (Мак. т. II, стр. 140—148).

димъ мы въ Кіевѣ перваго митрополита изъ русскихъ, Иларіона. Въ Новгородѣ послѣ Іоакима Корсунянина видимъ мы архіереемъ также русскаго — Луку Жидяту (1035 — 1059). Оба эти пастыря церкви были и первыми духовными писателями изъ Русскихъ: отъ каждаго сохранилось намъ по поученію.

Слово Луки Жидяты, по всей вѣроятности, сказано при самомъ вступленіи его на свою паству, т. е. въ 1035 г.; слово Иларіона, вѣроятно, нѣсколько позже, хотя и до избранія его въ митрополиты, совершившагося въ 1051 г. [1]). Совершенная простота, краткость и, такъ сказать, чисто насущное содержаніе перваго слова, и замѣчательное искусство въ изложеніи, обширность, глубокомысліе втораго — отражаютъ отчасти различную степень религіознаго просвѣщенія новгородской и кіевской паствы. Видно, что Лука обращался къ людямъ, только-что начинающимъ освоиваться съ христіанствомъ; Иларіонъ — къ такимъ, съ которыми можно было было уже бесѣдовать объ основномъ, существеннѣйшемъ отличіи христіанства отъ іудейства—предметъ, предполагающій уже привычку мыслить о предметахъ религіозныхъ. (Надобно впрочемъ полагать, что слово Иларіона обращено было собственно къ духовенству, такъ какъ проповѣдникъ свидѣтельствуетъ, что имѣетъ дѣло не съ какими нибудь невѣдущими, а съ насытившимися сладости книжной (христом., стр. 184). Совершенно неувлекательное для насъ, поученіе Луки Жидяты для слушателей того времени имѣло значеніе, когда говорило: «любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ,« «не воздавайте зломъ за зло,» «и словомъ не оскорбляйте ближняго,» «не давайте въ лихву» (т. е. не отдавайте въ ростъ, не берите процентовъ,—привычка, противъ которой и долгое время спустя приходилось вооружаться пастырямъ новгородскимъ).—Въ словѣ Иларіона почти нѣтъ наставленій; но оно должно было производить на людей, уже знакомыхъ съ основными правилами христіанства, своего рода нравственное впечатлѣніе, указывая на преимущества христіанства и на то, какое счастіе было для Руси его принятіе. Самаго высокаго, задушевнаго краснорѣчія достигаетъ Иларіонъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ сравниваетъ состояніе Руси до крещенія съ тѣмъ, что совершилось въ ней послѣ него. Отсюда совершенно естественнымъ образомъ переходитъ онъ къ мысли о заслугахъ просвѣтителя Руси, Владиміра; поученіе постепенно обращается въ похвальное слово ему, наконецъ въ молитвенное обращеніе къ его памяти, и завершается восторженною молитвою къ Богу о дальнѣйшемъ преуспѣяніи Имъ просвѣщенной Руси.

Можетъ-быть это слово, произнесенное Иларіономъ еще въ санѣ свя-

---

[1]) Макарія, Ист. Р. Ц., ч. I, стр. 87, ч. II, стр. 4 и 6.

щенника, обратило на него особенное вниманіе Ярослава, «любившаго словеса книжная;» но безъ сомнѣнія еще болѣе обратилъ онъ на себя вниманіе своимъ образомъ жизни. Слѣдуя религіознымъ понятіямъ того времени, онъ нерѣдко удалялся на гору — въ тѣ мѣста, гдѣ воздвигся впослѣдствіи кіево-печерскій монастырь, выкопалъ себѣ тамъ небольшую пещеру и, уединившись въ нее, молился и размышлялъ о Богѣ. Это-же самое мѣсто, какъ совершенно уединенное, полюбилось человѣку, который, наслышавшись о монастырской жизни въ Греціи, побывалъ въ греческомъ Аѳонскомъ монастырѣ, принялъ тамъ постриженіе и, вернувшись домой, не захотѣлъ поступить ни въ одинъ изъ русскихъ монастырей (ихъ было уже нѣсколько): это былъ будущій основатель кіево-печерскаго монастыря, Антоній. Послѣ того, какъ онъ поселился близъ пещеры Иларіона, въ скоромъ времени избраннаго въ митрополиты, къ нему начали стекаться со всѣхъ сторонъ люди, искавшіе, подобно ему, отшельничества. Въ числѣ ихъ былъ и преподобный Ѳеодосій — третій изъ нашихъ древнѣйшихъ писателей.

Сочиненія Ѳеодосія вполнѣ могутъ быть оцѣнены только при знакомствѣ съ его жизнію, которая была описана другимъ знаменитымъ писателемъ того времени, преподобнымъ Несторомъ. Въ жизни Ѳеодосія самымъ яркимъ образомъ отразилась борьба между старымъ и новымъ, языческимъ и христіанскимъ, борьба, въ то время происходившая въ русскомъ обществѣ. Заставъ нашихъ предковъ въ ту пору развитія, когда надъ всѣми способностями души перевѣсъ имѣетъ воображеніе, когда оно же даетъ и отвѣты на всѣ вопросы только-что пробуждающагося ума, христіанство самымъ естественнымъ образомъ должно было прежде всего подѣйствовать на воображеніе. Все то, что̀ говорило оно о неизглаголанномъ блаженствѣ загробной жизни и вѣчныхъ мукахъ ада—съ одной стороны прельщало, съ другой пугало людей, еще чувственныхъ, и рай и адъ представлявшихъ себѣ слишкомъ живо, слишкомъ буквально. Съ одной стороны прельщенное, съ другой запуганное воображеніе заставляло отказываться ото всего, жертвовать всѣми благами земной жизни, чтобы только заслужить рай и избѣжать ада. Отсюда и явилось стремленіе удаляться отъ міра и его искушеній, уединяться въ пустыню для постоянныхъ молитвъ, для постоянныхъ мыслей о Богѣ. Сильно поражено было образами загробной жизни и воображеніе юнаго Ѳеодосія, который уже съ дѣтскихъ лѣтъ ежедневно ходилъ въ церковь и внимательно слушалъ священныя книги. Самъ онъ упросилъ родителей отдать его въ ученіе книжное.

Въ житіи говорится при этомъ, что его отдали къ единому отъ учитель, изъ чего заключаютъ иные, что ежели и въ маленькомъ городѣ Курскѣ учителей уже нашлось нѣсколько, то образованіе вообще стояло у насъ въ то время значительно высоко. Но такое заключеніе будетъ

едва ли вѣрно. Относительно житій нашихъ надобно вообще замѣтить, что пользоваться ими для выводовъ о нашей отечественной жизни надо весьма осмотрительно. Вмѣстѣ съ другими родами произведеній, перешедшихъ къ намъ отъ южныхъ Славянъ и изъ Византіи, явились и житія святыхъ; и какъ во всѣхъ родахъ мы стали, весьма естественно, подражать образцамъ готовымъ, такъ и въ житія отечественныхъ святыхъ должны были вноситься черты, свойственныя житіямъ вообще. За древнею письменностью замѣчаются нѣкоторые пріемы, сходные съ пріемами народнаго эпоса: и въ ней не столько творится вновь, сколько передѣлывается изъ прежняго, изъ готоваго. Такъ и многія житія должны оказаться не болѣе, какъ переиначеніемъ, варіировкою другихъ житій; чуждыя, византійскія служили основою нашимъ, и хотя при этомъ и передѣлывались, такъ сказать, на наши нравы, но во многихъ мѣстахъ должны были ясно сквозить и чуждые. Едва ли не такъ оно и въ первой половинѣ житія Ѳеодосіева — въ описаніи дѣтства его и молодости (напротивъ вторая половина, со времени вступленія Ѳеодосія въ монастырь, носитъ уже характеръ по преимуществу мѣстный, отечественный, хотя и тутъ еще оказывается кое-что и заимствованное). Описанія дѣтства въ житіяхъ того или другаго рода представляли свои, такъ сказать, эпическіе, разъ навсегда установившіеся, пріемы. Такъ и въ житіи Ѳеодосія, подобно многимъ другимъ житіямъ, родители святаго въ началѣ оказываются самыми благочестивыми, будущее младенца сердечными очами провидитъ уже пресвитеръ, не безъ умысла дающій ему, имѣющему отдаться Богу, именно это и выражающее имя — Ѳеодосій..... Огрочя же растяше и благодать божія бяше съ нимь (первоначальный образецъ такого зачина житій не трудно найти въ началѣ евангелія отъ Луки, въ повѣствованіи о рождествѣ Предтечи). (Христ. стр. 205—206). Далѣе же, если вглядѣться внимательнѣе, въ житіи оказываются и противорѣчія — отъ перекрещивающагося въ немъ писанія, по готовому образцу, на различныя темы. Чтобы болѣе выказалась на подвижникѣ благодать, нужно было налегать на противоположность между его позднѣйшею мудростью, и тѣмъ, что онъ родился не отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинъ градомъ (стр. 206). Далѣе же, чтобы болѣе выказалась цѣнность его смиренія и работанія, понадобилась наоборотъ знатность происхожденія — и вотъ отсюда-то въ его матери та родовитая гордость, которая рѣшительно выставляетъ ее женою какого нибудь властелина граду. Низкіе труды Ѳеодосія, по ея понятію, подвергаютъ безчестію и его, и родственниковъ, даже весь родъ (стр. 207); у нея оказываются и рабы—слово для насъ рѣшительно новое, на которое не было и намека въ нашемъ народномъ эпосѣ. Когда Ѳеодосій скрывается, неизвѣстно куда, — то заповѣдано было по всей странѣ той, что если гдѣ кто увидитъ такого-то отрока, пришелъ бы и сказалъ матери его, а за

извѣстіе получитъ награду (стр. 208); между тѣмъ ясно, что для этого ей надобно было именно быть изъ «властелинъ граду,» или же изъ близкихъ къ нимъ. При подобномъ внутреннемъ противорѣчіи какъ не прійти къ заключенію, что весь этотъ родовитый характеръ матери (а съ другой стороны — гдѣ же тутъ въ ней, съ ея грубо-тѣлесною силою и насильствомъ, съ ея побоями сыну (стр. 207), то всяческое благочестіе, о которомъ говорится вначалѣ?), что весь этотъ родовитый характеръ, при отсутствіи въ нашей тогдашней жизни тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ бы можно ему сложиться, долженъ быть взятъ цѣликомъ изъ какихъ нибудь не-русскихъ житій. — Характеръ житія Ѳеодосіева, какъ уже сказано было, мѣняется съ приближеніемъ къ монастырю печерскому. Уже то обстоятельство, что онъ долго не можетъ себѣ пріискать такого монастыря, въ которомъ бы принимали одѣтыхъ бѣдно, слѣдуетъ, кажется мнѣ, принять за подлинную черту. Она слишкомъ не идеальна, что бы быть списанною съ житій, столь склонныхъ къ идеализаціи иночества. Ясно, что она взята изъ дѣйствительности. Чуть началось у насъ христіанство, какъ быстро распространились монастыри, но въ большей ихъ части въ основу уже ложилось укидываніе на золото (какъ тутъ опять не припомнить столь противоположную безсребренность Ильи Муромца!) Дѣло въ томъ, что проникая къ намъ изъ Византіи, сохранявшей, подобно Риму, очень многія, хотя и особыя, черты языческой государственности, христіанство приходило и къ намъ уже не въ чистой своей первоначальности, уже не безъ примѣси посторонней и даже прямо противоположной стихіи. И какъ христіанство не могло не казаться сочувственнымъ нашей славянской природѣ, такъ византійство во многихъ отношеніяхъ не могло ея отъ себя не отталкивать.

Ѳеодосій нашелъ только одну обитель, которая дѣйствительно отреклась отъ благъ міра; это была обитель св. Антонія. Тутъ онъ былъ принятъ, тутъ и постригся онъ. Мать, искавшая его повсюду, отыскала и его новый пріютъ; но на этотъ разъ побѣда осталась за Ѳеодосіемъ: онъ и ее уговорилъ постричься въ одномъ изъ монастырей кіевскихъ.

Въ обитель антоніеву стекались въ то время со всѣхъ сторонъ. Стали приходитъ и просить постриженія даже приближенные в. кн. Изяслава. Одинъ изъ нихъ, Іоаннъ, человѣкъ молодой, недавно женатый, бросилъ жену, отца и привольную жизнь въ своемъ домѣ и поселился въ пещерѣ антоніевой. Не доволенъ былъ князь, грозилъ разогнать монаховъ, а пещеру ихъ раззорить, если новопостриженные не вернутся. Они не возвращались, но гнѣвъ в. князя обуздала жена его разсказомъ о томъ, какъ въ ея отечествѣ, Польшѣ, насиліе, оказанное инокамъ, навлекло несчастіе на всю страну. Но отецъ Іоанна (въ монашествѣ Варлаамъ) не успокоился; онъ напалъ съ вооруженными людьми на монаховъ, сорвалъ иноческія одежды съ своего сына и насильно увлекъ его съ собою

домой. Тутъ посадилъ онъ его за трапезу; но юноша ничего не ѣлъ и только смотрѣлъ въ землю. Такимъ образомъ сидѣлъ онъ молча и неподвижно въ продолженіи трехъ дней, не вкушая пищи; напрасны были всѣ ласки жены, всѣ просьбы отца. Дѣлать было нечего, — опять отпустилъ его обратно въ обитель.

Такимъ образомъ побѣда осталась за направленіемъ новымъ: мать ѳеодосіева употребляла побои, отецъ Іоанна — вооруженную силу; Ѳеодосій и Іоаннъ противопоставляли имъ только терпѣніе, постоянство и твердость воли, и эти духовныя качества превозмогли. Поколѣніе чисто-духовныхъ, снова младшихъ богатырей, восторжествовало надъ поколѣніемъ старшимъ.

И такъ, вотъ что̀ важно въ жизни Ѳеодосія и другихъ отшельниковъ — твердость воли, рѣшительный перевѣсъ духа надъ тѣломъ; и хотя этотъ перевѣсъ принималъ направленіе, которое должно было измѣниться съ успѣхами образованія, съ развитіемъ ума, въ эту древнюю пору еще уступавшаго воображенію, но уже сама по себѣ эта сила духа была важна, — безъ нея не можетъ итти впередъ общество, безъ нея невозможна настоящая человѣческая жизнь. И не для того только отшельники уединялись въ своихъ обителяхъ, чтобы удручать свое тѣло веригами, или же предавать его въ весеннее время на пищу оводамъ и комарамъ (какъ дѣлалъ по ночамъ Ѳеодосій); но и для того, чтобы образовать такое общество, въ которомъ, въ истинномъ смыслѣ слова, старшій, по слову евангельскому, былъ всѣмъ слугою [1]). Ѳеодосій, и послѣ того какъ былъ посвященъ въ игумены печерской обители, трудился и день и ночь больше всѣхъ — даже самъ носилъ воду и дрова для братіи. А братіи оставалось только слѣдовать его примѣру; всѣ взаимно помогали другъ другу, и ни одинъ не могъ имѣть больше другаго: между ними было совершенное равенство — даже имущества. Словомъ у Ѳеодосія было настоящее братство, чисто христіанское несуществованіе преимуществъ одного передъ другимъ; и это должно было быть сочувственнымъ нравамъ народа русскаго, потому что отчасти уже заключалось въ его нравахъ — заключалось, напримѣръ, въ томъ братствѣ названомъ, которое основывалось, какъ извѣстно, на служеніи меньшаго большему, но за то и бо̀льшаго меньшему! Въ обители ѳеодосіевой это братство только расширилось: закономъ его взаимно связывало себя цѣлое и большое общество! Конечно, это было еще

[1]) Въ числѣ примѣровъ смиренія Ѳеодосія есть одинъ, заимствованный, какъ и многое въ дѣтствѣ его, изъ источниковъ византійскихъ,—это помѣщенный въ христ. на стр. 210. То же попадается въ Синайскомъ патерикѣ и приписывается тамъ патріарху Ѳеодору. (Бусл. Оч. II, 54).

общество, уединившееся отъ всѣхъ остальныхъ людей; оно отворяло свои двери каждому, но только такому, который былъ въ состояніи удаляться отъ удовольствій свѣта, отказаться отъ прежняго своего родства для новаго, удручать свое тѣло, молиться и день и ночь. Съ успѣхами развитія, съ усиливающимся перевѣсомъ ума надъ воображеніемъ должны были, разумѣется, смягчиться и эти требованія; идеалъ будущаго, разумѣется, заключаетъ въ себѣ условіе, чтобы пали и эти стѣны, какъ и всякія другія стѣны между людьми, чтобы законъ братства распространился на цѣлое общество, чтобы, безъ всякихъ обѣтовъ, люди отрекались— не отъ благъ жизни, а отъ эгоистическаго пользованія ими, отъ неравнаго распредѣленія ихъ между людьми. Но уже и братство ѳеодосіево заботилось и объ остальныхъ людяхъ: не жило оно совершенно особнякомъ, спасая только собственную душу, или только молясь за душу другихъ людей; нѣтъ, Ѳеодосій хотѣлъ, чтобы и трудами рукъ своихъ оно кормило не только себя, нои убогихъ и странныхъ. Приносили уже и въ его время люди свѣтскіе различные дары въ монастырь; но Ѳеодосій не хотѣлъ пользоваться этимъ для одной братіи, не складывалъ даровъ въ сокровищницу, не копилъ безполезныхъ богатствъ, а раздавалъ неимущимъ всякаго рода, по слову апостольскому: «лучше давать, нежели принимать» [1]).Но печерская бра-тія кормила нуждающихся не только матеріальною пищею; она же готовила имъ и пищу другаго рода: изъ монастырей выходили и расходились по лицу земли русской книги. Кто поученѣе, тотъ или списывалъ, или даже переводилъ ихъ, другіе сшивали листы и переплетали. Такимъ образомъ подвизалась обитель печерская, а за нею, вѣроятно, и другіе наши монастыри, на пользу общественную, и еще не проникала въ нее зараза позднѣйшая — накапливанье безполезныхъ богатствъ и праздность. Дѣйствительно отрекаясь отъ матеріальныхъ благъ, великій подвижникъ нашъ Ѳеодосій не нуждался въ заискиваніи милости тѣхъ людей, которые раздаютъ житейскія блага. Не искалъ онъ ни въ знати, которая напротивъ сама искала счастья бесѣдовать съ нимъ, ни въ великомъ князѣ, — такъ что, когда Святославъ незаконнымъ образомъ отнялъ столъ кіевскій у брата своего Изяслава, Ѳеодосій, не смотря на расположеніе къ нему Святослава, обличалъ его въ беззаконіи и въ церкви печерской поминалъ по прежнему Изяслава. Такимъ образомъ онъ дѣйствительно выполнялъ настоящее, совершенно законное назначеніе церкви: наблюдать за нравственностью всѣхъ вообще людей, и смѣло говорить правду земнымъ владыкамъ — въ качествѣ служителей царства, которое «не отъ сего міра.»

Таковъ былъ Ѳеодосій, такимъ и является онъ въ своихъ поученіяхъ.

---

[1]) См. стр. 194 Христоматіи.

Такъ и видѣнъ въ нихъ постоянно усердный, пламенный воинъ царя небеснаго, старающійся поддерживать мужество и въ другихъ даже самымъ примѣромъ земныхъ воиновъ, встающихъ при первомъ звукѣ воинской трубы. «Прилично ли послѣ этого, говорилъ Ѳеодосій, лѣниться христовымъ воинамъ» [1]). Самою глубокою, самою задушевною любовію къ небесному военачальнику и желаніемъ вызвать такую любовь и въ другихъ дышутъ всѣ поученія Ѳеодосія; но его пламенное, разыгравшееся воображеніе рисовало ему Христа какъ бы настоящимъ военачальникомъ, такимъ, у котораго есть враги, съ коими вести непримиримую брань есть долгъ его воиновъ. Враги эти, по Ѳеодосію, — жиды и всякаго рода еретики, т. е. всѣ уклоняющіеся отъ православной вѣры. Побуждая людей жить въ мірѣ съ своими врагами, Ѳеодосій не велитъ имъ жить въ мірѣ съ врагами божьими [2]). Къ числу этихъ враговъ, по понятіямъ того времени, принадлежали и католики: объ ихъ заблужденіяхъ Ѳеодосій написалъ особенное посланіе къ в. к. Изяславу, вѣроятно вызванное стараніями католиковъ распространить между Русскими свою вѣру. Въ числѣ этихъ заблужденій поименованы тутъ и такіе обычаи, которые на самомъ дѣлѣ едва ли существовали между католиками, и по всей вѣроятности только разсказывались про нихъ въ Греціи, откуда эти разсказы переходили и къ намъ (таковъ приписываемый имъ обычай ѣсть удавленину, жениться на родныхъ сестрахъ) [3]); далѣе поименовываются несущественныя догматическія и обрядовыя отличія ихъ вѣры отъ православной, но съ другой стороны выставляются и такія черты, которыя дѣйствительно клали пятно на католиковъ и возбуждали у насъ совершенно законное сознаніе своего преимущества передъ ними: такъ Ѳеодосія ужасало то, что грѣхи опускаются у нихъ за дары, что ихъ епископы щеголяютъ въ перстняхъ и ходятъ на войну, и т. д. Съ католиками Ѳеодосій не только не позволяетъ вступать въ союзы брачные, но даже ѣсть за однимъ столомъ. Такимъ образомъ представленіе себѣ Христа военачальникомъ, имѣющимъ на землѣ враговъ, мѣшало даже лучшимъ людямъ того времени вполнѣ понимать Христа, никогда не чуждавшагося Самарянъ, этихъ отверженцевъ іудейскихъ, и прямо говорившаго, что многіе придутъ отъ востока и запада и возлягутъ съ «Авраамомъ и Исаакомъ въ царствіи Божіемъ, сыны же царствія изгнаны будутъ вонъ.» Впрочемъ не до конца этимъ чувствомъ вражды къ непріятелямъ Божіимъ было подавлено христіанское чувство любви ко всѣмъ людямъ; въ бѣдѣ, въ нуждѣ заповѣдуетъ Ѳеодосій помогать и католикамъ, только кормить ихъ не иначе, какъ въ ихъ же сосудахъ, и един-

---

[1]) Стр. 196 Христ.

[2]) Стр. 191 Христоматія.

[3]) Сравни съ Ист. русск. Церкви Макарія, т. II, стр. 198.

ственно въ случаѣ самой крайней нужды — въ своихъ собственныхъ, которые послѣ этого непремѣнно слѣдуетъ вымыть.

Такимъ образомъ въ этомъ посланіи къ Изяславу православные являются родомъ избраннымъ, друзьями Божіими, гнушающимися Его враговъ — понятіе болѣе ветхозавѣтное, нежели христіанское, перешедшее къ намъ изъ Византіи, и вовсе не подходящее къ тому чувству братства со всѣми, которое проглядывало уже, какъ мы видѣли, въ нашей народной поэзіи. Въ другомъ посланіи Ѳеодосія къ тому же Изяславу проявилось и другое, также византійское воззрѣніе, столько же несогласное ни съ духомъ новаго завѣта, ни съ другою замѣчательною чертою русской народности. Черту эту мы также замѣтили уже въ нашей народной словесности: это готовность съ усердіемъ повиноваться тому закону, который мы сами на себя налагаемъ, сами признаемъ разумнымъ. Эта замѣчательная черта нашей народности должна была найти подтвержденіе въ христіанствѣ, которое вмѣсто іудейскаго страха передъ закономъ, заставляющаго слѣпо, безпрекословно исполнять его, потому что такъ приказано, проповѣдуетъ любовь, т. е. задушевное, добровольное сочувствіе долгу, такимъ образомъ какъ бы налагаемому на насъ нами же самими. Напротивъ Ѳеодосій въ своемъ посланіи говоритъ Изяславу, что собственно «христіанину не должно самому себя связывать, если не будетъ связанъ отъ отца духовнаго.» Такимъ образомъ тутъ какъ бы требуется не собственное убѣжденіе въ необходимости исполнить долгъ, а просто повиновеніе предписывающему его священнику. Конечно это объясняется тѣмъ, что въ то время еще далеко не всѣ христіане имѣли основательныя понятія объ ученіи христіанскомъ и нерѣдко еще примѣшивали къ нему суевѣрія языческія, а потому и не всегда было можно имъ предоставить самимъ налагать на себя обязанности. Самый вопросъ, съ которымъ обратился Изяславъ къ Ѳеодосію, и на который отвѣчалъ ему преподобный въ этомъ посланіи: «можно-ли въ праздничные дни приготовлять пищу?» показываетъ, что Изяславъ не имѣлъ понятія о «свободѣ христіанъ отъ исполненія закона обрядоваго», въ томъ числѣ и отъ еврейскаго буквальнаго соблюденья субботы. Вполнѣ разрѣшая князю ѣсть мясо, приготовленное въ праздникъ, Ѳеодосій на другой вопросъ его: «хорошо ли, если кто откажется отъ мяса по средамъ и пятницамъ,» отвѣчаетъ, что хорошо, и именно къ этому прибавляетъ: «если ты самъ, по какой причинѣ, отрекся вкушать мясо въ означенные дни, то исполни обѣщаніе, хотя христіанину не должно самому себя связывать» и т. д. [1]). Если сличить это посланіе, въ которомъ разрѣшаются самые первоначальные, обыденные вопро-

[1]) Макарія, Ист. Р. Церкви. т. II, стр. 101 и 102.

сы, съ поученіемъ Иларіона, предпологающимъ въ слушателяхъ уже значительное знаніе христіанской вѣры, то тѣмъ скорѣе придется прійти къ заключенію, что Иларіонъ обращался не ко всѣмъ, а къ одному духовенству.

Всего болѣе высказывается Ѳеодосій въ своихъ поученіяхъ. Изъ дошедшихъ до насъ — два обращены вообще къ народу (о казняхъ Божіихъ, и о пьянствѣ) десять — къ инокамъ (изъ нихъ только пять сохранилось вполнѣ, остальные же въ отрывкахъ). Въ поученіяхъ къ инокамъ выставляется тотъ идеалъ монастырской жизни, къ которому стремился Ѳеодосій. Сильно хотѣлось ему и мірянъ приблизить къ этому идеалу. Видя, какъ далеки они отъ него, онъ старался подѣйствовать на ихъ воображеніе указаніемъ на казни•Божіи, т. е. на тѣ бѣдствія, которыя въ то время часто постигали людей: нашествіе иноплеменниковъ, безпрерывно повторявшееся вслѣдствіе сосѣдства съ воинственными кочевыми народами, и голодъ, происходившій то отъ бездождія, то отъ града, морозовъ не во время и т. п. неблагопріятныхъ явленій природы. Частыя въ то время междоусобныя брани представляются его воображенію дѣломъ дьявола, который съ особеннымъ удовольствіемъ воздвигаетъ ихъ и радуется имъ. Больно христолюбивому проповѣднику видѣть въ своихъ слушателяхъ еще многіе остатки языческихъ суевѣрій (боязнь встрѣтиться съ чернецомъ, точно также со свиньей или съ лысой лошадью, вѣра въ волхованіе, чародѣянія и т. п.) Но еще болѣе возмущался онъ поступками, недостойными христіанъ: рѣзоиманіемъ (мздоимствомъ) прикладами (по всей вѣроятности, отдачей въ ростъ, на проценты), зубами (по всей вѣроятности дракою), скоморошествомъ, гуслями, сопелями и другими играми, вѣроятно соединявшимися съ нѣкоторыми языческими суевѣріями.... Старался Ѳеодосій внушить своимъ слушателямъ, чтобы чаще ходили они въ церковь Божію; но и тутъ ужасалъ его образъ дьявола, внушающаго имъ и во время богослуженія смѣхъ, шопотъ и другія непотребности. Хотѣлось бы Ѳеодосію, чтобы всѣ отъ чистаго сердца могли воззвать къ Богу: «да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою, воздѣяніе руку мою;» но опять ужасаетъ его мысль о томъ, что у многихъ, можетъ-быть, руки не чисты отъ грабежа. Наконецъ, заговоривъ о праздникахъ христіанскихъ, онъ вооружается противъ привычки праздновать ихъ не духовно, а тѣлесно, противъ той старой привычки, о которой Владиміръ говорилъ проповѣдникамъ магометанскимъ: «веселіе есть Руси пити, не можемъ безъ того жити.» Яркими красками рисуетъ онъ заботы дьявола объ умноженіи пьянства, но въ то же самое время позволяетъ пить въ мѣру и приличнымъ образомъ. Другое слово Ѳеодосія, обращенное ко всему народу, дошло до насъ не вполнѣ: тутъ прежде всего проповѣдникъ вооружается противъ суевѣрнаго непониманія нѣкоторыхъ христіанскихъ обрядовъ (напримѣръ

чительно былевой. «Какъ похвалить васъ, не знаю, и что сказать, недоумѣваю, говоритъ Іаковъ въ похвалѣ князьямъ мученикамъ, заключающей его сказаніе. Назову ли васъ ангелами, потому что вы быстро являетесь вблизи скорбящихъ? Но вы пожили на землѣ во плоти, какъ люди. Наименую ли васъ царями и князьями? Но вы были просты и смиренны болѣе всякаго, и смиреніемъ стяжали небесное жилище. Поистинѣ вы цари царямъ и князи князьямъ нашимъ! Ибо вашимъ пособіемъ и защищеніемъ они державно побѣждаютъ враговъ своихъ и вашею помощію хвалятся. Вы имъ и намъ оружіе, вы земли россійской забрало и утвержденіе и мечъ обоюду-острый, которымъ побѣждаемъ языческую дерзость и попираемъ дьявола. Поистинѣ могу сказать: вы небесные человѣки и земные ангелы, столпы и утвержденіе земли нашей. — — — О блаженные страстотерпцы христовы! Не забывайте отечества своего, въ которомъ пожили вы во плоти, посѣщайте его и въ молитвахъ всегда молитесь о насъ... Гладъ и озлобленіе отгоните, отъ всякаго браннаго меча и междоусобныя брани избавьте насъ и заступите насъ отъ всякаго грѣхопаденія, уповающихъ на васъ.» [1]) Въ этомъ обращеніи къ мученикамъ много теплаго чувства, есть также и образы, созданные воображеніемъ, т. е. тутъ много поэзіи. Исключительно прозаическою, выраженіемъ исключительно одного ума еще не становилась наша прозаическая литература. Исключительно такою она не становится даже въ эпоху полнаго своего развитія. Но въ то время воображеніе проявилось въ ней сильнѣе, чѣмъ можетъ оно проявляться въ историческихъ сочиненіяхъ — въ эпоху полнаго развитія литературы. Повѣствователь о кончинѣ Бориса и Глѣба не только выражаетъ свои собственныя чувства, но и заставляетъ напр. св. Бориса выражать чувства, возбужденныя въ немъ извѣстіемъ о смерти отца, хотя и не могъ, разумѣется, поручиться, чтобы эти чувства дѣйствительно выражались въ Борисѣ точно такъ: историкъ становится тутъ скорѣе поэтомъ (христ. стр. 107). Въ повѣствованіи Іакова съ другой стороны проглядываетъ та-же наклонность, которую замѣтили мы въ житіи Ѳеодосіевомъ: наклонность заимствовать изъ чужихъ образцовъ такія черты, которыя не соотвѣтствовали тогдашнему порядку вещей на Руси. Такъ стольный Владиміръ князь представляется ему, уже совершенно по византійски, самодержцемъ русской земли (христ. стр. 196). Такъ съ другой стороны слово рабъ, которое видѣли мы въ житіи Ѳеодосія, вошло и къ Іакову: говоря о междоусобіяхъ братьевъ отца своего, Борисъ замѣчаетъ, что ничего они не пріобрѣли оттого, все съ ними же и исчезло, и не было помощи имъ ни отъ кого, ни отъ имѣнія, ни отъ множества рабовъ

---

[1]) Макарія, И. Р. Ц., II, 114—116.

(христ. 197). И съ тѣхъ поръ это не человѣческое и не христіанское слово надолго закрѣпилось въ нашей литературѣ. — Но тотъ-же Іаковъ является истиннымъ гражданиномъ Русской земли и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-убѣжденнымъ христіаниномъ, когда междоусобіямъ, уже разыгрывавшимся въ его время, противополагая братскую любовь Бориса и Глѣба, восклицаетъ невольно: се коль добро и коль красно, еже жити братома вкупѣ! или когда молитвенно обращается къ нимъ: усобныя брани чужя ны сътворите! — Въ повѣствованіи о чудесахъ замѣчательно у него освобожденіе князьями мучениками изъ тюрьмы двухъ человѣкъ, безвинно туда заключенныхъ в. княземъ (стр. 199). Взятое, безъ сомнѣнія, изъ изустныхъ народныхъ сказаній, оно свидѣтельствуетъ о томъ, что князья мученики сдѣлались для народа защитниками всѣхъ, неправо обидимыхъ и гонимыхъ. Съ памятью Бориса и Глѣба тѣсно связывалась память отца ихъ, св. Владиміра, просвѣтителя земли русской. И вотъ вторымъ сочиненіемъ черноризца Іакова было житіе Владиміра и похвала ему (въ послѣдней съ чувствомъ благодарности вспоминается и Ольга).

Но кто же именно былъ этотъ черноризецъ Іаковъ, и что извѣстно намъ объ его жизни? Извѣстно только то, что онъ былъ современникъ Өеодосія и духовный отецъ князя Изяслава. Отъ Іакова дошло до насъ и посланіе къ этому князю, написанное съ цѣлію ободрить его надеждою на прощеніе грѣховъ, въ которыхъ раскаявался Изяславъ. Это слово служитъ опять доказательствомъ той христіанской смѣлости, съ какою наша древняя церковь говорила правду земнымъ владыкамъ: «одно имя великое не введетъ въ царство небесное», пишетъ Изяславу Іаковъ. И вообще его посланіе дышетъ вполнѣ христіанскимъ духомъ: любить ближнихъ, говорится въ этомъ посланіи, вотъ главное; — кто любитъ Бога, тотъ прежде возлюбитъ свою братію — не какими либо чудесами, а только взаимною любовію другъ къ другу, какъ сказывалъ Господь, мы можемъ доказать, что мы его ученики. «Впрочемъ, замѣчаетъ Іаковъ, если ты хочешь и чудеса творить по примѣру апостоловъ, и это возможно. Они врачевали хромыхъ, изцѣляли сухорукихъ; а ты храмлющія въ вѣрѣ научи и ноги текущихъ на игрища обрати къ церкви, руки изсохшія отъ скупости, сдѣлай простертыми на подаяніе нищимъ.» [1])

Не многимъ болѣе, чѣмъ о жизни Іакова, знаемъ мы о жизни другаго инока, который былъ еще болѣе замѣчателенъ, какъ писатель историческій. Незадолго до кончины Өеодосія (1074 г.) поступилъ онъ въ печерскую обитель; а такъ какъ онъ поступилъ въ нее 18-ти лѣтъ, то

---

[1]) Мак. И. Р. Ц., т. II, стр. 121 и 122. Вполнѣ это слово помѣщено у него въ прим. 284-мъ ко II тому.

долженъ былъ родиться около 1056—57 г. Это былъ Несторъ. Его дѣятельность относится уже, стало быть, въ послѣдней четверти XI в., и даже къ самому началу XII-го: онъ умеръ въ 1114 г.

Подобно Іакову, Несторъ началъ свою литературную дѣятельность сказаніемъ о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Въ повѣствованіи объ ихъ чудесахъ, т. е. во второй части, онъ во многомъ слѣдуетъ Іакову; напротивъ первая часть многимъ отличается отъ сказанія этого писателя. Несторъ начинаетъ очень издалека — грѣхопаденіемъ человѣка и его искупленіемъ; потомъ говоритъ о распространеніи христіанства по всей землѣ, о томъ, какъ проникло оно въ землю русскую, и такимъ образомъ уже переходитъ къ Владиміру, а отъ него къ Борису и Глѣбу. Далѣе онъ распространяется объ ихъ житіи (тогда какъ у Іакова говорится преимущественно объ ихъ кончинѣ.) Въ сказаніи Нестора, также какъ и у Іакова, встрѣчаются длинныя рѣчи, сочиненныя авторомъ въ духѣ тѣхъ лицъ, которыя ихъ говорятъ. Есть и эпическія заимствованія изъ житій; сюда, кажется, слѣдуетъ отнести нежеланіе Бориса вступить въ бракъ и рѣшимость на то единственно въ угоду отцу (стр. 201) — черта, приписываемая во многихъ житіяхъ многимъ подвижникамъ. Есть и нѣкоторые заимствованные обороты, на прим. если бы мы захотѣли исчислить всѣ чудеса святыхъ, то вышло бы цѣлое беремя книгъ (сравни съ концомъ евангелія отъ Іоанна). Въ числѣ чудесъ упоминается одно, заимствованное, можетъ, быть, изъ народныхъ сказаній. Это объ одной вдовѣ, которая жестоко наказана князьями мучениками за то, что осмѣлилась въ день ихъ памяти не пойти въ церковь, имѣя, по бѣдности, множество дѣла дома. (стр. 204 и 205) ([1] Въ началѣ повѣствованія о чудесахъ замѣчательно упоминовеніе о народной вѣрѣ въ огонь, горящій на томъ мѣстѣ, гдѣ зарытъ кладъ (стр. 203-204). Заключеніе отличается тѣмъ же превознесеніемъ братской любви князей, что и у Іакова, а равно и указаніемъ на княжескія междуусобія (стр. 205). Такъ и въ лѣтописномъ разсказѣ о томъ же: коль добро и коль красно, еже жити братома въкупѣ (стр. 238). Если же вообще сличить между собою лѣтописный разсказъ, сказаніе Нестора, и народный стихъ о Борисѣ и Глѣбѣ, то окажется, что лѣтописный разсказъ носитъ на себѣ характеръ строго - историческій (передаетъ дѣйствительно бывшее, истинное, безъ всякаго почти старанія дорисовывать, до-

---

[1]) „На Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися" (т. е. не жни)—до сихъ поръ говорится въ народѣ, при чемъ вѣрятъ, что въ противномъ случаѣ гроза сожжетъ сложенные снопы. Сходное повѣрье соединяется съ Ильнымъ днемъ и днемъ Маріи Магдалины (22 Іюля). Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ христіанскими именами только замѣнены первоначальныя миѳическія существа. (Афанасьева, Поэтич. Воззр. Славянъ, 479, 482, 486).

пояснять при помощи воображенія); Несторово сказаніе представляетъ нѣчто среднее между исторіею и поэзіею, родъ исторической повѣсти; народный же стихъ есть уже вполнѣ поэзія былевая, пересоздавшая образы Бориса и Глѣба сообразно съ господствовавшими идеалами народной фантазіи. [1]) Съ книжными сказаніями о Борисѣ и Глѣбѣ пѣвцы народные мало были знакомы; въ стихахъ совершенно другое. Самыя обстоятельства смерти князей переиначены. Они ѣдутъ къ Святополку вмѣстѣ, убиты въ одно и тоже время. Измѣненъ и характеръ мучениковъ. Іаковъ и Несторъ подъ вліяніемъ хорошо имъ извѣстныхъ житій, въ которыхъ мученики всегда сами жаждутъ мученіемъ заслужить вѣнецъ у Бога, отчасти придали эту жажду и Борису и Глѣбу; показавъ въ тоже время борьбу этой жажды въ ихъ юныхъ сердцахъ со страхомъ смерти. Народный стихъ выражаетъ исключительно одинъ страхъ, и заставляетъ князей-мучениковъ на колѣняхъ просить пощады у брата. Кромѣ того, гибель юныхъ князей народнымъ пѣвцамъ представлялась только несчастіемъ, а несчастіе по старому, еще языческому воззрѣнію, всегда бываетъ наказаніемъ за какую нибудь вину. Въ нашемъ стихѣ народъ еще совершенно вѣренъ этому воззрѣнію, прямо противоположному христіанству, которое указало на незаслуженность и славу страданій. Борисъ и Глѣбъ гибнутъ; въ народной же поэзіи гибель по большей части угрожаетъ тому, кто не слушался предостерегающаго голоса отца съ матерью; — вотъ и гибель Бориса и Глѣба народъ представилъ слѣдствіемъ того же непослушанія. Впрочемъ ихъ непослушаніе матери есть только слѣдствіе любви къ отцу, желанія быть на его поминкахъ — единственная черта, въ которой фантазія народная согласна съ историческимъ характеромъ Бориса и Глѣба. Другія ихъ качества, — любовь другъ къ другу, нежеланіе нарушить права старшаго брата, нежеланіе для собственнаго спасенія подвергать опасности другихъ, умѣнье прощать убійцъ — все качества христіанскія, — ни мало не усвоены воображеньемъ народа въ нашемъ стихѣ. Что убитые братомъ князья — христіанскіе мученики, это видно въ стихѣ только изъ того, что къ тѣламъ ихъ стали притекать и служить молебны православные христіане. Но если народъ не умѣлъ воспроизвести христіанскія качества Бориса и Глѣба — такъ ярко и съ такою чистою любовію выставленныя въ литературныхъ произведеніяхъ Нестора и Іакова, то онъ вполнѣ умѣлъ раздѣлять отвращеніе этихъ писателей къ князю-убійцѣ: пораженное его злодѣяніемъ воображенье народа выразило ужасность

---

[1]) Разногласіе между сказаніемъ Нестора и лѣтописнымъ разсказомъ о Борисѣ и Глѣбѣ служитъ однимъ изъ доказательствъ, что только часть лѣтописи, а не вся она цѣликомъ, могла быть составлена Несторомъ. См. Лекціи по р. исторіи Н. И. Костомарова, I, стр. 28 и 29).

его въ слѣдующемъ, вполнѣ самобытномъ, народному творчеству принадлежащемъ образѣ: (христ. стр. 240).

Ссылаетъ Господь своихъ ангеловъ
Со копіемъ со вострымъ,
Повелѣлъ господь земли подрѣзати,
Подрѣзати и потрясати;
И они землю подрѣзали,
Подрѣзали и потрясали;
Земля съ кровью смѣшалася,
Вся вселенная ужаснулася,
Словно въ синемъ морѣ волны всколыхалися;
Онъ думалъ, злодѣй, рай растворился,
Анъ самъ сквозь сырой земли провалился.

Но всего замѣчательнѣе въ нашемъ стихѣ, и опять вполнѣ принадлежитъ стиху, — способъ, какъ объясняетъ онъ злодѣяніе Святополка. Убійца, по понятію народному,

Въ умѣ своемъ разумѣ смѣшался,

т. е. злодѣянія, по понятію народа, всегда совершаются не въ здравомъ умѣ, такъ что безнравственность есть въ тоже время безуміе. [1])

Но именно при подобномъ воззрѣніи народномъ, а также при всѣхъ тѣхъ другихъ, намъ знакомыхъ уже, сторонахъ славянской природы, столь, повидимому, подготовленной къ христіанству, чѣмъ же объяснить то, что народнымъ стихамъ о Борисѣ и Глѣбѣ рѣшительно осталась чужда высокая христіанская мысль братолюбія, развитая въ писаніяхъ Іакова и Нестора! [2]) Основы славянской народности и христіанства какъ бы не узнавали другъ друга, между ними какъ бы находилась какая-то третья сила, мѣшавшая такому узнанію. Между тѣмъ нѣкоторые варьянты [3]) стиха о Борисѣ и Глѣбѣ отличаются оборотами церковно славянскими, прямо указывающими на нѣкоторое знакомство на-

---

[1]) Отвращеніе народное къ Святополку выразилось даже утратою въ нашемъ стихѣ его настоящаго имени: казалось бы Святополкъ имя чистое народное, которому не было никакой причины искажаться въ устахъ народа. Но смыслъ этого имени, это указанье на святость въ имени, придаваемомъ убійцѣ, казались народу несообразностью; и вотъ народъ передѣлалъ его—сперва въ „Свѣта" „полка"; потомъ совершенно отброшено было Свѣтъ, а осталось только полкъ, для полноты стиха передѣлывавшееся въ Полохъ, Полхій, Полшій, Апольшій, (въ нѣкоторыхъ варьянтахъ наконецъ—а большій, съ указаніемъ на старшинство Святополка) См. замѣтку г. Безсонова во II ч. Пѣсень Рыбникова, стр. XCIX—C.

[2]) Таже мысль — въ одномъ мѣстѣ апокрифическаго Завѣта Іосифа, гдѣ этотъ патріархъ является такимъ же братолюбцемъ (христ. стр. 240 и 241),

[3]) Безсон. Калики, I т. 651 — 669. Дьяволъ — на стр. 660, 662, 666. Книжно во всѣхъ почти варьянтахъ и слово — рабы (христ. стр. 240).

рода съ источникомъ книжнымъ. Въ этихъ же варьянтахъ попадается иногда и дьяволъ — это любимое лицо нашихъ книжниковъ. Сходенъ наконецъ въ книжныхъ сказаніяхъ и въ стихѣ тотъ огненный столбъ который является на могилѣ мучениковъ: внѣшняя, дѣйствующая на воображеніе, чудесная стихія книгъ сообщалась народу. — Если же возвратиться опять къ отсутствію въ нашемъ стихѣ мысли о братолюбіи княжескомъ, то не объясняется ли оно тѣмъ, что отъ противоположныхъ ему раздоровъ князей народъ дѣйствительно мало терпѣлъ, мало о нихъ заботился? Воевали дружины княжескія, а народъ себѣ зналъ свои вѣча и жилъ по своему. [1])

Послѣ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ написано Несторомъ житіе представителя новыхъ людей земли русской, преподобнаго Θеодосія. Образъ его, начертанный съ величайшимъ усердіемъ рукою горячо сочувствовавшаго ему, инока той же обители, поражаетъ своею ясностію и полнотою, и это произведеніе Нестора принадлежитъ вообще къ лучшимъ сокровищамъ нашей духовной литературы, хотя, какъ уже выше сказано, многое должно быть тутъ прямымъ подражаніемъ византійскому, между прочимъ и образъ матери Θеодосія. Во всякомъ случаѣ замѣчательно мастерство, съ какимъ, при всей суровости и своенравіи ея въ обращеніи съ сыномъ, тутъ выказана и любовь къ нему. Съ такою же полнотою и выпуклостью обрисованы тутъ и другія проявленія той борьбы между старымъ и новымъ, о которой было сказано выше въ характеристикѣ Θеодосія и печерской обители.

Нестору принадлежатъ еще одинъ трудъ, доставившій ему уже въ старину наименованіе лѣтописца. Лѣтописаніе, т. е. записываніе изъ года въ годъ замѣчательныхъ происшествій, должно было вестись у насъ издавна въ различныхъ мѣстахъ, и при томъ не одними монахами, но и людьми свѣтскими. Въ монастыряхъ велись лѣтописи собственно о событіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ монастырю, также о различныхъ атмосферическихъ и вообще естественныхъ явленіяхъ и т. п. Такого-то рода лѣтопись велъ въ кіево-печерскомъ монастырѣ Несторъ.

Позже стали у насъ составляться своды изъ отдѣльныхъ лѣтописей (какъ монастырскихъ, такъ и свѣтскихъ). Эти своды составляли преимущественно монахи, какъ наиболѣе книжные люди того времени. Такіе своды требовали уже продолжительной предварительной работы, добросовѣстнаго собиранія матерьяловъ со всѣхъ сторонъ. Такого рода сводъ былъ составленъ у насъ и доведенъ до начала XII в. (1110 г.),—кѣмъ

---

[1]) Таково мнѣніе г. Бѣляева (Разсказы изъ русской исторіи, I, 199) «Князья преимущественно грабили частную собственность князей же или ихъ дружинъ, собственность земщины оставалась неприкосновенной»; также 207—9— «княжескія междоусобія не нарушали прежняго внутренняго порядка вещей.»

именно, съ опредѣлительностію трудно сказать, но по нѣкоторымъ даннымъ можно заключать, что игумномъ кіевскаго монастыря св. Михаила, Сильвестромъ. Пользуясь отдѣльными лѣтописями, въ которыя вошли многія изъ устныхъ преданій, составатель дополнялъ ихъ разсказами стариковъ-очевидцевъ, свѣдѣніями, почерпнутыми изъ подробныхъ историческихъ сочиненій объ отдѣльныхъ лицахъ, каковы сказанія Іакова о Владимірѣ, о Борисѣ и Глѣбѣ, разсказъ объ ослѣпленіи князя Василька, составленный свящ. Васильемъ, и т. п. Въ сводѣ мы находимъ и такіе памятники, какъ договоры Русскихъ съ Греками, какъ поученія преподобнаго Ѳеодосія, и т. д. Кромѣ источниковъ, найденныхъ у себя дома, составитель имѣлъ подъ руками и источники не русскаго происхожденія, съ которыми онъ могъ познакомиться по славянскимъ переводамъ, по всей вѣроятности перешедшимъ къ намъ изъ той же Болгаріи, такъ щедро надѣлявшей насъ умственными сокровищами въ тѣ древнѣйшія времена. Впрочемъ многое изъ не русскихъ источниковъ могло быть вставлено уже въ отдѣльныя лѣтописи, которыми пользовался составитель свода, и вмѣстѣ съ ними перейти въ его сводъ. Изъ книгъ священнаго писанія почерпнутъ составляющій вступленіе въ лѣтопись разсказъ о столпотвореніи вавилонскомъ и о разселеніи по землѣ народовъ, изъ нихъ же почерпнуты различные тексты, которыми, при каждомъ удобномъ случаѣ, пересыпался у насъ лѣтописный разсказъ. Изъ Палеи (которая старалась опровергать не только іудеевъ, но и магометанъ) заимствованы разные, приписываемые магометанамъ обычаи: изъ нея же взяты многія подробности о событіяхъ ветхозавѣтныхъ, вошедшія въ то пространное изложеніе священной исторіи, которымъ проповѣдникъ греческій отвѣчаетъ въ лѣтописи на вопросъ Владиміра: «чесо ради Богъ сниде на землю? [1]) Тотъ символъ вѣры, который сообщаютъ Владиміру послѣ крещенія, въ сокращенномъ видѣ заимствованъ лѣтописью изъ исповѣданія вѣры греческаго писателя Михаила Синкелла. Свѣдѣнія о славянскихъ первоучителяхъ Кириллѣ и Меѳодіѣ почерпнуты изъ житій ихъ, писанныхъ на славянскомъ языкѣ и приписываемыхъ ученику Кирилла, Клименту Болгарскому. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ народахъ древняго міра почерпнуты изъ византійской хроники (лѣтописи) Георгія Амартола (писателя 9 в.), на котораго и ссылается самъ составитель лѣтописнаго свода, или же лѣтописецъ, которымъ онъ въ этомъ мѣстѣ пользовался —ссылается, говоря: «глаголетъ Георгій въ лѣтописаніи» и т. д. Наконецъ нѣкоторыя свѣдѣнія (о народахъ, будто бы заключенныхъ въ горы

---

[1]) Г. Срезневскій полагаетъ, по той древности языка, какою отличается это изложеніе, и по сходству его съ древними хрониками греко-византійскими, что оно было дѣйствительно извѣстно Владиміру (Изв. А. Н., X, i, 9).

Александромъ Македонскимъ) заимствованы въ лѣтописи изъ другаго византійскаго сочиненія: «предсказанія о послѣднихъ временахъ», обыкновенно приписываемаго Меѳодію Патарскому. [1])

При такомъ, значительномъ для того времени, количествѣ матеріаловъ, которымъ пользовался составитель, нельзя не подивиться тому, что онъ умѣлъ съ ними совладать, умѣлъ ихъ связать такимъ образомъ, что его лѣтопись не представляется какимъ-нибудь сборникомъ разрозненныхъ и отрывочныхъ статей, а напротивъ отличается замѣчательнымъ единствомъ. Конечно, это не болѣе какъ лѣтопись, т. е. событія разсказываются въ ней изъ года въ годъ, важныя и неважныя, одни подробно, другія очень коротко, нѣкоторые годы просто выставляются, безъ всякаго обозначенія событій [2]), однимъ словомъ, связь, по видимому, чисто внѣшняя. Но если внимательнѣе вглядѣться въ лѣтопись, то замѣтимъ въ ней и связь внутреннюю: съ самаго начала лѣтопись какъ бы готовитъ насъ къ тому великому событію въ нашей жизни, которое было особенно дорого лѣтописцамъ — не даромъ на первыхъ же страницахъ приводится предсказаніе Андрея Первозваннаго о благодати, которая должна возсіять на горахъ кіевскихъ... Съ особенною любовію отзывается лѣтопись о двухъ варягахъ — мученикахъ, объ Ольгѣ послѣ крещенія; наконецъ всего подробнѣе и съ величайшимъ жаромъ говорится въ ней о крещеніи Руси. Это событіе составляетъ въ нашей лѣтописи главное, все предыдущее служитъ только подготовленіемъ къ нему, все послѣдующее — только выводъ изъ него слѣдствій. Такъ особеннымъ сочувствіемъ лѣтописи пользуются послѣ владиміра Борисъ и Глѣбъ, болѣе всѣхъ другихъ усвоившіе себѣ христіанскую вѣру; предме-

---

[1]) См. Сухомлинова, о древней русской лѣтописи (въ 3 т. Ученыхъ Записокъ Акад. Наукъ). Въ этомъ сочиненіи вся древнѣйшая лѣтопись приписывается еще Нестору; доказательства противъ этого, въ пользу существованія у насъ издавна не только пасхальныхъ таблицъ, но и цѣлыхъ отдѣльныхъ лѣтописей, въ пользу существованія между ними и свѣтскихъ, наконецъ въ пользу составленія изъ нихъ свода Сильвестромъ — въ Лекціяхъ по русской исторіи Н. И. Костомарова. Спб. 1861 г. часть I стр.20—32. Ср. Срезневскаго древніе памятники русскаго письма и языка (изв. А. К. Наукъ, X, I, стр. 8-9, 17, 21, 31. Объ устной стихіи въ лѣтописи — Сухомлинова, о преданіяхъ въ древней русской лѣтописи (Основа 1862 г.) См. также Срезневскаго, Чт. о древн. лѣтоп. (Зап. А. Н. II, прил. 4-ое, стр. 17).

[2]) Эти пустые годы въ лѣтописи показываютъ, что первоначальные лѣтописцы, которыми пользовался составитель, въ свою очередь пользовались прежде всего такъ называемыми пасхальными таблицами. На этихъ таблицахъ обозначалось изъ года въ годъ, въ которыхъ числахъ должна прійтись пасха; противъ каждаго года оставалось пустое мѣсто, которое и замѣщали иногда краткими лѣтописными отмѣтками о событіяхъ, почему либо особенно поражавшихъ современниковъ. Иногда же нѣсколько лѣтъ сряду ничего не записывалось и мѣсто оставалось пустымъ. А первоначальные лѣтописцы переносили въ себѣ и эти пустые годы.

томъ же особенной ненависти становится Святополкъ — этотъ отступникъ отъ христіанства своими поступками. Но лѣтопись ненавидитъ Святополка именно какъ отступника, какъ человѣка, отъ котораго можно бы требовать христіанскихъ понятій, христіанской жизни. На князей нашихъ до крещенія она не смотритъ особенно неблагосклонно потому только, что они были язычники. Конечно, сочувственные разсказы о смѣлости и прямотѣ Святослава, о кроткихъ и чистыхъ нравахъ Полянъ и т. п., по всей вѣроятности заимствованы составителемъ изъ лѣтописей, веденныхъ людьми свѣтскими. Но много значитъ уже и то, что составитель-монахъ не передѣлалъ этихъ сочувственныхъ разсказовъ; значитъ, онъ не былъ чуждъ терпимости. А именно въ этихъ разсказахъ-то и сквозитъ тотъ устный источникъ, о которомъ уже было замѣчено выше. Будучи устнымъ, онъ, однако же, не общенародный, а принадлежащій только извѣстному слою въ народѣ—дружинѣ [1]). При томъ же это не та дружина, которую видѣли мы въ былинахъ, не та оборонительная сила земская, которая подвизалась не за одно какое нибудь лицо, но за всю русскую землю. Это дружина, служащая уже не общему дѣлу, а лицамъ—различнымъ князьямъ, лично имъ, служащая изъ-за добычи воинской, иной разъ, своею жаждой корысти, доводящая князя до гибели (какъ доведенъ былъ до нея Игорь, впрочемъ и самъ преисполненный корыстолюбія), а иной разъ зато готовая съ княземъ терпѣть и нужду, за князя сложить свою голову,—но опять таки за него, своего господина-кормителя, изъ-за личныхъ выгодъ его, хотя бы и противныхъ выгодамъ русской земли, хотя бы вдали отъ нея, подъ стѣнами города завоеваннаго, отдаленнаго, только себялюбіемъ князя-дружинника почитаемаго за среду земли его (слова Святослава о болгарскомъ Переславцѣ).

Съ тѣхъ поръ какъ, съ призваньемъ князей, завелась у насъ и эта дружина служилая,—новая, неславянская, сбродно-варяжская (съ преобладаніемъ германизма) стихія стала сказываться въ нашей жизни. Она вливалась къ намъ довольно сильной струею съ сѣвера, между тѣмъ какъ съ юга вторгалась другая стихія, та, къ благотворной христіанской стихіи примѣшавшаяся византійская, которая во многихъ отношеніяхъ оказывалась «враждебною характеру свободныхъ людей,» требовавшею во многомъ того, «что̀ въ русскомъ обществѣ считалось противнымъ и унизительнымъ.» [2]). И стихія варяжско-дружинная была во многихъ отно-

[1]) Взглядъ этотъ прекрасно развитъ г. Стоюнинымъ (о препод. Р. Литер.). Объ устныхъ преданіяхъ въ лѣтописи см. также въ чтеніяхъ И. И. Срезневскаго (Зап. А. Н. II, прил. 4-ое, стр. 21—31).

[2]) Бѣляева, Разсказы изъ Р. Исторіи, I, 208 — 209.

шеньяхъ противна славянскимъ понятіямъ; — въ ней свобода понималась въ особенномъ, личномъ (не общинномъ) смыслѣ, ею пролагался путь къ превмуществамъ, нарушавшимъ земское равенство. Но все же это была стихія въ своемъ родѣ свободная, свѣжая, полная силъ, а потому она и прививалась скорѣе и легче къ нашимъ славянскимъ нравамъ, чѣмъ старческая, хотя и живучая, стихія греческо-византійская. И вотъ даже въ былинахъ нѣкоторые изъ богатырей являются во главѣ дружины, служащей имъ лично (какъ варяжская дружина). Такимъ личнымъ дружинникомъ является иногда даже самъ Добрыня, не смотря на свое братство съ чисто-земскимъ богатыремъ Ильей Муромцемъ, и соотвѣтственно своему родству съ Владиміромъ-княземъ. (Кир. II, 50). И у другихъ богатырей кіевскихъ оказывается порою—то паробокъ (малый, слуга), то дружина; не говоря уже о тѣхъ, которые, какъ мы выше видѣли, носятъ даже по преимуществу чуждый характеръ: ни о Чурилѣ, котораго дружина такъ вредитъ земству кіевскому, ни о заѣзжемъ богатырѣ Дюкѣ, этомъ бояринѣ, какъ называютъ его былины, который ѣдетъ со своею дружиной боярскою, чтобы со честнымъ народомъ вольно-кіевскимъ погоститися; [1]) ни о заѣзжемъ торговомъ богатырѣ, такъ и глядящемъ варягомъ, Соловьѣ Будиміровичѣ, который называетъ свою дружину — своими людьми работными [2]). Изъ всѣхъ богатырей нашего народнаго эпоса совершенно свободнымъ и отъ малѣйшей тѣни вліянія этой чуждой, господской стихіи, является собственно только одинъ, но зато первенствующій, и, при всемъ своемъ первенствѣ, не желающій барствовать—чистый, безпримѣсный славянинъ Илья Муромецъ.—Противоположность туземной славянской стихіи съ пришлой варяжскою выдается въ словахъ Деревлянъ Ольгѣ, отмѣченныхъ лѣтописью, на основаніи, конечно, народныхъ преданій (христ. стр. 219). «Наши князья добры, пекутся о нашей землѣ, какъ добрые пастухи, твой же мужъ, словно волкъ, только и зналъ, что грабилъ».—А между тѣмъ Древляне представляются съ другой стороны еще однимъ изъ грубѣйшихъ племенъ славянскихъ, и дѣйствительно прямой отзвукъ безчеловѣчной поры насильственнаго захвата невѣсты слышится въ ихъ словахъ: «возмемъ жену (убитаго) Игоря за князя нашего Мала». — Но не менѣе безчеловѣчна и та чисто-германская, и въ историческія времена сохранявшаяся, обязанность мести, которой представительницею является Ольга, эта вторая Кримгильда въ отношеньяхъ ея къ Древлянамъ. Лѣтописное

---

[1]) Въ цѣлоѣ былинѣ проведено противопоставленіе этого по славянски вольнаго города-села Кіева боярину-крупному собственнику съ его боярской брезгливостью.

[2]) Рыбн. II, 130 — 133. I, 319, 322 — 3, 326 — 7. II, 186—7. III. 188. Кир. IV, 101, 103.

повѣствованіе объ ея мести (христ. 219—22) носитъ рѣшительно баснословный характеръ преданія устнаго, но не славянскаго, а сложившагося въ варяжской дружинѣ [1]).—Занимая столь важное мѣсто въ народномъ эпосѣ и у Германцевъ, и у другихъ народовъ, начало мести именно въ нашемъ русскомъ и не имѣетъ почти никакого значенія, проглядывая развѣ въ нѣкоторыхъ варьянтахъ былины о боѣ Ильи съ сыномъ, да въ былинахъ о Хотенѣ Блудовичѣ. [2]) Въ этихъ послѣднихъ слышится, можетъ быть, и историческое воспоминаніе о событіи, совершившемся у насъ на Руси—но также между варягами. Я разумѣю тотъ отказъ Владиміру въ рукѣ Рогнѣды, котораго слѣдствіемъ было убіеніе имъ отца ея и насильственный бракъ его съ нею (П. С. Р. Л. I, стр. 32). Но лѣтопись, повѣствуя объ этомъ, опять на основаніи варяжскихъ дружинныхъ сказаній, передаетъ еще и заключительное звено — попытку Рогнѣды въ свою очередь отомстить Владиміру. Съ именемъ этого князя до его обращенія къ христіанству въ лѣтописи соединяется и вообще много кроваваго; онъ является центромъ цѣлой безчеловѣчной драмы, которой основная страсть — опять месть. Начинаясь съ подстрекательства Ярополка Свѣнельдомъ противъ Олега Древлянскаго, убившаго сына Свѣнельдова, она кончается убіеніемъ самого Ярополка Владиміромъ. Но важна и основная причина всей этой чисто варяжской драмы, — о которой можно, по крайней мѣрѣ, догадываться по повѣствованію лѣтописному. Сынъ Свѣнельда, выѣхавъ изъ Кіева, дѣлалъ ловы въ лѣсу; увидѣлъ его Олегъ, и спросилъ: кто это? Сказали ему: «Свѣнальдичъ.» Поѣхалъ Олегъ, и убилъ его, ибо самъ тогда ловы дѣлалъ.»—(П. С. Р. Л. I, 31). Разсказъ Лѣтописца не ясенъ, но если вникнуть въ основныя черты германскаго быта, въ то развитье у Германцевъ личности, которое сказалось и широкимъ развитіемъ личнаго права собственности, то ясно будетъ, что Свѣнальдичъ заѣхалъ въ чужіе лѣса, охотился тамъ, гдѣ право на охоту принадлежало не ему, а Олегу [3]); если же лѣтописецъ со всею ясностію не передалъ этого, то именно потому, что, получивъ

---

[1]) О норманской стихіи въ нашемъ преданіи объ Ольгѣ см. Мангардта Germ. Mythen, стр. 39. Г. Ешевскій прямо видитъ въ Ольгѣ Норманку (Вѣстн. Европы 1866 г., I, стр. 232).

[2]) Что касается мести въ законоположеніи „Русской Правды“ то г. Ланге объясняетъ ее, какъ проявленіе свойственнаго всѣмъ первобытнымъ обществамъ самосуда. Мы „не видимъ, говоритъ онъ, твердыхъ основаній въ догадкахъ о господствѣ въ древней Руси кровавой мести, какъ священнаго, непремѣннаго долга родственниковъ убитаго. Кровавая месть могла обнаруживаться у насъ, какъ одно изъ выбранныхъ произвольно обиженнымъ удовлетвореній по своему праву самосуда, но не какъ необходимое, опредѣленное требованіе народнаго обычая мстить противъ воли убійствомъ за убійство... (Ланге, объ уголовномъ правѣ Русской Правды, 96).

[3]) Ср. Соловьева, Истор. Россіи I, 142.

это свѣдѣніе изъ варяжскихъ преданій, не понялъ его, и не могъ понять, такъ какъ при славянской общинности не легко могло уложиться въ голову это внесеніе даже въ лѣса—частнаго личнаго права. Такимъ образомъ натура славянская сказалась въ немъ тутъ, тогда какъ вообще онъ передаетъ болѣе сказаній варяжскихъ, чѣмъ чисто народныхъ, славянскихъ: по всей вѣроятности, вслѣдствіе сближенія книжныхъ духовныхъ людей по преимуществу съ представителями дрижины,—а въ ней вѣдь преобладала стихія варяжская. — Напротивъ въ народную память разсказы варяжскихъ дружинниковъ о мести и разныхъ кровавыхъ подвигахъ глубокихъ корней не пустили: вся эта кровавая драма вокругъ Владиміра въ народномъ эпосѣ не сказалась, — кромѣ того былиннаго намека на паденіе съ моста Олега древлянскаго, о которомъ замѣчено было выше, да нѣкоторыхъ былинныхъ намековъ на захватъ Владиміромъ княземъ невѣстъ, и при томъ чужихъ (Рыбн. I, 145). Зато вообще, германски понимаемое, право личности, т. е. такого простора ея, который прямехонько переходитъ въ захватъ, до извѣстной степени сообщалось, какъ мы отчасти уже и видѣли, и нашему народному эпосу. Заводились въ Кіевѣ личности, которыя, при помощи имъ служащей дружины,

> Стали по Кіеву уродствовати,
> Лукъ-чеснокъ весь повырвали,
> Бѣлую капусту повыломали,
> Старыхъ-то старухъ обезвѣчили, и т. д.
> Бьютъ челомъ князю всѣмъ Кіевомъ:
> Дай, государь свой праведный судъ!" [1].

Но эта личность (Чурила Пленковичъ) при помощи своихъ напроказившая такъ сильно, находитъ средство оградить себя отъ суда — пробуждая и въ князѣ то чувство личной выгоды, на которомъ зиждется весь дружинный бытъ. Владиміръ дѣйствительно оказывается тутъ именно княземъ-дружинникомъ, а не народнымъ праведнымъ судьею; онъ тутъ — прямой преемникъ Олега, добывшаго Кіевъ коварствомъ и кровію (христ. стр. 216), Игоря, примучившаго, подобно волку, Древлянъ (стр. 218—19); Ольги, изведшей цѣлые сонмы людей изъ-за одного, и притомъ неправаго, человѣка, а на тѣхъ, которые уцѣлѣли, наложившей тяжкую дань (стр. 221); Святослава, искавшаго чужой земли, а о своей не пекшагося, Святослава, котораго возвратить въ землю русскую можно было только напоминаньемъ о матери, а не о русской землѣ (стр. 224). Владиміръ тутъ, сверхъ того, дружинный князь въ чисто германскомъ

[1]) Рыбн. III, 121.

духѣ, томъ духѣ, который породилъ и кроваво-корыстнаго Атли, и зиждущееся на чувствѣ добычи сказаніе о Вальтерѣ Аквитанскомъ, и даже позднѣйшую, до уничиженія корыстолюбивую личность былеваго Карла Великаго [1]). Мы уже видѣли, впрочемъ, способность Владиміра-князя обзариться на имѣнье-богачество; — вотъ этою-то страстью и пользуется Чурила, чтобы удержать его отъ праведнаго суда:

Бралъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Многія пары лисицъ да куницъ:
Подарилъ онъ князю Владиміру.

Впрочемъ корыстолюбіе, какъ бы подъ вліяніемъ княжескаго примѣра сообщается въ нашей былинѣ и остальнымъ людямъ:

Бояръ-то дарилъ да все лисками,
Купцовъ-то дарилъ все куницами,
Мужиковъ-то дарилъ золотой казной.
Говорилъ-де Владиміръ таково слово:
Хоть и много на Чурила было жалобщиковъ.
А побольше того челомбитчиковъ:
А теперь на Чурила я суда-де не дамъ.

По другому же варьянту князь одинъ со княгинею принимаетъ дары:

Больно съ княгинею возрадовалися...
«Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить,
Въ Кіевѣ жить, князю служить [2]).

Съ такимъ же удовольствіемъ принимаетъ Владиміръ подарки отъ богатаго гостя Соловья Будиміровича; въ одномъ изъ варьянтовъ, какъ бы при самомъ входѣ его уже чуя въ немъ человѣка денежнаго, князь встрѣчаетъ его съ униженіемъ [3]). Неудивительно, ежели при такихъ наклонностяхъ князя-дружинника (какая противоположность въ нихъ съ наклонностями земскаго богатыря Ильи!), такъ сильно боится посылаемыхъ имъ оцѣнщиковъ Дюкъ Степановичъ (и прибѣгающій при этомъ за помощію къ безсребренному Ильѣ).—Уваженье Владиміра къ имѣнью-богачеству слышится и въ томъ условіи,[4]) какое заключается имъ въ одной

---

[1]) Rassmann D.Heldensage I, 187, 238.—J. Grimm u. A Schmeller, Lat. Ged. des X u. XI Ihr., 83 etc. Les Anciens poétes de la France, VI, 23, 24; XI. VIII. VII, 60, 160 etc.— О нравств. стих. въ поэзіи, 119 и слѣд.

[2]) Кир. IV, 79, 84.

[3]) Рыбн. I, 321. Ср. тамъ 399. II, 189, 190, 195. Кир. IV, 102.

[4]) Рыбн. I, 309—11.

побывальщинѣ съ Юнкою (испорчено изъ Дюка): «у кого изъ насъ животовъ больше? буде у меня больше, такъ я у тебя на вѣкъ слуга». — Въ лѣтописи же забота объ имѣніи, иманіи, наложеніи и сборѣ дани, получки составляетъ одну изъ главнѣйшихъ принадлежностей первыхъ князей съ ихъ дружиною. И съ кого бы ни взять — все равно. Такъ Добрыня въ лѣтописи, полагая, что отъ людей въ сапогахъ (т. е. богатыхъ, а потому, вѣроятно, и сильныхъ, умѣющихъ за себя постоять) дани не вынудить, совѣтуетъ князю итти на лапотниковъ—т. е. на бѣдный народъ, который такимъ образомъ поплатится и послѣднимъ (и въ этомъ опять такъ и слышится преданіе устное, но варяжско дружинное—христ. стр. 227). Взглядъ же самого Владиміра на дружину, какъ на орудіе для добыванія золота, высказывается въ знаменитыхъ словахъ, приписываемыхъ ему лѣтописью: «дружиною налѣзу сребро и золото, яко же дѣдъ мой и отецъ мой доискася злата и сребра;» что же касается словъ, приписываемыхъ ему нѣсколько выше: «яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины» (христ. стр. 234), — то въ нихъ можетъ заключаться только указанье на трудность добытія хорошей дружины— хотя бы и множествомъ золота, а что всякая дружина именно и шла на него, т. е. на добычу, то это ясно изъ всѣхъ, соотвѣтственныхъ мѣстъ лѣтописи. — Замѣчательно, что взглядъ сходный со взглядомъ Владиміра, приписывается въ Новгородскихъ былинахъ Садку богатому гостю: «у насъ на Руси булатъ дороже злата, потому что булатомъ злато достаютъ» [1]). Да и вообще начало дружинное, въ чисто варяжскомъ смыслѣ, съ особенною силою проявляется именно въ новгородскихъ богатыряхъ, какъ уже и было у насъ замѣчено. Типъ купца полу-воина, предводителя своей особой дружины, ясно сказывается въ Садкѣ богатомъ съ его послушливою дружиною хороброю, людьми наемными, подначальными [2]). Богатство, а съ нимъ и сребролюбіе оказывается свойственнымъ новгородскимъ богатырямъ. Старики новгородскіе, чтобы убѣдить Матушку Василья Буслаева поунять свое чадо милое отъ проказъ его, накладываютъ ей злата и серебра, и обѣщаютъ каждогодно платить ей дань; съ тою же цѣлію подносятся ими дары старчищу пилигримищу, и, по выраженью былины,

. . . .

На то старчище кидается.

Мать Василья Буслаева сама указываетъ ему на примѣръ отца, позаботившагося пріобрѣсть себѣ то, чѣмъ, по лѣтописному замѣчанью Владиміра, добывается серебро и золото:

---

[1]) Рыбн. III 251. Ср. тамъ же, 245. I, 366.

[2]) Рыбн. I, 363, 367, 377. III, 241, 248, 250. Кир. V, 41.

Не [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] сто рублей,
А [illegible] [illegible] дружину хоробрую.

Вотъ и Васенька добываетъ себѣ такую же. Слѣдствіемъ же выходитъ то, что, когда, послѣ смерти Васильевой, его матушкѣ нечего дѣлать съ дружиною, она въ состояніи сказать ей:

Подите въ погреба глубокіе,
Берите золотой казны не считаючи. [1]

Какимъ средствомъ добыто такое богатство — это особый вопросъ. Въ Васенькѣ вообще проявляется сила, не стѣсняющаяся ни тѣмъ и ни кѣмъ; это настоящая личная сила, существующая лично для себя самой, и другихъ вокругъ себя собирающая на личную службу себѣ, во имя ихъ личной выгоды, и не только безъ всякой мысли о пользѣ общества, но даже прямо во вредъ ему, во вредъ новгородской общинѣ. Совершенно противоположно сдержанной, общинѣ посвященной силѣ Ильи Муромца, который обходится безъ пощади только съ погаными чудищами,— Васенька еще молоденькимъ мальчикомъ забавляется тѣмъ, что, ни за что, ни про что —«кого хватитъ за ногу, рветъ ногу изъ хошлюхъ вонъ, кого хватитъ за головушку, головой вертитъ будто пуговицей»,[2]) рѣшительно напоминая тѣмъ дѣтство германскаго Сигфрида, или кое-какія дѣтскія же проказы героевъ скандинавскихъ сагъ. — Такъ и со своею хороброй дружинушкой, привлеченной заманчивымъ приглашеніемъ:« кто хощетъ пить и ѣсть нагото́ваго, валися къ Васькѣ на широкой дворъ,» такъ и съ этой своею дружиною Васенька занимается вотъ чѣмъ: «какой зайдетъ, убьютъ его, убьютъ, за ворота бросятъ.»—Или потѣшается тѣмъ, что сдѣлаетъ пиръ — яко бы для мужиковъ новогородскихъ, а на самомъ дѣлѣ угощаетъ свою дружинушку, гостей же Новгородцевъ заставляетъ только смотрѣть и, съ голоднымъ желудкомъ, высылаетъ ихъ «въ зашей да въ сутычь.» Когда же они, въ свою очередь сдѣлавъ пиръ, не зовутъ его, то онъ не только насильно врывается къ нимъ со своею дружиною, но и садится на мѣсто большее. Вотъ тутъ-то и бьется онъ объ закладъ побѣдить въ бою цѣлый Новгородъ (см. выше стр. 237 [3]).— Если вѣрно, что въ Васильѣ Буслаевичѣ сказывается уже позднѣйшій типъ новгородскихъ ушкуйниковъ, то и этихъ послѣднихъ нельзя вѣдь считать явленіемъ чисто-славянскимъ, нельзя въ нихъ не видѣть весьма зна-

---

[1]) Кир. V, 21, 22, 32, 33. Рыбн. I, 356. II, 202, 207.

[2]) Рыбн. II, 202.

[3]) Кир. V, 15—17. Рыбн. I, 335—336, 339, 344—346, 353. P. E. Müller, Jagaen bibliottek, I, 64, 83.

чительной примѣси дружинной варяжской стихіи. Василій Буслаевъ слишкомъ противоположенъ богатырямъ кіевскимъ, и если вѣрно, что онъ отражаетъ въ себѣ историческую жизнь Новгорода, то эта послѣдняя никакъ не можетъ быть приводима къ одному историческому знаменателю съ Кіевомъ [1]).

Не зная ни въ чемъ границъ, не останавливаясь ни передъ кѣмъ, что̀ мудренаго ежели Васька не хочетъ остановиться и передъ какою нибудь надписью на загадочномъ камнѣ, надписью, гласящею, что кто захочетъ перескачить его поперегъ, тотъ себѣ сломитъ голову. (Христ. стр. 181). Это только подзадориваетъ его — попытаться перескочить—на зло надписи; въ этомъ случаѣ онъ, по видимому, совершенно напоминаетъ Илью Муромца, также мѣрящагося силами съ предназначеньемъ, съ судьбою. Но что̀ дается Ильѣ, не дается Василью: долго онъ скачетъ благополучно, но подъ конецъ спотыкается и расшибается до смерти. Подобно Василью, безуспѣшно противодѣйствуетъ предназначенной гибели и другой удалецъ новгородскій, Садко-купецъ. Когда, для умилостивленья морскаго царя, рѣшаются бросить ему одного изъ мореходцевъ,—того, чей жребій пойдетъ ко дну: — Садко, желая себя отличить отъ простыхъ дружинниковъ (опять начало новгородское, а не кіевское) дѣлаетъ себѣ, не размысливъ, жребей на красномъ золотѣ, и съ ужасомъ видитъ, какъ оно начинаетъ тонуть, между тѣмъ какъ вольжаные (вольга — дерево) жеребьи дружины всплываютъ. Тогда Садко разомъ рѣшаетъ, что жеребьи эти неправильны; — и понятно: для такой крупно-развившейся личности правильно только то, что ей выгодно и удобно. «Дѣлайте жеребья на красномъ на золотѣ, а я сдѣлаю жеребей вольжаный.» И

---

[1]) Въ своей мастерской характеристикѣ Василья Буслаева и Н. И. Костомаровъ не могъ не сознаться, что „Новгородская свобода подорвала первобытное равенство отношеній" (такъ заключаетъ онъ изъ того, что названные братья Василья являются уже вассалами; что онъ надъ ними старшина, что въ лицѣ ихъ — древнее равенство ниспускается до кліенства). Далѣе, указывая на то, что Василій, внося деньги въ братчину, за себя платитъ вдесятеро болѣе, чѣмъ за каждаго изъ товарищей, г. Костомаровъ замѣчаетъ: «здѣсь тоже видна потеря древняго равенства отношеній: Василій считаетъ себя въ десять разъ выше своихъ побратенниковъ» (Сѣвернорусскія народоправства, II. 129, 132). Удивительно только, какъ многоуважаемый нашъ историкъ при всемъ томъ рѣшается утверждать, будто-бы новгородскіе нравы сохраняли чистоту древнихъ славянскихъ началъ» (стр. 129). Нѣтъ, знаменитая боярско-ушкуйническая вольница новгородская, и «народъ вольно-кіевскій,» — это не все равно!— На особенный характеръ новгородской свободы, между прочимъ на сильное значеніе въ ней боярской стихіи — убѣдительно указалъ И. Бѣляевъ во 2-мъ томѣ своихъ Разсказовъ изъ русской исторіи, носящемъ и отдѣльное названіе: Исторія Новгорода Великаго (см. преимущественно стр. 47, 55, 68, 98) это, безспорно, лучшее сочиненье о Новгородѣ. Очень важны также критическія статьи о «Сѣверно-русскихъ народоправствахъ,» помѣщенныя А. Ѳ. Гильфердингомъ въ лѣтнихъ номерахъ «Дня» 1863 г.

дружина работныхъ, подначальныхъ людей сейчасъ же безпрекословно и повинуется; — не повинуется только та высшая сила, которою рѣшено, что именно Садку-то и пойти ко дну. Сдѣлавъ себѣ жеребій—даже изъ хмѣлева пера, онъ всетаки видитъ его утопающимъ. Тогда его законодательскимъ произволомъ мѣняется и еще разъ рѣшеніе: «чей жребій потонетъ, тому спастись.» И что же, сдѣлавъ себѣ жеребій изъ булата тяжелаго, онъ видитъ и его всплывающимъ поверхъ воды.[1])—Такимъ образомъ оба новогородскихъ богатыря оказываются слабѣе судьбы, рѣшительно походя въ этомъ случаѣ — на варяга Олега Вѣщаго: въ лѣтопись вошло преданье о смерти, заранѣе ему предназначенной отъ его любимаго коня, и сбывшейся въ точности, не смотря на его повелѣнье убить и закопать въ землю это роковое животное (П. С. Р. Л. I, стр. 16). То-же преданіе можно найти и у другихъ народовъ, [2]) при распространенности и вообще вѣры въ непреодолимость судьбы; объ особенной же ясности этой вѣры въ гетманскомъ эпосѣ было уже говорено выше (стр. 218). Если же Илья Муромецъ составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе, то на это, когда посравнишь его съ Васильемъ, съ Садкомъ, и съ различными германскими представителями крупно развившейся личности, окажется вотъ какая причина. Всѣ они, развивая себя, свое я, не знаютъ себѣ преграды ни въ комъ; но преграда оказывается — въ нихъ же самихъ, въ ихъ страсти, которая ихъ цѣликомъ охватываетъ и сѣдлаетъ, изъ подъ власти которой, стихійной, разыгравшейся бурею власти, имъ — непривычнымъ и неумѣлымъ, никогда ужь не выйти на волю. Напротивъ, въ способности Ильи Муромца не укинуться — на красоту ли, на золото ли, все равно — въ этой способности удержу, не-подпаденія страсти — вотъ въ этомъ и вся разгадка его не-подпаденья судьбѣ. Власть же судьбы надъ Садкомъ, надъ Ва-

---

[1]) Кир. V, 26, 30, 32, (А не вѣрую я, Васенька, ни въ сонъ, ни въ чохъ), 42. Рыбн. I, 376. Г. Костомаровъ, передавая состязанье съ судьбою Василья, замѣчаетъ при этомъ: «то и молодецъ, что ничему не покоряется, ничего не боится, вѣруетъ въ одну свою силу!... Новгородская душа не любитъ закона, связывающаго дѣятельность.» А между тѣмъ эта, не любящая его, душа, должна сознаться, что «противъ судьбы устоять невозможно» (Сѣвернорусскія Народоправства, II, 147). Но можно замѣтить, что кіевская душа — какъ мы видѣли на Ильѣ Муромцѣ — напротивъ любитъ законъ, тотъ законъ, который сама на себя налагаетъ, — а между тѣмъ это ни мало не связываетъ ея дѣятельности (связывая только такія привычки, какъ выламыванье ни зà что, ни прò что, рукъ и ногъ), — напротивъ, именно кіевская душа, въ лицѣ Ильи Муромца, и умѣетъ вполнѣ устоять — даже противъ судьбы! — А самъ г. Костомаровъ придаетъ особенную цѣну умѣнью этого рода, когда въ своей «Славянской миѳологіи,» указываетъ на свидѣтельство Прокопія о томъ, что Славяне непреодолимаго рока не знали. (См. выше стр. 218.)

[2]) Г. Сухомлиновъ приводитъ сходную сербскую сказку (см. статью его о Преданіяхъ въ древней Р. Лѣтописи — въ Основѣ 1862 г., стр. 70 и 71.)

сильемъ, и всѣми подобными — это власть ихъ могучихъ страстей, это слабость ихъ нравственной силы!

Въ стараніи Садка отличить себя отъ дружины золотымъ жеребьемъ видно уже начало барства, господства, неминуемо оказывающееся вездѣ, гдѣ крупно развивается личность. И это опять — начало варяжское (не на то ли указывало мѣстечко среднее, выбираемое Ильей Муромцемъ), то-же самое, которое сказалось и въ одномъ дружинномъ преданіи, зашедшемъ въ лѣтопись: о томъ, какъ Олегъ, на возвратномъ пути изъ Царьграда, велѣлъ сдѣлать Руси (варягамъ) паруса шолковые, а Славянамъ (людямъ попроще — хозяевамъ призвавшей Варяговъ земли) простые холстинные. (П. С. Р. Л. I, 13). То-же начало выказывается и въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ — этомъ очевидно варяжскомъ торговцѣ [1]), который, приставая къ берегу, приказываетъ своей дружинѣ: «кидайте вы три сходенки,— первую волжаную, другую серебряну, третью сходню позолоченную.» — «По тыя по сходенки по волжаной сходитъ дружина соловьевая, по тоя по сходенки серебряныя сходитъ соловьевая матушка, по этой по сходнѣ позолоченой сходитъ самъ Соловей Будиміровичъ!» (Замѣчательно это преимущество самому — передъ матерью, государынею по чисто-славянскимъ понятіямъ!) То-же начало наконецъ и въ пріемѣ, употребляемомъ отцомъ Чурилы — также признаннаго выше за варяга-торговца), употребляемомъ при пріѣздѣ къ нему Владиміра: «для князя и для княгини отворяетъ ворота вальящатые, а князьямъ и боярамъ хрустальные, простымъ людямъ ворота оловянные.» [2])

Такимъ образомъ оказывается, что тотъ дружинный эпосъ, слѣды котораго зашли въ лѣтопись, заходилъ извѣстными своими чертами и въ нашъ народный былевой эпосъ. Кромѣ же собственно дружинныхъ сказаній, въ лѣтописи можно замѣтить такія, которыя могли принадлежать и народу, но всякому вообще: преимущественно, своеобразно-славянскаго тутъ не много. Таковы преданья о Кіѣ (христ. стр. 214 — 15), о томъ, какъ Обры примучивали Дулѣбовъ (при этомъ передается и народная притча, т. е. пословица: «погыбоша аки Обри» — стр. 215); о хитрости Ольгиной въ Цареградѣ (стр. 221 — чисто эпическій пріемъ тутъ въ томъ, что Ольга представляется зѣло лицемъ доброю, тогда какъ она

[1]) А. А. Котляревскій видитъ скандинавское начало въ самой внѣшности корабля Соловья Будиміровича, какъ его описываютъ былины. Онъ замѣчаетъ при этомъ, что похожденія русскихъ богатырей «никогда не совершаются на морѣ, но всегда на твердой землѣ, на рѣкахъ.» Наконецъ онъ указываетъ и на вліяніе на жизнь новгородскую «той жажды смѣлыхъ предпріятій и опасностей, какую приносили съ собою заморскіе выходцы.» (Труды Московск. Археол. Общ. I, 86, 91.)

[2]) Рыбн. I, 320, 327. II, 188. III, 189. Кир. IV, 82. Этотъ варяжскій оттѣнокъ зашелъ даже въ одну былину объ Ильѣ Муромцѣ, гдѣ шатеръ его обозначается золотыми кистями (а у другихъ богатырей — попроще.) (Рыбн. I, 117).

уже не могла быть въ ту пору молодою; но эпическія жены не старѣются и вѣчно сохраняютъ свое неизмѣнное прилагательное — прекрасная); о молодомъ Кіевлянинѣ,извѣстившемъ о нашествіи Печенѣговъ воеводу Претича (стр. 223; — упоминаемый тутъ подъ конецъ обмѣнъ оружія между княземъ печенѣжскимъ и Претичемъ напоминаетъ подобный-же обмѣнъ въ Иліадѣ); о предпочтеніи, отданномъ Святославомъ оружію передъ паволоками (стр. 225;—сходное повѣствуется объ Ахиллесѣ); о побѣдѣ Волчьяго Хвоста надъ Радимичами (234). Но надо замѣтить, что сверхъ всего этого — и въ чисто дружинныхъ преданіяхъ лѣтописи оказываются, кажется, черты славянскія, свидѣтельствующія о нѣкоторой степени вліянія туземной стихіи на эпосъ дружинный. Такъ и въ Святославѣ, при всемъ его небреженіи о русской землѣ, все же сказывается въ знаменитое мгновенье опасности подъ Переяславцемъ, память о Руси, умѣніе связать свою дружинную славу съ ея земскою славою: «не посрамимъ земля русскыя,» говоритъ Святославъ (стр. 225). Такъ, можетъ быть, и въ той прямотѣ, съ какою онъ «посылааше къ странамъ, глаголя: хочю на вы ити» (стр. 223) слышится уже что-то славянское. Такъ далѣе во Владимірѣ, при разбирательствѣ разныхъ вѣръ, сказывается земскій славянскій князь — въ совѣщаньи его не съ одною дружиною, но и со старцами (стр. 228). Лѣтописью отмѣченъ онъ и какъ хозяинъ ласковый, творящій пиры людямъ своимъ (стр. 134), хотя далѣе тутъ перечисляются собственно только такіе гости, какъ боляре, гриди, соцскіе, десятскіе и нарочитые мужи, — и ни слова о той стихіи крестьянской, которая въ нашихъ былинахъ такъ полновѣсна своимъ Ильей Муромцемъ. Не менѣе велико и различіе между лѣтописною передачею поединка съ печенѣжиномъ Кожемяки и соотвѣтствующимъ устно-народнымъ сказаніемъ. И лѣтописецъ, очевидно, черпалъ тутъ изъ источника устнаго: эти условія поединка, этотъ выходъ малаго да удалаго противъ великана и побѣда надъ нимъ — все это такъ обычно, такъ повсемѣстно распространено во всенародныхъ преданіяхъ; только собственно славянскаго, своеобразно-славянскаго, въ лѣтописи и тутъ, какъ по большей части, совсѣмъ не оказывается. То ли дѣло въ народномъ сказаніи! Хотя въ немъ, съ одной стороны, историческаго, повидимому, и менѣе, напротивъ того, особливо въ началѣ и въ самомъ концѣ,—чисто сказочная обстановка: замѣна великана змѣемъ, выдача ему на жертву княжны и т. п.; но въ сущности тутъ-то и проявляется далѣе чисто историческій, своеобразно славянскій духъ. Князь самъ идетъ упрашивать Кожемяку, но ни его, ни княгинины просьбы не дѣйствуютъ; тогда высылаютъ къ нему представителей самой, обневоленной змѣемъ, земли, слабѣйшихъ, жалчайшихъ ея представителей — малолѣтныхъ дѣтей, и, тронутый ихъ слезами, Кожемяка идетъ на встрѣчу опасности для выручки ихъ и цѣлой

земли (стр. 232 — 233). [1]) Въ этомъ чисто-общинномъ содержаніи, столь близкомъ по своему духу къ общимъ основамъ нашего народнаго эпоса, какъ много, съ другой стороны, подходящаго къ христіанству, какъ много такого, на что бы прямые его представители должны бы были, повидимому, обратить сочувственное вниманіе. А между тѣмъ именно этою своей стороною народность славянская, славянскій народный эпосъ въ лѣтопись и не зашли. Какъ выше мы видѣли, что одна изъ живѣйшихъ сторонъ духовной литературы — превознесеніе братолюбія — не проникала въ стихи народные, такъ съ другой стороны самыя братскія, такъ сказать, общительно-человѣчныя стороны мысли народной не воспринимались духовной литературой. Лѣтопись, въ которой во всякомъ случаѣ видѣнъ перевѣсъ начала духовнаго, рѣшительно воспріимчивѣе къ дружинной, чѣмъ къ чисто народной стихіи. Такимъ образомъ снова выходитъ, что христіанство и народность славянская какъ будто бы не узнаютъ другъ друга — чрезъ какое-то средостѣніе, залегшее между ними. А между тѣмъ, къ той великой мысли о просвѣщеніи христіанствомъ земли русской, которая, какъ мы видѣли, проведена черезъ всю лѣтопись; въ ней присоединяется и другая мысль—о единствѣ, не позабытомъ единствѣ всего славянства. «Тако разидеся словѣньскый языкъ,» говоритъ лѣтописецъ, перечисливъ всѣ его вѣтви; «тѣмь же и грамота прозвася словѣньская» (стр. 214). «Я же грамота въ Руси, и въ болгарѣхъ дунайскыихъ,» говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, указывая и на литературное единство между нами и Юго-Славянами. «Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ,» замѣчаетъ онъ наконецъ и еще яснѣе (стр. 217), свидѣтельствуя такимъ образомъ объ издавнемъ историческомъ самосознаньи Славянъ. Говорю — издавнемъ, потому что подобный взглядъ на славянство, при степени развитія того времени, не могъ быть разсудочно добытъ, вычитанъ изъ какихъ нибудь книжекъ; онъ могъ лишь достаться путемъ преданія, могъ быть взятъ лѣтописцемъ изъ самой жизни, и единственно изъ нея. И такъ, не только отъ рода — къ общинѣ, не только отъ общины — къ цѣлой землѣ, но и выше — къ населенію многихъ земель, какъ плотному, нравственному единству — поднялся уже кругозоръ Славянъ!

При существованіи въ лѣтописи этой чисто-народной мысли о единствѣ славянства, тѣмъ болѣе поражаетъ то отсутствіе въ ней внутренней славянской сущности, о которомъ только что было говорено. Зато эта сущность, ярко высказывается въ историческомъ дѣятелѣ, стоящемъ на

[1]) Въ Черногоріи и теперь самая высокая степень просьбы состоитъ въ томъ, что посылаютъ просить женъ съ грудными дѣтьми. А. Попова Путешествіе въ Черногорію, стр. 186.)

рубежѣ XI и XII столѣтій и составляющемъ самую свѣтлую славу этого времени. При всей своей княжеской, а потомъ и великокняжеской высотѣ, онъ ни мало не оторванъ отъ земской, чисто-народной почвы; душа всѣхъ благихъ начинаній въ теченіи двухъ чужихъ великихъ княженій, онъ только продолжаетъ свое издавнее княжеское служеніе Руси (употребляю выраженье былинъ — княземъ служить) въ свое собственное, уже на склонѣ жизни ему достающееся велико-княженіе. О жизни этого человѣка—кто не узнаетъ въ немъ Владиміра Мономаха?—подробно и ясно намъ повѣствуетъ лѣтопись. Сначала она выставляетъ его самымъ добрымъ сыномъ: «бѣ бо любимъ отцу своему повелику, въ животѣ и посмерти не ослушаяся его ни въ чемъ же.» Позже, благоговѣйно памятуя о немъ, сыновнимъ образомъ чтитъ и мачиху. Приступая къ Кіеву съ войсками, для наказанія в. к. Святополка за вину его противъ Василька, онъ остановленъ вдовою Всеволода, высланною къ нему Кіевлянами: «расплакався и рече: по истинѣ отци наши и дѣди наши сблюли землю руськую, а мы хочемъ погубити, — и преклонися на мольбу княгинину.» — Чувство семейное выражается въ немъ и крѣпкой любовію къ брату: «начя утопати Ростиславъ предъ очима Володимерима, и хотѣ похватити брата своего, и мало не утопе самъ.» — Таковы отношенья его семейныя; столь-же сочувственны и общественныя. Послѣ смерти отца своего Всеволода, онъ имѣетъ полную возможность овладѣть великокняжескимъ столомъ кіевскимъ, но не дѣлаетъ того, уважая чужое право: такое же отсутствіе властолюбія, какъ и замѣченное нами въ Ильѣ Муромцѣ! И въ то же время онъ—власть, настоящая нравственная власть надъ князьями. Но вотъ, неутомимыя старанья его о братскомъ единеніи ихъ нарушены — вѣстью о безчеловѣчномъ ослѣпленіи Василька: «ужасеся, и всплакавъ, и рече: сего не бывало есть въ руськѣй земли.... И абіе посла къ Давыду и къ Ольгови, глаголя.... Поправимъ сего зла, еже ся створи се въ руськѣй земли и въ насъ въ братьи... да аще сего не правимъ, то большее зло встанетъ въ насъ, и начнетъ братъ брата закалати, и погибнетъ земля руськая, и врази наши Половци пришедше возьмутъ землю руськую.» — Когда-же, немного спустя, другіе князья, очевидно, не очень-то впечатлительные, затѣваютъ походъ противъ того же самаго ослѣпленнаго Василька и осмѣливаются съ угрозою требовать туда и Владиміра, — онъ съ твердостью отвѣчаетъ имъ: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити.» — И его твердость заставляетъ князей измѣнить намѣреніе; вмѣсто войны устрояется, вѣроятно по мысли Владиміра-же, княжескій съѣздъ, а затѣмъ, по рѣшительномъ замиреніи, начинаются совокупные ихъ походы на Половцевъ. И неоднократно замиряетъ ихъ Мономахъ для отпора врагамъ Руси: всѣ походы его на Половцевъ и сосчитать мудрено! Однажды дружина Святополка князя, отлынивая отъ похода, стала опираться на та-

ное сужденіе: не годно нынѣ, веснѣ, ити хочемъ, погубити смерды (крестьянъ) и ролью (пашню) имъ. — И рече Владиміръ: дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же то ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и пріѣхавъ половчинъ ударить и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ иметь жену его, и дѣти его, и все имѣнье? То лошади жаль, а самого не жаль ли? И не могоша отвѣщати дружина Святополча, и рече Святополкъ: се азъ готовъ уже, и вста Святополкъ. И рече ему Володимеръ: то ти, брате, велико добро створиши земли русьстѣй.» Въ другой же разъ самъ Владиміръ находилъ нужнымъ новременить войною, возможнымъ заключить съ Половцами хотя временной миръ, «Кыяне же не всхотѣша, но рекоша: хочемъ ся бити.» И Мономахъ пошелъ во главѣ ихъ, покоряясь волѣ народной. Такъ и въ другомъ случаѣ онъ, совершенно по земски, покоряется общей волѣ, заходя въ этомъ случаѣ даже далѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Дружина требуетъ убіенія пословъ половецкихъ: «Володимеру же не хотящю сего створити, отвѣща бо: како се могу створити, ротѣ (на клятву) съ ними ходивъ? Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: княже, нѣту ти въ томь грѣха; да они всегда къ тобѣ ходяче ротѣ, губять землю русьскую и кровь хрестьяньску проливають безперестани.» И послуша я Володимиръ. — Но замѣчательно, по времени, уже и это его начальное нехотѣніе ихъ убить; едва ли бы оно возможно было тогда на западѣ, при томъ взглядѣ на не-христь, какъ на не-человѣчь, который рѣшительно тамъ господствовалъ. Но въ Мономахѣ и тутъ, какъ въ многомъ, сказалась извѣстная намъ человѣчность былины народной: «не помысли зломъ на татарина.» — И если онъ въ этомъ случаѣ и уступилъ дружинѣ, то только подумавъ о томъ, что Половцы дѣйствительно могли бы злоупотреблять его чувствомъ правды и отъ этого потерпѣла бы земля русская. Онъ тутъ точно также рѣшается нарушить завѣтъ, какъ Илья Муромецъ подъ Черниговымъ. — Съ другой же стороны и его рѣшимость пойти, послѣ Святополка, на великокняжескій столъ есть только уступка народной волѣ; — только выше того между-княжескаго родоваго права, которое онъ уважалъ, имъ было поставлено въ этомъ случаѣ изначальное земское право народа. «Съвѣтъ створиша Кыяне посылаша ко Володимеру, глаголюще: пойди, княже, на столъ отень и дѣдень. Се слышавъ Володимеръ, плакася вельми, и не пойде, жаляся по братѣ. Кыяне же разграбиша дворъ Путятинъ тысячьскааго, идоша по жиды и разграбиша я; и послашяся пакы Кыяне ко Володимеру, глаголюще: пойди, княже, Кыеву; аще ли не пойдеши, то вѣси, яко много зла уздвигнеться: то ти не Путятинъ дворъ, ни соцьскыихъ, но и жиды грабити, и пакы ти пойдуть на ятровь твою и на бояры и на манастыря и будеши отвѣтъ имѣлъ, княже, оже ти манастыря разграбять. Се же слышавъ Володимеръ, пойде въ Кыевъ.» — Послѣ всего этого не про-

стою книжною фразою считаешь и слова кіевской лѣтописи при кончинѣ Владиміра: «паипаче же бѣ страшенъ поганымъ, братолюбецъ и нищелюбецъ и добрый страдалецъ за русьскую землю.... Плакахуся... яко же дѣти по отцю или матери.»—Суздальская же лѣтопись еще прибавляетъ къ такому отзыву: «добро творяаше врагомъ своимъ.»

Ни мало не удивляешься и тому, ежели, при такой доброй славѣ, оставленной Мономахомъ, Новгородцы еще въ 1140 г. говорили: «хочемъ племене Володимеря;» Кіевляне же въ 1147 г. «на Володимере племя не можемъ итп.» [1])

Вотъ отъ такого-то князя дошло до насъ и одно письменное произведеніе, или же, если угодно, два — вставленные одно въ другое. Это поученіе дѣтямъ и посланіе къ Олегу рязанскому. То и другое писано— въ великія, многозначительныя мгновенія жизни Владиміра. Первое — когда, какъ самъ онъ тутъ говоритъ, встрѣтили его послы отъ братьевъ на Волгѣ съ приглашеніемъ итти противъ Ростиславичей: «потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславичя, и волость ихъ отъимемъ; паче ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ.» (Христ. стр. 241). Далѣе же онъ приводитъ тутъ и свой короткій но ясный отвѣтъ, уже упомянутый выше. Вотъ подъ вліяніемъ подобныхъ-то впечатлѣній, сидя на санѣхъ, на далечи пути, Мономахъ, похваливъ Бога (который, при такой обстановкѣ и среди такихъ обстоятельствъ довелъ его до этихъ дней) — собрался побесѣдовать со своими дѣтьми, письменно изложить передъ ними свое исповѣданье вѣры, служившее ему по древнему выраженью, вождемъ по жизни; онъ собрался, заблаговременно высказавшись передъ ними, оставить имъ по себѣ завѣтъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ только это поученіе Мономаха можетъ быть названо завѣщаніемъ; писано же оно задолго не только до смерти, но и до поступленія на великокняжескій столъ, писано еще при Святополкѣ, въ 1099 г., т. е. подъ самый конецъ XI ст. — Чтó касается посланія къ Олегу Рязанскому, то оно писано еще въ 1096 г. и Мономахъ вставилъ его, какъ кажется, самъ въ заключительную часть своего поученія, вставилъ въ видѣ примѣра непамятозлобія. Оно написано подъ вліяніемъ письма къ Мономаху сына его Мстислава, олегова крестника, побуждавшаго Владиміра простить Олегу гибель въ сраженіи съ нимъ (при Муромѣ), другаго сына Владимірова, и другаго олеговаго крестника,

---

[1]) См. превосходную статью о Владимірѣ Мономахѣ М. П. Погодина въ Уч. зап. II отд. Ак. Наукъ, т. VII, кн. II, стр. 99, 100, 102, 105—7, 116, 121—124. Лѣтописи наши, говоритъ онъ тутъ, щедры на похвалы князьямъ.... но въ отзывахъ о Мономахѣ мы встрѣчаемъ такія частности и особенности, какія не встрѣчаются болѣе нигдѣ (стр. 117).

Изяслава. [1]) (Христ. стр. 245) «не будемъ, говорилъ Мстиславъ, ему мстителями, но возложимъ все на Бога, передъ котораго всѣ предстанемъ, а русской земли не погубимъ.» Такимъ образомъ христіанство оказывало свое вліяніе и среди междуусобій, удерживая лучшихъ князей мыслію о томъ, что личныя распри должны быть забыты для пользы общей, земской. «Смиреніе (т. е. передъ Богомъ, христіанское терпѣніе и миролюбіе) сына моего, говоритъ Владиміръ, пристыдило меня; если онъ въ юности, которая обыкновенно бываетъ неразумною, разсудилъ такимъ образомъ, то какой же грѣхъ, что я былъ объятъ чувствомъ мести.» И радъ былъ Мономахъ, что удалось ему предупредить Олега, который, по настоящему, самъ долженъ былъ первый писать ему, если только желалъ отпущенія своихъ старыхъ грѣховъ. Кротко упрекаетъ Владиміръ Олега въ томъ, что, видя смерть владимірова сына, онъ не сказалъ въ душѣ своей: «увы, что я сдѣлалъ? даже не пожалѣлъ его неразумнаго юношескаго возраста, и по кривости этого суетнаго свѣта нажилъ себѣ грѣхъ (виновникомъ междуусобной войны былъ Олегъ), а отцу и матери убитаго слезы.» Владиміръ упрекаетъ его въ томъ, что онъ не сказалъ этого и не послалъ ему утѣшительной грамоты [2]), и не послалъ къ нему вдовы его сына, чтобы имъ вмѣстѣ оплакать убитаго и несчастную свадьбу ея на мѣсто пѣсней [3]), (потому что Мономаху не удалось, какъ думаетъ онъ—за грѣхи его, быть на ея свадьбѣ, т. е. слышать эти пѣсни.)

Полагаю, что посланіе вставлено самимъ Мономахомъ, потому, во первыхъ, что оно вполнѣ вяжется съ содержаніемъ поученія, а во вторыхъ потому, что другимъ путемъ трудно бы было ему попасть въ лѣтопись.

---

[1]) Ср. въ вышеуказанной статьѣ г. Погодина стр. 104. Опредѣленіе времени поученія мономахова 1099-мъ годомъ принадлежитъ тому же М. П. Погодину. (См. статью «о Поученіи Мономаховомъ» въ Изв. Ак. Н. по отд. Р. Я. и Слов. т. X, вып. III.) Между прочимъ, онъ замѣчаетъ тутъ, что всѣ дѣйствія до 1099 г. описаны въ поученіи весьма подробно и занимаютъ въ рукописи 4 страницы въ четвертку, но затѣмъ приводятся и событія до 1115 г.; какъ же они могли попасть сюда, если поученіе писано въ 1099 г? Передаваемыя на какихъ нибудь 9 строчкахъ (при чемъ событія отъ 1103 до 1106 г. и вовсе опущены) они, очевидно, составляютъ небольше, какъ вставку позднѣйшую, сдѣланную или самимъ Мономахомъ, или принадлежащую переписчикамъ. (Стр. 240 и 241).) Вставлено же все вообще поученіе въ лѣтопись подъ 1096 г. (когда писано посланіе къ Олегу) промежъ происшествій совершенно посторонняго свойства, т. е. вставлено неумѣлымъ писцомъ, такъ сказать, ни къ селу, ни къ городу. Писцу же, очевидно, принадлежитъ и перепутанность нѣкоторыхъ событій въ поученіи, и сбивчивость неоднократныхъ: се нынѣ иду Ростову и т. п. (См. тамъ же стр. 236—238.)

[2]) Видно былъ такой обычай, замѣчаетъ Шевыревъ (ч. II, стр. 301).

[3]) Здѣсь, въ примѣч. 11-мъ къ 9-й лекціи говоритъ Шевыревъ, находится одно изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ о свадебныхъ пѣсняхъ. (ч. II, стр. 246).

Отъ дѣтей или внуковъ Олега Рязанскаго перейти къ лѣтописцу оно не могло: имъ слѣдовало скрывать невыгодное для Олега посланіе. Найтись же у самого Мономаха въ рукописи, какъ нашлось послѣ него поученіе, оно также не могло, такъ какъ пришлось бы въ такомъ случаѣ предположить обычай переписывать посланія на бѣло и хранить при себѣ черновую—едвали тому времени свойственный. Поэтому, кажется мнѣ, всего естественнѣе предположить, что Мономахъ, храня не въ столѣ у себя, а въ памяти, сущность своего посланія къ Олегу, и вставилъ ее — по памяти — въ свое поученіе, для назиданія своимъ дѣтямъ. [1])

Впрочемъ Владиміръ, по замѣчанію г. Погодина [2]) ясно назначалъ свою грамотицю и для общаго употребленія: да дѣти мои, или инъ кто, говоритъ онъ въ началѣ, слышавъ грамотицю, не посмѣйтеся (христ. стр. 241). Литературная форма поученья, завѣта была чрезвычайно распространенною въ ту пору не только у насъ, но и на западѣ. Если же такъ, то не было ли и поученіе Мономаха только подражаніемъ готовымъ уже образцамъ? (Что оказывается во многихъ произведеніяхъ нашей древней литературы). Сличенье его съ двумя поученіями дѣтямъ (Ксенофонта и Ѳеодоры), имѣющимися въ Святославовомъ Изборникѣ 1076, [3]) ясно показываетъ, что общаго съ ними у Мономаха одинъ только пріемъ — поставленія дѣтямъ въ примѣръ самого себя. Но въ Изборникѣ — отецъ приписываетъ себѣ, совершенно стереотипно, всяческія добродѣтели; ясно что это готовая формула, фраза. У Мономаха же — все это такъ и взято живьемъ изъ дѣйствительности, вполнѣ подтверждаясь лѣтописью и всѣми данными древней нашей исторіи. Только въ началѣ — ссылка на псалтырь и на Василія Великаго, нѣкоторыя наставленія котораго и сообщаются тутъ дѣтямъ. Самое важное для для Владиміра — это три дѣла: покаянье, слезы и милостыня. И они не трудны, по словамъ князя: не то, что одиночество, или чернечьство (монашество); этого рода подвиговъ онъ и не требуетъ отъ своихъ дѣтей, — однако же предписываетъ имъ кое-что монастырское: вставать по начамъ для земныхъ поклоновъ, просыпаться до солнца и ходить каждый день къ заутренѣ, беспрестанно молиться про себя хоть простою молитвою: Господи помилуй, и т. п. Такого рода обычаи между мірянами, общіе людямъ того времени, были слѣдствіемъ того страха, какой наводила на всѣхъ мысль о могуществѣ дьявола, сильно дѣйствовавшая тогда на воображеніе. Чтобы избавиться отъ злаго духа, нѣкоторые изъ князей даже не находили достаточнымъ молиться и денно и нощно, подобно Мономаху, а просто удалялись въ монастыри. Таковъ былъ, на-

---

[1]) Въ этомъ я нѣсколько расхожусь съ М. П. Погодинымъ, склоняющимся къ тому, чтобы считать посланіе къ Олегу вставкою переписчика (стр. 240).

[2]) Стр. 242 въ «Извѣстіяхъ,» т. X.

[3]) Христоматія Г. Буслаева, стр. 293—296.

примѣръ, черниговскій князь Николай, по прозванью Святоша (постригся въ 1106 г.). Сынъ Мстислава Великаго, Ростиславъ, въ бесѣдахъ съ игуменомъ печерскаго монастыря Поликарпомъ, нерѣдко высказывалъ также желаніе постричься въ монахи. Къ счастію, вліяніемъ византійской страсти къ отшельничеству и въ самымъ монахахъ нашихъ не до конца былъ подавленъ практическій смыслъ русскаго человѣка. Самъ Поликарпъ сталъ удерживать Ростислава, говоря: «вамъ (т. е. князьямъ) самъ Богъ такъ велѣлъ быть: правду дѣлать на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судить и въ крестномъ цѣлованьи стоять».— Отче, княженіе и міръ не могутъ быть безъ грѣха!» [1]) отвѣчалъ князь. Считая грѣхъ неизбѣжнымъ при сношеніяхъ съ людьми, готовы были отказаться отъ людей, отъ обязанностей, съ ними связывающихъ, и жить для себя, для спасенья только своей души. — Но этого эгоизма былъ чуждъ нашъ дѣятельный князь-гражданинъ Мономахъ. Предписывая дѣтямъ своимъ, сообразно съ духомъ того времени, нѣкоторые изъ монастырскихъ обычаевъ, онъ всего болѣе требуетъ отъ нихъ любви къ ближнему и дѣятельности гражданской. Чувство человѣколюбія въ Мономахѣ также сильно, какъ и въ нашемъ идеальномъ Ильѣ Муромцѣ: ни праваго, ни виноватаго не убивайте, говоритъ Мономахъ, и не повелѣвайте убить хотя бы онъ и заслуживалъ смерти, все-таки не губите ни какой души христіанской» (христ. стр. 243). Такъ и чувствуешь; что эти слова любви, отмѣняющія смертную казнь, вылились изъ христіанскаго духа того же народа, который въ своей поэзіи говоритъ устами отца Ильи Муромца:

Не помыслі злымъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина.

«Всего же болѣе убогихъ не забывайте, говоритъ Мономахъ, и придавайте сиротѣ и вдовицу оправдайте сами, а не давайте сильнымъ погубить человѣка.» Мономахъ рѣшительно не довѣряетъ этимъ сильнымъ; «на войну вышедъ, не лѣнитесь, не полагайтесь на воеводъ, продолжаетъ онъ, и сами наряжайте стражи». То же дурное мнѣніе о своихъ приближенныхъ высказываетъ онъ и въ слѣд. словахъ: «какимъ бы путемъ ни ходили вы по своимъ землямъ, не позволяйте, чтобы отроки (ближніе слуги князя, его придворные) дѣлали зло въ селахъ или въ житахъ, чтобы не начали васъ проклинать». Мономахъ хочетъ, чтобы дѣти его боялись проклятій народныхъ, чтобы они охраняли народъ отъ корыстолюбія приближенныхъ княжескихъ, чтобы они были князьями народа, а не дружины своей. Онъ хочетъ, чтобы они, подобно ему, подъ конецъ жизни своей могли ска-

[1]) Шевыр., И. Р. С., ч. II, стр. 143 и 144.

зать: что̀ долженъ былъ дѣлать отрокъ мой, то самъ я дѣлалъ, ночь и день, не давая себѣ покоя, на посадниковъ не полагаясь; также и худаго смерда (простолюдина) и убогой вдовицы не далъ я сильнымъ обидѣть» (христ. 244). Онъ такимъ образомъ какъ бы выключаетъ самого себя изъ числа сильныхъ. И у себя дома, на обѣдѣ, онъ заповѣдуетъ дѣтямъ не обращать особеннаго вниманія на тивуна, или на отрока, т. е. опять на сильныхъ, «чтобы не стали, прибавляетъ онъ, приходящіе къ вамъ смѣяться надъ вами» (243 стр.) До такой степени было у насъ въ правахъ то равенство между всѣми гостями, которое видѣли мы въ нашей народной поэзіи на пирахъ владиміровыхъ. Дѣлались, вѣроятно, уже попытки нарушать это равенство, — иначе Мономаху не зачѣмъ было бы и напоминать о соблюденіи его; но даже до XVII в. на пирахъ участвовали у насъ люди разныхъ сословій, отчего и осталась пословица: «пиръ на весь міръ» [1]), хотя уже почетъ былъ не всѣмъ одинаковый. «Гостя чтите, говоритъ Владиміръ, откуда бы онъ къ вамъ ни пришелъ, и кто бы онъ ни былъ — простъ или добръ (т. е. значителенъ), или посолъ, — ибо они потомъ, идя во свояси, прославляютъ человѣка по всѣмъ землямъ». И на другую еще честь отъ иныхъ земель указываетъ своимъ сыновьямъ Владиміръ — этой чести достигъ его отецъ Всеволодъ тѣмъ, что зналъ пять языковъ; его-то ставитъ Владиміръ въ примѣръ, говоря: «что̀ знаете, того не забываете, а чего не знаете, тому учитесь». (стр. 244) «Лѣность всему мать», продолжаетъ онъ, и уже собственнымъ примѣромъ своимъ побуждаетъ сыновей своихъ быть безпрерывно въ дѣятельности — перечисляетъ всѣ свои походы, и всѣ свои звѣриные ловы, и всѣ опасности, которымъ приходилось ему подвергаться. Все это, говоритъ онъ, я привожу не для хвастовства, а для примѣра. Кончаетъ же Мономахъ тѣмъ, чѣмъ началъ, и о чемъ мимоходомъ говорилъ и въ серединѣ своего поученія — самымъ важнымъ во времена междуусобій — напоминаніемъ о миролюбіи между братьями. «Кто увѣряетъ, что любитъ Бога, а брата своего не любитъ, тотъ ложь». — «Какъ хорошо, какъ прекрасно, когда братья вмѣстѣ!» [2]) изъ глубины души своей восклицаетъ Владиміръ, которому приходилось почти постоянно быть свидѣтелемъ противоположнаго! Вотъ тутъ то, въ доказательство и примѣръ своего миролюбія, вставляетъ онъ въ «Поученіе» и посланіе свое къ Олегу рязанскому, писанное, какъ мы видѣли, еще въ 1096 г.

---

[1]) См. объяснительную статью г. Костомарова къ „Горю-злочастію" въ 1 вып. Памятн. Стар. Р. Лит. стр. 10.

[2]) Слова эти какъ бы прямо взяты Владиміромъ изъ лѣтописнаго сказанія о Борисѣ Глѣбѣ (Христ. стр. 238).

Таково это Мономахово поученіе, составляющее едва ли не лучшее достояніе всей нашей древней литературы. Но, чтобы вполнѣ его оцѣнить, не лишнее будетъ противопоставить ему—уже не поученіе только, но и настоящее завѣщаніе государя, скончавшагося въ началѣ XI го ст.. (1038 г.), одного изъ лучшихъ королей Венгріи, Св. Стефана. И въ немъ, какъ въ мономаховомъ поученіи, высказывается личность прекрасная; но обстановка Стефана, но почва, на которой стоитъ онъ, совершенно иная: это уже почва общая западно-европейская, съ ея, легшимъ во главу угла, началомъ завоеванія, съ ея развившимся въ силу того феодализмомъ, съ ея вытекающимъ изъ католицизма значеніемъ духовенства, какъ status in statu, и нетерпимостью, сулящею впереди токи крови. Завѣщаніе начинается проклинающею выходкою противъ отступниковъ, которой подобнаго нѣтъ ничего въ поученіи мономаховомъ. Далѣе — цѣлая большая глава о правахъ духовенства, о важности союза съ которымъ тутъ говорится такимъ образомъ: «ежели будешь пользоваться его благосклонностью, то нечего будетъ тебѣ бояться ни единаго супротивника. Ихъ (духовниковъ) поставилъ Господь стражами человѣческому роду... Безъ нихъ не постановляются короли, ни другія власти... Если станешь ихъ всею душою любить и чтить, то и самого себя сдѣлаешь здравымъ, и королевствомъ своимъ станешь управлять съ честью. Ибо вѣчный ненарушимый завѣтъ постановилъ съ ними Господь Богъ, отдѣливъ ихъ отъ прочихъ людей, сдѣлавъ ихъ участниками и своего имени и своей святости, и не давъ позволенія людямъ въ чемъ либо ихъ порицать». Въ словахъ этихъ, указывающихъ на союзъ духовенства съ освящаемою имъ королевскою властью, уже заранѣе чуется и та сторона такого союза, въ силу которой и малѣйшее пробужденіе свободной мысли выдаваемо будетъ за ересь, и внутренняя жизнь цѣлыхъ обществъ обратится наконецъ во внутреннюю, кровью обагренную, нескончаемую борьбу за вѣру. Слова Стефана Венгерскаго уже очень сродни всему тому направленію, изъ котораго впослѣдствіи выработались на западѣ религіозныя войны и инквизиція. Ничего подобнаго, долговѣчно организованнаго не бывало у насъ на Руси, хотя и стали по-позже выдаваться попытки того или другаго лица духовнаго—воздвигнуть и у насъ душеспасительные костры. Но узаконительной связности и прочному успѣху подобныхъ попытокъ мѣшалъ у насъ тотъ терпимый, нефанатически - мягкій народный духъ, который сказывается и въ нашемъ эпосѣ тѣмъ, что, между прочимъ, нѣмецкому писателю показалось отсутствіемъ въ немъ религіознаго одушевленія. Это послѣднее уже несомнѣнно имѣется въ поученіи Мономаха, — но не имѣется у него западно-европейской, пропагандно-клерикальной его обстановки. Сравнительно съ панегирикомъ духовенству Стефана Венгерскаго, какъ просты и исторически успокоительны немногія слова о немъ Мономаха: «епископы и попы, и игумены—

съ любовію взимайте отъ нихъ благословенье и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да пріимете отъ нихъ молитву отъ Бога» (христ. стр. 243).

За главою о духовенствѣ слѣдуетъ у Стефана Венгерскаго глава о князьяхъ и баронахъ: «они, говоритъ Стефанъ, передовые поборники государствъ, защитники слабыхъ, изгонители вражьихъ силъ, умножители области государственной... Они да будутъ тебѣ, о сынъ мой, и отцами, и братьями!» Какъ опять противоположны этому, какъ по-славянски не-государственны слова Мономаха: «старыя чти яко отця, а молодыя яко братію» (христ. стр. 243). И столь же славянски-негосударственно все его личное служеніе земству, вся его работа вездѣ и всегда своими княжескими руками — за сильныхъ, къ которымъ онъ не имѣетъ довѣрія. Напротивъ довѣрчивою заботой о нихъ, и о нихъ преимущественно, преисполненъ Стефанъ, когда говоритъ: «изъ сихъ ни единого не обращай въ неволю, ни единого не называй рабомъ.» Изъ сихъ только,—а впрочемъ рабовъ въ Венгріи имѣлось не мало, и они могли продаваться, какъ вещь. — У Мономаха нѣтъ и помину о рабствѣ, но оно имѣлось и на Руси, какъ видно изъ Руской правды, но завелось, надо думать, уже подъ дружиннымъ вліяньемъ: въ русскомъ народномъ эпосѣ и намека на рабство нѣтъ, а то ли въ эпосѣ сѣверномъ, эпосѣ той страны, откуда прибыли къ намъ князья съ дружиною? [1]) — Но и въ русской правдѣ есть множество оговорокъ въ пользу рабовъ, какъ и имѣются онѣ повсемѣстно въ славянскомъ законодательствѣ въ пользу населенія крѣпостнаго, которое, имѣя возможность тягаться со своимъ господиномъ, вполнѣ рабскимъ населеніемъ, стало быть, не оказывается [2]). — Но вотъ какимъ образомъ продолжаетъ Стефанъ отзываться о сильныхъ,—столь милыхъ ему, и столь Мономаху не милыхъ: «они за тебя подвизаются, а не работаютъ на тебя. Властвуй же надъ ними всѣми безъ гнѣва, безъ гордости или зависти, мирно, смиренномудренно, человѣколюбиво. Имѣй постоянно въ памяти, что всѣ люди равны по природѣ (unius sunt conditionis) — не странно-ли, что Стефанъ говоритъ объ этомъ, опредѣляя отношенія государя собственно только къ сильнымъ? Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ Стефанъ понимаетъ это шире: «будь снисходителенъ, сынъ мой, ко всѣмъ, не только къ одареннымъ властію, но и къ тѣмъ, которые ея не имѣютъ. Особенно же замѣчателенъ совѣтъ

---

[1]) P. E. Müller, Sagaen bibliothek, I, 37, 46, 83, 96, 97 (рабы убиваются даже дѣтьми, какъ вещь).

[2]) См. Ланге, объ уголовномъ правѣ Р. Правды 61—63. Бѣляева, крестьяне на Руси 5—34, Лешкова, Русскій народъ и государство, 129, 150—155. Майкова, Исторія Сербскаго языка, 143, 144, 148. Палацкаго, Сравненіе законовъ царя Стефана Душана съ древнѣйшимъ правомъ чешскимъ (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г. II, 29—32.

Стефана,—не вступаться лично во всякій судъ, чтобы не унижать неважностью дѣла королевскаго своего достоинства, но предоставить судьямъ, которымъ ввѣрены эти дѣла, чтобы разсудили по своему закону. «Бойся, заключаетъ Стефанъ, становиться судьею, довольствуясь званіемъ и титуломъ короля.»—Мономахъ же, какъ видѣли мы, на то и считалъ себя княземъ, чтобы лично судить и рядить, не полагаясь на сильныхъ. Сходнымъ съ нимъ у Стефана оказывается только радушіе къ чужеземцамъ, о пользѣ общенія съ которыми Стефанъ отзывается даже съ большею силою.—Есть у него, наконецъ, и нѣсколько сходная мягкость относительно преступившихъ законъ,—но она тутъ въ самыхъ общихъ, неопредѣлительныхъ выраженіяхъ: «Будь снисходителенъ, и никого не наказывай, ни осуждай черезъ мѣру» [1]). — То ли это, что ясность и опредѣлительность драгоцѣнныхъ словъ Мономаха: «ни праваго, ни виновнаго не убейте, ни повелѣвайте убить.» — И мы знаемъ, что въ венгерскомъ законодательствѣ смертная казнь, какъ и жестокія тѣлесныя наказанія, существовали [2]). — То и другое, со всякимъ другимъ византійскимъ добромъ, заносилось и къ намъ, ясно значась въ томъ градскомъ законѣ людемъ, или судномъ законѣ царя Константина, который, въ переводѣ съ греческаго, входилъ въ составъ нашихъ сборниковъ по преимуществу-церковныхъ постановленій, извѣстныхъ подъ именемъ кормчей. Вотъ какіе параграфы встрѣчаются тамъ, между прочимъ; «кто часто провинился въ кражѣ, тому отсѣкаются руки; крадущему изъ алтаря—ослѣпленіе; нарушителю клятвы—урѣзывается языкъ; увезшій чужую невѣсту—лишается носа; рабъ, оклеветавшій своего господина, лишается головы; рабу, посягнувшему на жизнь господина,—сожженіе; убившему родственника—сожженіе; перебѣжчику—сожженіе; зажегшему храмъ городской—сожженіе, если же простой деревенскій—то усѣченье мечомъ; разбойнику—висѣлица» [3]). — Вотъ на этотъ-то византійскій законъ опирались и наши духовные, когда вытребовали у св. Владиміра, чтобы онъ казнилъ смертію за разбой, тогда какъ самъ онъ склонялся къ тому, чтобы и разбойниковъ миловать (христом., стр. 234) [4]). Это было въ началѣ вліянія византійскаго, — Мономахъ же, и цѣлое столѣтіе спустя, на перекоръ всякой мудрости византійской, утвердительно завѣщаетъ дѣтямъ: «Ни праваго, ни виноватаго не убейте.» — Во все продолженіе

---

1) Corpus juris Hungarici, Tyrnaviae, 1751, I, 125—127. Книгу эту имѣлъ я отъ В. И. Ламанскаго, который и указалъ мнѣ на завѣщаніе Стефана Венгерскаго, за что мнѣ пріятно выразить ему мою особенную признательность.

2) Becker's Weltgeschichte, IV, 547—548.

3) Софійскій Временникъ, изд. Строева, I, 132, 134, 135, 138, 143.

4) Замѣчательно, что человѣку, наклеветавшему на архіеп. новгородскаго Луку Жидяту, отрѣзали носъ и руки. (Русскіе Святые Ф. А. Ч., февраль, 39).

среднихъ вѣковъ, кромѣ его задушевнаго голоса, раздался въ томъ-же духѣ только еще одинъ—голосъ ученаго итальянца [1]). И съ тѣхъ самыхъ поръ остается онъ, большею частію, голосомъ, вопіющимъ въ пустынѣ,—когда и теперь, даже въ такой просвѣщенной странѣ, какъ Англія, находятся цѣлые сонмы систематическихъ защитниковъ смертной казни, (въ началѣ же нашего вѣка она полагалась тамъ и за мелкія преступленія—такъ что насчитывалось сто слишкомъ случаевъ, подвергавшихъ ей). Если же подумаешь наконецъ и о томъ, что смертную казнь философски отстаивали даже такіе умы, какъ Кантъ,—то по неволѣ сознаешься, что въ наукѣ возможна своего рода губительная рутина, и что дальше иного глубокаго любомудрія смотритъ — простой здравый смыслъ и природное теплое чувство [2]).—Не изъ книжной византійской премудрости почерпнулъ и нашъ Мономахъ свои золотыя слова: «не убейте;» онъ почерпнулъ ихъ—пожалуй изъ книги, но изъ той, своею буестью (т. е. безуміемъ) величавшейся книги, которую книгой евангельскою называетъ народъ нашъ, изъ этой книги, понятой не чрезъ посредство присяжныхъ ея толкователей (они, какъ мы видѣли, предписали Владиміру святому—казнить), а собственнымъ свѣтлымъ славянскимъ умомъ, собственной теплой славянской душою! — Мнѣ могутъ замѣтить на это, что ежели принимать, какъ и я принимаю, стихію германскую въ княжескомъ домѣ Рюрика, то и въ Мономахѣ должна оказаться — германская кровь! Но развѣ тутъ дѣло въ томъ или другомъ количествѣ капель—той или другой крови? Не въ ней, не въ мѣстѣ рожденья, не въ имени — причина принадлежанія человѣка къ той или къ другой народности; тутъ важно рожденіе духомъ, важна та среда, та жизненная обстановка нравственная, подъ вліяньемъ которой зачинаются взгляды, наклонности, нравъ, дальнѣйшимъ наитьемъ которой развивается, крѣпнетъ, опредѣляется человѣкъ. А наитіе на Мономаха безспорно было славянское. Славянство сквозитъ въ каждомъ словѣ его поученія, какъ сквозитъ оно въ объ каждомъ стихѣ древнѣйшихъ нашихъ былинъ. Если не объяснять Мономаха—славянской его природой, то, при несходствѣ его съ германизмомъ, придется признать его — лицомъ исключительнымъ, единичнымъ, избранникомъ?—Но это гораздо страннѣе, чудеснѣе, суевѣрнѣе, чѣмъ признать—употребляю то-же неточное выраженіе — избранничество всего славянства. Дѣло тутъ, право, гораздо проще, и никого не должно-бы пугать. Все зависитъ отъ выгодности, отъ счастливости тѣхъ условій, въ какія съ начала своей исторической жизни поставлены были Славяне.

---

[1]) Миттермайера, Смертная казнь, 13, 151.

[2]) Объ англійскомъ законодательствѣ и о Кантѣ — тамъ же стр. 68, 69 160, 51, 159. См. также фактическіе доводы—безполезности частію, а частію и вреда смертной казни, приводимые на основаніи статистики Миттермайеромъ на стр. 192—95, 163—165.

Позже они попадали, съ другой стороны, и въ условія несчастливыя, остановились въ своемъ развитіи, остановились на долгое время. Но надо умѣть отличать степень достигнутаго развитія—отъ самыхъ началъ, подлежащихъ развитію. Начала эти первоначально слагались въ славянствѣ выгоднѣе, чѣмъ у многихъ изъ ихъ индоевропейскихъ братьевъ. Славянамъ не досталось непосредственное сосѣдство съ дряхлѣющею, разлагающеюся имперіею римскою; въ нихъ такимъ образомъ легкостію добычи не были вызваны въ дѣло тѣ силы, которыя у Германцевъ разыгрались воинственностью и положили завоевательное начало въ основу средневѣковой государственности. Несуществовавшимъ для Славянъ переходомъ въ воинственное, и притомъ наступательно-воинственное положеніе не могли быть пришиблены тѣ смягчающія основы осѣдлости земледѣльческой, которыя вездѣ зачинались, но въ славянствѣ сложились прочнѣе, ненарушимѣе и человѣчнѣе. Изъ этихъ-то основъ, какъ видѣли мы, возникли и тѣ поэтическіе идеалы Микулы-Премысла и Ильи Муромца, которыхъ земледѣльчески-передовое значеніе такъ знаменательно. И между Славянами нѣкоторыя племена, попадая въ ближайшее сосѣдство съ имперіею восточно-римскою, (хотя и несравненно медленнѣе, не всетаки разлагавшеюся и также вызывавшею на добычу); или же близко сосѣдя съ Нѣмцами, своимъ насиліемъ вызывавшими на войну; — попадая въ такое сосѣдство, и сами втягивались въ воинственность: у такихъ Славянъ видимъ мы характеръ, значительно ожесточившійся, видимъ и сильно развитымъ рабство, какъ слѣдствіе военно-плѣнничества [1]). Но

---

[1]) Jirecek, Das Recht in Böhmen und Mähren, I, 71—73. Гильфердинга, Исторія Балтійскихъ Славянъ, I, 43, 45, 75. Что касается такъ часто цитируемаго свидѣтельства о томъ, чт у Славянъ на Волгѣ рабы даже сжигались за живо съ трупомъ своего господина,—то подъ этими волжскими жителями нѣтъ никакого основанія разумѣть непремѣнно Славянъ, а скорѣе всего разумѣть всевозможный торговый сбродъ. Я. Гриммъ не видитъ у Ибнъ Фоцлана Германцевъ—м. п. по крайней нечистотѣ людей, о которыхъ онъ говоритъ (Kleinere Schriften, II, 294); но И. Фоцлану, какъ правовѣрному мусульманину, привыкшему къ множеству омовеній, и довольно чистоплотные люди могли представляться неряхами;—и почему же наконецъ изъ-за одной нечистоты видѣть у И. Фоцлана Славянъ?! Наконецъ разсказъ его полонъ запутанности и мѣстами отзывается баснями. (См. Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1864 г., III, 118—120). Примѣромъ сильнаго вліянія на народность тѣхъ условій, въ какія поставляется она самою природою, могутъ служить Несторовы Древляне и Поляне—сосѣди ближайшіе и столь различные нравами: однихъ—тѣ лѣса, среди которыхъ они поселились, удерживали при звѣроловномъ, конечно уже не смягчающемъ, битѣ; другіе своими полями были вызваны на осѣдлость и трудъ земледѣльческій со всѣми его благими послѣдствіями (христ. стр. 17). Наконецъ и теперь находятся у первобытныхъ народовъ Африки въ столько же близкомъ сосѣдствѣ крайне различествующіе между собою, своими нравами, племена: у однихъ, подъ условіями, вызывающими воинственность, оказывается деспотизмъ въ самой грубой формѣ и рабство въ самой ужасающей степени; у другихъ — при условіяхъ болѣе

Славяне русскіе изначала поставлены были въ условія — едва ли не самыя выгодныя. Отдѣленные другими Славянами отъ сосѣдства съ Имперіею или съ Германцами, они, въ своемъ движеніи на востокъ отъ Дуная углубляясь въ теперешнюю Россію, попадали въ широкій просторъ — земли всюду вволю, а населенье на ней не густое, мирное, просто отодвигавшееся въ сторону и уступавшее мѣсто Славянамъ, или дававшее имъ садиться рядомъ—тамъ гдѣ было ужъ и совсѣмъ просторно. Не имѣется у насъ ни преданій, ни историческихъ свѣдѣній о какой нибудь, хотя маломальской борьбѣ пришлыхъ Славянъ съ туземными Финнами. Тутъ рѣшительно не было завоеванія съ его ожесточающими, развратительными послѣдствіями [1]). Не было его, собственно говоря, и позже, по приходѣ варяговъ. Добродьно призванные Славянами, а не насильно обрушившіеся на нихъ, какъ обрушились Германцы на римскій міръ, князья со своими дружинами если позже и пустили въ дѣло мечи свои—для собранія прочихъ племенъ (не участвовавшихъ въ призваньи) подъ власть свою, то съ иными племенами и тутъ порѣшали мирно, вообще же не прибѣгали къ обычнымъ послѣдствіямъ прямаго, настоящаго завоеванія, къ раздѣлу земли между побѣдителями. Дѣленія на два слоя — завоевателей съ безграничіемъ правъ и завоеванныхъ, вовсе лишенныхъ права, и долгой борьбы исторической вслѣдствіе такого дѣленія, — ничего подобнаго въ нашей исторіи не было. Въ этомъ — совсѣмъ не избранничество, а особое удобство, выгода, счастіе положенія. А подъ вліяніемъ этого и сложился, развился, окрѣпъ тотъ мягкій, человѣчный характеръ, какой мы видѣли въ Мономахѣ, характеръ, раздѣляемый имъ и съ идеалами нашего эпоса.

Но съ Мономахомъ мы подошли уже къ рубежу XII столѣтія. Пора обратиться къ нему.

выгодныхъ, способствующихъ мирной жизни—существуетъ и выборное начало, и нѣчто въ родѣ народныхъ собраній. (Wundt, Menschen Thierseele. II, 148—149).

[1]) См. статью покойнаго Ешевскаго въ Вѣстникѣ Европы 1866 г., I, 217 и 219. (Чужеродцы не обращались въ рабовъ, не причислялись къ существамъ низшей породы) Объ отсутствіи завоевательнаго начала въ основахъ русской исторіи — у Кирѣевскаго; Полн. Собр. Соч. II, 241, 261,—263; также у Хомякова, П. С. С. I, 221, 230, 245. Въ доказательство распространенности рабства на Руси приводятъ обыкновенно слова Святослава, что изъ Руси доставляется ему именно и какъ бы по преимуществу челядь (христ. стр. 222). Но это можетъ быть объяснено тѣмъ, что Русь была торговымъ путемъ изъ Варягъ въ Греки, и торгующіе на немъ помощію меча варяги дѣйствительно могли провозить этимъ путемъ и рабовъ.—Рабство въ славянскомъ мірѣ вездѣ является, какъ наростъ. Изстари же, по свидѣтельству имп. Маврикія, Славяне и военноплѣннымъ предлагали, по прожитіи у нихъ опредѣленнаго срока, или выкупиться на волю, или остаться жить вмѣстѣ съ ними въ качествѣ уже свободныхъ (Суровецкаго, нач. Нар. Слав., 66).

VI. ПАМЯТНИКИ XII ВѢКА.

Христіанское просвѣщеніе Руси подвигалось впередъ. Конечно, безпрерывныя междуусобія князей не могли не служить тутъ помѣхою: хотя бы по большей части они происходили собственно между князьями и ихъ дружинами, все же трудно было спокойно предаваться занятіямъ умственнымъ, когда кругомъ лилась кровь; потому-то образованіе преимущественно сосредоточивалось въ монастыряхъ. По преимуществу «книжниками и философами» оставались у насъ люди, выходившіе изъ монастырей — митрополиты и архіереи. Но были въ XII вѣкѣ любители книгъ и между князьями. Всеволодъ, отецъ Мономаха, не смотря на междуусобія нашелъ возможнымъ выучиться пяти языкамъ. Константинъ Всеволодовичъ Суздальскій, княжившій уже въ XIII в., но образованіе получившій въ XII, говорилъ по латыни, какъ бы по русски. Но бо̀льшая часть князей-охотниковъ до книгъ духовныхъ — искали спокойствія отъ житейскихъ бурь въ стѣнахъ монастырскихъ. Первые наши художники-иконописцы были монахи; первые памятники зодчества — храмы. Впрочемъ въ монастыряхъ не только молились, читали, описывали книги и потомъ ихъ распространяли,—изъ монастырей выходили и дѣятели жизни — проповѣдники евангелія между язычниками. Въ XII в. крещены Вятичи, продолжалось обращеніе Ростовцевъ и Муромцевъ, положено начало крещенію Вологжанъ и Вятчанъ, дѣлались попытки обращенія Литовцевъ, Ливонцевъ, Половцевъ [1]). Но и внѣ монастырей не все было дурно въ удѣльное время: при постоянномъ перемѣщеніи князей постоянно перемѣщались и ихъ приближеннные; вслѣдствіе этого ни въ одной области ни одинъ боярскій родъ не могъ надолго зажиться, а потому не могъ и усилиться, т. е. это опять мѣшало образованію сильнаго привиллегированнаго класса, или аристократіи, всегда и вездѣ становившейся стѣною между властію и народомъ, стѣною, мѣшающею власти знать нужды народа и вѣрой и правдой служить ему. И у насъ на самомъ дѣлѣ уже не было того полнаго равенства всѣхъ передъ властью, которое видѣли мы въ нашей народной поэзіи; такое равенство составляетъ завѣтный общественный идеалъ славянства, но и самая наша историческая дѣйствительность несравненно менѣе уклонялась отъ подобнаго идеала, чѣмъ исторія запада. У насъ во время удѣловъ были уже бояре, — это видно изъ памятниковъ; но большаго, могущественнаго значенія они не имѣли. Народъ, весь народъ имѣлъ еще полную возможность выражать свою

---

[1]) Макарія, Ист. Р. Церкви, ч. II, стр. 17—29, ч. III, стр. 26 и 37.

волю на вѣчахъ, и эта воля была такъ сильна, что ставила князей не по старшинству,—такъ поставила она Мономаха. [1]) Но сохраненію этихъ чисто-народныхъ особенностей древней русской жизни, какъ и развитію многихъ прекрасныхъ началъ нашей народности, должно было, между прочимъ, помѣшать вліяніе византійское. Первое начало этого византійскаго вліянія можно было, сквозь черты истинно христіанскія, разглядѣть уже въ Ѳеодосіи Печерскомъ: то была, напримѣръ, нетерпимость къ католикамъ. Но въ то же время ѳеодосіеwо братство монастырское напоминало настоящій первопытный идеалъ христіанской общины; смѣлость, съ какою противодѣйствовалъ Ѳеодосій Святославу, была — и смѣлость отца первобытной церкви, Амвросія Медіоланскаго, и идеальная неустрашимость и прямота нашего чудо-богатыря Ильи Муромца. Ѳеодосій былъ человѣкъ русскій, и христіанское привилось къ нему болѣе, чѣмъ византійское. Но во главѣ нашей церкви и въ XII в. продолжали еще стоять Греки. Между ними были и люди, по личному своему характеру вполнѣ благородные; таковъ былъ современникъ Владиміра Мономаха, митрополитъ Никифоръ (1104 — 1121 г.) Но, воспитанный въ Византіи, онъ былъ подъ преимущественнымъ вліяніемъ византійскихъ воззрѣній. Какъ человѣкъ благородный, онъ считалъ нужнымъ замѣтить великому князю, что не слѣдуетъ внимать всякимъ слухамъ и довѣрять окружающимъ; и онъ высказалъ это въ своемъ посланіи къ Мономаху. Но съ какой осторожностью, мало по малу, при помощи ораторскихъ переходовъ, клонитъ онъ посланіе свое къ главной, только подъ конецъ высказываемой цѣли! Посланіе написано какъ бы по случаю великаго поста и начинается разсужденіями о постѣ, во время котораго, замѣчаетъ Никифоръ — «уставъ церковный и правило заповѣдывали говорить нѣчто полезное и князьямъ.» Никифоръ, очень подробно изложивъ далѣе всю пользу поста, находитъ нужнымъ замѣтить: многое еще имѣлъ бы я сказать въ похвалу поста, если бы писалъ къ кому либо другому. А такъ какъ слово мое къ тебѣ, доблестная глава наша и всей земли христолюбивой — къ тебѣ, котораго Богъ издалеча проразумѣлъ и предопредѣлилъ, котораго отъ рожденія освятилъ и помазалъ, смѣсивъ отъ царской [2]) и княжеской крови» и т. д. Это Никифоръ говорилъ лицу, призванному на великокняжескій столъ народомъ. Далѣе слѣдуетъ у Никифора увѣреніе въ томъ, что съ Мономахомъ совершенно даже излишне бесѣдовать о постѣ, излишне говорить о томъ, что не надобно пить и вина во время поста, — князь это все соблюда-

---

[1]) См. статью С. Шпилевскаго — объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Іоанна IV. (Въ Юридич. Журналѣ Салманова, кн. V.)

[2]) Извѣстно, что отецъ Мономаха былъ женатъ на греческой царевнѣ.

еть; вмѣсто же поученія о постѣ, чтобы исполнить уставъ церковный, «мы изложимъ твоему благовѣрію нѣчто иное и скажемъ о самомъ источникѣ, изъ котораго проистекаютъ въ людяхъ всякое добро и всякое зло.» Затѣмъ слѣдуетъ разсужденіе о главныхъ силахъ души человѣческой (онѣ называются въ посланіи: словесное (разумъ), яростное (чувство) и желанное (воля); разумъ ставится выше другихъ — имъ отличаемся мы отъ животныхъ. «Ты узналъ теперь, человѣколюбивый и кроткій князь, три силы души. Узнай же и слугъ ея, чрезъ которыхъ она дѣйствуетъ. Какъ ты, князь, сидя на своемъ престолѣ, дѣйствуешь чрезъ воеводъ и слугъ по всей твоей странѣ, а самъ ты господинъ и князь: такъ и душа дѣйствуетъ по всему тѣлу чрезъ пять слугъ своихъ, т. е. чрезъ пять чувствъ...» Сравненіе чисто византійское! И это Никифоръ говорилъ Владиміру Мономаху, который, какъ видѣли мы, напротивъ любилъ входить во все самъ, прямо говоря въ своемъ поученіи дѣтямъ: «вдовицу оправдите сами и не давайте сильнымъ погубить человѣка.» И такъ византійскія наставленія, которыя, конечно, не съ Никифоромъ-же у насъ начались, оставались еще пока гласомъ вопіющаго въ пустынѣ! — Посланіе оканчивается перечнемъ пяти чувствъ. Между ними оказывается и слухъ; онъ-то и былъ то искомое, къ которому съ самаго начала своего посланія стремился Никифоръ, чтобы сказать князю, что, правый во всемъ остальномъ, онъ грѣшитъ слухомъ: «кажется мнѣ, говоритъ Никифоръ, что такъ какъ самъ ты не можешь все видѣть своими очами, то служащіе тебѣ орудіями иногда представляютъ тебѣ донесенія ко вреду души твоей и чрезъ отверзтый слухъ твой входитъ въ тебя стрѣла. Подумай объ этомъ со вниманіемъ, княже мой, и помысли объ изгнанныхъ тобою и осужденныхъ; вспомни о всѣхъ, кто на кого доносилъ или клеветалъ, и самъ разсуди о всѣхъ и прости, да получишь прощеніе отъ Бога.» И такъ подъ конецъ всетаки выходитъ, что князь долженъ самъ разсудить; это говоритъ благородный характеръ Никифора, заботящійся о невинно осужденныхъ, между тѣмъ какъ византійское воспитаніе нѣсколько выше подсказывало ему другое. То же византійское воспитаніе продиктовало Никифору и три его посланія (одно къ Мономаху, остальныя—къ двумъ другимъ князьямъ) о латинахъ, по духу очень сходныя съ такими же посланіями Ѳеодосія и митрополита Георгія, [1]) и по всей вѣроятности вызванныя не прекращавшимися стараніями католиковъ обращать нашихъ предковъ въ свою вѣру (а что эти старанія были не безъ успѣха, видно изъ слѣд. правила Нифонта новгородскаго: «тѣхъ,

[1]) Христіанскимъ, миролюбивымъ духомъ въ отношеніи къ католикамъ отличается только посланіе къ папѣ митр. Іоанна II. Такъ и въ правилѣ того же митрополита сказано: «ѣсть съ Латинами, въ случаѣ нужды, ради любви христовой отнюдь не возбранено.» (Мак., Ист. Р. Ц., т. II, стр. 213.)

которые носили дѣтей своихъ на молитву къ попу варяжскому, подвергать шестинедѣльной епитиміи.» (Мак., Ист. Р. Ц., т. III, стр. 196). Въ посланіи Никифора, сверхъ обычныхъ упрековъ католикамъ, дѣлается еще новый и уже совершенно законный упрекъ въ томъ, что они утверждаютъ, будто бы только на трехъ языкахъ можно славить Бога. Тутъ выказывается неотъемлемое преимущество восточной церкви передъ западною. Между тѣмъ, сознавая это преимущество, далеко не всѣ Греки, бывшіе у насъ митрополитами, имѣли довольно терпѣнья и твердости воли, чтобы выучиваться, какъ слѣдуетъ, нашему языку и поучать на немъ нашъ народъ. Самъ Никифоръ сознается въ своемъ словѣ на недѣлю сыропустную: «не данъ мнѣ даръ языковъ, посредствомъ котораго я могъ бы творить порученное мнѣ: оттого я стою посреди васъ безгласенъ и совершенно безмолвенъ. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней св. великаго поста, то я разсудилъ предложить вамъ поученіе чрезъ писаніе.» Вѣроятно это писаніе—былъ переводъ съ греческаго подлинника, сочиненнаго митрополитомъ, который и дѣлался, и читался въ церкви другими [1]).

Вѣроятно это обстоятельство — незнаніе многими Греками нашего языка, а можетъ быть и многое въ нихъ, ярко противорѣчившее нашимъ народнымъ началамъ, побудило одного изъ князей нашихъ XII в., Изяслава Мстиславича, повторить, что̀ было уже сдѣлано при Ярославлѣ I — избраніе митрополита, помимо константинопольскихъ патріарховъ, изъ русскихъ архіереевъ. Великій князь нашелъ поддержку въ нѣкоторой части нашего духовенства, и митрополитомъ былъ такимъ образомъ избранъ Климентъ Смолятичъ (уроженецъ Смоленска). Если уже въ самомъ началѣ русской церкви у насъ могъ явиться такой просвѣщенный митрополитъ изъ Русскихъ, какъ Иларіонъ, то тѣмъ болѣе теперь русское происхожденіе Климента не могло ему помѣшать «быть книжникомъ и философомъ,» который «многа писанія написавъ предаде.» По всей вѣроятности ему принадлежитъ поученіе въ недѣлю всѣхъ святыхъ, въ которомъ онъ прославлялъ и святыхъ русскихъ. [2]) Еслибъ князьямъ нашимъ удалось присвоить себѣ навсегда право избранія митрополитовъ у себя дома, то этимъ бы значительно

---

[1]) Такъ думаетъ пр. Макарій (Ист. Р. Ц., т. II, стр, 161). Преосв. Филаретъ Черниговскій ничего не говоритъ о языкѣ, которымъ говорилъ или писалъ Никифоръ. (Обозрѣніе р. дух. лит. III т. Зап. Ак. Наукъ). Невидно, почему покойный Шевыревъ говоритъ о Никифорѣ, что онъ одинаково хорошо зналъ языки: греческій и славяноболгарскій.» (И. Р. С., ч. II, стр. 202.) Какъ не русскій и писавшій не по русски, Никифоръ не принадлежитъ къ числу русскихъ авторовъ. Здѣсь упоминается объ немъ только для характеристики эпохи.

[2]) Только незначительный отрывокъ изъ этого поученія напечатанъ въ Обозрѣ Дух. Лит. пр. Филарета Черниговскаго стр. 32 и 33.

ослабилось вліяніе на насъ Византіи. Она понимала, какой бы это былъ для нея ударъ, и потому неудивительно, если митрополитъ, назначенный на мѣсто Климента послѣ смерти Изяслава Мстиславича, опять патріархомъ и опять изъ Грековъ, торжественно предалъ проклятію покойника Изяслава [1]). Великая мысль этого князя не нашла поддержки со стороны другихъ князей, не нашла ея и со стороны многихъ изъ русскаго духовенства. Явился даже ревностный защитникъ правъ константинопольскаго патріарха — новгородскій епископъ Нифонтъ, не хотѣвшій признавать Климента митрополитомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Нифонтъ, который даже потерпѣлъ за свое упорство, дѣйствовалъ по убѣжденію; но это было убѣжденіе противународное [2]). А между тѣмъ Нифонтъ былъ во многихъ отношеніяхъ одною изъ свѣтлыхъ головъ эпохи. Это доказывается его отвѣтами на различные, касающіеся церковныхъ дѣлъ, вопросы черноризца Кирика. Эти отвѣты — памятникъ церковно-дѣловой, не литературный; но его нельзя обойти при характеристикѣ эпохи, ибо многое изъ нея въ немъ отразилось. Онъ указываетъ на существованіе въ народѣ еще многихъ языческихъ суевѣрій, а наивная мелочность нѣкоторыхъ вопросовъ — на все еще младенческое состояніе нашей церкви; зато многіе изъ отвѣтовъ Нифонта указываютъ на существованіе въ нашемъ духовенствѣ отдѣльныхъ значительно развитыхъ лицъ. — Можно ли пріобщить человѣка, у котораго идетъ гной изъ устъ?» Спрашиваетъ Кирикъ. «Весьма можно: не тотъ смрадъ отлучаетъ отъ святыни, что идетъ изъ устъ, но смрадъ грѣховный.» —«Если кто придетъ къ священнику; для покаянія и будетъ просить принять его въ число духовныхъ дѣтей: отнюдь не должно отвергать таковаго и отсылать къ другому духовнику. Покаяніе—дѣло вольное.»—«Мнѣніе (которое было записано въ какой-то безыменной книгѣ), будто десять литургій избавляютъ отъ епитимьи на четыре мѣсяца, двадцать литургій — на восемь мѣсяцевъ, а тридцать — на цѣлый годъ, не можетъ быть принято: иначе богатые люди, согрѣшая, нанимали бы только служить за себя службы, а сами нимало бы себя не утруждали.» — «Случится ли, что платъ женскій будетъ вшитъ въ одежду священника, — онъ можетъ служить и въ этой одеждѣ, ибо чѣмъ погана жена?» — «Можно, ли въ день воскресный рѣзать скотъ или птицу для пищи?» — «Можно, въ томъ нѣтъ грѣха.» — «Въ пищу употреблять можно всякую рыбу и мясо, если совѣсть не зазритъ и человѣкъ не возгнушается: если же зазритъ, и однакожь онъ станетъ ѣсть, то грѣхъ ему.» — Въ какой ходить одеждѣ? Не бѣда, хотя бы въ мед-

---

[1]) Макар. И. Р. Ц., т. III, стр. 12.

[2]) Странно читать въ Ист. Лит. Шевырева выраженіе сочувствія Нифонту за этотъ упорный союзъ его съ Византіей.

вѣжинѣ.» — «Хорошо отпустить кого либо на свободу, но еще лучше выкупить человѣка.» «Если священникъ дастъ взаймы для лихвы, скажи ему: не достоитъ тебѣ служить, пока не отстанешь отъ этого. А если міряниыъ, скажи ему: не достоитъ тебѣ брать лихву. Если они не могутъ оставить того, скажи имъ: будьте милосерды, берите по немногу; пять кунъ далъ, возьми три или четыре [1]).» — Эти нападенія на проценты, которыя мы встрѣтили уже въ словѣ Луки Жидяты, попадаются въ большей части старинныхъ нашихъ поученій. Высокое, чисто-христіанское негодованіе высказывается въ словахъ объ этомъ митр. Никифора: «если ты постишься и между тѣмъ съ брата берешь ростъ: нѣтъ тебѣ никакой пользы. Ты считаешь себя постящимся, а вкушаешь мясо — не мясо овцы или другихъ животныхъ, но плоть брата твоего, закалая его злымъ ножомъ лихоиманія, неправедной мзды, тяжкаго роста [2]).» — Такія слова могутъ отчасти загладить византійствованіе Никифора, тѣмъ болѣе что оно, какъ мы видѣли, не могло быть усвоено Мономахомъ. Но вслѣдствіе упорнаго содѣйствія византійскому вліянію со стороны Нифонта и поддержки, встрѣченной имъ во многихъ князьяхъ и духовныхъ, это вліяніе должно было все болѣе и болѣе торжествовать, когда еще при жизни смѣненнаго Климента Смолятича митрополитомъ явился у насъ опять грекъ, а за нимъ и цѣлый рядъ другихъ Грековъ.

Таково было внутреннее состояніе Руси въ XII в. Познакомившись съ нимъ, мы можемъ наконецъ обратится къ собственно литературнымъ произведеніямъ этой эпохи, которыя безъ такого знакомства не могли бы быть вполнѣ поняты. Къ самому началу вѣка относится произведеніе новаго рода, открывающее въ нашей литературѣ цѣлый, въ продолженіи вѣковъ не прерывавшійся рядъ подобныхъ произведеній: это Хожденіе (Путешествіе) Даніила Паломника въ Іерусалимъ [3]). Обычай ходить въ святыя мѣста и возвращаться оттуда съ пальмовыми вѣтвями, унесенными на память (откуда и названіе паломникъ), съ самаго начала христіанства существовалъ на Руси. Онъ отразился и въ народной поэзіи — въ былинахъ о сорока каликахъ и о Васильѣ Буслаевѣ [4]). Василій говоритъ про свое странствованіе: «а мое-то вѣдь гулянье неохотное, съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти.» Также неохотно, какъ Василій, шли вѣроятно и многіе, но всетаки шли, надѣясь и этимъ неохотнымъ хожденіемъ выслужить себѣ избавленіе отъ ада. Такъ было и на западѣ въ продолженіи среднихъ вѣковъ, — это

---

[1]) Мак. Ист. Р. Ц., т. III, стр. 189—197.

[2]) Макар. И. Р. Ц., т, II, стр. 162.

[3]) Сохранилось во множествѣ списковъ т. е. было однимъ изъ любимѣйшихъ чтеній народа русскаго (Мак. Ист. Р. Ц., т. II, стр. 182).

[4]) Христ. стр. 272—273, 180.

видно изъ лирическихъ пѣсень многихъ миннезингеровъ и трубадуровъ, волею и неволею бывавшихъ въ Іерусалимѣ [1]). Другіе же ходили очень охотно, но опять-таки не изъ искренняго усердія религіознаго, а ради бродяжничества. Къ чести нашей церкви служитъ то, что она энергически возставала противъ такихъ богомоловъ. Въ доказательство приведу золотыя слова Нифонта Новгородскаго: «Не грѣхъ ли возбранять нѣкоторымъ странствованія во Іерусалимъ и вообще къ святымъ мѣстамъ? Спрашивалъ Нифонта Кирикъ. Не только не грѣхъ, отвѣчаетъ Нифонтъ, напротивъ большое добро, если они странствуютъ только для того, чтобы быть праздными и во время путешествія только ѣсть и пить. Тѣхъ, которые даютъ присягу итти въ Іерусалимъ, подвергать епитиміи. Ибо присяга эта губитъ нашу землю». (Вѣроятно ее давали слишкомъ многіе, и бродяжничество развивалось въ страшныхъ размѣрахъ [2]). Но были у насъ и паломники, которые шли не для бродяжничества, и шли охотно, съ искреннимъ религіознымъ усердіемъ: таковы были въ нашей народной словесности сорокъ каликъ со каликою, налагающіе на себя нравственный обѣтъ правдолюбія и нелюбостяжательности. Съ такимъ же характеромъ отразился въ своемъ «Хожденіи» и Даніилъ Паломникъ. Самою теплою любовію ко святымъ мѣстамъ и чувствомъ самой искренней радости о томъ, что удалось посѣтить ихъ, проникнута вся книга смиреннаго игумена земли русской. Посѣтилъ онъ св. землю между 1113 и 1115 г. [3]), т. е. въ самое интересное время, когда послѣ перваго крестоваго похода Іерусалимъ былъ въ рукахъ христіанъ, подъ властію Балдуина (князя Балдвина, какъ называетъ его Даніилъ). Но ни слова не говоритъ нашъ игуменъ о недавнемъ завоеваніи Іерусалима христіанами;—прямое доказательство, что онъ весь отдался воспоминаніямъ объ отдаленномъ прошедшемъ—о дняхъ земной жизни Спасителя, и что его нимало не интересовали событія ближайшаго времени. Сочувствіе крестовымъ походамъ было выражено у насъ въ другомъ литературномъ произведеніи и позже, въ самомъ концѣ XII в. — въ лѣтописи, подъ 1190 г.: «сіи же Нѣмци, сказано тамъ о крестоносцахъ 3-го крестоваго похода, яко мученици святіи, прольяшя кровь свою за Христа, со цари своими». [4]) Такимъ образомъ наша русская способность сочувствовать

---

[1]) См. мою книгу «о нравств. стихіи въ поэзіи» стр. 150 и 151.

[2]) Мак., Ист. Р. Ц., т. III, стр. 196.

[3]) Шевыр. Ист. Р. С., ч. II, стр. 161. Мак., т. II, стр. 132. Срезневск. Др. Пам. (Изв. А. Н., X, 83, 84).

[4]) Шевыр., ч. II, стр. 160. Мнѣніе Шевырева, что „худаго слова Даніилъ не сказалъ о крестоносцахъ, можетъ быть, потому, что не могъ сказать добраго" (ч. II, стр. 174), кажется мнѣ натяжкою. Во 1-хъ третій крестовый походъ не былъ же чище перваго, а на него идеально взглянулъ и сочувствіе ему выразилъ лѣтописецъ русскій—такое же духовное лицо какъ и Даніилъ. Во 2-хъ худое слово сказать о ла-

всему, признаваемому хорошимъ, чужому не была подавлена и въ концѣ XII в. византійскою ненавистью къ латинамъ, доходившею, какъ мы видѣли, до того, что съ ними вмѣстѣ и ѣсть запрещалось. Даніилъ Паломникъ съ полнымъ сочувствіемъ выражается о католикѣ князѣ Балдуинѣ; но въ другомъ мѣстѣ выразилось у него чувство не расположенія къ латинамъ, а именно въ замѣчаніи, что изъ фряжскихъ кандилъ (лампадъ) ни едино не возгорѣлось, между тѣмъ какъ возгорѣлись русскія (христ. стр. 251) (фряги, варяги, нѣмцы, латини — это было все одно). [1]) Византійское вліяніе выразилось у Даніила еще тѣмъ, что онъ поминалъ за Литургіями въ Іерусалимѣ прежде всего князей (онъ даже нашелъ нужнымъ записать въ лаврѣ св. Саввы имена осьми изъ этихъ князей для будущаго поминанія), потомъ бояръ и наконецъ уже людей, не имѣвшихъ болѣе высокаго чина, какъ только одно простое названіе христіанъ. Но ставя свое кандило у гроба Господня, Даніилъ является человѣкомъ русскимъ: онъ ставитъ его отъ всея русскыя земля. (христ. стр. 250)

Сознательно стремясь къ точнойпередачѣ того, что дѣйствительно есть, къ истинѣ, простодушный Даніилъ невольно вносилъ въ свое повѣствованіе и религіозно-фантастическую примѣсь, которой наслышался и которую принялъ за истину. Такъ онъ совершенно серіозно говоритъ, что въ храмѣ воскресенія находится пупъ земной, что когда камень. въ который вставленъ былъ крестъ Господень, въ минуту кончины Спасителя разсѣлся надъ находившеюся подъ нимъ главою адамовою, то сквозь разсѣлину пролилась на эту голову вода изъ прободенныхъ ребръ Іисуса Христа. Подобныя религіозно-легендарныя сказанія въ то время господствовали вездѣ; до такой степени фантазія оставалась первенствующею и тамъ, гдѣ, по видимому, дѣйствовалъ только наблюдающій и собирающій свѣдѣнія умъ. Простодушно-чистосердечное сказаніе даніилово оканчивается просьбою, не попрекнуть смиреннаго повѣствователя худоуміемъ и грубостію, а прочесть написанное имъ съ вѣрою и любовію. чтобы прочтеніе могло принести не бывавшимъ въ Іерусалимѣ такую же пользу, какъ самое путешествіе, ибо блажени не видѣвше и вѣровавше; блажени, т. е. получать мзду — награду отъ Бога. Способствовать всякому въ полученіи этой мзды и было цѣлію Даніила.

Немедленно послѣ крещенія Руси, какъ было сказано, перешло къ намъ изъ Болгаріи значительное число переводовъ и извлеченій изъ от-

---

тинахъ нашъ паломникъ едва ли бы остерегся; говоритъ же онъ, что кандила ихъ не зажглись (какъ увидимъ далѣе).

[1]) Замѣчательно что А. С. Норовъ во франц. своемъ переводѣ „Хожденія Даніила» мѣсто это опускаетъ.

цовъ церкви; они усердно у насъ переписывались, къ нимъ присоединялись другія, отчасти вновь переходившія къ намъ, отчасти у насъ же и переводившіяся произведенія того же рода. Ихъ усердно читали, имъ начинали и подражать. Такимъ подражателемъ является въ своихъ поученіяхъ Кириллъ, епископъ туровскій. Сынъ богатыхъ родителей, онъ, подобно Θеодосію, не захотѣлъ пользоваться преимуществами богатства, а постригся въ монахи. Характеръ нашей монастырской жизни въ это время уже мѣнялся: Θеодосій наставлялъ монаховъ преимущественно въ послушаніи другъ другу; Кириллъ наставляетъ ихъ преимущественно въ послушаніи игумену. Въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ поученій его, обращенныхъ собственно къ инокамъ, говорится: «ты, какъ одежда, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возмутъ тебя въ руки; а потомъ не заботься, если разорвутъ тебя и на тряпки. Имѣй свою волю только до вступленія въ монастырь; а по принятіи монашескаго образа, всего себя отдай въ послушаніе и не скрывай въ себѣ ни малаго своевольства» [1]). Этимъ принесеніемъ въ жертву — не своихъ эгоистическихъ поползновеній только, а всей своей воли, всего себя — и притомъ не братству, не обществу людей между собою равныхъ и взаимно связанныхъ однимъ и тѣмъ же закономъ самоограниченія, — а одному лицу, которому отдаютъ себя въ руки какъ одежду, отдаютъ съ тѣмъ, что онъ можетъ, если ему вздумается, даже разорвать въ тряпки — этимъ, по понятіямъ того времени, монашество получаетъ право отнести къ себѣ, собственно къ себѣ, молитву Спасителя, идущаго на страданія: «не о мірѣ молю, но о сихъ, ихже далъ ми еси» [2]).—Не удовольствовавшись монастырскимъ отшельничествомъ, Кириллъ заключилъ себя въ столпѣ, гдѣ оставался на нѣкоторое время, упражняясь въ постѣ, молитвѣ и составленіи благочестивыхъ сочиненій. Слава его до такой степени распространилась, что сами жители Турова, вмѣстѣ съ княземъ, упросили Кирилла занять въ ихъ городѣ только что упразднившуюся епископскую каѳедру. Такимъ образомъ, подобно Мономаху, онъ былъ призванъ самимъ народомъ. Жилъ же онъ нѣсколько лѣтъ позже Мономаха, во времена знаменитаго Андрея Боголюбскаго (+ 1174 г.). которому, какъ сказано въ житіи Кирилла, писалъ «многія посланія отъ евангельскихъ и пророческихъ указаній». Боголюбскій, какъ извѣстно, старался возвысить свое суздальское княжество надъ всѣми другими, расширить его предѣлы, а вѣча народныя подавить; чтобы еще болѣе возвысить себя и свою столицу — Владиміръ, онъ захотѣлъ имѣть въ ней

---

[1]) Мак., Ист. Р. Ц. т. III, стр. 119.

[2]) Такъ въ другомъ поученіи къ монахамъ Кирилла Туровскаго. (Макар., т. III, стр. 125).

особаго митрополита, надѣясь найти въ немъ постояннаго союзника своей власти, и просилъ патріарха константинопольскаго посвятить въ митрополиты владимірскіе суздальскаго игумена Ѳеодора. Хотя патріархъ рѣшительно отказался, Ѳеодоръ не упалъ духомъ и рѣшился хотя отчасти достигнуть своей цѣли. Немного времени спустя, онъ отправился въ Константинополь и просилъ у патріарха посвященія хоть въ епископы ростовскіе, увѣряя его при этомъ, что митрополита кіевскаго не стало, а потому на Руси некому и посвящать въ епископы. Патріархъ посвятилъ его, и онъ съ торжествомъ пріѣхалъ въ Ростовъ, какъ епископъ, не послушавшись совѣтовъ Андрея Боголюбскаго—по крайней мѣрѣ сходить за благословеніемъ къ митрополиту кіевскому, который умирать и не думалъ. Тогда митрополитъ запретилъ паствѣ ростовской признавать его за епископа. Видя неповиновеніе своей паствы, Ѳеодоръ (или Ѳеодорецъ, какъ стали презрительно его называть) велѣлъ запереть церкви, сталъ предавать проклятію священниковъ, принялся грабить дома богатыхъ, а всѣхъ противившихся ему предавать варварской казни. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока самъ онъ не былъ казненъ по приказанію митрополита [1]). Вотъ противъ этого злодѣя въ епископской рясѣ и сталъ писать Кириллъ Туровскій,—но эти обличительныя писанія до насъ не дошли: потеря большая, потому что изъ такого писанія можно бы было ближе познакомиться съ образомъ мыслей тогдашняго духовенства, въ которомъ уже самая возможность появленія и одного такого лица, какъ Ѳеодорецъ, составляетъ черту знаменательную. До насъ не дошли и посланія Кирилла къ Андрею Боголюбскому, а дошли только его три поученія о монашествѣ, молитвы, канонъ, поученіе въ недѣлю Ваій (вербное воскресенье), рядъ поученій на такъ называемую цвѣтную тріодь (время отъ пасхи до пятьдесятницы), состоящій изъ 7 словъ (не достаетъ слова на недѣлю о самарянынѣ и недѣлю пятьдесятницы), наконецъ еще слово, изложенное въ видѣ притчи о слѣпцѣ и хромцѣ; и такъ—всего 9 словъ къ народу, 3 слова къ монахамъ, молитвы и канонъ. На словахъ Кирилла Туровскаго видно вліяніе проповѣдей отцовъ церкви и высокопоэтическихъ богослужебныхъ пѣснопѣній, его проповѣди заключаютъ въ себѣ рядъ образовъ, созданныхъ воображеніемъ, но дѣйствіе которыхъ на воображеніе нарушается ихъ, иногда изысканнымъ, символизмомъ. Каждая заключаетъ въ себѣ разсказъ о событіи, послужившемъ основаніемъ празднику, разсказъ, въ которомъ подробности собы-

[1]) Соловьева, Ист. Россія. III. стр. 65—66 Мак., т. III, стр. 15—20. Г. Шевыревъ замѣчаетъ, что отлученіе Ѳеодорцемъ народа отъ церкви—примѣръ неслыханный въ нашей исторіи.—Къ сожалѣнію, оно не совсѣмъ такъ. На нѣчто подобное я буду еще имѣть случай указать далѣе, при характеристикѣ слѣдующихъ вѣковъ (Шевыр. ч. 14, стр. 224).

тія развиты и дополнены фантазіею. Нерѣдко между лицами, участвовавшими въ событіи, завязываются у Кирилла Туровскаго цѣлые діалоги; они высказываются другъ передъ другомъ въ патетическихъ рѣчахъ, сочиненныхъ, конечно, въ духѣ этихъ лицъ проповѣдникомъ. Слова Кирилла Туровскаго окончательнымъ перевѣсомъ воображенія отличаются отъ словъ Иларіона и Өеодосія, у которыхъ, какъ мы видѣли, кромѣ воображенія въ значительной степени проявлялись: у перваго — глубокомысленный умъ, у втораго — теплое и простое, безъ всякой искуственности выражающееся чувство. Въ иносказательномъ, символическомъ значеніи витіевато-образныхъ словъ Кирилла заключается вся поучительная или нравственная сторона его проповѣди. Сторона эта въ ней вообще развита очень мало; еще менѣе замѣтно старанія сколько нибудь примѣнить нравственныя наставленія къ потребностямъ и нравамъ того времени [1]). Въ словахъ Кирилла рѣшительно нѣтъ ничего современнаго, кромѣ развѣ одного указанія въ словѣ на өомино воскресенье—указанія на то, что въ числѣ даровъ, приносимыхъ людьми воскресшему Спасителю, ненавидящіеся должны приносить духовную любовь [2]). Такихъ ненавидящихся въ то время междуусобій было не мало! Время было вообще таково, что могло бы вызвать проповѣдника на прямое противодѣйствіе именно тому роду золъ, которыя тогда преобладали. Изъ словъ Кирилла Туровскаго особенно хорошо могутъ познакомить съ характеромъ его проповѣди слова—на өомину недѣлю, на недѣлю о разслабленномъ, на вознесеніе. Въ первомъ сначала иносказательно излагается значеніе недѣли или дня недѣльнаго (воскресенія), замѣнившаго у христіанъ субботу, также значеніе недѣли новой, или первой по пасхѣ, и раздаваемаго наканунѣ артоса; потомъ проводится довольно искусственнымъ образомъ сближеніе между весною и воскресеніемъ христовымъ, или вообще возрожденіемъ человѣчества; наконецъ излагается самое событіе дня — испытаніе Өомою язвъ Спасителя, при чемъ и Спаситель, и апостолъ говорятъ пространныя рѣчи. Слово на недѣлю о разслабленномъ, кажется, совершеннѣе всѣхъ прочихъ: иносказательный смыслъ, приданный тутъ разслабленному, какъ представителю всего разслабленнаго волею и Спасителемъ исцѣляемаго человѣческаго рода, и приданъ, и развитъ безъ всякой натяжки, съ совершенною ясностію и безъ утомительныхъ длиннотъ. Замѣчателенъ тутъ въ сло-

---

[1]) О проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго приблизительно такимъ же образомъ судитъ и преосв. Макарій (Ист. Р. Ц. т. III, стр. 148). Преосв. Филаретъ Черниговскій почти не высказываетъ своего собственнаго сужденія о Кириллѣ (обзоръ русской духовн. литер.). На источники проповѣдей Кирилла Т. указывается подробно у Сухомлинова во 2 вып. Рукописей Гр. Уварова.

[2]) Христ., стр. 256, внизу.

нахъ Спасителя анахронизмъ—не единственный въ проповѣдяхъ Кирилла. «Я, говоритъ разслабленному Спаситель, и Лазаря, четыреходневнаго мертвеца, воскресилъ,» между тѣмъ какъ воскресеніе Лазаря произошло несравненно позже. Такіе анахронизмы объясняются, разумѣется, не невѣжествомъ (Кириллъ, очевидно, зналъ превосходно писаніе), а тѣмъ, что событія имѣютъ тутъ не историческій, а таинственный, символическій смыслъ. Такъ апостолъ Павелъ становится у Кирилла Туровскаго свидѣтелемъ вознесенія, потому что былъ объяснителемъ его тайны. Слово на вознесеніе—самое замѣчательное по богатству и высотѣ образовъ; это—распространеніе церковныхъ пѣснопѣній на этотъ день. Такія слова, вмѣстѣ съ самыми пѣснопѣніями церкви, не могли не дѣйствовать на воображеніе воспріимчивыхъ людей изъ народа; подъ вліяніемъ ихъ развивался совершенно новый родъ народной поэзіи, въ которомъ, правда, многое уцѣлѣло изъ поэзіи богатырской, но, уцѣлѣвъ, переиначилось и пополнилось впечатлѣніями, полученными отъ церковныхъ поэтическихъ образовъ,—это такъ называемые духовные народные стихи. Особенное вліяніе на образованіе ихъ должны были имѣть такія слова, предметъ которыхъ, выводя за точные предѣлы св. писанія, давалъ полный просторъ религіозной фантазіи. Къ числу такихъ поученій относится и слово о мытарствахъ (или о странствіи души по разлученіи съ тѣломъ), (христ. стр. 263) которое Калайдовичемъ было приписано Кириллу же Туровскому, но скорѣе принадлежитъ Кириллу, просвѣтителю Славянъ (въ большей части списковъ оно названо словомъ св. Кирилла просто; въ нѣкоторыхъ — словомъ Кирилла Философа) или же какому-нибудь другому Кириллу [1]). Чье бы оно ни было, оно важно потому, что многое изъ него прямо перешло въ народную поэзію — напримѣръ мѣсто о разставаніи души съ тѣломъ. Къ тому же роду проповѣдей относится «слово о видѣніи Павла апостола,» названное такъ, по всей вѣроятности, потому, что образно представляетъ ученіе апостола Павла о страданіи всей твари за грѣхи человѣка [2]). Слово это (вмѣстѣ съ другимъ, напеч. въ Прав. Соб.) называется еще словомъ о денноощной молитвѣ, потому что въ концѣ его говорится о необходимости ночью вставать и молиться, какъ говорилось объ этомъ въ поученіи Мономаха. Тутъ солнце, мѣсяцъ, моря, рѣки, наконецъ вся земля жалуется Богу

[1]) Преосв. Филаретъ Черниговскій приписываетъ его Кириллу II, митрополиту Кіевскому, жившему уже въ XIII в. (Обзоръ Духовн. лит., стр. 54 — 3 т. Уч. Зап. Акад. Наукъ). И. И. Срезневскій склоняется, повидимому, ко мнѣнію покойнаго Шевырева, что оно принадлежитъ лицу XIII-го же ст., Авраамію Смоленскому (Изв. А. Н., X, 103). Я-же полагаю, что кто бы ни обработалъ его у насъ, по основѣ оно не наше, а пришлое, всячески передѣлывавшееся и весьма древнее по происхожденію.

[2]) Православный Собесѣдникъ, 1858, часть II, стр. 600. Христ. стр. 265—66.

на грѣхи человѣка, что также, какъ увидимъ, отразилось и въ нашей народной поэзіи.

Такимъ образомъ и въ духовной литературѣ огромное значеніе имѣло воображеніе, эта господствующая способность временъ отдаленныхъ, младенческихъ. Значительный просторъ ему предоставлялся и въ одномъ изъ главнѣйшихъ родовъ повѣствовательной литературы — въ житіяхъ отечественныхъ угодниковъ. Тутъ, конечно, всегда была историческая основа, но такъ какъ почти каждое житіе, прежде чѣмъ записывалось, устно сохранялось въ народѣ, то многое тутъ создавалось, или, по крайней мѣрѣ, дорисовывалось воображеніемъ народнымъ. Отъ XII в. сохранились житія Исаіи и Леонтія Ростовскихъ. [1]) Первое представляетъ мало замѣчательнаго, мало отличающаго это житіе отъ общаго характера отшельническихъ житій. Даже о подвижничествѣ Исаіи у Ростовскихъ язычниковъ говорится тутъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Между тѣмъ изъ лѣтописи видно, что еще за четыре года до прибытія святителя на каѳедру въ ростовской области распоряжались волхвы, приписывавшіе голодъ тому, что женщины удерживаютъ хлѣбъ. Суевѣрные стали къ нимъ приводить сестеръ, матерей и женъ, а они обманомъ будто бы прорѣзывали у нихъ за плечами и вынимали оттуда жито. Мѣсто это важно, какъ свидѣтельство объ искони существовавшей въ народѣ вѣрѣ въ темное знахарство (см. выше стр. 72).—Житіе Леонтія богаче замѣчательными подробностями о его проповѣди св. вѣры ростовскимъ язычникамъ. Видно, что они подвергали его побоямъ и выгнали даже изъ города. Тогда онъ, поселившись за городомъ, сталъ собирать дѣтей и ихъ обращать въ христіанство. Когда же вслѣдъ за тѣмъ возвратившись въ городъ, онъ открыто сталъ проповѣдывать въ храмѣ, то язычники напали на храмъ вооруженною силою, но «увидѣвъ лице его, подобное лицу ангела, они пали, одни—полумертвые, другіе — слѣпые. Святый же молитвою возставилъ ихъ и сотворилъ здравыми.» О смерти св. Леонтія житіе говоритъ въ общихъ и неясныхъ выраженіяхъ, тогда какъ по одному памятнику XIII в., какъ увидимъ мы въ своемъ мѣстѣ, онъ, вѣроятно при новомъ возстаніи язычниковъ, мученически окончилъ жизнь.—На память св. Леонтія сохранилось еще древнее слово, которое нѣкоторыми относится ко второй половинѣ XII в. (Редакціею Прав. Соб. помѣстившею это слово въ 1 кн. 1858, стр. 424 и слѣд.); другими же къ первой половинѣ III-го (преосвященнымъ Филаретомъ Черниговскимъ (Русскіе Святые, Май, 163) (Востокова, описаніе рук. Рум. муз. № 156).

---

[1]) Правосл. Соб., 1858, ч. I. стр. 297—318, 432—450. Русскіе Святые Ф. А. Ч. Май, 100, 160.

большей части точно также утрачивали имена своихъ авторовъ, какъ при передачѣ народныхъ пѣсень изъ устъ въ уста утрачиваются имена ихъ первоначальныхъ слагателей. Въ этомъ отношеніи старинная наша литература сохраняла характеръ устной народной словесности. Какъ та заботилась только о передачѣ, о сохраненіи какой-нибудь пѣсни, такъ эта заботилась только о томъ, чтобы не переставали переписывать и читать какую нибудь благочестивую статью; статья же эта была цѣнна именно совершенною вѣрностью духу древнѣйшихъ учителей церкви, подобно тому какъ пѣсня была цѣнна сохранившимся въ ней преданіемъ старины. Но старина книжная, въ сравненіи съ этою устною народною стариною, была новизна; она къ намъ вносила извнѣ новыя мысли, новыя знанія, новую духовную жизнь. И усвоивалась эта книжная новизна не совсѣмъ-то сразу, не совсѣмъ легко. Въ народѣ сначала дичились ея и готовы были не только составленіе, но и самое чтеніе книгъ предоставить однимъ священникамъ и монахамъ. Духовенство сильно вооружалось противъ этого въ проповѣдяхъ своихъ, говоря: «не ссылайся на то, что имѣешь жену, или дѣтей, или распоряжаешься домомъ, или исправляешь должность, или занимаешься ремесломъ; не оправдывайся тѣмъ, будто бы читать книги—дѣло монашеское, а не наше. Монахи, убѣжавъ отъ мірскихъ мятежей и сидя въ затишьи, многимъ утверждаются въ вѣрѣ; намъ же живущимъ въ великомъ мятежѣ и въ бурѣ міра сего, слѣдуетъ, часто читая священныя книги, ими отгонять печаль и искать спасенія. Вода, по каплѣ падающая на камень, и его пробиваетъ; такъ и книги, когда ихъ часто читаютъ, наводятъ на истинный путь и разрѣшаютъ узы грѣха.» «Если ты не умѣешь читать, говорилось далѣе въ той же проповѣди, то ищи случая слушать и пользоваться отъ другихъ» [1]). И эти другіе, по всей вѣроятности, не отказывались раздѣлять свою духовную трапезу со всякимъ, потому что проводить разграничивающія черты между людьми не было въ духѣ народномъ, потому что рѣзкихъ сословныхъ различій не существовало у насъ въ старину. Если и въ XVII в. сходились еще на пиру за однимъ столомъ люди всякаго званія, то тѣмъ болѣе въ до-татарскую старину могъ, на прим., громко читать, или устно передавать прочитанное какой-нибудь книжный изъ княжихъ мужей, а приходить къ нему слушать могли всевозможнаго рода люди, — и тѣ, къ которымъ принадлежалъ Илья Муромецъ и которымъ даже какъ будто бы по преимуществу дано было у насъ имя крестьянъ, т. е. христіанъ.

---

[1]) Слово святихъ отецъ о почитаніи книжномъ. Приписывалось оно, по обыкновенію нашей старины, святымъ отцамъ, потому что писано совершенно въ ихъ духѣ, но писано, очевидно, у насъ на Руси, съ примѣненіемъ къ нашимъ обстоятельствамъ. (См. статью „О чтеніи книгъ въ древней Руси" въ Правосл. Собес. 1858 г., II, стр. 175—177).

Сначала, какъ было сказано, неохотно сходились слушать; но между тѣмъ, что читалось, нашлось очень многое, способное сильно увлечь. Собственно такъ называемыя проповѣди, растолковывавшія внутренній смыслъ писанія и такимъ образомъ дѣйствовавшія преимущественно на умъ, могли нравиться только немногимъ, потому что въ обществѣ неразвитомъ еще мало работаетъ умъ, а прежде всего и сильнѣе всего должно работать воображеніе. Напротивъ повѣствованія составляли ту часть св. книгъ, которая могла увлекать большинство; увлеченное повѣствованіями воображеніе, внимательно разбирая ихъ, многое могло находить въ нихъ какъ бы недосказаннымъ, недообъясненнымъ. Потому дополненія и распространенія въ родѣ тѣхъ, какія позволялъ себѣ Кириллъ Туровскій, могли служить удовлетвореніемъ любопытствующему воображенію. (Хотя съ другой стороны мудреный символизмъ его проповѣди могъ и отталкивать отъ нея). Но Кириллъ Туровскій всетаки себя сдерживалъ, не давалъ окончательной свободы своей фантазіи. Между тѣмъ изъ Византіи и изъ юго-славянскихъ странъ переходили къ намъ и такія книги, въ которыхъ свобода фантазіи становилась почти необузданною, которыя смѣло, съ избыткомъ пополняли кажущіеся пробѣлы св. писанія. Въ библейской исторіи появляется на короткое время лицо Мельхиседека, прообразующее Спасителя. Вообще объ немъ говорится мало, а его происхожденіе остается совершенно неизвѣстнымъ; и вотъ, для удовлетворенія возбужденнаго этою неизвѣстностью любопытства создались на востокѣ преданія, вошедшія въ составъ такъ называемой книги о Мельхиседекѣ. Неизвѣстностью покрыто также въ библіи дѣтство другаго, въ высшей степени многозначительнаго лица — Авраама: сказано только, что отецъ его былъ преданъ язычеству, вслѣдствіе чего Богъ и повелѣлъ Аврааму оставить родину. И вотъ воображеніе восточныхъ народовъ, на основаніи этой противоположности между отцомъ и сыномъ, нарисовало исторію дѣтства Авраама, вошедшую въ составъ особенной книги объ немъ. Такого же рода книги стали развивать и пополнять библейскую исторію Моисея, Давида и Соломона и др. Частію свѣдѣнія изъ такихъ книгъ переходили въ сборникъ, извѣстный подъ именемъ Палеи (о немъ было у насъ упомянуто); частію же все это переходило къ намъ прямо, отдѣльными книгами. Такимъ же точно образомъ пополнялись и сказанія новаго завѣта и фантазіею составлялись особыя книги объ Іисусѣ Христѣ, объ апостолахъ, о Богоматери, о состояніи душъ послѣ смерти; еще со большею смѣлостію дополнялись и отчасти искажались фантазіею первобытныя историческія сказанья о мученикахъ, пустынножителяхъ и другихъ христіанскихъ святыхъ. Всѣ подобнаго рода книги вселенскою церковію не признавались и получили названіе апокрифовъ; между тѣмъ ихъ жадно читали вездѣ и вмѣстѣ съ подлинными книгами св. писанія онѣ перешли и къ намъ — частію, какъ

уже было сказано, изъ Византіи, частію изъ Болгаріи, гдѣ онѣ, по всей вѣроятности, пополнялись новыми фантастическими подробностями [1]). У насъ въ свою очередь получали онѣ дальнѣйшее развитіе, при чемъ въ составъ ихъ нерѣдко входили и языческія вѣрованія русской старины. Снабжая насъ апокрифами, Византія снабжала и предостереженіями отъ нихъ — длинными списками, въ которыхъ обозначались какъ истинныя, такъ и ложныя (апокрифическія книги. Но такія предостереженія не вполнѣ достигали цѣли. «Строго систематическаго преслѣдованія запрещенныхъ книгъ и предполагать нельзя въ древней Россіи.... И образованные представители нашего духовенства въ старину не всегда отличали ложную книгу отъ истинной» [2]). Даже нѣкоторыя изъ такихъ книгъ, въ которыхъ фантазія разыгрывалась вполнѣ на просторѣ, не упоминались у насъ въ спискѣ ложныхъ и отреченныхъ. Таково, напримѣръ, слово Адама во адѣ къ Лазарю, состоящее въ томъ, что Адамъ поручаетъ Лазарю, готовящемуся воскреснуть по слову Спасителя, напомнить Ему о заключенныхъ въ адѣ, что пора наконецъ вывести ихъ оттуда, особенно тѣхъ, которые сами не согрѣшали и терпятъ только за него, праотца ихъ Адама. Не менѣе апокрифическаго было и въ нѣкоторыхъ другихъ книгахъ, въ старину допускавшихся у насъ самою церковію. Допуская ихъ, она такимъ образомъ предоставляла обильную пищу религіозной фантазіи; люди, и всякаго рода люди, подобными книгами пристращенные къ чтенію и слушанію книгъ, стали передавать прочитанное или слышанное съ собственными пополненіями и поясненіями. Передавалось также многое и изъ подлинныхъ

---

[1]) См. Ложныя и отреченныя книги русской старины, собранныя Ал. Ник. Пыпинымъ (III вып. Стар. Р. Лит.), предисловіе. Также статью „О почитаніи книжномъ“ въ Правосл. Собесѣдн. 1858 г., II, стр. 461; предисловіе къ Отреченнымъ книгамъ г. Тихонравова; начало главы о Болгарской литературѣ въ «Обзорѣ Исторіи Славянскихъ Литературъ» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича; изслѣдованіе того же А. Н. Пыпина «Для объясненія статьи о ложныхъ книгахъ (Лѣтопис. археографич. Коммиссіи, вып. I, 1861 г.) Что касается самаго слова апокрифъ, то, происходя отъ греч. апокрипто, оно означаетъ — сокровенный. Но съ этимъ соединялся различный смыслъ. Бл. Августинъ говоритъ, что сокровенными названы были книги, происхожденіе которыхъ осталось неизвѣстнымъ великимъ отцамъ церкви. Оригенъ понималъ буквальнѣе — считалъ эти книги сокрытыми, такъ какъ онѣ не были предметомъ обычнаго и общенароднаго чтенія. Въ одномъ сочиненіи, приписываемомъ св. Аѳанасію, говорится, что сокровенными называются извѣстныя книги потому, что ихъ бы слѣдовало скорѣе скрывать, чѣмъ читать. Есть нѣкоторыя свидѣтельства, намекающія на то, что ветхозавѣтные апокрифы сберегались не вмѣстѣ съ книгами каноническими, а въ особомъ, мало извѣстномъ мѣстѣ, и что отъ чтенія ихъ удерживали людей молодыхъ, мало опытныхъ. (Migne, Dictionnaire des apocryphes, I, préface, XXII).

[2]) См. статью г. Тихонравова: «О ложныхъ и отреченныхъ книгахъ русской старины» въ Русск. Вѣстн. 1862 г., № 1, стр. 416 и далѣе.

книгъ св. писанія, потому что и онѣ могли дѣйствовать на воображеніе; но ихъ подлинныя черты съ такою же смѣлостію развивались и пополнялись, какъ и черты, заимствованныя изъ апокрифовъ. Такимъ образомъ у насъ могли составляться какъ бы свои собственные апокрифы, которые также точно терпѣлись церковью, какъ и многіе изъ доставленныхъ Византіею, и отличались отъ нихъ только тѣмъ, что сохранились не въ письменныхъ сборникахъ, а просто въ народной памяти. Они, какъ и сказанія о древнихъ богатыряхъ, не записывались, а просто пѣлись, и эти новаго рода пѣсни разносили по всѣмъ концамъ Руси живую, поэтическую проповѣдь христіанства. Существованіе у насъ этого рода пѣсень, извѣстныхъ подъ именемъ духовныхъ стиховъ, прямо показываетъ, до какой степени христіанство овладѣвало воображеніемъ русскаго народа, — всего народа, а не одного духовнаго класса. Чтобы убѣдиться въ томъ, что это пѣсни чисто народныя, составленныя вѣрующими мірянами, а не духовными, стоитъ сравнить ихъ съ латинскими средневѣковыми гимнами [1]): тѣ, — чисто монашеское издѣліе, искуственное и холодное, отзывающееся ремесломъ, заказною работою; отъ этихъ, т. е. отъ нашихъ духовныхъ стиховъ, точно также вѣетъ жизнію, какъ и отъ нашей богатырской поэзіи; тѣ же краски, тѣ же сравненія, тотъ же народный размѣръ, только предметы другіе. Они и не вытѣсняли прежнихъ богатырскихъ пѣсень: — тѣ продолжали себѣ пѣться своимъ чередомъ, и первоначально изъ нихъ очень многое переходило въ стихи духовные, только получая въ нихъ новую обстановку и новыя, уже христіанскія имена. Но разница была въ томъ, что богатырскія пѣсни и слагались, и пѣлись всѣми, а духовные стихи только слушались всѣми, а слагались и пѣлись извѣстными, избранными мірянами, тѣми, которые составляли особый классъ богомольцевъ или странниковъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы въ старину къ числу этихъ странниковъ принадлежали, какъ теперь, почти исключительно простолюдины; безъ сомнѣнія, тутъ попадались нерѣдко и мужи княжіе [2]). Достовѣрно по крайней мѣрѣ

---

[1]) Mone, Lateinische Hymnen des Mittelalters. Edélestand du Méril, poésies populaires latines du Moyen Age. Hoffmann v. Fallersleben, Geschichte des deutschen Kirchenliedes. Тутъ помѣщено и цѣлое множество пѣсень, изъ коихъ только весьма немногія носятъ б. и. м. народный характеръ (стр. 446, 501, 502; также № пѣсень 240, 256 и 320; ср. еще стр. 250). И не мудрено, что на западѣ оно было такъ, если бывали даже примѣры сожженія перевода священныхъ книгъ на туземный языкъ, по приказу папы (въ Метцѣ въ XII в.), и ежели привычка даже къ проповѣдямъ на латинскомъ языкѣ была такъ сильна, что для слушанія таковыхъ мѣстами въ Германіи стекались издалека и люди, ни слова не понимавшіе, когда же, за тѣмъ, та же проповѣдь повторялась проповѣдникомъ по нѣмецки, всѣ почти уходили. (Тамъ же стр. 52 и 153).

[2]) Сравни съ статьей Буслаева г. «Русскіе духовные стихи» въ Русской Рѣчи 1861 г.

то, что странникамъ, кто бы они ни были, былъ всюду радушный пріемъ, и пѣсни ихъ такимъ образомъ одинаково служили пищею всѣмъ слоямъ русскаго общества, на сколько слои эти существовали у насъ въ старину. Слагались же онѣ, безъ сомнѣнія, уже съ первыхъ вѣковъ распространенія у насъ христіанства, но продолжали слагаться и позже — до самаго XVII ст. И не трудно отличить старинный духовный стихъ отъ болѣе новаго. Первый всегда отличается чисто-эпическою подробностью и исключительно-повѣствовательнымъ характеромъ, второй уже сокращаетъ первоначальное содержаніе, или довольствуется передачею только извѣстной части его, особенно же любитъ выдѣлять изъ цѣлаго мѣста лирическія [1]). Старшіе изъ нашихъ духовныхъ стиховъ сложились еще въ ту эпоху народнаго творчества, которую назвали мы, въ нашемъ

№ 23, стр. 351. Тихонравова о каликахъ въ 33 присужденіи дем. на градъ, стр, 200—203.

[1]) Въ сборникѣ г. Безсонова «Калѣки перехожіе» отличаются стихи старшіе отъ стиховъ младшихъ. Въ своей огромной замѣткѣ ко 2-й части «Пѣсенъ Рыбникова» онъ старается приблизительно опредѣлить время, когда сложились нѣкоторыр изъ стиховъ; такъ стихи объ Егоріѣ Храбромъ, по его мнѣнію, должны относиться еще ко времени Ярослава, стихъ о Борисѣ и Глѣбѣ — ко времени открытія ихъ мощей. (стр. XCIII и XCIX). Г. Буслаевъ въ свою очередь полагаетъ, что уже отъ ранней эпохи распространенія у насъ христіанства ведутъ начало стихи о страшномъ судѣ. (Русская Рѣчь, № 26 «Русскіе духовные стихи,» стр. 568, 399). Г. Пыпинъ говоритъ, что къ очень древней эпохѣ относится стихъ о Голубиной Книгѣ (Современникъ 1860 г., статья о Легендахъ Аѳанасьева, стр. 81). Мнѣніе г. Котляревскаго, что духовные стихи возникли въ относительно позднѣйшее время (въ XVI—XVII в.), и согласіе его съ мнѣніемъ г. Срезневскаго, что они „не были своеобразными, самобытными произведеніями русскаго народнаго творчества,“—доказательствами не подкрѣплены, хотя эти мнѣнія и высказаны въ статьѣ очень дѣльной и выказывающей большую начитанность («Наука о русской старинѣ и народности за истекшій годъ» — въ Московск. Вѣдом. 1862 г., № 92, стр. 736). Г. Тихонравовъ въ своей оцѣнкѣ «Калѣкъ Перехожихъ,» помѣщенной въ 33-мъ присужденіи демидовскихъ наградъ, весьма основательно нападая на разсужденіе г. Безсонова (въ началѣ IV в. Калѣкъ) за невниманье его къ книжной стихіи въ нашихъ стихахъ самъ, какъ мнѣ кажется, былъ не достаточно внимателенъ въ противномъ смыслѣ, — не достаточно усмотрѣлъ, при всемъ неоспоримомъ вліяніи книжности, и стихію народную, несомнѣнно присущую нашимъ стихамъ. Вообще я думаю, что старанія нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей выказать преимущественно не-народность нашихъ духовныхъ стиховъ останутся столько же неудачными, какъ и противоположныя старанія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, наприм. Вильмара, доказать народность такой, наприм., германской духовной поэмы, какъ Геліандъ, хотя она все-же ближе къ народному пониманію, чѣмъ Оттфридовъ Krist. Что касается времени нашихъ стиховъ, то и г. Тихонравовымъ признается древность Голубиной книги, Егорія и суда страшнаго (стр. 203, 205, 212, 214, 215). Мнѣніе же его о принадлежаніи стиховъ о Борисѣ и Глѣбѣ XVII ст., вѣрно только относительно одного ихъ разряда, который дѣйствительно переполненъ изуродованными славянскими выраженіями (стр. 221 и 222); зато другой разрядъ стиховъ отличается, какъ мы выше видѣли, при народности языка, характеромъ чисто эпическимъ и даже далекимъ отъ христіанства.

введенія, богатырскою; въ нихъ тѣ-же богатыри передѣлались въ христіанскихъ святыхъ, сохраняющихъ тутъ основныя черты и характеръ богатырей. Мало того, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (напримѣръ въ Голубиной Книгѣ, въ Егоріѣ Храбромъ) сохранились, и притомъ даже болѣе, чѣмъ въ былинахъ, черты еще болѣе отдаленной эпохи — миѳической. Съ другой стороны, почерпая часть своего содержанія изъ историческихъ преданій христіанской церкви, они составляютъ у насъ переходъ отъ богатырскаго идеала къ историческому. Переходъ этотъ былъ постепенный: сначала въ былинахъ стали появляться лица, которымъ, казалось бы, тутъ не мѣсто (таковъ Никола Можайскій, или св. Николай, приходящій на помощь къ Садко (христ. стр. 178); потомъ и сами богатыри стали измѣнять своему характеру, каяться въ своемъ богатырствѣ, какъ Василій Буслаевичъ. (Христ. стр. 180 — 181). Такой же переворотъ, какъ съ Васильемъ, совершился съ однимъ изъ кіевскихъ богатырей, Михаиломъ Потыкомъ. Онъ упоминался у насъ только вскользъ, потому что образъ его довольно неясенъ; ярко въ немъ выдается впередъ только способность постоянно напиваться пьянымъ. И вдругъ онъ становиться богомольцемъ, даже главой богомольцевъ. Какимъ образомъ произошло это съ нимъ, можно только догадываться изъ той былины, въ которой онъ, обращенный въ камень своею загадочною, очевидно миѳическою женою, снова получаетъ человѣческій образъ — благодаря тому самому Николѣ Можайскому, который спасъ и богатыря Садко [1]). Быть можетъ, со временемъ откроются былины, изъ которыхъ будетъ видно, что именно вслѣдствіе этого чуда, совершеннаго надъ нимъ Св. Николаемъ, Михайло Потыкъ переродился и нравственно. Какъ бы то ни было, въ другихъ былинахъ становится онъ главой богомольцевъ или калѣкъ перехожихъ. Объ нихъ было уже отчасти говорено въ главѣ о былинахъ. Мы видѣли, что первоначально этимъ именемъ означали въ нашей народной поэзіи едва ли не остатки старшихъ богатырей, потомъ изъ нихъ сдѣлались каличища-пилигримища, т. е. богомольцы. Хотя въ нѣкоторыхъ былинахъ отъ прежняго ихъ значенія поэзія сохранила за ними причудливый и богатый нарядъ, въ другихъ они являются прямо нищими, въ образѣ которыхъ кроются иногда самъ христосъ и апостолы (въ нѣкоторыхъ былинахъ объ исцѣленіи Ильи Муромца). Въ былинѣ о сорока каликахъ со каликою (предводителемъ Михаило Потыкъ) [2]) они настоящіе богомольцы-нищіе, выпрашивающіе на дорогу милостыню; но они выпрашиваютъ ее такимъ голосомъ, отъ котораго съ домовъ верхи ва-

---

[1]) Пѣсни Рыбн. часть II, стр. 59—87.

[2]) Въ нѣкоторыхъ варьянтахъ онъ переименованъ въ Касьяна Михайловича. Такъ и въ варьянтѣ помѣщенномъ въ христоматіи (стр. 272—273).

лятся, т. е. сейчасъ же видно, что они въ то же самое время все таки богатыри. Между тѣмъ эти богатыри сами заходѣли связать свою страшную силу заповѣдію, что если бы кто изъ нихъ вздумалъ украсть что-нибудь, и не признается атаману, а атаманъ провѣдаетъ, — такъ оставить его одного въ чистомъ полѣ и по плечи закопать въ землю. И не смотря на такую заповѣдь, тѣ же самые богатыри-калики, въ нѣкоторыхъ варьянтахъ былины, не просятъ, а требуютъ милостыни: «не рублемъ беремъ мы, и не полтиною, а беремъ цѣлыми тысячами;» если же кто-нибудь вздумаетъ назвать ихъ въ отвѣтъ: «воры вы и разбойники,» — они сейчасъ же отваляютъ его клюками подорожными. До такой степени тонъ въ нихъ не установился, отливая то прежнимъ богатырскимъ, то новымъ христіанскимъ значеніемъ. Новое однако же перевѣшиваетъ. Калики, не заставъ Владиміра дома, радушно приняты княгинею Апраксѣевной, и атаманъ ихъ, прежній пьяница горькій, Михайло Потыкъ Ивановичь, держитъ себя совершенно такъ, какъ Іосифъ Прекрасный въ семействѣ Пентефрія. Конецъ былины очень похожъ на библейскую исторію Іосифа; Апраксѣевна — та-же жена Пентефрія; средство, употребляемое ею для того, чтобы погубить Михаила-Іосифа, именно чарка, заложенная ему въ мѣшокъ, — въ библіи употребляется самимъ Іосифомъ съ цѣлію испытать братьевъ. Исполнителемъ княгининой хитрости является обычное въ такихъ случаяхъ лицо былинъ — Алеша Поповичъ, еще болѣе выказывающій тутъ свой неблагородный характеръ. Подъ конецъ Михаилъ-Іосифъ чуднымъ образомъ остается невредимъ послѣ казни и сверхъ того изцѣляетъ отъ болѣзни оклеветавшую его Апраксѣевну: изъ богатыря вышелъ мученикъ-чудотворецъ, былина къ концу оказалась духовнымъ стихомъ.

Подъ позднѣйшимъ христіанскимъ вліяніемъ явилось наконецъ понятіе и о неизбѣжной гибели богатырскаго рода. Мы имѣемъ особыя былины о томъ, какимъ образомъ перевелся онъ на Руси (христ. стр. 181)—и при этомъ не уцѣлѣлъ даже тотъ богатырь, которому по другимъ былинамъ предсказано, что смерть ему не написана. Въ другихъ былинахъ преодолѣвающій даже судьбу, тутъ и самъ Илья Муромецъ долженъ уступить какой-то высшей, нездѣшней силѣ. Есть мнѣніе (г. Буслаева), что подъ нею разумѣется новое поколѣнье существъ миеическихъ — и оно дѣйствительно могло быть такъ въ первоначальномъ видѣ былины (см. выше стр. 203). Но въ томъ видѣ какъ она теперь передъ нами, — на ней, мнѣ кажется, уже нельзя не признать вліянія христіанскаго.—Самое это названіе — силой нездѣшнею — не обычно въ былинахъ и, по своей отвлеченности, указываетъ на особое, не языческое начало (силами же, какъ извѣстно, именуется въ христіанствѣ извѣстная ступень міра ангельскаго; съ другой стороны ангелы въ св.

писаніи часто являются и воителями, [1]) какъ они называются и въ нашей былинѣ, гдѣ при этомъ не узнаются витязями). Далѣе гибель богатырей является въ нашей былинѣ слѣдствіемъ гордости ихъ, наказаніе же за гордость—есть уже одна изъ обычныхъ христіанскихъ темъ. —Наконецъ, если тутъ одолѣваетъ новое миѳическое поколѣніе, то почему же о немъ, позднѣйшемъ — не дошло до насъ никакихъ особыхъ былинъ, тогда какъ имъ замѣняемое древнѣйшее безраздѣльно господствуетъ въ былевомъ эпосѣ, и господствуетъ, какъ свѣтлое, благотворное, когда-то заставившее удалиться другое—скорѣе вредное, разрушительное? Если въ основѣ нашей былины и лежитъ борьба двухъ миѳическихъ поколѣній, то это можетъ бы только борьба уже извѣстныхъ намъ — старшихъ богатырей съ младшими, позже передѣлавшаяся въ борьбу богатырей вообще — съ ангелами.

Съ стихами духовными неразрывно связалось имя калѣкъ перехожихъ. Этимъ именемъ стали называться сами слагатели и пѣвцы стиховъ — тѣ, преимущественно слѣпые странники, которые и до сихъ поръ еще поютъ у насъ на церковныхъ папертяхъ и по дорогамъ. Они считаютъ это дѣло своимъ исключительнымъ, дорогимъ преимуществомъ, считаютъ его дѣломъ стариннымъ, ведущимъ начало со дня вознесенья Христова. Объ этомъ поютъ они въ стихахъ о томъ, какимъ образомъ проявились у насъ калики [2]). Наканунѣ вознесенья, твердо вѣрятъ калики теперешніе, всего болѣе стали тужить о предстоящей разлукѣ съ Христомъ — калики тогдашніе... И напрасно было бы оставить имъ въ наслѣдіе золотую гору, — она не досталась бы имъ!.. [3]) Такъ глубоко понято поэзіею народа, что эта золотая гора, которую намѣревался Спаситель завѣщать нищимъ, не могла не перейти въ руки сильныхъ, не только князей и бояръ, но и пастырей — повидимому, прямыхъ послѣдователей Христа... Но мрачное впечатлѣніе, производимое началомъ стиха, изглаживается его окончаніемъ. Народу не всѣ безъ исключенія люди представляются въ чорномъ свѣтѣ: онъ вѣритъ, что христіанство не прошло для нихъ безъ слѣда, что Спасителю стоитъ только оставить въ наслѣдіе нищимъ имя свое святое — и они уже будутъ призрѣны,—стихъ не говоритъ — кѣмъ, но по первой половинѣ его можно заключать, что конечно не сильными или избранными, а всякими и по-одиночкѣ-слабыми, однако же сильными соединяющею ихъ силой любви, съ міру берущей по ниткѣ, такъ что голому выходитъ рубашка. — Въ этомъ духовномъ стихѣ такимъ

---

[1]) Ср. примѣч. въ IV вып. Пѣс. Кирѣевскаго, стр. 113.

[2]) Въ нѣкоторыхъ сборникахъ называются они стихами о Вознесеніи.

[3]) Хрестоматія стр. 273—254.

образомъ выразилось недовѣріе къ сильнымъ, то самое недовѣріе, которое, какъ мы видѣли, выражалъ и нашъ Мономахъ. Онъ, какъ мы видѣли, не хотѣлъ быть сильнымъ въ смыслѣ притѣснителя, а хотѣлъ быть сильнымъ только для того, чтобы охранять и оберегать народъ. Такимъ образомъ при немъ духъ власти вполнѣ соотвѣтствовалъ духу народному, а литература—это доказываетъ его поученіе — была проникнута тѣмъ же, чѣмъ и словесность народная. Въ ней только начинало проявляться то византійское направленіе, благодаря которому Никифоръ въ своемъ посланіи къ Мономаху находилъ нужнымъ говорить правду князьямъ собственно во время поста, между тѣмъ какъ любимецъ народной поэзіи — Илья Муромецъ, во всякое время говорилъ правду, и какую горько полезную правду Владиміру!

Стихъ, только что разобранный нами, по всей вѣроятности сложился въ очень раннюю пору, когда византійское вліяніе не успѣло еще усилиться, а сохраненіе въ народной памяти подобныхъ стиховъ могло отчасти служить оплотомъ противъ успѣховъ такого вліянія. И между тѣмъ, кто же въ этомъ стихѣ отговариваетъ Спасителя оставить нищимъ золотую гору? Іоаннъ Златоустъ—одинъ изъ тѣхъ великихъ отцовъ церкви, которые, принадлежа Византіи, сами терпѣли гоненія отъ нея. Его, великаго пастыря церкви, народъ заставляетъ уличать ея пастырей — опять сходство съ завѣщаніемъ Мономаха, который, самъ сильный, предостерегаетъ отъ сильныхъ!

По основному направленью, по духу, нашъ духовный стихъ можетъ быть сближенъ съ однимъ болгарскимъ преданіемъ—о Христѣ и о томъ же златоустомъ святителѣ. «Всѣ святые были грѣшные люди, простодушно заключается тутъ въ самомъ началѣ, только св. Ованъ Златоусти никогда не грѣшилъ. Въ старыя же времена почиталось грѣхомъ не только всякое грѣшное дѣло, но и помышленіе. Разъ пришелъ Іисусъ Христосъ въ гости къ Овану Златоустому. Ованъ Златоусти, чтобъ угостить Спасителя, приготовилъ кушанье, а соли не положилъ; — и вотъ, когда сѣли ужинать, то Спаситель отвѣдалъ немного и спрашиваетъ Ована: зачѣмъ ты соли не положилъ въ кушанье?—Я только подумалъ, чтобы кушанье было солено, и ждалъ, что мое желанье исполнится, сказалъ Ованъ Златоусти. — Да это невозможно, отвѣчалъ Христосъ: като рѣче, не испече (очевидно, пословица: сказать, не значитъ еще изготовить). А если невозможно, отвѣчалъ Ованъ, такъ отчего же помышленіе считается у тебя грѣхомъ? — Іисусъ Христосъ обнялъ Ована и сказалъ: «чтобы уста твои были золотые.» [1]).

---

[1]) Каравелова, Пам. быта Болгаръ I, 182. Странно послѣ это встрѣтить въ ученомъ изданіи и у почтеннаго изслѣдователя—подобнаго рода мнѣніе: святцы любять

Ясно, что, при различіи содержанія, и въ болгарскомъ, и въ славянскомъ преданіи Златоустъ, а также и самъ Спаситель, являются представителями того простодушно-мягкаго, человѣчнаго свободомыслія, слѣдить за развитіемъ котораго въ народной поэзіи могло бы и должно бы быть дѣломъ настоящей культурной исторіи.

Возвращаясь къ началу у насъ пѣснотворнаго странничества, мы должны припомнить, что свое первоначальное, отдаленнѣйшее происхожденіе калики вели отъ самого Іисуса Христа. Происхожденіе свое на Руси, какъ мы также видѣли, вели они отъ богатырей-каликъ, пересозданныхъ христіанскою вѣрою. [1]) Подъ вліяніемъ той же вѣры нѣкото-

---

останавливаться на страшныхъ картинахъ и рисуютъ ихъ рѣзкими чертами, не жалѣя красокъ. Они видимо хотятъ поразить воображеніе слушателей, запугать ихъ чувство— и для чего? Для того, чтобы вынудить у нихъ лишній грошъ. Вотъ источникъ ихъ вдохновенія и художественный пріемъ ихъ творчества. И я не клевещу на нашихъ убогихъ пѣснопѣвцевъ: они сами смотрятъ на свой даръ съ этой точки зрѣнія, какъ показываетъ сложенная ими на эту тему рапсодія, по которой имъ «слово христосовое» дано для того, чтобы они были „сыты и пьяны!“ (!!!) Въ пылу своего желанія доказать такимъ образомъ безполезность «Каликъ Перехожихъ» г. Безсонова, строгій академическій критикъ позабываетъ даже, что слово «пьяный» никакъ не можетъ быть принято тутъ въ теперешнемъ буквальномъ смыслѣ этого слова, а можетъ значить только, соотвѣтственно слову: сыты — напоены, удовлетворены и питьемъ, равномѣрно съ пищею (См. отзывъ г. Билярскаго о книгѣ г. Безсонова въ Изв. Ак. Наукъ, X, III, 256, 257).

[1]) Въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи о Каликахъ Перехожихъ (Зап. А. Н. I, II, 186—210) И. И. Срезневскій, къ сожалѣнію, не обратилъ достаточнаго вниманія на древнее богатырско-миѳическое значенье каликъ. Но ихъ позднѣйшее бытовое значеніе и сходство ихъ съ западными каликами развито тутъ превосходно. Мнѣ кажется только, что изъ подобнаго сходства ничего особеннаго выводить нельзя. Главнѣйшія принадлежности страннической одежды до такой степени соотвѣтствуютъ положенію странника — посохъ крючковатый, дѣлавшійся тяжелымъ м. б. и для обороны, сума, шляпа съ полями широкими, защищающими отъ солнца, плащъ съ колпакомъ (капишономъ) на случай ненастья—все это такъ цѣлесообразно, что могло въ совершенно различныхъ мѣстностяхъ возникать само собою, независимо отъ всякихъ позднѣйшихъ заимствованій и подражаній. Отсюда, вѣроятно, и сходство изначальной страннической одежды какъ въ католическихъ странахъ, такъ и въ Византіи; къ тому же она должна была первоначально сложиться еще во времена единства церквей, соединявшагося, конечно, и съ большею степенью сходства въ самыхъ обычаяхъ. Что касается насъ, Русскихъ, то мы во всякомъ случаѣ должны были издавна позаимствоваться страннической одеждою у Византіи: отсюда и былинное названіе шляпы каличьей—шляпою земли греческой. Такъ и обувь каличья — калиги (въ былинахъ, впрочемъ, просто лапотики) — б. м. находящаяся въ связи съ самымъ названьемъ — каликъ — также должна была быть извѣстна и въ Византіи. Она упоминается и въ хожденіи Даніила (христ. стр. 251). Чрезвычайно остроумная и вѣрная догадка г. Срезневскаго, что колоколъ, который носятъ нѣкоторые калики, сдѣлался настоящимъ, металлическимъ колоколомъ только позже, по утратѣ первоначальнаго значенія его какъ части одежды, капишона, подобно чешскому klakol и зап. евр. cloca,—

рыя поэтическія сказанія о богатыряхъ передѣлывались въ стихи о святыхъ. Между перенесенными къ намъ изъ Греціи житіями мучениковъ особенно привлекало своими апокрифическими подробностями житіе побѣдоносца Георгія. Самое это названіе побѣдоносца, означавшее собственно то, что твердости въ немъ не могли побѣдить никакія мученія, было вѣроятно еще на востокѣ буквально понято; явились апокрифическіе разсказы о воинскихъ или, лучше сказать, богатырскихъ побѣдахъ Георгія, въ особенности о знаменитомъ его торжествѣ надъ змѣемъ. И у насъ въ этихъ подвигахъ апокрифическаго Георгія народъ могъ видѣть много знакомаго, много напоминающаго его прежнихъ богатырей, или даже боговъ. Благодаря этому сходству, то, что пѣлось про какое нибудь существо миѳическое, могло, только съ замѣной именъ и нѣкоторыхъ подробностей, быть перенесено на Егорія Храбраго, при чемъ простодушная наивность пѣвцовъ позволила себѣ приписать Георгію и такія черты старыхъ миѳическихъ пѣсень, которыя даже не представляли сходства съ его характеромъ. Вотъ какимъ образомъ объясняется происхожденіе того вида стиха о Егоріѣ Храбромъ, въ которомъ нѣтъ еще ни слова объ его страданіяхъ, этой существеннѣйшей чертѣ историческаго Георгія, и говорится только объ немъ, какъ о побѣдителѣ различныхъ чудовищъ и устроителѣ порядка на землѣ. (Христом. стр. 274 — 276). Все это, безъ сомнѣнія, пѣлось первоначально про миѳическое существо, заставшее на Руси совершенный хаосъ физическій — безконечное множество сросшихся вмѣстѣ и не дающихъ проѣзда лѣсовъ, такое же множество столпившихся горъ, множество рѣкъ и морей, въ безпорядкѣ текущихъ и опять не дающихъ проѣзда, множество всякихъ звѣрей, столпившихся вмѣстѣ, наконецъ цѣлое стадо змѣиное, которое объявляетъ прямо, что земля русская словомъ заказана, заповѣдана, что пѣшъ человѣкъ по ней не прохаживалъ, на коню никто не проѣзживалъ. Заставъ землю русскую въ такомъ положеніи, божество приводило ее въ порядокъ тѣмъ, что приказывало разойтись и разсыпаться по всему лицу земли русской лѣсамъ, разступиться и порознь разстановиться горамъ, во всѣ стороны покатить свои волны морямъ и рѣкамъ, расплодиться повсюду звѣриному стаду; наконецъ оно изводило все великое множество змѣй. [1]) — Собственно только послѣдняя черта

догадка эта также еще не доказываетъ заимствованія нами и этого недопрежнѣмъ съ запада. По сходству наружному [illegible] могъ издавна уже называться колоколомъ и на западѣ и на востокѣ, подобно тому какъ и масличныя вѣтви могли и тутъ и тамъ давать странникамъ значеніе паломниковъ. (См. въ IV т. Изв. Археол. Общ. статью И. И. Срезневскаго «Круга [illegible]», и тамъ же письмо къ нему г. Котляревскаго).

[1]) Что Георгій замѣнилъ въ воображеніи народа [illegible] существо, покрови-

представляла сходство со сказаніями о Георгіѣ; но ему же, побѣдоносцу, были приписаны и всѣ остальныя побѣды — надъ лѣсами, горами, водами и стадами звѣрей. Только, сообразно съ христіанскимъ взглядомъ, совершая все это, онъ является самъ не болѣе какъ орудіемъ другой, высшей силы:

По Божьему все велѣнію,
По Георгіеву все моленію...
Святую вѣру утверждаючи
Бесерменскую вѣру побѣждаючи.

Но ежели мы припомнимъ, какое значенье имѣли въ древнѣйшихъ преданьяхъ миѳическихъ горы, лѣса, рѣки, стада звѣриныя, то не трудно будетъ во всѣхъ этихъ встрѣчахъ Егорія усмотрѣть — тѣ, только различнымъ образомъ выражаемыя, темныя тучи, съ которыми въ постоянной борьбѣ и сказочные, и былевые богатыри. Такимъ образомъ первоначальная мѣстность стиха о Егоріѣ оказывается мѣстностію небесною, онъ же самъ — свѣтлымъ небеснымъ богомъ, какимъ уже и видѣли мы его въ весеннихъ егорьевскихъ пѣсняхъ (см. выше стр. 47 и 53). И въ самомъ дѣлѣ горы, съ которыми сталкивается Егорій, по нѣкоторымъ варьянтамъ оказываются толкучими (христ, стр. 279, ст. 1); а таковы и тѣ горы сказокъ, изъ-за которыхъ добывается живая вода. Въ индійскихъ же миѳахъ встрѣчаются крылатыя горы, у которыхъ ради того, что онѣ заваливали цѣлые города, пообрѣзывалъ крылья богъ Индра — прямо соотвѣтствующій нашему Егорію, полагающему конецъ столь же вредному столпленію горъ. Что касается столпленья лѣсовъ, то и тутъ надобно видѣть лѣса первоначально небесные т. е. тѣже тучи, которымъ свѣтлое божество приказываетъ стать земными: этимъ указывается на миѳъ о происхожденіи лѣсовъ отъ облаковъ, соотвѣтствующій миѳу о происхожденіи земныхъ рѣкъ отъ небесныхъ рѣкъ, (у Индійцевъ Ганга упала съ неба) въ свою очередь выражающемуся въ нашемъ стихѣ о Егоріи. Въ сущности и встрѣча Егорія со змѣями, которыхъ онъ истребляетъ и въ крови которыхъ, по нѣкоторымъ варьянтамъ, едва не тонетъ (Безсонова Калики II, 418, 461), есть только новый образъ для той же миѳической встрѣчи. Это ясно изъ болгарской пѣсни, въ которой три рѣки чорной крови протекаютъ вслѣдствіе того, что Егорій сбиваетъ у огромной змѣи три ея головы; — «но то не были три рѣки чорной крови: первая рѣка была пшеница пахаримъ, другая — рѣка прѣ-

---

тельствовавшее стадамъ, это видно и изъ легенды, помѣщенной въ 1 вып. Памятн. Стар. Р. Литер. (стр. 129 и 130). Замѣчательно примѣчаніе къ ней Н. И. Костомарова. Легенда эта была внесена въ Четіи Минеи.

снаго молока пастухамъ, третья рѣка янтарнаго вина винодѣламъ.» [1]) (Ясно, что въ этомъ миѳѣ причина принимается прямо за слѣдствіе).

Новый свѣтъ на стихъ о Егоріѣ бросаетъ сличеніе съ другими юго-славянскими сказаніями, въ которыхъ даже историческій врагъ Егорія, Діоклитіанъ, рисуется въ чудовищномъ образѣ дьявола, похитителя солнца. [2]) Послѣ этого и плѣнъ Егорія у Діоклитіана въ подвалахъ глубскихъ долженъ оказаться миѳическимъ плѣномъ яснаго солнышка, какимъ уже и по соображеніямъ нашимъ относительно весеннихъ егорьевскихъ пѣсень, долженъ былъ оказаться Егорій. Стало быть и историческая сторона христіанскаго сказанія о Георгіи—его страданія — примкнула къ древнимъ миѳическимъ сказаніямъ о страданіи свѣтлаго божества въ зимнемъ его плѣну у злобнаго змѣя—тучи. Въ основѣ и тутъ, стало быть, лежитъ миѳъ, опять таки сродный миѳическимъ встрѣчамъ Егорія, такъ что, собственно говоря, мы имѣемъ въ стихѣ только нанизанные на одну нить, въ смыслѣ послѣдовательныхъ звеньевъ, различные миѳы одного и того же,—одной основной борьбы солнечнаго божества съ тучею. Самая измѣна сестеръ Егорія христіанской вѣрѣ—въ основѣ должна быть тою миѳическою измѣною, о которой говорено было въ главѣ о сказкахъ (стр. 146). На миѳическое значеніе указываетъ и тотъ чудовищный образъ, какой приписывается въ стихахъ сестрамъ Егорія, и который рѣшительно соотвѣтствуетъ сказочнымъ превращеніямъ (см. выше стр. 146—148).

Такимъ образомъ сказаніе, легшее въ основу нашего стиха, должно было пережить нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней развитія. Сперва должны были существовать отдѣльные миѳы о встрѣчѣ свѣтлаго божества — то съ горами, то съ лѣсами, то съ рѣками, то со змѣемъ (или, вслѣдствіе миѳическаго размноженія—цѣлымъ стадомъ змѣй), то со стадомъ звѣрей. Далѣе всѣ эти миѳы были поставлены рядомъ, какъ послѣдовательные моменты, — но дѣйствіе все еще происходило на небѣ. Уже позже оно должно было перенестись на землю, учредитель порядка въ небесномъ пространствѣ сталъ являться учредителемъ его на землѣ, размѣстителемъ по ней горъ, лѣсовъ, рѣкъ, звѣрей—миѳически производимыхъ, какъ уже видѣли мы, отъ небесныхъ предметовъ и животныхъ того же рода. (Въ нѣкоторыхъ варьянтахъ Егорій разселяетъ по землѣ даже змѣй — христ. стр. 279, — которыхъ по другимъ варьянтамъ онъ истребляетъ; — такое разселеніе соотвѣтствуетъ также миѳу о происхожденіи змѣй земныхъ отъ чудовищныхъ змѣй небесныхъ [3]). Еще позже съ

---

[1]) Потебни Змѣй, Волкъ, Вѣдьма (Чт. М. О. И. и Др. 1865, IV, 262, 263).

[2]) Вука Сербск. П., II, 81—84. Бессонова Калѣки, I, ч. 5, 601—605. Потебни, Змѣй, и т. д., 238, 239.—Ср. Вука Сказки, 192—194. Вука Словарь, 144.

[3]) Потебни Змѣй и т. д. (Ч. М. О. И. и Др. 1865, к. IV, 263).

Устроеніемъ физическаго наряда (порядка) въ русской землѣ стало соединяться и распространеніе въ ней христіанской вѣры [1]). Какъ приписанное христіанскому чудотворцу Георгію торжество надъ чудовищнымъ змѣемъ роднило его съ народными змѣеборцами, такъ и въ самомъ торжествѣ Георгія надъ различными муками народу слышалось что-то близкое къ весеннему побѣдоносному выходу свѣтлаго бога изъ его зимняго продолжительнаго страдальчества. Вслѣдствіе этого-то легко и удобно, поверхъ основнаго миѳическаго содержанія, легло новое христіанское и все отъ начала и до конца прониклось послѣднимъ. Если же страданія Георгія — Побѣдоносца-великомученика [2]) были помѣщены народомъ не въ концѣ, а въ началѣ: то и въ этомъ можетъ заключаться особый христіанскій же смыслъ. Это показываетъ, можетъ быть, ознакомленіе народа съ историческими сказаніями о первыхъ, мученическихъ вѣкахъ церкви; изъ чтенія ихъ народъ м. б. сдѣлалъ выводъ, что христіанство росло и крѣпло среди мученій, что именно кровію своихъ исповѣдниковъ покупало оно побѣду. И у насъ на Руси были свои мученики—варяги отецъ и сынъ, принесенные въ жертву богамъ въ началѣ княженія Владиміра [3]), но народъ позабылъ объ нихъ, какъ позабылъ и о равноапостольномъ значеніи князя, величаемаго имъ только ласковымъ княземъ Владиміромъ—солнышкомъ яснымъ. Но не переставалъ онъ пѣть о своемъ обращеніи въ христіанство, не позабылъ, что у насъ, какъ вездѣ, оно было ознаменовано кровію; только свое обращеніе онъ отнесъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ и виновникомъ его сдѣлалъ знаменитаго мученика христіанской церкви, который такимъ образомъ совмѣстилъ въ себѣ—и Владиміра равноапостольнаго, и двухъ мучениковъ варяговъ. Народъ нашъ совершенно усвоилъ себѣ Георгія, или Егорія,

---

[1]) Г. Щаповъ предполагаетъ и еще одну, позднѣйшую ступень въ развитіи стиха о Егоріи. Онъ замѣчаетъ, что Юрій Долгорукій считалъ св. Георгія небеснымъ своимъ сподвижникомъ въ борьбѣ съ непочатой финской природой и съ невѣрными финскими племенами, почему и любилъ въ горахъ и селахъ, имъ устроенныхъ, ставить первыя церкви во имя Георгія Храбраго... Точно также Новгородцы, колонизуя сѣверо-восточную финскую страну русской земли, также большую часть погостовъ называли георгіевскими отъ церквей во имя св. Георгія Храбраго.—На такомъ основаніи г. Щаповъ догадывается, что въ стихѣ о Егоріи Храбромъ народный эпосъ выразилъ идею первоначальнаго «земскаго строенья,» физической культуры русской земли, идею могучей богатырской силы славянскаго племени въ борьбѣ съ лѣсами дремучими, съ цѣлыми стадами звѣрей, да съ Чудью языческой. (Историч. Оч. Нар. Міросозерцанія, I, 26—30 — въ Ж. М. Н. П. 1863).

[2]) Принимая сахаровскій варьянтъ стиха, гдѣ нѣтъ еще и помину о страданіяхъ Георгія, за древнѣйшій, я слѣдую мнѣнію К. Н. Бестужева-Рюмина, высказанному имъ въ статьѣ о сборникахъ Кирѣевскаго и Безсонова (Отеч. Зап. 1861 г.)

[3]) Сказанье о нихъ вошло въ лѣтопись (христ. стр. 226—227).

какъ передѣлалъ онъ его имя. Родился Егорій въ городѣ Русалимѣ, т. е., казалось народу, въ русскомъ городѣ. Возрастаетъ онъ, по русскому общинному обычаю, міру крещеному угождаючи. Мать у него была вдова—народъ сдѣлалъ ее Софіей—Премудростью (таково значеніе этого имени по гречески) или, какъ онъ ее называетъ, Софіею Премудрою, и далъ Георгію трехъ сестеръ. На какомъ же основаніи сдѣлалъ онъ его членомъ знаменитаго мученическаго семейства Софіи, съ которымъ онъ, по исторіи, вовсе не былъ въ родствѣ? Имя Софіи, премудрости Божіей, какъ переводили его у насъ съ самаго начала христіанства, получило на Руси большое значеніе; этимъ именемъ были названы при Ярославѣ соборныя церкви въ Кіевѣ и Новѣгородѣ. Тотъ же Ярославъ, въ крещеніи Георгій (Егорій), построилъ въ честь ангела своего церковь—передъ самыми вратами святой Софіи. Около этого же времени, можетъ быть, стали у насъ слагаться и стихи о Софіи и Егоріѣ, и она, мать церквей русскихъ, т. е. и церкви егорьевской, могла обратиться у народа въ мать великомученика Георгія [1]).

Егорій жилъ въ Русалимѣ при царѣ Өедорѣ, который въ серединѣ стиха оказывается отцомъ Егорія (Подъ именемъ этого царя Өедора, какъ видно изъ нѣкоторыхъ варьянтовъ, народъ разумѣетъ Өедора Стратилата—также извѣстнаго мученика, но, по исторіи, не имѣвшаго никакихъ отношеній къ Георгію) [2]). Вотъ насылаетъ Господь на Іерусалимъ градъ царища Діоклитіанища: такимъ образомъ подлинное историческое имя мучителя георгіева сохранилось совершенно вѣрно въ нѣкоторыхъ варьянтахъ; въ другихъ передѣлалось оно въ Мартемьянище, Одемьянище, Кудреянище, и т. д. [3]). Это царище становится въ стихѣ такимъ же олицетвореніемъ язычества, какъ идолище въ былинахъ. Замѣчателенъ его вопросъ Егорію:

> Кaковà роду, каковà чину:
> Царскаго роду, аль боярскаго,
> Аль того чину княжевинскаго?

---

[1]) Догадка г. Бессонова (пѣсни Рыбникова, ч. II, стр. XCVII). Въ четіихъ Минеяхъ она не названа, сестеръ же у Георгія вовсе нѣтъ. Послѣ смерти мужа, мать Георгія переселяется въ Палестину—но не сказано, чтобы именно въ Іерусалимъ, мѣсто жительства ея въ нашемъ стихѣ. См. Четіи Минеи подъ 23 апрѣля.

Въ апокрифѣ мать Георгія—Полихронія; а мужъ ея Геронтій (имя это сохранилось въ одномъ бѣлорусскомъ варьянтѣ—Бессонова К. П., III, 744); сперва является онъ язычникомъ. Сестеръ нѣтъ (Тихонравова Отреч. Книги, II, 100—111).

[2]) Безсонова, К. П. II, 38

[3]) Между передѣлками Діоклитіана попадается и Даріанище. О Даріанѣ царѣ сохранились у насъ особыя рукописныя повѣсти, въ которыхъ разсказывается, какъ онъ, завоевавъ Іерусалимъ, захотѣлъ называться Богомъ (Памятн. Стар. Р. Лит., вып. 2, стр. 343 и 344).

И еще замѣчательнѣе отвѣтъ Егорія:

Я того роду христіанскаго...

Повидимому отвѣчено вовсе не на вопросъ; но тутъ болѣе чѣмъ отвѣчено... «Я просто христіанскаго роду, и съ меня полно, и со всѣхъ насъ также—мы всѣ одно» вотъ что̀ заставляетъ любимца своего Егорія отвѣтить Діоклитіану народъ... И эта черта уцѣлѣла, не смотря на вліяніе Византіи (въ Чет. Минеяхъ ея нѣтъ); зато нѣсколько далѣе стихъ не избѣгъ вліянія Византіи въ другомъ отношеніи... Діоклитіанище говоритъ сестрамъ Егорія:

Вы покиньте вѣру христіанскую,
Повѣруйте мою латынскую,
Латынскую бусурманскую,
Молитесь богамъ моимъ кумирскіимъ,
Поклоняйтеся моимъ идоламъ.

Такимъ образомъ латынское, т. е. не русское христіанское, сдѣлалось для народа однозначущимъ съ басурманскимъ и идольскимъ... То-же измѣненіе народнаго духа подъ вліяніемъ чуждымъ, которое и нашего великаго Ѳеодосія доводило до того, что онъ запрещалъ православнымъ ѣсть изъ одной посуды съ католиками [1]). Діоклитіанище достигаетъ цѣли: три сестры Егорія, испугавшись мученій, принимаютъ басурманскую латинскую вѣру.

Мученія, прославляющія Георгія, очевидно заимствованы изъ апокрифа; послѣднее же изъ нихъ, заключеніе въ глубокій погребъ, прямо заимствовано народомъ изъ его былинъ (гдѣ такая же участь постигаетъ Сухмана, (христ. стр. 173) и др.). Вотъ изъ этого-то погреба, при помощи Богородицы, выходитъ Егорій на святую Русь, гдѣ и оказывается городъ Іерусалимъ—стоящій пусть пустёхонекъ.

Вырубили его и выжегли,
Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго,
Стоитъ одна церьковь соборная,
И во церькови во соборноей

---

[1]) Что подобная нетерпимость, не смотря на продолжительное вліяніе Византіи, и теперь еще вовсе не въ духѣ народа русскаго, это доказывается, между прочимъ, слѣдующими двумя фактами. Одинъ упоминается въ 34 № газеты «День» 1862 г. въ «Письмѣ изъ Риги» (стр. 8) Русскій крестьянинъ, идя мимо лютеранской церкви, снялъ шапку и перекрестился. „Что̀ ты крестишься, сказалъ ему какой-то русскій въ сюртукѣ, это не церковь, а нѣмецкая кирка.»—«Такъ что жь? отвѣчалъ крестьянинъ; развѣ у нихъ тамъ въ киркѣ Бога-то ругаютъ? Чай тоже молятся.» Другой фактъ относится ко времени венгерской компаніи: наши солдаты нашли въ одномъ селеніи разоренную католическую церковь, и тотчасъ стали жертвовать, кто что̀ могъ, для ея возстановленія.

Стоитъ его матушка родимая,
Святая Софія Перемудрая,
На молитвахъ стоитъ на Исусовыхъ... [1]).

Эта картина опустошеннаго состоянія Іерусалима едва ли не вошла въ стихъ въ позднѣйшее время, при Татарахъ, и едвали не списана она съ опустошеннаго состоянія русской земли, такъ что и самая Софія Перемудрая тутъ, можетъ быть, только олицетвореніе церкви, одиноко стоящей среди пепелища и наполненной русскимъ народомъ, видящимъ единственное убѣжище въ ней и въ молитвахъ Христу Іисусу. И не даромъ же помолилась она, русская церковь: оглянулась — и видитъ передъ собою своего возродившагося богатыря—такимъ вѣдь дѣлается тутъ Егорій. Смиренно, по обычаю русскихъ богатырей, проситъ онъ благословенія у своей государыни-матушки, благословенія на двоякое дѣло:

Поѣду я по всей землѣ свѣтло-русской
Утвердить вѣру христіанскую.

Т. е. совершить дѣло Владиміра, которое, какъ видно изъ второй половины стиха, совершаетъ Егорій средствами Ильи Муромца, или другаго богатыря. Другое же предпринимаемое имъ дѣло — другаго рода — не только по средствамъ, но и по цѣли ни мало не христіанское: Егорій намѣревается

Иттить ко злому царю Діоклитіанищу,
Отплатить ему дружбу прежнюю...

Такимъ образомъ христіанскому мученику приписываетъ народъ языческое чувство мести... Впрочемъ это — месть не за себя, не эгоистическая: Егорій хочетъ

Отплатить ему дружбу прежнюю,
Отлить кровь своего батюшки...

И такъ это месть за отца, любовь къ которому въ Егоріѣ такъ сильна, что заставляетъ его, при всемъ уваженіи къ матери, не дождавшись ея отвѣта, сказать ей: благословишь—пойду, и не благословишь—пойду! Но мать, зная изъ какого чувства вытекла у Егорія эта только кажущаяся дерзость, благословляетъ его:

Ты поди, мое чадо милое... [2])

---

[1]) Въ Четіихъ Минеяхъ этого нѣтъ. Тамъ мать Георгія умираетъ еще до его страданій. Въ апокрифѣ она раздѣляетъ съ нимъ вѣнецъ мученическій.

[2]) И этого въ Четіихъ Минеяхъ и въ апокрифѣ нѣтъ.

И онъ идетъ на свое двоякое дѣло: сначала совершаетъ свой богатырскій подвигъ устроенія физическаго наряда (порядка) въ русской землѣ, [1]), потомъ, опять настоящимъ богатыремъ, настоящимъ Ильею, при подстрекающемъ голосѣ своего коня, убиваетъ Діоклитіанища, въ этомъ мѣстѣ стиха описываемаго совершенно такъ, какъ въ былинахъ описывается Соловей разбойникъ. Стихъ оканчивается возвращеніемъ къ христіанству трехъ сестеръ Егорія, и краткою лирическою похвалою Побѣдоносцу, вѣроятно приставленною позже [2]). Слѣдуетъ еще замѣтить, что церковное названіе побѣдоносца замѣнено въ стихѣ названіемъ храбраго—болѣе простымъ, а потому и болѣе идущимъ къ такому народному богатырю, какимъ сдѣлался у насъ Георгій.

Довольно распространенъ также стихъ, воспѣвающій отдѣльный подвигъ Егорія—спасеніе имъ Олексафія (Елизаветы прекрасной). Въ Четіихъ Минеяхъ (собранія житій святыхъ) Георгій спасаетъ дѣву отъ змѣя, являясь ей уже послѣ своей смерти; это удержано и въ нашемъ народномъ стихѣ: Елизавета, предчувствуя свою гибель, молится, кромѣ Спасителя, Николѣ Барградскому и Егорію Храброму; вслѣдствіе чего Господь и посылаетъ къ ней Егорья, а послѣ избавленія ея отъ змѣя и обращенія къ христіанству Рахлинцевъ, отецъ ея ставитъ церковь Егорію. Подробности же самаго спасенія отъ змѣя заимствованы въ нашемъ стихѣ изъ другаго житія, сходнаго съ георгіевымъ,—изъ житія Ѳеодора Стратилата; только тамъ спящаго святаго будитъ старица, которая хотя и плачетъ, но не роняетъ слезъ на него, какъ роняетъ ихъ въ нашемъ стихѣ Олексафія. И царство рахлинское заимствовано изъ житія Ѳеодора Стратилата (тамъ страна Гераклейская) и сдѣлано образцомъ невѣрнаго, поганаго, наряду съ Содомомъ и Гоморрою отверженнаго Богомъ царства. Имя же Елизаветы дано въ стихѣ дѣвицѣ, спасаемой Георгіемъ, можетъ быть на томъ основаніи, что на другой день послѣ георгіева празднуется память св. Елисаветы, о которой сообщается въ житіи: бысть же и чудесъ дѣлательница—змія лютаго молитвою умертви» [3]). Положеніе Елизаветы въ семействѣ, данное ей въ

[1]) Побѣдивъ змѣиное стадо, Егорій подъѣзжаетъ къ Кіеву и на воротахъ его видитъ Черногаръ птицу, держащую въ когтяхъ осетра рыбу. Что̀ это за птица съ рыбой, имѣютъ ли онѣ миѳологическое значеніе, трудно сказать, при незначительной объясненности нашей миѳологіи. Можетъ быть онѣ зашли сюда изъ упоминаемыхъ г. Буслаевымъ бестіарныхъ сборниковъ, о которыхъ подробнѣе будетъ сказано, когда зайдетъ рѣчь о Голубиной книгѣ. Въ другихъ варьянтахъ птица называется Стратимъ, Стрѣпеюнъ, и т. п.

[2]) Въ древнѣйшихъ эпическихъ произведеніяхъ подобныхъ лирическихъ заключеній не попадается.

[3]) См. замѣтку г. Безсонова къ II ч. Пѣсень Рыбникова, стр. XCV—XCVIII).

нашемъ стихѣ [1]), напоминаетъ съ одной стороны положеніе гонимой дѣвушки въ сказкахъ). Собираясь отвезти ее къ змѣю, отецъ увѣряетъ, что повезетъ ее подъ вѣнецъ — совершенно подобно мачихѣ въ сказкѣ о Морозкѣ (христ. стр. 90). Съ другой же стороны сходнымъ является положеніе многихъ святыхъ, гонимыхъ родственниками за переходъ ихъ въ христіанство. (Такъ была, на примѣръ, гонима отцомъ своимъ Варвара Великомученица). Обращеніе же Елизавстою къ христіанству своихъ родителей, сообразно съ совѣтомъ Георгія, посредствомъ угрозы—въ случаѣ ихъ упорства въ язычествѣ выпустить на нихъ пойманнаго змѣя, указываетъ на ту грубость понятій, при которой не считалось противнымъ христіанству распространять его такимъ способомъ. На такую же грубость понятій указываетъ и то, что отецъ Олексафіи, чтобы особенно задобрить Егорія, обѣщается вѣровать въ него два раза въ годъ (намекъ на двукратное въ году празднованіе его памяти) [2]).

Въ стихъ о Егоріѣ и Олексафіи, какъ мы видѣли, вошло многое изъ житія Ѳеодора Стратилата,—и неудивительно: въ этомъ житіи, какъ и въ георгіевомъ, сохранились черты, допускающія сближеніе его съ богатырями. Съ другой стороны въ житіи этомъ много общаго съ апокрифическимъ житіемъ другаго извѣстнаго мученика и также Ѳеодора, только не Стратилата, а Тирона (христ. стр. 285) [3]). Апокрифическое сказаніе о спасеніи Ѳеодоромъ матери своей изъ плѣна у змѣя весьма близко подходитъ къ сказочному спасенію сыномъ матери (см. выше стр. 146); оказываясь такимъ образомъ родственнымъ мысли народной, оно было только далѣе развито народомъ въ духовномъ стихѣ. Между тѣмъ какъ отецъ сажаетъ возвратившагося изъ похода Ѳеодора за столы дубовые и только привязываетъ къ столбу его коня, мать

Его милуючи
И добра коня жалѣючи,

Сама отвязываетъ его и ведетъ къ морю, чтобы напоить водой... А Ѳеодоръ сидитъ за столомъ, прохлаждается—вдругъ являются ангелы съ вѣстію и съ упрекомъ: пока ты тутъ пьешь и ѣшь, мать похищена змѣемъ на синемъ морѣ. Тогда Ѳеодоръ

---

[1]) Въ Четіихъ Минеяхъ отецъ любитъ ее и жалѣетъ объ ней.

[2]) Относительно духовныхъ стиховъ о Егорьѣ рѣшительно вѣрнымъ слѣдуетъ признать мнѣніе г. Безсонова о болѣе низкой степени этого отдѣла народной поэзіи у неправославныхъ Славянъ. Стихъ о св. Георгіи моравскій и сербо-лужицкій столь же бѣденъ подробностями сравнительно съ нашими, какъ и германскія народныя пѣсни о томъ же. Сушила, Мор. Пѣсни, 39 и 40.—Гаупта и Смоляра Лужицкія пѣсни, II, 147 и 148. — Mittler, D. Volkslieder, 400 и 401.

[3]) Другая редакція у Тихонравова, Отреч. Книги, II, 93—99.

Чтò въ устахъ было, то проглотилъ,
Что въ рукахъ, то такъ пустилъ...

Идетъ прежде всего въ церковь соборную, беретъ изъ нея книгу евангелье, ту книгу, при помощи которой и вернулся онъ побѣдителемъ изъ похода, и которая показываетъ, что, какъ это все ни похоже на былину о богатыряхъ, всетаки это уже не былина, а стихъ духовный... Уже близокъ онъ къ ней,

Читаетъ слово Божіе,
Святу-честну книгу евангельѣ,
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слова не вымолвитъ.

Завидѣла его родимая матушка

Изъ тоѣ изъ муки изъ змѣиныѣ....

Вмѣсто того, чтобы обрадоваться свиданію съ сыномъ, обрадоваться радостію, которая въ этомъ случаѣ была бы нѣсколько эгоистическою, она, какъ настоящая мать, чуждая всякаго эгоизма, вмѣсто радости, кричитъ ему: мы съ тобой погибнули, т. е. пугается за него, пугается опасности, ему предстоящей и даже не думаетъ о возможности спастись чрезъ него... Но при помощи книги евангельской, которая всегда даетъ силу на подвиги истинные, Ѳеодору удается выручить свою родимую матушку..: А народъ, чтобы окончательно выразить мысль стиха, влагаетъ ему въ уста вопросъ, есть ли возможность дѣтямъ хотя сколько нибудь отплатить матери за тѣ страданія, какихъ стоило ей ихъ рожденіе?

„Государыня моя родимая матушка,
А чтò, стоитъ мое похожденіе
Супротивъ твоего порожденія.“
Его родимая матушка
Горючимъ слезамъ заливалася:
«Ой, горе, чадо милое!
Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,
Какъ твое-то похожденіе
Наипаче моего порожденія.“

Тутъ, скромная въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ мать какъ бы пристыжена тѣмъ, что сыну, уже на двѣнадцатомъ году жизни, удалось, по ея мнѣнію, вытерпѣть за нее болѣе, чѣмъ вытерпѣла она, давая ему жизнь.— Въ нѣкоторыхъ же варіантахъ мать отвѣчаетъ Ѳеодору иначе:

Охъ, ты мое чадо милое!

Не будетъ твое похожденіе
Супротивъ моего рожденія [1]).

Трудно рѣшить, которому изъ этихъ двухъ варьянтовъ слѣдуетъ отдать преимущество. Въ первомъ выразилась скромность матери, не придающей особенной цѣны своимъ заслугамъ; во второмъ же народъ вложилъ въ уста матери собственное свое воззрѣніе, состоящее въ томъ, что сколько бы ни удалось сдѣлать дѣтямъ для матери, имъ никогда не выплатить ей сполна своего долга!

Эта заключительная мысль стиха, вполнѣ принадлежитъ народу: въ апокрифѣ ея нѣтъ, и онъ вообще представляетъ только сухой остовъ того, что въ духовномъ стихѣ дышетъ жизнію. Духовный стихъ сохраняетъ въ себѣ обычные обороты, выраженія и краски нашей богатырской (былинной) поэзіи; Ѳедоръ въ немъ тотъ-же богатырь, только дѣйствующій при помощи не одного меча, но и книги евангельской. Въ апокрифѣ этого народнаго поэтическаго колорита нѣтъ вовсе; все въ немъ, начиная отъ книжнаго, церковнаго языка, искусственно и отзывается подражаніемъ тону и пріемамъ житейниковъ. Если апокрифъ этотъ, образовавшись не у насъ, послужилъ источникомъ нашего стиха о Тиронѣ, то въ стихѣ нашемъ онъ совершенно пересоздался; если же онъ передѣланъ у насъ изъ стиха народнаго какимъ нибудь монахомъ, то монахъ этотъ усердно постарался о томъ, чтобы стереть съ него всякій слѣдъ его не книжнаго происхожденія.

Слѣдуетъ, въ заключеніе, упомянуть объ одной замѣчательной чертѣ, которой нѣтъ ни въ житіи, помѣщенномъ въ Четіихъ Минеяхъ, ни въ апокрифѣ, и на которую съ особеннымъ удареніемъ налегаютъ пѣвцы стиха: Ѳедоръ въ немъ богатырь совершенно юный — «всего лѣтъ двѣнадцати» повторяется нѣсколько разъ. Такое изображеніе богатыря полуребенкомъ, еще болѣе усиливающее цѣнность и необычайность его богатырства, есть пріемъ довольно обыкновенный въ народной поэзіи разныхъ странъ. Съ другой же стороны и въ св. писаніи,—а оно имѣло рѣшительное вліяніе на духовные наши стихи—юные побѣдители (наприм. Давидъ) указывали на то, что побѣда одержана не столько ихъ собственною, сколько помогающею имъ высшею или, по нашему народному выраженію, нездѣшнею силою. Можетъ быть, на это же указываетъ въ нашемъ стихѣ и молодость святаго Ѳеодора. Но сверхъ всего этого, она получаетъ въ немъ еще особенное значеніе: онъ очень молодъ, и не смотря на такую молодость уже думаетъ о томъ, какъ бы хоть сколько нибудь отплатить своей матери, а наконецъ, по ея мнѣнію, и дѣйствительно отплачиваетъ ей вполнѣ, не смотря на свои двѣнадцать лѣтъ.

---

[1]) Калѣки перехожіе, вып. 3, стр. 527.

Однимъ словомъ, молодость Ѳеодора въ стихѣ нашемъ ведетъ не только къ тому, чтобы болѣе выказать помогающую ему высшую силу, съ другой же стороны его собственнную богатырскую, но также и къ тому, чтобы придать цѣну особенную его силѣ нравственной — столь дорогой для народа силѣ любви и уваженія къ матери.

Георгій и Стратилатъ (подъ именемъ Тирона) должны были, особенно нравясь народу своимъ богатырствомъ, рано перейти изъ житейниковъ въ наши стихи и составить въ нашей народной поэзіи переходъ отъ богатырскаго былеваго круга къ духовному. Рано же, по всей вѣроятности, перешелъ къ намъ святой — покровитель города, въ которомъ издревле жило много Славянъ и изъ котораго были родомъ Кириллъ и Меѳодій. При томъ множествѣ южно-славянскаго духовенства, какое приходило къ намъ въ первое время послѣ принятія нами христіанства, легко могло быть намъ внушено особенное уваженіе къ св. Димитрію Солунскому. Къ тому же и онъ еще представлялъ возможность для сближенія съ богатырями; но его богатырство уже совершенно особаго рода, совершенно нездѣшнее: если онъ и сѣчетъ и рубитъ, то уже невѣдомой силой и при томъ уже послѣ своей смерти, возставъ изъ гроба. И Егорій, спасающій Олександрію, былъ уже выходцемъ съ того свѣта; тѣмъ не менѣе народный стихъ изображаетъ его вполнѣ какъ живаго: ему, для подкрѣпленія, нуженъ сонъ, и его будитъ падающая на него слеза Олександріи. Напротивъ Димитрій Солунскій и въ стихѣ является только на время возставшимъ изъ гроба орудіемъ невѣдомой силы. Стихъ объ немъ весь отъ начала и до конца повѣствуетъ о жизни его чудотворной силы и за дверями гроба: черта, показывающая, что народъ уже сильно проникся житіями святыхъ, въ которыхъ очень часто жизнь святаго при жизни составляетъ только небольшую часть, главную же и обширнѣйшую — жизнь его послѣ смерти, обнаруживаемая чудесами. По примѣру житій, перешедшихъ къ намъ изъ Греціи, и составлявшіяся у насъ житія отечественныхъ святыхъ стали съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе пополняться повѣствованіями объ ихъ чудесахъ за гробомъ. Такимъ образомъ было, напримѣръ, дополнено житіе Бориса и Глѣба. Мы не разъ еще встрѣтимся съ этою чертою нашихъ житій, отразившеюся и въ стихѣ о Дмитріи Солунскомъ или Салымскомъ, какъ называется онъ въ стихѣ (такая передѣлка явилась, вѣроятно, вслѣдствіе смѣшенія съ Русалимомъ (Іерусалимомъ) а, можетъ быть, и съ родиною Мельхиседека, Салимомъ, которая также могла быть извѣстна по значительной распространенности апокрифовъ о Мельхиседекѣ [1]). Салимъ,

---

[1]) См. Тихонравова, Отреч. книги I, 26—32. Пыпина, Отр. кн., 20—24 (Памятн. Стар. Р. Лит. ч. III.)

по всей вѣроятности, подобно Русалиму, также представлялся народу русскимъ городомъ; по крайней мѣрѣ его осаждаетъ памятный Руси Мамай-царь — имя котораго внесено въ стихъ нашъ взамѣну какого-нибудь другаго, первоначальнаго, разумѣется уже въ позднѣйшее время, послѣ Куликовской битвы (чему могло способствовать сближеніе двухъ Димитріевъ — Донскаго съ Солунскимъ) [1].

Народная наша поэзія легко усвоила себѣ не только преданія о нѣкоторыхъ святыхъ христіанской церкви, которыхъ умѣла она болѣе или менѣе сближать со своими богатырями; легко усвоивалось ею и многое изъ вѣроученія христіанскаго, потому что и это многое умѣла она сближать со своими миѳологическими воспоминаніями. Объясняется же такое умѣніе опять переходомъ къ намъ изъ Византіи не только подлинныхъ книгъ св. писанія, но и тѣхъ апокрифовъ, въ которыхъ не только къ исторіи, но и къ вѣроученію христіанскому примѣшивалось фантазіею много остатковъ язычества. Къ числу особенно-распространенныхъ у насъ апокрифовъ принадлежала такъ называемая Бесѣда трехъ святителей, перешедшая къ намъ, какъ и многіе другіе апокрифы, изъ Болгаріи [2]). Въ этой Бесѣдѣ между тремя знаменитыми отцами церкви происходитъ состязаніе въ задаваніи другъ другу вопросовъ, а частію и загадокъ, касающихся происхожденія міра и дальнѣйшихъ судебъ его. Тутъ именемъ христіанскихъ святыхъ и, такъ сказать, христіанскою внѣшностью нѣкоторыхъ загадокъ съ отгадками, только прикрыто языческое происхожденіе какъ ихъ, такъ и самаго состязанія — образецъ котораго можно найти въ миѳологіи разныхъ народовъ [3]). И у насъ должны были существовать въ старину свои пѣсни о состязаніи подобнаго рода, происходившемъ между какими нибудь богами или великанами. Такими пѣснями должны были рѣшаться для народа главные, занимавшіе его вопросы — о происхожденіи, цѣли и назначеніи всего существующаго; потому неудивительно, что и послѣ принятія христіанства народу не легко было сразу разстаться съ этими пѣснями. Тѣмъ пріятнѣе было ему — въ книгахъ, приходившихъ къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, находить много сходнаго со своими миѳами; ободренный подобнымъ сходствомъ, онъ преспокойно смѣшивалъ свои миѳы съ тѣми чужими миѳами, которые сообщались ему въ апокрифахъ. Изъ смѣшенія старыхъ миѳическихъ пѣсень со многими чертами Бесѣды трехъ святителей и съ

---

[1]) Въ Четіихъ Минеяхъ Солунь осаждаютъ Аравитяне. Смотри подъ 26-мъ Октября.

[2]) См. Рѣчь г. Буслаева о народной поэзіи въ древней русской литературѣ (Ист. Очерки Р. Нар. Слов. и Иск. т. II, стр. 16.)

[3]) Напримѣръ въ Скандинавской Эддѣ (См. Edda, übersetzt von Karl Simrock, пѣсню Vaftrudnismal).

другими апокрифическими книгами, напримѣръ о Давидѣ и Соломонѣ, образовались новыя, кажущимся христiанствомъ прикрытыя пѣсни. Кое-какiе обломки ихъ сохранились и до сихъ въ устахъ народа [1]). Но въ большей полнотѣ ихъ содержанiе дошло до насъ въ старинной книжной передѣлкѣ этихъ пѣсень, извѣстной подъ именемъ «Бесѣды Iерусалимской» [2]). Что эта «Бесѣда» передѣлана была изъ пѣсень народныхъ, видно по тому множеству чисто народныхъ оборотовъ, которые ярко выступаютъ въ ней изъ за формъ и оборотовъ церковно-славянскихъ, принадлежащихъ, очевидно, книжнику-передѣлывателю. (Къ народнымъ оборотамъ принадлежатъ въ «Бесѣдѣ:» «ой вы, цари и князи, скажите мнѣ, не утайте, ночесь вамъ какой сонъ видѣлся; не могите вы утаить отъ меня....» «И возговоритъ таково слово: Государь ты нашъ первый царь....» «Исполать тебѣ, царь Давыдъ, что горавдъ ты сны загадки отгадывать, и досужъ доброе слово молвить....») Народное происхожденiе «Бесѣды» доказывается и тѣмъ, что въ ней, какъ въ стихахъ о Егорiѣ, Iерусалимъ—городъ русскiй; а что она передѣлана изъ такихъ пѣсенъ, которыя въ свою очередь образовались подъ влiянiемъ перешедшихъ къ намъ книгъ, и даже книгъ, не чуждыхъ западнаго влiянiя, то это доказывается вошедшею въ бесѣду пословицею: далече намъ грѣшнымъ до Рима и до Iакова брата Господня. «Бесѣда» названа iерусалимскою, и въ ней являются Давидъ и Соломонъ, потому что пѣсни, изъ которыхъ она передѣлана, испытали влiянiе апокрифическихъ сказанiй о Давидѣ и Соломонѣ, заключающихъ въ себѣ, между прочимъ, и состязанiе загадками и вопросами, вслѣдствiе чего эти сказанiя и могли быть сближены съ Бесѣдою трехъ святителей. Апокрифы о двухъ знаменитыхъ царяхъ iудейскихъ были у насъ до такой степени распространены, что подъ влiянiемъ ихъ составились даже особые народные стихи или, вѣрнѣе сказать, былины о Соломонѣ (характеръ ихъ совершенно свѣтскiй) [3]). Послѣ этого неудивительно, что въ Бесѣдѣ Iерусалимской Соломонъ, по разсказываемому тутъ сну, долженъ вступить въ родство съ лицомъ, вошедшимъ въ «Бесѣду» изъ русскихъ народныхъ сказанiй, Волотомъ Волотовичемъ. Этотъ Волотъ называется въ стихахъ большимъ и первымъ царемъ, т. е. и передъ

---

[1]) Таковъ тотъ варьянтъ стиха о голубиной книгѣ, который помѣщенъ у г. Безсонова подъ № 89 («Калѣки» в. II, стр. 336.)

[2]) Первообразомъ (лучше бы было сказать—древнѣйшимъ, сохранившимся для насъ видомъ) стиха о „Голубиной книгѣ,“ и такимъ образомъ переходомъ къ ней отъ «Бесѣды трехъ святителей,» считаетъ Бесѣду Iерусалимскую» г. Буслаевъ въ I т. Ист. Очерковъ, стр. 455).

[3]) См. II-ю ч. Пѣсень Рыбникова, стр. 277—303. Апокриф. сказанiя о Давидѣ и Соломонѣ — въ 3 вып. Пам. Стар. Р. Литер. и IV т. Лѣтописей Р. Литер. и Древн., Тихонравова.

Давидомъ, и передъ Моисеемъ, и передъ Елисеемъ (послѣдніе два зашли въ Бесѣду изъ библіи) дается преимущество лицу народному, первобытному миѳическому великану Волоту [1]), — опять доказательство, что главная основа Бесѣды — народная. Волотъ первый заставляетъ другихъ разгадывать, именно разсказываетъ имъ въ видѣ загадки свой сонъ; а въ народной поэзіи задаваніе загадокъ почетнѣе, чѣмъ ихъ отгадываніе; оно показываетъ не незнаніе задающаго, а его желаніе испытать знанье другихъ. И Давидъ въ свою очередь задаетъ вопросы Волоту; именно ему достаются вопросы — сначала о происхожденіи главнѣйшихъ явленій природы, а подъ конецъ — о послѣднихъ судьбахъ міра. Волотъ же въ свою очередь снова обращается къ Давиду съ вопросомъ о первенствующихъ предметахъ. Такое чередованіе указываетъ на то, что и Давидъ лицо очень важное, по всей вѣроятности замѣнившее какое-нибудь, подобное Волоту, миѳическое существо. Вопросы, которые задаются въ «Бесѣдѣ:» отчего у насъ свѣтъ? отчего у насъ солнце?» безъ сомнѣнія, представлялись уму русскаго человѣка еще въ отдаленныя языческія времена, и тогда для нихъ должны были существовать свои особенные миѳическіе отвѣты. Впрочемъ и до сихъ поръ еще подъ позднѣйшею христіанскою оболочкою въ отвѣтахъ довольно ясно сквозитъ первоначальная миѳическая основа. Она ясна даже въ апокрифической бесѣдѣ трехъ святителей, въ одномъ изъ варьянтовъ которой читаемъ: «громъ — гласъ Господень въ колесницѣ огненнѣй утвержденъ, а молнія — слово Господне изъ устъ Божіихъ исходитъ, а солнце — отъ внутренніл (высприннія) ризы Господни.» Но тутъ же отъ лица Божія производится и мразъ — вслѣдствіе уже христіанскаго воззрѣнія на единое божество, какъ виновника всѣхъ вообще явленій природы — тогда какъ по воззрѣнію миѳическому холодъ считался порожденьемъ особаго, темнаго, враждебнаго свѣтлому богу, начала. — Далѣе — объ утвержденіи самимъ Богомъ земли на тридесяти трехъ китахъ [2]), которые въ свою очередь упоминаются и въ іерусалимской бесѣдѣ, на ряду съ таврукомъ птицею, звѣремъ единьрогомъ и т. п. Что касается послѣдняго вопроса, рѣшаемаго въ Бесѣдѣ іерусалимской (о томъ, всѣ ли будутъ на второмъ пришествіи), то не только отвѣты на него, но и самъ онъ имѣетъ и имѣлъ съ самаго начала значеніе христіанское, а потому въ первоначальной миѳической пѣсни его навѣрное не было. Не смотря на

---

[1]) Что имя это и въ древнемъ и въ народномъ русскомъ языкѣ означаетъ великана, объ этомъ свидѣтельствуетъ г. Буслаевъ въ статьѣ о Волотѣ (Очерки, т. I, стр. 456). Также г. Тихонравовъ въ 33-мъ прис. дем. наградъ, 204. (Тамъ же о сходныхъ преданьяхъ германскихъ).

[2]) Щапова, Истор. Очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія, (ст. II, стр. 17, Ж. М. Н. Пр. 1863 г.)

это, въ «Бесѣдѣ» рѣшаетъ его языческій по своему происхожденію Волотъ. Чѣмъ болѣе утрачивались въ народѣ языческія воспоминанія, тѣмъ болѣе не только мѣнялъ, но и совершенно терялъ значеніе Волотъ, и вмѣсто него выдвигался на первый планъ библейскій Давидъ. Пѣсни или стихи, послужившіе основаніемъ Іерусалимской Бесѣдѣ, стали все болѣе и болѣе передѣлываться, такъ что наконецъ царь Давидъ сталъ одинъ рѣшать всѣ вопросы, а задаваніе ихъ ему стало уже означать—не желаніе испытать его мудрость, а желаніе отъ него поучиться мудрости [1]). Съ утратою значенія Волота стало портиться и самое его имя. Онъ постепенно передѣлывался — въ Волотомана, Волотомина, Волотомира, наконецъ въ Володиміра — и тогда, совершенно случайнымъ образомъ, вмѣсто миѳическаго существа явился равноапостольный просвѣтитель Руси [2]). Благодаря случаю, народъ вспомнилъ объ этомъ значеніи своего любимаго князя, который въ былинахъ имѣетъ, какъ намъ извѣстно, только значеніе ласковаго хозяина земли; значеніе же просвѣтителя Руси, какъ мы также видѣли, придано народомъ Георгію Побѣдоносцу. Съ появленіемъ въ стихахъ историческаго Владиміра, должно было совершенно измѣниться первоначальное ихъ значеніе. Совершенно утратилась и всякая тѣнь состязанія загадками между двумя, если не совсѣмъ равными, то всетаки довольно близкими между собою лицами, каковы были Волотъ и Давидъ въ первоначальномъ смыслѣ, служившій только замѣною существа миѳическаго. Между библейскимъ Давидомъ и нашимъ Владиміромъ не могло быть и тѣни равенства: послѣдній несравненно моложе и долженъ былъ явиться ученикомъ перваго, а прежнее состязаніе загадками, и въ «бесѣдѣ» уже получившее христіанскій оттѣнокъ, окончательно обратилось въ поэтическое наставленіе Давидомъ Владиміра въ христіанской вѣрѣ. Такое значеніе получило оно въ большей части записанныхъ въ наше время варьянтовъ стиха народнаго. Но, наставляя въ христіанской вѣрѣ, Давидъ долженъ былъ наставлять не по собственному уму разуму, а по откровенію Божьему — и вотъ видимымъ знакомъ откровенія и всей необъятности его содержанія явилась въ стихѣ исполинская книга, называемая въ немъ голубиною, почему и стихъ въ своемъ окончательномъ видѣ носитъ у насъ названіе стиха о голубиной книгѣ.

Но и въ этой книгѣ подъ ея позднѣйшимъ христіанскимъ значеніемъ таится основное миѳическое. Правда, съ одной стороны образцомъ ея могли послужить народу книги, о которыхъ говорится въ апокрифѣ—

[1]) Такое значеніе имѣетъ Давидъ въ большей части тѣхъ варьянтовъ народнаго стиха, гдѣ сохранилось имя Волота, но уже появилась голубиная книга („Калѣки," вып. 2. Сборникъ Варенцова, стр. 19—39.)

[2]) Замѣтка г. Безсонова ко 2-й части пѣсень Рыбникова, стр. CI.

«Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской» (Христ. стр. 302): видѣхъ книги лежаща, яко мню равно 6 горъ толщина ихъ, долгота же ихъ умъ человѣчь не можетъ разумѣти.»—Въ другомъ апокрифѣ, т. н. «епистоліи о недѣлѣ» упоминается о спаденіи свитка книжнаго съ неба — въ Іерусалимѣ, а по нѣкоторымъ западно-европейскимъ преданіямъ—въ Римѣ. Въ иныхъ варьянтахъ съ неба спадаетъ камень, по распаденіи котораго въ немъ обрѣтается свитокъ. (Подобный варьянтъ попадается до сихъ поръ и въ народныхъ рукописныхъ тетрадкахъ). [1]) Но вѣдь ясно, что и въ такихъ христіанизированныхъ преданіяхъ таится что-то давнее, до-христіанское. Съ другой же стороны на такую основу указываетъ и наше названіе выпавшей съ неба книги—голубиною. Если тутъ и можетъ заключаться намекъ на христіанское символическое значеніе голубя, то не надобно забывать, что голубь же имѣлъ въ отдаленныя миѳическія времена значенье космогоническое. Въ извѣстной колядкѣ два голубя образуютъ міръ (см. выше стр. 37). По ассирійско-вавилонскому миѳу, голубь высидѣлъ яйцо неба, положенное въ Ефратъ и выброшенное рыбою на берегъ.—Въ одномъ изъ преданій, передаваемыхъ Геродотомъ, міръ образовался изъ яйца, положеннаго птицею фениксомъ. Въ финской «Калевалѣ» міръ творится изъ яицъ, положенныхъ на колѣна Вейнемейнену орломъ-птицею. (У Бурятъ въ мірозданіи принимаетъ участье гагара [2])—такимъ образомъ распространенность этого миѳа такъ велика, что даже выводитъ за предѣлы индоевропейскаго племени). — Отсюда становится понятнымъ и миѳическое зерно въ той книгѣ-соборной-голубницѣ — о которой говорятъ раскольническія преданія. Въ свою очередь и книга вообще, въ смыслѣ рукописанья, письменъ, имѣла значенье уже въ преданьяхъ поры языческой. (О существованіи и до христіанства письменъ у Славянъ, хотя и несовершенныхъ—черты и рѣзы—свидѣтельствуетъ писатель X в. черноризецъ Храбръ; доски правдодатныя упоминаются въ Судѣ Любуши. Также точно уже къ отдаленнѣйшей древности относятся и скандинавскія руны). Своего рода письмена упоминаются и въ извѣстной уже намъ миѳической загадкѣ: разсыпалась грамотка по синему бархату (звѣздное небо) (см. выше стр. 64). Къ языческой порѣ должна относиться и книга гадательная царя Волышана, находящаяся въ своего рода связи съ птицею: отъ помазанія перышками Могуль-птицы она лишается своей силы (христ. стр. 145). Имѣетъ ли собственно эта книга какую нибудь связь съ голубиною, это, разумѣется, трудно сказать.

---

[1]) Пыпина, изслѣдованія для объясненія ложныхъ книгъ и преданій (Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи, вып. II, стр. 6, 8 и 9.) Егоже Отреч. книги, 150—154.

[2]) Щапова Оч. Нар. Міросоз. II, 21—22 (Ж. М. Н. Пр. 1863 г.). — Шашкина, о Шаманствѣ—въ Зап. Геогр. Общ. 1864 г. II. 30.

Но надобно думать, что у насъ существовали миѳическія преданія о принесеніи съ неба книги голубемъ. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ окончательномъ видѣ стиха наша книга сдѣлалась символомъ откровенія—великою книгой евангельской. [1]) При описаніи необъятности таинственной книги употребляется чисто русскій пріемъ; скромно говорится про нее, что она

И не малая, не великая...

(Точно описаніе имущества Ильи Муромца:

Съ старикомъ вѣдь денегъ не водилося,
Всего червонцевъ сорокъ тысячей)

Съ другой стороны необъятность книги характеризуется тѣмъ, что самъ пророкъ Исаія читалъ ее три года, и прочелъ изъ нея только три листа. А непроницаемая глубина ея такова, что изъ сошедшихся къ ней—не только царей и царевичей, но даже поповъ съ дьяконами, никто къ ней не приступится, никто ко Божьей не пришатнется [2]). Только Давиду она сама разгибается—

Все божественное писаніе ему объявляется—

Тутъ, повидимому, уже намекъ на то, что книга эта—откровеніе, что въ ней, по понятію христіанскому, самъ Богъ открылъ себя людямъ. Но и Давидъ, когда Владиміръ проситъ его — по этой книгѣ объявить ему дѣла Божіи про наше житіе, про свято-русское (русская земля какъ бы распространяется тутъ на весь міръ, кромѣ народа русскаго какъ бы нѣтъ никого на свѣтѣ), и Давидъ отказывается прочесть книгу:

Умомъ намъ сей книги не сосмѣтити,
И очамъ намъ книгу не обозрити...
Я по старой по своей по памяти
Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ,

т. е. даже онъ какъ бы отказывается уразумѣть весь сокровенный

---

[1]) Этотъ-то окончательный видъ стиха и помѣщенъ въ христоматіи, стр. 290—294 Голубиная книга попадается и въ нѣкоторыхъ варьянтахъ, сохранившихъ еще Волота, но Волота уже совершенно утратившаго прежнее значеніе. Объ исконномъ значеніи ея въ вѣрованіяхъ народа см. цитаты изъ Надеждина въ брошюрѣ г. Котляревскаго «Старина и Народность» за 1861 г., стр. 57. Сравни съ замѣткою г. Безсонова, (т. II Пѣсень Рыбникова, стр. CII.) О миѳическомъ значеніи голубя въ различныхъ мѣстахъ очерковъ Буслаева.

[2]) Ср. въ народной загадкѣ о звѣздномъ небѣ: не прочесть тоя грамотки ни попамъ, ни дьякамъ, ни умнымъ мужикамъ (христ. стр. 12) Аѳанасьева, поэтич. воззрѣнія Славянъ 52 (Господь книга написалъ, а не може и самъ да я прочесте—болгарск. загадка).

откуда дыханіе (съ этимъ нѣсколько сходны въ нашемъ стихѣ «помыслы отъ облацъ небесныихъ»); фунтъ пѣны, откуда непостоянство человѣческаго нрава; фунтъ бѣлка, откуда жиръ и сила растительная; фунтъ свѣта, откуда живая измѣнчивость глазъ; фунтъ росы, откуда потъ; фунтъ соли, откуда соль, заключающаяся въ слезахъ.» — Вмѣстѣ съ тѣмъ Адаму приписывается тутъ исполинскій ростъ [1]) (какъ бы отождествляющій его со скандинавскимъ исполиномъ Имиромъ, изъ тѣла котораго образуется тамъ вселенная).—То-же число составныхъ частей—восемь—встрѣчается и въ апокрифической бесѣдѣ трехъ святителей; оно же и въ западно-европейскихъ преданіяхъ. Такъ и въ древне-германской поэмѣ Die vier Evangelien, въ которой, сходно съ нашимъ стихомъ, кости производятся отъ камня, кровь отъ моря, и нравъ (das mut) отъ облаковъ. [2]) Что̀ касается жилъ, которыя производятся тутъ отъ корней, и волосъ, производимыхъ отъ травы, то точно также объясняется происхожденіе ихъ въ ученіи нашей духоборческой секты. [3])—Наконецъ и тутъ опять сходство выходитъ и за предѣлы индо-европейскаго племени: такъ въ тунгузскомъ преданіи — тѣло и кости отъ земли, сердце отъ желѣза, кровь отъ воды, теплота тѣлесная отъ огня [4]).

Далѣе въ нашемъ стихѣ о голубиной книгѣ изъ различныхъ частей адамова тѣла образуются различныя сословія: изъ головы—цари, изъ мощей (т. е. вѣроятно изъ туловища)—князья и бояре, изъ колѣнъ—крестьяне православные [5]). Эта черта встрѣчается только въ немногихъ варьянтахъ, и составляетъ, очевидно, позднѣйшую вставку, зашедшую къ намъ съ-чужа, изъ книгъ: подобное стараніе узаконить, сдѣлать нормальными, исконными раздѣленія между людьми, совершенно не въ духѣ народной поэзіи русской, главный представитель которой крестьянинъ, и притомъ крестьянинъ, умѣющій даже посчитаться съ Владиміромъ, въ свою очередь отворяющимъ двери для всякаго рода людей. Послѣ того

---

[1]) Migne, Diction. d. Apocr. II, 880.

[2]) Diemer, Deutsche Gedichte des XI u. XII jahrhunderts, 320 (Ср. тамъ-же стр. 95 и 96).

[3]) Статья Щапова о народн. міросозерцаніи, II, (Ж. М. Н. Ср. 1863 г., стр. 19 и 20).

[4]) Статья Шашкина въ З. Г. О. 1864 г., II, 33). Г. Котляревскій приводитъ преданіе Фризовъ о сотвореніи Адама изъ 8 же частей: кости — изъ камня, тѣло — изъ земли, кровь—изъ воды, сердце—изъ вѣтра, мысли — отъ облакъ, потъ — изъ росы, волосы—изъ травы, глаза—изъ солнца (стр. 69 его замѣчательной брошюры—Старина и Народность за 1861 г.) Ср. съ апокрифич. вопросомъ св. Ефрема—въ Отреч. книгахъ Тихонравова, II, 443—44, 448.

[5]) Г. Варенцовъ очень остроумно сближаетъ это съ индійскимъ сказаніемъ объ образованіи кастъ изъ членовъ тѣла Брамы (Сборникъ дух. стиховъ, стр. 22). См. законы Ману въ Сборникѣ Потье — Les Livres sacrés de l'Orient, стр. 335, параграф. 31-й.

въ стихѣ нашемъ Давидъ начинаетъ, опять по стариннымъ преданіямъ, высчитывать первенствующіе предметы въ свѣтѣ, — и оказывается, что первенство получили они по большей или меньшей ихъ связи съ обстоятельствами или событіями христіанскаго міра. Тутъ опять является и глава адамова, но уже потому, что надъ ней былъ поставленъ крестъ Христовъ,—черта, заимствованная изъ апокрифовъ о древѣ крестномъ [1]). Первенствующій городъ тутъ — Іерусалимъ, въ которомъ стоитъ церковь Софіи, а въ ней ризы самого Христа. Іерусалимъ тутъ первенствующій городъ также и по тому обстоятельству, на которое указывалъ и нашъ литературный дѣятель XII в., Даніилъ Паломникъ: въ немъ среда (а по другимъ варьянтамъ и прямо пупъ) земли [2]) Въ стихѣ упоминается также камень латырь, получающій тутъ первенство оттого, что на немъ опочивъ держалъ самъ Іисусъ Христосъ и съ него распущалъ во всѣ стороны голубиную книгу. Такимъ образомъ камень миѳическій получаетъ тутъ значеніе христіанское — подобно западному св. граалю, въ основѣ котораго также миѳъ. Въ высшей степени поэтически описывается далѣе плакунъ трава, своимъ происхожденіемъ обязанная слезамъ Богородицы, пролитымъ о Спасителѣ: черта, по всей вѣроятности, принадлежащая народу [3]), который, какъ увидимъ далѣе, съ особенною любовію останавливался на отношеніяхъ Спасителя къ Богородицѣ — очевидно, вслѣдствіе кореннаго семейственнаго чувства русскаго человѣка. Океанъ - море является тутъ матерью морямъ не потому, что всѣ ихъ собой обнимаетъ, а потому, что посреди его церковь Климента, попа (папы) римскаго, изъ которой выходила опять Богородица, омывалась изъ океана и молилась на церковь. Эта церковь Климента, находящаяся среди моря, можетъ быть, дальнимъ образомъ намекаетъ на мощи св. Климента, вывезенныя Владиміромъ изъ приморскаго Корсуня [4]); Богородица же, омывающаяся изъ океана, очевидно явилась тутъ взамѣну миѳическаго лица, быть можетъ—богини зари; подъ церковью же можетъ тутъ скрываться Буянъ съ его алатыремъ (въ заговорахъ они часто становятся — церковью). Слѣдующія за тѣмъ первенствующія существа—уже прямо существа миѳическія: это китъ, который когда поворотится, то бѣлый нашъ свѣтъ покончится; стратимъ-птица,

---

[1]) Памятн. Стар. Р. Литер., т. 3. Тоже и въ хожденіи Даніила Паломника (христом. стр. 248).

[2]) О пупѣ говорится а въ апокрифѣ (Тихонр. Отр. Кн. II, 437) Замѣчательно, что у Самоѣдовъ пупомъ земли называется ея олицетворенный геній (ст. Шашкина, въ З. Г. О. 1864 г., II, 20.

[3]) По крайней мѣрѣ до сихъ поръ мы не знаемъ, откуда бы могла быть она заимствована. Если она есть въ «Іерусалимской Бесѣдѣ,» то вѣдь и сама «Бесѣда,» какъ мы старались уже показать, была только передѣлкой народныхъ пѣсень.

[4]) Ист. Р. Литер. Шевырева, ч. I, лекція 5-я, стр. 242.

производящая бурю на морѣ; индрикъ-звѣрь, который куда пройдетъ, тамъ вдругъ ключъ закипитъ. Подобныя же существа встрѣчаются и въ стихѣ о Егоріѣ храбромъ. Подробности объ нихъ отчасти могли сохраниться въ народной памяти, какъ остатокъ родной миѳической старины, отчасти зайти къ намъ въ стихи изъ различныхъ, переведенныхъ съ греческаго, сочиненій о всякаго рода звѣряхъ, въ томъ числѣ и о фантастическихъ; а такія сочиненія были сильно у насъ распространены въ старину [1]). Что касается собственно кита, то онъ имѣется и въ апокрифахъ, гдѣ умножается числомъ даже до 33-хъ и куда, очевидно, попалъ изъ народныхъ преданій, сходныя съ коими имѣются опять и не у однихъ индо-европейцевъ: въ бурятской легендѣ, когда поворачивается рыба, дѣлается землятрясеніе [2]). Но и съ этими чисто-миѳическими существами соединяются воззрѣнія уже христіанскія. Хотя земля и основана на китахъ, стихъ немедленно прибавляетъ, что тѣмъ не менѣе она основана Святымъ Духомъ, а содержана словомъ Божіимъ, т. е. безъ слова Божія киты не тронутся, и бѣлый свѣтъ не покончится. Если стратимъ-птица, встрепенувшись, и можетъ топить товары гостиные, то это дѣлается не иначе, какъ

По Божьему все повелѣнію.

Наконецъ индрикъ-звѣрь въ нѣкоторыхъ варьянтахъ живетъ уже не на святой горѣ (миѳической—м. б. той, на которой жилъ старшій, т. е. полубогъ-богатырь Святогоръ), а на горѣ Аѳонѣ (знаменитой своимъ монастыремъ), гдѣ не только становится существомъ совершенно мирнымъ, но даже молится Богу [3]). Изъ всего этого видно, что и говоря по старымъ преданіямъ, Давидъ въ нашемъ стихѣ говоритъ подъ вліяніемъ новыхъ, христіанскихъ воззрѣній. Заставивъ и его отказаться отъ проникновенія въ глубину писанія, народъ черезъ это сознался въ своей собственной неспособности проникнуть умомомъ въ

---

[1]) Таковы были, напримѣръ: физіологическая поэма Георгія Писида, Шестодневъ Василія В. и Іоанна Дамаскина, сочиненія Козмы Индикоплова, и др. Изъ такихъ сочиненій впослѣдствіи (съ XV в.) составлялись у насъ особые звѣриные сборники (бестіаріи).—Желающіе ближе ознакомиться съ ними могутъ прочесть въ 23 № „Русской Рѣчи" за 1861 г. въ статьѣ г. Буслаева.

[2]) Тихонр. Отреч. Кн. II 436, 443. Щапова въ Ж. М. Н. П. 1863 г. II, 117. Шашкина въ З Г. О. 1864, II, 80.

[3]) „Калѣки" Безсонова, вып. 2., стр. 372 и 373, выноска ****. Тамъ же показано, какъ и другіе миѳическіе звѣри постепенно теряли, съ измѣненіями нашего стиха, свое ужасающее могущество и были все болѣе и болѣе подчиняемы христіанскому Богу. Этимъ отчасти опровергается мнѣніе г. Буслаева объ ужасающемъ значеніи этихъ сверхъестественныхъ звѣрей, проявившемся, будто бы, именно послѣ распространенія христіанства (Русская Рѣчь 1861 г., № 23, стр. 351).

эту глубину; но въ то же самое время, старыя свои преданія обновивъ образами изъ христіанскаго міра, онъ тѣмъ самымъ показалъ, что если еще далеко не умъ, то уже воображеніе его подвергалось вліянію христіанскому. Преданіе же о плакунъ-травѣ показываетъ, что христіанствомъ было отчасти затронуто и сердце народа.

Въ нашемъ окончательномъ видѣ стиха о Голубиной книгѣ въ заключеніе помѣщается сонъ Владиміра; но это уже не то, что̀ сонъ Волота, предсказывавшій брачный союзъ между его дочерью и сыномъ Давида. Сонъ Владиміра и его разгадка заимствованы стихомъ изъ «Бесѣды трехъ святителей», но стихъ сдѣлалъ изъ него самостоятельный и болѣе глубокій выводъ. Въ «Бесѣдѣ» «кривда отогнала правду, а лжикривда осталася», т. е. побѣда явнымъ образомъ тутъ за кривдой. Народъ, повидимому, не могъ примириться съ такимъ мрачнымъ воззрѣніемъ, столько противорѣчащимъ тому, что мы видѣли въ сказкахъ см. выше стр. 180—82). Признавая уже въ стихѣ, что кривда не только осталась, но даже разошлась по всей землѣ, по всей землѣ свято-руской, что отъ кривды сталъ народъ неправильный,—народъ нашъ не захотѣлъ видѣть въ этомъ окончательной побѣды надъ правдою; онъ даже утверждаетъ въ своемъ стихѣ, что побѣда напротивъ того осталась за правдой, но что она, какъ бы не захотѣвъ сама оставаться на землѣ, пошла на небо. Народъ убѣжденъ въ томъ, что она тамъ, въ странѣ будущаго, что она у самого Христа, царя будущаго вѣка.

Преимущественное вліяніе христіанства на воображеніе народа сказывается и въ другомъ стихѣ, т. н. евангелистой пѣсни, основанной на таинственномъ значеніи чиселъ. Тутъ предлагаются вопросы: что̀ значитъ одинъ, что̀ значитъ два, и такъ далѣе до двѣнадцати. Первоначально на это должны были имѣться и миѳологическаго свойства отвѣты, подобные тѣмъ, какіе даются на точно такіе же вопросы въ одной народной бретонской пѣснѣ [1]). Но какъ на западѣ эти древнѣйшіе миѳическіе отвѣты были впослѣдствіи замѣнены христіанскими [2]), такъ и у насъ въ евангелистой пѣсни явились слѣдующіе отвѣты [3]):

Дванадесять апостолъ,
Единъдесятъ праотецъ,

---

[1]) Villemarqueé, Barzaz Breiz, I, 1 — 15.

[2]) Въ извѣстномъ латинскомъ духовномъ стихотвореніи. Также въ нѣмецкой пѣснѣ, извѣстной подъ латинскимъ названіемъ Lector Lectorum (Simrock, Volkslieder, 520 — 525—VIII-r Band der Deutschen Volksbücher).

[3]) Почти такіе же и въ латинскомъ стихотвореніи. Объ этомъ см. въ диссертаціи г. Пыпина: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“, стр. 144 и 145; (Ученыя записки Академіи Наукъ, кн. IV). Также въ статьѣ неизвѣстнаго автора объ очеркахъ г. Буслаева въ Библіотекѣ для чтенія за 1861 г., іюль стр. 18 и 19.

Десять Божьихъ заповѣдей,
Девять въ году радостей,
Восемь круговъ солнечныхъ,
Семь чиновъ ангельскихъ,
Шесть крылъ херувимскихъ,
Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ,
Четыре листа евангельскіе,
Три патріарха на землѣ,
Два тавля Моисеовыхъ,
Единъ сынъ Маріинъ,
Царствуетъ и ликуетъ
Господь Богъ намъ нами.

Довольно много сохранилось у насъ стиховъ о различныхъ событіяхъ въ жизни Спасителя. Но нѣкоторые изъ нихъ, именно о Рождествѣ Христа и его спасеніи отъ Ирода Аллилуіевою женою, были впослѣдствіи преимущественно усвоены и переработаны раскольниками, почему объ нихъ и будетъ говориться у насъ позже. Народное воображеніе, какъ было уже сказано, не могло не воспользоваться отношеніями Христа къ Богородицѣ, т. е. сына къ матери. Эти отношенія подробно развивались въ нѣкоторыхъ перешедшихъ къ намъ апокрифахъ. Таковъ «Сонъ Богородицы», о сильномъ распространеніи котораго на Руси свидѣтельствуютъ нѣкоторые усвоенные имъ образцы народнаго языка и поэзіи (напримѣръ: «владычицѣ мало спалось, и во снѣ много видѣлось»... «Спишь ли ты, или такъ лежишь? встань и убудись»; «гой еси ты, мати возлюбленная;» народно также чисто эпическое повтореніе того, что уже было сказано, и притомъ съ тѣми же оборотами—такъ Богородица сама разсказываетъ сонъ, о которомъ разсказалъ уже стихъ). Народные стихи значительно измѣняютъ содержаніе этихъ апокрифовъ. Тутъ Богородица видитъ во снѣ не самыя обстоятельства будущихъ страданій Спасителя, а видитъ только, что она его родила и пеленала

Во пелены, пелены камчатыя,
Во поясѣ шелковые.

И это-то повторившееся во снѣ рождество того, кто родился для страданій, Спаситель растолковываетъ ей, какъ предсказаніе объ Его смерти крестной.

Далѣе, сильно пораженный раздающимся въ евангеліи голосомъ распятаго Христа, поручающаго Богородицу Іоанну, народъ въ нашемъ стихѣ заставляетъ ее заранѣе спросить Спасителя: на кого же онъ ее оставитъ? и Спаситель оставляетъ ее Іоанну Крестителю (котораго память народная простодушно смѣшала съ Іоанномъ Богословомъ). Наконецъ, пораженный возвышенною красотою пѣсни, раздающейся въ по-

слѣдніе дни страстной недѣли: «не рыдай мене, мати, во гробѣ зрящи... возстану бо и прославлюся», народъ тоже самое обѣщаетъ богородицѣ устами Спасителя и въ стихѣ, присоединяя къ тому еще обѣщаніе списать ея ликъ на икону и положить икону въ церковь.

«Пойду, говоритъ Спаситель, иконѣ помолюся, приду иконѣ поклонюся.»

Тутъ поэтическое воображеніе пѣвцовъ дѣлаетъ Спасителя совершенно народнымъ образцомъ сына: онъ, по обычаю народному, поклоняется своей государынѣ матушкѣ.

Точно также совершенно въ духѣ нашихъ былинъ въ стихѣ о Христовѣ распятіи Богородица, плача, восклицаетъ:

Увы, мать — разсыра земля, возьми меня къ себѣ!
Сыне мой любезный, надежда моя!
И что не послушалъ матери своей?

Т. е. Христосъ, подобно столькимъ лицамъ народной поэзіи, какъ бы становится жертвою собственно потому, что не послушался предостерегающаго голоса своей матери —

Вчера не хотѣла отпустить я тебя,
Волею — пойде на крестную смерть.

Эта замѣчательная черта заставляетъ приписать стиху старинное и чисто народное происхожденіе; съ другой стороны, такія формы, какъ пойде и встрѣчающіяся далѣе — бысть, устнѣ, едину мя, мене, почто, вкупѣ, — формы церковно-славянскія, могли бы заставить подозрѣвать, что позже стихъ былъ передѣланъ какимъ-нибудь книжникомъ и потомъ уже обратно перешелъ въ уста народныхъ пѣвцовъ. Есть нѣкоторыя церковно-славянскія формы также и въ стихѣ: «Сонъ Мати Маріи», — именно въ самомъ описаніи страданій Спасителя; но объ этихъ страданіяхъ приходилось народу такъ часто слышать въ храмѣ, что и самый некнижный пѣвецъ легко могъ усвоить себѣ подлинныя выраженія и формы евангельскаго повѣствованія о страстяхъ. Да вѣдь и церковный плачъ Богородицы, обыкновенно читаемый при плащаницѣ и очевидно послужившій образцомъ для плача въ стихѣ о Христовѣ распятіи, былъ достаточно знакомъ всему народу; а потому и изъ него многое могло цѣликомъ перейти даже къ чисто-народнымъ пѣвцамъ. Кромѣ вліянія книгъ, читаемыхъ въ церкви, на стихѣ о распятіи замѣтно и вліяніе апокрифовъ — именно евангелій апокрифическихъ [1]. Что касается отвѣта уже распятаго Христа на плачъ Богородицы, то онъ, подобно такому же отвѣту въ

[1] Замѣчаніе г. Варенцова (стр. 56 его сборника). Ср. съ апокрифическимъ евангеліемъ о страстяхъ Господнихъ въ отреченныхъ книгахъ, собран. Пыпинымъ. Migne, Dictionn. d. Apocr. I, 1087, etc.

«Снѣ», сложился подъ вліяніемъ пѣсни: «не рыдай мене мати» и другихъ церковныхъ пѣсень. О распятіи наконецъ говорятъ и нѣкоторыя изъ пѣсень народныхъ, замѣшавшихся какъ-то въ число колядокъ (галицкихъ). Это обстоятельство объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что за распятіемъ вскорѣ слѣдуетъ воскресеніе, оно-же, какъ возрожденіе, могло смѣшиваться съ рожденіемъ, рождествомъ [1]). Въ одной изъ колядокъ дѣйствительно и передается о послѣдовавшемъ за распятіемъ Христа на золотомъ крестѣ и въ кровавой ризѣ, славномъ его воскресеніи, которому не хочетъ вѣрить старикъ еврей и въ которомъ удостовѣряется посредствомъ особаго, страннаго чуда (христ. стран. 299, столб. 2-й). Въ другихъ же двухъ повѣствуется собственно о распятіи и положеньи во гробъ; конецъ, довольно неясный, развѣ что намекаетъ на воскресеніе. Въ одной изъ этихъ колядокъ, при полной народности языка, поражаетъ и чисто-народная, прямо миѳическая основа. Не всякое дерево было готово послужить къ истязанью Спасителя; согрѣшила одна червивая ива,—пустила его святую кровь. Это рѣшительно напоминаетъ въ скандинавскихъ миѳахъ неуязвимость свѣтлаго бога Бальдура никакимъ растеніемъ, кромѣ одного колючаго, которымъ и умѣлъ воспользоваться враждебный Локки [2]). — Далѣе же отъ крови и отъ частей тѣла убитаго божества зараждаются въ нашей колядкѣ различные предметы священные, такъ что тутъ оказывается какъ бы какое-то перерожденье (очевидно сходное съ возрожденьемъ — Христ. стр. 298—99). Что касается другой колядки, то въ ней замѣчательно обращенье св. Елены (простодушно смѣшиваемой тутъ съ Богородицей) къ миѳическимъ силамъ — солнцу, мѣсяцу, зорямъ,—съ вопросомъ; не видѣли-ли ея сына? Заря указываетъ ей на гору, гдѣ видитъ она кресты. Въ концѣ же оказываются три гроба — въ одномъ Христосъ, въ другомъ — самъ Господь, въ третьемъ — Пречистая (пѣсня, сдѣлавъ матерію Христа св. Елену, какъ бы окончательно забываетъ, что на самомъ-то дѣлѣ богоматери и принадлежало имя пречистой — которая тутъ оказывается умершею (Христ. стр. 299, столб. 1).

Народъ нашъ не только самостоятельно воспользовался тѣми изліяніями чувствъ между Христомъ и Богородицею, которыя представляла ему сама церковь; они до такой степени пришлись ему по сердцу, что онъ радъ былъ на основаніи нѣкоторыхъ апокрифовъ [3]), перенести ихъ и за предѣлы земной жизни Спасителя: въ стихѣ о страшномъ судѣ раздается въ пользу грѣшниковъ умоляющій голосъ Богоматери къ Іисусу

---

[1]) Особливо при томъ первоначальномъ миѳическомъ смыслѣ — возстанія свѣтлаго солнца, какой еще долгое время сквозилъ для народа въ обѣихъ праздникахъ.

[2]) Edda, üb. v. Simrock, 316.

[3]) Наприм. Хожденія Богородицы по мукамъ. (Христ. стр. 299—302).

пресладкому сыну, а въ отвѣтъ на него совершенно сыновній, нѣжно-любящій голосъ Христа:

Ой ты, мати моя всепѣтая,
Госпожа владычица и Богородица!
Могу ради тебя грѣшныхъ рабовъ помиловать...
Да можешь ли, мати, меня видѣти
Во второе на Христовѣ на распятіи?

Вотъ какое условіе для спасенія грѣшниковъ предлагаетъ воображенье народное, — условіе, котораго чувство матери никакъ не можетъ принять.

Іисусъ Христосъ пресладкій сынъ!
Не могу я тебя видѣти
Во вторые на Христовѣ на распятіи;
Не могу забыть твое прежнее помученіе,
Не могу я ту чару выпити,
Горькими слезами плачучи.
Не жаль мнѣ таковаго народа многогрѣшнаго,
А жаль мнѣ своего сына родимаго." [1])

И этимъ свидѣтельствомъ матери о невозможности новыхъ страданій для ея сына должно было успокоиваться человѣчественное чувство народа, возмущенное мыслію о безконечномъ мученіи грѣшниковъ. Не могло народное чувство примириться съ мыслію о такой безконечности адскихъ мукъ; — и вотъ оно радо было встрѣтить въ апокрифическомъ словѣ отъ видѣнія Павла Апостола жалобы солнца, мѣсяца, звѣздъ, моря, рѣкъ и земли на грѣхи человѣка; [2]) радо было потому, что послѣ этого сама природа не въ силахъ милостиво терпѣть грѣшниковъ, а не Богъ долготерпѣливый. Но въ апокрифическомъ словѣ жалобы природы приводятся только съ тѣмъ, чтобы показать, до какой степени природа покорна Богу, до какой степени она за одно съ Нимъ; народное же воображеніе приписало собственно ей желаніе осудить грѣшниковъ, а Бога представило уговаривающимъ ее:

Потерпи же ты, матушка сыра земля,
Не придутъ ли рабы грѣшники
Къ самому Богу съ чистымъ покаяніемъ.

Такое нежеланіе народа представлять себѣ Бога иначе, какъ любящимъ

---

[1]) Въ „Хожденіи Богородицы" она хотя и молитъ Христа за грѣшниковъ, но онъ не предлагаетъ ей такого условія для спасенія ихъ, а только говоритъ: „за многія слезы моей матери и ради святыхъ моихъ, даю грѣшникамъ покой отъ великаго четверга до дня всѣхъ святыхъ."

[2]) Христ. стр. 266.

Богомъ, въ высшей степени знаменательно: первое проповѣданіе вѣры Владиміру искало помощи, какъ извѣстно, въ устрашеніи его запоною страшнаго суда; затѣмъ эта запона, со всѣми своими дьяволами, вошла въ наши храмы и до сихъ поръ остается въ нихъ по деревнямъ; — и не смотря на эти вѣковыя усилія дѣйствовать на народъ страхомъ, онъ въ своей устной поэзіи, часто-по христіански, хочетъ любить Бога, а не бояться Его.

Не могли однако же вѣковыя усилія надъ народомъ пройти совершенно даромъ. Запона всетаки производила свое ужасающее дѣйствіе; съ нею же за одно были и нѣкоторые апокрифы, напримѣръ первая половина «Хожденія Богородицы по мукамъ», а отчасти и не-апокрифы, а именно: «житіе св. Василія новаго», въ которомъ подробно описывалось хожденіе души св. Ѳеодоры по воздушнымъ мытарствамъ, далѣе—составленное отчасти на основаніи этого житія «Слово о мытарствахъ», и т. п. [1]). Но воображеніе народное смягчало и дѣлало болѣе человѣчнымъ ужасающее содержаніе подобныхъ книжныхъ произведеній. Въ «Хожденіи Богородицы» читаемъ мы, напримѣръ, о мужахъ и женахъ, положенныхъ на огненные одры, по которымъ ползаютъ змѣи; это не болѣе, какъ за то, что они по воскресеньямъ не вставали къ заутренѣ и спали, какъ мертвые. Въ томъ же апокрифѣ, надъ развитіемъ котораго вѣроятно трудилась не одна книжная голова, встрѣчаемъ мы грѣшниковъ, которые палимы огнемъ, сидя на сѣдалищахъ: это за то, что они не вставали передъ священникомъ, когда онъ шелъ въ церковь. Къ чести древней Руси воображеніе ея народныхъ пѣвцовъ не омрачилось ничѣмъ подобнымъ. Въ нашихъ стихахъ грѣшники во первыхъ ждутъ себѣ наказанія преимущественно за важные грѣхи, во вторыхъ же самыя наказанія приводятся болѣе въ общихъ чертахъ, какъ бы вскользъ; видно, что фантазія народа не любила останавливаться на этомъ предметѣ. Только въ весьма немногихъ стихахъ имѣются на этотъ счетъ значительныя подробности (Христ. стр. 307—8). Между грѣхами, упоминаемыми въ стихѣ о великой грѣшницѣ, видимъ грѣхи по большей части дѣйствительно великіе, указывающіе на грубое состояніе общества; между ними встрѣчается и колдовство:

Изъ коровушекъ молоки я выкликивала, [2])
Во сырое коренье я выдаивала...

(для того, чтобы корова не давала молока; особый видъ колдовства)

---

[1]) См. въ Ист. Оч. Буслаева, т. 1, стр. 434—436. Христ. стр. 263—265.

[2]) Это выкликиванье изъ коровъ молока первоначально, какъ объясняетъ г. Афанасьевъ, могло означать вызываніе священными дѣйствіями вѣщихъ женъ дождя изъ тучъ (см. выше стр. 69) но позже оно получило значенье иное, стало темнымъ враждебнымъ чародѣяніемъ. Ср. ст. П. Лавровскаго въ Зап. II-го О. А. Н. VII, II, 33.

Въ соломахъ я заломы заламывала,
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала.

(Заломъ — это опять особый видъ колдовства: связываютъ на корню узломъ хлѣбъ — или на чью нибудь голову, или чтобъ вынуть спорынью изъ хлѣба) [1]).

Еще душа Богу согрѣшила:
По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьями оборачивала.

Т. е. тутъ душа кается въ такой чародѣйской силѣ, которая, разумѣется, существовала только въ воображеніи народа. Вообще по характеру самыхъ грѣховъ можно заключать, что стихъ этотъ первоначально сложился у насъ въ первые вѣка по принятіи христіанства. Но даже и для такихъ ужасныхъ грѣховъ древніе наши пѣвцы не старались придумывать какія нибудь особыя муки, исполнителями которыхъ должны бы были явиться извѣстные адскіе палачи — бѣсы. Въ послѣднихъ рѣшительно не было недостатка въ перешедшихъ къ намъ апокрифахъ; по составленному на нхъ основаніи слову о мытарствахъ, къ каждому человѣку, кромѣ свѣтлаго ангела, приставляемаго при рожденіи, чуть начнетъ онъ входить въ смыслъ, приставляется и искушающій его ангелъ сатанинъ, который постоянно старается оттягать человѣка у свѣтлаго ангела и со злобною радостію записываетъ каждый, сотворенный человѣкомъ грѣхъ. Потомъ, послѣ его смерти, бѣсы встрѣчаютъ его душу въ воздушномъ пространствѣ и дразнятъ ее тѣмъ, что показываютъ ей длинные списки ея грѣховъ. Далѣе они таскаютъ душу съ одного воздушнаго испытанія, или мытарства, на другое, и все продолжаютъ уличать ее во грѣхахъ, до которыхъ доходила она по ихъ же милости. — Какую обильную пищу ни давали воображенію всѣ эти мрачныя картины невѣдомаго загробнаго міра, народъ нашъ мало ими воспользовался. Изъ слова о мытарствахъ заимствованы только свѣтлые образы ангеловъ Божіихъ и поэтическая картина разставанія души съ тѣломъ. Ангелы являются тутъ во множествѣ, плывя въ кораблѣ за душами умершихъ по морю синему, по хвалынскому... Какъ названіе моря, такъ и это плаваніе ангеловъ въ кораблѣ — принадлежатъ уже народной поэзіи. Плаваніе сохранилось даже, по всей вѣроятности, отъ старины миѳической; водами, моремъ вообще отдѣляется въ миѳологіи наша земля отъ таинственной страны неземной жизни: рождающійся приплываетъ оттуда, умирающій уплываетъ туда обратно [2]). Такимъ образомъ ангелы, увозящіе

---

[1]) Объясненія г. Якушкина (см. собранныя имъ пѣсни, стр. 40).
[2]) Очерки Буслаева, т. I, стр. 437. См. выше стр. 91.

человѣческія души, должны были явиться только взамѣну какихъ нибудь миѳическихъ перевощиковъ душъ (подобныхъ греческому Харону). Свѣтлому образу этихъ плывущихъ по морю ангеловъ соотвѣтствуетъ и картина разставанія души съ тѣломъ: она становится въ нашемъ стихѣ совершенно свѣтлою уже отъ сравненія отлетающей души съ закатывающимся солнцемъ (въ словѣ о мытарствахъ этого нѣтъ). Трогательнымъ чувствомъ исполнены тѣ слова, которыми прощается душа съ тѣломъ, сперва поклонившися ему (ни этой послѣдней черты, ни словъ прощанія въ поученіи о мытарствахъ нѣтъ)

Ты прости мое тѣло бѣлое,
Ты пойдешь, тѣло, въ сыру землю,
Червямъ, тѣло, на источеніе...
А мнѣ душѣ идти къ самому Христу,
Къ самому Христу, судьѣ праведному....

И точно, на встрѣчу ей идетъ самъ Іисусъ Христосъ....

Вотъ кѣмъ замѣнены въ народномъ стихѣ тѣ сонмы бѣсовъ, которые встрѣчаютъ и провожаютъ душу въ поученіи о мытарствахъ[1]). Впослѣдствіи развилась у насъ, подъ вліяніемъ византійскихъ легендъ, цѣлая, можно сказать, бѣсовская литература, въ которой злымъ духамъ дается надъ человѣкомъ громадная власть, и въ совершенный нуль обращается свободная воля человѣка. Кое-что изъ этой литературы, какъ увидимъ мы на своемъ мѣстѣ, стало переходить и въ народъ, хотя при этомъ онъ большею частью по своему распоряжался съ бѣсами: изъ страшныхъ они большею частію дѣлались у него смѣшными. Но въ стихѣ о великой грѣшницѣ дьяволъ является страшнымъ.

Еще душа Богу согрѣшила:
Подъ всякія игры много плясывала,
Самого сатану воспотѣшивала.

Въ стихѣ про Михаила Архангела, который, согласно со словомъ о мытарствахъ, является тутъ провозвѣстникомъ страшнаго суда, ужасающимъ лицомъ является онъ, самъ Архангелъ, но ужасающимъ свѣтлымъ лицомъ, и народное воображеніе особенно старается выказать въ немъ противоположную земнымъ судьямъ неподкупность судьи небеснаго. Въ нѣко-

---

[1]) Дьяволъ не вошелъ и въ стихъ о Голубиной книгѣ, не смотря на то, что является какъ въ нѣкоторыхъ видахъ „Бесѣды трехъ святителей“, имѣвшей такое вліяніе на нашу „голубиную книгу“, такъ и въ другихъ апокрифахъ, трактующихъ о происхожденіи міра. Объ нихъ см. въ Правосл. Собесѣдн. 1861 г. ч. I статью: „Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-русскихъ народныхъ сказаніяхъ о мірѣ“ (стр. 249—283).

торыхъ стихахъ, правда, появляется ужасающее лицо Антихриста. Въ эпоху позднѣйшую, вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, оно стало привлекать къ себѣ даже особенное вниманіе и сдѣлалось одною изъ главныхъ принадлежностей мрачной литературы раскола, до которой мы дойдемъ въ свое время [1]). Въ нашемъ стихѣ антихристъ упоминается еще вскользь, а за тѣмъ народное воображеніе отдыхаетъ на образѣ омываемой и вслѣдъ за тѣмъ обновленной земли (отчасти онъ могъ быть навѣянъ словами поученія о мытарствахъ: по семъ будетъ земля нова, и т. д.) [2]).

И сошлетъ Господи потопія,
И на три дня, на три мѣсяцы,
И вымоютъ матушку сыру землю,
Аки харатью бѣлую,
Аки скорлупу яичную,
Аки дѣвицу непорочную,
Аки вдовицу благочестивую.

Какова же будетъ за тѣмъ жизнь на обновленной землѣ, объ этой тайнѣ будущаго мало гадаетъ народъ. Ему достаточно знать, что

Понесетъ рѣка огненная
Человѣка многогрѣшнаго
По мукамъ по разноличнымъ...

Возможности знать въ точности эти муки, по понятію народа, отнимается самимъ Господомъ Богомъ...

Повелитъ Господь всѣмъ ангеламъ, архангеламъ
Брега съ мѣста содвигнути,
Повелитъ Господь перстьемъ засыпати,
Святымъ духамъ замуравити,
Чтобъ отъ грѣшныхъ было не слышати
Ни зыку, ни крику, ни рыданія [3]).

---

[1]) Раскольниками частію усвоенъ и переработанъ, частію созданъ цѣлый рядъ духовныхъ стиховъ, о которомъ говорить здѣсь еще не мѣсто. Много такихъ стиховъ собрано у Варенцова, стр. 174—203. Къ числу раскольничьихъ слѣдуетъ, кажется, отнести и „Стихъ о пречудной царицѣ", помѣщенный въ сборникѣ г. Якушкина на стр. 32—34. Въ немъ довольно много поется объ Антихристѣ. Во всякомъ случаѣ онъ происхожденья позднѣйшаго, — это доказывается длинными разсужденіями, занимающими почти половину стиха. Такъ и въ приведенномъ у меня стихѣ о Михаилѣ Архангелѣ первыя четыре строки — также разсужденіе — позднѣйшая вставка (стр. 304 моей христоматіи). Къ раскольничьимъ стихамъ относятся также помѣщенные въ сборникѣ Кирѣевск. под. № XL—XLIV. (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1848 г. № 9).

[2]) Стр. 60 христоматіи.

[3]) См. статью объ Очеркахъ г. Буслаева въ Библ. для Чт. 1861 г., Май, стр. 6 статьи.

При такомъ воззрѣніи народномъ, у насъ трудно бы было возникнуть поэмѣ, подобной Дантову Аду, Чистилищу и Раю. Это не потому, чтобы для подобной поэмы непремѣнно нужно было латинство; — и византійство могло бы произвести поэму такого рода. (Хожденіе Богородицы по мукамъ отчасти подходитъ къ ней). Но дѣло въ томъ, что византійство никогда такъ сильно не овладѣвало русскимъ народомъ, какъ латинство овладѣло народами западными.

Тѣмъ не менѣе стихи о страшномъ судѣ у насъ были, и какъ бы ни смягчалось содержаніе ихъ у пѣвцовъ народныхъ, они всетаки должны были ужасать, особливо при помощи запоны суда, которая уже не смягчалась, а въ точности срисовывалась. Послѣ этого не удивительно, что и наше народное воображеніе было всетаки до такой степени запугано, что, не смотря на народное уваженье къ родителямъ, оно заставляетъ осужденныхъ грѣшниковъ бранить ихъ и клясть словами:

Не спасибо вамъ, отецъ съ матерью!
Умѣли вы насъ породити,
Да не умѣли на добрыя дѣла научить, —
Призрили намъ муку превѣчную.

Къ числу довольно распространенныхъ у насъ стиховъ относится стихъ объ Іосифѣ прекрасномъ. Что библейская исторія Іосифа уже рано подѣйствовала на воображеніе русскаго народа, это доказывается, м. б., переходомъ ея даже въ нашъ богатырскій кругъ, при чемъ Іосифъ, какъ мы видѣли, передѣлался въ Михаила Потыка, а жена Пентефрія — въ жену князя Владиміра [1]). Въ духовномъ стихѣ объ Іосифѣ библейская исторія передается довольно точно. Замѣчательна въ немъ черта, принадлежащая народному творчеству: когда купцы увозятъ Іосифа, на дорогѣ имъ попадается могила его матери, и онъ начинаетъ просить ихъ:

Отпустите, ослобоните
На матушкину могилку!
Горючихъ я слезъ наточуся,
Съ родимою матушкой прощуся!»

До такой степени народная наша поэзія пользуется каждымъ случаемъ, чтобы выразить дорогое ей сыновнее чувство! Плачъ Іосифа на могилѣ матери существуетъ во множествѣ варьянтовъ, отдѣльно отъ цѣлаго разсказа, изъ чего прямо видно, что это была любимая, самая популярная часть стиха. Въ описаніи отношеній Іосифа къ женѣ Пентефрія

[1]) Впрочемъ тутъ, м. б., кроется и древнее преданіе общенародное. О ветхозавѣтныхъ апокрифахъ см. статью Н. Лавровскаго въ Духовномъ вѣстникѣ 1865 г. прем. стр. 29, 30, 48.

замѣчательна та разница въ тонѣ, какая существуетъ между народнымъ стихомъ и апокрифами. Въ стихѣ дѣло передается просто, съ обычнымъ спокойствіемъ эпоса;—въ книжныхъ памятникахъ, напротивъ того, видно участіе раздраженнаго и желающаго раздражать другихъ воображенія,—того больнаго, испорченнаго воображенія, которое возможно только въ спертой, затворнической атмосферѣ четырехъ стѣнъ. — Зато съ другой стороны одна изъ прекрасныхъ сторонъ апокрифа, мысль о братолюбьи Іосифа (христ., стр. 240—1) вовсе не проникла, какъ мы отчасти уже и видѣли, въ народный стихъ. Но въ этомъ послѣднемъ замѣчательна наконецъ черта, обрисовывающая совершенно своеобразно отеческую любовь: зная богатырское сердце отца (такъ названо оно въ стихѣ), Іосифъ велѣлъ обшить бархатомъ столбъ и спрятался за него при входѣ слѣпаго Іакова: тотъ, слыша голосъ сына, прижимаетъ къ себѣ столбъ, и такъ сильно, что съ обоихъ концовъ сокъ выступаетъ. Когда все выходитъ наружу, Іаковъ говоритъ:

„Спасибо, любезное мое чадо,
Что ты не шелъ теперь ко мнѣ въ руки:
Зажалъ бы съ тоски тебя до смерти» [1]).

Издавна уже, надобно полагать, пѣлись у насъ и стихи о Лазарѣ. Евангельская притча о немъ такъ близка по своей основѣ къ направленью народной мысли, тому направленію, которое выразилось, какъ видѣли мы, цѣлымъ рядомъ сказаній о богатомъ и объ убогомъ! — Притомъ же издавна существовали у насъ и поученія на евангельскую тему о богачѣ и Лазарѣ. До насъ дошло одно даже отъ XII ст., отличающееся образностію, рѣшительно поэтическою. Вотъ на примѣръ поразительная картина нѣги богатаго: готовятъ ему и «одръ настьланъ перинъ паволочитыхъ; взлежащю же ему и не могущю уснути друзи ему нозѣ гладять, иніи по лядьвьямъ тѣшать его, ини по плечима чешють, иніи годують, иніи бають ему и кощюнять». А вотъ сильный отвѣтъ изъ рая Лазаря мучимому въ аду богачу: «а нынѣ ли требуеши желающаго насытитися отъ крупицъ падающихъ съ тряпезы твоея и съвивающагося отъ гнойныя болѣзни; кымь перстъмь съмочить ти устьнѣ, съ нимь же ты не хотяаше ясти на тряпезѣ? Тъгда гнушашеся възрѣти на руцѣ его, то нынѣ ли молишися, да ти языка твоего коснеть пьрстъмь.» — Подобнаго рода проповѣдь не могла не дѣйствовать сильно на воображенье, — и что́ мудренаго, если та-же тема, къ тому же и при подготовленности къ ней издавна уже самой почвы народной, сходнымъ образомъ отразилась

[1]) Первообразомъ силы подобнаго рода могло служить сказаніе объ отцѣ Святогора, (Рыбн. III, 6), который сдавилъ горячее желѣзо, протянутое ему вмѣсто руки Ильей Муромцемъ.

въ народныхъ стихахъ? Но замѣчательно, что нѣсколько разъ упоминаемые въ поученьѣ рабы (какъ одна изъ главнѣйшихъ принадлежностей обстановки богатаго) въ народные стихи не вошли — тѣмъ опять подтверждается несвыклость народной нашей поэзіи съ этимъ обычнымъ выраженіемъ нашей книжности [1]). Народные стихи о богатомъ и бѣдномъ вообще отличаются своеобразіемъ. Изъ брата въ смыслѣ ближняго народъ сдѣлалъ Лазаря кровнымъ, роднымъ братомъ богатаго, котораго даже и назвалъ также Лазаремъ. Одна мать родила обоихъ Лазарей, да не одна имъ досталась доля. Богатый не хочетъ знать бѣднаго брата; народъ заставляетъ его прямо отрекаться отъ естественнаго родства, и признавать только искусственное:

А и есть у меня братья, каковъ я самъ богатъ:
Купцы тѣ, да бояра — то братія моя;
Попы тѣ — церковны то хлѣбъ соль съ ними една у меня.

Въ нѣкоторыхъ варьянтахъ, показывая, какъ выгодно имѣть такихъ друзей, онъ надѣется даже, очевидно при помощи ихъ, приблизиться къ царству небесному, — «а не приблизиться, такъ прикупиться» [2]). Напротивъ того бѣдный Лазарь, въ другомъ варьянтѣ, описывая свою нищету, говоритъ:

Мнѣ нечѣмъ, убогому, въ рай превзойти,
Нечѣмъ въ убожествѣ душу спасти! [3])

Но отрадно было народному чувству въ томъ же самомъ стихѣ показать, что если пастыри берутъ деньги въ видѣ откупа отъ грѣховъ, то отъ суда Божія не откупиться ни вкладами, ни молебнами; а кого Онъ захочетъ простить, того проститъ даромъ! Изнывая отъ голода на своемъ гноищѣ, убогій Лазарь не ропщетъ на Бога; онъ даже не смѣетъ просить себѣ тихой, покойной смерти, потому что считаетъ себя грѣшникомъ. Въ притчу о немъ и о богатомъ народъ какъ бы вставилъ притчу о мытарѣ и фарисеѣ. Далекій отъ мысли, чтобы его страданія могли выкупить его грѣхи, убогій Лазарь, желая смерти, проситъ, чтобы Богъ послалъ за душой его грозныхъ ангеловъ, немилостивыхъ, потому что не

---

[1]) За напечатаніе слова о Лазарѣ слѣдуетъ быть признательными И. И. Срезневскому, заимствовавшему его изъ одного древняго сборника поученій и относящему его ко времени до 1200 г. (Изв. Ак. Н., X, ч, 547 — 550). Если оно и переводное, то въ немъ все-таки должны быть черты, принадлежащія и русскому проповѣднику. Въ отрывкѣ изъ другаго сходнаго слова, приводимомъ также г. Срезневскимъ, есть прямыя, очевидно русскія указанія на болярина и посадника.

[2]) „Калѣки“ Безсонова, вып. 1, стр. 62 и 66.

[3]) „Калѣки“, вып. 1, стр. 57.

такъ его душенька поцарствовала, живучи, бывучи на вольномъ на свѣту (т. е. не такъ, какъ слѣдовало, пожила, насладилась жизнію). Между тѣмъ Богъ посылаетъ за нимъ тихихъ ангеловъ, милостивыхъ, и они вынимаютъ его душеньку честно и хвально чрезъ уста— образъ, постоянно употребляемый народною поэзіею для выраженія тихой, спокойной смерти. Далѣе, переходя къ богатому, народное творчество нѣсколько заимствуется также и отъ притчи о томъ богачѣ, который хвалился своимъ богатствомъ и въ туже ночь былъ долженъ проститься съ жизнію. Такъ и въ нашемъ стихѣ охочъ былъ богачъ Лазарь похвалятися; — и вотъ за эту то похвальбу

Воздымало богатство повыше его,
Обрашило богатаго о мать о сыру землю.

Тогда не стало никого вокругъ него, даже и церковниковъ, чтобъ служить молебны... Долженъ онъ самъ за себя молиться, и вотъ онъ дѣйствительно молится съ гордостью и высокимъ мнѣніемъ о себѣ фарисея: проситъ послать за душой его тихихъ ангеловъ, все милостивыхъ, потому что она помаялась, живучи на свѣтѣ. Но не помогаютъ ни прежніе вклады, ни пиры, которые давалъ онъ церковникамъ: Богъ посылаетъ за душой его ангеловъ именно грозныхъ, и они вынимаютъ ее сквозь ребра, что служитъ въ народной поэзіи образомъ тяжкой, нечестной, нехвальной смерти. Брошенный въ тьму кромѣшную, богатый, взывая о помощи къ бѣдному, называетъ его родимымъ, а бѣдный отвѣчаетъ ему указаніемъ на прежнюю его родню, которою теперь онъ брошенъ. Вотъ какъ свободно и самостоятельно, и въ то же время совершенно вѣрно духу евангелія, народное творчество воспользовалось одною изъ его превосходнѣйшихъ притчъ.

Таковы главные, замѣчательнѣйшіе изъ духовныхъ стиховъ — этихъ произведеній устной поэзіи, сложившихся подъ вліяніемъ переходившей къ намъ христіанской литературы. Если уже въ самой этой литературѣ, какъ мы видѣли, было много нехристіанской примѣси; то къ содержанію, заимствованному изъ нея, тѣмъ удобнѣе могли примѣшиваться у насъ наши собственныя языческія воспоминанія. Такимъ образомъ многіе изъ нашихъ духовныхъ стиховъ рѣшительно могутъ быть названы двоевѣрными. Къ нехристіанскому въ перешедшей къ намъ литературѣ должно быть отнесено и то, что назвали мы византійскимъ — на примѣръ чувство нерасположенія ко всему не русскому, басурманскому, которое впрочемъ не доводится у насъ до такой степени, до какой — уже прямо ненависть ко всему иновѣрному была доводима и въ жизни, и въ поэзіи запада: и тутъ опять, какъ во многомъ, византійство далеко не въ той мѣрѣ владѣло нами, въ какой римство, латынство владѣло западомъ. Тѣмъ не менѣе многія стороны визан-

тійства рѣшительно становились у насъ средостѣніемъ между мягкою, человѣчною народностію Славянъ и прямою, настоящею сущностью христіанства. Благодаря этому средостѣнію, оказывая свое вліяніе на воображенье и чувство, христіанство только слабо проникало въ понятья народа: мы видѣли, что именно въ духовномъ стихѣ выразилось у насъ даже то противу-христіанское начало мести, которое вообще въ нашемъ эпосѣ развито очень слабо.—Въ понятья народа, какъ видно по духовнымъ стихамъ, уже рѣшительно не проникла то основная, исторически движущая сторона христіанства, которую выше назвали мы христіанскимъ космополитизмомъ; — именно она-то и не выказалась въ духовныхъ стихахъ, можно сказать, ни одной, хотя бы мимолетной чертой! Христіанство такимъ образомъ въ продолженіи долгаго времени не производило у насъ того, что̀, повидимому, именно у насъ и должно было совершиться легко: не содѣйствовало окончательному разширенію, разширенію на весь міръ, уже по самой природѣ своей широкаго славянскаго чувства братства.

VIII. НАЧАЛО СВѢТСКОЙ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Изъ Византіи, черезъ Сербію и Болгарію, переходили къ намъ не однѣ только апокр. повѣсти о Христѣ, Богородицѣ и святыхъ. Уже съ древнѣйшихъ временъ, тѣмъ же самымъ путемъ, заносились къ намъ рукописи, въ которыхъ повѣствовалось не о витязяхъ неба, не о людяхъ нездѣшней силы, а о здѣшнихъ, земныхъ, только не нашихъ богатыряхъ — Александрѣ Македонскомъ, вождяхъ троянской войны, византійскомъ Девгеніѣ и т. п. Всѣ они могли приходиться по сердцу народу, потому что походили на его собственныхъ богатырей. Богатыри, какъ богатыри, вездѣ болѣе или менѣе сходны; всѣ народы въ незрѣломъ возрастѣ любятъ ихъ, а потому и неудивительно, что Александръ у восточныхъ народовъ былъ сдѣланъ богатыремъ, такимъ перешелъ ко всѣмъ народамъ запада, такимъ же черезъ Византію зашелъ и къ намъ. Вожди троянской войны являются у Гомера также богатырями; но къ намъ перешли разсказы объ нихъ — не Гомера, а позднѣйшихъ плохихъ пересказчиковъ, которые точно также въ продолженіи среднихъ вѣковъ служили любимымъ чтеніемъ и на западѣ. Но какъ ни блѣдны были ихъ разсказы, они всетаки были богатырскіе.—Созданіе византійской фантазіи—Девгеній — уже на 12-мъ году совершаетъ подвиги. — Впрочемъ всѣ эти пришлые къ намъ богатыри должны были привлекать не однимъ сходствомъ съ нашими, но и несходствомъ: ни одинъ изъ нашихъ не

проникалъ такъ далеко, въ такіе невѣдомые, сверхъестественные края, какъ эти чужіе богатыри, особенно Александръ. Именно отдаленные его походы, походы въ страну чудесъ и чудовищъ, о которыхъ разсказывалось въ перешедшихъ къ намъ повѣстяхъ, съ особенною заманчивостью увлекали воображеніе. Но не въ томъ одномъ заключалась новизна для насъ этихъ чуждыхъ богатырей. Новизна ихъ заключалась еще и въ томъ, что всѣ они были цари, или дѣти царскія,—наши же богатыри не только сами не были царями, (главный же изъ нихъ, какъ мы знаемъ, былъ даже крестьяниномъ), но и не собирались вокругъ престола — потому что Владиміръ-князь представляется въ нашихъ былинахъ не на престолѣ, а за столомъ, просто какъ ласковый хозяинъ земли русской, хозяинъ, позволяющій даже сказать себѣ дурня. Еще ярче этого рода новизна высказалась въ другихъ повѣстяхъ, перешедшихъ къ намъ также изъ Византіи, а въ Византію проникшихъ изъ Азіи. Такова повѣсть объ Акирѣ премудромъ и посланіе Ивана царя Индійскаго къ императору Греческому Мануилу [1]). Акиръ — правитель у царя Синографа, «держащаго многая множества царствъ,» правитель мудрый и вѣрный. Но стоило только неблагодарному племяннику взвести на Акира клевету, и Синографъ, ни мало не задумавшись ей повѣрить, «повелѣ ему злую смерть предать, а главу повелѣ отсѣщи и псомъ на съѣденіе дать.» Когда Акира ведетъ на смерть конюшій царя, Анбугилъ, то Акиръ умоляетъ его: «не предай меня злой смерти! Не въ кое было время отець великаго царя Синографа повелѣ отцу моему твоего отца злой смерти предати, и отець мой твоего отца соблюде отъ неповинныя смерти, и по малѣ времени оба внидоша въ честь,» т. е. оказывается, что Синографъ уже не въ первый разъ распоряжался такимъ образомъ, что по приказу его не трудно было погибнуть невинному, и что у него наконецъ изъ немилости попасть въ честь бывало дѣломъ мгновенія. Но далѣе оказывается, что и самъ Акиръ въ отношеніи къ людямъ, отъ него зависящимъ, такой же Синографъ, также точно ставитъ ни во что и распоряжается произвольно жизнію человѣка: «есть у меня, говоритъ онъ Анбугилу, двѣнадцать мужей, сидятъ въ темницѣ, а единъ мужъ именемъ Сутиръ, а подобенъ моему образу, а повиненъ смерти, ужь хощеть смерти, акы пьянъ: и ты, Анбугилъ, изведи мужа сего Сутира изъ темницы и предай смерти, а меня въ сутирово мѣсто посади въ темницу.»

До какой степени у нашего народа, подъ вліяніемъ такихъ повѣстей, которыми надѣляла его Византія, стало притупляться здоровое нрав-

[1]) О томъ, что всѣ эти повѣсти, по всей вѣроятности, перешли къ намъ еще въ древнѣйшій періодъ нашей словесности см. въ диссертаціи г. Пыпина „опытъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“ 4 к. Запис. Ак. Наукъ, стр. 7, 9, 39, 45, 53, 83, 85, 89, 357.

ственное чувство, ясно высказывающееся въ нашей народной поэзіи, это видно изъ того, что воображеніе русскаго передѣлывателя повѣсти не усумнилось сдѣлать Акира христіаниномъ, такъ что онъ, обращаясь къ Анбугилу съ этою самою просьбою, уже вовсе не христіанскою, вмѣсто него умертвить другаго, называетъ его: «Анбугиле, угодниче Христовъ.» И этотъ угодникъ дѣйствительно угождаетъ Акиру — спасая его указаннымъ способомъ. — Между тѣмъ Синографу начинаетъ угрожать другой, такъ сказать, Синографъ — Фараонъ. Онъ задаетъ ему загадки, а ежели не разгадаетъ, грозитъ предать его смерти, а царство его подъ Египетъ взять. Мастеръ разгадывать былъ Акиръ — и вотъ тутъ-то Анбугилъ рѣшается принести повинную—въ томъ, что Акиръ не убитъ. [1])

Не мало должно было пройти времени, чтобы подобнаго рода повѣсти перестали у насъ быть новизною, чтобы народъ нашъ привыкъ къ тѣмъ понятіямъ, которыя въ нихъ выражались. Для этого, разумѣется, было мало одного вліянія такихъ повѣстей, нужно было стеченіе многихъ обстоятельствъ, которыя и не заставили себя ждать. Но уже явленіе у насъ подобнаго рода повѣстей, вмѣстѣ съ нѣкоторыми поученіями въ византійскомъ вкусѣ, должно было содѣйствовать постепенной перемѣнѣ народныхъ понятій. Когда перемѣна эта совершилась, сталъ мѣняться въ народной поэзіи и образъ Владиміра: изъ ласковаго хозяина земли русской онъ мало по малу сталъ переходить, такъ сказать, въ Синографа. Тогда измѣнилось и все вокругъ него — и богатыри стали часто поддакивать, какъ увидимъ мы это позже. Когда же впослѣдствіи, при окончательномъ торжествѣ новыхъ обстоятельствъ, мы увидимъ народъ нашъ подъ властію Грознаго, — то встрѣтимъ и народныя пѣсни объ этомъ царѣ, между прочимъ о томъ, какъ онъ велѣлъ казнить сына, а въ этой пѣснѣ — спасенье царевича — точь въ точь спасенье Анбугиломъ Акира.

Но это время еще далеко. Возможность его только приготовлялась у насъ между прочимъ и переходомъ къ намъ изъ Византіи произведеній въ византійскомъ вкусѣ. Въ другомъ, вышепоименованномъ, произведеніи — посланіи царя Ивана Индійскаго, та же новизна представляется съ другой стороны — со стороны блеска, величія, славы: «со мною обѣдаютъ, пишетъ Іоаннъ, 100 царей, 10 патріарховъ, 12 митрополитовъ, 40 епископовъ, 100 дьяконовъ, 50 крылошанъ, 300 королей, 3 князей, а поварню у меня строятъ, ѣсть припасаютъ два царя, два короля.»

[1]) Къ сожалѣнію, я могъ цитировать повѣсть объ Акирѣ только по позднѣйшему списку, напечатанному въ 2-мъ вып. памятниковъ Стар. Р. Литер. стр. 359—64. Другой, напечатанный тутъ же списокъ, также не есть древнѣйшій изъ извѣстныхъ (этотъ послѣдній принадлежитъ библіотекѣ Моск. Общ. Исторіи и Древностей — см. диссерт. г. Пыпина, стр. 73).

Такое великолѣпное зрѣлище, безъ сомнѣнія, въ высшей степени привлекало византійцевъ, а, благодаря имъ, начинало привлекать и насъ «Посланіе царя Ивана» произвело до того сильное впечатлѣніе на народъ, что одна яркая черта изъ него перешла даже въ поэзію народную. Царь Иванъ пишетъ царю Мануилу: «аще хощеши вѣдати всѣхъ силъ моихъ и вся чудеса моего индѣйскаго царства, и ты продай свое царство греческое, да купи бумаги, да пріѣдь въ мое царство индѣйское съ своими книжникы, и я дамъ списати чюдеса индѣйскыя земля, и не мочи тебѣ списати моего царьства и до исхода душя своея [1].» Не тоже ли почти говоритъ мать Дюка Степановича посланнымъ князя Владиміра? Царь Иванъ однако же хвалится не своимъ богатствомъ, а богатствомъ земли своей; онъ указываетъ и на нравственныя послѣдствія такого богатства: «и нѣтъ въ моемъ царствѣ ни татя, ни разбойника, ни завидливаго человѣка, занеже всѣмъ земля моя изобильна.»

Если упомянутая черта изъ «Посланія индѣйскаго царя Ивана» могла перейти въ поэзію народную, то, стало быть, подобныя произведенія читались, или, по крайней мѣрѣ, слушались всѣми, а не однимъ извѣстнымъ классомъ общества. Наплывъ такихъ произведеній, какъ только что упомянутыя, при той обильной пищѣ, какую давали они воображенію, долженъ былъ умножать число читателей и между людьми свѣтскими. Читающіе же, если имъ нравилось читаемое, могли на досугѣ приниматься и списывать... Такимъ образомъ списываніе, это все-таки уже умственное занятіе, должно было распространяться и внѣ монастырей...

Впрочемъ, благодаря распространенію пришлыхъ къ намъ повѣстей, умственная дѣятельность только усиливалась между свѣтскими, началась же она гораздо ранѣе. Самые первые наши лѣтописцы, какъ видѣли мы, не всѣ были духовные; потому-то и говорили они безъ монашескаго отвращенія о языческой старинѣ и принимали въ свою лѣтопись многое изъ устныхъ сказаній. Лѣтописи должны были и читаться не въ однихъ монастыряхъ — по крайней мѣрѣ изъ среды народа стали возникать такіе пѣвцы, которые, отказываясь отъ баснословныхъ преданій родной старины, въ тоже время, вѣроятно подъ вліяніемъ лѣтописи, стремились къ тому же, къ чему и она — уловить современную жизнь и передать ее въ память потомству. Въ народной нашей поэзіи произошелъ рѣшительный переходъ отъ богатырскаго идеала къ историческому. Переходъ этотъ, разумѣется, происходилъ постепенно. И между бога-

[1]) Посланіе Ивана царя Индѣйскаго напечатано въ 4-й книгѣ Лѣтописей русской литературы и древности Тихонравова, на стр. 100—103. Это произведніе, Девгеніево дѣяніе и повѣсть объ Акирѣ находились въ одной рукописи со «Словомъ о Полку Игоревѣ», сгорѣвшей, какъ извѣстно, въ 1812 г.

тырскими пѣснями видѣли мы — по крайней мѣрѣ историческія имена Владиміра, Добрыни; но и болѣе чѣмъ имена — память объ историческихъ пирахъ князя, объ историческихъ подвигахъ его сторожевой дружины... Въ стихѣ о Борисѣ и Глѣбѣ, и Владиміръ, и князья-мученики — лица еще болѣе историческія. Съ другой же стороны народъ, помимо исторіи, сдѣлалъ изъ Бориса и Глѣба обычный въ народной поэзіи примѣръ вреда непослушанія матери... И долго еще историческія лица должны были измѣняться въ народныхъ пѣсняхъ подъ вліяніемъ любимыхъ поэтическихъ преданій народа; долго еще съ ними смѣшивались и богатырскія, и даже миѳическія воспоминанія. Князья почти всѣ были воины; воспѣвались же самые воинственные изъ нихъ [1]) а они такъ легко обращались у народа въ богатырей! Однимъ изъ древнѣйшихъ предметовъ исторической нашей пѣсни сдѣлался братъ Ярослава, Мстиславъ — одолѣвшій Редедю великана. Про него сложилъ пѣсню какой-то Боянъ, который пѣлъ также и про другихъ князей... Какой-то — потому что до насъ дошло только его имя. Но если оно могло дойти до насъ, то, стало быть, его пѣсни слишкомъ выдѣлялись изъ общенародныхъ пѣсень, выдѣлялись до того, что въ нихъ выражалась его нравственная особенность, его личность... А когда, такъ было сказано въ нашемъ введеніи, проявляется личность, то вмѣстѣ съ нею, какъ единственное средство для того, чтобъ ей сохраниться, является письменность... Пѣсни Бояна, перваго пѣвца съ именемъ, должны были быть— если не написаны имъ самимъ, то записаны кѣмъ нибудь [2]). Но изъ пѣсень его, не смотря на это, ничего до насъ не дошло... Мы узнаемъ объ немъ изъ словъ другаго пѣвца, жившаго въ концѣ XII в., оставившаго намъ превосходную письменную пѣснь, но не оставившаго своего имени. Пѣснь эта — «Слово о полку Игоревѣ.» Но прежде чѣмъ перейти къ ней, посмотримъ, что можемъ мы узнать изъ нея о Боянѣ.

Вѣщимъ называетъ его пѣвецъ «Полку Игорева;» вѣщимъ, т. е. вдохновеннымъ, и притомъ не въ простомъ смыслѣ слова, а вдохновеннымъ, потому что онъ былъ внукъ Велеса — стариннаго славянскаго бога, отъ котораго, вѣроятно, въ старину производили себя у насъ всѣ пѣвцы. [3]) Боянъ, сладкозвучный «Соловей стараго времени, если хотѣлъ

---

[1]) Исключенье составляетъ — конечно не историческій, а былинный, вѣчно только пирующій Владиміръ; но зато онъ окруженъ богатырями.

[2]) Мнѣ кажется, что такое окончательное заключеніе о Боянѣ можетъ быть сдѣлано изъ тѣхъ изслѣдованій о немъ, которыя представилъ г. Буслаевъ въ своей превосходной статьѣ о русской поэзіи XI и XII в. (I к. Лѣтописей Тихонравова, и I томъ Очерк. Нар. Рус. Слов.)

[3]) Велесъ, какъ и всѣ яз. божества, первоначально имѣлъ значенье физическое (см. выше стр 60). Въ «Словѣ» онъ является уже съ отвлеченнымъ значеніемъ покровите

кому сложить пѣснь, то растекался мышью по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками»—чѣмъ указывается на живость и подвижность его замышленія (фантазіи), всюду проникающаго и все обхватывающаго [1]). Онъ помнилъ о первыхъ временахъ междоусобій, и пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей,—къ которой прежде долеталъ соколъ, та лебедь прежде и пѣла—а немного далѣе говорится, что на самомъ-то дѣлѣ онъ пускалъ не 10 соколовъ на лебедей, а свои десять пальцевъ на струны—и онѣ уже какъ бы сами рокотали славу князьямъ [2])—т. е. онъ пѣлъ еще при помощи инструмента, по древнему обычаю Славянъ, да и всѣхъ народовъ. Пѣлъ же онъ — старому Ярославу (Мудрому, сыну Владиміра [3]), храброму Мстиславу (его брату, побѣдителю Редеди), красному (т. е. прекрасному) Роману Святославовичу, убитому Половцами въ 1079 г. [4]). Но къ чему же упоминаетъ о Боянѣ пѣвецъ «Полку Игорева?» Превознося его, онъ говоритъ, что намѣренъ пѣть иначе, «начаться же этой, т. е. моей пѣсни, не по замышленію Бояна, а по былинамъ сего времени,» т. е. онъ не хочетъ, подобно Бояну, давать простора фантазіи, а хочетъ, чтобы пѣсня его вышла былью. Однимъ словомъ онъ уже сознательно, умышленно хочетъ быть историческимъ. Но въ то же самое время онъ собирается начать свою трудную (т. е. скорбную) повѣсть (пѣвецъ употребляетъ попеременно то это слово, то слово пѣснь

ля пѣснопѣнія (подобно тому какъ солнечный богъ Аполлонъ сталъ у Грековъ богомъ поэзіи). Этимъ опровергается, до нѣкоторой степени, мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что славянская миѳологія остановилась на физической ступени развитія (такое мнѣніе отчасти выразилось и у многоуважаемаго чешскаго ученаго Эрбена въ его письмѣ о Славянской миѳологіи, помѣщенномъ въ Русской Бесѣдѣ). Далѣе же въ «Словѣ» и Даждь-Богъ—первоначально богъ-солнца—является дѣдомъ русской земли или же русскаго княжескаго рода — также значеніе уже отвлеченное. (Ср. выше стр. 36, 89, 124). — Замѣчательно, что у Болгаръ упоминается въ началѣ X в. младшій братъ царя Симеона, Боянъ, который, какъ и нашъ Боянъ, былъ пѣвцомъ, почитавшимся одареннымъ вѣщею (чародѣйною) силою. (Jirecek, Die Echtheit der Königinhofer Handschrift, 50).

[1]) Г. Буслаевъ сравниваетъ съ этимъ извѣстный поэтическій зачинъ нашихъ народныхъ пѣсень.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе,

(Лѣтописи Р. Литер., I, 25).

Позволяю себѣ вмѣсто мыслью читать мышью, хотя г. Буслаевъ и не согласенъ на это. Оно подходитъ къ дальнѣйшимъ—волку и орлу.

[2]) См. статью г. Буслаева и его опроверженіе мнѣнія Шевырева (Лѣтописи Лит., I, 6).

[3]) См. Христоматію, стр. 312.

[4]) Такъ, вполнѣ правдоподобно, полагалъ пок. Шевыревъ. (Лекціи о Р. Слов., ч. II, стр. 276).

— именно потому, что его пѣснь должна быть только правдивою повѣстью) —старыми словами—т. е. такъ, какъ пѣли о томъ въ старину, какъ пѣлъ и Боянъ. И дѣйствительно, пѣвецъ «Полку Игорева» не только съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о замышленіи Бояновомъ и не обинуясь называетъ его внукомъ Велеса, но и самъ не разъ упоминаетъ о богахъ и другихъ сверхъ-естественныхъ существахъ. Однимъ словомъ, задавая себѣ пѣть въ новомъ родѣ, онъ все еще тянетъ къ старинѣ.

Такъ оно и должно быть, — такъ оно и бывало вездѣ. Когда, съ успѣхами образованности, являлись люди, способные создавать поэтическія произведенія уже не безсознательно, а зная заранѣе что̀ и какъ они хотятъ создать, то, полагая такимъ образомъ основаніе новому, они однакоже не отрывались отъ стараго, продолжали сочувствовать прежней, безсознательной поэзіи народа, многое заимствовали у нея и, заимствовавъ, пересоздавали.

Такимъ образомъ въ ихъ новыхъ, сознательныхъ, художественно-обработанныхъ пѣсняхъ народъ видѣлъ свое же добро, только переплавленное; такимъ образомъ народъ видѣлъ въ нихъ часть самого себя, а они, поднимаясь надъ народомъ, поднимали и его съ собою. Тоже самое готово было произойти и у насъ — потому-то пѣвецъ «полку Игорева,» поднимаясь ступенію выше Бояна, готовясь быть историческимъ болѣе чѣмъ онъ, въ то же самое время заимствовалъ у него многія изъ старинныхъ преданій, которыя въ свою очередь и Бояномъ были заимствованы у предшественниковъ. Мало того,—есть основаніе думать, что пѣвецъ «Полку Игорева» хотѣлъ заимствовать и у болѣе старыхъ пѣвцовъ, т. е., лучше сказать, у пѣвцовъ безъимянныхъ, пѣвцовъ чисто-народныхъ, не имѣющихъ опредѣленнаго времени, берущихъ сами не зная гдѣ, и простодушно передающихъ другимъ самыя отдаленныя преданія старины. Онъ обѣщаетъ начать свою повѣсть отъ стараго Владиміра, а Боянъ, по его собственнымъ словамъ, началъ только съ Ярослава. Чтобы начать съ Владиміра, пѣвцу «Полка Игорева» надо было проникнуться духомъ тѣхъ богатырскихъ былинъ о «Солнышкѣ-князѣ,» которыя дошли до насъ путемъ устной передачи, конечно въ очень измѣненномъ видѣ. Пѣвецъ «Полку Игорева» хотѣлъ, повидимому, воспользоваться ими, на основаніи ихъ написать свою пѣснь — и тогда бы мы имѣли болѣе вѣрное понятіе о древнѣйшемъ видѣ нашихъ народныхъ пѣсень. Онъ хотѣлъ начать съ Владиміра—и только кончить Игоремъ — т. е. онъ хотѣлъ обнять въ своей трудной пѣснѣ все прошлое Руси и ея тогдашнее настоящее... Между тѣмъ въ его пѣснѣ оказывается только послѣднее; она вышла только «Словомъ о Полку Игоревѣ.» Отчего такъ — отложилъ ли онъ на время возсозданіе старины, увлекшись участіемъ къ настоящему, обратился ли потомъ къ

старинѣ, такъ что пѣснь его объ ней существовала и только не сохранилась—это трудно рѣшить. Но важно уже и то, что въ немъ мы имѣли поэта, который хотѣлъ соединить въ одно цѣлое древнѣйшія преданія нашей Руси... Да и въ пѣсни объ Игорѣ нерѣдко обращается онъ къ прошедшему, и въ этомъ случаѣ заимствуется у предшественника своего Бояна. Съ нимъ, «свивающимъ обѣ половины» (т. е. прошедшее и настоящее) удаляется онъ въ глубь эпохи междоусобій, къ Олегу Святославичу, о которомъ, можетъ быть словами самого Бояна, говоритъ: «онъ мечомъ крамолу ковалъ, и стрѣлы по землѣ сѣялъ»; «тогда, при Олегѣ Гориславичѣ (прозваніе, данное, по всей вѣроятности, также самимъ Бояномъ) сѣялись и росли усобицы, погибала жизнь Даждь-Божьяго внука [Даждь-Богъ—богъ солнца [1]); внукъ его—вѣроятно князь русскій, подобно тому какъ пѣвецъ—внукъ бога Велеса [2])], въ княжескихъ крамолахъ сократились вѣка человѣковъ [3]). Тогда по русской землѣ рѣдко раздавался голосъ оратая и часто кричали вороны, дѣлясь между собою трупами, а галки свою рѣчь говорили, сбираясь летѣть за поживой» [4]). Съ Бояномъ уходитъ пѣвецъ «Полку Игорева» еще далѣе въ глубь временъ, къ Всеславу Полоцкому, также кователю крамолъ и сѣятелю усобицъ. Его представляетъ онъ, вѣроятно по народнымъ преданіямъ, чародѣемъ, оборотнемъ; о немъ говоритъ: «на Немигѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами булатными, на токѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги, не добромъ они были посѣяны, посѣяны костями русскихъ сыновъ. Всеславъ князь людямъ судъ

[1]) Дажь—прилаг. отъ даг (готск. dags, нѣм. tag, санскр. ahan вмѣсто dagan)—день, свѣтъ (Аѳан. Поэтич. Воззр. Слав. I, 65).

[2]) Лѣтописи р. литер. I, стр. 10-я. — Даждь-Богъ упоминается еще въ другомъ мѣстѣ: «обида встала въ силахъ даждь Божья внука,» и т. д. (стр. 319 и 322 христоматіи). Г. Буслаевъ видитъ въ этой олицетворенной Обидѣ какую то миѳическую дѣву и старается растолковать ея связь съ Даждь-Богомъ и Трояномъ.—Эта обида соотвѣтствуетъ, м. б., сказочной кривдѣ или лиху. Послѣднее является вѣдь также въ женскомъ образѣ (христ. стр. 43). Съ кривдою можно, кажется, сблизить и лжу, которую убудили князья въ словѣ (стр. 323).

[3]) Это мѣсто, за исключеніемъ Даждь-Бога, встрѣчается въ монашеской припискѣ къ Псалтырю 1307 г.—Заимствовано, вѣроятно, изъ „слова о Полку Игоревѣ,“ а можетъ быть и у самого Бояна.

[4]) Эти выраженія, говоритъ г. Буслаевъ, я позволяю себѣ отнести къ старымъ словесамъ (т. е. къ словамъ Бояна) на томъ основаніи, что тотчасъ же за тѣмъ авторъ «слова» говоритъ, что „то было въ ты рати, и во ты плъки (которые воспѣвалъ Боянъ); а сицеи рати не слышано“—а потомъ начинаетъ описывать рати и полки своего времени и по своему. (Лѣтописи русской литературы, кн. I, стр. 22 и 23). Но едва ли можно это заключать единственно на такомъ основаніи. Вообще г. Буслаевъ приписываетъ Бояну болѣе, чѣмъ, повидимому, можно ему приписывать съ достовѣрностью.

судилъ, князьямъ города рядилъ, а самъ ночью волкомъ рыскалъ,» т. е. оборачивался волкомъ, и въ этомъ видѣ, какъ говорится далѣе, до куръ, т. е. до свѣта, добѣгалъ до Тмутораканя, перебѣгая путь великому Хорсу [одно лицо съ Даждь-Богомъ—т. е. перебѣгалъ путь солнцу, старался предварить солнце 1)]. Далѣе, сказавъ о чуткомъ слухѣ Всеслава, пѣвецъ Игоря, вѣрный повѣрію объ оборотничествѣ этого бѣдоваго князя, замѣчаетъ: «хотя у другаго, т. е. у иного, и вѣщая душа въ тѣлѣ (какъ у Всеслава), но и онъ бѣдами страдалъ [2]). Тому же (т. е. Всеславу) вѣщій Боянъ припѣвку сказалъ: «ни хытру, ни горазду суда Божія не минути»—тутъ уже очевидно приводятся собственныя слова Бояна. Заговоривъ о Всеславѣ и Олегѣ, пѣвецъ вспоминаетъ вѣка трояновы,—опять, м. б., слѣдуя Бояну, о которомъ еще въ началѣ слова сказано, что онъ любилъ рыскать по тропѣ трояновой. Эта тропа троянова, — тропа, ведущая въ отдаленную миѳическую старину; вѣка трояновы — вѣка предшествовавшіе историческому времени, вѣка баснословные, о которыхъ любилъ еще пѣть Боянъ. О Троянѣ, какъ существѣ миѳическомъ, сохранились преданія у Болгаръ и Сербовъ — это царь подземныхъ духовъ, владѣющихъ золотомъ; онъ боится солнца, потому что можетъ отъ него растаять... [3]) Такимъ образомъ въ «былины своего времени» пѣвецъ Игоря внесъ не мало «старыхъ словесъ,» старыхъ до того, что съ ними соединяются имена различныхъ существъ миѳическихъ. И онъ увлекается этими миѳическими воспоминаніями до того; что въ другомъ мѣстѣ, говоря о вѣтрахъ, вѣющихъ стрѣлами на полки игоревы, называетъ эти вѣтры — внуками Стрибога [4]). Все

---

[1]) Христом., стр. 332. Лѣтоп. Тихонравова I, стр. 20. Лекціи Шевырева II, стр. 320. См. ст. Бодянскаго о тождествѣ Хорса и Даждь-Бога (Чт. М. О. И. и Д. 1846 г.)

[2]) Толкованіе этого мѣста у г. Буслаева едва ли не натянуто (стр. 20 I-й кн. Лѣтописей Р. Литер.)—Всеславъ, какъ оборотень, представляетъ нѣкоторыя черты сходства съ нашимъ былиннымъ Вольгою—Волхомъ (не даромъ же въ нѣкоторыхъ варьянтахъ и отчество его «Всеславьевичъ»). Не примкнули ли къ миѳической основѣ въ Вольгѣ — Волхѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ (стр. 207) историческихъ воспоминаній о двухъ Олегахъ, еще и позднѣйшія воспоминанія о Всеславѣ Полоцкомъ, этомъ оборотнѣ и по лѣтописи, и по „слову о Полку Игоревѣ?“

[3]) О богѣ Троянѣ упоминается въ числѣ славянскихъ божествъ, въ „словѣ и откровеніи св. Апостолъ,“ помѣщенномъ въ 5-й кн. Лѣтоп. Русск. Литер. Тихонравова. Мнѣніе кн. П. П. Вяземскаго, что тутъ разумѣются преданія о троянской войнѣ— остроумно, не болѣе. (См. объ этомъ въ диссертаціи г. Пыпина, стр. 92—95). Мнѣніе же пок. Шевырева, что въ словѣ разумѣется историческій Траянъ (II, 275) едва ли можно считать вполнѣ опровергнутымъ. По крайней то мѣсто въ „Словѣ“, гдѣ за вѣками трояновыми упоминаются лѣта историческія — Олега и др., заставляетъ склоняться къ тому, что и Троянъ тутъ лицо историческое, о которомъ пѣвецъ могъ знать путемъ книжнымъ (заходило же къ намъ въ то время изъ Византіи множество книгъ содержанія историческаго и полуисторическаго).

[4]) Христом., стр. 317.

это, разумѣется, показываетъ, что и онъ, и Боянъ, были люди свѣтскіе, которые дорожили еще воспоминаніями о своей языческой старинѣ, какъ старинѣ. Производя, согласно съ Бояномъ, вѣтры отъ Стрибога, пѣвца отъ Велеса и князя отъ Дажедь-Бога, пѣвецъ Игоря въ тоже время говоритъ о заутренѣ, о святой Софіи, объ Игорѣ, ѣдущемъ къ Богородицѣ Пирогощей... То—старыя словеса; это—былины его времени. Старыхъ словесъ однакоже несравненно болѣе, чѣмъ былинъ христіанской поры.

Замѣчательно, что точно такое же преобладаніе миѳологіи видимъ мы и въ чешскомъ знаменитомъ сборникѣ древнихъ пѣсень, извѣстномъ подъ именемъ Краледворской рукописи (относимой къ XIII ст.). Въ послѣдней христіанскаго еще меньше: собственно только въ концѣ одной пѣсни (Ярославъ) упоминается о Богородицѣ. Оказываются и другія сходства между нашимъ «Словомъ» и «Краледворскою рукописью.» И то, и другая относятся къ поэзіи исторической, и составляютъ переходную ступень отъ чисто-народнаго творчества къ лично-художественному. Какъ «Слово,» такъ и пѣсни краледворской рукописи указываютъ на существованіе въ мірѣ славянскомъ особаго слоя пѣвцовъ, выдѣлившихся изъ народа, хотя еще и близкихъ къ нему [1]) Такіе пѣвцы съ теченіемъ времени появлялись у всякаго историческаго народа; ихъ заботами хранился и пополнялся богатый запасъ поэтическихъ сказаній народа, запасъ, которому они, такъ сказать, учили другихъ, составлявшихъ вокругъ нихъ какъ бы своего рода школу. Такими-то пѣвцами хранились въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, безъ всякой еще помощи письменности, и тѣ рапсодіи, изъ которыхъ составились Иліада и Одиссея [2]). Когда-же изъ ряда ихъ выдѣляются нѣкоторые, выказывающіеся особеннымъ образомъ, такъ что самыя ихъ имена выдаются, запоминаются, тогда въ скоромъ времени являются и заботы о закрѣпленіи пѣсень ихъ письменностью. И вотъ, въ нашемъ словѣ упоминается уже имя Бояна; въ краледворской же рукописи упоминается Люміръ, который словами и пѣніемъ приводилъ въ движеніе Вышеградъ (Zaboj a Slavoj). Какъ въ словѣ о Полку Игоревѣ говорится о старыхъ словесахъ поэтическихъ, такъ въ краледворской рукописи начинаютъ пѣть ветхыми словесы (Ярославъ). Вполнѣ же ихъ ветхость усматривается изъ дальнѣйшаго сличенія рукописи краледворской съ нашимъ поэтическимъ «Словомъ.» Въ той и къ другомъ попадаются обороты, пріемы,

---

[1]) См. книгу Иречковъ о подлинности Краледворской рукописи, всю 3-ю главу: Verhältniss zur Slavischen volkspoesie.

[2]) До сихъ поръ существуетъ въ Сициліи особое сословіе пѣвцовъ-слѣпцовъ, вступающихъ между собою въ публичныя состязанія (В. И. Ламанскаго, національности Итальянская и Славянская, стр. 29-я). См. Пропилеи, кн. I, статью Мкенч. Греція.

рѣшительно сходные. Подобно покровительству пѣвцамъ въ нашемъ словѣ Велеса,—въ чешскомъ сборникѣ боги вообще пѣвце добра милују (Záboj a Slavoj).—Какъ у насъ упоминаются часто борзые комони, такъ тамъ попадается ручи комонь (Cestmir). Описаніе вооруженья Курянъ въ нашемъ словѣ (христ. 314) очень сходно съ описаніемъ въ «Ярославѣ:» «полные тулы гремятъ у нихъ за плечами;»—или: «загрохоталъ надъ нимъ тулъ съ лукомъ.» Образному описанію битвы въ «словѣ» (стр. 317) соотвѣтствуетъ въ «Ярославѣ» слѣдующее: «стрѣлы дождили... среди мрака раздавался ломъ копій, какъ грохотъ грома, и блескъ отъ мечей, какъ огонь въ бурю.» Подобно Яръ — и буй — туру Всеволоду (стр. 314, 318) въ краледворской рукописи попадается и яроглавый туръ (Cestmir), и яробуйная сила (Jaroslaw) и скокъ Вратислава, подобный ярому туру (тамъ-же), и эпитетъ яробуйный (Ludise a Ljubor) и существительное качественное буярость (Jaromir a Oldrich). — Обороту «бишася день, бишася другый» соотвѣтствуетъ въ краледв. рукописи: «валено день, валено день вторый» (Jaroslaw.—Walka-бой, война). — Какъ у насъ «бѣда встастъ въ силахъ (ратяхъ) Даждь-божья внука (стр. 322), такъ въ чешской пѣснѣ «бѣда встане по крајинахъ» (Jaroslav). Описаніе смерти князя Изяслава въ словѣ совершенно соотвѣтствуетъ картинѣ смерти въ пѣсняхъ — Cestmir и Jelen (христ. стр. 330, примѣч. 11-е). — Наконецъ звѣриному скоку Всеслава вполнѣ соотвѣтствуютъ лисіе скоки (Záboj a Slavoj) и еленій скокъ (Cestmir).—Всѣ эти черты сходства, такъ какъ заимствованія тутъ быть не могло, указываютъ, очевидно, на источникъ древнѣйшій — на тѣ изначальные, общеславянскіе обороты народной поэзіи, которые, самостоятельнымъ образомъ сберегаясь у насъ и у Чеховъ, тамъ вошли въ краледворскую рукопись, на Руси же — въ слово о Полку Игоревѣ. И такъ, вотъ какая отдаленная старина—подъ этими старыми или ветхими словесами!

Миѳическими воспоминаніями связываемый со старинной, пѣвецъ «полку Игорева» тѣмъ не менѣе въ точности выполнилъ свое намѣренье пѣть по современнымъ ему былинамъ. Онъ выполнилъ это даже лучше, чѣмъ современный ему лѣтописецъ. Точно также въ одной изъ пѣсенъ «краледворской рукописи—«Яромиръ и Ольдрихъ» историческое событіе передано точнѣе, чѣмъ въ хроникѣ Козьмы Пражскаго [1]) Пѣвецъ повѣствовалъ о неудачномъ походѣ Игоря Святославича, князя Сѣверскаго, противъ Половцевъ въ 1185 г. О томъ же повѣствовалъ лѣтописецъ, разумѣется, не менѣе пѣвца Игорева стремившійся къ истинѣ, — но точная истина также мало давалась ему, какъ

[1]) Wybor z literatury ceske, I, 30.

и его предшественникамъ - лѣтописцамъ. Давно уже представляли они у насъ пробудившееся стремленіе къ истинѣ, къ одной истинѣ; но для схватыванія ея по преимуществу нуженъ умъ, а лѣтописцы наши все еще наслѣдовали отъ старины едва-ли не равномѣрное развитіе воображенія.[1] Сами не сознавая того, они воображеніемъ дорисовывали свои историческіе образы. Въ своемъ мѣстѣ было уже сказано о тѣхъ пространныхъ рѣчахъ, какія говорились у нашихъ историческихъ писателей ихъ историческими лицами, и о томъ, что ни одинъ изъ лѣтописцевъ не могъ бы поручиться за дѣйствительное произнесеніе этими лицами подобныхъ рѣчей. Такого же рода рѣчь невольно внушаетъ Игорю его лѣтописецъ. Самъ очевидно лицо духовное, онъ невольно придаетъ всѣмъ словамъ князя совершенно религіозный характеръ. (Хотя нѣкоторыя частности въ его разсказѣ и указываютъ на источникъ свѣтскій и, можетъ быть, даже устный). Въ самой же пространной рѣчи, влагаемой въ уста его лѣтописцемъ, 1) Игорь видитъ въ своей неудачѣ наказаніе Божіе за то, что онъ взялъ на щитъ городъ у князя Глѣба, при чемъ не мало погибло душъ христіанскихъ.— При тогдашней обычности и безпрерывности междуусобныхъ войнъ, едва ли могла быть у Игоря на этотъ счетъ такая чуткая совѣсть. А если бы и была, то всетаки онъ не могъ выражать состояніе души своей тономъ, рѣшительно напоминающимъ покаянные псалмы Давида. Очевидно, это краснорѣчіе принадлежитъ лѣтописцу, невольно представлявшему Игоря такимъ, какимъ бы желалъ его видѣть, т. е. невольно его идеализировавшему.

Напротивъ пѣвецъ Игоря нигдѣ не даетъ ему говорить много, а все то, что онъ говоритъ, рѣшительно могло быть сказано имъ въ дѣйствительности, а, можетъ быть, даже пѣвецъ и зналъ, что все это дѣйствительно было имъ сказано.

Все, что могъ прибавить пѣвецъ отъ себя, это та поэтическая образность, съ какою выражается у него Игорь: «хочу, говоритъ онъ, преломить копье свое о конецъ поля половецкаго,» «хочу испить шеломомъ Дону.» Но даже и это, или нѣчто тому подобное, могло принадлежать самому князю, потому что въ старину и языкъ обыденный былъ болѣе образенъ, чѣмъ теперешній. Болѣе, можетъ быть, принадлежитъ пѣвцу въ словахъ Всеволода: «мои же Куряне воины опытные, повиты подъ трубами, взлелѣяны подъ шеломами, вскормлены концомъ копья.» Но нигдѣ не замѣтно, чтобы пѣвецъ далъ волю своей фантазіи дорисовывать, дополнять самые характеры воспѣваемыхъ имъ князей: онъ и заставляетъ ихъ говорить такъ мало едва ли не потому, что боится, какъ бы не вложить имъ въ уста чего-нибудь лишняго, чего-нибудь сверхъ «бы-

[1]) См. христом., стр. 339.

лицъ своего времени.» Однимъ словомъ пѣвецъ Игоря не только сознательно стремился представить подлиннаго, истиннаго Игоря и не болѣе, но и дѣйствительно достигъ этого. Представляя князя готовымъ скорѣе быть убитымъ, нежели полоненнымъ, и дружину его такою же [1]), онъ не придаетъ имъ одной высокой черты, которая есть у лѣтописца, а можетъ быть и въ дѣйствительности существовала, (она вполнѣ въ нашихъ нравахъ) но о которой, быть можетъ, не зналъ пѣвецъ. «Если предадимся бѣгству, говорятъ у лѣтописца князья и старшіе въ дружинѣ, сами утечемъ, а чорныхъ людей оставимъ, то отъ Бога намъ будетъ грѣхъ, что пошли, ихъ выдавъ; но или умремъ, или живы будемъ на одномъ мѣстѣ.» (Христ. 338 внизу) Такая заботливость о чорныхъ людяхъ—совершенно въ коренныхъ нравахъ земли Русской.—Игорю непридается въ словѣ и столько любви къ брату, какъ въ лѣтописи (христ. 339). Пѣвецъ Игоря такъ мало старался о томъ, чтобы придать болѣе заслугъ Игорю и болѣе расположить къ нему, что даже прямо не упоминаетъ объ его ранѣ, упомянутой лѣтописцемъ (христ. тамъ-же). Только Ярославна въ своемъ плачѣ говоритъ о ранахъ, но можно подумать, что это только рисуетъ ей ея разстроенное воображеніе. (Сличи лекціи Шевырева, II, 266). Наконецъ у лѣтописца Игорь сначала не соглашается бѣжать изъ плѣна, «держа высокую мысль своей юности,» находя, что ему «не итти не славнымъ путемъ.» У пѣвца же нѣтъ тутъ и этой идеальной черты: его Игорь, какъ, конечно, и Игорь дѣйствительный, сейчасъ же хватается за возможность бѣжать.

Впрочемъ въ «словѣ» есть намекъ и на эту «гордую мысль юности.»— Онъ заключается въ жалобѣ престарѣлаго Святослава на то, что князья, отправившіеся съ Игоремъ, сказали: «мужаемся (т. е. будемъ мужаться) сами, преднюю (прежнюю) славу сами себѣ добудемъ, а заднюю (будущую) славу сами между собою подѣлимъ.» (Христ. 326). Упрекъ заключается тутъ въ желаніи дѣйствовать самимъ, т. е. однимъ, безъ помощи прочихъ князей. Такъ оно, по крайней мѣрѣ, оказывается изъ того, какимъ образомъ передается походъ игоревъ въ лаврентьевской лѣтописи. Разсказъ въ ней объ этомъ несравненно короче и суше, чѣмъ въ ипатьевской, но долженъ зато быть близокъ къ дѣйствительности [2]). Гордая же мысль юности (такимъ образомъ въ большей или меньшей степени оказывающаяся у князей и въ обѣихъ лѣтописяхъ, и въ словѣ) выражается тутъ такимъ образомъ: «Сдумаша Ольгови внуци на

---

[1]) Ср. съ этимъ разсказъ ипат. лѣт. (христ. стр. 338, строки 3 и 4). Въ этой чертѣ лѣтописнаго Игоря виденъ, кажется, источникъ свѣтскій.

[2]) Затмѣніе солнечное происходитъ тутъ еще до похода, тогда какъ въ ипат. лѣт. и въ „Словѣ" оно поэтически сближено съ нимъ.

Половця, занеже бяху не ходили томь лѣтѣ со всею князьею, но сами поидоша о себѣ, рекуще: мы есмы ци нѣ князи же? Такы же собѣ хвалы добудемъ.» Послѣ же первой удачной схватки князья говорятъ тутъ: «братья наши ходили съ Святославомь, великымь княземь, и билися съ ними зря на Переяславль, а они сами къ нимъ пришли, а въ землю ихъ не смѣли по нихъ ити, а мы въ земли ихъ есмы, а самѣхъ избили, а жены ихъ полонены и дѣти у насъ [1]). Вотъ, повидимому, дѣйствительная, не идеализированная, побудительная причина къ походу особнякомъ;—до извѣстной степени, хотя не довольно ясно, она выражена и въ словѣ, тогда какъ какихъ нибудь идеализаціонныхъ сторонъ у Игоря въ немъ не замѣтно.

Но если неизвѣстный авторъ «Слова о полку Игоревѣ» старается быть строго вѣренъ дѣйствительности, то почему же мы называемъ его пѣвцомъ, а не прямо повѣствователемъ, писателемъ историческимъ? И не слѣдуетъ ли назвать его такъ, тѣмъ болѣе, что въ повѣсти его только мѣстами слышится стихотворный размѣръ нашихъ пѣсень, а вообще она какъ бы писана не стихами. Или въ ней всетаки есть что̀-нибудь, что̀ дѣлаетъ ее пѣснію, т. е. такою передачею дѣйствительности, въ которой есть и болѣе, чѣмъ одна дѣйствительность, въ которой видно и стремленье пѣвца, хотя бы не сознаваемое, подняться къ лучшему, къ совершеннѣйшему, къ идеалу? Это стремленіе, какъ показано было въ нашемъ введеніи, столько же принадлежитъ здоровому, нормальному человѣку, какъ и стремленіе къ истинѣ. Съ успѣхами образованности стремленіе къ идеалу не ослабѣваетъ, а только начинаетъ итти своимъ особымъ путемъ, не вмѣшиваясь туда, гдѣ мѣсто единственно строгой или точной истинѣ. У насъ оно еще продолжало такимъ образомъ вмѣшиваться не въ свой кругъ, заходя въ повѣствованія лѣтописцевъ. Пѣвецъ Игоря захотѣлъ строго держаться истины; но если бы на самомъ дѣлѣ сталъ держаться ея одной, нисколько не поднимаясь отъ нея къ идеалу, то поступилъ бы на перекоръ своей природѣ, пересталъ бы быть пѣвцомъ, поэтомъ. Природа не дала ему переломить себя; да онъ, хотя и неясно, всетаки и самъ сознавалъ, что этого даже не слѣдуетъ, сознавалъ, потому что собирался начать свою повѣсть всетаки старыми словесами, т. е. словесами пѣвцовъ. Нашъ пѣвецъ не идеализировалъ Игоря, — но вѣдь и подлинный Игорь былъ уже, по крайней мѣрѣ въ походѣ на Половцевъ, довольно вѣренъ идеѣ князя, оберегателя родной земли, т. е. былъ уже самъ по себѣ идеаленъ. Его неудача была несчастіе, м. б. легкомысліе, но не

---

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣтоп. I, 167 и 168. Ср. въ Ипатьевск. Лѣтоп. (Христ. стр. 840, строчку 7-ю и слѣд.)

неспособность— она не отнимала у него идеальности. Братъ его Всеволодъ, оказывается вѣрнымъ идеѣ брата въ простыхъ словахъ своихъ, которыя по всей вѣроятности, и въ дѣйствительности были не разъ имъ сказаны: «ты одинъ мнѣ братъ, одинъ свѣтлый свѣтъ; — оба мы Святославичи;» онъ вполнѣ тутъ вѣренъ идеѣ брата, потому что высказываетъ ее не словами только, но и дѣломъ. Столько же вѣренъ онъ идеѣ князя-воителя, когда пѣвецъ, и тутъ только передавая то, что дѣйствительно было, говоритъ объ немъ: «можетъ ли онъ придавать цѣну какой бы то ни было ранѣ, когда онъ не заботится о почетѣ, о жизни, о градѣ Черниговѣ, объ отеческомъ золотомъ столѣ, и о своей желанной супругѣ-красавицѣ Глѣбовнѣ.» И такъ, Игорь и Всеволодъ были уже на самомъ дѣлѣ, въ самой жизни, по крайней мѣрѣ въ ту годину, которую воспѣваетъ поэтъ, дѣйствительно идеальны; онъ только не идеализировалъ ихъ еще болѣе, какъ сдѣлалъ по-своему лѣтописецъ;—но выводя другія лица, болѣе отдаленныя, которыхъ самое ихъ положеніе въ это время еще не дѣлало идеальными, пѣвецъ, конечно невольно, безъ всякаго умысла, самъ идеализировалъ это положеніе. Святославъ кіевскій видитъ у него сонъ: въ Кіевѣ на горахъ, въ эту ночь, разсказываетъ князь, вы одѣвали меня чорнымъ покровомъ на кровати тесовой; вы черпали мнѣ синее вино, смѣшанное съ горемъ; вы сыпали мнѣ изъ пустыхъ колчановъ крупный жемчугъ на грудь, и нѣжили меня;—а доски уже безъ матицы въ моемъ теремѣ...» Тогда вѣрили въ сны, пѣвецъ вѣрилъ, что Святославъ, душою слѣдя за Игоремъ, долженъ былъ видѣть сонъ о его пораженіи; и вотъ, эта вѣра пѣвца невольно обратилась для него въ дѣйствительность. Далѣе, опять вслѣдствіе невольнаго стремленія придать Святославу, лицу отдаленному, болѣе жизни, чтобы и изъ него вышелъ образъ, а не имя только — пѣвецъ приписываетъ ему уже довольно пространную рѣчь... Кое-что онъ, можетъ быть, и слышалъ о томъ, какъ была принята Святославомъ вѣсть о невзгодѣ Игоря, но, только на основаніи этого слышаннаго, уже его собственное воображеніе создало негодующую рѣчь Святослава: «будто диво, братіе, говоритъ онъ, старому вдругъ помолодѣть? Соколъ, который линялъ уже не разъ (т. е. соколъ не молодой), высоко взбиваетъ птицъ, не дастъ своего гнѣзда въ обиду.» (Христ. 326). Въ дѣйствительности онъ едва ли говорилъ это: не помолодѣлъ же онъ до такой степени, чтобы въ самомъ дѣлѣ отправиться на выручку къ Игорю... Но о словахъ Святослава всетаки могъ еще что-нибудь слышать пѣвецъ; также точно и многое изъ того, что говоритъ онъ о предвѣстьяхъ невзгоды Игорю, могло быть ему передано, потому что, при тогдашней вѣрѣ въ подобныя предвѣщанія, они легко могли мерещиться воинамъ Игоря... (Затмѣніе солнца, по лаврентьевской лѣтописи, было еще до похода). Природа же въ «Словѣ» описана не только по разсказамъ, но вѣроятно и самъ пѣвецъ, житель

юга Руси, былъ съ нею знакомъ хорошо—и не диво было ему тамъ живо возсоздать эту поэтическую природу юга... [1]). Но кто могъ передать поэту то, что говорила безъ Игоря Ярославна, жена его? И все то, что говоритъ она у пѣвца, если бы даже на самомъ дѣлѣ и было сказано, то могло ли быть сказано въ слухъ? Вотъ особенно тутъ и является пѣвецъ настоящимъ пѣвцомъ, близкимъ, къ тому же, и къ пѣснямъ народнымъ. Воззваніе Ярославны къ солнцу, къ вѣтру, къ Днѣпру—воззванія чисто народныя и притомъ миѳическія, хотя и нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы въ нихъ заключался заговоръ, какъ думаетъ г. Буслаевъ. Въ словахъ Ярославны уже мольба къ силамъ природы; въ настоящемъ же заговорѣ—стремленіе овладѣть ими (см. выше стр. 66). Правда, слова Ярославны какъ бы одарены силою: солнце, на которое жаловалась она, скрывается, наступаетъ мгла, сквозь которую Богъ кажетъ Игорю путь въ землю русскую. Далѣе, если не Днѣпръ, то Донецъ, какъ бы подслушавъ просьбу княгини, содѣйствуетъ бѣгству Игоря. «Не мало тебѣ величія, а хану Кончаку нелюбія, а русской землѣ веселія,» говоритъ рѣка Игорю, какъ бы уже увѣренная въ его спасеніи. «А тебѣ, Донецъ, отвѣчаетъ Игорь, не мало величія, что ты лелѣялъ князя на волнахъ, стлалъ ему зеленую траву на своихъ зеленыхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми мглами подъ сѣнью зеленыхъ деревьевъ, сторожилъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ.» — «Не такова, продолжаетъ князь, рѣка Стугна, бѣжитъ она струею недоброю... Юношу князя Ростислава не допустила до береговъ Днѣпра. (Стугна впадаетъ въ Днѣпръ, Ростиславъ погибъ въ Стугнѣ); — плачется мать Ростиславова по юношѣ князѣ Ростиславѣ; уныли цвѣты жалобою, и дерево отъ тоски къ землѣ приклонилось.» — Все это уже рѣшительно не былины, или не только былины, не только быль, но и старыя словеса, старые пріемы пѣвцовъ, старая ихъ привычка не удовлетворяться одною былью, привычка, отъ которой никогда не отдѣлаются пѣвцы, потому что они пѣвцы [2]).

Мы видѣли уже въ нашемъ «словѣ» много прекраснаго, принадлежащаго не той жизни, которую оно изображаетъ, а самому поэту. Но самаго прекраснаго мы еще не видали. Самое прекрасное въ «словѣ»—это самъ пѣвецъ; онъ ясно выражаетъ въ немъ самого себя. Уже съ самаго начала высказываетъ пѣвецъ, какимъ образомъ намѣренъ онъ пѣть, и при этомъ противовоставляетъ себя Бояну. Потомъ, начавъ уже самый

---

[1]) Объ отраженіи ея въ «словѣ» и вообще о южно-русскомъ элементѣ въ немъ прекрасно замѣчено еще у Бѣлинскаго въ его большой статьѣ о русской народной поэзіи въ 5 т. П. С. его сочиненій. — Впрочемъ, пѣвецъ могъ быть многому и свидѣтелемъ, самъ принимать участье въ походѣ, какъ княжескій дружинный пѣвецъ.

[2]) Разговоръ Донца съ Игоремъ напоминаетъ эпическій разговоръ Ахиллеса съ Ксанѳомъ въ концѣ Иліады.

разсказъ, вдругъ прерываетъ его, обращаясь къ тому же Бояну: «вотъ тебѣ бы коснуться этихъ полковъ!» и дальше опять: «полно ужь не тебѣ ли воспѣть, Боянъ вѣщій!» И потомъ онъ не можетъ спокойно разсказывать—чрезъ разсказъ его постоянно пробивается чувство. Вотъ, кажется, онъ только разсказываетъ: «зловѣщая птица кличетъ на верху дерева, велитъ слушать землѣ незнаемой — Волгѣ, поморію и берегамъ Сулы, и Сурожу, и Корсуню, и» — тутъ прорывается личное чувство досады, что по всему свѣту разносится зловѣщій крикъ птицы: «и тебѣ она велитъ слушать, тмутороканскій идолъ [1])!» восклицаетъ пѣвецъ, т. е. и до тебя, отдаленная Тмутаракань, надъ которою въ былое время торжествовалъ Мстиславъ, донесется вѣсть о нашей невзгодѣ! Далѣе, описавъ зловѣщіе крики разныхъ звѣрей, онъ въ порывѣ участія опять восклицаетъ: «о русская земля! уже ты за курганомъ!» т. е., какъ будто бы: «уже ты далеко зашла!»—что и говоритъ онъ далѣе, описавъ первую побѣду Русскихъ: «Дремлетъ въ полѣ олегово храброе гнѣздо... далече залетѣло... Не было оно порождено на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чорный воронъ, поганый Половчанинъ!» Не удержался онъ тутъ отъ выраженія участія русской побѣдѣ, хотя и зналъ уже, что она не прочна... Быть грому великому, дождю стрѣлами итти съ великаго Дона: вотъ тутъ-то поломаться копьямъ, тутъ-то позазубриться саблямъ о половецкіе шлемы,» какъ бы пророчески говоритъ онъ, чуя недоброе... И потомъ опять восклицаетъ съ ужасомъ: «о русская земля! уже ты за курганомъ [2])!» уже далеко зашла!—Съ досады назвавъ откуда ни взявшихся Половцевъ дѣтьми бѣсовыми, онъ вдругъ съ восторгомъ обращается къ ярому туру Всеволоду: «куда ни поскачешь, отъ тебя лежатъ грудами поганыя головы половецкія.» И тутъ опять прерываетъ онъ свой разсказъ, чтобы мыслями перенестись къ былому— не для того, чтобы отдохнуть на немъ, а для того, чтобы припомнить начало усобицъ, отъ которыхъ разрознилась, ослабѣла родная земля, такъ что Половцамъ не трудно одолѣвать ее. Только вскользь упомянувъ объ отдаленныхъ вѣкахъ трояновыхъ и о счастливомъ времени Ярослава, онъ прямо обращается къ Гориславичу, вспоминая и о князьяхъ, погибшихъ тогда, какъ теперь едва не погибъ Игорь. «Такъ было въ тѣ рати, такъ было въ тѣ полки», говоритъ онъ, разсказавъ о томъ времени; «но такой еще рати не слышано [3])», и тотчасъ возвращается къ этой не-

---

[1]) Христ. стр. 315. Тутъ разумѣется, вѣроятно, какое-нибудь извѣстное изваяніе, попадавшееся въ Тмутаракани. Пок. Шевыревъ полагалъ, что пѣвецъ разумѣлъ тутъ памятникъ Комосаріи, жены владѣльца босфорскаго. (Лекціи, II, 267). Это, разумѣется, только предположеніе.

[2]) Христом., стр. 317.

[3]) Христом., стр. 320.

слыханной рати—къ полку Игоря. «Чтò мнѣ шумитъ, чтò мнѣ звенитъ издали», спрашиваетъ онъ далѣе, этимъ мнѣ говоря, что каждый шумъ, каждый звукъ брани отзывается въ его сердцѣ. Потомъ сжато, въ немногихъ словахъ—горе не говоритъ много: «бились день, бились другой; на третій пали знамена Игоревы!.. Тутъ кроваваго вина не достало; тутъ докончили пиръ свой храбрые Русичи: сватовъ напоили, и сами полегли за землю русскую.» Тутъ онъ, повидимому, только рисуетъ; но сквозь этотъ рисунокъ, сквозь эти краски—такъ и проглядываетъ состоянье его души! «Трава никнетъ отъ жалости, дерево отъ тоски къ землѣ преклонилось», говоритъ поэтъ, но въ эту тоску природы онъ только облекаетъ, въ нее онъ только прячетъ свою собственную тоску. «Уже, братія, не веселая настала година... Не стало уже прежней усобицы князей съ погаными... стали сами на себя крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на русскую землю! Охъ, далеко, далеко залетѣлъ соколъ, прибивая птицъ къ морю: храбраго полка Игорева уже не воскресить»... Тутъ все уже мысли самого пѣвца, но мысли, претворяющіяся у него въ чувства, а эти чувства, при помощи воображенія, и изъ самой тоски создаютъ ему образъ: «тоска разлилась по русской землѣ, жирная печаль протекла посреди земли русской». Не утѣшенье пѣвцу вспомнить о побѣдахъ надъ Половцами Святослава, отца Игорева;—слава была кратковѣчна: если Нѣмцы, Венедицы, Греки, Морава и поютъ славу Святославлю, то въ тоже самое время укоряютъ Игоря [1]). За тѣмъ излагается сонъ Святослава, а въ отвѣтъ на него со стороны дружины разсказъ о несчастьѣ Игоря: «готскія красныя дѣвы, говорится тутъ подъ конецъ, воспѣли на берегу синяго моря (конечно отъ радости: готскія дѣвы—тѣже половецкія, потому что готскій берегъ Тавриды, о которомъ говорятъ лѣтописи, былъ занятъ Половцами съ 1050 г.); онѣ поютъ, звоня русскимъ золотомъ (доставшимся въ добычу послѣ похода), воспѣваютъ время Бусово (какого-нибудь счастливаго изъ своихъ хановъ) лелѣя месть шароканову [мѣсто темное; можетъ быть—радуясь мести за Шарокана, половецкаго отца, или,—радуясь вообще мести Русскимъ, подобной тому, какъ имъ мстилъ за своихъ Шарокана (?) [2])]. «А мы, прибавляетъ дружина, уже жадны веселія»; жадны, т. е. ищемъ его, а его нѣтъ! Слѣдуетъ негодующій голосъ Святослава, а тамъ пѣвецъ извѣщаетъ уже о новомъ нападеніи Половцевъ на Ромны, городъ князя Владиміра Глѣбовича. «Туга и тоска сыну Глѣбову» вырывается тутъ у пѣвца, а при видѣ продолжающагося торжества Половцевъ онъ начинаетъ взывать къ самымъ могущественнымъ изъ совре-

---

[1]) Христом.. стр. 328.
[2]) См. Лекц и Шевырева, ч. II, стр. 267.—Христом., 325.

менныхъ князей: «великій князь Всеволодъ! и ты не думаешь прилетѣть издалеча?... вѣдь ты могъ бы Волгу раскропить веслами, а Донъ весь шеломами вылить... Галицкій Осмомыслъ Ярославъ, ты высоко сидишь на престолѣ своемъ златокованномъ... Ты стрѣляешь съ отцовскаго золотаго стола въ салтановъ за землями (т. е. не двигаясь самъ съ своего престола, а посылая полки свои съ воеводами — какъ свидѣтельствуетъ о томъ лѣтопись (см. Шевырева. II, 291, 292, 327) (Христ. стр. 328). Подобно тому описываетъ онъ и другихъ князей, говоря этимъ, что много на Руси князей сильныхъ, что могла бы быть ими сильна земля русская... Но напрасно онъ три раза призываетъ ихъ всѣхъ возстать «за землю русскую, за раны игоревы, буего — Святославича!» Никто не откликается на голосъ пѣвца, и ему остается одно: обратиться къ воспоминанію, и то опять скорбному, о князѣ Изяславѣ полоцкомъ, который во время междуусобій одинъ позвонилъ своими мечами о шеломы не братьевъ, а внѣшнихъ враговъ. И ему, и этому давнему князю сочувствуетъ нашъ пѣвецъ, какъ живому, и за него негодуетъ онъ на другихъ князей того времени: «понизьте, обращается къ нимъ пѣвецъ, свои стяги, вонзите свои повредившіеся мечи — вѣдь вы уже выскочили изъ дѣдовской славы, ибо вы своими крамолами начали водить поганыхъ на русскую землю, на жизнь всеславову (тутъ онъ преимущественно обращается къ потомкамъ Всеслава полоцкаго, такъ какъ имъ всего естественнѣе было бы помочь Изяславу); за тѣмъ пѣвецъ обращается къ самому Всеславу, старому чародѣю междуусобій, и заключаетъ свой негодующій плачъ словами: «о, стонать тебѣ, земля русская, вспоминая начальныя времена и начальныхъ князей! Да, нельзя было того стараго Владиміра (яснаго солнышка, о которомъ поютъ наши пѣсни) пригвоздить къ горамъ кіевскимъ!» [т. е. на всегда задержать на нихъ, задержать въ живыхъ [1]]. Затѣмъ голосъ пѣвца на нѣкоторое время заглушается голосомъ. Ярославны. Она счастливѣе, чѣмъ пѣвецъ, — ей сочувственно откликается природа, способствуя бѣгству Игоря... Князь спасенъ, и на душѣ у пѣвца становится свѣтлѣе. «Тяжко тебѣ, голова, безъ плечъ, зло тебѣ, тѣло, безъ головы,» говоритъ онъ, вѣроятно повторяя старую пословицу и дѣлая сейчасъ примѣненіе: «русской землѣ (зло) безъ Игоря!» Но вотъ Игорь возвращается, — «страны рады, грады веселы...» «Пѣть славу Игорю Святославичу» — славу ужь и за то, что онъ хотѣлъ побѣдить враговъ, что дружины свои онъ хоть и неудачно повелъ, но всетаки повелъ противъ Половцевъ, а не провивъ братьевъ.

Такимъ образомъ вся эта вдохновенная повѣсть, которую въ самомъ

---

[1]) Христом., стр. 332.

началѣ уже пѣвецъ называетъ трудною (т. е. скорбною, по древнему значенію этого слова), проникнута личнымъ чувствомъ самого поэта, чувствомъ труда, (въ этомъ древнемъ смыслѣ), т. е. туги, тоски, унынія, горя, печали: пѣвецъ самъ употребляетъ всѣ эти выраженія для обозначенія всѣхъ оттѣнковъ этого труднаго чувства скорби. И эта личная скорбь—самое прекрасное, идеальное въ цѣломъ «словѣ»—потому, что это глубокая скорбь гражданина, что изъ-за этой скорби виднѣется тотъ идеалъ земли русской, по которомъ вздыхалъ, къ которому стремился и порывался пѣвецъ;—идеалъ неразрозненной, цѣльной, единой, любовію сплоченной русской земли! [1]) Такое появленіе личнаго чувства въ пѣснѣ было явленіемъ новымъ; въ нашей древней былинной поэзіи почти его не видать [2]). Въ младенческомъ состояніи все вниманіе какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и народа, совершенно поглощено тѣмъ, чтò его окружаетъ; онъ не въ силахъ еще оторваться отъ этого внѣшняго міра, дѣйствующаго со всѣхъ сторонъ на его органы чувствъ; онъ не въ силахъ еще углубиться въ самого себя, въ этотъ ближайшій къ нему, неосязаемый, внутренній міръ. Только съ успѣхами образованности человѣкъ начинаетъ сосредоточиваться, отдѣляться отъ окружающаго, придавать и значенье, и цѣну себѣ самому; тогда и въ пѣсняхъ начинаетъ онъ прямо выражать себя, свои чувства, все, чтò движется и творится въ его душѣ,—тогда-то кромѣ прежней, рисующей окружающее, эпической пѣсни, является новый родъ пѣсни,—лирическій. Онъ соотвѣтствуетъ тому времени, когда въ народѣ пробуждается личность. Къ этому роду относится наполовину и «Слово о Полку Игоревѣ». Какъ повѣсть—оно эпическое, какъ выраженіе души самого пѣвца — лирическое произведеніе.

Пѣвецъ «Слова о Полку Игоревѣ» былъ уже—личность, почувство-

---

[1]) Это пламенное участіе пѣвца въ своей пѣснѣ, его прямыя воззванія къ князьямъ современникамъ служатъ прямымъ доказательствомъ, что слово сложено вслѣдъ за событіемъ. Между князьями, къ которымъ взываетъ пѣвецъ, видѣли мы Ярослава Галицкаго; онъ умеръ уже въ 1187 г., стало быть слово должно было быть сложено до этого времени. (Шевыр. II, 292). По силѣ чувства наше слово можетъ быть сравнено съ сирвентами нѣкоторыхъ провансальскихъ трубадуровъ; оно отчасти подходитъ къ этому роду средневѣковой поэзіи (см. Fauriel, Histoire de la poésie provençale).

[2]) Есть собственно только одно лирическое мѣсто въ былинахъ—это при описаніи татарскаго нашествія—о чемъ будетъ ниже. Въ сербскихъ пѣсняхъ лирическихъ чертъ уже значительно-болѣе. Впрочемъ, вопросъ о лирической стихіи въ народной поэзіи принадлежитъ еще къ самымъ неразработаннымъ. Но во всякомъ случаѣ въ народной поэзіи невозможна та высокая степень начала личнаго, лирическаго, какая замѣтна въ словѣ о Полку Игоревѣ. Въ пѣсняхъ краледворской рукописи лирическаго несравненно менѣе, и въ этомъ отношеніи онѣ гораздо ближе къ первобытно-народной поэзіи.

вачшая потребность и способность сама себя высказать; но этимъ выдѣляясь изъ массы народа, вообще еще не чувствовавшаго въ себѣ того же., она не оторвалась отъ него, не сдѣлалась ему непонятною: напротивъ, она, своею пѣснію, только объяснила многимъ то, что шевелилось и въ ихъ душѣ. Но эти многіе всетаки могли быть только извѣстные, избранные. Если бъ чувства, выраженныя пѣвцомъ, могли дѣйствительно пробудиться во всѣхъ, если бъ вся земля русская проникласъ такимъ сознательнымъ чувствомъ скорби объ источникѣ этихъ бѣдствій,—то прекратились бы эти бѣдствія, не стало бы этого источника—междуусобной брани князей [1]). Не только въ былинахъ владиміровыхъ, но и на самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ лѣтописей, имѣла значеніе дружина!... Чего бы она не могла, еслибъ только хотѣла?—Вспомнимъ одну черту изъ жизни Владиміра Мономаха, отчасти уже нами затронутую въ характеристикѣ этого князя. Подъ 1111-мъ годомъ говорится въ лѣтописи: «вложилъ Богъ Владиміру (Мономаху) въ сердце, и началъ онъ говорить брату своему Святополку, понуждая его на поганыхъ на весну. Святополкъ же повѣдалъ дружинѣ своей рѣчь володимірову; а они сказали: не время нынѣ удалять крестьянъ (смердовъ) отъ пашни (ролья). И послалъ Святополкъ сказать Володиміру: «сойдемся, да подумаемъ о томъ съ дружиною.» Пришелъ Володиміръ, встрѣтились въ Долобскѣ, сѣли въ одномъ шатрѣ: Святополкъ со своею дружиною, а Володиміръ со своею. Помолчали немного, и сказалъ Володиміръ: «братъ, ты старше, начни же говорить, какъ бы намъ промыслить о землѣ русской?»—И сказалъ Святополкъ: братъ, нѣтъ, ты начни.» И сказалъ Володиміръ: «Какъ же мнѣ говорить, когда на меня

---

[1]) Подтвержденіемъ высказанной мысли служитъ и то, что «Слово о Полку Игоревѣ» было распространено у насъ менѣе многихъ другихъ произведеній, — по крайней мѣрѣ оно было отыскано только въ одномъ спискѣ, который сгорѣлъ во время пожара Москвы, а новаго съ тѣхъ поръ не найдено. Это обстоятельство и послужило поводомъ къ сомнѣніямъ въ подлинности „Слова“, сомнѣніямъ, уже окончательно побѣжденнымъ наукою Объ этихъ сомнѣніяхъ и вообще объ исторіи мнѣній о нашемъ словѣ и его изданій желающіе могутъ подробно узнать въ X лекціи Шевырева (во 2-й части), или же еще подробнѣе въ сказаніяхъ Сахарова; т. I, кн. I, стр. 46—71; нѣсколько сжатѣе въ предисловіи Дубенскаго къ его изданію слова (Русскія Достопамятности, ч. III.), пока остающемся лучшимъ. (М. 1844). Въ 1864 г. въ бумагахъ Имп. Екатерины II найденъ сдѣланный для нея списокъ съ рукописи, сгорѣвшей въ 1812 г. Онъ изданъ 2-мъ приложеніемъ къ V т. Зап. Ак. Наукъ, но отличается грубостію многихъ ошибокъ, принадлежащихъ, очевидно, уже переписчику XVIII в., и важенъ только какъ доказательство дѣйствительной извѣстности у насъ уже при Екатеринѣ II памятника, который мы имѣемъ теперь только въ печатныхъ изданіяхъ, начинающихся 1800 г.—Характеристику слова см. еще въ кн. П. Н. Полеваго — «Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи славянской и германской.—Также довольно удачная характеристика слова въ книгѣ г. Караулова—„Историческіе Очерки Р. Литературы“, Ѳеодосія 1865.

же хотятъ говорить и твоя дружина, и моя: «хочетъ-де погубить смердовъ и пашню у смердовъ.» А вотъ что мнѣ дивно, братецъ;—жалѣете вы смердовъ и коней ихъ, а о томъ не помышляете, что на весну начнетъ смердъ орать землю своею лошадью,—пріѣдетъ половчинъ, ударитъ смерда стрѣлою, отниметъ у него и лошадь, и жену, и дѣтей, и гумно его зажжетъ;—объ этомъ-то вы и не думаете? «И сказала вся дружина: право во истину такъ» [1]).—Изъ этого простаго, и самою простотой своей поразительнаго разсказа видно, что отъ дружины зависѣло итти, или не итти; и нерѣдко ее надобно было убѣждать въ томъ, что итти слѣдуетъ. Тутъ дѣло шло объ отпорѣ внѣшнимъ врагамъ, и правда очевидно была на сторонѣ убѣждающаго Мономаха. Отчего же дружина, отъ которой такъ много зависѣло, обыкновенно не требовала, чтобъ ее сперва убѣдили въ необходимости итти междуусобной войной противъ братьевъ?... Отчего же, безъ всякихъ уговариваній, она шла на нихъ, тогда какъ могла не итти? Или, можетъ быть, Святополкъ и Мономахъ только совѣтовались съ ней, — такъ, для виду, а на самомъ дѣлѣ во всякомъ случаѣ поставили бы на своемъ? Что отъ дружины дѣйствительно много зависѣло, что она рѣшительно могла и не итти, это видно изъ одного мѣста въ извѣстномъ уже намъ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Игоря. Князь Володиміръ переяславскій, одолѣваемый Половцами, проситъ помощи у другихъ князей, между прочимъ и у Давида смоленскаго. «Давидъ же стоялъ у Треполя со Смолнянами. Смолняне начали собирать вѣче, говоря: «мы дошли до Кіева, если бы была рать, то стали бы биться; а искать теперь другой рати не можемъ—устали!» И между тѣмъ, какъ прочіе князья пошли противъ Половцевъ, Давидъ возвратился назадъ со Смолнянами» [2]). Могла же тутъ дружина отказаться итти противъ Половцевъ потому что устала; стало быть, если она шла на междоусобія, то шла добровольно, побуждаемая или воинскимъ задоромъ, или участіемъ къ личной выгодѣ своего князя, или надеждою на собственную добычу. Во всякомъ случаѣ, она добровольно давала себя вести, добровольно потворствовала междуусобіямъ. Стало быть негодованіе противъ нихъ пѣвца Игорева — а онъ, по всѣмъ признакамъ, долженъ быть признанъ пѣвцомъ дружинно-княжескимъ [3]), было чувство далеко не общее, принадлежащее ему наравнѣ только съ лучшими, избранными людьми въ дружинѣ. Въ этомъ отношеніи пѣвецъ даже и не

---

[1]) См. выше стр. 277. (Шевыр. II, 281 и 286).

[2]) См. стр. 341 христоматіи.

[3]) Такой взглядъ развитъ отчасти и г. Буслаевымъ въ его статьѣ „Русская поэзія XI и нач. XII—(въ 1 т. Лѣтописей „Тихонравова" и въ Оч. Р. Нар. Слов I 377 — 400), особенно же г. Стоюнинымъ въ его талантливой книжкѣ о преподаваніи Рус. литературы.

совсѣмъ правъ, обвиняя въ междуусобіяхъ только князей; столько же была въ этомъ виновата и ихъ дружина... Между князьями являлись даже такіе, которые прямо имѣли въ виду идеалъ пѣвца Игорева—единство русской земли. Но въ этомъ стремленіи къ единству они уже не умѣли итти путями свободолюбиваго, чисто славянскаго Мономаха. Напротивъ они искали поддержки въ тѣхъ взглядахъ, которые приходили къ намъ изъ Византіи, и въ томъ классѣ людей, который у насъ стоялъ за эти новые взгляды.

IX. СЛОВО ДАНІИЛА ЗАТОЧНИКА.

Вліяніе на насъ пришлыхъ византійскихъ воззрѣній усиливалось довольно быстро. Это можно замѣтить по двумъ различнымъ видамъ загадочнаго произведенія, извѣстнаго подъ именемъ «слова Даніила Заточника». Собственно это произведеніе, заключая въ себѣ не болѣе какъ родъ челобитной, поданной опальнымъ лицомъ своему князю, и такимъ образомъ имѣя въ виду только насущный интересъ этого лица, не могло бы быть отнесено къ разряду литературныхъ произведеній. (См. введеніе.) Но такъ какъ это не была челобитная, написанная по установленной разъ на всегда казенной формѣ, а просительное посланіе, въ которомъ оригинальнымъ образомъ выразился умъ просителя; такъ какъ проситель вмѣстилъ въ свое прошеніе множество разнообразныхъ изреченій, которыя могли показаться занимательными и полезными и для лицъ совершенно постороннихъ, которымъ не было никакого дѣла собственно до его просьбы, — то посланіе это получило извѣстность, переписывалось, дополнялось и передѣлывалось. Такимъ образомъ изъ частнаго дѣловаго письма оно сдѣлалось своего рода умственною пищею для всѣхъ и каждаго, а потому и получило характеръ произведенія литературнаго. Правда, съ начала и до конца оно почти исключительно состоитъ изъ заимствованій у византійской литературы, такъ что самобытнаго русскаго, кромѣ нѣкоторыхъ народныхъ пословицъ, въ немъ нѣтъ, или почти нѣтъ. Но самыя эти заимствованія, очевидно нравившіяся многимъ (иначе бы произведеніе не переписывалось), принадлежатъ не одному Даніилу, но вмѣстѣ съ нимъ и русскому обществу, и по нимъ можно судить о перемѣнѣ, произшедшей, или, лучше сказать, происходившей въ его понятіяхъ. Произведеніе переписывалось, передѣлывалось, — вслѣдствіе этого явились различные виды его, различные изводы, или редакціи. Сличеніе двухъ главныхъ изводовъ — XII и XIII-го в., представляющихъ значительныя различія, покажетъ, какъ успѣшно дѣйствовали на русское общество всѣ эти заимствованія у Византіи.

Изводъ XII в. сохранился въ спискахъ очень позднихъ—конца XVI

или начала XVII в. Напротивъ того передѣлка первоначальнаго «слова», составившая изводъ XIII в., сохранилась въ спискѣ болѣе древнемъ, конца XV в., вслѣдствіе чего въ этомъ изводѣ уцѣлѣли многія черты старины, исчезнувшія въ дошедшихъ до насъ позднихъ спискахъ извода XII вѣка.

«Слово» написалъ какой-то Даніилъ — лицо, которое до своей опалы должно было стоять довольно близко къ князю, потому что въ посланіи постоянно намекается на лишеніе, какому подвергъ себя князь, удаливъ его, Даніила. И лѣтопись наша еще въ XIV в. помнила о заточенномъ Даніилѣ; подъ 1378 годомъ говорится въ ней объ одномъ сосланномъ на Лачь-озеро, и при этомъ замѣчается, что это озеро—то самое «гдѣ былъ Данило Заточеникъ.» И въ народѣ ходили какія-то преданія о безчастномъ Даніилѣ, преданія, отъ которыхъ впослѣдствіи осталась только пословица: «какъ Данило безчастный не заслужилъ ни хлѣба мягкаго, ни слова гладкаго» (разумѣется у князя) [1]).

Въ изводѣ XII в. совершенно точно, согласно съ лѣтописью, обозначается мѣсто изгнанія Даніила: это Лачь-озеро, сидя на которомъ, ему, какъ выражается онъ, сквозь слезы подсмѣиваясь самъ надъ собою, плачъ горькій [2]). Тутъ же обозначаетъ Даніилъ, также сквозь слезы тѣша себя и князя игрою словъ, и нѣкоторыя мѣста, чѣмъ нибудь связанныя съ озеромъ Лачь: это Бѣло озеро (а для него оно чернѣе смолы), находящееся по близости мѣста заточенія Даніила; это самъ великій Новгородъ, къ области котораго принадлежала вся страна, — «а мнѣ, говоритъ Даніилъ, при имени Новгорода, углы отпали» — мѣсто, повидимому, испорченное. Такъ же трудно понять, что тутъ значитъ: «кому Любиво, а мнѣ горе лютое». Домогаясь возвращенія изъ ссылки, Даніилъ въ изводѣ XII в. обращается къ князю сло-

---

[1]) См. въ Москвитянинѣ 1856 г. въ № 7 и 8 замѣчательную статью г. Безсонова: Нѣсколько замѣчаній по поводу напечатаннаго въ Русской Бесѣдѣ слова (т. е. вновь открытой тогда редакціи XIII в.) Даніила Заточника. Я во многихъ отношеніяхъ слѣдую этой статьѣ. Позволю себѣ обратить вниманіе занимающихся русскою словесностью на одну былину, помѣщенную во 2-мъ томѣ Сборника Рыбникова и повредившуюся до того, что утратился стихотворный размѣръ и былина обратилась въ такъ называемую побывальщину; поврежденіе выразилось также потерею собственнаго имени главнаго дѣйствующаго лица: это просто — дворянинъ безчастный молодецъ (и заточенникъ въ изводѣ слова XIII в. называетъ себя дворяниномъ), который тоже долго служилъ князю (конечно Владиміру, къ которому всѣ притягиваются въ нашихъ былинахъ), долго служилъ и ничего не выслужилъ. Онъ, кромѣ того, считаетъ себя несчастнымъ въ супружествѣ — что, по видимому, было и съ Даніиломъ Заточникомъ, который такъ горько и такъ отвратительно жалуется на женщинъ. Можетъ быть въ этой побывальщинѣ сохранились послѣдніе, окончательно блѣднѣющіе слѣды воспоминанья народнаго о нашемъ Даніилѣ.

[2]) См. Христ. стр. 343.

вами: «помилуй мя, сыне великаго князя Владиміра». Подъ Владиміромъ тутъ не можетъ подразумѣваться равноапостольный: слово, по всѣмъ признакамъ, относится ко времени удѣловъ. Тутъ долженъ разумѣться другой Владиміръ, по заглавію же нашего извода въ копенгагенскомъ спискѣ, слово писано къ Володимеровичю Ярославу, а по указанію въ словѣ на Новгородъ и т. п., можно заключить, что оно писано къ князю новгородскому. Изъ князей же новгородскихъ кромѣ Ярослава Владиміровича I, того же имени и отчества былъ всего одинъ — Ярославъ, сынъ Владиміра Мстиславича, внука Владиміра Мономаха, княжившій въ Новгородѣ съ 1182 до 1199 г. съ небольшими перерывами. Какъ князь новгородскій, онъ и владѣлъ Бѣлоозеромъ и Лачь-озеромъ; а отецъ его Владиміръ названъ великимъ княземъ [1]).

Слово сдѣлалось извѣстнымъ, нашло переписчиковъ (по причинамъ, изложеннымъ выше), а въ старину переписчики всегда были также и передѣлывателями. Вотъ какому-то переписчику-переяславцу и вздумалось подновить «слово»: вмѣсто прежняго «сына великаго князя Владиміра», онъ отнесъ его къ Всеволодовичу Ярославу, князю Переяславскому, и даже въ заглавіи поставилъ: «Даніила Заточенника моленіе къ своему князю Ярославу Всеволодовичу»; исключилъ озеро Лачь и другія мѣста, сосѣднія съ мѣстомъ изгнанія Даніила. Можетъ быть даже «словомъ» прежняго опальнаго воспользовался какой-нибудь новый опальный, примѣнилъ его къ своимъ собственнымъ обстоятельствамъ, и отправилъ къ князю, сохранивъ однако-же имя прежняго, извѣстнаго Даніила, который въ серединѣ слова приводится тутъ въ третьемъ лицѣ, какъ посторонній писатель: «Даніилъ рече», и т. д. Удержавъ имя Даніила, онъ,

---

[1]) Таково мнѣніе И. И. Срезневскаго (Изв. А. Н., X, II, 109). Но въ словѣ есть ссылка на княжескія слова: лучше мнѣ смерть, чѣмъ «курское княженіе» (христ. 343). Въ толстовскомъ спискѣ они приписываются Ростиславу, въ копенгагенскомъ — Ярославу (т. е. какъ бы тому, къ кому и обращено слово); по замѣчанію же г. Безсонова (писавшему свое изслѣдованіе до открытія копенгагенскаго списка) слова эти въ лѣтописяхъ говорятся Андреемъ, княземъ Переяславскимъ (имя Ростислава, племянника этого Андрея, какъ думаетъ г. Безсоновъ, поставлено переписчикомъ), и были сказаны въ то время, когда вмѣсто Переяславля ему предлагали Курскъ. Андрей скорѣе былъ готовъ умереть, чѣмъ отказаться отъ роднаго города, — того самаго, который Заточнику сдѣлался Гореславлемъ, потому что «часть его не прорасте въ немъ». Заточенный Андреемъ, Даніилъ приводитъ ему его собственныя слова, сказанныя передъ дружиною, къ которой могъ принадлежать и самъ Даніилъ. «Правду ты говорилъ мнѣ, князь, замѣчаетъ ему Заточникъ, что тебѣ лучше смерть, чѣмъ курское княженіе» (подразумѣвается: вмѣсто твоего собственнаго, переяславскаго). «Такъ точно и мужу твоему, (т. е. мнѣ, Даніилу) лучше смерть, чѣмъ жизнь, продолжающаяся въ нищетѣ», вдали отъ Переяславля, который теперь для меня Гореславль (Москвит. 1856 г., № 7, стр. 323—325). Впрочемъ — къ кому именно писано первоначальное слово — это, мнѣ кажется, и теперь нельзя считать вполнѣ разъясненнымъ.

можетъ быть, хотѣлъ этимъ указать князю на сходство своей судьбы съ судьбой Даніила, хотѣлъ выразить надежду, что исходъ судьбы ихъ будетъ одинаковый, т. е. счастливый (о Даніилѣ существовало преданіе, что онъ былъ прощенъ [1]). Можетъ быть даже новый опальный носилъ одно имя съ извѣстнымъ заточникомъ. Все это, разумѣется, только догадки; достовѣрно только одно, что къ кому бы даже ни было слово писано въ первый разъ, впослѣдствіи оно было передѣлано и обращено къ другому, уже съ точностію намъ извѣстному князю, и такимъ образомъ явился новый изводъ, относящійся къ началу XIII в. Онъ отличается отъ перваго не одною перемѣною имени князя, но исключеніемъ коечего другаго; онъ отличается значительною перемѣною взгляда, понятій, а вотъ это-то намъ и важно.

Какія понятія видимъ мы въ изводѣ XII в., въ томъ, который былъ обращенъ къ какому-то сыну Владиміра Мономаха? Еще совершенно тѣ же, какія видѣли мы въ завѣщаніи Мономаха: заточникъ указываетъ на тотъ самый идеалъ князя, какой рисовалъ и Мономахъ своимъ дѣтямъ. «Княже господине, говоритъ Заточникъ, ты оживляешь всѣхъ людей своею милостью, сиротъ и вдовицъ, которыхъ вельможи погружаютъ (т. е. въ несчастіе, губятъ [2]). Князь здѣсь является защитникомъ земли противъ той части дружины, которая, находясь ближе къ князю, захотѣла загородить отъ него землю, той части дружины, которую Мономахъ обозначалъ именемъ сильныхъ, а Заточникъ обозначаетъ именемъ вельможъ. И видно, что опасенія Мономаха сбылись; при его потомкахъ противъ сильныхъ дружинниковъ пришлось уже защищаться человѣку, который, повидимому, также принадлежалъ къ дружинѣ, но, вѣроятно, не къ верхнему слою ея. Въ другомъ мѣстѣ онъ еще яснѣе указываетъ на несправедливости приближенныхъ князя: «не имѣй, говоритъ онъ, двора близь двора княжескаго; не держи села близь села его, потому что тіунъ его, какъ огонь, а его рядовичи, словно искры (тіунъ, рядовичи—должностныя лица, сановники); если даже устережешься отъ огня, то отъ искры не устережешься—зажжетъ она тебѣ платье [3])!» Идеалъ князя, который рисуется у Заточника, даже древнѣе, чѣмъ мономаховъ:

---

[1]) Преданіе это было даже вставлено въ толстовскій списокъ извода XII вѣка какимъ-нибудь изъ позднѣйшихъ переписчиковъ. Оно заключалось въ томъ, что Даніилъ, „запечатавъ посланіе свое въ воскѣ" пустилъ въ озеро; рыба проглотила посланіе; потомъ она принесена рыбакомъ въ поварню княжескую; когда поваръ началъ потрошить рыбу, то нашелъ въ ней посланіе и подалъ князю, а князь приказалъ освободить Даніила. Переписчики были такъ простодушны, что это преданіе разсказываетъ у нихъ самъ Заточникъ.

[2]) Христом. стр. 344.

[3]) Христ. стр 346.

это идеалъ Владиміра-яснаго солнышка, щедраго раздавателя благъ дружинѣ —и притомъ всей дружинѣ. «Да не будетъ, княже, рука твоя согнута на подаянье убогимъ, (видно, что убогіе разводились,— по крайней мѣрѣ сравнительно съ немногими, захватившими себѣ много); чашею нельзя же разчерпать моря, такъ и тѣмъ, что мы будемъ брать у тебя, не истощить же твоего дома... Не удерживай злата и серебра, но раздавай людямъ [1])», т. е. вообще людямъ, а не избраннымъ только; что именно такъ разумѣлъ это Даніилъ, видно изъ слѣдующаго за тѣмъ: «ткань, испещренная многими шелками, украшаетъ лицо; такъ и князь честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ многими людьми; какъ Саломонъ сказалъ: «Слава царю во многихъ языцѣхъ», такъ и тебѣ, князь, слава и побѣда во многихъ людяхъ (т. е. не въ тѣхъ только, которые ближе къ тебѣ — ими одними еще не одержишь побѣды). Далѣе приводятся слова вавилонскихъ пословъ царю Іезекіи: «царь богатъ не множествомъ злата, а множествомъ воиновъ»; причемъ въ памяти Заточника, вѣроятно, рисовался и нашъ Владиміръ, потому-что и ему, какъ извѣстно, лѣтописецъ приписываетъ слова: «мужи добудутъ золото, а золотомъ мужей не добыть». Далѣе Заточникъ какъ-бы попадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, приводя въ примѣръ Святослава съ малою дружиною; но на самомъ дѣлѣ противорѣчія тутъ нѣтъ, потому что малочисленность вознаграждалась единодушіемъ, единодушны же были всѣ, потому что были одинаково близки къ князю [2]).» Диво-ли, говоритъ Заточникъ, вѣроятно приводя тутъ народную пословицу, за буяномъ коней пасти, а за добрымъ княземъ воевать.» Т. е. доброта князя, привязывая къ нему, заставляетъ крѣпко стоять съ нимъ за одно и можетъ доставить ему побѣду даже при немногочисленномъ войскѣ. Далѣе Заточникъ распространяется въ похвалахъ этой добротѣ,— къ похвалахъ, которыя разсыпаны и по всему слову и проникнуты какою-то искренностію, чуждою лести [3]). Хваля князя, Заточникъ смѣло говоритъ ему правду, даже рѣшается ему угрожать. Повторивъ еще разъ, при помощи новыхъ сравненій, прежде высказанную мысль, что князь не самъ «впадаетъ во многія вещи злыя, но думцы (т. е. совѣтники) вводятъ,» Заточникъ прибавляетъ: «съ добрымъ думцею князь додумается до высокаго стола, зато если будетъ думать съ лихимъ (дурнымъ) думцею, то и малаго стола можетъ лишиться» [4]); т. е., другими словами: «и ты, князь, если будешь слушаться

---

[1]) Христ. стр. 345.

[2]) Замѣчательно, что этихъ словъ Святослава въ лѣтописи нѣтъ; сочинителю «слова» они могли быть извѣстны изъ источниковъ, до насъ не дошедшихъ.

[3]) Это какъ бы говоритъ въ пользу мнѣнія г. Безсонова, что слово написано къ князю Андрею, прозванному Добрымъ.

[4]) Христом., стр. 347.

всѣхъ окружающихъ, можешь лишиться своего стола — или, по крайней мѣрѣ, возбудишь противъ себя всѣхъ, несмотря на то, что ты самъ по себѣ добрый князь». Не менѣе смѣлости и въ совѣтѣ, данномъ князю нѣсколько выше, въ совѣтѣ — «не возносить до облакъ богата безумна» (значитъ князь возносилъ таковыхъ), и «не лишать хлѣба нища мудра»—очевидно его, Даніила, который хотя «юнъ возрастъ имѣетъ, но смысломъ старъ [1].» Да и всей челобитной приданъ такой оборотъ, что князь вредитъ самъ себѣ, самъ лишаетъ себя полезнаго человѣка, оставляя Даніила въ изгнаніи. Челобитная написана тономъ человѣка, ни мало не унижающагося, вполнѣ сознающаго свое достоинство.

То ли въ редакціи XIII в.? Къ прежнему «княже господине» тутъ прибавляется неоднократно, въ различныхъ мѣстахъ: «я рабъ твой, сынъ рабыни твоей.»—«Какъ глаза рабыни смотрятъ въ руки госпожѣ своей, говорится въ другомъ подобномъ мѣстѣ, такъ глаза мои смотрятъ тебѣ въ руки [2])» т. е. высматриваютъ, не выпадетъ ли изъ нихъ какая-нибудь подачка — тонъ совершенно новый, и тонъ чисто холопскій! Далѣе, вмѣсто прежняго изображенія князя добрымъ, вотъ съ кѣмъ сравнивается князь: «левъ рыкнетъ, кто не устрашится? А ты, князь, скажешь слово — кто не убоится? Какъ змѣй страшенъ свистаніемъ своимъ, такъ и ты, князь нашъ, грозенъ множествомъ сильныхъ воиновъ. [3])» Большой долженъ былъ совершиться переворотъ въ понятіяхъ, если можно было надѣяться расположить къ себѣ князя — сравниваньемъ его со змѣемъ свистящимъ и львомъ рыкающимъ (передѣлавшій «слово» — лицо, очевидно, книжное, — долженъ бы былъ, повидимому, знать, кто сравнивается въ св. писаніи со львомъ рыкающимъ). Съ другой стороны прежняго рода жалобъ на сильныхъ въ редакціи XIII в. ужь нѣтъ: напротивъ, вмѣсто прежняго: «не удерживай золота, а раздай людямъ,» тутъ мы читаемъ: «раздавай сильнымъ» [4]) т. е. тѣмъ, которые и безъ того уже имѣютъ не мало. Вѣроятно передѣлавшій «слово» потому такъ заботился о сильныхъ, что и себя причислялъ къ нимъ. И точно, говоря далѣе о своей мудрости, онъ замѣчаетъ, что всякому дворянину тѣмъ (т. е. мудростію) слѣдуетъ получить почетъ и милость у князя [5]). И такъ, онъ дворянинъ, т. е находящійся при дворѣ князя, близкій къ нему — и онъ же рабъ князя, сынъ рабыни его. Видно, по его понятіямъ, это все равно. Но есть одно мѣсто въ изводѣ XIII в., гдѣ передѣлав-

---

[1]) Христом., стр. 346.

[2]) Христом. стр. 343, прим. 1. Стр. 344, прим. 3.

[3]) Христ., стр. 445, прим. 3.

[4]) Христ. стр. 345, прим. 1.

[5]) Христ., стр. 347, пр. 1. А въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ Ярослава—сыномъ великаго царя Всеволода (344, прим. 1).

шій слово возстаетъ противъ сильныхъ, противъ бояръ. Но какъ возстаетъ? «Лучше, говоритъ онъ князю, мнѣ видѣть свою ногу въ обуви изъ лыка у себя въ домѣ, нежели въ черленомъ сапогѣ на боярскомъ дворѣ. и т. п. Нелѣпо прицѣпить золотую серьгу въ ноздри свиньѣ, или хорошую одежду надѣть на холопа. Хотя бы придѣть къ котлу золотыя уши, — на днѣ его всетаки будетъ черно. Тоже съ холопомъ. Хотя-бы онъ черезъ мѣру сталъ гордъ и буенъ, а все ему не отдѣлаться отъ укора холопьяго имени [1].» Передѣлавшій слово очевидно хочетъ сказать, что и тѣ изъ холопей князя, которые горды, благодаря придѣтымъ серьгамъ и кольцамъ, т. е. бояре, — всетаки остаются холопьями. Потому-то ему и лучше «пить простую воду въ домѣ князя», нежели «медъ при дворѣ бояръ» — т. е. тѣхъ же холопей, и т. д. въ этомъ же родѣ. Ясно, что его, дворянина, въ наказаніе за вину, князь отдалъ въ службу какому-нибудь боярину; но онъ, за честь для себя считающій быть холопомъ князя, не хочетъ быть холопомъ боярина, т. е. такого же холопа, какъ и онъ самъ. Тутъ и самое-то чувство чести—уже чисто-холопское! Все это, — явленіе новое, пришедшее къ намъ путемъ книжнымъ, и только позже начавшее переходить и въ жизнь. Но въ самую глубь жизни, въ самое сердце народа оно, къ чести Руси, не перешло. Уже рано наша книжность начала дѣлаться пищею только извѣстныхъ слоевъ, въ сторонѣ оставляя массу народу. Туда, въ эту массу, въ непросвѣщенную чернь, въ ея мужицкія пѣсни, на которыя еще такъ недавно съ высоты своего умственнаго аристократизма поглядывали у насъ люди, думавшіе именно этимъ показать себя прогрессистами [2]), —туда, въ эту неподвижную, застоявшуюся массу народа тогдашній прогрессъ не проникъ, — а вѣдь холопство было явленіе новое! Даже подъ позднѣйшимъ вліяніемъ крѣпостнаго права — этого дальнѣйшаго отвратительнаго прогресса нашей исторической жизни, слово холопъ почти

---

[1]) Христом., стр. 345, пр. 2.

[2]) Такой взглядъ съ-высока замѣтенъ и въ исторіи русской литературы г. Мелюкова, которая вышла не такъ давно 3-мъ изданіемъ—безъ существенныхъ перемѣнъ—не смотря на то, что участіе почтеннаго автора въ журналѣ такого направленія, какого держалась эпоха, должно бы было, повидимому, свидѣтельствовать о существенной перемѣнѣ въ его воззрѣніи на народность. Между тѣмъ вся древняя словесность отдѣлывается у г. Мелюкова на какихъ-нибудь 50 страничкахъ; народной словесности посвящена большая часть этихъ страничекъ, но, между прочимъ, Илья, въ сравненіи съ Рустемомъ у Фирдуси, напоминаетъ автору только удушливый (кажется такъ) «паръ русской бани». Я-же, напротивъ, считаю «паръ» этотъ даже педагогически полезнымъ для юношества и думаю, что сборники Рыбникова и Кирѣевскаго — должны служить книгой для чтенья ему. Воспитаніе нашего юношества чтеніемъ народныхъ произведеній можетъ и должно служить мостомъ черезъ ту бездну, которая, благодаря странному ходу нашей цивилизаціи, отдѣляла и, къ несчастію, еще отдѣляетъ насъ отъ народа.

не входило въ поэтическія сказанья народа, не оскверняло собой языка любимыхъ богатырей его. До такой степени, не смотря на всѣ невзгоды судьбы, холопство не въ духѣ народа русскаго! [1])

И въ передѣлкѣ «слова» только примѣненіе мысли, что холопъ всегда останется холопомъ, принадлежитъ передѣлавшему, сама же она почерпнута изъ книги, и притомъ не нашей, а къ намъ занесенной, именно изъ такъ называемой «Пчелы» — сборника всякаго рода изреченій, (изъ отцовъ церкви и изъ мудрецовъ древности), который былъ у насъ очень распространенъ. И вообще не только передѣлка «слова» или изводъ XIII в., но и изводъ XII в. состоитъ, какъ было уже и замѣчено, изъ цѣлаго ряда заимствованій; это видно и по языку, напыщенному въ обоихъ изводахъ, особенно же въ изводѣ XIII в. Видно что Даніилъ и переписчикъ-передѣлыватель его «слова», были люди чрезвычайно начитанные, книжные и притомъ знавшіе это и старавшіеся щегольнуть изысканностью оборотовъ. «Вострубимъ, братіе, въ разумъ своего ума, какъ-бы въ златокованныя трубы, и начнемъ бить въ серебряные органы и возвѣемъ мудрость свою» (Христ. 342) — сколько усилій для того, чтобы выразить: «я хочу высказаться.» Далѣе все почти вступленіе набрано изъ различныхъ псалмовъ. Въ изображеніи несчастнаго своего положенія Даніилъ заимствовалъ сравненія (со смоковницей, съ нощнымъ враномъ и Фараономъ, съ хананейскими царями) изъ Св. Писанія.

Сравненія, заимствованныя оттуда, приводятся иногда до такой степени не кстати, что затемняютъ смыслъ. Желая сказать, что онъ пытался выразить въ посланіи все, бывшее у него на душѣ, и уничтожалъ написанное, заточникъ сравниваетъ это уничтоженіе съ избіеніемъ младенцевъ! (покушахся написать всякъ союзъ сердца моего, и разбихъ злѣ, яко древняя младенця о камень). Вѣроятно въ томъ же смыслѣ употреблено сравненіе съ Агарью: какъ она бѣжала отъ Сарры, такъ Заточникъ готовъ былъ бѣжать отъ того, что написалъ; но, «зная добросердіе князя, онъ всетаки рѣшился прибѣгнуть къ нему» — т. е. отправить посланіе.

---

[1]) Слово холопъ попадается, собственно, только въ большой сводной былинѣ у г. Рыбникова, носящей во многомъ печать позднѣйшую:

> Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
> Съ барина холопа, съ холопа дворянина...
>
> (Рыбник. II, 328).

Есть одна гораздо позднѣйшая, книжная передѣлка народныхъ былинъ, находящаяся въ сборникѣ, принадлежащемъ проф. Буслаеву — это сказаніе о семи богатыряхъ. Тамъ, въ этой книжной передѣлкѣ, богатыри говорятъ Владиміру: вели намъ, холопамъ твоимъ, свои очи видѣти. (См. памятн. стар. Р. литер. вып 2, стр. 315, столб 1, ст. 2. Въ настоящихъ же, устныхъ былинахъ, Илья говоритъ Владиміру: «ай же ты дурень, князь стольно-кіевскій.»

Далѣе, послѣ нѣскольких текстовъ изъ евангелія и сравненія, опять неудачнаго, съ птицами небесными, въ изводѣ XIII в. видимъ подробное описаніе красоты князя (сыту источаютъ уста твои 1), и т. д.); оно заимствовано изъ саломоновой «Пѣсни Пѣсней.» Все, что говорится о невѣрности друзей, взято у Іисуса, сына Сирахова, и встрѣчается во многихъ изъ нашихъ старинныхъ рукописныхъ сборниковъ; о преимуществахъ богатаго и о противоположномъ положеніи самого Даніила — выбрано опять изъ Сына Сирахова, изъ различныхъ мѣстъ Пчелы, изъ поученія отъ св. книгъ, и т. п. Слѣдующее за тѣмъ (отъ словъ — «когда веселишься многими брашнами, помяни меня» и до соломонова изреченія: слава царю во множѣхъ языцѣхъ) по всей вѣроятности принадлежитъ самому Даніилу. Далѣе о царѣ Іезекіи разсказывается тоже, что въ «Пчелѣ» повѣствуется о послахъ вавилонскаго царя къ Киру; потомъ о Святославѣ—изъ какихъ-нибудь не дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ свѣдѣній (какъ было уже сказано); тамъ опять заимствованіе изъ псалмовъ: «поженеть единъ сто», и т. д. Между всѣми этими книжными вставками является вдругъ пословица: «диво ли за буяномъ коней пасти,» а тамъ опять рядъ сравненій, касающихся необходимости власти — большею частію изъ «Пчелы».

Оттуда же слѣдующее затѣмъ противопоставленіе щедраго князя скупому, а равно и слова: не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села» (но развитіе этой мысли съ упоминовеніемъ тіуна и рядовичей, принадлежитъ, конечно, самому Даніилу). Противопоставленіе нища мудра — богату безумну — составляетъ распространеніе мыслей, заимствованныхъ опять у Пчелы. Далѣе, даже то мѣсто, гдѣ Даніилъ говоритъ самъ о себѣ, что хотя онъ и молодъ, но мыслію паритъ какъ орелъ — отчасти заимствовано изъ поученія Кирилла Философа; слѣдующее же за тѣмъ, гдѣ Даніилъ приглашаетъ князя поставить глиняные сосуды подъ капающій съ языка его потокъ, чтобы словеса устъ его накапали князю нѣчто посладще меду, — составляетъ опять подражаніе «Пчелѣ.» Совершенно близки къ ней въ изводѣ XIII в. слова: я, какъ пчела къ различнымъ цвѣтамъ, припадалъ къ различнымъ книгамъ.» (Тѣже слова, нѣсколько пространнѣе, въ изводѣ XII в. находятся ближе къ концу). Напротивъ самому передѣлавшему «слово», повидимому, принадлежатъ самоуничижительныя выраженія: «хотя я и не мудръ, но нѣсколько познакомился съ мудростію — нося, такъ сказать, сапоги въ воротахъ разумныхъ мужей.» За тѣмъ Заточникъ возвращается къ прерванному противопоставленію мудраго безумному — и опять только распространяетъ мысли, за-

1) Христом., стр. 343, прим. 2.

имствованныя у «Пчелы», у «поученія отъ св. книгъ» и у поученія св. Кирилла. Далѣе, приводимыя Даніиломъ слова объ немъ князя: «ты солгалъ мнѣ, какъ песъ», и «солгалъ мнѣ, какъ воръ» (видно, Даніила обвинили въ присвоеніи себѣ княжескаго добра) и опроверженіе этихъ словъ Даніиломъ, прямо вытекая изъ его собственнаго положенія, должны вполнѣ принадлежать ему. Но слѣдующее затѣмъ сравненіе злыхъ думцевъ съ бушующимъ моремъ и съ огнемъ—опять изъ «Пчелы».

Значительное разнообразіе всѣхъ этихъ заимствованій, попадающееся въ томъ или другомъ изводѣ, упоминаніе Аѳинъ, философовъ, феофрасгянина Теренцья, храбраго Александра (въ концѣ слова, при желаніи князю всѣхъ благъ) указываютъ на знакомство нашей старины не только съ духовною, но отчасти и со свѣтскою ученостью 1). Съ другой же стороны употребленіе «мірскихъ притчъ», т. е. народныхъ пословицъ (какъ: «не диво за буяномъ коней паствити»; «не скотъ въ скотѣхъ коза, не звѣрь въ звѣрѣхъ ежъ,» и т. д. показываютъ, что при всѣхъ уклоненіяхъ нашей тогдашней литературы отъ народныхъ воззрѣній, она всетаки еще не окончательно оторвалась отъ народа.

Первоначальное посланіе, вѣроятно, оканчивалось словами: «сіи суть словеса, да не уже много глаголю» (т. е. вотъ и все, что мнѣ надо было сказать; пора кончить, чтобы не наговорить лишняго). Переписчики позднѣйшаго времени вставили послѣ этого разсказъ о томъ, какимъ образомъ Даніилъ доставилъ свое посланіе князю и былъ прощенъ. Между тѣмъ это не помѣшало какому-то новому переписчику послѣ вставленнаго разсказа о прощеніи Даніила, т. е. о послѣдствіяхъ посланія, заставить его опять проговорить нѣсколько строкъ о томъ, что не надобно говорить много, пора перестать, чтобы не уподобиться дырявому мѣху, роняющему богатство убогимъ; чтобы не уподобиться жерновамъ, которые насыщаютъ многихъ людей, а себя не могутъ насытить,—и т. д. до кон-

---

1) Покойный Шевыревъ старался доказать, что не Заточникъ заимствовалъ у «Пчелы», а «Пчела» заимствовала у Заточника. Но вопреки его свидѣтельству, краткость скорѣе на сторонѣ «Пчелы», чѣмъ на сторонѣ Даніила. Шевыреву очевидно хотѣлось, чтобы посланіе Даніила было оригинально. (Лекціи Шевырева, ч. II, стр. 248). Но для русской старины гораздо болѣе чести, если она не сама дошла до нѣкоторыхъ взглядовъ этого посланія, а только заимствовала ихъ.—Г. Безсоновъ колеблется сказать рѣшительно, на чьей сторонѣ было заимствованіе, во 2-й статьѣ своей, № 8. Москвит. 1856 г. См. его же «Пчела, памятникъ древней русской словесности» во Временникѣ М. О. И. и Др. 1857 г., (кн. 25). Тутъ онъ дѣлаетъ странное предположеніе, что переводъ Пчелы былъ принесенъ къ намъ изъ Греціи въ XIV ст. (стр. VI) тогда какъ на пчелу есть ссылка въ одномъ словѣ о постѣ, относящемся къ эпохѣ до XIII в. (Галахова, И. Р. Л. I, 73). И. И. Срезневскій относитъ появленье у насъ Пчелы ко времени до 1199 г. (И. А. Н., X, II. 608). См. также статью М. И. Сухомлинова «о сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ» въ Изв. А. Н., II, 222—234.

ца: все это, по всей вѣроятности, также приставка позднѣйшаго времени. Въ изводѣ XIII в. она принимаетъ характеръ молитвы: «не дай земли нашей въ полонъ языкамъ, не знающимъ Бога» — вѣроятно намекъ на Татаръ, почему и надобно полагать, что это мѣсто написано уже послѣ ихъ нашествія. Послѣднія слова приставки: «лютѣ бѣснующемуся дати воль, а лукагому власть, паче всего ненавижь сторонника перетерплива»— рѣшительно непонятны. Вообще, отъ частыхъ переписокъ, неразлучныхъ съ ошибками, отчасти же и отъ первоначальной напыщенности языка, слово Заточника представляетъ много выраженій совершенно темныхъ. Темными остаются, какъ было сказано, и самыя причины заточенія Даніила, и нѣкоторыя обстоятельства, на которыя намекаетъ слово. Почему, наприм., по изводу XIII в. князь совѣтовалъ Даніилу постричься въ монахи, на что Даніилъ отвѣчаетъ ему, что не чувствуетъ къ этому призванія, а лицемѣрить не хочетъ [1]). А чѣмъ объяснить озлобленіе Даніила противъ женщинъ, особенно замѣтное въ изводѣ XII в.? Въ изводѣ XIII в., по крайней мѣрѣ, супружество изображается въ мрачномъ свѣтѣ собственно въ томъ случаѣ, ежели женишься «придатка ради» (т. е. изъ за приданаго). Къ сожалѣнію, болѣе мягкій тонъ, съ какимъ говорится о женщинахъ въ изводѣ XIII в., не только не сдѣлался впослѣдствіи еще мягче, но напротивъ современемъ превзошелъ рѣзкостью и изводъ XII в. Въ этомъ опять былъ у насъ прогрессъ къ худшему.

Въ нашей народной словесности женщина стоитъ значительно высоко. Это доказывается прежде всего тѣмъ уваженіемъ къ матери (и вообще къ родителямъ, но къ матери особенно), о которомъ не разъ было говорено. Высокій идеалъ жены видѣнъ въ Василисѣ Микулишнѣ. Если же совсѣмъ не то Апраксѣевна, жена Владиміра, и жена Михаила Потыка—то ихъ невѣрность мужу имѣетъ основу миѳическую. Изъ Византіи къ намъ перешла не одна книга, въ которой женщина является съ самой дурной стороны: такова она въ апокрифахъ о Давидѣ и Саломонѣ, а эти апокрифы, по занимательности содержанія своего до такой степени распространились у насъ, что вліяніемъ ихъ осквернилась чистота нашей народной словесности: у насъ явились, какъ было замѣчено, былины о Саломонѣ и его невѣрной женѣ [2]). Не менѣе содѣйствовали перемѣнѣ народныхъ воззрѣній на женщину и нѣкоторыя, распространявшіяся у насъ поученія. Въ старинныхъ сборникахъ нашихъ нерѣдко попадается «слово о злыхъ женахъ» Іоанна Златоуста. Этотъ

---

[1]) Христом., стр. 347, прим. 4 Объ источникахъ Даніила сравни въ двухъ статьяхъ г. Безсонова (№ 7 и 8 Москвитянина 1856 г.) и въ Историч. Христ. г. Буслаева, подъ рубрикой: 15-й вѣкъ.

[2]) См. 2 т. Пѣсень Рыбникова. Рукописныя народныя повѣсти о Соломонѣ въ IV т. Лѣтописей г. Тихонравова.

великій отецъ древней церкви имѣлъ полное основаніе нападать на женщинъ, живя среди народа вполнѣ испорченнаго, наслѣдовавшаго всю мерзость нравовъ кесарскаго Рима. Точно такое же основаніе имѣлъ онъ нападать на театральныя зрѣлища, которыя носили еще при немъ чисто языческій характеръ и доходили до послѣднихъ предѣловъ безнравственности. Между тѣмъ все сказанное Златоустомъ противъ театральныхъ представленій его времени и противъ женщинъ его времени, впослѣдствіи принималось за порицаніе театра вообще, и женщинъ вообще. Надѣляя насъ всякаго рода поученіями, Византія не задумалась сообщить намъ и слово Златоуста о злыхъ женахъ, не подумавъ о томъ, что оно было какъ нельзя болѣе кстати въ странѣ нравственно-гніющей, но ни мало не шло къ здоровымъ нравамъ молодаго народа. То, что̀ въ Византіи могло способствовать искорененію зла, у насъ только знакомило съ нимъ [1]. Заточникъ, начитавшись всего, въ особенности «Пчелы», набрался изъ нея и нападокъ на женщинъ (въ «Пчелѣ» попадаются поученія «о злыхъ женахъ»); можетъ быть они особенно понравились ему, потому что онъ, какъ надобно полагать, дѣйствительно имѣлъ причину жаловаться на женщинъ. Впрочемъ Даніилъ, особенно распространяясь о злыхъ женахъ, говоритъ еще нѣсколько словъ и о хорошихъ. Впослѣдствіи же въ нашихъ благочестивыхъ книгахъ ограничивались однѣми злыми женами, только и знали, что предостерегали отъ нихъ мужчинъ. Не смотря на эти предостереженія, люди, конечно, женились, но уже смотрѣли на жену, какъ на что-то враждебное; боясь поддаться женѣ, угнетали ее и презрительно съ ней обращались. Такимъ образомъ, по милости переходившихъ къ намъ поученій, все болѣе и болѣе нарушалась святость и тишина супружеской жизни. Съ униженьемъ жены не могло не унизиться и значеніе матери. Благочестивый отецъ считалъ долгомъ передать своему юному сыну, что женщина есть «мірской мятежъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спасенію.» Выслушивая, и перечитывая все это, а вмѣстѣ съ тѣмъ видя на каждомъ шагу презрительное обращеніе отца съ матерью, и сынъ могъ легко потерять — по крайней мѣрѣ большую часть прежняго къ ней уваженья. И счастье опять, что, какъ холопскіе взгляды, такъ и эта, въ равной степени противная нашей народности, отрава семейныхъ понятій, разлилась преимущественно по верхнему, книжному слою народа, тогда какъ въ массѣ уцѣлѣла свя-

[1]) Поученіе съ жестокими нападками на женщинъ попадается уже въ святославомъ сборникѣ; нѣкоторыя мѣста изъ этого поученія есть и въ „словѣ Даніила заточника“— какъ-то: „яко усерязь златъ въ ноздряхъ свиньи, тако же и женѣ злосъмысльнѣ краса!— или: «жена же зла корима бѣситься, и квочима вышиться. (Изв. Ак. Н., X, v, Доп. къ обозр. др. пам. И. И. Срезневскаго, 421—422, 424) (Ср. тамъ же 427).

щенная поэзія старины, а съ нею и прежнее уваженіе къ государынѣ-матушкѣ. Между тѣмъ какъ книжники увѣрялись въ томъ, будто бы все, что̀ есть или было злаго на свѣтѣ, происходить отъ женщины, что ради ея не только Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, но и прекрасный Іосифъ заточенъ въ темницу, и пророкъ Даніилъ въ ровъ ко львамъ,—между тѣмъ какъ они указывали только на эти ветхозавѣтные примѣры женщинъ, народъ, къ счастію имѣя возможность слышать въ храмахъ на языкѣ понятномъ высоко человѣческое, новозавѣтное слово, слышать его, какъ оно есть, безъ всякихъ растолковывающихъ привѣсокъ, съ любовію остановился на новозавѣтномъ идеалѣ женщины — Богородицѣ, понялъ въ ней болѣе всего мать и сталъ воспѣвать ее вмѣстѣ съ почтительнымъ ея сыномъ Христомъ. И такъ, противодѣйствіе византійскому вліянію проявлялось, — но только въ устной словесности, а не тамъ, откуда извергалось на Русь это во многихъ отношеніяхъ развращающее вліяніе,— не въ литературѣ, хотя впослѣдствіи мы увидимъ и въ ней слабые проблески такого противодѣйствія. Западу въ этомъ отношеніи надо отдать преимущество: и тамъ со стороны благочестивой литературы были поползновенія внушить страхъ и презрѣніе къ женщинѣ, но народный духъ умѣлъ явно и побѣдоносно противодѣйствовать этимъ поползновеніямъ: на западѣ не только много писалось въ защиту женщины, но и развилось рыцарство, по крайней мѣрѣ на половину служившее ей.

Чѣмъ болѣе терялось у насъ уваженіе къ женщинѣ, тѣмъ болѣе должно было теряться и уваженіе вообще къ человѣчеству. Мужчина смотрѣлъ на женщину какъ на существо низкое, грѣшное, какъ на соблазнъ и орудіе дьявола, и между тѣмъ не переставалъ жить въ обществѣ женщины, не могъ отказаться отъ ея сообщества; — какъ же было ему послѣ этого сохранить уваженіе и къ самому себѣ? Онъ, сынъ женщины, этого недостойнаго существа, становится мужемъ такого же недостойнаго существа; очевидно, это должно было представляться ему недостаткомъ воли съ его стороны, неумѣньемъ уберечь себя отъ союза съ существомъ недостойнымъ; — а такимъ образомъ онъ долженъ былъ низко поставить и себя самого. Потерявъ вѣру въ достоинство женщины, человѣкъ долженъ былъ переставать вѣрить и въ свое собственное достоинство. А утрата вѣры въ самого себя, въ свои нравственныя силы, всегда дѣлала людей способными унижаться не только передъ самими собою, но наконецъ и передъ другими, способными подличать и впадать въ холопство. Такимъ образомъ занесенное къ намъ неуваженіе къ женщинѣ было въ тѣсной связи съ другимъ занесеннымъ къ намъ зломъ, также выразившимся въ словѣ Даніила Заточника (т. е. въ изводѣ его XIII в.)

Чуждое, занесенное усиливалось, готовилось къ преобладанію. Въ прошлой главѣ было говорено о томъ, какъ явились у насъ стремленія

осуществить идеалъ пѣвца Игорева, идеалъ единой Руси, особымъ путемъ, не тѣмъ, какимъ шелъ Мономахъ и какой могъ имѣть въ виду нашъ пѣвецъ. Такія стремленія выразились преимущественно въ князьяхъ владимірскихъ. Они замѣтны были уже въ Юрьѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ, окончательно же высказались въ сынѣ его, Андреѣ Владиміровичѣ Боголюбскомъ. Не даромъ этотъ умный князь старался возвысить новый городъ Владиміръ; онъ умѣлъ воспользоваться его ненавистью къ Ростову, какъ старшему городу, и, съ его помощью, возвышалъ свою власть. «Владычествовать раздѣленіемъ» было постояннымъ девизомъ Андрея [1]). Этотъ новый городъ разукрашивался Андреемъ на подобіе Кіева; онъ построилъ въ немъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, двое воротъ: одни золотые, другіе серебряные, и великолѣпную церковь Успенія — также по подобію кіевской. Чтобы придать еще болѣе святости своей новой столицѣ, Андрей вывезъ изъ Кіева икону Божіей матери, писанную, по преданію, евангелистомъ Лукою... И вотъ стали разсказывать, будто бы первоначально онъ везъ эту икону въ старый Ростовъ (прежнюю столицу суздальской области), но икона сама не захотѣла туда: на дорогѣ отъ Владиміра къ Ростову она остановилась, и ее никакъ не могли сдвинуть съ мѣста. Князь велѣлъ пѣть молебны, а самъ со слезами молился у себя въ шатрѣ; тогда явилась ему сама Богородица очевиднѣ, и сказала: «не хочу, чтобы ты несъ мой образъ въ Ростовъ, но поставь его во Владимірѣ, а на этомъ мѣстѣ поставь каменную церковь во имя моего рождества и устрой обиталище инокамъ [2]).» Андрей такъ и сдѣлалъ: построилъ церковь съ монастыремъ, а вокругъ него цѣлый городъ, названный Боголюбовымъ. Андрей радъ былъ строить новые города въ подрывъ старымъ. Любо было ему и распространенье слуховъ о Богородицѣ: народу такимъ образомъ внушалось, что сама она, матерь Господа, идетъ противъ Ростова, этого стараго города, города со старой привычкой собираться на вѣче и рѣшать на немъ сообща всѣ дѣла. Сама Богоматерь — говорила молва — предпочла Владиміръ и основала Боголюбовъ, а Андрей ничего не щадилъ на украшеніе соборныхъ храмовъ въ этихъ городахъ, духовенство же превозносило его за такую щедрость и усердіе къ вѣрѣ. Анрей Боголюбскій даже просилъ патріарха, чтобы для сѣверной Россіи назначенъ былъ особый митрополитъ и каѳедра его была во Владимірѣ: но патріархъ не согласился на это, опасаясь раздоровъ [3]). Лѣтописецъ, очевидно лицо духовное, съ ве-

[1]) См. статью объ Андреѣ Боголюбскомъ К. Н. Бестужева-Рюмина въ Энциклопед. Словарѣ, т. IV, стр. 360.

[2]) См. статью г. Буслаева «Мѣстныя сказанія владимірскія, московскія и новгородскія,» въ т. IV Лѣтописей Русской Литературы Тихонравова, стр. 7-я.

[3]) Русскіе святые, іюнь, 143.

личайшею подробностію и восхищеніемъ описываетъ церкви Владимірскую и Боголюбскую, сравниваетъ послѣднюю съ саломоновымъ храмомъ, а самого строителя съ Саломономъ [1]). Съ такимъ же точно восхищеніемъ хвалитъ онъ Андрея за то, что Богъ открылъ сердечныя очи этого благочестиваго князя на весь церковный чинъ и на всѣхъ церковниковъ, что онъ не помрачилъ ума своего пьянствомъ и былъ кормильцемъ чернецамъ и черницамъ. Далѣе говоритъ лѣтописецъ о томъ, какъ Андрей, этотъ второй Саломонъ, имѣлъ добронравный обычай входить ночью въ церковь и самъ зажигалъ свѣчи, вздыхая при этомъ о своихъ грѣхахъ. Между прочимъ разсказываетъ онъ и о щедрости Андрея не только къ монахамъ, но и вообще къ убогимъ: какъ онъ велѣлъ развозить имъ пищу и питье, въ этомъ отношеніи подражая Владиміру. Такою же точно щедростью къ бѣднымъ отличался впослѣдствіи другой князь, во всемъ подражавшій Андрею, только старавшійся возвысить опять новый городъ — Москву. Князь этотъ — Иванъ Калита, прозванный такъ потому, что носилъ калиту — мѣшокъ съ деньгами для народа. И тотъ, и другой князь старались расположить къ себѣ щедростью... Что это не всегда удавалось, видно изъ примѣра Андрея Боголюбскаго: ни построеніе столькихъ храмовъ, ни щедрость къ бѣднымъ не спасли дальновиднаго князя отъ злодѣйскихъ рукъ убійцъ. Они были не изъ сердца народа, а изъ тѣхъ сильныхъ, которыхъ одинаково не любили и князь, и народъ. Впрочемъ и у народа не было особой привязанности къ Андрею. По лѣтописи, въ народѣ про строгую власть Боголюбскаго говорили, что «гдѣ законъ тамъ и обидъ много» [2]). — Повѣствователь о смерти князя со всею живостію негодованія рисуя поступокъ бояръ, говоритъ, что граждане Боголюбскіе, послѣ убіенія князя, разграбили его домъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, за одно, и дома тивуновъ и посадниковъ. Во Владимірѣ были тоже явленія въ этомъ родѣ. О причинахъ убіенія Боголюбскаго ходили разные слухи. Говорили, будто бы еще отецъ Андрея, Юрій Долгорукій, пируя на берегу Москвы рѣки, въ селѣ боярина Кучки, за какую-то дерзость приказалъ умертвить его, а дочь этого самаго боярина выдалъ замужъ за сына своего, князя Андрея. Говорили также, что князь Андрей въ свою очередь велѣлъ за что-то казнить одного изъ братьевъ жены своей, сыновей Кучки, и что остальные братья, отомщая и за отца, и за брата, убили Андрея, не безъ участія, какъ полагали въ народѣ, княгини, своей сестры [3]). Лѣтописецъ, передавая это ужасное происшествіе, слѣдовалъ примѣру всѣхъ нашихъ лѣтописцевъ: далъ волю своему

---

[1]) См. Христ., стр. 350.
[2]) Русскіе святые, іюнь, 144.
[3]) См. статью г. Буслаева, въ IV томѣ Лѣт. Р. Литер., стр. 9.

воображенію дорисовывать и идеализировать. Разсказъ его оканчивается молитвою къ пострадавшему князю.

Между тѣмъ про того же самаго Боголюбскаго, который у владимірскаго лѣтописца является праведникомъ, въ Новгородѣ составилось, правда еще при жизни князя, преданіе совершенно другаго рода и притомъ чисто религіозное; тутъ Боголюбскій является врагомъ Божіимъ, «лютымъ фараономъ.» Это преданіе говоритъ о походѣ его противъ Новгородцевъ, о томъ, какъ сначала въ нараженіе за этотъ походъ Богъ наслалъ на князя болѣзнь, какъ эта болѣзнь не исправила того фараона, и какъ онъ наконецъ былъ отраженъ при помощи образа знаменія Богородицы [1]).

На срединѣ между двумя крайностями, разсказомъ лѣтописца владимірскаго и новгородскимъ сказаніемъ, — умѣла стать память народная, выразившаяся въ преданіяхъ объ участи убійцъ Боголюбскаго. До сихъ поръ еще находящееся въ 7 верстахъ отъ Владиміра такъ называемое «Пловучее озеро» при первомъ наступленіи сумерекъ наводитъ ужасъ: народъ вѣритъ, что въ чорной водѣ этого озера все еще плаваютъ тѣла казненныхъ убійцъ Боголюбскаго; народъ вѣритъ, что ночь на 29 Іюня, время убіенія князя — бываетъ особенно мучительна для души убійцъ и особенно страшна для запоздалаго путника, которому въ это время слышится стонъ злодѣевъ и видятся сильныя волны на озерѣ.» Не имѣя причины особенно любить Андрея, народъ до сихъ поръ не можетъ безъ ужаса и отвращенія вспоминать объ убіеніи его. До такой степени всякое убійство, почему бы и для чего бы оно ни было, ненавистно духу народа.

X. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XIII в.

(до прихода татаръ).

Мы видѣли, что XII вѣкъ былъ довольно богатъ литературными произведеніями. Образованіе начинало дѣлаться принадлежностью не только духовныхъ, но и свѣтскихъ людей. Начинала возникать свѣтская литература, въ которой обнаружился совершенно новый родъ поэзіи, свидѣтельствующій объ успѣхахъ развитія — родъ лирическій. Между тѣмъ эта литературная поэзія была въ тѣсной связи съ устною поэзіею на-

---

[1]) Лѣтописи Русской Литературы, Тихонравова, т. IV, стр. 19—21. Въ Памятникахъ Стар. Р. Литер. помѣщенъ неполный варьянтъ этого сказанія. Замѣчательно, что тропарь и кондакъ Знаменію Пресв. Богородицы до сихъ поръ поются въ церквахъ всей Россіи (Энц. Слов.I, V, 362, прим.)

рода. Главные предметы поэзіи устной готовились къ тому, чтобы подвергнуться литературной обработкѣ: все явнымъ образомъ къ этому клонилось. Люди въ полномъ смыслѣ книжные, какъ Заточникъ, не чуждались народныхъ пословицъ; кромѣ того они дали проявиться началу опять совершенно новому въ русской литературѣ — остроумію и насмѣшкѣ. Прежнее, неподвижное однообразіе литературы было нарушено. Проявлялась жизнь — многосторонняя жизнь. Всему этому, казалось, такъ бы и итти далѣе; но вскорѣ должны были нахлынуть событія, которыя не дали развиться тому, чтò такъ хорошо началось, подавили въ корнѣ литературу свѣтскую и возстановили прежнее единообразіе. Литературной дѣятельности XIII-го вѣка уже не пришлось быть богатою произведеніями литературными; все, чтò она могла произвесть, это опять исключительно духовныя сочиненія.

Духовенство и въ XII в. оставалось самымъ образованнымъ; вскорѣ ему пришлось оказаться единственнымъ образованнымъ классомъ. Исключительно духовный характеръ, снова принятый нашею литературою съ XIII в., потому и есть явленіе печальное, что оно служитъ доказательствомъ образованности исключительно одного духовенства, а не цѣлаго общества.

Разсадникомъ людей образованныхъ оставался монастырь кіевопечерскій. Изъ него по прежнему выходили замѣчательные пастыри; выходили и такіе люди, которые продолжали распространять свѣтъ евангелія между языческими племенами. — Впрочемъ и внѣ кіевопечерской обители являлись просвѣщенные пастыри. Таковъ былъ св. Авраамій, постриженникъ смоленскаго богородицкаго монастыря. Время дѣятельности его относится ко второй половинѣ XII и къ нач. XIII в Это была дѣятельность проповѣдника; по всей вѣроятности проповѣди его были написаны, но онѣ до насъ не дошли. Приписывается ему, правда, поученіе о мытарствахъ, только безъ достаточныхъ основаній [1]). Но если мы не можемъ разбирать его какъ литератора, то должны обратить на него вниманіе, какъ на одного изъ тѣхъ мужей, которые обрисовываютъ свое время. До насъ дошло житіе св. Авраамія, написанное вскорѣ послѣ кончины его (произшедшей не позже 1220 г.) ученикомъ его Ефремомъ. (Русскіе Святые Ф. А. Ч., августъ, 76, прим. 82. Житіе же написано не прежде 1287 г. (тамъ же, 73, пр.) Жизнеописатель не обладалъ живымъ воображеніемъ; разсказъ его вялъ и безжизненъ, а потому самъ по себѣ, какъ разсказъ, не заслуживаетъ вниманія со стороны исторіи литературы [2]). Но при всей его вялости, при всемъ его сходствѣ со

---

[1]) Оно помѣщено въ моей Христоматіи на стр. 263—265.

[2]) Помѣщено это житіе въ Правос. Собес. за 1858.

всѣми подобными житіями, изъ него ярко выдаются нѣкоторыя черты, принадлежащія исключительно одному Авраамію. Сначала все идетъ совершенно такъ, какъ во множествѣ житій: родители Авраамія вымаливаютъ у Бога его рожденіе, потомъ отдаютъ его въ ученіе книжное; уже съ дѣтскихъ лѣтъ открывается въ немъ расположеніе къ иночеству, но онъ удовлетворяетъ ему только послѣ смерти родителей; потомъ дѣлаетъ то, что̀ обыкновенно дѣлали въ монастыряхъ, много читаетъ, т. е. становится «зѣло книженъ,» какъ выражались тогда про всѣхъ почти пастырей, сколько-нибудь образованныхъ. И городъ, около котораго онъ подвизался, принадлежалъ къ числу книжныхъ городовъ Руси. Князья его, потомки Мономаха, завели въ немъ училище, въ которомъ учились не только по-славянски, но даже по гречески и по латыни. Просвѣщенію Смоленска много способствовало сосѣдство его съ Ригою и вообще такъ называвшимся готскимъ (т. е. балтійскимъ) берегомъ. Пользуясь этимъ сосѣдствомъ, Смоляне часто посѣщали нѣмецкую землю, а въ смоленской въ свою очередь живали Нѣмцы [1]). Между ними и русскими долженъ быть происходить обмѣнъ мыслей; а это не могло не способствовать расширенію взгляда, пробужденію болѣе многосторонняго умственнаго развитія у Смолянъ. Неудивительно, если и св. Авраамій сдѣлался книжнымъ болѣе обыкновеннаго [2]), (т. е. болѣе существеннымъ, болѣе плодотворнымъ образомъ), — и вотъ тутъ-то начинается его отличіе отъ другихъ подвижниковъ, отличіе, ярко выказывающееся и въ его житіи. Онъ умѣлъ такимъ образомъ толковать писаніе, что люди всякаго возраста и всякаго знанія его понимали. Но это навлекло на него сильнѣйшее гоненіе со стороны его же собратьевъ — священниковъ и монаховъ. Они съ ужасомъ говорили, что онъ уже обратилъ къ себѣ весь городъ, и старались взвести на него всякаго рода обвиненія, особенно же въ томъ, будто бы онъ впадаетъ въ ересь.... Такимъ обвиненіямъ всегда подвергались люди, старавшіеся сдѣлать истину понятною для всѣхъ; про такихъ людей всегда говорили, что они унижаютъ истину, что они искажаютъ ее; на самомъ же дѣлѣ только завидовали той любви, которую эти люди снискивали у народа,- только боялись, что народъ перейдетъ къ нимъ и уже не вернется къ тѣмъ, которые отпускали ему истину по золотникамъ и увѣряли, будто бы вся она—не для него,

---

[1]) Это видно изъ договорныхъ грамотъ смоленскихъ князей съ Нѣмцами. У насъ было обыкновеніе включать ихъ въ число памятниковъ литературныхъ. Не дѣлая этого по причинѣ, изложенной во введеніи, я пользуюсь ими только какъ свидѣтельствомъ о сношеніяхъ нашихъ съ сосѣдями, — а они важны для исторіи русскаго просвѣщенія, съ которой такъ тѣсно связана исторія русской литературы. (См. Срезн. Обозр. др. пам. въ Изв. Ак. Н., X, ш, 172—173, 183—185.)

[2]) Сравни Буслаева, Очерки т. II, стр. 115.

а для нихъ однихъ. Такимъ же обвиненіямъ подвергался Христосъ со стороны фарисеевъ и книжниковъ. И про нашего великаго Авраамія съ ужасомъ говорили: «вотъ онъ уже и всѣхъ нашихъ дѣтей обраталъ!» Но фарисеи еврейскіе нашли себѣ союзниковъ и въ свѣтской власти и въ значительной части еврейскаго народа; наши же фарисеи и книжники или, какъ называетъ ихъ жизнеописатель св. Авраамія, «безчинные попы, яко волы рыкающіе,» къ чести Руси, не нашли себѣ союзника ни въ князѣ, ни въ боярахъ. Впрочемъ на сторонѣ послѣднихъ было и одно духовное лицо—Лука Прусинъ [1]).

Такимъ образомъ побѣда осталась на сторонѣ князя и бояръ, бывшихъ въ этомъ случаѣ представителями свѣта, правды. Но около того же времени происходила, хотя въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, другая борьба нѣсколько подобнаго рода, — и побѣда осталась уже на другой сторонѣ. Борьба эта, или, лучше сказать, кратковременное столкновеніе двухъ стремленій, двухъ образовъ мыслей, происходила на другомъ концѣ Руси, тамъ, гдѣ совершалась вообще коренная перемѣна—во Владимірѣ. Это столкновеніе выразилось въ замѣчательномъ литературномъ памятникѣ XIII в., въ посланіи Симона, епископа владимірскаго, къ печерскому черноризцу Поликарпу. Дѣло въ томъ, что этого черноризца желали имѣть своимъ игуменомъ два монастыря — Козьмодемьянскій и Димитріевскій; мало того—княгиня Верхуслава, внука Андрея Боголюбскаго, дочь Всеволода III, прочила его еще выше — на епископскую каѳедру въ Новгородѣ, Смоленскѣ, или Юрьевѣ. Наконецъ братъ Верхуславы, князь Георгій Всеволодовичъ, хотѣлъ поставить Поликарпа намѣстникомъ Симона на епископіи Владимірской. Епископъ Симонъ одинъ воспротивился всѣмъ этимъ желаніямъ — и остался побѣдителемъ. Онъ одержалъ окончательную побѣду при помощи посланія своего къ Поликарпу, въ которомъ доказывалъ, что готовность Поликарпа сдѣлаться игуменомъ, или занять каѳедру, готовность, основанная, вѣроятно, на желаніи удовлетворить требованію столькихъ людей и, сверхъ того, на сознаніи своихъ достоинствъ, есть недостатокъ смиренія. Въ готовности Поликарпа отозваться на зовъ двухъ монастырскихъ обществъ Симонъ видитъ только

---

[1]) Никто же, аще бы не глаголя на Авраамія. Събрашася вси отъ мала до велика, весь градъ на нь. „Впрочемъ, при книжномъ пренебреженіи къ народу, жизнеописатель могъ его при этомъ и не считать вовсе. Св. Авраамія между прочимъ обвиняли въ томъ, что онъ читалъ еретическія глубинныя книги. Что это такое, трудно сказать положительно; можетъ быть одна изъ апокрифическихъ книгъ, извѣстная подъ именемъ глубины (сравни Бусл. Очерки т. II, стр. 119). А можетъ быть въ обвиніи есть и связь съ языческою голубиною книгой, до сихъ поръ, какъ мы видѣли, играющею роль въ раскольническихъ преданіяхъ (см. выше стр. 330—32). Такъ думаетъ и преосв. Филаретъ Черн. (Русскіе Святые, Августъ, 77, примѣч.) Ср. Срезневск. въ изв. А. Н., X. т. 170.

нежеланіе его служить святому мужу, архимандриту печерскому Анкидину. Вмѣсто того, чтобы, сдѣлавшись игуменомъ, служить, по завѣту Θеодосія, братіи, Поликарпъ, по требованію Симона, долженъ служить своему господину: видно, прошли уже тѣ времена, когда, согласно со словами Спасителя: «тотъ, кто хотѣлъ быть старшимъ, долженъ былъ быть всѣмъ слугою.» Впрочемъ уже при Θеодосіи въ печерской обители, совершенно согласно со введеннымъ въ ней студійскимъ уставомъ, сказывались два, какъ бы перекрещивавшихся направленія: съ одной стороны то уравнивающее начало общины, въ силу котораго и игуменъ былъ только первымъ изъ слугъ общественныхъ, съ другой — то начало главенства игумена (правда, выборнаго лица), въ силу котораго требовалось безгласнаго ему послушанія.—Такъ и самъ Θеодосій не допускалъ, чтобы дѣлали что нибудь безъ его благословенія. Когда же однажды онъ шелъ на праздникъ св. Димитрія, принесли ему очень чистые хлѣбы. Онъ велѣлъ ихъ предложить на трапезѣ для оставшейся братіи; келарь же пожалѣлъ и оставилъ ихъ на слѣдующій день. Когда преподобный увидѣлъ на трапезѣ эти хлѣбы, то позвалъ келаря и сказалъ: лучше бы не заботиться о завтрашнемъ днѣ и сдѣлать по моему приказанію. Потомъ велѣлъ одному изъ братій собрать куски того хлѣба въ коробъ и выбросить въ рѣку, а келарю за преслушаніе назначилъ эпитимію [1].—Но силу подобной власти испыталъ однажды и князь Изяславъ: и его, какъ другихъ, не впустили во врата монастырскіе, когда онъ пришелъ къ нимъ не въ урочный часъ.—Въ Θеодосіи вообще преобладала сторона свободно-общественная. Изъ посланія же Симона къ Поликарпу мы должны заключить, что позже преобладаніе перешло на противоположную сторону — на сторону господства игумена.—Правда, въ одномъ мѣстѣ Симонъ говоритъ Поликарпу, что онъ долженъ быть въ послушаніи у игумена и у всей братіи; но первое было уже важнѣе— иначе Симонъ не позволилъ бы себѣ пойти противъ воли двухъ монастырскихъ братствъ, призывавшихъ на игуменство Поликарпа. Симонъ съ большимъ краснорѣчіемъ обращается къ Поликарпу. Въ началѣ говоритъ о томъ, что недостаточно носить черныя ризы, а надо на самомъ дѣлѣ быть монахомъ. Потомъ ярко обрисовываются проступки Поликарпа противъ монастырскаго общежитія, вытекавшіе, вѣроятно, изъ пылкаго характера и изъ ложнаго положенія, въ какомъ находился Поликарпъ, чувствуя въ себѣ способность къ болѣе широкой дѣятельности и обязываемый ограничиться служеніемъ господину своему Анкидину. Поликарпъ, какъ видно изъ посланія Симона, пересталъ постоянно присутствовать

---

[1]) Передаю это словами пр. Филарета Черниг. (Русскіе Святые, Май, 42). Студійскій уставъ подробно изложенъ у П. Казанскаго въ Исторіи православнаго Русскаго монашества, М. 1855, на стр. 28—40.

при богослуженіи. — Симонъ же очень убѣдительно доказываетъ ему, что только молитва, совершонная совокупно цѣлымъ обществомъ, имѣетъ настоящую силу. И апостолъ Петръ, пишетъ Симонъ, который самъ былъ церковью Бога живаго, когда былъ посаженъ въ темницу Иродомъ, спасся не чѣмъ инымъ отъ руки иродовой, какъ молитвою о немъ цѣлой церкви (вслѣдствіе которой и посланъ былъ къ Петру ангелъ-освободитель). Поликарпъ безъ сомнѣнія зналъ это очень хорошо, но думалъ, кромѣ того, что если молитва цѣлаго общества выше молитвы отдѣльнаго человѣка, то и воля цѣлаго общества (тѣхъ монастырскихъ братствъ, которыя звали его къ себѣ) выше воли отдѣльнаго человѣка (хотя бы и архимандрита). Противъ недостатка мира въ душѣ Поликарпа Симонъ вооружается примѣрами Давида и самого Христа. Наконецъ Симонъ обвиняетъ Поликарпа въ томъ, что онъ ходитъ изъ кельи въ келью и мутитъ братію, толкуя неполезное объ игуменѣ и экономѣ (что они напрасно думаютъ, будто бы можно спастись только въ печерской обители). Вотъ Симонъ и старается всѣми силами доказать Поликарпу, что если не только въ печерскомъ монастырѣ, то всетаки преимущественно въ немъ и можно спастись. Превознося этотъ монастырь, Симонъ начинаетъ высчитывать, сколькихъ епископовъ далъ онъ русской землѣ... Но, могъ бы возразить ему Поликарпъ, отчего же и мнѣ не быть въ числѣ вышедшихъ изъ него епископовъ, подобно другимъ, подобно наконецъ тебѣ,— вѣдь не остался же ты навсегда въ услуженіи у игумна печерскаго.... На это у Симона: уже готовъ отвѣтъ, «кто не знаетъ, говоритъ онъ, красоты соборной владимірской церкви и другой суздальской, которую я самъ построилъ? сколько у нихъ городовъ и селъ? и десятину собираютъ со всей земли той. И всѣмъ тѣмъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ говорю тебѣ: всю эту славу и власть сочелъ бы я за навозъ; если бы только пришлось мнѣ торчать хворостиною за воротами печерскаго монастыря, или валяться соромъ, чтобы быть попираему людьми» [1]. И Поликарпъ повѣрилъ ему, остался въ обители, а изъ посланія его къ господину своему Анкидину, писанному послѣ всего этого, видно уже совершенно мирное настроеніе духа. Успѣхъ новыхъ понятій шелъ у насъ быстро. Если сравнить посланіе Симона съ жизнію и сочиненіями Ѳеодосія, то въ первомъ обнаружится такой же успѣхъ противъ втораго, какой видѣли мы въ изводѣ даніилова слова XIII в. въ сравненіи съ изводомъ XII в. И замѣчательно, что успѣхъ этотъ съ особенною силою выразился въ епископѣ Владимірскомъ,— въ епископѣ края, къ которому относилась и извѣстная намъ уже дѣятельность Боголюбскаго.

---

[1] Привожу это мѣсто въ переводѣ преосв. Филар Черниговскаго (Обзоръ русской духовной литературы, стр. 42).

Уже упоминая объ епископахъ, вышедшихъ изъ печерской обители, Симонъ указалъ между ними на нѣкоторыхъ святыхъ, напримѣръ на Леонтія, просвѣтителя ростовскаго, котораго невѣрные, много мучивши, убили: «это былъ, говоритъ Симонъ, третій гражданинъ неба изъ Русскихъ, получившій вѣнецъ отъ Христа вмѣстѣ съ тѣми двумя варягами» (пострадавшими при Владимірѣ) [1]. Чтобы еще сильнѣе подѣйствовать на Поликарпа примѣрами, Симонъ заключаетъ свое посланіе рядомъ пространныхъ жизнеописаній, въ которыхъ дѣйствительно много высокаго. Самъ онъ говоритъ, что о нѣкоторыхъ святыхъ свидѣтельствуетъ какъ очевидецъ, о другихъ — по разсказамъ очевидцевъ-монаховъ, о третьихъ, по преданіямъ, сохранявшимся въ монастырѣ Печерскомъ; наконецъ неоднократно ссылается на рукописное житіе св. Антонія, которое до насъ не дошло (Кубарева о Патерикѣ въ Чт. М. О. И. 1847 г., № 9, стр. 12—16). Тутъ разсказывается какъ инокъ Евстратій, раздавшій все свое имѣніе нищимъ, былъ вмѣстѣ съ другими 30-ю иноками и 20-ю свѣтскими соотечественниками взятъ въ плѣнъ Половцами, какъ Половцы продали ихъ одному еврею, какъ этотъ еврей распялъ Евстратія на крестѣ въ самый день Пасхи и какъ, вися на крестѣ, св. Евстратій радостно пѣлъ торжественный пасхальный псаломъ: «сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь», какъ наконецъ его терпѣніе поразило и обратило ко Христу многихъ Евреевъ. Далѣе разсказывается, какъ другой инокъ печерскій, Никонъ, вынося тяжкія муки въ плѣну у Половцевъ, обратилъ къ истинной вѣрѣ того, кто его терзалъ. Въ примѣръ такой же твердости въ вѣрѣ приводится далѣе св. Кукша, пострадавшій у Вятичей. Князь Николай Святоша служитъ примѣромъ предпочтенія монастырскаго житія свѣтской власти, Аѳанасій примѣромъ 12-тилѣтняго затворничества, Эразмъ и Арефа примѣромъ отреченія отъ богатствъ, которое въ послѣднемъ произошло только послѣ того, какъ воры украли у него все имѣніе. Наконецъ въ примѣръ милосердія и готовности прощать приводится пресвитеръ Титъ, который рѣшился просить прощенія у дьякона Евагрія, тогда какъ послѣдній и слышать не хотѣлъ о примиреніи. «Этотъ образецъ кротости, справедливо замѣчаетъ Шевыревъ, былъ поучителенъ для времени, когда вражда составляла главное несчастіе русской земли» [2] (т. е. вражда князей, междоусобія).

Въ посланіи къ Поликарпу находится сказаніе о построеніи кіевопечерской церкви (христ. 358—359), сопровождавшемся предсказаніями и

[1]) Христ., стр. 358.

[2]) Часть II, стр. 136. См. также ч. III Лекцій Шевырева, стр. 8 и 9, и 3 т. исторіи Р. Церкви преосв. Макарія, гдѣ житія эти, сколько мнѣ помнится, разсказаны еще подробнѣе.

чудесами. У Африкана, варяжскаго князя (онъ былъ братъ слѣпаго Якуна, который бился съ Ярославомъ противъ Мстислава). — у Африкана было два сына, Фріандъ и Шимонъ, которые послѣ смерти отца были изгнаны изъ родной области дядей Якуномъ. Шимонъ отправился въ русскую землю и предложилъ свои услуги князю Ярославу, который переслалъ его къ сыну своему Всеволоду; у Всеволода же Шимонъ «принялъ большую власть», т. е. сталъ оказывать сильное вліяніе на Всеволода. Когда, при В. К. Изяславѣ, Половцы напали на русскую землю, то Ярославичи выступили противъ нихъ; Всеволодъ повелъ съ собою и Шимона. Они отправились за благословеніемъ къ Антонію печерскому, онъ предсказалъ имъ вообще неудачу, но Шимону обѣщалъ, что онъ спасется и будетъ впослѣдствіи похороненъ въ церкви, «которой, какъ говорилъ Антоній, предстоитъ здѣсь создаться». Когда же, согласно съ предсказаніемъ, Русскіе были разбиты Половцами на Альтѣ, Шимонъ лежалъ посреди другихъ раненныхъ, и вдругъ представилось ему видѣніе — превеликая церковь посреди неба. Онъ сталъ молиться, — тутъ нѣкая сила избавила его отъ ранъ. Вернувшись въ Кіевъ, онъ передалъ все Антонію.— Далѣе оказывается, что Шимонъ видалъ эту же самую церковь и прежде, когда плылъ по морю въ русскую землю, что оставляя родину, онъ снялъ золотой поясъ и вѣнецъ съ распятія, принадлежавшаго его отцу, при чемъ слышалъ голосъ отъ распятія: «не возлагай ихъ на себя, но неси на уготованное мѣсто, гдѣ созиждется церковь моей матери». Тутъ происходитъ нѣчто подобное тому, что̀ видѣли мы въ преданіи объ Антоніи Римлянинѣ: и тутъ, и тамъ священныя сокровища, находившіяся у католиковъ (Шимонъ прямо говоритъ, что распятіе, съ котораго снялъ онъ вѣнецъ и поясъ, было такое, какъ чтутъ Латины) [1], по высшей волѣ должны быть перенесены къ православнымъ. Не слѣдуетъ удивляться, что въ сказаніи о Шимонѣ это перенесеніе соединяется, можно сказать, съ татьбою: у многихъ народовъ существуютъ такія преданія, изъ которыхъ видно, что похитить для своего края какую-нибудь святыню вовсе не считалось дурнымъ. Это былъ простодушный эгоизмъ грубаго религіознаго чувства. Въ этомъ отношеніи на западѣ заходили далѣе: то, что̀ было бы несправедливымъ въ отношеніи къ христіанину, считалось вполнѣ позволительнымъ въ отношеніи къ язычникамъ. Такъ въ западномъ сказаніи св. Вильгельмъ отнимаетъ жену у одного язычника, — и онъ совершенно правъ, потому что при этомъ окрестилъ ее; фанатическое воображеніе считало его до такой степени правымъ, что представляло самого Бога помогающимъ Вильгельму въ той войнѣ, которую пришлось ему вести за украденную, но зато черезъ крещеніе какъ

---

[1]) Лекціи Шевырева, ч. II, стр. 138 и 139.

бы подаренную Богу жену. Не смотря на то, что изъ-за своей покражи Вильгельмъ пролилъ цѣлые токи крови подвластныхъ ему людей, не смотря на то, что особенная пылкость характера Вильгельма подвергла однажды сестру его опасности лишиться половины своихъ волосъ, Вильгельмъ признавался на западѣ святымъ [1]). У нашего народа было такъ много здраваго смысла, что до такой степени благочестивой безнравственности онъ не доходилъ.

Далѣе въ сказаніи Симона слѣдуетъ еще цѣлый рядъ чудесъ, приводящихъ наконецъ къ построенію храма Богоматери. Изъ чудесъ этихъ замѣчательно одно — именно тѣмъ, что соединено съ кореннымъ народнымъ обычаемъ. Въ Кіевѣ жили два друга, Іоаннъ и Сергій; пришедъ въ церковь Богоматери, тогда еще не освященную, они передъ иконою заключили союзъ названнаго или крестоваго братства. У Іоанна былъ сынъ Захарія, часть имѣнія котораго (въ сто гривенъ золота и тысячу серебра) онъ отдалъ на сохраненіе Сергію; остальное же имѣніе свое роздалъ бѣднымъ, и вскорѣ потомъ умеръ. Сынъ, когда ему минуло 15 лѣтъ, захотѣлъ получить свою часть, но Сергій отрекался отдать ее. Напрасно Захарія просилъ у него хоть половины, хоть трети, наконецъ хоть десятой части. Тогда онъ призвалъ Сергія въ ту самую церковь, гдѣ Сергій сочетался крестовымъ братствомъ съ покойнымъ отцомъ его, и требовалъ клятвы, что онъ дѣйствительно не получалъ денегъ. Сергій поклялся, но когда надобно было приложиться къ иконѣ, не могъ подойти къ ней. Выходя же изъ дверей церкви, онъ началъ кричать: о святые Антоній и Ѳеодосій! не велите меня погубить этому немилостивому ангелу (т. е. дьяволу, котораго почувствовалъ онъ въ себѣ). Но помолитесь святой богородицѣ, чтобы отогнала отъ меня множество бѣсовъ, которымъ я преданъ. Возьмите же золото и серебро, запечатанное въ моей комнатѣ». Когда распечатали сосудъ, въ которомъ спрятаны были деньги, то вмѣсто ста гривенъ золота нашли двѣсти, а вмѣсто тысячи гривенъ серебра — двѣ тысячи: до такой степени умножилъ эти деньги Господь. Захарія же отдалъ ихъ игумену, а самъ постригся [2]).

Въ дополненіе къ печерскимъ сказаніямъ, переданнымъ Симономъ, Поликарпъ въ свою очередь описалъ жизнь другихъ подвижниковъ печерскихъ, о которыхъ пришлось ему слышать отъ Симона (Кубарева, стр. 12). Онъ сдѣлалъ это около 1234 г. [3]) въ посланіи къ архимандриту сво-

---

[1]) Это преданіе нашло въ Германіи и литературную обработку. См. оцѣнку его въ книгѣ Голланда—Geschichte der altdeutschen Dichtkunst in Baiern, 1862, стр. 329—338.

[2]) Шевырева лекція 8-я, примѣч. 4-ое (II ч., 177—179). Отрывокъ въ христомат. 359—360.

[3]) Шевырева ч. III, стр. 10 и 11-я. По соображенію И. И. Срезневскаго, послѣ 1235 г.

ему Анкидину, которому говорить тутъ: «ты нѣкогда взывалъ ко мнѣ, веля мнѣ сказать о совершонномъ этими черноризцами; потому-то я грѣшный Поликарпъ, работая твоей волѣ, державный Анкидинъ, и напишу и т. д.» Изъ этихъ словъ видно, что Поликарпъ окончательно покорялся своему господину. Повѣствуя объ инокѣ Григоріѣ, онъ упоминаетъ о причинѣ гибели того князя Ростислава, о которомъ говорится въ «словѣ о полку Игоревѣ,» что онъ потонулъ въ рѣкѣ Стугнѣ: отроки этого князя оскорбили Григорія, и онъ предсказалъ имъ вмѣстѣ съ княземъ гибель отъ воды, за что̀ и самъ брошѐнъ былъ въ воду по приказанію Ростислава; но предсказаніе мученика все-таки сбылось, на что̀ обращено вниманіе и въ лѣтописи. Подобное же этому происшествіе разсказываетъ Паликарпъ въ житіи Ѳеодора и Василія: князь Мстиславъ Святополковичъ выпытывалъ у нихъ, гдѣ сокровище, скрытое Ѳеодоромъ [1], а когда они не хотѣли сказать, пустилъ стрѣлу и попалъ въ Василія, который, умирая, предсказалъ князю такую же смерть — что̀ и сбылось впослѣдствіи.

Симонъ въ своихъ житіяхъ передавалъ частію сказанія устныя, хранившіяся въ печерской обители, частію то, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Поликарпъ пользовался устными сказаніями Симона, и тѣми упоминовеніями о святыхъ, которыя находятся въ несторовой части лѣтописи; однажды онъ ссылается даже на польскія лѣтописи. Труды Симона и Поликарпа, вмѣстѣ взятые и дополненные сказаніями Нестора, послужили впослѣдствіи основаніемъ книгъ печерскихъ житій или печерскому Патерику [2]).

Кромѣ русскихъ житій, въ ходу были и переводныя. Изъ числа ихъ особенно часто списывалось одно, найденное недавно даже въ рукописи начала XIII в. (а м. б. и конца XII) — это повѣсть о Нифонтѣ константиноградскомъ [3]) нѣкоторыми своими частями оказавшая вліяніе и на народъ. Послѣ безпорядочной молодости Нифонтъ обращается къ Богу, но бѣсы продолжа́ютъ его смущать. Замѣчательно, что когда одному бѣсу не понравились самоистязанія Нифонта, то блаженный опровергъ его доводы тѣмъ, что каждый господинъ имѣетъ же право бить своего раба, а плоть есть его рабъ [4]). Но повѣсть о Нифонтѣ не могла

---

[1]) Черта сребролюбія—чисто варяжская (см. выше стр. 267—8).

[2]) Самое названіе „Патерикъ" встрѣча тся уже у Симона въ посланіи къ Поликарпу (Изв. А. Н., X, ш, 176) и у Поликарпа въ житіи Марка Затворника (см. Кубарева о Патерикѣ Печерскомъ въ Чт. М. О. И. и др. 1847, № 9, стр. 1. Таже статья въ менѣе исправномъ видѣ въ Ж. М. Н. Пр. за октябрь 1838 г.).

[3]) См. о ней статью Д. В. Полѣнова въ Изв. А. Н. X, IV, 374—387.

[4]) Н. И. Костомарова, Мистическая повѣсть о Нифонтѣ (Истор. Монографіи, I, 297).

бы оказывать вліянія на народъ, если бы въ ней заключались только такія чисто-византійскія и несочувственныя народу черты. Въ ней попадаются и другія — даже очень близкія къ духу народныхъ сказаній: о томъ, напримѣръ, какъ въ образѣ нищаго является самъ Христосъ (см. объ издавности этого направленія въ народной поэзіи выше на стр. 176 и 177; въ повѣсть о Нифонтѣ такія сказанія должны были перейти изъ устныхъ восточныхъ источниковъ). Съ другой стороны видѣнія Нифонта, касающіяся состоянія душъ послѣ смерти, вмѣстѣ съ другими повѣствованіями о мытарствахъ, отразились въ стихахъ народныхъ о прощаніи души съ тѣломъ и о страшномъ судѣ (въ повѣсти о Нифонтѣ это глава о смерти) Замѣчательно въ повѣсти обозначеніе всякихъ пиршествъ и увеселеній заглавіемъ главы—русалія—очевидный намекъ на нашъ отечественный языческій праздникъ. Одно мѣсто въ повѣсти, гдѣ Нифонтъ не уступаетъ старанію бѣсовъ навести на него зѣвоту, какъ бы находится въ связи съ народнымъ повѣріемъ, будто бы во время зѣвоты бѣсъ садится человѣку на губу и дѣлаетъ ему пакость (отчего благочестивые люди, зѣвая, и перекрещиваютъ себѣ ротъ). Въ позднѣйшее же время, какъ мы увидимъ, иное изъ повѣсти Нифонта пустило корни у старобрядцевъ [1]).

Современникомъ Поликарпа былъ философъ велій, учителенъ зѣло и и хытръ (искусенъ) ученію божественныхъ книгъ», «разумивъ божественному писанію», какъ говорится о немъ въ лѣтописи,—Кириллъ I митрополитъ (1224—1233). Родомъ грекъ, онъ принималъ однакоже живое участіе въ судьбѣ Руси, часто посѣщалъ свою обширную паству и нерѣдко примирялъ ссорившихся между собой князей [2]). Въ одной рукописи XIII в., именно «Золотой Цѣпи» (одно изъ тѣхъ многихъ заглавій, которыя давались у насъ сборникамъ поученій) находится «Поученіе крестьяномъ» (т. е. христіанамъ), въ которомъ видна пастырская заботливость объ умиротвореніи Руси отъ междуусобій. Слово это, хотя и не надписано ничьимъ именемъ, можетъ съ нѣкоторою достовѣрностью быть приписано митрополиту Кириллу [3]). Поученіе это вѣроятно было разо-

---

[1]) Костомарова, тамъ же, 318, 323.

[2]) Преосв. Филарета Черниговскаго, Обзоръ духовн. литер. стр. 46 и 47.

[3]) Такъ полагаетъ преосв. Филаретъ Черниговскій. Часть «поученія крестьяномъ» встрѣчается въ рукописяхъ съ именемъ Матѳея, епископа Зарайскаго, учившаго въ XIV в. Преосв. Макарій, напечатавъ поученіе, приписываемое Матѳею, во 2-й книжкѣ „Духовнаго Вѣстника» 1862 г., въ третьей книжкѣ того же журнала старается опровергнуть мнѣніе преосв. Филарета, что поученіе «Золотой Цѣпи» принадлежитъ Кириллу митрополиту (стр. 288—290). Мнѣ кажется, что еслибы оно и не принадлежало Кириллу, все-же оно должно относиться къ удѣльному времени, потому что носитъ на себѣ ясный его отпечатокъ, а никакъ не къ XIV в., такъ какъ въ немъ нѣтъ и малѣйшаго намека на татарщину. Въ слово, приписываемое Матѳею Зарайскому, часть

слано въ видѣ посланія: оно обнимало въ себѣ слишкомъ много различныхъ предметовъ, для того чтобы могло быть назначаемо для произнесенія въ церкви [1]). Особенно замѣчательны тѣ мѣста, гдѣ пастырь говоритъ о вѣрности и о миролюбіи. Ему бы хотѣлось, чтобы всѣ были вѣрны князю земли своей, а не передавались на сторону чужаго князя, не становились такимъ образомъ Іудами. Онъ бы хотѣлъ, чтобы и друзья покорялись, т. е. дѣлали взаимно уступки другъ другу. Что тутъ вовсе не имѣется въ виду подобострастія, видно изъ того, что пастырь завѣщаетъ покоряться всякимъ друзьямъ, и малымъ. Совѣтуетъ онъ также хранить тайну другъ друга: «ибо многіе, замѣчаетъ онъ, имѣя великую дружбу (вѣроятно великое множество друзей), когда ихъ начинаютъ заклинать (упрашивать) и начинаютъ къ нимъ ласкаться, разбалтываютъ всѣмъ людямъ, и потомъ много терпятъ отъ этого, и едва могутъ избавиться отъ причиненнаго зла, и много каются, а послѣ попадаютъ во вражду и съ тѣмъ, отъ котораго слышали тайну, и съ тѣмъ, которому сказали ее—съ обоими. А отъ тѣхъ (вѣроятно опять отъ обоихъ) срамъ... Рѣдко увидишь нынче, чтобы друзья были между собою какъ Давидъ и Наѳанъ; «да, немного такой дружбы нынче!»—Эти слова такимъ же образомъ вырвались у пастыря церкви среди разгара междуусобій, какъ при самомъ началѣ ихъ у Нестора, повѣствующаго о Борисѣ и Глѣбѣ, вырвались изъ сердца слова: «какъ прекрасно, какъ славно, когда братья вмѣстѣ!»—слова, повторенныя, какъ мы видѣли, Мономахомъ.—Но какъ ни старался Кириллъ противодѣйствовать тому злу, какое наносили Руси междуусобія, онъ могъ только на время залечивать раны, а не могъ истребить самаго корня зла. Можно почти сказать, что онъ поддерживалъ его своими совѣтами. «Пріяйте ему (т. е. показывайте пріязнь; ему — князю земли вашей), говоритъ Кириллъ, головою своею и мечомъ своимъ;» стало быть, онъ заповѣдывалъ потворство междуусобнымъ распрямъ, которыя прекратились бы сами собою, если бы не находились всегда готовые къ услугамъ мечи.

Особый отдѣлъ въ поученіи крестьяномъ занимаютъ наставленія, касающіяся обращенія съ челядью, т. е. съ прислугой. «Если не будете, говоритъ пастырь, кормить и обувать слугъ, и холопа твоего (опять это слово, уже попадавшееся намъ въ изводѣ Даніила Заточника XIII вѣка) убьютъ за кражей, или же рабу твою, то за кровь ихъ тебѣ отвѣчать (потому что до кражи ихъ доводишь ты своею скупостью къ нимъ).» Далѣе же предписывается кормить челядь не только хлѣбомъ, но и ученіемъ,

---

поученія изъ „Златой Цѣпи“ могла быть вставлена, да и самое имя Матѳея могло явиться по какому нибудь недоразумѣнію писца; по крайней мѣрѣ въ другихъ частяхъ поученія, приписываемаго Матѳею, нѣтъ ничего, намекающаго на татарскую эпоху.

[1]) Въ христоматіи приведены только отрывки. (Стр. 360—362).

учить же не только ласкою, но и грозою (розгою). Розга представляется тутъ также благодѣяніемъ, которое, конечно, не должно сопровождаться излишнею щедростью; пастырь опредѣляетъ, до чего можетъ доходить она: «если рабъ или рабыня непослушны, то можно заблаговременно (т. е. не давая развиться непослушанію) дать имъ до 6, даже до двѣнадцати ударовъ; если вина велика, то и до 20;» если же «вельми велика,» «то и до 30, но уже никакъ не больше.» Во всемъ этомъ не слѣдуетъ видѣть особенной жестокости собственно къ рабамъ. Умѣряя число ударовъ, пастырь даже дѣйствовалъ человѣколюбиво; не запретилъ же онъ и вовсе бить рабовъ—потому что въ то время, и даже много вѣковъ послѣ того, это считалось отеческимъ наставленіемъ. Родители точно также должны были, если дѣйствительно любили своихъ дѣтей, дѣлать имъ отеческія внушенія розгою. Такъ было и на западѣ. Есть много нѣмецкихъ древнихъ пѣсень, въ которыхъ души, мучащіяся въ адскомъ огнѣ, проклинаютъ своихъ родителей за то именно, что они не гоняли ихъ въ церковь розгою. А одна изъ такихъ душъ, являясь своимъ родителямъ, сама грозится на нихъ розгою именно за то, что они не употребляли въ обращеніи съ нею этого отеческаго орудія [1]).

Подобно только что разобранному поученію, у насъ есть множество другихъ, въ которыхъ не обозначено ни имя автора, ни время написанія. И это опять потому, что писавшій вовсе не старался отличить себя отъ всѣхъ прочихъ, да и чувствовалъ, что на самомъ дѣлѣ немногимъ отъ нихъ отличается: въ обществѣ нашемъ господствовалъ еще общій уровень; только очень немногіе даровитѣйшіе выдѣлялись изъ него своими особенностями, но и тѣ не заботились о сохраненіи своего имени (такъ не заботился объ этомъ и вполнѣ самобытный, многимъ отличавшійся отъ другихъ, авторъ слова «о полку Игоревѣ,» или, можетъ быть, самъ онъ и обозначилъ свое имя на рукописи, но переписчикъ не нашелъ нужнымъ его сохранить). Еще не было понятія объ авторствѣ; употреблялось слово писать, а оно означало и сочинять и списывать. Да и на самомъ дѣлѣ сочинители обращались въ списывателей, потому что цѣликомъ вставляли въ свои сочиненія мѣста, взятыя у другихъ, не находя нужнымъ указывать, откуда взяли они то или другое, ибо мысль каждаго считалась общимъ достояніемъ всѣхъ; съ другой стороны списыватели на время обращались въ сочинителей, когда вставляли цѣлыя мѣста отъ себя. Точно также переведенное передѣлывалось, такъ сказать, перекладывалось на наши нравы, и принималось за наше, а наше собственное, какъ мы уже видѣли, изъ благочестиваго желанія вполнѣ совпадать мыслію съ отцами восточной церкви, приписыва-

---

[1]) Mittler, Deutsche Volkslieder, стр. 375—380, 387 и 388.

лось имъ, распространялось подъ ихъ именами [1]). Времени не обозначали, или рѣдко обозначали его, потому что какъ современники мало отличались другъ отъ друга, такъ и годы, десятилѣтія, даже цѣлые вѣка мало разнились между собою. Одни и тѣже произведенія списывались у насъ впродолженіи многихъ вѣковъ, конечно съ пополненіями, въ которыхъ всегда хоть сколько нибудь выражались особенности времени, потому что совершенной неизмѣняемости, совершенной неподвижности, какъ не разъ было сказано, въ жизни нѣтъ; но основа все-таки оставалась постоянно одна и таже. Вотъ почему только при помощи затруднительныхъ изысканій можно опредѣлить время многихъ произведеній нашей древней литературы. Къ числу такихъ, время которыхъ до сихъ поръ еще не удалось опредѣлить съ точностію, относится цѣлый рядъ поученій противъ остатковъ язычества. Къ нимъ принадлежитъ и «слово нѣкоего христолюбца-ревнителя по правой вѣрѣ,» находящееся въ одной объемистой рукописи XIV в. Надо полагать, что слово это было написано гораздо ранѣе, потому что указываетъ на слишкомъ явные остатки языческихъ обрядовъ и вѣрованій и на склонность къ нимъ не только, какъ говорится въ словѣ, невѣжъ, но и вѣжъ, т. е. знающихъ,—поповъ и книжниковъ. Впрочемъ яркіе слѣды язычества не только у насъ, но и на западѣ сохранялись очень долго и не совсѣмъ исчезли даже и въ наше время. «Слово христолюбца» и другія подобныя ему составляютъ подражаніе греческимъ поученіямъ этого рода, изъ которыхъ были у насъ особенно распространены два: Григорія Богослова и Іоанна Златоуста (въ нашихъ поученіяхъ вмѣсто греческихъ божествъ и обрядовъ языческихъ—наши собственные) [2]). «Слово христолюбца» въ началѣ можетъ скорѣе быть принято за «слово о христолюбцѣ,» потому что объ немъ говорится въ третьемъ лицѣ: какъ Илья пророкъ, заклавшій триста жрецовъ идольскихъ, сказалъ: ревнуя поревновалъ я по Господѣ Вседержителѣ; такъ и этотъ (т. е. христолюбецъ) не могъ терпѣть христіанъ, живущихъ двоевѣрно (т. е. на половину еще язычески) и христіанъ, которые вѣруютъ въ Перуна, и въ Хорса и т. д. (вычисляются другіе боги) и въ вилъ (миѳическія существа, на серединѣ между богами и людьми), которыхъ 27 сестеръ, какъ говорятъ невѣгласы (невѣжды) и зовутъ

---

[1]) М. И. Сухомлинова, о псевдонимахъ въ древней русской литературѣ (Историч. Чтенія о Яз. и Слов. въ зас. II отд. А. Н. 1854—1855, стр. 159—220.)

[2]) Въ древнихъ нашихъ сборникахъ есть многія сочиненія этого рода, которыя и выдаются за григоріевы и златоустовы: тутъ упоминаются божества греческія, но къ нимъ всетаки присоединяется и Магометъ, и божества славянскія. Нѣсколько такихъ поученій помѣщено г. Тихонравовымъ въ концѣ IV тома Лѣтописей русской литературы. Тутъ помѣщенъ и новый варьянтъ «слова христолюбца,» а равно и греческій текстъ слова Григорія Богослова.

ихъ богинями, и т. д. — описываются обряды языческіе. Въ другомъ спискѣ того же слова ему предшествуетъ пояснительное предисловіе: «Изложено это отъ многословесныхъ книгъ нѣкимъ христолюбцемъ, ревнителемъ по правой вѣрѣ, на разрушеніе лести непріязненной, и т. д., послушающимъ же этихъ книгъ и на дѣлѣ творящимъ повелѣнное (т. е. въ нихъ) къ оставленію грѣховъ,» [1]) а затѣмъ уже начинается сравненіе христолюбца съ Ильею. Особенно нападаетъ христолюбецъ на священниковъ за то, что они терпятъ и допускаютъ соблазнъ: «если не хотите, говоритъ онъ, учить ихъ, то по крайней мѣрѣ сами не примѣшивайтесь къ нимъ... не гибнуть же праведнику изъ-за беззаконника.» Онъ приводитъ свидѣтельство изъ ветхаго завѣта: «люди сѣли, чтобы ѣсть и пить и незаконнымъ образомъ (т. е. не въ мѣру), а до упоя стали пьяны, и принялись за игры — въ тотъ день погибло ихъ 620 за неистовое ихъ пьянство.» Далѣе нападаетъ онъ на игры, на пляску, музыку, пѣсни,— впрочемъ собственно потому, что со всѣмъ этимъ соединялись остатки язычества. Потомъ христолюбецъ съ ужасомъ замѣчаетъ, что и въ нѣкія чистыя молитвы вмѣшивается проклятое моленіе идольское, а сверхъ кутьи, законнаго, т. е. церковью установленнаго обѣда (пищи) ставятъ нѣкоторыя другія трапезы (кушанья), назначаемыя Роду и рожаницамъ (языческимъ божествамъ) и прогнѣвляющія Бога,» — т. е. онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ самыя молитвы, въ самые обряды христіанскіе вкрались и съ ними слились многіе остатки язычества. «Но нельзя, говоритъ христолюбецъ, служить двумъ господамъ...», — «не велю я вамъ быть сообщниками бѣсовъ, и не можете вы (т. е. въ такомъ случаѣ) причащаться трапезы господней... Если же кто-нибудь скажетъ вамъ: это требное, (т. е. остатокъ того, что̀ было принесено въ жертву идоламъ, пища, священная для язычниковъ) не ядите того (т. е. не ядите въ честь идоламъ), но что̀ бы вы ни пили, что̀ бы вы ни ѣли, все творите въ славу Божію» [2]). Существованіе у насъ цѣлаго ряда подобныхъ поученій опять не должно считаться доказательствомъ собственно намъ принадлежащаго двоевѣрія, т. е. далеко не полнаго и не внутренняго торжества у насъ христіанства: множество точно такихъ же жалобъ на остатки язычества и на смѣшеніе языческаго съ христіанскимъ встрѣчаемъ мы и на западѣ [3]).

---

[1]) Лѣт. Р. Литер., т. IV, отдѣлъ смѣси, стр. 92.

[2]) Пр. Филаретъ Черниговскій приписываетъ слово Христолюбца еще Ѳеодосію Печерскому, полагая, что оно написано имъ для монастырскихъ селъ (Русскіе Святые, Май, 49, 59.) Но на это нѣтъ у него достаточныхъ доказательствъ.

[3]) Свидѣтельства объ этомъ въ большомъ количествѣ приведены въ приложеніяхъ къ «Германской миѳологіи» Я. Гримма, которая и вообще служитъ подтвержденіемъ сходства въ отношеніи къ двоевѣрію между нами и западомъ.

Въ одной изъ рукописей XIII вѣка, заключающей въ себѣ обиходъ церковный, находится замѣчательный «завѣтъ молодымъ монахамъ.» — Кромѣ обычныхъ аскетическихъ наставленій, въ немъ совѣтуется: «съ мірскими не разговаривай, особенно съ молодыми и дѣтьми, — не сиди съ ними и не стой.» — Вотъ въ какія отношенія монашество становилось къ тѣмъ, про кого говорилъ Спаситель: «иже пріиметъ отроча во имя мое, мене пріиметъ.»—Но аскетизмъ идетъ въ «завѣтѣ монахамъ» и еще далѣе: «не берись и учить дѣтей грамотѣ.» [1]). Такимъ образомъ и отъ самаго святаго дѣла просвѣщенья народнаго должны были отказываться наши иноки—чтобы только уберечь себя отъ противуестественнаго искушенія! Подъ бременами неудобоносимыми зачахла вся сила воли, и развращенье въ конецъ самыхъ помысловъ стало приводить къ малодушному отреченью отъ всякой общественной дѣятельности! —

Ко времени до-татарскому наконецъ относится поученье Зарубскаго черноризца Георгія [2]), не представляющее впрочемъ ничего, особенно выдающагося изъ ряда обычныхъ монашескихъ поученій.

Къ числу произведеній, которыя постоянно переписывались, пополнялись и продолжались, по большей части также безъ указанія именъ трудившихся, принадлежатъ у насъ лѣтописи. Мы видѣли, какъ было положено начало этому важному отдѣлу литературы. Первоначальная лѣтопись, повѣствовавшая о событіяхъ въ цѣлой Руси, была доведена до 1110 г. Далѣе, съ окончательнымъ раздробленіемъ Руси, и общая лѣтопись раздробилась на нѣсколько мѣстныхъ, повѣствовавшихъ собственно о событіяхъ своего края. Общая не забывалась,— ее продолжали списывать, но къ ней, въ видѣ приложенія, присоединялись отдѣльныя лѣтописи. Такимъ продолженіемъ ея является во-первыхъ кіевская, идущая до 1220 г. Въ нее, исключительно посвященную кіевскому краю, былъ какимъ-то образомъ вставленъ разсказъ о событіи въ сѣверномъ, суздальскомъ краѣ, разсказъ, невяжущійся съ остальнымъ—объ убіеніи Андрея Боголюбскаго. Мы познакомились уже съ нимъ и видѣли, что онъ очевидно принадлежитъ лицу духовному; напротивъ того многія части кіевской лѣтописи, по характеру въ нихъ выражающемуся, должны быть приписаны людямъ свѣтскимъ (но въ разсказѣ о походѣ Игоря, находящемся въ той же лѣтописи, многое, какъ мы видѣли, указываетъ на духовное лице) [3]).

---

[1]) Русскіе Святые (Ф. А. Ч., Августъ, 18. Далѣе тамъ же другія подробности въ томъ же родѣ.

[2]) Напечатано И. И Срезневскимъ въ его Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ (Зап. Ак. Наукъ, VII, II, 161—165.)

[3]) Въ христоматіи лѣтопись кіевская названа ипатьевскою. Она дѣйствительно называется такъ по ипатьевскому списку ея. См. лекц. о Русской Исторіи г. Костомарова вып. 1, особенно стр. 25 и 26, 39—51.

Кромѣ кіевской, въ XIII в. существовали отдѣльныя лѣтописи: волынская, отличающаяся по преимуществу свѣтскимъ характеромъ, суздальская, ростовская, на которую въ своемъ посланіи къ Поликарпу ссылается Симонъ) 1). Наконецъ въ XIII в. велась и новгородская лѣтопись, такъ называемая первая; начало же лѣтописанію въ Новгородѣ положено было еще въ XI ст. (Изв. А. Н., X, 1, 17). Она замѣчательна между прочимъ и тѣмъ, что въ ней сохранилось имя списателя, пономаря Тимоѳея: онъ самъ записалъ его—не изъ авторскаго самолюбія, а даже безъ умысла—оно просто вылилось у него изъ души, когда, разсказавъ о погребеніи игумена Саввы, онъ прибавилъ: «а дай Богъ его святую мо литву всѣмъ христіанамъ, и мнѣ грѣшному Тимоѳею пономарю.» — Въ томъ же смыслѣ иногда и съ умысломъ обозначали у насъ свое имя, обозначали его, прося читающихъ помолиться за грѣшнаго списателя! [2]) Начало первой новгородской лѣтописи, повѣствующее еще объ общихъ событіяхъ Руси, чрезвычайно кратко — видно, что составитель пользовался скудными матерьялами. Только съ 1137 г. становится лѣтопись подробнѣе, повѣствуя уже о новгородскихъ событіяхъ.

Но исключительно ими не ограничилась лѣтопись. Въ нее вошла даже повѣсть о важномъ событіи, происшедшемъ въ началѣ XIII в. на югѣ отъ насъ — о взятіи Царяграда крестоносцами. Включеніе ея въ лѣтопись свидѣтельствуетъ о значительной образованности нашихъ предковъ: ихъ занимали не только ихъ собственныя, домашнія, но и иноземныя событія, и свѣдѣнія о томъ, что происходило на юго-западѣ, заходило даже на сѣверъ, въ отдаленный Новгородъ. Въ повѣсти о взятіи крестоносцами Царяграда излагаются такія событія, которыя вполнѣ выказали всю нравственную испорченность Царяграда; да и западные рыцари показали себя тутъ не съ выгодной стороны. Царь Алексѣй, ослѣпивъ брата своего Исаака и заточивъ его сына, также Алексѣя, рѣшается наконецъ допустить его къ отцу, взявъ съ обоихъ слово не домогаться царства. Но данное слово ничего не значитъ тамъ, гдѣ брату ни почемъ ослѣпить брата. Царевичъ Алексѣй пробирается къ Нѣмцамъ, ища

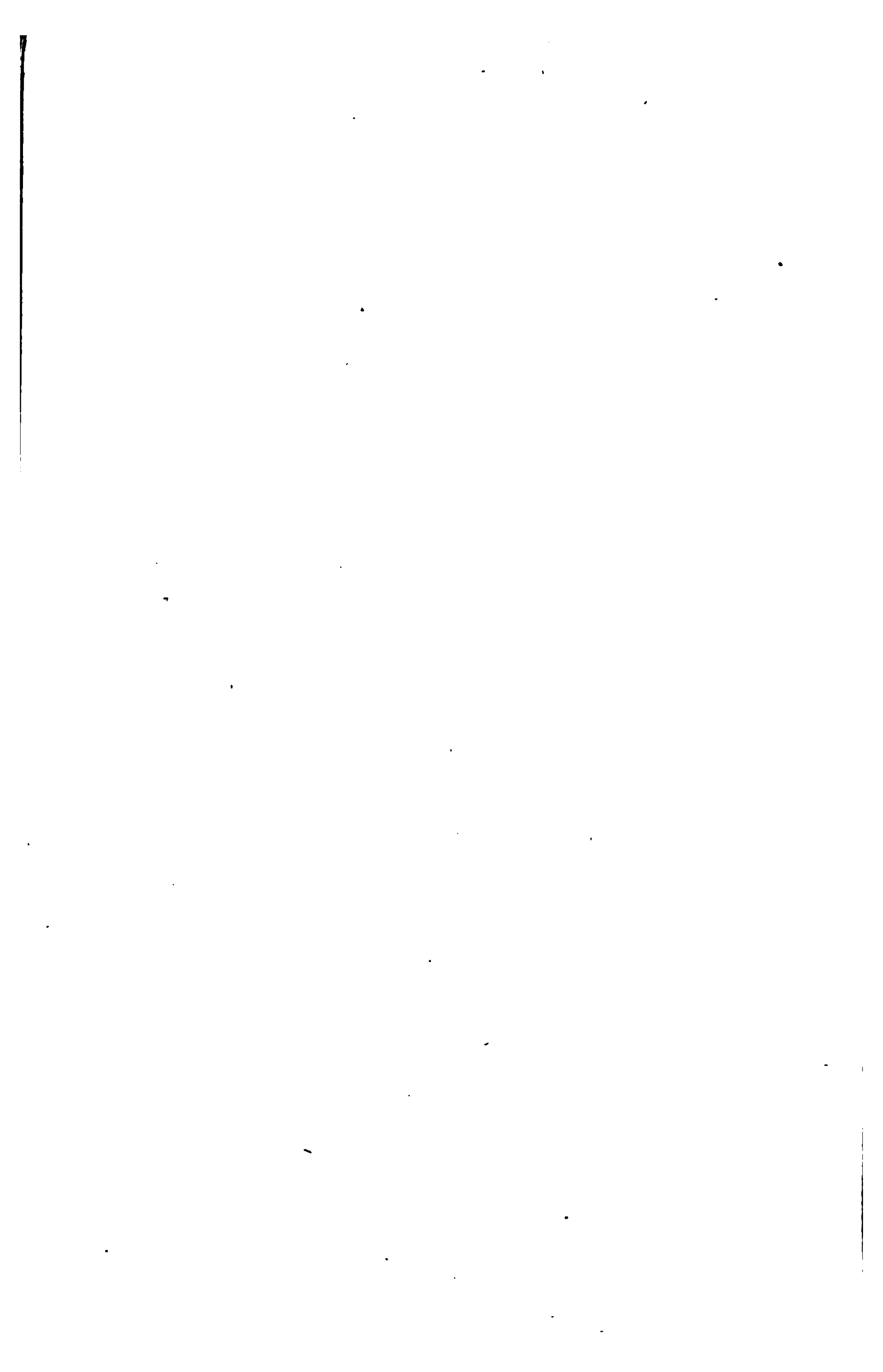
[1]) Стр. 358 Христоматіи. О лѣтописяхъ ср. въ Изв. А. Н., X, III, 166—170, 181, 190.

[2]) Обзоръ Русской духовной литературы, стр. 44 и 45. Г. Костомаровъ (стр. 59—67) вовсе не говоритъ о Тимоѳеѣ, какъ составителѣ лѣтописи, а упоминаетъ о томъ, что подъ 1144 лѣтописецъ называетъ себя попомъ, и приводитъ догадки ученыхъ о томъ, что попъ этотъ былъ Германъ Воята. Напротивъ преосв. Филаретъ ни слова не говоритъ объ этомъ попѣ. Впрочемъ, и попъ, и Тимоѳей не исключаютъ другъ друга: первый, т. е. попъ, могъ быть писателемъ одной части лѣтописи, второй, т. е. пономарь, составителемъ ея. И. И. Срезневскій указываетъ еще на попа Іоанна и замѣчаетъ, что какъ онъ, такъ и Тимоѳей, могли быть и простыми переписчиками. (Изв. А. Н., X, III, 187).

у нихъ помощи Папа и императоръ даютъ ему рыцарей, взявъ съ нихъ слово только посадить его на престолъ, а зла греческой землѣ не дѣлать. Они же, конечно съ согласія Алексѣя, пускаютъ огонь на Константинополь. Тогда императоръ Алексѣй, растерявшись, возвращаетъ престолъ ослѣпленному изъ-за этого же престола брату, и обращается въ бѣгство. Царевичъ Алексѣй преслѣдуетъ его, но и отца не оставляетъ онъ на престолѣ: «гдѣ тебѣ царствовать, ты слѣпъ,—а я царь.» Исааку остается только итти въ монастырь; но и Алексѣю не пользоваться тѣмъ, что̀ досталось ему цѣною крови народной: его свергаютъ съ престола, царемъ выбираютъ Николу воина. Алексѣй однако же продолжаетъ дѣйствовать при помощи рыцарей (Фряговъ); но его схватываютъ, а вѣнецъ возлагаютъ на Мюрчюфла. Этотъ Мюрчюфлъ былъ выпущенъ изъ темницы Исааковичемъ и далъ ему слово быть за него; теперь онъ выдаетъ Исааковича врагамъ его. Этого мало: когда Фряги требуютъ выдачи имъ Алексѣя, Мюрчюфлъ и бояре убиваютъ его. Тогда Фряги приступаютъ къ городу, наконецъ берутъ его и предаютъ грабежу. — Замѣчательно, что, повѣствуя о всѣхъ этихъ вѣроломствахъ, жестокостяхъ и мерзостяхъ всякаго рода, лѣтописецъ остается самъ въ сторонѣ, не высказываетъ своего взгляда; онъ сохраняетъ во все продолженіе повѣсти то же спокойствіе, какое видимъ мы въ древнѣйшемъ народномъ эпосѣ. Между тѣмъ намъ извѣстно, что, повѣствуя о происшествіяхъ въ своемъ отечествѣ, лѣтописцы обыкновенно не сохраняютъ спокойствія, и высказываются очень ясно и очень рѣзко. Что̀ же помѣшало выказать отвращеніе къ испорченности Византійцевъ; неужели лѣтописецъ не чувствовалъ ея, или боялся судить о тѣхъ, которые были во многихъ отношеніяхъ нашими учителями? Что у лѣтописца, къ чести его, не было этой чрезмѣрной осторожности, это доказывается тѣмъ, что точно такимъ же образомъ, передавая также очень непривлекательные поступки западныхъ рыцарей, онъ только подробно разрисовываетъ ихъ, но не даетъ воли негодованію. Онъ даже старается оправдать людей запада, когда замѣчаетъ о крестоносцахъ: «Не такъ приказалъ имъ царь нѣмецкій и папа римскій, — сами отъ себя они сдѣлали зло Цареграду.» Такое безпристрастіе, такая умѣренность въ судѣ надъ иноплеменными и иновѣрцами — черта замѣчательная, опять указывающая на нашу терпимость. Напротивъ о домашнихъ дѣлахъ, близкихъ лѣтописцу и дававшихъ возможность вполнѣ вѣрно судить объ нихъ, онъ отзывается по временамъ съ самымъ яркимъ негодованіемъ. Такимъ образомъ описываетъ онъ голодъ въ Новгородѣ, представляя его карою Божіею за грѣхи наши: «Богъ, видя наши беззаконія и братоненавидѣніе, и непокореніе другъ другу, и зависть, и ложную клятву крестомъ, котораго ангелы не въ состояніи видѣть, такъ что и многоочитые херувимы крылами отъ него закрываются, мы же тотъ самый крестъ въ рукахъ держимъ и скверными

устами цѣлуемъ: и за то Господь навелъ на насъ поганыхъ, и землю нашу опустошили,» и т. д.

Послѣдпія слова намекаютъ уже, надобно полагать, на общее бѣдствіе Руси — нашествіе Татаръ, и потому это мѣсто лѣтописи — описаніе голода, бывшаго въ 1239 г. — должно было быть написано уже позже, въ началѣ татарскаго ига. Мы дошли такимъ образомъ до этой печальной поры, надолго задержавшей развитіе Руси.



ДОПОЛНЕНІЯ.

При неразработанности предмета, которому посвящена первая половина этой книги, въ ней не могли не оказаться значительные пробѣлы. Многое дополняется мною теперь на основаніи прекрасной книги г. Аѳанасьева о «Поэтическихъ воззрѣніяхъ Славянъ на природу», вышедшей уже по отпечатаніи всей почти первой половины этого выпуска. Кое что̀ другое могло-бы быть своевременно внесено мною въ текстъ—но не внесено по недосмотру, или-же потому, что авторъ въ области народной словесности—человѣкъ еще новый. Сознаваясь самъ въ замѣченныхъ мною пробѣлахъ и поправляя ихъ, сколько возможно, въ этихъ дополненіяхъ, прошу другихъ печатно мнѣ указать на пробѣлы, мной незамѣченные. Если труду моему суждено продолжаться, то при каждомъ дальнѣйшемъ выпускѣ будутъ печататься новыя дополненія къ предшествующимъ выпускамъ.

Къ стр. 24. О перениманіи (копировкѣ) въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ того, что̀ считали происходящимъ на небѣ, неоднократно говоритъ г. Аѳанасьевъ въ своей книгѣ о «Поэтическихъ воззрѣніяхъ Славянъ на природу». «Когда наступала весна и приводила съ собою дождевыя тучи, предки наши привѣтствовали ихъ появленіе играми, символически означавшими борьбу стихій, и были убѣждены, что воинскими кликами и стукомъ оружія они пробуждаютъ бога-громовника на его творческій подвигъ»... (I, 258. Ср. тамъ-же стр. 300, 336). Такъ какъ въ шумѣ лѣтней грозы, между прочимъ, угадывали жужжаніе пчелъ—молній, то привлеченіемъ пчелъ въ ту или другую сторону надѣялись надѣлить ее и благодѣяніями лѣтнихъ грозъ. Это видно изъ сѣверно-нѣмецкой саги, въ которой жители одного города, боясь за свои нивы, посылаютъ старую женщину въ Браунштейгъ, гдѣ, какъ было извѣстно, умѣютъ вызывать небесныя грозы. Тамъ старухѣ даютъ коробку, въ которую былъ посаженъ пчелиный рой, и говорятъ, что въ ней заключена гроза. Когда посланница возвращалась назадъ, пчелы подняли безконечное жужжанье.

Она стала опасаться, что вотъ разразятся громы и убьютъ ее, и потому раскрыла немного коробку, чтобы ослабить силу грозы; но едва это сдѣлала, какъ весь рой, вылетѣвъ, обратно полетѣлъ въ Брауншвейгъ. Такое же подражательное дѣйствіе замѣтно и въ одномъ изъ нашихъ суевѣрныхъ обычаевъ. Подобно весеннему зачину роенья небесныхъ пчелъ — молній при ударахъ грозоваго колокола (грома), пользуются колокольнымъ звономъ на свѣтлое воскресенье для содѣйствія роенью земныхъ, обыкновенныхъ пчелъ (для этого отбиваютъ въ 1-й день пасхи кусокъ мѣди отъ колокола и держатъ его на пасикахъ) (Аѳан. П. В. Сл. I, 382—383).

И въ обрядѣ опахиванья (изгнанья коровьей смерти—о немъ смотри у меня на стр. 70 и 71) видно подражаніе миѳическому вспахиванью нёба богомъ-громовникомъ. Такимъ-же подражаніемъ былъ у Германцевъ обрядовый поѣздъ съ плугомъ, совершавшійся ежегодно весною. У насъ получилъ онъ значеніе средства, прогоняющаго повальную болѣзнь. Какъ эмблема небесной грозы, побивающей нечистую силу и освобождающей изъ подъ ея власти небесныя стада, опахиванье должно прогнать коровую язву, преградить ей путь страхомъ перуновыхъ ударовъ (Аѳан. П. воззр. I, 565) (О грозѣ, какъ вспахиваніи неба громовникомъ, см. ниже дополн. къ стр. 209 и 210). Въ дальнѣйшемъ объясненіи опахиванія, какъ подражанія вспахивающей грозѣ, г. Аѳанасьевъ приходитъ къ соображеніямъ, нѣсколько отличнымъ отъ тѣхъ, какія были имъ выражены въ статьѣ «Вѣдунъ и Вѣдьма».—«Опахивающія поселянки, говоритъ онъ, совершаютъ то-же самое въ своемъ околоткѣ, что облачныя жены и дѣвы творятъ въ небесныхъ пространствахъ; ихъ бѣшеныя, изступленныя пляски—эмблема неустаннаго, прихотливаго полета тучъ, звонъ и стукъ—эмблема громовыхъ раскатовъ, а поѣздъ на помелахъ—бурно стремящихся вихрей» (стр. 569). Такимъ образомъ помело тутъ важно, какъ символъ вѣтровъ, заметающихъ облака; тогда какъ въ прежней статьѣ г. Аѳанасьева оно, какъ и кочерга, признавались важными какъ принадлежности жертвъ, совершавшихся на очагѣ, а самый полетъ на нихъ вѣдьмъ признавался миѳомъ молитвъ и жертвъ вѣщихъ женъ, возносившихся къ небу (примѣръ обрядоваго подражанья природѣ—также у г. Аѳанасьева на стр. 644, 664—65).

Кунъ видитъ примѣръ обрядовой подражательности въ скатываніи зажженнаго колеса съ вершины горы въ рѣку (см. въ моей книгѣ стр. 55)—подобно тому, какъ солнечное колесо потопаетъ въ небесномъ дождевомъ морѣ, сперва представляясь стоящимъ какъ-бы на горѣ,—надъ горою-облакомъ (Herabkunft des Feuers, 97. Ср. тамъ-же 49).

Къ стр. 25. Наши лѣтописи неоднократно свидѣтельствуютъ о страхѣ, возбуждавшемся солнечными и лунными затмѣніями. Еще весьма недавно, при затмѣніи солнечномъ, мѣстами по деревнямъ народъ нашъ обращался

къ священникамъ съ вопросомъ: «а завтра будетъ солнце?» Нѣчто подобное еще въ 1840 г. происходило въ Черниговской губ. (Аѳанасьева, Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу, I, 755).

Къ стр. 27. О колядномъ праздникѣ, какъ праздникѣ рожденія солнца, свидѣтельствуетъ и слѣдующая пословица сербская: «Питали (питали, спрашивали) курјака (волка, а не пѣтуха, какъ у г. Лавр.), кадъ је најведжа (наивящая, сильнѣйшая) зима? А онъ одговорио: кад се сунце раджа» (когда солнце раждается) (Карадж. Послов. 248. Статья П. Лавровскаго о миѳич. вѣрованіяхъ у Славянъ въ «облако» и въ «дождь» въ Уч. Зап. II Отд. Ак. Н., VII, в, 36).

Къ стр. 29. Тремъ теремамъ колядокъ соотвѣтствуетъ въ одной редакціи апокрифич. бесѣды трехъ святителей слѣд. «прежь земли бисть Господь Саваофъ—въ трехъ комарехъ на воздусѣхъ» (Щапова, Міросоз., II, 17).

Къ стр. 31. Еще у Гриммовъ въ Altdeutsche Wälder (Frankfurt 1815) указывается на то, что подъ образомъ Богоматери въ народныхъ преданіяхъ скрывается нерѣдко мать солнца, какою оказывается то звѣздная ночь, то утренняя заря. (Между величаніями ея у отцовъ римско-кат. церкви многое — происхожденья миѳическаго; сюда же относится и наименованіе ея обиталищемъ солнца) (Altd. W. II, 206 — 208). «Ночь и утренняя заря, говоритъ М. Мюллеръ, часто мѣняются мѣстами», и указываетъ при этомъ на то, что солнечный богъ Аполлонъ, сынъ Латоны (ночи), по другому миѳу оказывается также сыномъ дѣвы-Аѳины (утренней зари, по первоначальному значенію) (Vorles. über die Wiss. d. Sprache, II, 462, 464 — 465). Замѣчательно сверхъ того, что въ одномъ варіантѣ извѣстной загадки о зарѣ, она называется матерью - Маріею: «матерь Марія по полю ходила, ключи обронила, а солнце взяло (Пермск. губ.) Сходно съ этимъ болгарская загадка называетъ росу, эту влагу зари, Богородицыными слезами (Аѳан., Поэтич. воззр. Слав. на природу, I, 599, 600).

Что касается омовенія Маріею (зарею) своего младенца, то о немъ упоминается и въ заговорѣ отъ призора очесъ: «Сама мать пресвятая Богородица своего сына обмывала и намъ ополощинки посылала (читается надъ водою, и потомъ ею вспрыскивается больной) (Новг. Вѣд. 1866 г. № 4).

Къ стр. 32 и 33. Небесный напитокъ, уносимый птицею (и птицами), играетъ важную роль въ миѳахъ индо-европейскихъ. По большей части является онъ сокомъ медовымъ, капающимъ изъ дерева—облака (сокъже этотъ—дождь); птицы, приносящія этотъ напитокъ на землю—молніеносныя птицы. Иной разъ при этомъ является и стерегущая небесный напитокъ дѣва—человѣкообразный миѳъ для того-же облака (См. Kuhn, Herabkunft des feuers und des göttertranks, 124, 125, 127, 131,

132, 147, 149, 151—153). (Сравни съ этимъ миенч. деревомъ то, о которомъ говорится въ щедривкѣ, помѣщенной въ дополненіи къ стр. 37. Тамъ на деревѣ золотая кора—соотвѣтствующая, можетъ быть, золотой лозѣ, упоминаемой у Куна на стр. 176). Съ индо-европейскимъ миѳомъ можетъ быть сопоставлена слѣдующая мордовская пѣсня (быть можетъ заимствованная у Русскихъ);—представляю первую половину ея—въ томъ самомъ переводѣ, въ какомъ помѣщена она въ «Симбирск. Вѣдом.» 1866 г. № 25. «На полѣ широкомъ, на бугрѣ высокомъ бѣлая береза. Листья у ней какъ шелеги мѣдныя. Изъ прутьевъ и сучьевъ струею течетъ медовая вода (совершенно какъ въ миѳахъ, собранныхъ у Куна), а около пня устанвается восковая смола. Подъ сучьями березы серебряный столъ, а на столѣ свѣтлѣйшая чаша дорогая. Въ сіяющей чашѣ напитокъ дорогой и ковшъ золотой... Всѣ боги сошлись для питья и ѣды.» (Вторая половина христіанизирована и явно искажена). Замѣчательно, что и подъ индійскимъ медоточивымъ деревомъ возсѣдаютъ боги (Kuhn, 127). По германскому же миѳу они творятъ судъ у одного изъ трехъ источниковъ, находящихся у корней міроваго дерева Иггдразиля, которое Куномъ толкуется также какъ дождеточивое облако (Herabk. 129—130). Самое это имя значитъ конь Игга, а Иггъ — одно изъ именъ Одина, бога движущагося воздуха (конь котораго—туча). Подобно тому какъ съ дерева—тучи капаетъ медовая роса, она струится и съ гривы коня — тучи (Kuhn, Herabk. 131—132).

Къ стр. 33. По мнѣнію г. Аѳанасьева юнакъ, обгоняющій солнце въ болгарской колядкѣ, есть вѣтеръ или бурная туча (поэтич. возвр. Слав., I, 615). Но трудно какъ-то представить себѣ состязаніе въ быстротѣ между такими разнородными, несоизмѣримыми явленіями, какъ солнце и вѣтеръ.

Къ стр. 35. О рогѣ, какъ метафорѣ грома, см. у Аѳан. Поэт. воз. Слав. I, 277, 324, 327, 334, 758, 762).

Къ стр. 37. «Касательно двухъ дубовъ, упоминаемыхъ въ колядкѣ, должно замѣтить, что дубъ—дерево міровое, священное... Подъ образомъ дуба-стародуба народъ нашъ созерцаетъ вселенную: стоитъ дубъ-стародубъ, на томъ дубѣ стародубѣ сидитъ птица веретенница; никто ея не поймаетъ, ни царь, ни царица, ни красная дѣвица» (разгадка—міръ, небеса и солнце—см. въ Послов. Даля отд. вселенная). О всемірномъ дубѣ въ одной выдержкѣ изъ рукописи профессора Григоровича читаемъ: что держитъ землю?—Вода высока. Что держитъ воду? — великій камень. — Что держитъ камень?—Четыре золотые кита.—Что держитъ золотыхъ китовъ? — Рѣка огненная. — Что держитъ огонь? —Другой огонь... Да что держитъ тотъ огонь?—Дубъ желѣзный, еже есть первоносажденъ

отъ всего же, кореніе на силѣ Божіей стоитъ [1])». Въ бесѣдѣ Панагіота съ фрязиномъ Азпмитомъ, такъ описано міровое дерево жизни: «а посреди рая древо животное, еже есть божество. И приближается верхъ того древа до небесъ. Древо то златовидно, въ огненной красотѣ. Оно покрываетъ вѣтвями весь рай. Имѣетъ же листья отъ всѣхъ деревъ и плоды тоже. Исходитъ отъ него сладкое благоуханіе; а отъ корня его текутъ млекомъ и медомъ 12 источниковъ.» — Этому всеміряому дереву соотвѣтствуетъ греческое космическое мелія, ясень, и особенно скандинавское міровое дерево Иггдразиль, которое обнимаетъ небо, землю и преисподнюю. Дерево это также ясень, вѣтви его простираются на весь міръ, три корня простираются на три конца: одинъ на небо по асамъ (свѣтлымъ богамъ), другой по исполинамъ, третій — подъ преисподней. Подъ каждымъ корнемъ течетъ чудесный источникъ. Такое же дерево описывается въ нѣм. пѣснѣ Wartburger Krieg, гдѣ на вершинѣ его сидятъ птички» (Щапов., Народн. Міросоз., Ж. М. Н. П. 1863 г., статья II, стр. 21—23). Быть можетъ о томъ же деревѣ повѣствуется и въ началѣ одной волынской щедривки (пѣсни на щедрый вечеръ, т. е. канунъ новаго года):

Середъ села стоить верба,
На тій верби золота кора,
Налетали ряшки—пташки,
Ту корицу оклевали...

Но далѣе является уже красная панна, отгоняющая птицъ и подбирающая туже кору, изъ которой заказываетъ сдѣлать себѣ перстень и поясъ (Волынск. губ. вѣдом. 1866 г., 12 марта).—Что же касается того матеріала, изъ котораго создается міръ въ нашей колядкѣ, то можно указать на бурятскую легенду о томъ, какъ Богъ повелѣлъ бѣлой гагарѣ нырнуть, она же вынесла красную глину и черноземъ, и разбросала ихъ во всѣ стороны, отчего образовалась земная поверхность и начала производить всѣ виды растеній (Шашкина о шаманствѣ въ Зап. Геогр. Общ. 1864 г., кн. II, стр. 30). По русскому же народному разсказу, Богъ велитъ нырнуть дьяволу и вынести горсть земли. Водою у него всю ее изъ руки вымывало, и только одна песчиночка уцѣлѣла у нечистаго за ногтемъ. Вотъ эту песчиночку взялъ у него Господь, и насѣялъ изъ нея всю землю, съ травами, и лѣсами, и всяческими угодьями (Щапова стр. 18).

Къ стр. 37. Съ колядками о плугѣ сходенъ отчасти заговоръ, произносимый при собиранія лекарственныхъ травъ: «Святій Адамъ оравъ, Іисусъ Христосъ насиння (сѣмена) дававъ, а Господь сіявъ, а Мати Божа

---

[1]) Ср. Тихонрав. Отреч кн. II, 443.

поливала та всимъ православнымъ на помигъ давала.» Подъ Богоматерію тутъ должно скрываться то-же миѳическое существо, которое у Сербовъ называется огненною Маріею—женское божество молніи. (Аѳанасьева, Поэтич. воззр. Славянъ I, 483—487).

Къ стр. 38. Объ обрядовомъ значеніи переряживанія прекрасно говорится у г. Шеппинга: «Роскошно цвѣтущая земля лѣтняго періода оборачивается зимою въ безплодную снѣжную равнину, а солнце скрываетъ, подъ темнымъ покровомъ ночи и пасмурныхъ короткихъ зимнихъ дней, оплодотворяющую силу жаркихъ лучей... Едва-ли не отсюда произошли и обрядныя наши святочныя переряживанья, совпадающія съ древнимъ праздникомъ зимняго солнцеворота.» Но удивительно, какимъ образомъ авторъ, упоминая немного ниже о солнцѣ, наряжающемся въ кокошникъ, полагаетъ, что изъ этого «не слѣдуетъ заключать, чтобы солнце почиталось въ древней Руси женскаго рода». (Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ, стр. 110). Это объясняется развѣ тѣмъ, что позанявшись немного и миѳологіей, авторъ ею не дозанялся.

Несравненно яснѣе и опредѣлительнѣе свидѣтельство А. Н. Аѳанасьева о томъ, какъ на коляду, на масляницу и на пасху «въ обычаѣ было съ радостными пѣснями и кликами водить по полямъ и селамъ тѣхъ животныхъ, въ образѣ которыхъ чтились творческія силы... Это торжественное обрядовое дѣйствіе имѣло символическій характеръ и наглядно выражало возвратъ ясныхъ теплыхъ дней и дождевыхъ, молніеносныхъ облаковъ. Такое значеніе принадлежитъ и обряду, совершаемому ряжеными или окрутниками. Вмѣсто шествія съ дѣйствительными животными, поселяне сами облекаются въ звѣриныя шкуры и принимаютъ видъ оборотней.» (Поэтич. Возвр. Славянъ, I, 718).

Къ стр. 38, примѣч. 1-му. Гаданье надъ конемъ миѳически объясняется у г. Аѳанасьева такимъ образомъ. «Копья—символъ молній, и ступаніе черезъ нихъ указываетъ на воспоминаніе о Перуновомъ конѣ, несущемся среди грозоваго пламени.» (Поэтич. воззр. Славянъ, I, 633).

Къ стр. 40 и 41. Замѣчательно, что кельтскій эпитетъ солнечнаго бога Белена—grannus — означаетъ волосатый. Въ подтвержденіе же солнечнаго значенія щетинистаго кабана можно привести и то, что на одной кельтской монетѣ изображенъ кабанъ съ кругомъ, символомъ солнца, надъ головой; на оборотной же сторонѣ всадникъ на конѣ съ пятью кругами—солнцами: спереди, сзади и подъ конемъ (Георгіевскаго Галлы въ эпоху К. Ю. Цезаря, 143—144).

Къ стр. 41. Въ малор. пѣснѣ на Васильевъ вечеръ Илья — Перунъ представляется ходящимъ съ пугою житяною — гдѣ замахнетъ, тамъ ростетъ жито. Такая пуга—плеть—находится въ связи съ распространеннымъ у разныхъ народовъ представленіемъ молніи—плетью, бичемъ.

(Аѳан. Поэт. возэр. Слав. I, 283 — 84, 474.) Кромѣ варіанта пѣсенки, приведеннаго въ христ. на стр. 5-й, заимствую у г. Аѳанасьева замѣчательное начало другаго варіянта, взятаго имъ изъ Черниг. губ. вѣд.

Да була маты весела
Да родыла сына Васыля
И носила его подъ небеса,
Дала ему пужку—житянку, и т. д.

Къ стр. 44. При масляничномъ обрядѣ колеса на столбѣ, возомаго на санахъ, въ Сибири колесо это вертится, а парень, сидящій при немъ, наряжается въ женское платье и кокошникъ, согласно съ представленіемъ солнышка въ женскомъ образѣ. Въ виленскомъ повѣтѣ привязываютъ къ колесу чучело, которое и вертится на немъ. Въ иныхъ мѣстахъ славятъ при этомъ Коляду, т. е. новорожденное солнце. (Аѳан. Поэт. возэр. Слав. I, 211. См. тамъ-же о свидѣтельствѣ средневѣковыхъ писателей, что колесо обрядовое принималось за священное изображеніе солнца). Что касается нашего масляничнаго медвѣдя, то о немъ говоритъ г. Аѳанасьевъ: «животное это, извѣстное своею любовію къ меду, попало въ путаницу миѳическихъ представленій и принято за символическій образъ бога-громовника, разбивающаго облачные ульи и пожирающаго скрытый въ нихъ медъ (дождь).» —«Гуцулы, обитающіе въ Карпатахъ, указывая на Черную гору, когда она закрывается тучами, говорятъ: медвидь пиво варить...» Ревъ медвѣдя также наводилъ на сближенье съ громовникомъ... Нѣм. bär и скand. björn, англос. bere, сближаются съ литовскомъ bàrti (bàru) = ворчать, ирландск. bâire=бранить и персидскимъ *bir* = громъ, и объясняются санскр. корнемъ bhr=vituperari, minari (откуда bhiruka (bhiluka)=медвѣдь). У Германцевъ Тору давалось прозваніе Björn и онъ былъ олицетворяемъ въ образѣ медвѣдя. Что касается Славянъ, то на первоначально-священное значенье обычая водить медвѣдя указываютъ существовавшія до XVII в. на Руси запрещенія такого обычая, исходившія отъ правительства и духовенства. (Аѳан. Поэт. возэр. Слав. I, 386 — 387). И въ сказкахъ славянскихъ Медвѣдко, Медвѣдовичъ имѣетъ значенье громовника (также, 388, 390).

Къ стр. 45. Соперничество между зимою и лѣтомъ составляетъ содержаніе нѣкоторыхъ, полуискусственныхъ западно-европейскихъ пѣсень 9-го и даже 8-го вѣка. Оно попадается и въ одной Эзоповой баснѣ, и въ одной сѣверо-американской сказкѣ. Наконецъ мы встрѣчаемся съ нимъ и въ старой Эддѣ. (Uhland, Sommer und Winter—въ Germania Пфейфера, V, ш, 265, 272, 273).

Весна и зима, какъ два противоположныхъ миѳич. существа, упоминаются и въ Краледворской рукописи.—Миклошичъ и Шлейхеръ произ-

водятъ весну отъ корня us, санскритск. was=сіять, и сопоставляютъ съ санскр. vasanta, лит. vasara и т. д. (Отъ того же корня веселъ) Что̀ касается зимы — смерти, Моржаны, то она производится отъ корня mar (mr) — морить, моръ, умирать, смерть, mors, mori, санскр. mârajâmi (Jirecek, die Echtheit der Königinhofer Handschrift, 38).

Къ стр. 49 (и христ. стр. 6). Въ связи со смысломъ слова Кострубъ = кудлай (нечесъ) находится миѳическое представленіе солнца разсыпающимъ свои свѣтоносныя кудри; по другому же представленію оно пряло изъ себя золотыя нити (куделя — мотокъ льну, приготовленный для пряжи, и кудеря — кудря; кудрявый, и кудлатый),—отсюда пряжа и пряжити (=поджаривать, пряженецъ) (Аѳан. Поэт. возвр. Слав. I, 222). Что̀ касается крашеныхъ яицъ, то они были въ обычаѣ и у Персовъ во время весеннихъ празднествъ, посвященныхъ воспоминанію о сотвореніи міра. У Римлянъ яица клались въ гробъ вмѣстѣ съ пепломъ умершаго. (Dognée, l'Oeuf. 21, 44).

«Яйцо, какъ метафора солнца и молніи, принимается въ миѳологіи за символъ весенняго возрожденія природы, за источникъ ея творческихъ силъ. Когда холодное дыханіе зимы налагаетъ на небо и землю печать смерти и разрушенія, въ этомъ яйцѣ таится зародышъ будущей жизни, и съ приходомъ весны изъ него созидается новый міръ. Космогоническіе миѳы суть собственно сказанія о весеннемъ обновленіи природы (Аѳан. Поэт. возвр. Слав. I, 535, Ср. 657, 761). Монастырскіе наказы XVII в., на ряду съ другими суевѣрными обрядами, запрещали крестьянамъ биться яйцами. (Тамъ же стр. 537).

Къ стр. 52. Паденіе золотаго перстня съ неба въ додольской пѣснѣ объясняется у г. Лавровскаго (О миѳич. вѣрованіяхъ у Славянъ въ «облако» и «дождь»—Уч. Зап. II-го О. Ак. Н. VII, и, 16, 17). Онъ во 1-хъ сопоставляетъ это съ слѣд. мѣстомъ въ русской свадебной пѣснѣ:

На дворѣ дождичекъ накрапываетъ,
У Ивана сударя Петровича
Золотъ перстень съ руки спадываетъ.

Дождь, причина плодородія, миѳически уподобляется жениху, молодому; перстень, символъ брака, чрезъ это приходитъ въ соотношеніе съ дождемъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Лавровскаго, перстень въ додольской пѣснѣ изображаетъ дождь, падающій изъ облака.—(Ср. объ уподобленіи земнаго, человѣческаго брака небесному—въ моей книгѣ на стр. 122—123). Если мнѣніе г. Лавровскаго въ общихъ чертахъ и вѣрно, то подробности, сообщаемыя имъ въ концѣ стр. 16-й, кажутся мнѣ натянутыми.

Къ стр. 53 и 314 съ слѣд. И въ Егорьѣ видитъ г. Аѳанасьевъ бога-громовника, хотя этому, повидиму, противорѣчитъ его собственное при-

нимавіе Діоклитіанища за «демона зимнихъ тучъ, умаляющихъ благотворную силу солнца....» (Курсивъ принадлежитъ мнѣ). (Поэтич. возвр. Славян. I, 700). Но такъ какъ съ другой стороны многое, приводимое г. Аѳанасьевымъ, указываетъ дѣйствительно на громовую сторону въ Егорьѣ, то едва ли не вѣрнѣе всего видѣть въ немъ вообще весеннее божество, соединяющее въ себѣ и солнечную и громовую дѣятельность весеннихъ силъ. На это, кажется, указываетъ и словенскій обычай водить зеленаго Егора, т. е. юношу, подобно Додолѣ одѣваемаго въ зелень и купаемаго въ рѣкѣ. Сходно съ этимъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи на Егорьевъ день одѣваютъ въ зелень красиваго парня и кладутъ ему на голову большой круглый пирогъ, убранный цвѣтами: съ зажженнымъ свѣточемъ въ рукѣ, онъ несетъ этотъ пирогъ въ поле, а слѣдующая за нимъ толпа дѣвицъ поетъ въ это время егорьевскія пѣсни. (Аѳан. Поэт. возвр. Слав. I, 706). Что касается собственно солнечной стороны Егорья, то на нее указывается въ одномъ заговорѣ архангельской губерніи тѣмъ, что Егорій со своими бѣлыми принадлежностями связывается тутъ съ бѣлымъ камнемъ (очевидно — алатыремъ). Упоминаемые же тутъ спутники Егорья,—трудно сказать, кто они (сравни однакоже съ греч. Діоскурами и индійскими Асвинами — Or. u. Occid. Rig Veda)... «На синемъ морѣ бѣлый камень, на бѣломъ камени бѣлый человѣкъ въ бѣломъ платьѣ—свѣтъ Егорій Храбрый, у Егорія свѣта храбраго два молодца, два гораздо удалыхъ, великихъ стрѣльца: одинъ сынъ Симеонъ, другой Герасимъ, ходятъ со тугимъ лукомъ, стрѣляютъ по сырому дубу. Ой же вы... не стрѣляйте по дубу, стрѣляйте по приточнымъ ранамъ, отстрѣливайте... (Арх. Вѣд. 1866 г. № 4).

Къ стр. 54, прим. Въ своей книгѣ о Поэтич. возвр. Слав. г. Аѳанасьевъ въ Турѣ-Дидѣ-Ладѣ (добромъ молодцѣ) пѣсень видитъ бога громовника (стр. 662), сближая его — яраго тура, съ Ярилою, антропоморфич. божествомъ, получающимъ въ этой книгѣ также значенье громовника (стр. 432 — 440). Во всей книгѣ обнаруживается особенное пристрастіе къ громовымъ миѳамъ, менѣе замѣтное въ прежнихъ сочиненіяхъ автора, и едва ли не составляющее слабую сторону.

Къ стр. 55. Относительно зажженія колесъ въ Иванову ночь, можно замѣтить нѣмецкій обычай — при помощи удара палкою давать такимъ колесамъ высоко взлетать на воздухъ и описывать въ ночной темнотѣ огненную дугу. На берегахъ Мозеля горящее колесо скатываютъ съ горы въ рѣку: «послѣ поворота своего лѣтнее солнце, начинало опускаться съ вершины небесной горы, и горячіе лучи его точно также погашались въ дождевыхъ потокахъ наступавшей осени, какъ пламя спущеннаго съ горы колеса умирало въ волнахъ рѣки» (Аѳан. Поэт. возвр. Слав. I, 210—212). (Ср. у Куна, Herabkunft des Feuers, 49).

Стр. 60. Г. Аѳанасьевъ и въ Волосѣ видитъ бога—громовника, объ-

ясняя имя его санскр. корнемъ vr, var покрывать, облекать, обволакивать) и дѣятельность его, сообразно съ этимъ, опредѣляя заволакиваніемъ неба облачнымъ руномъ (отъ того же корня) (Поэтич. воззр. Слав. I, 695; ср. 680—81) Мѣстами вмѣсто—завязать бороду Волосу, говорятъ: завязать б. Ильѣ (громовнику) (698) (Но на одномъ этомъ еще нельзя бы было основываться: въ позднѣйшее время могли смѣшиваться миѳическія существа даже вовсе не однородныя).

Къ стр. 63. Въ доказательство представленія мѣсяца творогомъ и у Славянъ, можно привести слѣдующее мѣсто изъ сербской сказки: «лисица доведе вука на једну воду, и показавши му у води мјесецъ, рече: јено видиш колики је сирацъ, (сыръ, творогъ) у води; него лочи (локай) па чеш га излокати, као и ја свој што сам излокала «(она только что передъ тѣмъ стянула у мужика сыръ, за которымъ и засталъ ее волкъ) (Вука, Српске Приповијетке, 226). Что касается приведенной у меня загадки о солнцѣ, то текстъ, по замѣчанію г. Аѳанасьева, испорченъ прибавкою эпитета «бурая,» такъ какъ прилагательное это постоянно служитъ для обозначенія грозовыхъ тучъ (сивко-бурко, коровушка-буренушка) Изъ рукописнаго сборника г. Каравелова приводится у г. Аѳанасьева загадка болгарская: «една божа кравица сички-ятъ (весь) святъ наполнила« (= солнце) (Аѳан. Поэт. воззр. Слав. I, 659). Въ примѣръ уподобленія того же рода животныхъ, и именно красноватыхъ, бурыхъ, — только не коровъ, а быковъ, тучѣ, приводится употребительное во Владимірской губерніи обозначеніе нередовыхъ рядовъ темно-красноватыхъ, грозовыхъ тучъ—быками (тамъже стр. 661).

Къ стр. 64. Съ миѳическимъ рубленьемъ мѣсяца должно быть сродно повѣрье, что «на молоду мѣсяца рубленный лѣсъ крѣпче.» (По одновременности его рубленія съ отрубленностью мѣсячной четверти). (Тоб. губ. Вѣд. 1866 г. № 15).

Къ стр. 65. Загадка Вологодск. губ. кадник. уѣзда: лежитъ дерево безпрутое, на его летитъ птица безкрылая, приходитъ дѣвица безротая, и съѣдаетъ птицу безкрылую.

(Земля, снѣгъ, солнце)

Сходная на Литвѣ: «летитъ птица безъ крилъ, безъ ногъ, зваривъ кухаръ безъ огню, изјила пани безъ рота.» Также великорусская: «стоитъ дубъ безъ корня, безъ вѣтвей, сидитъ на немъ птица-вранъ; пришелъ къ нему старикъ безъ ногъ, снялъ его безъ рукъ, закололъ безъ ножа, сварилъ безъ огня, съѣлъ безъ зубовъ.» (Аѳан. Поэт. воззр, Слав. I, 500).

Къ стр. 66. Подъ позднѣйшимъ вліяніемъ христіанизированныхъ понятій, загадочный ревущій мертвецъ получилъ и совершенно другое значеніе. Такъ въ апокрифич. бесѣдѣ трехъ святителей спрашивается: что есть—гробъ хожаше, а въ немъ мертвецъ пояше? Толкъ: Іона во

чревѣ три дни и три нощи, живъ изыде изъ чрева китова. (Тихонрав. Отреч. кн. II, 436).

Къ стр. 69. Доенье небесныхъ коровъ вѣдьмами г. Лавровскимъ толкуется какъ изначально-враждебное—какъ задерживаніе, подобно индѣйскимъ великанамъ, небеснаго молока, т. е. дождя. (Уч. Зап. Ак. Н. II-го Отд., ч. VII, кн. II, стр. 32—35, 41).

Къ стр. 72 и 73. Замѣчательно, что своего рода вѣдуны—шаманы—прямо дѣлятся на чорныхъ и бѣлыхъ. Первые служатъ злымъ духамъ, вторые — добрымъ. По разсказамъ Бурятъ, одни съ другими вступаютъ въ бой, бросая другъ въ друга топорами на сто верстъ.—Въ шаманствѣ употребительны и жертвы духамъ тьмы, а равно и большая часть заклинаній дѣлается именно съ враждебнымъ намѣреньемъ (статья Шашкина о шаманствѣ, 39, 82, 95, 105).» Чѣмъ болѣе историческихъ силъ въ народѣ, тѣмъ рѣшительнѣе упраздняется такое значеніе темнаго начала, уступая все болѣе и болѣе началу свѣтлому, какъ преобладающему.

Къ стр. 79. Мнѣніе г. Аѳанасьева, что бѣлъ горючь камень алатырь это—скала-облако (Поэтич. воззр. Слав. I, 454) едва ли могло бы быть доказательнымъ образомъ проведено по всѣмъ заговорамъ. Оно является у почтеннаго нашего миѳолога однимъ изъ послѣдствій его все-же преимущественной наклонности отыскивать въ миѳахъ тучу (хотя онъ и не доходитъ при этомъ до односторонности нѣкоторыхъ миѳологовъ нѣмецкихъ). На стр. же 471 своей книги г. Аѳанасьевъ видитъ тучу даже въ божьемъ островѣ одного изъ заговоровъ, тогда какъ въ другихъ варьянтахъ это тотъ же Буянъ-островъ, миѳически объясненный самимъ г. Аѳанасьевымъ, въ его извѣстной и не разъ цитированной мною статьѣ, и объясненный иначе.

О представленіи свѣтилъ каменями свидѣтельствуетъ слѣдующій заговоръ:

> Царь водяной, царь земляной, царь небесный,
> Прости мою душеньку грѣшную!
> Свѣтелъ мѣсяцъ и красно солнышко,
> И всѣ частыя звѣздочки, бѣлиньвіе камушки,
> И дальніе, и ближніе, и семейные,
> Простите мою душеньку грѣшную!
> (Новгор. Вѣд. 1866 г. № 4).

Представленіе свѣтилъ драгоцѣнными камнями видно и въ нашей загадкѣ: «поле полеванское.... и два яхонта (небо, луна и солнце) (Аѳан. Поэтич. возвр. Слав. I, 114).

Къ стр. 81. Красная дѣвица заговоровъ — это заря, прядущая изъ лучей солнечныхъ (красное солнце) свою багряную ткань. «Потухающая заря заканчиваетъ свою работу, обрываетъ рудожелтую нитку, и вмѣстѣ съ тѣмъ изчезаетъ съ неба ея кровавая пелена, почему народ-

ное повѣрье и присвоило ей силу останавливать текущую кровь и зашивать дѣйствительныя раны: нитка оборвись, кровь запекись! или, по другому выраженію: «какъ вечерняя и утренняя заря станетъ потухать, такъ бы у моего друга милаго всѣмъ недугамъ потухать.» (Аѳан. Поэт. воззр. Слав. I, 222—226. Тамъ-же другія подробности, которыми вообще изобилуетъ эта книга, имѣющая быть настольною для каждаго, сколько нибудь занимающагося русскою миѳологіею).

Къ стр. 84. Я не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Аѳанасьева, что только позже молитва стала переходить въ заговоръ. Если молить первоначально и равно молыти, молвити, то изъ этого все-таки не слѣдуетъ чтобы первымъ словомъ человѣка была молитва въ ея настоящемъ, непремѣнно - позднѣйшемъ значеніи. Каждое слово, какъ извѣстно, испытало свой рядъ историческихъ измѣненій смысла. Теперешній же смыслъ молитвы прямо противорѣчитъ всѣмъ основаніямъ первобытной поры миѳовъ, поры, въ которую религіозное чувство еще вовсе не проникаетъ въ миѳы. Если въ заговорахъ есть, какъ справедливо указываетъ г. Аѳанасьевъ, молитвенныя обращенія въ ихъ настоящемъ смыслѣ, то это только первые проблески религіозности, едва зараждающіеся посреди представленій другаго рода, — такихъ, по которымъ еще само божество нуждается въ помощи человѣческихъ словъ и обрядовыхъ дѣйствій. Главное въ заговорѣ составляетъ могучая, замыкающая сила самаго слова, въ поясненье которой приводятся самимъ г. Аѳанасьевымъ слѣдующія слова заговора: «сіе слово есть утвержденіе и укрѣпленіе, имъ-же утверждается и укрѣпляется и замыкается.... и ничѣмъ, ни воздухомъ, ни бурею, ни водою дѣло сіе не отмыкается.» (Аѳан. Поэт. воззр. Слав. I, 412—421) Отсюда то и зависимость заговора отъ точнаго запоминанія самаго порядка словъ: Вейнемейненъ, въ Калевалѣ, позабывъ нѣсколько крѣпкихъ словъ, не могъ сразу заговорить себѣ кровь; сходное — и въ скандинавскомъ миѳѣ о Торѣ и вѣщей Гроѣ. (Тамъ-же, 426, 427).

Къ стр. 86. Относительно миѳич. почитанья земли приводится у г. Аѳанасьева еще слѣдующее: «Не бей земли, — не дастъ тебѣ хлѣба,» говорятъ Словаки. Въ XIV в. новгородскіе стригольники учили каяться въ грѣхахъ не священнику, а землѣ. Нѣкоторые старовѣрческіе толки продолжали слѣдовать въ этомъ стригольникамъ, и исповѣдывали грѣхи, припадая къ землѣ. Старообрядцы передъ ѣдою, за неимѣніемъ воды, умываютъ себѣ руки землею. Мѣстами вѣрятъ, что въ Духовъ день — земля имянинница, и потому надо дать ей отдыхъ. Больные лихорадкою просятъ прощенья у матери земли и посыпаютъ ей крупъ въ жертву. На Егорьевъ день у Юго-Славянъ и въ Германіи—обычай кататься по землѣ и тереться объ нее спиною, чтобы не болѣли кости (Поэтич. воззр. Слав. I, 143—144).

Къ стр. 87. Сходство между процессомъ сбиванія масла и процессомъ зажиганія огня (посредствомъ тренія, буравленія) привело къ уподобленію того и другаго съ возжиганіемъ свѣта солнечнаго. (Объ этомъ подробно у Куна въ Herabkunft des feuers, преим. на стр. 14—15, 110—111) Тутъ приводится и одна финская пѣсня, въ которой говорится о сбиваніи масла въ огненномъ сосудѣ.

Къ стр. 91. Для сожженія вмѣстѣ съ умершимъ близкихъ къ нему людей и рабовъ его могла быть еще и слѣдующая причина. Богъ Вуотанъ (Одинъ) (кельтскій Тейтатъ), вербовалъ въ свое ополченіе (wüthendes Heer—извѣстная миѳическая картина бури) души умершихъ. Ясно, что господинъ, являвшійся въ свиту его не одинъ, а въ сопровожденіи своей свиты, могъ разсчитывать на болѣе благосклонный съ его стороны пріемъ. (Георгіевскаго, Галлы въ эпоху К. Ю. Цезаря, 107).

Къ стр. 92, прим. 1. И въ киданіи труповъ на съѣденіе собакамъ заключалась своего рода миѳическая идея. Собака была однимъ изъ миѳовъ вѣтра. «По свидѣтельству Ведъ, души усопшихъ сопровождались на тотъ свѣтъ (въ воздушное пространство) двумя собаками.... Персы вѣрили, что умершіе должны были переходить мостъ Шиневадъ (радугу), ведущій на небо и охраняемый собакою. Въ Персіи и Бактріи было въ обычаѣ бросать мертвецовъ, а также безнадежно больныхъ и дряхлыхъ стариковъ, на съѣденіе псамъ, въ чемъ выразилось суевѣрное воззрѣніе на собакъ, какъ на путеводителей души въ царство блаженныхъ. Чуваши убѣждены, что души покойниковъ, во время совершенія поминокъ, входятъ въ собакъ, и что все, пожираемое этими животными, поѣдается собственно усопшими; кидая за поминальной трапезою разныя яства собакамъ, они обращаются къ нимъ съ этими словами: ѣшь, батюшка! (или матушка, или другой усопшій родич.). (Аѳан. Поэтич. воззр. Слав. I, 732).

Къ стр. 93. Замѣчательно, что въ Верхнеудинскѣ на пасху половину яицъ на могилкѣ съѣдаютъ сами, а другую половину зарываютъ въ землю, чтобъ и покойникъ разговѣлся. (Иркутск. Вѣд. 1866 г., 19 февр.).

Къ стр. 94, прим. 1. Оборотничество въ книгѣ г. Аѳанасьева о Поэт. воззр. Славянъ объясняется также множествомъ тѣхъ образовъ, какія усматривались человѣкомъ въ явленьяхъ и силахъ природы. Изъ одного образа переходя, или превращаясь, (оборачиваясь) въ другой, божества становились оборотнями (стр. 793).

Къ стр. 95. По болгарскому повѣрью громовникъ-Илья заставляетъ умершихъ Цыганъ дѣлать градъ изъ снѣгу и пускаетъ его лѣтомъ на поля грѣшниковъ (Аѳан. Поэт. воззр. Слав. I, 481).

Къ стр. 102. Относительно сербскаго названія жениха—войно—надо замѣтить однакоже, что по первоначальному смыслу слово—войска—означало не болѣе какъ всю совокупность населенія того или другаго дома

(Колико имашь войске у кучи? = много ли у тебя людей въ домѣ?) Отсюда и воевода первоначально означало — главу семьи. Но такъ какъ всѣ взрослые члены семьи были обязаны выходить на войну подъ предводительствомъ старѣйшаго, то какъ во́йска, такъ и воевода и война получили иной, особый—воинскій смыслъ. (Jirecek, Recht in Böhmen und Mähren, I, 31).

Къ стр. 103 и 104. Обрядовымъ указаніемъ на умычку служитъ и извѣстная всѣмъ игра въ горѣлки, которой, по мнѣнію г. Аѳанасьева, принадлежитъ глубокая древность. «Горю, горю!»—Чего горишь?—«Красной дѣвицы хочу.»—Какой?—«Тебя молодой»—«Погоня за дѣвицами, говоритъ г. Аѳанасьевъ, ловля, захватъ ихъ, указываютъ на старинныя умычки женъ....» (Поэт. воззр. Слав. I, 449).

Къ стр. 104. О воинственномъ захватѣ невѣсты у южныхъ Славянъ свидѣтельствуетъ пок. Венелинъ, говоря, между прочимъ, что священника при этомъ заставляютъ вѣнчать — хотя бы подъ дубомъ; въ противномъ же случаѣ ему угрожаютъ побоями. «Больше всего, замѣчаетъ Венелинъ, похищаютъ вслѣдствіе отказа со стороны родителей, или же вслѣдствіе убѣжденія, что откажутъ.... ‹Похищаютъ большею частію сирые люди, или бездомные, бѣдные, за которыхъ неохотно выдаютъ.‹ Въ пѣсняхъ своихъ нерѣдко воспѣвая женитьбу, юго-Славяне вмѣстѣ съ тѣмъ воспѣваютъ и бой, такъ часто съ нею соединяющійся (Венелинъ, о характерѣ нар. пѣсень у Славянъ задунайскихъ, Москва 1835, I, 38, 39, 45).

Къ стр. 113. Коса, какъ знакъ дѣвичьей жизни, головной уборъ, какъ принадлежность замужства, имѣютъ свое миѳическое толкованіе. «Пока весеннее солнце не вступаетъ въ бракъ съ богомъ грозовыхъ тучъ, оно является прекрасною невѣстою, блистающею золотыми кудрями на радость всему міру...» (Въ сказкахъ царевна ненаглядная краса, непокрытая коса — есть солнце). Съ другой же стороны «покрывало, которымъ окручиваютъ голову невѣсты, есть символическое знаменіе того облачнаго покрова, подъ которымъ являлась прекрасная богиня весны, разсыпающая на всю природу богатые дары плодородія. Польск. свад. пѣсня: przykryłosie niebo obłokami, przkryłasie Marysia rąbkami. (Аѳан. Поэт. воззр. I, 221, 237 — 240).

«Латинское nubes, со всѣми своими родственными выраженіями въ другихъ языкахъ, не можетъ быть отдѣлено отъ глагола nubere—въ первоначальномъ смыслѣ покрывать... Та-же идея покрытія принадлежитъ и выраженіямъ для брака, супружества. Латинское nubere означаетъ и жениться, откуда nuptiae...» (П. Лавровскаго, о Миѳическихъ вѣрованіяхъ Славянъ въ «облако» и «дождь» — Уч. Зап. II отд. Ак. Н. VII, п, 12).

Къ стр. 124. Уподобленіе невѣсты солнцу видно изъ слѣд. пѣсни, заимствованной г. Аѳанасьевымъ изъ Воронежск. губ. вѣд.

Колосомъ-колесомъ
Сонычко въ гору йде,
А вже-жь наша Галичка
Изъ пидъ винця йде.
Солнце колесомъ у гору идзетсь,
А дзѣвухна з'винця въ двиръ идзетсь. (Поэт. воззр. Сл. 1, 207, 208).

Къ стр. 125. Нѣчто сходное съ нашимъ оленемъ—золотые рога въ свадебной пѣснѣ, представляетъ одна болгарская объ оленѣ, плывущемъ по морю—а далѣе—подробности, довольно странныя, очевидно миѳическія, хотя, м. б., и попорченныя, или же неясныя по недостаточности разработки предмета (Верковича, Народне Пjесме македонски Бугара, I, 219—220). Наконецъ солнечное значеніе оленя золотые-рога рѣшительно подтверждается старинной нѣмецкой пѣсенкой:

Den Sonnenhirsch sah ich
Von Süden kommen...
Auf dem Felde standen
Seine Füsse,
Die Hörner hob er zum Himmel.

(Аѳанасьева, Поэтич. воззр. Слав., I, 639). Какъ свидѣтельство о самостоятельномъ значеніи невѣсты, замѣчательна одна болгарская пѣсня, въ которой мать совѣтуетъ дочери, пріѣхавъ съ молодымъ мужемъ въ домъ его, не прежде сойти съ коня, какъ вытребовавъ у него двѣнадцать ключей и освободивъ при помощи ихъ двѣнадцать узниковъ. Когда молодая требуетъ этого, молодой немедленно удовлетворяетъ ея желанію (Верковича П., стр. 222—223).

Къ стр. 128. Относительно древняго значенія слова родъ ср. у И. И. Срезневскаго въ «чтеніяхъ о древней русской лѣтописи». Говоря о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ, пришедшихъ съ роды своими, онъ замѣчаетъ: «тутъ родъ принимать должно въ томъ же военномъ смыслѣ, какъ послѣ употреблялось слово чадь = челядь (= родъ): вся мужеская часть дома, и свои, и близкіе, хотя бы не родные и не подвластные, (ср. лат. familia, gens). (Зап. Ак. Наукъ, II, п, прил. 4-е, стр. 40).

Къ стр. 154. Г. Аѳанасьевъ считаетъ нашу сказочную Середу равнозначущею съ Пятницею, что произошло, по его словамъ, «можетъ быть ради того тождественнаго значенія, какое придано средѣ и пятницѣ христіанскою церковью, какъ днямъ воспоминанія страданій и смерти Спасителя. У Германцевъ среда былъ день, посвященный Одину, къ свитѣ котораго принадлежали небесныя пряхи и ткачихи — дѣвы валькиріи...

Русскій разсказъ о Середѣ, приготовляющей холстъ съ цѣлію удавить неосторожную труженицу, можетъ быть объясненъ преданіями о паркахъ, которыя прядутъ нить человѣческой жизни и посылаютъ смерть; пожаръ на морѣ (т. е. въ воздушномъ океанѣ) это метафора утренняго разсвѣта, прогоняющаго ночную гостью» (Аѳан. Поэт. воззр. Слав. I, 243).

Запрещеніе же прясть какъ въ пятницу, такъ и въ среду, (дни посвященные богинѣ весны) основывалось, по мнѣнію нашего почтеннаго миѳолога, на опасеніи запылить свѣтозарный ликъ и зоркія глаза богини. «Въ потемняющихъ его грозовыхъ тучахъ древній человѣкъ видѣлъ работу непріязненныхъ вѣдьмъ, которыя, несясь по небу, чешутъ и прядутъ облачныя кудели, и т. п. Въ одной галицкой пѣснѣ солнце жалуется, что люди, рубя по воскресеньямъ дрова, засоряютъ ему глаза отлетающими щепками, и что злыя дѣвойки, рано причесывая свою голову, мечутъ ему волосы въ лицо (Аѳан. П. воззр. Сл. II, 235).

Къ стр. 162. Г. Аѳанасьевъ различаетъ въ славянскомъ эпосѣ два рода чудесной воды: мертвую или цѣлющую, дѣлающую цѣлымъ хотя бы разрубленный трупъ, и живую, возвращающую жизнь.» Убитыхъ героевъ сначала окропляютъ мертвою водою, а потомъ живою,—такъ какъ и въ самой природѣ первые дожди, сгоняя льды и снѣга, просоченные лучами весенняго солнца, какъ бы стягиваютъ разсѣченные члены матери земли, а слѣдующіе за ними даютъ ей жизнь, т. е. зелень и цвѣты.» Такого раздѣленія воды на два рода въ преданіяхъ другихъ родственныхъ народовъ г. Аѳанасьевымъ не замѣчено. (Поэтич. воззр. Слав. I, 365).

Къ стр. 163. Въ той же книгѣ, г. Аѳанасьевъ, не отвергая и объясненія свѣтоносной птицы солнцемъ, предлагаетъ также и другое: «въ ведахъ Агни называется быстрою, златокрылою, чистою и огненною птицею и сильномогучимъ соколомъ. Агни прежде всего — божество небеснаго пламени молній, а потомъ уже—земнаго огня, похищеннаго съ неба и переданнаго людямъ; слѣдовательно жаръ-птица есть такое же воплощеніе бога грозы, какъ свѣтъ ясенъ-соколъ... или орелъ разноситель перуновъ.» (стр. 513). Что касается птицы-веретеницы въ загадкахъ, то дубъ стародубъ, на которомъ она возсѣдаетъ, оказывается, по сличенію съ другими загадками, миѳомъ годоваго теченія времени (опредѣляемаго солнечнымъ движеніемъ). Наприм. «въ саду царскомъ стоитъ дерево райское: на одномъ боку цвѣты разцвѣтаютъ, на другомъ листы опадаютъ, на третьемъ плоды созрѣваютъ, на четвертомъ сучья подсыхаютъ (годъ съ 4-мя временами: весною, осенью, лѣтомъ и зимою). А одна загадка уподобляетъ дереву самое солнце: «стоитъ дерево середь села, а въ каждій хатци по гилячци» (солнце на небѣ, а свѣтъ его въ избахъ). (Тамъ же, 517).

Къ стр. 179. Г. Аѳанасьевъ полагаетъ, что и подъ нравственно-миѳическою идеею сказокъ о преступленіи, открывающемся чрезъ посредство поющей дудки, таится первоначальный физическій миѳъ. «Въ основѣ этихъ преданій, говоритъ онъ, лежитъ старинный миѳъ о небесной грозовой пѣснѣ, вѣщающей про смерть облачнаго демона или нимфы»... (Поэтич. воззр. Слав. I, 327). Что касается сказки о братцѣ-козленочкѣ, то и ея первоначальная миѳическая идея объясняется у г. Аѳанасьева: «Сестра запрещаетъ брату пить, чтобы не превратился въ жеребенка, барашка и козлика. Братъ не вытерпѣлъ, напился изъ козьяго копыта и оборотился козленочкомъ. Всѣ эти животненные образы: корова, конь, баранъ и коза—представленія метафорическія; вода, наполняющая слѣды ихъ копытъ, указываетъ на тѣ живые ключи, которые бьютъ изъ подъ ногъ перуновыхъ коней, или по просту—на дождь, проливаемый тучами. Напиваясь изъ такихъ ключей, сказочный герой самъ облекается (оборачивается) въ облачную одежду и чрезъ то принимаетъ на себя звѣриное подобіе (Поэт. воззр. Слав. I, 689).

Къ стр. 199. Сказочное прятаніе, по мнѣнію г. Аѳанасьева, означаетъ миѳическую спрятанность въ облакахъ божества грома и молнія. Нашъ областной яз. понятія «прятаться» и «одѣваться» обозначаетъ одинаковыми словами: нарядъ, обрядъ=платье, женскіе уборы; обряжаться=переодѣваться, маскироваться, и укрываться, прятаться. (Поэт. воззр. Слав. I, 549. Ср. также стр. 649). Въ Курской губ. ховалою (ховать=прятать) называется духъ съ двѣнадцатью глазами, освѣщающій все кругомъ подобно зареву — олицетвореніе многоочитой молніи, спрятанной въ темной тучѣ (сравнить съ віемъ, носящимъ на своихъ всепожигающихъ очахъ повязку) (тамъ-же стр. 550).

Къ стр. 203. Происхожденіе отъ бога—богатыря чрезъ посредство слова богатъ г. Аѳанасьевъ сопоставляетъ съ лат. deus, dives, divus (Поэтич. воззр. Слав. I, 274).

Къ стр. 204. Семь власовъ ангельскихъ Самсона богатыря оказываются уже въ той характеристикѣ Самсона, какую представляетъ Святославовъ сборникъ 1073 г. въ поученіи объ Иродіадѣ (на тему о злыхъ женахъ): «иже и седмь иленицъ на главѣ ношааше, седмеросвѣтильный благодати образъ нося.» (Изв. А. Н., X, v, 425).

Къ стр. 209 и 210. «У арійскихъ племенъ, говоритъ г. Аѳанасьевъ, самая лѣтняя гроза изображалась въ поэтической картинѣ вспахиванья облачнаго неба громоносныкъ Перуномъ.» (Поэт. В. Сл. I, 434) «Богъ громовникъ роетъ вихрями облачное небо, бороздитъ его разящими молніями и разбрасываетъ сѣмя дождя (тамъ-же стр. 558, 676, 679, 667).

Къ стр. 221 — 222. О томъ, что божество неба и солнца иногда смѣшиваются, см. у Аѳан. Поэтич. воззр. Слав. I, 130. Солнце миѳическое, какъ извѣстно, скрывается во Владимірѣ-Солнышкѣ; между тѣмъ,

по мнѣнію г. Шеппинга, величаво-спокойная личность Владиміра соотвѣтствуетъ такому же пребыванію въ покоѣ сказочнаго отца трехъ братьевъ, въ образѣ котораго должно скрываться первоначальное, невозмутимое въ своемъ державномъ покоѣ, божество неба—Сварогъ (Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ, 84).

Къ стр. 228. Двоякость въ солнечномъ божествѣ оказывается и въ индійскихъ миѳахъ, почему временно къ нему становится въ отношенья враждебныя божество громовое. Объ этомъ см. у Куна въ Herabk. des Feuers, 55 — 65. Не вхожу въ подробности, имѣя въ виду подвергнуть вопросъ этотъ внимательному разбору въ моемъ разсужденіи объ Ильѣ Муромцѣ.

Къ стр. 236. Съ чудодѣйственною игрою Садка можетъ быть сопоставлена игра Вейнемейнена въ финнской Калевалѣ. Вспомнить можно отчасти и классическій миѳъ объ Орфеѣ. Смыслъ подобныхъ преданій тотъ, что «пѣсня бурныхъ вѣтровъ, животворя весною своимъ дыханьемъ природу, приводитъ въ дикую пляску дождевыя облака, представляемыя то въ образѣ разныхъ животныхъ, то въ видѣ небесныхъ горъ и лѣсовъ.» (Аѳан. Поэт. В. Сл., I, 325, 332—3)—то, прибавлю къ этому, въ антропоморфическомъ образѣ морскаго или водянаго царя.

Къ стр. 245 и христ. стр. 183. Опущенное мною въ словѣ Луки Жидяты москолудство объясняли какъ сложное изъ: а) маска, b) luda—покровъ, luditi—покрывать (хорватск.), luden—newalené sukno (чешск.). Если такое толкованіе справедливо, то Лука Ж. нападаетъ въ этомъ мѣстѣ своего поученія на обрядъ переряживанья, миѳическое значеніе котораго объяснено у меня на стр. 38) (Ср. у Аѳан. Поэт. возар. I, 719).

Къ стр. 273, прим. 1. Въ библіографіи Вѣстника Европы. 1866 г., кн. II попадаются нѣкоторыя возраженія на статью г. Котляревскаго о скандинавскомъ кораблѣ, дѣльности которыхъ я не могу не признать. Дѣйствительно тутъ еще предстоитъ вопросъ: «Варяги-Скандинавы первые ли начали плавать по русскимъ рѣкамъ, или жители, обитавшіе на русскомъ материкѣ, прежде были знакомы съ этимъ занятіемъ?» Весьма вѣроятно, что «нужда давно должна была научить Славянъ дѣлать суда, а умѣя ихъ дѣлать для своихъ рѣкъ, естественно они не могли первоначально научиться этому искусству отъ варяговъ-Скандинавовъ, и послѣдніе никакъ не могли явиться цивилизаторами Славянъ въ этомъ отношеніи» (стр. 4-ая отдѣла «Литературная Хроника»). Но этими возраженіями не устраняется сходство того корабля, о которомъ говорятъ былины про Соловья Будиміровича, съ описаніями корабля въ скандинавскихъ источникахъ; такимъ же скандинавизмомъ самой обстановки богатыря въ свою очередь подкрѣпляется то заключеніе о скандинавскомъ его характерѣ, которое сдѣлано мною на совершенно особенныхъ основаніяхъ. Возраженія-

ил В. Е. ни мало не устраняется и вліяніе вообще торговой предпріимчивости варяговъ на Новгородъ.

Къ стр. 288. Замѣчательно, что и раскопками кургановъ Московской губерніи подтверждается миролюбивый характеръ курганнаго племени, какъ называетъ его г. Богдановъ. «Вѣроятно, говоритъ онъ, наше курганное племя было очень мирное, потому что не клало со своими покойниками никакого смертоносснаго оружія. Только въ одномъ курганѣ найдена желѣзная вещь, которая мнѣ кажется остріемъ копья; но зато при покойникахъ иногда находятся мирные атрибуты ихъ занятія, въ родѣ ножницъ, служащихъ для стрижки овецъ, и гребня»... «Между 134 черепами, находящимися у меня, нѣтъ ни одного, который бы представлялъ слѣды пораненія, слѣды битвы»... (Богданова, Курганное племя Моск. губ., стр. 13, 21 отдѣльнаго оттиска; помѣщено было въ Моск. Унив. Изв. 1865 г. № 3).

Свидѣтельство г. Гатцука объ отсутствіи оружія въ описанныхъ имъ курганахъ Московской же губерніи (прилож. къ 1-му вып. Трудовъ Моск. Археол. Общ., стр. 6 и 7) не имѣетъ особенной важности потому, что въ курганахъ этихъ и вообще вещей найдено имъ немного. Тѣмъ не менѣе вниманія заслуживаетъ его напоминаніе при этомъ о тѣхъ Славянахъ, приведенныхъ къ Имп. Маврикію, которые сказали ему, что у нихъ нѣтъ желѣза, нѣтъ и оружія, что они не знаютъ войны, живутъ мирно и любятъ музыку; а равно и указаніе на извѣстныя слова Тацита о Финнахъ: «дикость Финновъ удивительная, нищета поразительная: ни оружія, ни коней, ни пенатовъ.» (Впрочемъ далѣе замѣчаетъ онъ, что и у нихъ «вся надежда на стрѣлы, острія которыхъ, за отсутствіемъ желѣза, дѣлаютъ изъ костей») «Это свидѣтельство Тацита о Финнахъ, замѣчаетъ г. Гатцукъ, подтверждаютъ и послѣдующіе писатели — Іорнандъ, Прокопій, Павелъ дьяконъ (стр. 8).

На отношенія славянской стихіи къ финской оригинальнымъ образомъ посмотрѣлъ К. Д. Кавелинъ, въ своихъ «Мысляхъ и Замѣткахъ о русской исторіи,» помѣщенныхъ во II-й книжкѣ «Вѣстника Европы» за текущій годъ. По многому видно тутъ, что почтенный авторъ уже значительно измѣнился въ своихъ воззрѣніяхъ, хотя и нигдѣ не высказываетъ этого съ полною отчетливостью и откровенностью. Во первыхъ тутъ уже нѣтъ теоріи собственно такъ называемаго родоваго быта. Самое слово родъ употребляется очень рѣдко (но гдѣ оно употреблено, тамъ и теперь замѣтно невольное, очевидно, смѣшеніе главы семейства съ родоначальникомъ, семейства съ родомъ—стр. 363). Вмѣсто рода теперь является домъ или дворъ, какъ основная ячейка быта, получившаго самое полное и безпримѣрное развитіе въ Великороссіи (стр. 362).—Въ указаніи на необходимость строго выдѣлять въ изслѣдованіяхъ по русской исторіи стихію собственно великороссійскую, какъ послужив-

шую главною основою нашей государственности, заключается одна изъ самыхъ дѣльныхъ сторонъ статьи. Авторъ вполнѣ справедливо признаетъ заслуги великорусской вѣтви по дѣлу объединенія русской земли — какъ внѣшняго, такъ и внутренняго (воспріятіе, переработка и нравственное слитіе съ собою и поглощенье въ себѣ финской стихіи). Но съ этимъ какъ-то не вяжется то совершенное отсутствіе всякихъ культурныхъ зачатковъ, съ какимъ будто бы великорусское племя и выступило на свое поприще, и побѣдно выдерживало на немъ въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ. Отсутствіе культурныхъ зачатковъ подкрѣпляется, между прочимъ, и состояніемъ миѳологіи. По мнѣнію автора, «русскій Олимпъ едва началъ слагаться около временъ Владиміра и вѣроятно потому не удержался въ народной памяти... Бѣднѣе миѳологію трудно себѣ представить»—(стр. 345). «Мы обращаемся, рѣшаетъ онъ тамъ-же, съ данными славянской миѳологіи очень произвольно, и дурно подражаемъ Гримму.»— Впрочемъ и «въ примѣненіи къ германской миѳологіи, по словамъ г. Кавелина, методъ Гримма можетъ быть не вполнѣ вѣренъ»... На все это можно замѣтить — что тутъ видно какое-то несовсѣмъ умѣстное незнакомство съ тѣмъ, что сдѣлано въ миѳологіи послѣ Гримма. На глазахъ у многихъ, можно сказать, изъ задатковъ гриммовской школы возникла и сложилась въ стройное зданіе цѣлая наука о народныхъ вѣрованіяхъ— наука, по своему методу подходящая къ сравнительному языкознанію, и заслуживающая такого же внимательнаго обращенія съ собою, какъ и это послѣднее. Тутъ, какъ, впрочемъ, и во всякой наукѣ, нельзя только заглянуть мимоходомъ — ничего не узнаешь! Но такъ какъ вникать глубоко не у всякаго хватитъ досуга — при другихъ, издавне-спеціальныхъ занятіяхъ — то лучше бы просто на просто отказаться отъ сужденій по слухамъ. Но у многихъ вошло въ обычай — какъ бы искать извиненія въ недосугѣ, весьма понятномъ и весьма извинительномъ, искать его — въ стараніи увѣрить себя и другихъ, что эта новая выскочка между науками — вниманія и не стоитъ... [1])

Какъ бы то ни было, мнѣніе г. Кавелина о томъ, что наши переселенцы изъ Западной Руси въ финскія земли (этимъ и завязалась великорусская вѣтвь) не принесли съ собою никакой культуры (стр. 350), мнѣніе, мало подкрѣпляемое его нѣсколько голословными заключеніями о когда-то почитавшейся аксіомою совершенной бѣдности миѳологіи;—встрѣчаетъ даже прямое ограниченіе, если не опроверженіе, у самого автора. Самъ онъ видитъ издавніе зачатки культуры въ Западной Руси, (говоря, что она не понизилась ни въ Малороссіи, на даже на сѣверо-западѣ —

---

[1]) Весьма странное незнакомство съ результатами новѣйшей науки сравнительной миѳологіи замѣтно и въ тѣхъ нападкахъ на статью г. Потебни о Ягѣ-Бабѣ, которыя находятся въ Литературной Хроникѣ Вѣстника Европы, № 1, стр. 4 и 5.

стр. 356), признаетъ, что и въ восточной Руси, куда совершались переселенія изъ Руси западной, долгое время держался на новой почвѣ западно-русскій строй жизни (стр. 357) — самимъ же авторомъ признаваемый за далеко-не-чуждый задаткамъ культуры! Съ другой стороны ежели однимъ изъ признаковъ западно-русской культуры самъ онъ признаетъ обрусѣнье Литовцевъ, (стр. 356) то какъ же не видѣть доказательства существованія и великороссійскихъ культурныхъ началъ въ обрусѣніи Финновъ, вполнѣ признаваемомъ нашимъ авторомъ? (Конечно, Литовцы были побѣдители и обрусѣніе ихъ побѣжденными — фактъ тѣмъ болѣе замѣчательный. Но съ другой стороны — Финны не были побѣждены — въ смыслѣ завоеванія, а были подчинены нравственнымъ, духовнымъ преобладаньемъ Великоруссовъ).

Къ стр. 290 и 291. Объ отношеніи церкви къ государству въ Византіи подробно въ I томѣ книги—Geschichte der Kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident von Pichler, privatdocent der Theologie an der Universität München. 1864. Книга эта отличается дѣльностью и замѣчательнымъ для католика безпристрастіемъ. (Можно бы, конечно, съ бо̀льшимъ вниманіемъ остановиться на тѣхъ свѣтлыхъ личностяхъ византійской іерархіи, которыя рѣшались давать отпоръ существующимъ злоупотребленіямъ. Впрочемъ о нѣкоторыхъ упоминается и довольно обстоятельно на стр. 98—99, 409, 411, 416—17). Замѣчательны у Пихлера слѣдующія цитаты изъ византійскихъ писателей.

Уже Киннамъ (1170 г.) говорилъ, что «міряннну не подобаетъ пускаться въ изслѣдованія о существѣ Божіемъ, что это приличествуетъ только учителямъ церкви, высшему духовенству и, можетъ быть, въ силу ихъ достоинства, кесарямъ.» А у Вальсамона: «Кесари и патріархи почитаются учителями по своему достоинству, принадлежащему имъ въ силу помазанія миромъ. Отсюда-то и власть благочестивѣйшихъ кесарей наставлять христіанъ и, подобно священникамъ, возносить кадило къ небу... Власть и кругъ дѣйствія кесаря распространяется на тѣло и душу, патріарха же—только на душу...» Впрочемъ далѣе Вальсамонъ замѣчаетъ, что только тѣ каноны получаютъ силу заповѣдей Божіихъ, которые утверждены кесарями и отцами церкви, тогда какъ законы, исходящіе отъ однихъ кесарей, не имѣютъ подобной силы. Но въ другихъ мѣстахъ онъ ставитъ церковную власть кесарей выше епископской. Относительно постановленнаго на одномъ изъ соборовъ запрещенія монахамъ и духовнымъ вообще занимать свѣтскія должности, онъ замѣчаетъ, что исключенія могутъ тутъ быть допускаемы по благоусмотрѣнію епископа, а тѣмъ болѣе кесаря (I, 414—415).

Димитрій Каматеръ называетъ кесаря всеобщимъ верховнымъ учителемъ церквей, стоящимъ выше соборныхъ рѣшеній и сообщающимъ имъ всю силу. Онъ устроитель церковной іерархіи и законоположникъ жизни и

образа дѣйствія священниковъ, ему приличествуетъ рѣшать споры между епископами и духовными и выборы на вакантныя церковныя должности... За исключеніемъ одного служенія литургіи, онъ представляетъ въ себѣ всѣ остальныя привилегіи епископовъ, въ силу коихъ церковныя распоряженья его получаютъ значеніе каноническое. Подобно тому, какъ древніе римскіе кесари величались в. понтифексами, такими должны почитаться и нынѣшніе, какъ помазанники господни... Подобно Христу, который, какъ помазанникъ, есть нашъ первосвященникъ и почитается таковымъ,—подобаетъ и помазанному миромъ кесарю быть украшену благодатнымъ даромъ первосвященничества» (415).

Историкъ Георгій Акрополитъ говоритъ касательно браковъ греческихъ кесарей съ ихъ племянницами, что, запрещаемые всѣмъ остальнымъ, они разрѣшаются кесарямъ. Такъ и у Пахимера: «кесарямъ, подобно епископамъ, принадлежитъ святость, такъ какъ они помазаны миромъ.» Никифоръ Хумнъ называетъ кесаря словомъ божіимъ, епископомъ, священникомъ, жертвенникомъ (416). (См. также у Пихлера въ томъ же 1 томѣ стр. 46, 48—9, 65, 85—6, 93—4, 212, 216).

Къ стр. 291. О католическихъ пропагандныхъ поползновеніяхъ въ древней Руси смотри на начальныхъ страницахъ замѣчательнаго труда Гр. Д. Н. Толстаго — «Le Catholicisme Romain en Russie,» — особенно важнаго, впрочемъ, для изученія относительно-позднѣйшей поры.

Къ стр. 321 прим. 1. О миѳич. значеніи чудесной птицы въ стихѣ о голубиной книгѣ замѣчаетъ г. Аѳанасьевъ: «какъ скоро встрепенется эта птица — отъ удара ея могучихъ крыльевъ рождаются вѣтры и подымается буря: представленіе совершенно сходное со скандинавскими орлами — великанами. По бѣлорусскому повѣрью гарцуки (отъ гарцовать—играть, бѣгать въ запуски), духи подвластные Перуну, летаютъ въ видѣ разныхъ хищныхъ птицъ, и, разыгравшись въ воздухѣ, крыльями своими производятъ стремительные вѣтры.» Вспоминая за тѣмъ и объ огромной птицѣ сказокъ, г. Аѳанасьевъ заключаетъ: «мы убѣждаемся, что въ ея грандіозномъ образѣ фантазія воплотила тотъ неудержимо несущійся бурный вихрь, который, нагоняя на небо черныя тучи, потемняетъ солнечный свѣтъ, волнуетъ моря,» и т. д. (Аѳан. Поэт. Воззр. Слав., I, 505 — 507).

Къ стр. 337. Подъ слезами богородицы должны скрываться въ свою очередь слезы миѳическія: капли утренней росы уподоблялись слезамъ весенней богини (герм. Фреи, слав. Пріи). (Аѳан. Поэт. В. Сл., I, 228). Роса уподоблялась тоже слезамъ зари — которая такъ близка по своему значенію къ веснѣ (тамъ же стр. 599; сравни стр. 601).

Къ стр. 342 и христ. стр. 299, столб. 2. И въ томъ чудѣ, которымъ разубѣждается въ своемъ невѣріи старикъ Еврей, г. Аѳанасьевъ видитъ

миѳическую основу. Объ этомъ взлетѣ и пѣніи жаренаго пѣтуха говоритъ онъ на стр. 521 своихъ Поэт. Воззр. «Въ такой легендарной обстановкѣ передается древнее миѳическое сказаніе о птицѣ весеннихъ грозъ, которая, будучи пожигаема пламенемъ молній, несется по поднебесью и поетъ громовую пѣсню (сличи съ преданіемъ о Фениксѣ).

Къ стр. 343. Г. Лавровскій, въ своемъ обозрѣніи ветхозавѣтныхъ апокрифовъ, указывая на жестокій судъ Авраама надъ грѣшниками—совершенно противоположный милостивому суду Божію, приводитъ соотвѣтственные примѣры изъ русскихъ и нѣмецкихъ народныхъ легендъ: вездѣ Божій судъ оказывается неизмѣримо снисходительнѣе и милосерднѣе человѣческаго (Обозр. ветх. ап., 27 — 30 — въ Дух. Вѣстн. 1864 г.).

Къ стр. 347. И народные стихи о стр. судѣ примкнули къ древнимъ миѳич. представленіямъ. Объ этомъ говоритъ г. Аѳанасьевъ: «представленія о зимней смерти природы и ея весеннемъ возрожденіи послужили источникомъ, изъ котораго фантазія создала картины послѣдняго разрушенія вселенной и грядущаго за тѣмъ царства вѣчной правды и нескончаемаго блаженства. Изъ хаоса и борьбы стихій боги созидаютъ новый міръ, и миѳы, повѣствующіе о происхожденіи будущаго блаженнаго царства, въ основѣ своей совершенно тождественны съ миѳами космогоническими. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что народныя преданія о созданіи и кончинѣ вселенной, о страшномъ днѣ суда, адѣ и раѣ возникли изъ древнѣйшихъ воззрѣній на природу и ея годичныя превращенія. (Поэтич. Воззр. Слав., I, 761) Миѳич. основа ясно сквозитъ и въ древне-германскомъ стихотвореніи о страшномъ судѣ, извѣстномъ подъ именемъ Muspilli.

Къ стр. 348. Жена Пентефрія въ апокрифѣ зовется—Амемфія. «Не отсюда ли, говоритъ г. Лавровскій, ведетъ свое происхожденіе Амелфа Тимофѣевна нашихъ былинъ, какъ очевидно-библейское происхожденіе (былинныхъ) рѣкъ Сафата и Израя?» (Н. Лавровскаго Обозрѣніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ, 48 — въ Духовн. Вѣстн. 1864 г.)

Къ стр. 356. Слово боянъ объясняется у г. Аѳанасьева слѣдующими сопоставленіями: бая(и)ть — говорить, разсказывать, байка — сказка, баюнъ — сказочникъ..; баюкать — укачивать подъ пѣсню, обаять—обворожить, обавникъ — чародѣй; иллирск. bajanie — заговоръ, пѣснь, поэтич. вымыслъ, bajan — чародѣй, волхвъ; польск. bajac— разсказывать сказки, bajeczny — баснословный; чешск. bag, bagar, bagec — сказочникъ, bageni — пѣсня, рѣчь; сербск. бајати — колдовать, бајанье — колдовство. (Аѳан. Поэт. Воззр. Слав. I, 405).

Къ стр. 360, прим. 3. «О существѣ упоминаемаго въ нашихъ древнихъ памятникахъ бога Трояна, говоритъ г. Котляревскій, покамѣсть нельзя еще судить съ достовѣрностью. Легко могло быть, что обоготворенный римскій императоръ сдѣлался дѣйствительнымъ богомъ у тѣхъ

племенъ славянскихъ и въ тѣхъ областяхъ, на которыя простиралась его власть. На него могли быть перенесены древнія языческія воспоминанія Славянъ: обоготворенный императоръ, которому въ его владѣніяхъ приносились жертвы — легко могъ въ народныхъ понятіяхъ заступить мѣсто какого нибудь древнѣйшаго языческаго божества. Не малое подтвержденіе этому предположенію мы позволяемъ себѣ видѣть въ томъ обстоятельствѣ, что богъ Троянъ—является исключительно въ письменныхъ свидѣтельствахъ, относящихся къ южнымъ Славянамъ.» —Замѣчательна также ссылка г. Котляревскаго на фундуклеево описаніе могилъ и т. д. Кіевской губерніи, — что въ южной Руси на весьма большомъ разстояніи тянется валъ трояновъ. Съ этимъ преданіемъ соединяетъ народъ нѣкоторыя преданія миѳическаго характера. Кое-когда въ нихъ поминается и Троянъ, носящій названіе царя Ермаланскаго (т. е. римскаго, римлянскаго?) Существуютъ трояновы валы и на дунайскомъ побережьѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ нерѣдко находятъ римскія монеты и именно монеты императора Трояна. (Матерьялы для археол. словаря — въ Трудахъ Московскаго Археолог. Общ., I, стр. 13 и 14).

Троянъ упоминается въ числѣ боговъ и въ «хожденіи Богородицы по мукамъ» (см. христ. стр. 300, столб. 1-й).

Къ стр. 367 и христ. стр. 338. Подобно Ярославнѣ, величающей вѣтеръ воззваніемъ — господине, онъ и до сихъ поръ еще слыветъ у насъ господиномъ въ простомъ народѣ (Аѳанасьева Поэт. воззр. Слав. I, 312).

Къ стр. 369. Г. Аѳанасьевъ полагаетъ, что въ «словѣ о П. И.» босымъ волкомъ стоитъ вм. бусымъ волкомъ, а бусый—сѣрый, дымчатый, сѣдой; бусъ—мелкій дождь и мучная пыль, бусить—итти мелкому дождю и пылить мукою. Послѣ этого въ «Словѣ о П. И.» бусово время = сѣдое, старое время. (Поэт. ч. Воззр. Слав., I, 739).

Къ стр. 376. Со словомъ Даніила Заточника можно бы сопоставить просительныя элегіи, отправленныя также изъ заточенія къ сыну Людовика благочестиваго монахомъ Эрмольдомъ. (IX в.) Передъ учено-витіеватыми пріемами западнаго поэта-челобитчика, призывающаго ходатайствовать за себя самую музу Талію, рѣшительно блѣднѣетъ витіеватость нашего сравнительно-скромнаго Даніила. Эрмольдъ рѣшается сравнивать себя, какъ заточника, не только съ Овидіемъ, но и съ Петромъ апостоломъ, и Іоанномъ Богословомъ. Замѣчательна также въ одной изъ челобитныхъ элегій Эрмольда жалоба музы Таліи на глупую страсбургскую чернь, не знающую латинскаго языка и тѣмъ самымъ заставившую епископа переводить свои проповѣди на языкъ туземный, за что и дано ему названіе толмача. «Говорить на живомъ языкѣ, замѣчаетъ при этомъ г. Стасюлевичъ, значило переводить съ латинскаго; между тѣмъ епископъ былъ родомъ изъ Германіи, и потому когда онъ, по словамъ

автора, переводилъ, онъ собственно говорилъ съ своими соотечественниками на родномъ языкѣ.» (См. статью «Средневѣковой историкъ и его отношенія къ своему обществу»—въ «Вѣстникѣ Европы 1866 г., кн. I, стр. 279 — 281).

Къ стр. 381. Также у Кирѣевск. въ вып. I отд. II, п. 8— упоминается о холонствѣ вѣковѣчномъ (въ какое не хочетъ Илья взять разбойниковъ).

Къ стр. 399, прим. 3. Мнѣнію своему о принадлежности «поученія крестьяномъ» Матѳею Зарайскому преосвященный Макарій остается вѣренъ и во вновь вышедшемъ V т. своей исторіи Русской церкви, стр. 166 (въ составъ ея, впрочемъ, вошли статьи, помѣщавшіяся въ «Духовномъ Вѣстникѣ»).

ОПЕЧАТКИ.

—

Стр.		строк.	Напечатано:	должно быть:
6		13 и 14	словестностью... словестность	словесностью... словесность.
11		36	объ всемъ	обо всемъ.
12		6	съ стремлен емъ	со стремленіемъ
16		29	за то, тѣ	зато тѣ
17		4	въ особенномъ смыслѣ	въ собственномъ смыслѣ.
22		25	разнообразными наслоенія	разнообразными наслоеніями.
25	прим.	1	Mytnologie	Mythologie
	прим.	6	нобѣждены	побѣждены
26		23	меж ндуебесныиъ и человѣческимъ миромъ	между небесныиъ и человѣческимъ міромъ.
29	прим.	1	въ древнѣйшихъ еще	въ древнѣйшихъ миеахъ еще
	прим.	5	comporative	comparative.
30		5	другихъ небесахъ	другихъ небесныхъ
33		27	такая-то	какая-то
37		16 и 17	коляды, праздника, какъ	коляды, какъ праздника
40		13	оеновномъ	основномъ.
		25	кабана (свинкою, и	кабана свинкою, (и
41		27	Голиціи	Галиціи
52		6	обряды Додола	обрядъ додолы
54		5	ожпленнаго	оживленнаго
58		16	грагическій	трагическій
59		29	Онъ, по нар. вѣрованію,	Громъ, по народн. вѣрованію.
61		34	накопляющихся	накоплявшихся.
62		3	ключемъ въ	ключомъ въ
		34	славянской	славонской
67		32	невводилось	низводилось
69		19	но и тутъ	и тутъ.
71		31	именуемыхъ трясавицами	и именуются трясавицами.
72		10	именамъ	именахъ
73		23	Въ число	въ числѣ
76		13	обрасомъ	образомъ
		31	знахоровъ	знахаровъ
78		25	подобно ожидать	надобно ожидать
83		24	вѣдьмой—кіевскою	вѣдьмы—кіевскою
		42	самаго	самого
85	прим.	11	столь же	столько же
87		31	предупрежденныхъ	предубѣжденныхъ
90,		1	непривильностямъ	неправильностямъ
92,		25	рямскому	римскому
97,		5	здмли	земли

II.

Стр.		строк.	Напечатано:	Должно быть:
	прим.	9	русаловъ	русаловъ
101,		19	на которыя	на который
106		15	обрисовываетъ	обрисовываютъ
108		34	ходило	доходило
114		17	отстать отъ мысли	отстать и отъ мысли
127	прим.	7	о свободы	о свободѣ
130		16	въ древнѣйшеми	въ древнѣйшемъ
131		22	отнешенія	отношенія
134		11	бѣлевыя	былевыя
136		31	слова вервь	слово вервь
141	прим.	30	званевъ	звеньевъ
143		27	являются въ нихъ	являются въ ней
145		19	стр. 53—39	стр. 53—59
157	прим.	11	орушія	оружія
158		13	дуракамъ	дуракомъ
	прим.	6	свѣреное	свѣтлое
164		30	грамовникъ	громовникъ
	прим.	1	Leuf	L'Oeuf
166		2	Иванушка	Иванушки
167	прим.	6	мудрый се наживоваше	лудый се наживоваше
168		8	частаго	чистаго
		22	почиталась	почиталось
170		7	нравопоисательное	нравоописательное
171	прим.	1	dati wavda	dati pravda
178		33	и правосудное возмезде богачу за зло	(въ тоже время и правосудное возмездіе богачу за зло)
181		16	напроревъ	напротивъ
183	прим.	3	Begräbnit dess	Begräbniss der
188	прим.	20	Пангша	Пантша
191		7	пратотиномъ	прототипомъ
192		7	могло	могла
193		8	во многихъ	во многихъ сказкахъ
197		17	пастушескимъ	пастушескими
202	прим.	1	обозначалась	обозначалось
203		22	первоночальному	первоначальному
205		10	указываетъ	указываютъ
206		24	И вотъ тотъ	И вотъ тотъ же
—		26	образъ долженъ	образъ его долженъ
217		30	чего не дѣлалъ	чего ни дѣлалъ
218		9	перемъ	перомъ
—		21	паддающейся	поддающейся
—	прим.	9 и 10	разныхъ Славянъ учеляковскаго	разныхъ Славянъ у Челяковскаго.
220	прим.	7	Köbler	Köhler
221		16	станащниками	станищниками
223		35	которые	нѣкоторые
230		14	позолоченымъ-маковкамъ	по золоченымъ маковкамъ—
231		10	тотарщины	татарщины
232		1	По праву	по праву
—		22	токого	такого
235		4	съ такою уже	съ такою же
248		14	что бы	чтобы
253		32	руку мою	руку моею
262		4	составатель	составитель
267		7	дрижины	дружины
269		2	буде у меня больше, такъ я у тебя на вѣкъ слуга	буде у меня больше, ты у меня на вѣкъ слуга, буде у тебя больше, такъ я у тебя на вѣкъ слуга.
270	прим.	3	Jagaen Bibliottek	Sagaen Bibliothek
272		15	гетманскомъ	германскомъ
723		20	—также признаннаго	—(также признаннаго

Стр.		строк.	Напечатано:	Должно быть:
381		13	этоизма	эгоизма
282		22	не забываете	не забывайте
284	прим.	6	преннѣйшихъ	древнѣйшихъ
286		28	безнорно	бесспорно
289		16	описывали	списывали
290		9	нервонитный	первобытный
292		22	константинопольскихъ натрархомъ	константинопольскаго патріарха
—		32	тома	дома
294		8	служитъ	служить
—		22	обратится	обратиться
297		24	страніа	страданія
298	прим.	4	Шевир. ч. 14	Шевыр. ч. II
301		36	III-го	XIII-го
302	прим.	8	житіе А. Р. Найдено	житіе А. Р. найдено
306		7	ложныя анокрифическя	ложныя (апокрифическія)
307		6	сохранились	сохранялись
309		17	становиться	становится
310		2	заходѣли	захотѣли
—		14	атамъ	атаманъ
—		22	туть	тутъ
311		11	можсть бы	можетъ быть
—		14	съ стихами	со стихами
313	прим.	34 35	настоящими	настоящимъ
317	прим.	4	горахъ	городахъ
321	прим.	8	подобнымъ лирическихъ	подобныхъ лирическихъ
335		10	въ произведенныхъ	въ произведеніяхъ
341		1	во гробѣ зрищи	во гробѣ зрящи
357	прим.	20	см. старью	см. статью
359	прим.	9	князья въ словѣ	князья въ „словѣ“
360		23	до того; что въ другомъ	до того, что, въ другомъ
—	прим.	15	По крайней	по крайней мѣрѣ
362		30	со старинной	со старинной
367		1	тамъ живо	такъ живо
369		9	преклонилось	приклонилось
		32	подобной тому	подобно тому
372	прим.	10	остающемся	остающемуся
377		2	исходъ	и исходъ
385	прим.	1	Святославомъ	Святославовомъ
391		31	самотъ дѣлѣ	самомъ дѣлѣ
392	прим.	1	Никто же, аще	«Никто же, аще
394		23	у Симона: уже готовъ отвѣтъ,	у Симона уже готовъ отвѣтъ:
399		21	философъ велій	«философъ велій

Примѣч. По недосмотру, однажды вкравшемуся и прошедшему черезъ всю книгу,—въ христоматіи въ оконч. 3-го лица множественнаго числа глаголовъ прош. вр. вездѣ стоитъ ша, тогда какъ по положенному въ основаніе объединенному правописанію должно быть шя (я—вмѣсто юса малаго). Чувствую вообще, что недосмотры и и промахи подобнаго рода составляютъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ моего труда.

ОГЛАВЛЕНІЕ 1-го ВЫПУСКА.

—

Цѣна вмѣстѣ съ 1-мъ выпускомъ Христоматіи

2 руб. сер.

ХРИСТОМАТІЯ

КЪ

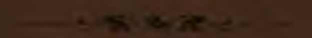
ОПЫТУ ИСТОРИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Ореста Миллера.

ИЗДАНІЕ 2-е, ДОПОЛНЕННОЕ.

Часть I. Выпускъ I.

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ТАТАРЩИНЫ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1866.

ХРИСТОМАТІЯ

КЪ

ОПЫТУ ИСТОРИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Ореста Миллера.

ИЗДАНІЕ 2-е, ДОПОЛНЕННОЕ.

Часть I. Выпускъ I.

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ТАТАРЩИНЫ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1866.

Типографія Куколь-Яснопольскаго.
На углу Малой Мѣщанской и Столярнаго пер. домъ № $^{6}/_{14}$.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Въ этомъ 2-мъ изданіи читатель найдетъ цѣлые отдѣлы, даже и вовсе не входившіе въ 1-е изданіе: отдѣлы пѣсень обрядовыхъ, заговоровъ, загадокъ и сказокъ (стр. 1—142). Значительно обширный и въ первомъ изданіи выборъ былинъ пополненъ особымъ отдѣломъ, подходящимъ довольно близко къ сказкамъ, а потому и помѣщаемымъ непосредственно вслѣдъ за ними—это былины про сватовство (въ разрядъ ихъ перенесена и былина о Дунаѣ, въ 1-мъ изд. находившаяся въ другомъ мѣстѣ). Съ другой стороны нѣкоторыя (впрочемъ весьма немногія) произведенія народной поэзіи изъ 2-го выпуска выключены для помѣщенія ихъ въ одномъ изъ слѣдующихъ: сюда относится былина о Данилѣ Денисьевичѣ и Василисѣ Микулишнѣ, носящая уже отпечатокъ значительно позднѣйшаго періода русской исторіи; далѣе — духовные стихи аскетическаго содержанія (объ Іосафѣ царевичѣ, объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ), которые, какъ доказано проф. Тихонравовымъ, могли сложиться только въ позднѣйшее время. Взамѣнъ исключенной былины, въ этотъ выпускъ переносится былина о трехъ поѣздочкахъ Ильи Муромца, въ 1-мъ изданіи помѣщенная гораздо ниже (потому собственно, что та часть сборника г. Рыбникова, изъ которой она заимствована, вышла въ свѣтъ уже по отпечатаніи первыхъ листовъ моей Христоматіи.) Что касается исключенныхъ (изъ этого выпуска) духовныхъ стиховъ, то взамѣнъ ихъ помѣщаются нѣкоторые другіе, отличающіеся отдаленною древностью и заимствованные изъ сборника галицкихъ пѣсень г. Головацаго и 5-го выпуска „Калѣкъ перехожихъ“ г. Безсонова. Сверхъ того помѣщены вновь три отрывка изъ апокрифовъ, нѣсколько отрывковъ изъ черноризца Іакова, распространены заимствованія изъ начальнаго лѣтописца, и т. п. — Несторовы разсказы о дѣтствѣ св. Ѳеодосія и о его смиреніи въ настоящемъ

изданіи помѣщены уже не въ переводѣ на современный языкъ преосв. Филарета (какъ было въ 1-мъ изданіи), а въ подлинникѣ, особенно драгоцѣнномъ по древности дошедшаго до насъ списка. Поученіе Владиміра Мономаха, въ первомъ изданіи помѣщенное между памятниками XII в., теперь помѣщается послѣднимъ въ ряду памятниковъ XI, согласно изслѣдованію М. П. Погодина, опредѣлившему время его написанія 1099 годомъ. Нѣкоторыя мѣста въ отрывкахъ изъ Хожденія Паломника Даніила выправлены по изданію А. С. Норова, которое ежели и далеко отъ того, чтобы вполнѣ удовлетворять требованіямъ критики, то всетаки должно быть принято къ свѣдѣнію по указаніямъ на цѣлое множество списковъ. Въ произведеніи другого Даніила—Заточника, кое что выправлено по списку Копенгагенскому, напечатанному И. И. Срезневскимъ въ X т. Извѣстій Академіи Наукъ.

Есть еще существенное измѣненіе въ этомъ 2-мъ изданіи, проходящее черезъ всѣ статьи, извлеченныя изъ древнихъ литературныхъ памятниковъ. Очень многіе, можетъ быть, осудятъ меня за него; съ другой же стороны, я надѣюсь, останутся довольны — по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нашихъ преподавателей. Извѣстно, что памятники нашей древней литературы далеко не всѣ дошли до насъ въ спискахъ древнихъ. Читая писателя XI или XII вѣка, мы обыкновенно встрѣчаемся съ формами грамматическими несравненно позднѣйшаго вѣка, или, лучше сказать, вѣковъ, т. е. съ самою разнохарактерною путаницею формъ, очень часто зависящею даже просто отъ невѣжественныхъ ошибокъ писца. Подобная же путаница, мѣшая цѣльности впечатлѣнія, дѣйствуетъ самымъ невыгоднымъ образомъ—въ отношеніи педагогическомъ. Ни одно изъ грамматическихъ основаній, сообщаемыхъ ученику въ теоріи, не оправдывается передъ его глазами на практикѣ; чтеніе, такимъ образомъ, не только не утверждаетъ его въ знаніи законовъ древняго языка, но даже просто сбиваетъ съ толку. Въ этомъ отношеніи пригоднѣйшимъ способомъ размѣщенія христоматіи долженъ быть признанъ усвоенный г. Буслаевымъ - размѣщеніе по вѣку рукописей. Но за то вѣдь подобная Христоматія служитъ уже, главнымъ образомъ, для изученія исторіи языка; я-же преимущественно имѣлъ въ виду исторію отечественной словесности, а потому и не могъ не размѣщать памятниковъ по времени первоначальнаго ихъ написанія. Такимъ образомъ Лука Жидята, дошедшій до насъ въ спискѣ уже XVI ст., не могъ не быть помѣщенъ всетаки во главѣ всѣхъ, и уже гораздо ранѣе Несторова житія Ѳеодосія, хотя оно, какъ извѣстно, имѣется въ спискѣ XII ст. Но неужели же нѣтъ возможности, думалъ я, хотя до нѣ-

которой степени возстановить въ спискахъ позднихъ цѣльность первоначальнаго языка; хотя до нѣкоторой степени возвратить, такъ сказать, ихъ языкъ ко времени первоначальнаго написанія памятника? Вѣдь имѣются же у насъ нѣкоторыя списки замѣчательно древніе;—неужели же не позволено, на основаніи ихъ, попытаться возстановлять формы древнія въ спискахъ позднѣйшихъ? Да развѣ такое возстановленіе въ теоріи не было сдѣлано—и уже какъ давно—покойныхъ А. Х. Востоковымъ; и развѣ его основныя черты старославянскаго языка не были признаны извѣстнѣйшими славистами, какъ оно значится и въ новѣйшемъ обозрѣніи трудовъ знаменитаго нашего филолога, помѣщенномъ И. И. Срезневскимъ во главѣ его изданіи „Филологическихъ наблюденій" Востокова?

Памятники, помѣщенные въ настоящемъ выпускѣ моей Христоматіи, захватываютъ вѣка: XI, XII и немного болѣе первой четверти XIII, — т. е. какъ разъ тотъ періодъ, который является у Востокова древнимъ періодомъ языка славянскаго. Вотъ я и позволилъ себѣ памятники, помѣщаемые въ этомъ выпускѣ, приводить, на основаніи положеній Востокова, къ единству правописанія. При этомъ, разумѣется, я могъ имѣть въ виду только формы грамматическія; что касается мѣстныхъ особенностей выговора, которыя, по замѣчанію самого Востокова, уже издавна стали проявляться у насъ на Руси, – то всѣ ихъ старался я оставлять въ совершенной неприкосновенности. Извѣстно, что у насъ уже издавна и юсы — большой и малый—стали въ произношеніи замѣняться буквами у и я; вслѣдствіе этого я бы могъ провести такую замѣну и въ своей Христоматіи даже въ томъ случаѣ, ежели бы въ типографіи, гдѣ она печаталась, имѣлись шрифты для юсовъ. Ихъ же ней, сверхъ того, и не оказалось. Ежели же, вслѣдствіе уже одного этого, пришлось ограничиваться соблюденіемъ только внутреннихъ особенностей языка, и отказаться отъ соблюденія древнихъ особенностей самаго начертанія, то послѣдовательность потребовала уже и замѣны древняго начертанія звука у въ началѣ словъ (о у) теперешнимъ вездѣ одинаковымъ у; осмиричнаго и передъ гласными — употребительнымъ теперь передъ ними десятиричнымъ — і (такая замѣна служила, къ тому же, и значительнымъ сокращеніемъ въ смыслѣ типографическомъ). Полная же послѣдовательность въ несоблюденіи собственно внѣшнихъ особенностей, заставила меня употреблять даже наше теперешнее й.

Не могу не замѣтить, что мысль объ объединеніи правописанія древнихъ литературныхъ памятниковъ пришла мнѣ уже при корректурѣ перваго ихъ

листа; такимъ образомъ выправка, не произведенная предварительно, должна была уже постоянно входить въ корректуру, а вслѣдствіе этого, весьма естественно, многое было просмотрѣно, и объединеніе, какъ я самъ сознаюсь, не могло мнѣ вполнѣ удасться. Такъ, напримѣръ, далеко не послѣдовательно проведено у меня соблюденіе на подобающихъ имъ мѣстахъ полугласныхъ ъ и ь, -потому уже, что для этого, при готовомъ наборѣ, иной разъ просто не хватило бы мѣста. Впрочемъ къ концу XII столѣтія, и въ началѣ XIII, у меня уже и умышленно допущена нѣкоторая непослѣдовательность — то протяженная форма въ склоненіи прилагательныхъ —aаго, уyму, то краткая — аго, ому; то протяженная форма въ спряженіи — aахъ, aаше, то краткая — ахъ, аше. Такое смѣшеніе формъ допущено у меня умышленно потому, что оно попадается уже въ рукописяхъ XII ст., — напримѣръ въ томъ спискѣ Хожденія Богородицы по мукамъ, который напечатанъ И. И. Срезневскимъ въ X т. Извѣстій Академіи Наукъ. Я думаю однакоже, что объединеніе въ правописаніи всетаки проведено у меня со значительною опредѣленностію, и что затѣмъ уже не только каждому преподавателю, но и смышленому ученику, не мудрено будетъ самому замѣтить и выправить тѣ уклоненія, которыя бы могли въ этой книгѣ встрѣтиться. Впрочемъ всѣ тѣ, которыя, при прочтеніи цѣлаго выпуска, мною замѣчены — я помѣщаю въ концѣ его, какъ опечатки.

Весьма сожалѣю о томъ, что въ свое время я не надумался произвесть своего рода объединеніе въ правописаніи пѣсенъ и сказокъ: тѣ и другія, къ сожалѣнію, неизмѣнно перепечатывались у меня изъ сборниковъ со всѣми соблюдаемыми въ нихъ уродливостями произношенія, тогда какъ достаточно было бы соблюсти все то, что составляетъ существенныя особенности мѣстнаго говора, а затѣмъ уже отбросить ту излишнюю добросовѣстность, которая бережно отмѣчаетъ — даже проявленія простаго косноязычія.

Въ этотъ выпускъ влючены мною, кромѣ остатковъ древнѣйшей устной словесности, литературные памятники времени до-татарскаго; — того самаго, которое обнимается и 1-мъ выпускомъ моего „Историческаго Обозрѣнія“. Что касается памятниковъ позднѣйшихъ, входившихъ уже въ 1-е изданіе (и составлявшихъ въ немъ цѣлую 1-ую часть), то они будутъ отнесены во 2-й выпускъ, въ составъ котораго войдутъ и не входившіе еще въ 1-е изданіе памятники XV столѣтія (выборъ изъ этихъ послѣднихъ уже давно у

мення готовъ *); вмѣстѣ же съ этимъ 2-мъ выпускомъ Христоматіи, я бы желалъ издать и 2-й выпускъ „Обозрѣнія", которымъ бы и заключилась 1-я часть труда. Но печатаніе втораго выпуска какъ той, такъ и другой книги, будетъ зависѣть отъ той степени участія, какая окажется публикою этому 2-му изданію обоихъ начальныхъ выпусковъ.

Я долго думалъ о томъ, какъ бы сдѣлать возможнымъ пріобрѣтеніе „Христоматіи" и „Обозрѣнія„ порознь. Но оказалось, что ежели Христоматею еще и можно бы пользоваться безъ объяснительныхъ замѣчаній къ ней „Обозрѣнія", то это послѣднее, при постоянныхъ ссылкахъ его на Христоматію, безъ нея потеряло бы половину своего значенія. Вотъ почему обѣ книги и должны быть пріобрѣтаемы разомъ.

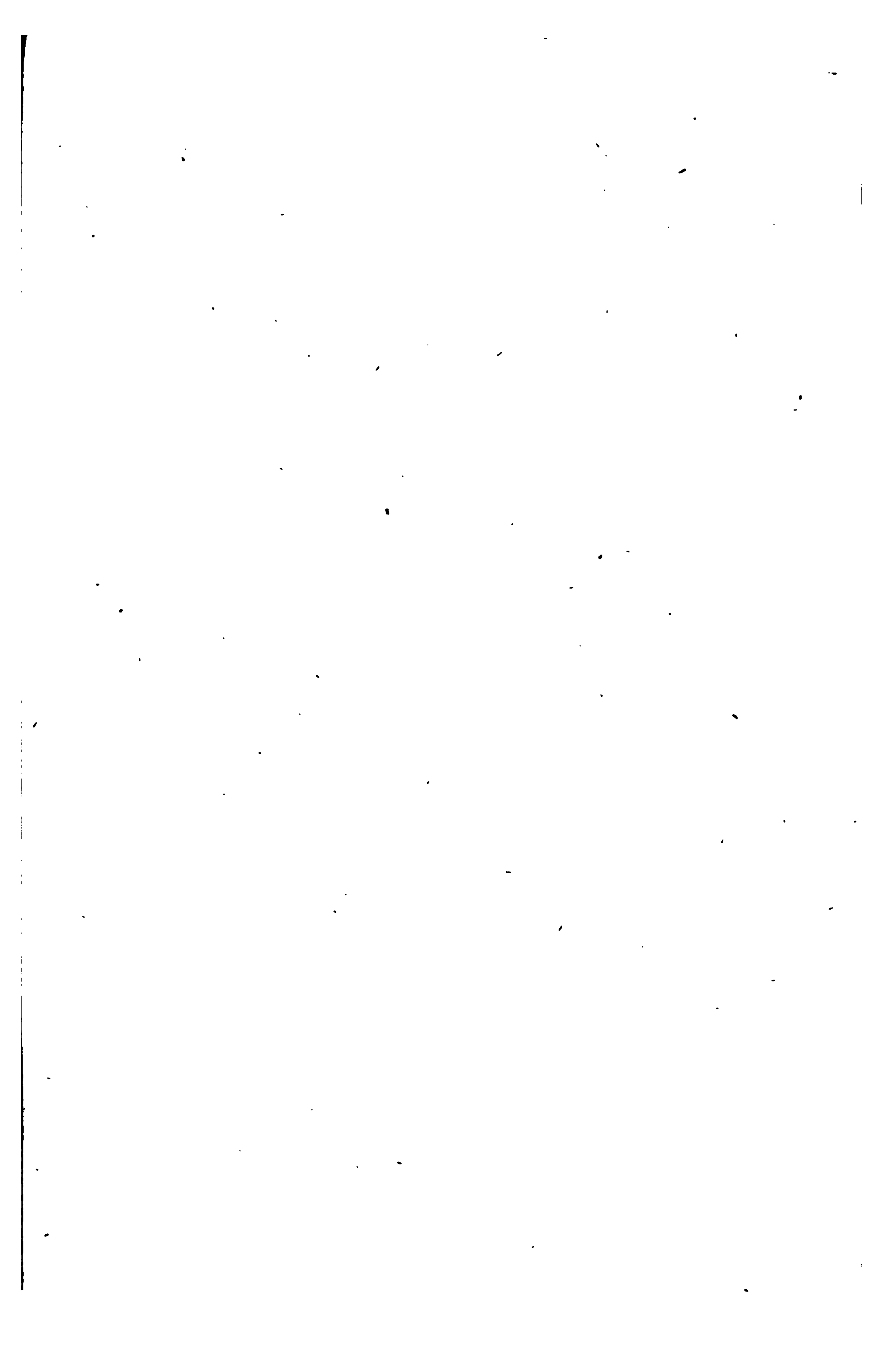
Измѣненіе шрифта въ прозаическомъ отдѣлѣ Христоматіи (изъ прежняго крайне мелкаго въ два столбца, въ высшей степени обременительнаго для глазъ, на болѣе крупный въ одинъ столбецъ) измѣненіе, довольно существенное въ книгѣ, долженствующей служить учебнымъ пособіемъ, доведшее этотъ первый выпускъ до довольно убыточнаго объема 24 печатныхъ листовъ (столько же приблизительно будетъ и въ первомъ выпускѣ „Историческаго Обозрѣнія"); это обстоятельство, а равно и то, что книга печатается уже мною самимъ, а не достается мнѣ, какъ 1-е изданіе, въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, служившихъ вознагражденіемъ за предварительное напечатаніе содержимаго въ нихъ на столбцахъ журнала „Учитель", —все это заставило нѣсколько возвысить цѣну (прежняя и при прежнемъ убористомъ шрифтѣ оказывается просто невозможною при издержкахъ типографическихъ).

Орестъ Миллеръ.

Марта 18-го, 1866 г.
Спб.

---

*) На университетскомъ актѣ, въ сентябрѣ 1865 г., въ отчетѣ о трудахъ преподающихъ, по недоразумѣнію сказано было, будто бы онъ много уже напечатанъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ 1-го ВЫПУСКА.

(Статьи, обозначенныя звѣздочками, въ 1-е изданіе не входили.)

Устная народная словесность.

* I. ОСТАТКИ МИѲИЧЕСКО-ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗІИ.

*** 1. Пѣсни, относящіяся къ зимнему солоноворoту.**

*** 7. Свадебная поэзія.**

II. ОСТАТКИ МИѲИЧЕСКАГО ЭПОСА.

* СКАЗКИ.

*** 1. Съ преобладаніемъ миѳическаго содержанія.**

II.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

УСТНАЯ СЛОВЕСТНОСТЬ.

НАЧАЛО СВѢТСКОЙ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

УСТНАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I. ОСТАТКИ МИѲИЧЕСКО-ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗІИ.

1. ПѢСНИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ЗИМНЕМУ СОЛОНОВОРОТУ.

Колядки.

Такъ называются, преимущественно въ Малой и Бѣлой Россіи, а также и у нѣкоторыхъ не русскихъ Славянъ, пѣсни, которыя поются во время теперешняго рождественскаго праздника (замѣнившаго древній языческій) по преимуществу мальчиками, ходящими изъ дома въ домъ за добровольною подачкою. Ходить такимъ образомъ съ пѣснями зовется колядовать, а равно и подачка за колядованіе—колядою. (Такъ въ нѣкоторыхъ чешскихъ пѣсняхъ «коляду несутъ въ горшкѣ,» и т. п.; см. Сборн. Эрбена, стр. 37, 40). Мѣстами же колядою зовется самая пѣсня. Въ такомъ собираніи подачки видятъ остатокъ языческаго сбора приношеній на общественную праздничную жертву. (Срезневскаго, Свят. и Обр. языч. Богосл. др. Слав., стр. 66). Самое слово коляда объясняли различнымъ образомъ, но большею частію неудачно. Одни приписываютъ ему неславянское происхожденіе, другіе приводятъ его въ соотношеніе съ др. коло—колесо (Костомарова Слав. миѳол., стр. 90), — такъ какъ это послѣднее служило однимъ изъ миѳическихъ образовъ солнца, а можно уже считать доказаннымъ, что время послѣ зимняго солоноворота (къ которому и относится колядованіе) было повсемѣстно въ язычествѣ праздникомъ рожденія яснаго солнышка. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ коляда является какъ бы живымъ существомъ; — такъ, на примѣръ, въ двухъ слѣдующихъ *):

Коляда, коляда!
Пришла коляда....
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ, по проулочкамъ... **)
(Сахарова, Сказ. Р. Нар., I, III, 16).

Ай да божья коляда!
Прилетай къ намъ съ высока!
. . . .
Ай — й — охъ коледа!
Лети швыдче ***) съ высока!
(Терещенка, бытъ Р. Нар., VII, 48, 49).

---

*) Здѣсь сообщаются только необходимѣйшія замѣчанія, такія, безъ которыхъ пѣсни остались бы рѣшительно непонятными. Дальнѣйшія разъясненія см. въ «Историческомъ Обозрѣніи» (глава 1-я).

**) Продолженіе см. ниже, въ сходной пѣснѣ, заимствованной у Снегирева.

***) Скорѣе; пѣсня эта изъ Смоленской губерніи.

Уродилась коляда
Накануне рождества.

(Тамъ же, стр. 57).

Прикажитко ты, хозяинъ, коледу проска-
зать...
Мы ищемъ, мы ищемъ господинова двора...
Господиновъ дворъ на седьми верстахъ,
На седьми верстахъ, на осмидесятъ стол-
бахъ...
Что же около двора да желѣзной тынъ,
Что на всякой же тычинкѣ по маковкѣ,
Что на всякой же по крестику,
Что на всякомъ же крестику по жемчужку...
А среди того двора что три терема стоятъ,
Что три терема стоятъ златоверховаты...
Что въ первомъ терему красно солнце...
Что въ другомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ...
Что въ третьемъ терему часты звѣзды....

(Снегирева Р. простонар. праздн. и суев. обряды, II, 66, 67).

Цы дома бывашь, пане господарь *),
Встань горѣ! Давъ ти Богъ добрѣ,
У твоимъ дворѣ, встань горѣ!
Твои рынойки позаметаны,
Твои столойки понадкрываны,
За твоимъ столомъ трои гостейки,
Гостейки трои не еднакіи:
Еденъ гостейко свѣтле сонейко,
Другій гостейко — ясенъ мѣсячокъ,
Третій гостейко — дробенъ дождженко;
Сонейко гваритъ: нѣтъ якъ надъ мене, **)
Якъ я освѣчу горы, долины...
Ясенъ мѣсячокъ: «нѣтъ, якъ надъ мене;
Якъ я освѣчу темну ночейку,
Возрадуются гости въ доровѣ,
Гости въ доровѣ, волойки въ стозѣ.»—
Дробенъ дожджейко: «нѣтъ, якъ надъ мене;
Якъ я перейду три разы на ярь ***),
Три разы на ярь мѣсяця мая,
Возрадуются жита, пшеници,
Жита, пшеници и всѣ ярници.

(Головацкаго, пѣсни Галицкой и Угорской Руси — Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн., 1864, I, стр. 8 и 9).

*) Дома ли ты, господинъ хозяинъ.
**) Никого надо мной, никого выше меня.
***) На весну.

Зъ за нои (изъ-за оной) горы, зъ за высокой,
Видны ми выходятъ трёхъ братовъ род-
ныхъ:
Еденъ братцейко — свѣтле сонейко,
Другій братцейко — ясенъ мѣсячокъ,
Третій братцейко — дробенъ дожджейко.
Мѣсячокъ ся бере заморозити
Горы, долины и верховины,
Глубокъ поточейки и быстры рѣчейки;
Сонейко ся бере розморозити
Горы, долины и верховины,
Глубокъ поточейки и быстры рѣчейки;
Дожджичокъ ся бере зазеленити
Горы, долины и верховины.
Будь Богу хвала зъ нашего слова!
Богу на хвалу, людёмъ на славу!

(Сборн. Голов. 4).

Ей въ полѣ, въ полѣ, въ чистейкомъ полѣ!
Тамъ же ми й оре золотый плужокъ,
А за тимъ плужкомъ ходитъ самъ Госнодь,
Ему поганятъ та святый Петро,
Матенка Божя насѣнѣчько носитъ,
Насѣнья носитъ, Пана Бога проситъ:
«Зароди, Божейку, яру пшеничейку»... и т. д.

(Сборн. Голов. 89).

Ишовъ, перейшовъ мѣсяцъ по небу,
Да стрѣвся мѣсяцъ зъ ясною зорею:
«Ой зоря, зоря! Де въ Бога була?
Де въ Бога була — де маешь стати?»—
—«Де маю стати? у пана Ивана,
У пана Ивана да на его дворѣ,
Да на его дворѣ, да у его хатѣ!
А у его хатѣ да двѣ радости:
Першая радость — сына женити,
А друга радость — дочку отдавати...

(Сахар. Сказ. I, III, 22).

Поѣхавъ Иванцё до горъ на вино,
Самъ молодъ, гей, самъ молодъ,
Самъ молодейкій!
У томъ лѣсойку у зеленойкомъ спочиватъ:
Подыбали жь го семь разбойниковъ,
Сталися ёго вывѣдывати:
«Ци маешь ты, Иванцю, роднаго батей-
ка?»—

«Въ мене батейко — ясенъ мѣсячокъ.»
«Ци маешь, Иванцю родну матенку?»
— «Въ мене матенка — ясне сонейко.»
«Ци маешь, Иванцю, родну сестройку?»
—«Въ мене сестройка—ясна зорнойка.
«Ци маешь, Иванцю, родного братейка?
—«Въ мене братейко—сивъ соколойко.»
(Сб. Голов. 53).

Ой въ гори, въ шовковой трави
А въ тій травоньци стоитъ наметецъ (палатка, шатеръ),
На тимъ намитци золотой столецъ,
А на тимъ стольци можный паненко
Сидитъ-же сидитъ, далеко видитъ,
Двомя яблечки подкидаючи....
Вицитау коня та зъ пидъ короля.
А въ того коня золота грива,
Золота грива, шовковой хвостикъ,—
Шовковой хвостикъ, срибни копыта...
(Жеготы Паули сборн. русскихъ пѣсень въ Галиціи, I. 9).

.... Стоятъ наметы зъ билого шовку,
А въ тихъ наметахъ все столы стоятъ...
По за столамы все паны сидять,
Межъ тымы панамы красный панычу,
Красный панычу, пане Иване! —
Передъ панычемъ вирныи слуги,
Просятся воны у Невиръ-землю!
«Пустымо стрилу — якъ грымъ по небу,
Пустымось кинмы, якъ дрибенъ дощикъ,
Блыснемъ шаблямы—якъ сонце въ хмари.
(Метлинскаго сб. Украйнскихъ пѣсень, 338).

Зачорнѣлася чорна горонька....
Выйшла зъ за неи чорна хмаронька,
Чорна хмаронька, овецъ турмонька,
Выйшовъ за ними гордый молодець....
(У молодца три трубы....)—
Ой якъ затрубивъ а въ роговую,
Пошовъ голосокъ ай по подъ лѣсокъ;
Ой якъ затрубивъ та въ мѣдяную,
Пошовъ голосокъ по верховинахъ,
По верховинахъ, по полонинахъ;
Ой якъ затрубивъ а въ зубровую,
Пошли голоса по подъ небеса.
(Сборн. Голов., 61),

Та якъ затрубитъ та въ роговую;
Та врадује се всякъ звирь у поли—
Та якъ затрубитъ та въ золотую —
Та врадује се вся рыба въ мори —
Та якъ затрубитъ та въ зубровую —
Та врадује се весь міръ на земли.
(Жеготы Паули. Сб. I, 7).

А въ пана Ивана на його двори
. . . . . . стоитъ свитлыня;
А въ тій свитлыци стоитъ Орышечка.
Убиралася, то-жь и наряжалася;
До церквы пишла, якъ зоря зійшла,
У церковь війшла, и засіяла.
(Метлинскаго сб., 331).

. . . .
Красная панна вина стерегла,
Вина стерегла — крѣпко заснула.
Якъ налетѣли райскія пташечки,
Обдзебали зелене вино,
Да пробудили красную панну.
Ой скоро-жь вона тее учула,
Своимъ рукавцемъ на ихъ махнула!
«Ай шуги въ луги, райскія пташки!
А минѣ вина самой надобно:
Брата женити, сестру давати,
Сама молода заручена.»
(Сахарова Сказ. I, ııı, 22).

Колись то було зъ початку свѣта...
Втоды не було неба, ни земли,
Неба, ни земли, нимъ сине море,
А середъ моря та два дубойки;
Сѣли упали два голубойци...
Почали собѣ раду радити, *)
Раду радити, и гуркотати:
«Якъ мы маемо свѣтъ основати?
Спустиме мы ся на дно до моря;
Вынеме си дрибного писку,
Дрибного писку, синего каменьце;
Дрибный писочокъ посѣеме мы,
Синій каминецъ подунеме мы.
Зъ дрибного писку — чорна землиця,
Студена водиця, зелена травиця;
Зъ синёго каменьця — синьее небо,

*) Совѣтъ держать.

Свѣтле сонейко, ясенъ мѣсячокъ,
Ясенъ мѣсячокъ и всѣ звѣздойки.

(Костомарова Ист. Знач. русской народн. поэзіи, стр. 66 и 67).

За рѣкою, за быстрою,
Ой колядка, ой колядка!
Лѣса стоятъ дремучіе;
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коліодушки.
Ой колядка, ой колядка!

Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатной ножъ,
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ.
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой колядка, ой колядка!
«Ты, братецъ, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!»
— Я радъ бы выпрыгнулъ;
Горючь камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали.»
Ой колядка, ой колядка! *)

(Снегирева Праздн. и Обр. II, 69).

Святочныя пѣсни.

Поются за играми на святочныхъ (рождественскихъ) вечерахъ, или о святкахъ, служившихъ продолженіемъ праздника рожденія яснаго солнышка.

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на сей земли, сл!
Чтобы нашему государю не старѣться, сл!
Его цвѣтному платью не изнашиваться, сл!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться, сл!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться, сл!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ, сл!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ, сл!

(Снигирева Пр. и Обр. II, 70).

Хороненіе золота.

(Игра, составляющая, вѣроятно, остатокъ древняго языческаго обряда, указывавшаго на схороненіе въ зимнихъ холодныхъ тучахъ золота-солнца. При этомъ поется пѣсня — попеременно то хоромъ дѣвушекъ, составляющихъ кругъ, то одною изъ дѣвушекъ, ходящею среди круга).

хоръ:
И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню хороню,
Я у батюшки въ терему въ терему,
Я у матушки въ высокомъ въ высокомъ.
Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай, красная:
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиныя крылица?

дѣвушка въ кругу:
И я рада бы гадала,
Кабы знала, вѣдала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ перевиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ вы, кумушки, вы голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте!
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.

хоръ:
Палъ, палъ перстень
Въ калину въ малину,
Въ черную смородину....

---

*) См. въ отдѣлѣ сказокъ — про «Братца Козленочка».

Дѣвушки гадали,
Да не отгадали....
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплеснѣвѣло.
Молодайка, отгадай-ка!

(Снегир. II, 82).

Пѣсни Овсеню.

Такъ называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи канунъ новаго года; въ другихъ же мѣстахъ онъ зовется и колядою, именемъ, болѣе употребительнымъ для рождественскаго сочельника, который, въ свою очередь, зовется мѣстами и овсенемъ (Снегир. II, 28, 29). Такое смѣшеніе именъ показываетъ только, что оба относились къ одному и тому-же празднику (нашъ теперешній новый годъ и слѣдующіе за тѣмъ дни до теперешняго крещенья служили только продолженіемъ великаго и единаго праздника рожденія солнца). Надъ объясненіемъ слова овсень также трудились многіе, какъ и надъ колядою. Производили его между прочимъ и отъ овса, такъ какъ ходящія съ овсеневыми пѣснями дѣти, выбрасываютъ при этомъ изъ лукошка зерна различнаго хлѣба, особенно же овса — въ предвѣстіе урожая. (Снегиревъ II, 103. Терещенко, VII, 110. Другія мнѣнія см. у Снегир. II. 109. Архивъ Калачева 1850, I, 80). Всего вѣрнѣе, кажется, производить его отъ одного корня со словомъ весна и видѣть въ немъ указаніе на то-же понятіе. (См. ст. Потебни въ Чт. М. И. О. 1865 г., II. стр. 22).

Ой Овсень, ой Овсень!
Походи, погуляй
По веселымъ теремамъ!...
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ....

. . . .

Филимоновъ-то тынъ
Серебромъ обложенъ
Позолотой убитъ.
На дворѣ у Филимона
Три теремчика стоятъ, и т. д.

(Снегир. Пр. и Обр. II, 111 и 112).

Ходитъ Илья
На Василья,
Носитъ пугу
Житяную.
Де замахне,
Жито росте.
Житу пшеницю,
Всяку пашницю,
У полѣ ядро,
А въ домѣ добро.

(Сахар. Сказ. II, VII, 3).

Причитаніе при вареніи каши на новый годъ.

Сѣяли, ростили гречу во все лѣто; уродилась наша греча и красна и румяна; звали позывали нашу гречу во Царь-градъ побывать, на княжой пиръ пировать; поѣхала греча во Царь-градъ побывать съ князьями, со боярами, съ честнымъ овсомъ, золотымъ ячменемъ; ждали гречу, дожидали у каменныхъ вратъ; встрѣчали гречу князья и бояре, сажали гречу за дубовый столъ пиръ пировать; пріѣхала наша греча къ намъ гостевать.

(Сахар. Сказ., II, VII, 2).

Воззваніе къ звѣздамъ. (Вечеромъ 4-го января).

Ай звѣзды, звѣзды,
Звѣздочки!
Всѣ вы, звѣзды,
Одной матушки,
Бѣлорумяны вы и дородливы.
Засылайте сватей
По міру крещеному....

(Сахар. Сказ. II, VII, 5).

священою вербою — Снегир. III, 71, 73), совершаемый постоянно въ юрьевъ или егорьевъ день. Миѳическій характеръ замѣтенъ изъ слѣдующихъ пѣсень:

Мы вокругъ поля ходили
Егорья окликали....
«Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ красным солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго.»

(Сахар. Сказ. II, vii, 26,)

Святый Юрья, Божій посолъ,
До Бога поповъ,
А узявъ ключи золотые,
Отомкнувъ землю сырусенькую,
Пущивъ росу цилюсенькую
На бѣлую Русь и на увесь свѣтъ.

(Изъ сравнительнаго славянскаго народнаго дневника, помѣщеннаго у Каравелова, въ «Памятникахъ народнаго быта Болгаръ.» I, 216).

Семикъ и Троицынъ день.

Семикомъ называется въ народѣ праздникъ, приходящійся въ четвергъ на седьмой недѣлѣ по пасхѣ, и величаемый въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ честнымъ семикомъ. (Снегир. Пр. III, 100).

Тутъ особенно употребительны хороводы; при этомъ поется, между прочимъ, слѣдующая пѣсня, содержаніе которой мимически представляется въ то же время двумя дѣвушками: одною въ мужской шляпѣ, другою съ платкомъ въ рукѣ; послѣдняя должна подъ конецъ побороть и порядочно потрепать первую. Въ пѣснѣ упоминаются миѳическія имена: Тура (до сихъ поръ не достаточно объяснено) и Дида-Лада (относятся, по всей вѣроятности, къ солнечному божеству—см. Архивъ Калачева 1850 г. I, 26). Самая борьба, описываемая въ пѣснѣ, должна имѣть миѳическое значеніе.

Ахъ, по травкѣ, по муравкѣ
Вокругъ города большаго
Гулялъ молодецъ удалой

(Дѣвушка, играющая молодца, гуляетъ вокругъ хоровода)

Ой, Туръ, молодецъ удалой:
Онъ изъ города большаго
Вызывалъ красну дѣвицу

(Играющая ее ходитъ внутри хоровода).

Съ нимъ на травкѣ побороться,
Ой Дидъ Ладо побороться!
Вышла красна дѣвица
И молодца поборола,
На муравку уронила....
Добрый молодецъ, вставая,
Закрывалъ лице руками,
Утиралъ горючи слезы;
Онъ не смѣлъ своей кручины
Добрымъ людямъ объявить,
Ой, Туръ, Дидъ, Ладо! объявить.

(Сахар. Сказ. I, iii, 261).

О семикѣ употребляются также различные обряды съ разукрашенною березкою, завиваніе вѣнковъ и т. п. Употребительно, между прочимъ, хожденье съ березкою. Дѣвушки также ходятъ толпою къ лѣсу и при этомъ хоромъ поютъ:

Іо, Іо, семикъ, Троица! (*)
Туча съ громомъ сговаривалась:

«Пойдемъ, громъ, погуляемъ съ тобою..
. . . .

*) Указаніе на троицынъ день — праздникъ, непосредственно слѣдующій за семикомъ и подъ христіянскимъ именемъ котораго должно также скрываться древнее языческое торжество.

Не радуйтесь, дубы,
Не радуйтесь, зеленые,
Не къ вамъ дѣвушки идутъ,
Не къ вамъ красныя;
Не къ вамъ пироги несутъ,
Лепешки, яичницы.

(Все это, нарочно изготовляемое къ празднику, дѣйствительно несется при этомъ въ лѣсъ сопровождающими дѣвушекъ мальчиками).

Іо, іо, Семикъ да Троица!
Радуйтесь, березы, радуйтесь, зеленыя!...
Къ вамъ дѣвушки идутъ,
Къ вамъ пироги несутъ
Лепешки, яичницы.

(Терещ. Б. Р. Н., VI, 164, 165).

(Лепешки и т. п., остатокъ языческой жертвы, какъ подобно полагать, приносятся березкѣ—дереву весеннему. Это, по всей вѣроятности, послѣдняя жертва веснѣ, имѣющей уступить мѣсто лѣту. Тоже значеніе должно имѣть и изукрашиваніе срубленной березки. Дубъ, о семикѣ оставляемый еще безъ жертвы, есть уже дерево лѣтнее.)

(Максимовичъ въ Русской Бесѣдѣ 1856 г. III, Смѣсь, 89 — 95).

Березка, мѣстами, еще играетъ роль и о троицѣ. Особенно же выдается во время этого праздника завиваніе вѣнковъ и пусканіе ихъ на воду. Въ Малороссіи дѣвушки купаются съ вѣнками на головѣ; вѣнки сплываютъ—и тутъ начинается гаданіе сообразно тому, чей вѣнокъ доплываетъ скорѣе, чей медленнѣе. (Терещенки Б. Р. Н. VI, 180). У нѣкоторыхъ волжскихъ жителей послѣ завиванія березокъ въ рощѣ поютъ:

Глубока рѣка берега рвала...
Ужъ я молода по бережку шла;
По бережку шла, и цвѣты рвала,
Меня молоду туда сорвало,
Внизъ понесло....

(Терещенка Б. Р. Н. VI, 192, 3).

Въ Пензенской же губерніи, по возвращеніи изъ лѣса, поютъ сходно съ этимъ про молодца:

Іо, іо, Семикъ да Троица!
По этой по улицѣ
Разливъ разливаетcя,
Во этомъ разливчикѣ
Утопъ добрый молодецъ
Со своимъ воронымъ конемъ

(Терещ. VI, 189, 191).

Такое-же утопаніе то молодца, то дѣвицы упоминается въ пѣсняхъ купальскихъ (названіе, происходящее, можетъ быть, отъ того же погруженія въ воду), относящихся къ кануну Иванова дня (23 іюня). Пѣсни эти дошли до нась въ такомъ неясномъ, испорченномъ видѣ, что здѣсь помѣщаются только самые небольшіе образчики.

3. ПѢСНИ КУПАЛЬСКІЯ.

Купала на Ивана!
Купался Иванъ, та въ воду упавъ.
Купала на Ивана! —

(Снегир. Пр. и Обр. IV, 45).

Купало на Ивана!
Пидемъ, дивкы, въ ягидкы...
А вси дивкы понабралы,
Одна дивка не набрала.
Пидимъ, дивкы, та ричку брысты (перебресть)
А уси же дивкы перебрылы,
Одна жь дивка-та потонула,
Дорогіи шаты (одежды) помочила,
Серебрени ключи упустыла.

Далѣе мачиха этой дѣвушки проситъ рыболововъ изловить не падчерицу, а шаты и ключи. (Метлинскаго Укр. II., 311).

4. ПРИЧИТАНІЯ И ПѢСНИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ПОЧИТАНІЮ УМЕРШИХЪ.

Съ наступленіемъ весны, во время Красной горки, въ народѣ совершается и хожденіе на могилки съ яицами и различною пищею. Въ Бѣлоруссіи употребляется при этомъ слѣдующее причитаніе:

«Святые родзицели, ходзице къ намъ хлѣба соли кушаць!» За тѣмъ старые и малые садятся на могилахъ за трапезу. По окончаніи ея опять причитаютъ:

«Мои родзицели, выбачайте (выглянните, проявитесь), не дзивицесь, чѣмъ хата богата, тѣмъ и рада».

(Снегир. Пр. и Обр. III, 52).

Около 20 апрѣля рано по утру выходятъ на могилу со слѣдующимъ причитаніемъ:

«Родимые наши батюшки и матушки! чѣмъ-то мы васъ, родимыхъ, прогнѣвали, что нѣтъ отъ васъ ни привѣту, ни радости, ни тоя прилуки родительской? Ужь ты солнце, солнце ясное! Ты взойди, взойди со полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужь ты мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! Ты взойди, взойди со вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужь ты вѣтеръ, вѣтеръ буйный! Ты возвѣй, возвѣй со полуночи, ты принеси вѣсть радостну нашимъ покойничкамъ, что по нихъ ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушилися, что по нихъ ли всѣ невѣстушки съ гореваньица надсадилися.

(Сахар. II, VII. 23).

Русальныя пѣсни.

Это тѣ, въ которыхъ упоминается о русалкахъ, существахъ, живущихъ въ водѣ. По понятію народному, въ русалокъ обращаются утопленницы и души некрещенныхъ дѣтей. Троицкая недѣля носитъ мѣстами названіе русальной потому, что въ продолженіе ея русалки, выйдя изъ своихъ рѣкъ, ключей и озеръ, гуляютъ по лѣсамъ и полямъ. Маленькія русалочки, по повѣрью народному, бѣгаютъ, ударяя въ ладони, и припѣваютъ:

Мене мати породила,
Некрещену положила.

Въ Малороссіи существуетъ повѣріе, что до семилѣтняго возраста ихъ душу еще можно спасти — ежегодными панихидами. (Статья Максимовича въ Р. Бес. 1856 г. III, смѣсь, 97). Такія русалочки называются семилѣтками. О такой семилѣткѣ говоритъ слѣдующая пѣсня:

По улицѣ по широкой,
По муравѣ по зеленой,
Тутъ шла дѣвка семилѣтка;
За дѣвкою сынъ купецкій:
«Постой, дѣвка семилѣтка!
Загадаю три загадки,
Чтобы ты, дѣвка семилѣтка,
Отгадала и сказала:
Да что ростетъ безъ коренья?
Да что цвѣтетъ да безъ цвѣта?
Да что шумитъ да безъ вѣтра?
— А я дѣвка семилѣтка
Отгадала и сказала:
Ростетъ камень безъ коренья,
Цвѣтетъ сосна безъ алаго цвѣта,
Шумитъ вода безъ буйнаго вѣтра.

(Варенцова Пѣсни Самарскаго края, 39, 40).

По другимъ пѣснямъ, напротивъ того, загадки предлагаются самими русалками попадающимся имъ въ руки дѣвушкамъ:

Ты послушай мене, красна панночка!
Загадаю тебѣ три загадки:
Коли ты вгадаешь — я до батька пущу;
А якъ не вгадаешь — я до себя возьму.
Ой що росте, да безъ кореня?
Ой що бѣжить, да безъ повода?
Ой що цвѣте безъ всякаго цвѣту?—
Камень росте безъ кореня;
Вода бѣжить безъ повода;
Папороть цвѣте безъ всякаго цвѣту! —
Дѣвчинка загадочки не вгадала,
Русалочка ее залоскотала.

(Снегир. Пр. и Обр. IV, 8).

Плачи по покойникѣ.

Со восточной со сторонушки
Подымалися да вѣтры буйные
Со громами да со гремучими,
Съ молоньями да со палючими;
Пала, пала съ небеси звѣзда
Все на батюшкову на могилушку...
Разшиби-ка ты, громова стрѣла,
Еще матушку, да мать сыру землю!
Развались-ко-ся ты, мать земля!
Что на всѣ четыре стороны!
Откройся-ко да гробова доска!
Распахнитеся да бѣлы саваны!
Отвалитеся да ручки бѣлыя
Отъ ретиваго отъ сердечушка,
Развернитеся да уста сахарныя!
Обернись-ко *) ся да мой родимой батюшка
Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!
Ты слетай-ко ся да на сине море,
На сине море, на Хвалынское **);
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со бѣлова лица ржавчину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой-ётъ да на высокъ теремъ, —
Ты послушай-ко, родимой батюшко,
Горегорькихъ нашихъ пѣсенокъ.....
. . . .
Обернись-ко ся, мой милой ладушка,
Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!
Ужь я выйду на широку я на улочку:
Посмотрю я, горегорькая,
На всѣ на четыре стороны —
Не летитъ-ли моя мила пташечка,
Не несетъ-ли мнѣ вѣстку — грамотку!
Ужь мнѣ ждать будетъ — не дождатися,
Мнѣ глядѣть — не наглядѣтися:
Ну, нѣтъ мнѣ отъ милаго ладушки,
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,
Ни словястнаго челобитьица!
А какъ безъ мово-то мила ладушки
Наносятъ ***) на меня люди добрые.

(Пермскій Сборникъ, II, III, 128 — 30).

Родные покойника вдовѣ:

Сидѣла ли у трудной у постелюшки,
Была ли у душевнаго разставаньица,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася?
И какъ пришла къ тебѣ скорая смеретушка,
Къ вамъ нищей ли каликой перехожею,
Аль удалымъ дороднымъ добрымъ молодцемъ?
Вдова (бѣднаго крестьянина):
Какъ-бы я въ пространноей, богатой жирушкѣ,
Такъ сидѣла бы у трудной у постелюшки,
Я видѣла бы скорую смеретушку.
Если пришла бы каликой перехожоей, —
Наладила бы хлѣбъ-соль столовую,
Накормила бы калику перехожую
И оставила бы законную свою семеюшку (мужа);
Естли удалымъ дороднымъ добрымъ молодцемъ,
Я одѣла бы его во цвѣтно платьице,
Дала бы опоясочки шелковые...
Я дарила бы золотой казной безсчетною,—
И поставила законную свою семеюшку.
Какъ въ проклятой, во несчастной живу жирушкѣ,

*) Обернись, прими образъ, видъ — выраженіе чисто миѳическое.

**) Каспійское.

***) Клевещутъ, сплетничаютъ, взводятъ напраслину.

Многоуходны *) сердечны малы дѣтушки;
У насъ нѣтъ вѣдь хлѣба-соли столовыя...
И ни славныя одежи молодецкія...
У насъ нѣту золотой казны безсчетноей; —
Такъ не видѣла я законную свою семеюшку,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася.
Не по силушкамъ крестьянчикамъ работушка,
Не по розмысламъ проклятая заботушка...
Какъ буду ростить я сердечныхъ своихъ дѣтушекъ
Безъ своей законноей семеюшки?
Мнѣ въ темномъ лѣсу ли заблудитися,
Али мнѣ упасть да въ кругло малое озерышко?...
Буду нищей каликой перехожоей,
Какъ во чистое во полюшко раздѣять великая кручинушка,
Такъ съ моей съ великой со кручинушки, —
Выростать да будутъ лѣсушки дремучіе, —
Уже тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
Воспрещать будутъ сосѣди спорядобные,
Что заростать будутъ поля да хлѣбородныя.
Какъ раздѣять мнѣ великая кручинушка
Какъ во славно во широко во озерушко,
Будутъ лудушки въ озерѣ не сходучія,
А камешки на лугахъ не двигучія, —
И тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
На помѣшкѣ будетъ рыболовушкамъ...
Я сберу пойду сердечныхъ своихъ дѣтушекъ.
Не разступится ль вѣдь матушка сыра земля?
Ка бы матушка сыра земля разступилася,
Я съ дѣтушками сейчасъ схоронилася...

(Рыбникова пѣсни, III, 410 — 12).

5. Загадки.

Бурая корова черезъ прясло глядитъ. Солнце.

Стоитъ дубъ стародубъ, на томъ дубѣ стародубѣ сидитъ птица веретеница; никто ее не поймаетъ: ни царь, ни царица, ни красная дѣвица. Солнце на небѣ.

Красная дѣвушка по небу ходитъ. Солнце.

Барыня на дворѣ, а рукава въ избѣ. Солнце.

Что безъ огня горитъ? Солнце.

Изъ окна въ окно золото (готово) веретено (бревно). Солнечный лучъ.

Сивый жеребецъ черезъ прясло глядитъ. Мѣсяцъ.

Шолъ я мимо, видѣлъ диво; виситъ котелъ (въ) девяносто ведеръ. Мѣсяцъ.

За бабиной избушкой (клитушкой) виситъ хлѣба краюшка; собаки лаютъ, а достать не могутъ. Мѣсяцъ. (Полумѣсяцъ).

Около города Городчанскаго много скота Литвинскаго, одинъ пастухъ какъ ягодка. Мѣсяцъ и звѣзды.

Поле полянское, стадо лебедянское, пастухъ вышинскій. Небо, звѣзды и мѣсяцъ.

Разсыпался корабль по мхамъ, по морямъ, по всѣмъ городамъ: не собрать этого корабля ни князьямъ, ни попамъ, ни думнымъ дьяконамъ, ни серебренникамъ. Звѣзды

Взгляну я въ окошко, раскину рогожку, посѣю горошку, положу хлѣба краюшку. Всякой видитъ, да не всякой чуетъ. Кому свѣтло, кому темно, а мнѣ голубо. Звѣзды, мѣсяцъ, небо.

Шли козы мостомъ (по мосту), увидали зорю, попадали (попрятались) въ воду. Звѣзды.

Написана грамотка по синему бархату и не прочитать этой грамотки ни попамъ, ни дьякамъ, ни умнымъ мужикамъ. Звѣздное небо.

Два быка бодутся, вмѣстѣ не сойдутся. Небо и земля.

Красная дѣвица по полю играла, ключи потеряла; солнце шло, ключи нашло; мѣсяцъ видѣлъ, да не скажетъ. Заря и роса.

Заря заряница, красная дѣвица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла, мѣсяцъ видѣлъ, солнце скрало.

Заря заряница, красная дѣвица, по лѣсу ходила, ключи обронила, мѣсяцъ видѣлъ — не сказалъ; солнце увидало—подняло.

*) Требуютъ большаго ухода, т. е. попеченія, заботъ.

Зари заревала, по церкви ходила, ключи обронила, мѣсяцъ видѣлъ, а солнце скрало (взяло). Роса.

Туръ ходитъ по горамъ, турица-то по доламъ, туръ свиснетъ, турица-то мигнетъ. Гроза.

Царь крикнетъ, царь мигнетъ, кого-то позоветъ. Гроза.

Сивый жеребецъ (во) на все царство ржетъ. Громъ.

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ. Громъ.

Кобыла заржетъ на Турецкой горѣ, жеребецъ откликнется на Сіонской горѣ. Громъ.

Марья-Марія по воду ходила, ключи обронила. Молнія.

На полѣ Царынскомъ стоитъ дубъ Саратынскій; въ дубу гробница; въ гробницѣ дѣвица, огонь высѣкаетъ, сырую землю зажигаетъ. Молнія.

Красненькой кочетокъ (-чикъ) (пѣтушекъ) по жердочкѣ бѣжитъ (ходитъ). Огонь.

Есть три брата родные: одинъ ѣстъ — не наѣстся, другой пьетъ — не напьется, третій гуляетъ — не нагуляется. Огонь, земля, вода.

Отцова сундука не поднять, сестрина точива не собрать, братнина коня не поймать. Земля, снѣгъ, вѣтеръ.

Гробъ пловетъ, мертвецъ реветъ (поетъ), ладанъ пышетъ, свѣчи горятъ. Туча, громъ, молнія.

Братцова коня не поймать. Вѣтеръ.

У батюшки жеребецъ — всему міру не сдержать; у матушки коробья — всему міру не поднять; у братца кушакъ — всему міру не скатать. Вѣтеръ, земля, дорога.

Безъ крылъ летитъ, безъ ногъ бѣжитъ, безъ огня горитъ, безъ ранъ болитъ. Вѣтеръ, туча, солнце, сердце.

Щука хвостомъ махнула, лѣсъ погнула. Вѣтеръ.

Выше лѣса, а тоньше колоса. Вѣтеръ.

Двѣ сестры: одна свѣтлая, другая темная. День и ночь.

Черная корова весь міръ поборола, а бѣлая подняла. Ночь и день.

Махнула птица крыломъ, и покрыла весь свѣтъ однимъ перомъ. Ночь.

Черная корова (пришла) всѣхъ (людей) поборола. Ночь.

Безсмертная черная овечка вся въ огнѣ горитъ. Ночь.

Сестра къ брату въ гости идетъ, а онъ (братъ) отъ сестры (за лѣсъ) прячется (пятится). Ночь и день.

(Этнографическій Сборникъ, VI, Сборникъ великорусскихъ загадокъ Худякова).

6. ЗАГОВОРЫ.

Заговоръ на удачную ловлю звѣрей.

Встану я, рабъ такой то, благословясь и перекрестясь, чистой водой умоюсь, шитымъ браным полотеничкомъ утрусь, пойду изъ избы, со отцомъ прощусь, съ матерью благословлюсь. Пойду изъ избы въ двери, изъ дверей въ сѣни, изъ сѣней на крылечко, съ крылечка по лѣстницѣ въ чистое поле, въ твердые заводы, въ восточную сторону, во темные лѣса, подъ ясную зорю, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды! Ясной зорей одѣнусь, краснымъ солнцемъ опояшусь, частыми звѣздами опотычусь; пойду я, рабъ такой-то, со своимъ желѣзнымъ кляпцомъ въ темные лѣса, въ восточную сторону, въ чистое поле, а въ томъ чистомъ полѣ лежитъ бѣлъ горючь камень, стану я, рабъ такой-то, къ востоку лицемъ, къ западу хребтомъ, на всѣ четыре стороны поклонюсь. Пособите и помогите вы мнѣ, рабу такому-то, за охотою ходити, бѣлыхъ и сѣрыхъ зайцевъ ловити; куницъ, и лисицъ, и сѣрыхъ волковъ, дорогихъ звѣрей рысей загоняти и залучати, чтобы бѣжали по своей ступи и по своей тропѣ, безопасно, на сторону не отмятывались и вздъ не ворочались. И сохраните меня, раба такого-то, съ моимъ желѣзнымъ

клянцомъ отъ урока и призора, отъ стрѣшника и поперешника, отъ колдуна, и отъ повѣтра, отъ двоезубыхъ и троезубыхъ, отъ кривыхъ и слѣпыхъ, отъ русоволосыхъ и бѣловолосыхъ, и черноволосыхъ, и отъ пустоволосыхъ, отъ дѣвки и отъ парня, чтобы имъ меня не испорчивать. Поставьте около меня три тына, тынъ желѣзной, а другой мѣдной, третей булатной; замки замкнитесь, отнеситесь ключи и замки; чтобы эти ключи лежали тамъ безопасно.... А мнѣ рабу такому-то, скокъ крѣпокъ и жестокъ! Въ синемъ морѣ синій камень, въ черномъ морѣ черной камень, въ бѣломъ морѣ бѣлой камень. Сей мой заговоръ.

Заговоръ на посаженіе пчелъ въ улей.

Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смирятся. Стану я на востокъ, противъ дольней стороны, и слышу шумъ и гулъ пчелъ. Беру я пчелу роя, сажаю въ улей. Не я тебя сажаю, сажаютъ тебя бѣлыя звѣзды, рогоногій мѣсяцъ, красное солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ. Ты пчела ройся у такого-то, на округъ садись. Замыкаю я тебѣ, матка, всѣ пути, дороги ключемъ, замкомъ; а бросаю свои ключи въ Окіанъ море, подъ зеленый кустъ; а въ зеленомъ кустѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, сидитъ и держитъ семьдесятъ семь жалъ, а жалитъ непокорныхъ пчелъ. А будетъ вы пчелы моимъ словамъ не покоритесь, сошлю я васъ въ Океанъ море, подъ зеленый кустъ, гдѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, и будетъ за ваше непокорище жалить васъ матка въ семьдесятъ семь жалъ. Слово мое крѣпко!

Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.

Мать сыра земля, ты мать всякому желѣзу, а ты желѣзо поди во свою матерь землю, а ты древо поди во свою матерь древо, а вы перья подите въ свою матерь птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты рыба поплыви въ море, а мнѣ бы, рабу такому-то, было бы просторно по всей землѣ. Желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь на меня не ходите, воротитеся ушьми и боками. Какъ мятелица не можетъ прямо летѣть, и ко всякому древу близко приставать, такъ бы всѣмъ вамъ не мочно ни прямо, ни тяжело падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и моему коню. Какъ у мельницы жернова вертятся, такъ бы желѣзо, укладъ, сталь и мѣдь вертѣлись бы кругомъ меня, а въ меня не попадали. А тѣло бы мое было отъ васъ не окровавлено, душа не осквернена. А будетъ мой приговоръ крѣпокъ и дологъ!

Заговоръ на путь дороженьку.

Ѣду я изъ поля въ поле, въ зеленые луга, въ дольныя мѣста, по утреннимъ и вечернимъ зорямъ; умываюсь медяною росою, утираюсь солнцемъ, облекаюсь облаками, опоясываюсь частыми звѣздами. Ѣду я во чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растетъ Одолень трава. Одолень трава! Не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки. Одолень трава! Одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, скверного не мыслили. Отгони ты чародѣя, ябедника. Одолень трава! Одолѣй мнѣ горы высокія, долы низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пеньки и колоды. Иду я съ тобою, Одолень трава, къ Окіанъ морю, къ рѣкѣ Іордану, а въ Окіанъ морѣ, въ рѣкѣ Іорданѣ лежитъ бѣлъ горючь камень Алатырь. Какъ онъ крѣпко лежитъ предо мною, такъ бы у злыхъ людей языкъ не поворотился, руки не подымались, а лежать бы имъ крѣпко, какъ лежитъ бѣлъ горючь камень Алатырь; Спрячу я тебя, Одолень трава, у ретиваго сердца, во всемъ пути и во всей дороженькѣ.

Заговоръ отъ укушенія змѣи.

Змія Македоница! за чѣмъ ты, всѣмъ зміямъ старшая и большая, дѣлаешь такія изъяны, кусаешь добрыхъ людей. Собери ты своихъ тетокъ и дядей, сестеръ и братьевъ,

всѣхъ родныхъ и чужихъ, вынь свое жало изъ грѣховнаго тѣла, у раба такого-то; а если ты не вынешь своего жала, то нашлю на тебя грозную тучу, каменьемъ побьетъ, молніей пожжетъ. Отъ грозной тучи нигдѣ ты не укроишься: ни подъ землею, ни подъ межею, ни въ полѣ, ни подъ колодою, ни въ травѣ, ни въ сырыхъ борахъ, ни въ темныхъ лѣсахъ, ни въ оврагахъ, ни въ ямахъ, ни въ дубахъ, ни въ норахъ. Сниму я съ тебя двѣнадцать шкуръ съ разными шкурами, сожгу самою тебя, развѣю по чистому полю. Слово мое не прейдетъ ни въ вѣкъ, ни во вѣкъ!

Заговоръ отъ зубной скорби.

Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, златыя твои ножки. Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенесть, а твоей силѣ перенесть. Вотъ зубъ, вотъ два, вотъ три: всѣ твои; возьми мою скорбь. Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня зубную скорбь!

Заговоръ отъ порѣза.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ бѣлъ горючь камень Алатырь; на томъ камнѣ Алатырѣ сидитъ красная дѣвица, швея мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, рудожелтую, зашиваетъ раны кровавыя. Заговариваю я раба такого-то отъ порѣзу. Булатъ прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

Заговоръ отъ недуговъ.

Заговариваю я раба такого-то отъ двѣнадцати скорбныхъ недуговъ: отъ трясавицы, отъ колючки, отъ свербежа, отъ стрѣльбы, отъ огневицы, отъ ломоты, отъ колотья, отъ дерганія, отъ морганія, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной немочи. Ты, злая трясавица, уймись, а не то прокляну въ тартарары; ты, неугомонная колючка остановись, а не то сошлю тебя въ преисподнія земли; ты, свербежъ, прекратись, а не то утоплю тебя въ горячей водѣ; ты, стрѣльба, остановись, а не то засмолю тебя въ смолѣ кипучей; ты, огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами; ты, ломотье, сожмись, а не то сокрушу тебя о камень: ты, колотье, притупись а не то расшилю тебя на мелкія частички; ты, дерганье, воротись, а не то запружу тобою плотину на мельницѣ; ты, морганье, окрутись, а не то въ печи банной засушу; ты, слѣпота, скорчись, а не то утоплю тебя въ дегтю; ты, глухота, исчезни, а не то засмолю въ бочку и по морю пущу; ты, черная немочь, отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Заговоръ отъ запоя.

Ты небо слышишь, ты небо видишь, что я хочу дѣлать надъ тѣломъ раба такого-то. Тѣло Маерена, печень тезе. Звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную; а въ моей чашѣ вода изъ горнаго студенца. Мѣсяцъ ты красный, сойди въ мою клѣть; а въ моей клѣти ни дна, ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой дворъ; а на моемъ дворѣ ни людей, ни звѣрей. Звѣзды, уймите раба такого-то отъ вина; мѣсяцъ, отврати раба такого-то отъ вина; солнышко, усмири раба такого-то отъ вина. Слово мое крѣпко!

Заговоръ отъ тоски родимой матушки въ разлукѣ съ милымъ дитяткою.

Разрыдалась я родная, раба такая-то, въ высокомъ теремѣ родительскомъ, съ красной утренней зори, во чисто поле глядючи, на закатъ ненагляднаго дитятки своего яснаго солнышка—такого-то. Досидѣла я до поздней вечерней зори, до сырой росы, въ тоскѣ, въ бѣдѣ. Не взмилилось мнѣ крушить себя, а придумалось заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ загорнаго студенца. Стала я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною, и восговорила зычнымъ голосомъ:

Заговариваю я своего ненагляднаго ди-

татку, такого-то, надъ чашею брачною, надъ свѣжею водою, надъ платомъ вѣнчальнымъ, надъ свѣчею обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сахарныя, очи ясные, чело думное, ланиты красныя, освѣчаю свѣчою обручальною его становый кафтанъ, его шапку соболиную, его подпоясь узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лице молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, свѣтлѣе солнышка яснаго, милѣе вешняго дня, свѣтлѣе ключевой воды, бѣлѣе яраго воска, крѣпче камня горючаго Алатыря. Отвожу я отъ тебя черта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ чужого домоваго, отъ злаго водянаго, отъ Вѣдьмы Кіевской, отъ злой сестры ея Муромской, отъ моргуньи Русалки, отъ треклятыя Бабы-Яги, отъ летучаго змѣя огненнаго, отмахиваю отъ ворона вѣщаго, отъ вороны каркуньи, заслоняю отъ Кощея-Ядуна, отъ хитраго чернокнижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго Волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи вѣдуньи. А будь ты, мое дитятко, моимъ словомъ крѣпкимъ — въ нощи и въ полунощи, въ часу и въ получасьи, въ пути и дороженькѣ, во снѣ и на яву — укрытъ отъ силы вражія, отъ нечистыхъ духовъ, сбереженъ отъ смерти напрасныя, отъ горя, отъ бѣды, сохраненъ на водѣ отъ потопленія, укрытъ въ огнѣ отъ сгорѣнія. А придетъ часъ твой смертный, и ты вспомяни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про нашъ хлѣбъ-соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челомъ седмерижды семь, распростись съ родными и кровными, припади къ сырой землѣ, и засни сномъ сладкимъ, непробуднымъ.

А будь мое слово: сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота, крѣпчае горючаго камня Алатыря, могучае богатыря. А кто вздумаетъ моего дитятку обморочить и уворочить, и тому скрыться за горы Араратскія, въ бездны преисподнія, въ смолу кипучую, въ жаръ палючій. А будутъ его чары—ему не въ чары, морочанье его не въ морочанье, узорчанье его не въ узорчанье.

Заговоръ красной дѣвицы отъ недуговъ полюбовнаго молодца.

Иду я, дѣвица такая-то, изъ воротъ въ чисто поле, въ Окіанъ море, становлюсь я, дѣвица такая-то, на бѣлъ горючь камень Алатырь, опоясываюсь бѣлой пеленой, заговариваю своего полюбовнаго молодца, такого-то, отъ злыхъ недуговъ съ принедугами, полунедугами. Вы злые недуги, не недужьте раба такого-то. Отсылаю я васъ въ Окіанъ море, въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, по сей день, по сей часъ, по мое крѣпкое слово. А былъ бы мой полюбовный молодецъ бѣлъ и хорошъ; а милѣе бы его не было во всемъ свѣтѣ; а привѣтнѣе бы его не было и во теремѣ княжемъ; а залучнѣе бы его не было во всей околицѣ; а любилъ бы онъ меня отъ роду до вѣку, по всю мою жизнь. Слово мое крѣпко.

Заговоръ на тоску доброму молодцу по красной дѣвицѣ.

Стану я, раба такая-то, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, выйду въ чистое поле, въ подвосточную сторону, въ подвосточной сторонѣ стоитъ изба, среди избы лежитъ доска, подъ доской тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго свѣта дожидается! Бѣлый свѣтъ красно солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу такую-то, дожидался, радовался и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть; ни на утренней зорѣ, ни на вечерней; какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ матери, безъ материна молока, не можетъ жить, такъ бы рабъ такой-то, безъ рабы такой-то, не могъ бы жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зорѣ, ни на вечерней, ни въ обыденъ, ни въ полдень, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ; ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся тоска, въѣдайся тоска въ грудь, въ сердце рабу такому-то, разростись и разродись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ костямъ ноетой и сухотой по рабѣ такой-то.

(Сахар. Сказ. I, II, стр. 18—35).

7. СВАДЕБНАЯ ПОЭЗІЯ.

Свидѣтельство Нестора о брачныхъ обычаяхъ Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ, и т. д. Поляне бо своихъ отець обычаи имуть кротокъ и тихъ... брачныи обычай имяху; не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: оубиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака оу нихъ не бываше, но оумыкиваху оуводы дѣвиця. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычаи имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякии звѣрь, ядуще вся нечисто,... браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту оумыкаху (уводили) жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся....

(Тимковскаго Лѣтопись Несторова, стр. 7 и 8).

Хороводная пѣсня: сѣяніе проса.

Пѣсня эта играется, т. е. разыгрывается, поется вмѣстѣ съ игрою, въ весеннее хороводное время. Два хора становятся одинъ противъ другаго.

1-й хоръ.
А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой Дидъ—ладо, сѣяли!
2-й хоръ.
А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой Дидъ, и т. д.
1. А чѣмъ же вамъ вытоптать?
2. А мы коней выпустимъ.
1. А мы коней переймемъ.
2. А чѣмъ же вамъ перенять?
1. Шелковымъ мы поводомъ.
2. А мы коней выкупимъ.
1. А чѣмъ же вамъ выкупить?
2. А мы дадимъ сто рублей.
1. Не надо намъ тысячи.
2. А что-же вамъ надобно?
1. Намъ надобно дѣвицу.

(Въ это время изъ второго хора переходитъ дѣвушка въ первый).

2. Нашего полку убыло.
1. Нашего полку прибыло.

(Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣвушки не перейдутъ изъ второго хора въ первый).

(Снегир. Пр. и Обр. III, 30 и 31).

Свадебныя пѣсни, упоминающія о насильственномъ уводѣ невѣсты.

По послѣднему денечку
Нанесло тучу черную
Со громами со трескучими,
Съ молоньями со сверкучими
На батюшковъ на высокъ теремъ....
Пріѣзжалъ чужой чужбининъ
Со храбрымъ своимъ поѣздомъ....
Гдѣ-то есть у молодешенькой
Соколъ братецъ родименькой,
Голубочикъ злато-крыленькой,
Запонка да воротовая,
Сердоликъ—дорогой камень....

(Олонецк. губ.) (Рыбникова Пѣсни, III, 403—5).

Родимый ты братецъ мой!
Ты поди-ка въ темный лѣсъ,
Ты сруби, сруби березыньку
Загради ты путь дороженьку,
Чтобы моимъ недругамъ
Нельзя было ни пройти, ни проѣхати....

(Сахар. Сказ. I, III, 163).

.... По послѣднему денечку
Я сидѣла молодешенька,
Я во свѣтлой своей свѣтлицы....
Ужь я шила волю золотомъ,
Обшивала чистымъ серебромъ....
Изъ-за озера за Онежскаго
Летятъ птицы заморскія...
Соловей сѣлъ подъ окошечкомъ,
Орелъ сталъ выговаривать....
«Ты не трать ко чиста серебра

И не порти красна волота.
По сегодняшнему денечку
Быть саду да полоненому,
Всему роду покореному,
Волюшкѣ быть во неволюшкѣ....

(Олонецк. губ. Рыбн. III, 390, 1).

Мнѣ ночесь-то мало спалось,
Да во снѣ много видѣлось.
Ужь я видѣла, подруженьки,
Я гору высокую.
Среди горы крутыя
Лежитъ бѣлый горючь камень,
На этомъ на камешкѣ
Сидитъ орелъ птица острая,
Во когтяхъ держитъ лебедушку.
Подъ горой подъ высокою
Лѣса ростутъ темные
И шипица колючая,
Да и крапива-то жгучая....
Во этомъ темномъ лѣсу,
Ходитъ медвѣдь со медвѣдицей.
Разсудите, подруженьки,
Мнѣ къ чему сонъ привидѣлся?...
Эта гора-то высокая—
Чужа дальняя сторона;
Бѣлый-то камешекъ—
Чужой-то высокъ теремъ;
А орелъ, птица острая,—
Чужой это чужанинъ....
Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку—
Да меня молодешеньку;
А лѣса-то растутъ темные—
Чужи люди незнамые;
Что медвѣдь со медвѣдицей—
Богоданный-то батюшка
Съ богоданною матушкой;
Шипица колючая—
Богоданны милы братцы;
Крапива-то жгучая—
Богоданныя сестрицы.—

(Вологодск. губ. Терещенка В. Р. Н., II, 246 и 247).

Свекоръ говоритъ:
Къ намъ медвѣдицу ведутъ;
А свекровь говоритъ:
Къ намъ людоѣдку ведутъ;
А деверья говорятъ:
Къ намъ неряху ведутъ;
А золовки говорятъ:
Къ намъ непряху ведутъ;
Двѣ тетушки сидятъ,
Все про тое-жь говорятъ.

(Псковск. губ. Семевскаго Торопецъ, стр. 101).

Заплящиця маю касу русую,
Замкнищя маю касу русую
Дзявяци замкамъ,
Кабы ни наѣхали Татары,
Кабы ни расплели
Маю русаю косаньку (*)

(Бѣлорусская пѣсня. Этнограф. Сб. II. 168).

Ой, не находь, Лытва;
Будемъ тебе быты,
Будемъ быты, войоваты,
Марусеньки не даваты.

Такъ поется въ Малороссіи передъ отъѣздомъ молодой изъ дому ея родителей. Мѣстами въ Россіи и вообще у Славянъ подобнаго рода пѣсни играются, т. е. разыгрываются: сторона жениха и сторона невѣсты вступаютъ въ бой, при чемъ одолѣть должна первая (Метлинск. Укр. П., 215).

Да не наступай Литва,
Буде съ вами битва.
Будемъ битяваты,
Шабель доставаты
Марьечки не даваты —

Поется въ Бѣлоруссіи во время подобнаго боя. Когда же сторона молодаго осилитъ и молодой займетъ мѣсто возлѣ своей Марьечки, то поется:

Суньтесь Подоляне (сторона Невѣсты)
Да съ кута до запечка!

*) Расплетеніе косы—одинъ изъ обрядовъ, совершаемыхъ послѣ вѣнчанія.

Нехай сиде Литва (женихъ)
Зъ своею Литовкою,
Зъ нашею Подолянкою.

(Письмо Буслаева къ Соловьеву. Ист. России последняго, II, прил., 35).

Бижы, бижы, коныченьку, въ тестя двиръ,
А до моей Марусеньки по за стилъ;
Пустимо стрилу перлову,
Выбьемо стину камьяну,
Визьмемо Марусеньку молоду—

Поется въ Малороссіи въ то время, когда молодой пріѣзжаетъ за молодою въ домъ ея родителей, куда она отправилась изъ церкви послѣ вѣнца. (Метлинскаго Укр. П., 103).

Ходить кизочка по крутій гори,
Нижкою якъ тупъ, такъ тупъ,
Сирому вовку наругаеться:
«Я-жь тебе, сирый вовку, не боюся!»
А въ недиленьку (въ воскресенье) рано по раненьку
Кизочки якъ нема, такъ нема;
Тилько осталыся нижкы, та рижкы,
Та билія копытьця....

Ходить Марьечка по новыхъ синяхъ,
Нижкою якъ тупъ, такъ тупъ,
Своему Юрасеньку наругаеться:
«Я-жь тебе, Юрасю, не боюся!»
А въ понедѣлокъ *) рано по раненьку
Марусеньки якъ не ма, такъ не ма;
Тилько осталася русая коса,
Та дивоцькая краса.

(Метлинск. 229, 230).

Вонъ пріѣхалъ погубитель мой,
Вонъ пріѣхалъ раззоритель мой,
Вонъ пріѣхалъ расплети—коса,
Вонъ пріѣхалъ потеряй—красу.

(Этногр. Сб. VI, Библіогр. указ., 50).

Матушка, что во полѣ пыльно?
Дитятко, кони разыгрались.
М., на дворъ гости ѣдутъ!
Д., не бойся, не выдамъ.
М., на крылечко гости идутъ!
Д., не бойся, и т. д.
М., въ нову горницу идутъ!
Д., не бойся, и т. д.
М., за дубовый столъ садятся!, и т. д.
М., со стѣны образъ снимаютъ, и т. д.
М., меня благословляютъ!
Д., Господь Богъ съ тобою,
Свѣтъ мое милое, Господь Богъ съ тобою!

(Сахар. Сказ. I, III, 160).

Пѣсни, указывающія на куплю невѣсты.

Наѣхали разсказы сваты большіе,
Выводили надежу свѣта батюшка
На новы сѣни на рѣшетчаты,
Стали спрашивать про бѣлую лебедушку,
Оцѣнять стали бажону вольну волюшку.
Сговорилъ же свѣтъ родитель мой батюшка:
Эта волюшка во сто рублей,
Руса косынька во тысячу,
А красной дѣвушкѣ и цѣны нѣтъ....
Но лукавъ былъ злодѣй большій сватъ:
Онъ близешенько къ родителю двигается,
Низешенько ему да поклоняется,
Самъ сулитъ ему да засуливаетъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Сорокъ бочекъ пива пьянаго.
На то-ли мои родители окинулись,
Промѣняли мою вольную-то волюшку
Какъ на этое на сладко зелено вино....
Пропились да промоталися,
Прогуляли мою волюшку....

(Олонецк. губ. Рыбник. II, III, 354).

(Тутъ указывается на народный обычай скрѣплять заключенный торгъ распиваніемъ вина;—только въ этомъ смыслѣ и можетъ тутъ приниматься пропой невѣсты. (См. Пермскій Сборникъ, I, II, 62).

---

*) Свадьба въ Малороссіи совершается обыкновенно въ воскресенье, и такъ въ понедѣльникъ—на другой день свадьбы.

Государь мой батюшка,
Государыня матушка!
Вы когда меня пропили?
Вы тогда меня пропили,
Когда мать спородила,
Спородивши, въ колыбель положила,
Три раза колыхнула.
Первый разъ, божинька,
На чужую сторонушку,
А другой, разъ божинька,
Ко чужому батюшкѣ,
Третій разъ, божинька,
Ко чужой ко матушкѣ.

(Псковск. губ. Семевск. Торопецъ, 95).

Тейно, темно на дворѣ,
Темнѣе того въ теремѣ.
Бояре (поѣздъ жениха) ворота облегли,
Торгуютъ, торгуютъ Дуняшу.
—Торгуйся, торгуйся, братецъ,
Не отдавай меня дешево.
Проси за меня сто рублей,
За мою косыньку тысячу,
За мою красоту смѣты нѣтъ.—

(Саратовск. губ. Терещенка Б. Р. Н. II, 344.)

Братецъ, постарайся,
Братецъ, поламайся!
Не продавай сестру
Ни за рубль, ни за золото.
Брату мила сестра,
А золото милѣе....

(Терещ. II, 131).

(При этомъ мѣстами совершается и обрядъ выплачиванія дружкою брату невѣсты денегъ. Когда онъ приметъ ихъ, то въ Галицкой Руси поютъ:)

Ой, Татаръ, братчикъ, Татаръ!
Продавъ сестру за таляръ (талеръ),
Русу косу за шестакъ,
Бѣле личко таки и такъ.

(Сборн. Головацкаго. II, 109).

Пѣсни, описывающія чужую сторону и неволю невѣсты.

Не вода ль меня поняла?
Не горы ль меня облегли?...
Поняли меня да горючи слезы....
Облегла меня тоска кручинушка....
. . . .
Это что у насъ были за люди?
Что за гости торговые?...
Торговалъ мнѣ родный батюшко
Мнѣ шубу да соболиную—
Сторговалъ мнѣ родимый батюшко
Чужу дальню сторонушку.
Торговала мнѣ родима матушка
Мнѣ серьги жемчужныя—
Сторговала мнѣ родима матушка
На чужой-то дальной сторонушкѣ
Великое да послушаньице.

(Пермскій Сборникъ, I, II, 65).

Вечоръ были да сваты свататься
У нихъ поклоны-то низкіе,
Слова-то у нихъ ласковыя,
Рѣчи-то у нихъ привѣтливыя....
Они ходятъ, да все хвастаютъ:
«Какъ чужа-то дальня сторонушка
На горѣ стоитъ да на высокою....
Не встаютъ у насъ да по утру рано.
Не ходятъ у насъ да на работушку!...»
Не сдавайся ты, милая племянница,
На ихни-то умы разумы!
Слова-то ласковыя обманчивыя,
Поклоны-то низкіе переманчивые....
Какъ чужа-то дальня сторонушка
Во темномъ лѣсу да во раменьѣ.... *).
Какъ чужа-то дальня сторонушка
Не пшеной да изусѣяна—
Тоской кручинушкой изусѣяна,
Горючьими слезами исполѣвана,
Она печалью да огорожена,
Кручинушкой изувязана....

(Пермскій Сб. I, II, 37 и 38).

У свово-то родима батюшка,
У своей-то родимой матушки
Я чесала васъ, русы волосы,

*) Глухой лѣсъ, непроходимый.

Середи-то полу дубоваго;
Я мочила васъ, русы волосы,
Ключевой водой холодною;
Я сушила васъ, русы волосы,
На крутомъ красномъ крылечикѣ
Я сходимымъ (всходимымъ) краснымъ солнышкомъ.
На чужой-то дальней сторонушкѣ,
Я у свекра у батюшки,
Я у свекрови у матушки,
Чесать стану васъ, русы волосы,
Во кутѣ (въ углу) да за занавѣсой;
Мочить стану васъ, русы волосы,
Я своими да горючими слезами;
А сушить стану васъ, русы волосы,
Я своей тоской да кручинушкой.
И запрутъ васъ, русы волосы,
На триддать три замка,
На тридцать три ключа,—
И бросятъ эти ключики
Во сине море Хвалынское.
Сохватаетъ эти ключики
Рыба, да рыба бѣлая....

(Поется при расплетаніи косы передъ отправленіемъ въ баню).

(Пермск. Сборн. I, II, 46.)

Тяжеленько привыкать будетъ
Ко чужому отцу къ матери,
Ко чужому роду племени;
Будь головушкой поклонлива,
Будь сердечушкомъ покорлива,
Носи платьице, не снашивай,
Терпи горюшко, не сказывай....
Ты во темную во ноченьку
Выходи моя подруженька
На высокое крылечушко,
Ты высказывай обидушку
На широку гладку улочку, —
Разнесутъ твою обидушку
Часты-буйные вѣтерки.

(Такъ отвѣчаетъ замужняя подруга невѣсты на вопросъ послѣдней: «Каково на чужой сторонѣ?»)

(Рыбник. III, 402.)

Кляновы листочку, куды цѣбѣ вѣтрыкъ коци,
Чы въ лугъ, чы въ далину,
Чы назадъ кодъ калину?
Я и самъ не вѣдаю, куды мнѣ вѣтрыкъ коци....
Молодая Маріанка, куды цябѣ выпрауляюць?
Чы у госци, чы у дорогу,
Чы до божаго дому?
Я и сама ня вѣдаю....

(Бѣлорусск. пѣсня. Этногр. Сборн. III, 273.)

Ой, гой-же, гой-же, мой милый Боже!...
Ой, кого жь я вирно любила,
Той стоить за дверима;
А кого жь я зъ роду не знала,
Тому рученьку подала.

(Галицкая пѣсня. Жегота Паули, I, 92.)

Ты пощо, да для цево
Казнишь мою буйну голову,
Безъ сабли вострые,
Безъ ножа булатнова?
Ты возми, мой батюшко,
Возми саблю вострую,
Ссики мою буйну голову,
И пусть моя глава
По землѣ катаитце,
Люди насмихаютце.

(Этногр. Сборн. V, 26.)

На цюжой на сторонѣ
Надо сорокъ разумовъ,
Петьдесятъ обыцаевъ,
Надо омманка заяцья,
Ласкота лисичая.

(Тамъ же, 34.)

Заплетите-ка,
Вы любимыя
Мои подруженьки,
Русу косу мелехонько.
Посреди-та русой косы
Заплетите шелковъ косникъ,
Алу ленточку;
А поконецъ-то русой косы —
Саблю вострую:
Чтобъ проѣзжія свахоньки
Руки перерѣзали.

(Терещ. II, 323.)

Проклятія свату и свахѣ.

Да тебѣ, свату бо̀льшему,
Да тебѣ измѣнщику дѣвичьему,
Да Акиму Степановичу!
На ступень ступить — нога̀ сломить,
На другой ступить — друга̀ сломить,
На третей, голову свернуть!
Того мало свату большему,
Да измѣнщику дѣвичьему!
На печи спать подъ шубою,
Подъ трема̀ полушубками,
Подъ четырема тулупами:
Да трясло бы тя, повытрясло!
Да сквозь печь провалитися,
Во мясныхъ щахъ свaритися!...

(Якушкина пѣсни, 255, 6.)

Государь ты мой батюшка,
Ты возми свата за воротъ,
Поведи свата за двери,
Повали его на дровни,
Да повези его на поле.
Ты подай свату борону,
Чтобъ разчесалъ буйну голову....
Еще дай, Боже, сватушку
Ему за эту за выслугу,
Ему сорокъ бы сыновей,
Да пятьдесятъ ему дочерей, —
Сыновей бы не женивать,
Дочерей не выдавывать.

(Терещ. II, 236.)

Не кладу я судьбы жалобы
На родителя батюшка,
На сударыню матушку;
Я кладу судьбу-жалобу
Что на сватью на бо̀льшую,
На лукавую, вилявую,
На змѣю семиглавую,
Семиглавую, семихвостую:
Чтобъ тебѣ сватьюшка,
Сыновей бы тѣ разбойниковъ,
Дочерей посидѣлочекъ!

(Якушкина II., 257.)

Ты злодѣйка наша, сватовщица,
Лиходѣйка-обманщица!...
Умереть бы тебѣ, сватовщица,
На печѣ въ углу, подъ шубою..
Мы схоронимъ тебя, сватовщица,
Мы въ темный лѣсъ во раменье,
Мы подъ горькую осинушку....

(Пермскій Сборн. I, II, 103.)

Величаніе красы и воли дѣвичьей.

Ты пожалуй-ка, мила подруженька,
Со кумушками да со подружками
Помыться да попариться....
Изукрашена тепла паруша (баня)
Все цвѣточкимя алинькимя.... *)
Огорожена путь-дороженька
Она бѣлой березонькой....
У дымнаго-то баннаго окошечка
У насъ поставлены да караульщички...
Ты пожалуй же мила подруженька,
Со кумушками да со подружками
Помыться да попариться!
Ужь ты смой съ лица горючи слезы,
Съ тепла сердца — тоску кручинушку! —
— Вы подруженьки-голубушки!
Не обманете ли меня вы молодешеньку
Со теплой-то вы со парушей?
Не сомью ли (не смою ли) свою дивью красоту?
— Ты не бойся, мила подруженька!
Не сомьешь ты свою дивью красоту.
Какъ полетитъ твоя дивья красота
Дымнымъ баннымъ окошечкомъ,
Со дымами да со кудрявымя,
Со парами да со медвяными;
Тутъ поймаютъ твою дивью красоту
Что твои-то братцы милые;

*) Украшеніе это состоитъ въ слѣдующемъ: отъ вѣника отрываютъ маленькія вѣточки, на нихъ навязываются разноцвѣтные лоскутки и ленточки, и въ такомъ видѣ онѣ втыкаются въ щели по стѣнамъ; ихъ же втыкаютъ въ землю и по дорожкѣ, ведущей къ банѣ (Пермскій Сборн. I, II, 41).

Принесутъ твою дивью красоту
Во батюшковъ да во высокій теремъ.

Пѣсня эта поется въ Пермской губерніи. Слово красота на мѣстномъ нарѣчіи, кромѣ обыкновеннаго своего значенія, имѣетъ другое — значеніе ленты, какъ дѣвичьяго украшенія. Караульщиками у баннаго окна становятся обыкновенно братья невѣсты; они выкарауливаютъ красоту, т. е. ждутъ, чтобы имъ выбросили за окно ленту (Пермскій Сборн. I, II, 42, 43, 49, 50).

Любимая моя подруженька,
Куда мнѣ свою красотушку
Дѣвать будетъ?
Мнѣ въ лѣса ее пустить? —
Она заплутается.
Во луга пустить?
Загуляется.
Въ быстру рѣку пустить?
Запутается.
Я пущу свою красотушку
На любимую подруженьку....
Тутъ моя красотушка
Укроется,
Нѣгушка унѣжится.
Есть у ней родимая матушка
И родимый батюшка,
Есть братцы,- ясны соколы,
Лебедушки невѣстушки.

(Саратовск. губ. Терещ. II, 323, 24).

....Я кладу бажону мою волюшку
Ко ретивому сердечушку;
Я снесу бажону мою волюшку
На остудушку чужую на сторонушку,
Я поглядывать стану на свою вольную волюшку;
Я кладу въ оковану коробеечку:
Какъ отомкну оковану коробеечку,
Погляжу на свою вольную волюшку, —
Будто я красна дѣвушка;—
Разгоню свою великую обидушку.

(Олонецк. губ. Рыбник. III, 406).

(Воля какъ и красота представляется дѣвичьей лентой).

....Спущу я свою вольную волюшку
Подъ небеса подъ высокія,
Ко красну солнышку въ бесѣдушку,
Къ ясному мѣсяцу во думушку,
Ко зарямъ на свиданьице,
Ко звѣздамъ на разселеньице.
Пускай воля наволюется,
Пускай красна наликуется,
Улетитъ вольная волюшка
Со младой со головушки.

(Олонецк. губ. Рыбник. III, 394).

Ужь ты взвейся, красота моя,
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садика зеленаго,
И ударься о сыру землю, —
Расшибись ты, красота моя,
Что по макову по зернышку,
Чтобы вышла моя матушка,
Подобрала бы поскорѣй тебя
И посѣяла бъ во своемъ саду,
Поливала бы не рѣчной водой,
А своею слезой горькою.

(Этногр. Сборн. VI, Библ. Ук., 50).

О дѣвичьей красѣ слухъ идетъ
По всему-то свѣту бѣлому,
Ее видѣть можно за сто верстъ,
О ней слышно верстъ за тысячу.
А краса бабья — отцвѣтшая,
На печи въ углу подъ шубою.

(Владимірск. губ. Этногр. Сборн. 84, Ibid.)

Пѣсни, относящіяся къ сиротѣ-невѣстѣ

Поить кормить есть кому,
А благословить молодой некому:
Нѣтъ кормильца свѣта батюшка,
Нѣтъ родителя матушки.
Поджидай мое солнышко, братецъ родименькій
Со Никольской дубровушки
Кормильца свѣта батюшка.
Посулился родный батюшко,
При скорой смеретушкѣ,
При послѣднемъ часу времени,

На крѣпкое рукобитьице,
На послѣднее прощаньице,
На вѣковое благословеньице.

(Олонецк. губ. Рыбн. III, 424).

Охъ вы, братцы, ясны сокола!
Вы сходите во божью церковь,
Вы ударьте трижды въ колоколъ!
Разступися, мать сыра земля!
Ты откройся, гробова доска!
Развернися, золота парча!
Ты возстань, родитель батюшка!
Дай прощеньице съ благословеньицемъ....
Отвезутъ меня братцы родимые,
Благослови, родитель батюшка!

(Рыбн. III, 363, 4).

Сходилися да тучи грозныя
Со всѣ да со четыре стороны —
Со полуденну, сѣверну, восточну, западну.
Всѣ тучи прокатилися,
Одна туча да воротилася,
Воротилася да становилася
Надъ матушкой да надъ сырой землей.
Ужь вы гряньте-ко, громы грозные,
Просвѣтися, молонья палючая!...
Ужь вы гряньте-ко, громы грозные,
Расколите-ко мать сыру землю,
Мать сыру землю да гробову доску!
Ужь вы ляньте-ко, дожди частые,
Вы размойте-ко желты пески!
Ужь вы дуньте-ко, вѣтры буйные,
Вы сдуйте-ко золоту парчу!
Развернись-ко ты, золота парча,
Распечатайтесь усты сахарные,
Разожмитесь-ко очи ясныя,
Разожмитесь-ко ручки бѣлыя
Отъ сердца же отъ ретиваго,
Отъ желанья же да отъ великаго!
Ты возстань-ко, родимый батюшко,
На свои-то да рѣзвы ноженьки!
Ты сходи-ко на быстру рѣку,
Ты сядь-ко на горючь камень!
Ужь ты смой-ко съ лица ржавчину,
Со бѣла лица да горючи слезы,
Съ ретива сердца тоску кручинушку!
Ты сходи-ко, родимой батюшко,
Въ божью церковь помолитися
За меня за горегорькую,
За дѣтю да безотцею!...

(Пермск. Сборн. I, II, 71, 72).

Ганусева матыночка *)
Передъ Богомъ стоить,
На охрестъ руки держить,
Бога си просить:
«Спусти мене, Боже,
Надъ село хмароу (тучею),
А въ село дрибнымъ дождемъ....
Най же си подывью (подивлюсь, полюбуюсь)
Чи красно дитя убрано?» —
— «Убрано, якъ панятко,
Посаджене якъ сыротытко.»

(Галицк. и. Жег. Паули, I, 108)

Чыѣ то сліозки зъ горы кацились?
Агатыныя сліозки зъ горы кацились,
Пяски разрывали,
Матечки доставали.
Далеко мамочка за треми замочками:
Пѣрши замочекъ
Сосновы цѣрамочекъ (теремочекъ);
Други замочекъ —
Жоуты пясочекъ;
Треци замочекъ —
Доски сосновыѣ....

(Бѣлорусск. и. Этногр. Сборн. III, 256).

Пѣсни, указывающія на свободу въ выборѣ суженаго.

Выбирай, мое дитятко,
Выбирай, мое милое,
Изъ гостей незнакомыхъ знакомаго,
Изъ молодыхъ молодаго наряднаго;
Ужь какъ съ тѣмъ ли тебѣ гостемъ вѣкъ вѣковать,
Вѣкъ вѣковать, и меня забывать.
Ужь какъ выбрала Марьюшка, и т. д.
Ужь и я ли съ нимъ, матушка,

*) Матушка Ганусн—Аннушки.

Съ нимъ вѣковать буду,
А тебя, матушка, не позабуду.

(Сахар. Сказ. I, III, 125).

Закатись ты, солнце красное,
Ты взойди, свѣтелъ мѣсяцъ,
Ты свѣти во всю ноченьку....
Во весь путь, во всю дороженьку
Свѣтилъ бы моему суженому,
Чтобъ съ дороженьки не сбился,
Чтобъ назадъ не воротился....
Безъ него-то мнѣ тошнехонько,
Безъ него-то мнѣ грустнехонько.

(Сахар. I, III, 123).

Ловила душа Марьюшка
Яснаго сокола въ чистомъ полѣ....
Приносила его къ родной матушкѣ.
Ужь какъ-тотъ ли соколъ, ужь какъ тотъ ли ясенъ,
Ты Петръ, сударь, господинъ,
Ты Петръ, сударь, Петровичъ.

(Сахар. I, III, 124).

Не завидуйте, дѣвушки,
Не завидуйте, красныя,
И вамъ будутъ молодцы,
Молодцы еще лучше.
Тогда вамъ не позавидую,
А порадуюсь радостью,
Поѣду за вами въ поѣзжаныя....

(Сахар. I, III, 125).

Прилетѣли вольныя пташечки
Изъ-за моря, моря синяго;
Перепархиваютъ пташечки,
По чисту полю, по кустарникамъ:
Всѣ любуются по парочкѣ.
Только добрый молодецъ Александрушка,
Во свѣтѣ бѣломъ сиротинушка,
Онъ тоскуетъ какъ горькая кукушка....
Безпріютная головушка!
Никто къ дѣтинушкѣ бѣдному,
Никто въ свѣтѣ не пришатнется;
Словомъ ласковымъ привѣтливымъ
Никто сиротинушку не радуетъ....
Вянетъ, сохнетъ въ одиночествѣ
Будто травка среди поля дикаго.
Не милъ молодцу и Божій свѣтъ!
Одна Дуняша сжалилась
Надъ бѣдняжкой, сиротинушкой;
Приласкала, приголубила
Безпріютную головушку....

(Сарат. губ. Терещ. II, 345, 46).

Вы раздайтеся, бояре,
Разступитеся, дворяне!
Чѣмъ меня батюшка жалуетъ?
Не большимъ даромъ — теремомъ.
Чѣмъ меня матушка жалуетъ?
Вѣдь большимъ — женихомъ,
Вѣковымъ дружкомъ Лукой,
Вѣковымъ дружкомъ Ивановичемъ.

(Терещ. II, 122).

Не ходить было Прасковьюшкѣ,
Не ходить было Андреевнѣ
На широкій дворъ гулять,
Въ хороводы играть....
Приглянулся Прасковьюшкѣ....
Молодой молодецъ,
Молодой изнаряженой
Лука, сударь, Ивановичъ.
Не хочетъ съ нимъ разстатися,
Но хочетъ насъ оставити,
Позабывши батюшку и матушку.

(Терещ. II, 122, 3).

Ну, ты умная дѣвушка,
Не сдавайся ты на сговоры
Что не князю, не боярину,
Не тому сыну гостиному,
А отдайся ты Терентію, ты Иванычу!
Вотъ Терентій свѣтъ волей взялъ,
Ольгушку за руку взялъ,
Онъ я взялъ ее за бѣлую....

(Псковск. губ. Семевскаго Великія Луки, 156, 57).

Мой милый другъ, мой суженый....
Онъ глазкомъ мигнетъ
Вся печаль моя пройдетъ....

А душой какъ назоветъ,
Въ сердце радость изольетъ.

(Сахар. Сказ. I, III, 149).

Ко мнѣ ласточка прилетала,
Ко мнѣ вѣсточку приносила:
Къ тебѣ будетъ дорогой гость,
Дорогой гость батюшка —
— Пускай онъ будетъ,
А моей тоски не убудетъ.
Къ тебѣ будетъ не милый гость,
Не милый гость, твой суженый! —
— Пускай онъ будетъ, и моя тоска вся убудетъ.

(Сахар. I, III, 151).

За моимъ-то дубовымъ столомъ
Какъ сидитъ-то младъ отецкой сынъ,
Онъ сидитъ-то, какъ свѣчи горятъ,
Говоритъ онъ, какъ рублемъ даритъ.
Какъ у этого млада сына отецкаго
Красота взята отъ солнышка,
Бѣлина-то отъ бѣла снѣга...
Очи ясныя — ясь сокола....
Брови черныя — черна соболя.

(Олонецк. губ. Рыбник. III, 378).

Я колько у родителей возрастала,
Эдакихъ гостей при домѣ не видала:
По лицу у нихъ по ясному
Печетъ красное солнышко,
Позади ихъ свѣтлы мѣсяцы,
По головушкѣ пекутъ часты звѣздушки.... *)

(Рыбн. III, 384).

Съ поутру рано на зарѣ
Стояли кони на дворѣ....
Про этихъ коней не знаетъ никто....
Знала, спознала красна дѣвушка душа;
Брала она коней за повода,
Ставила коней во стойла,
Сыпала пшена да на мѣсто овса,
Лила сыты да на мѣсто воды, —
Отошла — сама кланялася:
Пейте вы, ѣшьте, кони мои....
Завтра пораньше свезите меня
Далѣ-подалѣ отъ батюшка,
Ближе-поближе ко свекру на дворъ.

(Перм. Сб. II, II, 140),

Опричь тебя, Авдотьюшка,
Никто не взлюбился,
Опричь тебя, Григорьевна,
Никто не по нраву....
Архипушка Авдотьюшкѣ
Послы посылаетъ.
Авдотьюшка Григорьевна
Пословъ не примаетъ:
«Коли онъ меня полюбитъ
То самъ ко мнѣ будетъ.»

(Варенцова, пѣсни Самарскаго края, 158).

Шовкова трава по полю полегла,
Молода Маруся до столу прылягла.
«Ой устань, Марусю, клыче тебе батенько!»
Не встану, не гляну, й не привитаю, **)—
Есть у мене служечка,
Старшая дружечка, —
Вона встане й гляне й привитае.

(Далѣе тоже самое повторяется относительно матери).

«Ой устань, Марусю, клыче тебе Юрасьо!»
— «Ой устану й гляну й привитаю,
И Юрася на здоровье спытаю. ***)
(При этомъ молодая дѣйствительно должна встать и поднять опущенную до того голову. Пѣсня эта поется уже послѣ вѣнчанія, при входѣ молодаго въ домъ родителей молодой, куда, по малороссійскому обычаю, везутъ ее прямо изъ церкви).

(Метлинскаго, Украинскія П., 192, 3).

*) Относится къ поѣзду жениха.
**) Не стану привѣтствовать.
***) Попытаюся, т. е. спрошу у него про здоровье.

У недилу *) рано
Море си розыграло;
Дивчина потопала,
Свого витца жадала **)
«Татутинько мій любый,
Не дай ми утонути,
За тымъ Дунаjомъ поплынути.»—
— Дытятко моя люба!
Я д'воды не смію
И плаваты не вмію (не умѣю).

(Далѣе такойже отвѣтъ дается и матерью; когда же дѣвица обращается къ суженому, то онъ отвѣчаетъ:)

Дивчинонька моя люба!
Я до воды смію
И плаваты вмію....

(Жеготы Паули, Галицкія пѣсни, I, 108, 9. Метл. 128, 9).

Растужись, Кацюшка,
Па своей старонки
И па радной матки....
Ня жалка плачиць Кацюша,
Ня жаль ей, ня жаль матушки....

(Бѣлоруск. п. Этнографич. Сб. II, 186).

За горою Хвеклунька вяньки вьетсь,
За ею матухна пасловъ шлетсь:
„Хадзи, Хвеклунька, меду питсь!"
— „А ни пайду, матухна, меду питсь:
Медъ мнѣ питсь — сухота,
А вяночки витсь — красота." —
За горою Хвеклунька вянки вьетсь,
За ею Самуська пасловъ шлетсь:
„Хадзи, Хвеклунька, вады питсь."—
— „Пойду къ тебѣ, Самуська, вады питсь,
Съ табою мнѣ ваду питсь — красота,
Безъ тебѣ вянки витсь — сухота.

(Бѣлорусск. п. Терещ. II, 561).

*) Въ воскресенье — свадебный день.
**) Просила отца.

Пѣсни, величающія брачный союзъ.

Молода наша боярыня по сѣничкамъ гуляла,
Она пяличка во рученькахъ держала;
Во пяличкахъ вппяленъ алый бархатъ.
Шила-вышивала, боярыня, три узора:
Первый-то узоръ вышивала —
Утряную зарю съ бѣлымъ свѣтомъ;
Другой-етъ узоръ вышивала —
Свѣтелъ младой мѣсяцъ со звѣздами;
Третій-етъ узоръ вышивала —
Красное солнце со лучами.
Утреняя заря съ бѣлымъ свѣтомъ —
То совѣтъ и любовь со женою,
Великая любовь съ душею;
Свѣтелъ младой мѣсяцъ со звѣздами —
То (имя свекра) съ сыновьями,
Свѣтъ (отечество свекра) съ соколами;
Красное солнце съ лучами —
То (имя свекрови) съ дочерями,
Свѣтъ (отечество свекрови) съ лебедями.

(Пермскій Сб. I, II, 19, 20).

Слала заря до мисяця
Рано, рано ранесенько
„Мисяченьку, мій братику,
Не заходь же ты наперъдь мене....
Та ввійдемо (взойдемъ) обое разомъ,
Освитымо небо и землю....
Якъ острахнеться звирь у поли,
Та зрадуеться гость у дорози."
Слала Маруся до Юрочка:
„Мій Юрасеньку, мій друже вѣрный!
Не сидай же ты наперъдъ мене....
Та сядемо й обое разомъ,
Та взвеселимо отця й неньку,
Усю родыноньку!" —

(Метлинск., Укр. п., 183, 4).

Звеселимо мы два двора:
Ой первый двиръ (дворъ)—батька твого,
А другой двиръ — батька мого!

(Маркевича, пѣсни, обычаи и т. д. Малороссіянъ, 117).

Покраса наша Агатка!
Да покрасила два дворы:
Адзинъ дварокъ гдзѣ росла,
А други, гдзѣ пришла.

(Бѣлор. п. Этногр. Сб. III, 268).

„Мнѣ хочесь молодешенькѣ мало спалось,
Мало спалось, много видѣлось во снѣ:
Ужь кабы у насъ середи двора....
Выросло деревцо кипаристое,
Что другое-то деревцо сахарное,
На деревѣ вѣточки золотыя
Золотыя вѣточки, серебряныя....“
Спроговорилъ хозяинъ, господинъ:
„Я тебѣ, душечка, сонъ разскажу....
Кипаристое деревцо — я у тебя,
Сахарно деревцо — ты у меня;
На деревѣ вѣточки — дѣти у насъ,
Дѣти у насъ, дѣти милыя....

(Пермскій Сб. II, II, 138).

Святочныя пѣсни о вѣнцѣ.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Несетъ кузнецъ три молота.
„Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ, и новъ,
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Изъ обрѣзочковъ булавочку.
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкать.“

(Сахар. I, III, 13).

Подь на свадьбу, боженька,
Скуй намъ свадьбу, боженька,
Крѣпко, твердо, боженька,
Долговѣчно, боженька,
Вѣковѣчно, боженька.
. . . .
Вѣтромъ вѣетъ, боженька,—
Не развѣетъ, боженька;
Дождемъ мочитъ, боженька,—
Не размочитъ, боженька;
Солнцемъ сушитъ, боженька,—
Не разсушитъ, боженька!

(Семевскаго Торопецъ, стр. 3).

Нѣкоторыя пословицы, касающіяся брака.

Сваха чужу сторону нахваливала: она сахаромъ посѣяна, медомъ поливана, виноградомъ огороженая, да тафтою покрыванная. — Чужедальная сторона: она горемъ посѣяна, слезами поливана, тоскою покрывана, печалью огорожена.

Въ дѣвкахъ сижено — горе мыкано; замужъ выдано — вдвое прибыло.

Въ дѣвкахъ сижено — плакано; замужъ хожено — выто.

Жениться—не лапоть надѣть.

Женидьба есть, а разженидьбы нѣтъ.

Одному и топиться итти скучно.

О томъ и кукушка кукуетъ, что своего гнѣзда нѣтъ.

Семейная кашка погуще кипитъ.

Родители берегутъ дочь до вѣнца, а мужъ жену до конца.

(Даля, пословицы, 379 и слѣд.).

Якъ була я у батенька, такъ була чубатенька, а якъ стала у свекрухи, то й обънили чубъ мухи.

(Номиса, Украинскія пословицы, 9996).

Якъ есть, то есть — лучче собака, нижъ тесть (Номиса, 9417).

Забувай батькови норови, а бери мои.

Шкода *) ходу до поганого роду (до такого, который не хочетъ отдать за мужъ дѣвку).

Бодай сватальнику добра не було!

Про мене, синку, хочь свинку (т. е. бери какую хочешь, — твоя воля).

Хочъ охъ, то вдвохъ.

Поможи, Боже, не жонатому, а жонатому й жинка поможе.

Боже, Боже, що та жинка може! якъ ii взяти, то лучче якъ мати.

(Номиса, Украинск. посл., 8844—9018).

Жинка для совіту, теща для прівиту, матенька рідна лучче всего свиту. (9363)

*) Бѣда.

II. ОСТАТКИ МИѲИЧЕСКАГО ЭПОСА.

СКАЗКИ,

1. СЪ ПРЕОБЛАДАНІЕМЪ МИѲИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ.

1.

Мальчикъ-съ-пальчикъ.

Жилъ себѣ старикъ со старухою. Разъ старуха рубила капусту на пироги, задѣла нечаянно по рукѣ и отрубила мизинный палецъ; отрубила и бросила за печку. Вдругъ послышалось старухѣ — кто-то говоритъ за печкой человѣческимъ голосомъ: „Матушка! сними меня отсюдова." Изумилась она, сотворила честной крестъ, и спрашиваетъ: „ты кто таковъ?" — Я твой сынокъ, народился изъ твоего мизинчика. Сняла его старуха, смотритъ — мальчикъ крохотной-крохотной, еле отъ земли видно! и назвала его Мальчикъ-съ-пальчикъ. „А гдѣ мой батюшка?" спрашиваетъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. — Поѣхалъ на пашню. „Я къ нему пойду, помогать стану." — Ступай, дитятко *).

---

*) Варіантъ 1: Въ одной деревнѣ жили-были мужикъ да баба, дѣтей у нихъ не было. Стали они Богу молиться, да просить себѣ дѣтища. Услышалъ Богъ молитву. Говоритъ однажды мужикъ бабѣ: «старуха! нѣтъ ли у насъ какого полѣна; я нащиплю лучины.» Баба въ отвѣтъ: «возьми, старикъ, въ печкѣ.» Мужикъ взялъ топоръ, досталъ полѣно и давай лучину щипать; щипалъ-щипалъ и отрубилъ себѣ пальчикъ; изъ того пальчика сдѣлался мальчикъ, да такой рѣзвой, разумной; только народился, а ужъ съ отцемъ, съ матерью разговариваетъ. Возрадовались мужикъ съ бабою, возблагодарили Господа и назвали своего мальчика Микулка Четвертной. На другой день поѣхалъ мужикъ землю пахать, а баба принялась блины печь Напекла блиновъ, намазала и говоритъ Микулкѣ: «на, сынокъ! снеси отцу пообѣдать.»

Варіантъ 2: Жили-были старикъ со старухою. Стала старуха капусту рубить, отсѣкла себѣ пальчикъ, бросила на печку, а сама приговариваетъ: «пальчикъ, пальчикъ! вырости мальчикъ.» Истопила печь, напекла блиновъ, вздохнула и промолвила: «еслибъ былъ у меня сынокъ, онъ бы снесъ къ отцу блинковъ позавтракать!» Только вымолвила — соскочилъ съ

Пришелъ онъ на пашню: „Богъ въ помочь, батюшка!“ Осмотрѣлся старикъ кругомъ; „что за чудо!“ говоритъ: „гласъ человѣческій слышу, а никого не вижу. Кто таковъ говоритъ со мною?“ — Я — твой сынокъ. „Да у меня и дѣтей съ роду не бывало!“ — Я только что народился на бѣлый свѣтъ: рубила матушка капусту на пироги, отрубила себѣ мизинный палецъ съ руки, бросила за печку — вотъ я и сталъ Мальчикъ-съ-пальчикъ! Пришелъ тебѣ помогать — землю пахать. Садись, батюшка, закуси чѣмъ Богъ послалъ, да отдохни маленько. Обрадовался старикъ, сѣлъ обѣдать; а Мальчикъ-съ-пальчикъ залѣзъ лошади въ ухо и сталъ пахать землю; а напередъ отцу наказалъ; „коли кто будетъ торговать меня, продавай смѣло; небось — не пропаду.“ Вотъ ѣдетъ мимо баринъ, смотритъ и дивуется: конь идетъ, соха орётъ (пашетъ), а человѣка нѣтъ! „Этого, говоритъ, еще видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!“ — Что ты развѣ ослѣпъ! отозвался ему старикъ; то у меня сынъ пашетъ. „Продай его мнѣ!“ — Нѣтъ, не продамъ; намъ только и радости со старухой, только и утѣхи, что онъ! „Продай дѣдушка!“ пристаетъ баринъ. „Ну, давай тысячу рублевъ — твой будетъ!“ — Что такъ дорого? „Самъ видишь: мальчикъ малъ да удалъ, на ногу скоръ, на посылки лёгокъ?“ Баринъ заплатилъ тысячу, взялъ мальчика, посадилъ въ карманъ и поѣхалъ домой. А Мальчикъ-съ-пальчикъ прогрызъ дыру и ушелъ.

Шелъ-шелъ, и пристигла его темная ночь; спрятался онъ подъ былинку, подлѣ самой дороги, лежитъ себѣ, спать собирается *) Идутъ мимо три вора. „Здравствуйте, добрые молодцы!“ говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. „Здорово!“ — Куда идете? „Быковъ воровать.“ — Возьмите и меня съ собой! „Куда ты годишься? намъ надо такого молодца, чтобъ разъ далъ — и духъ вонъ!“ — Пригожусь и я: въ подворотню пролѣзу да вамъ ворота отопру. „И то дѣло! пойдемъ съ нами.“ Вотъ пришли въ четверомъ къ богатому. Мальчикъ-съ-пальчикъ пролѣзъ въ подворотню, отворилъ ворота, и говоритъ: „Вы, братцы! здѣсь на дворѣ постойте, а я заберусь въ сарай, да выберу быка получше и выведу къ вамъ.“ — Ладно! Забрался онъ въ сарай, и кричитъ оттуда во всю глотку: „какого быка тащить — бураго, али чорнаго?“ — Не шуми, говорятъ ему воры; тащи, какой подъ руку попадется *).

печи мальчикъ-съ-пальчикъ: «давай, матушка! я снесу.» — Ахъ, сынокъ! ты еще малёшенекъ, гдѣ тебѣ блины тащить! «Ничего, матушка! я малъ да удалъ; гдѣ бокомъ, гдѣ скокомъ — донесу до батюшки!» Пришелъ на отцовскую полосу: «ѣшь, батюшка, блины; а я пахать стану.» — Гдѣ тебѣ пахать? ты еще за соху не ухватишься! «Ничего! я малъ, да удалъ!» Усѣлся поверхъ сошника, взялъ возжи, и ну пахать землю.

*) Варіантъ. Шелъ-шелъ онъ; вдругъ поднялась буря и полилъ сильный дождь. Микулка Четвертной сталъ подъ старой грибъ, и стоитъ словно подъ крышкою.

**) Въ другомъ спискѣ сказка оканчивается такъ: «Да какого, спрашиваетъ опять, бураго, али чорнаго?» Воры испугались — пожалуй, отъ такого шума хозяева проснутся! — и

Мальчикъ-съ-пальчикъ вывелъ имъ быка что ни есть лучшаго; воры пригнали быка въ лѣсъ, зарѣзали, сняли шкуру, и стали дѣлить мясо. „Ну, братцы! говоритъ мальчикъ-съ-пальчикъ, я возьму себѣ требуху; съ меня и того будетъ.“ Взялъ требуху и тутъ же залѣзъ въ нее спать — ночь коротать; а воры подѣлили мясо и пошли по домамъ.

Набѣжалъ голодной волкъ и проглотилъ требуху вмѣстѣ съ мальчикомъ: сидитъ онъ въ волчьемъ брюхѣ живой, и горя ему мало! Плохо пришлось сѣрому! Увидитъ онъ стадо, овцы насутся, пастухъ спитъ, и только что подкрадется овцу унести — какъ Мальчикъ-съ-пальчикъ и закричитъ во все горло: „пастухъ, пастухъ, овечій духъ! ты спишь, а волкъ овцу тащитъ!“ Пастухъ проснется, бросится на волка съ дубиною да притравитъ его собаками, а собаки ну его рвать — только клочья летятъ! еле-еле уйдетъ сердешной! Совсѣмъ отощалъ волкъ, пришлось пропадать съ голоду. „Вылѣзи!“ проситъ волкъ. — Довези меня домой къ отцу, къ матери, такъ вылѣзу, говоритъ Мальчикъ-съ-пальчикъ. Побѣжалъ волкъ въ деревню, вскочилъ прямо къ старику въ избу; Мальчикъ-съ-пальчикъ тотчасъ вылѣзъ изъ волчьяго брюха задомъ, схватилъ волка за хвостъ и кричитъ: „бейте волка, бейте сѣраго!“ Старикъ схватилъ дубинку, старуха другую и давай бить волка; тутъ его и порѣшили, сняли кожу да сынку тулупъ сдѣлали. И стали они жить-поживать, вѣкъ доживать.

(Аѳанасьева сказки, V, 21.)

2.

Покатигорошек.

Бувъ соби чоловикъ да жинка, а у нихъ було два сына и дочка̀. Отъ батько посылаетъ сыновъ орать; воны кажуть: „а хто намъ обидать прынесе?“ Батько каже: „дивка.“ А дивка каже: „я дороги не знаю.“ Отъ браты кажуть: „якъ зыйдешь на гору, такъ буде тры дороги, на которой дорози стружки будуть лыжать, то ты по тій и йды.“ Змій бачыть (видитъ), що два браты ѣдуть и все по дорози стружки стружуть; винъ узявъ стружки позбиравъ, да кида̀ по тій дорози, що до ёго норы. Маты наварыла обидать и дала дочки несты. Вона вышла на гору и пошла по тій дорози, по которой стружки лыжать; дошла до норы, а змій узявъ еји да въ нору и

припустили въ лѣсъ. А Мальчикъ-съ-пальчикъ увелъ быка и погналъ его домой; нагоняютъ его воры: «давай дѣлиться!» Зарѣзали быка, мальчику бросили требуху да кишки, а мясо себѣ взяли, поклали на возъ, и поѣхали своей дорогой. Пока собирались они въ путь-дорогу, Мальчикъ-съ-пальчикъ улучилъ минуту, вскочилъ потихоньку въ телѣгу, залѣзъ въ щель промежь досокъ, и давай свистать. Воры услыхали свистъ и говорятъ одинъ другому: «ахъ, братцы! за нами погоня послана. Ужь близко! уйдемъ, пока не догнали!» Бросили телѣгу и побѣжали въ лѣсъ А Мальчикъ-съ-пальчикъ со всѣмъ возомъ пріѣхалъ домой.

кинувъ. Браты ждалы-ждалы обиду, да-й выпряглы волы; волы пустылы пасты, а сами пишлы до дому да-й питають матери: „дѣ-жъ вашъ, мамо, обидъ?“ Маты каже: „я-жъ давно вамъ з'дивкою послала.“ Отъ воны до самого вичера ѣји ждалы; уранци вставы — неји нима! Браты кажуть: „мабуть ѣји той проклятущій змій узявъ!“ Воны удяглысь да-й пишлы сестры шукать (искать). Йдуть да идуть — колы чередникъ череду *) пасе. Воны поздоровалысь; чередникъ питае: „куда вы идыте?“ Воны кажуть: „до змія — сестры отыймати.“ — Якъ хочете вы отнять отъ змія сестру, то изъјижте у мене самого бильшего вола. Воны не захотылы да-й пишлы. Идуть да идуть — колы пастухъ пасе овечки. Воны из'нымъ поздоровалысь. Винъ ихъ питае: „куды вы идыте?“ — До змія — сестры отыймать. „Колы хочете ѣји отнять, то изъјижте у мене самого бильшего барана.“ Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть — колы свинарь пасе свиви. Воны поздоровалысь. Винъ ихъ питае: „куды вы идыте? — До змія — сестры отыймать. „Колы хочете ѣји отнять, то изъјжте у мене самого бильшего кабана.“ Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть — ажъ змій стоить коло свого дому. Змій каже: „здраствуйте! чого васъ сюды Богъ занисъ?“ — До тебѣ за сестрою. „Колы хочете свою сестру узять, такъ изъјжте двѣнадцать воливъ, двѣнадцать бараннвъ и двѣнадцать кабанивъ.“ Воны по малесенькому кусочку изъјлы, да-й бильше не захотилы. Винъ ихъ узявъ да пидъ камынь пидвернувъ.

Маты плакала, що нима ни сынивъ, ни дочки, узяла видра да-й пишла по воду до колодязя, набрала воды да иде — колы горошина катытця по дорози да-й вскочила у видро, а вона и не бачила. Прышла до дому, выливае воду — колы дывитця: горошина у видры; вона узяла да-й изъјила, и отъ тей горошины уродився сынъ. Далы ѣму имя Покатыгорошко; винъ росте не по часамъ, а по минутамъ. Посидалы вичеряти, Покатыгорошко питае: „чи у васъ, мамо, булы јищо дити?“ — Було у мене двое сынивъ и одна дочка. „А дѣ-жъ воны?“ — Змій укравъ дочку, такъ сыны пишлы ѣји шукать; да нима ни сынивъ, ни дочки. Винъ повичерявъ, обувся и одягся: „пиду-жъ и я теперь за ними.“ Просить коваля: „изробы мини велыку булаву.“ Коваль изробывъ ѣму булаву; Покатыгорошко узявъ булаву, заплатывъ да-й пишовъ. Иде да иде — колы пасе чередникъ череду. Винъ из'нымъ поздоровалысь; чередникъ ёго питае: „куды ты идешъ?“ — Иду до змія — сестры отыймать. „Изъјижъ у мене самого бильшего вола, такъ отыймешь!“ Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде — колы пастухъ пасе овечки. Покатыгорошко из'нымъ поздоровалысь; пастухъ ёго питае: „куды ты идешъ? Винъ каже: „до змія — сестры отыймать. „Изъјижъ у мене самого бильшего барана, такъ отыймешь!“ Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде — колы свинарь пасе свини. Покатыгорошко из'нымъ поздоровалысь; свинарь ёго питае: „куды ты идешъ?“ До змія — сестры

*) Череда — стадо крупнаго скота; чередникъ — пастухъ.

отыймать. „Изъјижъ у мене самого бильшего кабана, такъ отыймешъ?“ Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде — ажъ стоить домъ змія, и сестра бере коло колодязя воду. „Здрастуй, сестра?“ каже Покатыгорошко. Вона ему: „якій ты мини братъ?“ Винъ каже: „побачишъ, якій тоби братъ!“ Отъ выходить змій: „а, здрастуй!“ каже. — Здрастуй! Змій его питае: „чого ты пришовъ? — За сестрою да за братьями. Изъјижъ двѣнадцять воливъ, двѣнадцять бараливъ и двѣнадцять кабанивъ.“ Винъ узявъ вси појивъ. Змій каже: „молодецъ!... ну, теперь чи будемъ битьця, чи мириться?“ — Будемъ битьця! я съ тобою не хочу мириться. „Дмы токъ“, каже змій. — Дмы ты, каже Покатыгорошко; бо ты въ своемъ добри хозяинъ, а не я. Отъ змій якъ дунувъ — такъ у ёго ставъ чугунный; а Покатыгорошко якъ дунувъ — такъ у ёго ставъ мидный. Отъ Покатыгорошко якъ давъ змія булавою, такъ змій ставъ по колѣна въ земли; ударивъ другій разъ — и убивъ змія. Тоди узявъ змія посикъ-порубавъ, на попилъ перевиявъ; братьевъ съ-пидъ камыня изверкувъ, забравъ ихъ и сестру да-й пишовъ до дому. Батько и маты булы рады!

(Аѳонасьева, V, 24.)

3.

Морской царь и Василиса премудрая.

Жилъ былъ царь съ царицею. Любилъ онъ ходить на охоту и стрѣлять дичь. Вотъ одинъ разъ пошелъ царь на охоту и увидѣлъ: сидитъ на дубу молодой орелъ; только хотѣлъ онъ застрѣлить, орелъ и проситъ: „не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ, въ нѣкое время я тебѣ пригожусь.“ Царь подумалъ-подумалъ, и говоритъ: „зачѣмъ ты мнѣ нуженъ!“ — и хочетъ опять стрѣлять. Говоритъ ему орелъ въ другой разъ: „не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ, въ нѣкое время я тебѣ пригожусь.“ Царь думалъ-думалъ, и опять-таки не придумалъ, на что бы такое пригодился ему орелъ, и хочетъ ужь совсѣмъ застрѣлить его. Орелъ и въ третій разъ провѣщалъ: „не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ да прокорми три года: въ нѣкое время я пригожусь тебѣ!“ Царь смиловался, взялъ орла къ себѣ и кормилъ его годъ и два: орелъ такъ много поѣдалъ, что всю скотину пріѣлъ; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говоритъ ему орелъ: „пусти-ка меня на волю!“ Царь выпустилъ его на волю; попробовалъ орелъ свои крылья, нѣтъ — не сможетъ еще летать! и просилъ: „ну, царь-государь! кормилъ ты меня два года; ужь какъ хочешь, а прокорми еще годъ; хотя займи, да прокорми: въ накладѣ не будешь!“ Царь то и сдѣлалъ: вездѣ занималъ скотинку и цѣлый годъ кормилъ орла, а послѣ выпустилъ его на волю-вольную. Орелъ поднялся высоко-высоко, леталъ-леталъ, спустился на землю и говоритъ: „ну, царь-государь! садись теперь на меня; полетимъ вмѣстѣ.“ Царь сѣлъ на птицу. Вотъ и полетѣли

они; ни много, ни мало прошло времени, прилетѣли на край моря синяго. Тутъ орелъ скинулъ съ себя царя, и упалъ онъ на море — по колѣни намокъ; только орелъ не далъ ему потонуть, подхватилъ его на крыло и спрашиваетъ: „чтò царь-государь, небось испужался?" — Испужался, говоритъ царь; думалъ, что совсѣмъ потону! Опять летѣли, летѣли, прилетѣли къ другому морю. Орелъ скинулъ съ себя царя какъ разъ посерёдъ моря — ажно царь по поясъ намокъ. Подхватилъ его орелъ на крыло и спрашиваетъ: „чтò, царь-государь, небось испужался?" — Испужался, говоритъ онъ, да все думалъ: авось, Богъ дастъ, ты меня вытащишь. Опять таки летѣли, летѣли и прилетѣли къ третьему морю. Скинулъ орелъ царя въ великую глубь — ажно намокъ онъ по самую шею. И въ третій разъ подхватилъ его орелъ на крыло, и спрашиваетъ: „чтò, царь-государь, небось испужался." — Испужался, говоритъ царь, да все думалось: авось ты меня вытащишь. „Ну, царь-государь, теперь ты извѣдалъ, каковъ смертной страхъ! Это тебѣ за старое, за прошлое: помнишь ли, какъ я сидѣлъ на дубу, а ты хотѣлъ меня застрѣлить: три раза принимался стрѣлять, а я все просилъ тебя да на мысли держалъ, авось не погубишь, авось смилуешься—къ себѣ возьмешь!"

Послѣ полетѣли они за тридевять земель; долго-долго летѣли. Сказываетъ орелъ: посмотри-ка, царь-государь, что надъ нами и что подъ нами?" Посмотрѣлъ царь: „надъ нами, говоритъ, небо, подъ нами земля." — Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по лѣвую? „По правую сторону поле чистое, по лѣвую домъ стоитъ." — Полетимъ туда, сказалъ орелъ, тамъ живетъ моя меньшая сестра. Опустились прямо на дворъ; сестра выступила на встрѣчу, примаетъ своего брата, сажаетъ его за дубовый столъ; а на царя и смотрѣть не хочетъ; оставила его на дворѣ, спустила борзыхъ собакъ и давай травить. Крѣпко осерчалъ орелъ, выскочилъ изъ-за стола, подхватилъ царя и полетѣлъ съ нимъ дальше. Вотъ летѣли они, летѣли; говоритъ орелъ царю: „погляди, чтò позади насъ?" Обернулся царь, посмотрѣлъ: „позади насъ домъ красной." А орелъ ему: „то горитъ домъ меньшой моей сестры — зачѣмъ тебя не примала, да борзыми собаками травила!" Летѣли-летѣли, орелъ опять спрашиваетъ: „посмотри, царь-государь, чтò надъ нами и что подъ нами?" — Надъ нами небо, подъ нами земля. „Посмотри-ка, чтò будетъ по правую сторону и чтò по лѣвую?" — По правую поле чистое, по лѣвую домъ стоитъ. „Тамъ живетъ моя средняя сестра; полетимъ къ ней въ гости." Опустились на широкій дворъ; середняя сестра принимаетъ своего брата, сажаетъ его за дубовый столъ, а царь на дворѣ остался: выпустила она борзыхъ собакъ и притравила его. Орелъ осерчалъ, выскочилъ изъ-за стола, подхватилъ царя и улетѣлъ съ нимъ дальше. Летѣли они, летѣли; говоритъ орелъ: „царь-государь! посмотри, чтò позади насъ?" Царь обернулся: стоитъ позади красной домъ. „То горитъ домъ моей середней сестры? сказалъ орелъ; теперь полетимъ туда, гдѣ живутъ моя мать и старшàя сестра." Вотъ прилетѣли туда; мать и старшàя сестра куда какъ

имъ обрадовались, и приняли царя съ честью, съ ласкою. „Ну, царь-государь! сказалъ орелъ, отдохни у насъ, а послѣ дамъ тебѣ корабль, расплачусь съ тобою за все, что̀ поѣлъ у тебя, и ступай съ Богомъ домой.“ Далъ онъ царю корабль и два сундучка: одинъ — красной, другой — зеленой, и сказываетъ: „смотри же, не отпирай сундочковъ, пока домой не пріѣдешь; красной сундочокъ отопри на заднемъ дворѣ, а зеленой сундучокъ на переднемъ дворѣ.“

Взялъ царь сундучки, распростился съ орломъ и поѣхалъ по синему морю; доѣхалъ до кокого-то острова, тамъ его корабль остановился. Вышелъ онъ на̀ берегъ, вспомянулъ про сундучки, сталъ придумывать, что бы такое въ ихъ было и зачѣмъ орелъ не велѣлъ открывать ихъ, думалъ-думалъ, не утерпѣлъ — больно узнать ему хотѣлось — взялъ онъ красной сундучокъ, поставилъ на̀-земь и открылъ, а оттудова столько разнаго скота вышло, что глазомъ не окинешь! едва на островѣ помѣстились. Какъ увидалъ это царь, взгоревался, за̀чалъ плакать и приговаривать: „что̀ же мнѣ теперь дѣлать? какъ опять соберу все стадо въ такой маленькой сундучокъ?“ И видитъ онъ — вышелъ изъ воды человѣкъ, подходитъ къ нему и спрашиваетъ: „чего ты, царь-государь, такъ горько плачешь?“ — Какъ-же мнѣ не плакать, отвѣчаетъ царь; какъ мнѣ будетъ собрать все это стадо великое въ такой маленькой сундучокъ? „Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебѣ стадо; только съ уговоромъ: отдай мнѣ — чего до̀ма не знаешь.“ Задумался царь: „чего бы это я дома не зналъ? кажись, все знаю.“ Подумалъ и согласился: „собери, говоритъ, отдамъ тебѣ — чего дома не знаю.“ Вотъ тотъ человѣкъ собралъ ему въ сундучокъ всю скотину; царь сѣлъ на корабль и поплылъ восвояси. Какъ пріѣхалъ домой, тутъ только увѣдалъ, что родился у него сынъ-царевичъ, сталъ онъ его цѣловать, милова̀ть, а самъ такъ слезами и разливается. „Царь-государь! спрашиваетъ царица; скажи, о чемъ горьки слезы ронишь?“ — Съ радости, говоритъ; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича. Вышелъ онъ послѣ на заднiй дворъ, открылъ красной сундучокъ — и полѣзли оттуда быки да коровы, овцы да бараны; много-много набралось всякаго скота, всѣ сараи и варки [1]) стали полны. Вышелъ на переднiй дворъ, открылъ зеленой сундучокъ — и появился передъ нимъ большой да славной садъ: какихъ-какихъ деревьевъ тутъ не было! Царь такъ обрадовался, что и забылъ отдать сына. Прошло много лѣтъ. Разъ какъ-то захотѣлось царю погулять, подошелъ онъ къ рѣкѣ; на ту пору показался изъ воды прежнiй человѣкъ и говоритъ: „скоро же ты, царь-государь, забывчивъ сталъ! вспомни, вѣдь ты долженъ мнѣ!“ Воротился царь домой съ тоскою-кручиною и разсказалъ царицѣ и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали всѣ вмѣстѣ, и рѣшили, что дѣлать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на возморье, и оставили одного.

Оглядѣлся царевичъ кругомъ, увидалъ тропинку и пошелъ по ней—авось

---

[1]) Загороженныя мѣста, куда загоняютъ скотъ.

куда Богъ приведетъ. Шелъ шелъ, и очутился въ дремучемъ лѣсу, стоитъ въ лѣсу избушка, въ избушкѣ живетъ баба-яга. „Дай зайду,“ подумалъ царевичъ и вошелъ въ избушку. „Здравствуй, царевичъ! молвила баба-яга; дѣло пытаешь, или отъ дѣла лытаешь?“ — Эхъ, бабушка! напой, накорми, да потомъ разспроси. Она его напоила, накормила, *) и царевичъ разсказалъ про все безъ утайки, куда и зачѣмъ идетъ. Говоритъ ему баба-яга: „иди, дитятко, на̀ море; прилетятъ туда двѣнадцать колпицъ, обернутся красными дѣвицами и станутъ купаться; ты подкрадься потихохоньку и захвати у старшей дѣвицы сорочку. Какъ поладишь съ нею, ступай къ морскому царю, и попадутся тебѣ на встрѣчу Объѣдало да Опивало, попадется ещё Морозъ-Трескунъ — всѣхъ возьми съ собою; они тебѣ къ добру пригодятся.“ Простился царевичъ съ ягою, пошелъ на сказанное мѣсто на̀ море, и спрятался за кусты. Тутъ прилетѣли двѣнадцать колпицъ, ударились о сыру землю-обернулись красными дѣвицами и стали купаться. Царевичъ скралъ у старшей сорочку, сидитъ за кустомъ — не ворохнется. Дѣвицы выкупались и вышли на берегъ; одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетѣли домой; оставалась одна старшая Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца: „отдай, говоритъ мою сорочку; придешь къ батюшкѣ Водяному Царю — въ то времячко я тебѣ сама пригожусь.“ Царевичъ отдалъ ей сорочку, она сейчасъ обернулась колпицею и улетѣла вслѣдъ за подружками. Пустился царевичъ дальше; повстрѣчались ему на пути три богатыря: Объѣдало, Опивало да Морозъ-Трескунъ; взялъ ихъ съ собою и пришелъ къ Водяному Царю.

Увидалъ его Водяной Царь, и говоритъ: „здорово, дружокъ! что такъ долго ко мнѣ не бывалъ? я усталъ, тебя дожидаючи. Примайся-ка теперь за работу;. вотъ тебѣ первая задача: построй за одну ночь большой хрустальной мостъ, чтобъ къ утру готовъ былъ! Не построишь — голова долой!“ Идетъ царевичъ отъ Водянаго, самъ слезами заливается; Василиса Премудрая отворила окошко въ своемъ терему и спрашиваетъ: „о чемъ, царевичъ, слезы ронишь?“ — Ахъ, Василиса Премудрая! какъ-же мнѣ не плакать? приказалъ твой батюшка за единую ночь построить хрустальной мостъ, а топора не умѣю въ руки взять. „Ничего! ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе.“ Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свиснула молодецкимъ посвистомъ; со всѣхъ сторонъ сбѣжались плотники-работники: кто мѣсто ровняетъ, кто кирпичи таскаетъ; скоро поставили хрустальной мостъ, вывели на немъ узоры хитрые, и разошлись по домамъ. Поутру рано будитъ Васелиса Премудрая царевича: „вставай, царевичъ! мостъ готовъ, сейчасъ

*) Варіантъ: Идетъ царевичъ по бережку. На встрѣчу ему старая баба. «Куда путь держишь, царевичъ?» — Отвяжись, старая! и безъ тебя тошно. Пошла баба своей дорогой, а царевичъ пораздумалъ: «вѣдь старые люди разсудливы! Эй, говоритъ, воротись, бабушка! всю правду тебѣ скажу.» Воротилась старуха....

батюшка смотрѣть прійдетъ.“ Всталъ царевичъ, взялъ метлу; стоитъ себѣ на мосту — гдѣ подмететъ, гдѣ почиститъ. Похвалилъ его Водяной Царь: „спасибо! говоритъ. сослужилъ мнѣ единую службу; сослужи и другую; вотъ тебѣ задача: насади къ завтраму зеленой садъ — большой да вѣтвистой, въ саду бы птицы пѣвчія распѣвали, на деревьяхъ бы цвѣты разцвѣтали, груши-яблоки спѣлыя висѣли.“ Идетъ царевичъ, отъ Водянаго, самъ слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко, и спрашиваетъ: „о чемъ плачешь, царевичъ?“ — Какъ-же мнѣ не плакать? велѣлъ твой батюшка за единую ночь садъ насадить. „Ничего! ложись спать; утро вечера мудренѣе.“ Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свиснула молодецкимъ посвистомъ, со всѣхъ сторонъ сбѣжались садовники и насадили садъ; въ саду птицы пѣвчія распѣваютъ, на деревьяхъ цвѣты разцвѣтаютъ, груши-яблоки спѣлыя висятъ. Поутру рано будитъ Василиса Премудрая царевича: „вставай, царевичъ! садъ готовъ, батюшка смотрѣть идетъ.“ Царевичъ сейчасъ за метлу да въ садъ: гдѣ дорожку подмететъ, гдѣ вѣточку поправитъ. Похвалилъ его Водяной Царь: „спасибо, царевичъ! сослужилъ ты мнѣ службу вѣрой-правдою; выбирай себѣ за то невѣсту изъ двѣнадцати моихъ дочерей. Всѣ онѣ лице въ лице, волосъ въ волосъ, платье въ платье; угадаешь до трехъ разъ одну и туже — будетъ она твоею женою, не угадаешь — велю тебя казнить.“ Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говоритъ царевичу: „въ первый разъ я платкомъ махну, въ другой платье поправлю, въ третій надъ моей головой станетъ муха летать.“ Такъ-то и угадалъ царевичъ Василису Премудрую отъ трехъ разъ. Повѣнчали ихъ, стали пиръ пировать.

Водяной Царь наготовилъ много всякаго кушанья — сотнѣ человѣкъ не съѣсть! и велитъ зятю, чтобъ все было поѣдено; коли что останется — худо будетъ. „Батюшка! проситъ царевичъ, есть у насъ старичокъ, дозволь и ему закусить съ нами.“ — Пускай прійдетъ! Сейчасъ явился Объѣдало; все пріѣлъ — еще мало стало. Водяной Царь наставилъ всякаго питья сорокъ бочекъ, и велитъ зятю, чтобъ дочиста было выпито. „Батюшка! проситъ опять царевичъ, есть у насъ другой старичокъ, дозволь и ему выпить за твое здоровье.“ — Пускай прійдетъ! Явился Опивало, заразъ опросталъ всѣ сорокъ бочекъ — еще опохмѣлиться проситъ. Видитъ Водяной Царь, что ничто не беретъ, приказалъ истопить для молодаго баню чугунную жарко-нà-жарко: истопили баню чугунную, двадцать сажòнъ дровъ, дò-красна печь и стѣны раскалили — за пять вёрстъ подойти нельзя. „Батюшка! говоритъ царевичъ, дозволь напередъ нашему старичку попариться, баню опробовать.“ — Пускай попарится! Пришелъ въ баню Морозъ-Трескунъ; въ одинъ уголъ дунулъ, въ другой дунулъ — ужь сосульки висятъ. Вслѣдъ за нимъ и молодой въ баню сходилъ, помылся-попарился и домой воротился.

„Уйдемъ отъ батюшки Водянаго Царя, говоритъ царевичу Василиса Премудрая; онъ на тебя больно сердитъ, не причинилъ бы зла какого!“ —

Уйдемъ, говоритъ царевичъ. Сейчасъ осѣдлали коней и поскакали въ чистое поле. Ѣхали-ѣхали; много прошло времени. „Слѣзь-ка, царевичъ, съ коня да припади ухомъ къ сырой землѣ, сказала Василиса Премудрая; не слыхать ли за нами погони?“ Царевичъ припалъ ухомъ къ сырой землѣ: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама съ добраго коня, прилегла къ сырой землѣ, и говоритъ: „ахъ, царевичъ! слышу сильную за нами погоню.“ Оборотила она коней — колодяземъ, себя — ковшикомъ, а царевича — старымъ старичкомъ [1]). Наѣхала погоня; „эй, старикъ! не видалъ ли добра молодца съ красной дѣвицей?“ — Видѣлъ, родимые! только давно; они еще въ тѣ-поры проѣхали, какъ я молодъ былъ [2]). Погоня воротилась къ Водяному Царю: „нѣтъ, говоритъ, ни слѣдовъ, ни вѣсти; только и видѣли, что старика возлѣ колодезя, по водѣ ковшикъ плаваетъ.“. — Что-жъ вы ихъ нѐ брали? закричалъ Водяной Царь, и тутъ-же предалъ гонцовъ лютой смерти, а за царевичемъ и Василисой Премудрою послалъ другую смѣну. А тѣмъ временемъ они далеко-далеко уѣхали. Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича — старымъ попомъ, а сама ветхой церковью: еле стѣны держатся, кругомъ мохомъ обросли. Наѣхала погоня: „эй, старичокъ! не видалъ ли добра молодца съ красной дѣвицей?“ — Видѣлъ, родимые! только давнымъ-давно; они еще въ тѣ-поры проѣхали, какъ я молодъ былъ, эту церковь строилъ. И вторая погоня воротилась къ Водяному Царю: „нѣтъ, ваше царское величество, ни слѣдовъ, ни вѣсти; только и видѣли, что старца-попа да церковь ветхую.“ — Что-жъ вы ихъ нѐ брали? закричалъ пуще прежняго Водяной Царь; предалъ гонцовъ лютой смерти, а за царевичемъ и Василисою Премудрою самъ поскакалъ. На этотъ разъ Василиса Премудрая оборотила коней — рѣкою медовою, берегами кисельными, царевича — селезнемъ, себя — сѣрой утицею. Водяной Царь бросился на кисель и сыту, ѣлъ-ѣлъ, пилъ-пилъ — до того, что лопнулъ! тутъ и духъ испустилъ [3]).

Царевичъ съ Василисою Премудрою поѣхали дальше: стали они подъѣзжать домой, къ отцу, къ матери царевича. Василиса Премудрая и говоритъ: „ступай, царевичъ, впередъ! доложись отцу съ матерью, а я тебя здѣсь на дорогѣ обожду; только помни мое слово: со всѣми цѣлуйся, не цѣлуй сестрицы [4]); не то меня позабудешь.“ Пріѣхалъ царевичъ домой, сталъ со

---

[1]) Варіантъ: коней — дремучимъ лѣсомъ, а царевича — старцемъ.

[2]) Варіантъ: какъ я молодъ былъ, этотъ лѣсъ сажалъ.

[3]) Варіантъ: Василиса Премудрая оборотила царевича—соколомъ, а себя—ракитовымъ кустомъ. Водяной Царь бросился къ ракитову кусту, хотѣлъ всѣ сучья обломать; отколь ни возьмись соколъ, налетѣлъ на него и выклюнулъ ему оба глаза. Поплелся Водяной Царь въ свое царство ощупью; а царевичъ съ Василисою Премудрою....

[4]) Варіантъ: не цѣлуй невѣстки (или: цѣлуй всѣхъ въ лѣвую щеку; а коли въ правую поцѣлуешь — меня позабудешь.)

всѣми здороваться, поцѣловалъ и сестрицу, и только поцѣловалъ — какъ въ ту-жъ минуту забылъ про свою жену, словно и въ мысляхъ не была. Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвертой нарядилась нищенкой, пошла въ стольной городъ и пристала у одной старушки. А царевичъ собрался жениться на богатой королевнѣ, и велѣно было кликнуть кличъ по всему царству, чтобъ сколько ни есть народу православнаго — всѣ бы шли поздравлять жениха съ невѣстою и несли въ даръ по пирогу пшеничному. Вотъ и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сѣять да пирогъ готовить. „Для кого, бабушка, пирогъ готовишь?" спрашиваетъ ее Василиса Премудрая. — Какъ для кого? развѣ ты не знаешь: нашъ царь сына женитъ на богатой королевнѣ, надо во дворецъ идти, молодымъ на столъ подавать. „Дай, и я испеку да во дворецъ снесу; можетъ, меня царь чѣмъ пожалуетъ. — Пеки съ Богомъ! Василиса Премудрая взяла муки, замѣсила тѣсто, положила творогу да голубя съ голубкою и сдѣлала пирогъ. Къ самому обѣду пошла старуха съ Василисою Премудрою во дворецъ; а тамъ пиръ идетъ на весь міръ. Подали на столъ пирогъ Василисы Премудрой, и только разрѣзали его по поламъ, какъ вылетѣли оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусокъ творогу, а голубь говоритъ: „голубушка, дай и мнѣ творожку!" — Не дамъ, отвѣчаетъ голубка, а то ты меня позабудешь, какъ позабылъ царевичъ свою Василису Премудрую. Тутъ вспомнилъ царевичъ про свою жену, выскочилъ изъ-за стола, бралъ ее за бѣлыя руки и сажалъ возлѣ себя рядышкомъ. Съ тѣхъ поръ стали они жить вмѣстѣ во всякомъ добрѣ и въ счастіи.

(Аѳанасьева, V, 23).

4.

Семь Симеоновъ.

Жилъ-былъ мужикъ со старухой среди поля. Пришелъ часъ: мужикъ Богу душу отдалъ; а старуха, погодя немного мѣста, родила семь близнецовъ, что̀ по прозванію семь Симеоновъ. Вотъ они ростутъ, да ростутъ, всѣ одинъ въ одного и лицемъ, и статьями, и каждое утро выходятъ пахать землю всѣ семеро. Случилось такъ, что тою стороною ѣхалъ царь; видитъ съ дороги, что далеко въ полѣ пашутъ землю никакъ барщиной — такъ много народу! — а ему вѣдомо, что въ той сторонѣ не причитается барской земли. Вотъ посылаетъ царь своего конюшаго узнать, что зà люди такіе пашутъ, какого роду и званія? барскіе или царскіе, дворовые ли какіе или наемные? Приходитъ къ нимъ конюшій, спрашиваетъ: „что вы зà люди такіе есть, какого роду и званія?" Отвѣчаютъ ему: „а мы такіе люди, что мать родила насъ семь Симеоновъ, а пашемъ мы землю отцову и дѣдину." И разсказываетъ, воротясь, конюшій царю все, какъ слышалъ. Удивляется царь.

„Такого чуда не слыхивалъ я!“ говоритъ онъ, и тутъ-же посылаетъ сказать семи Симеонамъ, что онъ ждетъ ихъ къ себѣ въ теремъ на услуги и посылки.

Собрались всѣ семеро и приходятъ въ царскія палаты, становятся въ рядъ. „Ну, говоритъ царь, отвѣчайте: къ какому мастерству кто способенъ, какого ремесла кто придерживается?“ Выходитъ старшій: „я, говоритъ, могу сковать желѣзный столбъ саже́нъ въ двадцать вышиною.“ — А я, говоритъ второй, могу уставить его въ землю. — А я, говоритъ третій, могу взлѣсть на него и осмотрѣть кругомъ далёко, далёко, все, что̀ по бѣлому свѣту творится. — А я, говоритъ четвертый, могу срубить корабль, что̀ ходитъ по̀ морю, какъ по̀ суху. — А я, говоритъ пятый, могу торговать разными товарами по чужимъ землямъ. — А я, говоритъ шестой. могу съ кораблемъ, людьми и товарами нырнуть въ море, плавать подъ водою, и далѣ вынурнуть опять, гдѣ надо. — А я — воръ, говоритъ седьмой, могу украсть, что̀ приглядится иль полюбится. „Такого ремесла я не терплю въ своемъ царствѣ-государствѣ, отвѣчалъ сердито царь послѣднему, седьмому Симеону, и даю тебѣ три дня сроку выбираться изъ моей земли, куда тебѣ любо; а всѣмъ другимъ шестерымъ Симеонамъ приказываю остаться здѣсь.“ Пригорюнился седьмой Симеонъ, заслышавъ рѣчи царскія; не знаетъ, какъ ему быть и что̀ дѣлать. Въ то время царю была по̀ сердцу красавица-царевна, что̀ живетъ за горами, за морями, и никакъ не могъ онъ достать её, чтобъ жениться. Вотъ бояре, воеводы царскіе, и вспомнили, что воръ, молъ, пригодится, и можетъ быть съумѣетъ похитить чудную царевну, и стали они просить царя оставить вора Симеона, до поры, до времени. Подумалъ царь и приказалъ его оставить.

Вотъ на другой день царь собралъ бояръ своихъ, и воеводъ, и весь народъ, приказываетъ семи Симеонамъ показать свои ремесла. Старшій Симеонъ, не долго мѣшкая, сковалъ желѣзный столбъ въ двадцать саже́нъ вышиною. Царь приказываетъ своимъ людямъ уставить желѣзный столбъ въ землю; но какъ ни бился народъ, не могъ его уставить. Тогда приказалъ второму Симеону уставить желѣзный столбъ въ землю. Симеонъ второй, не долго думая, поднялъ и уперъ столбъ въ землю. Затѣмъ Симеонъ третій взлѣзъ на этотъ столбъ, сѣлъ на маковку и сталъ глядѣть кругомъ далече, какъ и что̀ творится по бѣлу свѣту; и видитъ синія моря, на нихъ какъ пятна мрѣютъ корабли, видитъ села, города, народа тьму; но не примѣчаетъ той чудной царевны, что̀ полюбилась царю. И сталъ пуще глядѣть во всѣ виды, и вдругъ заприметилъ: у окна въ далекомъ теремѣ сидитъ красавица-царевна, румяна, бѣлолица и тонкокожа, ажъ видно — какъ мозги переливаются по косточкамъ. „Видишь?“ кричитъ ему царь — Вижу. „Слѣзай же поскорѣе внизъ и доставай царевну, какъ тамъ знаешь, чтобъ была мнѣ во что бы ни стало!“ Собрались всѣ семеро Симеоновъ, срубили корабль, нагрузили его всякимъ товаромъ и гостьми, и всѣ вмѣстѣ поплыли моремъ доставать царевну по-за сиными горами, по-за синими морями. Ѣдутъ, ѣдутъ между не-

бомъ и землей, пристаютъ къ невѣдомому острову у пристани. А Симеонъ меньшой взялъ съ собою въ путь сибирскаго кота ученаго, что можетъ по цѣпу ходить, вещи подавать, разныя нѣмецкія штуки выкидать. И вышелъ воръ-Симеонъ съ своимъ котомъ, съ сибирскимъ, идетъ по острову, а товарищей-ребятъ проситъ не выходить на землю, пока онъ самъ не прійдетъ назадъ. Идетъ по острову, приходитъ въ городъ, и на площади предъ царевнинымъ теремомъ забавляется съ котомъ ученымъ, съ сибирскимъ: приказываетъ ему вещи подавать, черезъ плетку скакать, нѣмецкія штуки выки, дать. На ту пору царевна сидѣла у окна и завидѣла невѣдомаго звѣря: какого у нихъ нѣтъ и не водилось отродясь. Тотчасъ же посылаетъ прислужницу свою узнать, что за звѣрь такой, и продажной али нѣтъ? Слушаетъ воръ-Симеонъ красную молодку, царевнину прислужницу, и говоритъ: „звѣрь мой — котъ сибирской; а продавать не продаю ни за какія деньги, а коли крѣпко кому онъ полюбится, тому подарить — подарю.“ Такъ и разсказала прислужница своей царевнѣ, а царевна снова подсылаетъ свою молодку къ Симеону-вору: „крѣпко, молъ, звѣрь твой полюбился!“ Пошелъ Симеонъ во теремъ царевнинъ и принесъ ей въ даръ кота своего сибирскаго; проситъ только за это — пожить въ ея теремѣ три дни и покушать царскаго хлѣба-соли, да еще прибавляетъ: „научить тебя, прекрасная царевна, какъ играться и забавляться съ невѣдомымъ звѣремъ, съ сибирскимъ котомъ.“ Царевна позволила, и воръ-Симеонъ остался гостить въ царскомъ теремѣ. Пошла вѣсть по палатамъ, что у царевны завелся дивный, невѣдомый звѣрь; собрались всѣ: и царь, и царица, и царевичи, и царевны, и бояре, и воеводы, всѣ глядятъ, любуются — не налюбуются на веселаго звѣря, ученаго кота. Всѣ желаютъ достать и себѣ такого и просятъ царевну; но царевна не слушаетъ никого, не даритъ никому своего сибирскаго кота, гладитъ его по шерсти шелковой, забавляется съ нимъ день и ночь, а Симеона приказываетъ поить и угощать въ волю, чтобъ ему было хорошо. Благодаритъ Симеонъ за хлѣбъ-соль, за угощенье и за ласки, и на третій день проситъ царевну пожаловать къ нему на корабль, поглядѣть на устройство его и на разныхъ звѣрей виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, что привезъ онъ съ собою. Царевна испросилась у батюшки-царя, и вечеркомъ съ прислужницами и няньками пошла смотрѣть корабль Симеона и звѣрей его виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ. Приходитъ; у берега поджидаетъ её Симеонъ меньшой, и проситъ царевну не прогнѣваться и оставить на землѣ нянекъ и прислужницъ, а самой пожаловать на корабль: „тамъ де много звѣрей разныхъ и красивыхъ; какой тебѣ полюбится, тотъ и твой! а всѣхъ одарить, кому что полюбится — и нянекъ, и прислужницъ — не могимъ.“ Царевна согласна, и приказываетъ нянькамъ да прислужницамъ подождать её на берегу, а сама идётъ за Симеономъ на корабль глядѣть дива дивныя, звѣрей чудныхъ. Какъ взошла — корабль и отплылъ, и пошелъ гулять по синему морю. Царь ждетъ, — не дождется

царевны. Приходятъ няньки и прислужницы, плачутся, разсказывая свое горе. И распалился гнѣвомъ царь, приказываетъ сейчасъ же устроить погоню. Снарядили корабль, натѣснили народу, и погнался царской корабль за царевной. Чуть мрѣетъ далече плыветъ корабль Симеоновъ, и не вѣдаетъ, что за нимъ царская погоня летитъ - не плыветъ! Вотъ ужь близко! Какъ увидали семь Симеоновъ, что погоня ужь близко, вотъ-вотъ догонитъ, — нырнули и съ царевной, и съ кораблемъ. Долго плыли подъ водою и поднялись наверхъ тогда, какъ близко стало до родной земли. А царская погоня плавала три дня, три ночи, ничего не нашла; съ тѣмъ и возвратилась.

Пріѣзжаютъ семь Симеоновъ съ прекрасной царевной домой, глядь — на берегу высыпало народу, что гороху, премногое множество! Самъ царь поджидаетъ у пристани, и встрѣчаетъ гостей заморскихъ, семерыхъ Симеоновъ съ прекрасной царевной, съ радостью великою. Какъ сошли они на берегъ, народъ сталъ кричать и шумѣть; а царь поцѣловалъ царевну во уста сахарныя, повелъ во палаты бѣлокаменныя, посадилъ за столы дубовые, скатерти браныя, угостилъ всякими напитками медовыми и наѣдками сахарными, и въ скорости отпраздновалъ свадьбу съ душею-царевной — и было веселье и большой пиръ, что на весь крещеный міръ! А семи Симеонамъ далъ волю по всему царству-государству жить да поживать привольно, торговать безпошлинно, владѣть землей жалованной безобидно; всякими ласками обласкалъ и домой отпустилъ съ казной на разживу.

Была у меня клячонка-восковыя плечо̀нки, плеточка гороховая. Вижу: горитъ у мужика овинъ; клячо̀нку я поставилъ, пошелъ онъ овинъ заливать. Покуда овинъ заливалъ, клячо̀нка растаяла, плеточку вороны расклевали. Торговалъ кирпичемъ, остался ни при чемъ; былъ у меня шлыкъ, подъ воротню шмыгъ, да калешку (ногу) сшибъ, а таперя больно. Тѣмъ и сказкѣ конецъ!

(Аѳанасьева. III. 12.)

5.

Лихо одноглазое.

Жилъ одинъ кузнецъ. „Что̀, говоритъ, я горя никакого не видалъ. Говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; пойду, поищу себѣ лихо.“ Взялъ и пошелъ, выпилъ хорошенько и пошелъ искать лихо. На встрѣчу ему портной. „Здравствуй!“ Здравствуй. „Куда идешь?“ — Что̀, братъ, всѣ говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; я никакого лиха не видалъ, иду искать. „Пойдемъ вмѣстѣ. И я хорошо живу и не видалъ лиха; пойдемъ, поищемъ.“ Вотъ они шли, шли; зашли въ лѣсъ, въ густой, темный, нашли маленькую дорожку, пошли по ней — по узенькой дорожкѣ. Шли, шли по этой дорожкѣ, видятъ: изба ситотъ большая. Ночь; некуда идти. „Сѣмъ, говорятъ, зайдемъ въ эту избу.“

Вошли; никого тамъ нѣту, пусто, нехорошо. Сѣли себѣ и сидятъ. Вотъ и идетъ высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. „А! говоритъ, у меня гости. Здравствуйте.„ — Здравствуй, бабушка! мы пришли ночевать къ тебѣ. „Ну хорошо; будетъ что поужинать мнѣ!“ Они перепугались. Вотъ она пошла, беремя дровъ большое принесла; принесла беремя дровъ, поклала въ печку, затопила. Подошла къ нимъ, взяла одного, портнаго, и зарѣзала, посадила въ печку и убрала. Кузнецъ сидитъ и думаетъ: что дѣлать, какъ быть? Она взяла-поужинала. Кузнецъ смотритъ въ печку и говоритъ: „Бабушка, я кузнецъ. — Что умѣешь дѣлать-ковать? „Да я все умѣю.“ — Окуй мнѣ глазъ. „Хорошо, говоритъ: да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебѣ вковалъ глазъ.“ Она пошла, принесла двѣ веревки, одну потоньше, а другую толще. Вотъ онъ связалъ ее одною, которая была потоньше. „Ну-ка, бабушка, повернися!“ Она повернулась и разорвала веревку. „Ну, говоритъ, нѣтъ, бабушка! эта не годится.“ Взялъ онъ толстую веревку, да этою веревкою скрутилъ ее хорошенько; „повернись-ка, бабушка!“ Вотъ она повернулась — не порвала. Вотъ онъ взялъ шило, разжогъ его, наставилъ на глазъ-то ей, на здоровый, взялъ топоръ да обухомъ какъ вдаритъ по шилу. Она какъ повернется и разорвала веревку, да и сѣла на порогѣ. „А, злодѣй, теперича не уйдешь отъ меня!“ Онъ видитъ, что опять лихо ему; сидитъ, думаетъ: что дѣлать? Потомъ пришли съ поля овцы; она загнала овецъ въ свою избу ночевать. Вотъ кузнецъ ночевалъ ночь. Поутру стала она овецъ выпускать. Онъ взялъ шубу да вывернулъ шерстью вверхъ, да въ рукава-то надѣлъ и подползъ къ ней какъ овечка. Она все по одной выпускала; какъ хватитъ за спинку, такъ и выкинетъ ее. И онъ подползъ; она и его хватила за спинку и выкинула. Выкинула его, онъ всталъ и говоритъ: „прощай, Лихо! натерпѣлся я отъ тебя лиха; теперь ничего не сдѣлаешь.“ Она говоритъ: „постой, еще натерпишься, — ты не ушелъ!“

И пошелъ кузнецъ опять въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Смотритъ: въ деревѣ топорикъ съ золотой ручкой; захотѣлъ себѣ взять. Вотъ онъ взялся за этотъ топорикъ, рука и пристала къ нему. Что дѣлать? никакъ не оторвешь. Оглянулся назадъ: идетъ къ нему Лихо и кричитъ: „вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!“ Кузнецъ вынулъ ножичекъ, въ карманѣ у него былъ, и давай эту руку пилить; отрѣзалъ ее и ушелъ. Пришелъ въ свою деревню и началъ показывать руку, что теперь видѣлъ Лихо. „Вотъ, говоритъ, посмотрите — каково оно: я, говоритъ, безъ руки, а товарища моего совсѣмъ съѣла.“ Тутъ и сказкѣ конецъ.

(Аѳанасьева, III, 14.)

6.

Звѣриное молоко.

а. Жилъ-былъ царь, у него были сынъ да дочь. Въ сосѣднемъ государствѣ случилась бѣда немалая — вымеръ весь народъ; проситъ Иванъ-царевичъ отца: „батюшка! благослови меня въ то государство на житье ѣхать.“ Отецъ не согласенъ. „Коли такъ, я и самъ пойду!“ Пошелъ Иванъ-царевичъ, а сестра не захотѣла отъ него отстать и сама пошла. Шли они нѣсколько времени. Стоитъ въ чистомъ полѣ избушка на куриныхъ ножкахъ и повертывается; Иванъ-царевичъ сказалъ: „избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила.“ Избушка остановилась, они взошли въ нее, а тамъ лежитъ баба-яга, носъ въ потолокъ уткнула. „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! что̀ дѣла пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?“ —Гдѣ дѣла пытаю, а гдѣ и отъ дѣла лытаю; въ такомъ-то царствѣ наро̀дъ вымеръ, иду туда на житье. Она ему говоритъ: „самъ бы туда шолъ, а сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ.“ Напоила ихъ, накормила, и спать положила. На другой день братъ съ сестрою собираются въ дорогу; баба-яга даетъ Ивану-царевичу собаку да синій клубочекъ: „куда клубочекъ покатится, туда и иди!“ Клубочекъ подкатился къ другой избушкѣ на куриныхъ ножкахъ. „Избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила.“ Избушка остановилась, царевичъ съ царевною взошли въ нее; лежитъ баба-яга и спрашиваетъ: „что̀, Иванъ-царевичъ, отъ дѣла лытаешь, или дѣло пытаешь?“ Онъ ей сказалъ, куда и зачѣмъ идетъ. „Самъ бы туда шелъ, а сестру напрасно взялъ; она тебѣ много вреда сдѣлаетъ.“ Напоила ихъ, накормила, и спать положила. На утро подарила Ивану-царевичу собаку и полотенце: „будетъ у тебя на пути большая рѣка — перейти нельзя; ты возьми это полотенце да махни однимъ концомъ — тотчасъ явится мостъ; а когда перейдешь на ту сторону, махни другимъ концомъ — и мостъ пропадетъ. Да смотри: махни украдкою, чтобъ сестра не видѣла.“ Пошелъ Иванъ-царевичъ съ сестрою въ путь-дорогу; куда клубокъ катится, туда и идетъ. Подошли къ широкой-широкой рѣкѣ. Сестра говоритъ: „братецъ! сядемъ тутъ отдохнуть.“ Сѣла и не видала, какъ царевичъ махнулъ полотенцемъ — тотчасъ мостъ явился. „Пойдемъ, сестрица! Богъ далъ мостъ, чтобы перейти на ту сторону.“ Перешли за̀ рѣку; царевичъ украдкою махнулъ другимъ концомъ полотенца — мостъ пропалъ, какъ не бывало! Приходятъ они въ то самое царство, гдѣ народъ вымеръ: никого нѣтъ, вездѣ пусто! Пообжилися немножко; вздумалось брату пойти на охоту, и пошелъ онъ съ своими собаками бродить по лѣсамъ, по болотамъ.

Въ это время прилетаетъ къ рѣкѣ змѣй Горынычъ; ударился о сыру землю и сдѣлался такимъ молодцомъ да красавцемъ, что ни вздумать, ни

изгадать, только въ сказкѣ сказать. Зоветъ къ себѣ царевну: „ты, говоритъ, меня измучила, тасной иссушила; я безъ тебя жить не могу!“ Полюбился змѣй-Горынычъ царевнѣ, кричитъ ему: „лети сюда черезъ рѣку!“ — Не могу перелетѣть. „А я что-же сдѣлаю?“—У твоего брата есть полотенце, возьми его, принеси къ рѣкѣ и махни однимъ концомъ. „Онъ мнѣ не дастъ!“ — Ну обмани его: скажи, будто вымыть хочешь. Приходитъ царевна во дворецъ; на ту пору и братъ ея возвратился съ охоты. Много всякой дичи принёсъ, и отдаетъ сестрѣ, чтобъ завтра къ обѣду приготовила. Она спрашиваетъ: „братецъ! нѣтъ ли у васъ чего вымыть изъ чорнаго бѣлья?“ — Сходи, сестрица, въ мою комнату; тамъ найдешь — сказалъ Иванъ-царевичъ и совсѣмъ забылъ о полотенцѣ, что баба-яга подарила да не велѣла царевнѣ показывать. Царевна взяла полотенце; на другой день братъ на охоту, она къ рѣкѣ, махнула однимъ концомъ полотенца — и въ ту-жъ минуту мостъ явился. Змѣй перешелъ по мосту. Стали они цѣловаться, миловаться; потомъ пошли во дворецъ. „Какъ-бы намъ, говоритъ змѣй, твоего брата извести?“ — Придумай самъ, а я не вѣдаю, отвѣчаетъ царевна. „Вотъ что: притворись больною и пожелай волчьяго молока [1]); онъ пойдетъ молока добывать—авось голову свернетъ!“ Воротился братъ, сестра лежитъ на постели, жалуется на болѣзнь свою, и говоритъ: „братецъ! во снѣ я видѣла, будто отъ волчьяго молока поздоровѣю; нельзя ли гдѣ добыть? а то смерть моя приходитъ!“ Иванъ-царевичъ пошелъ въ лѣсъ — кормитъ волчиха волчонковъ, хотѣлъ ее застрѣлить, она говоритъ ему человѣческимъ голосомъ: „Иванъ-царевичъ! не стрѣляй, не губи меня, не дѣлай моихъ дѣтей сиротами; лучше скажи, что тебѣ надобно?“ — Мнѣ нужно твоего молока. „Изволь, надои; еще дамъ въ придачу волчонка; онъ тебѣ станетъ вѣрой-правдою служить.“ Царевичъ надоилъ молока, взялъ волчонка, идетъ домой. Змѣй увидѣлъ, сказываетъ царевнѣ: „твой братъ идетъ, волчонка несетъ; скажи ему, что тебѣ медвѣжьяго молока хочется.“ Сказалъ и оборотился вѣникомъ. Царевичъ вошелъ въ комнату; за нимъ слѣдомъ собаки вбѣжали, услыхали нечистой духъ и давай теребить вѣникъ—только прутья летятъ! „Что это такое, братецъ! закричала царевна; уймите вашу охоту, а то завтра и подмести нечѣмъ будетъ!“ Иванъ-царевичъ унялъ свою охоту и отдалъ ей волчье молоко. Поутру спрашиваетъ братъ сестру: „каково тебѣ, сестрица?“ — Немножко полегчило; если-бъ ты, братецъ, принёсъ еще медвѣжьяго молока — я бы совсѣмъ выздоровѣла. Пошелъ царевичъ въ лѣсъ, видитъ: медвѣдиха дѣтей кормитъ, прицѣлился, хотѣлъ ее застрѣлить; взмолилась она человѣческимъ

[1]) Варіантъ 1: сдѣлайся больною и скажи брату: снилось де мнѣ во снѣ, что за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, въ чистомъ полѣ пасутся дикія свиньи съ малыми поросятками: кабы достать отъ нихъ молока — я бы тотчасъ, кажись, вылѣчилась!

Варіантъ 2: притворись больною и пожелай молока отъ семи звѣрей: отъ зайца, куницы, волка, медвѣдя, лѣснаго кабана и льва. (Царевичъ идетъ добывать отъ нихъ молока, и отъ каждаго звѣря получаетъ по щенку)

Оставилъ Иванъ-царевичъ сестру въ каменномъ столбѣ и пошелъ съ своею охотою за тридесять земель; шелъ-шелъ, приходитъ въ большой, знатной городъ: видитъ половина народа веселится да пѣсни поетъ, а другая горючими слезами заливается. Попросился ночевать къ одной старушкѣ, и спрашиваетъ: „скажи, бабушка, отчего у васъ половина народа веселится, пѣсни поетъ, а другая навзрыдъ плачетъ?“ Отвѣчаетъ ему старуха „охъ; батюшка! поселился на нашемъ озерѣ двѣнадцати главый змѣй, каждую ночь прилетаетъ да людей поѣдаетъ; для того у насъ очередь положена — съ какого конца въ какой день на съѣденіе давать. Вотъ тѣ, которые отбыли свою очередь, веселятся, а которые — нѣтъ, тѣ рѣкой разливаются.“ — А теперь за кѣмъ очередь? „Да теперь выпалъ жеребій на царскую дочь; только одна и есть у отца, и ту отдавать приходится. Царь объявилъ, что если выищется кто, да убьетъ этого змѣя, такъ онъ пожалуетъ его половиною царства и отдастъ за него царевну замужъ; да гдѣ нынѣ богатыри-то? за наши грѣхи всѣ перевелись!“ Иванъ-царевичъ тотчасъ собралъ свою охоту и пошелъ къ озеру, а тамъ ужь стоитъ прекрасная царевна и горько плачетъ. „Не бойся, царевна; я твоя оборона!“ Вдругъ озеро взволновалося-всколыхалося, появился двѣнадцатиглавой змѣй. „А Иванъ-царевичъ, русской богатырь! ты сюда зачѣмъ пришелъ? Драться али мириться хочешь?“ — Почто мириться? русской богатырь не за тѣмъ ходитъ“, отвѣчалъ царевичъ и напустилъ на змѣя всю свою охоту: двухъ собакъ, волка, медвѣдя и льва. Звѣри въ мигъ его на клочки разорвали. Иванъ-царевичъ вырѣзалъ языки изо всѣхъ двѣнадцати змѣиныхъ головъ, положилъ себѣ въ карманъ [1]), охоту гулять распустилъ, а самъ легъ на колѣни къ царевнѣ и крѣпко заснулъ. Рано утромъ пріѣхалъ водовозъ съ бочкою, смотритъ — змѣй убитъ, а царевна жива и у ней на колѣняхъ спитъ доброй молодецъ. Водовозъ подбѣжалъ, выхватилъ мечъ и снесъ Ивану-царевичу голову, а съ царевны вымучилъ клятву, что она признаетъ его своимъ избавителемъ. Потомъ собралъ онъ змѣиныя головы и повезъ ихъ къ царю; а того и не зналъ, что головы-то безъ языковъ были. Ни много, ни мало прошло времени, прибѣгаетъ на то мѣсто охота Ивана-царевича: царевичъ безъ головы лежитъ. Левъ прикрылъ его травою, а самъ возлѣ сѣлъ. Налетѣли вороны съ воронятами мертвечины поклевать; левъ изловчился, поймалъ вороненка и хочетъ его надвое разорвать. Старой воронъ кричитъ: „не губи моего детенка; онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ! Коли нужно что, приказывай — все исполню.“ Мнѣ нужно мертвой и живой воды, отвѣчаетъ левъ; принеси, тогда и вороненка отдамъ. Воронъ полетѣлъ, и солнце еще не сѣло — какъ воротился и при-

---

[1]) Въ другомъ спискѣ Иванъ-царевичъ мѣняется съ царевною кольцами, и впослѣдствіи это служитъ знакомъ, что онъ—настоящій ея избавитель, а не водовозъ. Царевичъ приходитъ на свадебной пиръ музыкантомъ: царевна наливаетъ ему чару вина, а онъ бросаетъ въ эту чару кольцо.

несъ два пузырька мертвой и живой воды. Левъ разорвалъ вороненка, спрыснулъ мертвой водой — куски срослися, спрыснулъ живой водой — вороненокъ ожилъ и полетѣлъ вслѣдъ за старымъ ворономъ. Тогда левъ спрыснулъ мертвою и живою водой Ивана-Царевича: онъ всталъ и говоритъ: „какъ я долго спалъ!“ — Вѣкъ бы тебѣ спать, кабы не я! отвѣчалъ ему левъ и разсказалъ, какъ нашелъ его убитымъ и какъ воротилъ къ жизни.

Приходитъ Иванъ-царевичъ въ городъ; въ городѣ всѣ веселятся, обнимаются, цѣлуются, пѣсни поютъ. Спрашиваетъ онъ старуху: „скажи, бабушка, отчего у васъ такое веселье?“ — Да вишь какой случай вышелъ: водовозъ новоевалъ змѣя и спасъ царевну; царь выдаетъ теперь за него свою дочь замужъ. „А можно мнѣ посмотрѣть на свадьбу?“ — Коли умѣешь на чемъ играть, такъ иди; тамъ теперь всѣхъ музыкантовъ примаютъ. „Я умѣю на гусляхъ играть.“ — Ступай! царевна до смерти любитъ слушать, когда ей на гусляхъ играютъ. Иванъ-царевичъ купилъ себѣ гусли и пошелъ во дворецъ. Заигралъ — всѣ слушаютъ, удивляются: откуда такой славной музыкантъ проявился? Царевна наливаетъ рюмку вина и подноситъ ему изъ своихъ рукъ; глянула и припомнила своего избавителя: слезы изъ глазъ такъ и посыпались! „О чемъ плачешь?“ спрашиваетъ ее царь. Она говоритъ: „вспомнила про своего избавителя.“ Тутъ Иванъ-царевичъ объявилъ себя царю, разсказалъ все, какъ было, а въ доказательство вынулъ изъ кармана змѣиные языки. Водовоза подхватили подъ-руки, повели и разстрѣляли, а Иванъ-царевичъ женился на прекрасной царевнѣ. На радостяхъ вспомнилъ онъ про свою сестру, поѣхалъ къ каменному столбу - она сѣно съѣла, воду выпила, полонъ чанъ слезъ наплакала. Иванъ-царевичъ простилъ ее и взялъ къ себѣ; стали вмѣстѣ жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

b. Жили-были два крестьянина: одинъ — Антонъ, другой — Агафонъ. „Послушай, братъ! говоритъ Антонъ, бѣдовая туча къ намъ несется“ — а самъ какъ листъ трясется. - Ну, что-жъ за бѣда! „Да вѣдь градъ пойдетъ, весь хлѣбъ побьетъ! — Дождь будетъ. — „Анъ градъ!“ — Анъ дождь! „Не хочу говорить съ дуракомъ!“ сказалъ Антонъ, да хвать сосѣда кулакомъ. Ни градъ, ни дождь не йдетъ, а у нихъ изъ носовъ да ушей кровь льётъ. Это еще не сказка, а присказка; сказка будетъ впереди — завтра послѣ обѣда, поѣвши мягкаго хлѣба.

Жилъ мужикъ, у него было два сына, третья дочь; одинъ сынъ — умной, другой — дуракъ; старшій женатой. Пришло время мужику умирать; вотъ онъ большому сыну приказываетъ весь домъ, и скотъ, и землю, а дураку съ сестрой ничего. Дочь и говоритъ: „что-жъ ты, батюшка, приказываешь все старшему брату, а мнѣ съ дуракомъ ничего?“ Старикъ взглянулъ на нихъ и сказалъ: „а вамъ если дастъ старшій братъ баню, такъ живите, а не дастъ, такъ вонъ подите!“ - Ну, мы и тѣмъ довольны! Вотъ померъ мужикъ, отправили похороны, старшій братъ и говоритъ: „дуракъ!

ступай съ сестрой изъ дому вонъ".— Позволь, братецъ, намъ хоть въ банѣ пожить. „Ну, живите покамѣстъ!" Дуракъ сталъ ходить въ лѣсъ — работать, тѣмъ и кормились. Однажды дуракъ говоритъ: „сестра! дай мнѣ плетушку; идучи по лѣсу, грибовъ наберу" [1]). Она подала ему плетушку, онъ взялъ; и пошелъ; ходилъ-бродилъ по лѣсу — и заблудился. Сталъ искать дорогу, выбрался на луговину, глянулъ кругомъ: на той луговинѣ стоитъ большой каменный домъ въ три этажа выстроенъ; ворота заперты, ставни закрыты, только одно окно отворено и къ нему лѣстница приставлена. Дуракъ влѣзъ въ домъ, пооткрывалъ всѣ окна, порастворялъ всѣ двери, ходитъ по дому, посматриваетъ: не видать ни единой живой души, а добра-то! хоть лопатой греби! Золота, серебра, каменья самоцвѣтнаго, парчей дорогихъ цѣлые вороха навалены. Въ одной горницы стоитъ кадка съ виномъ и плаваетъ въ ней серебреный ковшикъ. Дуракъ взялъ стулъ, присѣлъ къ кадкѣ, вино пьетъ, до во все горло „долинушку" поетъ. Вдругъ слышитъ шумъ: ѣдутъ двѣнадцать разбойниковъ. „Братцы! говоритъ атаманъ, что-й-то не ладно у насъ: всѣ окна открыты! вѣрно, кто-нибудь въ гости пожаловалъ." И посылаетъ одного разбойника ворота отпереть. „Не трудитесь, братцы! я вамъ отопру", кричитъ дуракъ. Вотъ они въѣхали во дворъ, убрали награбленное добро, и приходятъ въ горницу, берутъ по стулу и садятся всѣ около дошника (кадка); одному разбойнику не достало стула, подходитъ онъ къ дураку и толкаетъ его: „пусти! ты мое мѣсто занялъ." А тотъ упирается. „Беритесь-ка за него, товарищи! какъ онъ смѣлъ въ нашемъ домѣ ослушаться?" Разбойники повскакивали съ своихъ мѣстъ и начали дурака задирать: то тотъ

[1]) Варіантъ: Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ старикъ; у него было два сына: Өедоръ да Иванъ, а третья — дочь. Сталъ старикъ помирать, сталъ отказывать все свое добро старшему сыну; ему и домъ, и соха, и борона. «Чѣмъ же намъ съ сестрой жить?». спрашиваетъ Иванъ. Старикъ глянулъ на нихъ и сказалъ: «ахъ, дѣти любезные! я про васъ и забылъ; только теперь все ужь отказано, осталась одна старая баня; возьмите ее въ надѣлокъ. Ты, Иванъ! на ногу скоръ, по сту верстъ въ часъ ходишь; такъ своимъ счастьемъ живи и сестру корми.» Померъ старикъ, перешли они на житье въ баню. Поутру вставали ранешенько, умывались бѣлешенько; говоритъ сестра Ивану: «братъ! что мы ѣсть будемъ? Видно, умирать намъ съ голоду — вить у насъ ни хлѣба, ни денегъ!» — Не тужи, сестра! коли я буду живъ, будешь и ты сыта. Вотъ я пойду въ лѣсъ, нагну полозьевъ да продамъ въ городѣ—у насъ и хлѣбъ будетъ. «Спасибо, братецъ! пока ты въ лѣсъ сходишь — я съ голоду помру.» — Полно, сестра! сегодня же къ обѣду вернусь. «Какъ бы не такъ! самой близкой лѣсъ — верстъ полтораста отъ насъ будетъ...» — Правое слово, къ обѣду вернусь; тогда увидишь! Пошелъ Иванъ къ сосѣду, выпросилъ веревку и зашагалъ такъ скоро, что въ одинъ часъ сто верстъ отхваталъ, да еще половину того въ полчаса. Пришелъ въ дремучій лѣсъ и ну дубы ломать—топора-то съ собой не было; который дубъ возьметъ за верхушку да пригнетъ къ землѣ — тотъ и въ дѣло готовъ; въ короткое время столько наломалъ, что на трехъ возахъ не увезти; опуталъ веревкою, взвалилъ за плечи и понесъ въ городъ, продалъ на чистыя денежки и въ обѣденную пору домой поспѣлъ. На другой день собрался Иванъ въ лѣсъ; и говоритъ сестрѣ: «дай-ка мнѣ буракъ, пойду въ лѣсъ — грибковъ наберу.»

ударитъ, то другой прихлопнетъ. Тутъ дуракъ разсердился, схватилъ одного разбойника за ноги и началъ имъ направо, налѣво помахивать, кого ни заденетъ—тотчасъ съ ногъ долой! Атаманъ видитъ, что онъ шутитъ шутки нехорошія, припалъ въ уголъ за бочки и тамъ отсидѣлся [1]). Дуракъ перебилъ всѣхъ разбойниковъ, тѣла на дворъ выкинулъ; потомъ насыпалъ плетушку золотомъ: домъ заперъ и пошелъ къ сестрѣ. Входитъ въ баню и кричитъ: „вотъ тебѣ плетушка грибовъ!"

На другой день сестра затопила печку, вздумала чистить грибы, взялась за плетушку—тяжела, не подымается; что такое? открыла—а она полна денегъ. „Сестра! говоритъ дуракъ, поди-ка въ городъ, закупи и варено и жарено, надо по батюшкѣ поминки сдѣлать. А я пойду созывать въ гости купцовъ и мѣщанъ и всякихъ крестьянъ." Сестра закупила, наставила на столъ и питья и ѣствы—всего вдоволь, и побѣжала звать старшаго брата съ невѣсткою. „Охъ вы, голыши-горемыки! чай у васъ хлѣба нѣтъ, а не только поминки справлять!" сказалъ старшій братъ, и не захотѣлъ идти. „Ну хоть ты, невѣстушка, приходи!"—Да чего у васъ ѣсть-то? „Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!" — Ну, думаетъ невѣстка, пойду къ нимъ, хоть посмѣяться. Приходитъ и видитъ, что всего много; стала спрашивать: „гдѣ вы взяли?" Дуракъ отвѣчаетъ: „вамъ батюшка домъ и все хозяйство отказалъ; а намъ плетушку денегъ оставилъ." Наѣдались гости досыта, напивались допьяна, и пошли по домамъ. Воротилась въ избу невѣстка и ну ругать мужа: и самъ-то онъ нехорошъ, и покойной отецъ его обидчикъ былъ—чтобъ ему ни дна, ни покрышки! умиралъ, а душой покривилъ: отдалъ дураку цѣлую плетушку золота! „Не бранись, я пойду и золото пополамъ раздѣлю." Приходитъ къ брату: „раздѣли дуракъ, плетушку золота, а то намъ съ женой обидно!" Дуракъ отвѣчаетъ ему: „чѣмъ дѣлить, бери лучше всю!" а самъ взялъ сестру за руку и говоритъ: „пойдемъ, сестрица, изъ бани вонъ; есть у меня свой домъ."

Вотъ они шли-шли, пришли въ тотъ самой домъ, гдѣ дуракъ перебилъ разбойниковъ: „ну, сестра! живи, хозяйничай, бери не жалѣй все что надобно; а я стану на охоту ходить, птицъ-звѣрей бить." Братъ пошелъ на охоту, а сестра дома осталась; начала горницы осматривать, увидала ата-

[1]) Вар. Въ одной комнатѣ обрѣзы вина поставлены, по краямъ ковши навѣшаны. Иванъ увидалъ и давай прикладываться: все по ковшику, да по ковшику, и напился допьяна; вышелъ на дворъ, взялъ прутъ въ девяносто пудъ, сѣлъ на буракъ и попѣваетъ пѣсенки. Ѣдутъ изъ Украйны разбойники—бѣжитъ сто лошадей, на каждой на лошади сидитъ по молодцу, всѣ съ ружьями, пиками, саблями острыми. Въѣхали во дворъ, дуванъ раздуванили (раздѣлили добычу), а Ивану ничего не дали. «Что-жъ вы меня обходите? говоритъ Иванъ, вы должны гостя чествовать.»—Погоди, сейчасъ станемъ подчивать! отвѣчаютъ разбойники; а имъ гость тотъ куда нелюбъ! Бѣгутъ къ нему съ ружьями, съ пиками, съ саблями острыми, хотятъ по частямъ разнести. Иванъ поднялъ прутъ въ девяносто пудъ, махнулъ разъ, другой, третій, и перебилъ всѣхъ разбойниковъ; только одинъ есаулъ убѣжалъ да гдѣ-то спрятался.

мана, влюбилась въ него, и стали вдвоемъ думу думать, какъ-бы дурака извести? Атаманъ ей совѣтуетъ: „притворись больной и проси дурака, чтобъ принёсъ тебѣ изъ такого-то саду яблоковъ; тамъ ему не миновать смерти!" Дуракъ воротился съ охоты, видитъ — сестра лежитъ на кровати да охаетъ. "Что съ тобой, сестрица?" — Больна братецъ! И начала его просить: видѣла я сонъ, что въ такомъ-то саду растутъ яблоки; какъ только покушаю тѣхъ яблоковъ — сейчасъ выздоровлю." Дуракъ взялъ плетушку и отправился въ путь-дорогу лѣсомъ; идетъ, а лѣсъ все чаще да чаще, все гуще. да гуще; дальше и ступить нельзя? Началъ дуракъ деревья выдергивать, дорогу прокладывать; часъ-другой потрудился и вышелъ на гладкую, ровную поляну. На той на полянѣ стоитъ большой каменной домъ, въ пять этажей выстроенъ: ворота заперты, ставни затворены, только одно окно открыто. Взлѣзъ онъ туда по лѣстницѣ, пооткрывалъ всѣ ставни, порастворялъ всѣ двери: куда ни посмотритъ, куда ни заглянетъ — всюду богатства видимо-невидимо: и золота, и серебра, и каменьевъ самоцвѣтныхъ, и парчей, и атласовъ дорогихъ. Позади дома садъ растетъ, яблоки такъ на солнушкѣ и красуются; побѣжалъ дуракъ въ садъ, нарвалъ полну котомку яблоковъ [1]) и хотѣлъ было домой идти, но послѣ вздумалъ и говоритъ самъ себѣ: „нѣтъ, подожду хозяина и заплачу ему за яблоки, чтобъ не считалъ меня за вора." Немного погодя, послышался конскій топотъ:

[1]) **Варіантъ**: Пошелъ дуракъ въ лѣсъ за грибами и заблудился; плуталъ-плуталъ и выбрался наконецъ на поляну. На полянѣ домъ стоитъ. «Чѣмъ въ лѣсу ночевать, лучше въ домъ пойду; неровенъ часъ — звѣри разорвутъ.» Входитъ въ домъ, а тамъ лежитъ старой-старой дѣдъ. «Здравствуй, старина!» — Здравствуй младой юноша! что ходишь по лѣсу, али есть нужда великая? Онъ ему про все разсказалъ «Ну, хорошо, что ты пришелъ! тебя самъ Богъ послалъ. Оставайся у меня; видишь, я при смерти лежу. Какъ помру, похорони мои кости; а этотъ домъ и все богатство мое возьми себѣ: живи да меня поминай! Да въ придачу отдаю тебѣ трехъ собакъ; береги ихъ пуще глаза своего; онѣ отъ бѣды тебя выручатъ!» На другой день старикъ померъ; дуракъ похоронилъ его кости, написалъ къ сестрѣ письмо, чтобъ тотчасъ къ нему приходила въ такое-то мѣсто, и послалъ то письмо съ собакою. Собака наскоро побѣжала къ его сестрѣ, отдала ей письмо и привела ее самое къ брату. Стали они на новосельи жить. Разъ пошелъ дуракъ на охоту, а къ сестрѣ его прилетѣлъ трехъголовой змѣй; завелись у нихъ шуры-муры! По его наученью хитрому притворилась сестра больною, стала говорить брату: «снилось де ей во снѣ, что недалече отъ ихъ двора есть садъ, въ томъ саду могила, на могилѣ сидитъ сѣдой старикъ и продаетъ яблоки бѣлаго налива; тѣ яблоки всякую болѣсть вылечиваютъ. Дуракъ тотчасъ собрался и пошелъ искать старика: приходитъ въ садъ — и впрямь сидитъ на могилѣ старикъ весьма древенъ, и держитъ въ рукахъ яблоки бѣлаго налива. «Продай мнѣ свои яблоки!» — Они не продажныя, а завѣтныя; коли хочешь, смѣняй на собакъ. «Нѣтъ, старикъ! собаки самому надобны: возьми деньгами: никакой казны не пожалѣю!» Старикъ не соглашается. «Что дѣлать? думаетъ дуракъ, вѣдь сестра одна у меня, другой не будетъ!» Вымѣнялъ яблоки на собакъ и пошелъ домой. А старикъ обернулся змѣемъ, собакъ посадилъ въ крѣпкую засаду, и говоритъ: «теперь не боюсь, пойду — съѣмъ дурака!» (Окончаніе тоже, какъ въ предыдущей сказкѣ: дуракъ идетъ въ баню мыться, а собаки его тѣмъ временемъ прогрызаютъ двери, вырываются изъ засады и спасаютъ своего хозяина.)

ѣдутъ двадцать четыре разбойника и везутъ съ собой красну дѣвицу красоты неописанной. Вошли въ домъ, стали пить-ѣсть, къ красной дѣвицѣ приставать да разныя насмѣшки надъ ней дѣлать. Дуракъ смотрѣлъ-смотрѣлъ и говоритъ атаману: „за что вы ее обижаете?“ Атаманъ разсердился и закричалъ: „эй, ребята! возьмите его, свяжите да хорошенько отдуйте!“ Разбойники сунулись было къ дураку, а онъ ухватилъ одного изъ нихъ за ноги и давай направо-на лѣво помахивать; всѣхъ перебилъ до единаго. Взялъ красну дѣвицу за бѣлыя руки и повелъ къ себѣ. Приходитъ домой и говоритъ: „вотъ тебѣ, сестра, яблоки — ѣшь да выздоравливай; а ты красная дѣвица, будь намъ названная сестрица — живи да не скучай!“ На другой день дуракъ отправился на охоту; а родная сестра его побѣжала къ атаману; жалуется ему: „вѣдь мой братъ пришелъ, да еще красну дѣвицу привелъ! что намъ съ нимъ дѣлать?“ Атаманъ отвѣчаетъ: „посади ты его играть въ карты и сдѣлай такой уговоръ: коли кто проиграетъ, тому назадъ руки вязать. Вотъ какъ онъ проиграетъ — ты притащи волосяной канатъ и скрути ему руки; коли одинъ канатъ сорветъ — вяжи другимъ, другой сорветъ — вяжи третьимъ; авось съ какимъ-нибудь да не справится! Тогда закричи мнѣ — я прибѣгу съ саблею и снесу ему голову.“ Эти злыя рѣчи подслушала названная сестрица и ждётъ что-то будетъ. Воротился дуракъ домой; родная сестра сѣла съ нимъ въ карты играть, а названная сняла со стѣны острую саблю и проситъ: „братецъ! подари мнѣ эту саблю.“ — Возьми, коли полюбилася. Вотъ родная сестра обыграла брата и связала ему руки волосянымъ канатомъ; дуракъ потянулся — канатъ разорвался. Принесла она новый канатъ, потолще прежняго, и опять связала ему руки; дуракъ потянулся — каната какъ не бывало! Принесла она третій канатъ, потолще прежнихъ двухъ, связала брату руки крѣпко-накрѣпко; сколько онъ ни силился — не могъ разорвать. „Развяжи, сестра! руки рѣжетъ!“ — Самъ развяжешь! Родная сестра пошла атамана звать, а названная у дверей стала: только атаманъ въ горницу — она размахнулась саблею и снесла ему голову. Братъ страшно разгнѣвался, изо всей силы понатужился — канатъ затрещалъ и лопнулъ; тутъ онъ быстро схватилъ саблю острую, отрубилъ злой сестрѣ голову и бросилъ трупъ ея лѣснымъ звѣрямъ на съѣденіе. Прошло ни много, ни мало времени — говоритъ названная сестра брату: „братецъ! поѣдемъ на мою родину.“ — А гдѣ твоя родина? „Моя родина далеко; я царская дочь, ѣздили мы въ иныя государства, напали на насъ разбойники, и меня отняли.“ Вотъ пріѣзжаютъ они къ ея отцу; царь обрадовался и выдалъ за того дурака свою дочь-царевну. Свадьбу сыграли, долго пировали, и я тамъ былъ; медъ пилъ; по губамъ текло, въ ротъ не попало. Да на окошкѣ оставилъ я ложку; кто лёгокъ на ножку, тотъ сбѣгай по ложку!

(Афанасьева, VI, 244.)

шелъ выхода. Нечего дѣлать, по неволѣ пришлось оставаться. Переночевалъ и третью ночь; поутру является къ нему королевна красоты неописанной, благодарить его за услугу и велитъ къ вѣнцу наряжаться. Тотчасъ они свадьбу сыграли, и стали вмѣстѣ жить, ни о чемъ не тужить.

Черезъ сколько-то времени вздумалъ солдатъ объ своей родной сторонѣ, захотѣлъ туда побывать; королевна стала его отговаривать: „оставайся, другъ! не ѣзди; чего тебѣ здѣсь не хватаетъ?“ Нѣтъ, не могла отговорить. Прощается она съ мужемъ, даетъ ему мѣшочекъ — сполна сѣмечкомъ насыпанъ, и говоритъ: „по какой дорогѣ поѣдешь, по обѣимъ сторонамъ кидай это сѣмя: гдѣ оно упадетъ, тамъ въ ту-же минуту деревья повыростутъ; на деревьяхъ станутъ дорогіе плоды красоваться, разныя птицы пѣсни пѣть, а заморскіе коты сказки сказывать.“ Сѣлъ добрый молодецъ на своего заслужённаго коня и поѣхалъ въ дорогу; гдѣ ни ѣдетъ, по обѣимъ сторонамъ сѣмя бросаетъ, и слѣдомъ за нимъ лѣса подымаются: такъ и ползутъ изъ сырой земли! Ѣдетъ день, другой, третій, и увидалъ: въ чистомъ полѣ караванъ стоитъ, на травкѣ-на муравкѣ купцы сидятъ, въ карты поигрываютъ, а возлѣ нихъ котёлъ стоитъ; хоть огня и нѣтъ подъ котломъ, а варево ключемъ кипитъ. „Экое диво! подумалъ солдатъ, огня не видать, а варево въ котлѣ такъ и бьетъ ключемъ; дай поближе взгляну.“ Своротилъ коня въ сторону, подъѣзжаетъ къ купцамъ: „здравствуйте, господа честные!“ а того и не въ домёкъ, что это не купцы, а все нечистые. „Хороша ваша штука: котёлъ безъ огня кипитъ! да у меня лучше есть.“ Вынулъ изъ мѣшка одно зёрнышко и бросилъ наземь — въ ту-жъ минуту выросло вѣковое дерево, на томъ деревѣ дорогіе плоды красуются, разныя птицы пѣсни поютъ, заморскіе коты сказки сказываютъ. По той похвальбѣ узнали его нечистые: „ахъ, говорятъ межъ собой, да вѣдь это тотъ самой, что королевну избавилъ; давайте-ка, братцы, опоімъ его за то зельемъ и пусть онъ полгода спитъ.“ Принялись его угощать и опоили волшебнымъ зельемъ: солдатъ упалъ на траву и заснулъ крѣпкимъ беспробуднымъ сномъ: а купцы, караванъ и котёлъ вмигъ исчезли. Вскорѣ послѣ того вышла королевна въ садъ погулять; смотритъ — на всѣхъ деревьяхъ стали верхушки сохнуть: „не къ добру! думаетъ; видно съ мужемъ что худое приключилося.“ Три мѣсяца прошло, пора бы ему и назадъ вернуться, а его нѣтъ какъ нѣту! Собралась королевна и поѣхала его розыскивать. Ѣдетъ по той дорогѣ, по какой и солдатъ путь держалъ; по обѣимъ сторонамъ лѣса ростутъ, и птицы поютъ, и заморскіе коты сказки мурлыкаютъ. Доѣзжаетъ до того мѣста, что деревьевъ не стало больше — извивается дорога по чистому полю, и думаетъ: „куда-жъ онъ дѣвался? не сквозь же землю провалился!“ Глядь — стоитъ въ сторонкѣ такое-же чудное дерево и лежитъ подъ нимъ ея милой другъ: Подбѣжала къ нему и ну толкать-будить — нѣтъ, не просыпается; принялась щипать его, колоть подъ бока булавками, колола-колола — онъ и боли не чувствуетъ, точно мертвой лежитъ — не ворохнется. Разсердилась королевна и

одинъ. Тутъ напала на него такая тоска, что на свѣтъ бы не смотрѣлъ, и чѣмъ дальше — тѣмъ сильнѣе; еслибъ не вино, кажись бы одной ночи не выдержалъ! На третьи сутки до того дошло, что рѣшился солдатъ бросить все и бѣжать изъ замка; только какъ ни бился, какъ ни старался — не на-

---

кричать: слушай! Принялись мужики другъ дружку хлестать по уху; тѣмъ только и сонъ отъ себя отвадили. Вдругъ поднялась сильная буря—катитъ огромная колесница, въ двѣнадцать лошадей запряжена, лошади словно змѣи извиваются, а по зади двѣнадцать волковъ, да столько-жъ медвѣдей на желѣзныхъ цѣпяхъ приковано. Быстро пронеслась колесница по п лю: гдѣ росла-зеленѣла пшеница, тамъ чорная земля повыступила; не осталось ни единой былинки! Семенъ вскочилъ на коня и поскакалъ за колесницею; а слѣдомъ за нимъ одиннадцать мужиковъ пріударили. Долго ли, коротко ли—наѣхали они на огромной дворецъ; вошли въ бѣлокаменныя палаты, видятъ—столъ накрытъ, на столѣ двѣнадцать прибовъ и всякихъ винъ и закусокъ вдоволь наготовлено; поѣли-выпили и собираются назадъ уйдти, только куда ни сунутся — не могутъ дверей найдти. Входитъ къ нимъ древняя старушка и говоритъ: «что вы по напрасну трудитесь? войдти-то къ намъ легко, а выйдти трудно; сюда ворота широкія, а отсюда узкія. Вотъ скоро прійдутъ сюда двѣнадцать медвѣдицъ, пообѣдаютъ и опять уйдутъ; а то не медвѣдицы, а заклятыя красныя дѣвицы: одиннадцать—боярскія дочери, а двѣнадцатая — царевна; если вы переночуете здѣсь три ночи, то всѣхъ ихъ избавите, и себѣ счастье добудете!»

Варіантъ 2-й: Жилъ-былъ богатый купецъ, померъ — и остался у него молодой сынъ. Напала на него грусть тоска, и вздумалъ онъ въ трактиръ пойдти да разгуляться промежъ добрыхъ людей. Приходитъ въ трактиръ — сидитъ тамъ кабачной ярыга да пѣсни поетъ. Спрашиваетъ его купеческой сынъ: «скажи, отчего такъ веселъ?» — А что мнѣ печалиться? вѣдь я косушку вина выпилъ, съ того и веселъ сталъ. «Будто и взаправду?»—Попробуй, самъ узнаешь! Купеческій сынъ выпилъ рюмку, другую—стало повеселѣй; «дай-ка еще попробую!» Осушилъ полштофа, опьянѣлъ и затянулъ пѣсню. «Что такъ сидѣть? говоритъ кабацкой ярыга; давай перекинемъ въ въ карты.»—Изволь! Сѣли играть въ карты; въ короткое время купеческой сынъ проигралъ всѣ свои деньги. «Больше, говоритъ, играть не на что!» — Не все на деньги, играй подъ домъ да подъ лавки! отвѣчаетъ кабацкой ярыга: можетъ, отыграешься. Не прошло и полчаса, какъ купеческой сынъ не при чемъ остался: и домъ, и лавки — все спустилъ. На утро проснулся—голъ, какъ соколъ! что тутъ дѣлать? Пошелъ, съ горя въ солдаты нанялся. Служилъ-служилъ; солдатская служба—нелегкая. за все-про все спина отвѣчаетъ! и задумалъ онъ бѣжать. Убѣжалъ въ густой, дремуцій лѣсъ, выбрался на одну полянку и сѣлъ отдохнуть. Откуда ни взялись — летятъ три голубки, а за ними три змѣя несутся; прилетѣли на ту полянку и принялись драться. «Служивой, помоги намъ, говорятъ змѣи; мы тебѣ много денегъ подаримъ.»—Нѣтъ, служивой! лучше намъ помоги, говорятъ голубки; мы тебѣ сами годимся! Купеческой сынъ обнажилъ свою острую саблю, порубилъ трехъ змѣевъ до смерти; а голубки улетѣли. Отдохнулъ купеческій сынъ и пошелъ дальше, куда глаза глядятъ; шелъ-шелъ и набрелъ на землянку, входитъ — въ землянкѣ столъ стоитъ, на столѣ три прибора съ яствами; онъ взялъ со всякаго прибора съѣлъ по кусочку, забился подъ кровать и лежитъ себѣ, духъ притаивши. Вдругъ прилетѣли туда три голубки, ударились о сырую землю и сдѣлались красными дѣвицами. «Ахъ! говорятъ, къ намъ кто-то въ гости пожаловалъ, и кажись —человѣкъ доброй, никого не обидѣлъ, со всякаго прибора по кусочку взялъ.» Купеческой сынъ услыхалъ эти рѣчи, вылѣзъ изъ-подъ кровати и говоритъ: «здравствуйте, красныя дѣвицы!» — Ахъ, добрый молодецъ! сослужилъ ты намъ одну службу — убилъ трехъ змѣевъ, сослужи и другую: перебудь здѣсь три ночи! Что бы кругомъ тебя ни дѣлалось: будутъ ли громы гремѣть, вѣтры свистать, страхи страшить—стой крѣпко, не бойся и читай вотъ эту книгу..

скажи, какъ бы мнѣ отыскать мою прекрасную королевну?" — Не знаю, голубчикъ! видомъ не видала, слухомъ про нее не слыхала. Ступай ты за столько-то морей, за столько-то земель — тамъ живетъ моя середняя сестра, она знаетъ больше моего; можетъ она тебѣ скажетъ. Солдатъ сѣлъ на коверъ-самолетъ и полетѣлъ; долго пришлось ему по бѣлу свѣту странствовать. Захочется ли ему ѣсть-пить, сейчасъ надѣнетъ на себя шапку-невидимку, опустится въ какой-нибудь городъ, зайдетъ въ лавки, наберетъ — чего только душа пожелаетъ, на коверъ — и летитъ дальше. Прилетаетъ къ другой избушкѣ, входитъ — тамъ сидитъ баба-яга, костяная нога, старая беззубая. „Здравствуй, бабушка! не знаешь-ли, гдѣ найти мнѣ прекрасную королевну?" — Нѣтъ, голубчикъ! не знаю; поѣзжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель — тамъ живетъ моя старшая сестра; можетъ, она вѣдаетъ. „Эхъ ты, старая хрычовка! сколько лѣтъ на свѣтѣ живешь, всѣ зубы повывалились, а добраго ничего не знаешь." Сѣлъ на коверъ-самолетъ и полетѣлъ къ старшей сестрѣ. Долго-долго странствовалъ, много земель и много морей видѣлъ, наконецъ прилетѣлъ на край свѣта: стоитъ избушка, а дальше никакого ходу нѣтъ — одна тьма кромѣшная! ничего не видать. „Ну, думаетъ, коли здѣсь не добьюсь толку, больше летѣть некуда!" Входитъ въ избушку — тамъ сидитъ баба-яга, костяная нога, сѣдая, беззубая. „Здравствуй, бабушка! скажи, гдѣ мнѣ искать мою королевну?" — Подожди немножко; вотъ я созову всѣхъ своихъ Вѣтровъ и у нихъ спрошу. Вѣдь они по всему свѣту дуютъ, такъ должны знать, гдѣ она теперь проживаетъ. Вышла старуха на крыльцо, крикнула громкимъ голосомъ, свиснула молодецкимъ посвистомъ; вдругъ со всѣхъ сторонъ поднялись-повѣяли Вѣтры буйные, только изба трясется! „Тише, тише!" кричитъ баба-яга, и какъ только собрались Вѣтры, начала ихъ спрашивать: „Вѣтры мои буйные! по всему свѣту вы дуете; не видали-ль гдѣ прекрасную королевну?" — Нѣтъ, нигдѣ не видали! отвѣчаютъ Вѣтры въ одинъ голосъ. „Да всѣ ли вы на лицо?" — Всѣ, только Южнаго Вѣтра нѣтъ. Немного погодя, прилетѣлъ Южный Вѣтеръ. Спрашиваетъ его старуха: „гдѣ ты пропадалъ до сихъ поръ? дождалась тебя!" — Виноватъ, бабушка! я зашелъ въ новое царство, гдѣ живетъ прекрасная королевна; мужъ у ней безъ вѣсти пропалъ, такъ теперь сватають ее разные цари и царевичи, короли и королевичи. „А сколь далеко до новаго царства?" — Пѣшему тридцать лѣтъ идти, на крыльяхъ десять лѣтъ нестись; а я повѣю — въ три часа доставлю. Солдатъ началъ со слезами молить, чтобы Южный Вѣтеръ взялъ его и донесъ въ новое царство. „Пожалуй, говоритъ Южный Вѣтеръ, я тебя донесу, коли дашь мнѣ волю погулять въ твоемъ царствѣ три дня и три ночи." — Гуляй хоть три недѣли! „Ну, хорошо; вотъ я отдохну денька два-три, соберусь съ силами, да тогда и въ путь." Отдохнулъ Южный Вѣтеръ, собрался съ силами, и говоритъ солдату: „ну, братъ, собирайся, сейчасъ отправимся; да смотри — не бойся, цѣлъ будешь!" Вдругъ зашумѣлъ-засвисталъ сильной вихорь, подхватило сол-

дата на воздухъ и понесло черезъ горы и моря — подъ самыми облаками, и ровно черезъ три часа былъ онъ въ новомъ царствѣ, гдѣ жила его прекрасная королевна. Говоритъ ему Южный Вѣтеръ: „прощай, доброй молодецъ! жалѣючи тебя, не хочу гулять въ твоемъ царствѣ.“ — Что такъ? „Потому — если я загуляю, ни одного дома въ городѣ, ни одного дерева въ садахъ не останется; все вверхъ дномъ поставлю!“ — Ну, прощай! спасибо тебѣ, сказалъ солдатъ, надѣлъ шапку-невидимку и пошелъ въ бѣлокаменныя палаты. Вотъ пока его не было въ царствѣ, въ саду всѣ деревья стояли съ сухими верхушками; а какъ онъ явился, тотчасъ ожили и начали цвѣсть. Входитъ онъ въ большую комнату, тамъ сидятъ за столомъ разные цари и царевичи, короли и королевичи, что пріѣхали за прекрасную королевну свататься; сидятъ да сладкими винами угощаются. Какой женихъ ни нальетъ стаканъ, только къ губамъ поднесетъ — солдатъ тотчасъ хвать кулакомъ по стакану и сразу вышибетъ. Всѣ гости тому удивляются; а прекрасная королевна въ ту-жъ минуту догадалася: „вѣрно, думаетъ, мой другъ воротился!“ Посмотрѣла въ окно — въ саду на деревьяхъ всѣ верхушки ожили, и стала она своимъ гостямъ загадку загадывать: „была у меня шкатулочка самодѣльная съ золотымъ ключемъ; я тотъ ключъ потеряла и найдти не чаяла, а теперь тотъ ключъ самъ нашелся. Кто отгадаетъ эту загадку, за того замужъ пойду.“ Цари и царевичи, короли и королевичи долго надъ тою загадкою ломали свои мудрыя головы, а разгадать никакъ не могли. Говоритъ королевна: „покажись, мой милой другъ!“ Солдатъ снялъ съ себя шапку-невидимку, взялъ ее за бѣлыя руки и сталъ цѣловать въ уста сахарныя. „Вотъ вамъ и разгадка! сказала прекрасная королевна, самодѣльная шкатулочка — это я, а золотой ключикъ — это мой вѣрной мужъ.“ Пришлось женихамъ оглобли поворачивать, разъѣхались они по своимъ дворамъ, а королевна стала со своимъ мужемъ жить-поживать да добра наживать.

(Аѳанасьева, VIII, 12.)

8.

Окаменѣлое царство.

Жилъ-былъ старикъ; у старика былъ сынъ — славный сынъ, вздумалъ чево идти въ дорогу, простился-благословился и пошолъ. Шолъ долго-ли, коротко-ли, скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается; приходитъ въ одно царство, видитъ — кругомъ камни! и скотъ, и люди — гдѣ кто былъ, стоялъ или сидѣлъ, кто куда ѣхалъ, такъ всѣ и окаменѣли; иной дрова рубитъ, руку съ топоромъ поднялъ, да такъ и остался! Врагъ пошутилъ надъ ними! Вотъ этотъ парень походилъ по городу — ни однаво человѣка не нашолъ живова; вошолъ въ царской чертогъ, и думаетъ: подожду; не бу-

деть ли кто? Вдрукъ прибѣгатъ царская дочь, увидѣла этово человѣка, поклонилась, распросила ево: откудова онъ? куда пошолъ и зачѣмъ? и говоритъ: „вотъ бы надо крѣпкова человѣка, чтобы онъ по три ночи молился во дворцѣ; тогда бы люди всѣ стали опеть людьми!“ Онъ согласился; уговорились, чтобы послѣ (если Богъ велитъ воротить царя и людей по прежнему) она вышла за него замужъ, и положили на томъ записи. Она дала ему восковыхъ свѣчъ три снопухи — по снопухѣ на кажую ночь, сама уѣхала. Наступила ночь; крестьянской сынъ сталъ на молитву. Въ полночь вдрукъ и набѣжало дьяволовъ множество; кто дразнитъ ево, кто говоритъ: надо заколоть! кто огня подпускатъ подъ нево, кто — воду, чево-чево не было! страшно! а онъ стоитъ да молится. Пѣтухъ спѣлъ — и дьяволовъ не стало. Онъ въ ночь снопуху свѣчъ изжогъ, утромъ легъ спать. Царская дочь пріѣзжаетъ, спрашиваетъ: „что живъ ли ты?“ — Живъ, слава богу! „Ну, каково было?“ — Страшно, да нечево, Богъ милостивъ! „Смотри, на эту ночь ешшо страшняй будетъ!“ Переговорила и уѣхала. И точно на другую ночь ешшо больше дьяволà страшшили; крестьянской сынъ промолился. На третью ночь и пуще тово; онъ опеть промолился, всѣ свѣчи издержалъ. А царская дочь послѣ третьей ночи велѣла ему залѣзти въ печь и написать рукопись, какъ спасалъ царство; „а то, говоритъ, отецъ мой оживится, разсердится, забѣгатъ — бѣда тебѣ!“ Онъ такъ и сдѣлалъ. Утро настало — вдрукъ весь народъ оживился, начали ходить, бѣгать, стали переѣзжать, только стукотъ стоитъ! Царь также ожилъ, забѣгалъ, осердился: „кто смѣлъ, говоритъ, шутить надъ моимъ царствомъ?“ и увидалъ у печи рукопись, прочиталъ. Пріѣхала дочь; она рукопись утвердила, сказала отцу, что точно такъ было. Царю понравилось; тотчасъ свадьбу: крестьянскій сынъ женился на царской дочери. Тесть по смерти своей благословилъ все свое царство милому зятю. Крестьянской сынъ то все изъ-подъ большихъ смотрѣлъ, а тутъ самъ царемъ сдѣлался, и теперь царствуетъ — такой добрый для подданныхъ, особливо для солдатъ!

(Аѳанасьевъ, V, 40. Записано въ пермскомъ краю).

9.

Королевичъ и дядька.

Жилъ былъ король, у него былъ сынъ-подростокъ. Королевичъ былъ всѣмъ хорошъ — и лицомъ, и нравомъ, да отецъ-то его не больно: все его корысть мучила, какъ-бы лишній барышъ взять да побольше оброку сорвать. Увидѣлъ онъ разъ старика съ соболями, съ куницами, съ бобрами, съ лисицами. „Стой, старикъ! откуда ты?“ — Родомъ изъ такой-то деревни, ба-

тюшка! а нынѣ служу у мужика-лѣшаго. „А какъ вы звѣрей ловите?“ — Да лѣшій-мужикъ наставитъ лѣсы [1]), звѣрь глупъ — и попадетъ. „Ну слушай, старикъ! я тебя виномъ напою, и денегъ дамъ; укажи мнѣ, гдѣ лѣсы ставите?“ Старикъ соблазнился и указалъ. Король тотчасъ же велѣлъ лѣшаго-мужика поймать и въ желѣзной столбъ заковать, а въ его заповѣдныхъ лѣсахъ свои лѣсы подѣлалъ. Вотъ сидитъ мужикъ-лѣшій въ желѣзномъ столбѣ да въ окошко поглядываетъ, а тотъ столбъ въ саду стоялъ. Вышелъ королевичъ съ бабками, съ мамками, съ вѣрными служанками погулять по саду; идетъ мимо столба, а мужикъ-лѣшій кричитъ ему: „королевское дитя! выпусти меня, я тебѣ самъ пригожусь.“ — Да какъ-же я тебя выпущу? „А пойди къ своей матери и скажи ей: матушка моя любезная! поищи у меня въ головкѣ. Да головку-та положь къ ней на колѣни; она станетъ у тебя въ головкѣ искать, а ты улучи минуту, вытащи ключъ у ней изъ кармана, да меня и выпусти.“ [2]) Королевичъ такъ и сдѣлалъ; вытащилъ ключъ изъ кармана у матери, прибѣжалъ въ садъ, сдѣлалъ себѣ стрѣлку, положилъ на тугой лукъ и пустилъ ее далеко-далеко, а самъ кричитъ, чтобъ мамки и няньки ловили стрѣлу. Мамки и няньки разбѣжалися; въ это время королевичъ отперъ желѣзной столбъ и высвободилъ мужика-лѣшаго.

Пошелъ мужикъ-лѣшій рвать королевскія лѣсы! Видитъ король, что звѣри больше не попадаются, осерчалъ и напустился на свою жену: зачѣмъ ключъ давала мужика-лѣшаго выпускала? И созвалъ онъ бояръ, генераловъ и думныхъ людей, какъ они присудятъ, голову ли ей на плахѣ снять али въ ссылку сослать? Плохо пришлось королевичу — жаль родную мать, и признался онъ отцу, что это его вина: вотъ такъ-то и такъ-то все дѣло было. Взгоревался король, что ему съ сыномъ дѣлать? — Казнить нельзя; присудили: отпустить его на всѣ на четыре стороны, на всѣ вѣтры полуденные, на всѣ вьюги зимнія, на всѣ вихри осенніе; дали ему котомку и одного дядьку [1]).

Вышелъ королевичъ съ дядькою въ чистое поле; шли они близко ли, низко ли, высоко ли, и увидали колодезь. Говоритъ королевичъ дядькѣ: „ступай за водою!“ — Не йду! отвѣчалъ дядька. Пошли дальше, шли-шли — опять колодезь. „Ступай, принеси воды! мнѣ пить хочется,“ проситъ дядьку королевской сынъ въ другой разъ. — Не йду! говоритъ дядька. Вотъ еще

[1]) Сѣти, ловушки.

[2]) Варіантъ: Былъ-жилъ король, у него былъ одинъ сынъ Иванъ-королевичъ: сталъ онъ на возрастѣ, собралъ своихъ сверстниковъ и началъ съ ними погуливать и шутить шутки нехорошія: кого за руку ухватитъ — рука прочь! кого за голову — голова прочь! Пришли бояре и купцы и всякіе люди къ королю съ жалобами. Король только руками хлопнулъ: «экая напасть! говоритъ, одинъ блинъ, да и тотъ комомъ!» Созвалъ генераловъ, сенаторовъ: «куда мнѣ сына дѣвать? въ крѣпость посадить или повѣсить?» — Ваше королевское величество! отвѣчаютъ генералы и сенаторы: царскихъ сѣмянъ (т. е. дѣтей) не бьютъ, не куютъ, а на волю пускаютъ.

себя поблагодарить велишь?" — Поцѣлуй меня, красна дѣвица! Царевна, прижала его къ ретиву сердцу и громко-громко поцѣловала, такъ что все войско услышало.

Королевичъ ударилъ коня — и былъ таковъ! вернулся домой и сидитъ въ своей горенкѣ, словно и на сраженіи не былъ; а дядька всѣмъ хвастаетъ, всѣмъ разсказываетъ: „это былъ я, Идолище побѣдилъ!" Царь встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ, сговорилъ за него свою дочь и задалъ великой пиръ. Только царевна не будь глупа — возьми да и скажись, что у ней головушка болитъ, ретивое щемитъ. Какъ быть, что̀ дѣлать нареченному зятю? „Батюшка! говоритъ онъ царю, дай мнѣ корабль, я поѣду за лѣкарствами для своей невѣсты; да прикажи и конюху со мной ѣхать: я вить больно къ нему привыкъ!" Царь послушался, далъ ему корабль и конюха. Вотъ они и поѣхали, близко ли, далеко ли отплыли — дядька приказалъ сшить куль, посадилъ въ него конюха и пустилъ въ воду. Царевна глянула въ зеркальцо, видитъ — бѣда! сѣла въ коляску и поскорѣй къ морю; а на берегу ужь мужикъ-лѣшій сидитъ да неводъ вяжетъ. „Мужичокъ! помоги моему горю; злой дядька королевича утопилъ." — Изволь, красна дѣвица! вотъ и неводъ готовъ! приложи-ка сама къ нему бѣлыя ручки. Вотъ царевна запустила неводъ въ глубокое море, вытащила королевича и повезла съ собою; а дома все до̀чиста отцу разсказала. Сейчасъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку; у царя ни медъ варить, ни вино курить — всего вдоволь! А дядька накупилъ разныхъ снадобій и воротился назадъ; входитъ во дворецъ, а тутъ его и схватили. Взмолился онъ, да поздно: духомъ (быстро-скоро) его на воротахъ разстрѣляли. Свадьба королевича была веселая; всѣ кабаки и трактиры на цѣлую недѣлю были открыты для простаго народа безденежно. И я тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Аѳанасьева, VIII, 18).

10.

Царевна-лягушка

Въ стары годы, въ старопрежны у одново царя было три сына — всѣ они на возрастѣ. Царь и говоритъ: „дѣти! сдѣлайте себѣ по самострѣлу и стрѣляйте: кака женщина принесетъ стрѣлу, та и невѣста; ежели никто не принесетъ, тому значитъ не жениться." Большой сынъ стрѣлилъ, принесла стрѣлу княжеская дочь; середней стрѣлилъ, стрѣлу принесла генеральская дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрѣлу изъ болота лягуша (лягушка) въ зубахъ. Тѣ братья были веселы и радостны, а Иванъ-царевичъ призадумался, заплакалъ: „какъ я стану жить съ лягушой? вѣкъ жить — не рѣку перебрести или не поле перейти!" поплакалъ, поплакалъ, да нечево дѣлать —

взялъ въ жоны лягушку. Ихъ всѣхъ обвѣнчали по ихнему тамъ обряду; лягушку держали на блюдѣ.

Вотъ живутъ они. Царь захотѣлъ одиножды посмотрѣть отъ невѣстокъ дары, котора изъ нихъ лучше мастерица? Отдалъ приказъ. Иванъ-царевичъ опеть призадумался, плачотъ: „чево у меня сдѣлатъ лягуша! всѣ станутъ смѣятся.“ Лягуша ползатъ по полу, только квакатъ. Какъ уснулъ Иванъ-царевичъ, она вышла на улицу, сбросила кожухъ, (кожа, шкурка), сдѣлалась красной дѣвицой и крикнула! „няньки, маньки! (мамки) сдѣлайте то-то!“ Няньки, маньки тотчасъ принесли рубашку самой лучшой работы. Она взяла ее, свернула и положила возлѣ Ивана-царевича, а сама обвернулась опеть лягушой, будто ни въ чомъ не бывала! Иванъ-царевичъ проснулся, обрадовался, взялъ рубашку и понесъ къ царю. Царь принялъ ее, посмотрѣлъ: „ну вотъ это рубашка — во Христовъ день (въ праздникъ) надѣвать!“ Середней братъ принесъ рубашку; царь сказалъ: „только въ баню въ ней ходить!“ а большова брата взялъ рубашку и сказалъ: „въ чорной избѣ ее носить!“ Разошлись царски дѣти; двое-то и судятъ между собой: „нѣтъ, видно мы напрасно смѣялись надъ жоной Ивана-царевича; она не лягуша, а какая-нибудь хитра! (т. е. чародѣйка).“

Царь даетъ опеть приказанье, чтобъ снохи состряпали хлѣбы и принесли ему на показъ, котора лучше стряпатъ? Тѣ невѣстки сперва смѣялись надъ лягушой; а теперь, какъ пришло время, они и послали горнишну подсматривать, какъ она станетъ стряпать. Лягуша смекнула это, взяла замѣсила квашню, скатала, печь сверху выдолбила, да прямо туда квашню и опрокинула. Горнишна увидѣла, побѣжала, сказала своимъ барынямъ, царскимъ невѣсткамъ, и тѣ также сдѣлали. А лягуша хитрая только ихъ провела, тотчасъ тѣсто изъ печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни въ чомъ не бывало, а сама вышла на крыльцо, вывернулась изъ кожуха и крикнула: няньки, маньки! состряпайте сейчасъ-же мнѣ хлѣбовъ такихъ, каки мой батюшко по воскресеньямъ да по праздникамъ только ѣлъ.“ Няньки, маньки тотчасъ притащили хлѣба. Она взяла ево, положила возлѣ Ивана-царевича, а сама сдѣлалась лягушой. Иванъ-царевичъ проснулся, взялъ хлѣбъ и понесъ къ отцу. Отецъ въ то время принималъ хлѣбы отъ большихъ братовей; ихъ жоны какъ поспускали въ печь хлѣбы также, какъ лягуша, — у нихъ и вышло кули-мули. Царь наперво принялъ хлѣбъ отъ большова сына, посмотрѣлъ и отослалъ на кухню; отъ середнева принялъ, туда-жо послалъ. Дошла очередь до Ивана-царевича; онъ подалъ свой хлѣбъ. Отецъ принялъ, посмотрѣлъ и говоритъ: „вотъ этотъ хлѣбъ — во Христовъ день исъ! не такой какъ у большихъ снохъ!“

Послѣ тово царю вздумалось сдѣлать балъ, посмотрѣть своихъ сношекъ, котора лучше пляшотъ? Собрались всѣ гости и снохи, кромѣ Ивана-царевича; онъ задумался: куда я съ лягушой поѣду? и заплакалъ навзрыдъ нашъ Иванъ-царевичъ. Лягуша и говоритъ ему: „не плачь, Иванъ-царевичъ! сту-

пай на балъ, Я черезъ часъ буду." Иванъ-царевичъ немного обрадовался, какъ услыхалъ, что лягуша баетъ; а лягуша пошла сбросила съ себя кожухъ, одѣлась чудо какъ! Пріѣзжатъ на балъ; Иванъ-царевичъ обрадовался и всѣ руками схлопали: кака красавица! Начали закусывать; царевна огложотъ коску (кость) да и въ рукавъ, выпьетъ чево — въ другой рукавъ. Тѣ снохи видятъ, чево она дѣлатъ, и онѣ тожо кости кладутъ къ себѣ въ рукавъ, пьютъ чево — остатки льютъ въ рукава. Дошла очередь танцовать; царь посылатъ большихъ снохъ, а онѣ ссылаются на лягушу. Та тотчасъ подхватила Ивана-царевича и пошла; ужъ она плясала, плясала, вертѣлась, вертѣлась — всѣмъ на диво! махнула правой рукой — стали лѣса и воды, махнула лѣвой — стали летать разны птицы. Всѣ изумились. Отплясала - ничево не стало. Други снохи пошли плясать, также хотѣли: котора правой рукой ни махнетъ, у тые (той) кости та и полетятъ, да въ людей, изъ лѣвова рукава вода разбрыжжотъ тожо въ людей. Царю не поправилось, закричалъ: „будетъ, будетъ!" Снохи перестали. — Балъ былъ на отходѣ. Иванъ-царевичъ поѣхалъ напередъ, нашолъ тамъ гдѣ-то женинъ кожухъ, взялъ сво да и сожокъ. Та пріѣзжатъ, хватилась кожуха: нѣтъ! сожжонъ. Легла спать а передъ утромъ и говоритъ: „ну, Иванъ царевичъ! немного ты не потерпѣлъ; твоя бы я была, а теперь Богъ знаетъ. Прощшай! ищши меня за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ." И не стало царевны.

Вотъ годъ прошолъ, Иванъ-царевичъ тоскуетъ о женѣ; на другой годъ собрался, выпросилъ у отца, у матери благословенье и пошолъ. Идетъ долго ужъ, вдрукъ попадатся ему избушка — къ лѣсу передомъ, къ нему задомъ. Онъ и говоритъ: „избушка, избушка! стань по старому, какъ мать поставила — къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ." Избушка перевернулась. Вошолъ въ избу; сидитъ старуха и говоритъ: „фу, фу! русской коски слыхомъ не слыхать, видомъ не видать, нынче русска коска на дворъ пришла! Куда ты, Иванъ-царевичъ, пошолъ?" — Прежде, старуха, напой, накорми, потомъ вѣсти распроси. Старуха напоила, накормила и спать положила. Иванъ-царевичъ говоритъ ей: баушка! вотъ я пошолъ доставать Елену прекрасну" (т. е. свою жену). — Ой, дитятко какъты долго (не бывалъ)! она съ первыхъ-то годовъ часто тебя поминала, а теперь ужъ не помнитъ, да и у меня давно не бывала. Ступай впередъ къ сестрѣ, та больше знатъ. — Иванъ-царевичъ по утру отправился, дошолъ до избушки и говоритъ: „избушка, избушка! стань по старому," и т. д. Избушка перевернулась. Онъ вошолъ въ нее, видитъ: сидитъ старуха и говоритъ: „фу, фу! русской коски слыхомъ не слыхать и видомъ не видать, а нынче русска коска сама на дворъ пришла! Куда, Иванъ-царевичъ, пошолъ?" — Да вотъ, бабушка, доступать Елену прекрасную. „Ой, Иванъ-царевичъ, сказала старуха, какъ ты долго! она ужъ стала забывать тебя, выходитъ въ замужъ за другова: скоро свадьба! Живетъ теперь у большой сестры, ступай туда, да смотри ты, какъ станешь подходить — у нее узнаютъ, Елена обвернется (обернется, оборотит-

ея) веретенкомъ, (веретеномъ), а платье на ней будетъ золотоцъ, моя сестра золото станетъ вить; какъ совьетъ веретешко и положитъ въ ящикъ и ящикъ запретъ, ты найди ключь; отвори ящикъ, веретешко переломи, кончикъ брось назадъ, а корешокъ передъ себя! она и очутится передъ тобой." Пошелъ Иванъ-царевичъ, дошолъ до этой старухи, зашолъ въ избу; та вьетъ золото, свила эво веретешко и положила въ ящикъ, заперла и ключь куда-то положила. Онъ взялъ ключь, отворилъ ящикъ, вынялъ веретешко и переломилъ по сказанному, какъ по писанному, кончикъ бросилъ за себя, а корешокъ передъ себя. Вдрукъ и очутилась Елена прекрасна, начала здороваться: „ой, да какъ ты долго, Иванъ-царевичъ? я чуть за другова не ушла." А тому жениху надо скоро быть; Елена прекрасна взяла коверъ самолетъ у старухи, сѣли на нево и понеслись, какъ птица полетѣли. Женихъ-отъ за ними вдрукъ и пріѣхалъ, узнали, что они уѣхали; былъ тоже хитрой! онъ ступай-ка за ними въ погоню, гналъ, гналъ, только сажонъ десять не догналъ: они на коврѣ влетѣли въ Русь, а ему нельзя какъ-то въ Русь-то, воротился; а тѣ прилетѣли домой, всѣ обрадовались, стали жить да быть, де животы [1]) наживать — на славу всѣмъ людямъ.

(Записано въ пермскомъ краю. Аѳанасьева II, 23.)

11.

Царевна-змѣя.

Ѣхалъ казакъ путемъ-дорогою, и заѣхалъ въ дремучій лѣсъ; въ томъ лѣсу на прогалинкѣ стоитъ стогъ сѣна. Остановился казакъ отдохнуть немножко, легъ около стога и закурилъ трубку; курилъ курилъ, и не видалъ, какъ заронилъ искру въ сѣно. Послѣ отдыха сѣлъ на коня и тронулся въ путь; не успѣлъ и десяти шаговъ сдѣлать — какъ вспыхнуло пламя и весь лѣсъ освѣтило. Казакъ оглянулся, смотритъ: стогъ сѣна горитъ, а въ огнѣ стоитъ красная дѣвица и говоритъ громкимъ голосомъ: „казакъ, добрый человѣкъ! избавь меня отъ смерти." — Какъ-же тебя избавить? кругомъ пламя, нѣтъ къ тебѣ подступу. „Сунь въ огонь свою пику; я по ней выберусь." Казакъ сунулъ пику въ огонь, а самъ отъ великаго жару назадъ отвернулся. Тотчасъ красная дѣвица оборотилась змѣею, влѣзла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокругъ шеи три раза и взяла свой хвостъ въ зубы. Казакъ испугался, не придумаетъ, что ему дѣлать и какъ ему быть. Провѣщала змѣя человѣческимъ голосомъ: „не бойся, добрый молодецъ! Носи меня на шеѣ семь лѣтъ да разыскивай оловянное царство; а

[1]) Имѣніе, богатство, скотъ домашній.

пріѣдешь въ то царство — останься и проживи тамъ еще семь лѣтъ безвыходно. Сослужишь эту службу, счастливъ будешь!“ Поѣхалъ казакъ разыскивать оловянное царство; много ушло времени, много воды утекло, на исходѣ седьмаго года добрался до крутой горы; на той горѣ стоитъ оловянной замокъ, кругомъ замка высокая бѣлокаменная стѣна. Поскакалъ на гору, передъ нимъ стѣна раздвинулась и въѣхалъ онъ на широкой дворъ. Въ ту-жъ минуту сорвалась съ его шеи змѣя, ударилась о сырую землю, обернулась душой-дѣвицей и съ глазъ пропала — словно ее не было. Казакъ поставилъ своего добраго коня на конюшню, вошелъ во дворецъ и сталъ осматривать комнаты. Всюду зеркала, серебро да бархатъ, а нигдѣ не видать ни одной души человѣческой. „Эхъ, думаетъ казакъ, куда я заѣхалъ? кто меня кормить и поить будетъ? видно, пришлось помирать голодною смертію!“ Только подумалъ, глядь — передъ нимъ столъ накрытъ, на столѣ и пить и ѣсть — всего вдоволь; онъ закусилъ и выпилъ, подкрѣпилъ свои силы и вздумалъ пойдти на коня посмотрѣть. Приходитъ въ конюшню — конь стоитъ въ стойлѣ, да овесъ уплетаетъ. Ну, это дѣло хорошее; можно, значитъ, безъ нужды прожить. Долго-долго оставался казакъ въ оловянномъ замкѣ и взяла его скука смертная: шутка ли — завсегда одинъ-одинешенекъ! не съ кѣмъ и словечка перекинуть. Съ горя напился онъ пьянъ, и вздумалось ему ѣхать на вольной свѣтъ; только куда ни бросится — вездѣ стѣны высокія, нѣтъ ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалося, схватилъ доброй молодецъ палку, вошелъ во дворецъ и давай зеркала и стекла бить, бархатъ рвать, стулья ломать, серебро швырять: „авось де хозяинъ выйдетъ да на волю выпуститъ!“ Нѣтъ, никто не является. Легъ казакъ спать; на другой день проснулся, погулялъ-походилъ и вздумалъ закусить; туда сюда смотритъ — нѣтъ ему ничего! „Эхъ, думаетъ, сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ! Вотъ набѣдокурилъ вчера, а теперь голодай!“ Только покаялся, какъ сейчасъ и ѣда и питье — все готово! Прошло дня три; проснувшись поутру, смотритъ казакъ въ окно — у крыльца стоитъ его доброй конь осѣдланной. Что бы такое значило? Умылся, одѣлся, Богу помолился, взялъ свою длинную пику и вышелъ на широкой дворъ. Вдругъ откуда ни взялась — явилась красная дѣвица: „здравствуй, доброй молодецъ! семь лѣтъ окончилось — избавилъ ты меня отъ конечной погибели. Знай-же: я королевская дочь; полюбилъ меня Кощей Безсмертный, унесъ отъ отца, отъ матери, хотѣлъ взять за себя замужъ, да я надъ нимъ насмѣялася; вотъ онъ озлобился и оборотилъ меня лютой змѣею. Спасибо тебѣ за долгую службу! Теперь поѣдемъ къ моему отцу; станетъ онъ награждать тебя золотой казной и каменями самоцвѣтными, ты ничего не бери, а проси себѣ боченокъ, что̀ въ подвалѣ стоитъ.“ — А что̀ за корысть въ немъ? „Покатишь боченокъ въ правую сторону — тотчасъ дворецъ явится, покатишь въ лѣвую — дворецъ пропадетъ.“ — Хорошо, сказалъ казакъ, сѣлъ на коня, посадилъ съ собой и прекрасную королевну; высокія стѣны сами передъ нимъ пораздви-

нулись, и поѣхалъ онъ въ путь-дорогу. Долго ли коротко ли — пріѣзжаетъ въ сказанное королевство. Король увидалъ свою дочь, возрадовался, началъ благодарствовать, и даетъ казаку полны мѣшки золота и жемчугу. Отвѣчаетъ доброй молодецъ: „не надо мнѣ ни злата, ни жемчугу; дай мнѣ на память тотъ боченочекъ, что въ подвалѣ стоитъ.“ — Многаго хочешь братъ! ну, да дѣлать нечего: дочь мнѣ всего дороже! за нее и боченка не жаль; бери съ Богомъ. Казакъ взялъ королевской подарокъ и отправился по бѣлу свѣту странствовать. Ѣхалъ-ѣхалъ, попадается ему на встрѣчу древній старичокъ. Проситъ старикъ: „накорми меня, доброй молодецъ!“ Казакъ соскочилъ съ лошади, отвязалъ боченокъ, покатилъ его вправо — въ ту-жъ минуту чудной дворецъ явился. Взошли они оба въ расписныя палаты и сѣли за накрытой столъ. „Эй, слуги мои вѣрные! закричалъ казакъ, накормите-напоите моего гостя.“ Не успѣлъ вымолвить — несутъ слуги цѣлаго быка и три котла пива. Началъ старикъ уписывать да похваливать; съѣлъ цѣлаго быка, выпилъ три котла пива, крякнулъ и говоритъ: „маловато, да дѣлать нечего! Спасибо за хлѣбъ-за соль.“ Вышли изъ дворца; казакъ покатилъ свой боченокъ въ лѣвую сторону — и дворца какъ не бывало! „Давай помѣняемся! говоритъ старикъ казаку; я тебѣ мечъ отдамъ, а ты мнѣ боченокъ.“ — А что толку въ мечѣ! „Да вѣдь это мечъ-саморубъ; только стòитъ махнуть — хоть какая будь сила несмѣтная, всю побьетъ! Вонъ видишь — лѣсъ ростетъ; хочешь — пробу сдѣлаю?“ Тутъ старикъ вынулъ свой мечъ, махнулъ имъ и говоритъ: „ступай, мечъ-саморубъ! поруби дремучій лѣсъ“. Мечъ полетѣлъ и ну деревья рубить да въ сажени класть; порубилъ и назадъ къ хозяину воротился. Казакъ не сталъ долго раздумывать, отдалъ старику боченокъ, а себѣ взялъ мечъ-саморубъ; махнулъ мечемъ и убилъ старика дò смерти. Послѣ привязалъ боченокъ къ сѣдлу, сѣлъ на коня и вздумалъ къ королю вернуться. А подъ стольной городъ короля подошелъ сильной непріятель; казакъ увидалъ рать-силу несмѣтную, махнулъ на нее мечемъ: „мечъ само-рубъ! сослужи-ка службу, поруби войско вражее.“ Полетѣли головы, полилася кровь, и часу не прошло, какъ все поле трупами покрылося. Король выѣхалъ казаку на встрѣчу, обнялъ его, поцѣловалъ, и тутъ-же рѣшилъ выдать за него замужъ прекрасную королевну. Свадьба была богатая; на той свадьбѣ и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было.

(Аѳанасьева, VII. 43).

12.

Объ Ужакѣ.

Жила была старуха, была у ней дочь. Пошла ея дочь съ дѣвками купаться въ прудъ. Поскидали онѣ рубахи, полѣзли купаться. Изъ пруда вылѣзъ ужакъ, легъ на рубаху этой дочери. Дѣвки всѣ вылѣзли, надѣли ру-

бахи, и старухина дочь хотѣла надѣть, а на ней ужакъ лежитъ. Она стала его сгонять. Онъ сидитъ, не пускаетъ. Ужакъ говоритъ: пойди замужъ за меня, то отдамъ рубаху. Она было не хотѣла за него замужъ пойти. А тѣ дѣвки говорятъ: можно развѣ за него замужъ идти! скажи пойду. Она и сказала: ну, пойду. Ужакъ слѣзъ съ рубахи, прямо въ воду. Она надѣла рубаху, пошла домой. Пришла и сказываетъ матери: мамо, мамо, такъ и такъ, ужакъ на мою рубаху легъ и говоритъ: пойди за меня замужъ, а то не отдамъ рубаху; я и сказала: пойду. — И, дура, что ты мелешь, развѣ можно за ужака идти! Такъ и оставили, забыли про это дѣло.

Недѣля проходитъ, видятъ: тутъ ужаковъ ползетъ много, большое стадо. А эта дѣвка говоритъ: ахъ, мамо, за мной, за мной! мать скорѣй ворота заперла, сѣнцы заперла. Ужаки кинулись было въ ворота - ворота заперты, въ сѣнцы кинулись — сѣнцы заперты. Какъ сейчасъ свернутся клубкомъ, ударились по окну, разшибли окно и полѣзли всѣ въ избу. А дѣвка на печи. Они за ней. Сволокли съ печи и повели вонъ изъ избы. Мать такъ и воетъ, провожаетъ ее. Они доползли до пруда. Въ прудъ прямо нырнули съ этой дѣвкой и стали тамъ людьми. Мать осталась на плотинѣ, повыла, да и пошла домой.

Прошло три года; нажила она тамъ тѣтей, сына да дочь. Стала она у мужа проситься въ гости къ матери своей. Вывелъ онъ ее изъ воды. Она и спрашиваетъ: какже мнѣ тогда покликать тебя? Онъ говоритъ: ты меня покличь: Осипъ, Осипъ, выйди сюда, я и выйду.—Она пошла къ матери, а онъ въ воду опять нырнулъ. Дѣвочку она понесла на рукахъ, а мальчика за руку ведетъ. Мать и встрѣчаетъ, такъ рада ей. Здравствуй, матушка!— Хорошо ли тамъ тебѣ было жить? — Хорошо, матушка, мнѣ тамъ жить, лучше вашего. Посидѣли они, погутарили. Собрала мать тамъ ей обѣдать. Она пообѣдала. Мать и спрашиваетъ: какже твоего мужа зовутъ? Она говоритъ: Осипомъ, — А какже ты пойдешь домой? — Пойду къ плотинѣ, покличу: Осипъ, Осипъ, выйди сюда, онъ и выйдетъ.—Мать говоритъ: ляжь, дочка отдохни. Она легла и заснула. Мать сейчасъ взяла топоръ, остро наточила и пошла туда на плотину. Пришла на плотину, стала кликать: Осипъ, Осипъ, выйди сюда. Осипъ какъ только показалъ голову, какъ эта старуха махнетъ топоромъ и срубила ему голову. А вода въ рѣкѣ такъ кровью и задернулась. Старуха пошла домой. Приходитъ домой, а дочь проснулась. — Ой говоритъ, матушка, скучно мнѣ что-то, пойду домой. — Ночуй у меня, дочка, можетъ не придется тебѣ еще побывать у меня. Осталась дочка. Переночевала. Поутру встала; мать ей собрала позавтракать. Она позавтракала, простилась съ матерью и пошла. Дѣвочку взяла на руки, а мальчикъ за ней идетъ. Пришла на плотину и кличетъ: Осипъ, Осипъ, выйди сюда. Кликала, кликала, а онъ нейдетъ. Взглянула въ воду, а голова плаваетъ по водѣ. Дочь и догадалась. Ахъ, это мать моя убила! Выла, выла тутъ на берегу и говоритъ на свою дочку: полети птичкой подкрапивничкой отнынѣ до вѣку. А на

сына говорить: ты полети, сыночекъ, соловьечикомъ отнынѣ до вѣку. А я полечу отнынѣ до вѣку кукушкой куковать.

(Эрленвейна Нар. сказки, стр. 6—8.)

13.

Чудесные мальчики.

Было у бацьки три дачки; пашли на рѣчку бѣлизну (бѣлье) мыць. Ѣхау каралеу сынъ. Адна каже: „отъ, ка-бъ я за каралеваго сына пошла, тобъ я адной голкай весь дворъ абшила.“ Другая каже: „кабъ я за каралеваго сына пашла, тобъ я адной булкай весь дворъ абкармила.“ А трецяя каже: „кабъ я за каралеваго сына нашла, тобъ два сыны прывела: на лбѣ па мѣсяцу, у патылици (на затылкѣ) па звѣздацци.“ Прыѣхау кароль да тае (женицца), што казала: „два сыны нрывела бъ;“ дакъ яны живуць гадокъ, другій. Наѣхау круль и приказывая мацяри: „што Богъ дасьць жонци, то нехай гадуя.“ Адъѣхау іонъ миль двадцаць, дакъ Богъ дау жонци дзиця; прывела яна два сыны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылици па звѣздацци. Написала жонка карту (записку) што Богъ дау два сыны: на лбѣ на мѣсяцу, на патылици па звѣздацци. Парабакъ панесъ карту да ягд и зайшоу да іѣ сестры начавацъ и не вѣдау, што ягд пани сестра. Легъ іонъ спаць; дакъ яна узяла дай адкрыла карту, тое скасавала, (уничтожила) што было написано: „на лбѣ па мѣсяцу, на патылици па звѣздацци,“ и написала, што ни ужъ, ни гадъ — ни знаць што прывела. Той человѣкъ даганиу круля, подау листъ. Іонъ прочитау. „Што ей Богъ дау, то нихай ни трацицъ (не губитъ) безъ мене.“ Уже назадъ іонъ ишоу и зайшоу туды зноу начавацi; яна узяла зноу листы, адкрыла и тое скасавала, што іонъ написау, и написала: пакуль іонъ вернецца, кабъ пахавацъ (схоронить) тые сыны. Якъ іонъ прышоу, кралева жана перечитала, стала плакаць; ей жаль было тые харошіе сынки пахавацъ. На дворѣ выкапала двѣ магилки и пахавала; вырасли два явары—залатая галинка и сребряная. Прыѣхау круль да хаты и адправиу за тое, што пахавали без ягд.

Поѣхау іонъ жаницца да другой на жониной сестры. Жывуць яны, дакъ яна, каже то: „мой мужу найясьнѣйши! кабъ мы гэтые явары ссѣкли да зробили ложко сабѣ.“ — „Ахъ, мужу мой найясьнѣйши! пасячомъ мы гэто ложко и спалимъ, а попелъ на дарогу высыплемъ.“ Гнау пастухъ авечки; адна ауца забѣгла и попелу ухвацила, прывела два бараны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылици на звѣздацци. Дакъ яна знелюбила тыхъ бараноу, велѣла парѣзаць и кишки на улицу выкинуць. Першая жонка вышла, кишки надабрала, зварила и зъѣла, и прывела два сыны: на лбѣ на мѣсяцу, на патылици па звѣздацци. Дакъ тые сыны растуць, какъ растуць, и шапачку не знимаюць. Дакъ круль захацѣу, кабъ хто шоу байки (басни) баяць;

дакъ такъ сказала: есть два браты, яны умѣюць бацки баяць. Дакъ яны прышли байки баяць.

Стали баяць байку: „быу сабѣ круль з кралеунаю; и т. д.

Хлопчики гэтые скланилисе да шапочки зняли, такъ и засвяцили весь пакой. Другую же жонку на желѣзную барану расцягали, а першую круль узяу, и стали жить. (Записано въ Бѣлоруссіи).

(Эрбена Читанка II, стр. 133 — 135.)

14.

Косоручка.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ купецъ богатый; у него двое дѣтей, сынъ и дочь. И померли отецъ съ матерью. Братецъ и говоритъ сестрицы: „пойдемъ, сестрица, съ эстого города вонъ; вотъ я займусь въ лавочкѣ — будемъ торговать, тебѣ найму фатерку — будешь жить.“ Ну вотъ они пошли въ другую губернію. Пришли въ другую губернію. Вотъ братъ опредѣлился, нанялъ лавочку съ краснымъ товаромъ. Вздумалось братцу жениться; вотъ онъ женился, взялъ таку себѣ жену — волшебницу. Собирается братъ въ лавочку торговать и приказываетъ сестрицѣ: „смотри, сестрица, въ домѣ.“ Женѣ ненавистно стало, что онъ приказываетъ сестрѣ. Только она фтрафила, какъ мужу возвратиться, взяла перебила всю небель, и ожидаетъ мужа. Она встрѣчаетъ его и говоритъ: „вотъ какая у тебя сестра, перебила у насъ въ кладовой всю небель!“ — „Что же, это наживное дѣло,“ отвѣчаетъ мужъ.

Вотъ на другой день отправляется въ лавку, прощается съ женою и сестрой, и приказываетъ сестрѣ: „смотри, сестрица, пожаласта въ домѣ какъ можно лучше.“ Вотъ жена это узнала время, въ какое быть мужу, входитъ въ конюшню и мужниному любимому коню голову снесла саблей. Стоитъ на крыльцѣ и ждетъ его. „Вотъ,“ говоритъ, „какая сестра твоя, любимому коню твому,“ говорить, „голову снесла!“ — „Эхъ, собачье собакамъ ѣсть,“ отвѣчаетъ мужъ.

На третій день опять идетъ мужъ въ лавки, прощается и говоритъ сестрѣ: „смотри, пожаласта, за хозяйкой, чтобъ она сама надъ собой что не сдѣлала, али надъ младенцемъ, паче чаянія она родитъ.“ Она какъ родила младенца, взяла и голову срубила. Сидитъ и плачетъ надъ младенцемъ. Вотъ приходитъ это мужъ. „Вотъ кака твоя сестрица! не успѣла я родить младенца, она взяла и саблей ему голову снесла.“ Вотъ мужъ ничего не сказалъ, залился слезьми и пошолъ отъ нихъ прочь.

Приходитъ ночь. Въ самую полночь онъ подымается и говоритъ: „сестрица милая! собирайся, поѣдимъ мы съ тобой къ обѣдни.“ Она и говоритъ: „братецъ родимой! нынче кажется праздника никакого нѣтъ.“ — „Нѣтъ,

сестрица, есть праздникъ, поѣдимъ.“ —„Еще рано,“ говоритъ, „намъ ѣхать, братецъ!“ —„Нѣтъ, ваше (дѣло) дѣвичье, скоро ли,“ говоритъ, „вы уберетесь!“ Сестрица милая стала убираться, убирается не убирается она, руки у ней всё отваливаются. Подходитъ братецъ и говоритъ: „ну, проворнѣй, сестрица, одѣвайся.“ —„Вотъ,“ говоритъ, „еще рано, братецъ!“ —„Нѣтъ, сестрица, не рано — время.“ Собралась сестрица. Сѣли и поѣхали къ обѣднѣ. Ѣхали долго ли, не мало; подъѣзжаютъ къ лѣсу. Сестра говоритъ: „что это за лѣсъ?“ Онъ отвѣчаетъ: „это ограда вокругъ церкви.“ Вотъ за кустикъ зацѣпились дрожечки. Братецъ говоритъ: „встань, сестрица, отцѣпи дрожечки.“ — „Ахъ, братецъ мой милый! я не могу, я платье замараю.“ — „Я, сестрица, тебѣ новое платье куплю, лучше этого.“ Вотъ она встала съ дрожекъ, стала отцѣпливать, — братецъ ей по локоть руки отрубилъ, самъ вдарилъ по лошади и уѣхалъ отъ неё. Осталась сестрица, залилась слезьми и пошла по лѣсу. Вотъ она сколько ни шла, долго ли, коротко ли ходила по лѣсу, вся ощипалалась, а слѣду не найдетъ, какъ выйти изъ лѣсу. Вотъ тропиночка вышла и вывела ее изъ лѣсу уже чрезъ нѣсколько годовъ. Вышла она съ эстого лѣсу и приходитъ въ купеческій городъ, и подходитъ къ богатищему купцу подъ окна милостину просить. Въ-у этого купца сынъ былъ, единый какъ глазъ во лбу, и влюбился онъ въ эту нищенку. Говоритъ: „папенька съ маменькой, жените мене.“ — „На кого же тебе женить?“ —„На этой нищенкѣ.“ —„Ахъ, другъ мой! развѣ въ городѣ у купцовъ нѣтъ дочерей хорошихъ?„ — “Да жените; ежели вы мене не жените, я что нибудь,“ говоритъ, „надъ собой сдѣлаю.“ Вотъ имъ это обидно, что одинъ сынъ какъ глазъ во лбу; собрали всѣхъ купцовъ, все священство, и спрашиваютъ: что присудятъ, женить ли на нищенкѣ, или нѣтъ? Вотъ священники: „стало его судьба такая, что его Богъ благословляетъ на нищенкѣ жениться.“

Вотъ онъ съ нею пожилъ годъ и другой, и отправляется въ другую губерню, гдѣ её братъ, значитъ, сидитъ въ лавочкѣ. Вотъ онъ прощается и прбситъ: „папенька съ маменькой! не оставьте вы мою жену; не равнб она родитъ, вы пишите ко мнѣ тотъ разъ и тотъ часъ.“ Какъ уѣхалъ сынъ, такъ чрезъ два-ли, чрезъ три-ли мѣсяца жена его родила: по локти въ золотѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, противъ сердца красно солнце. Какъ отецъ съ матерью обрадовались, такъ тотчасъ сыну своему любимому письмо стали писать. Посылаютъ старичка съ запиской съ эстою поскоряючи. А невѣстка ужъ, значитъ, узнала объ этомъ, зазываетъ старичка: „поди, батюшка, сюда, отдохни.“ — „Нѣтъ, мнѣ некогда, на скорую руку посылаютъ.“ —„Да поди, батюшка, отдохни, пообѣдаешь.“ Вотъ посадила его обѣдать, а сумочку его унесла, вынула записочку, прочитала, изорвала ее на мелкія клочьи, и написала другую: что „твоя,“ говоритъ, „жена родила — половина собачьяго, половина ведмежачьяго; прижила въ лѣсу со звѣрями.“ Приходитъ старичокъ къ купеческому сыну, подаетъ

записку; онъ прочиталъ, да слезьми и залился. Написалъ письмо: что „до мово пріѣзду не трогать; самъ пріѣду и узнаю, какой младенецъ народился." Вотъ, потомъ это волшебница опять зазываетъ старичка: „поди посиди, отдохни," говоритъ. Вотъ онъ зашолъ, она кой-какъ опять заговорила его, вытащила у него записку, прочитала, изорвала, и написала, что какъ записка на дворъ, такъ чтобъ ее долой со двора согнать. Принесъ старикъ эту записочку; прочитали и огорчились отецъ и мать: „чтожъ это," говорятъ, „онъ насъ въ изъянъ ввелъ? женили мы его, стало ему жена ненадобна стала!" Жаль имъ не такъ жену, какъ жаль младенца. Взяли благословили ее и младенца, привязали младенца къ её грудямъ, и опустили со свора.

Вотъ она пошла, залиласъ горькими слезьми, шла долго ли, коротко ли — всё чистое поле, нѣтъ ни лѣсу, ни деревни нигдѣ. Подходитъ она къ лощинѣ, и такъ напиться захотѣлось. Глянула въ правую сторону — стоитъ колодезь. Вотъ ей напиться-то хочется, а наклониться боится, чтобъ не уронить робенка. Вотъ поглазилось ей, что будто бы вода ближе стала. Она наклонилась, робенокъ и выпалъ, и упалъ въ колодезь. И ходитъ она вокругъ колодезя и плачетъ: какъ младенца достать изъ воды? Подходитъ старичокъ и говоритъ: „что ты, раба, плачешь?" — „Какъ мнѣ не плакать! я наклонилась къ колодцу воды напиться, младенецъ мой упалъ въ воду." — „Поди нагнись, возьми его." — „Нѣтъ, батюшка, у меня рукъ нѣтъ — одни локоточки." — „Да поди нагнись, возьми робенка!" Вотъ она подошла къ колодезю, стала протягивать руки, ей Господь и пожаловалъ — очутились цѣлыя руки. Она нагнулась; достала робенка и стала Богу молиться на всѣ четыре стороны.

Помолилась Богу, пошла и пришла ко двору, гдѣ её братъ и мужъ, и просится ночевать. Вотъ мужъ говоритъ: „братъ, пусти нищенку; нищенки умѣютъ и сказки, и приказки, и правды умѣютъ сказывать." Вотъ невѣстка говоритъ: „у насъ негдѣ ночевать, тѣсно." — „Нѣтъ, братъ, пусти пожаласта; смерть люблю какъ нищенки сказываютъ сказки и приказки!" Вотъ пустили ее. Она сѣла на печку съ младенцемъ своимъ. Мужъ и говоритъ: „ну, душенька, скажи-ка намъ сказочку... ну, хоть какую сторьицу скажи." Она и говоритъ: „сказки я не умѣю сказывать и приказки, а умѣю правды сказывать. Слушайте," говоритъ, „господа, какъ я вамъ буду правду сказывать" - и начала разсказывать: „въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ купецъ богатый; у него двое дѣтей, сынъ и дочь. И померли отецъ съ матерью. Братецъ и говоритъ сестрицѣ: пойдемъ, сестрица, съ эстого города. И пришли они въ другу губерню. Братъ опредѣлился, нанялъ лавочку съ красныиъ товаромъ. Вотъ вздумалось ему жениться; онъ женился - взялъ себѣ жену волшебницу..." Тутъ невѣстка заворчала: „вотъ пошла вякать, ... этакая!" А мужъ говоритъ: „сказывай, сказывай, матушка, смерть люблю такія сторіи!" „Вотъ," говоритъ нищенка, „собиратся братъ въ лавочку торговать и приказываетъ сестрицѣ: смотри, сестрица,

въ домѣ! Жена обижается, что онъ все сестрѣ приказываетъ; вотъ она по злости всю небель переколотила...“ И какъ она все разсказала, какъ онъ ее къ обѣдни повезъ, руки отрѣзалъ, какъ она родила, какъ невѣстка заманула старичка, — невѣстка наизнова кричитъ: „вотъ, начала чуху городить!“ Мужъ говоритъ: „братъ, вели своей женѣ замолчать; вѣдь стōрія-то славная!“ Вотъ она досказала, какъ мужъ писалъ, чтобъ оставить робенка до пріѣзда; а невѣстка ворчитъ: „вотъ чушь какую пōритъ!“ Вотъ она досказала, какъ она пришла къ дому этому; а невѣстка заворчала: „Вотъ, ..., начала орать!“ Мужъ говоритъ; „братъ, вели ей замолчать; что она все перебиваетъ?“ Вотъ досказала, какъ ее пустили въ избу и какъ начала она имъ правды сказывать... Тутъ она указываетъ на нихъ и говоритъ: „вотъ мой мужъ, вотъ мой братъ, а это моя невѣстка!“ Тутъ мужъ вскочилъ къ ней на печку, и говоритъ: „ну, мой другъ, покажи же мнѣ младенца, правду ли писали отецъ и мать.“ Взяли робеночка, развили — такъ всю комнату и освятило! „Вотъ правда-истина, что не сказки-то говорила: вотъ моя жена, вотъ мой сынъ — по локти въ золотѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу светёлъ мѣсяцъ, а противъ сердца красно солнце!“

Вотъ братъ взялъ изъ конюшни самую что ни лучшую кобылицу, привязалъ къ хвосту жену свою, и пустилъ ее по чисту полю. Потéль она ее мыкала, покель принесла одну косу её, а самое растрепала по полю.—Тогда запрягли тройку лошадей и поѣхали домой къ отцу, къ матери; стали жить да поживать, добра наживать. Я тамъ была и медъ-вино пила, по усамъ текло и въ ротъ не попало.

(Эрбена, Читанка, стр. 163—167).

15.

Сказка о красавицѣ и о злой бабѣ.

У гаяхъ стояла хатка. Тамъ живъ чоловікъ и жінка, да въ іхъ не буlо дітей. Отъ вони й пішли на богомілля просить Бога, щобъ давъ імъ Богъ дитя. Такъ Бога и дàвъ імъ дочку. Отò вона й росте́. А царевичъ у той часъ приіхавъ на охòту, да й посилàе своегò пàрубка: „Пійди, будь ласкавъ, у ту хату попроси води.“ Прийшòвъ той парубокъ води просить, ажъ та дитина плаче, а жéмчугъ такъ и сиплетця зъ очей. Мати забавила; засміéтця — такъ усякі квітки цвітуть. Той парубокъ вийшовъ да й каже: „Оттамъ, царéвичу, я бачивъ дитину! якъ плаче — жéмчугъ сиплетця, а якъ сміéтця — такъ усякі квітки цвітуть.“ Той царéвичъ пішòвъ у хату, да знароште й дражнить тую дитину, щобъ плакала. Плаче, а жемчугъ такъ и сиплетця. Вінъ и прòсить матери, щобъ забавила. Якъ же засміéтця, такъ и бачить царéвичъ, що всякі квітки цвітуть. Отò та дівчина росте́, а царéвичъ усé заіждзаe, якъ на охоту приіде. Отъ вона й виро-

сла. Царевичъ и каже, що „оддай за мене́, діду, дочку.“ А вона вже вишивае́ рушники орлами. А царь каже: „Дѐ жъ таки тобі, сину, да мужичку брать!„ Тоді царе́вичъ якъ узявъ той рушникъ, що вона вишила, да повізъ до батка, такъ царь ажъ руками сплеснувъ. Чи нічого жъ? „Женись, “каже, „синку, женись!“ Отъ вінъ и оженивсь. Да везе́ додому, а зъ нимъ була баба́, а въ баби дочка. Отъ, ідучи царе́вичъ уставъ щось-то тамъ устрелить, а баба познимала зъ еі все да й повикдлювала ій д̀чи, да упхнула еі въ яму, а дочку въ еі одѐжу й прибрала; такъ царе́вичъ и повізъ замісь еі, не пізнавъ. А коло тиі ямки, да не́хворощі багато росло̀; такъ якийсь дідъ прийшо̀въ рвать. Дивитця—дівка сидить у ямці, и передъ не́ю оттака купа жемчугу, що вона сидячи наплакала; а очѐй нема. „Візьми,“ каже, „мене́, дідусю, и оце́ намистечко забери.“ Отъ дідъ еі взявъ и намистечко да й привівъ додо̀му. У діда дітѐй не було̀, а баба ѐ. Вона, та дівчина, каже: „Забери, дидусю, оце намистечко въ торбинку да понеси у го̀родъ продай; дя якъ зостріне тебе́ баба якась, то ти ій не продавай, а скажи: „Оддай те, що въ тебе́ е.“ Отъ вінъ понісъ и стрівъ ту бабу. Баба каже: „Продай намисто!“ „Купи.“ „А що̀ за ёго̀?“ „Дай те, що въ тебе́ е.“ Вона ёму й дала одно̀ о̀ко. Тоді та дівка й почала вишивать, изъ однимъ о̀комъ, рушникъ. Изно̀въ дідъ понісъ намисто. Баба зно̀въ: „Продай намисто, діду!“ „Купи.“ „Що за ёго̀?“ „Дай те, що въ тебе́ е.“ Вона й друге о̀ко оддала. Дівка тоді ще й краще почала вишивать. Дідъ и каже: „Отъ у царя обідъ.“ А дівка ему: „Иди, дідусю, на обідъ, да візьми глечичокъ да й мині попро̀сишъ юшки.“ Да й почепила свого̀ шиття діду рушникъ на шию. Якъ побачивъ царе́вичъ у діда на шиі рушникъ: „Відки ти діду?“ „Я тамъ, церевичу, зъ хутора; да въ мене́ тамъ и дівчина проживае, такъ дай, будь ласкавъ, и ій чого-не́будь у сей глечичокъ.“ „А рушникъ, діду, дѐ ти взявъ?“ “Да се я въ ямці дівку найшо̀въ, такъ оце́ вона й вишивае́.“ А царевичъ ужз пізна́въ по вишива́ню. Тоді сказа́въ за́разъ візъ запрягти; поіхавъ да й пізна́въ іі: „Се жъ вона́, се жъ вона́!“ А тую ба́бину дочку випроводивъ свинѐй напова́ть. Оце́ жъ и вся. Живуть и хлібъ жують, и постоло̀мъ добро во̀зять.

(Кулиша, Записки о Южной Руси, II, 10—12).

16.

Братецъ-Козленочекъ.

У мужика отъ первой жены осталось двое дѣтей; вотъ онъ и собирается жениться на другой. Женился. Вотъ эта жена и говоритъ: „отвези своихъ дѣтей, куда хочешь!“ Ну онъ согласился ихъ отвезть. Отвезъ ихъ въ лѣсъ. „Ходите, говоритъ, дѣтушки, собирайте ягоды; а я буду дрова рубить!“

Ну, онъ сдѣлалъ палочку-стучалочку; дѣти порвутъ, порвутъ ягодки; послушаютъ. „Нѣтъ, говорятъ, нашъ батюшка все тутъ: дрова рубитъ!“ Поздно стало; вотъ они кликали, кликали его. Нейдетъ. Вотъ они ходили, ходили; искали, искали; не нашли его. А отецъ-то уѣхалъ давно; бросилъ ихъ.

Сестра взяла брата за руку и повела по дорожкѣ. Вотъ идутъ съ нимъ по дорогѣ; онъ и говоритъ: „я пить хочу!“ — Она ему говоритъ: „не пей въ колесовинничкѣ (на дорогѣ, гдѣ колесами ѣздятъ), колесомъ будешь!“ Вотъ они опять идутъ. Видятъ козлиныя ступенечки. „Сестрица, сестрица! мнѣ пить хочется!“ — Не пей, братецъ, козелъ будешь! — Онъ напился: добрѣ пить захотѣлось. Онъ и сталъ козломъ. Она и идетъ съ нимъ.

Господа и ѣдутъ. „Красная дѣвушка! гдѣ ты козла поймала?“ — Это, говоритъ, братъ мой! — Разсказала все. Эти господа ее посадили съ собой, а козла на запятки поставили. Привезъ онъ ее къ себѣ. Она была такая красавица. Онъ на ней и женился. Самъ уѣхалъ тамъ куды-это (куда-то).

А дворовые люди взяли наклали ей камней въ пазуху да въ прудъ и опустили. И была одна дворовая дѣвка такая же лицемъ; она въ ея платье нарядилась, какъ жена его стала. Пріѣхалъ баринъ. Вотъ она обращается около него, какъ жена. И пристаетъ, чтобъ онъ козла зарѣзалъ, потому что дворовые боятся, что козелъ все разскажетъ. Баринъ не соглашается. Этотъ козелъ пришелъ и говоритъ: „баринъ, баринъ! позвольте мнѣ на прудъ сходить, водицы попить, кишочки помыть.“ Онъ его и отпустилъ. Ну онъ пошолъ и кричитъ: „Аленушка, сестричушка! Выдь ко мнѣ, промолвь со мной! Ножи точатъ булатные, меня козла зарѣзать хотятъ!“ — Братецъ мой Иванушка! мнѣ нельзя къ тебѣ выйдти: люты змѣи сердце сосутъ, горючь камень ко дну тянетъ!“ — Ну, онъ такъ и пришелъ домой. И въ другой разъ отпросился, также ходилъ. И на третій тоже. Баринъ замѣтилъ и пошелъ за нимъ; услыхалъ все. Вытащилъ Алёнушку изъ пруда. А ту дѣвку къ лошадиному хвосту привязалъ и велѣлъ по полю размыкать.

(Худякова сказ., II, 61).

17.

Сказка объ Ивасѣ и вѣдьмѣ.

Бувъ собі чоловікъ да жінка, да въ іхъ синъ Ивась. Отъ Ивась той: Тàту, тàту, зроби мині чòвникъ: поіду я риби ловить, буду годувàти васъ.“ Вінъ и зробивъ ёму. Отъ Ивась поіде, рибки наловить да й годуе бàтька зъ мàтірью А якъ прийде обідня година, такъ мàти донесе ёму обідать да прийде до бèрега, да й кличе ёгò:

Ивàсь синòкъ.
Золотий човнòкъ,
А срібнее весèлечко,

Пливи до мене.
Моє сердечко!»

Ивась почує: „Ближче, ближче, човнику, до бережка! се матінка!“ Отъ припливе да й оддасть рибку. а самъ попоість да й поплине знову. А відьма й позавидувала. що въ того чоловіка да жінки така дитина, да й давай імъ усяке лихо коіть. То оце було закрутки пороблятця въ іхъ наниві. то двіръ переснує щось нитками, то кінську голову, костякъ, на порозі положить, то мукою обсипле, або кровъю ріжокъ хати помаже. А вони молятця Богу да поминають мертвихъ, такъ імъ усе такъ и минается. Далі: „Постойте жъ!“ каже, да прийшла до берега да й кличе Ивася [1]):

«Ивась синокъ.
Золотий човнокъ,
А сребнее весєлечко.
Пливи до мене!»
Моє сердечко!»

Чує Ивась, що такий товстий голосъ: „Дальше, човнику, дальше одъ бережка! се не моя матінка!“ Отъ відьма й пішла до коваля: „Ковалю, ковалю! искуй мині такий тоненький голосокъ, якъ у Ивасевоі матері“ Вінъ и сковавъ. Вона тоді прийшла до берега: [2])

Ивась синокъ,
Золотий човнокъ.
А срібнее весєлечко.
Пливи до мене,
Моє серденко!

Вінъ и приплывъ; а вона ёго вхопила да въ залізний мішокъ да й понесла ажъ до себе. Пришла підъ двери: „Сучко-Оленко, одчини!“ Сучка-Оленка одчинила. Вона взяла, сорочечку біленьку, штанці на Ивася наділа, товкачечку дала й орішківъ. Вінъ бъє товкачечкою й ість. Да й говорить змія потиху Сучці-Оленці: „Нажаръ“, каже, „пічъ, да въ пічъ ёго всади, да й замажъ, да поприбирай тут усе чистенько. а я піду по гостей.“ И пішла. Сучка-Оленка нажарила пічъ и лопату наготовила. „Сідай“, каже. „Ивасику, на лопату.“ Вінъ и положивъ ніжку. Вона говорить: „Не такъ“. Вінъ положивъ ручку. „Не такъ!“ каже. „А сядь же,“ каже, „сама да навчи й мене, якъ сідать.“ Тилько що вона сіла, Ивась за лопату да въ пічъ; такъ вона тамъ и засквархала. Вінъ узявъ, заслонивъ заслонкою да й замазавъ еі въ печі. Поприбравъ у хаті, самъ вийшовъ, хату заперъ да й злізъ на превисоченного явора Коли відьма и йде зъ гостьми: „Сучко-

[1]) Тут разсказщица переменила голосъ и запела басомъ.
[2]) Опять поется натуральнымъ голосомъ.

Олéнко, одчини!" —Тихо. — „Сучко-Олéнко, одчини! Оцè, немае Сучки-Олéнки! пишла, мабуть, на пòбридки." Взяла, сама и одчинила. Гòсті посідали за стілъ. Вона виняла зъ печи да й ідять. Попоіли добре, повихòдили на двіръ да й качаютця: „Покочуся, повалюся, Ивасевого мясця наівшись!" А Йвась изъ явора: „Покотітця, повалітця, Олéнчиного мясця наівшися!" А вони: „Дé се?" Дивились, дивились да й углéділи: кинулись до явора да й начали гризти тогò явора. Такъ ні, — и зуби поламали. Отъ вони до коваля: „ковалю, ковалю! покуй намъ такі зуби, щобъ тогò явора підгризти!" Вінъ імъ и поковавъ. Отъ вони пішли и давай гризти. Коли летять гуси. Ивась іхъ и прòсить:

«Гуси, гуси, лебедята?
Візьміть мене́ на крилята,
Понесіть мене́ до бáтенька;
Буде тамъ вамъ істи й пити,
Всего дòброго да й не трòхи.»

А гуси й говòрять: „Нехай тебе серéдні візьмуть." Ось летять серéдні. Вінъ прòсить серéдніхъ:

«Гуси, гуси, лебедята!
Візьміть мене́ на крилята,
Понесіть мене́ до бáтенька;
А въ бáтенька істи й пити.
Всего дòброго да й не трòхи.»

А гуси говòрять: „Нехай тебе́ саме́ поганійше заднє визьме." Отъ вонò й летить: зосталося сердéшне ззаду. А відьми усé гризуть да гризуть. Отъ, отъ упаде́ затòго! Ивась и просить ёгò:

«Гуся, гуся, лебедятко!
Візьми мене́ на крилятко,
Понеси мене́ до бáтенька;
Буде намъ тамъ істи й пити,
Всего доброго да й не трòхи.»

Отъ вонò й ухопило ёгò на крила. Да втомилось сердешне, то такъ низько несé! А відьми за нимъ, чи не схòплять егò. Женутця, женутця, да таки не наздогнали. Отъ вонò принеслò да й посадило Ивася на кòмені, а самò хòдить по двору, пасéтця. А мати повиймала саме пирожки съ пéчи да й говорить: „Се тобі, чоловіче, пирожòкъ, а се мині." А Йвась изъ кòмена: А мині?" Мати каже: „Хтò се тамъ?" Да зновъ: „Се тобі, діду, а се мини." А вінъ зновъ: „А мині, мамо?" Чоловікъ изъ жінкою повибігали, дивлятця и вглéділи Ивася на кòмені. Зняли егò съ кòмена да въ хату и внесли. Гусятко хòдить по двору, а мати й побáчила: „Онъ гусятко ходить! Пійду я егò візьму да заріжу." А Йвась каже: „Ні, мамо,

не ріжте, а нагодуйте его. Колибъ не воно, то я бъ у васъ и не бувъ." Отъ вона нагодувала его й напоіла и підъ крильця насипала пшона. Такъ воно й полетіло. Отъ вамъ казочка и бубликівъ вязочка!

(Кулиша, Записки о Южной Руси, II, стр. 17—20).

17.

Фенисно-ясно-соколъ-перышко.

Жилъ былъ купецъ; у купца было три дочери. Собирается купецъ на ярмарку и спрашиваетъ своихъ дочерей: что вамъ купить? Старшая говоритъ: купите мнѣ на платье матеріи; вторая говоритъ: купите мнѣ шарфъ; третья поворитъ: купите мнѣ фенисно-ясно-соколъ-перышко. Долго-ли, коротко-ли ѣздилъ купецъ; пріѣзжаетъ домой. Этимъ дочерямъ привезъ, а той позабылъ. Она стала плакать. „Ну не плачь, говоритъ. Я опять скоро поѣду на ярмарку и привезу! Утѣшу тебя!"

Скоро опять собирался онъ ѣхать на ярмарку и спрашиваетъ дочерей: „что вамъ купить?" Первая говоритъ: браслеты; вторая говоритъ: серьги; а третья говоритъ: фенисно-ясно-соколъ-перышко. - Долго-ли, коротко-ли ѣздилъ, воротился. Этимъ привезъ, а меньшой опять позабылъ. Она заплакала; онъ опять утѣшаетъ ее: „привезу, говоритъ, тебѣ; скоро, говоритъ, опять поѣду."

Собрался опять ѣхать на ярмарку и спрашиваетъ дочерей: „что вамъ купить?" Первая говоритъ: атласные башмаки; вторая: кольцо; третья: фенисно-ясно-соколъ-перышко. Долго-ли, коротко-ли ѣздилъ, возвратился и привезъ покупки всѣмъ тремъ дочерямъ.

Вотъ меньшая и стала съ этимъ перышкомъ постоянно въ спальнѣ сидѣть. Вотъ сестры-то ея и говорятъ между собой: „что это такое значитъ? что она тамъ разговариваетъ? подслушаемъ," говорятъ. — А перо то было волшебное; то былъ царскій сынъ. „Давай, говорятъ сестры-то, сдѣлаемъ между собой вечеръ; позовемъ ее къ себѣ и поподчуемъ ее всякими напитками, виномъ." Вотъ и пригласили ее и напоили пьяной. Пошла она въ свою спальню и заснула крѣпкимъ сномъ. Сестры-то ея вошли въ ея спальню: на окнѣ, куда прилеталъ фенисно-ясно-соколъ-перышко, натыкали ножей. Онъ прилетаетъ къ ней, изрѣзался ножами и видитъ, что она спитъ и написалъ своею кровью: „если ты меня любишь, то ищи меня за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ."

Проснулась она, увидала и начала плакать и стала проситься у отца искать фенисно-ясно-соколъ-перышко. Онъ ей долго не позволялъ; она его упросила. Онъ ее отпустилъ. Пошла она въ кузницу; заказала трои чоботы желѣзные, три прута желѣзные и три просфиры желѣзныя. Сдѣлалъ ей кузнецъ трои чоботы желѣзные, три прута желѣзные и три просфиры желѣзныя, и пошла она.

Шла, шла, шла; чоботы избила, прутъ изломала, просфиру сглодала. Подходитъ къ избушкѣ, а избушка стоитъ на курьихъ ножкахъ, повертывается. „Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.“ Избушка повернулась. Вотъ она взошла въ избушку, а тамъ баба-яга изъ угла въ уголъ перевертывается: одной губой полъ стираетъ, а носомъ трубу закрываетъ. (У ней носъ съ Перевицкій мостъ!) „Фу, фу, фу! говоритъ — бывало русскаго духу слыхомъ не слыхать, видомъ не видать; а нынче русскій духъ на ложку садится, и въ ротъ катится. Что, красная дѣвица, дѣло пытаешь или отъ дѣла лытаешь?“ — Бабушка, не столько отъ дѣла лытаю, сколько дѣло пытаю. — „Зачѣмъ же, говоритъ, сюды пришла?“ — Да вотъ что, бабушка. Было у меня фенисно-ясно-соколъ-перышко; было да улетѣло. — „О, о! это мнѣ родственникъ! На вотъ тебѣ серебреное блюдечко и золотое яблочко, само катается. Ступай и дойдешь ты до такой же до кельи къ моей двоюродной сестрѣ; она тебѣ путь покажетъ. — Я, говоритъ, зла; а она еще злѣе меня. Прощай же, не медли!“ Пошла; шла, шла, шла. Чоботы избила, прутъ изломала, просфиру изглодала. Подходитъ, видитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, перевертывается. „Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ?“ Избушка поворотилась. Она вошла. Тамъ баба-яга изъ угла въ уголъ переметывается, одной губой печь заметаетъ, а другой трубу закрываетъ. Она зубами заскрипѣла; „фу, фу, фу! бывало русскаго духу слыхомъ не слыхать, видомъ не видать; а нынче русскій духъ на ложку садится и въ ротъ валится.“ Дѣвушка устрашилась и низехонько поклонилась. „Что ты, красная дѣвица, дѣла пытаешь или отъ дѣла лытаешь?“ — Не столько, бабушка, отъ дѣла лытаю, сколько дѣла пытаю. „Ты не сказывай мнѣ, я все, говоритъ, знаю!“ Даетъ ей гребэнь золотой, серебреное намыко (инструментъ, на который пряжа кладется) и золотое веретенце — само прядется. „Этимъ, говоритъ, ты дойдешь; прощай! тамъ моя двоюродная сестра; я зла, а она еще злѣе меня!“

Вотъ она пошла; шла, шла, шла; чоботы избила, прутъ изломала, просфиру изглодала. И подходитъ она къ избушкѣ; стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, повертывается. „Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ?“ Вотъ избушка повернулась, она и взошла. Въ избушкѣ баба-яга, костяная нога; желѣзный у ней носъ, въ потолокъ вросъ; лежитъ, отдувается. „Фу, фу, фу! бывало русскаго духу слыхомъ не слыхать, видомъ не видать; а нынче русскій духъ на ложку садится и въ ротъ валится. Что ты, красная дѣвица, дѣло пытаешь или отъ дѣла лытаешь?“ — Не столько, бабушка, отъ дѣла лытаю, сколько дѣло пытаю. Было у меня фенисно-ясно-соколъ-перышко; улетѣло оно отъ меня! — „Плохо же ты думала о немъ. Онъ мнѣ племянникъ.“ Дала она ей золотые пяльцы, серебреную иголку, сама шьется. „Этѣмъ ты дойдешь до него; иди! тутъ вотъ не далеко это царство. Тутъ есть кусточки; ты лягь подъ кусточки. Онъ поѣдетъ на охоту съ охотниками; собаки набѣгутъ на тебя и ты будешь въ его царствѣ.“

Вотъ она поблагодарила и пошла. Шла, шла, шла; последніе чоботы избила, последній прутъ изломала, последнюю просфиру изглодала. Видитъ: въ виду у ней кусточки. „Должно быть что они!“ Дошла она до кусточковъ, легла подъ нихъ; слышитъ: лай ужасный отъ собакъ. Охотники думали, что звѣрь какой, скачутъ; прискакали и видятъ красну дѣвицу и докладываютъ царю фенисно-ясно-соколъ-перышку: „куды прикажутъ ее опредѣлить?“ Царь сказалъ: на задній дворъ къ старушкѣ.—Отправили ее туда.

У старушки она все выспрошала: фенисно-ясно-соколъ-перышко женился. Пошла она до пруда, видитъ: дѣвка чернавка моетъ рубашку, въ которой фенисно-ясно-соколъ-перышко изрѣзался, и никакъ не можетъ ее отмыть. Она и видитъ, что это его рубашка и говоритъ: „дай, голубка, я тебѣ отмою.“ Взяла рубашку и начала надъ ней плакать. Плакала, плакала и всѣ до одного пятнышка отмыла. Дѣвка чернавка понесла рубашку къ царицѣ похвалиться. Та ее похвалила.

И попросила эта, что отыскивала фенисно-ясно-соколъ-перышко, у царицы позволенья садиться противъ дворца съ рѣдкостями; вынесла столикъ, поставила противъ дворца; вынесла блюдо и золотое яблоко — само катается. Царица высылаетъ дѣвку чернавку спросить: „что продажныя или завѣтныя и что̀ завѣту?“ Она отвѣчаетъ: „завѣтныя, а завѣту: съ фенисно-ясно-соколъ-перышкомъ повидаться!“ Она согласилась. Царь пріѣзжаетъ, царица угостила его до̀-пьяна и положила его въ кабинетъ. Впустили и эту дѣвушку; она ему плакала, плакала, щипала его, разсказывала все. А онъ отъ-пьяна ничего не слыхалъ. Приходятъ тѣ часы; высылаютъ ее вонъ.

На другой день царь встаетъ и поѣхалъ на охоту. Она взяла опять золотой гребешокъ, серебреное намыко и золотое веретенце — само прядется. Поставила противъ дворца. Царица прельстилася: опять высылаетъ дѣвку чернавку: „поди, спроси: продажныя или завѣтныя?“ — Она говоритъ: „завѣтныя, а завѣту съ фенисно-ясно-соколъ-перышкомъ повидаться.“ Царица согласилась. Царь пріѣзжаетъ съ охоты; царица опять его угощаетъ. Царь удивляется: „не даромъ у меня тѣло болитъ.„ Самъ не столько пьетъ, сколько мимо льетъ. Приходятъ тѣ часы, пошелъ царь въ кабинетъ; не хотѣлъ спать да и заснулъ. Впустили и эту дѣвушку. Вотъ она опять плакала, щипала его; а онъ не слышитъ, спитъ мертвымъ сномъ. Утромъ и высылаютъ ее вонъ.

На третій день царь опять поѣхалъ на охоту. А она вынесла золотыя пяльцы серебреную иголку—сама шьется; поставила противъ дворца. Царица прельстилась; опять высылаетъ дѣвку чернавку: „поди, спроси: продажныя или завѣтныя?“ — Она говоритъ: „завѣтныя, а завѣту съ фенисно-ясно-соколъ-перышкомъ повидаться.“ Царица согласилась. Царь воротился; царица стала его угощать, а онъ притворился будто спитъ. Сталъ ждать, что будетъ: „что̀ такое у меня тѣло болитъ и что̀ меня все царица поитъ?“ — Дѣвушку впустили. Тутъ они другъ другу обрадовались. Тутъ онъ все вы-

слушалъ отъ нея и также плакалъ какъ и она. Передъ утромъ притворился, будто спитъ. Въ тѣ часы ее выслали.

Вотъ утромъ царь всталъ: поѣхалъ на охоту; а между тѣмъ велѣлъ собрать царей, богатырей на балъ. Всѣ съѣзжаются на балъ; а царица ничего не знаетъ, къ чему этотъ балъ. Съѣхались всѣ, сѣли за столъ. Вотъ царь и говоритъ: „послушайте, добрые гости! Которая для меня жена вѣрнѣе: которая меня за рѣдкости продаетъ или которая шла, отыскивала меня; трои чоботы износила, три прута изломала, три желѣзныхъ просфиры изглодала?" И велѣлъ рѣдкія вещи подать въ залъ. Тутъ всѣ въ одинъ голосъ закричали, что та жена, — которая трудилась до кроваваго поту.

(Худякова. I. 25—30.)

17.

Строева дочь.

Жилъ былъ Строй съ женой. Жена-то померла; отъ нея осталась дочь; мать умирала, оставила ей корову. Строй женился на другой женѣ и у этой жены родилась тоже дочь и тоже выросла большая. Мачиха стала на свою падчерицу нападать. Она падчерицѣ дала 3 фунта льну прясть, а ѣсть не даетъ. А своей дочери прясть не даетъ, а ѣсть даетъ. Вотъ падчерица пошла подъ бугорочикъ, говоритъ: „коровушка буренушка! приди ко мнѣ, подсоби мнѣ!" Коровушка пришла къ ней и стала у ней ленъ жевать. „Я буду ленъ жевать, послѣ буду изо рту выпускать, а ты мотай!" Вотъ она живо отпряла, приноситъ мачихѣ. Та удивилась. „Какъ это она такъ скоро стала прясть! Вѣрно, не она прядетъ; а кто-нибудь ей помагаетъ."

Вотъ мачиха свою дочь покормила, а Строевой дочери дала обгорѣлую корочку. Она и плачетъ, падчерица-то. Приходитъ она къ коровушкѣ-буренушкѣ, плачетъ. „О чемъ ты плачешь!"—Какъ же мнѣ не плакать? Мачиха мнѣ ѣсть не даетъ.— Ты, говоритъ, влѣзь мнѣ въ правое ухо, а вылѣзь въ лѣвое!" — Она была красавица лицемъ, эта Строева дочь. Влѣзла въ правое ухо, вылѣзла въ лѣвое. Она красавица была; еще полнѣе, и красивѣе стала.

Мачиха опять даетъ падчерицѣ шесть фунтовъ льну отпрясть. Она пришла подъ бугорочикъ, сѣла, стала кликать: „коровушка-буренушка! приди ко мнѣ, подсоби мнѣ!" Коровушка пришла, стала жевать; та только сматываетъ. Отпряла, приноситъ мачихѣ. Та удивилась. „Вѣрно ей кто-нибудь помогаетъ!" Свою дочь посадила обѣдать, а той дала обгорѣлую корочку. Она заплакала, пошла къ коровушкѣ-буренушкѣ, влѣзла въ правое ухо, вылѣзла въ лѣвое, стала еще полнѣе и красивѣе.

Мачиха задаетъ ей холстъ выткать. Она и стала кликать свою коровушку: „коровушка-буренушка! приди ко мнѣ, подсоби мнѣ!" А мачиха вы-

стала свою дочь за ней подсматривать. Вотъ корова стала жевать, а она стала скатывать. Дочь пошла, матери своей все пересказала. Принесла эта падчерица холстъ. Опять мачиха свою дочь накормила, а ей ничего не дала. Она опять плачетъ. Коровушка увидала: „о чемъ ты, говоритъ, плачешь? Влѣзь мнѣ въ ухо правое, а въ лѣвое вылѣзь!“ Вотъ она въ одно ухо влѣзла, въ другое вылѣзла, стала еще красивѣе. Мачиха и увидала это.

„Мужъ, мужъ! зарѣжь эту корову!“ Мужъ говоритъ: „нѣтъ, говоритъ, я эту корову не зарѣжу.“ Жена сдѣлалась больна. Опять пристаетъ: мужъ, мужъ! зарѣжь эту корову!“ —Нѣтъ, не зарѣжу.— Дѣвушка эта опять плачетъ. Увидала коровушка, спрашиваетъ: „о чемъ ты плачешь? — Какъ же мнѣ не плакать? Тебя коровушку-буренушку хотятъ зарѣзать.— „Если, говоритъ, меня зарѣжетъ твой батюшка, возьми требуху, заднія и переднія ноги и зарой передъ своимъ окошкомъ!“ Вотъ мачиха пристала къ мужу; онъ и зарѣзалъ корову. Вотъ она и проситъ у батюшки требуху и ножки. „На что тебѣ?“ —Коровушка велѣла у васъ попросить!— Онъ ей далъ.

Она зарыла ихъ передъ своимъ окошечкомъ. Поутру встала; отличный видитъ садъ передъ своимъ окошкомъ. Ѣдетъ баринъ мимо этого сада; а эта дѣвушка сидитъ подлѣ окна. Баринъ спросилъ: „чей это садъ съ золотыми яблоками?“ Она отвѣчаетъ: это мой садъ!— „Продайте мнѣ этотъ садъ!“— Этотъ садъ не проданъ: кто меня замужъ возьметъ, тотъ и этотъ садъ возьметъ!—Пріѣзжаетъ онъ за нее свататься. Стали готовиться къ свадьбѣ.

Мачиха взяла свою дочь, лице ей накрыла, посадила ее въ переднее мѣсто, какъ невѣсту. А Строеву дочь подъ лавку посадила подъ корыто. Баринъ и садится съ дочерью мачихи. Прилетаетъ пѣтухъ, садится на окно: „кукуреку! Строева дѣвка въ корытѣ подъ лавкой лежитъ; а Строихина (мачихина) дочь съ бариномъ сидитъ.“ Мачиха бросилась: кши, на тебѣ конецъ пирожка! Онъ опять тоже: „куруреку! Строева дочь въ корытѣ подъ лавкой лежитъ, а Строихина съ бариномъ сидитъ!“ — Кши, кши, на тебѣ конецъ пирожка! — Онъ въ третій разъ тоже кричитъ: „кукурику! Строева дочь въ корытѣ подъ лавкой лежитъ, а Строихина съ бариномъ сидитъ!“ Баринъ догадался, вытащилъ ее оттуда; вымыли ее, за столъ посадили. Тутъ у нихъ былъ дѣвишникъ; повезъ онъ ее къ себѣ; у него ужь будетъ свадьба. И садъ за ними поѣхалъ. Пріѣхали они туда, повѣнчались.

Вотъ живетъ она годъ съ нимъ; родился у нихъ сынъ; она пожила еще съ нимъ: полгода мальчику стало. Стала она просить мужа отпустить ее къ мачихѣ повидаться. Онъ ее долго не отпускалъ; наконецъ отпустилъ: далъ ей тройку лошадей. Она и поѣхала. Пріѣхала она къ мачихѣ. Она ей очень обрадовалась. „У, дочь моя милая! пойдемъ, я тебя завтра въ банькѣ попарю!“ — Зоветъ она ее въ баню; она и пошла съ ней въ баню. Раздѣлась она: мачиха и стала ее вѣникомъ парить; стала бить, да приговаривать: „чтобъ тебѣ отъ нынѣ и довѣку рысью бѣгать!“ Она и убѣжала отъ нее въ поле; бѣгаетъ она по полю рысью.

А дома́ такъ-то ея дитя плачетъ. Няня пошла съ нимъ прогуляться. А она знала, что мачиха обернула ее въ рысь. Вышла няня съ дитятей въ поле, запѣла: „ой, рысь поле нарыскалось, твое дитя наплакалось!“ Гонятъ стадо коровъ. Она и спрашиваетъ: „пастухи, пастухи! не видали ли вы рысьяго стада?“ —Видѣли: очень далеко. Вотъ она снова запѣла: „ой рысь поле нарыскалось, твое дитя наплакалось!“ Гонятъ овечье стадо. Она и спрашиваетъ; „пастухи, пастухи! не видали ли вы рысьяго стада!“ —Видѣли; близко! —И она дождалась, что рысье стадо пришло. Строева дочь выбѣжала изъ стада, сняла шкурку, положила подъ кустикъ; стала дитя кормить. Накормила, опять шкурку надѣла, пошла съ своимъ стадомъ.

Вотъ баринъ сталъ замѣчать, что сынъ оттуда возвращается всегда веселъ. Разъ и пошелъ онъ тайкомъ за нянькой. Также прибѣжало рысье стадо; Строева дочъ сняла шкурку, выбѣжала, стала кормить дитя. Онъ сейчасъ взялъ шкурку, сжегъ. Самъ потихоньку подкрался близко къ нимъ. Когда она передавала ребенка нянѣ, онъ схватилъ ее поперегъ; она и стала у него въ рукахъ обращаться сперва ужемъ, потомъ жабой, наконецъ веретеномъ. Онъ взялъ это веретено переломилъ; одинъ конецъ бросилъ передъ собой; а пяточку за себя, говоритъ: „будь за мной бѣлая береза, а передо мной прежняя княгиня!“ Она и стала попрежнему. Тутъ она ему все разсказала. Стали они жить да поживать.

(Худякова, II, 71)

18.

Середа.

Молодая баба поздно вечеромъ пряла. Оставалась она долго одна ночью во вторникъ подъ среду. Въ заполночь эдакъ ужь первые пѣтухи пропѣли, вздумала она ложиться спать, а хотѣлось ей допрясть початки. Думаетъ: „встану-де завтра пораньше, а теперь спать хочется!“ Стала класть гребень да не перекрестилась и говоритъ: „ну, матушка Середа, помоги мнѣ, чтобы завтра встать пораньше да допрясть.“ Такъ и заснула.

Вотъ поутру рано, далеко до свѣту, слышитъ она, что въ избѣ кто-то ходитъ, возится. Открыла глаза, видитъ: свѣтло въ избѣ; лучина въ свѣтцѣ горитъ и печка топится; ходитъ по избѣ баба ужь не молодая, накрывшись по кичкѣ бѣлымъ полотенцемъ, ходитъ дрова въ печку кладетъ, прибираетъ. Подошла къ ней къ самой, будитъ ее: „вставай,“ говоритъ. Молодая баба встала, дивится и спрашиваетъ: „да кто же ты такая? Зачѣмъ сюда пришла?“ —Да я, говоритъ, та, кого звала; пришла помогать тебѣ! — „Кто же ты? Кого я звала?“ —Я Середа; ты, говоритъ, вѣдь Среду звала. Вотъ я тебѣ холсты отпряла да ужь и выткала; а теперь давай бѣлить ихъ, въ печку становить. Печка затоплена и чугуны готовы, а ты сходи на рѣку,

воды принеси. — Баба боится, думаетъ: что бы это было? — А Середа на нее сердито глядитъ, а глаза такъ и сверкаютъ.

Взяла баба ведра, пошла за водой. Вышла за дверь да и думаетъ: не было бы мнѣ бѣды какой; пойду я къ сосѣдямъ лучше, чѣмъ за водой идти. — Пошла, ночь темная. На селѣ еще всѣ спятъ. Пришла къ сосѣдямъ, насилу достучалась въ окошко. Отперла ей старуха. „Что́, говоритъ, ты, дитятко, такъ рано поднялась? Что́ тебѣ?“ — Ахъ, бабушка! такъ и такъ, пришла ко мнѣ Середа и послала меня по воду холсты золить. — „Не хорошо это — говоритъ старуха — она тебя на томъ холстѣ либо удавитъ, либо сваритъ.“ Видно, знакома была съ ней старуха-то. — Что-жь, говоритъ, мнѣ дѣлать? Какъ отъ бѣды избыть? — „А ты вотъ что́ сдѣлай: возьми ведрами стучи да и кричи передъ избой-то: „на морѣ Серединскія дѣти погорѣли!“ Она выскочитъ изъ избы, смотри ты нарови вскочить прежде нее въ избу, дверь-то запри, да и закрести. Какъ она ни будетъ грозить, просить, не впускай, а крести и мѣломъ и руками, да твори молитву. Вотъ нечистая сила и отступится.“

Вотъ баба побѣжала домой, стучитъ въ ведра и кричитъ подъ окошкомъ: „на морѣ Серединскія дѣти погорѣли.“ Середа выскочила изъ избы, побѣжала смотрѣть, а баба въ дверь; заперла и закрестила. Середа прибѣжала назадъ, начала кричать: „впусти, родимая! Я тебѣ холсты напряла, бѣлить буду.“ Баба не послушалась, а Середа стучала до тѣхъ поръ, пока пѣтухи запѣли. Какъ пѣтухи запѣли, она завизжала и пропала; а холсты остались у бабы.

(Худякова, III, 106—107

19.

Падчерица и родная дочь.

Было у мачихи двѣ дочери: одна родная, а другая нѣтъ. Она не родную-то бранитъ, говоритъ: ступай, нанимайся въ работницы. Она пошла. Шла, шла, — стоитъ березка и говоритъ ей: красная дѣвица, обвяжи меня платочкомъ, — оттуда пойдешь, вѣничикъ золотой найдешь. Она обвязала ее платочкомъ да пошла. Шла, шла, — пастухи стрегутъ овецъ и кричатъ ей: подмети, подскреби, оттудова пойдешь, овечку найдешь. Она подмела и подскребла. Еще шла, — шла; стерегутъ пастухи свиней и говорятъ: красная дѣвица, подмети, подскреби, пойдешь оттуда — свинку найдешь. Она все исполнила — подскребла и подмела. Шла, шла — стерегутъ коровъ и кричатъ ей пастухи: красная дѣвица, подмети, подскреби, оттуда пойдешь — коровку найдешь. Она подмела и подскребла и пошла. Шла, шла, стрегутъ лошадей и говорятъ; красная дѣвица, подмети, подскреби, оттуда пойдешь лошадку найдешь. Она подмела и подскребла. Вотъ она еще шла, шла,

стоитъ избушка. Она и говоритъ: избушка, избушка, обратись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ. Избушка обратилась. Тамъ лежитъ баба яга да и говоритъ: что ты, красная дѣвушка, пришла? — Да вотъ, говоритъ, иду въ работницы наниматься. А баба яга говоритъ: наймись у меня — только дѣтей вымыть, да баню истопить. Вотъ она къ ней нанялась. Баба яга дала ей рѣшето да и говоритъ: ступай, топи баню и воду вотъ этимъ рѣшетомъ таскай. Она затопила баню, стала воду таскать рѣшетомъ. А сорока прилетѣла: чики-чики, дѣвица—глинкой, глинкой! Она замазала глинкой, насилу натаскала. Истопила баню, пришла къ бабѣ. Баба яга и говоритъ: возьми моихъ дѣтей попарь. Она взяла ихъ въ кувшинъ положила. А тамъ лягушки, тараканы, козюли. Понесла ихъ въ баню, перемыла и принесла къ бабѣ ягѣ. А баба яга и спрашиваетъ у козюльки: что, говоритъ, дѣтушки, хорошо ли она васъ вымыла? А козюлька ей отвѣчаетъ: хорошо, матушка, всѣхъ вымыла. Баба яга взяла ей насыпала сундукъ денегъ. Она пошла домой. За ней бѣжитъ вѣничикъ золотой и бѣжитъ за ней свинка, и овечка бѣжитъ за ней, и коровка бѣжитъ, лошадь за ней бѣжитъ.

Она пришла домой. А мачиха родную свою дочь ругаетъ, говоритъ: ступай въ работницы, нанимайся. Она пошла. Шла, шла,—стоитъ береза и говоритъ ей: красная дѣвица, обвяжи меня платочкомъ, оттуда пойдешь, вѣничикъ золотой найдешь. Она мимо прошла. Шла, шла,—пастухи стерегутъ овецъ и кричатъ ей: подмети, подскреби, оттуда пойдешь—овечку найдешь. Она прошла мимо. Еще шла, шла; стерегутъ пастухи свиней и говорятъ: красная дѣвица, подмети, подскреби, пойдешь оттуда—свинку найдешь. Она мимо прошла. Шла, шла, — стерегутъ коровъ и кричатъ ей пастухи: красная дѣвушка, подмети, подскреби, оттуда пойдешь, коровку найдешь. Она прошла мимо. Шла, шла,—стерегутъ лошадей и говорятъ ей пастухи: красная дѣвушка, подмети, подскреби, оттуда пойдешь,—лошадку найдешь. Она прошла мимо. Вотъ она еще шла, шла; стоитъ избушка.—Она и говоритъ: избушка, избушка, обратись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ. Избушка обратилась. Тамъ лежитъ баба яга да и говоритъ: что ты, красная дѣвица, пришла? Да вотъ говоритъ: иду въ работницы наниматься. А баба яга говоритъ наймись у меня—только дѣтей вымыть, да баню истопить. Вотъ она къ ней нанялась. Она дала ей рѣшето, да говоритъ: ступай топи баню и воду вотъ этимъ рѣшетомъ таскай. Она затопила баню и таскаетъ воду-то. А изъ рѣшета-то все течетъ. А сорока прилетѣла: чики-чики, красная дѣвица—глинкой, глинкой! Она взяла глины комъ, да какъ эту сороку бацнетъ, да убила сороку. Таскала, таскала, таскала, насилу натаскала, ужъ темно стало. Приходитъ къ этой бабѣ-ягѣ да и говоритъ: тетушка, пойдемъ париться. Она и говоритъ: возьми моихъ дѣтей попарь. Она взяла ихъ въ кувшинъ. Большихъ вымыла, а маленькихъ всѣхъ подушила. А баба яга и спрашиваетъ у козюльки: что, хорошо ли она васъ вымыла?—Она, говоритъ, большихъ вымыла, а маленькихъ-то всѣхъ подушила. Баба яга

взяла жару насыпала ей въ сундукъ, да и говоритъ: неси, до самаго двора не открывай. Она принесла на дворъ, открыла сундукъ, а дворъ-то весь загорѣлся.

(Эрленвейна сказ. IX).

19.

Сказка объ убитой сестрѣ и о калиновой дудкѣ.

Бувъ собі дідъ да баба. У діда дочка и въ бабі дочка. Отъ и пішли вони въ гай по ягоди. Такъ дідова збира да й збира, да й назбирала повну миску; а бабина, що візьме ягодку, то и ззість. Отъ и каже дідова: „Ходімъ, сестро, додому, поділимось.“ Отъ идуть да ийдуть шляхомъ; а бабина говорить: „Ляжмо, сестро, одночиньмо.“ Полягали; дідова, втомившись, заснула, а бабина взяла ніжъ да й устромила ій у сердце, да викопала ямку да й поховала еі. А сама пішла додому да й каже: „Дивітця, скілько я ягідъ назбирала.“ А дідъ и пита: „Де жъ ти мою дочку діла?“ „Иде ззаду.“ Коли жъ идуть чумаки да й кажуть: „Станьмо, братця, оттутъ одночинемъ.“ Да й стали. Глянуть — надъ шляхомъ могила, а на могилі така гарна калина виросла! Вони вирізали зъ тіи калини сопілку, да й ставъ одинъ чумакъ играть; а сопілка говорить:

«Ой помалу-малу, чумаченьку, грай.
Да не врази могó серденька въ край.
Мене сестриця зъ світу сгубила —
Ніжъ у серденько да й устромила.»

А другі кажуть: „Щось вонó, братця, значить, що калинова сопілка такъ промовляе!“ Отъ прийшли вони въ село да й натрапили якъ-разъ на тогó діда: „Пусти насъ, діду, переночувать; ми тобі скажемо пригоду.“ Вінъ іхъ и пустивъ. Тілько вони увійшли у хату, заразъ одинъ сівъ на лаві, а другий ставъ біля его да й каже: „А ну, брате, вийми сопілку да зайграй!“ Той винявъ. Сопілка й говорить:

«Ой помалу-малу, чумаченьку, грай.
Да не врази могó ты серденька въ край.
Мене сестриця зъ світу згубила —
Ніжъ у серденько да и устромила.»

Тоді дідъ каже: „Що вона за сопілка, що вона такъ гарно грае, що ажъ мині плакать хочетця! А ке, я зайграю. Вінъ ему й давъ. А та сопілка говорить:

«Ой помалу-малу, мій таточку, грай,
Да не врази могò ти сèрденька въ край.
Менè сестриця зъ свиту згубила —
Ніжъ у сèрденько да й устромила.»

А баба, сидя на печі: „А ке лишь сюди, старий, и я заиграю.“ Вінъ ій подавъ; вона стала грать,—сопілка й говоритъ:

«Ой помалу-малу, матусеньку, грай,
Да не врази могò ти сèрденька въ край,
Менè сестриця зъ свиту згубила —
Ніжъ у сèрденько да й устромила.»

А бабина дочка сиділа на печі у самôму кутôчку. Излякалась, що дознаютця. А дідъ и каже: „А подай ій, щобъ заиграла.“ Отъ вона взяла, ажъ сопілка й ій одказуе:

«Ой помалу-малу, душогубко, грай,
Да не врази могò ти сèрденька въ край.
Ти жъ менè, сèстро, зъ свиту згубила —
Ніжъ у сèрденько да й устромила!»

Тоді-то вже всі дознались, що вонô е. По діловій же дочці обідъ поставили, а бабину привязали до кінського хвіста да й рознесли по полю.

(Кулиша, Записки о Южной Руси, II, стр. 20—22).

21.

Морозко.

Жили были старикъ да старуха. У старика со старухою было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее сваливала. Дѣвушка скота(ину) поила кормила, дрова и водицу въ избу носила, печку топила, обряды (уборы женскіе, платья) творила, избу мела и все убирала еще до свѣту; но старуха и тутъ была недовольна и на Мароушу ворчала: экая лѣнивица, экая неряха! и голикъ то не у мѣста, и не такъ-то стоитъ, и сорно-то въ избѣ. Дѣвушка молчала и плакала; она всячески старалась мачихѣ унаровить (приноровиться, прійтиться по нраву) и дочерямъ ея услужить; но сестры, глядя на мать, Мароушу во всёмъ обижали, съ нею вздорили (ссорились) и плакать заставляли: то имъ и любо было! Сами онѣ поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистымъ полотенцемъ утирались и за работу садились, когда пообѣдаютъ. Вотъ наши дѣвицы росли да росли, стали большими и сдѣлались невѣстами. Скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается. Старику жалко было старшей дочери; онъ любилъ ее за то, что была послушляная (послушная) да работящая, никогда не упрямилась; что за-

ставятъ, то и дѣлала и ни въ чемъ слова не перекорила (не поперечила): да не зналъ старикъ чѣмъ пособить горю. Самъ былъ хилъ, старуха ворчунья, а дочки ея лѣнивицы и упрямицы.

Вотъ наши старики стали думу думать: старикъ — какъ-бы дочерей пристроить, а старуха — какъ-бы старшую съ рукъ сбыть. Однажды старуха и говоритъ старику: „ну, старикъ! отдадимъ Мареушу замужъ.“ — Ланно(ладно), сказалъ старикъ и побрёлъ себѣ на печь; а старуха въ слѣдъ ему: „завтря встань, старикъ, ты пораньше, запряги кобылу въ дровни и поѣзжай съ Мареуткой; а ты, Мареутка, собери свое добро въ коробейку, да накинь бѣлую исподку (чистую рубаху): завтря поѣдишь въ гости!“ Добрая Мареуша рада была такому счастью, что увезутъ ее въ гости, и сладко спала всю ночку; поутру рано встала, умылась, Богу помолилась, все собрала, чередомъ уложила, сама нарядилась, и была дѣвка — хоть куды невѣста! А дѣло-то было зимою и на дворѣ стоялъ трескучій морозъ. Старикъ наутро, ни свѣтъ, ни зоря, запрёгъ кобылу въ дровни, подвелъ ко крыльцу; самъ пришелъ въ избу, сѣлъ на коникъ и сказалъ: „ну, я все изладилъ!“ — Садитесь за столъ да жрите! сказала старуха. Старикъ сѣлъ за столъ и дочь съ собой посадилъ; хлѣбница [1]) была на столѣ, онъ вынялъ челпа̀нъ [2]) и нарушалъ (нарѣзалъ) хлѣба себѣ и дочери. А старуха межъ тѣмъ подала въ блюдѣ старыхъ щей и сказала: „ну, голубка, ѣшь да убирайся, я вдоволь на тебя наглядѣлась! Старикъ, увези Мареутку къ жениху; да смотри, старый хрычь, поѣзжай прямой дорогой, а тамъ сверни съ дороги-то направо, на боръ, — знаешь, прямо къ той большой соснѣ, что на пригоркѣ стоитъ, и тутъ отдай Мареутку за Морозка.“ Старикъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ и перестаъ хлѣбать, а дѣвка завыла. „Ну, что тутъ нюни-то распустила! Вить женихъ-то красавецъ и богачъ! Мотри-ко сколько у него добра: всѣ ёлки, мянды (верхніе слои сосны) и берёзы въ пуху; житье-то завидное, да и самъ онъ богатырь!“ Старикъ молча уклалъ пожитки, велѣлъ дочери накинуть шубнякъ (крестьянская баранья шуба), и пустился въ дорогу. Долго-ли ѣхалъ, скоро ли пріѣхалъ — не вѣдаю: скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается. Наконецъ доѣхалъ до бору, своротилъ съ дороги и пустился прямо снѣгомъ по насту; забравшись въ глушь, остановился и велѣлъ дочери слѣзать, самъ поставилъ подъ огромной сосной коробейку и сказалъ: „сиди и жди жениха, да мотри — принимай ласковѣе.“ А послѣ заворотилъ лошадь и домой.

Дѣвушка сидитъ да дрожитъ; ознобъ ее пробралъ. Хотѣла она выть, да силъ не было: одни зубы только постукиваютъ. Вдругъ слышитъ не вдалекѣ Морозко на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ да пощелкиваетъ. Очуд(т)ился онъ и на той соснѣ, подъ коей дѣвица сидитъ, и сверху ей говоритъ: „тепло ли те, дѣвица?“ — Тепло, тепло, батюшко Мо-

---

[1]) Круглая коробка, лукошко, съ крышей — для держанія хлѣба.

[2]) Непочатой коровай хлѣба, пирогъ безъ начинки.

розушко! Морозко сталъ ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Морозъ спросилъ дѣвицу: „тепло ли те дѣвица? тепло ли те красная?“ Дѣвица чуть духъ переводитъ, но еще говоритъ: „тепло, Морозушко; тепло батюшко!“ Морозко пуще затрещалъ и сильнѣе защелкалъ и дѣвицѣ сказалъ: „тепло ли те, дѣвица? тепло ли те, красная? тепло ли те, лапушка?“ Дѣвица окостенѣвала и чуть слышно сказала: „ой тепло, голубчикъ Морозушко!“ Тутъ Морозко сжалился, окуталъ дѣвицу шубами и отогрѣлъ одѣялами.

Старуха на утро мужу говоритъ: „поѣзжай, старый хрычъ, да буди молодыхъ!“ Старикъ запрёгъ лошадь и поѣхалъ. Подъѣхавши къ дочери, онъ нашелъ ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую, и коробъ съ богатыми подарками. Не говоря ни слова, старикъ сложилъ все на возъ, сѣлъ съ дочерью и поѣхалъ домой. Пріѣхали домой, и дѣвица бухъ въ ноги мачихѣ. Старуха изумилась, какъ увидѣла дѣвку живую, новую шубу и коробъ бѣлья. „Э, сука! не обманешь меня.„

Вотъ спустя немного старуха говоритъ старику: „увези-ко и моихъ-то дочерей къ жениху; онъ ихъ еще не такъ одаритъ!“ Нескоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Вотъ поутру рано старуха дѣтокъ своихъ накормила и, какъ слѣдуетъ, подъ вѣнецъ нарядила и въ путь отпустила. Старикъ тѣмъ-же путемъ оставилъ дѣвокъ подъ сосною. Наши дѣвицы сидятъ да посмѣиваются: „что это у матушки выдумано — вдругъ обѣихъ замужъ отдавать? развѣ въ нашей деревнѣ нѣтъ и ребятъ! Неровенъ чортъ пріѣдетъ и не знаешь какой!“ Дѣвушки были въ шубнякахъ, и тутъ имъ стало зябко. „Что, Параха? меня морозъ по кожѣ подираетъ. Ну какъ суженой-ряженой непріѣдетъ, такъ мы здѣсь околѣемъ“ (замерзнемъ). — Полно, Машка, врать; — коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обѣдъ (обѣденная пора, полдень) на дворѣ. „А что, Параха, коли пріѣдетъ одинъ, кого онъ возьмётъ?“ — Не тебя ли, дурище? „Да мотри тебя!„ — Конечно меня. „Тебя! полно тебѣ ци(ы)ганить (насмѣхаться) да врать!„ Морозко у дѣвушекъ руки ознобилъ, и наши дѣвицы сунули руки въ пазухи да опять за тоже. „Ой ты, заспанная рожа! нехорошая трессяˡ), поганое рыло! пре(я)сть ты не умѣешь, а перебирать и вовсе несмыслишь.“ — Охъ ты хвастунья! а ты что знаешь? только по бесѣдкамъ ходить да облизываться. Посмотримъ, кого скорѣе возьметъ! Такъ дѣвицы растобаривали и не въ шутку озябли; вдругъ онѣ въ одинъ голосъ сказали: „да кой хранци! (бранное выраженіе) что долго не йдетъ? вишь ты посинѣла!“ Вотъ вдалекѣ Морозко началъ потрескивать, и съ елки на елку поскакивать да пощелкивать. Дѣвицамъ послышалось, что кто-то ѣдетъ. „Чу, Параха! ужь ѣдетъ да и съ колокольцомъ.“ — Поди прочь, сука! я не слышу, меня морозъ обдираетъ. „А еще замужъ нарохтишься!“ И начали пальцы отдувать. Морозко все ближе, да ближе;

[1]) Ругательное слово, прилагаемое людямъ сварливымъ и вздорнымъ.

наконецъ очуд(т)ился на соснѣ, надъ дѣвицами. Онъ дѣвицамъ говоритъ: „тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя? тепло ли, мои голубушки?“ —Ой, Морозко, больно студено! мы замерзли, ждемъ суженаго, а онъ окаянной сгинулъ. Морозко сталъ ниже спускаться, пуще потрескивать, и чаще пощелкивать. „Тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя?“ — Поди ты къ чорту! развѣ слѣпъ, вишь у насъ руки и ноги отмерзли. Морозко еще ниже спустился, сильно пріударилъ и сказалъ; „тепло ли вамъ, дѣвицы?“ —Убирайся ко всѣмъ чертямъ въ омутъ, сгинь окаянной! — и дѣвушки окостенѣли.

Наутро старуха мужу говоритъ: „запряги-ко ты, старикъ, пошевенки; положи охабочку сѣнца да возьми шубное опахало (покрывало, одѣяло). Чай дѣвки-то пріозябли; на дворѣ-то страшной морозъ! да мотри, воровѣй (проворнѣе, скорѣе) старой хрычъ!“ Старикъ неуспѣлъ и перекусить, какъ былъ ужь на дворѣ и на порогѣ. Пріѣзжаетъ за дочками и находитъ ихъ мертвыми. Онъ въ пошевенки дѣтокъ свалилъ, опахаломъ закуталъ и рогоз(ж)кой закрылъ. Старуха, увидя старика издалека, на встрѣчу выбѣгала и такъ его впрошала: „что̀ дѣтки?“ — Въ пошевняхъ. Старуха рогозку отвернула, опахало сняла и дѣтокъ мертвыми нашла. Тутъ старуха какъ гроза разразилась и старика разбранила: „что̀ ты надѣлалъ, старой песъ? уходилъ ты моихъ дочекъ, моихъ кровныхъ дѣточекъ, моихъ ненаглядныхъ симячокъ (семячковъ), моихъ красныхъ ягодокъ! Я тебя ухватомъ прибью, кочергой зашибу!“ — Полно, старая дрянь! вишь ты на богатство польстилась, а дѣтки твои упрямицы! Коли я виноватъ? ты сама захотѣла.“ —Старуха посердилась, побранилась да послѣ съ падчерицею помирилась, и стали они жить да быть, да добра наживать, а лиха непоминать. Присватался сусѣдъ, свадебку сыграли, и Марѳуша счастливо живетъ. Старикъ внучатъ Морозкомъ страшалъ и упрямиться не давалъ. Я на свадьбѣ былъ, мёдъ пиво-пиво пилъ, по усу текло, да въ ротъ не попало.

(Аѳанасьева, IV, 42. а).

22.

Кощей безсмертной.

Жилъ-былъ царь, у него былъ одинъ сынъ. Когда царевичъ былъ малъ, то мамки и няньки его прибаюкивали: „баю-баю, Иванъ-царевичъ! выростишь большой, найдешь себѣ невѣсту: за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ сидитъ въ башнѣ Василиса Кирбитьевна—изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается.“ Минуло царевичу пятьнадцать лѣтъ, сталъ у отца проситься поѣхать-поискать свою невѣсту. „Куда ты поѣдешь? ты еще слишкомъ малъ!„ —Нѣтъ, батюшка! когда я малъ былъ, мамки и няньки меня прибаюкивали и сказывали, гдѣ живетъ моя невѣста; а теперь я поѣду ее

розыскивать. Отецъ благословилъ его и далъ знать по всѣмъ государствамъ, что сынъ его Иванъ-царевичъ поѣхалъ за невѣстою. Вотъ пріѣзжаетъ царевичъ въ одинъ городъ, отдалъ убрать свою лошадь, а самъ пошелъ по улицамъ погулять. Идетъ и видитъ—на площади человѣка кнутомъ наказываютъ. „За что, спрашиваетъ, вы его кнутомъ бьете?“ — А за то, говорятъ, что задолжалъ онъ одному имениτому купцу десять тысячъ, да въ срокъ не выплатилъ; а кто его выкупитъ, у того Кощей Безсмертной жену унесетъ. Вотъ царевичъ подумалъ-подумалъ, и прочь пошелъ. Погулялъ по городу, выходитъ опять на площадь, а того человѣка все бьютъ; жалко стало Ивану-царевичу, и рѣшился онъ его выкупить; „у меня, думаетъ, жены нѣту; отнять у меня некого.“ Заплатилъ десять тысячъ и пошелъ домой; вдругъ бѣжитъ за нимъ тотъ самой человѣкъ, котораго онъ выкупилъ, и кричитъ ему: „спасибо, Иванъ-царевичъ! еслибъ ты меня не выкупилъ, ввѣкъ бы не досталъ своей невѣсты. А теперь я помогу; купи мнѣ скорѣе лошадь и сѣдло.“ Царевичъ купилъ ему лошадь и сѣдло, и спрашиваетъ: „а какъ твое имя?“ — Меня зовутъ Булатъ-молодецъ. Сѣли они на коней и поѣхали въ путь-дорогу; какъ только пріѣхали въ тридесятое государство, говоритъ Булатъ-молодецъ: „ну, Иванъ-царевичъ! прикажи купить да нажарить куръ, утокъ, гусей — чтобъ всего было довольно! а я пойду твою невѣсту доставать. Да смотри: всякой разъ, какъ я забѣгу къ тебѣ, ты рѣжь у любой птицы правое крылушко и подавай на тарелочкѣ.“ Пошелъ Булатъ-молодецъ прямо къ высокой башнѣ, гдѣ сидѣла Василиса Кирбитьевна; бросилъ полегоньку камушкомъ и сломилъ у башни золоченой верхъ. Прибѣгаетъ къ Ивану-царевичу, говоритъ ему: что ты спишь? подавай курицу.“ Тотъ отрѣзалъ правое крылушко и подалъ на тарелочкѣ. Булатъ-молодецъ взялъ тарелочку, побѣжалъ къ башнѣ и закричалъ: „здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и просилъ меня отдать вамъ эту курочку.“ Она испугалась; сидитъ — ничего не говоритъ; а онъ самъ за нее отвѣчаетъ: „здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ-ли Иванъ-царевичъ? — Слава Богу, здоровъ! — А что же ты, Булатъ-молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отопри шкапчикъ, выпей рюмку водочки, и ступай съ Богомъ.“ Прибѣгаетъ Булатъ-молодецъ къ Ивану-царевичу: „что сидишь? говоритъ, подавай утку.“ Тотъ отрѣзалъ правое крылушко, подалъ на тарелочкѣ. Булатъ взялъ тарелочку и понёсъ къ башнѣ: „здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и прислалъ вамъ эту уточку.“ Она сидитъ—ничего неговоритъ; а онъ самъ за нее отвѣчаетъ; „здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ ли царевичъ?—Слава Богу, здоровъ!—А что-же ты, Булатъ-молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отопри шкапчикъ, выпей рюмочку, и ступай съ Богомъ.“ Прибѣгаетъ Булатъ-молодецъ домой и опять говоритъ Ивану-царевичу: „что сидишь? подавай гу-я.“ Тотъ отрѣзалъ правое крылушко, положилъ въ тарелочку и подалъ ему. Булатъ-молодецъ взялъ и понесъ къ башнѣ: „здравствуйте Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичь приказалъ кланяться и прислалъ вамъ

куся.“ Василиса Кирбитьевна тотчасъ беретъ ключъ, отпираетъ шкапъ и подаетъ рюмку водочки. Булатъ-молодецъ не берется за рюмку, а хватаетъ дѣвицу за праву руку; вытащилъ ее изъ башни, посадилъ къ Ивану-царевичу на лошадь, и поскакали они, добрые молодцы, съ душой красной дѣвицей во всю конскую прыть. Поутру встаетъ-просыпается царь Кирбитъ, видитъ что у башни веркъ сломанъ, а дочь его похищена, сильно разгнѣвался и приказалъ послать погоню по всѣмъ путямъ и дорогамъ. Много ли, мало ли ѣхали наши витязи—Булатъ-молодецъ снялъ съ руки своей перстень, спряталъ его и говоритъ: „поѣзжай Иванъ-царевичъ! а я назадъ ворочусь, поищу перстень.“ Василиса Кирбитьевна начала его упрашивать: „не оставляй насъ Булатъ-молодецъ! хочешь я тебѣ свой перстень подарю.“ Онъ отвѣчаетъ: никакъ нельзя, Василиса Кирбитьевна! моему перстню цѣны нѣтъ — мнѣ дала его родная матушка; какъ давала — приговаривала: носи-не теряй, мать не забывай!“ Поскакалъ-Булатъ-молодецъ назадъ и повстрѣчалъ на дорогѣ погоню; онъ тотчасъ всѣхъ перебилъ, оставилъ только единаго человѣка, чтобъ было кому царя повѣстить; а самъ поспѣшилъ нагнать Ивана-царевича. Много ли мало ли они ѣхали—Булатъ-молодецъ запряталъ свой платокъ и говоритъ: „ахъ Иванъ-царевичъ! я платокъ потерялъ; поѣзжайте вы путемъ дорогою, я васъ скоро опять нагоню.“ Повернулъ назадъ, отъѣхалъ нѣсколько верстъ и повстрѣчалъ погоню вдвое больше, перебилъ всѣхъ и вернулся къ Ивану-царевичу. Тотъ спрашиваетъ: „нашелъ ли платокъ?“—Нашелъ. Настигала ихъ темная ночь; раскинули они шатеръ, Булатъ-молодецъ легъ спать; а Ивана-царевича на караулъ поставилъ, и говоритъ ему: „каковъ случай разбуди меня!“ Тотъ стоялъ-стоялъ—утомился, началъ клонить его сонъ, онъ присѣлъ у шатра и заснулъ. Откуда ни взялся Кощей Безсмертной—унесъ Василису Кирбитьевну. На зарѣ очнулся Иванъ-царевичъ; видитъ, что нѣтъ его невѣсты, и горько заплакалъ. Просыпается и Булатъ-молодецъ, спрашиваетъ его: „что̀ плачешь?“ Какъ мнѣ не плакать? кто-то унесъ Василису Кирбитьевну. „Я-же тебѣ говорилъ: стой на караулѣ! Это дѣло Кощея Безсмертнаго; поѣдемъ искать.“ Долго-долго они ѣхали, смотрятъ: два пастуха стадо пасутъ. „Чье это стадо?“ Пастухи отвѣчаютъ „Кощея Безсмертнаго.“ Булатъ-молодецъ и Иванъ-царевичъ выспросили пастуховъ; далеко-ль Кощей живетъ, какъ туда проѣхать, когда они со стадомъ домой ворочаются и куда его запираютъ? потомъ слѣзли съ лошадей, свернули пастухамъ головы, нарядились въ ихъ платье и погнали стадо домой; пригнали и стали у воротъ. У Ивана-царевича былъ на рукѣ золотой перстень -- Василиса Кирбитьевна ему подарила; а у Василисы Кирбитьевны была коза — отъ той козы молокомъ она и утромъ и вечеромъ умывалась. Прибѣжала дѣвушка съ чашкою, подоила козу, и несетъ молоко; а Булатъ-молодецъ взялъ у царевича перстень и бросилъ въ чашку. „Э, голубчики! говоритъ дѣвушка, вы озорничать стали!“ Приходитъ къ Василисѣ Кирбитьевнѣ и жалуется: „нониче пастухи надъ нами насмѣхаются, бросили въ молоко перстень!“ Та

отвѣчаетъ: „оставь молоко, я сама процѣжу.“ Стала цѣдить, увидала свой перстень, и велѣла послать къ себѣ пастуховъ. Пастухи пришли. Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна!“ говоритъ Булатъ-молодецъ. — Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здравствуй, царевичъ! какъ васъ Богъ сюда занесъ! „За вами, Василиса Кирбитьевна, пріѣхали; вы отъ насъ нигдѣ не скроетесь: хоть на днѣ моря, и то отыщемъ!“ Она ихъ за столъ усадила, всякими яствами накормила и винами напоила. Говоритъ ей Булатъ-молодецъ: „какъ пріѣдитъ Кощей съ охоты, расспросите его, Василиса Кирбитьевна: гдѣ его смерть? А теперь не худо намъ спрятаться.“ Только что гости успѣли спрятаться, прилетаетъ Кощей Безсмертной: „фу-фу! говоритъ, прежде русскаго духу слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нониче русской духъ въ-очью является, въ уста бросается.“ Отвѣчаетъ ему Василиса Кирбитьевна: „самъ ты по Руси налетался, русскаго духу нахватался, такъ онъ тебѣ и здѣсь чудится!“ Кощей пообѣдалъ и легъ отдыхать; пришла къ нему Василиса Кирбитьевна, кинулась на шею, миловала-цѣловала, сама приговаривала: „другъ ты мой милой! насилу дождалась тебя; ужь не чаяла въ живыхъ увидать — думала, что тебя лютые звѣри съѣли!“ Кощей засмѣялся: „дура-баба — волосъ дологъ, да умъ коротокъ; развѣ могутъ меня лютые звѣри съѣсть?“ — Да гдѣ-жъ твоя смерть? „Смерть моя въ голикѣ, подъ порогомъ валяется.“ Какъ скоро Кощей улетѣлъ, Василиса Кирбитьевна побѣжала къ Ивану-царевичу. Спрашиваетъ ее Булатъ-молодецъ: „ну, гдѣ смерть кощеева?“ — Въ голикѣ подъ порогомъ валяется. „Нѣтъ, это онъ нарочно вретъ! надо расспросить его похитрѣе.“ Василиса Кирбитьевна тотчасъ придумала: взяла голикъ-вызолотила, разными лентами украсила и положила на столъ. Вотъ прилетѣлъ Кощей Безсмертной, увидалъ на столѣ вызолоченной голикъ, и спрашиваетъ, зачѣмъ это сдѣлано? — Какъ-же можно, отвѣчала Василиса Кирбитьевна, чтобъ твоя смерть подъ порогомъ валялась; пусть лучше на столѣ лежитъ! „Ха-ха-ха, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; развѣ здѣсь моя смерть? — А гдѣ же? „Моя смерть въ козлѣ запрятана.“ Василиса Кирбитьевна, какъ только Кощей на охоту уѣхалъ, взяла-убрала козла лентами да бубенчиками, а рога ему вызолотила. Кощей увидалъ, опять разсмѣялся: „эхъ, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; моя смерть далеча: на морѣ-на-океанѣ есть островъ, на томъ на островѣ дубъ стоитъ, подъ дубомъ сундукъ зарытъ, въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — яйцо, а въ яйцѣ — моя смерть!“ Сказалъ и улетѣлъ. Василиса Кирбитьевна пересказала все это Булату-молодцу да Ивану-царевичу; они взяли съ собой запасу и пошли отыскивать кощееву смерть. Долго ли, коротко ли шли, запасъ весь поѣли и начали голодать. Попадается имъ собака со щенятами. „Я ее убью, говоритъ Булатъ-молодецъ; намъ ѣсть больше нечего.“ — Не бей меня, проситъ собака, не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами; я тебѣ сама пригожусь! „Ну, Богъ съ тобой!“ Идутъ дальше — сидитъ на дубу орелъ съ орлятами. Говоритъ Булатъ-молодецъ:

„я убью орла!“ Отвѣчаетъ орелъ: „не бей меня, не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами; я тебѣ самъ пригожусь!“ — Такъ и быть, живи на здоровье! Подходятъ къ окіанъ-морю широкому; на берегу ракъ ползетъ. Говоритъ Булатъ-молодецъ: „я его пришибу!“ Отвѣчаетъ ракъ: „не бей меня, добрый молодецъ! во мнѣ корысти немного, хоть съѣшь — сытъ не будешь. Пріидетъ время — я и самъ пригожусь!“ — Ну, ползи съ Богомъ! сказалъ Булатъ-молодецъ, посмотрѣлъ на море, увидалъ рыбака въ лодкѣ и крикнулъ: „причаливай къ берегу!“ Рыбакъ подалъ лодку; Иванъ-царевичъ да Булатъ-молодецъ сѣли и поѣхали къ острову: добрались до острова и пошли къ дубу. Булатъ-молодецъ ухватилъ дубъ могучими руками и съ корнемъ вырвалъ; досталъ изъ подъ дуба сундукъ, открылъ его — изъ сундука выскочилъ заяцъ и побѣжалъ что есть духу. „Ахъ, вымолвилъ Иванъ-царевичъ, еслибъ на эту пору да собака была, она-бъ зайца поймала!“ Глядь — а собака ужь тащитъ зайца. Булатъ-молодецъ взялъ его-разорвалъ — изъ него вылетѣла утка и высоко поднялась въ поднебесье. „Ахъ, вымолвилъ Иванъ-царевичъ, еслибъ на эту пору да орелъ былъ, онъ бы утку поймалъ!“ а орелъ ужь несетъ утку! Булатъ-молодецъ разорвалъ утку — изъ утки выкатилось яйцо и упало въ море. „Ахъ, сказалъ царевичъ, еслибъ ракъ его вытащилъ!“ а ракъ ужь ползетъ, яйцо тащитъ. Взяли они яйцо, пріѣхали къ Кощею Безсмертному, ударили его тѣмъ яйцомъ въ лобъ — онъ тотчасъ растянулся и умеръ. Взялъ Иванъ-царевичъ Василису Кирбитьевну, и поѣхали въ дорогу.

Ѣхали-ѣхали; настигла ихъ темная ночь, раскинули шатеръ, Василиса Кирбитьевна спать легла. Говоритъ Булатъ-молодецъ: „ложись и ты, царевичъ; а я буду на часахъ стоять.“ Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и сдѣлались двѣнадцать дѣвицъ: „ну, Булатъ-молодцъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну; не будетъ и вамъ добра; какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою собачку любимую, она вырвется у псаря и разорветъ царевича на мелкія части; а кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ по колѣна будетъ каменной!“ Поутру Булатъ-молодецъ разбудилъ царевича и Василису Кирбитьевну, собрались и поѣхали въ путь-дорогу. Настигла ихъ вторая ночь, раскинули шатеръ въ чистомъ полѣ. Опять говоритъ Булатъ-Молодецъ: „ложись спать, Иванъ-царевичъ, а я буду караулить.“ Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцать дѣвицъ: „ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну; не будетъ и вамъ добра: какъ пріѣдитъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести своего любимаго коня, на которомъ съизмала привыкъ кататься; конь вырвется у конюха и убьетъ царевича до смерти. А кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ будетъ по поясъ каменной!“ Настало утро, опять поѣхали. Настигла ихъ третья ночь; разбили шатеръ и остановились ночевать въ чистомъ полѣ. Говоритъ Булатъ

молодецъ; „ложись спать, Иванъ-царевичъ, а я караулить буду." Опять въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло во крыло и стали двѣнадцать дѣвицъ: „ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну, да и вамъ добра не нажить: какъ пріѣдитъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою любимую корову, отъ которой сызмала молочкомъ питался; она вырвется у скотника и подниметъ царевича на рога. А кто насъ видитъ и слышитъ, да ему скажетъ, тотъ весь будетъ каменный." Сказали, обернулись голубицами и улетѣли. Поутру проснулся Иванъ-царевичъ съ Василисой Кирбитьевной, и отправились въ дорогу. Пріѣхалъ царевичъ домой, женился на Василисѣ Кирбитьевнѣ, и спустя день или два говоритъ ей: „хочешь, я покажу тебѣ мою любимую собачку? когда я былъ маленькой — все съ ней забавлялся." Булатъ-молодецъ взялъ свою саблю, наточилъ остро остро, и сталъ у крыльца. Вотъ ведутъ собачку; она вырвалась у псаря, прямо на крыльцо бѣжитъ, а Булатъ-молодецъ махнулъ саблею и разрубилъ ее пополамъ. Иванъ-царевичъ на него разгнѣвался, да за старую службу промолчалъ — ничего не сказалъ. На другой день приказалъ онъ вывести своего любимаго коня; конь перервалъ арканъ, вырвался у конюха и скачетъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ коню голову. Иванъ-царевичъ еще пуще разгнѣвался, приказалъ было схватить его и повѣсить; да Василиса Кирбитьевна упросила: „еслибъ не онъ, говоритъ, ты-бъ меня никогда не досталъ!" На третій день велѣлъ Иванъ-царевичъ вывесть свою любимую корову; она вырвалась у скотника и бѣжитъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ и ей голову. Тутъ Иванъ-царевичъ такъ озлобился, что никого и слушать не сталъ; приказалъ позвать палача и немедленно казнить Булата-молодца. „Ахъ, Иванъ-царевичъ! коли ты хочешь меня палачомъ казнить, такъ лучше я самъ помру. Позволь только три рѣчи сказать...." Раскazалъ Булатъ-молодецъ про первую ночь, какъ въ чистомъ полѣ прилетали двѣнадцать голубицъ и что ему говорили — и тотчасъ окаменѣлъ по колѣна; разсказалъ про другую ночь — и окаменѣлъ по поясъ. Тутъ Иванъ-царевичъ началъ его упрашивать, чтобъ до конца не договарилъ. Отвѣчаетъ Булатъ-молодецъ: „теперь все равно — на половину окаменѣлъ, такъ не стоитъ жить!" Разсказалъ про третью ночь, и оборотился весь въ камень. Иванъ-царевичъ поставилъ его въ особой палатѣ, и каждой день сталъ ходить туда съ Василисой Кирбитьевной да горько плакаться. Много прошло годовъ; разъ какъ-то плачется Иванъ-царевичъ надъ каменнымъ Булатомъ-молодцомъ, и слышитъ — изъ камня голосъ раздается: „что ты плачешь? мнѣ и такъ тяжело!" — Какъ мнѣ не плакать? вѣдь я тебя загубилъ. „Если хочешь, можешь меня спасти: у тебя есть двое дѣтей — сынъ да дочь, возьми ихъ, зарѣжь, нацѣди крови, и той кровью помажь камень." Иванъ-царевичъ разсказалъ про то Василисѣ Кирбитьевнѣ, потужили они, погоревали и рѣшились зарѣзать своихъ дѣтей. Взяли ихъ — зарѣзали, на-

цѣдили крови и только помазали камень — какъ Булатъ-молодецъ ожилъ. Спрашиваетъ онъ у царевича и его жёны: „что вамъ жалко своихъ дѣтокъ?“ — Жалко, Булатъ-молодецъ! „Ну, пойдемте въ ихъ комнату.“ Пришли, смотрятъ — а дѣти живы. Отецъ съ матерью обрадовались и на радостяхъ задали пиръ на весь міръ. На томъ пиру и я былъ, медъ и вино пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало, на душѣ пьяно и сытно стало.

(Аѳанасьева сказ. VIII, 5).

---

2. ПОЛУ-МИѲИЧЕСКАГО, ПОЛУ-НРАВСТВЕННАГО СОДЕРЖАНІЯ.

О трехъ братьяхъ.

а. Жилъ сабѣ дѣдъ да баба и было у ихъ три сына: два разумныхъ, а третій дурень, по имени Иванъ, по прозванію Пòпяловъ. Іонъ двѣнадцать лѣтъ ляжавъ у пòпялѣ [1]), вò пасля таго вставъ изъ пòпялу, и якъ стряхнувся, дакъ изъ ягò злятѣло шесть пудовъ пòпялу.— Въ томъ царствѣ, гдѣ живъ Иванъ, не было дня, а все ночь; ета зрабивъ [2]) змѣй. Вò Иванъ и абазвáвся, штобъ истребить етагò змѣя, да и кáжа свайму батьку: „тáту! зраби мини куцабу (дубинку) въ пять пудовъ.“ Узявши тую куцабу, іонъ пашòвъ на пòля и кинувъ яè у гару (вверхъ), и пашòвъ дамòвъ. На другій день пришòвъ Иванъ на пòля, на тòя мѣста, гдѣ падкинувъ куцабу, настàвивъ лобъ, — якъ лятить тая куцабá, якъ удáря ягò въ лобъ да и разбилась на двòя. — Иванъ пришóвъ дамóвъ, да и кáжа свайму батьку: „тáту! зраби мини другую куцабу въ десять пудовъ.“ Узявши тую куцабу, Иванъ пашóвъ на пóля да и кинувъ яé у гару: лятѣла тая куцабá три дни и три ночи. На четвертый день пашóвъ Иванъ на тóя мѣста, якъ лятить тая куцабá; іонъ настáвивъ колѣно, и тая куцабá разбилась на три части.— Пóпяловъ, пришóвши дамóвъ, загадáвъ (заставилъ) батьку зрабить третью куцабу у пятнацать пудовъ. Узявъ тую куцабу, пришовъ на пóля и падкинувъ яé у гару: лятѣла тая куцабá шесть дней. На сёмый день Иванъ пашóвъ на тóя мѣста; лятить тая куцабá, якъ удáрицца абъ лобъ иванавъ, дакъ ажъ лобъ падався. Вó іонъ и кажа: „ета куцабà издержа змѣя!“

Вó сабравшись Иванъ, паѣхавъ съ братами пабивать таго змѣя. Ѣдя іонъ да ѣдя, ажъ стаить хатка на куриной ножкѣ, а въ той хáтцѣ живé змѣй. Яны тàматка (тамъ) астанавились. Иванъ павѣсивъ сваи рукавицы, да и кáжа брáтамъ: „якъ изъ маихъ рукавицъ патячé кровь, дакъ прибѣгáйтя

---

[1]) Въ золѣ, пеплѣ (т. е. на печкѣ). [2]) Сдѣлалъ.

ка мнѣ на помачь.“ Сказавши ета, Иванъ нашовъ у хату да и сѣвъ надъ мастомъ (мостъ — полъ), — ажъ ѣдя змѣй на трёхъ галавахъ: конь спаткнувся, сабака завыла, соколъ затвелѣвъ. Змѣй гаворя: „чаго ты конь спаткнувся? сабака завыла? соколъ затвелѣвъ?“ — Якъ-жа мини не спатыкацца, кажа конь, кали надъ мастомъ сядить Иванъ Попяловъ. Вo змѣй и кажа: „выхади-ка суда, Иванушка! памѣряемъ съ табою силы.“ Іонъ выходя, и стали яны бицца. Иванъ пабивъ таго змѣя, да и сѣвъ изнова надъ мостъ. Ѣдя другій змѣй на шести галавахъ; іонъ и таго змѣя пабивъ. Ажъ ѣдя третій на двѣнацати галавахъ. Іонъ и съ тымъ ставъ бицца, и збивъ яму девять галовъ: не стало у змѣя силы. Глядять яны — ажъ лятить воранъ и кричить: „кровь! кровь!“ Змѣй и кажа таму ворани: „ляти да маей жонки; яна заѣсть Ивана Попялова.“ А іонъ кажа: „ляти къ маимъ братамъ; якъ яны пріѣдуть, мы етаго змѣя убьемъ, и табѣ маса аставимъ.“ Воранъ наслухавъ Ивана, палятѣвъ къ яго братамъ да и ставъ каркать надъ ихъ галавами. Браты проснулить, и пачувши воранавъ крикъ, пабѣгли на помачь къ брату; убили того змѣя, взяли змѣеву галаву и, пришовши къ яго хатѣ, яны разламили галаву — и ставъ бѣлый свѣтъ па всяму царству.

Пабивши змѣя, Иванъ Попяловъ съ братами паѣхавъ дамовъ, и забывъ взять рукавицы; вялѣвъ братамъ падаждать яго, а самъ вярнувся за рукавицами. Якъ падъѣхавъ къ хатѣ и хатѣвъ взять рукавицы, глядить — ажъ тамъ змѣиха и змѣевы дачки размавляють разговаривають) прамежъ сабою. Іонъ зрабився катомъ да и ставъ курнявкать (мяукать) падъ дверями. Яны пустили яго у хату. Іонъ, выслухавши всё што яны гаварили, ухвативъ рукавицы и пабѣгъ. Прибѣгши къ братамъ, сѣвъ на каня; во янѣ и паѣхали. Ѣдуть яны да ѣдуть; во предъ ими зелёный лугъ, а на томъ лугу падушки шавковыя. Во братья и кажуть: „папасёмъ тутотка (тутъ) коней, и сами адышемъ“ (отдохнемъ). Иванъ каже: „пастойтя, братцы!“ да, взявши купабу, ударивъ па падушкамъ; изъ тыхъ падушакъ патякла кровь. Во яны паѣхали дальше. Ѣдуть, ѣдуть, ажъ стаить ябланька и на той ябланькѣ залатыя и серебряныя яблачки. Во братья и кажуть: „давайте зъѣдимъ по яблачку.“ Иванъ гаворя: „пастойтя, братцы! я попробую“ — и узявши купабу ударивъ па той ябланѣ: изъ яё патякла кровь. Яны и паѣхали дальше. Ѣдуть яны да ѣдуть; во предъ ими крыница (ключь, родникъ). Братья и кажуть: „напьёмся вады.“ А Иванъ Попяловъ и гаворя: „стойтя, братцы!“ Узявши купабу, іонъ ударивъ па крыницѣ, изъ той вады зрабилася кровь. Лугъ, шавковыя падушки, ябланя и крыница — ета все были дачки змѣевы.

Пабивши змѣевыхъ дочакъ, Иванъ Попяловъ съ братами дамовъ, — ажъ лятить за ими змѣиха, разявила ротъ адъ неба да земли, и хатѣла Ивана праглинуть! (проглотить). Иванъ и браты яго кинули ей три пуды соли. Яна праглинула тую соль, падумавши, што Иванъ Попяловъ, а далѣ — якъ расмакавала (раскушала, распробовала) тую соль и убачила (увидѣла), што ета не Иванъ, набѣгла знова вслѣдъ. Во іони бача, што бѣда, якъ припуствивъ

кани да и схавався (спрятался) у кузьню къ Кузьмѣ и Демьяну за двѣнацать дверей. Змѣиха прилятѣла да и каже Кузьмѣ и Демьяну: „адайтя мини Ивана Попялова.“ А яны кажуть: „пралижи языкомъ двѣнацать дверей да и бери!“ Змѣиха зачала лизать двери; а яны разагрѣли щипцы, и якъ только яна прачунула языкъ у кузню — яны ухватили яѐ за языкъ и начали бить малатами. Убивши змѣиху, спалили и попялъ па вѣтру разсыпали, а сами паѣхали дамовъ; стали жить да паживать, гулять да пировать, медъ да вино напивать. И я тамъ бывъ, вино пивъ, а въ ротѣ не было, а на бородѣ только тякло!

(Записана въ Черниг. губ. Аѳанасьева II, 30).

в. Живъ сабѣ царь да царица. У нихъ было три сына: два розумныхъ, а третій дурень. У царя бывъ звѣринецъ, у которамъ множества было разныхъ звѣрей. Въ етатъ звѣринецъ унадився великій звѣрь — Норка яго звали — и багата рабивъ шкоды (убытокъ, вредъ): каждаю ночь поѣдавъ звѣрей. Царь — чаго не рабивъ — не могъ истребить яго; во упасли сзывая своихъ сыновъ, да и кажа: хто истребить Норку-звѣря, дамъ тому палавину царства. Во старшій и нанявся (взялся): якъ тольки наступила ночь, іонъ взявъ аружіе и пашовъ; да не пашодши въ звѣринецъ, зайшовъ у трактиръ, и тамъ прагулявъ цѣлую ночь. Схамянувся, якъ развидно, да поздно. Стыдно яму было передъ ацпомъ, да нечага робить. На другій день и средній братъ зрабивъ такжа; батько лаявъ, лаявъ ихъ, да и переставъ.

Во на третій день собрався меньшій. Смѣялись всѣ зъ яго, бо бувъ дурный, и яны думали, што іонъ ничего не зробя, а іонъ, узявши аружія, пашовъ прямо у звѣринецъ, да и сѣвъ падъ дерномъ, штобъ — якъ только начне засыпать — яны яго кальнули, іонъ и проснувся. Ужо зврнуло съпавночи. Во застагнала земля: то Норка-звѣрь бяжить и прямо черезъ аграду въ звѣринецъ, бо такій бывъ вяликій. Царевичъ схамянувся, уставъ, перекрестився и пашовъ прямо на звѣря; іонъ назадъ, царевичъ за имъ, а далѣ бача (видитъ), што не дагоня пѣшкомъ, пабѣгъ у канюшню, узявъ самага лучшага жеребца да у пагоню: дагнавъ тaго звѣря, да и давай биццa. Бились яны, бились. Царевичъ давъ звѣрю три раны. Во обое выбились изъ мочи, да и лягли аддыхать. Якъ тольки царевичъ заснувъ, звѣрь уставъ, да и на утёки (да и бѣжать). Конь будя царевича; іонъ схапився, да у пагоню; дагнавши, изнова зачали биццa. Царевичъ и тутъ зрабивъ звѣрю три раны, а далѣ лягли аддыхать. Звѣрь утекъ; царевичъ, дагнавши, знова зрабивъ три раны; а далѣ, якъ у чатвертый разъ ставъ даганять, звѣрь дабѣгъ да великаго бѣлага камня, паднявъ яго и пашовъ на тей свѣтъ, сказавши царевичу: тагдо менѣ пабѣдишь, якъ сюда придешь.

Царевичъ паѣхавъ и разсказавъ ацпу свайму все, и прасивъ яго, штобъ іонъ вялѣвъ звить кожанный канатъ такій довгій, штобъ доставъ да тaго

свѣту. Атецъ влѣвъ. Якъ зрабили канатъ, царевичъ, забравши сваихъ братовъ, набравши слугъ и всяго, што треба было на цѣлый годъ, паѣхавъ туда, гдѣ звѣрь пашовъ падъ камень. Пріѣхавши, яны настроили тамъ дварецъ и стали жить. Пригатовились; меньшій братъ и кажа старшимъ: „ну, братцы! Хто падыйма сей камень?“ Ни адинъ и зъ мѣста не двинувъ, а іонъ якъ хвативъ, дакъ камень далеко палетѣвъ, а бувъ вяликій, вяликій — въ гору. Кинувши камень, іонъ изнова и кажа братамъ: „а хто наидя на той свѣтъ пабивать Норку-звѣря?“ Не адинъ не взявсь. Іонъ, насмѣявшись надъ ими, што яны трусы, говоря: „ну братцы! прощайтя! апускайтя мене на той свѣтъ, а самы не атходтя адъ сяго мѣста, и якъ толька закалишицца канатъ — тащитя.“ Браты апустили яго.

Ачнувшись на томъ свѣтѣ, падъ землею, царевичъ пашовъ; ишовъ да ишовъ; дивицца (смотритъ), ажъ ходя конь въ богатой збруѣ и каже яму: „а зрастуй (здравствуй), Иванъ-царевичъ; долга я дожидавъ тебе!“ Іонъ сѣвъ на таго каня и паѣхавъ; ѣдя да ѣдя, гладить, ажъ стаить мѣдный дварецъ. Іонъ въѣхавъ на дворъ, привязавъ каня да и пашовъ у комнаты. Тамъ нагатована обѣдать; іонъ сѣвъ, паабѣдавъ, пашовъ у спальню; тамъ пастель, и іонъ легъ аддыхать. Во приходя панночка, да такая красивая, што не здумать, не згадать, только въ казцѣ (сказкѣ) сказать, — да и кажа: „хто въ моемъ домѣ — азавися: кали старый — будешь батюшка, кали средних лѣтъ — братъ, а кали маладой — мужъ любезный; а кали женщина старая — будешь бабушка, средних лѣтъ — матушка, а кали маладая — сестра родная.“ Іонъ вышавъ. Яна, якъ пабачила яго,врадавалась, да и кажа: „Чаго, Иванъ-царевичъ (мужъ мой ты будешъ любезный), чаго сюда пріѣхавъ?“ Іонъ разсказавъ ей што и якъ. Яна и кажа: „той звѣрь, што ты хочешь пабѣдить, — мой братъ. Іонъ тяперь у средняй сястры, што живе недалеко атсуда въ серебряномъ дварцѣ; а яму залячила три раны, што ты зрабивъ.“

Во упасли (послѣ) сяго яны пили, гуляли, добры мысли мали (имали брали); а далѣ царевичъ, напращавшись, паѣхавъ да другой сястры, што въ серебряномъ дварцѣ, и въ той такжа пагаствивъ. Яна сказала яму, што братъ яе Норка тяперь у меньшай сястры. Іонъ паѣхавъ да меньшай, што жила въ залатомъ дварцѣ. Ета сказала яму, што братъ яе тяперь сипть на синемъ морѣ, а далѣ дала яму напицца сильнай воды, дала мечь-кладенецъ, и сказала, штобъ іонъ рубавъ галаву брата адъ разу. Іонъ, выслухавши ета, паѣхавъ. Пріѣзжая царевичъ къ синяму морю, дивицца — ажъ сипть Норка на камнѣ, па серединѣ моря, и якъ храпе — атъ таго на семь верстъ ажъ вална бье. Іонъ перекрястився, надъѣхавъ къ яму, ударивъ мечомъ на галавѣ. Галава адскочила, да и кажа: ну тяперь-же я прапавъ, а далѣ и павалився у море.

Убивши звѣря, царевичъ варнувся, пабравъ всѣхъ трехъ сястеръ съ сабою, штобъ вывести ихъ на етатъ свѣтъ; бо всѣ яго любили и не хатѣли

съ имъ растацца. Кажная изъ ихъ изъ свайго дварца зрабила яичко (бо были валшебницы); яго научили, якъ изъ яичка зрабить дварецъ, и на абаротъ, аддали яму яички и пашли къ таму мѣсту, гдѣ треба было падымацца на сей свѣтъ. Якъ пришли яны къ канату, царевичъ насадивъ дѣвушекъ, дерганувъ за канатъ; іонъ закалѣхався, браты патащили. Якъ вытащили, да пабачили (увидѣли) диковинныхъ красавицъ, аташли адъ ихъ, да и и кажуть: „пустимъ канатъ, падымемъ брата, канатъ перярѣжимъ; нехай убьецца, а то іонъ намъ не дастъ сихъ красавицъ за мужъ." Во, сгаваривши́сь, пустили канатъ; братъ бывъ не промахъ, догадався, што братья думають, узявъ да и палаживъ камень; дерганувъ, братья подняли яго высо́ка, да перярѣзали канатъ. Той камень упавъ и разбився. Іонъ заплакавъ да и пашовъ.

Ишовъ, ишовъ царевичъ. Во якъ поднялась буря, заблистала маланья, загремѣвъ громъ, полився дождь. Іонъ пришовъ къ деряву, штобъ захаваццa (спрятаться) надъ имъ; глядитъ, ажъ на томъ деревѣ маленькія птушки, (пташки), савсѣмъ измокли; іонъ изнявъ съ себе адѣжу, да и накрывъ ихъ, а самъ сѣвъ падъ деревамъ. Кали лятить птица, да такая вяликая, што и свѣтъ затмився: то было темна, а то яще патямнѣло. То — матка тыхъ птушакъ, што накрывъ царевичъ. Прялитѣвши тая птица, якъ пабачила, што иѣ дятѣнашы адѣты, и кажа: "хто накутавъ моихъ птушакъ?" а далѣ, пабачивши царевича, и кажe: „ета ты зрабивъ; спасиба тябѣ. Чаго хочешь, праси адъ мене за ета, все сдѣлаю для тябѣ." Іонъ кажа: „вынеси мене на той свѣтъ." Яна говоря: „зраби-жъ ты. вяликій засѣкъ, налави всякай дичи. да накидай туда, а въ другую палавину налій вады, штобъ было чимъ мене кармить." — Царевичъ все зрабивъ. Тая птица, взявши етатъ засѣкъ на сябе, а царевичъ сѣвъ у сярединѣ, — палятѣла. Лятѣвши чи багата, чи мала — вынесла яго, папрацалась и палятѣла; а іонъ пашовъ да и приставъ аднаму партному у хлопцы: такій іонъ бывъ аборванный, такъ перемѣнився, што и не въ даметъ (не въ дамекъ), што царскій сынъ. Ставши у таго хаялина за работника, царевичъ начавъ распрашувать, што у ихъ царствѣ и якъ. Той хозяинъ и кажа: „наши два царевича (бо третій прапавъ) привязли съ таго свѣта невѣстъ и хочуть женицца, а тыя невѣсты упирують (упираются); хочуть штобъ имъ къ вянцу пашить всякага платья, такога, якъ у ихъ было на томъ свѣтѣ, и безъ мѣрки. Царь звавъ всихъ мастеровъ, да не адинъ не бярецца." Выслухавши все ета, царевичъ и кажа: „иди, хазяинъ, къ царю и скажи, што ты пашіешь, все па твайму ремяслу." Хазяинъ и кажа: „чи мини жъ брацца за такое платье; я шію на простонародья?" Царевичъ кажа: „иди хазяинъ! я отвѣчаю за все." Той хозяинъ пашовъ. Царь бывъ радъ, што нашовся хоть адинъ мастяръ; давъ яму денегъ, сколько іонъ хатѣвъ. Хазяинъ той, справившись, приходя дамовъ)домой). Царевичъ и гавоpя яму: „ну, молись Богу, да лажись спать; завтра будя гатова." Іонъ послухавъ свайго паробка (парня), легъ спать.

Звярнуло съ павночи. Царевичъ вставъ, пашовъ за гарадъ — на поле, выняввъ изъ кармана тыя яички, што дали яму невѣсты, и якъ научили яго, здѣлавъ изъ ихъ три дварцы; вашовъ, пабравъ у каждомъ ихъ платья, вышовъ, звярнувъ тыя дварцы въ яички и пашовъ дамовъ. Пришовши, раввѣшавъ платья на стинѣ, да и легъ спать. Рано праснувся хазяинъ: глядь, ажъ висять такоя платья, штд іонъ и не видавъ, все сьяе (сіяетъ) златомъ да серебромъ да камнями самоцвѣтными. Іонъ зрадовавсь взявъ, панёсъ тоя платья къ царю. Царевны, якъ убачили, што то платья, што у ихъ на томъ свѣтѣ, дагадались, што Иванъ-царевичъ на семъ свѣтѣ, переглянулись да и замовкли. Хазяинъ той аддавши платья, пашовъ дамовъ, да не заставъ уже свайго дарагога работника. Іонъ пашовъ да приставъ къ башмашнику, да и таго паславъ къ царю, и той зарабивъ; тольки абхадивъ іонъ всихъ мастяровъ, и усѣ благодарили яго, што наживились чрезъ яго у царя.

Якъ абхадивъ царевичъ-работникъ всихъ мастяровъ, царевны палучили сваё желанье: у ихъ все платье было такоя, якъ на томъ свѣтѣ; тольки яны горько плакали, што царевичъ не приходя, а наравить (противиться) было нельзя, нада была вянчацца. Якъ сабрались къ вянцу, меньшая невѣста и кажа царю: „пазвольте мнѣ, батюшка, пайти самой падарить нищихъ!“ Іонъ пазволивъ. Яна пашла дарить да пригілядацца; падходя къ аднаму; якъ стала давать яму деньги, пабачала кольцо, што дала царевичу на томъ свѣтѣ, и кольца сястеръ сваихъ (бо бывъ іонъ) — хватила яго за руку, и привяла яго въ комнату, и кажа царю: „во той, што насъ вынявъ изъ таго свѣту. Братья, кажа, запрятили гаварить намъ, што іонъ живъ, и обѣщали пабить насъ, кали мы скажемъ.“ Царь на тыхъ сыновъ разсердився, наказавъ ихъ, якъ самъ знавъ; а послѣ гуляли три свадьбы, и я тамъ бывъ, медъ-вино пивъ, въ ротѣ не было, тольки па барадѣ тякло!

(Записано въ Малороссіи, Аѳанасьева I, 6).

с. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у царя была три сына. Вотъ дѣти и говорятъ ему: „милостивой государь батюшка! благослови насъ; мы на охоту поѣдемъ.“ Отецъ благословилъ, и они поѣхали въ разныя стороны. Малой сынъ ѣздилъ-ѣздилъ и заплутался; выѣзжаетъ на поляну, на полянѣ лежитъ палая (издохшая) лошадь, около этой падали собралось много всякаго звѣря, птицы и гаду. Поднялся соколъ, прилетѣлъ къ царевичу, сѣлъ ему на плечо и говоритъ: „Иванъ-царевичъ! раздѣли намъ эту лошадь; лежитъ она здѣсь тридцать три года, а мы все споримъ, а какъ подѣлить — не придумаемъ.“ Царевичъ слѣзъ съ своего добраго коня и раздѣлилъ падаль: звѣрямъ — кости, птицамъ — мясо, кожа — гадамъ, а голова — муравьямъ. „Спасибо, Иванъ-царевичъ! сказалъ соколъ; за эту услугу можешь ты обращаться ясным соколомъ и муравьемъ

всякій разъ, какъ захочешь." Иванъ-царевичъ ударился о сыру землю, сдѣлался яснымъ соколомъ, взвился и полетѣлъ въ тридесятое государство; а того государства больше чѣмъ на половину втянуло въ хрустальную гору. Прилетѣлъ прямо во дворецъ, оборотился добрымъ молодцемъ, и спрашиваетъ придворную стражу: „не возьметъ ли вашъ государь меня въ службу къ себѣ?" — Отчего не взять такого молодца! Вотъ онъ поступилъ къ тому царю на службу, и живетъ у него недѣлю, другую и третью. Стала проситься царевна: „государь мой батюшка! позволь мнѣ съ Иваномъ-царевичемъ на хрустальной горѣ погулять." Царь позволилъ. Сѣли они на добрыхъ коней и поѣхали. Подъѣзжаютъ къ хрустальной горѣ, вдругъ откуда ни возьмись — выскочила золотая коза. Царевичъ погналъ за ней, скакалъ-скакалъ, козы не добылъ, а воротился назадъ — и царевны нѣту! Нарядился онъ такимъ древнимъ старичкомъ, что и признать нельзя; пришелъ во дворецъ и говоритъ царю: „ваше величество! найми меня стадо пасти." — Хорошо, будь пастухомъ: коли прилетитъ змѣй о трехъ головахъ — дай ему три коровы, коли о шести головахъ — дай шесть коровъ, а коли о двѣнадцати головахъ — то отсчитывай двѣнадцать коровъ. Иванъ-царевичъ погналъ стадо по горамъ, по доламъ; вдругъ летитъ съ озера змѣй о трехъ головахъ: „эхъ, Иванъ-царевичъ, за какое ты дѣло взялся? гдѣ бы сражаться доброму молодцу, а онъ стадо пасетъ? Нука, отворитъ, отгони мнѣ трехъ коровъ." — Не жирно ли будетъ? отвѣчаетъ царевичъ; я самъ въ суточки ѣмъ по одной уточкѣ; а ты трехъ коровъ захотѣлъ... Нѣтъ тебѣ ни одной! "Змѣй осерчалъ, а вмѣсто трехъ захватилъ шесть коровъ; Иванъ-царевичъ тотчасъ обернулся яснымъ соколомъ, снялъ у змѣя три головы и погналъ стадо домой. „Что дѣдушка, спрашиваетъ царь, прилеталъ ли трехъглавой змѣй, далъ ли ему трехъ коровъ?" —Нѣтъ, ваше величество, ни одной не далъ! — На другой день гонитъ царевичъ стадо по горамъ, по доламъ; прилетаетъ съ озера змѣй о шести головахъ и требуетъ шесть коровъ. „Ахъ ты, чудо-юдо обжорливое! я самъ въ суточки ѣмъ по одной уточкѣ; а ты чего захотѣлъ! Не дамъ тебѣ ни единой!" Змѣй осерчалъ, вмѣсто шести захватилъ двѣнадцать коровъ; а царевичъ обратился яснымъ соколомъ, бросился на змѣя и снялъ у него шесть головъ. Пригналъ домой стадо; царь и спрашиваетъ: „что, дѣдушка, прилеталъ ли шестиглавой змѣй, много ли мое стадо поубавилось?" — Прилетать-то прилеталъ, да ничего не взялъ! Поздникъ вечеромъ оборотился Иванъ-царевичъ въ муравья, и сквозь малую трещинку залезъ въ хрустальную гору; смотритъ — въ хрустальной хорѣ сидитъ царевна. „Здравствуй, говоритъ Иванъ-царевичъ, какъ ты сюда попала?" — Меня унесъ змѣй о двѣнадцати головахъ; живетъ онъ на батюшкиномъ озерѣ, въ томъ змѣѣ сундукъ таится, въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — яичко, въ яичкѣ — семячко; коли ты убьешь его да достанешь это семячко, втѣпоры можно хрустальную гору извести и меня избавить. Иванъ-царевичъ вылѣзъ изъ той горы, снарядился пастухомъ и погналъ стадо. Вдругъ при-

летаетъ змѣй о двѣнадцати головахъ: „эхъ, Иванъ-царевичъ! не за свое ты дѣло взялся; чѣмъ бы тебѣ, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасешь. Ну-ка, отсчитай мнѣ двѣнадцать коровъ!“ — Жирно будетъ! я самъ въ суточки ѣмъ по одной уточкѣ; а ты чего захотѣлъ! — Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иванъ-царевичъ побѣдилъ змѣя о двѣнадцати головахъ, разрѣзалъ его туловище и на правой сторонѣ нашелъ сундукъ: въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — яйцо, въ яйцѣ — семячко. Взялъ это семячко, зажогъ и поднесъ къ хрустальной горѣ — гора скоро растаяла. Иванъ-царевичъ вывелъ оттуда царевну и привезъ ее къ отцу; отецъ возрадовался и говоритъ царевичу: „будь ты моимъ зятемъ!“ Тутъ ихъ и обвѣнчали; на той свадьбѣ и я былъ, медъ-пиво пилъ, по бородѣ текло, въ ротъ не попало.

(Аѳанасьева, VIII, 12.)

д. Мы говоримъ, что мы умны, а старики спорятъ: нѣтъ, мы умнѣе васъ были; а сказка сказываетъ, что когда еще наши дѣды не учились и пращуры не родились, а въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ такой старичокъ, который трехъ своихъ сыновъ научилъ грамотѣ и всему книжному. „Ну, дѣтки! говорилъ онъ имъ; умру я — приходите ко мнѣ на могилу читать.“ — Хорошо, хорошо, батюшка! отвѣчатютъ дѣти.

Старшіе два брата какіе были молодцы: и рослы, и дородны! а меньшой Ванюша, какъ недоросточекъ, какъ защипанной утеночекъ, гораздо поплоше. Старикъ отецъ умеръ. Въ ту пору отъ царя пришло, извѣстіе, что дочь его Елена-царевна Прекрасная приказала себѣ выстроить храмъ о двѣнадцать столбовъ, о двѣнадцать вѣнцовъ; сядетъ она въ этомъ храмѣ на высокомъ тронѣ и будетъ ждать жениха, удалаго молодца, который бы на конѣлетунѣ, съ одного взмаха, поцѣловалъ ее въ губки. Всполошился весь молодой народъ, облизывается, почесывается и раздумываетъ: кому такая честь выпадетъ? — „Братья! говорилъ Ванюша, отецъ умеръ; кто изъ насъ пойдетъ на могилу читать!“ — А кого охота беретъ, тотъ пускай и идетъ! отвѣчали братья; Ваня пошелъ. А старшіе знай себѣ коней объѣзжаютъ, кудри завиваютъ, фабрятся, бодрятся, родимые... Пришла другая ночь. Братья! я прочиталъ, говорилъ Ваня; ваша очередь, который пойдетъ? “ — А кто охочь, тотъ и читай; а намъ дѣла дѣлать не мѣшай. Сами заломили шапки, гикнули, ахнули, полетѣли, понеслись, загуляли въ чистомъ полѣ! Ванюша опять читалъ; на третью ночь тоже. А братья выѣздили коней, расчесали усы, собираются нынче-завтра пытать свое удальство передъ очами Елены Прекрасной. „Брать ли меньшаго? думаютъ; нѣтъ, куда съ нимъ! онъ и насъ осрамитъ и людей насмѣшитъ; поѣдемъ одни.“ Поѣхали; а Ванюшѣ очень хотѣлось поглядѣть на Елену-царевну Прекрасную заплакалъ онъ, больно заплакалъ, и пошелъ на могилу къ отцу. Услышалъ его отецъ

въ домовинѣ (въ гробѣ), вышелъ къ нему, отряхнулъ съ чела сыру землю и говоритъ: „не тужи, Ваня, я твоему горю пособлю.“ Тотчасъ старикъ вытянулся, выпрямился, свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ голосомъ, соловейскимъ посвистомъ; откуда ни взялся — конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей-изъ ушей пламя пышетъ; порхонулъ и сталъ передъ старикомъ, какъ вкопаной, и спрашиваетъ: „что велишь?“ Влѣзъ Ваня коню въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сдѣлался такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Сѣлъ на коня, подбоченился и полетѣлъ что твой соколъ прямо къ палатамъ Елены-царевны. Размахнулся, подскочилъ — двухъ вѣнцовъ не досталъ; завился опять, разлетѣлся, скокнулъ — одного вѣнца не досталъ; еще закружился, еще завертѣлся, какъ огонь проскочилъ мимо глазъ, мѣтко нацѣлилъ и прямо въ губки чмокнулъ Елену Прекрасную! „Кто? кто? лови! лови!“ — его и слѣдъ и простылъ! Прискакалъ на отцову могилу, коня пустилъ въ чистое поле; а самъ въ землю да поклонъ, да проситъ совѣта родительскаго; старикъ и посовѣтовалъ. Домой пришелъ Иванъ, какъ нигдѣ не бывалъ; братья разсказываютъ: гдѣ были, что видѣли; а онъ какъ впервой слышитъ.

На другой день опять сборъ; и бояръ, и дворянъ у княжихъ палатъ глазомъ не окинешь! Поѣхали старшіе братья; пошелъ и меньшой братъ пѣшечкомъ, скромно, смирно, словно не онъ цѣловалъ царевну, и сѣлъ въ дальній уголокъ. Елена-царевна спрашиваетъ жениха, Елена-царевна хочетъ его всему свѣту показать, хочетъ ему полъ-царства отдать, а женихъ не является! Его ищутъ между боярами, межъ генералами, всѣхъ перебрали — нѣту А Ваня глядитъ, ухмыляется, улыбается, и ждетъ, что сама невѣста къ нему прійдетъ. „То, говоритъ, я полюбился ей молодцомъ, теперь она полюби меня въ кафтанѣ простомъ.“ Встала, сама, повела яснымъ окомъ, освѣтила всѣхъ; увидѣла и узнала своего жениха, посадила его съ собой, и скоро съ нимъ обвѣнчалась; а онъ-то, Боже мой! какой сталъ умной да смѣлой, а какой красавецъ!... Сядетъ бывало на коня-летуна, сдвинетъ шапочку, подбоченится — король, настоящій король? вглядишься — и не подумаешь, что былъ когда-то Ванюша.

(Аѳанасьева VI, 26).

е. Былъ себѣ дѣдъ да баба; у нихъ было три сына: два разумныхъ, а третій дурень. Первыхъ баба любила, чисто одѣвала, а послѣдній завсегда былъ одѣтъ худо — въ чорной сорочкѣ ходилъ. Послышали они, что пришла отъ царя бумага: „кто состроитъ такой карабль, чтобы могъ летать, за того выдастъ за мужъ царевну.“ Старшіе братья рѣшились идти пробовать счастья и попросили у стариковъ благословенія; мать снарядила ихъ въ дорогу, надавала имъ бѣлыхъ паляницъ, разнаго мяснаго и фляжку горѣлки, и выпроводила въ путь-дорогу. Увидя то, дурень началъ и себѣ проситься, чтобы

и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтобъ не ходилъ: „куда тебѣ, дурню; тебя волки съѣдятъ!“ Но дурень заладилъ одно: пойду да пойду! Баба видитъ, что съ нимъ не сладишь, дала ему на дорогу чорныхъ паляницъ и фляжку воды, и выпроводила изъ дому. Дурень шелъ-шелъ и повстрѣчалъ старика. Поздоровались. Старикъ спрашиваетъ дурня: „куда идешь?“ — Да царь обѣщалъ отдать свою дочку за того, кто сдѣлаетъ летучій корабль. „Развѣ ты можешь сдѣлать такой корабль?“ — Нѣтъ, не съумѣю! „Такъ зачѣмъ-же ты идешь?“ — А Богъ его знаетъ! „Ну, если такъ, то садись; отдохнемъ вмѣстѣ и закусимъ; вынимай, что̀ у тебя есть въ торбѣ.“ — Да тутъ такое, что и показать стыдно людямъ! „Ничего, вынимай; что̀ Богъ далъ — то и поснѣдаемъ!“ Дурень развязалъ торбу — и глазамъ своимъ не вѣритъ: вмѣсто чорныхъ паляницъ лежатъ бѣлыя булки и разныя приправы; подалъ старику. „Видишь, сказалъ ему старикъ, какъ Богъ дурней жалуетъ! хоть родная мать тебя и не любитъ, а вотъ и ты не обдѣленъ... Давай-же выпьемъ напередъ горѣлки.“ Во фляжкѣ намѣсто воды очутилась горѣлка; выпили, перекусили, и говоритъ старикъ дурню: „слушай-же — ступай въ лѣсъ, подойди къ первому дереву, перекрестись три раза и ударь въ дерево топоромъ, а самъ упади наземь ничкомъ и жди, пока тебя не разбудятъ. Тогда увидишь передъ собою готовой карабль, садись въ него и лети, куда надобно; да по дорогѣ забирай къ себѣ всякаго встрѣчнаго.“ Дурень поблагодарилъ старика, распрощался съ нимъ и пошелъ къ лѣсу. Подошелъ къ первому дереву, сдѣлалъ все такъ, какъ ему велѣно: три раза перекрестился, тюкнулъ по дереву сѣкирою (топоромъ), упалъ на землю ничкомъ и заснулъ. Спустя нѣсколько времени началъ кто-то будить его. Дурень проснулся, и видитъ готовой корабль; не сталъ долго думать, сѣлъ въ него, и корабль полетѣлъ по воздуху. Летѣлъ-летѣлъ, глядь — лежитъ внизу на дорогѣ человѣкъ, ухомъ къ сырой землѣ припалъ. „Здоровъ, дядьку!“ — Здоровъ, небоже! „Что ты дѣлаешь?“ — Слушаю: что̀ на томъ свѣтѣ дѣлается. Садись со мною на корабль.“ Тотъ не захотѣлъ отговариваться, сѣлъ на корабль, и полетѣли они дальше. Летѣли-летѣли, глядь — идетъ человѣкъ на одной ногѣ, а другая до уха привязана. „Здоровъ, дядьку! что̀ ты на одной ногѣ скачешь?“ — Да коли-бъ я другую отвязалъ, такъ за одинъ бы шагъ весь свѣтъ перешагнулъ! „Садись съ нами!“ Тотъ сѣлъ, и опять полетѣли. Летѣли-летѣли, глядь — стоитъ человѣкъ съ ружьемъ, прицѣливается, а во что̀ — невѣдомо. Здоровъ, дядьку! куды мѣтишь? ни одной птицы не видно.“ — Какъ-же! стану я стрѣлять близко... мнѣ бы застрѣлить звѣря или птицу верстъ за тысячу отсюда: то по мнѣ стрѣльба! „Садись-же съ нами!“ Сѣлъ и этотъ, и полетѣли они дальше. Летѣли-летѣли, глядь — несетъ человѣкъ за спиною полонъ мѣхъ хлѣба: „здоровъ, дядьку! куда идешь?“ — Иду, говоритъ, добывать хлѣба на обѣдъ. „Да у тебя и такъ полонъ мѣшокъ за спиною.“ — Что̀ тутъ! для меня этого хлѣба и на одинъ разъ укусить нечего, „Садись-

ка съ нами!“ Объѣдало сѣлъ на корабль, и полетѣли дальше. Летѣли-летѣли, глядь — ходитъ человѣкъ вокругъ озера: „Здоровъ, дядьку! чего ищешь?“ — Пить хочется, да воды не найду. „Да передъ тобой цѣлое озеро; что-жь не пьешь?“ — Эка! этой воды на одинъ глотокъ мнѣ не станетъ. „Такъ садись съ нами!“ Онъ сѣлъ, и опять полетѣли. Летѣли-летѣли, глядь — идетъ человѣкъ въ лѣсъ, а за плечами вязанка дровъ. „Здоровъ, дядьку, зачѣмъ въ лѣсъ дрова несешь?“ — Да это не простые дрова. „А какіе-жъ?“ — Да такіе: коли разбросать ихъ, такъ вдругъ цѣлое войско явится. „Садись съ нами!“ Сѣлъ онъ къ нимъ и полетѣли дальше. Летѣли-летѣли, глядь — человѣкъ несетъ куль соломы. „Здоровъ, дядьку! куда несешь солому?“ — Въ село. „Развѣ въ селѣ-то мало соломы?“ — Да это такая солома, что какъ ни будь жарко лѣто, а коли разбросать ее — такъ заразъ холодно сдѣлается: снѣгъ да морозъ! „Садись и ты съ нами!“ — Пожалуй! Это была послѣдняя встрѣча; скоро прилетѣли они до царскаго двора. Царь на ту пору за обѣдомъ сидѣлъ; увидалъ летучій корабль, удивился и послалъ своего слугу спросить: кто на томъ кораблѣ прилетѣлъ? Слуга подошелъ къ кораблю, видитъ, что на немъ все мужики, не сталъ и спрашивать, а воротясь назадъ въ покои, донесъ царю, что на кораблѣ нѣтъ ни одного пана, а все чорные люди. Царь разсудилъ, что отдавать свою дочь за простаго мужика не приходится, и сталъ думать, какъ бы отъ такого зятя избавиться. Вотъ и придумалъ: „стану я ему задавать разныя трудныя задачи.“ Тотчасъ посылаетъ къ дурню съ приказомъ, чтобы онъ досталъ ему, пока царской обѣдъ покончится, цѣлющей и живущей воды. Въ то время, какъ царь отдавалъ этотъ приказъ своему слугѣ, первой встрѣшной (тотъ самой, который слушалъ: что̀ на томъ свѣтѣ дѣлается) услыхалъ царскія рѣчи и разсказалъ дурню. „Что̀-же я теперь дѣлать буду? Да я и за годъ, а можетъ быть — и весь свой вѣкъ не найду такой воды!“ — Не бойся, сказалъ скороходъ; я за тебя справлюсь. Пришелъ слуга и объявилъ царской приказъ. „Скажи: принесу!“ отозвался дурень; а товарищъ его отвязалъ свою ногу отъ уха, побѣжалъ и мигомъ набралъ цѣлющей и живущей воды. „Успѣю, думаетъ, воротиться!“ присѣлъ подъ мельницей отдохнуть и заснулъ. Царскій обѣдъ къ концу подходитъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ; засуетились всѣ на кораблѣ. Первой встрѣшной приникъ къ сырой землѣ, прислушался и сказалъ: „экой? спитъ себѣ подъ мельницей.“ Стрѣлокъ схватилъ свое ружье, выстрѣлилъ въ мельницу и тѣмъ выстрѣломъ разбудилъ скорохода; скороходъ побѣжалъ и въ одну минуту принесъ воду: царь еще изъ-за стола не всталъ, а приказъ его выполненъ, какъ нельзя вѣрнѣе. Нечего дѣлать, надо задавать другую задачу. Царь велѣлъ сказать дурню: „ну, коли ты такой хитрой, такъ покажи свое удальство: съѣшь съ своими товарищами за одинъ разъ двѣнадцать быковъ жареныхъ да двѣнадцать кулей печенаго хлѣба.“ Первой товарищъ услыхавъ и объявилъ про то дурню. Дурень испугался и говоритъ: „да я и одного хлѣба за одинъ разъ не съѣмъ!“ — Не

бойся, отвѣчаетъ объѣдало; мнѣ еще мало будетъ! Пришелъ слуга, явилъ царскій указъ. „Хорошо, сказалъ дурень; давайте, будемъ ѣсть.“ Принесли двѣнадцать быковъ жареныхъ да двѣнадцать кулей хлѣба печенаго; объѣдало одинъ все поѣлъ: „эхъ, говоритъ, мало! еще-бъ хоть немножко дали...“ Царь велѣлъ сказать дурню, чтобы выпито было сорокъ бочекъ вина, каждая бочка въ сорокъ ведеръ. Первой товарищъ дурня подслушалъ тѣ царскія рѣчи и передалъ ему по прежнему; тотъ испугался: „да я и одного ведра не въ силахъ заразъ выпить.“ — Не бойся, говоритъ опивало; я одинъ за всѣхъ выпью; еще мало будетъ! Налили виномъ сорокъ бочекъ; опивало пришелъ и безъ роздыху выпилъ всѣ до одной; выпилъ и говоритъ: „эхъ, маловато! еще-бъ выпилъ.“ Послѣ того царь приказалъ дурню къ вѣнцу готовиться, идти въ баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велѣлъ натопить жарко-жарко, чтобъ дурень въ ней въ одну минуту задохся. Вотъ раскалили баню докрасна; пошелъ дурень мыться, а за нимъ слѣдомъ идетъ мужикъ съ соломою: подослать де надо. Заперли ихъ обоихъ въ банѣ; мужикъ разбросалъ солому — и сдѣлалось такъ холодно, что едва дурень вымылся, какъ въ чугунахъ вода стала мерзнуть; залѣзъ онъ на печку и тамъ всю ночь пролежалъ. Утромъ отворили баню, а дурень живъ и здоровъ, на печи лежитъ да пѣсни поетъ. Доложили царю; тотъ опечалился, не знаетъ, какъ-бы отвязаться отъ дурня; думалъ-думалъ и приказалъ ему, чтобы цѣлой полкъ войска поставилъ, а у самого на умѣ: откуда простому мужику войска достать? ужь этого онъ не сдѣлаетъ!“ Какъ узналъ про то дурень, испугался и говоритъ: теперь-то я совсѣмъ пропалъ? Выручили вы меня, братцы, изъ бѣды не одинъ разъ; а теперь видно ничего не подѣлаешь!“ — Эхъ ты! отозвался мужикъ съ вязанкою дровъ; а про меня развѣ забылъ? Вспомни, что я мастеръ на такую штуку и не бойся! — Пришелъ слуга, объявилъ дурню царской указъ: „коли хочешь на царевнѣ жениться, поставь къ завтраму цѣлой полкъ войска.“ — Добре, зроблю! только, если царь и послѣ того станетъ отговариваться, то повоюю все его царство и насильно возму царевну. Ночью товарищъ дурня вышелъ въ поле, вынесъ вязанку дровъ и давай раскидывать въ разныя стороны — тотчасъ явилось несмѣтное войско; и конное, и пѣшее, и съ пушками. Утромъ увидалъ царь и въ свой чередъ испугался; поскорѣй послалъ къ дурню дорогіе уборы и платья, и велѣлъ во дворецъ просить съ царевной вѣнчаться. Дурень нарядился въ тѣ дорогіе уборы, сдѣлался такимъ молодцомъ, что и сказать нельзя! Явился къ царю, обвѣнчался съ царевною, получилъ большое приданое и сталъ разумнымъ да догадливымъ. Царь съ царицею его полюбили, а царевна въ немъ души не чаяла. [1])

(Аѳанасьева, VI, 27).

---

[1]) Записана въ полтавской губерніи, пирятинскомъ уѣздѣ; но къ сожалѣнію записывавшій сказку не подорожилъ малороссійскимъ текстомъ и передалъ ее на великорусскомъ нарѣчіи.

3. СЪ ПРЕОБЛАДАНІЕМЪ НРАВСТВЕННАГО СОДЕРЖАНІЯ.

а) ОБЪ УБОЖЕСТВѢ И БОГАТСТВѢ.

1. Марко-богатый и Василій-безсчастный.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатѣйшій купецъ; у него была одна дочь Анастасія-прекрасная, и было ей всего лѣтъ пять отъ роду. Купца звали Марко, по прозванію Богатой. Марко терпѣть не могъ нищихъ: только подойдутъ къ окошку, сейчасъ велитъ слугамъ своимъ гнать ихъ и травить собаками.

Въ одно время подходятъ къ окошку два сѣденькихъ старичка. Марко увидалъ и велѣлъ ихъ травить собаками. Услыхала то Анастасія-прекрасная и стала просить: „родной мой батюшка! хоть для меня пусти ихъ въ скотную избу.“ Отецъ согласился, и велѣлъ пустить нищихъ въ скотную избу. Вотъ какъ всѣ въ домѣ заснули, Анастасія встала и пошла въ скотную, залѣзла на полати и глядитъ на нищихъ... Одинъ изъ старичковъ и говоритъ: „въ такомъ-то селѣ у такого-то крестьянина родился сынъ, какъ ему велимъ нарещи имя и какимъ надѣлимъ счастіемъ?“ А другой сказалъ: „имя нарещи ему — Василій, прозваніе — Безсчасной, а наградимъ его богатствомъ Марка Богатаго, у котораго ночуемъ.“ Анастасія все это слышала. Разсвѣло. Старички одѣлись и вышли изъ избы. Анастасія пришла къ отцу и сказываетъ ему все, чтò въ скотной видѣла и слышала.

Отецъ усумнился, какъ бы не сбылось сказанное, и захотѣлъ испытать: точно ли родился на селѣ младенецъ, велѣлъ запречь карету и поѣхалъ туда; пріѣхалъ прямо къ священнику и спросилъ: „родился ли у васъ такого-то дня младенецъ?“ — Родился, сказалъ священникъ, у самаго бѣднаго крестьянина; я ему нарекъ имя Василій и прозвалъ Безсчаснымъ, да еще не крестилъ, потому что къ бѣдняку никто въ кумовья не йдетъ. Марко вызвался быть крёснымъ, попадью попросилъ быть кумою, и велѣлъ изготовить богатый столъ; принесли младенца, окрестили и пировали, какъ имъ было угодно.

На другой день Марко Богатой призвалъ къ себѣ бѣдняка-крестьянина, обласкалъ его, и сталъ ему говорить: „куманекъ, ты человѣкъ бѣдной, воспитать сына не сможешь; отдай-ка мнѣ его, я его выведу въ люди, а тебѣ на прожитіе дамъ тысячу рублей.“ Старикъ подумалъ-подумалъ и согласился. Марко наградилъ кума, взялъ ребенка, окуталъ его въ лисьи шубы, положилъ въ карету и поѣхалъ. Дѣло было зимою. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, Марко Богатой велѣлъ остановиться, отдалъ крестника своему прикащику и приказалъ: „возьми его за ноги и выбрось въ оврагъ!“ При-

кащикъ взялъ и бросилъ его въ крутой оврагъ. А Марко сказалъ: „вотъ тамъ и владѣй моимъ имѣніемъ!“

На третій день по той же дорогѣ, гдѣ проѣхалъ Марко, случилось ѣхать купцамъ; везли они Марку Богатому двѣнадцать тысячь рублей долгу; поровнялись купцы противъ оврага и послышался имъ дѣтской плачъ. Остановились, стали вслушиваться, и послали прикащика узнать, что̀ тамъ такое? Прикащикъ сошелъ въ оврагъ, видитъ тамъ зеленой лугъ, а на томъ лугу сидитъ ребенокъ, играетъ цвѣтами. Прикащикъ разсказалъ про все хозяину; хозяинъ вышелъ самъ, взялъ ребенка, завернулъ въ шубу, сѣлъ въ повозку, и поѣхали. Пріѣзжаютъ къ Марку Богатому. Вотъ Марко ихъ и спрашиваетъ, гдѣ они взяли этого ребенка? Купцы разсказали, и онъ тотчасъ догадался, что это Василій Безсчасной, его крестникъ; взялъ его на руки, подержалъ, и отдалъ дочери: „вотъ тебѣ, дочка, няньчай!“ — а самъ сталъ угощать купцовъ разными напитками, и просить, чтобъ они отдали ему мальчика. Купцы было не соглашались; да какъ Марко сказалъ: я васъ прощаю всѣмъ долгомъ!“ — то отдали ему ребенка и уѣхали. Анастасія такъ была этому рада, что сейчасъ нашла люльку (колыбель), повѣсила занавѣсы и стала ухаживать за мальчикомъ, и не разставалась съ нимъ ни день, ни ночь. Прошелъ день, и другой; на третій Марко воротился домой попозже, когда Анастасія спала, взялъ младенца, посадилъ его въ боченокъ, засмолилъ и бросилъ съ пристани въ воду.

Боченокъ плылъ, да плылъ, и приплылъ къ монастырю. На ту пору вышелъ монахъ за водою. Послышался ему дѣтской крикъ; осмотрѣлся онъ и увидалъ боченокъ; тотчасъ сѣлъ въ лодку, поймалъ боченокъ, разбилъ его, а въ боченкѣ — дитя, взялъ его и принесъ въ монастырь къ игумну. Игуменъ назвалъ ребенка Васильемъ и прозвалъ Безсчаснымъ; съ тѣхъ поръ Василій Безсчасной жилъ въ монастырѣ шестьнадцать лѣтъ, и выучился грамотѣ — читать и писать. Игуменъ его полюбилъ и сдѣлалъ ключаремъ.

Марку Богатому случилось ѣхать въ иное государство, за полученіемъ долговъ, на годичное время, и заѣхалъ онъ по пути въ монастырь. Здѣсь его встрѣтили, какъ человѣка богатаго. Игуменъ велѣлъ ключарю идти въ церковь; ключарь идетъ, зажигаетъ свѣчи, поетъ и читаетъ, Марко Богатой спрашиваетъ игумна: „давно ли онъ поступилъ къ вамъ въ монастырь?“ Игуменъ разсказалъ все, какъ вынули его изъ боченка, и сколько тому лѣтъ назадъ. Марко разсчелъ время и узналъ, что это егокрестникъ. Вотъ онъ и говоритъ игумну: „какъ-бы у меня былъ такой расторопной человѣкъ, какъ вашъ ключарь, я бы сдѣлалъ его главнымъ прикащикомъ, и всю казну поручилъ бы ему подъ смотрѣнье; нельзя ли вамъ отдать его мнѣ?“ Игуменъ долго отговаривался. Марко посулилъ за него монастырю двадцать пять рублей. Игуменъ посовѣтовался съ братіей; удумали и согласились отпустить Василья Безсчаснаго.

Марко послалъ Василія домой и написалъ съ нимъ къ женѣ такое письмо: „жена, какъ получишь мое письмо, сейчасъ-же отправься съ посланнымъ на

мыльной заводъ, и какъ пойдешь возлѣ большаго кипучаго котла, толкни его туда; да непремѣнно исполни! а не исполнишь, я на тебѣ взыщу строго: этотъ малой — мнѣ злодѣй„. Василій получилъ письмо и пошелъ путемъ-дорогою; попадается ему на встрѣчу старичокъ и сказалъ: "куда ты, Василій Безсчастной, идешь?„ Василій сказалъ: "въ домъ Марка Богатаго къ женѣ съ письмомъ.„ — Покажи письмо. Василій вынулъ письмо и далъ старичку; старичокъ сломилъ печать, далъ Василью прочитать; Василій прочиталъ и прослезился:„ что я этому человѣку сдѣлалъ, что послалъ меня на погубленіе!„ Старичокъ ему сказалъ: "не печалься, Богъ тебя не оставитъ„ — дунулъ на письмо, печать и письмо сдѣлались такія-жъ, какъ и были. "Ступай теперь и отдай письмо женѣ Марка Богатаго.„

Василій пришелъ въ домъ Марка Богатаго, отдалъ письмо его женѣ. Жена прочитала, задумалась, позвала свою дочь Анастасію и прочитала ей отцово письмо, а въ письмѣ написано: "жена, какъ получишь мое письмо, на другой же день обвѣнчай Анастасію съ этимъ посланнымъ; да непремѣнно исполни! а не исполнишь, будешь мнѣ отвѣчать.„ У богатыхъ людей не пиво варить, не вино курить — все готово, веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Василья нарядили въ хорошее платье, показали Анастасіи, и Василій ей полюбился. Вотъ и обвѣнчали ихъ.

Въ одинъ день женѣ Марка Богатаго повѣстили, что прибылъ къ пристани ея мужъ, и она съ зятемъ и дочерью отправилась встрѣчать его. Марко увидѣлъ зятя, разсердился и говоритъ своей женѣ: "какъ ты осмѣлилась обвѣнчать съ нимъ дочь нашу?„ — По твоему приказанію, отвѣчала жена. Марко спросилъ свое письмо, прочиталъ и увѣрился, что точно онъ самъ то написалъ.

Пожилъ Марко съ зятемъ мѣсяцъ, другой и третій; въ одинъ день позвалъ онъ зятя къ себѣ и говоритъ ему: "вотъ тебѣ письмо, иди съ нимъ за тридевять земель въ тридесятое государство къ другу моему царю-Змію; получи отъ него дань за двѣнадцать лѣтъ за то, что построилъ онъ дворецъ на моей землѣ, и узнай тамъ о двѣнадцати моихъ корабляхъ, что пропадаютъ цѣлые три года. Завтра же по утру отправляйся!„ Василій взялъ письмо, пошелъ къ женѣ своей и разсказалъ все, что ему Марко приказалъ. Анастасія горько заплакала, а упрашивать отца не посмѣла.

Василій по утру рано, помолясь Богу, взялъ съ собою въ котомочку сухариковъ и пошелъ. Шелъ онъ путемъ-дорогою, долго ли — коротко ли, близко ли — далеко ли, только слышитъ въ сторонѣ голосъ: "Василій Безсчасной, куда ты идешь?„ Онъ оглядывается на всѣ стороны и говоритъ: "кто меня кличетъ (зоветъ)?„ — Я — дубъ тебя спрашиваю, куда ты идешь? „Я иду къ царю-Змію за двѣнадцать лѣтъ взять съ него дань.„ Дубъ сказалъ: "какъ будешь во времени — обо мнѣ вспомяни: что стоитъ дубъ триста лѣтъ, долго ли еще ему стоять? Василій выслушалъ и отправился въ путь-дорогу. Пришелъ Василій къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перево-

щикъ. Василій сѣлъ на паромъ, перевощикъ его спрашиваетъ: "куда ты, мой другъ, идешь?„ Василій ему отвѣчалъ тоже, что и дубу, И перевощикъ проситъ его напомянуть царю, что "перевозитъ онъ тридцать лѣтъ; долго ли еще ему перевозить?„ — Хорошо, сказалъ Василій, скажу — и пошелъ. Приходитъ къ морю, черезъ море лежитъ китъ-рыба, по ней идутъ и ѣдутъ. Какъ пошелъ по ней Василій, китъ-рыба заговорила: "Василій Безсчасной, куда ты идешь?„ Василій сказалъ ей тоже, что и перевощику, и китъ его проситъ: "когда будешь во времени, обо мнѣ вспомяни: что лежитъ китъ-рыба черезъ море, конные и пѣшіе пробили у нея тѣло до рёберъ; долго ли ей еще лежать?„

Василій обѣщался, и пошелъ. Приходитъ онъ на зеленый лугъ; на лугу стоитъ большой дворецъ. Василій взошелъ во дворецъ, ходитъ по комнатамъ; комната комнаты лучше убрана. Приходитъ онъ въ послѣднюю и видитъ: на постелѣ сидитъ дѣвица-красавица и горько плачетъ. Какъ увидала Василья, встала она, подошла къ нему и спрашиваетъ: "что ты за человѣкъ и какъ зашелъ въ эдакое проклятое мѣсто?„ Василій показалъ ей письмо, и сказалъ, что Марко Богатой велѣлъ взять съ царя Змія дань за двѣнадцать лѣтъ. Дѣвица бросила письмо въ печь, а Василью сказала: "ты не за данью сюда присланъ, а Змію на съѣденіе. Да какими путями ты шелъ? не случалось ли тебѣ дорогою что видѣть и слышать?„ Василій разсказалъ ей про дубъ, перевощика и китъ-рыбу. Только успѣли они переговорить, затряслась земля и дворецъ; дѣвица тотчасъ заперла Василія въ сундукъ подъ кроватью и сказала ему: „слушай-же, что мы съ Зміемъ будемъ говорить."

А сама стала встрѣчать Змія. Какъ взошелъ онъ въ комнату, сказалъ: "что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?„ Дѣвица отвѣчала: "какъ сюда можетъ зайти русской духъ? ты по Руси леталъ, русскаго духа наймался!„ (Набрался) Змій сказалъ: "я сильно усталъ, поищи-ка у меня въ головѣ„ и легъ на постелю. Дѣвица сказала ему: "царь, какой я безъ тебя сонъ видѣла: будто я иду по дорогѣ, кричитъ мнѣ дубъ — скажи царю-то, долго ли мнѣ еще стоять?„ — Ему стоять до тѣхъ поръ, сказалъ царь: какъ подойдетъ къ нему кто да толкнетъ его ногою, тогда онъ выворотится съ корнемъ и упадетъ, а подъ нимъ злата и серебра многое множество, — столько нѣтъ у Марка Богатаго.„ А еще пришла я къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевощикъ; онъ спрашивалъ, долго ли ему перевозить?„ — Пусть онъ перваго, кто прійдетъ къ нему, посадитъ на паромъ и толкнетъ паромъ отъ берегу — тотъ и будетъ вѣчно перевозить, а онъ пойдетъ домой. "Еще будто я шла по морю, черезъ китъ-рыбу, и она мнѣ говорила, долго ли ей лежать?„ — Ей лежать до тѣхъ поръ, покуда вырыгнетъ двѣнадцать кораблей Марка Богатаго: тогда пойдетъ въ воду и тѣло ее наростетъ„ Сказалъ царь- Змій и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Дѣвица выпустила изъ сундука Василія Безсчаснаго и дала ему наставленіе: "по эту сторону китъ-рыбѣ не сказывай, чтобы она вырыгнула двѣ

надцать кораблей Марка Богатаго, а перейди на ту сторону и скажи. Равнó придешь къ перевощику, на этой сторонѣ не говори ему того, чтó слышалъ, а къ дубу придешь — толкни его ногой на восходъ, и тутъ увидишь несчетное богатство.„ Василій Безсчасной поблагодарилъ дѣвицу и пошелъ.

Приходитъ къ киту-рыбѣ; она его спрашиваетъ: "говорилъ ли обо мнѣ?„ — Говорилъ; вотъ перейду и скажу. Какъ перешелъ и сказалъ: "вырыгни двѣнадцать короблей Марка Богатаго.„ Китъ- рыба рыгнула, и корабли пошли на парусахъ, ни въ чемъ невредимо; а Василій Безсчасной очутился отъ того въ водѣ по колѣна. Пришелъ Василій къ перевощику. Перевощикъ спрашиваетъ: "говорилъ ли царю-Змію обо мнѣ?„ — Говорилъ, сказалъ ему Василій; напередъ перевези меня. Какъ переѣхалъ на другой берегъ, и сказалъ перевощику: "кто къ тебѣ придетъ первой, посади ево на паромъ и золкни паромъ отъ берегу; тотъ вѣчно и будетъ перевозить, а ты отправляйся въ свой домъ.„ Пришелъ Василій Безсчасной къ дубу, толкнулъ его ногою, дубъ свалился; подъ нимъ злата и сребра, и каменья драгоцѣннаго чтó ни есть числа! Оглянулся Василій назадъ, видитъ — плывутъ прямо къ берегу двѣнадцать кораблей, чтó вырыгнула китъ-рыба. Кораблями управлялъ тотъ самой старичокъ, чтó попался Василію на встрѣчу, когда онъ шелъ къ женѣ Марка Богатаго съ письмомъ. Старичокъ сказалъ Василью: "вотъ, Василій, чѣмъ тебя Господь благословилъ!„ — а самъ сошелъ съ корабля и пошелъ своей дорогою.

Матросы переносили злато и серебро на корабли. И какъ совсѣмъ исправились — пустились въ путь, а съ ними и Василій Безсчасной. Дали знать Марку Богатому, что плыветъ его зять съ двѣнадцатью кораблями и что наградилъ его царь-Змій несчетнымъ богатствомъ.

Марко разсердился, что не сбылось по его желанію, велѣлъ запречь повозку, и поѣхалъ самъ къ царю-Змію попенять ему. Пріѣхалъ къ перевощику, сѣлъ на паромъ; перевощикъ отпихнулъ паромъ — и Марко остался вѣчно перевозить. А Василій Безсчасной прибылъ къ женѣ и тещѣ, сталъ жить да поживать, да добра наживать, бѣднымъ помогать, нищихъ награждать, поить и кормить, — и завладѣлъ всѣмъ имѣніемъ Марка Богагаго.

Аѳанасьева I, 13.

2. Горе.

Въ одной деревушкѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ былъ бѣдной, другой богатой. Богачъ переѣхалъ на житье въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ и записался въ купцы: а у бѣднаго иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки — малъ мàла меньше — плачутъ да ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Говоритъ онъ однова́ своей женѣ: „дай-ка пойду въ городъ,

попрошу у брата; не поможетъ ли чѣмъ?“ Пришелъ къ богатому: „ахъ, братецъ родимой! помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, по цѣлымъ днямъ голодаютъ.“ — Проработай у меня эту недѣлю, тогда помогу! Что дѣлать? принялся бѣдной за работу: и дворъ чиститъ, и лошадей холитъ, и воду возитъ, и дрова рубитъ. Черезъ недѣлю даетъ ему богатой одну ковригу хлѣба: „вотъ тебѣ за труды!“ — И за то спасибо! сказалъ бѣдной, поклонился и хотѣлъ было домой идти. „Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости, и жену приводи: вѣдь завтра—мои имянины.“ —Эхъ, братецъ! куда мнѣ? самъ знаешь: къ тебѣ пріидутъ купцы въ сапогахъ да въ шубахъ, а я въ лаптяхъ хожу да въ худенькомъ сѣромъ кафтанѣ. „Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто.“ — Хорошо, братецъ! пріиду. Воротился бѣдной домой, отдалъ женѣ ковригу, и говоритъ: „слушай, жена! назавтрее насъ съ тобой въ гости звали.“—Какъ въ гости? кто звалъ? „Братъ; онъ завтра имянинникъ.“—Ну, что-жъ! пойдемъ. На утро встали и пошли въ городъ, пришли къ богатому, поздравили его и усѣлись на лавку. За столомъ ужь много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата и его жену и думать забылъ — ничего имъ не даетъ; они сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ да ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ за стола вылазить да хозяина съ хозяюшкой благодарить, и бѣдной тожъ — поднялся съ лавки и кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой пьяные, веселые; шумятъ, пѣсни поютъ. А бѣдный идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ; „давай-ка, говоритъ женѣ, и мы запоемъ пѣсню!“ — Эхъ, ты дуракъ! люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего пѣть вздумалъ? „Ну, все-таки у брата на имянинахъ былъ; безъ пѣсень мнѣ стыдно идти. Какъ я запою, такъ всякой подумаетъ, что и меня угостили...“ — Ну пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ запѣлъ пѣсню, и послышалось ему два голоса; онъ пересталъ и спрашиваетъ жену: „это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?“ —Что съ тобой? я вовсе и не думала. „Такъ кто-же?“ — Не знаю! сказала баба; а ну запой, я послушаю. Онъ опять запѣлъ; поетъ-то одинъ а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: „это ты, Горе, мнѣ пѣть пособляешь?“ Горе отозвалось: „да, хозяинъ! это я пособляю.“—Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ. „Пойдемъ, хозяинъ! я теперь отъ тебя не отстану.“ Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: „у меня денегъ нѣтъ!“ — Охъ ты, мужичокъ! да на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто будетъ, все равно носить не станешь! пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку“... Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе заохало, съ похмѣлья голова болитъ, и опять зоветъ хозяина винца испить. „Денегъ нѣтъ!“ говоритъ мужикъ. „Да на что намъ деньги? Возьми сани да телегу — съ насъ и довольно!“ Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Горя; взялъ онъ сани и телегу, потащилъ

въ кабакъ и пропилъ вмѣстѣ съ Горемъ. На утро Горе еще больше заохало, зоветъ хозяина опохмѣлиться; мужикъ пропилъ и борону, и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снёсъ. Горе опять пристаетъ къ нему: „пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!“ — Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего. „Какъ нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь а другой пропить надобно.“ Мужикъ взялъ сарафанъ, пропилъ и думаетъ: „вотъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!“

Поутру проснулось Горе, видитъ, что у мужика нечего больше взять, и говоритъ: „хозяинъ!“ — Что̀, Горе? „А вотъ что̀: ступай къ сосѣду, попроси у него пару воловъ съ телегою.“ Пошелъ мужикъ къ сосѣду: „дай, проситъ, на времячко пару воловъ съ телегою; я на тебя хоть недѣлю за то проработаю.“ — На что̀ тебѣ? „Въ лѣсъ за дровами съѣздить.“ — Ну, возьми; только невеликъ возъ накладывай. „И что̀ ты, кормилецъ!“ Привелъ пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ на телегу и поѣхалъ въ чистое поле. „Хозяинъ! спрашиваетъ Горе, знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?“ — Какъ не знать! „А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему.“ Пріѣхали они на то мѣсто, остановились и вылѣзли изъ телеги. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ поднимаетъ, Горе подсобляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. „Ну, что̀ глядишь? сказываетъ Горе мужику; таскай скорѣй въ телегу.“ Мужикъ принялся за работу и насыпалъ телегу золотомъ, все изъ ямы повыбралъ до послѣдняго червонца; видитъ, что ужь больше ничего не осталось, и говоритъ: „посмотрико, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?“ Горе наклонилось: „гдѣ? я что̀-то не вижу!“ — Да вонъ въ углу свѣтятся! „Нѣтъ, не вижу.“ — Полѣзай въ яму, такъ и увидишь. Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. „Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ; не то коли взять тебя съ собою, такъ ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все-же пропьешь и эти деньги!“ Пріѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ подвалъ, воловъ отвелъ къ сосѣду, и сталъ думать, какъ-бы себя устроить; купилъ лѣсу, выстроилъ большіе хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Долго ли, коротко ли — поѣхалъ онъ въ городъ просить своего брата съ женой къ себѣ на имянины. „Вотъ что̀ выдумалъ! сказалъ ему богатой братъ; у самого ѣсть нечего, а ты еще имянины справляешь!“ — Ну, когда-то было нечего ѣсть, а теперь, слава Богу! имѣю не меньше твоего; пріѣзжай — увидишь. „Ладно, пріѣду!“ На другой день богатой братъ собрался съ женою, и поѣхали на имянины; смотрятъ, а у бѣднаго-то голыша хоромы новые, высокіе: не у всякаго купца такіе есть! Мужикъ угостилъ ихъ, употчивалъ всякими наѣдками, напоилъ всякими медами и винами. Спрашиваетъ богатой у брата: „скажи, пожалуй, какими судьбами разбогатѣлъ ты?“ Мужикъ разсказалъ ему по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе горемычное, какъ пропилъ онъ съ

Горемъ въ кабакѣ все свое добро до послѣдней нитки: только и осталось, что душа въ тѣлѣ! какъ Горе указало ему кладъ въ чистомъ полѣ, какъ онъ забралъ этотъ кладъ, да отъ Горя избавился. Завистно стало богатому; дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подниму камень да выпущу Горе — пусть оно до тла разоритъ брата, чтобъ не смѣлъ передо мной своимъ богатствомъ чваниться! Отпустилъ свою жену домой, а самъ въ поле погналъ; подъѣхалъ къ большому камню, своротилъ его въ сторону и наклоняется посмотрѣть, что́ тамъ подъ камнемъ? Не успѣлъ порядкомъ голову нагнуть — а ужь Горе выскочило и усѣлось ему на шею: „а! кричитъ, ты хотѣлъ меня здѣсь уморить! Нѣтъ, теперь я отъ тебя ни за что́ не отстану. — Послушай, Горе! сказалъ купецъ; вовсе не я засадилъ тебя подъ камень... „А кто-же, какъ не ты?“ — Это мой братъ тебя засадилъ, а я нарочно пришелъ, чтобъ тебя выпустить. „Нѣтъ, врешь! одинъ разъ обманулъ, въ другой не обманешь!“ Крѣпко насѣло Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе ужь съ утра за свое принимается, кажной день зоветъ купца опохмѣлиться; много добра въ кабакъ ушло! „Эдакъ несходно жить! думаетъ про себя купецъ; кажись, довольно потѣшилъ я Горе; пора-бъ и разстаться съ нимъ, да какъ?“ Думалъ-думалъ, и выдумалъ: пошелъ на широкой дворъ, обтесалъ два дубовыхъ клина, взялъ новое колесо и накрѣпко вбилъ клинъ съ одного конца въ тулку. Приходитъ къ Горю: „что́ ты, Горе, все на боку лежишь?“ — А что́-жъ мнѣ больше дѣлать? „Что́ дѣлать! пойдемъ на дворъ въ гулючки играть.“ А Горе и радо; вышли на дворъ. Сперва купецъ спрятался — Горе сейчасъ его нашло; послѣ того черёдъ Горю прятаться: „ну, говоритъ, меня нескоро найдешь! я хоть въ какую щель забьюсь!“ — Куда тебѣ! отвѣчаетъ купецъ; ты въ это колесо не влѣзешь, а то — въ щель! „Въ колесо не влѣзу? смотри-ка, еще какъ спрячусь!“ Влѣзло Горе въ колесо; купецъ взялъ да и съ другаго конца забилъ въ тулку дубовой клинъ, поднялъ колесо и забросилъ его вмѣстѣ съ Горемъ въ рѣку. Горе потонуло, а купецъ сталъ жить по старому, по прежнему.

(Аѳанасьева, V, 34).

3. Двѣ доли.

Жилъ да былъ мужикъ, прижилъ двухъ сыновей и померъ. Задумали братья жениться: старшій взялъ бѣдную, младшій — богатую; а живутъ вмѣстѣ, не дѣлятся. Вотъ начали жены ихъ межъ собой ссориться да вздорить; одна говоритъ: „я за старшимъ братомъ замужемъ; мой верхъ должо́нъ быть!“ А другая: „нѣтъ, мой верхъ! я богаче тебя!“ Братья смотрѣли-смотрѣли, видятъ, что жены не ладятъ, раздѣлили отцовское добро поровну и разошлись. У старшаго брата что́ ни годъ, то дѣти рождаются, а хозяй-

ство все плоше да хуже идетъ; до того дошло, что совсѣмъ разорился. Пока хлѣбъ да деньги были — на дѣтей глядя радовался, а какъ обѣднялъ — и дѣтямъ не радъ! Пошолъ къ меньшому брату: "помоги-де въ бѣдности!" Тотъ на отрѣзъ отказалъ: „живи, какъ самъ знаешь! у меня свои дѣти подростаютъ." Вотъ немного погодя опять пришелъ бѣдной къ богатому: „одолжи, проситъ, хоть на одинъ день лошади; пахать не на чѣмъ!" — Сходи на поле и возьми на одинъ день; да смотри — не замучь! Бѣдной пришелъ нá поле и видитъ, что какіе-то люди на братниныхъ лошадяхъ землю пашутъ. „Стой! закричалъ: сказывайте, чтò вы зá люди?" — А ты чтò за спросъ? „Да то, что эти лошади моего брата!" — А развѣ не видишь ты, отозвался одинъ изъ пахарей, что я — Счастье твоего брата; онъ пьетъ, гуляетъ, ничего не знаетъ; а мы на него работаемъ. „Куда-же мое Счастье дѣвалось?" — А твое Счастье вонъ тамъ-то подъ кустомъ, въ красной рубашкѣ, лежитъ; ни днемъ, ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ! „Ладно! думаетъ мужикъ, доберусь я до тебя." Пошелъ, вырѣзалъ толстую палку, подкрался къ своему Счастью и вытянулъ его пò боку изо всей силы. Счастье проснулось и спрашиваетъ: „чтò ты дерешься!" — Еще не такъ прибью! Люди добрые землю пашутъ, а ты безъ просыпу спишь! „А ты небось хочешь, чтобъ я на тебя пахалъ? И не думай!" — Что-жъ? все будешь подъ кустомъ лежать? Вѣдь эдакъ мнѣ умирать съ голоду прійдется! „Ну, коли хочешь, чтобъ я тебѣ помочь дѣлалъ, такъ ты брось крестьянское дѣло, да займись торговлею. Я къ вашей работѣ совсѣмъ непривыченъ, а купеческія дѣла всякія знаю." — Займись торговлею!... да было бы на что! Мнѣ ѣсть нечего, а не то, что въ торгъ пускаться. „Ну, хоть сними съ своей бабы старой сарафанъ да продай; на тѣ деньги купи новой — и тотъ продай! А ужь я стану тебѣ помогать; ни на шагъ прочь не отойду!" — Хорошо!

Поутру говоритъ днякъ бѣ своей женѣ: „ну, жена! собирайся, пойдемъ въ городъ." — Зачѣмъ? „Хочу въ мѣщане приписаться, торговать зачну." — Съ ума чтò-ли спятилъ? дѣтей кормить нечѣмъ, а онъ городъ норовитъ! „Не твое дѣло! укладывай все имѣніе, забирай дѣтишекъ и пойдемъ." Вотъ и собрались. Помолились Богу, стали нáглухо запирать свою избушку, и послышали, что кто-то горько плачетъ въ избѣ. Хозяинъ спрашиваетъ: „кто тамъ плачетъ?" — Это я — Горе! „О чемъ-же ты плачешь?" — Да какъже мнѣ не плакать? самъ ты уѣзжаешь, а меня здѣсь покидаешь. „Нѣтъ, милое! я тебя съ собой возьму, а здѣсь не покину. Эй, жена! говоритъ, выкидывай изъ сундука свою поклажу." Жена опорожнила сундукъ. „Ну-ка, Горе, полѣзай въ сундукъ!" Горе влѣзло; онъ его заперъ тремя замкáми; зарылъ сундукъ въ землю и говоритъ: „пропадай ты, проклятое! чтобъ вѣкъ съ тобой не знаться!" Приходитъ бѣдной съ женой и съ дѣтьми въ городъ, нанялъ себѣ квартиру, и началъ торговать: взялъ старой женинъ сарафанъ, понёсъ на базаръ и продалъ за рубль; на тѣ деньги купилъ но-

вой сарафанъ и продалъ его за два рубля. И вотъ такимъ-то счастливымъ торгомъ, что̀ за всякую вещь двойную цѣну получалъ, разбогатѣлъ онъ въ самое короткое время и записался въ купцы. Услыхавъ про то младшій братъ, пріѣзжаетъ къ нему въ гости и спрашиваетъ: „скажи, пожалуй, какъ это ты ухитрился—изъ нищаго богачомъ сталъ?“ — Да просто, отвѣчаетъ купецъ, я свое Горе въ сундукъ заперъ да въ землю зарылъ. „Въ какомъ мѣстѣ?“ — Въ деревнѣ, на старомъ дворѣ. Младшій братъ чуть не плачетъ отъ зависти; поѣхалъ сейчасъ на деревню, вырылъ сундукъ и выпустилъ онъ оттуда Горе: „ступай, говоритъ, къ моему брату, разори его до послѣдней нитки!“ — Нѣтъ! отвѣчаетъ Горе, я лучше къ тебѣ пристану, а къ нему не пойду: ты—доброй человѣкъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ! а тотъ лиходѣй — въ землю упряталъ!“ Немного прошло времени—разорился завистливой братъ, и изъ богатаго мужика сдѣлался голымъ бѣднякомъ.

(Аѳанасьева, V, 51).

4. Убогой.

Жилъ-былъ Нéстерка, было у него дѣтей шестерко; дѣтей-то много, да имѣнія никакого, нечѣмъ ему съ семьей кормиться, а воровать боится. Вотъ онъ запрёгъ повозку, зáбралъ дѣтишекъ и поѣхалъ пò міру. Ѣдетъ дорогою, оглянулся назадъ — лéжитъ въ грязи старичокъ безногой. И проситъ этотъ старичокъ: „возьми меня пожалуйста съ собой!“ — Куда мнѣ тебя, батюшка! отвѣчаетъ Нестерка, у меня шестеро дѣтей, а лошадь худая. Опять проситъ безногой: „возьми меня пожалуста!“ Нестерка взялъ этого убогаго, посадилъ на повозку и поѣхалъ. Говоритъ ему убогой: „давай мы съ тобой бросимъ жеребей, кому быть изъ насъ бòльшимъ братомъ.“ Бросили они жеребій, доставалось быть бòльшимъ братомъ — убогому. Пріѣхали въ деревню. Убогой приказываетъ: „поди, просись ночевать вотъ въ этотъ домъ.“ Нестерка сталъ проситься ночевать; вышла старуха, отвѣчаетъ: „у насъ негдѣ, и безъ васъ тѣсно!“ Вернулся Нестерка къ убогому: „сюда не пускаютъ!“ говоритъ; а убогой опять его посылаетъ: непремѣнно просись! Пошелъ Нестерка и таки выпросился ночевать; въѣхалъ на дворъ, сталъ носить своихъ дѣтей въ избу, и убогаго перенёсъ. Велитъ ему хозяйка: „клади ты своихъ дѣтей подъ лавку, а безногаго на полати посади!“ Посадилъ онъ безногаго на полати, а дѣтей подъ лавку положилъ. „Гдѣ твой мужъ?“ спрашиваетъ хозяйку убогой. — На разбой поѣхалъ, и двухъ сыновей взялъ. Вотъ пріѣзжаетъ домой хозяинъ, впустилъ двѣнадцать возовъ на дворъ — всѣ серебромъ насыпаны, отложилъ лошадей, и пришелъ въ избу. Увидалъ нищихъ и закричалъ на хозяйку: „что̀ ты за людей напустила?“ — Это нищіе, ночевать выпросилися. „Нужно было! и на улицѣ-бъ ночевали!“ Сѣлъ хозяинъ съ хозяйкою и съ двумя сыновьями ужинать, а нищихъ не

зовутъ. Убогой вынулъ половину просвирки, самъ покушалъ и Нестеркѣ и дѣтишкамъ его далъ; всѣ сыты наѣлись. Хозяинъ только удивляется: „отчего такъ мы четверо цѣлой хлѣбъ съѣли — и то въ проголодь, а ихъ восьмеро половиной просвирки сыты?“ Какъ заснули хозяева, убогой и посылаетъ Нестерку на дворъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Нестерка вышелъ — всѣ лошади овесъ ѣдятъ. Въ другой разъ посылаетъ его убогой: „поди, опять посмотри!“ Вышелъ онъ, посмотрѣлъ — на всѣхъ лошадяхъ хомуты надѣты. Въ третій разъ посылаетъ Нестерку убогой; опять вышелъ онъ—всѣ лошади запряжены. Воротился въ избу и говоритъ: „всѣ лошади въ упряжи стоятъ.“—Ну, сказалъ убогой, теперь выноси своихъ дѣтей и меня, да поѣдемъ. Сѣли они на свою повозку и поѣхали со двора, а двѣнадцать хозяйскихъ лошадей вслѣдъ за ними съ возами пошли. Ѣхали-ѣхали, и приказываетъ убогой, чтобы сходилъ Нестерка въ тотъ домъ, гдѣ они ночевали, да рукавицы взялъ: „я де на полатяхъ забылъ.“ Пришелъ Нестерка —а того дома какъ не бывало, сквозь землю провалился! однѣ рукавицы на печномъ столбу уцѣлѣли. Взялъ онъ рукавицы, приходитъ къ убогому и говоритъ, что весь домъ провалился сквозь землю. „Это Господь за разбой покаралъ! Возьми себѣ эти двѣнадцать возовъ со всѣмъ что есть,“ сказалъ убогой и изъ глазъ пропалъ. Нестерка пріѣхалъ домой, посмотрѣлъ — всѣ возы серебромъ засыпаны, и сталъ онъ богато жить.

Посылаетъ его жена: „что, говоритъ, лошади такъ гуляютъ? поѣзжай-ка въ извозъ.“ Онъ собрался и поѣхалъ въ городъ. Повстрѣчала его на дорогѣ невѣдомо-чья дѣвица: „это, говоритъ, не твои лошади!“ — Не мои, отвѣчаетъ Нестерка; коли ты признала ихъ—возьми, Богъ тобой! Дѣвица взяла двѣнадцать лошадей, а мужикъ домой воротился. На другой день пришла къ нему подъ окно эта дѣвица и говоритъ: „на, возьми своихъ лошадей, я съ тобой пошутила, а ты ихъ и отдалъ!“ Нестерка взялъ лошадей, смотритъ, а въ возахъ больше прежняго серебра да золота насыпано!

(Аѳанасьева, VI, 70).

Пословицы объ убожествѣ и богатствѣ.

1. Сыта свинья, а все жретъ; богатъ мужикъ, а все копитъ.
2. И правда тонетъ, коли золото всплываетъ.
3. Богатый и не тужитъ, да брюзжитъ.
4. Богатый — что быкъ рогатый: въ тѣсные ворота не влезетъ.
5. Богатство съ рогами (рога — надменность) бѣдность съ ногами.
6. И то бываетъ, что и деньгамъ не радъ.
7. И двери богатыхъ стыдятся нищихъ.
8. Нищій болѣзней ищетъ, а къ богатому онѣ сами идутъ.
9. Богатство гинетъ, а нищета живетъ.

10. Деньги, что̀ каменья: тяжело на душу ложатся.
11. Богатый совѣсти не купитъ, а свою погубляетъ.
12. И хлѣбъ съ водою, да не пирогъ съ лихвою.
13. Не отъ скудости скупость вышла, а отъ богатства.
14. Наготы, босоты изувѣшены шесты; холоду, голоду амбары полны.
15. Житье — вставши, да за вытье.
16. Житье, житье; наготье да босотье.
17. Ни задавиться, ни зарѣзаться нечѣмъ.
18. Далъ Богъ и нѣмому рѣчь, а нагому улицу.
19. Голъ да нагъ — передъ Богомъ правъ.
20. Ни дровъ, ни лучины, а живетъ безъ кручины.
21. Хлѣбъ да вода — здоровая ѣда.
22. Богатый на деньги, убогій на выдумки.
23. Нужда горюетъ, нужда воюетъ.
24. Голь мудрена, и безъ ужина спитъ.
25. Нужда и плачетъ припѣваючи.
26. Что̀ мнѣ золото — свѣтило бы солнышко.
27. Одинъ хлѣба не съѣшь.
28. На каждую душу готова краюшка.
29. Денежки, что̀ голуби: гдѣ обживутся, тамъ и поведутся.
30. Нищаго ограбить — сумою пахнетъ.
31. Голый что̀ святой: бѣды не боится.
32. Мокрый дождя, а нагой разбою не боится.
33. Богатый бѣднаго не кормитъ, а всѣ сыты бываютъ.
34. Богатый не золото ѣстъ, а бѣдный не камень гложетъ.
35. И голышъ не безъ праздника.
36. Богатство съ деньгами, голь съ весельемъ.
37. Рубище не дуракъ, а золото не мудрецъ.
38. Богатство живетъ, и бѣдность живетъ.
39. Не боюсь богатыхъ грозъ, а боюсь убогихъ слезъ.
40. Богатые раньше насъ встали, да все и расхватали.
41. Всяко случается: и богатый къ бѣдному стучится.
42. Ѣлъ бы богачъ деньги, кабы убогій его хлѣбомъ не кормилъ.
43. Одной рукой жни, другой сѣй.
44. Не тѣмъ богатъ, что̀ есть, а тѣмъ богатъ, чѣмъ радъ.
45. Что̀ бѣднѣе, то щедрѣе.
46. Отдалъ убогій нищему послѣдній пятакъ, а самъ отъ богатаго ушелъ и такъ.

(Даля Пословицы, 54—89.)

47. Не тотъ человѣкъ въ богатствѣ, что̀ въ нищетѣ.
48. Чѣмъ богатѣе, тѣмъ скупѣе.

49. Не проси у богатаго, проси у тороватаго.
50. Будешь богатъ, будешь и скупъ.

(Даля Словарь, 90)

52. Богатый бѣдному не братъ.

(Даля Словарь, 134.)

53. Залѣзъ въ богатство, забылъ братство.

(Даля Словарь, 110.)

54. Злыдни скачутъ, неволя учитъ, чужіе хлѣбы спать не даютъ.
55. Во всемъ доля, да воли ни въ чемъ. И была бы доля, да нѣтъ воли.
56. Нищій на нищемъ не ищетъ.

(Даля Словарь, 920)

57. Радъ бы дружку пирожка, да у самого ни куска.

(Даля Словарь, 919.)

б) О КРИВДѢ И ПРАВДѢ.

а. Вотъ было какое дѣло, скажу тваему здаровью! Вотъ знаешь, не ва гнѣвъ тваей миласти къ рѣчи сказать, какъ мы таперича съ табой, раскалякались (разговорились) прамежь себя двоя нашей братьи мужичковъ, бяднѣющіе, пребяднѣющіе. Адинъ-атъ жилъ каё-какъ, калатился всѣми неправдами; гараздъ былъ на абманы, и приворнуть ево было дѣло, а другой-атъ шолъ па правдѣ, кабы, знашъ, трудами вѣкъ пражить. Вотъ евтимъ дѣламъ-та ани и заспорили. Адинъ-атъ гаваритъ: лутча (лучше) жить кривдай, а другой-ятъ гаваритъ: кривдай вѣкъ пражить не сможешъ; лутча жить, какъ на-есть, ды правдай. Вотъ спорили ани, спорили; никто, слышъ, не переспорилъ. Вотъ и пашли ани, братецъ мой, на дарогу; пашли на дарогу и рѣшили спрасить да трехъ разъ, хто имъ на встрѣчу пападетъ и што на эвто скажитъ. Вотъ ани шли, шли, братецъ мой, и увидали, барскай мужичокъ пашитъ; вотъ, знашъ, и падашли къ няму, падашли и гаварятъ: „Богъ на́ помочь тебѣ, знакомай! Разрѣши ты нашъ спорь: какъ лутча жить на бѣламъ свѣтѣ — правдай, али кривдай?“ — Нѣтъ, братцы! правдай вѣкъ пражить не сможишъ; кривдай жить вальготняй (легче). Вотъ и наше дѣло... изъ-за неволи прикинишся, бытто што папритчилась (заболѣть съ глазу, съ уроковъ) -хворь (болѣзнь), знашъ, нашла, а самъ межъ эвтимъ времямъ-та въ лѣсишка съѣздишь па дравицы, не днемъ, тыкъ

ночью—коли есть запреть. „Ну, слышъ, мая правда,“ гаваритъ кривадушнай-ять правдивалу-та.

Вотъ пашли апять па дароги, знашъ, што скажитъ имъ другой. Шли, и видютъ: ѣдитъ на парѣ въ павоски съ кибиткай купецъ. Вотъ падашли ани къ няму, падашли и спрашиваютъ: „астанавись-ка, слышъ, на часикъ, не ва гнѣвъ тваёй милласти, а чомъ мы тебя спросимъ. Рѣши, слышъ, нашъ споръ: какъ лутча жить на свѣти—правдай, али кривдай?“ —Нѣтъ, рабята! Правдай мудряно жить, лутча кривдай. Насъ абманываютъ, и мы абманываемъ.— „Ну, слышъ, мая правда, гаваритъ апять кривадушнай-ятъ правдиваму-та.

Вотъ пашли ани апять па дароги, што скажитъ третяй. Шли, шли, вотъ и видютъ: ѣдитъ прикащикъ на встрѣчу. Вотъ ани падашли къ няму, и спрашиваютъ: „останавись-ка на часочикъ; рѣши ты нашъ споръ, какъ лутча жить на свѣти—правдай, али кривдай?“ — Вотъ, слышъ, нашли а чомъ спрашивать! Знама дѣла, што кривдай. Какая ноньча правда? За правду въ Сибирь угадишъ, скажутъ — кляузникъ... „Ну, слышъ, гаваритъ кривадушнай-ятъ правдиваму-та: „Вотъ всѣ говарятъ, кривдай лучча жить.„— Нѣтъ, слышъ! нада жить па божью, какъ, знашь, Богъ велитъ: што будитъ, то и будитъ, а кривдай жить не хачу! гаваритъ правдивай-ятъ кривадушнаму-та.

Вотъ пашли апять дарогай вмѣсти. Шли, шли; кривадушнай-ятъ вся-ка, знашъ, съумѣитъ ка всѣмъ прилаживаться; вездѣ ево кормютъ, и калачи у нево есть; а правдивай-ятъ гдѣ вадицы изапьетъ, гдѣ парабатаитъ, ево за эвто пакормютъ. А тотъ, знашъ, кривадушнай-ятъ все смѣется надъ нимъ. Вотъ разъ правдивай-ятъ папрасилъ кусочикъ хлѣпца у кривадушнава-та: „дай мнѣ кусочикъ хлѣпца.“ — А што за нево мнѣ дашъ? гаваритъ кривадушный-ятъ. — „Што хошъ возьми, што у меня есть, гаваритъ правдивай-ятъ. — Дай, слышъ, глазъ я тебѣ выкалю? — Ну, выкали, онъ ему гаваритъ.—Вотъ эвтимъ дѣламъ-та кривадушнай-ятъ и выкалалъ правдиваму-та глазъ, выкалалъ и далъ ему маленько хлѣпца. Тотъ, слышъ, стерпѣлъ, взялъ кусочикъ хлѣпца, съѣлъ, и пашли апять па дароги. Шли, шли; апять правдивай-ятъ у кривадушнава-та сталъ прасить хлѣпца кусочикъ. Вотъ тотъ апять разна сталъ надъ нимъ насмѣхаться: „дай другой глазъ я тебѣ выкалю, ну тада (тода) дамъ кусочикъ.“ —Ахъ, братецъ, пожалѣй, я слѣпой буду—знашъ, правдивай-ятъ упрашивалъ ево. —Нѣтъ, слышъ! за то ты правдивай; а я живу кривдай, кривадушнай-ятъ ему гаварилъ. Што дѣлать? ну такъ таму дѣлу и быть. „На, выкали и другой, кали грѣха не боишся“ — правдивай-ятъ, знашъ, гаваритъ кривадушнаму-та. Вотъ, братецъ мой, выкалалъ ему и другой-ятъ глазъ, выкалалъ и далъ ему маленько хлѣпца; далъ хлѣпца и аставилъ его на дороги: „вотъ стану я тебя вадить!“

Ну што дѣлать — слѣпой съѣлъ кусочикъ хлѣпца, и пашолъ патихоньку ощупью съ палачкой. Шолъ, шолъ кае-какъ и збился съ дароги и не знатъ,

куды ему итти. Вотъ и началъ онъ прасить Бога: „Госпади! не аставь меня грѣшнава раба тваево!“ Малился, малился; вотъ и услыхалъ онъ голасъ, хто-то, слышъ, ему гаваритъ: „иди ты на-право; какъ пайдешъ на-право, пайдешъ къ лѣсу; придешь къ лѣсу — найди ты ощупью трапинку; пайдешъ трапинку — пади ты па той трапинки; пайдешъ па трапинки — придешъ на гремячай ключь; какъ придешъ ты къ гремячему ключу — умойся, слышъ, изъ нево вадою, испей той вады и намочи ею глаза: ты, слышъ, празрѣишъ; какъ празрѣишъ, пади ты вверхъ па ключу таму и увидишъ бальшой дупъ (дубъ); увидишъ дупъ, падайди къ няму и залѣсь (влѣзь) на нево. Какъ залѣзишъ на нево, даждись ночи; даждешся ты ночи; слушай, што будетъ гаварить патъ (подъ) эвтимъ дубомъ нечистые духи: аня, слышъ, тутъ слятаются на таковище.“ Вотъ онъ кое-какъ дабрелъ да лѣса, палозилъ, налозилъ па немъ, напалъ кое-какъ на трапинку. Пашолъ па той трапинки, дашолъ да гремячава ключа; дашолъ да ключа, умылся вадою; испилъ и примачилъ глаза, и вдругъ увидѣлъ опять свѣтъ божій, — знамъ, празрѣлъ. Вотъ какъ празрѣлъ, и пашолъ вверхъ па таму ключу. Шолъ, шолъ па немъ; вотъ и видитъ бальшой дупъ. Падъ нимъ все утоптана. Вотъ онъ влѣсъ на тотъ дупъ, влѣсъ и даждался ночи. Вотъ начали падъ тотъ дупъ слятаться со всѣхъ старонъ бѣсы; слятались, слятались, вотъ и начали разсказывать, гдѣ, знашъ, хто былъ. Вотъ адинъ бѣсъ и гаваритъ: „я былъ у такой-то царевны. Вотъ, десять гадо́въ ее мучаю. Всяка меня выганяютъ изъ нее: нихто, слышъ, меня не сможетъ выгнать, а тотъ, хто вотъ у такова-та багатава купца дастанитъ образъ Смаленскай Божей Матери, што у нево на варотахъ въ куотѣ (кіотѣ) удѣланъ.“ Вотъ на утро, какъ всѣ бѣсы разлятѣлись, правдивай-атъ слѣсъ съ дуба, и пашолъ искать таво купца. Искалъ, искалъ, кое-какъ нашолъ ево. Нашолъ и просится работать на нево: „хать готъ (годъ) праработаю, ништо мнѣ не нада, толька дай мнѣ образъ Божей Матери съ варотъ.“ Купецъ сагласился, принялъ ево къ себѣ въ работники. Вотъ работалъ онъ у нево, што ни есть мочи, круглый готъ. Праработавши готъ, онъ проситъ тотъ образъ. Вотъ купецъ, слышъ: „ну, братецъ, даволенъ я твоей работай, толька жалка мнѣ образа, возьми лутча деньги.“ — Нѣтъ, не нада денихъ, а дай мнѣ ево па уговору. „Нѣтъ, не дамъ образъ. Праработай ищо годъ, ну — такъ и быть — тада отдамъ тебѣ ево.“ Вотъ эвтимъ дѣламъ-та правдивай-атъ мужичокъ работалъ ищо годъ; ни дня, ни ночи не зналъ, все рабаталъ, такой старательнай былъ. Вотъ праработалъ готъ, апять, знашъ, сталъ прасить образъ Божей Матери съ варотъ. Купцу апять жаль и ево атпустить, и образъ-атъ атдать: „Нѣтъ, лутча я тебя казною награжу, а кали хочишъ, то парабатай ищо годъ — ну, такъ атдамъ тебѣ образъ.“ Вотъ-такъ таму дѣлу и быть: апять сталъ рабатать готъ. Рабаталъ ищо пуще таво: всѣмъ на диво — какой былъ рабатящай! Вотъ прарабаталъ и третій годъ, прарабаталъ, и апять проситъ образъ. Вотъ купецъ — дѣлать нечаво — снялъ образъ съ варотъ и отдалъ

ему: „на, слышъ, возьми образъ и ступай съ Богомъ!“ Напаилъ, накармилъ ево, и деньгами наградилъ малую талику.

Вотъ этимъ дѣламъ-та взялъ онъ образъ Смаленскай Божей Матери, взялъ ево и павѣсилъ на себя; павѣсилъ на себя и пашолъ, слышъ, къ таму царю царевну лечить, у каторай бѣсъ-атъ мучитель сидитъ. Шолъ, шолъ, и пришолъ къ таму царю. Пришолъ къ царю и гаваритъ: „я де вашу царевну излечить смагу.“ Вотъ, знашъ, эвтимъ дѣламъ-та впустили ево въ харомы царскіе, впустили и паказали ему ту скарбящую царевну. Паказали царевну; вотъ онъ спрасилъ вады. Падали воды. Вотъ онъ перекрестился и три земныхъ паклона палажилъ, — знашъ, памалился Богу; памалился Богу, и снялъ съ себя образъ Божей Матери, снялъ ево и съ малитвою три раза въ воду апустилъ; апустилъ, знашъ, и надѣлъ ево на царевну; надѣлъ на царевну, и велѣлъ ей тою вадою умываться. Вотъ эвтимъ дѣломъ-та какъ ана матушка надѣла на себя тотъ образъ и умылась тою вадою, вдрухъ изъ за нее недугъ-атъ, знашъ — вражья-та нечистая сила — клубомъ вылятѣлъ вонъ. Вылятѣлъ вонъ, и ана стала здарова па прежнему. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та не вѣсть какъ всѣ абрадывались, абрадывались и не знали чѣмъ наградить эвтова мужичка: и землю давали, и вотчину сулили, и жалаванье большое клали. — Нѣтъ, слышъ, ничаво не нада! Вотъ царевна-та и гаваритъ царю: „я за мушъ за нево иду.“ — Ладна, царь-атъ сказалъ. Вотъ эвтимъ дѣлаиъ-та и павѣнчались; павѣнчались, и сталъ нашъ мужичокъ хадить, знашъ, въ адежѣ царской, жить въ царскихъ харомахъ, пить-ѣсть все на все за одно съ ними. Жилъ, жилъ и принатарѣлъ (т. е. приноровился къ ихъ пріемамъ и обычаямъ) къ нимъ.

Вотъ какъ принатарѣлъ онъ къ нимъ — и гаваритъ: „пустите меня на родину; у меня есть мать старушка бѣдная.“ — Ладно! царевна, знашъ жена-та ево, сказала: паѣдимъ вмѣсти. Вотъ и паѣхали ани вмѣсти, вдваемъ съ царевнай. Лошади-та, адежа, каляска, збруя — все царская. Ѣхали, ѣхали и подъѣзжаютъ ани къ ево родинѣ; падъѣзжаютъ къ родинѣ, вотъ и нападается на встрѣчу имъ тотъ кривадушной, што, знашъ, спорилъ-та съ нимъ, што лутча жить кривдай, чѣмъ правдай. Идетъ на встрѣчу; вотъ правдивай-атъ, царской-атъ сынъ, и гаваритъ: „здраствуй, братецъ мой!“ — называетъ ево па имяни. Тому, знашъ, въ диковину, што въ каляски такой знатный баринъ ево знатъ, и не узналъ ево. „Помнишъ, ты спорилъ со мною, што лутча жить кривдай, чѣмъ правдай, и выкалалъ мнѣ глаза? Эвто я самой!“ Вотъ, знашъ, онъ арабѣлъ и не зналъ, што дѣлать. — Нѣтъ, не бойся; я на тебя не сержусь, а жилаю и тебѣ такова-жъ счастья. Вотъ пади ты въ такой-та лѣсъ, знашъ — научатъ ево, какъ ево Богъ научилъ. Въ томъ лѣси увидишъ ты трапинку; пади па той трапинки, придешъ ты къ гремячему ключу; напейся изъ таво ключа вады и умойся. Какъ умоишся, пади ты вверхъ па ключу, увидишъ тамъ ты бальшой дупъ, влѣсь на нево и праси-

ди всю ночь на немъ. Падъ нимъ, слышъ, таковище нечистыхъ духовъ, и ты слушай и услышишь свае счастье!

Вотъ, знашъ, кривадушнай-ятъ па ево слову, кокъ па писанаму все эвто здѣлалъ. Нашолъ лѣсъ и ту трапинку. Пашолъ па трапинки и пришолъ къ гремячему ключу; напился и умылся, умылся и пашолъ, знашъ, вверхъ па немъ, пашолъ вверхъ, и увидѣлъ бальшой дупъ: надъ нимъ все утоптана. Вотъ онъ залѣсъ на эвтотъ дупъ, залѣсъ на дупъ и даждался ночи; дождался ночи и слышитъ, знашъ, какъ са всѣхъ старонъ слятались на таковище нечистые духи. Вотъ какъ слятѣлись, и услыхали по духу ево на дубу; услыхали по духу и растерзали ево на мелкія части. Такъ тѣмъ эвто дѣло и пакончилось, што правдивай-ятъ сталъ царскимъ сыномъ, а кривадушнава-та загрызли черти.

(Аѳанасьева I, 10).

—

b. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были въ одной деревнѣ два сосѣда — оба портные. Разъ согласились они и пошли вмѣстѣ въ иныя волости промышлять своимъ мастерствомъ. Пришли въ село, начали бабъ да мужиковъ обшивать, и заработали по двадцати рублевъ на брата. Собрались и пошли въ другую волость; тѣ-другіе разговоры и заспорили: чѣмъ лучши жить: правдою, или кривдою? „Дуракъ ты! забранился криводушной; видишь: баре, купцы да торговые люди умѣютъ кривить, такъ они за то въ сапогахъ ходятъ; а у насъ на деревнѣ, чай знаешь старика Абрама: весь вѣкъ свой прожилъ правдою, а сапоговъ да хорошаго платья съ роду не нашивалъ!“ Правдивой стоитъ на своемъ, не соглашается. Вотъ и ударились они объ закладъ, а уговоръ былъ такой: дойти до перваго села и спросить у людей, чѣмъ лучше жить? коли скажутъ: правдою, то криводушной отдастъ правдивому свои двадцать рублевъ, а коли скажутъ: кривдою, то наооборотъ — пусть правдивой расплачивается. Пришли въ село и стали ходить по избамъ да спрашивать: „скажите, люди божіе, чѣмъ лучше жить: правдою или кривдою?“ Только кого ни пытаютъ, всѣ въ одно слово говорятъ: „нашли о чомъ спрашивать! кривдѣ вездѣ лучше, кривда въ сапогахъ ходитъ, а правда въ лаптяхъ!“ Отдалъ правдивой криводушному свои деньги, принялись по прежнему работать, бабъ, мужиковъ обшивать; заработали по тридцати рублевъ на брата и пошли въ третью волость. Дорогою тѣ-же разговоры; одинъ говоритъ: правда лучше; другой говоритъ: нѣтъ, кривда лучше! Поспорили и ударились объ закладъ на тридцать рублевъ. Дошли до села; кого ни спросятъ — всякъ одно твердитъ: „гдѣ ужь нынче правдой жить? правда-то въ лаптяхъ ходитъ, а кривда въ сапогахъ!“ Проспорилъ правдивой криводушному весь заработокъ. Въ третій разъ выработали они по пятидесяти рублевъ на брата, и заспорили. Заспорили и рѣшили на томъ: если кто теперь проспоритъ, у того деньги взять, и глаза ему выкопать. Зна-

мое дѣло, правдивой проспорилъ; криводушной взялъ у нево пятьдесять рублевъ, выкопалъ ему глаза, оставилъ одного на дорогѣ, а самъ ушелъ домой. „Видно, и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ на свѣтѣ правды! сказалъ слѣпой; кривда меня перемогла; какъ мнѣ быть невидущему?“ Побрелъ ощупью и напалъ на тропинку; эта тропинка привела его до станка [1]). Тутъ нащупалъ онъ толстое дерево, взлѣзъ на самую верхушку и просидѣлъ до позднято вечера. Какъ стемнѣло, пришелъ на то мѣсто старецъ, принесъ вязанку дровъ, сбросилъ съ пленъ, и сказалъ: „Господи, благослови!“ Немного погодя пришелъ другой старецъ, а тамъ и третій; сбросили съ плечъ по вязанки дровъ и также промолвили: „Господи, благослови!“ Потомъ развели они огонь, сѣли возлѣ костра и стали разговаривать. Одинъ говоритъ: „у нашего царя третій годъ какъ дочь больна, кто ее вылѣчитъ, за того царь отдастъ ее замужъ.“ Другой говоритъ: „царевну просто вылѣчить; она заболѣла въ самой Троицынъ день. Подалъ ей за обѣдней попъ просвиру, она стала ѣсть и уронила подъ полъ крошку, ту крошку подхватила лягушка и съѣла; отъ того вся бѣда приключилась. Теперь коли въ Троицынъ день взять бычью кожу, помазать ее медомъ да положить подъ церковный полъ; лягушка сейчасъ сползетъ на кожу, полижетъ меду, станетъ гадовать (блевать), и выронитъ просвирную крошку. Тогда только взять эту крошку, обмыть въ водѣ да скормить царевнѣ — царевна и поздоровѣетъ.“ На другое утро стали старцы росой умываться, и говорятъ между собой: „какая сегодня славная роса! стоитъ ею разъ-другой помочить глаза — такъ и слѣпота пропадетъ!“ Послѣ того старцы ушли, а слѣпой швецъ (портной) спустился съ дерева, умылся росою — и въ ту-жъ минуту сталъ видить лучше прежняго, словно никогда и глазъ не терялъ. Прославилъ онъ Господа Бога и пошелъ въ тотъ городъ, гдѣ жила больная царевна. На Троицынъ день явился онъ къ царю, потребовалъ себѣ бычью кожу да меду, сдѣлалъ все, какъ сказывалъ старецъ, и вылѣчилъ царевну. Царь обрадовался и выдалъ за него свою дочь.

(Аѳанасьева VI, 15, с.)

Пословицы о кривдѣ и правдѣ.

1. Чтò ни говори, а правда надобна.
2. Деньги смогутъ много, а правда все.
3. На пословицу, на дурака, да на правду — и суда нѣтъ.
4. За правду не судись, скинь шапку — да поклонись!
5. На правдѣ ничего не возьмешь. На правдѣ взяки гладки.

---

*) Станокъ—избушка, выстроенная въ лѣсу, которая служитъ убѣжищемъ для рыболововъ, лѣсничихъ и охотниковъ.

6. Правда со дна моря выноситъ.
7. Засыпь правду золотомъ, а она всплыветъ.
8. Правдолюбъ — душа нагишемъ.
9. Лжей много, а правда одна. Ложью какъ хошь верти, а правдѣ путь одинъ.
10. И перекати-пòле на виноватаго доносчикъ.
11. И ракитовый кустъ за правду стоитъ.
12. Ржа на желѣзѣ, а неправда въ человѣкѣ не утаится.
13. Рать стоитъ до мира, ложь до правды.
14. На правду, да на смерть, чтò на солнце: во всѣ глаза не взглянешь....
15. Безъ правды не жить — да и о правдѣ не жить.
16. Правда въ дѣло не годится, а въ кивотъ поставить, да молиться.
17. Съ правдой шутить, чтò съ огнемъ.
18. Была правда, да по мелочамъ, въ разновѣску ушла.
19. Ложь не живуща.

(Даля, Пословицы. 189—203).

20. Кривдою свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься.

(Даля, Словарь, 800).

21. Правдою цілий світъ зійдешь, а неправдою а ни до порога.
22. Правда кривду переважить (перевѣситъ).
23. Правда на дні моря сночивае.
24. Правда — як олива наверхъ вийде.
25. Брехнею не далеко зайдешь.
26. Брехнею світъ прійдешь, (перейдешь) та назадъ не вернесся.... а правдою и перейдешь, и вернесся.
27. З брехни не мруть, та бильше віри не ймуть.
28. Не на брехні світъ своіть.
29. Брехнею світ живе.

(Номиса, Укр. Пословицы, 130—132).

30. Лучче кривду терпіти, як кривду чинити.
31. Хто кривдить людей, той кривдіть своихъ дітей.
32. Каждому кривда не мила.

(Номиса, 46).

33. И горе мені, и добре мені — и бьють мене, и правда моя.

(Номиса, 78).

III. ОСТАТКИ ЖИВОТНАГО ЭПОСА.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХЪ.

Лиса.

а. Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: ты, баба, пеки пироги а я пойду за рыбой. Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ какъ мертвая. „Вотъ будетъ подарокъ женѣ", сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать изъ воза все по рыбкѣ — да по рыбкѣ, все по рыбкѣ — да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла. „Ну, старуха, говоритъ дѣдъ, какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу." — Гдѣ? „Тамъ на возу — и рыба и воротникъ." Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: ахъ ты, старой хрѣнъ! такой — сякой! ты еще вздумалъ обманывать! Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего. А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ себѣ. На встрѣчу ей идетъ волкъ? здравствуй, кумушка! — Здравствуй, куманекъ! — Дай мнѣ рыбки! — Налови самъ, да и ѣшь. — „Я неумѣю". Эка, вить я же наловила; ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ пролубь, — рыба сама на хвостъ нацѣпляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь. Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ пролубь, — дѣло-то было зимою. Ужь онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться: не тутъ-то было. „Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь" думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: волкъ, волкъ! бейте его! бейте его! Прибѣжали и начали колотить волка — кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. „Хорошо же, думаетъ, ужь я тебѣ отплачу, кумушка!"

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробывать, не удастся ли еще что нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжитъ. А волкъ ей на встрѣчу: такъ-то учишь ты? меня всего исколотили! — Эхъ, куманекъ, говоритъ лисичка-сестричка, у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ, меня больнѣй твоего прибили; я насилу плетусь. — И то правда, говоритъ волкъ; гдѣ тебѣ, кумушка, ужь идти; садись на меня, я тебя до-

везу. Лисичка сѣла ему на спину, онъ и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: „битый не-битаго везетъ, битый не-битаго везетъ!“ — Чтò ты, кумушка, говоришь? — Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ. „Такъ, кумушка, такъ!“

— Давай, куманекъ, построемъ себѣ хатки. — „Давай, кумушка!“ — Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную. Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ — лубяную, а волку — ледяную; и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. — А, кумушка, говоритъ волкъ, ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть. „Пойдемъ, куманекъ, еще поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть.“ Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ: прыгай; если ты перепрыгнешь черезъ яму — тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь — мнѣ тебя ѣсть. Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. „Ну, говоритъ лисичка, сиди же тутъ!“ — и сама ушла.

Идетъ она, несетъ скалочку въ лапкахъ, и просится къ мужичку въ избу: „пусти лисичку-сестричку переночевать.“ — У насъ и безъ тебя тѣсно. „Я не потѣсню васъ; сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку.“ Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку и т. д. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а послѣ спрашиваетъ: „гдѣ же моя скалочка, я за нее и гусочку не возьму.“ Мужикъ — дѣлать нечево — отдалъ ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку: идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку,
За скалочку — гусочку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ другому мужику. — Кто тамъ? „Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.“ — У насъ и безъ тебя тѣсно. „Я не потѣсню васъ; сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку. Рано утромъ она вскочила, схватила гусочку, ощипала ее, съѣла и говоритъ: „гдѣ же моя гусочка? я за нее индюшечку не возьму!“ Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ третьему мужику. — Кто тамъ? „Я лисичка-сестричка; пустите переночевать. — У насъ и безъ тебя тѣсно. — Я не потѣсню васъ, сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку. Ее пустили; вотъ она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку. Рано утромъ лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съѣла и говоритъ: „гдѣ же моя индюшеч-

ка? я за нее не возьму и невѣсточку.“ Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за индюшечку — невѣсточку. Лисичка посадила ее въ мѣшокъ, идетъ и поетъ:

> Итла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
> Несла скалочку;
> За скалочку — гусочку,
> За гусочку — индюшечку,
> За индюшечку — невѣсточку!

Стукъ, стукъ, стукъ! стучится она въ избу къ четвертому мужику. — Кто тамъ? — Я лисичка-сестричка; пустите переночевать. — У насъ и безъ тебя тѣсно. — Я не потѣсню васъ; сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку. Ее пустили; она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку. Мужикъ потихоньку выпустилъ изъ мѣшка невѣсточку, а впихалъ туда собаку. Вотъ по утру лисичка-сестричка собралась въ дорогу, взяла мѣшокъ, идетъ и говоритъ: невѣсточка, пой пѣсни! а собака какъ зарычитъ. Лисичка испугалась, какъ шваркнетъ мѣшокъ съ собакою, да бѣжать.

Вотъ бѣжитъ лисичка и видитъ: на воротахъ сидитъ пѣтушокъ. Она ему и говоритъ: „пѣтушокъ, пѣтушокъ, слѣзь сюда? я тебя исповѣдаю — ты завсегда грѣшонъ.“ Пѣтухъ слѣзъ; она хвать его и скушала.

---

b. Жили-были кума съ кумой — волкъ съ лисой. Была у нихъ кадочка медку. А лисица любитъ сладенькое; лежитъ кума съ кумомъ въ избушкѣ, да украдкою постукиваетъ хвостикомъ. — Кума, кума, говоритъ волкъ, кто-то стучитъ. „А, знать, меня на повой *) зовутъ“, бормочетъ лиса. — Такъ поди, сходи, говоритъ волкъ. Вотъ кума изъ избы да прямехонько къ меду, нализалась и вернулась назадъ. — Что Богъ далъ? спрашиваетъ волкъ. — Початочекъ, отвѣчаетъ лисица. Въ другой разъ опять лежитъ кума, да постукиваетъ хвостикомъ. — Кума, кто-то стучится, говоритъ волкъ. — На повой, знать, зовутъ! — Такъ сходи. Пошла лисица, да опять къ меду, нализалась до сыта: медку только на дѣнышкѣ осталось. Приходитъ къ волку. — Что Богъ далъ? спрашиваетъ онъ. — Середышекъ. Въ третій разъ опять также обманула лисица волка, и долизала ужъ весь медокъ. — Что Богъ далъ? спрашиваетъ ее волкъ. — Поскребышекъ.

Долго ли, коротко ли — прикинулась лисица хворою, проситъ кума медку принести. Пошелъ кумъ, а меду ни крошки. — Кума, кума! кричитъ волкъ, вѣдь — медъ съѣденъ. — Какъ съѣденъ? Кто же съѣлъ? Кому окромѣ тебя! нагоняетъ лисица. Волкъ и котится и божится. — Ну, хорошо, говоритъ лисица: давай ляжемъ на солнышкѣ, у кого вытопится медъ, тотъ

---

*) Пріемъ новорожденнаго; отъ слова повивать.

и виноватъ. Пошли, легли, Лисицѣ не спится, а сѣрой волкъ хранитъ во всю пасть. Глядь поглядь — у кумы-то показался медокъ; она нутко скорѣе перемазывать его на волка. — Кумъ, кумъ! толкаетъ волка — это что? вотъ кто съѣлъ! — И волкъ, нечево дѣлать, повинился. Вотъ вамъ сказка, а мнѣ кринка масла.

с. Жили-были лиса да заяцъ. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная: пришла весна красна — у лисицы растаяла, а у зайчика стоитъ по старому. Лиса попросилась у зайчика погрѣться, да зайчика то и выгнала. Идетъ дорогой зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу собаки: тяфъ, тяфъ, тяфъ! про што, зайчикъ, плачешь? А зайчикъ говоритъ: отстаньте, собаки! какъ мнѣ не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала. — Не плачь, зайчикъ, говорятъ собаки; мы ее выгонимъ. — Нѣтъ, не выгоните! — Нѣтъ, выгонимъ. Подошли къ избенкѣ: „тяфъ, тяфъ, тяфъ! поди лиса, вонъ!“ А она имъ съ печи: „какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!“ Собаки испугались и ушли.

Зайчикъ опять идетъ да плачетъ. Ему на встрѣчу медвѣдь: о чемъ, зайчикъ, плачешь? А зайчикъ говоритъ: отстань, медвѣдь! Какъ мнѣ не плакать; была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала. — Не плачь, зайчикъ, говоритъ медвѣдь: я выгоню ее. — Нѣтъ, не выгонишь! собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь. — Нѣтъ, выгоню. Пошли гнать: поди, лиса, вонъ! А она съ печи: „какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!“ Медвѣдь испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу быкъ: про што, зайчикъ, плачешь? — Отстань, быкъ! Какъ мнѣ не плакать; была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала. — Пойдемъ, я ее выгоню. — Нѣтъ, быкъ, не выгонишь? собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ — не выгналъ, и ты не выгонишь. — Нѣтъ, выгоню. Подошли къ избенкѣ: поди, лиса, вонъ! А она съ печи: „какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!“ Быкъ испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему на встрѣчу пѣтухъ съ косой: кукуреку! о чемъ, зайчикъ, плачешь? — Отстань, пѣтухъ! Какъ мнѣ не плакать; была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала. — Пойдемъ, я выгоню. — Нѣтъ, не выгонишь! собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ — не выгналъ, быкъ гналъ — не выгналъ, и ты не выгонишь. — Нѣтъ, выгоню. Подошли къ избенкѣ: „кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!“ А на услыхала, испугалась, говоритъ: одѣваюсь... Пѣтухъ опять: „кукуреку!

несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!“ А она говоритъ: шубу надѣваю. Пѣтухъ въ третій разъ: „кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!“ Лисица выбѣжала; онъ ее и зарубилъ косой-то, и сталъ съ зайчикомъ жить да поживать, да добра наживать [1]. Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

---

d. Живалъ-бывалъ старикъ да старушка. Старушка померла; старику стало очень жалко, пошелъ онъ искать плачей [2]. — Идетъ, а на встрѣчу ему медвѣдь: куда, старикъ, пошелъ? — Плачеи искать; старуха померла.— Возьми меня въ плачеи. Старикъ спрашиваетъ: умѣешь ли плакать? Онъ заплакалъ: м-е! Старикъ говоритъ: „не умѣешь, не надобно, голосъ не хорошъ.“ Пошелъ впередъ; лисича бѣжитъ: куда, старикъ, пошелъ? спрашиваетъ его. — Плачеи искать; старуха померла. — Возьми-ко меня.—Умѣешь ли плакать? поплачь-ко. Она заплакала: „у-крестья-я-ни-на — бы-ла — старуш-ка—по-у-тру—ра-но—вста-ва-ла—боль-ше—прост-ня [3]—пря-ла—щи—ка-щу—ва-ри-ла—ста-ри-ка—кор-ми-ла.“ Старикъ сказалъ лисичи: „ступай, ты мастерича плакать“, и привелъ ее домой, старухѣ въ ноги посадилъ — та стала плакать — а самъ пошелъ гробъ строить. Пока старикъ ходилъ да воротился, а въ избѣ нѣтъ ни старухи, ни лисичи: все лисича съѣла и сама ушла. Поплакалъ, поплакалъ старикъ и сталъ жить одинъ.

---

e. Посѣялъ мужикъ съ медвѣдемъ вмѣстѣ рѣпу, и родилась рѣпа добрая. Медвѣть мужику сказалъ: „твои коренья, а мои верхушки“. Мужикъ усю зиму ѣлъ, а медвѣть съ голоду помиралъ. На другой годъ медвѣть сказалъ мужику: „давай сѣять пшеницу.“ Пшеница родилась добрая. — Теперь ты бери верхушки, сказалъ медвѣть мужику, а мои коренья. Мужикъ усю зиму ѣлъ, а медвѣть едва съ голоду не померъ. На третій годъ мужикъ одинъ пашетъ. Медвѣть къ нему пришелъ и гутаритъ ему: я тебя, мужикъ, съѣмъ (за то), что ты меня обманываешь. А мужикъ сказалъ ему: погоди, пашню допашу. Медвѣть и легъ подъ мужичью телегу. У ту пору

---

[1] Въ архангельской губерніи есть побасенка:

Идетъ пѣтухъ на пятахъ,
Несетъ саблю на плечахъ,
Хочетъ лису посѣчи
По самыя плечи.
Вонъ лиса, вонъ кума!
—Вотъ я тебя, пѣтушища,
По колѣнамъ-то полѣномъ!

[2] Плачея — женщина, оплакивающая по обычаю покойника, съ разными причитаньями.

[3] Прóстень — количество льна, выпрядаемое на одно веретено.

бѣжитъ лиса къ мужику и говоритъ: „мужикъ, я тебя отъ смерти отведу: что ты мнѣ за работу дашь?“ Мужикъ сказалъ: куръ мѣшокъ. — Хорошо; я у тебя спрошу: что у тебя подъ телегою лежитъ? — А медвѣть мужику говоритъ: скажи, что калода. Лиса говоритъ: кабы была калода, она бы на телегѣ была увязана. У ту пору убѣжала прочь, а послѣ опять возвратилась и говоритъ мужику: что у тебѣ на телегѣ лежитъ? Мужикъ сказалъ: калода. — А кабы калода, у ней бы тапоръ былъ ваткнутъ. Медвѣть сказалъ мужику: ваткни въ меня тапоръ. Мужикъ и ваткнулъ тапоръ медвѣдю, отчего медвѣть и кончился [1]). Лиса говоритъ мужику: вывези же обѣщанный мѣшокъ куръ. На другой день выѣхалъ мужикъ на пашню и вывезъ мѣшокъ, а въ немъ двѣ курицы и барзую сабаку. Вдругъ лиса прибѣгаетъ и говоритъ мужику: что, привезъ куръ? — Привезъ. — Ну, ты же пущай по одной, а не всѣхъ вдругъ. Мужикъ выпустилъ курицу и другую, потомъ сабаку. Сабака за лисой, лиса отъ сабаки побѣжала въ нору. Сабака стоитъ у норы, а лиса сама съ собою говоритъ: „ноги, что вы дѣлали? — Мы бѣжали. А вы, глазки? — Мы глядѣли. А вы, уши? — Мы слушали. А ты, хвостъ? — Я, говоритъ, тебѣ подъ ноги мѣшался, чтобъ ты упала.“ У ту пору лиса асердилась на хвостъ, и высунула его изъ норы: на, сабака, ѣшь хвостъ! Сабака ухватила лису за хвостъ и вытащила ее, и разорвала.

(Аѳанасьева сказ. I, 1).

f. Лиса и ракъ стаятъ вмѣстѣ и гыварятъ праменшъ себя. Лиса гваритъ раку: „давай съ табой пиреганятца.“ Ракъ: „штошъ, лиса, ну давай!“ Зачали пирганятця. Лишь лиса пабѣгла, ракъ уцынился лисѣ за хвостъ. Лиса обярнулась пысмотрѣть, вярнула хвастомъ, ракъ атцыпился и гваритъ: „а я давно ужъ жду тебя тутъ.“

g. Лиса съ журавлемъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого то въ гостяхъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: „приходя, куманекъ! приходи, дорогой! ужь я какъ тебя угощу!“ Идетъ журавль на званый пиръ, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и подчиваетъ: „покушай, мой голубчикъ-куманекъ!“ Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучалъ-стучалъ, ничего не попадаетъ! а лисица въ это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу, такъ всю сама и скушала. Каша съѣдена; лисица и говоритъ: „не безсудь, любезный кумъ! больше подчивать нечѣмъ.“ — Спасибо, кума, и на этомъ!

[1]) Кончаться — погибать, пропадать, умирать.

Приходи ко мнѣ въ гости. На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: „кушай, кумушка! право больше нечѣмъ подчевать." Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина, и такъ зайдетъ, и эдакъ, лизнетъ его, и понюхаетъ-то, все ничего не достанетъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ, А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ да клюетъ, пока все поѣлъ. „Ну, не безсудь, кума! больше угощать нечѣмъ." Взяла лису досада, думала, думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла, какъ несолоно хлебала. Какъ аукнулось, такъ и откликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлемъ — врозь.

(Аѳанасьева IV, 5,6).

---

h) Жилъ да былъ старикъ со старухой, у нихъ была внучка Снѣгурушка. Собрались ея подружки итти въ лѣсъ по ягоды, и пришли ее звать съ собой. Старики долго не соглашались, но послѣ многихъ просьбъ отпустили Снѣгурушку и приказали ей не отставать отъ подругъ. Ходя по лѣсу и собирая ягоды, деревцо за деревцо, кустикъ за кустикъ, Снѣгурушка отстала отъ своихъ подругъ. Онѣ аукали ее, аукали, но Снѣгурушка не слыхала. Ужь стало темно, подружки пошли домой, Снѣгурушка, видя, что она осталась одна, взлѣзла на дерево, стала горько плакать, припѣваючи: „ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка! у дѣдушки, у бабушки была внучка Снѣгурушка! ее дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши покинули." Идетъ медвѣдь и спрашиваетъ: „о чемъ ты, Снѣгурушка, плачешь?" — Какъ мнѣ, батюшка медвѣдюшка, не плакать! я одна у дѣдушки, у бабушки внучка Снѣгурушка; меня дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши покинули. "Сойди, я тебя отнесу." — Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съѣшь! Медвѣдь ушелъ отъ нея. Она опять заплакала, припѣваючи: ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка!.." Идетъ волкъ, спрашиваетъ: „о чемъ ты, Снѣгурушка, плачешь?" Она отвѣчаетъ ему тоже, что и медвѣдю. „Сойди, я тебя отнесу."—Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съѣшь! Волкъ ушелъ, а Снѣгурушка опять заплакала, причитаючи: „ау! ау! голубушка!.." Идетъ лисица, спрашиваетъ: „чего ты, Снѣгурушка, плачешь?"—Какъ мнѣ, лисынька, не плакать! меня дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши покинули. „Сойди, я тебя отнесу." Снѣгурушка сошла, сѣла на спину къ лисицѣ, и та помчалась съ нею; прибѣжала къ дому и стала хвостомъ стучаться въ калитку.—Кто тамъ? Лисица отвѣчаетъ, что она принесла къ старику и старухѣ ихъ внучку Снѣгурушку. „Ахъ, ты наша дорогая, такая-сякая, немазанная! Войди къ намъ въ избу. Гдѣ намъ тебя посадить и чѣмъ угостить?" Принесли молока, яицъ, творогу, и стали лисицу подчивать за ея услугу. А лисица проситъ, чтобъ въ награду дали ей курицу и пустили бы ее въ поле. Старики простились съ лисицею, посадили въ одинъ мѣшокъ курицу, а въ другой собаку, и поне-

сли за нею на указанное мѣсто. Выпустили курицу; только было лисица бросилась за нею, выпустили и собаку. Увидя собаку, лисица какъ припуститъ въ лѣсъ, такъ и ушла.

і) Жилъ-былъ старикъ со старухою, была у нихъ дочка. Разъ ѣла она бобы и уронила одинъ на землю. Бобъ росъ-росъ и выросъ до неба. Старикъ полѣзъ на небо; взлѣзъ туда, ходилъ-ходилъ, любовался-любовался, и говоритъ себѣ: „дай, принесу сюда старуху въ мѣшокъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ опять на верхъ; лѣзъ, лѣзъ, усталъ да и выронилъ мѣшокъ. Спустился поскорѣе, открылъ мѣшокъ, смотритъ—лежитъ старуха, оскаливъ зубы. Онъ и говоритъ: „что ты, старуха, зубы-то оскалила?“ да какъ увидѣлъ, что она уже мертвая, такъ и залился слезами. Жили они одни одинехоньки, среди пустыря: некому и поплакать-то по старухѣ. Вотъ старикъ взялъ мѣшокъ съ тремя парами бѣленькихъ курочекъ и пошелъ искать плачеи. Видитъ—идетъ медвѣдь, онъ и говоритъ: „поплачь-ко, медвѣдь, по моей старухѣ! я дамъ тебѣ двѣ бѣленькихъ курочки.“ Медвѣдь заревѣлъ: „ахъ, ты моя родимая бабушка! какъ тебя жалко.“ — Нѣтъ, говоритъ старикъ, ты не умѣешь плакать. И пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и повстрѣчалъ волка: заставилъ его причитать, и волкъ не умѣетъ. Пошелъ еще и повстрѣчалъ лису, заставилъ ее причитать за пару бѣленькихъ курочекъ. Она и запѣла: „туру-туру, бабушка! убилъ тебя дѣдушка.“ Мужику понравилась пѣсня, онъ заставилъ лису пѣть въ другой, третій и четвертой разъ; хвать, а четвертой пары курочекъ н не достаетъ. Старикъ говоритъ: „лиса, лиса! я четвертую пару дома забылъ; пойдемъ ко мнѣ.“ Лиса пошла за нимъ слѣдомъ. Вотъ пришли домой; старикъ взялъ мѣшокъ, положилъ туда пару собакъ, а сверху заложилъ лисанькиными шестью курочками, и отдалъ ей. Лиса взяла и побѣжала; немного погодя остановилась около пня и говоритъ: „сяду на пенёкъ, съѣмъ бѣлую курочку.“ Съѣла и побѣжала впередъ; потомъ еще на пенёкъ сѣла и другую курочку съѣла, затѣмъ третью, четвертую, пятую и шестую. А въ седьмой разъ открыла мѣшокъ, собаки на нее и выскочили. Лиса ну бѣжать, бѣжала, бѣжала и спряталась подъ колоду, спряталась и начала спрашивать: ушки, ушки! что вы дѣлали? — Мы слушали да слушали, чтобъ собаки лисаньку не скушали. Глазки, глазки! что вы дѣлали? — Мы смотрѣли да смотрѣли, чтобъ собаки лисаньку не съѣли. Ножки, ножки! что вы дѣлали?—Мы бѣжали да бѣжали, чтобъ собаки лисаньку не поймали. А ты, хвостище, что дѣлалъ? — Я по пнямъ, по кустамъ, по колодамъ зацѣплялъ, чтобъ собаки лисаньку поймали да разорвали. А, ты такой! такъ вотъ-же, нате, собаки! ѣшьте мой хвостъ!—и высунула хвостъ, а собаки ухватили за хвостъ, и самое лисицу вытащили и разорвали.

(Аѳанасьева IV, 8, 9.)

2. Зимовье звѣрей.

Шелъ быкъ лѣсомъ; попадается ему на встрѣчу баранъ. „Куды, баранъ, идешь?“ спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищу, говоритъ баранъ. „Пойдемъ со мною!“ Вотъ пошли вмѣстѣ; попадается имъ на встрѣчу свинья. „Куды, свинья, идешь?“ спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ свинья. „Иди съ нами!“ Пошли втроемъ дальше; на встрѣчу имъ попадается гусь. „Куды, гусь, идешь?“ спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ гусь. „Ну, иди за нами!“ Вотъ гусь и пошелъ за ними. Идутъ, а на встрѣчу имъ пѣтухъ. „Куды, пѣтухъ, идешь?“ спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ пѣтухъ. „Иди за нами!“ Вотъ идутъ они путемъ-дорогою и разговариваютъ промежъ себя: „какъ-же, братцы-товарищи! время приходитъ холодное; гдѣ тепла искать?“ Быкъ и сказываетъ: „ну, давайте избу строить; а то и впрямь зимою позамерзнемъ.“ Баранъ говоритъ: „у меня шуба тепла — вишь какая шерсть! я и такъ прозимую.“ Свинья говоритъ: „а по мнѣ хоть какіе морозы — я не боюсь: зароюся въ землю и безъ избы прозимую.“ Гусь говоритъ: „а я сяду въ середину ели, одно крыло постелю, а другимъ одѣнуся, — меня никакой холодъ не возьметъ; я и такъ прозимую.“ Пѣтухъ говоритъ: „и я тожъ!“ Быкъ видитъ — дѣло плохо, надо одному хлопотать. „Ну, говоритъ, вы какъ хотите; а я стану избу строить.“ Выстроилъ себѣ избушку и живетъ въ ней. Вотъ пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баранъ — дѣлать нечего — приходитъ къ быку: „пусти, братъ, погрѣться.“ — Нѣтъ, баранъ, у тебя шуба тепла; ты и такъ перезимуешь. Не пущу! — „А коли не пустишь, то я разбѣгуся и вышибу изъ твоей избы бревно; тебѣ же будетъ холоднѣе.“ Быкъ думалъ-думалъ: „дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозитъ“ — и пустилъ барана. Вотъ и свинья прозябла, пришла къ быку: „пусти, братъ, погрѣться.“ — Нѣтъ, не пущу; ты въ землю зароешся, и такъ прозимуешь! — „А не пустишь, такъ я рыломъ всѣ столбы подрою да твою избу уроню.“ Дѣлать нечего, надо пустить; пустилъ и свинью. Тутъ пришли къ быку гусь и пѣтухъ: „пусти, братъ, къ себѣ погрѣться.“ — Нѣтъ; не пущу. У васъ по два крыла; одно постелишь, другимъ одѣнешься; и такъ прозимуете! — „А не пустишь, говоритъ гусь, такъ я весь мохъ изъ твоихъ стѣнъ повыщиплю; тебѣ же холоднѣе будетъ.“ — „Не пустишь? говоритъ пѣтухъ, такъ я взлечу на верхъ, всю землю съ потолка сгребу; тебѣ же холоднѣе будетъ.“ Что дѣлать быку? пустилъ жить къ себѣ и гуся, и пѣтуха.

Вотъ живутъ они себѣ да поживаютъ въ избушкѣ. Отогрѣлся въ теплѣ пѣтухъ и зачалъ пѣсеньки распѣвать. Услышала лиса, что пѣтухъ пѣсеньки распѣваетъ, захотѣлось пѣтушкомъ полакомиться, да какъ достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась къ медвѣдю да волку и сказала: „ну,

любезные куманьки! я нашла для всѣхъ поживу: для тебя, медвѣдь, быка; для тебя волкъ, барана; а для себя пѣтуха.“ — Хорошо, кумушка! говорятъ медвѣдь и волкъ, мы твоихъ услугъ никогда не забудемъ! пойдемъ же, приколимъ да поѣдимъ! Лиса привела ихъ къ избушкѣ. „Кумъ, говоритъ она медвѣдю, отворяй дверь, я напередъ пойду, пѣтуха съѣмъ.“ Медвѣдь отворилъ дверь, а лисица вскочила въ избушку. Быкъ увидалъ ее и тотчасъ прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ началъ осаживать по бокамъ; изъ лисы и духъ вонъ. „Что она тамъ долго съ пѣтухомъ не можетъ управиться? говоритъ волкъ. Отпирай, братъ Михайло Ивановичъ! я пойду.“ — Ну, ступай. Медвѣдь отворилъ дверь, а волкъ вскочилъ въ избушку. Быкъ и его прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ ну осаживать по бокамъ, и такъ его приняли, что волкъ и дышать пересталъ. Вотъ медвѣдь ждалъ-ждалъ: „что онъ до сихъ поръ не можетъ управиться съ бараномъ! дай я пойду:“ Вошелъ въ избушку; а быкъ да баранъ и его также приняли. Насилу вонъ вырвался, и пустился бѣжать безъ оглядки.

(Аѳанасьева IV, 21.)

3. Котъ и Баранъ.

Жилъ себѣ старикъ да старуха, у нихъ былъ котъ да баранъ. Старуха укопъ копитъ [1]), а котъ проказитъ. „Старикъ, говоритъ старуха, у насъ на погребѣ нездорово!“ — Надо поглядѣть, говоритъ ей старикъ, не со стороны ли кто блудитъ [2]). — Вотъ пошла старуха на погребъ и усмотрѣла: котъ сдвинулъ лапкой съ горшка покрышку и слизываетъ себѣ сметанку; выгнала кота изъ погреба и пошла въ избу, а котъ напередъ прибѣжалъ и запрятался на печи въ углу. „Хозяинъ! сказываетъ старуха, вотъ мы не вѣрили, что котъ блудитъ, а самой и есть; давай его убьемъ!“ Котъ услыхалъ эти рѣчи, какъ бросится съ печки да бѣгомъ къ барану въ хлѣвъ, и началъ его обманывать: „брате баранъ! меня хотятъ завтра убити, тебя зарѣзати.“ И сговорились они оба бѣжать ночью отъ хозяина. „Какъ же быть? спрашиваетъ баранъ; радъ бы я съ тобой лыжи навострить, да вѣдь хлѣвъ-то запертъ!“ — Ничего! Котъ тотчасъ взобрался на дверь, скинулъ лапкой веревочку съ гвоздя и выпустилъ барана. Вотъ и пошли они путемъ дорогою, нашли волчью голову и взяли съ собой; шли-шли, увидѣли: далеко въ лѣсу свѣтится огонекъ, они и пустились прямо на огонь. Подходятъ, а вокругъ огня грѣются двѣнадцать волковъ. „Богъ помочь вамъ, волкамъ!“ — Добро жаловать котъ да баранъ! „Брате, спрашиваетъ баранъ у кота, что намъ вечерять будетъ?“ — А двѣнадцать-то волчьихъ головъ! поди выбери, которая пожирнѣе. — Баранъ пошелъ въ кусты, поднялъ повыше

[1]) Собираетъ сметану и сливки на масло. [2]) Проказничаетъ.

волчью голову, что дорогой-то нашли, и спрашиваетъ: „эта-ли, брате котъ?“ — Нѣтъ, не эта, выбери получше. — Баранъ опять поднялъ ту-же голову и опять спрашиваетъ: „эта ли?“ Волки такъ напугались, что рады бы убѣжать, да безъ спросу не смѣютъ. Четверо волковъ и стали проситься у кота и барана: „пустите насъ за дровами! мы вамъ принесемъ.“ И ушли. Остальные восемь волковъ еще пуще стали бояться кота да барана: коли двѣнадцать смогли поѣсть, а осьмерыхъ и подавно поѣдятъ. Стало еще четверо проситься за водою. Котъ отпустилъ: „ступайте, да скорѣе ворочайтесь!“ Послѣдніе четыре волка отпросились сходить за прежними волками: отчего-де не ворочаются? Котъ отпустилъ, еще строже наказалъ — поскорѣе приходить назадъ; а самъ съ бараномъ радъ, что они ушли-то.

Волки собрались вмѣстѣ и пустились дальше въ лѣсъ. Попадается имъ медвѣдь Михайло Ивановичъ. „Слыхалъ-ли ты, Михайло Ивановичъ, спрашиваютъ волки, чтобы котъ да баранъ съѣдали по двѣнадцати волковъ?“ — Нѣтъ, робятушки, не слыхивалъ. „А мы сами видѣли этакого кота да барана.“ — Какъ бы, робятушки, и мнѣ посмотрѣть, какова ихъ храбрость. „Эхъ, Михайло Ивановичъ, вить больно котъ-атъ ретивъ, нельзя къ нему поддоброхотаться: того и гляди, что въ клочки изорветъ! Даромъ что мы прытки надъ собаками и зайцами, а тутъ ничего не возьмешь. Позовемъ-ка лучше ихъ на обѣдъ.“ Стали посылать лисицу: „ступай, позови кота да барана.“ Лисица начала отговариваться: „я хоть и прытка, да неувертлива; какъ бы они меня не съѣли!“ — Ступай!... Дѣлать нечего, побѣжала лисица за котомъ и бараномъ. Воротилась назадъ и сказываетъ: „обѣщались быть; ахъ, Михайло Ивановичъ, какой котъ-то сердитой! сидитъ на пнѣ да ломаетъ его когтями: это на насъ точитъ онъ свои ножи! А глаза такъ и выпучилъ!...“ Медвѣдь струхнулъ, сейчасъ посадилъ одного волка въ сторожа на высокой пень, далъ ему въ лапы утирку (полотенце) и наказалъ: „коли увидишь кота съ бараномъ, махай утиркою: мы пойдемъ — ихъ повстрѣчаемъ.“ Стали готовить обѣдъ; четыре волка притащили четыре коровы, а въ повара медвѣдь посадилъ сурка.

Вотъ идутъ въ гости котъ да баранъ; завидѣли караульнаго, смекнули дѣло и стакнулись между собою. „Я, говоритъ котъ, подползу тихонько по травѣ и сяду у самаго пня супротивъ волчьей рожи, а ты, братъ баранъ, разбѣжись и что есть силы ударь его лбомъ!“ Баранъ разбѣжался, ударилъ со всей мочи и сшибъ волка; а котъ бросился ему прямо въ морду, вцѣпился когтями и исцарапалъ морду до крови. Медвѣдь и волки какъ увидѣли то — зачали межъ собою растобаривать: „ну, робятушки, вотъ какова рысь кота да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувѣчить съ какого высокаго пня, а намъ гдѣ ужь на землѣ устоять! Имъ, знать, наше готовленье-то не-почемъ; они придутъ не угощаться, а насъ пятнать. А, братцы! не лучше ли намъ схорониться?“ Волки всѣ разбѣжались по лѣсу, медвѣдь вскарабкался на сосну, сурокъ спрятался въ нору, а

лиса забилась подъ колодину. Котъ съ бараномъ принялись за наготовленныя кушанья. Котъ ѣстъ; а самъ мурлычитъ: мало, мало! обернулся какъ-то назадъ, увидѣлъ, что изъ норы торчитъ сурковъ хвостъ, испугался да какъ прыснетъ на сосну. Медвѣдь устрахался (устрашился) кота, да напрямикъ съ сосны на землю и ринулся, и чуть-чуть не задавилъ лисы подъ колодиной. Побѣжалъ медвѣдь, побѣжала лиса. „Знать ты, куманекъ, ушибся?" спрашиваетъ лисица. — Нѣтъ, кумушка, еслибъ я не спрыгнулъ — котъ бы давно меня съѣлъ.

(Аѳанасьева III, 18.)

4. Котъ, Козелъ и Баранъ.

Жили-были на одномъ дворѣ козелъ да баранъ; жили промежъ себя дружно: сѣна клокъ — и тотъ пополамъ, а коли вилы въ бокъ — такъ одному коту Васькѣ. Онъ такой воръ и разбойникъ, за каждый часъ на промыслѣ, и гдѣ плохо лежитъ — тутъ у него брюхо болитъ. Вотъ однажды лежатъ себѣ козелъ да баранъ и разговариваютъ промежъ себя; гдѣ ни взялся котишко-мурлышко, сѣрый лобишко, идетъ да таково жалостно плачетъ. Козелъ да баранъ и спрашиваютъ: „котъ-котокъ, сѣринькой лобокъ! о чемъ ты ходя плачешь, на трехъ ногахъ скачешь?" — Какъ мнѣ не плакать? била меня старая баба, била-била, уши выдирала, ноги поломала да еще удавку припасала." — А за какую вину такая тебѣ погибель? „Эхъ, за то погибель была, что себя не опознаилъ да сметанку слизалъ." И опять заплакалъ котъ-мурлыко. „Котъ-котокъ, сѣрый лобокъ! о чемъ же ты плачешь?" — Какъ не плакать? баба меня била да приговаривала: ко мнѣ придетъ зять, гдѣ будетъ сметаны взять? за неволю придется колоть козла да барана! Заревѣли козелъ и баранъ: „ахъ ты, сѣрой котъ, безтолковой лобъ! за что ты насъ-то загубилъ? Вотъ мы тебя забодаемъ!" Тутъ мурлыко вину свою приносилъ и прощенья просилъ. Они простили его, и стали втроемъ думу думать: какъ быть и что дѣлать? „А что, середній братъ баранко! спросилъ мурлыко, крѣпокъ ли у тебя лобъ: попробуй-ка о ворота." Баранъ съ разбѣгу стукнулся о ворота лбомъ: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старшій братъ мрасище (мрась — негодяй) козлище, разбѣжался, ударился — и ворота отворились.

Пыль столбомъ подымается, трава къ землѣ приклоняется, бѣгутъ козелъ да баранъ, а за ними скачетъ на трехъ ногахъ котъ сѣрой лобъ. Усталъ онъ и возмолился названнымъ братьямъ: „ни то старшій братъ, ни то средній братъ не оставьте меньшаго братишку на съѣденье звѣрямъ." Взялъ козелъ, посадилъ его на себя, и понеслись они опять по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ. Вотъ пришло крутое крутище, станово становище; подъ тѣмъ крутищемъ скошеное поле, на томъ полѣ стога что го-

рода стоятъ. Остановились козелъ, баранъ и котъ отдыхать; а ночь была осенняя, холодная. Гдѣ огня добыть? думаютъ козелъ да баранъ; а мурлышко уже добылъ бересты, обернулъ козлу рога и велѣлъ ему съ баранкомъ стукнуться лбами. Стукнулись козелъ съ бараномъ да таково крѣпко, что искры изъ глазъ посыпались; берестечко такъ и зарыдало (вспыхнуло, затрещало). „Ладно, молвилъ сѣрой котъ, теперь обогрѣемся" — да за словомъ и затопилъ стогъ сѣна.

Не успѣли они путёмъ обогрѣться, глядь — жалуетъ незванный гость мужичекъ-сѣрячекъ Михайло Ивановичъ. „Пустите, говоритъ, обогрѣться да отдохнуть: что-то не можется" (не здоровится). — Добро жаловать, мужикъ-сѣрячекъ муравейничекъ!*) Откуда, братъ, идешь? „Ходилъ на пасику да подрался съ мужиками, отъ того и хворь (болѣзнь) прикинулась; иду къ лисѣ лѣчиться." Стали вчетверомъ темну ночь дѣлить: медвѣдь подъ стогомъ, мурлыко на стогу, а козелъ съ бараномъ у теплины (огня). Идутъ семь волковъ сѣрыхъ, восьмой бѣлой, и прямо къ стогу. „Фу-фу, говоритъ бѣлый волкъ, не русскимъ духомъ пахнетъ. Какой такой народъ здѣсь? давайте силу пытать!" Заблеяли козелъ и баранъ со страстей (со страху), а мурлышко такую рѣчь повелъ: „ахти, бѣлой волкъ, надъ волками князь! не серди нашего старшаго; онъ, помилуй Богъ, сердитъ! — какъ расходится, никому не сдобровать. Аль не видите у него бороды; въ ней-то и сила, бородою онъ звѣрей побиваетъ, а рогами только кожу снимаетъ. Лучше съ честью подойдите да попросите: хотимъ дескать поиграть съ твоимъ меньшимъ братишкомъ, что подъ стогомъ-то лежитъ." Волки на томъ козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вотъ онъ крѣпился, крѣпился да какъ хватитъ на каждую лапу по волку; запѣли они Лазаря, выбрались кое-какъ, да, поджавъ хвосты — подавай Богъ ноги.

А козелъ да баранъ тѣмъ времячкомъ подхватили мурлыку и побѣжали въ лѣсъ, и опять наткнулись на сѣрыхъ волковъ. Котъ вскарабкался на самую макушку ели, а козелъ съ бараномъ схватились передними ногами за еловой сукъ и повисли. Волки стоятъ подъ елью, зубы оскалили и воютъ, глядя на козла и барана. Видитъ котъ-сѣрый лобъ, что дѣло плохо, сталъ кидать въ волковъ еловыя шишки да приговариваетъ: „разъ волкъ! два волкъ! три волкъ! всего-то по волку на брата. Я мурлышко давича двухъ волковъ съѣлъ и съ косточками, такъ еще сытехонекъ; а ты, большой братимъ, за медвѣдями ходилъ, да не изловилъ, бери себѣ и мою долю!" Только сказалъ онъ эти рѣчи, какъ козелъ оборвался и упалъ прямо рогами на волка. А мурлыко знай свое кричитъ: „держи его, лови его!" Тутъ на волковъ такой страхъ нашелъ, что со всѣхъ ногъ припустили бѣжать безъ оглядки. Такъ и ушли.

(Аѳанасьева, III, 19).

---

*) Мелкой породы медвѣдь, который любитъ разгребать муравьиныя кучи и лакомиться муравьиными яйцами.

3. Теремъ Мухи.

Построила муха теремъ; пришла вошь-поползуха: „кто, кто, кто въ терему? кто, кто, въ высокомъ?“ — Муха-горюха; а ты кто? „Я вошь-поползуха.“ —Пришла блоха-подрядуха (отъ слова „прядать“ — прыгать, скакать): „кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокомъ?“ — Я муха-горюха да вошь-поползуха. —Пришелъ комаръ долгоногой: „кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокомъ? — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха. —Пришла мышечка-тютюрюшечка: „кто, кто, кто въ терему? кто кто, кто въ высокомъ?“ — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой. — Пришла ящерка (ящерица)-шерошёрочка: „кто, кто, кто въ терему, и т. д.“ — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка. Пришла лиса Патрикѣевна: „кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокомъ?“ — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошерочка. — Пришелъ заюшко изъ-подъ кустышка: „кто, кто, кто въ терему? кто, кто, къ въ высокомъ?“ — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошерочка, я лиса Патрикѣевна. —Пришелъ волчище сѣрой хвостище: „кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокомъ?“ — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка тютюрюшечка, я ящерка шерошерочка, я лиса Патрикѣевна, я заюшко изъ подъ кустышка. Пришелъ медвѣдь толстоногой: „кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокомъ?“ — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошерочка, я лиса Патрикѣевна, я заюшко изъ-подъ кустышка, я волчище-сѣрой хвостище. — Вей изъ терема: „а ты кто?“ — Я тяпышъ-ляпышъ, всѣхъ подгнётышъ! — сказалъ медвѣдь, спустилъ лапой по терему и разбилъ его.

(Аѳанасьева, IV, 31, а.)

IV. ОСТАТКИ БЫЛЕВАГО ЭПОСА.

БЫЛИНЫ.

1. ПРО СВАТОВСТВО.

О ВАНЬКѢ УДОВКИНѢ СЫНѢ И ЦАРѢ ВОЛШАНѢ ВОЛШАНСКОМЪ.

Народился Ванька Удовкинъ сынъ.
Приходилъ въ царю Волшану Волшанскому,
А бьетъ-то Ванька Удовкинъ сынъ
О той о залогѣ о великія:
,,Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичь!
,,А есть у тебя любимая дочь,
,,А тая Марья есть Волшановна:
,, А отдай-повыдай за меня за мужъ.
,,А бью я съ тобой о великъ закладъ:
,,Буду я отъ тебя обряжатися;
,,Если я не обряжуся здѣ,
,,Тожно сѣки буйну головушку;
,,А если я обряжуся здѣ,
,,Такъ отдать тебѣ любиму дочь за меня замужъ.;.
Ударили они о великъ закладъ.

Пошелъ-то Ванька Удовкинъ сынъ,
Пошелъ Ванька обряжатися:
Не дойдетъ Ванькѣ сидѣть-то тутъ,
Сидѣть Ванькѣ усиживать.
Вставаетъ Ванька по утру ранешенько,
Умывается Ванюшка бѣлешенько,
Трется въ миткалиново полотенышко...
Обвернулся Ванька горносталемъ,
Смануль (махнулъ) Ванька въ подворотенку
Заходилъ въ палату во царскую,
Въ палаты обвернулся добрымъ молодцемъ,
Цѣловалъ-миловалъ онъ Марью Волшановну,
Цѣлуетъ онъ, самъ прощается:
,,Прощай, свѣтъ, моя любезная,
,,Смогу ли я обрядитися!"
Обвернулся Ванька горносталемъ,
Опять сманулъ въ подворотенку,
Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
Зашелъ за тый ли за единый вязъ,
И сидитъ тамъ добрый молодецъ.

Вставаетъ царь Волшанъ Волшановичь,
По утру вставаетъ ранешенько,
Взимаетъ въ руки Книгу Волшанскую.
Начала ему Книга волховать и высказывать:
,,Вставалъ-то Ванька Удовкинъ сынъ,
Вставалъ по утру ранешенько, и т. д.

Проговоритъ царь Волшанъ Волшановичь:
— Подите, слуги, возьмите его! —
Пошли слуги и взяли его,
Привели къ царю Волшану Волшановичу.
Смолился Ванька Удвокинъ сынъ,
Поклонился царю Волшану Волшановичу,
,,Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичь!
,,Есть ли грѣшному прощеньице?
,,Прости-тко въ этой вины во великоей."
Тутъ-то царь Волшанъ Волшановичь,
Тутъ онъ и самъ пораздумался:
Простилъ онъ Ванькѣ сыну Удовкину.
Говоритъ Ванька Удовкинъ сынъ:
,,Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичь!
,,Ударимъ опять о великъ закладъ:
,,Буду еще отъ тебя обряжатися."
— Ступай, Ванька, Удовкинъ сынъ,
— Обряжайся еще во другой разъ. —

Ушелъ Ванька Удовкинъ сынъ.
Вставалъ по утру онъ ранешенько, и т. д.

Опять сманулъ онъ въ подворотенку,
Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
Тридевять цвѣтовъ, тридевять дубовъ,
Зашелъ за тый ли за единый дубъ,
И сидитъ тамъ добрый молодецъ.

Вставаетъ царь Волшанъ Волшановичъ.
По утру вставаетъ ранешенько,
Взимаетъ въ руки Книгу Волшанскую.
Начала ему Книга волховать и высказывать:
,,Вставалъ-то Ванька Удовкинъ сынъ,
и т. д.
,,Заходилъ во палату во царскую;
,,Во палаты обернулся добрымъ молодцемъ,
,,Цѣловалъ онъ миловалъ Марью Волшановну, и т. д.
,,Зашелъ за тый ли за единый дубъ,
,,И сидитъ тамъ добрый молодецъ."

Проговоритъ царь Волшанъ Волшановичъ:
— Подите, слуги, возьмите его! —
Пошли слуги и взяли его,
Привели къ царю Волшану Волшановичу,
Смолился Ванька Удовкинъ сынъ,
Поклонился царю Волшану Волшановичу,
,,Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичъ!
,,Есть ли грѣшному прощеньице?
,,Прости-тко въ этой вины великоей."
Тутъ-то царь Волшанъ Волшановичъ,
Тутъ онъ и самъ пораздумался:
Простилъ онъ Ванькѣ сыну Удовкину.
Говоритъ Ванька Удовкинъ сынъ:
,,Ай же ты, царь Волшанъ Волшановичъ!
,,Если не обряжуся въ третій разъ,
,,Ничего у меня не спрашивай,
,,А прямо сѣки буйну голову."
Отпустилъ царь Ваньку сына Удовкина,
Далъ ему срока-времячка третій разъ,
Еще третій разъ обрядитися.

Опять Ванька сряжается,
Опять Ванюшка обряжается,
Обряжается Ванюшка третій разъ.
Обернулся Ванька горносталемъ,
Сманулъ Ванюшка въ подворотенку,
Заходилъ въ палату во царскую:
Во палаты обернулся добрымъ молодцемъ,
Цѣловалъ онъ миловалъ Марью Волшановну,
Цѣлуется онъ, самъ прощается:
,,Прощай, свѣтъ, моя любезная,
,,Смогу ли я обрядитися!"
Обернулся Ванька горносталемъ,
Опять онъ сманулъ въ подворотенку,
Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
Прошелъ-проскакалъ тридевятв вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
И выскочилъ Ванька на крутъ бережокъ,
Пошелъ-поскакалъ о сине море
По этому по крутому по бережку,
Пришелъ-прискакалъ къ сыру дубу.
Сидятъ птицы, дѣти Могуль-птицы,
Сидятъ они—всѣ перезябнули,
Сидятъ они—всѣ перемокнули,
Сидятъ они—всѣ перехолоднули.
Тутъ-то Ванька Удовкинъ сынъ
Видитъ, что имъ бѣда пришла:
Перемокнутъ, перезябнутъ, перехолодуютъ.
Скидывалъ съ себя цвѣтной кафтанъ,
Покрывалъ этыхъ дѣтей птицы Могуль-птицы.
Налетѣла тутъ птица Могуль-птица,
Отворила ортину (ротину, пасть) великую,
Хочетъ сглонуть-съѣсть Ваньку Удовкина,
Смолилися же дѣти ейницы:
,,Ай же ты, родна наша матушка!
,,Не тронь удала добра молодца:
,,Это пришелъ къ намъ батюшка,
,,Слободилъ отъ смерти отъ напрасныя;
,,Всѣ бы мы порезябнули,
,,Всѣ бы мы перемокнули,
,, Ни одного жива не было.,,
Тутъ-то птица Могуль-птица
Говоритъ-промолвитъ таковы слова:
—Ай же ты, Ванька Удовкинъ сынъ!
—Почему же ты зашелъ-загулялъ сюда,
— А кто тебя занесъ сюда?—
Тутъ-то Ванька смолился ей:
,,Ай же ты, птица Могуль-Птица!
,,Неможешь ли свободить отъ смерти напрасныя,
,,Обрядить отъ царя Волшана Волшанскаго?"
Проговоритъ птица Могуль-птица:
— Могу обрядить отъ царя Волшана Волшанскаго. —
И вырвала птица изъ праваго изъ крылышка
Изъ крылышка изъ праваго три перышка,
И вырвала она, подаваетъ ему,

Даваетъ огнивце во третьихъ *):
—Поди-ка ты, Ванька Удовкинъ сынъ,
—Заходи-ка во палату во царскую
—И помазуй перышками моими птичьими
—Того ли царя Волшана Волшанскаго,
—Помазуй, а самъ выговаривай:
—Помазую я, заклинаю всѣ твои Книги Волшанскія
—,,И всѣ твои слова проклятыя.''
—Еще сѣки ты огнивце птичіе
—Надъ верхомъ надъ царемъ Волшаномъ Волшанскіимъ,
—Сѣки, а самъ выговаривай:
—,,Засѣкаю я, заклинаю всѣ твои Книги Волшанскія
—,,И всѣ твои слова проклятыя;
—Чтобы та книга не волховала, не просказывала
,,Про меня про добра про молодца.''
—Обрядись-ка ты подъ кровать ему:
—Не найти ему тебя добра молодца.—

Тутъ-то Ванькѣ не дойдетъ сидѣть,
Сидѣть Ванюшкѣ, усиживать.
Опять онъ бѣжалъ скорымъ-скоро,
Обвернулся Ванька горносталемъ,
Заходилъ во палату во царскую
И помазывалъ перышками птичьими
Того ли царя Волшана Волшанскаго,
,,Помазуетъ, а самъ выговариваетъ:
Помазую я, заклинаю всѣ твои Книги Волшанскія'' и т. д.
Сказалъ и сѣлъ подъ кровать ему,
Встаетъ царь Волшанъ Волшановичъ,
По утру вставаетъ ранешенько,
Взимаетъ въ руки Книгу Волшанскую.
И начала Книга волховать и высказывать:
,,Вставалъ Ванька ранешенько и т. д.
,,Пришелъ прискакалъ ко сыру дубу.
,,Сидятъ птицы, дѣти Могуль-птицы, и т. д.
,,Налетѣла тутъ птица Могуль-птица,
,,Отворила ортину великую,
,,Хочетъ сглонуть-съѣсть Ваньку Удовкина.
,,Смолилися же дѣти ейнины:
—,,Ай же ты, родна наша матушка,
—,,Не тронь удала добра молодца: и т. д.
,,Тутъ вышелъ Ванька съ сыра дуба.
,,Обвернулся Ванька горносталемъ,
Вошелъ въ палату во царскую.''

Говоритъ царь Волшанъ Волшановичъ:
—Подите, слуги, ищите Ваньку Удовкина,
—Есть Ванька въ моей палаты во царскія.—
Искали, искали, не могли найти.
Разгорѣлося сердце царское:
Онъ взялъ эту Книгу Волшанскую,
Растопилъ печь до красна,
Бросилъ въ печь Книгу Волшанскую,
Самъ говорилъ таковы слова:
—Ну, Ванька Удовкинъ сынъ!..
—Такъ видамъ за тебя любезную дочь.—
Выскакалъ тутъ Ванька Удовкинъ сынъ
Изъ подъ той съ-подъ кроваточки царскія.
Говорилъ царь Волшанъ Волшановичъ:
—Обрядился ты отъ царя Волшана Волшанскаго,
—Отъ той отъ Книги Волшанскія:
—Пора честнымъ пиркомъ и за свадебку.—
И выдалъ свою любезную дочь
За того за Ваньку сына Удовкина.
Сталъ тутъ Ванька жить да быть,
Жить да быть, семью сводить,
Какъ преставился царь Волшанъ Волшановичъ,
Попрошаютъ его Ваньку на мѣсто царское.
И почалъ Ванюшка царствовать *).

(Рыбникова пѣсни, I, 443—452).

*) Вѣроятно Могуль-птица даетъ Ванькѣ Удовкину еще что ни будь во вторыхъ.

*) Волшанъ Волшановичъ — извѣстный по другимъ сказаніямъ и стихамъ Волотъ Волотовичъ или Волотоманъ Волотомановичъ; его книга—мать такъ называемыхъ ,,Стиховъ'' или ,,Списковъ Іерусалимскихъ'', бабушка Книги Голубиной. — Ванька — изъ рада извѣстныхъ Ивановъ царевичей, дурачковъ и т. д.; Могуль-птица=Могъ, Ной. (Объ этомъ примѣчаніи изд. сб. Рыбникова будетъ сказано въ „лѣт. обозрѣніи»).

Михайло Потыкъ Ивановичъ.

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь
Ѣздилъ онъ во славну во темну орду,
Относилъ-то дани-выходы
За старые года и за нынѣшніе,
И за всѣ времена за досюлѣшны,
Исполна государю за двѣнадцать лѣтъ:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
Отвозилъ-то грамоту повинную
Ко царю Лиходѣю Лиходѣеву.
Воротилъ назадъ онъ дани-выходы:
Двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
Жаловалъ его царь Лиходѣй Лиходѣевичь
Трема кораблямы со Татарамы,
И поѣхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивано-
вичь
По славному по синему по морюшку.
Увидѣлъ онъ лебедку на синемъ морѣ,
Говорилъ-то Татаровьямъ поганыимъ:
,,Ай же вы, Татаровья поганые!
,,Можете ли злучить (угодить, попасть въ)
эту лебедку на синемъ морѣ,
,,Чтобъ не ранену лебедку, не кровавлену?"
Говорятъ ему Татаровья поганые:
—Ай же, Михайло Потыкъ сынъ Ивано-
вичь!
—Долиною море долинешенько,
—Шириною море широкошенько:
Не излучить-то намъ лебедки на синемъ
морѣ,
—Чтобъ не раненой лебедки, не кровавле-
ной.
—Если бъ плавала лебедка по быстрой
рѣкѣ,
—Излучили бы лебедушку не ранену и не
кровавлену.—
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь
Беретъ-то свой тугій лукъ разрывчатый,
Натянулъ онъ тетивочку шелковеньку,
И наложилъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Хотитъ подстрѣлить эту бѣлую лебедушку.
Этая бѣлая лебедушка
Поднималася отъ синя моря
На своихъ на крыльяхъ лебединыихъ,
Садилась она на черленъ корабль,
Обвернулась красной дѣвицей.
Подходилъ-то къ ней Михайло Потыкъ сынъ
Ивановичь,
Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыя
И за ней за перстни за злаченыя....

Принимали оны золоты вѣнцы,
Оны заповѣдь великую положали между
собой:
,,Который, де, изъ насъ впереди помретъ,
,,Живому съ мертвымъ въ одинъ гробъ лечи
,,На трое сутокъ на времени."
Стали жить да быть, долго здравствовать.
И сдѣлалась она нездоровая.
И тутъ она скоро преставилась.

(Рыбникова пѣсни, I, 206—209).

Говоритъ душечка Михайла Потыкъ Ива-
новичь:
,,Ай же вы, братья мои названые!
,,Сдѣлайте колоду бѣлодубову,
,,Чтобы двумъ въ колоды стоя стоять,
,,И двумъ въ колоды сидя сидѣть,
,,И двумъ въ колоды лежа лежать."
И сдѣлали колоду бѣлодубову;
Онъ взялъ себѣ хлѣба на пропитаніе,
И сдѣлалъ себѣ клещи и прутья желѣзные.
И сѣлъ въ колоду бѣлодубову
Со тымъ со тѣломъ со мертвыимъ;
И живетъ подъ землею три мѣсяца.
И приплыла змѣя подземельная,
И проточила колоду бѣлодубову.
И начала ссать тѣло мертвое.
Онъ схватилъ змѣю въ клещи желѣзные
И началъ сѣчь прутьями желѣзныма:
,,Ай же ты, змѣя подземельная!
,,Принеси мнѣ живой воды
,,Оживить мнѣ молода жена."
Говоритъ змѣя подземельная:
—Спусти, душечка Михайла Потыкъ Ива-
новичь.
—Я принесу тебѣ живой воды въ три часа.—
Говоритъ душечка Михайла Потыкъ Ива-
новичь:
,,Отдай въ закладъ змѣеныша."
Онъ положилъ подъ каблукъ змѣеныша,
Одна стала грязь подпорожная.
Говоритъ змѣя подземельная:
—Почто ты убилъ моего змѣеныша?—
,,Принесь ты живой воды;
,,Оживлю я молоду жену,
,,Будетъ живъ и твой змѣенышекъ."

Принесла она живой воды во три часа,
Онъ брызгалъ змѣеныша, и другой брызгалъ,
Третій брызнулъ, онъ и поплылъ.
И зачалъ брызгать молода жена;
Первый брызгалъ, и другой брызгалъ,
Третій брызнулъ, — она и сскочила на рѣзвы ноги,
Сама говоритъ таковы слова:
,,Долго спала, скоро стала!"
(Рыбник. I, 218—219).

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Уходилъ онъ на царевъ кабакъ,
Сталъ онъ упиваться въ зелено вино.
На тую пору на времячко
Изъ той изъ Литвы изъ поганоей
Пріѣхалъ царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ,
Сталъ онъ звать за себя Марью Лебедь Бѣлую;
И пошла за него замужъ Марья Лебедь Бѣлая.
Они сѣли на добрыхъ коней, уѣхали...
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Обулъ себѣ лапотики шелковенькіе,
Клюку онъ бралъ кости рыбьея,
Подсумокъ одѣлъ черна бархата,
На голову шляпку земли греческой.
И пошелъ онъ въ эту темну орду.
Приходилъ онъ къ Татарину поганому
Къ тому Ѳедору Иванову на широкъ дворъ,
Становился подъ окошечко косявчето,
Воскричалъ-то онъ во всю голову:
,,Ай же ты, царскій сынъ, Ѳедоръ Ивановичъ!
,,Сотвори-тко ты мнѣ милостинку,
,,Да не рублями я беру, не полтинками,
,, А беру я цѣлыми тысячмы."
Какъ посмотрѣла въ окошечко
Его-то молода жена, Марья Лебедь Бѣлая,
И говоритъ она таковы слова:
—Ай же, мой любезный мужъ, Ѳедоръ Ивановичъ!
—Пришелъ ко мнѣ прежній мужъ:
—Веди его въ палаты бѣлокаменны,
—Садись-ка съ нимъ за единый столъ.
—Корми-тко его ѣствушкой сахарнеи,
—Пой-ка его питьицемъ медвяныимъ
—И дари-тко ему дары драгоцѣнные.—
И выходилъ-то царскій сынъ на широкій дворъ,
И просилъ къ собѣ въ палаты бѣлокаменны.
И заходили въ палаты бѣлокаменны,
Садилися за столики дубовые,
И ѣли они ѣствушки сахарнія,
Пили они питьица медвяныя.
Этотъ царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ
Во эты во хмѣльны во напиточки
Спущалъ да зелья сцящаго,
Спящаго зѣлья забудущаго.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Гдѣ ѣлъ да пилъ, тутъ и спать уснулъ.
Взяли Михайла Потыка сына Ивановича,
Стащили его во глубокъ погребъ,
Приковали къ стѣны на гвоздики.
У этого у сына у царскаго была сестра родная,
Сестра родная, дочи царская,
Прекрасная Анна королевична:
Она въ Михайлу Потыка влюбилася
И взяла—отняла отъ стѣны прикована,
Стала его раночекъ кровавыихъ заращивать,
Стала его добра молодца удабривать,
И ввела его во силушку богатырскую,
Во прежнюю храбрость великую.
Царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ
Поѣхалъ съ молодой женой
Съ Марьею Лебедью Бѣлою
По своему по городу погуливати.
А его сестра, дочи царская,
Прекрасная Анна королевична,
Говоритъ Михайлы Потыку сыну Иванову:
— Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Поди-тко по нашему по городу:
—Гдѣ сустигнешь сына царскаго
—Со своей со прежней молодой женой,
—Гдѣ ихъ сустигнешь, тутъ и смерти предай.—
И сама за нимъ въ слѣдъ пошла засматривать.
Какъ онъ насмотрѣлъ ихъ по царству ѣдучись,
Такъ и увидѣла его Марья Лебедь Бѣлая,
И говоритъ своему мужу Ѳедору Иванову:
— Мой прежній мужъ опять живъ идетъ:
— Наливай-ка чару зелена вина
— Да спусти ему зелья сцящаго.—
Царскій сынъ Ѳедоръ Ивановичъ
Наливалъ ему чару зелена вина
И спускалъ ему зелья спящаго;

И Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Хотитъ эту взять чару зелена вина.
И говоритъ ему дочи царская:
— Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
— Не пей-ка этой чары зелена вина:
— Если выпьешь, и самъ погинешь, и меня сгубишь.—
Не пошелъ онъ за чарой зелена вина,
Вынималъ-то саблю булатнюю,
Убивалъ онъ сына царскаго
И убилъ Марью Лебедь Бѣлую.
А взялъ за себя дочи царскую,
Прекрасную Анну королевичну.
И тутъ-то они стали жить да быть,
Добра наживать, отъ лиха избывать.

(Рыбник. I, 210—212).

Дунай Ивановичъ и Настасья королевишна.

Пиръ у князя. Жалуется князь, что все еще не женатъ, вызываетъ охотника пріискать ему невѣсту. Говоритъ ему про Дуная Ивановича: онъ-де служилъ у короля литовскаго, а у короля двѣ дочери,—полюбилко Дуная за одной изъ нихъ. Ѣдетъ Дунай, предлагаетъ королю выдать за князя вторую дочь, Афросинью королевишну. Король и слышать не хочетъ. Тогда Дунай просто увозитъ Афросинью королевишну. На дорогѣ попадается имъ бѣлый шатеръ, въ шатрѣ почиваетъ старшая сестра, Настасья королевишна. Дунай стрѣляетъ въ дубъ, ломаетъ его въ черенья ножовые. Отъ страшнаго треску Настасья пробуждается, выбѣгаетъ изъ шатра, — и вотъ, завязывается у нея борьба съ Дунаемъ. Молодецъ валитъ ее на землю: „не коли меня, дѣвицу, до смерти, говоритъ Настасья; я съ тѣмъ и отпросилась у батюшки въ чистое поле, чтобы тотъ, кто меня одолѣетъ въ борьбѣ, взялъ меня за себя за мужъ“. Дунай тому радъ, ѣдутъ они втроемъ далѣе.

Пріѣзжайтъ они ко городу Кіеву, —
Афросинью королевишну отвѣнчали ужъ,
А Настасью королевишну къ вѣнцу ведутъ.
У князя тогда зачался почестенъ пиръ.
Да и всѣ на пиру напивалися,
Да и всѣ вѣдь на честномъ да прирасхвастались.
А Настасья королевишна похвастала:
„Вѣдь не долго я во Кіевѣ пожила,
„А все я во Кіевѣ повызнала:
„Вѣдь Алеши Поповича смѣлѣ нѣтъ во Кіевѣ.
„А Добрынюшки вѣжливѣ нѣтъ во всемъ Кіевѣ.
„А коли по мѣтамъ-то стрѣлять,
„Такъ мѣттѣ меня нѣтъ во всемъ Кіевѣ!“
То какъ да Дунаю и не показалося.
Положили они великъ залогъ:
Отойти за версту за мѣрную,
Положить златенъ перстень на буйну главу.
Да на буйну главу положить на Дунаеву.
Отходила Настасья за версту за мѣрную:
Она стрѣляла въ златенъ перстень,
Что на буйной головѣ да на Дунаевой;
Такъ расшибла она перстень на двое,
И ни котора половина не болѣе.
Становилась потомъ Настасья королевишна:
Положили ей златенъ перстень на буйну главу;
А Дунай-то отходитъ за версту за мѣрную,
Въ первой разъ онъ стрѣлилъ — не дострѣлилъ,
А въ другой разъ стрѣлилъ,—да перестрѣлилъ:
Стрѣлилъ Дунай да и въ третій наконъ
Попало Настасьи въ ретиво-сердце,
И убилъ Дунай молоду жену,
Приходилъ къ ней Дунай шагомъ варовимемъ (быстрымъ)
И видитъ—Настасья мертва лежитъ.
Становилъ Дунай да въ мать сыру землю
Свой булатенъ ножъ, да тупымъ концемъ.
И говорилъ Дунай да таковы слова:
„А гдѣ тѣло лежитъ Настасьино,
„Да останься тутъ тѣло и Дунаево.“
И палъ онъ на ножъ, да ретивымъ сердцемъ.
Съ того ли времени, отъ крови горячія
Протекала матушка Дунай-рѣка,
Отнынѣ Дунай да и до вѣку.

(Пѣсни Кир., вып. 3, стр. 58—69).

Хотенъ Блудовичъ.

Было двѣ честныхъ вдовы
На почестномъ на большомъ пиру:
Честная вдова Часовая жена
И другая вдова Блудова жена.
Честная вдова Блудова жена
Наливала чару меду сладкаго,
Подносила честной вдовы Часовой жены,
И за той за чарочкой посваталась
На честной на дѣвицы на Чайной Часовичной.

И честная вдова Часовая жена,
Была ёна баба богатая,
Богатая баба — заносчива,
Заносчива баба — упрямая;
Эты ей рѣчи не слюбилися;
Взяла ёна чару въ свои ручи
И вылила чару во ясны очи
Честныя вдовы Блудовой жены,
Сама говорила таковы слова:
,,Моя ли Чайная Часовична
,,Сидитъ-то во теремѣ высокоемъ
,,Ее красное солнышко не ôппечетъ,
,,Буйные вѣтры не ôввѣютъ,
,,Частые дожжички не ôбмочатъ,
,,Добрые людишки не ôбгалчатъ *).
,,А есть у меня девять сыновей,
,,А у Чайной Часовичной девять братцевъ:
,,Выѣдутъ Часовичи во чисто поле
,,И полонятъ Хотёнку во чистомъ полѣ,
,,И привяжутъ Хотенку къ стремени сѣдяльному,
,,И приведутъ Хотенку на свой-то дворъ;
,,Захочу, — его кладу во повары,
,,Захочу,—кладу его во конюхи,
,,Захочу, — продамъ на боярскій дворъ.“

Честная вдова Блудова жена
Пошла съ пиру не весела,
И не весела пошла — не радостна,
Зажала ручки кругъ сердечушка,
Стянула головушку промежь плечи:
— Замарала мою шубоньку дорогую,
— Не дорогу, не дешеву, въ пятьсотъ рублей! —
Приходитъ во терему высокому,
Къ тому крыльцу бѣлодубову,
И выходитъ Хотенко на крутой крылецъ,
И говоритъ ёнъ таковы слова:
,,Свѣтъ государыня, моя матушка!
,,Что же ты идешь съ пиру не весёла,
,,И не весела идешь — не радостна?
,,Видно, мѣсто было не пô люби,
,,Видно, чарой тебя пріôбнесли,
,,Или пьяница глупая насмѣялася?“
Говорила вдова таковы слова:
— А мѣсто мнѣ-ка-ва было пô люби,
— А чарой меня не ôбнесли
— И пьяница глупая не насмѣялася.
— А только честная вдова Часовая жена
— Замарала мою шубоньку дорогую,
— Не дорогу, не дешеву, въ пятьсотъ рублей.
— А я посваталась на Чайной Часовичной,
— А сама т. е (Часовая) надъ тобой насмѣялася, и т. д.
Проговоритъ Хотенко таковы слова:
,,Свѣтъ-государыня, моя матушка!
,,Много баба бредитъ, да не будетъ такъ.“

И скоро Хотенка облатился, обвольчужился,
И накатывалъ на головушку злаченъ шеломъ.
Беретъ себѣ палицу булатнюю,
Беретъ себѣ копье востроe...
(Рыбник. II, 120—122).
Идетъ Хотенъ изъ чиста поля,
Голосомъ кричитъ да шляпой машотъ:
— Здрастуй-ко ты, тешша гордливая,
— Да здрастуй-ко ты, тешша ломливая!
— Стрѣчай-ко-се ты зятя уродишша,
— Да тотъ-ли по заполямъ уродуетъ,
— Стрѣлятъ сорокъ-воронъ да за цюжимъ дворомъ! —
Какъ поперъ молодецъ домъ копьемъ, тупымъ коньчомъ,

Да тотъ-ли домъ онъ по окнамъ **) снялъ.
Приходила молода вдова, Цясова жона,
Говорила Катеринуша Цясовисьни:
,,Што это, цядо мое милое,
,,Кажись, не было въ поли ни вѣтра, ни вѣхоря,
,,А нашо-тъ домъ, вить, по окнамъ снятъ!“

*) Не обгалятъ, не озяпаютъ, не оговорятъ и не сглазятъ.
**) По окна, весь верхъ.

Отвѣцала Катеринуша своей матеря:
,,Ой ты, матушка моя родная!
,,Изъ циста поля шелъ доброй молодець,
и т. д.
,,Да поперъ молодець домъ коньемъ тупымъ коньчомъ,

,,И домо-тъ онъ, вить, по оцнамъ снялъ,
,,А само-тъ поѣхалъ во цисто поле.“
Скоро-на-скоро вдова тутъ догадаласе,
Што дородне-доброй молодець не кто другой,
Какъ Хотеньшко, Блудовъ сынъ;
Иже скори (скорѣй) того пошла она къ своимъ сынамъ. —
А у ей сыновьевъ было деветеро, —
Приносила имъ жалобу на Хотеньша:
,,Ой же вы еси, сыни, добры молодци!
,,Подьте да захватите сына Блудова,
,,Привидите его мнѣ предъ ясны оци!“
А отвѣтъ держатъ сыны, добры молодци:
,,Ой ты, наша родна матушка!
,,Намъ, вить, у Хотена взеть-то нецего!“
Молодой вдовы то не показалосе:
,,Кабы было у меня деветь зѣтевьевъ,
,,Дакъ оны бы меня послушались.“
Да не стали тутъ добры молодци
Отзыватьсе отъ своей родной матери,
И поѣхали въ нагонъ за Хотеньшкомъ.
Спитъ Хотенъ во бѣломъ шатри,
Спитъ онъ, спитъ да не пробудатсе;
Наѣжжали молодци да близь шатра,
Добры кони стоптали *) копытами громко-на-громко.

Отъ того Хотенъ и пробужентсе,
Да не долго Хотенъ тутъ сремептсе,
Садилсе Хотенъ да на добра коня
И поѣхалъ къ молодцамъ насупротивъ.
Троихъ молодцевъ коньемъ скололь,
Да троихъ молодцевъ конемъ стонталъ,
Да иже троихъ къ стремени привезалъ.
Скоро-на-скоро поѣхалъ къ Цасовowой жонѣ.
И крыцялъ онъ голосомъ громкіемъ:
— Здрастуй-ко-се ты, молода жона,
— Молода жона **), да Цясова жона!
— Выкупай-ко ты своихъ добрыхъ молодцевъ:
— Вить троихъ я коньемъ скололь,
— Да троихъ я конемъ стопталъ,
— Да иже троихъ къ стремени привезалъ.
— Коли выкупишь, дакъ живыхъ спущу,
— А не выкупишь, дакъ смерти придамъ.—
Тутъ молода вдова и спасаласе ***):
На торелку клала золота,
Да на другу скатна женьцюга,
А на третью — ширинку золоценую,
И называла его зятемъ роднымъ.
(Кирѣевскаго Пѣсни, IV, 74—76)

2. ПРО БОГАТЫРЕЙ СТАРШИХЪ.

Вольга.

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга сударь Буслаевичъ
На матушкѣ на святой Руси.
Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой земли;
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися,
И пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ
Обучаться всякихъ хитростей, мудростей,
И всякихъ языковъ разныхъ.
Будетъ Вольга семнадцати лѣтъ,
Прибираетъ дружину хоробрую:

---

*) Затоптали, начали топтать.

**) Въ обоихъ случаяхъ должно быть: „молода вдова“.

***) Спохватывалась, принимала мѣры ко спасенію.

Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ Вольга̀ былъ во тридцатыихъ. *)
«Дружина, скаже, моя добрая, хоробрая!
«Слушайте большаго братца, атамана-то:
«Вейте веревочки шелковыя,
«Становите веревочки во темну лѣсу,
«Становите веревочки по сырой земли,
«И ловите вы куницъ и лисицъ,
«Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей,
«И ловите по три дня и по три ночи.»
Слушали большаго братца, атамана-то.
Дѣлали дѣло новеленое, и т. д.
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольга̀ сударь Буслаевичъ левымъ звѣремъ (львомъ),
Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучіихъ заюшекъ.
Малыхъ горносталюшекъ.
И будетъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга̀ сударь Буслаевичъ:
«Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
«Слушайте большаго братца, атамана-то:
«Вейти силышка шелковыя,
«Становите силышка на темный лѣсъ,
«На темный лѣсъ, на самый верхъ,
«Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
«И малу птицу пташицу.
«И ловите по три дня и по три ночи.»
И слушали большаго брата, атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣное; и т. д.
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольга̀ сударь Буслаевичъ Науй-птицей, **)
Полетѣлъ по подоблачью,
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу.
И будутъ во городѣ во Кіевѣ, и т. д.
Скажетъ Вольга̀ сударь Буслаевичъ, и т. д.
«Возьмите топоры дроворубные,
«Стройте суденышко дубовое,
«Вяжите путевья шелковыя,
«Выѣзжайте вы на сине море,
«Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
«Щученьку и плотиченку,
«И дорогую рыбу осетринку,
«И ловите по три дни, и по три ночи.»
И слушали большаго братца, атамана-те и т. д.
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга̀ сударь Буслаевичъ рыбой щучиной
И побѣжалъ по синю морю,

*) Я позволилъ себѣ взять эти четыре стиха изъ другого варьянта, такъ какъ соотвѣтствующіе имъ въ варьянтѣ, принятомъ у меня за основаніе, темны и служатъ, съ другой стороны, только повтореніемъ предшествующихъ. Къ числу варьянтовъ этой древней былины относится и почитавшаяся у насъ въ прежнее время совершенно отдѣльною былина о Волхѣ Всеславичѣ. Тамъ раннее развитіе Волха описывается слѣдующимъ образомъ:

А и будетъ Волхъ во полтора часа,
Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
А и гой еси, сударыня матушка,
А не пеленай во пелену червчатую,
А не пояси во пояса шелковые, —
Пеленай меня, матушка,
Въ крѣпки латы булатные,
А на буйну голову клади златъ шеломъ,
Во праву руку палицу,
А тяжку палицу, свинцовую,
А вѣсомъ то палица въ триста пудъ.

**) Науй, иначе ногъ или нога является и въ другихъ произведеніяхъ: въ стихѣ о Егоріи Храбромъ и въ сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ.

Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученку и плотиченку,
Дорогую рыбу осетринку.
И будутъ во градѣ, во Кіевѣ, и т. д.
И скажетъ Вольга̀ сударь Буслаевичъ,
«Дружина моя добрая, хоробрая,
«Кого бы намъ послать во Турецъ-землю,
«Провѣдати про думу, про царскую,
«Чтò царь думы думаетъ,
«Думаетъ ли ѣхать на Святую Русь?
«Стараго послать, — будетъ долго ждать;
«А середняго послать-то, — виномъ запоятъ.
«А малаго послать, — заиграется;
«Будетъ, видно, Вольгѣ самому пойти!»
Повернулся Вольга̀ сударь Буслаевичъ
Малою птицею, пташицей,
Полетѣлъ ёнъ во подоблачью.
И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
Будетъ у царя турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,
И слушаетъ онъ рѣчи тайныя, —
Говоритъ царь со царицею:
«Ай же ты, царица Давыдьевна!
«Я знаю про то, вѣдаю:
«На Руси-то трава растетъ не по старому,
«Цвѣты цвѣтутъ не попрежнему,
«А видно. Вольги-то живого нѣтъ.»
Говоритъ царица Давыдьевна;
«Ай же ты, царь, Турецъ-Санталъ!
«На Руси трава все растетъ по старому, и т. д.
«А ночесь спалось, — во снихъ видѣлось:
«Бывъ (будто) сподъ восточныя, сподъ сторонушки
«Налетѣла птица, малая пташица,
«А сподъ западней сподъ сторонушки
«Налетѣла птица черный воронъ;
«Слеталися они во чистомъ полѣ,
«Промежду собою подиралися;
«Малая-то птица пташица
«Чернаго ворона повыклевала,
«По перушку она повыщипала
«И на вѣтеръ все повыпускала.»
Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
«Ай же ты, царица Давыдьевна!
«А думаю скоро ѣхать на Святую Русь,
«Возьму я девять городовъ
«И подарю своихъ девять сыновей,
«Привезу себѣ шубоньку дорòгую.»
Говоритъ царица Давыдьевна:
«А не взять тебѣ девяти городовъ,»
Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
«Ахъ ты старый чортъ!
«Сама спала, себѣ сонъ видѣла!»
И ударитъ онъ по бѣлу лицу,
И повернется, — по другому, (по другой щекѣ)
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ ю во второй-то разъ:
«А поѣду я на святую Русь,» и т. д.
Повернулся Вольга̀ сударь Буславичъ
Малымъ горностаюшкомъ:
Зашелъ во горницу во ружейную;
И повернется онъ добрымъ молодцемъ:
И тугіе луки перѣломалъ,
И шелковыя тетивочки пѣрервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
У оружей замочки повывертѣлъ,
Въ боченочкахъ порохъ перѣзалилъ.
Повернулся Вольга̀ сударь Буслаевичъ сѣрымъ волкомъ:
Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней пѣребралъ.
А глотки у всѣхъ у нихъ пѣрервалъ.
Повернулся Вольга̀ сударь Буслаевичъ
Малою птицею пташицей, —
И будетъ во градѣ во Кіевѣ,
Со своею со дружиною со доброю!
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Пойдемъ-те мы во Турецъ-землю!»
И пошли они во Турецъ-землю,
И силу сурецкую во полонъ брали.
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Станемъ-те теперь полону подѣлять!»
Чтò было надѣлу дорого?
Вострыя сабли по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
А добрые кони по семи рублей...

(Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ, ч. 1 стр. 1 — 6).

Микула Селяниновичъ.

Молодой Вольга̀ Святославовичъ
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою (данью).

Выѣхалъ въ раздольице чистó-поле,
Онъ услышалъ во чистомъ полѣ рáтая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ.
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ. *)
Ѣхалъ Вольгá до ратая.
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольгá ещé другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, и т. д.
Ѣхалъ Вольгá ещé третій день,
Третій день съ утра до пáбѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всё каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольгá таковы слова:
«Божья ти помочь, оратаюшко!
«Орать, да пахать, да крестьянствовати,
«Съ края въ край бороздки пометывати,
«Коренья, каменья вывертывати!»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Подитко, Вольгá Святославовичъ
«Со своею со дружинушкой хороброю,
«Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
«Далеко ли, Вольгá, ѣдешь, куда путь держишь
«Со своею со дружинушкой хороброю?»
— «Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
«Ѣду къ городамъ за получкою:
«Ко первому городу ко Гурчевцу,
«Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
«Къ третьему городу ко Крестьяновцу.» **)
Говоритъ оратай таковы слова:
«Ай же Вольгá Святославовичъ!
«А недавно я былъ въ городни, третьёго дня,
«На своей кобылкѣ соловоей,
«Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
«Два мѣха соли, по сороку пудъ.
«И живутъ-то мужики все разбойники,
«Они просятъ грошевъ подорожныихъ;
«А былъ я съ шалыгой ***) подорожною,
«Платилъ имъ гроши подорожные:
«Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
«А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.»
Говоритъ Вольгá таковы слова:
«Ай же оратай, оратаюшко,
«Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!»
Этотъ оратай оратаюшко.
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
«Ай же Вольгá Святославовичъ!
«Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
«И не для-ради прохожаго, проѣзжаго,
«А для-ради мужика деревенщины.
«Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
«Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути
«И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ?»
Молодой Вольгá Святославовичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобъ сошку зъ земельки повыдернули, и т. д.
Пять молодцевъ могучіихъ
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть и т. д.
Молодой Вольгá Святославовичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ и т. д.

---

*) Эта былина записана со словъ крестьянина олонецкой губерніи, гдѣ почва, особенно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, совершенно каменистая.

**) Этими тремя городами пожаловалъ Вольгу Владиміръ стольно-кіевскій, безъ котораго дѣло не обходится ни въ одной былинѣ (кромѣ новгородскихъ).

***) шалыга — тоже, что шелепуга: плеть съ обвязанной пулей, кистень.

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять немогутъ. и т. д.
Посылаетъ онъ всю дружинушку хоробрую. и т. д.
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути. и т. д.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку зъ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
«Постой-ка ты, ратай, ратаюшко!
«Эта кобылка конькомъ бы была, —
«За эту кобылку пятьсотъ бы дали.»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Глупый Вольгà Святославовичъ!
«Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
«И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
«Эта кобылка конькомъ бы была, —
«За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.
Говорилъ Вольгà Святославовичъ:
«Ай же ты, ратай-ратаюшко!
«Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
«Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольгà Святославовичъ!
«А я ржи напашу, да во скирды сложу,
«Во скирды складу, домой выволочу,
«Домой выволочу, да дома вымолочу,
«Драни надеру, да и пива наварю,
«Пива наварю, да и мужиковъ напою,
«Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

(Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, ч. I, стр. 18 — 22).

Святогоръ.

Снаряжался Святогоръ во чисто поле гулять,
Заседлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣриться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается,
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги *) нашелъ,
«Такъ бы я всю землю поднялъ!»
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную;
Беретъ погонялку, пошевеливаетъ сумочку, — она не скранется,
Двинетъ перстомъ ее, — не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукой, — не подымется!
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
«А эдакова чуда не наѣзживалъ,
«Такова дива не видывалъ:
«Маленькая сумочка переметная
«Не скранется, не сворохнется, не подымется!»
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣими руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.

(Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, ч. I, стр. 32 — 33).

Есть объ этомъ еще и сказка. Тутъ Святогору попадается прохожій и скидаетъ съ плечъ сумочку. Святогоръ хочетъ поднять ее, и не можетъ. «Что у тебя въ ней» спрашиваетъ онъ. — «Въ сумочкѣ у меня тяга земная», отвѣчаетъ прохожій, — не кто другой какъ Микула Селяниновичъ. (Ему, ратаюшкѣ-ратаю, не по чемъ поднять тягу (тяжесть) земную: онъ привыкъ сносить всѣ тя-

*) «Святогоръ ищетъ «тягу земли», тяжесть равную землѣ, равносильный рычагъ, чтобы повернуть всю землю.» Объясненіе П. Бессонова въ «Замѣткѣ», напечатанной въ концѣ I т. Пѣсенъ, собр. Рыбниковымъ, стр. X.

гости (трудности), какихъ требуетъ трудъ надъ землею, т. е. трудъ земледѣльческій, трудъ поселянъ (отсюда и Микулушка Селяниновичъ.) (Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ, стр. 39, выноска *)

Святогоръ. Калики перехожія. Илья Муромецъ.

Во славномъ городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,
Сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожія,
Подъ тое окошечко косящето,
Говорятъ калики таковы слова:
«Ай же ты, Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
«Отворяй каликамъ ворота широкія,
«Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ.»
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
«Ай же вы калики перехожія,
«Не могу отворить воротъ широкіихъ,
«Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
«Не владаю ни руками, ни ногами.
Опять говорятъ калики перехожія:
«Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
«Отворяй-ка ворота широкія,
«Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ.
Вставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія,
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
Приходили калики перехожія,
Они крестъ кладутъ по писаному,
Покло(н)ы ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвянаго,
Подносятъ-то Ильѣ Муромцу:
Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго.
Богатырско его сердце разгорѣлося;
Его бѣлое тѣло распотѣлося.
Воспроговорятъ калики таковы слова:
«Что чувствуешь въ себѣ, Илья?»
Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
«Слышу въ себѣ силушку великую.»
Говорятъ калики перехожія:
«Будешь ты, Илья, великій богатырь,
«И смерть тебѣ на бою не писана.
«Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
«И со всею поленицею *) удалою;
«А только не выходи драться
«Съ Святогоромъ богатыремъ:
«Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
«Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
«У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ,
«Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
«Его любитъ матушка сыра земля;
«Не ходи ещё на Вольгу Сеславьевича:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью — мудростью.

Далѣе они учатъ его достать и откормить жеребца, откормивъ, подвести его къ тыну высокому, и ежели онъ перескочетъ черезъ тынъ, смѣло садиться на него — повезетъ, куда захочешь! За тѣмъ калики теряются (исчезаютъ). Илья идетъ на работу крестьянскую и много работаетъ для отца. Отецъ и мать въ недоумѣніи — кто бы это имъ наработалъ? Вернувшись домой, они видятъ, что Илья ходитъ по избѣ; онъ обо всемъ имъ разсказываетъ. Далѣе Илья покупаетъ жеребчика, откармливаетъ его, какъ учили калики, и, испросивъ благословенія у отца съ матерью, уѣзжаетъ. (Пѣсни Рыбникова, ч. 1, стр. 33—36).

Много разсказывается въ разныхъ былинахъ о похожденіяхъ Ильи Муромца, но вотъ что разсказывается о встрѣчѣ его съ однимъ изъ богатырей старшихъ: «Илья, не найдя себѣ равнаго силою, заслышалъ, что есть одинъ богатырь силы непомѣрной, ко-

*) «Поленицы, поляница — отъ поля, полевать и полеваться — разъѣзжать въ полѣ ради подвиговъ.» Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. I, выноска.

тораго и земля не держитъ и который на всей землѣ нашелъ одну только, могущую выдержать его гору, и лежитъ на ней. Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣряться. Пошелъ онъ искать этого богатыря и нашелъ гору, а на ней лежитъ огромный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ я зацѣпился за сучекъ,» говоритъ богатырь. Илья, напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камешекъ задѣлъ,» говоритъ богатырь; оборотясь, онъ увидалъ Илью Муромца и сказалъ ему: «а, это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ; нашелъ себѣ гору, и лежу на ней» *). Это долженъ быть одинъ изъ тѣхъ богатырей, съ которыми калики запретили Ильѣ сражаться.

—

Ѣдетъ Илья по чисту полю, — попадается ему по дорогѣ бѣлый шатеръ.
Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая:
Долиной кровать десяти саженъ,
Шириной кровать шести саженъ.
Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,
Легъ на тую кровать богатырскую
И спать-заснулъ.
А сонъ богатырскій крѣпокъ:
На три дня и на три ночи.
На третій день услыхалъ его добрый конь
Великій шумъ съ-подъ сиверныя сторонушки:
Мать сыра земля колыбается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,
Не можетъ разбудить Илью Муромца.
Проязычилъ конь языкомъ человѣческимъ:
«Ай же ты, Илья Муромецъ!
«Спишь себѣ, прохлаждаешься,
«Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
«Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.
«Ты спущай меня во чисто поле,
«А самъ полѣзай на сырой дубъ.»
Вставалъ Илья на рѣзвы ноги, и т. д.
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
Пріѣхалъ богатырь ко сыру дубу,
Снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ.
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано, и не слыхано:
Ростомъ она высокая,
Походка у ней щепливая (мелкая, щегольская).
Очи яснаго сокола,
Бровушки чернаго соболя, —
Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ,
Полагала скатерти бранныя,
Ставила на столъ ѣствушки сахарнія,
Вынимала изъ ларца питьица медвяныя.

Святогоръ богатырь обѣдаетъ. Вмѣсто того, чтобы напасть на Илью, онъ называетъ его меньшимъ братомъ.

Выучилъ Святогоръ Илью
Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскіимъ.
И поѣхали они къ сѣвернымъ горамъ,
И наѣхали путемъ дорогою на великій гробъ.
На томъ гробу подпись подписана:
«Кому суждено во гробу лежать,
«Тотъ въ него и ляжетъ.»
Легъ Илья Муромецъ:
Для него домовище и велико, и широко.
Ложился Святогоръ богатырь:
Гробъ пришелся по немъ.
Говоритъ богатырь таковы слова:
«Гробъ точно про меня дѣланъ.
«Возьми-тко крышку, Илья,
«Закрой меня.»
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

*) Слышано и записано покойнымъ К. С. Аксаковымъ. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. I, приложенія, стр. XXX и XXXI.

«Не возьму я крышки, больший братъ,
«И не закрою тебя:
«Шутишь ты шуточку не малую,
«Самъ себя хоронить собрался.»
Взялъ богатырь крышку, и самъ закрылъ ею гробъ:
Да какъ захотѣлъ поднять ю,
Никакъ не можетъ;
Бился онъ, и силился поднять,
И проговорилъ Ильѣ Муромцу:
«Ай, меньшій братъ!
«Видно судьбина поискала меня,
«Не могу поднять крышки,
«Попробуй-ка приподнять ю.»

Попробовалъ Илья Муромецъ поднять крыку, да гдѣ ему! Говоритъ Святогоръ богатырь: «возьми мой мечъ кладенецъ и ударь поперегъ крышки.» Ильѣ не подъ силу и поднять святогорова меча-кладенца. Зоветъ его Святогоръ богатырь: «наклонись ко гробу; ко маленькой щелочкѣ: я дохну на тебя духомъ богатырскіимъ.» — Какъ наклонился Илья, и дохнулъ на него Святогоръ богатырь своимъ духомъ богатырскіимъ: почуялъ Илья, что силы въ немъ противъ прежняго прибавилось втрое, поднялъ онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперегъ крышки. Отъ того удару великаго посыпалися искры, а гдѣ ударилъ мечъ-кладенецъ, на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная. Зоветъ его Святогоръ богатырь: «душно мнѣ, меньшій братъ, побробуй еще ударить мечомъ вдоль крышки.» Ударилъ Илья вдоль крышки — и тутъ выросла желѣзная полоса. Опять проговоритъ Святогоръ богатырь: „задыхаюсь я, меньшій братъ; наклонись-ка ко щелочкѣ; я дохну еще на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую.“ Отвѣчаетъ Илья: „будетъ съ меня силы, больший братецъ; не то земля на себѣ носить не станетъ.“ Промолвился тутъ Святогоръ богатырь: „хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа: я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй моимъ мечомъ кладенцомъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу. Никто кромѣ меня не совладаетъ съ этимъ конемъ.“ Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ; простился Илья съ Святогоромъ, привязалъ его добра коня къ тому ко гробу, опоясалъ Святогоровъ мечъ кладенецъ, и поѣхалъ въ раздольице чисто поле. (Пѣсни Рыбникова, ч. I, стр. 36—38, 40—42.)

В. БОГАТЫРИ ВЛАДИМІРОВЫ.

А. свои.

Илья Муромецъ.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое про бывалое,
Про того Илью про Муромца?
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридсать три года;
Пришли къ нему нища братія:
«Ты пойди, Илья, принеси испить!»
— Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ! —
«Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!»
Илья сталъ вставать, ровно встрёпанный;
Онъ пошелъ принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ подпашивать;
Ему нищи отварачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
— Отъ земли столбъ былъ да до нёбушки,
Ко столбу было золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, святорусску поворотилъ! —
«Ты поди, Илья, принеси другу чашу!»
Илья сталъ имъ поднашивать,
Они Ильѣ отворачиваютъ:
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
— Во мнѣ силушки половинушка. —
«Проводи Илья насъ во чисто поле,
«Во чисто поле, къ высоку бугру,
«Къ высоку бугру, ко раскатисту.»
На бугрѣ Илья отдохнуть прилегъ,
Богатырскій сонъ на двѣнадсять дёнъ.

(Пѣсни Кирѣевскаго, I, 1 и 2.)

Пріѣхалъ онъ ко камешку ко горючему,
Отъ камешка три ростани,
Три ростани, три дороженьки,
А на камешки какъ было написано:
«Что въ одну дорожку ѣхать — убиту быть,
«Въ другую ѣхать — женату быть,
«А въ третью ѣхать — богату быть.»
Сталъ да пораздумался:
«Въ котору ѣхать мнѣ дороженьку?
«Что мнѣ удалому богату быть
«И что мнѣ удалому женату быть
«А поѣду въ ту дорожку, гдѣ убиту быть!»
Ѣхалъ онъ три часа,
Проѣхалъ ровно триста верстъ;
Пріѣзжалъ какъ онъ къ тѣмъ горамъ,
Къ тѣмъ горамъ да къ высокіимъ,
Начали разбойнички съ горъ выскакивати,
Наскакало разбойничковъ сорокъ тысячей, —
Начали удалого пощалкивать,
Началъ удалой назадъ выговаривать:
«Ай же, сорокъ тысяцъ разбойниковъ!
«Что вамъ взять у меня у удалаго?
«Нѣтъ у меня многой несчетной золотой казны,
«Нѣтъ у меня прекрасной молодой жены,
«Нѣту у меня платья цвѣтнаго;
«Только у меня добрый конь,
«Добрый конь въ триста рублей,
«На кони приправа во пятьсотъ рублей,
«У себя приправа богатырска въ цѣлу тысячу.»
Какъ выдергивалъ онъ палицу желѣзную,
Во сто девяносто пудъ,
Какъ началъ разбойничковъ пощалкивать, —
Прибилъ онъ разбойничковъ сорокъ тысячей.
Тутъ удалый поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ какъ онъ ко камешку ко горючему,
Тую запись поднавливалъ,
Что: «въ ту дорожку ѣздилъ — убитъ не былъ.»
«Поѣду въ тую, гдѣ женату быть!»
Ѣхалъ онъ ровно три часа,
Проѣхалъ ровно триста верстъ.
Выѣзжалъ какъ онъ на ты на поля на чистыя,
На чистыя поля, на луга на зеленые,
На тѣхъ-то поляхъ на чистыихъ,
На лугахъ на зеленыихъ,
Стоитъ какъ чудо чудное, диво дивное:
Городомъ назвать, — такъ онъ малъ стоитъ:
А селомъ назвать, — такъ онъ великъ стоитъ;
Стоятъ тутъ полати бѣлокаменны.
Пріѣзжалъ какъ онъ ко полатамъ на широкъ дворъ,
Какъ съ тѣхъ полатъ бѣлокаменныхъ
Выходила премлада Прекрасна Королевична.
Брала удалаго за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарныя,
Проводила въ полаты бѣлокаменны,
Садила за тѣ столы дубовые...
Вмѣсто того, чтобы влюбиться въ королевичну, Илья догадывается, что она чародѣйка. — — —
Какъ бралъ онъ ее за бѣлы руки,
Бросалъ на ту кроватку тисовую. —
Кроватка была волшебная,
Провалилася она въ тѣ погреба глубокіе.
Онъ тутъ бралъ золоты ключи,
Шелъ — отмыкалъ погреба онъ глубокіе,
Какъ выпускалъ много удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
Много сильныхъ-могучіихъ богатырей.
Какъ оттоль выходила сзади премлада Королевична,
Онъ бралъ какъ Королевичну за бѣлы руки,
Привязывалъ къ тремъ жеребцамъ онъ неѣзженымъ,
Роздернулъ ее по чисту полю.
Какъ тутъ все имѣнье-богачество
Роздалъ удалымъ-добрымъ молодцамъ,
Сильнымъ-могучимъ богатырямъ,
А тѣ полаты бѣлокаменныя огню предалъ.
Тутъ-то удалый поворотъ держалъ.
Пріѣзжалъ какъ удалый къ тому же ко камешку.
Тую опять запись поднавливалъ:
«Въ ту дорожку ѣздилъ — женатъ не былъ.
«Поѣду во третью дорожку, гдѣ богату быть?»
Ѣхалъ онъ три часа,
Проѣхалъ триста верстъ,
Опять какъ выѣзжалъ на поля на чистыя,
На поля на чистыя, на луга на зеленые,

Какъ тутъ кованы погреба все глубокіе,
Насыпаны всѣ краснаго золота,
Краснаго золота, чистаго серебра,
И мелкаго-скачнаго жемчуга.
Онъ говоритъ: «куда мнѣ удалому съ имѣньицемъ,
«Со многой несчетной золотой казной?»
Сталъ да призадумался:
Взялъ взялъ — на это на имѣньицо,
На тѣхъ на кладахъ на честнихъ,
Построилъ монастыри богомольные,
Построилъ церкви соборныя.
Повелъ тутъ пѣніе церковное,
Пѣніе церковное, звоны колокольные.
«Чье было имѣнье, за того пускай идетъ!»
Тутъ-то удалый поворотъ держалъ,
Опять пріѣзжалъ ко тому ко камешку ко горючему,
Опять ту запись подправливалъ:
«Какъ въ тую дорожку ѣздилъ — богатъ не бывъ.»

(Пѣсни Рыбникова, ч. II, стр. 318 — 322)

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Ни бумажныя листочки растилаются,
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ;
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
«Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
«Дай ты мнѣ своё благословеньицо,
«Я поѣду во славной, стольной Кіевъ градъ,
«Помолиться чудотворцамъ кіевскимъ,
«Заложиться за князя Владиміра,
«Послужить ему вѣрой-правдою,
«Постоять за вѣру христіанскую.»
Отвѣчаетъ старой крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ:
«Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье даю,
«А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
«Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
«Ни помысли зломъ на татарина,
«Не убей въ чистомъ полѣ христіанина.»
Поклонился Илья Муромецъ отцу до земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
Поѣхалъ онъ во чисто поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ кожу до чёрна мяса;
Ретивой его конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже оболока ходячаго.

Первой скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ, колодезь сталъ;
У колодезя срубилъ сырой дубъ,
У колодезя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имячко:
«Ѣхалъ такой-то сильной, могучой богатырь,
«Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;»
Въ третій скочилъ подъ Черниговъ градъ.
Подъ Черниговомъ стоитъ сила — смѣты нѣтъ;
Подъ Черниговомъ стоятъ три царевича,
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сердце разгорчиво и неуёмчиво;
Пуще огня огнячка сердце разыграется,
Пуще пылящаго (палящаго) мороза разгорается...
Тутъ возговоритъ Илья Муромецъ таково слово:
«Не хотѣлось было батюшку супротивникомъ быть,
«Еще знать-то его заповѣдь переступить.»
Беретъ онъ въ руки саблю боёвую,
Учалъ по силушкѣ потуживать:
Гдѣ повернется, дѣлаетъ улицы,
Поворотится — часты площади;
Добивается до трехъ царевичовъ.
Тутъ возговоритъ Илья таково слово:
«Охъ вы гой есте мои три царевича!
«Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
«Аль съ васъ буйны головы снять?
«Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять,
«У меня дороги заѣзжія и хлѣбы завозные;
«А какъ головы снять — царски сѣмяна погубить.
«Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
«Вы чините вездѣ такову славу,
«Что святая Русь не пуста стоитъ,
«На святой Руси есть сильны, могучи богатыри.»
Увидалъ его воевода черниговскій:
,,Что это Господь пославъ намъ за сослабника!“
,,Очистилъ намъ славный Черниговъ градъ.“
Возговоритъ воевода свымъ князьямъ-боярамъ:
,,Подите, позовите добра молодца
,,Ко мнѣ хлѣба соли кушати.“

—

— „Нейду я къ воеводѣ вашему,
„Не хочу у него хлѣба соли кушати;
„Укажите мнѣ прямую дороженьку
„На славной стольной Кіевъ градъ.“
(Пѣсни, собр. Кир., вып. 1, стр. 34 — 36.)

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ,
Что ковыль трава во чистомъ полѣ шатается,
А и ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ человѣкъ,
Старой ли казакъ Илья Муромецъ.
А и конь ли подъ нимъ кабы лютый звѣрь,
А самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не водилося,
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
По чему-то ему цѣны не было?
Потому-то коню цѣны не было:
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берега на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему русскому разбойники:
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его ограбити,
Съ душой, съ животомъ его разлучить хотятъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А и гой есте вы, братцы станишники!
„Убить меня стараго вамъ не за что,
„А взяти у стараго нечего.“
Вынималъ онъ изъ налушна тугой лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ, —
Ему жалко ихъ до смерти убить, *)
Стрѣляетъ онъ старой по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистый дубъ,
Изломала въ черенья въ ножевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго
Станишники съ коней попадали,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ.
„Ой вы гой еси, добры молодцы, станишники!
„Полноте лежать на сырой земли,
„Полноте спать высыпатися:
„По дорогѣ много прошло конныхъ и пѣшіихъ,
„У себя вы много добраго упустили.“
Встали добры молодцы
На свои рѣзвы ноги:
И пали ему въ рѣзвы ноженьки:
„Ты гой еси, добръ удалый молодецъ!
„Поди ты къ намъ во товарищи,
„И будь ты у насъ атаманушкой.“
Возговоритъ добрый молодецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
Не хочу я съ вами стада пасти,
А ѣду въ Кіевъ градъ,
Къ Володимеру Князю на вспоможеніе,
На его сбереженіе.
(Пѣсни Кирѣевск, вып. I, 23, 24, 27. 38).

Ѣхалъ удалый по чисту полю,
Стоитъ столбъ бѣлодубовый,
На столбѣ есть подпись подписана:
„Прямо ѣхать, только пятьсотъ верстъ,
„А на околь-то ѣхать, семьсотъ верстъ.“
Смотритъ Илья на эту подпись-то:
„Какъ прямо ѣхать, живу не бывать;
„Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему ни пролетному,
„Сидитъ соловей-разбойникъ на семи дубахъ.
„Захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ.“
Стоитъ Илья, пораздумался:
„Прямоѣзжая дорога переломана,
„Калиновы мосточки переворочены:
„Не честь мнѣ, хвала молодецкая
„Ѣхать той дорожкой окольноей;
„А луче поѣду дорожкой прямоѣзжею.“
Скоро спущался онъ съ добра коня,
Рукой-онъ коня повелъ,
А другой нъ началъ мости мостить,
Тыи мосточки калиновы:
Наладилъ онъ дорогу прямоѣзжую.
Пріѣзжаетъ Ильюша къ сырымъ дубамъ:
Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ, и т. д.
Закричалъ какъ Соловей по звѣриному,

*) Этотъ стихъ — изъ другаго варьянта. (Пѣсни Кирѣевс. вып. 1, стр. 17.

Засвисталъ злодѣй по соловьиному,
Замызгалъ собака по собачьему:
Тутъ-то у Ильи у Муромца
Его добрый конь на колѣнки палъ
Отъ того отъ крику отъ звѣринаго, и т. д.
Бьетъ онъ коня промежу уши;
По тынимъ еще по тугимъ ребрамъ:
,,Ахъ ты волчья сыть *), травяной мѣшокъ!
,,Развѣ не слыхалъ ты крику звѣринаго, и т. д.
Самому молодцу не дойдетъ сидѣть:
Скоро натянулъ онъ тугой лукъ,
Кладывалъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ-то онъ Соловья разбойника;
Стрѣлилъ-то онъ его во правой глазъ,
А вышла стрѣла во лѣво ухо:
Палъ тутъ Соловей на сыру землю:
Взималъ-то онъ Соловья разбойника,
Пристегивалъ ко стремени черкасскому:
Повезъ-то онъ Соловья съ собой его.

Илья проѣзжаетъ съ Соловьемъ мимо соловьева помѣстья; увидѣвъ ихъ, жена Соловья посылаетъ дѣтей къ Ильѣ съ богатымъ выкупомъ. «Онъ будетъ опять разбой держать,» отвѣчаетъ Илья, и не даетъ имъ ихъ батюшки. — Пріѣзжаетъ Илья съ Соловьемъ въ Кіевъ, — но уже поздно къ заутренѣ! Въѣзжаетъ онъ на широкій дворъ князя Владиміра. Вотъ возвращается князь изъ церкви, и разсказываетъ Илья князю, какъ удалось ему поймать Соловья-разбойника.

,,А, видно, ты, удалый добрый молодецъ,
,,А былъ на царевомъ большомъ кобакѣ!
,,Не напился ли зелена вина,
,,Не пустымъ ли, добрый молодецъ, хвастаешь?
— ,,Ахъ же, дурень, князь стольно-кіевскій!
,,У меня Соловей разбойникъ у стремени у черкасскаго.“
Тутъ-то они всѣ пометалися,
Пометалися всѣ, покидалися,
Бѣжатъ да трутъ промежу собой:
Прибѣжали какъ къ Соловью разбойнику,
Сами говорятъ, кричатъ ему:
,,Ахъ ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахматовичъ!
,,Кричи-тко, Соловей, по звѣриному,“ и т. д.
Говоритъ Соловей разбойникъ сынъ Рахматовичъ:
,,Не ваше я пью-ѣмъ-кушаю,
,,И не васъ хочу и слушати.“
Скоро они поворотъ держатъ,
Приходятъ къ Ильѣ Муромцу,
Клонятся всѣ они, молятся:
— ,,Ай же ты, Илья Муромецъ!
,,Позволь ты Соловью-то разбойнику
,,Закричать Соловью по звѣриному,“ и т. д.
Онъ говоритъ, проговариваетъ таково слово:
,,Ай же ты князь стольно-кіевскій!
,,Теперь у него уста запечатаны,
,,Запеклись уста кровью горючею:
,,Стрѣленъ у меня во правый глазъ,
,,Вышла стрѣла во лѣво ухо.
,,Налейте ему чашу зелена вина,
,,Вѣсомъ чашу полтора пуда.“
Налили ему чашу зелена вина, и т. д.
Принесли къ Соловью-разбойнику.
Принималъ онъ чашу единой рукой,
Выпивалъ чашу за единый духъ,
Самъ говорилъ таково слово:
,,Другу чашу налейте пива пьянаго,
,,Чтобы вѣсомъ чаша въ полтора пуда и т. д.
,,Третью чашу меду сладкаго.“ и т. д.
Наливали ему пива пьянаго
И наливали ему чашу меда сладкаго,
Принималъ онъ чашу единой рукой, и т. д.
Тутъ то Соловей пьянъ сталъ.
Проговоритъ Илья Муромецъ:
,,Ой же ты, Соловей сынъ Рахматовичъ:
,,Кричи, разбойникъ, по звѣриному,“ и т. д.
Закричалъ Соловей по звѣриному, и т. д.
Князи, бояре всѣ мертвы лежатъ;
А Владиміръ князь стольно-кіевскій
Заходилъ раскорякою,
Ходитъ князь, Ильѣ молится:
,,Уйми Соловья разбойника,
,,Чтобъ не свисталъ по соловьиному!
,,Оставь мнѣ бояръ хоть на сѣмена!“

(Пѣсни Рыбникова, ч. I, стр. 47—54.)

Что по край было синя моря,
На богатырской на заставѣ,

*) Т. е. волчій кормъ (чѣмъ волкъ сытъ) — волкъ тебя ѣшь!

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя, и т. д.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую,
и т. д.
А не могутъ сошки съ земельки повыдерну-
ти, и т. д.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку зъ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ:
У оратая кобылка-то грудью копила,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
«Постой-ка ты, ратай, ратаюшко!
«Этая кобылка конькомъ бы была, —
«За эту кобылку пятьсотъ бы дали.»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Глупый Вольга Святославовичь!
«Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ ма-
тушки
«И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
«Этая кобылка конькомъ бы была, —
«За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.»
Говорилъ Вольга Святославовичь:
«Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
«Какъ то тебя именемъ зовутъ,
«Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославовичь!
«А я ржи напашу, да во скирды сложу,
«Во скирды складу, домой выволочу,
«Домой выволочу, да дома вымолочу,
«Драни надеру, да и пива наварю,
«Пива наварю, да и мужиковъ напою,
«Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

(Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, ч. I, стр.
18 — 22).

Святогоръ.

Снарядился Святогоръ во чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго
бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги *) нашелъ,
«Такъ бы я всю землю поднялъ!»
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную:
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку, —
она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее, — не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою, — не подымется!
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
«А эдакова чуда не наѣзживалъ,
«Такова дива не видывалъ:
«Маленькая сумочка переметная
«Не скрянется, не сворохнется, не подымется!»
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.

(Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, ч. I, стр.
32 — 33).

Есть объ этомъ еще и сказка. Тутъ Святогору попадается прохожій и снимаетъ съ плечь сумочку. Святогоръ хочетъ поднять ее, и не можетъ. «Что у тебя въ ней» спрашиваетъ онъ.—«Въ сумочкѣ у меня тяга земная», отвѣчаетъ прохожій, — не кто другой какъ Микула Селяниновичъ. (Ему, ратаюшкѣ-ратаю, не по чемъ поднять тягу (тяжесть) земную: онъ привыкъ сносить всѣ тя-

*) «Святогоръ ищетъ «тягу земли», тяжесть равную землѣ, равносильный рычагъ, чтобы повернуть всю землю.» Объясненіе П. Бессонова въ «Замѣткѣ», напечатанной въ концѣ I т. Пѣсень, собр. Рыбниковымъ, стр. X.

гости (трудности), каких требует трудъ надъ землею, т. е. трудъ земледѣльческій, трудъ поселянъ (отсюда и Микулушка Селяниновичъ.) (Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ, стр. 39, выноска *)

Святогоръ. Калики перехожія, Илья Муромецъ.

Во славномъ городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,
Сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожія,
Подъ тое окошечко косящето,
Говорятъ калики таковы слова:
«Ай же ты, Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
«Отворяй каликамъ ворота широкія,
«Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ.
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
«Ай же вы калики перехожія,
«Не могу отворить воротъ широкіихъ,
«Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
«Не владаю ни руками, ни ногами.
Опять говорятъ калики перехожія:
«Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
«Отворяй-ка ворота широкія,
«Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ.
Вставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія,
И пускалъ каликъ въ себѣ въ домъ.
Приходили калики перехожія,
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклоны ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвяного.
Подносятъ-то Ильѣ Муромцу:
Какъ выпилъ-то чару питьица медвяного,
Богатырско его сердце разгорѣлося;
Его бѣлое тѣло расчотѣлося.
Воспроговорятъ калики таковы слова:
«Что чувствуешь въ себѣ, Илья?»
Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
«Слышу въ себѣ силушку великую.»
Говорятъ калики перехожія:
«Будешь ты, Илья, великій богатырь,
«И смерть тебѣ на бою не писана.
«Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
«И со всею поленицею *) удалою;
«А только не выходи драться
«Съ Святогоромъ богатыремъ:
«Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
«Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
«У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ,
«Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
«Его любитъ матушка сыра земля;
«Не ходи ещё на Вольгу Сеславьевича:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью — мудростью.

Далѣе они учатъ его достать и откормить жеребца, откормивъ, подвести его къ тыну высокому, и ежели онъ перескочетъ черезъ тынъ, смѣло садиться на него — повезетъ, куда захочешь! За тѣмъ калики теряются (исчезаютъ). Илья идетъ на работу крестьянскую и много работаетъ для отца. Отецъ и мать въ недоумѣніи — кто бы это имъ наработалъ? Вернувшись домой, они видятъ, что Илья ходитъ по избѣ; онъ обо всемъ имъ разсказываетъ. Далѣе Илья покупаетъ жеребчика, откармливаетъ его, какъ учили калики, и, испросивъ благословенія у отца съ матерью, уѣзжаетъ. (Пѣсни Рыбникова, ч. 1, стр. 33—36).

—

Много разсказывается въ разныхъ былинахъ о похожденіяхъ Ильи Муромца, но вотъ что разсказывается о встрѣчѣ его съ однимъ изъ богатырей старшихъ: «Илья, не найдя себѣ равнаго силою, заслышалъ, что есть одинъ богатырь силы непомѣрной, ко-

*) Поленица. поляница — отъ поля: полевать и полеваться — разъѣзжать въ полѣ ради подвиговъ.» Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. 1, выноска.

тораго и земля не держитъ и который на всей землѣ нашелъ одну только, могущую выдержать его гору, и лежитъ на ней. Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣряться. Пошелъ онъ искать этого богатыря и нашелъ гору, а на ней лежитъ огромный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ я зацѣпился за сучекъ,» говоритъ богатырь. Илья, напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камешекъ задѣлъ,» говоритъ багатырь; оборотясь, онъ увидалъ Илью Муромца и сказалъ ему: «а, это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ; нашелъ себѣ гору, и лежу на ней» *). Это долженъ быть одинъ изъ тѣхъ богатырей, съ которыми калики запретили Ильѣ сражаться.

—

Ѣдетъ Илья по чисту полю, — попадается ему по дорогѣ бѣлый шатеръ.
Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая:
Долиной кровать десяти сажень,
Шириной кровать шести сажень.
Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,
Легъ на тую кровать богатырскую
И спать-заснулъ.
А сонъ богатырскій крѣпокъ:
На три дня и на три ночи.
На третій день услыхалъ его добрый конь
Великій шумъ съ-подъ сиверныя сторонушки:
Мать сыра земля колыбается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,
Не можетъ разбудить Илью Муромца.
Проязычилъ конь языкомъ человѣческимъ:
«Ай же ты, Илья Муромецъ!
«Спишь себѣ, прохлаждаешься,
«Надъ собой невгодушки не вѣдаешь:
«Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.
«Ты спущай меня во чисто поле,
«А самъ полѣзай на сырой дубъ.»
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги, и т. д.
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
Пріѣхалъ богатырь ко сыру дубу,
Снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ.
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано, и не слыхано:
Ростомъ она высокая,
Походка у ней щепливая (мелкая, щегольская),
Очи яснаго сокола,
Бровушки чернаго соболя, —
Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ,
Полагала скатерти бранныя,
Ставила на столъ ѣствушки сахарнія,
Вынимала изъ ларца питьица медвяныя.

Святогоръ богатырь обѣдаетъ. Вмѣсто того, чтобы напасть на Илью, онъ называетъ его меньшимъ братомъ.

Выучилъ Святогоръ Илью
Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскіимъ.
И поѣхали они къ сѣвернымъ горамъ,
И наѣхали путемъ дорогою на великій гробъ,
На томъ гробу подпись подписана:
«Кому суждено во гробу лежать,
«Тотъ въ него и ляжетъ.»
Легъ Илья Муромецъ:
Для него домовище и велико, и широко.
Ложился Святогоръ богатырь:
Гробъ пришелся по немъ.
Говоритъ богатырь таковы слова:
«Гробъ точно про меня дѣланъ.
«Возьми-тко крышку, Илья,
«Закрой меня.»
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

*) Слышано и записано покойнымъ К. С. Аксаковымъ. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. I, приложенія, стр. XXX и XXXI.

«Не возьму я крышки, большій братъ,
«И не закрою тебя:
«Шутишь ты шуточку не малую,
«Самъ себя хоронить собрался.»
Взялъ богатырь крышку, и самъ закрылъ ею
гробъ:
Да какъ захотѣлъ поднять ю,
Никакъ не можетъ;
Бился онъ, и силился поднять,
И проговорилъ Ильѣ Муромцу:
«Ай, меньшій братъ!
«Видно судьбина поискала меня,
«Не могу поднять крышки,
«Попробуй-ка приподнять ю.»

Попробовалъ Илья Муромецъ поднять крыку, да гдѣ ему! Говоритъ Святогоръ богатырь: «возьми мой мечъ кладенецъ и ударь поперегъ крышки.» Ильѣ не подъ силу и поднять святогорова меча-кладенца. Зоветъ его Святогоръ богатырь: «наклонись ко гробу; ко маленькой щелочкѣ: я дохну на тебя духомъ богатырскіимъ.» — Какъ наклонился Илья, и дохнулъ на него Святогоръ богатырь своимъ духомъ богатырскіимъ: почуялъ Илья, что силы въ немъ противъ прежняго прибавилось втрое, поднялъ онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперегъ крышки. Отъ того удара великаго посыпались искры, а гдѣ ударилъ мечъ-кладенецъ, на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная. Зоветъ его Святогоръ богатырь: «душно мнѣ, меньшій братъ, попробуй еще ударить мечомъ вдоль крышки.» Ударилъ Илья вдоль крышки — и тутъ выросла желѣзная полоса. Опять проговоритъ Святогоръ богатырь: „задыхаюсь я, меньшій братъ; наклонись-ка ко щелочкѣ; я дохну еще на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую.“ Отвѣчаетъ Илья: „будетъ съ меня силы, большій братецъ; не то земля на себѣ носить не станетъ.“ Промолвился тутъ Святогоръ богатырь: „хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа: я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй моимъ мечомъ кладенцомъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу. Никто кромѣ меня не совладаетъ съ этимъ конемъ.“ Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ; простился Илья съ Святогоромъ, привязалъ его добра коня къ тому ко гробу, опоясалъ Святогоровъ мечъ кладенецъ, и поѣхалъ въ раздольице чисто поле. (Пѣсни Рыбникова, ч. I, стр. 36—38, 40—42.)

В. БОГАТЫРИ ВЛАДИМІРОВЫ.

А. СВОИ.

Илья Муромецъ.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое про бывалое,
Про того Илью про Муромца?
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года;
Пришли къ нему нища братія:
«Ты пойди, Илья, принеси испить!»
— Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ! —
«Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!»
Илья сталъ вставать, ровно встрёпанный;
Онъ пошелъ принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ подношивать;
Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
— Отъ земли столбъ былъ да до нёбушки,
Ко столбу было золотó кольцо,
За кольцо бы взялъ, святорусску поворотилъ! —
«Ты поди, Илья, принеси другу чашу!»
Илья сталъ имъ подношивать,
Они Ильѣ отворачиваютъ:
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
— Во мнѣ силушки половинушка. —
«Проводи Илья насъ во чистó поле,
«Во чисто поле, къ высоку бугру,
«Къ высоку бугру, ко раскатисту.»
На бугрѣ Илья отдохнуть прилегъ,
Богатырскій сонъ на двѣнадсять дёнъ.

(Пѣсни Кирѣевскаго, I, 1 и 2.)

«А и я бы Алёшу копьемъ заколол.
«Копьемъ заколол и огнемъ спалилъ.»
Говоритъ тутъ Алеша каликою:
«А и ты гой еси Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
«Подъѣзжай поближе ко мнѣ,
«Не слышу я, что ты говоришь.»
И подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ.
Сверстался Алёша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича.
Хлестнулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову,
И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь:
Втапоры взмолится Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
«Гой еси ты, калика перехожая!
«Не ты ли Алеша Поповичъ младъ:
«Только (если) ты Алеша Поповичъ младъ;
«Се мы побратаемся съ тобой!»—
Втапоры Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь.
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя надѣвалъ:
Садился на его добра коня,
И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.

Якимъ Ивановичъ, завидя Алешу надѣтаго въ платьѣ Тугарина, принимаетъ его за самаго Тугарина и кидаетъ въ него палицей въ тридцать пудъ. Алеша валится Якимъ Ивановичъ хочетъ пороть ему груди бѣлыя, но, замѣтя на немъ золотъ чуденъ крестъ, заливается слезами отъ ужаса, что чуть-чуть не убилъ своего брата названаго. Алеша отдаетъ каликѣ платье его, надѣваетъ свое богатырское, а платье Тугарина прячетъ.

А и будутъ они въ городѣ Кіевѣ
На княженецкомъ дворѣ.
Скочили съ добрыхъ коней,
Привязали къ дубовымъ столбамъ.
Пошли во свѣтлы гридни:
Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомъ поклоняются
Князю Владиміру и Княгинѣ Апраксѣевнѣ. *)
И на всѣ на четыре стороны.
Говорилъ имъ ласковой Владиміръ князь:
«Гой вы еси, добры молодцы!
«Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
«А по имени вамъ можно мѣсто дать,
«По изотчеству можно пожаловати.»
Говоритъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
«Меня, осударь, зовутъ Алешею Поповичемъ.
«Изъ города Ростова, стараго попа соборнаго.»
Втапоры Владиміръ князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
«По отчеству садися въ большее мѣсто въ передній уголъ,
«Въ другое мѣсто богатырское,
Въ дубову скамью противъ меня,
Въ третье мѣсто, куда самъ захошь.»
Не садился Алёша въ мѣсто большее,
И не садился въ дубову скамью,
Сѣлъ онъ со св ими товарищи на полатной брусъ.
Мало время позамѣшкавши,
Несутъ Тугарина Змѣевича
На той доскѣ красна золота.
Двѣнадцать могучихъ богатырей.
Сажали на мѣсто большее,
И подлѣ него сидѣла княгиня Апраксѣевна.
Тутъ повары были догадливы,
Понесли ѣства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія:
Стали тутъ пить-ѣсть прохлаждатися:
А Тугаринъ Змѣевичъ не честно хлѣба ѣстъ
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
Тѣ ковриги монастырскія:
И нечестно Тугаринъ питья пьетъ.
По цѣлой чашѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра:
И говорилъ втапоры Алеша Поповичъ младъ:
„Гой еси ты, ласковой сударь Владиміръ князь!
„Что у тебя за болванъ пришелъ,
„Что за дуракъ неотесанный?
„У моего сударя батюшки,

*) Передѣлано изъ Афросиньи.

,,Ѳедора, попа Ростовскаго,
,,Была коровища старая,
,,Насилу по двору таскалася:
,,Забилася на поварню къ поварамъ,
,,Выпила чанъ браги прѣсныя,
,,Отъ того она лопнула,—
,,Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ:
,,Отъ меня Тугарину тоже будетъ."
Тугаринъ потемнѣлъ какъ осенняя ночь,
Выдернулъ чингалище булатное,
Бросилъ въ Алешу Поповича;
Алеша на то-то вертокъ былъ,
Не могъ Тугаринъ попасть въ него;
Подхватилъ чингалище Якимъ Ивановичъ,
Говорилъ Алешѣ Поповичу:
,,Самъ ли ты бросаешь въ него, или мнѣ велишь?—
,,Нѣтъ, я самъ не бросаю, и тебѣ не велю!
,,Заутра съ нимъ перевѣдаюсь:
,,Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
,,Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
,,А бьюсь о своей буйной головѣ."

Князья и бояре, и гости купеческіе бьются объ закладъ, что побѣдителемъ будетъ Тугаринъ; одинъ владыка (архіерей) Черниговскій ручается, что побѣда останется за Алешею. Между тѣмъ Тугаринъ встаетъ изъ за стола, садится на коня своего и поднимается на бумажныхъ крыльяхъ летать по поднебесью.

Тутъ Алеша всю ночь не спалъ,
Молился Богу со слезами:
,,Создай, Боже, тучу грозную,
,,А изъ тучи-то съ градомъ дождя!"
Алешины молитвы доходны ко Христу:
Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ дождя;
Замочило у Тугарина крылья бумажныя,
Падаетъ Тугаринъ какъ собака на сыру землю:
Приходилъ Якимъ Ивановичъ,
Сказалъ Алешѣ Поповичу,
Что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ,
И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взялъ онъ сабельку острую
И поѣхалъ къ Тугарину Змѣевичу.
И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичъ Алешу Поповича,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
,,Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
,,Хошь ли я тебя огнемъ спалю,
,,Хошь ли, Алеша, конемъ стопчу,
,,Или тебя, Алешу, копьемъ заколю?"
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
,,Гой еси ты Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
,,Бился ты со мною о великъ закладъ,
,,Биться—драться одинъ-на-одинъ,
,,А за тобой нынѣ силы смѣты нѣтъ
,,На меня Алешу Поповича."
Оглянется Тугаринъ назадъ себя,
Втапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ."

(Сказанія Русскаго Народа, т. I, былины стр. 22—26).

Добрыня Никитичъ.

Добрынюшкѣ матушка говорила:
,,Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
,,На тую гору сорочинскую,
,,Топтать то молодыхъ змѣенышей,
,,Выручать-то полоновъ русскiихъ,
,,Не купись, Добрыня, во Пучай рѣкѣ,
,,Пучай рѣка есть свирѣпая:
,,Средня струйка какъ огонь сѣчетъ."
Добрынюшка матушки не слушался,
Идетъ на конюшенку стоялую,
Беретъ онъ своего добра коня;
Сѣдлалъ бурка во сѣдѣльшко черкасское,
Потнички клалъ на потнички,
А на потнички кладетъ войлочки,
А на войлочки кладетъ черкасское сѣдѣльшко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатую клалъ ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ добра коня не вырутилъ (не выбросилъ).
Подпруги были шелковыя,
Пряжки у сѣдла красна золота,
Шпеньки *) подпруговъ все булатныя;

*) Шпеньки—отъ шпенекъ: пряжечныя шпильки.

Тутъ шелкъ не рвется и булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ—не старѣетъ.
Какъ онъ былъ во чистомъ полѣ,
На тыихъ горахъ на высокiихъ,
Потопталъ младыихъ змiенышей,
Повыручилъ полоновъ русскiихъ.
Богатырско его сердце пожадѣлося (почувствовало жажду)
Пожадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-рѣкѣ,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снималъ съ себя платье цвѣтное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ таково слово:
,,Мнѣ Добрынюшкѣ матушка говаривала,
,,Мнѣ Никитичу матушка наказывала,—
,,Не купись, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ,
,,Что Пучай-рѣка есть сварѣлая,
,,Середня струйка какъ огонь сѣчетъ:
,,А Пучай-рѣка есть кротка-смирна:
,,Она будто лужа дождевая."
Какъ въ тую пору въ тó время
Вѣтра нѣтъ, тучу нанесло,
Тучи нѣтъ, а только дождь дожжитъ,
Дождя-то нѣтъ, искры сыплятся,—
Летитъ Змѣище-Горынчище,
О двѣнадцати змiя хоботахъ.
Хочетъ змiя его съ конемъ сожечь.
Сама говоритъ таково слово:
,,Теперече Добрыня въ моихъ рукахъ,
,,Захочу—Добрыню теперь потоплю,
,,Захочу,—Добрыню въ хобота возьму."
Добрынюшка плавать горазде онъ былъ
Ныряетъ—на-бережекъ на тамошнiй,
Ныряетъ на бережекъ на здѣшнiй:
Нѣту у Добрынюшки добра коня,
И нѣтъ его платьевъ цвѣтныихъ,
И нѣту меча буржамецкаго,
Только что лежитъ на землѣ пуховъ колпакъ,
Насыпанъ колпакъ земли греческой, *)
По вѣсу колпакъ цѣло три пуда.
Онъ хваталъ колпакъ земли греческой,
Махнулъ во змiю во проклятую,
Ошибъ змiѣ двѣнадцать всѣхъ хоботовъ.
Упала змiя во ковыль траву.
Добрынюшка на ножку былъ повертокъ,
Скочилъ на змiинины груди бѣлыя;
А змiя Добрынѣ ему взмолится:
,,Ахъ ты ей, Добрынюшка Никитиничъ?
,,Мы положимъ заповѣдь великую,
,,Чтобы не летать мнѣ на святую Русь,
,,Не носить людей больше русскiихъ,
,,А тебѣ не ѣздить далече въ чисто поле,
,,Не топтать ти молодыихъ змiенышей,
,,Не выручать полоновъ русскiихъ."
Положили они заповѣдь великую—

Горынычъ, разумѣется, вскорѣ же нарушаетъ заповѣдь. Пролетая черезъ Кiевъ, онъ уноситъ племянницу князя Владимiра, Запаву Путятичну. Алеша Поповичъ даетъ совѣтъ Владимiру отправить Добрыню къ Запавѣ на выручку. Скрѣпя богатырско сердце, съ большой неохотою ѣдетъ Добрыня. Горынычъ не хочетъ освободить Путятишну.

,,Не отдамъ я княжевой племянницы
,,Безъ бою, безъ драки—кровопролитiя."
Заводила она бой—драку великую.
Дрался со змiей онъ трои сутки.
Онъ убилъ змiю-то проклятую,
Спустился во нору, во глубокую,
Много тамъ сидитъ царей, царевичевъ,
Много королей, королевичевъ,
Простой-то силы и смѣту нѣтъ,
Насчиталъ силы сорокъ тысячей.
Говоритъ онъ княжевой племянницѣ
Молодой Запавѣ дочь Путятишнѣ:
,,За тебя я эдакъ странствую!
,,Пойдемъ ко граду ко Кiеву,
,,Ко ласкову князю ко Владимiру.
,,А вамъ всѣмъ, господа, воля вольная!"

По дорогѣ встрѣчаетъ Добрыня поленицу женщину великую, и вступаетъ съ ней въ

*) У Добрыни былъ ,,колпакъ изъ земли греческой;" Добрыня и насыпалъ его землею, чтобы бросить въ Горыныча; но пѣвецъ, смѣшавъ то и другое, передаетъ, что колпакъ ,,былъ насыпанъ земли греческой." (Пѣсни Рыбник., ч. I, стр. 124, вин.)

бой. Всѣ удары Добрыни ей все равно, что камаръ укусилъ; она схватываетъ Добрыню за желтые кудри и сажаетъ его къ себѣ въ карманъ. Конь начинаетъ жаловаться, что ему отъ этою не въ мототу тяжело; она вынимаетъ изъ кармана Добрыню. Богатырь приходится ей по сердцу и она вѣнчается съ нимъ по пріѣздѣ въ Кіевъ.

(Пѣсни Рыбник., ч. I, стр. 122—129).

Пиръ у князя Владиміра на многихъ князей, бояръ, на всѣхъ могучихъ богатырей.
А и будетъ день въ половину дня,
А и будетъ столъ во полу-столѣ,
Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гридни похаживаетъ,
Черны кудри расчесываетъ,
Таковы слова поговариваетъ;
,,Есть ли въ Кіевѣ таковъ человѣкъ,
,,Изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
,,А кто бы сослужилъ службу дальную,
,,А и дальну службу заочную,"
,,Кто бы съѣздилъ въ орды немирныя
,,И очистилъ дороги прямоѣзжія
,,До моего тестя любимаго,
,,До грозна короля Этмануйла Этмануйловича,
,,Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
,,Перекротилъ Сорочину долгополую,
,,А и тѣхъ Черкесовъ пятигорскіихъ,
,,А и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
,,Чукчи всѣ бы и Алюторы." *)
Втапоры большой за меньшаго хоронится,
А отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣтъ.
Изъ того было стола княженецкаго;
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступаетъ удалъ добрый молодецъ.
Молодой Добрыня Никитичъ младъ:
,,Гой еси, сударь ты мой дядюшка,
,,Ласково солнце Владиміръ князь!
,,Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,—
,,Быть передъ княземъ невольникомъ **),
,,Я сослужу службу дальную, и т. д.
Втапоры Владиміръ князь
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра.
Подавали Добрынѣ Никитичу.
Принимаетъ онъ Добрыня единой рукой,
Выпиваетъ молодецъ единымъ духомъ,
И турій рогъ меду сладкаго.

(Сказанія Русскаго Народа т. I, былины. стр. 8).

Говоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Своей сударынѣ родной матушкѣ!
,,Ахъ ты ей, сударыня родна матушкѣ!
,,Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
,,Спородила бы, государыня родна матушка,
,,Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
,,Завернула бы во льняной рукавичекъ,
,,Спустили бы меня во сине море:
,,Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
,,Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
,,Я не убивалъ бы Добрыня неповинныхъ душъ,
,,Не пролилъ бы крови я напрасныя,
,,Не слезилъ Добрыня отцовъ матерей,
,,Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
,,Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ."
Отвѣтъ держитъ государыня его матушка:
,,Я бы рада тебя, дитятко, спородити
,,Таланомъ—участью во Илью Муромца,
,,Силой въ Святогора богатыря,
,,Смѣлостью въ смѣлаго Алешку во Поповича,
,,Красотой бы я въ Осипа прекраснаго,
,,Я походкою бы тебя щепливою (мелкою)
,,Во того Чурилу во Пленковича,
,,Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:

---

*) Алюторы — имя одного сибирскаго народа (Соч. К. С. Аксакова, т. I, стр. 335). — Перекротить Сорочину (Сарацынъ, Магометанъ) и т. д. — т. е. укоротить, укратить, уничтожить. (Соч. К. С. Аксакова, т. I, стр. 240).

**) Т. е. если нѣтъ у тебя охотниковъ, такъ по неволѣ приходится мнѣ. (Пѣсни Кир. вып. 2, стр. 19).

,,Сколько тыя статьи *) есть, а другихъ Богъ не далъ,
,,Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ.

Добрыня прощается съ матерью и собирается въ путь: жена выходитъ провожать его. ,,Жди меня, Настасья Микулишна, говоритъ онъ ей, три года и потомъ еще три года; не дождешься,—замужъ иди, за кого захочешь; только не выходи за Алешу Поповича. Уѣзжаетъ Добрыня; ждетъ его Настасья три года, ждетъ и еще три года, — а Добрыни все нѣтъ какъ нѣтъ. Вотъ привозитъ Алеша Поповичъ вѣсть, что Добрыни не стало. Плачетъ его родимая матушка, а Настасья хочетъ еще подождать, подождать еще шесть лѣтъ.

Опять день за днемъ будто дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени другу шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двѣнадцать лѣтъ,
Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля.
Сталъ солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Микулишной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
‹Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
‹Молодой вѣкъ свой коротати?
‹Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
‹Хоть за русскаго могучаго богатыря,
‹А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.

—

А Добрыня случился у Царя-Града,
А у Добрыни конь спотыкается:
‹Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть!
‹Зачѣмъ сегодня спотыкаешься?›
Испровѣщится ему добрый конь,—
Ему голосомъ человѣческимъ:
‹Ты ей, хозяинъ мой любимый!
‹Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
‹Твоя молода Настасья дочь Микулишна замужъ пошла,
‹За смѣлаго Алешу за Поповича;
‹Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
‹Сегодня имъ идти во божьей церкви,
‹Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.›
Разгорячился Добрынюшка Никитиничъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежду ноги,
Промежду ноги между задніи,
Что сталъ его бурушка поскакивать
Съ горы на гору, съ холмы на холму,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.

Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летитъ:
Добрый молодецъ перегонъ гонитъ.
Не воротмы ѣхалъ черезъ стѣну городовую
Мимо тую башню наугольную,
Къ тому придворью ко вдовиному;
На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
Въ палаты идетъ бездокладочно...
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ кладетъ по ученому,
Пречестной вдовѣ да онъ въ особину:
‹Ты здравствуешь, честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!›
Вслѣдъ идутъ предверники, приворотники,
Сами говорятъ таково слово:
‹Пречестна вдова Мамелфа Тимоѳеевна!
‹Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
‹Наѣхалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,
‹Насъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
‹У дверей не спрашивалъ придверниковъ.
‹Всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ›
Испроговоритъ имъ честна вдова:
‹Ахъ ты ей, удалый добрый молодецъ!
‹Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
‹Въ палату идешь бездокладочно?
‹Какъ бы было живо мое чадо милое,
‹Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ.
Отрубилъ бы онъ тебѣ буйну голову
‹За твои поступки неумильные› **).

Добрый молодецъ говоритъ ей, что онъ

---

*) Тыя статьи, т. е. этого качества — вѣжливости: сколько ея въ тебѣ есть, тѣмъ и будь доволенъ. (П. Рыбн. ч. 1, стр. 130).

**) Умильный, т. е. умѣльный—отъ умѣніе. Тутъ неумѣльный значитъ не показывающій умѣнія себя вести. (Сравни Соч. К. С. Аксакова, т. 1, стр. 345).

видѣлся съ Добрыней, и Добрыня поручилъ ему справиться о женѣ своей. «Ужъ лѣтъ шесть тому, какъ Алеша привезъ намъ вѣсть нерадостную, что Добрыни въ живыхъ уже нѣтъ, — много я по Добрынѣ плакала.» — «Такъ дай же мнѣ добрынины гусли и платье скоморошское, говоритъ ей добрый молодецъ; мнѣ Добрыня велѣлъ на свадебный пиръ идти.» - Надѣваетъ онъ добрынино платье скоморошское, беретъ гусли добрынины, приходитъ на пиръ ко Владиміру и занимаетъ обычное мѣсто скоморошское — на печи муравленной. Начинаетъ Добрыня играть; призамолкли всѣ, потомъ говорятъ, что это не скоморошина, а долженъ быть удалый добрый молодецъ. Владиміръ приглашаетъ его занять почетное мѣсто; Добрыня слѣзаетъ съ печи, садится противъ молодой и проситъ позволенья у князя подать чару зелена вина, кому вздумаетъ.

Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
Онъ опуститъ въ чару свой золоченъ перстень,
Подноситъ княжны *) порученыя, (молодой, новобрачной),
Самъ говоритъ таково слово:
«Молода Настасья, дочь Микулишна!
«Прими сію чару единой рукой,
«Да выпей-ко чару единымъ духомъ:
«Буде пьешь до дна, такъ видаешь добра,
«А не пьешь до дна, не видаешь добра...»
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единымъ духомъ,
Да и посмотритъ въ чарѣ свой злаченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалася;
Сама говоритъ таково слово:
«Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
«Не тотъ мой мужъ, который подлѣ меня,
«А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
«Сидитъ мой мужъ на скамеечкѣ,
«Подноситъ мнѣ чару зелена вина.»
Сама выскочитъ изъ за стола изъ за дубоваго,
Упала Добрынѣ въ рѣзвы ноги:
«Прости, прости, Добрынюшка Никктиничъ,
«Въ той винѣ прости меня, въ глупости,
«Что не по твоему наказу, де, я сдѣлала,
«Я за смѣлаго Алешеньку замужъ пошла.»
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Что не дивую я разуму-то женскому,
«Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
«Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ;
«А дивую я солнышку Владиміру
«Съ молодой княгиней со Апраксіей:
«Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ былъ,
«А княгиня Апраксія свахою,
«Они у живаго мужа жену просватали!»
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
А говоритъ Алешенька Григорьевичъ:
«Прости, прости, братецъ мой названый,
«Что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой семьи (жены),
«Подлѣ молодой Настасьи Микулишны.» —
— «Въ той винѣ, братецъ, тебя Богъ проститъ, и т. д.
«А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не прощу:
„Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
„Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
„Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
„Убитъ лежитъ въ чистомъ полѣ,
„Буйна голова испроломана,
„Могучи плечи испрострѣлены,
„Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ.
„Такъ тогда государыни родна матушка
„Жалешенько по мнѣ плакала,
„Слезила свои очи ясныя,
„Скорбила свое лице бѣлое:
„Съ этой вины тебѣ не прощу!"
(Пѣсни, собр. Кир., вып. 2, стр. 30—39.)

Ухватилъ Алешеньку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросить Алешку о кирпиченъ полъ
И хочетъ перепразить второй-отъ разъ;
Такъ скочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,

*) Княжнѣ, т. е. новобрачной. «Женихъ и невѣста или новобрачные были на первомъ планѣ и потому назывались княземъ и княгинею.» Соч. К. С. Аксакова, т. 1, стр. 316.

Захватилъ за плечики, за могутныя, за молодецкія:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
„Не убей ты смертію напрасною
„Меньшаго братца Алешу Поповича!“
Тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Бралъ Настасью за бѣлы руки,
Цѣловалъ въ уста сахарнія
И повелъ ю во высокъ теремъ.
Глядитъ честна вдова Мамелфа Тимоѳеевна:
Красное солнышко порозпекло
И свѣтелъ мѣсяцъ пороосвѣтилъ.

(Пѣсни Рыбник., ч. I, стр. 145—146.)

Сухманъ Одихмантьевичъ.

Пиръ у князя Владиміра. Богатыри всѣ порасхвастались.
Не хвастаетъ одинъ Сухманъ Одихмантьевичъ.
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій,
По гриднѣ столовой похаживаетъ,
Желтыми кудрями потряхиваетъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай же ты, Сухмантій Одихмантьевичъ!
„Что же ты ничѣмъ не хвастаешь,
„Не ѣшь, не пьешь, и не кушаешь,
„Бѣлыя лебеди не рушаешь?
„Али чара ти шла не рядобная,
„Или мѣсто было не по отчинѣ,
„Али пьяница надсмѣялся ти?“
Воспроговоритъ Сухманъ Одихмантьевичъ:
„Чара-то мнѣ-ко-шла рядобная, и т. д.
„Похвастать, не похвастать добру молодцу:
„Приведу тебѣ лебедь бѣлую,
„Бѣлу лебедь живьемъ въ рукахъ,
„Не ранену лебедку, не кровавлену.“

Ѣдетъ Сухманъ искать бѣлой лебеди, — не находитъ нигдѣ бѣлой лебеди. „Какъ мнѣ ѣхать теперь къ князю Владиміру? — Поѣду къ матушкѣ Нѣпрѣ (Днѣпру) рѣкѣ, —
Матушка Нѣпра рѣка текетъ не по старому,
Не по старому текетъ, не по прежнему,
А вода съ пескомъ помутилася.
Сталъ Сухмантьюшка выспрашивати:
„Что же ты, матушка Нѣпра рѣка,
„Что же ты текешь не по старому, и т. д.
Испроговоритъ матушка Нѣпра рѣка:
„Какъ же мнѣ течи было по старому,
„Какъ за мной, за матушкой Нѣпрой рѣкой,
„Стоитъ сила татарская невѣрная,
„Сорокъ тысячей Татаровей поганыихъ?
„Мостятъ они мосты калиновы;
„Днемъ мостятъ, а ночью я повырою:
„Изъ силъ матушка Нѣпра рѣка повыбилась.“
„Раздумался Сухмантій Одихмантьевичъ:
„Не честь хвала мнѣ молодецкая
„Не отвѣдать силы татарскія,
„Татарскія силы невѣрныя.“
Направилъ своего добра коня
Черезъ тую матушку Нѣпру рѣку:
Его добрый конь перескочилъ.
Пріѣзжаетъ Сухмантій ко сыру дубу,
Ко сыру дубу крякновистому,
Выдергивалъ дубъ со кореньями,
За вершинку бралъ, а съ комля (корня) сокъ бѣжалъ.
И поѣхалъ Сухмантьюшка съ дубиночкой,
Напустилъ онъ своего добра коня,
На тую ли на силу на татарскую,
И началъ онъ дубиночкой помахивати,
Началъ Татаръ поколачивати;
Махнетъ Сухмантьюшка — улица,
Отмахнетъ назадъ — промежуточекъ,
И впередъ просунетъ — переулочекъ:
Убилъ онъ всѣхъ Татаръ поганыихъ.
Бѣжали три Татарина поганыихъ,
Бѣжали по матушкѣ Нѣпрѣ рѣкѣ, —
Садились подъ кусточки подъ ракитовы,
Направили стрѣлочки каленыя.
Пріѣхалъ Сухмантій Одихмантьевичъ.
Ко той, ко матушкѣ Нѣпрѣ рѣкѣ,
Пустили три Татарина поганыихъ,
Тыя стрѣлочки каленыя
Во его бока во бѣлые:
Тутъ Сухмантій Одихмантьевичъ
Стрѣлочки каленыя выдергивалъ,
Сорвалъ въ раны кровавыя листочики маковы.
А трехъ Татаровей поганыихъ,
Убилъ своимъ ножищемъ-кинжалищемъ.

Возвращается Сухманъ къ князю Владиміру, говоритъ, что не отыскалъ бѣлой лебеди, но зато истребилъ всю силу татарскую. Владиміръ и вѣрить не хочетъ, но посылаетъ Добрыню провѣдать, точно ли

истреблена сила татарская. Между тѣмъ, за то, что Сухмантій не сдержалъ слова привезть лебедь бѣлую, Владиміръ велитъ посадить его въ глубокій погребъ. Сажаютъ Сухмана. Но вотъ возвращается Добрыня Никитичъ, говоритъ, что сила татарская дѣйствительно вся перебита, и подаетъ Владиміру дубиночку сухмантьеву,—дубиночка вся оббилась и расщепалась; свѣсили дубиночку,— въ ней девяносто пудъ.

Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай же, слуги мои вѣрные!
„Скоро идите въ глубокъ погребъ,
„Взнимайте Сухмантья Одихмантьевича,
„Приводите ко мнѣ на ясны очи:
„Буду его молодца жаловать-миловать,
„За его услугу за великую,
„Городами его съ пригородками,
„Али селами со приселками,
„Аль безсчетной золотой казной до люби."
Приходятъ его слуги вѣрные,
Къ тому ко погребу глубокому,
Сами говорятъ таковы слова:
„Ай же ты Сухмантій Одихмантьевичъ!
„Выходи со погреба глубокаго,
„Хочетъ тебя солнышко жаловать
„За твою услугу великую "
Выходилъ Сухмантій съ погреба глубокаго,
Выходилъ на далече чисто поле,
И говорилъ молодецъ таковы слова:
„Не умѣлъ меня солнышко миловать,
„Не умѣлъ меня солнышко жаловать:
„А теперь не видатъ меня во ясны очи!"
Выдергивалъ листочики маковые
Со тыихъ ранъ со кровавыихъ;
Самъ Сухмантій приговаривалъ:
„Потеки Сухманъ-рѣка,
„Отъ тоя отъ крови отъ горячія,
„Отъ горючія крови, отъ напрасныя."

(Пѣсни Рыбник., ч. I. стр. 26—32).

Чурила Пленковичъ.

Только что распотѣшился на пиру своемъ князь Владиміръ, какъ являются къ нему триста молодцевъ—всѣ изранены: охотились они въ лѣсахъ княжескихъ, да ничего не поймали, не застрѣлили; все повыловила и перестрѣляла чья-то дружина богатая, разодѣтая, да еще поранила ихъ, добрыхъ молодцевъ. За этими тремя стами молодцевъ приходятъ еще пятьсотъ другихъ, тоже израненныхъ: жалуются они, что избившіе ихъ повыловили всю рыбу княжескую. Не успѣваетъ эта толпа со двора сойти, какъ уже валятъ за нею другія двѣ — сокольники княжескіе и кречетники, тоже всѣ перераненные: жалуются, что всѣхъ соколовъ и всѣхъ кречетовъ княжескихъ переловила та дружина бѣдовая, а зовется она дружиной чуриловою:

Тутъ Владиміръ князь за то слово схохватится:
„Кто это Чурила есть таковъ?"
Вступился тутъ старый Бермята Васильевичъ:
„Я де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю,
„Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
„А живетъ онъ пониже малаго Кіевца.
„Дворъ у него на семи верстахъ,
„Около двора желѣзный тынъ.
„На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
„А и есть по жемчужинкѣ;
„Середи двора свѣтлицы стоятъ,
„Гридни бѣлодубовыя,
„Покрыты сѣдымъ бобромъ,
„Потолокъ черныхъ соболей,
„Матица-то волженая,
„Полъ середи одного серебра,
„Крюки да пробой по булату злачены.
„Первые у него ворота вальящатые,
„Другіе ворота хрустальные,
„Третіе ворота оловянные."

Владиміръ съ княгинею, съ князьями, боярами и со всѣми могучими богатырями ѣдутъ къ Чурилѣ Пленковичу. Встрѣчаетъ ихъ старый Пленко, вводитъ во свѣтлыя гридни. Повара догадливы — носятъ всякія яства сахарныя и питья медвяныя.

Князь со княгинею веселъ сидитъ,
Посмотрѣлъ въ окошечко косящетое,
И увидалъ въ полѣ толпу людей,
Говорилъ таково слово:
„По грѣхамъ надо мною княземъ учинилося,
„Князя меня въ домѣ не случилося,
„Ѣдетъ ко мнѣ король изъ Орды,

,,Или какой грозенъ посолъ."
Старой Пленко Суроженинъ
Лишь только усмѣхается, самъ подчиваетъ:
,,Изволь ты государь Владиміръ князь со княгинею,
,,И со всѣми своими бояры кушати,
,,Что не ѣдетъ не король изъ Орды,
,,И не грозенъ посолъ,
,,Ѣдетъ-де дружина хоробрая сына моего,
,,Молода Чурилы Пленковича;
,,А какъ онъ, осударь, будетъ предъ тобою же,
,,Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
,,Будетъ столъ во полу-столѣ."
Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,
Всѣ уже они безъ памяти сидятъ,
На дворѣ день вечеряется,
Красное солнышко закатается,—
Толпа въ полѣ сбирается,
Есть молодцевъ ихъ за пятьсотъ,
Есть и до тысячи.
Ѣдетъ Чурила ко двору своему,
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.

Чурила, узнавъ про гостей, несетъ Владиміру сорокъ сороковъ черныхъ соболей, столько же печерскихъ лисицъ и другіе подарки. Князь радуется и говоритъ Чурилѣ, что не слѣдъ такому богатырю въ деревнѣ жить, а надо жить въ Кіевѣ и служить ему, князю Владиміру. Чурила, не задумавшись, вмѣстѣ съ княземъ отправляется въ Кіевъ.

(Сказанія Русскаго Народа. Сахарова. ч. I, былины, стр. 31—34).

b) Богатыри заѣзжіе.

Дюкъ Степановичъ.

Изъ за моря синяго, изъ славнаго Волынца, красна Галичья, изъ Индѣюшки богатой пріѣзжаетъ въ Кіевъ добрый молодецъ Дюкъ Степановичъ; пріѣзжаетъ поклониться церквамъ кіевскимъ, посмотрѣть на князя Владиміра и на русскихъ могучихъ богатырей. Пріѣзжаетъ онъ богато одѣтый и зоветъ себя княжескимъ сыномъ. ,,Что онъ за княжескій сынъ, говоритъ Чурила; просто обобралъ какого нибудь купца, да и щеголяетъ."

Въ Кіевѣ въ ту пору послѣ дождя грязь стояла; запачкалъ себѣ Дюкъ сапожки, забрызгалъ шубку, да все на нихъ и поглядываетъ. «Вѣкъ онъ, должно быть, сапожекъ и шубки не нашивалъ, говоритъ Чурила: оттого все на нихъ и поглядываетъ. Досадно становится Дюку. «Слышалъ я, говоритъ онъ, отъ родителя, что вашъ Кіевъ-градъ больно красивъ; а все у васъ въ Кіевѣ не по нашему, церкви у васъ всѣ деревянныя, мостовыя черной землею засыпаны, а у насъ такъ вотъ какъ:
,,Отъ Божьей церкви до палатъ бѣлокаменныхъ
Пастланы мостики калиновы,
Разостланы сукна кармазинныя,
Не мараются сапожки сафьянные во грязи черныя."
Какъ ввели его въ палаты бѣлокаменны,
Какъ пошло столованье; почестенъ пиръ,
Сидитъ молодой бояринъ не пьянъ, не веселъ;
Онъ колачикъ ѣлъ, другой подъ столъ металъ,
А чару пилъ, другу за окошко лилъ.
Какъ увидѣлъ солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
,,Что же ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
,,Колачикъ ѣшь, другой подъ столъ мечешь,
,,А чару пьешь, другу за окошко льешь?"—
,,Ай же ты Владиміръ стольно-кіевскій!
,,Не могу ѣсть колачиковъ крупивчатыхъ.
,,Пить напиточекъ сладкіихъ:
,,Колачики пахнутъ на хвою сосновую,
,,А напиточки затхнулися, пить непріятныя.
,,У моей государыни матушки,
,,Есть печки муравлены, помялчики шелковые,
,,Мочутъ помялчики въ росу медовую,
,,Пометаютъ печки муравлены,
,,Пекутъ колачики крупивчаты:
,,Колачикъ съѣшь, другаго съѣсть душа горитъ,
Другой съѣшь, третій съ ума нейдетъ.
А меда сладкіе, водочки стоялыя
Повѣшены въ бочки сороковки.

,,Въ погреба глубокіе на цѣпи на серебрены;
,,Туда подведены вѣтры буйные:
,,Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
,,Пойдутъ воздухи по погребамъ,
,,Такъ загогочутъ бочки будто лебеди;
,,Будто лебеди на тихіихъ на заводяхъ;—
,,Такъ вѣкъ не загинутся напиточки сладкіе,
,,Чару пьешь, другу пить душа горитъ,
,,Другу пьешь, третья съ ума нейдетъ.
,,Эта хвальба не похвальба:
,,У моей государыни у матушки
,,Цвѣтно платьице не держится.
,,Потому оно не держится,
,,Что швецы не выводятся:
,,Та толпа швецовъ со двора сошла,
,,А другая толпа на дворъ пришла.
,,Добры кони ѣздятъ—не ѣздятся:
,,Стоитъ безъ счету добрыхъ коней....

Чурила обижается похвальбой Дюка и предлагаетъ ему биться объ закладъ — чтобы имъ въ продолженіе трехъ лѣтъ ѣздить верхомъ по Кіеву—каждый день въ новомъ платьѣ. „Хорошо тебѣ, говоритъ Дюкъ, у тебя кладовыя наполнены платьями, а у меня вѣдь все по дорожному."

Однакожь бьются они объ закладъ. Дюкъ пишетъ письмо къ своей матушкѣ, привязываетъ сумку съ письмомъ къ коню своему; несется ретивый конь къ его матушкѣ и скоро на скоро возвращается отъ нея въ Кіевъ со множествомъ одежи отборной.

Стали они ѣздить день за день,
День за день и еще годъ за годъ,
Проѣздили поры времени по три года,
Послѣдній день поѣхали къ заутрени христосьскія.

Молодой Чурилушка Пленковичъ
Надѣлъ-то одежицу драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистымъ сѣребромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;
Въ пуговки воплетено по доброму по молодцу,
Въ петельки воплетено по красной по дѣвушкѣ;
Какъ застегнутся, такъ обоймутся,
А разстегнутся, и поцѣлуются.

Поглянулъ Владиміръ на праву руку
На молода Чурилушку на Пленковича;
Говорилъ-то Владиміръ таковы слова:
,,Молодой Дюкъ Степановичъ княженецкій сынъ,
,,Прозакладалъ все свое имѣніе богачество!"
А молодой Дюкъ Степановичъ княженецкій сынъ,
Онъ одѣлъ одежицу драгоцѣнную, и т. д.
Въ пуговки воплетено по доброму по молодцу, и т. д.
На головушкѣ у Дюка сдѣлана шляпенька,
Спереду такъ введено красно солнышко,
И сзаду введёнъ свѣтелъ мѣсяцъ,
А на верховьицѣ шляпы будто жаръ горитъ.

Говорили тогда Володиміру:
‹Посмотри-тко теперь на лѣву руку:
‹Молодой Чурилушко Опленковичъ
‹Прозакладалъ свою буйную головушку›

Тогда Чурила, видя, что Дюку удалось до конца перещеголять его роскошью одежды, предлагаетъ ему состязанье другого рода: кто, разъѣхавшись, перескочитъ съ конемъ чрезъ Нѣпру рѣку? Задумался Дюкъ, и совѣтуется съ конемъ своимъ. Конь обѣщаетъ Дюку перенести его черезъ Нѣпру рѣку: конь Чурилы ему младшій братъ, а онъ пересилитъ и двухъ старшихъ, принадлежащихъ Ильѣ Муромцу и Добрынѣ Никитичу.

Бьются объ закладъ, разъѣзжаются на коняхъ своихъ—дюковъ конь переноситъ его черезъ Днѣпръ, а Чурила съ конемъ падаетъ въ самую середину рѣки; тогда Дюкъ дѣлаетъ поворотъ, снова скачетъ черезъ Днѣпръ и вытаскиваетъ Чурилу за волосы.

Тутъ Владиміръ князь стольно-кіевскій
Сталъ посылать общѣнщиковъ
Во тую Индѣюшку богатую,
Его дюково имѣнье описывать и общѣнивать....

Говорила имъ дюкова матушка:
‹Вы удаленькіе дородные добры молодцы!
‹Не знаю вамъ имени, ни изотчины,
‹Вы зачѣмъ сюда пріѣхали?
‹Знать, сиротскаго имѣньица описывать?›
Повела ихъ она во погреба глубокіе,
Посадила ко сбруи лошадиной описывать и общѣнивать.

Описывали они, обцѣнивали
Эту сбрую лошадиную ровно три года,
Не могли обцѣнить этой сбруи лошадиныя.
Повела ихъ она на погреба глубокіе
Описывать обцѣнивать имѣніе-богачество.
Тутъ бочки висятъ чиста серебра,
А другія висятъ красна золота,
А третьи висятъ скатна жемчуга.
Эти мужики обцѣнщики
Не могутъ они смѣты дать,
Описать того имѣнія богачества.
Тугъ писали они во стольно-Кіевъ градъ
Ко стольному князю ко Владиміру:
«Ты славный Владиміръ стольно-кіевскій!
«Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ
«На эти на бумаги (на гербовыя)
«Да на чернила-перья продай еще Черни-
говъ градъ.
«Тогда можешь дюково имѣнье описывать.»

(Пѣсни Рыбник.. Ч. I, стр. 278—295).

Соловей Будиміровичъ.

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Ото того-де, царя, вѣдь заморскаго,
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены:
Одинъ корабль получше всѣхъ;
У того было у сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю якутскому:
Вмѣсто уса было воткнуто:
Два остра копья мурзамецкія.
И два горностая повѣшаны,
И два горностая, два зимніе;
У того было у сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано:
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено
На томъ было соколѣ кораблѣ:
Два медвѣдя бѣлые, заморскіе:
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру.
На томъ соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купецъ молодецъ,
Молодой соловей сынъ Будиміровичъ.

Приплываютъ къ Кіеву, несутъ дорогіе подарки князю Владиміру. Князь предлагаетъ имъ занять дворы княжескіе, но Соловей проситъ дать ему только загонъ земли въ саду у племянницы княжеской, чтобы тамъ самому себѣ выстроить теремъ. Даетъ ему землю Владиміръ. Соловей зоветъ съ корабля своихъ работниковъ, и за ночь поспѣваютъ въ саду у Запавы три терема.

Рано зазвонили къ заутрени—
Ото сна Запава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое.
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой, вѣдь, хорошій зеленый садъ.
Чудо Запавѣ показалося:
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, нянюшки и мамушки!
«Подите-тко, посмотрите-тко,
«Что мнѣ за чудо показалося
«Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ.»
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки
И сѣнныя красныя дѣвушки;
«Матушка Запава Путятишна!
«Изволь-ко сама посмотрѣть:
«Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло.»
Скоро-де Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей,
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой, во хорошъ, во зеленой садъ.
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ—
Лежитъ Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ, все молитву творятъ.

Молится соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двери на пяту,—
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря —
И вся красота поднебесная.
Подломились ея ноженьки рѣзвыя.

Тутъ подходитъ къ ней Соловей, сватается за нее, они мѣняются перстнями, и все кончается свадебнымъ пиромъ у князя Владиміра.

(Сказанія Русскаго народа, т. I, былины, стр. 26—28).

4. БОГАТЫРИ НОВГОРОДСКІЕ.

Садко Купецъ.

Сначала Садко былъ бѣденъ; да умѣлъ онъ играть на гуселкахъ яровчатыхъ. Но вотъ три дня сряду не зовутъ его съ гуслями на пиръ; Садко идетъ къ Ильмень-озеру и начинаетъ играть на берегу. Изъ воды показывается царь морской, и въ награду за удовольствіе, доставленное ему игрою Садка, предлагаетъ ему биться съ купцами новгородскими о великъ закладъ, что въ Ильменѣ водится рыба-золотыя перья.

Идетъ Садко отъ озера, зовутъ его съ гуслями на пиръ, начинаетъ онъ играть, да хвастаетъ, что есть рыба-золотыя перья въ Ильмень-озерѣ. Бьются съ нимъ объ закладъ: онъ закладываетъ буйну голову, трое купцовъ—каждый по три лавки товара краснаго. Закидываетъ Садко шелковый неводъ, добываетъ три рыбки-золотыя перья, и выигрываетъ девять лавокъ съ товаромъ краснымъ. Начинаетъ Садко торговать и идутъ къ нему барыши великіе.

Тогда онъ зоветъ къ себѣ на пиръ Новгородцевъ.
Говорятъ настоятели новгородскіе:
«Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
«Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?»
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«А чѣмъ мнѣ Садку хвастаться,
«Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
«У меня-ль золота казна не тощится,
«Цвѣтно платьице не носится,
«Дружина хоробрая не измѣняется,
«А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
«На свою безсчетну золоту казну
«Повыкуплю товары новогородскіе,
«Худые товары и добрые.»
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новогородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О денежкахъ тридцати тысячахъ
Какъ повыкупить Садку товары новгородскіе,
Что-бы въ Новгородѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садко на другой день ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары новогородскіе
На другой день ставалъ Садко ранымъ рано, и т. д.
Вдвойнѣ товаровъ припавезено,
На тую на славу на великую Новогородскую.
Опять выкупалъ товары Новгородскіе.
На третій день ставалъ Садко ранымъ-рано, и т. д.
Втройнѣ товаровъ припавезено,
Подоспѣли товары московскіе

На тую на великую на славу новогородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
«Еще повыкуплю товары московскіе,—
«Подоспѣютъ товары заморскіе.
«Не я, видно, купецъ богатъ новогородскіій,—
«Побогаче меня славный Нòвгородъ.»

Проигралъ свой закладъ Садко, да что ему! На свою безсчетную казну выстроилъ Садко тридцать кораблей, нагрузилъ ихъ товарами, поплылъ Волховомъ въ Ладожское озеро, изъ Ладожскаго озера Невою въ синé море, продавалъ товары новгородскіе и получалъ огромные барыши. На возвратномъ пути подымается страшная буря: «мы еще никогда не платили дани морскому царю, говоритъ Садко, и спускаетъ въ море бочку серебра. Но буря не унимается. Тогда бросаютъ жребій, кому быть выброшену въ море—живою данью морскому царю; жребій выпадаетъ самому Садко. Онъ пишетъ на кораблѣ духовную—часть нищ и братіи. Его сажаютъ на доску и спускаютъ съ доскою на воду; Садко беретъ гусли съ собою. Онъ засыпаетъ на доскѣ.

Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко.
Вечернюю зòрю, зòрю утреннюю.
Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная.
Заходитъ Садко въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ въ палатѣ царь морской;
Голова у царя какъ куча сѣнная.
«Ай же ты, Садко купецъ, богатой гость!
«Вѣкъ ты, Садко, пò морю ѣзживалъ.
«Мнѣ царю дани не плачивалъ.
«А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
«Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты:
«Поиграй же мнѣ въ гуселки яровчаты.
Какъ началъ играть Садко въ гуселки яровчаты.
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ.
Какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садко сутки, игралъ и другіе,
Да игралъ еще Садко и третьи.
А все пляшетъ царь морской во синёмъ морѣ.
Во синёмъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синёмъ морѣ.
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныихъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому,—
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
«Ай же ты, Садко Новгородскій!
«Полно играть въ гуселышки яровчаты!»
Обернулся—глядитъ Садко Новгородскій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатый,
Говорилъ Садко Новгородскій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ.
«Приказано играть въ гуселки яровчаты.»
Говоритъ старикъ таковы слова:
«А ты струночки повырывай.
«А ты шпенечки повыломай.
«Скажи: «у меня струночекъ не случилося,
«А шпенечковъ не пригодилося.
«Нè во что больше играть:
«Приломалися гуселки яровчаты.»

Садко исполняетъ приказаніе Миколы Можайскаго. Тогда царь морской предлагаетъ ему жениться въ синемъ морѣ; онъ, также по совѣту Миколы, пересматриваетъ въ три пріема до 900 красавицъ и выбираетъ въ невѣсты девятьсотъ первую. Садко празднуетъ свадьбу на днѣ морскомъ, а за ночь Микола Можайскій переноситъ его съ женой въ Новгородъ, и онъ изъ благодарности строитъ церковь Миколѣ Можайскому.

(Пѣсни Рыбникова, ч. I, стр. 370—380).

Василій Буслаевичъ.

Во славномъ великомъ Новгородѣ
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ:
Съ Новымъ городомъ жилъ не перечился.
Со мужики новогородскими
Поперегъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарился.

Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;
Осталася матера вдова,
Матера Мамелеа Тимоѳеенна,
И осталося чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васенька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая
Учить его во грамотѣ,
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣнью учить церковному,
Пѣнье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ
Супротивъ Василья Буслаева.
Повадился, вѣдь, Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, со безумницы,
Съ веселыми, удалыми, добрыми молодцы,
До пьяна ужъ сталъ напиватися;
А и ходитъ въ городѣ, уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окорачь ползетъ.
Жалуются васенькиной матушкѣ.
Матушка журитъ молодца.
Журьба Воськѣ не взлюбилася.
Садился Васька на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты:
«Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
«Валися къ Васькѣ на широкій дворъ;
«Тотъ пей и ѣшь готовое
«И носи платье разноцвѣтное.»
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
Въ тоже время поставилъ Васька чанъ середи двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славноемъ было Новѣ-градѣ
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли къ Васькѣ на широкій дворъ
Ко тому чану, зелену вину.
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ, Костя, на широкій дворъ.
Василій тутъ его опробывалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,—
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинца чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ
Стоитъ тутъ Костя, не шевѣльнется,
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ.
«А и будь ты мнѣ названой братъ,
«И паче мнѣ брата родимаго.»

Такимъ же образомъ Василій выбиратъ себѣ въ дружину двадцать девять молодцовъ —самъ тридцатый.

Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
«Гой еси вы, мужики новогородскіе!
«Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
»Напущаюсь я на весь Новгородъ
«Битися, дратися
«Со всею дружиною храброю;
«Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ,
«Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
«На всякій годъ по три тысячи;
»А буде же я васъ побью,
«И вы мнѣ покоритеся,
«То вамъ платить мнѣ такову же дань.»
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.

(Сказанія Р. Народа, т. I, былины, стр. 16 и 17).

Начинается бой — Василій съ дружиною такъ и истребляетъ Новгородцевъ. Они жалуются опять Васильевой матушкѣ; Мамелфа Тимоѳеевна сажаетъ его въ глубокій погребъ. Тогда васильеву дружину начинаютъ одолѣвать Новгородцы. Видя это, дѣвушка чернавушка выпускаетъ Василья изъ погреба; схвативъ тележную ось, онъ бросается на помощь къ своимъ,—мужики новгородскіе опять такъ и валятся. Снова просятъ они васильеву матушку, чтобъ уняла свое чадо милое.

Она посылаетъ ихъ къ Васильеву крестовому батюшкѣ—старцу пилигримищу, живущему въ монастырѣ Сергіевскомъ.

Старчище Пилигримище сокручается,
Сокручается онъ, снаряжается
Къ своему ко крестнику любимому:
Одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
Колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ.
Клюку въ руки беретъ въ десять пудъ,
И пошелъ ко мостику ко волховскому
Со тыми князьями новогородскими.
Приходитъ на мостикъ на волховскій,
Прямо ему во ясны очи,
И говоритъ ему таковы слова:
«Ай же ты, мое чадо крестное!
«Укроти свое сердце богатырское,
«Оставь мужичковъ хоть на сѣмена.» —
Богатырское сердце разъярилося:
«Ай же ты, крестный мой батюшка!
«Не далъ я ти яичко о христовомъ дни!
Дамъ тебѣ яичко о петровомъ дни!»
Щелкнулъ какъ крестнаго батюшку
Тою осью желѣзною;—
Отъ единаго удара Васильева
Крестовому батюшкѣ славу поютъ.

—

Тогда государыня его матушка
Одѣвала платьица черныя,
Одѣвала шубу соболиную,
Полагала шеломъ на буйну голову.
И пошла Мамелфа Тимоѳеевна
Унимать своего чада любимаго.
То выгодно собой старушка догадалася,—
Не зашла она спереди его,
А зашла она позади его,
И пала на плечи на могучія:
«Ай же ты, чадо мое милое,
«Укроти свое сердце богатырское,
«Не сердись на государыню на матушку,
«Уброси свое смертное побоище,
«Оставь мужичковъ хоть на сѣмена.»
Тутъ Васильюшка Буслаевичъ
Опускаетъ свои руки къ сырой землѣ,
Выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ
На тую на матерь на сыру землю:
«Ай ты, свѣтъ государыня матушка.
«Умѣла унять мою силу великую,
«Зайти догадалась позади меня.
«А ежели бъ ты зашла впереди меня,
«То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ.
«Убилъ бы за мѣсто мужика новгородскаго.»
И тогда Васильюшка Буслаевичъ
Оставилъ тое смертное побоище,
Оставилъ мужиковъ малу часть,
А набилъ тѣхъ мужиковъ, что пройти нельзя.

(Пѣсни Рыбникова. ч. I. стр. 348—351).

Приходитъ Василій Буслаевичъ
Ко своей государынѣ матушкѣ:
Какъ вьюнъ около ея увивается,
Проситъ благословеньице великое:
«Идти мнѣ Василью во Ерусалимъ градъ
«Со всею дружиною храброю,
«Мнѣ ко Господу помолитися,
«Святой святынѣ приложитися,
«Во Ерданѣ рѣкѣ искупатися.»
—«Гой еси ты, мое чадо милое,
«Молодой Василій Буслаевичъ!
«То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
«Тебѣ дамъ благословеніе великое;
«То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
«И не дамъ благословенія великаго,
«А и не носи Василья сыра земля!»
Камень отъ огня разгорается,
А и булатъ отъ жару растопляется,—
Материно сердце распущается;
И даетъ она много свинцу-пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное:
«Побереги ты, Василій, буйну голову свою.»
Скоро молодцы собираются...
Бѣгутъ они ужь не сутки другія,
А бѣгутъ уже недѣлю другую,
Встрѣчу имъ гости корабельщики:
«Здравствуй Василій Буслаевичъ!
«Куда молодецъ позволилъ погулять?»
Отвѣчалъ Василій Буслаевичъ:
«А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
«Со молоду бито много, граблено.
Подъ старость надо душу спасти.
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути
«Ко святому граду Ерусалиму.»

Хотя прямой путь и съ опасностями, Василій избираетъ его. На сорочинской горѣ попадается ему подъ ноги пустая голова, человѣчья кость; онъ отталкиваетъ ее; тогда

она начинаетъ говорить и предсказываетъ ему, что его голова ляжетъ подлѣ нея. На той же горѣ видитъ онъ камень, на которомъ написано, что тотъ, кто сталъ бы скакать поперегъ его, сломитъ себѣ буйну голову. Василій, не вѣря ни камню, ни головѣ, вмѣстѣ со всею дружиною скачетъ поперекъ камня. Пріѣзжаютъ они въ Іерусалимъ; Василій служитъ обѣдню за матушку, за себя и дружину, и панихиду по батюшкѣ, купается вмѣстѣ съ дружиною въ Іорданѣ. Баба залѣсная предсказываетъ молодцамъ, что они лишатся своего атамана. Они не вѣрятъ, и отправляются въ обратный путь. На сорочинской горѣ снова скачетъ Василій по камню, спотыкается, убивается до смерти, и хоронятъ его возлѣ пустой головы.

(Сказ. Р. Нар. т. 1, былины, стр. 19—22).

Отчего перевелись богатыри на святой Руси?

Возгордились богатыри своими побѣдами и до того расхвастались, что стали вызывать на бой силу небесную:
«Не намахалися наши могутныя плечи,
«Не уходилися наши добрые кони,
«Не притупились мечи наши булатные!»
И говорилъ Алеша Поповичъ младъ:
«Подавай намъ силу не здѣшнюю —
«Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
«А давайте съ нами, витязи, бой держать—
»Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.»
Не узнали витязи воителей.
Разгорѣлся Алёша Поповичъ на ихъ слова,
Подняль онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ.
Разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
Стало вдвое болѣе и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи:
Стали они силу колоть-рубить....
А сила все растетъ-да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ....
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные....
А сила все растетъ, да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Испугалися могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры....
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой руси!—

(Сынъ Отечества за 1856 г., № 17).

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

XI ВѢКЪ.

Лука Жидята.

СЛОВО КЪ НОВОГОРОДСКОЙ ПАСТВѢ.

Се, братіе, первѣе (прежде) всего сію заповѣдь извѣстно (несомнѣнно, твердо) должни есмы вси крьстіане (христіане) дьржати: вѣровати въ единъ Богъ въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и Святааго Духа, яко же научили апостоли, святіи отци утвердиша. Вѣрую во единаго Бога до конца (т. е. или до конца жизни или, вѣрнѣе, до конца символа вѣры, т. е. вѣрую во все, что въ немъ содержится). Вѣруйте же ми крѣсенію (воскресенію), и жизни вѣчнѣй, и муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣй. Не ленитеся къ церкви ходити и на заутреню, и на обѣдню, и на вечернюю, и въ своей клѣти, хотя спати, Богу поклонився, толи (тогда) на постели лязи. Въ церкви предстоите со страхомь Божіимь; не молви рѣчи, но ни мысли (т. е. даже не размышляй ни о чемъ мірскомъ), но моли Бога всею мыслью, да отдасть (отпуститъ, проститъ) ти Богъ грѣхы. Любовь имѣйте со всяцѣмь человѣкомь, а болѣ съ братіею, и не буди ино на сердци, а ино въ устѣхъ; но подъ братомь ямы не рый, да тебе Богъ въ горшая тоя не вринеть. Но буди правдивъ и бративъ [2]) тако, яко не кайся правды дѣля (ради) и закона Божія и приложа главы (т. е. за правду и законъ Божій не отрекайся и голову свою положить), да сочтеть тя Богъ съ святыми. Претерпите братъ брату и всякому человѣку, а не въздайте зла за зло; другъ друга похвали, да и Богъ вы похвалить. Не мози свадити (ссорить), да не наречешися сынъ діяволу; но смиряй (примиряй), да будеши сынъ Богу. Не осуди брата ни рѣчью, ни

---

[1]) Это слово взято у меня изъ другаго, древнѣйшаго списка, помѣщеннаго пр. Макаріемъ въ его исторіи Русской церкви (С. П. Б. 1857 г.), т. I, стр. 262 и 263. Другія дополненія изъ этого списка напечатаны у меня также курсивомъ; не взялъ же я его въ основаніе потому, что въ немъ есть значительныя неясности.

мыслію, поминая своя грѣхы, да тебе Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныя, и убогыя, и гладныя, и темничникы, и своимъ сиротамъ милостиви будете, той бо велми милостивъ есть, иже домачиня своя безъ скорби створить. Не лѣпо вамъ, братіе, *) молвити срамна слова, ни гнѣва всякъ на день имѣти; не похритайся (не сердись), не посмѣйся никому же, въ напасти же терпи, на Бога упованіе имѣя. Буести (безумія) не имѣйте, ни гордости, ни прилѣпляйтеся иныя творити (не старайтесь иныхъ дѣлать — подразумѣвается — буйными, гордыми), помня, яко утро будемъ смрадъ и гной и червіе. Будете смирени и кротци, да и послужници будете и творца (исполнители) Божіимъ заповѣдемъ; въ гордааго бо сердци діяволъ сидить, и Божіе слово не хощеть прилнути ему. Чтите стара человѣка и родителя своя, не клените ся Божіимьименемь, ни ина заклинайте, ни проклинайте. Судите по правдѣ, мзды не емлите, въ лихву не дайте. Бога ся бойте, князя чтите, раби первое (сперва) Богу, таже (также) господу (господину); чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слугы церковныя. Не убій, не укради, не солжи, лжи послухъ не буди (не слушай и не свидѣтельствуй о лжи), не ненавиди, не завиди, не клевечи; — не пій безъ года (безъ времени и мѣры), но здоволъ (исподоволь, умѣренно), а не до піаньства. Не буди гнѣвникъ, не напрасливъ буди; съ радующіимися радуйся, съ печальными печаленъ, не ядите скверна, святыя дни чтите; Богъ же мира со всѣми вами. Аминь.

(Христоматія Буслаева, ст. 891 — 894).

Иларіонъ Кіевскій.

СЛОВО О ЗАКОНѢ МОИСЕОМЬ ДАННѢЕМЬ, И О БЛАГОДАТИ И ИСТИНѢ, ІИСУСЪ ХРИСТОМЬ БЫВШИИХЪ, И КАКО ЗАКОНЪ ОТЪИДЕ, БЛАГОДАТЬ ЖЕ И ИСТИНА ВСЮ ЗЕМЛЮ ИСПОЛНИ И ВѢРА ВО ВСЯ ЯЗЫКЫ ПРОСТРЕСЯ И ДО НАШЕГО ЯЗЫКА РУССКААГО; И ПОХВАЛА КАГАНУ НАШЕМУ ВЛАДИМІРУ, ОТЪ НЕГО ЖЕ КРЕЩЕНИ БЫХОМЪ, И МОЛИТВА КЪ БОГУ ОТЪ ВСЕЯ ЗЕМЛЯ НАШЕЯ.

Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, Богъ Христіанескъ, яко посѣти и сътвори избавленіе людемъ своимъ, яко не презрѣ твари своея до конца идольскыимь мракомь одержимѣ быти и бѣсовскыимъ служеніемь, но оправди прежде племя Авраамле скрижальми и закономь, послѣжде Сыномь своимь вся языкы спасе евангеліемь и крещеніемь, и вводя въ обновленіе пакибытія въ жизнь вѣчную. — — — Кто бо велій, яко Богъ нашь? Ть единъ

*) Передъ нелѣпо имѣти въ христоматіи г. Буслаева стоить москолудство; у пр. Макарія — смышленіе людьское (нелѣпо имѣти). — Такъ какъ и то и другое не ясно, то я позволилъ себѣ сдѣлать пропускъ.

творий чюдеса, положивый законъ на преуготованіе истины и благодати, да въ немь обыкнеть человѣчьское естество, отъ многобожьства идольскаго уклоняяся, въ единааго Бога вѣровати, да. яко съсудъ скверненъ, человѣчьство, и пойъвенъ водою - закономь и обрѣзаніемь — пріиметь млеко благодати и крещенія. Законъ бо предтеча бѣ и слуга благодати и истинѣ; истина же и благодать слуга будущему вѣку, жизни нетлѣннѣй. Яко законъ привождаше възаконеныя къ благодатнуму крещенію: крещеніе же препущаеть сыны своя на вѣчную жизнь. Моисій бо и пророци о Христовѣ пришествіи повѣдааху, Христосъ же и Апостоли Его о въскресеніи и о будущемь вѣцѣ.

А еже поминати въ писаніи семь и пророческая проповѣданія о Христѣ, и Апостольская ученія о будущемь вѣцѣ, то излиха есть и на тщеславіе склоняяся. Еже бо въ инѣхъ книгахъ писано и вамъ вѣдомо, то здѣ положити, то дрьзости образъ есть и славохотію. Не къ невѣдущіимъ бо пишемъ, но преизлиха насыщемся сладости книжныя, не къ врагамъ Божіимъ иновѣрнымъ, но самѣмъ сыномъ Его; не къ страннымъ, но къ наслѣдникомъ небеснаго царствія. Но о законѣ Моисеемь даннѣемь и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомь бывшіихъ, повѣсть си есть.

И что успѣ законъ? что ли благодать? Прежде законъ, потомь благодать, прежде стѣнь (тѣнь) ти, потомъ истина. Образъ же закону и благодати — Агарь и Сарра, работная Агарь и свободная Сарра: работная прежде, ти потомь свободная. — — — Отгнана бысть Агарь раба съ сыномь ея Измаиломь, и Исаакъ, сынъ свободныя, наслѣдникъ бысть отцю своему Аврааму. И отгнани быша Іюдеи и расточени по странамъ, и чяда благодатная Христіанія наслѣдници быша Богу и Отцю. Отъиде бо свѣтъ луны, солнцу въсіявшу, тако и законъ, благодати явльшейся, и студенство нощное погыбе, сълнечнѣй теплотѣ землю съгрѣявши. И уже не гордиться въ законѣ человѣчьство, но въ благодати пространно ходить. Іюдеи бо при свѣщи законнѣй дѣлааху свое оправданіе: Христіани же при благодатьнѣемь сълнци свое спасеніе зиждуть. Яко Іюдейство стѣнемь и закономь оправдаашеся, а не спасаашеся, Христіани же истиною и благодатію — не оправдаються, но спасаються. Въ Іюдеохъ бо оправданіе, въ Христіаныихъ же спасеніе, яко оправданіе въ семь мірѣ есть, а спасеніе намъ въ будущемь вѣцѣ. Іюдеи бо о земныихъ веселяахуся, Христіани же о сущіихъ на небесѣхъ. И тожде оправданіе Іюдейско екупо бѣ зависти ради, не бо ся простирааше въ ины языкы, но токмо въ Іюдеи бѣ единой: Христіаныихъ же спасеніе благо и щедро, простираяся на вся края земленая. И сбысться благословеніе Манасіино на Іюдеохъ, Ефремово же на Христіаныихъ. Манасіино бо старѣйшинство лѣвицею Іаковлею благословено бысть. Ефремово же меньшенство десницею, аще и старѣй Манасей Ефрема, но благословеніемь Іаковлемь мнії бысть. Тако и Іюдейство, аще и прежде бысть, но благодатію Христовою Христіане больше бѣша. — — — Христова благодать всю землю объятъ, и яко вода морская покры ея, и вси, ветхая отложше, обветшавшая зави-

стію Іудейскою, новая держать, по пророчьству Исаину: ветхая мимоидоша, и новая вамъ възвѣщаю. Пойте Богу пѣснь нову, и славимо есть имя Его отъ конець земля. — — — Прежде бо бѣ въ Іерусалимѣ единомь мѣстѣ кланятися, нынѣ же по всей земли. Яко же рече Гедеонъ къ Богу: аще Ты рукою моею спасаеши Израиля, да будеть роса на рунѣ токмо, по всей же земли суша; и бысть тако. По всей бо земли суша преждѣ бѣ, идольстѣй льсти языкы одрьжащи и росы благодатныя непріемлющіимъ. Въ Іюдеохъ же токмо знаемъ бѣ Богъ, и въ Израили веліе имя Его, и въ Іерусалимѣ единомь славимъ бѣ Богъ. Рече же пакы Гедеонъ къ Богу: да будеть суша на рунѣ токмо, по всей же земли роса; и бысть тако. Іюдейство бо преста и законъ отъиде, кивотъ и скрижали отъяты. По всей же земли роса: по всей бо земли вѣра простреся, дождь благодатный оброси, купѣлью пакыпорожденія сыны своя въ нетлѣніе облачить.

(Галахова, Истор. Христом. Ц. С. и Р. Я. т. I, стр. 2—5.)

При созерцаніи такого превосходства благодати предъ закономъ, витія снова возносится къ самому виновнику благодати, Господу Іисусу и восклицаетъ: „итакъ, кто не восхвалитъ Его, кто не поклонится величію славы Его? Кто не удивится неизмѣримому человѣколюбію Его? Рожденный прежде вѣковъ отъ Отца, единый сопрестольный Отцу, единосущный Ему, какъ свѣтъ солнцу, сошелъ на землю; не отлучаясь отъ Отца, посѣтилъ людей своихъ, воплотился отъ чистой, безмужной и непорочной Дѣвы, совершенный человѣкъ по вочеловѣченію, а не въ привидѣніи, и совершенный Богъ по божеству, а не простой человѣкъ. На землѣ Онъ явилъ свойства и дѣла божескія и человѣческія: какъ человѣкъ питался материнимъ молокомъ, и какъ Богъ повелѣлъ ангеламъ съ пастырями воспѣвать: слава въ вышнихъ Богу; какъ человѣкъ повитъ былъ пеленами, и какъ Богъ путеводствовалъ волхвовъ звѣздою; какъ человѣкъ возлегъ въ ясляхъ, и какъ Богъ принялъ отъ волховъ дары и поклоненіе; какъ человѣкъ бѣжалъ во Египетъ, но какъ Богъ, поклонились ему рукотворенная Египетская (Ис. 19, 1); какъ человѣкъ пришелъ креститься; но, какъ Бога, убоявшись, Іорданъ возвратился вспять; какъ человѣкъ, вошелъ въ воду, и какъ Богъ принялъ свидѣтельство отъ Отца: сей есть сынъ мой Возлюбленный: какъ человѣкъ постился сорокъ дней и взалкалъ, и какъ Богъ побѣдилъ искусителя; какъ человѣкъ вошелъ на бракъ въ Кану Галилейскую, и какъ Богъ преложилъ воду въ вино; какъ человѣкъ спалъ на кораблѣ, и какъ Богъ запретилъ вѣтрамъ и морю, и они послушались Его; какъ человѣкъ прослезился о Лазарѣ, и какъ Богъ воскресилъ его изъ мертвыхъ; какъ человѣкъ всѣлъ на осля, но какъ Богу, Ему взывали: благословенъ грядый во имя Господне; какъ человѣкъ былъ распятъ, и какъ Богъ по своей власти ввелъ въ рай распятаго съ нимъ; какъ человѣкъ вкусилъ оцта и испустилъ духъ, и какъ Богъ помрачилъ солнце и потрясъ землю; какъ человѣкъ положенъ

былъ во гробѣ, и какъ Богъ разрушилъ адъ и освободилъ души; какъ человѣкъ запечатанъ былъ во гробѣ, и какъ Богъ изшелъ, сохранивъ печати въ цѣлости; Іудеи старались утаить Его воскресеніе, какъ человѣка, подкупая стражу; но какъ Бога, Его познали всѣ концы земли. По истинѣ, кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Той есть Богъ творяй чудеса. Крестомъ и страданіями на лобномъ мѣстѣ Онъ содѣлалъ спасеніе посреди земли (Пс. 73, 12), вкусивъ оцта и желчи, чтобы горькимъ вкушеніемъ уничтожить преступленіе и грѣхи, порожденные Адамовымъ вкушеніемъ отъ древа."

„Но, — продолжаетъ Иларіонъ — сотворившіе съ Нимъ сія, сами преткнулись какъбы о камень, и сокрушились", — и показываетъ, почему и какъ Іудеи не приняли Спасителя и сами за то были отвергнуты, и законъ, какъ вечерняя заря, погасъ; почему и какъ благодать распространилась между новыми народами, и достигла народа русскаго. Остановившись особенно на послѣднемъ событіи, русскій пресвитеръ говоритъ: „вотъ уже и мы со всѣми Христіанами славимъ святую Троицу, а Іудея молчитъ; Христосъ прославляется, а Іудеи проклинаются, язычники приведены, а Іудеи отринуты.... Уже не идослужителями именуемся мы, а Христіанами; мы уже не безъ упованія, но уповаемъ на жизнь вѣчную. Уже не капища строимъ, но созидаемъ церкви Христовы; не закалаемъ другъ друга бѣсамъ, но Христосъ за насъ закалается и раздробляется въ жертву Богу Отцу. Уже не кровь жертвъ вкушаемъ и погибаемъ; но вкушаемъ пречистую кровь Христову, и спасаемся. Всѣ народы помиловалъ благій Богъ, и насъ не презрѣлъ; восхотѣлъ — и спасъ насъ и привелъ въ познаніе истины. Пуста была земля наша и изсохла; зной идолослуженія изсушилъ ее: но внезапно потекъ источникъ евангелія и напоилъ всю землю нашу.... Такъ, вѣруя въ Него и содержа преданіе святыхъ отецъ семи соборовъ, молимъ Бога, да поспѣшитъ намъ еще и еще, и направитъ насъ на путь заповѣдей своихъ", и проч.

Если хороша первая часть разсматриваемаго нами слова: то еще лучше, вдохновеннѣе и краснорѣчивѣе вторая. Здѣсь прежде всего проповѣдникъ призываетъ соотечественниковъ восхвалить своего равноапостола и начертываетъ картину, какъ онъ насадилъ св. вѣру въ землѣ русской: „славитъ похвалами римская страна Петра и Павла, чрезъ которыхъ увѣровала во Іисуса Христа, Сына Божія; Асія, Ефесъ и Патмосъ — Іоанна Богослова; Индія — Ѳому; Египетъ — Марка; каждая страна, городъ и народъ чтутъ и славятъ своихъ наставниковъ, которые научили ихъ православной вѣрѣ. Прославимъ и мы, по силѣ нашей, хотя малыми похвалами, совершившаго великія и чудныя дѣла, нашего учителя и наставника, великаго кагана земли нашей Владиміра.... Когда жилъ онъ и землю свою управлялъ съ правдою, мужествомъ и смысломъ: пришло на него посещеніе Вышняго, призрѣло на него всемилостивое око благаго Бога, и возсіялъ въ сердцѣ его разумъ; онъ уразумѣлъ суету идольскаго заблужденія и взыскалъ единаго Бога, сотворив-

шаго все видимое и невидимое. А особенно, — онъ всегда слышалъ о православной, христолюбивой и сильной вѣрою землѣ греческой, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и покланяются Ему, — какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія, — какъ церкви тамъ полны людей, — какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежатъ къ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу. Слыша все сіе, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ — быть Христіаниномъ и обратить всю землю въ Христіанство. По благоволенію и любви Божіей къ роду человѣческому это и исполнилось. Совлекся каганъ нашъ одежды, а съ нею и ветхаго человѣка; сложилъ одежду тлѣнную, отрясъ прахъ невѣрія и, вошедши въ святую купѣль, возродился отъ Духа и воды; во Христа крестившись, во Христа облекся, и вышелъ изъ купели убѣленный; сталъ сыномъ воскресенія; принялъ имя вѣчное и славное въ роды и роды — Василій, по которому и написанъ въ книгѣ живота, въ вышнемъ градѣ, въ нетлѣнномъ Іерусалимѣ. Впрочемъ на этомъ еще не остановился онъ въ подвигѣ благовѣрія, и не въ этомъ только явилъ свою любовь къ Богу, но простерся далѣе и повелѣлъ всему народу своему креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы открыто и громогласно славилось во всѣхъ городахъ имя святыя Троицы и всѣ были Христіанами: малые и великіе, рабы и свободные, юные и старые, бояре и простые, богатые и убогіе. И не одинъ человѣкъ не противился его благочестивому повелѣнію: крестились, — если кто не по любви, то по страху къ повелѣвшему; поелику благовѣріе въ немъ соединено было со властію. Такимъ образомъ, вся земля наша въ одно время стала славить Христа съ Отцемъ и Святымъ Духомъ. Тогда тьма служенія бѣсовскаго изчезла, и освѣтило нашу землю солнце евангелія; капища разрушены, и церкви воздвигаются; идолы низвергаются, и явились иконы святыхъ; бѣсы убѣжали, крестъ освятилъ города; пастыри словесныхъ овецъ Христовыхъ — епископы, пресвитеры и діаконы — стали возносить безкровную жертву, и клиръ украсилъ и облекъ въ благолѣпіе святыя церкви. Труба апостольская и громъ евангельскій огласилъ всѣ города; ѳиміамъ, возносимый Богу, освятилъ воздухъ. Поставлены на горахъ монастыри; явились черноризцы; мужи и жены, малые и великіе, всѣ люди наполнили святыя церкви, прославили Господа.“

(Исторія Русской церкви, Макарія, I, стр. 92 — 97).

Вслѣдъ за этимъ — похвала Владиміру:

„Тебе же како похвалимъ, Отче честный и славный, въ земленыихъ владыкахъ премужественный Василіе? Како добротѣ твоей почюдимся, крѣпости же и силѣ? Каково ти благодареніе въздадимъ, яко тобою познахомъ Господа, и льсти идольскыя избыхомъ, яко твоимь повелѣніемь по всей земли Христосъ славиться? Ли что ти приречемъ, Христолюбче, друже правдѣ, смыслу мѣсто, милостыни гнѣздо? Како вѣрова? Како разгорѣся въ любовь Христову? Како вселися въ тя разумъ, выше разума земленыихъ мудрець, еже

възлюбити невидимааго, и о небесныихъ подвигнутися? Како възыска ты Христа? Како предася Ему? повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь намъ, учителю нашь: откуду ти припахну воня Святааго Духа? Откуду испи памяти будущія жизни сладкую чашу? Откуду вкуси и видѣ, яко благъ Господь! Не видѣлъ еси Христа, ни ходилъ еси по Немь; како ученикъ Его обрѣтеся! Ини видѣвше Его, не вѣроваша. Ты же не видѣвъ, вѣрова. По истинѣ сбыстьси на тебѣ блаженство Господа Іисуса, реченое къ Ѳомѣ: блажени не видѣвше и вѣровавше. Тѣмьже съ дрьзновеніемь несумненно зовемъ: о блаженниче! самому тя Спасу нарекшу. Блаженъ еси, яко вѣрова къ Нему и не съблазнися о Немь, по словеси Его неложнуумy: блаженъ есть, иже не съблазниться о Мнѣ. Вѣдущіи бо законъ и пророкы распяша и (его); ты же ни закона, ни пророкъ почитавъ, Распятуумy поклонися. Како ти сердце разъвырьзеся? Како внидѣ въ тя страхъ Божій? Како прилѣпися любови Его? Не видѣ Апостола, пришедша въ землю твою и нищетою своею, и наготою, и гладомь же и жаждею сердце твое клоняща на смиреніе. Не видѣ бѣсъ изгоняща именемь Христовымь; болящіихъ здравующа; огня на хладъ прелагаема, мертвыихъ встающіихъ: сихъ всѣхъ не видѣвъ, како убо вѣрова? Дивно чюдо! Иніи царіе и властеле, видяще си вся бывающа отъ святыихъ мужь, не вѣроваша, но паче на страсти и мукы предашя ихъ. Ты же, о блаженниче, безъ всѣхъ сихъ притече къ Христу, токмо отъ благааго смысла и остроумія разумѣвъ, яко есть Богъ единъ, Творець невидимыимъ и видимыимъ, небесныимъ и земленыимъ, и яко посла въ міръ спасенія ради възлюбленаaго Своего Сына. И си помысливъ, вниде въ святую купѣль. И, еже инѣмъ юродство мниться, тебѣ сила Божія вмѣнися.

(Христоматія Галахова стр. 5—6).

Добръ послухъ благовѣрію твоему, о блаженниче, святая церькы Святыя Богородиця Марія, юже създа на правовѣрнѣй основѣ, идеже и мужьственое твое тѣло нынѣ лежить, ожидая трубы Архангеловы. Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій (Ярославъ), егожь сътвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, но утвержающа, ни умаляюща твоему благовѣрію положенія, но паче прилагающа, не казяща (искажающаго), но учиняюща, иже недоконьчаная твоя доконча, акы Соломонъ Давыдова, иже домъ Божій великый святый Его Премудрости създа на святость и освященіе граду твоему, юже съ всякою красотою украси, златомь и сребромь и каменіемь драгыимь, съсуды честныими, яже цьркы дивна и славна всѣмъ округныимъ странамъ, якоже ина не обрящеться въ всѣмь полунощи земнѣемь отъ въстока до запада, и славный градъ твой Киевъ величьствомь, яко вѣнцемь, обложилъ, предалъ люди твоя и градъ святѣй, всеславнѣй, скорѣй на помощь християномъ, святѣй Богородици, ейже и церковь на великыихъ вратѣхъ създа во имя перваго Господьскааго праздника святааго Благовѣщенія, да еже цѣлованіе Арханигелъ дасть Дѣвици, будеть

и граду сему. Къ оной бо: радуйся, обрадованая, Господь съ тобою! Къ граду же: радуйся, благовѣрный граде, Господь съ тобою!

Въстани, о честная главо, отъ гроба твоего, въстани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, но спиши до общааго всѣмъ въстанія. Въстани, нѣси умерлъ, нѣсть бо ти лѣпо умрети, вѣровавшу во Христа, живота всему міру. Отряси сонъ, възведи очи, да видиши какоя тя чьсти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Въстани, виждь, егоже Господь изведе отъ чреслъ твоихъ: виждь красящаяго столъ земля твоея, и възрадуйся, възвеселися. Къ сему же виждь и благовѣрную сноху твою Ерину, виждь вънукы твоя и правнукы, како живуть, како хранимы суть Господемь, како благовѣріе держать по преданію твоему, како въ святыя цьркви частять, како славять Христа, како покланяються имени Его. Виждь же и градъ величьствомь сіяющь, виждь градъ иконами Святыихъ освѣщаемъ блистающеся, и тиміаномь обоухаемъ и хвалами и божественыими пѣніи святыими оглашаемъ. И си вся видѣвъ, възрадуйся, и възвелися, и похвали благааго Бога всѣмъ симъ Строителя.

(Христом. Буслаева, стр 898—900)

Наконецъ Иларіонъ обращается ко Владиміру, какъ уже прославленному на небесахъ, съ хвалебными восклицаніями: радуйся, и съ молитвою, чтобы онъ, получивъ за свои добрыя дѣла въ царствѣ небесномъ вознездіе, помолился Господу о землѣ своей и о людяхъ, надъ которыми благовѣрно владычествовалъ, и въ особенности о сынѣ своемъ каганѣ Георгіѣ.

Послѣ этой краткой молитвы къ равноапостольному Владиміру слѣдуетъ обширная молитва къ Богу, составляющая третью часть и какъ бы общее заключеніе всего слова. Въ ней служитель церкви отъ лица всей земли Русской взываетъ: „Ты же, Владыко, Царю и Боже нашъ, высокій и славный! Человѣколюбецъ, воздающій по трудамъ славу и честь, и творящій причастниками твоего царства! Помяни, какъ благій, и насъ убогихъ твоихъ; яко имя Тебѣ человѣколюбецъ. Хотя и не имѣемъ мы добрыхъ дѣлъ, но спаси насъ по великой твоей милости. Мы бо людіе твои, и овцы пажити твоея; мы стадо, которое недавно Ты началъ пасти, исторгши изъ пагубнаго идолослуженія. Пастырю добрый, положившій душу свою за овцы! Не оставь насъ, хотя мы и доселѣ блуждаемъ; не отвергни насъ, хотя мы и доселѣ согрѣшаемъ предъ Тобою, какъ рабы новокупленные, ни въ чемъ не умѣющіе угодить господину своему....

(Исторія русской церкви Макарія I, стр. 99—100)

ѲЕОДОСІЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

I. Поученія о казняхъ Божіихъ.

Наводить Богъ, по гнѣву своему, казнь каку любо, или поганыя, зане не въстягнемся къ Богу; а усобная рать бываеть отъ съблажненія діавола и отъ злыихъ человѣкъ. Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, но блага, а діяволъ радуеться всему злууму, творимууму въ человѣцѣхъ: искони бо той есть врагъ намъ, хощеть убійства и кровопролитья, подвизая на свары и убійства, и зависти, и братоненавидѣнія, и клеветы. Странѣ убо съгрѣшивши коей любо, казнить Богъ смертью, или гладомь, или наведеніемь поганыихъ или бездождіемь, и инѣми различныими казньми. Аще ли покаявшеся будемъ въ немьже ны Богъ велить быти, — глаголеть бо намъ пророкомь: обратитеся ко мнѣ всѣмь сердцемь вашимь, постомь и плачемь (Іоил. 2, 12), — въ семь волю Божію творяще, да аще быхомъ въ заповѣдѣхъ Божіихъ пребыли: то и сдѣ ходяще, пріимемъ блага земная, и по отшествіи сего свѣта — жизнь вѣчную. Но мы присно, акы свинія, въ калѣ грѣховнѣемь валяяся, грѣхы къ грѣхомъ прилагающе, во всемь гнѣвяще Бога, злое предъ очима его творяще по вся дни. Того ради пророкомь глаголеть къ намъ: разумѣхъ, рече, яко жестоціи, каменосердіи, лѣниви есте творити волю мою; того ради удержахъ отъ васъ дождь, и предѣлъ единъ одождихъ, а другаяго не одождихъ, и изсше земля нивъ вашихъ, и поразихъ вы различныими казньми; то и тако не обратитеся ко мнѣ. Сего ради винограды ваша и древа всякая, носящая плодъ, и нивы, и вьсе истрохъ, глаголеть Господь, а злобъ вашихъ не могу истерти; но посылаю на вы помалу различныя напасти, нѣкли покаявъшеся въстягнетеся отъ злобъ вашихъ. Послахъ на вы смерти тяжкія, и на скотъ вашь, и отъяхъ отъ васъ утѣху всяку пищѣ вашея, но и ту не обратистеся ко мнѣ, но ресте: мужаемся. Еще доколѣ не насытистеся злобъ вашихъ? Вы убо уклонившеся отъ путій моихъ, глаголеть Господь, и сами погибосте съ своими беззаконіи, и ины многы съблазнисте. Сего ради буду свидѣтель скоро на противныя, и на прелюбодѣя, и на кленущаяся именемь моимь, и лишающая мзды наимнику, и насильствующая сиротѣ судъ неправъ. Почто презрѣсте словеса моя, и уклонитеся отъ закона моего и не съхранисте оправданій моихъ? Обратитеся ко мнѣ, глаголеть Господь, и азъ обращуся къ вамъ, и отверзу хляби небесныя, и възвращу отъ васъ гнѣвъ мой, дондеже въ всемь изобилуете, и дамъ всяко обиліе вамъ, и долга лѣта ваша створю. — — — Се слышаще, подвигнемся на добро; взыщите судъ, избавите обидимааго, и на покаяніе пріидѣте, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовію прилѣпимся Господеви, постомь, рыданіемь и слезами омывающе прегрѣшенія наша, не словомь на-

рицающеся христіане, а погански живуще. Се бо не погански ли творимъ? Аще кто усрящеть черньца или черницю, то възращаються, ли свинію, ли конь лысъ: то всье не погански ли есть? Се бо по дьяволю наученью держать. Друзіи зачиханью вѣрують, еже бываеть многажды на здравіе главѣ; но сими діаволъ льстить и другыими нравы, и всяческыими льстми превабляемы отъ Бога влъхвованіемъ, чародѣяніемъ, запойствомъ, рѣзоиманіемъ (процентами, барышами) приклады, татьбою, лъжею, завистію, клеветою, зубами, скоморохы, гусльми, сопѣльми и всякыими играми, и дѣлесы неподобными. Видимъ бо и ина злая дѣла: вси дрьзливы на піанство, и на игры злыя, ихъ же нѣсть лзѣ христіаномъ тако творити. И се пакы, егда стоимъ въ церкви то како смѣемъ смѣятися, или шепотъ творити? Припадаеть бо окаянный діаволъ и влагаеть въ ухо наше смѣхъ, и шепотъ, и ина неподобная творити въ церкви стояще пред небесныимъ Царемъ: коя мукы нѣсьмы достойни? Ты же, брате, стоя въ церкви и видиши кого неподобно стояща, възбрани ему и поноси ему тяжцѣ. Молю вы, братіе, съ страхомъ и любовію другъ другу стоимъ на молитвѣ, и во истину молящеся, речемъ: „да ся исправить молитва моя, яко кадило предъ тобою, въздѣяніе руку моею, жертва вечерняя.“ Да еще руцѣ твои ничтоже имата грабленія: добрѣ то глаголеши, рька: “въздѣяніе руку моею.“ Оглядай убо руцѣ си и испытай о нею, да аще ничтоже имата грабленія и нечистааго рѣзоиманья. Аще ли еси грабилъ, или прикладыималъ, или корчемный прикупъ, или кого чимъ пріобидѣлъ еси, еже святое писаніе отрекло: то не глаголи, не възвышай рукы си, доньдеже очистишися отъ всего зла. Аще бо възмеши въздѣти руцѣ попущеніемъ Божіемъ! то молитва ти будеть гнусна и непріятна Богу. Но слыша Господа глаголюща пророкомъ: егда руцѣ твои простреши ко мнѣ, отвращю очи свои отъ васъ, и аще умножиши молитву, не послушаю тебе, глаголеть Господь, руцѣ твои исполнь неправды. И се, възлюбленная чада, будете вѣдуще: святіи отци наши уставили постныя дни, по наученію Господню и по заповѣди святыихъ Апостолъ, святыя праздникы праздновати духовно заповѣдаша, а не тѣлесно, не чреву молящеся о своихъ согрѣшеніихъ, немощныя накормляюще съ собою въ подобное время, тѣло кормяще ве ныимь брашномь а душю духовныимь. Тоже брашно въ судѣхъ книжныихъ съ небесе снесено: иже, глаголеться, хлѣбъ аггельскый ясть человѣкъ, брашно посла имъ до изобилія, рекше писаніе святыихъ книгъ. Тако праздновати святыя праздникы, якоже велять святіи; тако и сами творили и спаслися суть. Все же любовію творяще: безъ тоябо никоя же добродѣтель приноситься къ Богу, — и мирно живуще не томко съ другы, но и съ врагы, — но съ своими врагы, а не съ Божіими. Свои же намъ врази суть: аще кому кто или сына, или брата заклалъ бы предъ очима, все тому простити и отдати. А Божіи суть врази: жидове, еретици, держаще кривую вѣру, и пращіися по чюжѣй вѣрѣ. На праздникы же великія пировъ не творити, піянства бѣгати, испити мало и блюсти душя своя, и стеречи часа, въ оньже Богу мо-

литися трезвыимь умомь, а не пьяныимь, якоже Петръ Апостолъ рече: братія, будите трезви, якоже супостатъ вашь діаволъ ищеть пьяныихъ, да я пожреть. О горе, паки рѣку, о горе пребывающіимъ въ піанствѣ? Піанствомь аггела хранителя своего отгонимъ отъ себе, и злааго бѣса привлачимъ къ себѣ, и Святаага Духа далече есмы піанства ради, и близь ада, и слова Божія не имуще въ устѣхъ своихъ, гнили ради піанственыя. Бѣси бо ради бывают о нашемь піанствѣ, и радующеся приносять къ діаволу жертву пьянственую отъ піаниць: діаволъ же, радуясь, глаголеть: яко николиже тако веселюся и радуюся о жертвахъ поганыихъ языкъ, якоже о піанствѣ христіаныихъ; всяка бо дѣла моего хотѣнія въ пьяницахъ суть. Писано бо есть: яко и неганыя набдить Богъ, а піаниць ненавидить и отвращаеться отъ нихъ. Не толико супостатъ нашь радуеться о нашемь піанствѣ, а искони бо не хощеть добра роду человѣчю, и глаголеть: яко мои суть пьяніи, а трезвіи суть Божіи. И посылаеть діаволъ бѣсы, рекъ: идѣте, поучайте христіаны на піанство и на всяку дѣтель моего хотѣнія. Аггели же святіи, приходяще, повѣдали се святыимъ отцамъ съ печалію великою, да быша писаніемь отлучили христіанъ отъ піанства, а не отъ питья: ино бо піанство есть злое, а ино питье въ мѣру, и въ законъ, и въ подобное время, и въ славу Божію. Святіи же отци, написавше честное сіе свято правовѣрное ученіе, предаша христіанамъ на провоженіе жизни сея, и на причастіе вѣчныя жизни, да кто послушаеть сего правила святыихъ отець и поживеть лѣта своя, творя волю Божію: житель будеть вѣчныя жизни; не послушавый сихъ книгъ осужденъ будеть съ діаволомь въ муку вѣчную.

Се слышаще, братіе, подвигнемся работати Господеви, и заповѣди Его творити, и въ законѣ Его поживемъ вся дни живота нашего, о Христѣ Іисусѣ, емуже слава съ Отцемь и Святыимь Духомь, и нынѣ и присно.

II. Слово о пьянствѣ.

„И се вѣдуще, братія, обѣднѣ и трапезѣ двѣ молитвѣ суть: една въ почницѣ, а другая въ конци обѣда, уставлена самѣмъ Господомь, потомь Апостолы, таже святыими отци. Уставлена же есть кутья въ похвалу святыимъ крестити въ честь, а не во оставленіе грѣхомъ: ни кацѣмъ бо приношеніемь очищаються грѣси, токмо тѣломь Христовыимь и кровію. Уставлено же за упокой кутья крестити усопшиимъ; обѣда же и ужина за упокой крестити не уставлено; воды же не повелѣно приставляти кутіи, ни яйца класти на кутью. Въ олтарь же не достойно ничтоже нести снѣдию, ни питія, но токмо проскуру и темьянъ и свѣчю, иже на службу есть. Трепаревъ же не молвите чашамъ въ пиру, лише три: поставивше обѣдъ славиться Христосъ Богъ нашь, и сѣсти пити лѣпо есть и честно; егда же кончаеться обѣдъ, прославиться Дѣвица Марія, третье е осподарю, а лише не

велимъ. Али кто смыслъ имать, да попытай, како рекла святая Богородица къ святууму Василію. Тако ему рече: аще хощеши мя заступницю имѣти въ всѣхъ бѣдахъ твоихъ, послушай мя, отверзися питія всякаго и не молитвуй піянъ: не токмо бо не услышанъ будеши, но и Бога безъгнѣвнааго разъгнѣвиши, осуженъ будеши въ муку. А се указаніе вѣдати въ заповѣди святыихъ отець: аще упоить другъ друга за любовь, или святыими заклиная, да поститься 7 дній; или блюеть, то 40 о хлѣбѣ и о водѣ. И многожь о томь молвить во отческыихъ указѣхъ. Но умныимъ се доволѣеть указаніе, а несмысленыимъ, аще бы имъ открылъ всѣхъ книгъ указъ, ни ту быша разумѣли, ни вѣры яли. Да аще писанію вѣры не имѣте, да своимъ дѣломъ вѣру имѣте. Иже бо кто много піеть съ трепари: како ти начнеть полозити на колѣну, а на ногахъ своихъ не мога отъити; а другый валяеться въ калу, блюя, въ руганіи, въ посмѣхъ давъ себѣ всѣмъ людѣмъ, а хранителя душя своея, аггела Господня, отъгнавъ отъ себе. Гдѣ суть мнози трепари притворени къ чашамъ, да быша избавили ихъ отъ бѣды тоя, бѣсящіихся волею своею. Бѣсный стражеть неволею, и добудеть вѣчныя жизни, а піаный волею стражеть, добудеть вѣчныя мукы: пришедъ бо ерей къ бѣснууму, створить молитву и проженеть бѣса, а надъ піяныимь, аще бы всея земля сошлися попове и молитву бы сотворили, піанства самовольнааго бѣса (т. е. не изгнали бы)— — —

III. Изъ слова о терпѣніи и о любви,

Что внесемъ, любимици мои, въ мірѣ семь, или что имамы изнести? Не оставихомъ ли міра и яже въ мірѣ, по заповѣди Христовѣй, глаголавшааго: иже не възненавидить всего и послѣдуеть ми, нѣсть ми ученикъ, и пакы: иже мя аще любить и слово мое съхранить, и иже душу свою погубить мене ради, обрящеть ю? И любы Божія не въ словесѣхъ съвръшаеться, но въ дѣлѣхъ дѣтельныихъ. Рече бо: иже пребудеть въ заповѣдѣхъ моихъ, азъ възлюблю и и явлюся ему самъ. Заповѣдь бо нову даю вамъ, да любите другъ друга, якоже и азъ възлюбихъ вы, и по семь разумѣють вси, яко мои ученици есте, аще любовь имате межю собою. Да аще хранимъ заповѣди Его, и Онъ възлюбить насъ. Рече бо Іисусъ въ ономь долзѣемь и нощнѣемь наказаніи къ Іюдѣ Скаріоту, глаголавшему, како есть, яко намъ хощеши явитися, а не всему міру? и отвѣщавъ Іисусъ и рече ему: аще кто слово мое възглаголеть, и Отець мой възлюбить и, и къ нему пріидѣвѣ, и обитель у него сътворивѣ; а не любяй мене — иже словесъ моихъ не хранить. Азъ бо есмь виноградъ истиньный и отець мой дѣлатель, и всяка лоза, не творящи плода о мнѣ, посѣкаеться, а творящая плодъ, отрѣбиться, да болій плодъ створить. Аще бо кто во мнѣ не пребудеть, и извержеться вонъ. Яко же и лоза съхнеть, и сбирають ю, и въ огнь влагають, и сгараеть: тако же и мы, отци мои и братія, аще потщимся заповѣди Его творити, да словеса Его въ насъ бу-

дуть, и плодъ створять. О семь бо, рече, прославиться Отець мой; да плодъ многъ створите, и будете мои ученици. И кто не удивиться, възлюбленіи, яко Богу прославитися нашими дѣлесы? И колика на насъ худыихъ любы Его изліяся? Яко же бо, рече, възлюби мя Отець, и азъ възлюбихъ вы. Больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положить за другы своя; вы бо, рече, есте друзи мои. — — —

IV. Изъ слова о терьпѣніи и милостыни.

— — — Что сътворю, невѣмъ убогый. Аще бо умолчю, вашего ради роптанія, угождая вамъ вашея ради слабости: то каменіе възъпіеть. Не азъ бо то глаголю, но они, свѣтила вселеныя всея, истиньніи стълъпи правыя вѣры, всадители, наставници всему добруму благонравію, вожди истинніи и свѣтила негасущая. Нынѣ бо печалуемъ и скорьбимъ о инѣхъ Богу видѣніихъ, о нем же бы намъ радоватися и хвалу воздати благууму Владыцѣ, иже въ первый на десять часъ пришедшіимъ не похули ихъ опожденія, но тужде мъзду дарова имъ, юже изъ утра дѣлавшіимъ; ропщющу бо на винограднааго владыку: друже, не обижу тебе, — не тако ли съвѣщаахъ съ тобою, и не лѣть ли ми въ своихъ, якоже хощю?

Нынѣ же азъ худый въ умѣ пріемъ заповѣдь благаго Владыкы се вѣщаю вамъ: Лѣпо бо бяше намъ отъ трудовъ своихъ кръмити убогыя и странныя, а не праздныимъ пребывати, преходити отъ келіи въ келію. Слышасте бо Павла глаголюща: яко нигдѣ же туне (даромъ) ни хлѣба не ядохъ, но нощь дѣлаахъ, а въ дне проповѣдаахъ, и руцѣ мои послужиста. ей, мнѣ и инѣмъ; и пакы: праздный да не ясть. Мы ничьсоже того не сътворихомъ. Аще бы не благодать Божія приспѣла на насъ, и кръмила боголюбивыими человѣкы: что быхомъ сътворили, на своя труды зряще? Да аще речемъ: пѣнія ради нашего, или поста ради, или бдѣнія, та намъ вся приносять, и за всѣхъ бо за приносящіихъ ни единою поклонимся. Слышасте бо притчю о пяти дѣвъ мудрыихъ, а пяти несмысленыихъ. Вѣщеваеть бо святое Евангеліе: мудрыя свѣтильникы своя украсиша милостынями и вѣрами; и вънидоша въ чрьтогъ радостный, и никомуже възбраняющу имъ. Оныже буія како нарекошася? Понеже въ пощеніи и въ бдѣніи, въ молитвахъ стончиша плоть свою, масла же и милостыни не принесоша въ свѣтильницѣхъ своихъ душъ, и того ради изгнани быша изъ чьртога, и тогда взыскаша продающіихъ милостыня нищихъ, но не обрѣтоша; уже бо затворишася двери человѣколюбія Божія.

Да не лѣпо намъ есть, възлюбленіи, посылаемыихъ отъ Бога на пользу душамъ и тѣлесѣмъ нашимъ отъ Боголюбивыихъ человѣкъ, удержати себе, но и инѣмъ подати требующіимъ. Луче бо, рече апостолъ, даяти, нежели възимати. — — —

V. Поученіе о терпѣніи и милостыни

Възлюбленіи! Притчю пріимете злостраданія и търпѣнія — Пророкы, иже глаголаша намъ именемъ Господніимь. Нынѣ бо блажимъ трьпящая. Трьпѣніе Іовле слышасте и кончину Господню видяще, яко премилостивъ есть и щедръ и долготерпѣливъ, и не помня злобъ нашихъ. Како бо есть не премилостивъ, иже туне насъ спасе, отъ небытія въ бытіе приприведе всяческая, нѣбесная и земная, и намъ обнови путь новъ собою? Мертвыимъ бо намъ сущіимъ върину вшіимся самоволнѣ у дебрь грѣховную, не презрѣ насъ, ни отвержеся насъ; но възыска и обрѣте, и на рамѣ понесе, и одесную Отца посади: то како нѣсть милостивъ и человѣколюбивъ? Не мы възыскахомъ Его, но Онъ насъ. Не пророкы ли прежде предасть въ толикы бѣды и напасти: овіи бо каменіемь побиваеми, а друзіи же претираеми, иніи же въ печь вметаеми, иніи къ львамъ. И та вся сотвори насъ дѣля. Святіи бо въ толицѣ суще бѣдѣ и печали, не стужишаси, но на помощь Его призывающе глаголааху: ускори, потщися на помощь нашу, яко вся мощна отъ Тебе. Въ толицѣ бо тузѣ (туго, тягость) суще, не отрекоша Божія помощи, но мужьскы трьпяху. И Апостоли гоними, и въ темницю всажаеми, и укоряеми, и не стужиша си въ толикыихъ бѣдахъ, не отверьгоша отъ упованія своего. Помянемъ же святыя мученикы, и трьпѣнію ихъ кто не почудиться, видя ихъ толицѣми страстьми облежащя, яко и самую плоть ту презрѣти Христа ради? И преподобныя отця оны видимъ, въ колицѣ трьпѣніи житіе все скончаша, ихже памяти творяще и житія ихъ почитающе, хвалимъ Творца, укрѣпившаго я яремъ благый Его понести. Акы звѣзды сіяюще въ памятѣхъ своихъ, просвѣщають душя наша, прибѣгающіихъ къ нимъ.

Тѣмь же молю васъ, братія моя любимая, не отверземъ упованія своего, еже имать мзды и въздаяніе велико. Не призва бо насъ то благоволеніе Его здѣ, да всѣхъ земныхъ насытимся; не бо и того ради насъ сътвори да общиници будемъ временнуума сему житію лѣности дѣля нашея. Но отрясемъ, молю васъ, любимици мои, уныніе наше. Помянемъ первый свой входъ, како быхомъ, егда къ дверемъ монастырскіимъ приходомъ, не все ли обѣщахомся трьпѣти, и поношенія, и укоренія, и уничиженія, и изгнанія? Не тогда бо томко, егда предъ святыми дверцами стояще отвѣтъ даяахомъ о своемь обѣщаніи, акы и на страшнѣемь дни предъ видимыими послухы и предъ невидимыими, и самаго Владыку и Бога нашего призвахомъ на послушьство глаголюще: се Христосъ сдѣ стоить невидимо; блюди, кому обѣщаеши; никто же бо тебе на се не пудить. И нынѣ же та вся обѣщанія наша ни въ чтоже вмѣнихомъ. Покореніе бо належить намъ и трьпѣніе, и того не имамы. Иставаеть бо душа по вся дни, иже не вижду васъ тщащяся о своемь обѣщаніи. Житія бо святыхъ почитающе, и отъ тѣхъ затыкающе уши своя, яко

не слышати мужьства ихъ. Не кы бо что предословіе речеть, то и того акина не можеть изглаголати, но тогда болѣе уста своя стиснемъ; а о иномь ничьсоже глаголати. Но на неподобныя рѣчи, и на укореніе, и на гнѣваніе несмы лѣниви. На то бо уста своя имъ отвьрземъ, и очи не дремлива, ухо внѣ. И во трубѣ убуждающи насъ па святое славословіе и на вся годины, и образъ свой въ томь подавающи намъ, не мала благостыня. Рати бо належащи и трубѣ воиньстѣй трубящи, никтоже можеть спати: и воину Христову лѣпо ли есть лѣнитися? Да или то они за тщую славу и изгынущую не помнять ни жены, ни дѣтей, ни имѣнія. Да что мню имѣніе, еже есть хуже всего, да и главы своея ни въ чьтоже мнять, дабы имъ не посрамленыимъ быти. Да якоже суть сами временніи; тако и слава ихъ съ животомь кончаваеться. Намъ же не тако. Но аще стерпимъ, борющеся съ супостаты нашими, и, одолѣвше, пріимемъ славу безконечную и чьсти неизреченныя сподобимся. Вилу (колоколу) бо ударяющу и образомь симь гласы намъ тако испущающу, аще не рѣчью възвѣщающу намъ, но образомь глаголать намъ призывая къ святѣй церкви на Божественное пѣніе. Приходяще же съ страхомь стоимъ до отпущенія іереева, главу долу поклоняюще, а умъ имуще къ Вышнему, и тако улучимъ царство небесное о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемь.

(Записки Акад. Наукъ. кн. II, вып. 2.)

ІАКОВЪ ЧЕРНОРИЗЕЦЪ.

ИЗЪ СКАЗАНІЯ О БОРИСѢ И ГЛѢБѢ.

а) Смерть Владиміра.

Родъ правдьныихъ въ вѣкы въ благословленіи будеть. Сице убо бысть маломъ преже сихъ лѣтомъ. Сущю самодержцю Руськыя земля Володимірү сыну Святославлю, внуку же Игореву, иже святыимь крещеньемь просвѣти всю землю руськую. — — Сь убо Володимеръ имѣяаше сыновъ 12 не отъ единоя жены, нъ отъ разнъ матеръ ихъ, въ нихъ же бяаше старый Вышеславъ, а по немь Изяславъ, 3-й Святополкъ, иже убійство злое изобрѣте — — — Посади убо сего оканьнаяго въ Пиньскѣ въ княженіи, а Ярослава въ Новѣгородѣ, а Бориса въ Ростовѣ, а Глѣба въ Муромѣ, и прочая по градомъ всѣмъ. Нъ сихъ остану много глаголати, да не въ многописаніи въ забыть влѣземъ, но о немь-же начахомъ си скажемъ.

Убо сице многомъ же дьнемъ минувшемъ, яко скончашася дніе Володиміру — — впаде въ недугъ крѣпокъ. Въ тоже время пришелъ бяаше Борисъ изъ Ростова. Печенѣгомъ же отинудь идущемъ ратію на Русь, въ велици печали бяаше Володимеръ, зане не можааше изити противу безбожныимъ. Много печаашеся, и призвавъ Бориса — — блаженаaго и скорослушливааго, предавъ

вои многы въ руцѣ его, посла противу безбожныимъ Печенѣгомъ. Онъ же съ радостію въставъ иде, рекъ: Се бо готовъ есмь предъ очима твоима сътворити, елико волить воля сердца твоего — — Отшедшю же ему и не обрѣтшю супостатъ своихъ, възъвратившюся ему вспять, и се вѣстникъ приде къ нему, сказая отню ему смерть — — и яко Святополкъ потаи смерть отьца своего, и ночью поимавъ помостъ на Берестовомъ, и въ коверъ оберьтѣвше, свѣсивъше ужи на землю, везъше на санехъ поставиша въ церкви святыя Богородиця. — — И яко услыша, начатъ тѣломь утьрпати, и лице его все слезами наполънися, и слезами разливаашеся, и не могый глаголати, въ сердци начатъ сицевая вѣщати: увы мнѣ, свѣте очію моею, сіяніе и заре лица моего, въздрастъ уности моея, наказаніе недоразумія моего; увы мнѣ, отче господине мой, и къ кому прибѣгну, и къ кому възрю и гдѣ ли насыщуся такого блага ученія и наказанія твоего разума — — Како зайде, свѣте мой, не сущю ми ту, да быхъ поне самъ честное твое тѣло спряталъ и гробу предалъ своима рукама, нъ то ни понесохъ красоты мужьства тѣла твоего, ни сподобленъ быхъ цѣловати твоихъ сѣдинъ, но, о блаженниче мой, помяни мя въ покои твоемь. Сердце ми горить, душа ми смыслъ смущаеть, и не вѣмъ къ кому обратитися, или къ кому горкую си печаль простерти, — къ брату ли? его же быхъ имѣлъ въ отца мѣсто; но тъ, мьню, о суетьи мирьскыихъ поучаеться, и о убійстви моемь помышляеть. Тъ аще на убійство мое потщиться, тъ мученикъ буду Господу моему. Азъ не противлюся, зане пишеться: Господь гордыимъ противиться, а смиреныимъ даеть благодать. Апостолъ же: иже,речеть: Бога люблю, и брата своего ненавидить, лъжа есть. И пакы: въ боязни любве нѣсть; совершеная любы вонъ измещеть страхъ. Тѣмъже что реку или что сътворю сьдѣ. Иду къ брату тоему и реку: ты ми буди отець, ты ми братъ старѣй, — что ми велиши, Господине мой? И си на умѣ помышляя, идяаше къ брату своему, и глаголааше въ сьрьдци своемь: То понѣ узрю лице брата моего меншаагоГлѣба, яко Іосифъ Веньямина. И та вся полагая на сердци си, глаголааше: воля твоя да будеть, Господи мой. Помышляаше же въ умѣ своемь: аще пойду въ домъ отца своего, то языци мнози еда превратять серце мое, яко прогнати ми брата моего, яко же отець мой преже святаагo крещенія, славы ради княженія міра сего, иже все мимоходить, и тлѣньно, и хуже паучины. То камо имамъ прейти по отшествіи моемь отсюду? Како ли убо обрящюся тогда? Кый ли ми будеть отвѣтъ тогда? Гдѣ ли скрыю множьство грѣха моего? Что бо пріобрѣтоша братія отца моего или отець мой, гдѣ бо ихъ житіе и слава міра сего, и багряници, и брачины, сребро и злато, вина, медъ и брашна честная, и быстріи кони и велиціи, имѣнія многа и дни и чести бещисленыя, и гордѣнія, яже о болярѣхъ своихъ. Уже все се яко нѣсть имъ было никогда, вся съ ними ищезоша, и нѣсть помощи ни отъ кого же, ни отъ имѣнія, ни отъ множьства рабъ, ни отъ славы міра сего. Тѣмь и Соломонъ, и т. д. — — Идый же путемь своимь помышляаше о красотѣ и добротѣ тѣлесе своего, и слезами весь

разлягаашеся, хотя удержатися, и не можааше — — — И вси смущаахуся о печали. И кто бо не въсплачеться тоя смерти нагубныя, приводя предъ очи сердца своего, образъ бо бъше унылъ его и взоръ — — Тако бо бѣ блаженый тъ правдивъ, щедръ и тихъ, кротокъ, смиренъ, всѣхъ милуя и вся набдя. Помышляшеть же въ себѣ богоблаженый Борисъ, глаголаше: вѣдѣхъ, яко брата моего злу ради человѣци понудять на убійство мое— — — прольють кровь мою, то мученикъ буду Богу моему — — Тачe забывъ скорбь смертную, тѣшааше сердце свое о словеси Божіи: иже погубить душю свою мене ради и моихъ словесъ, обрящеть ю. — —

b) битва между святополкомъ и ярославомъ.

Сь треклятый Святополкъ приде съ множьствомь Печенѣгъ, и Ярославъ совокупль воя, изиде противу ему на Льто. И ставъ на мѣстѣ, идѣже и убіенъ святый Борисъ, и въздѣвъ на небо руцѣ,рече: се кровь брата моего въпіеть къ тебѣ, Владыко, якоже и Авелева преже, и ты мьсти его, якоже и на ономь положи стенаніе и трясеніе, на братоубійцѣ Каинѣ— — И помолися и рекъ: о брата моя! аще и тѣломь отшла еста, нъ благодатію жива еста, и Господеви предъстоита, и молитвою помозита ми. И се рекъ. поидоша противу собѣ, и покрыша поле Летьское множьствомь вой. И съступишася въсходящю солнцю, и бысть сѣча зла отинудь и съступишася трижды, и бишася чрезъ вьсь день, и уже къ вечеру одолѣ Ярославъ, а сь оканьный Святополкъ побѣже, и нападе на нь бѣсъ и рослабѣша кости его. яко не мощи ни на конѣ сѣдѣти, и несяхуть и (его) на носилѣхъ, и прибѣгоша съ нимь къ Берестію. Онъ же рече: побѣгите, се женуть по насъ. И посылааху противу, и не бѣ гонящаaго никого же въ слѣдъ его. — — — И пробѣже Лядскую землю, гонимъ гнѣвомь Божіимь, и прибѣже въ пустыню межю Чехы и Ляхы. Ты испроверже животъ свой злый. — — — И есть могыла его и до сего дьне; исходить отъ неяя смрадъ золъ, на показаніе человѣкомъ. — — Яко же бо и Уліанъ цесарь, иже много крови святыихъ мученикъ пролія, горкую нечеловѣчьную смерть прія, невѣдомо отъ кого бысть копіемь въ сердце продруженъ. Тако и сь бѣгая, не вѣдый ся, отъ кого злострастную смерть прія. И оттолѣ крамола преста въ Рустѣй земли, и Ярославъ прія всю власть земля Рускыя.

c) чудеса мучениковъ.

Не возможеть человѣкъ глаголати и не насытиться око зрѣти, ухо слышати, рече Еклисіастъ. Тако и святыихъ мученикъ чюдесъ умъ нашь не достигнеть съказати, ни языкъ изречи, ни слово исповѣдати, елико же възмег-

діе пряжо труду своему отъ Господа въсприяша, акы чяда причастници божіи. — — — — — И повѣдааху бо еже и самовидци бывше чюдеси сицему бывшю. Яко Святополкъ князь (Святополкъ II, Изяславичъ) всадилъ бяше въ погребъ два мужа нѣ въ которой винѣ, худѣ окована, и не исправивъ, нъ послушавъ обличающіихъ. — — — Всадивъ же убо сія въ погребъ, и въ забытыя положи. Она же суща въ такой бѣдѣ, много молястася святыма страстотерпцема. — — Многу же времени минувшю, а онѣма ту пребывающема въ печали и въ тузѣ, молястася безъ престани, призывающа святыя страстотерпца, иже не презрѣста ею, нъ спасающа и заступающа и пособьствующа быста има. Сицемь образомь дверемъ сущемъ погребнымимъ заключенамъ онѣма же утрь спящема и инѣмъ многымъ, лѣствици же внѣ лежащи изволоченѣй, въ нощи внезапу единъ бысть ею внѣ на погребѣ спя; убуждьшеся, видѣся простъ отъ оковъ, и возрѣвъ видѣ желѣза, яже бѣша на немь и на подрузѣ его, изломана лежаща окрестъ его, и обручя, яже о ногу извита акы ужи. И воставъ прослави Бога и святыя его угодникы. И вспомянувъ яже рѣ видѣлъ, и призвавъ стража, показааше ему все бывшее, и глаголааше: поведи мя къ церкви преславную мученику. Пришедъ же къ церкви на утрьніи; бяше же въ день въ четвергъ, и поклоняяся предъ святыма ковчегома, сказааше предъ всѣми клирикы и людемъ сущіимъ въ церкви: и нама убо спящема и инѣмъ множайшіимъ, утрь въ темници внезапу бысть акы отъятъ покровъ, и, нама зрящема, внидоста святая и рѣста: по что сьде пребываета сице. Отрекоховѣ: тако воля княжа, оклеветана есвѣ. Святая же рѣста къ нама: се повелѣваевѣ вама, иди ты въ церковь и повѣжь сице, яко еси видѣлъ, а сего подруга твоего оставляевѣ утрь, еще же и слѣпа его створиховѣ, на увѣреніе прочіимъ, егда не въчьнуть вѣры яти. Сама же вѣ отходивѣ до Гречьскыя земля, и по трехъ дьньхъ възвратившася, присѣтивѣ его и створивѣ и видяща. И тогда шедше глаголѣта князю: по что сице твориши, и не исправляя томиши и мучиши, нъ аще ся сего не покаиши, ни останеши сице творя, то вѣсто ти буди, яко съблюдаяся пребыванія ада не избудеши. И си изъглаголавша и ина къ симъ, и невидима быста отъ наю. Се убо видѣвъ съказахъ вамъ, братія, а аще хощете истѣе видѣти или слышати, идемъ къ погребу. И шедше къ погребу, видѣша ключя невврежена и заключена, лѣствицю же, по ней же въсходять и исходять, внѣ лежащу. И удивишася и прославиша Господа и святая. И отверзъше и видѣвше оного же рькохомъ подруга преседяща слѣпа, яко ни вѣкома ни ряснома не познатися, узъ же не имѣюща. И выпрашаемъ сице же отвѣщевааше. Тъгда отпущена быста, и не отходяста отъ церкви день и нощь, паче же ослѣпленый, акы поносъ имый къ святыма, и акы долгу прося, припадая къ гробома, и моляшеся, глаголя: о святая угодника Христова, не презрита, не забудѣта, имь же обѣщастася, даруйте ми обѣтомь, имь же должьна ми еста. Сице же творяше по вся дни 3, дондеже бысть день недѣльный. И пришедъ по обычаю моляшеся, и до утрьніи, дондеже поющіимъ вопль его

стужи, яко прогнѣватися и рещи: отвлещи лѣпо есть слѣпца сего; — яко нѣлзѣ имъ пѣти. Тъ яко пребываааше біяся, и припадая предъ святыма, и въпіяше: помилуйта мя, понеже обѣщаста ми ся. Внезапу обративси рече: зовѣте куръелѣйсу! видите славу Божію и святую? Се вижю. И бяста очи его здравѣ, акы не имѣвши болѣсти ни слѣпоты николиже. Тъгда вси прославиша Бога и святая страстьтерпьца. Шедъше же сказаста и Святополку князю яже слышаста и видѣста. И оттолѣ немного насильствяаше людемъ, и на многа времена творяаше праздникъ.

(Срезневскаго, Сказанія и Борисѣ и Глѣбѣ, ст. 41—46, 63—65, 69, 70, 81—84.)

НЕСТОРЪ.

I. Изъ житія Бориса и Глѣба.

Владимѣръ и любимые сыновья его.

Бысть — — князь въ тыи годы, володый всею землею Русскою, именемь Владимеръ. Бѣ же мужь правдивъ и милостивъ къ нищимъ, и къ сиротамъ и ко вдовицямъ, елинъ же вѣрою. Сему Богъ спону нѣкаку навѣды и створи быти ему хрьстьяну, якоже древле Плакидѣ (св. мученику Евстаѳію Плакидѣ, обращенному изъ язычества чудеснымъ явленіемъ креста). — — Тако же и сему Владимеру явленіе Божіе быти ему крьстьяну створися, ему же наречено бысть имя Василій. Таче потомь всѣмъ заповѣда вельможамъ своимъ и всѣмъ людямъ, да ся крьстять. Слышите чюдо исполнь благодати, како вчера заповѣдая всѣмъ требу принести идолѣмъ, и днесь повелѣваеть хрьститися. — — — Се вторый Костянтинъ въ Руси явися. Нъ и сей чюднѣй заповѣди бо ишедши, яко же преже ркохомъ, всѣмъ хрьститися, и всѣмъ грядущіимъ къ крьщенію, ни понѣ единому супротивящюся, ни въпрекы глаголющю, но акы издавьна научени, тако течяаху радующеся къ крьщенію. — —

Таче быша сынове мнози у Владимера, въ нихже бѣста святая сія, о неюже и повѣсть сія есть, тако свѣтащеся, акы двѣ звѣздѣ свѣтлѣ посредѣ темныихъ, нарицаюже Бориса и Глѣба. Пусти же Благовѣрный Князь сыны своя, когождо на свою область имъ, а святу сею Бориса и Глѣба у себе держааше, занеже единаче дѣтеска бѣста. Бѣже Глѣбъ велми дѣтескъ; а Блаженый Борисъ, въ разумѣ сы, исполнь благодати Божія. Взимааше бо книгы и чтяше — бяше бо и грамотѣ наученъ — чтяше же житія и мученія Святыихъ, и глаголааше моляся съ слезами; Владыко мой Іисусе Христе, сподоби мя, яко единаго отъ тѣхъ Святыихъ, и даруй ми по стопамъ ихъ ходити. Господи, Боже мой, да не вънесеться мысль моя суетою мира сего; но просвѣти сердце мое на разумѣніе Твое и Твоихъ заповѣдій, и даруй ми

даръ, его же дарова отъ вѣка угодникомъ. Ты еси Цесарь и Богъ истиньный, иже помиловавъ, и изведе ны отъ тьмы ко свѣту. Тебѣ бо есть слава въ вѣкы, аминь.

Сице же ему молящюся по вся часы, а святый Глѣбъ послушааше его сѣдя, и не отлучаашеся отъ блаженаагo Бориса; но съ нимь день и нощь, послушааше его. Бяше бо, якоже и преже рьхохъ, дѣтескъ тѣломь, а умъ старъ. Многу же милостыню творя нищіимъ и вдовицамъ и сиротамъ. Бѣ бо и отець его тако милостивъ, якоже и на возѣхъ возити брашно по граду, и овощь, и медъ, и вино, и сироста рещи, все, еже на потребу болящіимъ и нищіимъ, и проповѣднику глаголющю съ прошеніемъ: егда кто болить гдѣ? Сице видяще блаженая отца тако творяща, боле утвержастася на милостыню. Любляше же я отець, видя на нею благодать Божію.

Бяше же блаженууму Борису створено имя въ крьщеньи Романъ. Якоже бо и на ономь почиваaше духъ святый изъ млада, како же и на семь благодать бѣ Божія — — И явися же ему (т. е. Роману) мати Божія, имущи же въ руку ей свитокъ, иже падасть святууму. И яко взятъ и, и се ненавидяй добра діяволъ текъ въсхвати и, и пакы мати Божія взятъ свитокъ и подасть и святууму Роману. — — Такоже и сій блаженый Романъ (т. е. Борисъ). Видя бо врагъ даную ему благодать отъ Бога и милосердіе ко всѣмъ, не терпя того врагъ влѣзе въ брата ему старѣйшааго, хотя тѣмь восхватити животъ его отъ земля; яко се по малу скажемъ. Святуму же Глѣбови створено имя Давидъ- Видиши ли благодать Божію изъ млада на дѣтищи. (Слѣдуетъ сравненіе Глѣба съ Давидомъ). — — И пакы яко же пророкъ Давидъ изиде противу иноплеменьнику и погуби и и отъятъ поношеніе отъ сыновъ Израилевъ, тако же и сій святый Давыдъ (Глѣбъ) изиде противу супостату дьяволу и погуби и и отъя поношеніе отъ сыновъ Рускыихъ. — — —

Блаженый же князь (Владиміръ) видя блаженааго Бориса преспѣвша вьрстою, въсхотѣ бракъ створити ему, блаженый же худѣ рачише о томь, но умоленъ бысть отъ бояръ, да не ослушаеться отца, сътвори волю отчю — — закона ради цесарьскааго и послушанія ради. — —

в) Убіеніе Бориса и Глѣба.

Възвѣстиша Борису глаголюще, яко послалъ есть братъ твой погубитъ тебе. И се уже грядуще близъ. Блаженый же възрѣвъ на небо рече: Владыко, Господи Іисусе Христе! не остави мене погыбнути. Но Ты Самъ державъную руку Твою простри на мя грѣшьнааго и худааго. Избави мя отъ ярости идущіихъ на мя, спаси мя въ часъ сій, яко Ты единъ еси прибѣжище печальныимъ; Ты бо еси Богъ истиньный, Тебѣ слава въ вѣкы, аминь.

Таче повелѣ поставити шатеръ свой, и вълѣзъ въ нь, молися Богу съ слезами припадая, дондеже не бѣ силы въ немь. И пакы падъ на ложи

своемь, плакася горько, моля Бога. Нощи же сущи, повелѣ слугамъ принести свѣщю, и вземь книгы нача чисти. И се они посланіи бѣша идуще, рикающе, акы звѣріе дивіи, поглотити хотяще правьдьнааго. Слышавъ же Блаженный, яко уже приближишася на нь, и повелѣ прозвутеру отпѣти заутренюю и святое еуангеліе чисти, бѣ бо день недѣльный, и самъ же нача пѣти. глаголя сице: Господи! что ся умножиша стужающіи ми? мнози восташа на мя; мнози глаголють о души моей: нѣсть спасенія ему о Бозѣ его. Ты же. Господи, заступникъ мой еси — и прочее псалма. Нечестивіи же, яко пришедше, не дерзнуша напасти на праведнааго — не попусти имъ Богъ — дондеже конча заутренюю. Такоже по кончаньи цѣлова вся, възлеже на одрѣ своемь, и отверзъ уста своя, къ безаконьникомъ рече: Вълѣзъше, братіе. скончайте волю пославшаго вы. Ониже акы звѣріе дивіи, нападоша на нь. и внизоша во нь сулиця своя. И се единъ отъ престоящіихъ ему слугъ паде на немь. Они же и того пронизоша, и мьнѣвъ же Блаженааго мертва суща. и идоша вонъ. Блаженый же воскочивъ, оторопѣ бывъ, изиде изъ шатра. и въздѣвъ на небо руцѣ, моляашеся сице глаголя: Благодарю тя Владыко, Господи, Боже мой, яко сподобилъ мя еси недостойнааго съобщьнику быти страсти сына Твоего, Господа нашего Іисуса Христа. Посла бо единочадааго (вмѣсто — единороднаго, единственнаго) сына своего въ міръ, его же безаконьніи предаша на смерть. И се азъ посланъ быхъ отъ отца своего, да спасу люди отъ сопротивящіихся ему поганъ. И се нынѣ уязвенъ есмь отъ рабъ отца своего. Нъ Владыко! отдай же имъ грѣховъ; мене же спокой, и непредай же мене въ руцѣ врагомъ, яко Ты еси защититель мой. Господи! и въ руцѣ Твои предаю духъ мой. Сеже ему рекшю, единъ отъ губитель притекъ удари въ сердце его. И тако блаженый Борисъ предастъ душю въ руцѣ Божіи, мѣсяца Іюля въ 24 день. Честьноеже его тѣло въземше несоша въ градъ, нарицаемый Вышегородъ, еже есть отъ Кыева, града стольнааго, 15 стадій, и ту положиша тѣло блаженааго Бориса у церкви Святааго Василія.

И о томь увѣдѣвъ оканьный (Святополкъ) то, яко на полунощныя страны бѣжалъ есть святый Глѣбъ, посла и тамо, да и того погубять. О немилосердіе оканьнааго! како не доволѣ ему о погубленьи единаго брата! нъ и на другаго посылаеть рекый: скорѣи шедше погубите и. Они же абіе въслѣдовавъше въ кораблеци, борзы (скорые вм. скоро) гнаша по святѣемь Глѣбѣ дни многы. И уже имъ приближающіимся къ нимъ, и узрѣша иже бѣша съ святыимь напрасно корабля инаходяща на ня. Взяша оружія своя хотящи противитися имъ Святый же Глѣбъ моляаше я, да не супротивяться имъ. Глаголааше бо имъ. Братіе моя, аще ся имъ не супротивимъ, то аще имуть мя, не погубять мене; нъ поведуть мя къ брату моему: и онъ аще видить мя, еда умилосердиться на мя, и не погубитъ мене. Аще ли ся имъ супротивите, и васъ исѣкуть и мене погубять. Нъ молю вы, братіе моя, не противитеся имъ, нъ къ брегу приступите; и азъ въ своемь корабли иду

посредѣ рѣкы, и они да придуть ко мнѣ, то видимъ. аще мира коего ради придоша: али же ни, то аще имуть мя, не погубять мене; но, яко же преже рькохъ, ведуть мя къ брату моему. Онъ же аще видить мя, умилосердиться на мя, и не погубить мене. Вы же токмо мало отступите къ брегу, и не супротивитеся имъ. Они же послушавше Святаго идоша къ брегу жаляще си по Святомь, и часто озираяся, хотяще видѣти, что хощеть быти Святууму. Сеже Святый моли я, блюдя (храня, оберегая) ихъ, да нѣкако и тыхъ погубять, и пролiють кровь неповиньну. Уняаше (предпочиталъ) бо Святый единъ за вся умрети, и сего ради отпусти я; самъ же съ отрокы въ кораблеци посредѣ рѣкы пловы. Оканьнiи же тiи видѣвше корабль единъ посредѣ рѣкы пловущь, и Святаго въ немь суща, устремишася по немь акы звѣрiе дивiи. Святый же видѣвъ я идущя на нь, възрѣвъ на небо вопiяаше глаголя сице: Суди, Господи, обидящiимъ мя и возбрани борющiимся со мною. — — — Буди путь ихъ тма и съблазнъ-и прочее псалма Святому рекшю—и се нечестивiи приближишася: и имше корабль ключи, и привлекоша къ себе. А иже бѣша о Святомь корабли, то ти положьше весла сѣдяще сѣтующеся и плачющеся по Святѣемь. Вѣ же за Святѣемь сѣдя старѣйшина поваромъ. И повелѣша тому нечестивiи заклати Глѣба Святаго: Возми ножь свой; зарѣжи господина своего, да не злою смертiю умреши. Оканьный же поваръ не поревновааше оному, иже бѣ палъ на Святомь Борисѣ; нъ уподобися Iюдѣ предателю. Изволъкъ ножь свой, и ять Святаго Глѣба за честную главу, хотя и заклати. Святый же Глѣбъ молчааше, акы агня незлобиво; весь бо умъ имяаше къ Богу; и возрѣвъ на небо, моляшеся сице: Господи мой, Iисусе Христе! услыши мя въ часъ сiй и сподоби мя причастнику быти Святыихъ Твоихъ. Се бо, о Владыко! яко древле въ сiй день Захарiя заколенъ бысть предъ требникомь Твоимь; и се нынѣ азъ закланъ быхъ предъ Тобою, Господи! Нъ Господи, Господи! не помяни безаконiй моихъ первыихъ: нъ спаси душю мою; да не срящеть ю лукавый съвѣтъ противныихъ, нъ да прiимуть ю ангели Твои свѣтлiи, яко Ты еси, Господи, Споситель мой; сiяже творящя прости, Ты бо еси Богъ истины. Тебѣ слава въ вѣкы аминь. Си Святууму Глѣбу рекшю, и се прежереченый поваръ ставъ на колѣну закла главу Святууму и прерѣза гортань его, и тако Святый Глѣбъ предасть душю свою въ руцѣ Божiи мѣсяца Сентября въ 7 день. Оканьнiи же тыи изнесоша тѣло Святаго; повергоша въ пустыни подъ кладою.

с) ЧУДЕСА БОРИСА И ГЛѢБА.

Не лѣпо бѣ такому съкровищю съкровену быти подъ землею. Многожды ночiю на мѣстѣ томь видяаху, идеже лежащеть тѣло святою — — овогда свѣща, овогда стълпъ огньнъ съ небесе сущь. Аще бѣ сребро или злато съкровено будеть подъ землею, то мнози видять огнь горящь на томь мѣстѣ, то

и тоже дьяволу показающю сребролюбныхъ ради, кольми паче Богу лѣпо явити христолюбцемъ людемъ тѣло угоднику своею — — Близъ бо бѣ мѣста того, идеже лежааше тѣло святу страстотерпцю, приходяще изъ иноя страны Варязи стояаху. И се одинъ отъ нихъ не вѣды възиде на святую, ишедый пламы опали ему нозѣ — — отъ того часа не смѣяаху приближитися къ мѣсту тому. И того услышавше гражане, приходяще съ страхомь покланяахуся у гроба святааго. И сего ненавидя врагъ сътвори напасть сицеву: загорѣся ту сущая церкы образомь симь. Пономарь бо тоя церкве яко же по утрьнимь пѣтьи, омраченъ бывъ сномь отъ вселукаваго сотоны — — изиде съ тщанiемь въ домъ свой, забывъ свѣщя горящiя на высоцѣ мѣстѣ. И яко же по малу отъ того възгорѣся цьркъвь та. Но обаче и се въскорѣ узрѣвше вѣрнiи людiе, изнесоша вся сущая въ ней — — И вьсе мню я Божiимь попущенiимь сему быти, цьркови убо той худѣ сущи — — дабы же ина цьркы пакы възгражена была на томь мѣстѣ во имя всятою — — и тѣло же тою изнесено бысть любъвiю отъ ядръ земныихъ. — — —

— — Устависта же христолюбивый Ярославъ и преподобный митрополитъ Iоаннъ — — на всяко лѣто праздьникъ творити има, яко и нынѣ свершаеться. Таче потомь яко сконча святую литургiю, поятъ и благовѣрный князь Ярославъ на обѣдъ съ всѣми обрѣтшiимися ту. — — И еще имъ всѣмъ сущiимъ на святѣй литургiи, и человѣкъ хромъ, не могы ходити, съ трудомь великыимь прилѣзе къ рацѣ святою, моляашеся припадая. И яко приближишеся къ ракама, ту абiе утвердистася нозѣ его. — — Створи же христолюбець пиръ великъ — — не токмо боляромъ, нъ и всѣмъ людемъ, паче же нищимъ и всѣмъ вдовицямъ. — — Таче потомь христолюбець шьдъ въ столный градъ, повелѣ властелину града того даяти отъ дани церкви святою десятую часть. — —

— — Многа же чюдеса створи Богъ святыма своима страстотерпцема, еже аще по единому начали быхомъ писати, велико бы бремя книгъ. — —

— — Въ единъ же отъ днiй ишедъшю ми нѣкоего ради орудiя въ градъ, и сѣдъшю ми на единомь мѣстѣ, и се пришедъши нѣкая жена, сѣде близъ мене, ея же нѣсмь зналъ и до нынѣ. Повѣдааше же ся изъ иного града пришедши, яко отъ Бога подвижема. Повѣда ми яже о святою и о святѣемь отци Николѣ, и о блаженою страстотерпцю Борисѣ и Глѣбѣ, еже нынѣ азъ повѣдѣ вамъ — — бывшю убо, рече, дни праздничнууму святааго Николы, всѣмъ грядущемъ въ церковь его, она же вземъши дѣло свое начатъ дѣлати. Жены же ины видѣвше ю дѣлающю, начяшя ю вабити въ церковь, и поносити ю — — Она же не послуша ихъ, нъ пребываaше въ храмѣ своемь дѣлающи. И се внезапу възъѣхаша трiе мужи на дворъ ея въ бѣлыихъ ризахъ — — И бѣ единъ старъ, два уна обаполъ его, иже глаголаста ей: о жено, како смѣ прiобидѣти отца нашего Николу въ день его дѣлающи, въ церковь его не идущи. Она же отвѣща има, рекущи: азъ есмь жена вдова убога, да достоить ми дѣлати, и нѣсть ми требѣ въ церковь ходити. Глагола пакы

старый къ унима: что глаголѣта къ ней? нъ размещита храмъ о ней. Она же приступивша, разметаста храмъ до полу. И приступивъ старый ять ю за руку десную и изверже ю вонъ изъ храма. И бысть яко мертва — — Пребысть же тако до святаго и великаго поста — — Вземши же и несоша ю въ церковь святаго Николы — — И яко отъ сна въспрянувши, начатъ просити ясти — — рука же ей бѣ десная яко суха — — и тако пребысть лѣта 3 (Наконецъ она исцѣлена Борисомъ и Глѣбомъ).

д) заключеніе.

Видите ли, братіе, коль высоко покореніе, еже стяжаста святая къ старѣйшему брату. Си аще бо быста супротивилася ему, едва быста такому дару чюдеснуому сподоблена отъ Бога. Мнози бо суть нынѣ дѣтьстіи князи, не покоряющеся старѣйшіимъ и супротивящеся имъ и убиваеми суть. Ти не суть такой благодѣти сподоблени, яко же святая сія — — — Нъ послушайте глаголемыихъ яже о святою. Еда не бѣста святая сія яко и онъ, еда не того же ли отца быста сына, или вой не имѣста, и того ради не супротивистася ему? Нъ слышасте преже, егда придоша посланіи на погубленіе ею, что отвѣчаста сущіимъ съ нима? Еда хотяста супротивитися имъ? Нъ токмо молястася, да не противяться имъ, нъ и въ домы своя повелѣста имъ ити; уняста бо сама за вся умрети, подражающа самого Владыку — — иже положи душю свою за люди своя — —

— — Се же азъ Нестеръ грѣшный о житіи и погубленіи и о чудесѣхъ святою — — опаснѣ вѣдущіихъ исписавы, а другая самъ свѣды, отъ многыихъ мало вписахъ, да почитающе славять Бога. Молю же вы почитающе, да, любве ради Божія, вспоминайте мя и глаголите: Боже, молитвами преблаженою страстотерпцю Бориса и Глѣба очисти грѣхы списавшаагo си — — —

(Срезневскаго Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, ст. 5—9, 15—20, 23, 24, 28, 29, 33, 34. 35—37. 38—40).

II. Изъ житія Өеодосія Печерскаго.

а) Дѣтство Өеодосія.

Градъ есть, отъстоя отъ Кыева, града стольнаагo, 50 попьрищь, именемь Василевъ, въ томь бѣста родителя стятаагo, въ вѣрѣ крьстіаньстѣй живуща и всячьскыимь благочестіемь украшена. Родиста же блаженаагo дѣтеска сего, таче въ осмый день принесоста и (его) къ святителю Божію, якоже обычай естъ крьстіаномъ, да имя дѣтищю нарекуть. Прозвутеръ же,

видѣвъ дѣтища, и срьдьчьныима очима прозьря, еже о немь, яко хощеть измлада Богу датися, Θеодосіемь [1]) того нарицаеть. Таче же, яко и минуша 40 дний дѣтищю, крьщеніемь того освятиша. Отрочя же ростяаше, кърмимъ родителема своима, и благодать Божія съ нимь и духъ святый измлада въселися въ нь. Къто исповѣсть милосердіе Божіе, се бо не избьра отъ премудрыихъ философъ, ни отъ властелинъ града пастуха и учителя инокыимъ, нъ да о семь прославиться имя Господне, яко грубъ сы и невѣжа премудрѣй философъ явися. О утаеніи тайно, яко отъкюду же не бѣ начаятися, оттуду же въсія намъ [2]) дьньница пресвѣтла, якоже отъ всѣхъ странъ видѣвше свѣтѣніе ея, тещи къ ней, вся презрѣвше, тоя единоя свѣта насытитися.

Бысть же родителема блаженаего преселитися въ инъ градъ, Курьскъ нарицаемый, кънязю тако повелѣвъшю, начеже реку, Богу сице изволивъшю, да и тамо доблааго отрока житіе просіяеть, намъ же, яко же есть лѣпо, отъ въстока дьньница възидеть, събирающи окрьсть себе ины многы звѣзды, ожидающи сълнца правьдьнаего, Христа Бога, и глаголющи: се азъ, владыко, и дѣти, яже въспитаахъ духовьныимь твоимь брашьнъмь, и се, Господи, ученици мои, се бо сія ти приведохъ, ихже поучихъ вся житійская презрѣти и тебе, единааго Бога и Господа, възлюбити. Се, о владыко, стадо богословесьныихъ твоихъ овьць, и имъ же мя бѣ пастуха створилъ, и еже упасохъ на божественнѣй твоей пажити. — — —

Мы же пакы пойдемъ на прьвое исповѣданіе (повѣствованіе) святааго сего отрока. Растый убо тѣлъмь и душею, влекъмъ на любъвь божію, и хождааше по вся дни въ цьрковь Божію, послушая божественныихъ книгъ съ всѣмь въниманіемь; еще же и къ дѣтьмъ играющіимъ не приближаашеся, яко же обычай есть уныимъ, нъ и гнушаашеся игрamъ ихъ. Одежа же его бѣ худа и сплатана, о семь же многашьды родителема нудящема и облещися въ одежю чисту и на игры съ дѣтьми изити, онъ же о семь не послушааше ею, нъ паче изволи быти яко единъ отъ убогыихъ. Къ симъ же и дати я веля (просилъ родителей отдать его) на ученіе божественныихъ книгъ единуому отъ учитель, якоже и сътвориста), и вьскорѣ извыче вся граматикія, и якоже всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища, и о скорѣемь его ученіи. Покореніе же его и повиновеніе къто исповѣсть, еже стяжа въ ученіи своемь, не тъкъмо же къ учителю своему, нъ и къ вьсѣмъ учащіимъся.

Въ то же время отьць его житію коньць пріятъ. Сущю же тогда божествьнуому Θеодосію 13 лѣтъ, оттолѣ же начатъ на труды паче подвижьнѣй бывати, якоже исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ всякымъ

[1]) По гречески Богу отданный.
[2]) Отколѣ нельзя было ожидать, оттолѣ возсіяла.

съмѣреніемь. Мати же его оставляаше и, (д. е. дома) не велящи ему тако творити, моляаше и пакы облачитися въ одежю свѣтьлу, и тако исходити ему съ съвьрстникы своими на игры. Глаголааше бо ему, яко тако ходя, укоризну себѣ и роду своему твориши, (подвергаешь безчестію), оному о томь не послушающю ея, и якоже многашьды ей отъ великыя ярости разгнѣватися на нь и бити и, бѣ бо тѣлъмь крѣпъка и сильна, якоже и мужь. Аще бо кто и не видѣвъ ея, ти слышааше ю бесѣдующую, то начьняаше мьнѣти мужа ю суща. Къ симъ же пакы божьствьный уноша мысляаше, како и кыимь образъмь спасеться. Таче слыша пакы о святыихъ мѣстѣхъ, идѣже Господь нашь Іисусъ Христосъ плотію походи, и жадааше тамо походити и поклонитися имъ, и моляашеся Богу, глаголя: Господи, Іисусе Христе мой, услыши молитву мою и съподоби мя съходити въ святая твоя мѣста и съ радостію поклонитися имъ. И тако многашьды молящюся ему, а се пріидоша странници въ градъ тъ, иже и видѣвъ я (ихъ) божествьный уноша и радъ бывъ, текъ, поклонися имъ и любезно цѣлова я, и въпроси я, отъкуду суть и камо идуть; онѣмъ же рекъшемъ; яко отъ святыихъ мѣсть есма, и аще Богу велящю, хощемъ вспять уже ити, святый же моляаше я, да и поимуть въ слѣдъ себе и съпутьника и сътворять съ собою. Они же обѣщашася пояти и съ собою и допровадити и до святыихъ мѣстъ. Таче се слышавъ блаженый Ѳеодосій, еже обѣщаашася ему, радъ бывъ иде въ домъ свой. И егда хотяху страньніи отъити, възвѣстиша уноши свой отходъ. Онъ же, въставъ нощію, и не вѣдущю никомуже, тай изиде изъ дому своего, не имый у себе ничьсо же, развѣ одежя, въ нейже хожааше, и та же худа. И тако изиде въ слѣдъ страньныимъ. Благый же Богъ не попусти ему отъити отъ страны сея, его же изъ чрева матерьня и пастуха быти въ странѣ сей богогласьныихъ овьцъ назнамена, да не, пастуху убо отъшьдъшю, опустѣеть пажить, [1]) юже Богъ благослови, и търніе и вълчьць възрастеть на ней, и стадо разидеться. По трьхъ убо дьньхъ, увѣдѣвши мати его, яко съ страньныими отъиде, и абіе погна въ слѣдъ его, тъкъмо единаагo сына своего поимъши, иже бѣ мьній блаженааго Ѳеодосія, таче же, яко гънаста путь мъногъ, ти тако пристигъше, яста и, и отъ ярости же и гнѣва мати его, имши и за власы, и поврьже и на земли и своима ногама пъхааше ти и. И страньны же много коривъши, възвратися въ домъ свой, яко нѣкоего зълодѣя ведущи съвязана, тольми же гнѣвъмь одрьжима, яко и въ домъ ей пришьдъши, бити и, дондеже изнеможе. И по сихъ же въведши и въ храмъ (храмину, горницу), и ту привяза и, и затворьши и, тако отъиде. Божьственый же уноша вься си съ радостію пріимааше, и Бога моля, благодаряаше о вьсѣхъ сихъ. Таче пришьдъши мати его по двою днію, отрѣши и, и подасть же ему ясти. Еще же гнѣвъмь

([1] т. е. смерти св. Антонія, основателя печерской обитети.

одѣржима сущи, възложи на нозѣ его желѣза, ти тако повелѣ ему ходити, блюдущи, да не пакы отъбѣжить отъ нея, тако же сътвори дни многы ходя. Потомьже пакы умилосрьдивъшися на нь, нача съ мольбою увѣщевати и, да не отбѣжить отъ нея, любляаше бо и зѣло паче инѣхъ, и того ради не тьрпяаше безъ него. Ономуже обѣщявшюся ей не отъити отъ нея, съня желѣза съ ногу его, повелѣвъши же ему по воли творити, еже хощеть. Блаженый же Θеодосій на прьвый подвигъ възвратися и хожааше въ церковь божію по вся дьни.

(Послѣ того онъ начинаетъ печь просфоры, носить вериги; все это опять сердитъ мать. Услышавъ слова евангелія: „кто не оставитъ отца и матери, не достоинъ меня," Θеодосій уходитъ въ Кіевъ; ни въ одномъ монастырѣ его не принимаютъ, видя, что у него ничего нѣтъ. Наконецъ онъ принятъ въ обители св. Антонія).

Мати же его, много искавъши въ градѣ своемь и въ окрьстъныихъ градѣхъ, и яко не обрѣте его, плакаашеся по немь, лютѣ бьющи въ пьрси своя „яко и по мрьтвѣемь. И заповѣдано же бысть по всей странѣ тойаще кудѣ видѣвше того отрока, пришьдъше, възвѣстите матери его, и велику мьзду пріимуть о възвѣщеніи его. И се, пришьдъше отъ Кыева, и повѣдаша ей, яко преже сихъ 4 лѣтъ видѣхомъ и въ нашемь градѣ хотяща острѣщися (постричься) въ единомь отъ манастыревъ. И то слышавъши она, и не облѣнивъщися и тамо ити, и ни мало же помьдливъши, ни дългости же пути убоявъшися, въ преже реченый градъ иде на възисканіе сына своего, иже и пришьдъши въ градъ тъй, обьходи вься манастыря, ищющи его. Послѣдиже повѣдаша ей, яко въ пещерѣ есть у прьподобнааго Антонія. Она же и тамо иде, да и тамо обрящеть. И се начатъ старьця льстію вызывати, глаголющи: яко да речете прьподобьнууму, да изидеть. Се бо мьногъ путь гънавъши, пріидохъ, хотящи бесѣдовати къ тебѣ и поклонитися святыни твоей, и да благословлена буду и азъ отъ тебе. И възвѣщено бысть старьцю о ней, и се изиде къ ней. Егоже видѣвъши, и поклонися ему. Таче сѣдъшема има, начатъ жена простирати къ нему бесѣду многу, послѣди же обави вину, (открыла причину), ея же ради пріиде, и глаголааше же: молютися, отче, повѣжь ми, аще сде есть сынъ мой; много же си жалю его ради, не вѣдущи, аще убо живъ есть. Старьць же, сый простъ умъмь и не разумѣвъ льсти ея, глагола ей, яко сде есть сынъ твой, и не жали си его ради, се бо живъ есть. То же она къ нему: то чьто, отче, оже не вижю его; многъ бо путь шьствовавъши, пріидохъ въ сій градъ, тъкмо же да вижю си сына своего, ти тако възвращуся въ градъ свой. Старьць же къ ней отъвѣща: то аще хощеши видѣти и, да идеши нынѣ въ домъ, и азъ шедъ, увѣщаю и, не бо рачить (не хочетъ) видѣти кого, ти въ утрѣй день завтра пришьдъши, видиши и. Тоже слышавъши она, отъиде, чающи въ пріидущій дьнь видѣти и. Преподобный же Антоній, вън шедъ въ пещеру, възвѣсти вся

сія блаженууму Θеодосію, иже и слышавъ, съжалися зѣло, яко не може утаитися ея. Въ другый же дьнь пріиде пакы жена, старьць же много увѣщавааше блаженааго изити и видѣти матерь свою, онъ же не въсхотѣ. Тъгда же старьць ишьдъ, глагола ей: яко много молихъ и, да изидеть къ тебѣ, и не рачить. Она же къ тому уже не съ съмѣреніемь начатъ глаголати къ старьцю, съ гнѣвъмь великъмь въпіяаше: о нуже старьца сего, яко имый сына моего и съкрывъ и въ пещерѣ, не рачить ми его явити. Изведи ми, старьче, сына моего, да си его вижу, и не трьплю бо (не могу) жива быти, аще не вижу его. Яви ми сына моего, да не зло умьру. Се бо сама ся погублю предъ двърьми печеры сея, аще ми не покажеши его. Тъгда Антоній, въ скърби велицѣ бывъ и въшедъ въ пещеру, моляаше блаженааго Антоній, да изидеть къ ней. Онъ же, не хотя ослушатися старьца, изиде къ ней. Она же видѣвъши сына своего въ таковѣй скърби (изнеможеніи) суща, бѣ бо уже лице его измѣнило ся отъ многаaго его труда и въздьржанія, и охопивъшися емь, (обьняла его) плакаашеся горько, и одъва мало утѣшивъши ся, сѣде и начатъ увѣщавати христова слугу, глаголющи: поиди, чядо, въ домъ свой, и еже ти на потребу и на спасеніе душя, да дѣлаеши въ дому си по воли своей, тъкмо же да не отълучайся мене, и егда ти умьру, ты же погребеши тѣло мое, ти тъгда възвратишися въ пещеру сію, яко же хощеши. Не трьплю бо жива быти, не видящи тебе. Блаженый же рече къ ней то аще хощеши видѣти мя по вься дни, иди въ сій градъ, и въшьдъши въ единъ манастырь женъ, и ту остризися, и тако приходящи сѣмо, (сюда) видиши мя, къ симъ же и спасеніе душя пріимеши. Аще ли сего не твориши, то истину ти глаголю: къ тому лица моего не имаши видѣти. Сицѣми же и инѣми многыими наказаніи пребывааше по вься дни увѣщавая матерь свою, онѣй же о томь не хотящи понѣ послушати его. И егда отъхожааше отъ него, тъгда блаженый, въшедъ въ пещеру, моляшеся Богу прилѣжно о спасеніи матере своея и о обращеніи сердца ея на послушаніе. Богъ же услыша молитву угодьника своего — — Въ единъ бо дьнь пришьдъши мати его, ему глагола: се, чадо, велимая вься тобою (что ты велишь) сътворю — — се бо отъ твоего ученія разумѣхъ, яко ничьто же есть свѣтъ сій маловременьный. Си слышавъ блаженый Θеодосій, възрадовася духомь и въшедъ, исъповѣда великууму Антонію, иже и слышавъ, прослави Бога, обратившаaго сердце ея на таковое покаяніе, и шедъ къ ней, и много поучивъ ю, еже на пользу и на спасеніе душя, и възвѣстивъ о ней княгыни, пусти ю въ манастырь женьскый, именуемъ святаaго Николы, и ту постриженѣ ей быти, и въ мнишьскую (монашескую) одежю облеченѣ, и поживъши же ей въ добрѣ исповѣданіи лѣта многа, съ миромь усъпе.

б) Смиреніе св. Феодосія.

Въ единъ день шедшу великууму Феодосью нѣкоего ради орудья (по нѣкоторому дѣлу) къ Христолюбцю Изяславу, далече ему сущю отъ града, таче яко пришьдъ, и до вечера ему бывшю орудія ради, и повелѣ христолюбець нощнааго ради поспанья ему, на возѣ допровадити до манастыря его. И яко бысть идыи путемь, и возя (везшій) его видѣ въ такой одежѣ суща, мнѣвъ, яко единъ отъ убогыихъ есть, глагола ему: Черноризче! Се бо ты по вся дьни празденъ еси, азъ же труденъ сый, се не могу на конѣ ѣхати; но сице азъ лягу на возѣ, ты же мози на конѣ ѣхати. Тоже блаженый съ всякыимь смиреньемь въставъ, сѣде на конѣ, оному легшю на возѣ: идяще путемь радуяся и славя Бога. Егда же въздрѣмаашеся, тогда сѣдъ (ссѣдалъ, сходилъ съ коня) и текъ идяаше въскрай коня, дондеже утрудяашеся; и тако пакы на конь всѣдяаше. Таче уже зарямъ сущіимъ, и вельможамъ идущіимъ ко Князю, издалеча познавше Блаженааго, съ сѣдше съконь покланяахуся ему. Тогда же глагола отроку: се уже, чядо, свѣтъ есть; всяди на конь свой. Онъ же видѣ, яко вси покланяахуся ему, ношаашеся въ умѣ, и, трепетенъ сы, въставъ и въсѣдъ на конь, и поиде тако путемь, преподобнууму Феодосью на возѣ сѣдшю. Вси же боляре срѣтше покланяахуться ему. Везущему же болѣ страха прибываашe. Таче дошедшю ему манастыря, и се ишедше вся братія поклонишася ему до земля. Тъ же отрокъ болшіимь ужасеся, помышляя въ себѣ, кто се есть, еже тако вси поклоняються ему. И емъ и (его) за руку Преподобный введе въ тряпезницю; таче повелѣ ему дати и ясти и пити елико хощеть. Еще же и кунами тому подавъ, отпусти и. Си же повѣда братіи самъ то повозникъ, Блаженууму о семь никому же не явившю.

в) Феодосій и Святославъ.

Бысть въ то время смятенье нѣкако отъ вселукаваго врага въ трехъ князехъ, братіи сущіимъ по плоти, на единааго старѣйшаго брата, Христолюбца, иже по истинѣ Христолюбца, Изяслава. Тоже также прогнанъ бысть отъ града стольнааго. Онѣма пришедшіима въ градъ отъ, посылаета же по блаженааго отца нашего Феодосья, бѣдяща (убѣждая; прося) того прити къ нѣма на обѣдъ, причаститися (стать участникомъ) неправьднѣемь тѣмь съвѣтѣ (совѣтѣ). То же иже бѣ исполненъ Духа Святаго Преподобный — иже разумѣвъ, еже не праведнууму сущу изгнанью, еже о Христолюбци, глаголеть посланууму, яко не имамъ ити на тряпезу Езавелину и причаститися брашьна того, исполнь убо крови, убійства. И ина же многа укоризна гла-

голавъ, отпусти того, рекъ, яко да възвѣстиши вся си пославшіимъ тя. Но обаче она аще слышаста сія, но не възмогоста прогнѣватися на нь; видяща бо праведнаагo суща человѣка Божія; ни пакы же послушаста того, но устремистася на прогнанье брата своего; иже отъ всея тоя области отъгнаста того; и тако възвратистася вспять, (назадъ) единому сѣдшю на столѣ томь брата и отца своего, другому же възвратившюся въ область свою. Тогда же отець нашь Феодосій, наполнився Духа Святаагo, нача того обличати, яко неправедно сътворивша, не по закону сѣдша на столѣ томь, яко отца си, брата старѣйшаагo прогнавше. То жестоко обличааше того: овъгда (иногда) епистолья пиша, посылааше тому; овогда же велможамъ его приходящіимъ къ нему обличааше того о неправеднѣемь прогнаніи брата, веля тѣмъ повѣдати тому. Сеже послѣже вписа къ нему епистолью (письмо) велику зѣло, обличая того и глаголя: Гласъ крове брата твоего въпиеть на тя къ Богу, яко Авелева на Каина. Инѣхъ многыихъ древніихъ гонитель и убойникъ братоненавидникъ приводя (т. е. приводя ему въ примѣръ) и притчами тому вся, еже о немь, указавъ и тако вписавъ и посла. Яко то прочьте епистолью ту, разгнѣвася зѣло, яко левъ рикнувъ на Праведнаагo, и удари тою о землю; якоже оттолѣ промчеся вѣсть, еже на поточенье осужену быти Блаженууму. То же братія въ велицѣ печали бывше и моляхуть Блаженаагo остатися и не обличати его. То же тако же отъ боляръ мнози приходяще повѣдааху ему гнѣвъ княжь на того сущь и моляхуть и не супротивитися ему. Се бо, глаголааху, на заточенье тя хочеть послати. Си же слышавъ Блаженый, яко о заточеньи его рѣша, возрадовася духомь и рече къ тѣмъ: Се бо о семь велми радуюся, братіе, яко ни что же ми блаже (лучше) въ житіи семь. Еда богатьства, имѣнья лишенье нудить мя, или дѣтій отлученье и селъ опечалуеть мя? Ничьто же отъ таковыихъ принесохомъ въ миръ ось; но нази родихомся; тако же подобаеть намъ нагомъ преити отъ свѣта сего: тѣмь же готовъ есмь или на поточенье, или на смерть. Оттолѣ начатъ того укоряти о братоненавидѣньи; жадааше бо зѣло, еже поточену быти. Но обаче онъ, аще велми разгнѣвався бѣ на Блаженаагo, но не дерзну ни единаагo же зла, ни скорбьна сътворити тому: видяаше бо мужа преподобнаагo и праведна суща его: якоже преже многажды его ради завидѣше брату своему, еже такова свѣтилника имать въ области своей, якоже сповѣдааше слышавъ отъ того черноризецъ Павелъ, игуменъ сы отъ единаагo манастыря сущіихъ въ области его. Блаженый же отець нашь Феодосій много молимъ бывъ отъ братіи и отъ велможь, наипаче же разумѣвъ, яко ничьто же успѣеть тѣми словесы тому, останися (оставилъ) его; оттолѣ не укоряше его о томь, помысливъ же въ себѣ, яко уне есть молбою того молити, дабы възвратилъ братъ си (брата своего) въ область свою.

Не по мнозѣхъ же днехъ разумѣвъ благый Князь приложенье блаженаагo Феодосья отъ гнѣва, и утишенье же отъ обличенья того, възрадовася зѣло; издавна бо жадааше бесѣдовати съ нимь, духовныихъ словесъ его насыти-

тися. Тачe посылаеть къ Блаженуума, аще повелить тому пріити въ манастырь свой, или ни. Оному повелѣвшю тому пріити, то же сь съ радостью въставъ приде и съ боляры въ манастырь его. И великууму Феодосью съ братіею пришедшю изъ церкви, по обычаю срѣтшю того, поклоншемуся, якоже лѣпо, Князю, и тому же цѣловавшю Блаженаaго, тачe глаголааше ему: Се, отче, не дързаахъ прити къ тебѣ, помышляя, еда како гнѣваяся на мя, и не въпустиши насъ въ манастырь. То же Блаженый отвѣща: что бо, благый Владыко! успѣеть гнѣвъ нашь, еже на державу твою. Но се намъ подобаеть обличити, и глаголати вамъ, еже на спасенье душя; и вамъ лѣпо есть послушати того. Тако же вшедшема въ церковь, и бывши молитвѣ сѣдоста; блаженууму Феодосью наченшю глаголати тому отъ святыихъ книгъ, и много указавшю ему о любви брата, и оному пакы многу вину износящу на брата своего, и того ради не хотящу тому съ тѣмь мира створити. И тако пакы по мнозѣ бесѣдѣ той отыде Князь въ домъ свой славя Бога, яко сподобися съ тацѣемь мужемь бесѣдовати. И оттолѣ часто приходяаше къ нему духовнааго того брашна насыщаяся паче медвена съта (сота). Се же суть словеса блаженааго, яже исходяхуть отъ медоточивыихъ устъ тѣхъ!

Многашьды (много разъ) же великый Феодосій къ тому ходяаше; и тако въспоминааше тому страхъ Божій, и любовь, еже къ брату. И воединъ отъ дній шедшю къ тому благууму богоносьнууму отцу нашему Феодосью, яко вниде въ храмъ (въ комнату) идѣже бѣ Князь, сѣде; и се видѣ многыя играющя предъ нимь: овы гусельныя гласы испущающе, другыя же органныя гласы поюще, инѣмъ пискы гласящіимъ; и тако всѣмъ играющіимъ и веселящіимся, яко же обычай есть предъ Княземь. Блаженый же бѣ въкрай его сѣдяй и долу нича (поникнувъ головой). И яко мало въсклонився, и рече къ тому: то будеть ли сице на ономь свѣтѣ? То же ту абіе съ словомь Блаженааго умилися, и мала прослезися; повелѣ тѣмъ престати. И оттолѣ аще коли приставляаше тыя играти, ти слышааше Блаженааго пришедша, то повелѣвааше тѣмъ престати отъ таковы игры. И многашьды пакы егда взвѣстяхуть приходъ тому Блаженааго, то же того тако срѣтааше радуяся предъ двермии храму, и тако вхожаста оба въ храмъ. Се же якоже веселяся, и глаголааше преподобнууму: Се, отче! истину ти глаголю, яко аще быша ми възвѣстили отца въставшааго отъ мертвыихъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоемь, не быхъ того тако боялъ, или сумнѣлъ, яко же преподобныя твоея душя. Блаженый же: то же аще тако боишися мене, тогда сътвори волю мою, възврати брата своего на столъ, иже ему благовѣрный отець твой предасть. Онъ же о семь умолча, не могый что отвѣщати къ симъ. Толми (до такой степени) бо бѣ врагъ (дьяволъ) ражеглъ (его) гнѣвомь на брата своего, яко ни слухомь хотяаше того слышати. Отець же нашь Феодосій бѣ по вся дни и нощи моля Бога о Христолюбцѣ Изяславѣ; еще же въ октеніи веля того поминати, яко столному тому князю и старѣйшю всѣхъ, сего же, (т. е. Святослава) яко, рече, чрезъ законъ сѣдшю на столѣ томь, не веляаше по-

минати въ своемъ манастыри. О семь же едва умоленъ бывъ отъ братіи, повелѣ того съ нимь (т. е. обоихъ) номинати; и обаче же первое Христолюбца (Изяслава), тогда сего благаaго (Святослава).

(Чтенія М. О. И. и Д. 1858, III, л. 1 — 3, 5 — 6, 14 — 15, 24—26. Переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ приведенъ по переложенію житія Св. Өеодосія на совр. языкъ пр. Филарета Черниговскаго. Зап. II отд. Ак. Наукъ, кн. II, вып. II):

НАЧАЛЬНЫЙ ЛѢТОПИСЕЦЪ.

А) ВСТУПЛЕНІЕ.

СЕ ПОВѢСТИ ВРЕМЯНЬНЫИХЪ ЛѢТЪ, ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО ВЪ КІЕВѢ НАЧА ПЕРВѢЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ.

Се начнемъ повѣсть сію. По потопѣ тріе сынове Ноеви раздѣлиша землю: Симъ, Хамъ, Афетъ. – — —Живяаху кождо въ своей части. Бысть языкъ единъ; и оумножившемъся человѣкомъ на земли, помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека. И собрашася на мѣстѣ Сенаръполи здати столпъ до небесе и градъ около его Вавилонъ, и создаху столпъ то за 40 лѣтъ, несвершенъ (неоконченъ) бысть. И сниде Господь Богъ видѣти градъ и столпъ, и рече Господь: се родъ единъ, и языкъ единъ. И съмѣси Богъ языкы, и раздѣли на 70 и 2 языка, и разъсѣя по всей земли. По размѣшеньи же языкъ, Богъ вѣтромь великыимь разруши столпъ, и есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона.

По разрушеньи же столпа и по раздѣленьи языкъ, пріяша сынове Симови въсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны, Афетови же пріяша западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ же 72 языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова Нарци, еже суть Словѣни. По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомь мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемь Морава и прозвашася Морава, а друзіи Чеси нарекошася; а се тиже Словѣни: Хровате бѣліи, и Серебь, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣны на Дунайскыя, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови (иные) пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутучи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне; а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; рѣчькы ради, яже вътечеть въ Двину, имянемь Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимь именемь, и сдѣлаша

градъ, и нарекоша и Новъгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ. Тако разидеся Словѣньскый языкъ; тѣмьже и грамота прозвася Словѣньская.

Поляномъ же живщемъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки; и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, изъ негоже озера потечеть Волховъ, и вътечеть въ озеро великое Ново, того озера внидеть устье въ море Варяжьское (Балтійское) и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по томуже морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понотъ (Черное) море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаага лѣса, и потечеть на полъдне; а Двина изъ тогоже лѣса потечеть, а идеть на полунощье, и внидеть въ море Варяжьское; изъ тогоже лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ въ море Хвалисьское (Каспійское). Тѣмьже и изъ Руси можеть ити въ Болгары и въ Хвалисы, на въстокъ доити въ жребій Симовъ; а по Двинѣ въ Варягы, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова. А Днѣпръ втечеть въ Понетьское море жереломь, еже море словеть Руское, по нему же училъ святый Оньдрѣй братъ Петровъ, якоже рѣша: Оньдрѣю учащю въ Синопіи и пришедшю ему въ Корсунь, увидѣ, яко изъ Корсуня близь устье Днѣпрьское, въсхотѣ поити въ Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрьское; оттоле поиде по Днѣпру горѣ (вверхъ), и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Заутра въставъ и рече къ сущіимъ съ нимъ ученикомъ: видите ли горы сія, яко на сихъ горахъ восіяеть благодать Божія, имать градъ великъ быти? и церкви многы Богъ въздвигнути имать. Вършедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идеже послѣже бысть Кыевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словѣны, идеже ныне Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють, хвощються, и удивися имъ. Иде въ Варягы, и приде въ Римъ, исповѣда елико научи, и елико видѣ, и рече имъ: дивно видѣхъ Словѣньскую землю; идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древены, и пережьгуть е рамяно, (накалятъ жарко) совлокуться, и будуть нази, и облѣються квасомь усніяныимь, и возмуть на ся прутье младое, бьють ся сами и того ся добьють, егда влѣзуть ли (еле) живи, и облѣються водою студеною, тако ожіуть, и то творять по вся дни не мучими никымьже, носами ся мучать, и творять не мовенье собѣ, а мученье. Ты слышаще дивлахуся; Оньдрѣй же бывъ въ Римѣ, приде въ Сюнофію.

Полемъ же живщемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братья бяху Поляне, и живяаху кождо съ своимь родомь и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомь своимь. Быша 3. братья, единому имя Кый а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяаше Кый на горѣ, гдѣже ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяаше на горѣ, гдѣ ныне зоветься Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ негоже прозвася Хоре-

вица. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшааго и нарекоша имя ему Кыевъ; бяаше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяаху ловяще звѣрь; бяаху мужи мудри и смыслени, нарицаахуся Поляне, отъ нихже есть Поляне въ Кыевѣ и до сего дне. Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кый есть перевозникъ былъ; у Кыева бо бяаше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра; тѣмь глаголаахут: на перевозъ на Кыевъ. Аще бо бы перевозникъ Кый, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кый княжааше въ родѣ своемь. Приходившю ему ко Царю, якоже сказають, яко велику честь пріялъ отъ Царя, при которомь приходивъ Цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, хотяаше сѣсти съ родомь своимъ, и не даша ему ту близь живущіи; еже и до нынѣ наричють Дуици городище Кыевець. Кыеви же пришедшю въ свой градъ Кыевъ, ту животъ свой скончa; а братъ его Щекъ, и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася. — —

Словѣньску же языку, якоже рекохомъ, жіущу на Дунаи, придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекоміи Болгаре, сѣдоша по Дунаеви, населници Словѣномъ быша. Посемь придоша Угри бѣліи, наслѣдиша землю Словѣньску. Си бо Угри почаша быти при Ракліи Цари, иже находиша на Хоздроя Царя Перьскаaго. Въ си же времена быша и Обри, ходиша на Аръклія Царя, и мало его не яша. Си же Обри воеваахут на Словѣнѣхъ, и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяаху женамъ Дулѣпьскыимъ. Аще поѣхати будяаше Обърину, не дадяаше въпрячи коня, ни вола, но веляаше въпрячи 3. ли, 4. ли, 5. ли женъ въ телѣгу и повести Обърѣна: такоже мучааху Дулѣбы. Быша бо Обьри тѣломь велици и умомь горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Обьринъ; есть притъча въ Руси и до сего дне: погыбоша акы Обри, ихже нѣсть племени, ни наслѣдъка. По сихъ же придоша Печенѣзи; пакы идоша Угри черніи мимо Кыевъ; послѣ же при Олзѣ.

(Лѣтопись Несторова, изд. Тимковскаго, стр. 1—7).

б) НАЧАЛО РУСИ.

Въ лѣто 859. Имааху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери, и на всѣхъ Кривичѣхъ, а Козари имааху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имааху по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма.

Въ лѣто 860 *), въ лѣто 861. Изъгнаша Варягы за море, и не даша имъ дани, и почяша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ; быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ собѣ: поищемъ собѣ Князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша

*) Годъ пустой, т. е. о немъ лѣтописцу ничего неизвѣстно.

за море къ Варягомъ къ Руси; сице бо ся звааху ты Варязи Русь, яко се друзіи зовуться Свое, друзіи же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте; тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣни, и Кривичи: вся земля наша велика и обилна, а наряда (строя, порядка) въ ней нѣтъ; да поидѣте княжитъ и володѣтъ нами. И изъбрашася три братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ, а другый Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третій Изборьстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Руская земля Новугородьци. Ти суть людье Новугородьци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни. По дву же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ; и прія власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло озеро. И по тѣмъ городомъ суть находници (нашельцы, пришлецы) Варязи; а перьвіи насельници (первоначальные жители): в Новѣгородѣ Словѣне, Полотьстѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣ озерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома. И тѣми всѣми обладааше Рюрикъ; и бяаста у него два мужа не племени его, ни боярина, и та испросистася ко Царю-городу съ родомь своимь. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градокъ, и упрошаста, рѣста: чій се градокъ? они же рѣша: была суть три братья, Кый, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градок-ось, и изгыбоша, и мы сѣдимъ платяче дань Козаромъ. Асколъдо же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многы Варягы совокуписта, и начаста владѣти Польскою (полянскою) землею. — — —

Оумершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему сущю, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми.

Въ лѣто 880; въ лѣто 881. Поиде Олегъ, поимъ воя многы, Варягы, Чюдь, Словѣны, Мерю, и вся Кривичя, и приде къ Смоленьску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужь свой. Оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свои. Придоста къ горамъ хъ Кыевьскымъ, и увидѣ Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, похорони вои въ лодьяхъ, а другыя назади остави, а самъ приде нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя: яко гость есмь, идемъ въ Грекы отъ Олга и отъ Игоря Княжича; да придѣта къ намъ къ родомъ своимъ. Асколдъ же и Диръ придоста; выскакавъ же вси прочіи изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: вы нѣста Князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, (вынесоша Игоря) и се есть сынъ Рюриковъ. И убиша Асколда и Дира, несоша на гору, и погребоша на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорьское, кде нынѣ Олъминъ дворъ; на той могылѣ постави Олъма церковь святаго Николу; а Дирова могыла за святою Ориною. Сѣде Олегъ княжа въ Кыевѣ, и рече Олегъ: се буди мати градомъ Рускымъ. Бѣша у него Варязи и Словѣни, и прочи прозвашася Русью. Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ, и Мери; и Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 8, на лѣто мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяша Варягомъ.

Въ лѣто 883. Поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ я, имааше на нихъ дань по чернѣ кунѣ. Въ лѣто 884. Иде на Сѣверяны, и побѣди Сѣверяны, и възложи нань дань легъку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити, рька: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему. Въ лѣто 885. Посла къ Радимичемъ, рька: камо дань даете? они же рѣша: Казаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте, и въдаша Ольгови по щьлягу-якоже Козаромъ даяху. И бѣ обладая Олегъ Поляны, и Деревляны, Сѣверяны, и Радимичи, а Суличи и Тѣверци имяаше рать. — — —

Идоша Угри мимо Кыевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское, пришедъше къ Днѣпру, и сташа вежами; бѣша бо ходяще акы се Половци. Пришедъ отъ въстока и оустремишася черезъ горы великыя, и почаша воевати на жіущая ту Волхы и Словѣны. Сѣдяаху бо ту прежде Словѣни, и Волхове пріяша землю Словѣньску; посемь же Угри прогнаша Волъхы, и наслѣдиша землю, и сѣдоша съ Словѣны, покоривше я подъ ся: оттоле прозвася земля Угорьска. И начяша воевати Угри на Грекы, и поплѣниша землю Фрачьску и Македоньску даже и до Селуня, начяша воевати на Мораву и на Чахы. Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдяаху по Дунаеви, ихже пріяша Угри, и Морава, Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо первое преложены книгы Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскыихъ. (Стр. 12 — 16).

в) Крещеніе Славянъ, Кириллъ и Меѳодій.

Словѣномъ жіущіимъ крещеныимъ и Княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко Царю Михаилу глаголюще: земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ (наставилъ) и поучалъ ны, и протолковалъ святыя Книгы; не разумѣемъ ни Гречьску языку, ни Латыньску; они бо ны онаке учать, а они бо ны онако, (одни такъ, а другіе иначе) тѣмьже не разумѣемъ книжнааго образа, ни силы ихъ: и послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ ихъ. Се слыша Царь Михаилъ, и созва Философы вся, и сказа имъ рѣчи вся Словѣньскыихъ Князь, и рѣша Философи: есть мужь въ Селуни, именемъ Левъ; суть у него сынове разумиви языку Словѣньску, хитра два сына у него Философа. Се слышавъ Царь, посла по ня въ Селунь ко Львови, глаголя: посли къ намъ въскорѣ сына своя Мефодія и Костянтина. Се слыша Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко Цареви, и рече има: се приславлася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи учителя собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати святыя Книгы; сего бо желають. Умолена быста Царемь, и послаша я въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Къцьлови. Сима же пришедъшема, начаста съста-

вливати писмена азъбуковьная Словѣньскы, и преложиста Апостолъ и Еуангелье. Ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимь языкомь; посемьже преложиста Псалтырь и Охтаикъ и прочая Книгы. Нѣци же начаша хулити славянскыя книгы, глаголюще: яко не достоить никоторому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ Еврѣй, и Грекъ, Латинъ, по Пилатову писанью, еже на крестѣ Господни написа. Се же слышавъ Папежь Римьскый, похули тѣхъ, иже ропьщуть на Книгы Словѣньскыя, река: да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци; другое же: вси възъглаголють языци величья Божья, якоже дасть имъ Святыі Духъ отвѣщевати; да аще хто хулить Словѣньскую грамоту, да будеть отлученъ отъ цьркве, дондеже ся исправить; ти бо суть волци, а не овця, яже достоить отъ плода знати я, хранитися ихъ: вы же чяда Божья, послушайте ученья, и не отрините наказанья церковнааго, якоже вы наказалъ Мефодій учитель вашь. Костянтинъ же възратився въспять, и иде учить Болгарьскааго языка, а Мефодій оста въ Моравѣ. Посемь же Коцелъ Князь постави Мефодья Епискупа въ Паніи на столѣ святааго Онъдроника Апостола, единааго отъ 70 ученичъ святааго Апостола Павла. Мефодій же посади два попа скорописца зѣло, и приложи вся Книгы исполнь отъ Гречьска языка въ Словенескъ 6-ю мѣсяць, наченъ отъ Марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день Октября мѣсяца. Окончавъ же достойно хвалу и славу Богу въздасть, дающему таку благодать Епископу Мефодью. (Стр. 16 и 17.)

г) Смерть Игоря.

Въ лѣто 945. Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: отроци Свѣньльжи изодѣлися суть оружьемь и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышляаше къ первой дани, насиляаше имъ, и мужи его; возьемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущу же ему вспять, размысливъ рече дружинѣ своей: идите съданью домови, а я возъвращуся, похожю и еще. Пусти дружину свою домови, съ маломь же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со Князомь своимь Маломь: аще ся въвадить волкъ въ овця, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить. Послаша къ нему глаголюще: почто идеши опять? поималъ еси всю дань. И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня Деревлене, убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; есть могыла его у Искоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне.

д) Ольга и Святославъ.

Вольга же бяаше въ Кыевѣ съ сыномь своимь съ дѣтьскомь Святославомь, и кормилець его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, тоже отець Мистишинъ. Рѣша же Деревляне: се князя убихомъ Рускаатго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ, и Святослава, и створимъ ему, якоже хощемъ. И послаша Деревляне лучьшія мужя числомь 20 въ лодьи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымь въ лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи возлѣ горы Кыевскыя, и на Подольи не сѣдяаху людье, но на горѣ: градъ же бѣ Кыевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Нифовъ, а дворъ княжь бяаше въ городѣ, идеже есть дворъ Демьстиковъ; за святою Богородицею надъ горою дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва я Ольга къ собѣ: добри гостье придоша? И рѣша Деревляне: придохомъ, Княгыне. И рече имъ Ольга: да глаголете, что ради придосте сѣмо? Рѣша же Древляне: посла ны Дерьвьска земля, рькуще сице: мужа твоего убихомъ, бяаше бо мужь твой акы волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли (правили, какъ добрые пастыри) суть Деревьску землю; да поиди за князь нашь за Малъ; бѣ бо имя ему Малъ, князю Дерьвьску. Рече же имъ Ольга: люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрія предъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою, и лязите въ лодьи величающеся; азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьи; и възнесуть вы въ лодьи. И отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣемь внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ глаголюще: зоветь вы Ольга на честь велику. Они же рѣша: не ѣдемъ на конѣхъ, ни на возѣхъ, понесѣте ны въ лодьи. Рѣша же Кыяне: намъ неволя; князь нашь убьенъ, а княгыни наша хочеть за вашь Князь, и понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяаху гордящеся; и принесоша я на дворъ къ Ользѣ, несъше вринуша я въ яму и съ лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: добра ли вы честь? они же рѣша: пущи ны (хуже намъ) Игоревы смерти; и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. Пославши Ольга къ Деревляномъ, рече имъ: да аще мя просите право, то пришлите мужя нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашь Князь, еда (т. е. иначе) не пустять мене людье Кыевьстіи. Се слышавше Деревляне, собраша лучьшіи мужи, иже дерьжааху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедшіимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: измывшеся придѣте ко мнѣ. Они же пережьгоша истопку, и влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истопъку, и повелѣ зажечи я отъ дверій, ту изгорѣша вси. И посла къ Деревляномъ, рькущи сице: се уже

иду къ вамъ, да пристроите меды многы въ градѣ, идеже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомь его, и створю трызну мужю своему. Они же то слышавше, съвезоша меды многы зѣло, възвариша. Ольга же, поимши мало дружины легъко идущи, приде къ гробу его, плакася по мужи своемь, и повелѣ людемъ своимъ съсупати могылу велику; яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посемь сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; рѣша Деревляне къ Ользѣ: кдѣ суть дружина наша, ихъже послахомъ по тя? она же рече: идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего. Яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня (за нихъ), а сама отъиде кромѣ (прочь) и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляны. И исѣкоша ихъ а Ольга возъвратися Кыеву, и пристрои вои на прокъ (остатокъ) ихъ.

Въ лѣто 946. Ольга съ сыномь своимь Святославомь собра вои многи и храбры, и иде на Дерьвьску землю. Изидоша Деревляне противу; сънемъшемъся обѣма полкома наскупь, суну копьемь Святославъ на Деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, удари въ ногы коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: князь уже почялъ; потягнѣте, дружина, по князѣ. И побѣдиша Деревляны, Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга же устремися съ сыномь своимь, а Деревляне затворишася въ градѣ и боряахуся крѣпко изъ града; вѣдѣаху бо, яко сами убили князя, и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, не можааше взяти града, и умысли сице; посла ко граду, глаголющи: что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань. Деревляне же рекоша: ради ся бѣхомъ яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего. Рече же имъ Ольга: яко азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Кыеву, второе, и третьее, когда творихъ трызну мужеви своему; а уже не хощю мьщати, но хощю дань имати помалу, смирившися съ вами поиду опять. Рекоша же Деревляне: што хощеши у насъ? ради даемъ медомь. Она же рече имъ: нынѣ у васъ нѣсть меду, но мало у васъ прошю; дайте ми отъ двора по 3 голуби, да по 3 воробьи, азъ бо не хощю тяжькы дани възложити, якоже мужь мой; сего прошю у васъ мало, вы бо есте изънемогли во осадѣ; да сего у васъ прошю мало. Деревляне же ради бывше, и собраша отъ двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша къ Ользѣ съ поклономь. Вольга же рече имъ: се уже есте покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, и поиду въ град-ось. И Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людье въ градѣ. Ольга же раздая воемъ по голуби коемуждо, а другымъ по воробьеви, и повелѣ коемуждо голубю и къ воробьеви привязывати цѣрь (горючее вещество), обертывающе въ платкы малы, нитькою поверзывающе къ коемуждо ихъ; и повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубникы, врабьеве же подъ стрѣхы, и тако възгарaахуся голубь-

ници, ово клѣти, ово вежя, ово ли одрины. И не бѣ двора, идеже не горяаше, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася; и побѣгоша людье изо града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати я. Яко взя градъ и пожьже и, старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыихъ изби, а другыя работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И възложиша на ня дань тяжьку: 2 части дани идеша Кыеву, а третьяя Вышегороду къ Ользѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномь своимь и съ дружиною, уставляющи уставы и урокы; суть становища ея и ловища (мѣста лова, охоты). И приде въ градъ свои Кыевъ съ сыномь своимь Святославомь, и пребывши лѣто едино.

Въ лѣто 947 иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброкы и дани; ловища ея суть по всей земли, знаменья мѣста и повосты (погосты, мѣста гощенія); и сани ея стоять въ Плесковѣ и до сего дне; и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ; и есть село ея Ольжичи и доселе. И изрядивши, възвратися къ сыну своему Кыеву и пребываше съ нимь въ любъви.

Въ лѣто 948, въ лѣто 849. въ лѣто 950, 951, 952, 953, 954, 955. Иде Ольга въ Грекы, и приде Царюгороду. Бѣ тогда Царь имянемь Цѣмьскый [1]); и приде къ нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемь и смыслену, удививъся Царь разуму ея, бесѣдова къ ней и рекъ ей: подобна еси царствовати въ градѣ съ нами. Она же разумѣвши рече ко Царю: азъ погана есмь, да аще мя хощеши крьстити, то крьсти мя самъ; аще ли ни, то не крещюся. И крьсти ю Царь съ Патреархомъ. Просвѣщена же бывъши, радовашеся душею и тѣломь, и поучи ю Патреархъ о вѣрѣ, рече ей: благословена ты въ Рускыихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави; благословити тя хотять сынове Рустіи въ послѣдній родъ внукъ твоихъ. И заповѣда ей о церковномь уставѣ, о молитвѣ, и о постѣ, о милостыни, и о въздержаньи тѣла чиста. Она же поклонивши главу стояаше акы губа напаяема, внимающи ученья; поклонившися Патреарху, глаголющи: молитвами твоими, Владыко, да съхранена буду отъ сѣти непріязньны. Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя Царица, мати Великааго Костянтина. Благослови ю Патреархъ, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю Царь и рече ей: хощю тя пояти собѣ жену. Она же рече: како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ, и нарекъ мя дъщерью? а въ Хрестеянѣхъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси. И рече Царь: переклюкала (перехитрила) мя еси, Ольга. И дасть ей дары многы, злато и серебро, паволокы и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дъщерію себѣ. Она же хотящи домови, приде къ Патреарху, благословенья просящи на-домъ, и рече ему: людье мои погани и сынъ мой, дабы

---

[1]) Весь этотъ разсказъ объ Ольгѣ очевидно заимствованъ Несторомъ изъ устныхъ преданій.

[1]) Очевидно ошибка—царемъ былъ Константинъ Порфирородный.

мя Богъ съблюлъ отъ всякого зла. И рече Патреархъ: чядо вѣрное, во Христа крьстилася еси и во Христа облечеся; Христосъ имать съхранити тя: якоже съхрани Еноха въ первыя роды, и по томь Ноя въ ковчезѣ, Авраама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомлянъ, Моисѣя отъ Фараона, Давыда отъ Саула, 3 отрокы отъ пещи, Данила отъ звѣрій, тако и тя избавить отъ непріязни и отъ сѣтій его. Благослови ю Патреархъ, и иде съ миромь въ свою землю, и приде Кыеву. Се же бысть якоже при Соломанѣ; приде Царица Ефіопьская къ Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость видѣ и знаманья: такоже :: си блаженая Ольга искааше добрыя мудрости Божья, но она человѣчьскы, а си Божья. Ищющи бо мудрости обрящють.————Си бо отъ възраста блаженая Ольга искааше мудростью все въ свѣтѣ семь, налѣзѣ бисеръ многоцѣньный, еже есть Христосъ. Рече бо Соломанъ: желанье благовѣрныихъ наслаждаеть душю; и приложиши сердце твое въ разумъ; азъ любящая мя люблю, и ищющіи мене обрящють мя. Господь рече: приходящая ко мнѣ не ижену вонъ.

Си же Ольга приде Кыеву, и присла къ ней Царь Гречьскый, глаголя: яко много дарихъ тя, ты бо глаголааше ко мнѣ: яко аще возъвращуся въ Русь, многы дары пришлю ти, чельдь, воскъ, и вои въ помощь. Отвѣщавши Ольга и рече къ сломъ: аще ты, рьци (скажи), тажое постоиши оу мене въ Почаинѣ, якоже азъ въ Суду (гавани Цареградской), то тогда ти дамь. И отпусти слы сь рѣкъши. Живяаше же Ольга съ сыномь своимь Святославомь, и учашеть и мати крьститися, и небрежааше того, ни во уши прімати; но аще кто хотяаше крьститися, не браняаху, (не мѣшали) но ругаахуся тому. Невѣрнымъ бо вѣра Хрестьяньска юродьство есть; не смыслиша бо, ни разумѣша во тьмѣ ходящіи, и не вѣдять славы Господня: одебелѣша бо сердца ихъ, ушима тяжько слышати, очима видѣти! Рече бо Соломанъ: дѣлатели нечестивыихъ далече отъ разума; понеже звахъ вы и не послушасте мене, простроxъ словеса и не внимасте, но отметасте моя съвѣты, моихъ же обличеній не внимасте; възненавидѣша бо премудрость, а страха Господня не изволиша; ни хотяаху моихъ внимати съвѣтъ, подражааху же мои обличенья [1]). Якоже бо Ольга часто глаголашеть: азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь. Онъ же не внимааше того, глаголя: како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ? а дружина сему смѣятися начнуть. Она же рече ему: аще ты крестишися, вся имуть тоже створити. Онъ же не послуша матере, творяаше норовы поганьскыи, невѣдый, аще кто матере не послушаеть, въ бѣду впадаеть; якоже рече: аще кто отца, ли матере не послушаеть, тъ смерть пріиметь. Се же къ тому гнѣваашеся на матерь. Соломанъ бо рече: кажай (наказывающій, настав-

---

[1]) Въ книгѣ притчъ Соломона: «ругаахуся же моимъ обличеніемь» гл. I, ст. 30. Лѣтописецъ вѣроятно писалъ этотъ текстъ на память.

ляющій) злыя пріемлеть собе досаженье — — — не обличай злыхъ, да не възненавидять тебе. Но обаче любяаше Ольга сына своего Святослава, ркущи: воля Божья да будеть, аще Богъ хощеть помиловати рода моего и земля Рускыя, да възложить имъ на сердце обратитися къ Богу, якоже и мнѣ Богъ дарова И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужьства его и до взраста его.— —

Въ лѣто 964 князю Святославу възрастьшю и възмужавшю, начя вои совкупляти многы храбры, и легко ходя акы пардусъ, воины многы творяаше. Ходя возъ по себѣ не возяаше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углѣхъ испекъ ядяаше, ни шатра имяаше, но подъкладъ пославъ и сѣдло въ головахъ: такоже и прочіи вои его вси бяаху. Посылааше къ странамъ глаголя: хочю на вы ити. (Стр. 27—35).

Въ лѣто 968. Придоша Печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяаше Переяславци; и затворися Вольга въ градѣ со унуки своими, Ярополкомь и Ольгомь и Володимеромь, въ градѣ-Кыевѣ. И оступиша градъ въ силѣ велицѣ, бещислено множьство окола града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогааху же людье гладомь и водою. Собравшеся людье оноя страны Днѣпра въ лодьяхъ, объ ону страну стояаху, и не бѣ льзѣ внити въ Кыевъ ни единому ихъ, ни изъ града къ онѣмъ. Вступжиша людье въ градѣ и рѣша: нели кого, иже бы моглъ на ону страну доити и речи имъ: аще кто не приступить съ утра, предатися имамы Печенѣгомъ. И рече единъ отрокъ: азъ преиду, и рѣша: иди. Онъ же изиде изъ града съ уздою и ристааше сквозѣ Печенѣгы, глаголя: не видѣли ли коня никтоже? бѣ бо умѣя Печенѣжьскы, и мняхуть и своего. Яко приближися къ рѣцѣ, сверга порты (платье), сунуся въ Днѣпръ и побреде; видѣвше же Печенѣзи, устрѣмишася нань, стрѣляюще его, и не могоша ему ничтоже створити. Они же видѣвше съ оноя страны, и прiѣхаша въ лодьи противу ему, и взяша и въ лодью, и привезоша и къ дружинѣ, и рече имъ: аще не подъступите заутра къ городу, предатися хотять людье Печенѣгомъ. Рече же воевода ихъ, имянемь Прѣтичь: подъступимъ заутра въ лодьяхъ, и попадше Княгыню и Княжича, умчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ. Яко бысть, заутра вcѣдъше въ лодью противу свѣту и вструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша; Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно отъ града, и изиде Ольга со унукы и съ людьми къ лодьѣ. Видѣвъ же се Князь Печенѣжскый, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: кто се приде? и рече ему: лодья оноя страны. И рече князь Печенѣжьскый: а ты князь ли еси? онъ же рече: азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ, по мнѣ идеть полкъ со княземъ, бе-щисла множьство, се же рече, грозя имъ. Рече же князь Печенѣжскый къ Прѣтичю: буди ми другъ; онъ же рече: тако створю. И подаста руку межюсобою, и въдасть Печенѣжскый князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ

же дасть ему броня, щитъ, мечь. Отступиша Печенѣзи отъ града и не бяаше льзѣ коня напоити: на Лыбеди Печенѣзи. И послаша Кыяне къ Святославу, глаголюще: ты, княже, чужея земля ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ; мало бо насъ не взяша Печенѣзи, матерь твою и дѣти твои: аще не поидеши, ни обраниши насъ, да пакы ны возьмуть, аще ти не жаль отчины своея, ни матере стары сущи, и дѣтій своихъ. То слышавъ Святославъ, вборзѣ всѣде на коня съ дружиною своею, и приде Кыеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя; и съжалися о бывшемь отъ Печенѣгъ, и собра вои, и прогна Печенѣгы въ поле, и бысть миръ.

Въ лѣто 969. Рече Стятославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: нелюбо ми есть въ Кыевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходяться: отъ Грекъ злато, поволоци, вина, овощеве разноличныя; и-Щехъ (изъ Чехъ) же, изъ Урогъ (Угровъ Венгровъ) сребро и комони (кони); изъ Руси же скора (мѣха) и воскъ, медъ и челядь. Рече ему Вольга: видиши мя болную сущю; камо хощеши отъ мене ити? бѣ бо разболѣлася уже; рече же ему: погребъ мя, иди же, аможе хочеши. По трехъ днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемь великомь, несоша и погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвутеръ; сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущія Крьстьяньстѣй земли акы деньница предъ солнцемь и акы зоря предъ свѣтомь, си бо сіяаше акы луна въ нощи, тако и си въ невѣрнихъ человѣцѣхъ свѣтящеся акы бисеръ въ калѣ (грязи); кальни бо бѣша, грѣхъ неомовени крьщеньемъ святымь. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеся грѣховныя одежя ветхааго человѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеся, еже есть Христосъ. Мы же рцѣмъ къ ней: радуйся, Руское познанье къ Богу: начятокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалять Рустіи сынове, акы начальницю; ибо по смерти моляаше Бога за Русь. (Стр. 36—38.)

е) Гибель Святослава.

Въ лѣто 971. Приде Святославъ въ Переяславець, и затворишася Болгаре въ градѣ. И излѣзоша Болгаре на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляаху Болгаре, и рече Святославъ воемъ своимъ: уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьскы, братья и дружино! И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемь, и посла къ Грекомъ, глаголя: хочу на вы ити, взяти градъ вашь, яко и сей. И рѣша Грьци: мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы. Се же рѣша Грьци, льстяче подъ Русью. И рече имъ Святославъ: есть насъ 20 тысящь, и прирече

(прибавилъ) 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь только. И пристроиша Грьци 100 тысящь на Святослава, и не даша дани; и поиде Святославъ на Грекы, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь, убояшеся зѣло множьства вой, и рече Святославъ: уже намъ нѣкамо ся дѣти! волею и неволею стати противу, да не посрамимъ земля Рускыя, но ляжемъ костьми; мертвый бо срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду, аще моя глава ляжеть, то промыслите собою; и рѣша вои: идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ. И исполчишася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша Грьци; и поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне. И созва Царь боляры своя въ полату и рече имъ: што створимъ, яко не можемъ противу его стати? И рѣша ему боляре: посли къ нему дары—искуситъ и, любьзнивъ ли есть злату (охотникъ ли до него), ли паволокамъ (тканямъ)? И посла къ нему злато, и паволокы, и мужа мудра; рѣка ему: глядай взора, и лица его, и смысла его. Онъ же вземъ дары, приде къ Святославу. Повѣдаша Святославу, яко придоша Грьци съ поклономь, и рече: въведѣте я сѣмо. Придоша и поклонишася ему, положиша преди имъ злато и паволокы, и рече Святославъ, кромѣ (въ сторону) зря, отрокомъ своимъ: схороните. Они же придоша къ Царю, и созва Царь боляры, рѣша же посланіи: яко придохомъ къ нему, и вдахомъ дары, и не зрѣ на ня, и повелѣ схоронити. И рече единъ: искуси и еще, посли ему оружье. Они же послушаша его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша къ нему; онъ же пріимъ нача хвалити и любити, и цѣлова Царя. Придоша опять ко Царю и повѣдаша ему вся бывшая, и рѣша боляре: лютъ се мужь хочеть быти, яко имѣнья небрежеть, а оружье емлеть; имися по дань. И посла Царь, глаголя сице: не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши; за маломь бо бѣ не дошелъ Царяграда. И въдаша ему дань: имашеть же и за убьеныя, глаголя: яко родъ его возметь. Взя же и дары многы, и възвратися въ Переяславецъ съ похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече въ собѣ: еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене; бѣша бо мнози погыбли на полку; и рече: пойду въ Русь, приведу болѣ дружины. И посла слы ко Цареви въ Деревъстръ (бѣ бо ту Царь), рька сице: хочу имѣти миръ съ тобою твердъ и любовь. Се же слышавъ Царь, радъ бысть и посла къ нему дары больша первыихъ. Святославъ же прія дары и почя думати съ дружиною своею, рька сице: аще не створимъ мира со Царемь, а увѣсть Царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градѣ; а Руская земля далеча; а Печенѣзи съ нами ратьни, а кто ны поможеть? но створимъ миръ со Царемь, се бо ны ся по дань яли, и то буди довольно намъ; аще ли почнеть не управляти дани, да изнова изъ Руси, совкупивше вои, оумноживше, поидемъ Царюгороду. Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшія мужя ко Цареви; и придоша въ Деревъстръ, и повѣдаша Цареви. Царь же на утрія призва я, и рече Царь: да глаголють сли Рустіи.

Они же рѣша тако; глаголеть Князь нашь, хочу имѣти любовь со Царемь Гречьскыимь свершеную прочая вся лѣта. Царь же радъ бысть, повелѣ писцю писати вся рѣчи Святослава на харатью. — — —

Створивъ же миръ Святославъ съ Грекы, поиде въ лодьяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода отень (отцовъ) Свѣнделдъ: поиди, княже, на конихъ около, стоять бо Печенѣзи въ порозѣхъ. И не послуша его, поиде въ лодьяхъ, и послаша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: се идеть вы Святославъ въ Русь, веземъ имѣнье много у Грекъ и полонъ бещисленъ, съ малыми дружины. Слышавше же се Печенѣзи, заступиша пороги, и приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ: и ста зимовати въ Бѣлобережіи, и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту. Веснѣ же приспѣвъши,

Въ лѣто 979. поиде Святославъ въ пороги, и нападе нань Куря князь Печенѣжьскый, и убиша Святослава. Взяша главу его и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его и пьяху по немь; Свѣналдъ же приде Кыеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святославля лѣтъ 20 и 8. (Стр. 39 — 40.)

ж) Переходъ къ христіанству.

Въ лѣто 983. Иде Володимеръ на Ятвягы, и побѣди Ятвягы и взя землю ихъ, и иде Кыеву, и творяаше потребу кумиромъ съ людми своими. И рѣша старци и боляре: мьчемъ жребій на отрока и дѣвицю: на негоже падеть, того зарѣжемъ богомъ. Бяаше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкы Святыя Богородиця, юже сдѣла Володимеръ: бѣ же Варягъ тъ пришелъ изъ Грекъ, держааше вѣру Хрестьяньску и бѣ у него сынъ красенъ лицемь и душею, на сего паде жребіи по зависти дьяволи. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имый надо всѣми, и се бяшеть ему акы тернъ въ сердци, тьщаашеся потребити оканьный и наусти люди. Рѣша пришедше посланіи къ нему: яко паде жребій на сынъ твой, изволиша бо и бози собѣ; да створимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо бози, но древо; днесь есть, а утро изъгніеть; не ядять бо, ни пьють, ни молвять, но суть дѣлани рукама въ деревѣ; а Богъ есть единъ, емуже служать Грьци и кланяються, иже сътворилъ небо, и землю, и звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, далъ есть ему жить на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ. Они же шедше повѣдаша людемъ; они же вземше оружье, поидоша нань, и розъяша дворъ около его, онъ же стояаше на сѣнехъ съ сыномь своимь. Рѣша ему: вдай сына своего, да вдамы богомъ. Онъ рече: аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мой; а вы чему требуете? И кликнуша и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша я, и не съвѣсть никтоже, гдѣ положиша

я. Бяаху бо тогда человѣци невѣголоси и погани; дьяволъ радоваашеся сему, невѣдый, яко близь погыбель хотяаше быти ему. Тако бо тщаашеся погубити родъ Хрестеяньскый, но прогонимъ бяаше хрестомь честныимь и въ онѣхъ странахъ; сде же мняишеся оканьный: яко сде ми есть жилище, сде бо не суть Апостоли учили, ни Пророци прорекли. Невѣдый Пророка глаголюща: и нарекъ не-люди моя люди моя, о Апостолехъ бо рѣче: во всю землю изидоша вѣщанья ихъ, и въ конець вселеныя глаголи ихъ. Аще и тѣломь Апостоли не суть сде были, но ученья ихъ акы трубы гласять по вселенѣй въ церквахъ. Имьже ученьемь побѣжаемъ противнааго врага, попирающе подъ ногы; якоже попраста и си, пріимше вѣнець небесный съ святыими мученикы и праведникы.

Въ лѣто 984. Иде Володимеръ на Радимичя. Бѣ у него воевода Вольчій Хвостъ, и посла и Володимеръ передъ собою, Волъчія Хвоста. Сърѣте я на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди Радимичя Волъчій Хвостъ; тѣмь и Русь коряться Радимичемъ, глаголюще: Пищаньци волъчья хвоста бѣгають. Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ; пришедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне.

Въ лѣто 985. Иде Володимеръ на Болгары съ Добрыною съ уемь своимь въ лодьяхъ, а Торкы берегомь приведе на конѣхъ, и побѣди Болгары. Рече Добрына Володимеру: съглядаахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искатъ лапотниковъ. И створи миръ Володимеръ съ Болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша Болгаре: толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути. И приде Володимеръ Кыеву.

Въ лѣто 986. Придоша Болгары вѣры Бохмичя, глаголюще (т. е. Владиміру): яко ты Князь еси мудръ и смысленъ, но не вѣси закона; но вѣруй въ законъ нашь, и поклонися Бохмиту. И рече Володимеръ: како есть вѣра ваша? Они же рѣша: вѣруемъ Богу, а Бохмитъ ны учить, глаголя: свинины не ясти, вина не пити; дасть Бохмитъ комуждо по семидесятъ женъ красныихъ, изберетъ едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, та будеть ему жена. Володимеръ же слушааше ихъ, бѣ бо самъ любя жены, послушааше сладко; но се ему бѣ нелюбо о неяденьи мясъ свиныихъ, а о питьи отинудь, рька: Руси есть веселье пити, не можемъ безъ того быти. Потомь же придоша Нѣмьци, глаголюще: придохомъ посланіи отъ Папежа; и рѣша ему: реклъ ти тако Папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра паша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся Богу, иже створи небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть. Володимеръ же рече: кака заповѣдь ваша? они рѣша: пощенье по силѣ; аще кто пьеть или ясть, то все въ славу Божью, рече учитель нашь Павелъ. Рече же Володимеръ Нѣмцемъ: идѣте опять, яко отци наши сего не пріяли суть. Се слышавше Жидове Козарьстіи придоша, рекуще: слышахомъ, яко приходиша Болгаре и Хрестеяне, учаще тя кождо

вѣрѣ своей; Хрестеяне бо вѣрують, егоже мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу Авраамову, Исакову, Яковлю. И рече Володимеръ: что есть законъ вашъ? они же рѣша: обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити. Онъ же рече: то гдѣ есть земля ваша? они же рѣша: въ Ерусалимѣ. Онъ же рече: то тамо ли есть? они же рѣша: разъгнѣвася Богъ на отця нашя, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша Крестеяномъ. Онъ же рече: то како вы иныя учите, а сами отвержени отъ Бога и расточени? аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашь, то не бысте расточени по чюжiимъ землямъ: еда намъ тоже мыслите прiяти?

Посемь же прислаша Грьци къ Володимеру Философа, глаголюще сице: слышахомъ, яко приходили суть Болгаре, учаще тя прiяти вѣру свою, ихъ же вѣра оскверняеть небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ человѣкъ, уподобльшеся Содому и Гомору, на няже пусти Господь каменье горюще, и потопи я, и погрязоша; яко и сихъ ожидаеть день погыбели ихъ, егда придеть Богъ судитъ земли, и погубитъ вся творящая безаконья и скверны дѣющая — — — Слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима поучить васъ къ вѣрѣ своей, ихъ же вѣра маломь съ нами разъвращена (малымъ отъ нашей разнится); служать бо опрѣсноки, рекше оплатки, ихъже Богъ не преда, но повелѣ хлѣбомь служити. И преда Апостоломъ, прiемъ хлѣбъ: се есть тѣло мое, ломимое за вы, такоже и чашю прiемъ, рече: се есть кровь моя новаго завѣта. Си же того не творять, суть не исправили вѣры. Рече же Володимеръ: придоша ко мнѣ Жидове, глаголюще: яко Нѣмци и Грьци вѣрують въ негоже мы распяхомъ. Философъ же рече: въистину въ того вѣруемъ, тѣхъ бо Пророци прорѣцааху, яко Богу родитися, а друзiи, распяту быти, и погребену, а 3-й день воскреснути и на небеса взити; они же Пророкы избивааху, другыя претирааху. Егда же сбысться прореченье сихъ, съниде на землю, и распятье прiя, и въскресъ, на небеса взиде; на сихъ же ожидааше покаянья за 46 лѣтъ, и не покаяшася и посла на ня Римляны, грады ихъ разбиша, и самы расточиша по странамъ, и работають въ странахъ. Рече же Володимеръ: то что ради сниде Богъ на землю, и страсть такую прiя? отвѣщавъ же Философъ рече: аще хощеши послушати, да скажу ти изъ начала, чьсо ради сниде Богъ на землю. Володимеръ же рече: послушаю радъ. И нача Философъ глаголати. (За этимъ слѣдуетъ полное изложенiе св. исторiи отъ сотворенiя мiра; вотъ сюда-то и вошло многое изъ Палеи).

Въ лѣто 987. Созва Володимеръ боляры своя и старця градскыя, и рече имъ: се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькуще: прими законъ нашь; посемь же приходиша Нѣмци и ти хваляаху законъ свой; по сихъ продоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, хуляще вси законы, свой же хваляще и много глаголаша сказающе отъ начала мира, о бытьи всего мира; суть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ, и дру-

гый свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть (де), въ нашю вѣру ступить, то пакы, оумеръ, станеть и не умрети ему въ вѣкы; аще ли въ инъ законъ ступить, то на ономь свѣтѣ въ огнѣ горѣти: да что ума придаете? что отвѣщаете? И рѣша боляре и старци: вѣси, Княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужя; пославъ испытай когождо ихъ службу, и како служить Богу. И бысть люба рѣчь Князю и всѣмъ людемъ; избраша мужя добры и смыслены числомь 10, и рѣша имъ: идѣте первое въ Болгары, и испытайте первое вѣру ихъ. Они же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланянье въ ропати (капищѣ); придоша въ землю свою, и рече имъ Володимеръ: идѣте пакы въ Нѣмця, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте пакы въ Грекы. Они же придоша въ Нѣмця и съглядавше церковную службу ихъ, придоша Царюгороду, и внидоша ко Царю; Царь же испыта, коея ради вины придоша, они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ Царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ во отже день. Наутрія посла къ Патреарху, глаголя сице: придоша Русь пытающе вѣры нашея, да пристрои церковь и крилосъ, и самъ причинися въ святительскыя ризы, да видять славу Бога нашего. Се слышавъ Патреархъ, повелѣ создати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и ликы съставиша. И иде съ ними въ церьковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ показающе красоту церковную, пѣнья и службы Архіерѣйскы, предстоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего; они же во изумѣньи бывше, удивившесь, похвалиша службу ихъ. И призваша я Царя Василій и Констянтинъ, рѣста имъ: идѣте въ землю вашю. И отпустиша я съ дары великы и съ честью. Они же придоша въ землю свою, и созва Князь боляры своя и старця. Рече Володимеръ: се придоша посланіи нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее, и рече: скажите предъ дружиною. Они же рѣша: яко ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекше въ ропати, стояще безъ пояса; поклонився, сядеть и глядить сѣмо и онамо яко бѣшенъ, и нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ, нѣсть добро законъ ихъ. И придохомъ въ Нѣмця, и видѣхомъ въ храмѣхъ многы службы творящя, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И придохомъ же въ Грекы, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли; нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ съ человѣкы пребываеть, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще укусить сладко, послѣди горести не пріимаеть, тако и мы не имамы сде быти. Отвѣщавше же боляре рекоша: аще бы лихъ законъ Гречьскый, то не бы баба твоя пріяла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ. Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: гдѣ крещенье пріимемъ? они же рекоша: гдѣ ти любо. (Стр. 50—55, 72—74.)

з) Крещеніе Руси.

Володимеръ же посемь поемъ Царицю, и Настаса, и попы Корсуньскы съ мощьми святаага Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковьныя, иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу [1]), яже церкы стоитъ и до сего дне. Взя же, ида (идя), мѣдянѣ двѣ капищи, и 4. коня мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, якоже невѣдуще мнять я мрамаряны сущя. Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять Царицѧ дѣля [2]), а самъ приде Кыеву. Яко приде, повелѣ кумиры испроврещи, овы осѣчи, а другыя огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тетя жезліемь (бить палками). Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщааше симь образомь человѣка, да възмездье приметь отъ человѣкъ. Велій еси, Господи, чюдна дѣла твоя: вчера чтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакаахуся его невѣрніи людье, еще бо не бяаху пріяли святаага крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: аще кде пристанеть вы, то отрѣвайте и отъ берега, дондеже порогы пройдеть; то тогда охабитеся его. Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже и вѣтръ — —

Посемь же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: аще не обрящеться кто на рѣцѣ богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть. Се слышавше людье, съ радостью идяаху, радующеся и глаголяще; аще бы се не добро было, не бы сего Князь и боляре пріяли. Наутрія же изиде Володимиръ съ попы Царицины и съ Корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся бе-щисла людій, влѣзоша въ воду и стояаху ови до шія, а друзіи до персій, младіи же отъ берега, друзіи же млади держаще, свершеніи же бродяаху, попове же стояще молитвы творяаху. И бяаше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыихъ; а дьяволъ стеня глаголааше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сде бо мняахъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья Апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяахъся о службѣ ихъ, иже служааху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ (невѣждъ), а не отъ Апостолъ, ни отъ Мученикъ; не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ. Крестившіимъ же ся людемъ, идоша кождо въ домы своя, Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье

[1]) Приспа, т. е. насыпь, которую дѣлали Русскіе при осадѣ Корсуня, а Греки по ночамъ крали, т. е. уносили подземными ходами въ городъ.
[2]) Дѣля—ради царицы, т. е. Анны, на которой женился Владиміръ; за нее и возвратилъ онъ Корсунь въ видѣ вѣна (выкупа за невѣсту).

его, възрѣвъ на небо, рече: Боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и дажь имъ, Господи, увѣдѣти тобе истиньнааго Бога, якоже увѣдѣша страны Хрестьянскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнааго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его. И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояаху кумири; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идеже творяаху потребы Князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитыя чяди дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакаахуся по нихъ, еще бо не бяаху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакаахуся. Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьтѣй земли, глаголющее: во оны дни услышать глусіи словеса книжная, и ясьнъ будеть языкъ гугнивыихъ. Си бо не бѣша преди слышали словесе книжнааго, но по Божью строю, и по милости своей помилова Богъ, якоже рече Пророкъ: помилую, его же аще помилую. Помилова бо ны банею пакыбытья и обновленьемь духа, по изволенью Божью, а не по нашимъ дѣломъ. Благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, иже възлюби новыя люди, Руськую землю, просвѣти ю крещеньемь святыимь. (Стр. 81—83.)

и) поединокъ кожемяки съ печенѣжиномъ.

Въ лѣто 992. Иде (Володимеръ) на Хорваты. Пришедьшю бо ему съ войны Хорватьскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срѣте я на Трубежи на бродѣ, гдѣ нынѣ Цереяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не смѣяаху си на ону страну. И пріѣха князь Печенѣжьскый къ рѣцѣ, возва Володимера и рече ему: выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета; да аще твой мужь ударить моимь, да не воюемъ за три лѣта, аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта. И разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары, посла биричи по товаромъ, глаголя: нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномъ? и не обрѣтеся нигдѣже. Заутра пріѣхаша Печенѣзи и свой мужь приведоша, и въ нашихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко Князю и рече ему: Княже, есть у мене единъ сынъ меншій дома, а съ четырьми есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтьства бо его нѣсть кто имь ударилъ: одиною бо ми и сварящю, и оному мьнущю усніе (кожи); разнѣвавъся на мя, преторже череви рукама. Князь же се слышавъ, радъ бысть, посла понь, и приведоша и ко Князю, и Князь повѣда ему вся; сь же рече: Княже, не вѣмъ, могу ли ся, и да искусите мя; нѣту ли быка велика и силна? И налѣзоша быка велика и силна, и повелѣ раздраж-

дити быка; возложиша нань желѣза горячя, и быка пустиша, и побѣже быкъ мимо и, и похвати быка рукою за бокъ, и вырня кожю съ мясы, елико ему рука зая; и рече ему Володимеръ: можеши ся съ нимъ бороти. И наутрія придоша Печенѣзи, почаша звати: нѣ ли мужа? се нашь доспѣлъ. Володимеръ же повелѣ той нощи облещися въ оружье; и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ; и выступи мужь Володимерь, и узрѣ и Печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середній тѣломь. И размѣрившe межи обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и ястася, почяста ся крѣпко держати, и удави Печенѣзина въ руку до смерти, и удари имь о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томь и нарече и Переяславль; зане перея славу отрок-отъ. Володимеръ же възвратися въ Кыевъ съ побѣдою и съ славою великою. (стр. 86—87).

Для сравненія: Народная сказка о Кожемякѣ.

Около Кіева проявился змѣй, бралъ онъ съ народа поборы немалые: съ каждаго двора по красной дѣвкѣ; возметъ дѣвку да и съѣстъ ее. Пришелъ чередъ идти къ тому змѣю царской дочери [1]) Схватилъ змѣй царевну и потащилъ ее къ себѣ въ берлогу, а ѣсть ее не сталъ: красавица собой была, такъ за жену себѣ взялъ. Полетитъ змѣй на свои промыслы, а царевну завалитъ бревнами, чтобъ не ушла. У той царевны была собачка, увязалась съ нею изъ дому. Напишетъ бывало царевна записочку къ батюшкѣ съ матушкой, навяжетъ собачкѣ на шею; а та побѣжитъ куда надо, да и отвѣтъ еще принесетъ. Вотъ разъ царь съ царицею и пишутъ къ царевнѣ: узнай, кто сильнѣе змѣя? Царевна стала привѣтливѣй къ своему змѣю, стала у него допытываться, кто его сильнѣе. Тотъ долго не говорилъ, да разъ и проболтался, что живетъ въ городѣ Кіевѣ Кожемяка—тотъ и его сильнѣе. Услыхала про то царевна, написала къ батюшкѣ: сыщите въ городѣ Кіевѣ Никиту-Кожемяку, да пошлите его меня изъ неволи выручать. Царь, получивши такую вѣсть, сыскалъ Никиту-Кожемяку, да самъ пошелъ просить его, чтобы освободилъ его землю отъ лютаго змѣя и выручилъ царевну. Въ ту пору Никита кожи мялъ, держалъ онъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ; какъ увидалъ, что къ нему пришелъ самъ царь, задрожалъ со страху, руки у него затряслись—и разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ. Да сколько ни упрашивалъ царь съ царицею Кожемяку, тотъ не пошелъ супротивъ змѣя. [2]) Вотъ и

---

[1]) Варіантъ. Коли давали горожане, трéба й ему давать. (Кулиша, Записки о Южн. Руси II, 28).

[2]) Въ малороссійскомъ варіантѣ Кулиша посылають «самихъ старихъ людей: отъ одинъ

придумали собрать пять тысячъ дѣтей малолѣтныхъ, да и заставили ихъ просить Кожемяку; авось на ихъ слезы сжалобится! Пришли къ Никитѣ малолѣтные, стали со слезами просить, чтобъ шелъ онъ супротивъ змѣя. Прослезился и самъ Никита-Кожемяка, на ихъ слезы глядя [1]). Взялъ триста пудъ пеньки, насмолилъ смолою, и весь таки обмотался, чтобы змѣй не съѣлъ, да и пошелъ на него. Подходитъ Никита къ берлогѣ зміиной, а змѣй заперся и не выходитъ къ нему. „Выходи лучше въ чистое поле, а то и берлогу размечу“, сказалъ Кожемяка и сталъ уже двери ломать. Змѣй, видя бѣду неминучую, вышелъ къ нему въ чистое поле. Долго-ли, коротко-ли бился съ змѣемъ Никита-Кожемяка, только повалилъ змѣя. Тутъ змѣй сталъ молить Никиту; „не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильнѣй насъ съ тобой въ свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ по-ровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой“.—Хорошо, сказалъ Кожемяка, надо межу проложить. Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, запрегъ въ нее змѣя, да и сталъ отъ Кіева межу пропахивать; Никита провелъ борозду отъ Кіева до моря Кавстрійскаго. „Ну, говоритъ змѣй, теперь мы всю землю раздѣлили!“—Землю раздѣлили, проговорилъ Никита, давай море дѣлить; а то ты скажешь, что твою воду берутъ. Взъѣхалъ змѣй на середину моря. Никита-Кожемяка убилъ и утопилъ его въ морѣ. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двухъ саженъ. Кругомъ ее пашутъ, а борозды не трогаютъ; а кто не знаетъ, отъ чего эта борозда,—называютъ ее валомъ. Никита-Кожемяка, сдѣлавши святое дѣло, не взялъ за работу ничего, пошелъ опять кожи мять.

(Аѳанасьєва сказки, V, 20).

к) Владиміръ христіанинъ.

Видя люди Хрестьяны сущя, радоваашеся душею и тѣломь (Владиміръ) и тако по вся лѣта творяаше, бѣ бо любя словеса княжная. Слыша бо единою Еуангелье чтомо: блажени милостивіи, яко ти помиловани будуть, и пакы: продайте имѣнья вашя и дадите нищіимъ, и пакы: не скрывайте себѣ сокровищь на земли, идѣже тля тлить и татье подъкапывають; но скрывайте собѣ сокровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлить, ни татье крадуть. И Давыда глаголюща: блаженъ мужь милуя и дая. Соломона же слыша глаголюща: вдаяй нищему, Богу взаимъ даеть. Ти слышавъ, повелѣ всякому нищему и

зъ тихъ посланцивъ: „кахи!“ Кожемяка жахнувся, а дванадцать кіжъ тілько трісь, тріськ! Обернувсь до ихъ, а вони ему въ поясъ.... А винъ и не дывиться, и не слухаеть: розсердився, що черезъ ихъ та дванадцять кіжъ порвавъ“.

[1]) Далі схоменувся князь и послалъ до ёго малихъ дітей. Тиі—якъ заплакали, то й самъ Кожемяка не витерпивъ, заплакавъ, да й каже: «Ну, се жъ уже для васъ я роблю». (Кул. II, 29).

убогууму приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу питье и яденье, и отъ скотьницъ кунами. Устрои же и се, рекъ: яко немощніи и болніи не могуть долѣсти двора моего. Повелѣ пристроити кола (возъ); въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь розноличный, медъ въ пчелкахъ, а въ другыихъ квасъ, возити по городу въпрашающіимъ: гдѣ болніи и нищь немогый ходити? тѣмъ раздаваахy на потребу. Се же пакы творяаше людемъ своимъ по вся недѣля: устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити, и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцьскыимъ, и десяцьскыимъ и нарочитыимъ мужемъ, при Князи и безъ Князя: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяаше по изобилъю отъ всего. Егда же подъпьяахуться, начьняахуть роптати на Князь [1]) глаголюще: зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревянными лъжицами, а не сребрянными. Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ еще: яко сребромь и златомь не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискася злата и сребра. Бѣ бо Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи земленѣемь, и о ратѣхъ, и о уставѣ земленѣемь; и бѣ жива съ Князи околными миромь, съ Болеславомь Лядьскыимь, и съ Стефаномь Угрьскыимь, и съ Андрихомь Чешьскыимь, и бѣ миръ межю ими и любы. Живяаше же Володимеръ въ страсѣ Божьи, и умножишася разбоеве, и рѣша Епископи Володимеру: се оумножишася разбойници, почто не казниши ихъ? онъ же рече имъ: боюся грѣха. Они же рѣша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злыимъ, а добрыимъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомь. Володимеръ же, отвергъ виры, нача казнити разбойникы. (Стр. 88—90).

л) ОСАДА БѢЛГОРОДА.

Въ лѣто 997. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьныя воя на Печенѣгы (бѣ бо рать велика безперестани), въ сеже время увѣдѣша Печенѣзи, яко Князя нѣту, придоша и сташа около Бѣлагорода. И не дадяаху вылѣсти изъ города, и бысть гладъ великъ въ городѣ; и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, Печенѣгъ же множьство много. И удолжися остоя въ городѣ; и бѣ гладъ великъ, и сотвориша вѣче въ городѣ, и рѣша: се уже хочемъ померети отъ глада, а отъ Князя помочи нѣту; да луче ли ны померети? вдадимыся Печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираемъ отъ глада. И тако съвѣтъ створиша. Бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томь, и въпроша, что ради вѣче было? и людье повѣдаша ему, яко утро хотять ся людье передати Печенѣгомъ. Се слышавъ, посла по старѣйшины градьскыя и рече

[1]) Сравнить это мѣсто съ пирами Владиміровыми въ былинахъ.

имъ: слыхавъ, яко хочете ся передати Печенѣгомъ. Они жа рѣша: не стерпять людье глада. И рече имъ: послушайте мене, не передайтеся за 3. дни, и я вы что велю, створите. Они же ради обѣщашася послушати, и рече имъ: сберѣте по горсти овса, или пшениця; ли отрубъ. Они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжь, въ немьже варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и вставити тамо кадь, и нальяша цѣжя кадь, и повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадь. И повелѣ искати меду, они же шедше взяша меду лукно, бѣ бо погребено въ княжи медуши; и повелѣ расытити велми, и вльяти въ кадь въ друзѣмь колодязи. Утро же повелѣ послати по Печенѣгы; и горожане же рѣша шедше къ Печенѣгомъ: поимѣте къ собѣ таль (заложникъ) нашь, а вы поидѣте до 10 мужь въ градъ, да видите, что ся дѣеть въ градѣ нашемь? Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотять, пояша у нихъ таля, а сами избраша лучьшія мужя въ родѣхъ, и послаша въ градъ, да розглядають въ городѣ, что ся дѣеть? И придоша въ городъ, и рекоша имъ людье: почто губите себе? коли можете престояти насъ? аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити намъ? имѣемъ бо кормлю отъ земля; аще ли не вѣруете, да узрите своима очима. И приведоша я къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромь, и льяша въ латки: и яко свариша кисель, и поимше придоша съ ними къ другому кладязю, и почерпоша сыты; и почяша ясти сами первое, потомь же Печенѣзи. И удивишася, и рекоша; не имуть вѣры наши Князи, аще не ядять сами. Людье же нальяша корчагу цѣжя и сыты отъ колодязя, вдаша Печенѣгомъ; они же пришедше, повѣдаша вся бывшая. И варивше яша Князи Печенѣжьстіи, и подивишася; и поимше тали своя и онѣхъ пустивше, въсташа отъ града, въ своя си идоша.

(Тимковскаго Несторъ, стр. 90—92).

м) Смерть Владиміра.

Въ лѣто 1014. Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, приведе Варягы, боюся отца своего: но Богъ не вдасть дьяволу радости. Володимеру бо разболѣвшюся, въ сеже время бяше у него Борисъ; Печенѣгомъ идущемъ на Русь, посла противу имъ Бориса, самъ бо боляше вельми, въ нейже болести и скончася мѣсяца Іуля въ 15 день. Умре же на Берестовѣемь, и потаиша и, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ. Ночью же межю клѣтми проимавше помостъ, обертѣвше въ коверъ, и ужи съвѣсиша на землю; възложьше и на сани, везъше поставиша и въ святѣи Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвъше людье, бещисла снидошася и плакашася по немь, боляре, и акы заступника ихъ земля, убозіи акы заступника и кормителя; и вложиша и въ корсту мароморяну, схраниша тѣло его съ плачемь, блаженааго Князя. Се есть новый

Костянтинъ великааго Рима, иже крестивъся самъ и люди своя тако и сь створи подобно ему. Аще бо бѣ и преже на скверньную нохоть желая, но послѣже прилеже къ покаянью, якоже Апостолъ вѣщаваеть, идеже умножиться грѣхъ, ту изобильствуеть благодать. Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю. Мы же, Хрестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданью. Аще бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ въ прельсти дьяволи, якоже и прародители наши погынуша. Да аще быхомъ имѣли потщанье, и мольбы приносили Богу зань въ день преставленья его; и видя бы Богъ тщанье наше къ нему, прославилъ бы и: намъ бо достоить зань Бога молити, понеже тѣмь Бога познахомъ. Но дажь ти Господь по сердцю твоему, и вся прошенья твоя исполни, егоже желааше, царства небеснаaго: дажь ти Господь вѣнець съ праведными, въ пищи райстѣй веселье и ликъствованье съ Аврамомь и съ прочiими Патрiархы; якоже Соломонъ рече: умершю мужю праведну, не погыбаеть упованье. Сего бо въ память держать Русьстiи людье, поминающе святое крещенье, и прославляють Бога въ молитвахъ и въ пѣснехъ и въ псалмѣхъ, поюще Господеви, — новiи людье, просвѣщени святымь Духомь, чающе надежя великааго Бога и Спаса нашего Iисуса Христа, въздати комуждо противу трудомъ, неизреченьную радость, юже буди улучити всѣмъ Хрестьяномъ.

н) Убiенiе Бориса и Глѣба.

Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемь, и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье; они же примааху, и не бѣ сердце ихъ съ нимь, яко братья ихъ бѣша съ Борисомь. И Борису же възъвратившюся съ вои, не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: отець ти умерелъ. И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемь своимь паче всѣхъ, и ста на Льтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отня: се дружина у тобе отьня и вои, поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни; онъ же рече: не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшааго; аще и отець ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто. И се слышавше вои, разидошася отъ него, Борисъ же стояаше съ отрокы своими. Святополкъ же исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ прiимъ, посылая къ Борису, глаголааше: яко съ тобою хочю любовь имѣти, и къ отню придамъ ти, а льстя подъ нимь, како бы и погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду отай, призва Путшю и Вышегородьскыя болярьця, и рече имъ: прiяете ли ми всѣмь сердцемь? рече же Путьша съ Вышегородьци: можемъ главы своя сложити за тя. Онъ же рече имъ: не повѣдуче никомуже, шедше убiйте брата моего Бориса. Они же вскорѣ обѣщашася ему се створити. О сяковыихъ бо Соломонъ рече: скори суть пролити кровь безъ правды; ти бо обьщаються крови, сбирають себѣ злая; си путье суть скончавающiихъ безаконье, нечестьемь бо свою душю

емлють. Посланіи же придоша на Льто ночью, и подъступиша ближе, и слышаша блаженааго Бориса поюща заутреню; бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и. И вставъ нача пѣти, глаголя: Господи, что ся умножиша стужающіи мнѣ? мнози въстають на мя. И пакы: яко стрѣлы твоя уньзоша во мнѣ; яко азъ на раны готовъ, и болѣзнь моя предо мною есть. И пакы глаголааше: Господи, услыши молитву мою, и не вниди въ судъ съ рабомь своимь, яко не оправдиться предъ тобою всякъ живый, яко погна врагъ душю мою. И кончавъ ексапсалма, *) увидѣвъ, яко послани суть губитъ его, нача пѣти псалтырю, глаголя: яко обидоша мя унци тучни, и сборъ злобивыихъ осѣде мя; Господи Боже мой, на тя оуповахъ, и спаси мя и отъ всѣхъ гонящіихъ избави мя. Посемь же нача канунъ пѣти; таче кончавъ заутреню, помолися глаголя, зря на икону на образъ Владычьнъ, глаголя сице: Господи Іисусе Христе, иже симь образомь явися на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на крестѣ руцѣ своя, и пріимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, тако и мене сподоби пріяти страсть; се же не отъ противныихъ примаю, но отъ брата своего, и не створи ему, Господи, въ семь грѣха. И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своемь. И се нападоша акы звѣрье дивіи около шатра, и насунуша и копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на немь, прободоша съ нимь; бѣ бо сь любимъ Борисомь. Бяше отрокъ сь родомь сынъ Угърескъ, именемь Георгій, егоже любляаше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ нань гривну злату велику, въ нейже предъстояаше предъ нимь: и избиша же и ины отрокы Борисовы многы. Георгіеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шія, усѣкнуша главу его, и тако сняша; и тѣмь же послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупіи. Бориса же убивше оканьніи, увертѣвше въ шатеръ, взложивше на кола, повезоша и, и еще дышющю ему. Увѣдѣвше же се оканьный Святополкъ, яко еще дышеть, посла два Варяга прикончитъ его: онѣма же пришедшема, и видѣша, яко и еще живъ есть; единъ ею извлекъ мечь, проньзе и къ сердцю. И тако скончася блаженый Борисъ, вѣнець пріемъ отъ Христа Бога съ праведныими, причеться съ Пророкы и Апостолы, съ ликы Мученичьскыими водворяяся, Аврааму на лонѣ почивая, видя неизреченьную радость, въспѣвая съ Ангелы, и веселяся въ лику Святыихъ. И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкве святааго Василья. Оканьніи же си убіици придоша къ Святополку, акы хвалу имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступникомь: Путьша, и Талець, Еловитъ, Ляшько; отець же ихъ сотона. Сици бо слузи бѣси бывають; бѣси бо на злое посылаеми бывають, Ангели на благое посылаеми. Ангелъ бо человѣку зла не створяеть, но благое мыслить ему всегда, паче же Хрестьяномъ помогають, и заступають отъ супротивнаaго дьявола: а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему; понеже видять человѣка Богомь

*) Греч.—Шестипсалміс (читаемое утромъ).

почтена, и завидяще ему, на зло слеми скори суть. Золъ бо человѣкъ, тщася на злое, не хуже есть бѣса; бѣси бо Бога бояться, а золъ человѣкъ ни Бога боиться, ни человѣкъ ся стыдить; бѣси бо креста ся боять Господня, а человѣкъ золъ ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ рекъ: се убихъ Бориса, како бы убити Глѣба? пріемъ помыслъ Каиновъ, съ лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: поиди вборзѣ, отець тя зоветь, нездравить бо велми. Глѣбъ же, вборзѣ всѣдъ на коня, съ малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало; и приде Смоленьску, и поиде отъ Смоленьска яко зрѣемо, и ста на Смядинѣ въ насадѣ. Въ сеже время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти убьенъ отъ Святополка. Се слышавъ Глѣбъ, възпи велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами, глаголя: увы ми, Господи! луче бы ми умрети съ братомь, нежели жити на свѣтѣ семь; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое Ангельское, умерлъ быхъ съ тобою: нынѣ же что ради остахъ азъ единъ? гдѣ суть словеса твоя, яже глагола ко мнѣ, брате мой любимый? нынѣ уже не услышю тихааго твоего наказанья: да аще еси получилъ дерзновенье у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ туже страсть пріялъ; луче бо ми было съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прелестнѣемъ. И сице ему молящюся съ слезами, се внезапу придоша посланіи отъ Святополка на погубленье Глѣбу, и ту абье посланіи яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Отроци Глѣбови уныша; оканьный же посланый Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именемь Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба. Акы агня непорочно принесеся на жертву Богови, въ воню благоуханья, жертва словесная, и прія вѣнець; вшедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемаего брата своего, и радоваашеся съ нимь неизреченьною радостью, юже улучиста братолюбьемь своимь. Се коль добро и коль красно, еже жити братома вкупѣ! Оканьніи же възвратишася въспять, якоже рече Давыдъ: да възвратяться грѣшници въ адъ. Онѣмъ же пришедшіимъ, и повѣдаша Святополку: яко створихомъ повелѣная тобою. Онъ же се слышавъ, вознесеся сердце его болма, невѣдый Давыда глаголюща; что ся хвалиши о злобѣ, сильный? безаконье весь день умысли языкъ твой. Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемь же вземше везоша и, и положиша и у брата своего Бориса у церкве святааго Василья.

И съвкуплена тѣломь, паче же душама у Въладыкы Всецаря, пребывающа въ радости безконечнѣй, во свѣтѣ неизреченьнѣемь, подающа ицѣлебныя дары Русьстѣй земли, и инѣмъ приходящіимъ страннымъ съ вѣрою даета ицѣленье: хромыимъ ходити, слѣпыимъ прозрѣнье, болящіимъ цѣлбы, окованыимъ разрѣшенье, темницамъ отверзенье, печалнымъ утѣха, напастныимъ из-

бавленье, и еста заступника Русьтѣи земли, и свѣтилника сіяюща и молящася къ Владыцѣ о своихъ людехъ. Тѣмьже и мы должни есмы хвалити достойно Страстотерпца Христова, молящеся прилѣжно къ нима, рекуще: радуйтася, Страстотерпца Христова Русьскыя земля, яже ицѣленье подаета приходящіимъ къ вамъ вѣрою и любовью. Радуйтася, небесная жителя, въ плоти Ангела быста, единомысленая служителя, верста единообразна, Святыимъ единодушьна; тѣмъ стражющіимъ всѣмъ ицѣленье подаета. Радуйтася, Борисе и Глѣбе богомудрая, яко потока точита отъ кладязя воды живоносныя; ицѣленья истѣкають вѣрныимъ людемъ на ицѣленія. (Стр. 92—99).

Для сравненія. Народный стихъ о Борисѣ и Глѣбѣ.

Во славноемъ Кіевѣ градѣ
Жилъ себѣ Володиміръ князь,
Имѣлъ себѣ трёхъ сынòвъ:
Старѣйшій братъ, Апòлшій князь,
А мéньшихъ два брата, Борисъ и Глѣбъ.
Живши-бывши, Володиміръ князь
Сталъ своимъ чадамъ благословляти,
А удѣльными грàдами надѣляти:
Старѣйшему брату Черниговъ градъ.
Борису и Глѣбу Кіевъ градъ,
Живши-бывши Володиміръ князь
Въ домѣ своёмъ переставился.
Чады его возлюбленные
Со славою его погребали;
Разъѣзжалися во разныя страны:
Старѣйшій братъ въ Черниговъ градъ.
А Борисъ и Глѣбъ во Кіевъ градъ.
Живши-бывши старѣйшій братъ,
Старѣйшій братъ, Апòлшій князь
Въ умѣ своемъ разумѣ смѣшался;
И пишетъ князь зло-писаніе
Двумъ братамъ Борису и Глѣбу:
«Вы мéньшіе братья, святые князья,
«Святые князья, благовѣрные,
«Два брата мои, Борисъ и Глѣбъ!
«Прошу я васъ на пиръ пировать:
«Мы будемъ въ моёмъ домѣ отца поминать.»
Послы его прихождали,
И посыльный листъ приношали
Двумъ братамъ Борису и Глѣбу.
Два брата Борисъ и Глѣбъ
Посыльный листъ принимали,
Предъ матушкой прочитали:
И начали плакати-рыдати,
И жалобнымъ гласомъ причитати.
Имъ матушка говорила:
— Возлюбленные мои чада,
— Святые князья благовѣрные!
— Не ѣздите вы къ большòму брату въ гости:
— Къ старѣйшему брату Святополкію.
— Не на пиръ онъ зовётъ пировати,
— Не отца въ своёмъ домѣ поминати,
— Хочетъ онъ васъ затребити,
— Всею Росеей завладати,
— Со всѣми со удѣльными городами
— Со всѣми со вѣрными со слугами.—
Они матушки не слушались,
Садились на добрыхъ кòней,
Поѣхати къ большòму брату въ гости,
Къ старѣйшему брату и къ бòльшему князю.

Апòлшій князь, ненавистный-злой,
Не въ домѣ онъ братіевъ встрѣчаетъ,
Встрѣчаетъ далече въ чистомъ полѣ,
Свирѣпо на братьевъ взираетъ.
Два брата Борисъ и Глѣбъ
Видютъ они напасть свою,
Слѣзаютъ со дòбрыхъ кòней,
Упали гъ большòму брату въ ноги,
Старѣйшему брату Святополку;
Борисъ упалъ въ правую ногу,
А Глѣбъ упалъ въ лѣвую;
Начàли они плакать и рыдати,
И жалобнымъ гласомъ причитати:
«Любимый ты нашъ старѣйшій братъ,
«Старѣйшій братъ, а бòльшій князь!
«Не срѣжь ты глàвы незрѣлыя,
«Не пролей ты крови христіянской,

«Крови христіанской по напрасну!
«Возьми ты насъ въ рабы себѣ,
«Работай ты нами какъ рабами!»
А-большій князь, ненавистный-злой,
Ни на что злодѣй не воззираетъ,
Ни на плаканье, ни на рыданье,
Ни на жалобное ихъ причитанье:
Бориса взялъ копьёмъ вружилъ,
А Глѣба ножёмъ зарѣзалъ;
И повелѣлъ эти тѣла, Борисово,
Борисово и Глѣбово,
Затащить во темны лѣса.
И садился злой на добрый конь,
И сталъ разъѣзжать и похваляться:
«Слуги мои вѣрные!
«Топерича наша вся Росея,
«Со всѣми со удѣльными городами,
«Со всѣми со вѣрными со слугами!»
А Господь хвалы не слушаетъ,
Ссылаетъ Господь двоихъ ангеловъ
Со копіемъ со вострымъ;
Повелѣлъ Господь земли подрѣзати,
Подрѣзати и потрясати;
И они землю подрѣзали,
Подрѣзали и потрясали;
Земля съ кровію смѣшалася,
Вся вселенная ужаснулася,
Словно въ синіемъ морѣ волны всколыхалися.
Онъ думалъ, злодѣй, рай растворился,
Анъ самъ сквозь сырой земли провалился.
А тѣ тѣла, Борисово,
Борисово и Глѣбово,
Лежали ровно тридцать лѣтъ:
Ни звѣрь ихъ, ни птица не тронули,
Ни мрачное помраченіе,
Ни солнечное попеченіе.
Какъ тридцать лѣтъ миновалося,
Явилося явленіе:
Явился столбъ красный огненный,
Отъ земли и до нѣба;
Къ тому столбу огненному
Сходилися-соѣзжалися
Цари, власти и патріархи,
И всѣ православные христіане:
Служили молебны благочестны
Двумъ братамъ Борису и Глѣбу;
Святыя тѣла обрѣтоша намъ
Двухъ братьевъ Бориса и Глѣба:
Отъ святыхъ мощей было прощеніе;
Погребали ихъ, свѣтовъ, со славою.
А мы поёмъ славу Борисову;
Борисову славу и Глѣбову:
Во вѣки вѣковъ; аминь.

(Чтенія Истор. Общ. № 9-й 1848).

Изъ апокрифическаго завѣта двѣнадцати Патріарховъ,

ЗАВѢТЪ ІОСИФОВЪ.

Написаніе завѣта Іосифова, егда бяше ему умрети, и призвавъ сыны своя и братію свою, рече имъ: чяда моя и братія моя, послушайте Іосифа возлюбленаго отъ Израиля — — Азъ видѣхъ въ животѣ моемь зависть и смьрть, и не прельстихся, но пребыхъ во истинѣ Господнии. И братія моя си возненавидѣша мя, и Господь возлюби мя. Си хотѣша мя убити, но Богъ отець мой сохрани мя — — — Свѣдите, братія моя, како възлюби мя отець мой и не взносяахся въ умѣ своемь, а и дѣтескъ сый, имѣяахъ Божій страхъ. видѣхъ бо яко вся преидуть и смиряахся симь и чтяахъ братію мою, и страха ихъ дѣля молчаахъ продаемъ, не повѣдати Измаильтомъ рода моего, яко сынъ есмь Іаковль, мужа велика и сильна. И вы убо въ всѣхъ дѣлѣхъ вашихъ имѣйте предъ очима Божій страхъ и чтите братью вашю. Всякъ бо творяй законъ Божій возлюбленъ будеть отъ него. Пришедъ убо въ

Индокольтыты съ Измаилтяны, въпрошааху мене, и азъ глаголахъ имъ: рабъ есмь отъ дому; да не срамляю братія моея. Рече ми старѣйшій ихъ: нѣси ты рабъ, яко и образъ твой являеть о тебѣ. Прѣтяаше ми смертію, азъ же глаголахъ, яко рабъ есмь ихъ. - — —Пріидоша Измаильтени и слышавше, яко отецъ мой Іаковъ тужить по мнѣ, что яко глагола о себѣ, яко рабъ осмь, и се разумѣхомъ, яко сынъ мужа велика отъ земля ханаоня, и скорбить о тобѣ отець твой въ власяници. И зѣло хотѣхъ плакати и удрьжахся, да не осрамлю братія моея — — Видите ли, чяда моя, колико отерпѣхъ, да не срамлю братія моея, и вы убо възлюбите другъ друга, и въ долготрьпѣніи скрывайте уныихъ съгрѣшенія, веселить бо Богъ о единоумьи братія — — *).

(Тихонравова, памятники отреченной русской литературы, I, 213, 214, 219, 220, 221, 222).

Владиміръ Мономахъ.

Поученіе дѣтямъ.

Азъ худый, дѣдомь своимь Ярославомь, благословенымь, славнымь, нареченъ есмь въ крещеніи Василій, Русьскымь именемь Володиміръ, отцемь възлюбленымь и матерію своею Мономахы. — — Сѣдя на санѣхъ, помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дній грѣшнаго допровади. Да, дѣти моя, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ому же любо дѣтій моихъ, а приметь е въ сердце свое и не лѣнитися начнеть, такоже и тружатися.

Первое Бога дѣля и душя своея: страхъ имѣйте Божій въ сердци своемь, и милостыню творя неоскудну: то бо есть начятокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються, (пусть не сердятся) но тако се рекуть: на далечи пути, да на санѣхъ сѣдя, безлѣпицю си молвилъ. Усрѣтоша бо мя послы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича, и волость ихъ отъимемъ, иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ. И рѣхъ: аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити. И отрядивъ я, вземъ псалтырю, въ печали разгнухъ ю, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя, и проч. — —

*) Этотъ отрывокъ помѣщается здѣсь потому, что выраженная въ немъ идея братолюбія, близко подходя къ основной идѣе лѣтописнаго разсказа о Борисѣ и Глѣбѣ, заставляетъ предполагать въ этомъ мѣстѣ мысль русскаго человѣка, принадлежащую, по всей вѣроятности, періоду междуусобій.

Якожъ бо Василій [1]) учааше, собравъ ту юноша душею чисты, нескверны— — при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшіимъ покарятися, съ точными и меньшіими любовь имѣти, безъ лукы бесѣдующе, а много разумѣти, не сверѣповати словомь, ни хулити бесѣдою, не обильно смѣятися, срамлятися старѣйшіихъ, къ женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ. — — О Владычице Богородице! отъими отъ убогааго сердца моего гордость и буесть (безуміе), да не взношуся суетою міра сего, въ пустошнѣемь семь житьи. Научися, вѣрный человѣче, быти благочестный дѣлатель! научися по Евангельскуумy словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смиренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради: лишаемъ, не мьсти: ненавидимъ, любо гонимъ, терпи: хулимъ, моли: умертви грѣхъ; избавите обидима; судите сиротѣ: оправдайте вдовицю; придѣте, да сожжемся, глаголеть Господь: аще будуть грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее. Восіяеть весна постная, и цвѣтъ покаянія: очистимъ собѣ, братіе! Отъ всякоя крови плотьскыя и душевныя, свѣтодавцю вопьюще, рцѣмъ: слава тебѣ, человѣколюбче!

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человѣци грѣшни суще и смертни, кто оже (т. е. ежели кто) ны зло створить, то хощемъ и пожрети, и кровь его прольяти вскорѣ: а Господь нашь, владѣяй животомь и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего; яко отець чядо свое любя, бья, и пакы привлачить е къ собѣ, такоже и Господь нашь: показалъ ны есть на врагы побѣду 3 дѣлы добрыими, избыти его и побѣдити его, покаяньемь, слезами и милостынею: да то вы, дѣти моя, не тяжка заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3 избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3 дѣлъ тѣхъ, не бо суть тяжка: ни одиночьство, ни чернечьство, ни голодъ, яко иніи добріи терпять, но малымь дѣломь улучити милость Божью. — —

Послушайте мене, аще не всего пріимете, то половину. Аще вы Богъ умякчить сердце и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: якожь блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныихъ помилуй: и въ церкви то дѣйте, и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земля, али вы ся начнеть не мочи, а трижды, а того не забывайте, не лѣнитеся: тѣмь бо ночныимь поклономь и пѣньемь человѣкъ побѣждаеть дьявола; и что въ день согрѣшить, а тѣмь человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче, не будеть ни съ кымь орудья, (дѣла) аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а Господи помилуй зовѣте безпрестани въ тайнѣ, та бо есть молитва всѣхъ лѣпши (лучше), нежели мыслити безлѣпицю (т. е. глупости) ѣздя.

---

[1]) Василій Великій, отецъ церкви.

Всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива (виноватаго), не убивайте, ни повелѣвайте убити его: аще будеть повиненъ смерьти, а душя не погубляете ни какоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся Богомь, ни хреститеся, нѣту бо ти нужя никоея же: аще ли вы будеть Крестъ цѣловати къ братьи или къ кому, али управивше сердце свое на немьже можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не преступни погубите душя своея. Епископы, и попы, и игумены, съ любовью взимайте отъ нихъ благословенье, и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да пріимете отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, день живи, а за утра въ гробѣ: се все что ны еси вдалъ, не наше, но твое: поручилъ ны еси на мало дній: и въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ.

Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью, въ дому своемь не лѣнитеся, но все видите: не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣються приходящіи къ вамъ, и дому вашему, ни обѣду вашему.

На войну вышедъ не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью: и сторожя сами наряживайте, и ночь отвсюда нарядивше около вой, то же лязите: а рано встанѣте: а оружья не снимайте съ себе: въ борзѣ не разглядавше лѣноцами, внезапу бо человѣкъ погибаеть. Лжя блюдися, и пьянства, въ томь бо душа погибаеть и тѣло. Куда же ходяще путемь по своимъ землямъ, не давайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чуждымъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнуть. Куда же пойдете, идѣже станете, напойте, накормите унеина [1]) и болѣе же чтите гость, откуду же къ вамъ придеть, или простъ или добръ, или солъ, аще не можете даромь, брашномь и питьемь, ти бо мимоходяче прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрыимь, любо злыимь. Больнааго присѣтите: надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвеци есмы: и человѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите: жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти.

Се же вы конець всему, страхъ Божій имѣйте выше всего: аще забываете всего, а часто прочитайте, и мнѣ будеть безъ сорома и вамъ будеть добро.

Его же умѣюче, того не забывайте добраго, а его же не умѣюче, а

---

[1]) Унеина—по объясненію г. Буслаева, можетъ быть, унѣ ина, т. е. лучше накормите иного, кого нибудь. Истор. христ. стр. 4759. Шевыревъ унеина переводитъ—хозяина. Ист Р. Слов. т. II. стр. 195.

тому ся учите: яко же отець мой дома сѣдя изумѣяше 5 язык.: въ томь бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить: добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе: первое къ церькви, да не застанеть васъ солнце на постели. Тако бо отець мой дѣяше блаженый и вси добріи мужи свершенія, заутреню отдавше Богови хвалу, и потомь солнцу всходящу, и узрѣвше солнце и прославити Бога съ радостью: и рече: просвѣти очи моя, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ (остальное) грѣховъ своихъ покаявъся, оправдивъ животъ, тако похвалю Бога. И сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присуждено полудне, отъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птиця, и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, еже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы 13 лѣтъ (съ 13-ти лѣтъ). Первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятичя, посла мя отець, а самъ иде Курьску. И пакы 2-е къ Смоленьску, и т. д. (слѣдуетъ перечень всѣхъ походовъ Мономаха). А всѣхъ путій 80 и 3 великыихъ, а прока не испомню меншіихъ. И мировъ есмь створилъ съ половечьскыими князи безъ единого 20, и при отци и кромѣ (безъ) отца. — — — А се тружахся, ловы дѣя: — — конь дикыихъ своима рукама связалъ есмь въ пущахъ 10 и 20 живыихъ конь. — –

Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемь, олень мя одинъ болъ, а 2 лося, одинъ ногами топталъ, а другый рогама болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже: и Богъ невреженa мя соблюде, и съ коня много падаахъ, голову си разбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ своя вередихъ въ уности своей, не блюдя живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя, на посадникы не зря, самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемь, то я творилъ есмь и въ ловчіихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ, тоже и худааго смерда и убогыя вдовиця не далъ есмь силнымъ обидѣти, и церковнаaго наряда и службы самъ есмь призиралъ. Да не зазрите ми, дѣти моя, ни инъ кто прочетъ: не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога, и прославляю милость его, иже мя грѣшнаагo и худаагo селико лѣтъ соблюдъ отъ тѣхъ часъ смертныихъ, и не лѣнива мя былъ створилъ худаагo на вся дѣла человѣческая потребна. Да сю грамотицю прочитаюче, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога съ святыими его. Смерти бо ся, дѣти, не бояче, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть, оже бо язъ, (азъ, я) отъ рати и отъ звѣри и отъ

воды, отъ коня спадаяся, то ни кто же васъ не можеть вредитися и убити, понеже не будеть отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отъяти. — . —

О многострастный и печальный азъ! много борешися сердцемь, и одолѣвши душѣ серду моему, занѣ тлѣньнѣ суще, помышляю, како стати предъ страшнымь судьею, каянья и смѣренья (смиренія, примиренія) не пріимшіимъ межю собою.

Молвить бо, иже Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть, и паки: аще не отпустите прегрѣшеній брату, ни вамъ отпустить Отецъ вашъ небесный. Пророкъ вамъ глаголеть: не ревнуй лукавнующіимъ, ни завиди творящіимъ безаконье. Что есть добро и красно — братья вкупѣ! [1]) Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умныихъ дѣдѣхъ нашихъ, при добрыихъ и при блаженыихъ отцихъ нашихъ; дьяволъ бо не хочеть добра роду человѣчьскууму, сваживаетъ (ссоритъ) ны. Да се ти написахъ, зане принуди мя сынъ твой, его же еси хрестилъ, иже то сѣдить близь тобе, прислалъ ко мнѣ мужь свой и грамоту, река: ладимъся и смѣримся: а братцю моему судъ пришелъ; а вѣ ему не будевѣ местника (не будемъ отомстителями), но възложивѣ на Бога; а станутъ си предъ Богомь; а Русьскы земля не погубимъ. И азъ видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихся и Бога устрашихся, рекохъ: онъ въ уности своей и въ безумьи сице смѣряеться, на Бога укладаеть; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ. Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю пріимеши съ добромь, ли съ поруганьемь, свое же узрю на твоемь писаньи. Сими бо словесы варихъ (предварилъ) тя переди, его же почаяхъ отъ тебе смѣреньемь и покаяньемь, хотя отъ Бога ветхыихъ своихъ грѣховъ. Господь бо нашь не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хощеть, въ мгновеньи ока вся створити хощеть, то самъ претерпѣ хуленье и оплеванье и ударенье, и на смерть вдася, животомь владѣя и смертью; а мы что есмы человѣци грѣшніи? ли си день живи, а утро мертви, день въ славѣ и въ чти, а заутра въ гробѣ и безъ памяти, ини собранье наше раздѣлять. Зри, брате, отця наю: что взяста, или чимь има по ротѣ? по токмо оже еста створила души своей. Но да сими словесы послати бяше переди, брате, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и бяше тебѣ узрѣвъ кровь его и, тѣлу увянувшю, яко цвѣту нову процвѣтшю, якоже агнцю заколену, и рещи бяше, стоя надъ нимь, вникнути помыслы душя своея: увы мнѣ! что створихъ? и пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнааго (исполненнаго мечтаній, суетнаго) кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы; и рещи бяше Давыдскы: азъ знаю грѣхъ мой, предо мною есть воину (выну, всегда). — — —

---

[1]) Съ этихъ поръ начинается «Посланіе Мономаха къ Олегу Святославичу.»

А къ Богу бяаше покаятися, а ко мнѣ бяаше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да бихъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсній мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею за грѣхы своя: а Бога дѣля пусти ю ко мнѣ въ борзѣ съ первыимь словомь, да не съ нею кончавъ слезы посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ, желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ.

(Полн. Собр. Лѣтописей, т. I, стр. 100—106).

XII ВѢКЪ.

Даніилъ Паломникъ.

а) Приближеніе къ Іерусалиму.

И есть же святый градъ Іерусалимъ въ дебрѣхъ, около его горы каменни высокы. — — — Первое видѣти домъ Давыдовъ, а потомь мало подошедъ видѣти Елеонская гора и Святая Святыихъ, а потомь весь градъ видѣти. И ту есть гора ровна, близъ пути града Іерусалима, яко версты одноя вдалѣе, и на той горѣ ссѣдають людіе съ коній и пѣши вси людіе ходять и поклоняються Христіане Святууму Воскресенію. Бываеть же тогда радость всякому Христіанину велика, увидѣвшууму градъ святый Іерусалимъ; никто же бо можеть не прослезитись, видѣвъ землю желанную и мѣста святая, идѣ-же Христосъ Богъ нашего ради спасенія походи. И идуть вси пѣши съ радостію великою ко святууму граду Іерусалиму. Ту есть церковь св. Стефана первомученика у пути близъ, на лѣвой странѣ, тамо иды, на томь мѣстѣ побіенъ бысть каменіемь св. Стефанъ первомученикъ отъ Іудей, и гробъ его ту есть. Ту же есть гора каменна плоска, просѣлася въ распятіе Христово, и то зоветься: адъ; а то есть близъ стѣны городныя, яко мужь каменемь доверзжеть. Потомь входять во градъ св. Іерусалимъ вси людіе съ радостію великою вороты сущіими близъ дому Давыдова, та суть врата отъ Виѳлеома лицемь, и тѣ бо суть зовуться: Веніаминовы. И яко же внидущу въ градъ путь есть сквозѣ врата: на право же къ Святая Святыимъ, а на лѣво къ Святууму Воскресенію, идѣ-же есть Гробъ Господень.

б) Храмъ Воскресенія.

Есть же святая церковь та Воскресенія Христова кругла образомь. *)

*) Въ текстѣ тутъ слѣдуетъ вся мокачна. Покойный Прейсъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ (Ж. М. Н. П. 1861 г., Февр.) производилъ мокачный отъ божества Мокоши (ж. р.), которую онъ почиталъ соотвѣтствующею греч. Астартѣ, богинѣ красоты; отсюда мокачный—прекрасный. Въ изд. А. С. Норова приводится мнѣніе А. И. Тимоѳеева, что надо читать: всямо окачна, что значитъ—всюду округлая, закругленная (отъ существит: окатъ—округлость). Въ одномъ спискѣ Даніила Паломника про гробъ Господень сказано. весь окатомъ—вм. всямокаченъ.

въ длину и ширину сажень 30. Суть же у нея палаты пространны, и въ тѣхъ палатахъ живеть горѣ (вверху) патріархъ. Есть же отъ дверій гроба до стѣны великаагo олтаря сажень 12. И ту есть возлѣ стѣны за олтаремь: пупъ земный. Создана-же надъ нимь комара, а горѣ написанъ Христосъ мусіею (мозаикомъ). И глаголеть грамота (надпись): „се пядью моею измѣрихъ небо, а дланью землю.“ А отъ пупа земнаагo до Распятія Господня и Крайнева мѣста 12 сажень. Есть бо Распятіе Господне отъ Воскресенія къ востоку лицемь, на камени высоко было, кругъ же сего камене яко горка мала, посреди же камени того на верху высѣчена есть скважина яко локтя въ глубину, а ширѣ пяди, кругло. И ту былъ водруженъ Крестъ Христовъ. Исподи же подъ томь камнемь лежить глава Адама перваагo. Въ распятіе Господне, егда на крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предасть Духъ свой, тогда раздрася церковная катапетазма, и каменіе распадеся, тогда же той камень просѣдеся надъ главою Адомовою, и тою разсѣлиною сниде и вода изъ ребръ Іисусъ Христовыихъ на главу Адамлю, и омы грѣхы рода человѣча. Есть бо разсѣлина та на камени томь знать и до сего дне. — — — И есть же Распятіе Господне, и вся святая мѣста на удолнѣ мѣстѣ; есть бо возгорье отъ запада лицемь надъ Гробомь и надъ Распятіемь. Мѣсто идѣ-же плакася Святая Богородица, то мѣсто есть на пригоріи томь. На то мѣсто притече скоро Святая Богородица, тщащибося текущи въ слѣдъ Христа и глаголааше въ болѣзни сердца своего слезящи: „камо идеши чядо мое? И что ради теченіе се скоро течеши? Егда другый бракъ въ Канѣ Галилеи, да тамо ли тщишись, сыне мой и Боже мой; не молча мене отъиди сыне, рождшія тя? Дайже ми слово рабѣ твоей?“ И пріиде на мѣсто то Св. Богородица, и узрѣ съ горы тоя сына своего распинаема на крестѣ, ужасеся вельми, согнувшися сѣде, печалію и рыданіемь одержима бяше. И ту сбысться пророчество Симеона, яко рече о Святѣй Богородицѣ прежде: „се лежить на паденіе и на возстаніе многымъ во Израили; тебѣ же самой оружіе душю пройдеть, сирѣчь: егда узриши сына своего распинаема.“ Ту стояаху мнози на мѣстѣ томь друзи и знаеміи, издалече зряще: Марія Магдалина, Марія Іаковля и Соломія; ты стояаху вся; яже отъ Галилея пришедшя со Іоанномь, съ матерью Іисусовою и зрящя издалеча, яко-же пророкъ Давыдъ глаголеть о томь: „друзи-же мои и ближніи мои, прямо мнѣ приближишася, и ближніи мои отдалече мене сташа.“ А то мѣсто есть подалѣе отъ Распятія Христова, яко-жь полтараста саженъ далѣе на западъ лицемь отъ Распятія, а имя мѣсту тому: Спудія, еже протолкуеться: тщаніе Богородично. И есть на мѣстѣ томь монастырь во имя Святыя Богородиця, а въ немь церкы добра.

(Сахарова, Сказ. Р. Нар., т. II, стр. 13—15).

в) Сказаніе о Іорданѣ рѣцѣ.

Іорданъ рѣка течеть быстро, берегы-же имать обонъ полъ прекруты, отселѣ пологы. Вода-же его мутна, и сладка вельми пить, и нѣсть сыти піющіимъ воду ту святую, ни съ нея болить, ни пакости во чревѣ нѣсть. Всѣмъ есть подобенъ Іорданъ Сосновѣ рѣцѣ, *) и въ ширину, и въ глубину, лукаво же вельми и быстро течеть, тако-же яко Соснова рѣка, во глубинѣ есть 4 сажень среди самыя купѣли. Яко самъ собою искусихъ, измѣрихъ, пребродихъ на ону страну Іордана и много походихъ по брегу тому Іорданову любовно. Въ ширѣ-же Іорданъ рѣка, яко на устьи Соснова рѣка. Есть-же по сей странѣ рѣцѣ купѣли тоя, яко лѣсокъ малъ, древіе много и превысоко по берегу Іорданову, яко вербѣ подобно, не нѣсть верба; и звѣри мнози живуть; ту суть свинія дивія, безъ числа много, и пардуси (барсы) мнози ту суть. Львове-же суть обонъ полъ Іордана, въ горахъ каменныхъ. Другыя же горы суть подъ тѣми горами, 'бѣлы суть вельми; да то зоветься обонъ полъ Іордана: земля Завулоня и Неѳалимля. И ту есть мѣсто, яко двою дострѣлу вдалѣе, отъ рѣкы Іордана къ востоку лицемь, идѣ-же пророкъ Илія восхищенъ бысть на колесницѣ огненнѣй на небо: ту-же печера Ивана Предтечя; ту-же потокъ Ильинъ водный, течеть красно по камени во Іорданъ: вода та студена и сладка; ту воду пилъ Предтеча Христовъ, егда-же ту жилъ въ печерѣ святѣй той Ту-же и другая печера, идѣ-же жилъ Илья пророкъ съ Елисеомь, ученикомь его. То видѣхъ все очима своима грѣшныима. Сподоби-же мя Богъ трижды быть на Іорданѣ, и въ самый праздникъ водокрещенія быхъ на Іорданѣ, со всею дружиною моею видѣхомъ благость Божію, приходившую на воду Іорданскую. И множество народа безъ числа тогда приходять къ водѣ, со свѣщами, и всю ту нощь бываеть пѣніе изрядно, и свѣщь безъ числа горящѣ. Въ полунощи-же бываеть крещеніе воды. Тогда бо Духъ Святый исходить на воды Іорданскыя. Достойніи-жь человѣци видять добрѣ: како выходить духъ Святый, а вси народи не видять, но токмо радость и веселіе всякому человѣку бываеть тогда въ сердци, егда погрузять крестъ честный и егда рекуть: „Во Іорданѣ крещающутися Господи“; тогда вси людіе вскочать въ воду Іордана, крестящесь во Іорданстѣй рѣцѣ, яко-же Христосъ въ полунощи крестился есть отъ Іоанна. (стр. 19).

*) Соснова—рѣка въ Черниговской области, откуда, быть можетъ, былъ Даніилъ родомъ. Ср. Буслаева Христом., стр. 682, примѣч. 664, 11.

г) А се о свѣтѣ, како сходить ко гробу господню съ небесе.

Не видѣхъ зла ничто же на пути, ни отъ поганыхъ, ни болѣзни въ тѣлѣ не чуяхомъ ни мало; но всегда аки орелъ тѣломъ облегчаемъ, Божіею благостію укрѣпляемъ, яко еленъ крѣпко ходихъ безъ всякаго труда и безъ лѣности. Аще похвалитися подобаетъ, то силою Христа моего похвалюся: „сила бо моя въ немощѣхъ свершается“, глаголетъ бо Павелъ Апостолъ. Что воздамъ Господеви моему о всѣхъ, яже воздастъ мнѣ грѣшнуюму рабу своему, яко сподоби мя толику благодать видѣти и походити по святымъ мѣстомъ тѣмъ, и исполнити мя желанное сердца моего, его же нѣсмь надѣялся видѣти, и то яви ми рабу своему. Да простите мя, братіе, и отци и господіе иноси (монахи)! не зазрити моему худоумію и грубости моей, еже написахъ не хитро, но просто о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, и о градѣ Іерусалимѣ, и о всей земли обѣтованнѣй, обаче аще не мудро, но безо лжя, и яко-же видѣхъ очима своима, тако и написахъ.

И се ми показа Богъ видѣти худууму и недостойнууму рабу своему Даніилу иноку: видѣхъ бо очима своима грѣшныма по истинѣ, како сходить свѣтъ святый ко Гробу животворящууму Господа нашего Іисуса Христа. Мнози бо иніи страннищи не право глаголють о схожденіи Свѣта святааго. Иніи бо глаголють, яко Духъ Святый голубемъ сходить ко Гробу Господню; и друзіи бо глаголють: яко молнія сходить съ небесе, и тако вжигаються кандила надъ Гробомъ Господніимъ. То есть лжа и неправда; ничто же бо тогда видѣти — ни голубя, ни молнія; но тако невидимо сходить съ небесе благодать Божія, и вжигаються кандила надъ Гробомъ Господніимъ. Да о томъ скажу, яко-же видѣхъ по истинѣ.

Въ великую пятницу, по вечернѣ, потирають Гробъ Господень, и помывають кандила, сущая надъ Гробомъ Господніимъ, и наливають кандила вся та масла древянааго чистааго, безъ воды, одиного токмо масла, и вложать свѣтильня, и не вжигають свѣтиленъ тѣхъ, но тако оставляють свѣтильня та не возжена, и запечатлѣють Гробъ Господень во второй часъ нощи. Тогда изгасять вся кандила не токмо ту сущая, но и по всѣмъ церквамъ, яже во Іерусалимѣ. Тогда азъ худый и недостойный идохъ, въ пятницу великую, въ 1 часу дне, ко князю Балдвину, и поклонихся ему до земля. Онъ же, видѣвъ мя поклонившася, призва мя къ себѣ съ любовію, и рече ми: „что хощеши, игумене Русскый?“ — позналъ бо мя бяше добрѣ и любляше мя вельми, яко-же бяше мужь благъ, и смиренъ вельми и не гордить ся ни мало. Азъ же рекохъ къ нему: „Княже мой господине! молю ти ся, Бога дѣля, и князій дѣля (ради) Русскихъ: хотѣлъ быхъ и азъ поставити кандило свое на Гробѣ святѣемь Господнѣемь отъ всея Русскыя земля.“ И тогда князь съ радостію повелѣ ми поставити кандило, и посла

со мною мужа своего, слугу лучшаако, ко иконому Сватаако Воскресенія, и къ тому, иже держить Гробъ Господень. И повелѣста ми оба—икономъ и ключарь святаако Гроба Господня—принести кандило свое съ масломъ. Азъ же поклонихся има и шедъ на торгъ съ радостію великою, и купилъ кандило стеклянное велико, и наліяаху масла древянааго чистааго безъ воды, принесохъ но Гробу Господню, уже вечеру сущу, и умолихъ ключаря того единааго, и возвѣстихъ ему. Онъ же отверзъ двери Гроба Господня, и повелѣ ми выступити изъ калигъ (сапогъ), и тако босааго введе мя единого во Гробъ Господень съ кандиломъ, еже ношаахъ азъ. И повелѣ ми поставити своима рукама грѣшныима въ ногахъ; а въ головахъ стояаше кандило Греческое, а на персѣхъ святааго Гроба Господня кандило всѣхъ манастырь, а на средѣ Русское кандило, еже поставихъ азъ грѣшный. Благодатію же Божіею та 3 кандила возжглася тогда дольная; а Фряжская кандила повѣшена суть горѣ, а тѣхъ кандилъ ни едино не возгорѣся тогда. Азъ же поставивъ кандило свое на святѣемъ Гробѣ Господа нашего Іисуса Христа, и поклонихся честнууму тому Гробу Господню и облобызавъ съ любовію и со слезами мѣсто тое святое и честное, идѣ-же лежало тѣло пречистое Господа нашего Іисуса Христа; и изыдохомъ изъ Гроба того съ радостію великою, и идохомъ кождо въ келію. Заутра же, въ великую субботу, въ шестый часъ дне, сбираються вси людіе предъ церковію Воскресенія Христова, безчисленно многое множество людій. Отъ всѣхъ странъ пришельци и туземци, отъ Вавилона, и отъ Египта, и отъ Антіохія, и отъ всѣхъ странъ ту ся сбирають въ той день несказанно много людій, и наполняються вся та мѣста около церкве и около Распятія Господня. Велика же тѣснота тогда бываеть въ церкви и около церкве; мнози бо тогда ту и задыхаються отъ тѣсноты людій тѣхъ. И ти вси людіе стоять съ свѣщами невозженными, и ждуть отверзенія дверемъ церковнымъ. Внутрь же церкве токмо попове едини, и ждуть попове съ людьми дондеже князь Балдвинъ пріидеть съ дружиною, и бываеть тогда отверзеніе дверемъ церковнымъ, и входять вси людіе въ церковь въ тѣснотѣ велицѣй, и въ гнетеніи наполняють церковь ту и палату, и все полно будеть, церковь и внѣ церкве и около Голгоѳы и около Крайнева мѣста, и дотолѣ, идѣ-же налѣзенъ (найденъ) крестъ Господень, все полно будеть людій. И ти людіе иного не глаголють ничьсо же, но токмо: „Господи помилуй!“—зовуть не ослабляюче, и вопіють сильно, яко взгремѣти всему мѣсту тому отъ вопля людій тѣхъ. И ту источници прольються слезни отъ вѣрныхъ человѣкъ; аще бо у кого окаменѣло сердце, и той тогда зазрить себе и поминаеть грѣхы своя, глаголеть въ себѣ „егда (что если) моихъ дѣля грѣховъ не снидеть Свѣтъ святый“; и тако стоять вси вѣрніи слезни и сокрушено сердце имуще. И ту самъ князь Балдвинъ стоить со страхомъ и смиреніемъ великымъ, источникъ слезъ проливаеться отъ очію его; такъ же и дружина его стоить около его прямо гробу, близъ алтаря великааго. И яко бысть седьмый часъ дне

субботнаго, пойде князь Балдвинъ ко Гробу Господню и съ дружиною своею, изъ дому своего, вси боси и пѣши. И присла князь въ метохію (обитель) святаго Саввы, и позва игумена съ черньци его. И пойде игуменъ съ братьею ко Гробу Господню, и азъ худый ту же идохъ со игуменомь тѣмь и со братьею, и пріидохомъ ко князю тому и поклонихомся ему вси. Тогда и онъ поклонися игумену и братіи всей. И повелѣ же князь игумену святаго Саввы и мнѣ худуму повелѣ съ ними пріити и близъ себе стати, инымъ же игуменомъ и черноризцемъ повелѣ князь предъ собою итти, а дружинѣ повелѣ по собѣ ити. И пріидохомъ въ церковь Воскресенія Господня къ западнымъ дверемъ, и се множество людій заступили бяху двери церковныя, и не могохомъ въ церковь внити. Тогда князь Балдвинъ повелѣ разгнати люди насильствомь воемъ своимъ, и створиша яко улицу сквозѣ люди оны до Гроба Господня, и тако возмогохомъ проити. И тогда пріидохомъ къ восточнымъ дверемъ до Гроба святаго; а князь же по насъ вниде, и ста на мѣстѣ своемь, на десной странѣ, у преграды великаго алтаря, противу восточныхъ дверій: ту бо есть мѣсто княже устроено высоко. Повелѣ же игумену святаго Саввы стати надъ гробомь вверху со всѣми черньци и съ православными попы; а меня же худаго повелѣ поставити высоко, надъ самыми дверьми гробными, противу великаго алтаря, яко дозрѣти ми бяше льзя во двери гробныя. Двери же гробныя вся трои замчены печатью царскою. Латыньстіи же попове стояаху въ велицѣемь алтарѣ. Яко бысть осмый часъ дне, и почяша попове правовѣрни пѣти вечерню на гробѣ горѣ, и вси духовніи мужи и черноризци, и пустынници мнози бяаху ту пришли. Латыне же въ велицѣемь олтарѣ верещати начяша свойскы (по своему); и тако поющіимъ имъ всѣмъ, азъ же ту стоя, прилежно зрѣхъ къ дверемъ гробнымъ. Яко почяша паремьи чести субботы великыя, и на первой паремьи изыде епископъ со діакономь изъ великаго алтаря, и пріиде къ дверемъ гробнымъ, и призрѣ во гробъ сквозѣ хрестця дверій тѣхъ, и не узрѣ свѣта во гробѣ, и возвратися вспять въ алтарь. Яко же начяша чести шестую паремью, и той же епископъ съ діакономь пакы припаде къ дверемъ гробнымъ, и не увидѣ ничто-же во гробѣ. Тогда вси людіе возопиша со слезами: „Киріе елейсонъ, еже есть Господи помилуй!“ Яко бысть 9 часу минующу, начяша пѣти преходную: „Господеви поемъ“, тогда внезапу пріиде туча мала отъ востока лицемь, и ста надъ верхомь непокрытымь тоя церкве, и одожди надъ Гробомь святымь, и смочи ны добрѣ стоящіихъ надъ Гробомь Господніимь. И тогда внезапу возсія Свѣтъ во Гробѣ святѣемь, и изыде блистаніе страшно и свѣтло изъ Гроба святаго Господня. И пріиде епископъ съ четырьмя дьяконы и отверзоша двери гробныя. И взяша свѣщу у князя того Балдвина, и вниде епископъ во гробъ, възже свѣщу княжю первое отъ свѣта того святаго, и изнесъ изъ гроба свѣщу и вдаетъ ю самому князю тому въ руцѣ. И ста князь на мѣстѣ своемь, держа свѣщу ту съ радостію великою. Отъ тоя свѣщя мы вси возжегохомъ своя свѣщя,

а отъ нашихъ свѣщь вся людіе возжгоша своя свѣщя. Свѣтъ же святый нѣсть яко огнь земный, но чюдно инако свѣтиться изрядно, пламя его киноварь. И тако вся людіе стоять со свѣщами горящіими, вопіють же вси непрестанно: „Господи помилуй“, съ радостію великою и веселіемь, видѣвше свѣтъ Божій святый. Иже бо кто не видѣвъ тоя радости въ той день, той не иметь вѣры сказующууму о всемь томь видѣніи. Обаче вѣрніи добріи человѣци вельми вѣрують и въ сласть послушають сказанія сего о святыни сей и о мѣстѣхъ сихъ святыихъ. Вѣрный бо въ малѣ и въ мнозѣ вѣренъ есть, а злу человѣку истина крива есть. — — —

И по трехъ днехъ Воскресенія Господня по литургіи, идохъ ко ключарю святааго Гроба Господня и рѣхъ ему: „хотѣлъ быхъ взяти кандило свое“. Онъ же поимъ мя съ любовію токмо единого, введе мя съ собою во Гробъ, и вшедъ во Гробъ обрѣтохъ свое кандило на Гробѣ всятѣемь, еще горяще свѣтомь тѣмь святыимь, и поклонихся Гробу тому святууму и облобызахъ со слезами мѣсто то святое, идѣ-же лежало пречистое Господа нашего Іисуса Христа тѣло; и тогда бо измѣрихъ собою гробъ въ длину и въ ширину; при людѣхъ бо не возможно измѣрити ни кому же; и почестихъ святааго Гроба Господня по силѣ своей како мога, и тому ключареви подахъ нѣчто мало и худо и благословеніе свое, онъ же видѣвъ любовь мою сущу ко Гробу Господню, и къ тому самому удвигнувъ же дску сущую въ головахъ святааго Гроба, и уломи тако святааго камене нѣчто мало на благословеніе, и запрети ми съ клятвою ни кому-же повѣдати во Іерусалимѣ. Азъ же поклонихся Гробу тому святууму, и у того ключаря земъ кандило свое съ масломь горящіимь, и изыдохомъ съ радостію великою зѣло; обогатився Божіею благодатіею, нося въ руку моею даръ и знаменіе святааго Гроба, просвѣщая симь вся мѣста; идохомъ радуяся, яко нѣкако сокровище богатства обрѣтохъ.

д) послѣсловіе.

Ходилъ есми тамо во княженье Русское великааго князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владиміровича Кыевскааго. Богъ тому послухъ (свидѣтель) и святый Гробъ Господень, яко во всѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыихъ не забываахъ именъ князій Русскыихъ и княгынь ихъ, и дѣтій ихъ, ни епископъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтій моихъ духовныихъ, ни всѣхъ христіанъ, ни коли же не забылъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь. И о семъ благааго Бога похвалю, яко сподобилъ мя худааго написати имена князій Русскыихъ у святааго Саввы въ Лаврѣ, и нынѣ поминаються во октеньи. — — —

Буди же всѣмъ почитающіимъ написаніе се съ вѣрою и любовію благословеніе отъ Бога и отъ святааго гроба, и отъ всѣхъ мѣстъ сихъ святыихъ: пріимуть бо мзду отъ Бога ровно съ ходившіими въ мѣста

си святая. Блажени, иже невидѣвше и вѣроваша. Вѣрою бо пріиде Авраамъ въ землю обѣтованую: по истинѣ бо вѣра равна добрымъ дѣломъ. Но, Бога дѣля, братіе и отци и господіе мои, не зазрите моему худоумію и моей грубости и да не будеть въ похуленіе се написаніе, не мене дѣля худаго, но святыихъ дѣля мѣстъ, почтите съ любовію, да мзду пріимете отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и Богъ міра будеть со всѣми вами во вѣкы вѣковъ. Аминь. (стр. 32—35).

(Нѣкоторыя мѣста выправлены по изданію А. С. Норова: „Путешествіе Игумена Даніила по святой землѣ въ нач. XII в.“ С.-П.-Б. 1864).

Кириллъ Туровскій.

1) Слово въ новую недѣлю по пасцѣ, о ѲОМИНѢ ИСПЫТАНІИ РЕБРЪ ГОСПОДНЬ.

Велика учителя и мудра сказателя требуеть церкы на украшеніе праздника. Мы же нищи есмы словомь и мутни умомь, не имуще огня Святаго Духа, наслажденія душеполезныихъ словесъ; обаче любве ради сущіихъ съ мною братій, мало нѣчто скажемъ о поновленіи Въскресенія Христова. Въ минувшую бо недѣлю Святыя Пасхы удивленіе бѣ небеси и устрашеніе міру, разрушеніе адово и попраніе смерти, въскресеніе мертвыимъ и погубленіе прелестныя власти діаволя, спасеніе же человѣческуму роду Христовыимь въскресеніемь; обнищаніе ветхуму закону и порабощеніе субботѣ, обогащеніе Христовѣ церкви и въцареніе недѣля. Въ минувшую недѣлю всему премѣненіе бысть: сътворибо ся небомь земля очищена Богомь отъ бѣсовскыихъ скверпъ, и Ангели съ женами раболѣпно въскресенію служааху. Обновися тварь, уже бо не нарекуються Богомь стихія, ни солнце, ни огнь, ни источници, ни древеса: отселѣ бо не пріемлеть требы адъ закалаемыихъ отци младенець, ни смерть почьсти, преста бо идолослуженіе и погубися бѣсовское насиліе крестнымь таиньствомь, и не токмо спасеся человѣчь родъ, но и освятися Христовою вѣрою. Ветхый же законъ отнудь обнища, отвръженіемь телчія крове и козліихъ жьртвъ, единъ бо Христосъ собою самъ къ Отцу за всѣхъ жьртву принесе; тѣмь и праздникъ субботѣ преста, а недѣли благодать дана бысть въскресенія ради, и царствуеть уже въ днехъ недѣля, яко въ ту въскресе Христосъ изъ мертвыихъ. Вѣнчаемъ Царицю днемь, братіе, и дары честны съ вѣрою той принесемъ, дадимъ по силѣ якоже можемъ: овъ милостыню, безлобіе и любовь, друзіи дѣвьство чисто и вѣру праву и смиреніе нелицемѣрно, инъ псаломское пѣніе. Апостольское ученіе и молитву съ вздыханіемь предъ Богомь; самъ бо Господь Моисіомь глаголеть: не являйся предъ мною тъщь въ день праздника. Принесемъ ему прежереченыя добродѣтеля, да въспріимемъ Божію милость, ибо не лишить добра приходящіихъ съ вѣрою: славящая бо мя, рече, прославлю. Похвалимъ красно новую не-

дѣлю, въ ню же поновленіе Въскресенія празднуемъ, не бо есть таже Пасха днесь, нъ Антипасха наричеться: Пасха бо избавленіе міру есть отъ насилія діаволя и свобожденіе мертвыимъ отъ ада преисподняаго; Антипасха же есть поновленіе Въскресенія, образъ имущи ветхаого закона, иже завѣща Богъ Моисіови въ Египтѣ, глаголя: се избавляю люди моя отъ работы Фараоня и свобождаю отъ мученій приставникъ его, да поновляеши день спасенія твоего, вонье (въ который) спасеніе міру съдѣя, побѣдивъ начяла и власти темныя; того ради и артусный хлѣбъ отъ Пасхы и донынѣ въ церкви священенъ бысть, и днесь на іерейскыихъ врьсѣхъ ломиться за опрѣснокы, несеныя на главахъ Левитъ отъ Египта, по пустыни, дондеже и Чрьмное море проидоша: и ту того хлѣба освятиша Богови, егоже вкушающе здрави бываахy и врагомъ страшни. Они убо, избывше тѣлесныя работы, поновляаху празднующе день опрѣсночный; мы же, Владыкою спасеніи отъ работы мысленнаго Фараона діавола, поновляемъ побѣдный на врагы день, и сего священаго нынѣ пріимающе хлѣба тако вкушаемъ, якоже и они хлѣба небеснаего и Ангельскаого брашна, и хранимъ его на всяку потребу благу, на здравіе тѣлесемъ и душамъ на спасеніе и на прогнаніе всякого недуга. Днесь ветхая конець пріяша, и се быша вся нова, видимая же и невидимая. Нынѣ небеса просвѣтишася, отъ темныихъ облакъ яко вретища съвлекъшеся и свѣтлыимь въздохомь славу Господню исповѣдають; не сія, глаголю, видимая небеса, нъ разумная, Апостолы, иже днесь на Сіонѣ вшедша къ нимъ познавше Господа и всю печаль забывше и скръбь Іудейска страха отврьгше, Святыимь Духомь осѣнившиеся, Въскресеніе Христово ясно проповѣдають. Нынѣ солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваеть, възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующяя ему спасаеть. Нынѣ луна съ вышьняаго съступивъши степене, большуму свѣтилу честь подаваеть; уже ветхый законъ, по Писанію, съ субботами преста и Пророкы Христову закону съ недѣлею честь подобаеть. Ныня зима грѣховная покаяніемь престала есть и ледъ невѣрія богоразуміемь растаяся; зима убо языческаого кумирослуженія Апостольскыимь ученіемь и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемь Христовъ ребръ растаяся. Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують и земля сѣмена питающи зеленую траву ражаеть. Весна убо красна вѣра есть Христова, яже крещеніемь поражаеть человѣчьское пакы естьство; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемь претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзують: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимши, и страхомь его приѣноболящи, духъ спасенія ражаеть. Нынѣ новорожаеміи агньци и унци, быстро путь перуще, скачють, и скоро къ матеремъ възвращающеся веселяться, да и пастыри свиряюще веселіемь Христа хвалять. Агнеця, глаголю, кроткыя отъ языкъ люди, а унця кумирослужители невѣрныихъ странъ, иже Христовомь въчеловѣченіемь и Апостольскыимь

ученіемь и чюдесы, скоро по законъ ошъшеся, къ святѣй церкви възвратившеся, млеко ученія ссуть (сосутъ), да и учители Христова стада о всѣхъ молящеся, Христа Бога славять, вся волкы и агньця въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторасля испущають и цвѣти благоуханія процвѣтають, и се уже ограды сладъкую подавають воню, и дѣлатели съ надеждею тружающеся плододавьца Христа призывають. Вѣхомъ бо преже акы древа дубравная, не имуще плода, ныня же присадися Христова вѣра въ нашемь невѣрьи, и уже держащеся корене Іосѣева, яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожидають; да и святителй о церкви тружающеся отъ Христа мьзды ожидають. Ныня ратаи словесе, словесныя уньцы къ духовнууму яриу приводяще, и крестьное рало въ мысленыихъ браздахъ погружающе, и бразду покаянія почертающе, сѣмя духовное въсыпающе, надеждами будущіихъ благъ веселяться. Днесь ветхая конець пріятша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы Апостольскыя наводняються, и язычныя рыбы плодъ пущають, и рыбари, глубину Божія вочеловѣченія испытавъше, полну церковьную мрежю (сѣть) ловитвы обрѣтають: рѣками бо, рече Пророкъ, расядеться земля, узрять и разболяться нечестивіи людіе. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая пчела, свою мудрость показующи, вся удивляеть; яко же бо они въ пустынѣхъ самокърміемь живуще, Ангелы и человѣкы удивляють, и си на цвѣты излетающи, медвеныя съты створяеть, да человѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица церковьныихъ ликовъ гнѣздящеся веселяться: и птица бо, рече Пророкъ, обрѣте гнѣздо себе, алтаря твоя, и свою каяждо поющи пѣснь, славить Бога гласы немолчьныими. Днесь поновишася всѣхъ святыихъ чинове, нову жизнь о Христѣ пріемъше: Пророци, Патріарси трудившіися, въ раистѣй почивають жизни, и Апостоли съ святители пострадавъшіи, прославляються на небеси и на земли, мученици и исповѣдници, за Христа претерпѣвъшіи страсть, съ Ангелы вѣньчаються; Цари и Князи благовѣрніи послушаніемь спасаються; дѣвственіи лици (лики) и иночьстіи състави, свой крестъ терпѣніемь понесъше, первеньцю Христу отъ земля на небеса послѣдують; постьници пустыньници, отъ рукы Господня труда мьзду пріемъше, въ горнѣемь градѣ съ святыими веселяться. Днесь новыимъ людемъ Воскресенія Христова поновленія праздникъ, и вся новая Богови приносяться: отъ языкъ вѣра, отъ крестьянъ требы, отъ іерей святыя жертвы, отъ міродержитель боголюбныя милостыня, отъ вельможь церковьное попеченіе, отъ праведникъ съмѣреномудріе, отъ грѣшьныихъ истиньное покаяніе, отъ нечьстивыихъ обращеніе къ Богу, отъ ненавидящіихъся духовьная любы. Възидемъ ныня и мы, братіе, мысльно въ Сіоньскую горницю, яко тамо Апостоли събравшася, и самъ Господь Іисусъ Христосъ, затворенамъ дверемъ, посредѣ ихъ обрѣтеся и рекъ: миръ вамъ, испълни я радости; възрадоваша бо ся, рече, ученици видѣвъше Господа, и всю печаль тѣлесную и страхъ сердечный отринуша. Дасть бо ся душамъ ихъ духовьная дързость, позианіемь своего

Владыкы, яко обнажи предъ всѣми своя ребра и гвоздійныя язвы на руку и ногу показаеть Ѳомѣ; не бо бѣ Ѳома съ ученикы въ пьрвый приходъ видѣлъ Господа, и слышавъ его въскрьсша, но яко лъжю иня, не вѣровааше, нъ и самовидѣць хотя быти Христу, тако глаголааше: аще не вложю рукы моея въ ребра его и въ язву гвоздійную своего пърста, не иму вѣры. Тѣмь и Господь, не поносяя ему, сице глаголааше: принеси руку твою и вижь прободеніе ребръ моихъ и вѣруй, яко самъ азъ есмь; мене бо и преже тебе Патріарси и Пророци разумѣвъше, вѣроваша моему въчеловѣченію. Испытай пьрвое Исаино о мнѣ писаніе: копіемь бо, рече, въ ребра прободенъ бысть, и взиде кръвь и вода; въ ребра прободенъ быхъ, а ребрьмь падъша Адама въскресихъ. А тебе ли, невѣрующа ми, презрю? Осязай мя, яко самъ азъ есмь, его же преже осязавъ Сумеонъ и вѣрою прошааше отпущенія съ миромь; и не буди невѣрьнъ, якоже Иродъ, иже слышавъ мое рожество, глаголааше волхвомъ: гдѣ Христосъ ражаеться? да шедъ поклонюся ему, а въ сердци о убійствѣ моемь мысляаше. Но аще и младьньця изби, нъ искомааго не обрѣте: възищють бо, мене зліи, нъ не обрящуть. Вѣруй ми, Ѳомо, и познай мя, якоже Аврамъ, къ нему же подъ сѣнь съ двѣма Ангелома придохъ, и тъ познавъ мя, Господа мя нарече; и о Содомѣ моляашемися, да его не погублю, аще и до десяти было въ немь праведникъ. А не буди невѣрьнъ акы Валамъ, иже Духомь Святыимь прорекъ мое за міръ умьртвіе и съскрьсеніе; и пакы мьзды ради прьльстивъся, погыбе. Вѣруй ми, Ѳомо, яко самъ азъ есмь, его же видѣ Іяковъ въ нощи на лѣствици утвьржающася; тъже и пакы позна мя духомь, егда боряхъся съ нимь въ Месопотаміи, тъгда бо обѣщаахъся ему въчеловѣчитися въ племени его. И не буди невѣрьнь яко Навъходоносоръ, иже видѣвъ мя, въ пещи отрокы отъ огня спасъша, истиною Сына Божія нарече мя, и пакы къ своимъ прельстьмъ уклонивъся, погыбе. Вѣруй ми, Ѳомо, яко азъ есмь, егоже образъ видѣ Исаія на престолѣ высоцѣ, обьстоима множьствомь Ангелъ; азъ есмь, явивыйся Езекилю посредѣ животьныихъ образомь человѣчьскомь, емуже и васъ прообразихъ колесы животьныихъ придержащіихъся, въздвизающіихъся со мною: тъ бо животьный духъ бѣ тогда въ колесѣхъ, егоже и нынѣ въ васъ дунухъ, Духъ Святый. Азъ есмь, егоже видѣ Данилъ на облацѣхъ небесныихъ, подобіемь сына человѣка, съшьдъша до ветъхааго днемь; и тъ написа данную ми отъ Бога Отца власть и царство на небеси и на земли, нынѣшняаго и будущаого бесконьчьнаaго вѣка. Принеси, о близньче! (о близнецъ!) твой пьрстъ и вижь руцѣ мои, има же очи слѣпыимъ отверзохъ и глухыимъ слуха даровахъ и нѣмыя добро глаголивы створихъ; вижь и нозѣ мои, има же и предъ вами по морю ходихъ, и по въздуху явьствьно ступаахъ и въ преисподьняя въшьдъ, тѣма ада попрахъ, и съ Клеопою и Лукою до Елмауса шьствоваахъ; и не буди невѣрьнъ. Отъвѣща Ѳома глаголя: вѣрую, Господи, яко самъ ты еси Христосъ Богъ мой, о немь же писаша Пророци, дозряще духомь, егоже прообрази въ законѣ Моисій, его же отвьргошася сь жьрци Фарисеи, ему же поругашася

завистію съ книжьникы Жидове, его же осуди съ Каіафою на распятіе Пилатъ, его же Богъ Отецъ изъ мьртвыихъ въскреси. Вижю ребра, отъ нихъ же источи воду и кръвь; воду, да очистиши осквьрнивъшююся землю и кръвь же, да освятиши человѣчьское естьство. Вижю руцѣ твои, има же преже створи всю тварь и рай насади и человѣка созда, имаже благослови Патріархы, има же помаза Царя, има жъ освяти Апостолы. Вижю нозѣ твои, ею же прикоснувъшися блудница, грѣховъ отпустъ пріятъ; нею же припадъши пьрвое вдовица, отъ мертвыихъ своего сына съ душею жива пріятъ; надъ сима ногама кръвоточивая подълця ризы прикоснувъшися, исцѣлѣ отъ недуга; и азъ, Господи! вѣрую, яко ты еси Богъ. И рече къ нему Іисусъ: яко видѣвъ мя, вѣрова; блажени не видѣвъшіи, въ мя вѣровавшіи. Тѣмьже, братіе, вѣруимъ Христу Богу нашему, распьнъшуумуся поклонимся, воскрьшаяго прославимъ, явившаагося Апостоломъ вѣруимъ, и своя Ѳомѣ показавъшаого ребра въспоимъ, пришьдъшаего оживитъ насъ похвалимъ, и просвѣтивъшаго ны исповѣдаимъ, и всѣхъ благъ подавъшаго намъ обиліе възвеличимъ, отъ Троиця познаимъ единого Господа Бога Спаса нашего Іисусъ Христа, ему же слава съ Отцемь и съ Святымь Духомь, и ныня и присно.

2) ИЗЪ СЛОВА О РАЗСЛАБЛЕННОМЪ.

Рьцемъ же о Господни благодати, како приде ко овчи купѣли, и видѣ человѣка разслаблена, долго время на одрѣ въ недузѣ лежаща, и въпроси его, глаголя: хощеши ли здравъ быти? Ей, рече, Господи! хотѣлъ быхъ, нъ не имамъ человѣка, дабы по възмущеніи Ангеловѣ въверглъ мя бы въ купѣль. Нъ аще мя еси о здравіи, Владыко, въпросилъ, то крътъцѣ (кротко) послушай моего отвѣта, да ти своея болѣзни напасть исповѣмъ: 30 и 8 лѣтъ на одрѣ семь недугомь пригвожденъ слежю, грѣси мои вся уды тѣлесе моего раслабиша, а душа моя прежде страсти поношеніи бодома бысть. Богови ся молю, и не послушаеть мене, зане превъзидоша безаконія моя главу мою; врачемъ издаяхъ все мое имѣніе, и помощи улучити не възмогохъ, нѣсть бо зелія, могуща Божію казнь премѣнити; знаеміи мои гнушаються мене, смрадъ бо мой всякоя утѣхы лиши мя, и ближьніи мои стыдяться мною, яко чюжь быхъ страсти (страданій) ради братіи моей; вси человѣци мною кльнуться, а утѣшающаго не обрѣтохъ. Мьртва ли себе нареку? Нъ чрево ми пищя желаеть, и языкъ отъ жажя исыхаеть; жива ли себе помышлю? Нъ нетъкмо въстати съ одра, нъ ни подвигнути себе не могу: нозѣ имѣю непоступьнѣ, руцѣ же не тъчію бездѣлнѣ, нъ ни осязати себе тѣма съвладѣю, непогребенъ мьртвьць разумѣюся, и одръ сь (сей) гробъ ми есть; мьртвъ есмь въ живыхъ и живъ питаюся, и якоже мьртвъ не дѣлаю: мучимъ же есмь акы въ юдѣ, бестудіемь поносящіихъ ми, смѣхъ бо есмь уношамъ (юношамъ), укоаряющіимъся мною, и старцемъ же лежю притъча къ наказанію (къ наста-

вленію), мною вси глумяться, азъ же сугубо стражю. Утрьуду болѣзнь клѣщить мя, вънѣуду досадами укоризньникъ стужаю си, отъ всѣхъ бо пльваніе слинъ покрываеть мя, двое сѣтованіе объдержить мя, гладъ паче недуга преодалаеть ми; аще бо и брашно обрящю, нъ въ уста рукою въложити его не могу, всѣмъ молюся, дабы мя кто накърмилъ, и бываеть дѣлимъ мой бѣдный укрухъ съ питающіими мя; стоню съ сльзами, томимъ болѣзнію недуга моего, и никтоже придеть посѣтитъ мене, единъ злостражю, ни кымь же видимъ. Егда же останъци тряпезъ богобойныихъ (богобоязливыхъ) людій принесени будуть сдѣ, скоро притекуть приставници овчая купѣли, и не тако пси Лазареви облизааху струпы, якоже си моя помилованія (подаянія) пожираюгь; не имѣю же ни имѣнія, да быхъ си единого умьздилъ о мнѣ пекущася человѣка, яко злѣ разточихъ даное ми въ раи богатьство, и зміемь въ едемѣ украдена ми бысть чистоты одежа, и сдѣ лежю нагъ Божія покрова; не имамъ человѣка, иже бы не гнушаяся послужилъ ми. Енохъ и Илія не обрѣтостася на земли: възята бо быста на колесници огньнѣ и пребываста, идѣже Богъ вѣсть; Авраамъ съ Іовомь мало послуживша мнѣ подобьныимъ, преставистася въ бесконьчную жизнь. Господи! человѣка не имамъ вѣрна къ Богу — — — Господи! человѣка не имамъ, въложаща мя въ купѣль, вси бо уклонишася и неключими быша, и нѣсть творящааго блага, нѣсть ни единого, и не разумѣють вси творящіи безаконіе. И си вся отъ устъ расслабленааго слышавъ благый нашъ врачь, Господь Іисусъ Христосъ, отвѣщавъ къ расслабленууму: что глаголеши, человѣка не имамъ? Азъ тебе ради человѣкъ быхъ, щедръ и милостивъ, не сългавъ обѣта моего въчеловѣченія; слышалъ бо еси Пророка глаголюща: яко отроча родиться, сынъ вышняаго, и данъ бысть намъ, и тъ болѣзни и недугы нашя понесеть. Тебе ради горьнааго царства скипетры оставль, нижьніимъ служа, обхожю: не придохъ бо, да ми послужать, нъ да послужю. Тебе ради, бесплътьнъ сый плътію обложихъся, да всѣхъ душевныя и тѣлесныя недугы ицѣлю. Тебе ради невидимъ сый Ангельскыимъ силамъ, всѣмъ человѣкомъ явихъся; не хощю бо моего образа въ тлѣніи презрѣти лежаща, нъ хощю и спасти и въ разумъ истинный привести, и глаголеши: человѣка не имамъ? Азъ быхъ человѣкъ, да Богомь человѣка сътворю, рѣхъ бо: бози будуть и сынове вышняаго вси, и кто инъ мене вѣрнѣй служай тобѣ? Тобѣ всю тварь на работу створихъ, небо и земля тобѣ служиша, оно влагою, а си плодомь; тебе ради солнце свѣтомь и теплотою служить, и луна съ звѣздами нощь обѣляеть; тебе дѣля облаци дъждьмь землю напаяють, и земля всяку траву сѣмениту и древа плодовитая на твою службу възращаеть; тебе ради рѣкы носять, и пустыни звѣри питаеть, и глаголеши; человѣка не имамъ? И кто есть мене вѣрнѣй человѣкъ? яко не сългахъ обѣта въчеловѣченія моего, кляхъся Аврамови глаголя: о сѣмени твоемь благословяться языци, въ Исацѣ же будеть ти племя, и въ томь въплътивъся отложю обрѣзаніе, створю же воду, многа чяда поражающю (порождающую) крещеніемь, о ней же глаголеть

Исаія: яко проторжеся вода въ пустыни; жажюще на воду живу, идѣте; азъ есмь животьное озеро, и се породьный источникъ отъ устъ моихъ на тя изливаю; а ты овчія купѣли жадаеши, помалѣ пресъхнути хотящя. Въстани, возми одръ свой, да слышить мя Адамъ, и обновиться ныня съ тобою отъ истьлѣнія; въ тобѣ бо пьрвааго преступленія Евъжину клятву исцѣляю. Лазаря уже расъкысѣвъша въ гробѣ и четыре дни имуща въ мьртвыихъ, словомь жива створихъ; и тебѣ ныня глаголю: въстани, и възми одръ свой, и иди въ домъ свой.

3) изъ слова на вознесеніе.

Пойдемъ же и ныня, братіе, на гору Елеоньскую умомь, и узримъ мысльно вся преславьная створивъшяяся на ней; на ту бо гору самъ Христосъ Богъ нашь днесь пришелъ есть, и всѣхъ святыихъ чинове тамо събрашася: праотечьстіи събори, патріаршьское множьство, пророчьстіи пълци, апостостольстіи ликове, и вѣрныихъ тълпы, съ седмьдесятьныими Христовы ученикы, о нихъ же рече Павелъ: болѣ пяти сотъ братія явися Господь. Си же глаголеть бывъшяя на горѣ Елеоньстѣй, предъ нимиже възнесеся Господь; а ихъ же възведе на небеса Христосъ въ горній Іерусалимъ, слыши Матеея глаголюща о нихъ: и многа тѣлеса почившіихъ святыихъ въсташа, и внидоша по въскресеніи его въ святый градъ, сирѣчь въ небесный Сіонъ. Видьць (свидѣтель) же симъ бысть Павьлъ, егда до третіяго въсхыщенъ бысть небесе. Нъ си оставльше о взнесеніи Христовѣ побесѣдуемъ, и яже быша на горѣ Елеоньстѣй. Тамо Ангельскыя силы и Архангельская воиньства: ови облакы крилы вѣтрьніими приносять на възятіе отъ земля Христа Бога нашего, друзіи же престолъ Херовимьскый готовять; Богъ Отець ждеть егоже прежде имѣяй въ ядрѣхъ (въ нѣдрахъ) съ собою. Духъ же Святый велить всѣмъ Ангеломъ его: възмѣте врата небесная, да вънидеть Царь славы. Небеса веселяться, своя украшающе свѣтила, да благословяться отъ своего творца, съ плътію сквозѣ тѣхъ вратъ на облацѣхъ възносима; земля радуеться видящи на себе Бога явьствьно ходяща, и вся тварь красуеться, отъ Елеоньскыя горы просвѣщаема, яко на той Ангели съ святыими Апостолы по повелѣнію Бога Отца съвъкупишася, ожидающе Сыновьня пришествія. Тѣмь сій праздникъ паче инѣхъ чьстьнѣй бысть намъ, и си гора взятѣйши есть Синайскыя горы. На ону бо невидимый съниде, а на сей явьствьно ся показа; на Синайскую бо съшьдъ, вся устрашааше, зане гора вся горяаше огньмь, молнія же и громи приступающяя къ горѣ умьрщв.яаху, тъчью съ единѣмь Моисѣемь Богъ бесѣдоваацше; а на Елеоньскую съ тьмами святыихъ вшьдъ Христосъ, вся освящаеть, и вся утѣшаеть. Свѣтить бо ся Елеонъ яко солнце, святыихъ чины съ Христомь на собѣ имѣя, и за оны (вмѣсто оныхъ) громы и мълнія пророчьстіи слышаться гласи, иже радостно ликъвтвують глаголюще: възне-

сися силою твоею, Боже, поемъ и въспоемъ силы твоя. Ангели вся поучають глаголюще: въскликнѣте Богу вся земля, пойте же имени его; Патріарси начинають пѣснь: се Богъ нашь възноситься, смиривъ (примиривъ) обоя въ едино, и съвъкупивъ земныя съ небесными; преподобніи възглашають: въснесися на небеса, Боже, по всей земли слава твоя; праведници велегласують: възнесися судяй земли, да и мы въ свѣтѣ лица твоего, Господи, пойдемъ; Давыдъ же, акы старѣйшина ликовъ, уяшняя (уясняя) пѣсненныя гласы, глаголеть: вси языци въсплещѣте рукама, въскликнѣте Богу гласомь радости, да възидеть Богъ въ въскликновеніи и Господь въ гласѣ трубьнѣ; всѣхъ же гласъ оканчиваеть Павьлъ, глаголя: кто възиде на небеса, Христа съвести? Кто ли сълѣзе въ бездьну, Христа възвести? Нъ тъ есть съшедый, и пакы въшедый, превыше всѣхъ небесъ. Туже бѣ и язычьская цѣркы, уневѣстивъшіяся Христу, и того ныня възносима на небеса зрящи скърбить, и стонющи отъ сердца съ Соломономь въпіеть: уязвена есмь азъ любовію твоею, женише небесный. — — — И акы проводящи любимааго въпіеть: да цѣлуеть мя отъ лъбъзанія устъ его; съ неюже и апостольскый ликъ, зряще на своего учителя и Господа, акы чада церковьная, жалостьно глаголааху: Владыко! не остави насъ сиръ, ихъже волею възлюбилъ еси яко милостивъ, нъ посъли, якоже обѣщалъ еси намъ, твой Пресвятый Духъ. Къ нимъже отвѣща Ісусъ, милостію утѣшая: сядѣте въ Іерусалимѣ, азъ бо въсхожю къ Отцу моему и Богу вашему и посълю, яко обѣщахъ вамъ, иного Параклита, Духа моего и Отца. И вздвигъ руцѣ, благослови я. И се рекъ възношаашеся ня небо, и ти поклонишася ему, и облакъ свѣтьлъ подъятъ и отъ очію ихъ: въ зиде бо, рече, на Херовимы, и летѣ на крилу вѣтрьнюю. Имѣяшеть же съ собою Господь и душя человѣческы, яже възнесе на небеса въ даръ своему Отцю, яже въ горніимъ градѣ усели. Си же отъ Іеремея разумѣй глаголюща: душя, яже врагъ въ преисподьняя съведе, тыяже Господь на небеса възведе, рѣкъ: въстанѣте, възидемъ въ вышній Сіонъ, се же есть небесный Іерусалимъ. Предиже течаахy Ангельскыя силы, страхомь и радостію отврѣсти хотящя врата небесная; нъ вышьніи вратьници възбраняаху, въпіюще: си врата Господня, да никтоже земныихъ сюду проходить, намъ бо положи Богъ яже не мимо идуть; ныняже дивимъся, зряще человѣка на Херовимьстѣемь престолѣ сѣдяща, а преждe Серафимъ тъщащася врата си пронти. Ангели же повѣдааху Сына Божія силу и санъ, человѣчьскыимь обложена тѣлесемь, и не пререковати (противорѣчить) Божія воли, вся мудростію творящууму: съниде бо, рѣша, на землю, никомуже не чювъшю, и се рабій нося образъ въсходить; ониже рѣша: не будемъ покорни, аще не услышимъ слова Божія. Тъгда възгласи Христосъ: отвьрзѣте мнѣ врата правьды, и въшьдъ въ ня възвѣщю Отцю моему, яже на земли сдѣяхъ и пострадахъ. И познавъшя гласъ Господень вся силы небесныя падъшя поклонишася, глаголюща: аще не видохомъ, Владыко, тебе сходяща, се поклоняемътися всходящю въ славѣ. И Духъ Святый на срѣтеніе ишьдъ, въводить равьна себѣ Сына Божія, и почесть творя глаголеть:

и да поклоняться ему вси Ангели Божіи. Самъ же Богъ Отецъ възгласи къ грядущуумy въ плъти: Сынъ мой еси ты, сяди одесную мене, се престолъ твой, Боже, въ вѣкы вѣку; твоя суть небеса и твоя есть земля, и конець ея ты основа. И посадивъ Отецъ Сына на престолѣ, и своею вѣнча его десницею въспѣвающемъ сице Серафимомъ: положилъ еси на главѣ его вѣнець отъ каменія драгааго, славою и честью вѣнчалъ еси его, славу и вельлѣпоту възложилъ еси нань. Посемь съвьршаеть помазаніемь Божія существа, якоже Давыдъ послушьствуеть: (свидѣтельствуетъ) сего ради помаза тя, Боже, Богъ твой олѣемь радости паче причастьникъ твоихъ. Да поистинѣ сій праздникъ пълнъ есть радости и веселія: радость на небесѣхъ възнесъшюся Христу къ Отцю, и на земли веселіе всей твари обновльшися отъ истьлѣнія. Тѣмже и мы, братіе, придѣте въздрадуимъся Господеви, възьдъшуумy на небо небесное на въстокы, сѣдящуумy одесную Отца поклонимъся, пріимъшуумy всяку власть на небеси и на земли помолимъся, царьствующуумy съ Отцемь принесемъ вѣру яко дары, не явимъся предъ нимь тъщи въ день праздника, да пріемемъ Божію благодать. Днесь бо своя Христосъ всѣмъ раздаваеть дары: даеть Отцю принесеную имъ въ жертву плъть, посылаеть Апостоломъ Святый Духъ, въводить душя святыихъ Пророкъ въ небесное царство, раздѣляеть своимъ угодникомъ горняаго града обители, отверзаеть праведникомъ рай, вѣнчаеть страдавъшяя зань (за него) мученикы, посылаеть страстотерпцемъ чюдесъ благодать, даеть святителемъ душеполезная прошенія, опущаеть грѣшникомъ прегрѣшенія, милуеть вся творящяя волю его и хранящая заповѣди его, посылаеть благовѣрныимъ Княземъ нашимъ сьдравіе тѣлесемъ и душамъ спасеніе и врагомъ одоленіе, утвьржаеть церкви, обогащаеть церковьникы, честьны творить служащяя ему іерея и діаконы, освящаеть манастыря, прославляеть Игумены, укрѣпляеть на търпѣніе мнихы, благословляеть вся крестьяны: малыя съ великыими, нищяя съ богатыими, рабы съ свободныими, старьця съ уношами, и женимыя съ дѣвицами, матери съ младенци, сироты съ вдовицами. Придемъ и мы, братіе, въ святую церковь; възвеличимъ Христа Бога нашего, дáвъшаaго намъ животъ; прославимъ и по сихъ обѣщавъшааго небесное царство; възнесемъ имя его въкупѣ, да послеть и намъ Пресвятый свой Духъ; того бо есмы раби, и тому славу, чьсть и покланяніе въсылаемъ, съ Отцемь и съ Пресвятыимь, благыимь и животворящіимь Духомь, ныня и присно и въ вѣкы вѣковъ, аминь

(Калайдовича, Памятники Россійской Слов. XII в., стр. 18 — 27, 45 — 49, 67 — 72).

Слово о мытарствахъ *).

Понеже тайна си не всѣми откровена бысть, и многыими человѣкы несвѣдома, но якоже Кирилъ Философъ рече: не того ради сътворени быхомъ, да ямы и піемъ и въ одежя различныя облечемся; но да угодимъ Богови и будущяя благая получимъ. Но понеже непытаніемь божественныихъ Писаній заблудихомъ отъ истиннааго пути, ни помышляемъ, како ны есть Богъ създалъ, въ утробѣ матернѣй душю вложилъ, и пакы и оттуду ны изведе. Егда убо, рече, всякъ младенець крещаемъ бываеть, тогда посылаеться отъ Бога Аггелъ на храненіе въ все житіе человѣческое: лукавааго сатаны аггелъ даемъ бываеть, егда въ смыслѣ, въ разумѣ будеть о всемь добрѣ и о злѣ. Егдаже начнеть въ правдѣ пребывати человѣкъ, то пріемлеть старѣйшиньство надъ нимь Вожій Аггелъ, и съхраняеть и отъ всякого лукавьства дьяволя въ нощи и во дни. Имать же съвѣщаніе въ себѣ душа та съ Аггеломь, написаеть Аггелъ вся благая дѣла ея отъ юности и до старости. Егда пакы начнеть человѣкъ пребывати въ злыихъ дѣлѣхъ, тогда пріемлеть власть и старѣйшиньство лукавый аггелъ сатанинъ надъ таковыимь человѣкомь, и въ слѣдъ его ходя, вся грѣхы написаеть нощныя и дневныя; аггелъ же Господень плачеться таковаго человѣка. Аще ли покаеться, то пріиметь Аггелъ Божій старѣйшиньство и власть; тогда аггелъ сатанинъ плачеться его. Пакыже суть мнози и не вѣрующе, ни попослушати хотяще, яко испытаема суть душя человѣкомъ по смерти, егдаже исходить отъ тѣла. Понеже поставилъ есть Богъ испытанія всякому человѣку. Первое испытаніе, егда хощеть разлучитися душа отъ тѣлесе. Преже бо пріидуть бѣси и представять ея вся дѣла, яже будеть съгрѣшила отъ юности и до старости; отвивающе харатейныя свиткы, и начнуть обличати душю, исповѣдающе грѣхы ея, яже въ всемь житіи съгрѣши, ркуще ей: ци забыла еси, яже съгрѣши въ семь житіи; но мы ихъ не забыхомъ, и списахомъ ясно. Посемь предстанета два Аггела, посланная по душю отъ Бога. Егдаже узрить я душа, ужаснеться, образъ весь и лѣпота и лице измѣгиться, руцѣ и нозѣ премолкнета и слухъ съ нима, и языкъ молчаніемъ затворитьея, и будеть весь унылъ, и дряхлъ, и скорбенъ, и за симь явиться смерть. И тако, и нужею страшною душа отъ тѣлесе изидеть, и станеть одержима душа, зрящи на свое тѣло; якоже бо кто изъволъкъся изъ ризы своея, и потомь сталъ бы, зря ея: тако ста-

---

*) Приписывалось Кириллу Туровскому, но скорѣе принадлежить Кириллу Философу. (Макар. Ист. Р. церкви. ч. III. стр. 146). Подверглось позднѣйшей передѣлкѣ. Буслаевъ же полагаетъ, что слово это можно приписать Авраамію Смоленскому (Очерки Р. Нар. Слов. т. II, стр. 119). Помѣщаю его здѣсь потому, что изложенныя въ немъ мысли остались не безъ вліянія на наши духовные стихи, которые должны войти въ слѣдующій отдѣлъ.

неть душа нз свое тѣло зрящи, отъ него же изыде, умилно къ Аггеломъ взирающи, и видящи дѣла своя предъ собою поставлена, или добрая, или злая, и яко въ всѣхъ извѣщаема. И посемь вземше душю, понесуть ю на въздухъ, къ второму испытанію, идѣже есть 20 мытарствъ Богомь поставлена на въздусѣхъ предъ враты небесными, на испытаніе всякоя душя, исходящяя же отъ тѣлесе, грядущяя къ небеси — — (слѣдуетъ исчисленіе 19 мытарствъ) 20-е мытарьство: скупость, немилосердіе. Сдѣ бо обличають бѣси душу, аще будеть коли брату досадила, или нищууму, или изгнала изъ дому своего, или грозилася на кого: то ту обличающе ны бѣси, препирающе. Аще бо и вся заповѣди Божія исправите, а будемъ немилостиви, и на нищяя немилосердіи, или на рабы своя, не подавающе имъ доволнаго одѣянія, пищя, дѣломь же насиляюще, инѣми бѣдами; то о всѣхъ сихъ испытаема будеть душа, истязаема отъ въздушныихъ бѣсовъ. Да аще имать душа добрая дѣла, истинное покаяніе, о томь испытающе вся си, преходить; и потомь възходить въ врата небесная, радующися, яко избывши лукавыихъ въздушныихъ бѣсовъ. И потомь устрѣтають друзіи Аггели, посылаеми по душя инѣхъ человѣкъ, веселящеся, радуються о ней, яко избѣже лукавьныихъ бѣсовъ, и цѣлують обьимающе. Потомь принесена бывши къ престолу Бога Вседержителя, и поклониться подножію Господа; и потомь предасть ю Михаилу, завѣщая: иди, душю сію веди, и покажи ей обители святыихъ и небесныя полаты райскыя, душя приведныихъ сущяя въ раи, и душя грѣшъныихъ сущяя на муку грѣшныимъ, въ нихже имуть быти мучими въ день великый суда. И носима бываеть прежде по поднебесіи, показаеть ей полаты святыихъ градъ, горній Іерусалимъ, его же самъ Господь по възнесеніи създа; потомь внесома бываеть въ рай къ праведныимъ душамъ, и исходящя же душя праведны, и срѣтають обьнимающя, и цѣлують ю; и потомь сведеть ю въ пропасть, идѣже затворены суть душя грѣшныихъ отъ вѣка, покажеть ей мѣста, идѣже имъ мучитися, понеже мука далече міра есть на западѣ. Сиже вся мѣста обходить душа праведнааго за 40 дній, и потомь внесома будеть въ рай, мѣсто покойно до послѣдняаго въскрешенія. Всѣхъ же грѣшныихъ душа, егда изиде изъ тѣлесе, предстануть ей аггели бѣсовьстіи, принесуть предъ ню вся ея сългрѣшенія, якоже будеть сътворила отъ юности и до старости, написаны въ свитцѣхъ; и начнуть, отвивающе, обличати ю. — —

И се уже видимъ конець міру приближающься, урокъ житію скончевающеся, уже бо мало нашего живота и вѣка: вся же, яко Господь рече, испытаашеся, въстати имать языкъ на языкъ, царство на царство, и страна на страну, и царь на царя, князь на князя, епископь на епископа, чернець на черньца, и братъ на брата, и будуть глади и пагубы и труси по мѣстомъ: вся же та въ начало болѣзнемъ. По скончаніи же томь солнце и мѣсяць померчета, небеса съвьються въ свитокъ, и силы небесныя явяться, и посемь Сынъ Божій съ славою пріидеть, хотя судити всему міру. Скончавшуся року житія, оставшіимжеся 3 лѣтомъ седмыя тысящя, будеть въ 3 лѣта цар-

ство Антихристово; по скончаніи же 3 лѣтъ царства его, послеть Господь Михаила и Гавріила, въструбита въ рога овня, и въ мгновеніи ока въскреснуть мертвіи; и праведници же въскреснуть преже, свѣтліи по добродѣтели ихъ, послѣдиже грѣшници, омрачени по злыимъ ихъ дѣломъ. Посемь огнь неугасимый потечеть отъ въстока до запада, поядая горы, и каменіе и древа, и море изсушая, твердь же яко beресто свертиться, и вся видимая сущяя вещи, развѣе человѣкъ, вся отъ ярости огненныя, яко воскъ истають, и згорить вся земля; и сквозь ити сій огнь неугасимый подобаеть всему человѣческууму роду проити. Не будеть гдѣ убѣжати и ни съкрытися, но будеть болѣзнь и скорбь, не имущи ни единояже утѣхы, пачеже грѣшныимъ непокаявшіимся, ни единоя скорби имѣвшіимъ о души своей, но точію въ покои и мнозѣй пищѣ и въ питіи, и въ прочихъ инѣхъ грѣсѣхъ лѣта своя скончаша; да тѣмь явиться имъ ярость Божія, полна гнѣва и яру, бѣду отмщенія носящи; не явитьбося имъ, яко тремъ отрокомъ, хладъ: хладъ праведныимъ же, а не огнь. Въ сихже суть нѣкоторіи, мала имуще съгрѣшенія, и неисправлена яко человѣци, понеже есть Богъ единъ безъ грѣха, иже плоть взя нашего рода спасенія, да самъ огньмъ искусивъ, оцистить я, и просвѣтяться тѣлеса имъ, яко солнце по побродѣтели ихъ: праведныимъ даеть свѣтъ, а грѣшныимъ же опаленіе и омраченіе. Прешедшіимъ же имъ огненную сію рѣку, огньная си рѣка, по Божію повелѣнью, послуживши, отъшедши къ зыпаду, учиниться озеро огненное, на мученіе грѣшныимъ.. Посемь будеть земля нова и равна, якоже бѣ искони, и бѣла паче снѣга; и потомь повелѣніемь Божіимь премѣниться, и будеть яко злато, изидеть изъ нея трава и цвѣти многоразличніи и неувядающіи никогдаже, понеже суть духовни; и посемь възрастуть древа, не яко видимая си сущя, но высотою и лѣпотою, величествомь невъзможно есть изъглаголати усты человѣческыими, понеже суть духовна, о Христѣ Іисусѣ о Господѣ нашемь.

(Памяти. XII в, стр. 92 — 97, 89 — 101).

Неизвѣстный.

СЛОВО О ВИДѢНІИ ПАВЛА АПОСТОЛА *).

Тако глаголеть Господь пророкомь: доколѣ согрѣшаете и прилагаете грѣхы на грѣхы и прогнѣваете сотворшаага вы? но останите неправдъ и навыкнѣте добро творити и милостиви будѣте да спасетесь, вся бо тварь велѣнію Божію повинуеться, толико человѣци преступають заповѣдь Божію.

*) Помѣщается потому, что представляеть много общаго съ духовными стихами.

Солнце многажды моляшеся Богу, глаголя: Господи вся содержай, и доколѣ неправдъ человѣческыихъ терпиши и беззаконій многыихъ? вели, Господи, да ихъ пожгу, да не творять зла. И гласъ ему бысть, глаголя: азъ вся ся свѣдѣхъ и видить око мое, но трьплю имъ, покаянія дая время. Ащели не покаються, то сужю имъ тогда. Мѣсяць же и звѣзды моляхуся Богу глаголюще: намъ Господи далъ еси область свѣтити въ нощь, доколѣ призримъ на беззаконное блудство и давленіе дѣтій и разбойство и татьбы? повели намъ, да погубимъ зло творящяя человѣкы. И бысть имъ гласъ глаголющь: видить вся око мое, но чаю обращенія ихъ; ащели не (по) каються, сужю имъ тогда. Море же и рѣкы въпіяаху молящяся Богу: рци намъ, Господи, да потопимъ злыя человѣкы, иже по намъ плавающяя разбивають и творять злая. И бысть гласъ къ нимъ: азъ вся та видѣхъ, но аще не покаються, сужю имъ тогда. И земля же возопи и просящися на человѣкы: азъ, Господи, паче тварій осужена есьми, не могу блуда, разбоя, татьбы, и волъхвованія, клеветы и прочихъ трьпѣти злобъ. Яко сынъ досаду родителемъ творить, и дщи матери, и братъ брату. Многы неправды человѣци творять, повели ми, Господи, да не проращу всѣянныхъ за злобы ихъ, да гладомь изомруть. И бысть гласъ глаголя: азъ убо видѣхъ вся, и ничто ся мене не утаить. Вся бо суть обнажена предъ очима моима. Аще кто ся не покаеть, азъ сужю ему. Слышите ли, человѣци, како вся тварь повинуеться Богу, а мы почто воли его не творимъ? самохотно царства Божія лишаемся. Останемъ, братіе, злобъ нашихъ, и на всякъ часъ благодаримъ Бога. Яко бо солнцю заходящу вси людстіи ангели къ Богу идуть поклонитися дѣла приносяще человѣческы или добрая или злая. Богобоязливааго человѣка ангелъ радуяся идеть къ Богу на поклоненіе, а злааго человѣка ангелъ плача идеть къ Богу и глаголеть: Господи вся содръжай, повели ми, да небуду со злымь и грѣшнымь симь. Токмо бо имя твое нарицаеть а угождаеть плоти, а грѣхы прилагаеть всегда ко грѣхомъ, и ни единыя молитвы не творить отъ сердца ни во дни ни въ нощи, и на подаяніе согбени имать руцѣ, токмо собираеть, а не въдаеть. И глаголеть Господь: не оставляйте и тѣхъ, егда (еда) и тіи пріимуть покаяніе, ащели ся не покають, егда ко мнѣ пріидуть, азъ сужю имъ. Такоже и заутра въ 1-й часъ дне ангели приходять людстіи на поклоненіе Богу, отвѣтъ о человѣцѣхъ дающе, что въ нощи будуть сотворили, вся дѣла наша и мысли, нощьная и дневная творенія, вся объявлена суть предъ Богомь. Того ради, братіе и сестры, на всякъ день и нощь благодаримъ Господа Бога, въ конець бо дній и въ конець нощи, во уреченый часъ всегда, ангели всѣхъ насъ на поклоненіе къ Богу приходять. Не мозѣмъ никто насъ ни единоя нощи преминути не молившеся Богу, да не опечалимъ хранителя нашего ангела, нощь бо на двое разлучена, — тѣлу на упокой, и души на спасеніе.

(Православный Собесѣдникъ, 1858 г., ч. II, стр. 602—607)

Андрей черноризецъ.

СКАЗАНІЕ О ЖИТІИ ПРЕПОДОБНААГО И БОГОНОСНААГО ОТЦА НАШЕГО АНТОНІЯ РИМЛЯНИНА.

Сей преподобный и богоносный отець нашь Антоній родися во градѣ въ велицѣемь Римѣ, иже отъ западныя части отъ италійскыя земля отъ латыньска языка отъ христіану родителю, и навыче вѣрѣ христіанстѣй, юже деръжаста родителіе его втайнѣ, крыющася въ домѣхъ своихъ, понеже Римъ отпаде вѣры христіанскыя, и приложишася въ латыню. Конечнѣ отпаде отъ папы Фармоса, даже и доднесь, и инам нога о отпаденіи римстѣемь повѣда ми, и о богомерстѣй ереси ихъ. Но убо о семь да премолчимъ, о преподобнѣемъ же да глаголемъ. Отець же его и мати, въ добрѣ исповѣданіи, отъидоша къ Богу. Преподобный же навыче грамотѣ, и изъучи вся писанія греческаагo языка, и прилѣжно начатъ чести книгы ветхаагo и новаагo завѣта, и преданіе святыихъ отець седми соборовъ, еже изложиша и изъясниша вѣру христіанскую. И вождел́ѣ въспріяти иноческый образъ и, помолився Богу, и раздая имѣніе родитель своихъ нищіимъ, а прочее отъ имѣнія своего положи въ сосудъ древлянъ въ дельву, рекше въ бочку, и заковавъ и всякою крѣпостію утвердивъ, сокры, и вверже въ море, самъже пойде отъ града въ дальнія пустыня взыскати мнихы живущяя и тружающяяся Бога ради, крыющяся отъ еретикъ, въ пещерахъ и въ разсѣлинахъ земныихъ, и Божіимь промысломь вскорѣ изобрѣте мнихы, въ пустыни живущяя, въ нихже бѣ единъ имѣяше презвитерскый чинъ, преподобный же Антоній много моляшеся имъ со слезами, дабы его присочетали къ своему Богомь избранууму стаду. Ониже много его вопрошааху о христіанствѣ, и о ереси римстѣй, боящеся искушенія отъ отступникъ и отъ еретикъ, онъ же имъ христіана себе исповѣдавъ, они же ему рекоша: чядо Антоніе, понеже юнъ еси и не можеши трьпѣти постническаагo житія и трудовъ чернеческыихъ (понеже ему бывшу въ то время осминадесяти лѣтъ) и ина многа ему повѣдааху узкаагo и прискорбнаагo пути шествія иноческаагo трьпѣнія, онъ же неослабно моляшеся имъ и кланяяся съ великыимь умиленіемь о воспріятіи мнишескаагo образа, и едва получи желаніе свое, и постригоша и во иноческый образъ. И пребысть же преподобный съ ними въ пустыни той двадесять лѣтъ, тружаяся и постяся, и моляся Богу день и нощь. Бысть же, рече, вдалѣе насъ яко 40 поприщь въ пустыни возграждена отъ ту живущіихъ иноковъ церкы мала во имя боголѣпнаагo преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Обычай же бяше всѣмъ инокомъ изъпустыни сходящемся къ велицѣй суботѣ; презвитери же и діакони литургисавъ божественную и святую службу и вси причастившеся божественныихъ таинъ, весь же день той и нощь поюще и молящеся. Во утріи же на самый праздникъ свѣтлаагo Христа тридневнаагo воскресенія на святую пасху, пѣвъ за-

утреннюю- и святую и божественную литургію, такоже причащавшеся святыхъ пречистыихъ боже¬ственныихъ и животворящіихъ таинъ Христовыихъ, и отхождаху кійждо во свою пустыню. Ненавидяй же добра діаволъ воздвиже гоненіе конечное на христіаны. Послаша же князи града того и богомерзкый отступникъ папа римскыя области по пустынямъ, и начаша имати мнихы, и предаяху на мученіе. Преподобныимъ же онѣмъ отцемъ богоизбраннаго Христова стада, отъ страха того разшедшемся по пустыни, и не возвѣдаша другъ друга. Преподобный же Антоній начатъ жительство имѣти при мори въ непроходныихъ мѣстѣхъ, толико на камени нощію и во дни безъ престани стоя и моляся Богу. И никакогожь покрова и хижя не имѣя, точію мало пищя вкушая отъ недѣля до недѣля, еже принесе изъ пустыни своея. И пребысть ту на томъ камени преподобный годищное время и мѣсяца два, и только трудися къ Богу моляся въ постѣ и во бдѣніи и молитвахъ и безъ пищя пребывая, елико ангеломъ подобенъ бысть, понеже убо тайну царскую подобаеть хранити, похвально и безбѣдно есть и вельми полезно хранящіимъ ю, да никымъ же невѣдомо будеть, да не инако будеть царьское повелѣніе. Дѣла же Божія и чюдеса преславная подобаеть вездѣ и повсюду и всяко съ высокыимъ проповѣданіемъ и извѣщеніемъ сія проповѣдати, и ни чтоже отъ нихъ скрити или забвенію предати, но во общюю пользу и спасеніе всѣмъ христоимѣнитыимъ людемъ. Но на прежде реченая возвратимся: бысть же въ лѣто 6000-ное 614-е *) мѣсяца сентября въ 5 день, на память святаагo пророка Захарія отца предтечева, возсташа вѣтри велици зѣло, и море восколебася, яко николиже быша тако. И волнамъ морскыимъ до камени восходящіимъ, на немъ же пребываше стоя и безъ престрани молитвы Богови возсылая, и абіе внезапу едина волна напрягшися, и подъятъ камень, на немъ же преподобный стояше, и несе и на камени, якоже на корабли легцѣ, ни какоже ничимъ не повреди, ни устраши его. Преподобный же стояше и безъ престани моляся Богу. — — Преподобный же имѣя образъ его въ сердци своемъ присно, икону Божію преславну, не шаромъ на досцѣ образовану, или на иномъ нѣчемъ, но ту глаголю икону Божію, бываемую добрыими дѣлесы. — — Камени же текущю по водамъ, ни кормильца имущю ни кормъчія, ни разумъ человѣчь можеть изрещи, ни страхъ, ниже скорбь, ни туга, ни ина которая печаль, ни алчба, ни жажда не пріиде ко преподобнуму, но токмо пребысть моляся Богу во умѣ своемъ, и веселяся душею, и всесильнуму Богу и пречистѣй Богородици, веліе благодареніе воздая. И отъ римскыя страны шествіе его бысть по теплуму морю, изнегоже въ рѣку Неву, и изъ Невы рѣкы въ Невое озеро, изъ Неваже озера вверхъ по рѣцѣ Волхову, противу быстринъ неизреченныхъ, даже и до великааго Новаграда, до уреченаго мѣста камень не приста нигдѣже, и приста камень, на немьже преподобный стоя и моляшеся, при брезѣ великія

*) Т. е. отъ сотворенія міра, въ 1106 г. отъ Р. Х.

рѣкы нарицаемыя Волхова, на мѣстѣ идѣже нынѣ Божіею и пречистыя Богородица и преподобнаагo отца нашего Антонія молитвами обитель стоить, въ таже времена бысть въ третюю стражу нощи, въ сельци, еже именуемо Волховскомь. Начяша во градѣ звонити къ заутреннюуму пѣнію, якоже обычай есть, и услыша преподобный звонъ великъ во градѣ, и ста на многъ часъ во страсѣ мнозѣ и въ недоумѣніи, и отъ страха начятъ быти въ размышленіи, и во ужасѣ велицѣ, и чаяаше яко ко граду Риму принесенъ бысть на камени. Нощи же мимошедши, и дневнууму свѣту солнцу возсіявшу, преподобнууму же на камени стоящу, стекошася людіе къ нему иже ту живущеи, и зряще на преподобнаагo дивящеся, и пріидоша къ нему и начяша воспрошати о имени и отечествѣ и отъ коея страны пріиде, преподобнуумy же ни мало русску языку умѣющу, и ни котораго отвѣта не доумяаше имъ сказати, но токмо кланяяся, самъ же съ камене не поступи, и пребысть ту три дни и три нощи, на камени стоя и моляся Богу. Въ четвертый день преподобный помолися Богу на многъ часъ о увѣдѣніи града и о людехъ, и дабы ему послалъ Богъ таковаго человѣка, иже бы ему повѣдалъ о градѣ и о людехъ и сниде преподобный съ камени, и поиде во градъ, и обрѣте человѣка греческыя земля гостбу (торговлю) дѣюща, купецкый чинъ имуща, иже умѣяше римскыимь и греческыимь и рускыимь языкомь. Узрѣвъ же преподобнаагo, вопроси его о имени и о вѣрѣ, преподобный же ему повѣдаше имя свое, и христіана себе нарече и грѣшна инока и не достойна ангельскаагo иноческаагo образа. Купець же онъ паде къ ногама святаагo, прошааше благословенія отъ него. Преподопобный же ему благословеніе дарова и о Христѣ цѣлованіе, вопросившу же его преподобнуумy о градѣ семь и о людехъ и о вѣрѣ и о святыихъ Божіихъ церквахъ, Готфинъ же преподобнуумy повѣдааше вся по ряду глаголя: градъ сей есть великый Новъ градъ, людіе же въ немь православную христіанскую вѣру имуще, соборная же церкы святыя Софія премудрости Божія, святитель же Никита во градѣ семь епископъ, владѣющу градомь симь благочестиву великуумy князю Мстиславу Владимировичу Манамаху, внуку Всеволоду. — — По малѣ же времени доиде въ слухъ о немь до святителя Никиты тогоже великаагo Новаграда, святитель же Никита посла по него и повелѣ его привести предъ себя, преподобный же во страсѣ велицѣ бывъ, еще еже и радостію одержимъ бысть, и иде ко святителю въ велицѣ смиреніи. Святитель же введе его въ келію свою, и сотворивъ молитву преподобный, и рече аминь. И пріемлеть благословеніе отъ святителя со страхомь и съ любовію, яко отъ Божія рукы. Святитель же Никита провидѣ святыимь духомь еже о преподобнѣемь, и начатъ вопрошати его: въ великый Новградъ откуда и како пріиде. Преподобный же святителю не хотя повѣдати тайны, славы ради человѣческыя, но токмо грѣшна себе именуя. Святитель же Никита съ великыимь прещеніемь, еще же и съ заклинаніемь, вопрошая преподобнаагo и рече: мнѣ ли, брате, не повѣси тайнысвоея, а вѣси яко Богъ имать открыти нашему смиренію яже о тебѣ, ты же судъ преслушанія пріимеши отъ

Бога. Преподобный же падъ предъ святителемь на лици своемь, и плакаше горко, и моля святителя, да не повѣсть тайны сея никомуже, дондеже преподобный въ жизни сей; и повѣда о себѣ таину на единѣ святителю Никитѣ вся порядку. — — Святитель же Никита падъ предъ преподобныимь на землю, прося благословенія и молитвы отъ него, преподобныйже падъ предъ святителемь на землю, моляся и прося благословенія отъ святителя, себе же недостойна и грѣшна именуя. И оба лежаста на земли, плакастася, помочая землю на многъ часъ, другъ у друга благословенія просяща и молитвы.——

По лѣтѣ же единомь пришествія преподобнааго, близь камене преподобнааго рыболовци ловитву дѣюще, и объ всю нощь тружавшеся и не яша ничтоже, и отъ труда изнемогоша, и извлекоша мрежя своя на брегъ и въ велицѣй скорби быша, преподобный же скончавъ молитву, иде къ ловцемъ и глагола имъ: чядца моя, токмо имамъ гривенный слитокъ серебра, понеже въ то время у новгородскыихъ людій не бысть денегъ, но ліяша слиткы серебряныя, ово въ гривну, ово въ полтину, ово въ рубль, и тѣми куплю дѣяаху, и сію гривну слитокъ вдаю вамъ, послушайте мене, вверзите мрежя своя въ великую сію рѣку Волховъ, и аще что имете, то вдамъ пречистѣй Богородици. Они же не восхотѣша сего сотворити и отвѣщавше рѣша: объ всю нощь тружавшеся и ничтоже яахомъ, толико изнемогохомъ, преподобный же съ прилежаніемь моляаше ихъ, дабы послушали его, они же по повелѣнію преподобнааго ввергоша мрежя своя въ рѣку Волховъ, и извлекоша на брегъ множество много великыихъ рыбъ молитвами святаaго, едва не проторжеся мрежа. Яко ни колиже тако яша. Еще же извлекоша сосудъ древянъ делву, сирѣчь бочку, окованy всюду обручи желѣзныими, преподобный же благословяаше ловцовъ глаголя: чядца моя, вѣдите милость Божію, како Богъ промышляеть рабы своими; азъ же васъ благословляю и вдаю вамъ рыбу, себѣжь сосудъ делву, сирѣчь бочку, понеже ми Богъ вручи на созданіе напастыря. Ненавидяй же добра діаволъ хотя пакость сотворити преподобнууму, порази и ожести сердца лукавствомь ловцевъ тѣхъ, и начяша рыбу давати преподобнууму, бочку же хотяще взяти себѣ, и рекоша къ преподобнууму: се мы наяхомся у тебе рыбы ловити, а-бочка наша есть, еще же и жестокыими словесы досаждающе укоряаху преподобнаaго, преподобный же отвѣщавъ рече: господіе мои, азъ съ вами не имамъ никоеяже пря о семь, но идемъ во градъ, и повѣдаемъ градскыимъ судіямъ, судія бо есть учиненъ отъ Бога, еже разсуждати люди Божія. Ловцемъ же угоденъ бысть совѣтъ преподобнаaго, и вложиша бочку въ лодицу свою, и вземше преподобнаaго. И вшедшіимъ имъ во градъ, и пришедшіимъ предъ судія, и начяша стязатися съ преподобныимь, преподобный же рече: сіи ловци объ всю нощь тружавшеся и ничтоже яша, и отъ труда изнемогоша, азъ же много молихъ, да быша взяли наемъ у мене, еже имѣяхъ у себе гривну слитокъ серебрянъ, они же не хотѣша послушати мене, и едва повинувшеся нашей худости, вземше наемъ, и ввергоша мрежя своя, и извлекоша множество рыбъ, еще же и

бочку сію, азъ же имъ уступавъ вся рыбы глаголя; бочку сію вручи ми Богъ на созданіе манастыря пречистыя владычиця нашея Богородиця и приснодѣвы Марія; они же мнѣ даяша рыбы, а бочку емлюще себѣ. Судія же вопросиша ловцовъ: рцыте намъ, тако ли якоже рече старець, сеи. Они же рекоша: мы бо наяхомся рыбы ливити, рыбу и даемъ ему, а бочка наша есть. Понеже мы ввергохомъ ю въ воду сію на соблюденіе себѣ. Старецъ же рече: господіе мои, вопроишайте ловцовъ сихъ, что они имуть вложеное въ бочку сію. Ловци же недоумѣющеся, что отвѣщати ктому, преподобный же рече: сія бочка нашея худости, вдана морстѣй водѣ в Римѣ сущемь отъ нашихъ грѣшныихъ рукъ, вложеное же въ бочку сосуди церковніи, златіи и сребреніи и хрустальніи, потири и блюда, и иная многа отъ священныихъ вещій церковныихъ, и злато и сребро отъ имѣній родитель моихъ, вверженое же въ море сокровище сіе тоя ради вины, еже бы не осквернилися священнѣйшіи сосуди отъ богомерзкыихъ еретикъ; и отъ опрѣсночныихъ ихъ бѣсовскыихъ жертвъ; подписи же на сосудехъ римскыимь языкомь написаны. Судія же повелѣша разбити бочку, и обрѣтоша вся по словеси преподобнааго, и даша преподобнуумy бочку и отпустиша его съ миромь, и ктому никтоже смѣяше вопросити его. Ловци же отыдоша посрамлени, преподобный же Антоній иде ко святителю Никитѣ, радуяся и благодаря Бога о обрѣтеніи бочкы. И повѣда вся святителю, святитель же о семь многу хвалу воздавъ Богу, и разсудивъ благоразсудныимь своимъ разсужденіемъ и рече: преподобне Антоніе, на се бо тя Богъ предпостави по водамъ на камени изъ Рима въ великомь Новѣградѣ, еще же и бочку вверженую въ Римѣ вручи тебѣ, да воздвигнеши церковь каменну пречистѣй Богородици, и устроиши обитель.

(Православный Собесѣдникъ, изд. при Казанской дух. Акад., 1858 г., ч. II, стр. 159 — 169, 310 — 313).

УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕРЕХОДЪ ОТЪ БЫЛИНЪ КЪ ДУХОВНЫМЪ СТИХАМЪ.

Сорокъ каликъ со каликою.

А изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Іерусалиму;
Сорокъ каликъ ихъ со каликою.
Становилися во единый кругъ,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крѣпкую:
Выбирали большаго атамана
Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Кладетъ онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцевъ:
„А иттить намъ, братцы, дорога не ближняя,
„Итти будетъ ко городу Іерусалиму,
„Святой святыни помолитися,
„Господню гробу приложитися,
„Во Ердань—рѣкѣ искупатися,
„Нетлѣнной ризой утеретися;
„Идти селами и деревнями,
„Городами тѣми съ пригородками;
„А и въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
„Кто украдетъ, или кто солжетъ,
„Не скажетъ большому атаману,
„Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ;—
„Едина оставить во чистомъ полѣ
„И окопать по плеча во сыру землю."

Пошли калики во Ерусалимъ градъ.
А идутъ недѣлю уже спорядy,
Идутъ уже время не малое,
Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ...
Ввстрѣчу имъ-то Владиміръ князь,
Ѣздитъ онъ за охотою,
Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей...
Завидѣли его калики тутъ перехожіе,
Становилися во единый кругъ,
Клюки посохи въ землю потыкали,
А и сумочки—исповѣсили,
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали...
Едва пробудится Владиміръ князь,
Разсмотрѣлъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Они-то ему поклонилися
Великому князю Владиміру,
Прошаютъ у него святую милостину,
А и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти.
Отвѣчаетъ имъ ласковой Владиміръ князь:
„Гой вы еси калики перехожіе!
„Хлѣбы съ нами завозные,
„А и денегъ со мною не годилося,
„А и ѣзжу я князь за охотою, и т. д.
„Изволите вы идти во Кіевъ-градъ
„Ко душѣ княгинѣ Апраксѣевнѣ:
„Напоитъ, накормитъ васъ, добрыхъ молодцевъ,
„Подѣлитъ вамъ въ дорогу злата серебра"

Не долго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Кіеву.
А и будутъ въ городѣ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго....
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Съ теремовъ верхи повалялися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися.
Становилися во единый кругъ,
Прошаютъ святую милостыню
У молодой княгини Апраксѣевны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ
Звать каликъ во свѣтлу гридню....
Походили во гридню во свѣтлую:
Спасову образу молятся
Молодой княгинѣ поклоняются;
Молода княгиня Апраксѣевна,
Поджавъ ручки будто турчаночка,
Со своими нянюшки и мамушки,
Съ красными сѣнными дѣвушки.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Садился въ мѣсто большое:
Отъ лица его молодецкаго,
Какъ бы отъ солнышка отъ краснаго
Лучи стоятъ великіе....

Калики съ атаманомъ пируютъ у княгини Апраксѣевны. Но вскорѣ ихъ постигаетъ бѣда: княгиня, въ отсутствіи князя Владиміра, разлюбила его, перестала думать о немъ. Молодой Касьянъ Михайловичъ говоритъ ей горькую правду — что это не по закону христіанскому. Это приводитъ въ сильный гнѣвъ княгиню Апраксѣевну. Чтобы отомстить Касьяну, она рѣшается потихоньку вложить ему въ сумку свою серебрянную чарочку и потомъ обвинить его въ воровствѣ. Замыселъ ея вызывается выполнить Алеша Поповичъ—онъ зашиваетъ чарку въ суму касьянову. Калики уѣзжаютъ, ихъ нагоняетъ Алеша и прямо называетъ ворами. Калики отвѣчаютъ ему за оскорбленье побоями и онъ со стыдомъ возвращается къ Апраксѣевнѣ. Тогда она посылаетъ Добрыню. Всегда отличаясь вѣжливостью, Добрыня и тутъ находится: онъ спрашиваетъ каликъ — не попала ли какънибудь нечаянно въ суму къ одному изъ нихъ чарка княгинина. Они открываютъ сумки,—чарка находится у Касьяна. Самъ братъ атамана напоминаетъ о заповѣди: Касьяна Михайловича по плечи зарываютъ въ землю и уѣзжаютъ. Въ Іерусалимѣ каждый кладетъ по поклону за Касьяна Михайловича,—и вотъ, на возвратномъ пути, они находятъ его на томъ же мѣстѣ живымъ. Онъ выскакиваетъ изъ сырой земли, какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда, и они всѣ вмѣстѣ отправляются опять въ Кіевъ. Тамъ застаютъ они князя Владиміра въ горѣ: княгиня давно больна, вся покрыта ранами. Ее исцѣляетъ Касьянъ Михайловичъ.

(Древнія Русскія Стихотворенія).

ДУХОВНЫЕ СТИХИ КАЛѢКЪ ПЕРЕХОЖИХЪ.

Съ какихъ поръ проявились калѣки перехожіе.

Середи было теплаго лѣта,
Наканунѣ вознесенія Христова,
Расплакалась нищая братья:
«Гой еси, Христосъ царь небесный!
«На кого-то ты насъ оставляешь?
«На кого-то ты насъ покидаешь?
«Кто насъ поить-кормить станетъ,
«Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи охранити?»
Проглаголетъ Христосъ, царь Небесный:
«Не плачьте вы, нищая братья!
«Дамъ я вамъ, нищимъ убогимъ,
«Гору крутую—золотую;
«Умѣйте горою владати,
«Промежду собою раздѣляти;
«Будете вы сыти и довольны,
«Обуты и одѣты,
«И отъ темныя ночи пріукрыты.»
—Проглаголетъ Іоаннъ Златоустій:

«Гой еси, Христосъ, царь Небесный!
Благослови меня слово-промолвить
«За нищую братью, за убогую:
«Не давай нищимъ гору крутую,
«Что крутую гору, золотую;
«Не умѣть имъ горою владати,
«Не умѣть имъ золотыя поверстати,
«Промежду собой раздѣляти.
«Зазнаютъ гору князи и бояра,
«Зазнаютъ гору пастыри и власти,
«Зазнаютъ гору торговые гости;
«Отоймутъ у нихъ гору крутую,
«Отоймутъ у нихъ гору золотую;
«По себѣ они гору раздѣлятъ,
«По князьямъ золотую разверстаютъ,
«Да нищую братью не допустятъ;
«Много у нихъ будетъ убійства,
«Много у нихъ будетъ кроволитства,
«Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися,
«Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣтися,
«И отъ темныя ночи пріукрытися.
«Дадимъ мы нищимъ убогимъ
«Имя твое святое:
«Будутъ нищіе по міру ходити,
«Тебя—Христа величати,
«Въ каждой часъ прославляти;
«Будутъ они сыты и довольны,
«Обуты будутъ и одѣты,
«И отъ темныя ночи пріукрыты.»
Проглаголетъ Христосъ, царь небесный:
«Исполать тебѣ, Іоаннъ Златоустій!
«Умѣлъ ты словечко промолвить
«За нищую за братью—за убогую;
«Да вотъ тебѣ уста золотыя!“
Мы пѣснь поемъ: „аллилуйя!“

(Варенцова, Сборникъ духовныхъ стиховъ стр. 59 — 61).

ДУХОВНЫЕ СТИХИ БОГАТЫРСКІЕ.

1. Егорій Храбрый.

а) Во святой землѣ, православной,
Нарожается желанное дѣтище
У тоя ли премудрыя Софіи;
И нарекаетъ она по имени
Свое то дѣтище — Георгій,
По прозваньицу — храброй.
Возрастаетъ Георгій храброй
Промежъ трехъ родныхъ сестеръ,
Отъ добра дѣла не отходючи,
Святымъ словомъ огрожаючи,
Міру крещеному утожаючи.
Какъ и сталъ онъ, Георгій храброй,
Въ матеръ возрастъ приходити,
Умъ-разумъ спознавати,
И учалъ во тѣ поры
Думу крѣпкую оповѣдати
Своей родимой матушкѣ,
А и ей ли, премудрой Софіи:
«Соизволь, родимая матушка,
«Осударыня премудрая Софія,
«Ѣхать мнѣ ко землѣ свѣтло-русской
«Утвержать вѣры христіанскія.»
И даетъ ему родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая Софія,
Свое благословеніе великое:
Ѣхать ко той землѣ свѣтло-русской,
Утвержать вѣры христіанскія.
Ѣдетъ онъ, Георгій храброй,
Ко той землѣ свѣтло-русской,
Отъ востока до запада поѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити.
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетъ:
«Ой вы, лѣса, лѣса, темные!
«Ой вы, лѣса, лѣса, дремучіе!
«Зароститеся, лѣса темные,
«По всей землѣ свѣтло-Русской,
«Раскиньтеся, лѣса дремучіе,
«По крутымъ горамъ по высокіимъ,
«По Божьему все велѣнью,
«По георгіеву все моленью!»
По его слову, георгіеву,

По его ли, храбраго, моленію,
Заростали лѣса темные
По святой землѣ свѣтло-русской.
Раскидалися лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ, по высокіимъ.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ горы на высокія,
На тѣ холмы на широкіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетъ:
«Ой вы, горы, горы высокія!
Ой вы, холмы, холмы широкіе!
«Разсыпьтеся, горы высокія,
«По всей землѣ свѣтло-русской;
«Становитесь, холмы широкіе,
«По степямъ, полямъ зеленыимъ,
«По Божьему все велѣнію,
«По георгіеву все молѣнію.»
По его ли слову, георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Разсыпалися горы высокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Становилися холмы широкіе
По степямъ, полямъ зеленыимъ.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣ моря, на глубокія,
На тѣ рѣки, на широкія;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетъ:
«Ой вы моря, моря глубокія!
«Ой вы рѣки, рѣки широкія!
«Потеките, моря глубокія,
«По всей землѣ свѣтло-русской,
«Побѣгите, рѣки широкія,
«Отъ востока да и до запада,
«По Божьему все велѣнію,
«По георгіеву все моленію.»
По его слову ли, георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Протекали моря глубокія,
По всей землѣ свѣтло-русской.
Пробѣгали рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣхъ звѣрей, на могучіихъ,
На тѣхъ звѣрей, на рогатыихъ;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій храброй проглаголуетъ:
«Ой вы, звѣри, звѣри могучіе!
«Ой вы, звѣри, звѣри рогатые!
«Заселитеся, звѣри могучіе,
«По всей землѣ свѣтло-русской,
«Плодитеся, звѣри рогатые,
«По степямъ, полямъ безъ числа,
«По Божьему все велѣнію,
«По Георгіеву все молевію.»
И онъ, Георгій храброй, заповѣдуетъ
Всѣмъ звѣрямъ могучіимъ,
Всѣмъ звѣрямъ рогатыимъ:
«А и есть про васъ на съѣдомое
«Во поляхъ трава муравчата,
«А и есть про васъ на пойлицо
«Во рѣкахъ вода студеная.»
По его ли слову, георгіеву,
По его ли, храбраго, моленію,
Заселялися звѣри могучіе
По всей землѣ свѣтло-русской;
Плодились звѣри могучіе
По степямъ, полямъ безъ числа,
Они пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, заповѣданное
Отъ его, Георгія храбраго.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На то стадо, на змѣиное,
На то стадо, на лютое;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити;
И стадо змѣиное возговоритъ
Ко тому ли Георгію храброму:
«Али ты, Георгій, не вѣдаешь,
«Али ты, храброй, не знаешь:
«Что та земля словомъ заказана,
«Словомъ заказана, заповѣдана.
«По той землѣ заповѣданной
«Пѣшъ человѣкъ не прохаживалъ,
«На коню никто не проѣзживалъ.
«Уйми ты, Георгій, своего коня ретиваго,
«Воротися ты, храброй, самъ назадъ.»
Вынималъ Георгій саблю острую,
Нападалъ храброй на стадо змѣиное.
Ровно три дня и три ночи

Рубитъ, колетъ стадо змiиное:
А на третiй день ко вечеру
Посѣкъ, порубилъ стадо лютое.
Наѣзжаетъ онъ, Георгiй храброй,
На ту землю свѣтло-русскую,
На тѣ поля, рѣки широкiя,
На тѣ высоки терема, златоверхiе.
Хочетъ онъ, Георгiй, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, храброй, туто проторити.
Какъ и тутъ ли ему, Георгiю,
Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
Какъ и тутъ ли ему, храброму, проглаголуютъ:
«А тебя ли мы, Георгiй, дожидаючись,
«Тридцать три года не вступаючи
«Съ высока терема, златоверхаго,
«А и тебя ли мы, храбраго, дожидаючись,
«Держимъ на роду великъ обѣтъ:
«Отдать землю свѣтло-русскую,
«Принять отъ тебя вѣру крещеную.»
Прiимаетъ онъ, Георгiй храброй,
Ту землю свѣтло-русскую
Подъ свой великъ покровъ,
Утверждаетъ вѣру крещеную
По всей землѣ свѣтло-русской.

(Изъ Сказанiй Сахарова, т. II. „Народный Дневникъ" стр. 24—26).

б) *) Во градѣ было въ Iерусалимѣ,
При царѣ было при Ѳѣдорѣ,
Жила царица благовѣрная,
Святая Софiя Премудрая.
Породила она себѣ три дочери,
Три дочери да три любимыя,
Четвертаго сына Егорiя,
Егорiя, свѣта, храбраго:
По колѣна ноги въ чистомъ сéребрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорiя вся жемчужная,
По всемъ Егорiѣ часты звѣзды.
Съ начала было свѣта вольнаго
Не бывало на Iерусалимъ градъ
Никакой бѣды, ни погибели.
Наслалъ Господь насланiе
На Iерусалимъ градъ:
Напустилъ Господь царища Дiоклитiанища,
Безбожнаго пса бусурманища.
Побѣдилъ злодѣй Iерусалимъ городъ:
Сѣчетъ и рубитъ и огнёмъ палитъ;
А благовѣрнаго царя Ѳеодора,
Онъ взялъ его, невѣрный царь, за желты кудри,
Отводитъ его далече во чисто поле,
Отрубилъ онъ мечемъ ему буйную голову. **)
Полонилъ злодѣй три ôтроцы,
Три отроцы и три дочери,
А четвертаго чуднаго отроца
Святаго Егорiя Храбраго.
Увозилъ Егорья во свою землю,
Во свою землю во невѣрную.
Онъ и сталъ пытать, крѣпко спрашивать:
— А скажи, Егорiй, каковà роду,
— Каковà роду, какова чину:
— Царскаго рода, аль боярскаго,
— Аль того чину княжевинскаго?
А ему Егорiй отказываетъ,
А ему храбрый отговариваетъ:
„Я того роду христiанскаго" ***)
— Ты повѣруй вѣру, ты ко мнѣ царю,
— Ты ко мнѣ царю, къ моимъ идоламъ.
Святой Егорiй свѣтъ глаголуетъ:
„Ты злодѣй, царище бусурманище!
„Я не вѣрую вѣры твоей невѣрныей,
„Ни твоимъ богамъ, ко идоламъ,
„Ни тебѣ, царищу бусурманищу!
„Вѣрую въ вѣру крещеную,
„Во крещеную, богомольную,
„Самому Христу, Царю небесному,
„Во мать Пресвятую Богородицу,
„Еще въ Троицу нераздѣлимую!»
Вынималъ злодѣй саблю острую,
Хотѣлъ губить ихъ главы

*) Тутъ въ основанiе взятъ мною стихъ, сведенный изъ 4 варiантовъ П. В. Кирѣевскаго; и я позволилъ себѣ дополнить его еще нѣкоторыми чертами изъ другихъ варьянтовъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Безсонова.

**) Эти четыре строки изъ якушкинскаго варьянта Безсон., вып. 2, стр. 441.

***) Три строки изъ сборника г. Якушкина, стр. 19.

По ихъ плеча могучія:
— Ой вы гой еси, три отроцы,
— Три отроцы царя Өеодора!
— Вы покиньте вѣру христіанскую,
— Повѣруйте мою латынскую,
— Латынскую, бусурманскую,
— Молитесь богамъ моимъ кумирскіимъ,
— Поклоняйтесь моимъ идоламъ! —
Три отроцы и три родны сестры
Сабли острой убоялися,
Царищу Діоклитіанищу преклонилися:
Покидали вѣру христіанскую,
Начали вѣровать латынскую, и т. д.
Царище Діоклитіанище,
Безбожный царь бусурманище,
Возговорилъ ко святому
Егорію Храброму:
— Ой ты гой еси, чудный отроце,
— Святый Егорій Хорабрый!
— Покинь вѣру истинную, христіанскую,
— Повѣруй вѣру латынскую, и т. д.
Святый Егорій проглаголуетъ:
«Злодѣй царище Діоклитіанище,
«Безбожный песъ бусурманищѐ!
«Я умру за вѣру христіанскую,
«Не буду вѣровать латынскую, и т. д.
На то царище распаляется,
Повелѣлъ Егорья свѣта мучити
Онъ и муками разноличными.
Повелѣлъ Егорья во пилы пилить:
По Божьему повелѣнію,
По егоріеву моленію,
Не берутъ пилы жидовскія,
У пилъ зубья позагнулися,
Мучители всѣ утомилися,
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тѣло соцѣлялося;
Возставалъ Егорій на рѣзвы ноги:
Поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы все архангельскіе.
Возговоритъ царище Діоклитіанище
Ко святому Егорью Хораброму:
— Ты покинь вѣру истинную, христіанскую, и т. д.
А святый Егорій проглаголуетъ:
«Не покину вѣру христіанскую, и т. д.
На то царище опаляется,
Въ своемъ сердцѣ разозляется.
Повелѣлъ Егорья въ топоры рубить.
Не довлѣтъ Егорья въ топоры рубить:
По Божію повелѣнію,
По егоріеву моленію,
Не берутъ Егорья топоры нѣмецкіе;
По обухъ лезья приломилися,
А мучители всѣ пріутомилися, —
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тѣло соцѣлялося;
Да возстаетъ Егорій на рѣзвы ноги:
Онъ поетъ стихи херувимскіе.
Возговоритъ царище Діоклитіанище
Ко Егорію Храброму:
— Ой ты гой еси, отче Егорій Храбрый!
— Повѣруй вѣру латынскую! —
А свѣтъ Егорій проглаголуетъ:
«Я умру за вѣру христіанскую, и т. д.
Царище Діоклитіанище на него опаляется;
Повелѣлъ Егорья въ сапоги ковать,
Въ сапоги ковать, гвозди желѣзные;
Не добрѣ Егорья мастера куютъ:
У мастеровъ руки опущалися,
Ясные очи помрачалися, —
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тѣло соцѣлялося,
А злодѣй царище Діоклитіанище
Повелѣлъ Егорья во котёлъ сажать,
Повелѣлъ Егорья во смолѣ варить,
Смола кипитъ, яко громъ гремитъ,
А по-сверьхъ смолы Егорій плаваетъ;
Онъ поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы все архангельскіе.
Возговоритъ царище Діоклитіанище:
—Покинь вѣру истинную христіанскую, и т. д.
Святый Егорій проглаголуетъ:
«Я не буду вѣровать вѣру бусурманскую» и т. д.
На то царище Діоклитіанище опаляется;
Повелѣлъ своимъ мучителямъ:
— Ой вы гой еси, слуги вѣрные!
— Вырывайте скоро глубокъ погребъ. —
Тогда же его слуги вѣрные
Вырывали глубокъ погребъ:
Глубины погребъ сорока саженъ;
Ширины погребъ двадсяти саженъ,
Посадилъ Егорья во глубокъ погребъ,
Закрывалъ досками желѣзными,
Задвигалъ щитами дубовыми,
Забивалъ гвоздями полужеными,
Засыпалъ песками рудожелтыми,
Засыпалъ онъ и притаптывалъ,
И притаптывалъ и приговаривалъ:

— Не бывать Егорью на святой Руси,
— Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
— Не видать Егорью солнца краснаго,
— Не видать Егорью отца и матери,
— Не слыхать Егорью звона колокольнаго,
— Не слыхать Егорью пѣнія церковнаго!—
И сидѣлъ Егорій тридсять лѣтъ.
А какъ тридсять лѣтъ исполнилось.
Святому Егорью во снѣ видѣлось:
Да явилося солнце красное,
Еще явилася Мать Пресвятая Богородица;
Святу Егорью, свѣтъ, глаголуетъ:
— Ой ты еси, святый Егорій, свѣтъ, Храбрый!
— Ты за это ли претерпѣніе
— Ты наслѣдуешь себѣ царство небесное! —
По Божьему повелѣнію,
По Егорія храбраго моленію,
Отъ свята града Ерусалима
Поднималися вѣтры буйные:
Разносило пески рудожелтые,
Поломало гвозди полуженые,
Разметало доски желѣзныя, —
Выходилъ Егорій на святую Русь;
Завидѣлъ Егорій свѣту бѣлаго,
Услышалъ звону колокольнаго,
Обогрѣло его солнце красное.
И пошелъ Егорій по святой Руси,
По святой Руси, по сырой землѣ,
Ко тому граду Ерусалиму,
Гдѣ его родимая матушка
На святой молитвѣ Богу молится.
Приходилъ Егорій во Ерусалимъ городъ.
Ерусалимъ городъ пустехонекъ:
Вырубили его и выжегли,
Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго.
Стоитъ одна церьковь соборная,
Церьковь соборная, богомольная;
И во церькови во соборныей
Стоитъ его матушка родимая.
Святая Софія Премудрая,
На молитвахъ стоитъ на Исусовыхъ:
Она Богу молитъ объ своемъ сыну.
Помолимши Богу, оглянулася;
Она узрѣла и усмотрѣла
Свово чаду, свово милаго,
Свята Егорія, свѣта, Храбраго;
Свѣту Егорью, свѣтъ, глаголуетъ:
— Ровно три года солнце не пекло,
— Но теперь мнѣ солнце возсіяло. *)
Ой ты еси, моё чадо милое,
— Гдѣ ты былъ, гдѣ разгуливалъ?—
Святый Егорій, свѣтъ, глаголуетъ:
«Ой сударыня моя матушка,
«Святая премудрая Софія!
«Былъ я у злодѣя царища Діоклитіанища,
«Претерпѣлъ я муки разныя.
«Государыня моя матушка,
«Воздай мнѣ свое благословеніе:
«Поѣду я по всей землѣ свято-русской
«Утвердить вѣру христіанскую.
«Благослови, родимая родная матушка,
«Меня иттить ко злому царю Діоклитіану,
«Отплатить ему дружбу прежнюю,
«Отлить мнѣ кровь своего батюшки.»
Возговоритъ Егорью родная матушка:
— Мое дитятко ты премладое!
— Гдѣ жь тебѣ иттить ко злому царю Діоклитіану!
Возговоритъ Егорій своей родной матери:
«Благословишь—пойду, и не благословишь—пойду!» **)
Свѣту Егорью мать глаголуетъ:
— Ты поди, мое чадо милое,
— Ты поди далече во чисты поля:
— Ты возьми коня богатырскаго
— Со двѣнадесять цѣпей желѣзныхъ,
— И со збруей богатырскою,
— Со вострымъ копьемъ со булатнымъ
— И со книгою со евангельемъ.
Тутъ же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ разстилалися:
Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
Святой Егорій глаголуетъ:
«Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!

*) Изъ якушкинскаго варьянта (Безсон. вып. 2, стр. 449.)
**) Эти 9 строкъ изъ якушк. варьянта (Безс., в. 2, стр. 449.)

‹Встаньте и раштатнитеся,
‹Раштатнитеся, раскачнитеся:
‹Порублю изъ васъ церкви соборныя,
‹Соборныя да богомольныя,
‹Въ васъ будетъ служба Господняя.
‹Зароститеся вы, лѣса,
‹По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ по высокіимъ.›
По Божьему все велѣнію,
По егоріеву все моленію
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
Ростутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.
Еще Егорій поѣзжаючи.
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на рѣки быстрыя,
На быстрыя, на текучія:
Нельзя Егорью проѣхати,
Нельзя святому подумати.
‹Ой вы еси, рѣки быстрыя,
‹Рѣки быстрыя, текучія!
‹Протеките вы, рѣки, по всей земли,
‹По всей земли свято-русскіей,
‹По крутымъ горамъ по высокіимъ,
‹По темнымъ лѣсамъ по дремучіимъ.
‹Теките вы, рѣки, гдѣ вамъ Господь повелѣлъ.›
По Божьему велѣнію,
По егоріеву моленію,
Протекли рѣки, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.
Святой Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ на горы на толкучія:
Гора съ горой столкнулися,
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
‹Вы горы, горы толкучія!
‹Станьте вы, горы, по старому:
‹Поставлю на васъ церьковь соборную,
‹Въ васъ будетъ служба Господняя.›
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучіихъ;
И пастятъ стадо три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы.
На нихъ тѣла яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль трава.
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
‹Вы волки, волки рыскучіе!
‹Разойдитеся, разбредитеся,
‹По два, по три, по единому,
‹По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ,
‹А ходите вы повременно,
‹Пейте вы ѣште повелѣнное,
‹Отъ свята Егорья благословенное!›
По Божьему все повелѣнію.
По егоріеву моленію,
Разбѣгалися звѣри по всей земли,
По всей земли свѣтло-русскіей:
Они пьютъ-ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, благословенное
Отъ Егорія Храбраго.
Еще же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на стадо на змѣиное.
Не пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
‹Ой вы гой еси, змѣи огненныя!
‹Разсыпьтесь, змѣи, по сырой землѣ
‹Въ мелкіе, дробные черепьицы,
‹Пейте и ѣшьте изъ сырой земли.›
Святой Егорій проѣзжаючи,
Святую вѣру утвержаючи,
Пріѣзжалъ Егорій
Къ тому ко городу Кіеву.
На тѣхъ вратахъ на херсонскіихъ
Сидитъ Черногаръ птица,
Держитъ въ коггяхъ осетра рыбу:
Святому Егорью не проѣхать будетъ.
Святой Егорій глаголуетъ:
‹Охъ ты, Черногаръ птица!
‹Возвейся подъ небеса,
‹Полети на Океанъ-море:
‹Ты и пей и ѣшь въ Океанъ-морѣ.›
По Божьему повелѣнію,
По егорьеву моленію,
Поднималась Черногаръ птица подъ небеса,
Полетѣла она на Океанъ.море.
Она пьетъ и ѣстъ на Океанъ-морѣ,
Святой Егорій проѣзжаючи;
Святую вѣру утверждаючи,
Наѣзжалъ палаты бѣлы каменны,
Да гдѣ же пребываетъ царище Діоклитіанище,
Безбожный песъ бусурманище.
Увидѣлъ его царище Діоклитіанище,

Выходилъ онъ изъ палаты бѣлокаменной;
Кричитъ онъ по звѣриному,
Визжитъ онъ по змѣиному; —
Устрашился у Егорія багатырскій конь,
Палъ конь на сыру землю.
Вынимаетъ Егорій палицу боевую,
Бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ кости до мозгу.
Отвѣчалъ ему конь человѣчьимъ голосомъ:
— Гой еси, Егорій святый Храбрый!
— Вынимай свой тугой лукъ
— Вкладывай калену стрѣлу,
— Пускай злодѣю въ челюсти,
— Отбей у него легкое съ печенью,
— Пролей кровь за батюшку и за матушку,
— И за родныхъ сестеръ! —
Вынималъ Егорій тугой лукъ.
Кладывалъ калену стрѣлу,
Пущалъ въ царища Діоклитіанища *)
Подымалъ палицу богатырскую,
Разрушилъ палаты бѣлокаменныя,
Утвердилъ вѣру самому Христу,
Святому Христу, царю небесному,
Владычицѣ Богородицѣ,
Святой Троицѣ нераздѣлимыя.
Онъ беретъ свои три родныхъ сестры,
Приводитъ къ Іордань-рѣкѣ:
‹Ой вы мои три родныхъ сестры!
‹Вы умойтеся, окреститеся,
‹Ко Христову гробу приложитеся:
‹Набрались вы духу нечистаго,
‹Нечистаго, бусурманскаго.
‹На васъ кожа, какъ еловая кора,
‹На васъ власы, какъ камышъ трава.
‹Вы повѣруйте вѣру самому Христу,
‹Самому Христу, царю небесному.
Умывалися, окрещалися, —
Камышъ трава съ нихъ свалилася,
И еловая кора опустилася.
Приходилъ Егорій
Ко своей матушкѣ родимой:
‹Государыня моя матушка родимая,
‹Премудрая Софія!
‹Вотъ тебѣ три дочери,
‹А мнѣ три родныхъ сестры!›

Егорьева много похожденія,
Велико его претерпѣніе:
Претерпѣлъ муки разноличныя
Все за наши души многогрѣшныя.
Поемъ славу свята Егорія,
Свята Егорія, свѣтъ Хорабраго.
Во вѣки его слава не минуется
И во вѣки вѣковъ, аминь.

(Изъ ‹Калѣкъ перехожихъ,› Безсонова, в. 2, стр. 440—456.)

2) Егорій и Олексафія.

Посторонъ святаго града Ерусалима
На земли было три царства беззаконныихъ:
Первое царство былъ Содомъ городъ,
А второе царство былъ Гоморъ городъ,
А третье было царство Рахлинское.
На ихнее беззаконіе великое —
Да не могъ на нихъ самъ Господь смотрѣть:
Содомъ и Гоморъ Господь скрозь землю просламъ.
А на этое третье царство, на рахлинское
Напущалъ Господь Богъ на нихъ змѣя лютаго.
Давали они со города скотиною
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
И ко пещерскому на прожреніе.
Во градѣ скота у нихъ мало осталося;
Давали они со города по головы,
По головы человѣческой,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.
Во градѣ людей у нихъ мало оставалося;
Собиралися всѣ жители рахлинскіе
Къ самому оны царю на широкой дворъ;
Метали они жеребьемъ самоволжевымъ
Со самымъ царемъ со Агапіемъ.
По жеребью царю доставалося
Ко лютому змѣю иттить на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.
Прикручинился царь и припечалился.
Возговоритъ ему царица рахлинская:
‹Не кручинься, царь, и не печалуся;

*) Эти 16 строкъ изъ особаго варьянта, (Безсон., в. 2, стр. 420.)

У насъ есть съ тобой кѣмъ замѣнитися:
У насъ есть съ тобой дитя единое;
Она единая дочь не милая;
Она вѣруетъ вѣру все не нашу:
Богу молится она роспятому;
Отдадимъ мы Олексафію ко лютому змѣю,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.»
Многой радостью царь изнаполнился,
Приходилъ онъ въ полаты бѣлокаменны,
Ко своей ко дщери въ одиновія;
Вызывалъ онъ въ упокой ее во особый,
Уговаривалъ онъ дочь, обманивалъ:
«Ты, прекрасная Олексафія Агапеевна,
Ты вставай-ка, Олексафія, изъ утра ранешенько,
Умывайся, дѣвица, бѣлешенько
И снаряжайся, Олексафія, хорошехонько:
Изъ утра я буду тебя замужъ давать,
Ты въ которую вѣру вѣруешь» *).
Срадовалася Олексафія, завеселылася.
На ложницу она спать не ложилася!
Всю темную ночь она Богу молилася;
Молилася она Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью-свѣту Храброму.
Между тѣмъ дѣвицы и утра пришло.
Вставала Олексафія ранешенько,
Умывалася она бѣлешенько,
Снаряжалася она хорошехонько.
Выходила Олексафія на крутой крылецъ,
Взглянула Олексафія на широкій дворъ:
Посреди двора было царскаго—
Тутъ стоитъ корета сама черная,
Принряжены коня неучепые,
Посаженъ дѣтина въ платьѣ травурномъ;
Ино тутъ же Олексафія догадалася,
Горячимъ слезамъ она обливалася:
«Не на то меня мать спородила,
Чтобъ отдать меня во свою вѣру;
А на то меня мать спородила:
Отдаетъ меня батюшка ко лютому змѣю,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.»
Повели Олексафію со крута крыльца,
Сажали Олексафію въ корету черную,
Повезли Олексафію ко синему морю,
Ко тому ко восходу ко змѣиному.
Выходила Олексафія изъ кореты вонъ,
Садилась Олексафія на крутой берегъ
Ко тому ко морю ко синему.
Уѣзжалъ дѣтина въ платьѣ травурномъ:
Оставалась Олексафія одинешенька.
На листу у Олексафіи было написано:
Святые ангелы были все, архангелы.
Молилась Олексафія Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью-свѣту Храброму.
Услышалъ Господь Богъ ея моленье,
Посылалъ Господь Богъ Егорья Храбраго
Для храненія дѣвицы отъ змѣя лютаго.
Пріѣзжалъ Егорій на добромъ конѣ,
Онъ слѣзалъ, Егорій, съ коня добраго;
Онъ поклонъ воздалъ дѣвицы низешенько:
«Богъ на помочь тебѣ, царская дочь Олексафія!
Давалъ Егорій Храбрый свой шелковъ поводъ
Олексафіи дѣвицы на бѣлы руки:
«Подержи ты, говоритъ, Олексафія, моего коня,
«А больше того смотри сама на сине море
«Когда на морѣ волна будетъ подыматися,
«Изъ пещеръ змѣя лютая появлятися,
«Ты тогда меня, дѣвица, отъ сна сбуди.»
Онъ возговорилъ Егорій, а самъ спать уснулъ.
Держала Олексафія коня храбраго,
Больше того смотрѣла на сине море.
На морѣ волна стала колыбатися,
Но тутъ же Олексафія она испугалася,
Горячими слезами она обливается.
Начала дѣвица Егорья ото сна будить,
Не могла она Егорья ото сна сбудить,
Она жалко Олексафія сама росплакала:
Покатились у Олексафіи горючи слезы
На егорьево на бѣло лице;
Оттого Егорій ото сна возсталъ.
Онъ беретъ свое жезло булатное,
Онъ пошелъ Егорій ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змѣиному.
Онъ бьетъ змѣю копьемъ во прожорище;

*) Т. е. отдамъ тебя за человѣка одной вѣры съ тобою.

‹Ты будь змѣя и кротка, и смирна;
‹Ты пей и ѣшь мое повелѣнное,
‹Олексафіино благословенное.›
Распоясалъ Егорій свой шелковъ поясъ,
Онъ продѣлъ змѣи насквозь проэорище,
Онъ давалъ Олексафіи на бѣлы руки,
Онъ давалъ, Егорій, самъ наказывалъ:
‹Поведиткась, Олексафія, змѣя лютаго
Во свое во царство рахлинское,
Скажи батюшкѣ, царю Агапію,
Пущай повѣруетъ вѣру христіанскую,
Пусть состроитъ онъ три церквы соборныя:
Ежель не повѣруетъ онъ вѣры христіанскія,
Ты пусти змѣю на свою волю,
Потребитъ змѣя ихъ всѣхъ до единаго,
Не оставитъ имъ людей на сѣмены›.
Повела Олексафія змѣя лютаго
Во свое царство во рахлинское,
Становилась Олексафія посреди града,
Закричала Олексафія женскимъ голосомъ:
‹Ты услышь, мой отецъ, рахлинскій царь!
‹Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую,
‹Ты состроишь ли три церквы соборныихъ?
‹Ежель ты не повѣруешь вѣры христіанскія,
‹Я пущу змѣю на свою волю,
‹Потребитъ змѣя васъ всѣхъ до единаго,
‹Не оставитъ вамъ людей на сѣмены,›
Царь со радости онъ вѣры повѣровалъ,
Онъ создалъ свою заповѣдь великую:
‹Я сострою три церквы соборныя:
‹Церковь Матери Божьей, Богородицы,
‹Еще Троицы Живоначальныя
‹И святому Егорью-свѣту Храброму.
‹Я не разъ Егорью буду въ годъ вѣровать,
‹Я не разъ ему въ году—два раза.›

(Изъ пѣсенъ Якушкина—стр. 27—59.)

3) Өедоръ Тырянинъ.

Молился царь Констинкинъ Самойловичь
У честной у святой у заутрени.
Отъ того царя іюдейскаго,
сея силы жидовскія,
Прилетала калена стрѣла,
На стрѣлѣ было подписано:
‹‹Царь Констинкинъ Самойловичь!
‹‹Отдай градъ ты охотою:
‹‹Не отдашь градъ охотою,
‹‹Мы возмёмъ градъ мы неволею.››
Онъ вскричалъ царь Констинкинъ Самойловичь
Своимъ громкимъ голосомъ:
— Вы люди мои могучіе,
— Всѣ гости почётные!
— Кто постоитъ за городъ Ерусалимъ
— И за всю вѣру крещёную,
— За Мать Божью Богородицу?—
А старый прячется за малаго,
А малаго и давно не видать.
Выходила-выступала его чада милая,
И младъ человѣкъ и Өёдоръ Тырянинъ,
Всего отъ роду двѣнадцать лѣтъ:
‹Родимой ты мой батюшка,
‹Царь Констинкинъ Самойловичь!
‹Ужъ и дай мнѣ благословленье,
‹Ужъ и дай мнѣ коня добраго,
‹Ужъ и дай мнѣ збрую булатную:
‹Поѣду противъ царя іюдейскаго,
‹Противъ силы жидовскія.›
— Ой чадо моё милое,
— Младъ человѣкъ и Өёдоръ Тырянинъ!
— Ты на войнахъ ты не бывывалъ,
— На бойкомъ конѣ ты не сиживалъ,
— Кровавыхъ ранъ не принималъ,
— Не умѣешь, чадо моё, на конѣ сидѣть,
— Не умѣешь копьёмъ шуръ метать: *)
— На кого ты, чадо, надѣешься,
— На кого и начаешься?—
‹Ты родимой мой батюшка,
‹Царь Констинкинъ Самойловичь!
‹Я надѣюсь и начаюся
‹На силу и на небесную,
‹На Мать Божью Богородицу.›
Онъ беретъ коня нсѣзжалаго,
Онъ беретъ книгу, крестъ и евангеля,
Онъ поѣхалъ чистымъ полемъ,
Возвивается яко соколъ по поднебесью,
Онъ убился-убился три дня и три ночи,

---

*) Шурмовать, штурмовать.

Съ добра коня не слѣзаючи,
И хлѣба не скушаючи,
И воды не спиваючи:
Побилъ царя юдейскаго,
Покорилъ онъ силу жидовскую.
Тőпитъ кровь жидовская,
Добру коню по гриву,
А добру молодцу по шелкбвъ поясъ.
Онъ воткнулъ копьё въ сыру землю,
Онъ раскрылъ книгу евангеля,
Во зрыданіяхъ слова не вымолвитъ,
Во слезахъ слова не обозритъ:
„Разступися, мать сыра земля
„На четыре на стброны,
„Прожирай кровь юдейскую,
„Не давай намъ потбнути
„Во крови во жидовскія."
По его умоленію,
По святому прошенію,
Разступилась мать сыра земля
На четыре и стброны,
Прожрала кровь юдейскую.
Онъ поѣхалъ младъ человѣкъ Өёдоръ Тириннинъ
Ко двору государеву.
Увидѣлъ его батюшка
Изъ палатъ изъ бѣлыхъ каменныхъ:
— Вонъ моё ѣдетъ дитятко,
— Вонъ ѣдетъ моё милое!
— Онъ ни пьянъ, ни хмѣлёнъ,
— Да сидитъ—качается,
— Подъ нимъ конь-атъ спотыкается:
— Либъ убитый, подстрѣляный.—
Подъѣзжаетъ младъ человѣкъ Өёдоръ Тириннинъ
Ко дворцу онъ государеву.
Стрѣчаетъ его батюшка,
А берётъ его батюшка
За руцы за бѣлыя,
За пѐрсини (перстни) позлачёные,
А сажаетъ его батюшка
За столы за дубовые,
За скатерти да браныя,
А сваво коня добраго
Привязалъ ко столбу ко точёному,
Ко кольцу позлачёному;
Онъ пьётъ и ѣстъ, прохлаждается.
Его родимая матушка,
Его милуючи,
И добра коня желѣючи,
Отвязала отъ кольца позлачёнаго,
Повела на синё море,
Поить, обмыть кровь юдейскую
И всеё кровь жидовскую.
А гдѣ ни взялся змѣй огненный,
Двѣнадцати-крылыхъ-хоботовъ,
Онъ прожралъ коня добраго,
Полонилъ его матушку,
И унёсъ его матушку
Во пещеры во змінныя,
Ко двѣнадцати змѣёнышовъ.
А гдѣ нѐ взялись два ангела Божіихъ,
Рекли человѣчимъ да и голосомъ:
‹‹А младъ человѣкъ, Өёдоръ да Тириннинъ!
‹‹Ты пьешь и ѣшь, прохлаждаешься,
‹‹Надъ собой бѣды ты нѐ знаешь:
‹‹Твою родимую матушку
‹‹Полонилъ змѣй огненный,
‹‹Прожралъ тваво коня добраго.››

(‹Калѣки›, Безсонова, вып. 3, стр. 526—530.)

Чтò въ устахъ было, то проглотилъ,
Чтò въ рукахъ, то такъ пустилъ;
Восходитъ скоро въ церьковь соборную,
Онъ беретъ съ собою слово Божіе,
Свято-честну книгу евангелье,
Онъ беретъ съ собой збрую ратную,
Копье булатное,
Саблю вострую: палицу желѣзную,
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы каленыя;
Онъ приходитъ къ морю синему,
Становился на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
Онъ читаетъ слово Божіе,
Святу-честну книгу евангельё;
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слова не вымолвитъ.
Гдѣ ни возмется тамо китъ рыба,
Прорѣщитъ та китъ рыба
Человѣчьимъ языкомъ:
‹И младый человѣкъ, Өедоръ Тиронъ!
‹Ты поди по мнѣ, ко китѣ рыбѣ,
‹Яко по мосту, яко по суху,
‹Выручи свою родимую матушку
‹Изъ тоё муки змѣиныя,
‹Отъ двѣнадцати отъ змѣенышей.›
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ
Переходитъ море синее,
Становится на крутомъ, красномъ бережочкѣ,

Читаетъ слово Божіе,
Святу-честну книгу евангелье,
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слово не вымолвитъ.
Завидѣла его родимая матушка
Изъ тое изъ муки изъ змѣиные,
Отъ двѣнадцати отъ змѣенышей,
Кричитъ-вопитъ громкимъ голосомъ:
«Ой, дитятко, съ тобою мы погибнули,
«Родимое, съ тобой погибнули!»
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ,
Самъ возговоритъ таково слово:
«Не убойся, моя матушка, не погибнули,
«Родимая, не погибнули;
«Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
«Со мною слово Божіе,
«Со мною сбруя ратная,
«Копье булатное;
«Сабля вострая, палица желѣзная,
«Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы каленыя»
А молодой человѣкъ Өедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены;
Онъ стрѣлялъ въ двѣнадцать змѣенышей;
Выручилъ свою родимую матушку
Изъ тое изъ муки змѣиныя
Отъ двѣнадцати змѣенышей;
Онъ посадилъ ее на голову на тяжелую. *)
Понесъ ее къ морю синяму.
Его родимая матушка
Назадъ себѣ оглянулася,
Завидѣла змѣя лютаго,
Люта змѣя, люта-огненна,
О двѣнадцати хоботовъ,
Кричитъ-вопитъ громкимъ голосомъ:
„Ой, дитятко, съ тобой мы погибнули,
„Родимое, съ тобой погибнули!"
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ
Самъ возговоритъ таково слово:
„Не убойся, моя матушка, не погибнули,
„Родимая, не погибнули;
„Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
„Со мною слово Божіе," и т. д.
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены,
Онъ стрѣлялъ супротивъ змѣя лютаго,
Люта змѣя, люта огненна
О двѣнадцати хоботовъ,
Вышибалъ ему сердце со печенью;
Обливала его кровь змѣиная
Не по колѣно, не по полсъ,
По самы груди бѣлыя,
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ,
Онъ и бьетъ копьемъ во сыру землю,
Самъ возговоритъ таково слово:
— „Ужь ты матушка мать сыра земля
„Растунися на четыре четверти,
„На всѣ на четыре стороны!
„Ты пожри въ себя кровь змѣиную!"
По Божію изволенію.
Разступилася мать сыра земля
На четыре на четверти,
Пожирала въ себя кровь змѣиную,
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ
Очищалъ землю свято-русскую,
Приходилъ ко синю морю,
Становился на крутомъ красномъ бережечкѣ,
Читалъ слово Божіе
Святу-честну книгу евангелье:
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слово не вымолвитъ.
Гдѣ не возмется та же китъ рыба,
Прорѣщитъ китъ рыба
Человѣчимъ языкомъ;
„А младый человѣкъ Өедоре Тиронъ,
„Ты поди по мнѣ по китѣ рыбѣ,
„Яко по мосту, яко по суху,
„Понеси свою родимую матушку,
„Изъ тые изъ муки змѣиные."
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ
Переходитъ море синее,
Становится на крутомъ на красномъ бережечкѣ,
Самъ возговоритъ таково слово:
— Государыня моя родимая матушка,
А что стоитъ мое похожденіе
„Супротивъ твоего порожденія?
Его родимая матушка
Горючимъ слезамъ заливалася,
Сама говорила таково слово:

*) Вѣроятно ошибка; читай: «на голову — на темячко.»

„Ой горе, чадо милое!
„А и младой человѣкъ Өедоръ Тиронъ,
„Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,
„Какъ твое то нохожденіе,
„Наипаче моего порожденія.“ *)

(Изъ пѣсенъ Якушкина, стр. 56—59).

Для сравненія памятникъ книжный— апокрифическое житіе Өеодора Тирона.

Въ радосшибы въ царь, и въ то время змѣю жрьтвы не принесе. И разгнѣвася змѣй, удрьжа воду; и бѣша прескорбьни людие, и скоти ихъ издыхаша. Видѣвши же мати его конь сына своего Феодора хотящъ води зѣло; ибо той первый конь его, егоже имѣя въ бранехъ. И вземши узду въ руцѣ своѣ, и иде едина къ кладязю. Бяше же мѣсто то, идѣже кладязь, оужасно и страшно имѣюще струпы и пропасти, входи же и исходы и звѣрій множество. Егда приде къ кладязю, видѣвши же мѣсто ужасно и страшно, и ужасеся; паки отложше женьскоую немощь и облѣкшеся въ мужское съврьшеніе, устремися къ кладязю, и пришедши, видѣ, яко воды мало низу. Привязавши конь у брега и низде и напоивши воды, изиде. Бяше бо жена красна власы и лицемъ. И яко видѣ ю змѣи, и помысли, и абіе въсхитити ю, и зряше на ню лютымь взоромь. И вшедши же ей третицею въ кладязь, и взятся великыи змѣи, и пожре ю съ глаголомь великымь. Опа же възрѣвши и слышавши гласа змѣева, и поверьже абіе съсудъ, видѣвши его, и премѣни лице и бысть безъгласна; и абіе въсхити ю змѣи, внесе ю въ жилище свое и затвори ю. И пришедше раби ея, искаша ея, — и не обрѣтоша ея, но обрѣтоша конь привязанъ и ссудъ стоящь на кладязѣша. И разумѣша, яко восхищена бысть змѣемь, и възратишася въ домъ свой рыдающе. Феодоръ же бяше въ полатѣ у царя, и пришедъ въ домъ свой, услиша о матери своей рыданіе, и въспроси отрокъ своихъ. И рѣша ему слугы: „мати твоя, госпожа наша, въсхищена бысть змѣемъ.“ То слышавъ Феодоръ плачь и рыданіе, и глаголаше: „увы мнѣ, мати моя! яко не обрѣтеся на помощь твою никтоже въ тъи часъ, оньже нечестивый змѣй гряде на тя и отлучихся, мати моя, отъ благостныя твоея души безъ глагола, Богу нехотящоу.“ И тъ рече Феодоръ, и прѣдъста плача, и препоясався оружіемь, и поиде къ кладязю, да ся побѣдить съ змѣемь. Иде же царь къ нему и обрѣте его въоружена, внити хотящу къ кладязю. И рече къ нему царь: „о чадо Феодоре, егоже не можеши творити, не помысли творити.“ — Святий же Феодоръ рече царю: „ты вѣси, владыко, яко на вся языкы, аможе мя еси послалъ, мужески ти сътворилъ, хотя похвалы отъ тебе. Нынѣ же о избавленіи матере моея како не могу мужескы сътворити?“ — И рече ему царь: „видѣхъ, яко въ языки, аможе тя послалъ есмь, мужески сътворилъ еси, яко и мысль велику, умъ твердъ и оружіе избранно и сердце неужасно. Добрыи воина съ тобою одолѣваши, и нынѣ уже у сихъ дверій, въ няже мыслиши, узокъ путь и желаніе змієва суетна, нѣсть мѣста, гдѣ противу стати, ни оружіе обратити; но чревомь пользаеть и перьсми, змѣй же не видимъ, да не можеши съ нимь побѣдитися.“ —И рече Феодоръ: „аще хощеши, владыко, домъ мой добрѣ оустрои, скоты раздай вдовицамъ и сиротамъ, и рабы свободи отъ дому моего, кони же мои и оружіе бранное имѣй въ царьствіи своемь. Во 1-ю суботу твори память мою. И повели уже пріяти молитву я поити къ кладязю, а не расслабляй мене.“ Видѣвъ же его царь неуклонна и преклонь колѣни свои, моляше, глаголя: „Господи Боже, бывъ послѣднику своему Іакову и Осифу, хотящу ему внити въ Египетъ, и пришедъ и дасть ему дръжаву, услыши, Господи, глагола молитвы моея, избави раба си Феодора о бѣды, всякыя помысли вражія, паки възвратитися ко мнѣ

*) Твое похожденіе, т. е. то, что ты для меня, наипаче, т. е. болѣе, выше, чѣмъ мое порожденіе, чѣмъ-то, что я тебя родила.

възблагослови." И скончa молитву, и рече: „чядо Феодоре, не дай и иному похвалы твоея: не въздремлеть храняй тя ангелъ." Преклони же колѣни свои и прiятъ отъ отца моливу и вниде въ кладязь, и царь сяде на кладязѣ три дни и три нощи, ожидая воина. По трехъ же днiехъ вниде въ палату свою и бяше печалуяся о воинѣ: И призва архiерея и рече къ нимъ: „отци братья, сътворите молитву о немь къ Богу, негли избавитъ Господь добраго воина отъ звѣри. Рабъ же божiй Феодоръ и вниде въ жилище змѣево, и обрѣтъ матерь свою яко дѣву украшену, златомь и серебромь покрыту. 31 змiй великыхъ остегнули ю и аспида мерьская предъ нею. А старый змѣй сѣдяше предъ нею на столѣ златѣ, и етери гади, велицiи и малiи лежаху предъ нею. стрегуще ея. Рабъ же блаженыи видѣвъ вся, и ужасеся. И пакы узрѣ матерь свою и новоли прихватити ю по мысли, и приближися къ ней. А абiе въздвигошася 31 змѣевъ, свистающе на него и морьская аспида глаголюще и облизающе устнѣ свои. И старый одобелѣ, и бысть якоже человѣку очима не возрѣти; и малiи такоже кождо отъ злобъ своихъ покушахуся, пожрети хотяще жива раба божiя. Феодоръ же, видѣвъ множество змѣевъ, и ужасеся, тако моляшеся, глаголя: „Господи Боже, всяческый свѣдыя, начальниче невидиме и непостижиме, неиспытнѣ жиждителю, призри на молитву мою, да быхъ одолѣлъ враговъ сихъ, мерьскыихъ змѣевъ, да ся прославитъ имя твое святое." И прiиди ему гласъ, глаголя: „възмогай, Феодоре, азъ есмь съ тобою." И простеръ руку свою, и побѣди змiя, и 31 аспида пронзе, и все воинство побѣди змiево, иже великыи змѣй не бяше ту, но на полѣ ловы дѣяше. Прiимъ Феодоръ матерь эвою и глаголаше ей: „иди, мати моя, изидеве отъ адову руку." И тѣма же глаголющема, се приде змѣй великы, свидая; взоръ его грозенъ и страшенъ три главы имущь. И принесе два отрока и видѣвъ храмъ свои разрушенъ и воина матерь свою дръжаща, и разгнѣвася зѣло. И пусти на'ня гнѣвъ свой, яко дымъ и тму велику зѣло. Рабъ же Феодоръ видѣвъ, и ужасеся, и моляшеся глаголя: „Господи Боже нашь, изведе Iону изъ кита, покрыта въ трехъ днiехъ, избавилъ еси, избавилъ Даниила отъ устъ львовъ, помилуй, спаси мене и рабу свою, да одолѣевѣ сего." — И приде ему гласъ, глаголя: „възмогай, Феодоре, азъ есмь съ тобою." И отведъ копье, оудари змѣя яко не видѣти. И оуядрився, кое вонъ, кое виоутрь. И затворенъ же бысть Феодоръ съ матерью за 2 дни. И Феодоръ молися Богу, и тако глаголаше: „Боже, живый на небесѣхъ и на земли, разрушивый двери адовы и узы, призри на молитву мою, яко нынѣ слава моя и въ пропастехъ горкыихъ, снидохъ въ земныя глубины, да изидеть отъ печали животъ мой къ тобѣ, Господи Боже мой?" Господь Богъ, хотя его спасти и избавити, и посла къ нему Михаила архангела; и пропусти воду тещи первыимь си потемь. И назирая раба божiя взити съ матерью своею и съ двема уношема, тече възвѣсти царю. Се же бысть облакъ свѣтелъ покры я. Изиде вѣда яко рѣка велiя; и видѣвше человѣци мѣста того воду и раба божiя съ матерью своею и со двема уношема, текше възвѣстиша царю, И обрадовася царь и срѣте его, испытавъ о немь, яко убилъ есть змия и все воинство его. И постави его въ первомъ сану и одолѣ борющiимся языкомъ, и одолѣваше я. И потомь умре царь, и преставися Феодоръ въ Пенетiи Ираклеи.

(Памятн. Стар. рус. литерат., вып. 3, стр. 143 — 145.)

4. Димитрiй Солунскiй.

Съ перваго вѣку-начала Христова
Не бывало на Салымъ градъ
Никакой бѣды, ни погибели,
Идетъ насланiе Божiе на Салымъ градъ,
Идетъ невѣрный Мамай царь
Сѣчетъ онъ, и рубитъ, и во плѣнъ емлетъ,
Просвѣщенныя соборныя церкви онъ разоряетъ.

У насъ было во градѣ во Салымѣ,
Во святой соборной во Божьей во церкви,
Припочивалъ святый Димитрiй чудотворецъ.
Сосылалъ Господь со небесъ двухъ ангеловъ Господнихъ,

Два ангела Христова ликъ ликовали
Святому Димитрію Салымскому чудотворцу,
Рекутъ два ангела Христова
Дмитрію Салымскому чудотворцу:
„О святый Дмитрій, Салымскій чудотворецъ!
„Повелѣлъ тебя Владыко на небеса взяти,
„Хочетъ тебя Владыко исцѣлити и воскресити,
„А Салымъ градъ разорити и побѣдити
„Идетъ насланіе великое на Салымъ градъ,
„Идетъ невѣрный Мамай царь,
„Сѣчетъ онъ, и рубитъ, и въ полонъ емлетъ,
„Просвященныя соборныя церкви онъ разоряетъ.“
Речетъ святый Димитрій Салымскій чудотворецъ
Ко двумъ ко ангеламъ ко Христовымъ:
„Вольно Богу Владыкѣ Салымъ градъ разорити,
„И меня ему исцѣлити и воскресити:
„Я вѣдь самъ давно это спозналъ и провѣдалъ,
„Что не быть нашему Салыму граду взяту,
„А и быти мамайской силѣ побиту.“
У святой у соборной у церкви
Стоялъ старецъ Онофрій на молитвѣ
У всеночной всю ночь на папѣри,
Молился онъ Спасу и Причистой Богородицѣ,
И святому Дмитрію Салымскому чудотворцу;
И увидѣлъ онъ чудо у престола:
Два ангела ликъ ликовали
Святому Димитрію Салымскому чудотворцу.
Пошелъ онъ по Салыму граду объявляти,
Князьямъ-боярамъ и воеводамъ,
И митріемъ-митрополитамъ,
Попамъ-священникамъ и игуменамъ,
Да и всѣмъ христіянамъ:
— Вы гой еси, князья-бояре, воеводы,
— И митрія-приполиты,
— Попы-священники и игумены,
— Всѣ православные христіане!
— Не здавайте вы Салыму града и не покидайте:
— Не быти нашему Салыму граду взяту,
— А мамайской силѣ побиту. —
Отвѣчали къ нему князья-бояре и воеводы,
И митрія-приполиты,
Попы-священники и игумны,
Да и всѣ православные христіане:
„Святой ты знать нашъ старецъ Онуфрій!
„Почему спозналъ и спровѣдалъ
„Что не быть нашему Салыму граду взяту,
„А Мамайской силѣ побиту?“
— Стоялъ я у соборной у святой церкви на молитвѣ
— У всеночной всю ночь на паперяхъ
— Молился я Спасу, Пречистой Богородицѣ:
— И святому Димитрію Салымскому чудотворцу,
— И увидѣлъ я чудо за престоломъ:
— Два ангела ликъ ликовали
— Святому Дмитрію Салымскому чудотворцу;
— По тому я спозналъ и спровѣдалъ. —
У насъ во градѣ во Салынѣ,
По утру было ранымъ ранёхонько,
Не высылка изъ Салыму граду учинилася:
Единъ человѣкъ изъ за престола возставаетъ,
Пресвѣтлую онъ ризу облекаетъ
Единъ на бѣла осла садился,
Единъ изъ Салыму граду выѣзжаетъ,
Единъ невѣрную силу побѣждаетъ,
Сѣчетъ онъ, и рубитъ, и за рубежъ гонитъ;
Побѣдилъ онъ три тмы
И три тысячи невѣдомой силой,
Да и смѣту нѣтъ! *)
Отогналъ онъ невѣрнаго царя Мамая
Во его страну въ порубежную.
А злодѣй невѣрный Мамай царь,
Когда бѣжалъ, захватилъ онъ двухъ дѣвицъ полонянокъ,
Увозилъ онъ ихъ во свою сторону порубежную,
Началъ онъ двухъ дѣвицъ вопрошати:

*) Т. е. невѣдомою, нездѣшнею силою побѣдилъ онъ столько, что и смѣты нѣтъ!

— Вы гой еси, двѣ дѣвицы, двѣ русскія полонянки!
— Скажите вы мнѣ, не утайте:
— Какой есть у васъ могучій богатырь, *)
— Единъ на бѣлѣ ослѣ садился,
— Единъ изъ Салына града выѣзжаетъ,
— Единъ мою невѣрную силу побѣждаетъ,
— Сѣчетъ онъ, и рубитъ, и за рубежъ гонитъ?
— Побѣдилъ онъ мою невѣрную силу,
— Три тмы и три тысячи, да и смѣту нѣту:
— Отогналъ отъ меня, царя Мамая,
— Во мою страну порубежную? —
Двѣ дѣвицы невѣрному царю Мамаю отвѣчали:
„О злодѣй, невѣрный Мамай царь:
„Это у васъ не могучь богатырь,
„Это нашъ святой отче
„Димитрій Солунскій чудотворецъ."
Возговорилъ невѣрный царь Мамай
Ко двумъ ко дѣвицамъ:
— Когда это у васъ святой отче
— Димитрій Солунскій чудотворецъ,
— Вышейте вы мнѣ на коврѣ
— Ликъ своего чудотворца Димитрія Солунскаго,
— Коню моему на прикрасу,
— Мнѣ царю на потѣху,
— Передайте лице его святое на поруганье. —
Двѣ дѣвицы невѣрному царю отвѣщали:
„О злодѣй, собака, невѣрный Мамай царь!
„Не вышьемъ мы тебѣ ликъ своего святаго
„Димитрія Солунскаго чудотворца,
„Не предадимъ его лице святое на поруганье!"
Тогда же невѣрный царь Мамай
На двухъ дѣвицъ опалился:
Вынимаетъ онъ саблю мурзавецкую,
Да и хочетъ онъ главы ихъ рубити
По ихъ плеча по могучія.
Двѣ дѣвицы убоялись,
Къ невѣрному царю Мамаю приклонились:
„О злодѣй, собака, невѣрный Мамай царь:
„Не руби-ка ты наши главы
„По наши плеча по могучія,
„Дай ты намъ время хоть до утра:
„Мы вышьемъ тебѣ на коврѣ
„Своего святаго Димитрія Солунскаго чудотворца,
„Предадимъ мы лице его святое на поруганье."
Двѣ дѣвицы шили коверъ, вышивали,
Святое лице на коврѣ вышивали,
На небеса возирали,
Горючія слезы проливали,
Молились онѣ Спасу, Пречистой Богородицѣ,
И святому Димитрію Солунскому чудотворцу,
Поздно вечеромъ онѣ просидѣли,
На коврѣ спать ложились, и пріуснули.
По Божьему все повелѣнью,
И по Димитрію святому моленью
Возставали сильные вѣтры,
Подымали коверъ со двумя со дѣвицами,
Подносили ихъ ко граду ко Солуну,
Ко святой соборной Божьей церкви,
Ко празднику Христову,
Ко святому Димитрію Солунскому чудотворцу:
Положило ихъ святымъ духомъ за престоломъ.
По утру было ранымъ рано,
Церковный пономарь отъ сна возставаетъ,
Приходилъ онъ во святую соборную церковь
Къ утренней заутрени благовѣстити,
Утреннія молитвы говорити.
Приходилъ онъ въ соборную Божію церковь,
Увидѣлъ онъ чудо за престоломъ:
Спятъ на коврѣ двѣ дѣвицы,
Двѣ русскія полонянки.
Церковный пономарь убоялся,
Изъ церкви вонъ утекаетъ,
Ко священнику прибѣгаетъ,
Ото сна его разбуждаетъ:
— Батюшка ты нашъ попъ,
— Священникъ, отецъ духовный!

*) Могучій богатырь — такъ въ нѣкоторыхъ варьянтахъ; у Кирѣевскаго: который это у васъ царь, или бояринъ, или воевода?

— Возстань ты ото сна, пробудися,
— Гряди скоро во соборную церковь:
— Великое чудо явилось, —
— Спятъ на коврѣ двѣ дѣвицы,
— Двѣ русскія полонянки. —
Попъ-священникъ отъ сна возставаетъ,
Животочною водой лице свое умываетъ,
На ходу онъ одежду надѣваетъ,
Грядетъ онъ скоро во святую соборную церковь,
До Господняго престола доступаетъ,
Животворящій крестъ съ престола принимаетъ,
Святой ихъ водой окропляетъ,
Ото сна разбуждаетъ:
„Встаньте вы, двѣ дѣвицы,
„Двѣ русскія полонянки,
„Ото сна вы пробудитесь!
„Скажите вы мнѣ, не утайте,
„Какъ вы здѣсь явились
„Изъ той земли изъ невѣрной,
„Во славномъ городѣ во Салунѣ,
„Во святой соборной церкви за престоломъ?
„Какъ вамъ замки отмыкались,
‹Какъ двери отверзались,
‹И какъ свѣчи зажигались?›
Двѣ дѣвицы отъ сна пробуждались.
Іоначаляи онѣ, что невѣрный Мамай:
‹О злодѣй, собака, невѣрный Мамай царь!
‹Не руби ка ты нами главы
‹По нами плеча по могучія:
‹Мы вышили тебѣ на коврѣ
‹Ликъ святаго Димитрія Солунскаго чудотворца.
‹Предали лице его тебѣ злодѣю на поруганье.›
Попъ-священникъ, стоя на мѣстѣ изумился,
На двухъ дѣвицъ прослезился,
На небеса возираетъ,
Горючи слёзы проливаетъ,
Во слезахъ онъ отвѣчаетъ:
‹Вы гой еси, двѣ дѣвицы,
‹Двѣ русскія полонянки!
‹Вѣдь не невѣрный Мамай царь,
‹Я вашъ священникъ, отецъ духовный!›
Двѣ дѣвицы отъ сна возставали,
Животочной водой лице умывали,
Животворящимъ крестомъ себя ограждали,
Священнику отвѣчали:
‹Батюшка, священникъ, отецъ духовный!
‹Мы сами про то не вѣдаемъ,
‹Какъ мы у васъ явились
‹Изъ той земли невѣрной,
‹Во славномъ городѣ во Салунѣ;
‹Знать по Божьему повелѣнію,
‹По Димитрія святаго моленію
‹Сама намъ Божія церква отмыкалась,
‹И сами намъ двери отверзались,
‹Сами намъ за престоломъ свѣчи зажигались!›
Попъ-священникъ, отецъ духовный,
Заблаговѣстилъ во многіе колокола,
И услышали по всему граду по Салуну
Князья-бояре, воеводы
И митріи-митрополиты
Попы-священники, игумны,
И всѣ православные христіане;
Собирались они въ соборную Божію церковь,
Подымали они иконы мѣстныя,
Служили они молебны честные,
Молилися они Спасу, Пречистой Богородицѣ.
И святому Димитрію Солунскому чудотворцу.
Его же свѣта величаемъ,
Святаго Димитрія Солунскаго чудотворца.
Да и Богу нашему слава
Отнынѣ и во вѣки, аминь.

(Чтенія Общества Исторіи и Древностей, 1848, № 9).

ДУХОВНЫЕ СТИХИ, ОБНИМАЮЩІЕ НАЧАЛО, ИСКУПЛЕНІЕ И КОНЕЦЪ МІРА.

1) Голубиная книга [1]).

Восходила туча сильная грозная,
Выпадала книга голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажéнь,
Поперечины двадцати сажéнь.
Ко той книгѣ ко божественной
Соходилися, соѣзжалися
Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со князевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкіихъ,
Христіанъ православныихъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко Божьей не пришáтнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
До Божьей до книги онъ доступается;
Передъ нимъ книга разгибается,
Всё божественное писаніе ему объявляется.
Ещё приходилъ ко книгѣ Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичъ.
Возговорилъ Володиміръ князь, и т. д.
«Ты премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
«Скажи, сударь, проповѣдуй намъ,
«Кто сію книгу написывалъ,
«Голубину кто напечатывалъ?»
Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
«Писалъ сію книгу самъ Исусъ Христосъ,
«Исусъ Христосъ царь небесный;
«Читалъ сію книгу самъ Исай пророкъ,
«Читалъ онъ книгу ровно три года,
«Прочиталъ изъ книги ровно три листа. [2])
—«Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
«Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
«Прочти, сударь, книгу Божію,
«Объяви, сударь, дѣла Божіи,
«Про наше житіе, про свято-русское,
«Про наше житіё свѣту вольнаго:
«Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?
«Отъ чего у насъ солнце красное?
«Отъ чего у насъ младъ-свѣтёлъ мѣсяцъ?
«Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
«Отъ чего у насъ ночи тёмныя?
«Отъ чего у насъ зори утренни?
«Отъ чего у насъ вѣтры буйные?
«Отъ чего у насъ дробёнъ дождёкъ?
«Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
«Отъ чего наши помыслы?
«Отъ чего у насъ міръ-народъ?
«Отъ чего у насъ кости крѣпкія?
«Отъ чего тѣлеса наши?
«Отъ чего кровь-руда наша,
«Отъ чего у насъ въ землѣ цари пошли,
«Отъ чего зачались князья-бояры,
«Отъ чего крестьяны православные? [3])
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
— Ой ты гой еси, Володиміръ князь, и т. д.
— Не могу я прочесть книгу Божію.
— Ужь мнѣ честь книгу, — не прочесть Божью:
— Эта книга не малая,
— Эта книга великая;
— На рукахъ держать, — не сдержать будетъ;
— На налой положить Божій,—не уложится.
— Умомъ намъ сей книги не сосмѣтати,

---

[1]) Въ основаніе взятъ мною стихъ Кирѣевскаго (Чтен. О. И. и Д. № 9), но дополненъ многими чертами изъ другихъ варьянтовъ.

[2]) Эти 11 строкъ изъ варьянта Рыбниковскаго («Калѣки» Безсонова, вып. 2 стр. 286).

[3]) Эти 3 строки (позднѣйшаго происхожденія) изъ того же рыбниковскаго варьянта (Безс., вып. 2. стр. 287).

— И очамъ намъ книгу не обозрити,
— Великая книга голубиная! [1])
— Я по старой по своей по памяти
— Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ:
— У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ
суда Божія,
— Солнце красное отъ лица Божьяго,
— Самого Христа Царя небеснаго;
— Младъ-свѣтёлъ мѣсяцъ отъ грудей его;
— Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
— Ночи тёмныя отъ думъ Господніихъ;
— Зори утренни отъ очей Господніихъ;
— Вѣтры буйные отъ Свята Духа:
— Дробёнъ дождёкъ отъ слезъ Христа,
— Самого Христа, царя небеснаго. [2])
— У насъ умъ-разумъ самого Христа,
— Наши помыслы отъ облацъ небесныихъ [3]);
— У насъ міръ-народъ отъ Адамія;
— Кости крѣпкія отъ камени;
— Тѣлеса наши отъ сырой земли [4]);
— Кровь-руда наша отъ черна моря.
— Отъ того у насъ въ землѣ цари пошли —
— Отъ святой главы отъ адамовой;
— Отъ того зачались князья бояры —
— Отъ святыхъ мощей отъ адамовыхъ;
— Отъ того крестьяны православные —
— Отъ свята колѣна отъ адамова. — [5])
Возговоритъ Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичъ:
«Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
«Скажи ты намъ проповѣдай:
«Который царь надъ царями царь?
«Кая земля всѣмъ землямъ мати?
«Кая глава всѣмъ главамъ мати?
«Который городъ городамъ отецъ?
«Коя церковь всѣмъ церквамъ мати?
«Коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
«Коя гора всѣмъ горамъ мати?
«Который камень всѣмъ камнямъ мати?
«Кое древо всѣмъ древамъ мати?
«Коя трава всѣмъ травамъ мати?
«Которое море всѣмъ морямъ мати?
«Коя рыба всѣмъ рыбамъ мати?
«Коя птица всѣмъ птицамъ мати?
«Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?»
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
— У насъ Бѣлый царь надъ царями царь.
— Почему жь Бѣлый царь надъ царями
царь?
— И онъ держитъ вѣру крещёную,
— Вѣру крещёную, богомольную;
— Стоитъ за вѣру христіянскую,
— За домъ Пресвятыя Богородицы.
— Потому Бѣлый царь надъ царями царь.
— Свята Русь земля всѣмъ землямъ мати:
— На ней строятъ церкви Апостольскія;
— Они молятся Богу распятому
— Самому Христу царю небесному:
— Потому свято-Русь земля всѣмъ землямъ
мати?
— А глава главамъ мати — глава Адамова.
— Потому что когда Жиды Христа
— Распинали на лобномъ мѣстѣ,

---

[1]) Эти три строки изъ сборника Варенцова, стр. 21.

[2]) Эти двѣ строки изъ особаго варьянта, записаннаго Кирѣевскимъ (Безсон. вып. 2 стр. 367).

[3]) Въ „Бесѣдѣ трехъ Святителей“: Василій рече: отъ чего солнце сотворено бысть? Іоаннъ рече: „Отъ выспреннія ризы Господни. Григорій рече: отъ чего луна сотворена бысть? Отъ аера и отъ воздуха и отъ престола Господня. І. р. Отчего громъ и молнія сотворена бысть? В. р. Гласъ Господень въ колесницѣ огненной утвержденъ и ангела громная приставлена.

[4]) Г. р. отъ коликихъ частей сотворенъ бысть Адамъ? В. р. Отъ 8 частей: 1) отъ земля тѣло; 2) отъ камня кости; 3) отъ Чермнаго моря кровь, 4) отъ солнца очи; 5) отъ облакъ мысль; 6) отъ востока дыханія власы; 7) отъ свѣта духъ; 8) Самъ Господь вдунулъ ему душу и т. д. (Ложныя и отреченныя книги русской старины, собранныя А. Н. Пыпинымъ — въ 3 вып. Памятниковъ старинной русской литературы, стр. 169).

[5]) Безсон., вып. 2, стр. 287.

— То крестъ поставили на святой главѣ Адамовой [1])
— Іерусалимъ городъ городамъ отецъ.
— Почему тотъ городъ городамъ отецъ?
— Потому Іерусалимъ городамъ отецъ:
— Во тѣмъ во градѣ во Іерусалимѣ
— Тутъ у насъ среда землѣ.
— Соборъ-церьковь всѣмъ церквамъ мати.
— Почему же Соборъ-церьковь церквамъ мати?
— Стоитъ Соборъ-церква по среди града Іерусалима;
— Во той во церкви во соборноей
— Стоитъ престолъ божественный:
— На томъ на престолѣ на божественномъ
— Стоитъ гробница бѣла каменная;
— Во той гробницѣ бѣлой каменной
— Почиваютъ ризы самаго Христа,
— Самого Христа, Царя небеснаго:
— Потому Соборъ-церьква церквамъ мати.
— Ильмень озеро озерамъ мати:
— Не тотъ Ильмень [2]), который подъ Новымъ Градомъ,
— Не тотъ Ильмень, который въ Царѣ Градѣ,
— А тотъ Ильмень, который въ Турецкой земли
— Падъ начальнымъ городомъ Іерусалимомъ.
— Почему же Ильмень озеро озерамъ мати?
— Выпадала съ ёго матушка Іордань рѣка [3])
— Іордань рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
— Почему Іордань всѣмъ рѣкамъ мати?
— Окрестился въ ней самъ Исусъ Христосъ,
— Со силою со небесною,
— Со ангелами со хранителями,
— Со двухнадесятьми апостольми [4])
— Со Іоанномъ, свѣтомъ, со Крестителемъ:
— Потому Іордань рѣка всѣмъ рѣкамъ мати. [5])
— Ѳаворъ гора всѣмъ горамъ мати.
— Почему Ѳаворъ гора горамъ мати?
— Преобразился на ней самъ Исусъ Христосъ,
— Исусъ Христосъ, Царь небесный, свѣтъ,
— Съ Петромъ, со Іанномъ, со Іаковомъ,
— Съ двунадесятью Апостолами,
— Показалъ славу ученикамъ своимъ:
— Потому Ѳаворъ гора горамъ мати.
Бѣлый латырь камень всѣмъ камнямъ мати.
— На бѣломъ латырѣ на камни
— Бесѣдовалъ да оночивъ держалъ
— Самъ Исусъ Христосъ Царь небесный
— Съ двунадесяти со апостоламъ,
— Съ двунадесяти со учителямъ;
— Утвердилъ онъ вѣру на камени
— Распущалъ онъ книгу голубиную:
— По всей земли, по вселенныя; [6])
— Потому латырь камень всѣмъ камнямъ мати [7])
— Кипарисъ дерево всѣмъ деревамъ мати.
— Почему то древо всѣмъ древамъ мати?
— На тѣмъ древѣ на кипарисѣ
— Объявился намъ животворящій крестъ,

---

[1]) Эти 9 строкъ см. у Безсон., вып. 2 стр. 288 и 337.

[2]) Ильмень въ областномъ языкѣ употребляется въ общемъ значеніи озера, низменности, покрытой водою, высохшаго русла рѣки, съ остатками мелкихъ озеръ. (Буслаева, Очерки Нар. Слов., т. 1, стр. 460).

[3]) Эти 5 строкъ у Безсон., в. 2 стр. 289.

[4]) Эта строка у Безсон., в. 2, стр. 266.

[5]) Въ апокрифѣ: св. Петра Господь Іисусъ Христосъ своима рукама крестилъ, Петръ же Андрея, Іакова, Іоанна: сіи же и прочія апостолы вся. Глаголють же и се, яко пречистую Петръ и Іоаннъ крестили.... (Памятн. Стар. Р. Литер., вып. 3. стр. 90.)

[6]) Эти 9 строкъ—у Варенцова, стр. 27.

[7]) Латырь — или алатырь. (См. Истор. Обозр., стр. 79).

— На тѣмъ на крестѣ на животворящемъ
— Распятъ былъ самъ Исусъ Христосъ,
— Исусъ Христосъ, Царь небесный свѣтъ:
— Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати [1])
— Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати.
— Почему Плакунъ всѣмъ травамъ мати?
— Когда жидовья Христа роспяли,
— Святую кровь Его пролили,
— Мать Пречистая Богородица
— По Исусу Христу сильно плакала,
— По своемъ сыну по возлюбленномъ;
— Ронила слёзы пречистыя
— На матушку на сыру землю;
— Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыихъ
— Зарождалася Плакунъ трава:
— Потому Плакунъ трава травамъ мати.
— Океанъ море всѣмъ морямъ мати.
— Почему Океанъ всѣмъ морямъ мати?
— Посреди моря Океанскаго
— Выходила церковь соборная,
— Соборная, богомольная,
— Святого Климента попа рымскаго:
— На церкви главы мраморныя,
— На главахъ кресты золотые.
— Изъ той изъ церкви изъ соборной,
— Изъ соборной, изъ богомольной,
— Выходила Царица небесная;
— Изъ Океана моря она омывалася,
— На соборъ-церковь она Богу молилася,
— Отъ того Океанъ всѣмъ морямъ мати.
— Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.
— Почему же Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати?
— На трехъ рыбахъ земля основана.
— Стоитъ Китъ рыба — не ворохнется;
— Когда жъ Китъ рыба поворотится,
— Тогда мать земля всколыбнется,
— Тогда бѣлый свѣтъ нашъ покончится; [2])
— Потому Китъ рыба всѣмъ рыба мати.
— Основана земля Святымъ Духомъ,
— А содержана Словомъ Божіимъ.
— Стратимъ птица всѣмъ птицамъ мати.
— Живетъ Стратимъ птица на Океанѣ морѣ,
— И дѣтей производитъ на Океанѣ морѣ.
— По Божьему все повелѣнію,
— Стратимъ птица встрепенется,
— Океанъ море всколыхнется;
— Топитъ она корабли гостиные
— Со товарами драгоцѣнными:
— Потому Стратимъ она птица всѣмъ птицамъ мати [3])
— У насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
— Почему Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
— Ходитъ онъ по подземелью,
— Прочищаетъ ручьи и проточины,
— Куда звѣрь пройдетъ,
— Тута ключь кипитъ,
— Куда звѣрь тотъ поворотится,
— Всѣ звѣря звѣрю поклонятся. [4])
— Живетъ онъ во святой горѣ,
— Пьетъ и ѣстъ во святой горѣ.
— Куды хочетъ, идетъ по подземелью,
— Какъ солнышко по поднебесью:
— Потому же у насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ. —
Возговорилъ Володиміръ князь,
«Ой ты гой еси, премудрый царь,
«Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичь!
«Мнѣ ночесь, сударь, мало спалось,
«Мнѣ во снѣ много видѣлось.
«Кабы съ той страны со восточной,
«А съ другой страны то полуденной,
«Кабы два звѣря собиралися,
«Кабы два лютые собѣгалися,
«Промежду собой дралися-билися,
«Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ.»

---

[1]) О кипарисѣ, какъ древѣ распятія — въ апокрифахъ «о крестномъ древѣ. Пыпина, Отреч. книги, стр. 82—85.)

[2]) Эти 4 строки—у Безсонова, вып. 2 стр. 289.

[3]) Въ другихъ варьянтахъ Страфиль — греческое струосъ — страусъ, въ другомъ славянскомъ образѣ ногъ или нога, сербск. ној, птица «великая страховитая.» (Калѣки Перехожіе, вып. 2, стр. 369, выноска).

[4]) Эти 5 строкъ—у Безсон., вып. 2, стр. 296.

Возговорилъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичь:
— Это не два звѣря собиралися,
— Не два лютые собѣгалися:
— Это Кривда съ Правдой сходилася,
— Промежду собой они бились-дрались,
— Кривда Правду одолѣть хочетъ;
— Правда Кривду переспорила.
— Правда пошла на небеса,
— Къ самому Христу, Царю небесному;
— А Кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
— По всей землѣ по свѣтъ-русской,
— По всему народу христіанскому;
— Отъ Кривды земля восколебалася,
— Отъ того народъ весь возмущается;
— Отъ Кривды сталъ народъ неправильный,
— Неправильный сталъ, злопамятный:
— Они другъ друга обмануть хотятъ,
— Другъ друга поѣсть хотятъ.
— Кто будетъ кривдой жить
— Тотъ отчаянный отъ Господа...
— Кто не будетъ Кривдой жить,
— Тотъ причаянний ко Господу,
— Та душа и наслѣдуетъ
— Себѣ царство небесное. — *)
Старымъ людямъ на послушанье,
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поемъ Давыду Евсевичу,
Во вѣки его слава не минуется.

(Чтенія Московск. Общ. Истор. и Древн. 1849 г., № 9.)

ДЛЯ СРАВНЕНІЯ — ПАМЯТНИКЪ КНИЖНЫЙ:

Бесѣда Іерусалимская.

Бесѣда царя Давида Іессевича съ царемь Волотомь Волотовичемь на синайстѣй горѣ, посторонь града Іерусалима, у дуба маврейскаго, у креста лифанидова, у главы адамовы. Въ великую было субботу: сьеждалися къ церкви къ литургіи 42 царя, большой у нихъ былъ царь Волотъ Волотовичъ, второй у нихъ царь Моисей Моисеовичъ, третій у нихъ былъ царь Елисей Елисеевичь, четвертый у нихъ былъ Давидъ пророкъ Іессеовичь. И они всѣ тѣ цари къ литургіи пріѣхали, и отслушали литургію. Рече имъ царь большой Волотъ Волотовичь: ой вы цари и князи благовѣрные! скажите вы мнѣ не утайте; ночесь вамъ кому что и каковъ сонъ видѣлся? Не могите вы утаить отъ мене: мнѣ повѣдайте. И всѣ цари молчатъ; и рече царь Волотъ: а мнѣ ночесь много видѣлось, и вы про тотъ сонъ скажите, и добромь его осудите. Съ той страны восточныя восходить луча солнца красна-го, освѣтила всю землю свѣторусскую, а въ другую сторону полуденную выростало древо кипарисъ, серебренное кореніе, и вѣтвіе у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидить птица кречетъ бѣлой, на ногахъ у него колокольчикъ: кто мнѣ про сей сонъ можеть сказать и его отгадать? И тутъ цари умолчали всѣ, единъ отъ нихъ выступалъ царь Давыдъ пророкъ Іессеовичъ и згововорить таково слово: государь ты нашъ первый царь Волотъ Волотовичь! далече намъ грѣшнымъ до Рима и до Іакова брата господня; тотъ бы сонъ твой отгадалъ; и азъ тебѣ про нево скажу: и тотъ твой сонъ сбудеться во второмь на десять году. У меня царя Давыда родиться сынъ Соломонъ, а у тебя родиться дщерь Соломонида Волотовна, а еще нынѣ въ утробѣ нѣтъ; а что съ тоя страны восточныя восходить лучь солнца краснаго, освѣтить всю землю свѣторусскую, то будеть на Руси Іе-

*) Въ «Бесѣдѣ трехъ Святителей:» В. Что есть: стоитъ бѣлъ щитъ, и на немъ сидитъ соколъ, и прилетѣла злая с ва и отогнала сокола? Г. Бѣлъ щитъ—свѣтъ сей, а на немъ сидитъ соколъ — то есть правда, и прилетала злая сова — то есть кривда, и отогнала правду, а лжи-кривда осталася. (Отреч. книги, стр. 177.)

русалимъ начальный, и въ томъ градѣ будеть соборная и апостольская церковь Софія премудрости Божія о седмидесяти верхахъ, сирѣчь святая святыхъ; а что у древа вѣтвіе золотое, то будуть паникадилы поставлены; а вѣтвіе бумажное, то свѣщя на паникадилахъ поставлены будуть предчуднымъ образомъ; и что съ тоя страны полуденныя выростало древо кипарисъ, кореніе серебреное, то у меня будеть сынъ царь Соломонъ премудрый; и онъ сожиждеть святая святыхъ, то есть кречетъ бѣлый; а что у кречета колокольчикъ золотой, у твоей царици родиться дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери жениться, и твоимъ царствомъ ему владѣть будеть. И отвѣща ему царь Волотъ Волотовичь: исполать тебѣ царь Давыдъ, что ты гораздъ сны загадки отгадывать, и досужь добро слово молвить. И рече ему царь Давыдъ: а ты мнѣ большой царь Волотъ Волотовичь про то скажи: отчего у насъ свѣтъ свѣтиться? и отчево заря занимаеться? на чемъ у насъ небо ходить? на чемъ земля стоить? Отвѣща большій царь Волотъ Волотовичь царю Давыду: я тебѣ про то скажу: свѣтъ у насъ свѣтиться Господніихъ очей, а сонце сіяеть отъ святыя рызы ево, а заря занимаеться отъ солнца краснаго, а небо ходить на воздусѣхъ, а земля стоить на осмидесять китахъ рыбахъ меншіихъ да на трехъ рыбахъ болшіихъ, а ты мнѣ, царь Давыдъ, про то скажи: кой градъ градомъ мать? и коя церковь церквамъ мать? и коя глава главамъ мать? кое дерево древомъ мать? коя трава травамъ мать? кой камнемъ камень мать? коя птица птицамъ мать? кой звѣрь звѣрамъ мать? кое озеро озеромъ мать? коя гора горамъ мать? кое море морямъ мать? И рече царь Давыдъ: я тебѣ про то скажу. Первый градомъ мать градъ Іерусалимъ; его пасхалія азбучная во всю землю свѣторусскую; а церковь церквамъ мать соборная Софія премудрости Божія, да въ той же церкви стоить гробъ Господень: потому церковь церквамъ мать; а рѣка рѣкамъ мать Іорданъ, потому что она течеть изъ рая Едемскаго, а въ ней крестился Господь нашъ Іисусъ Христосъ: потому рѣкамъ мать; а глава глава главамъ мать адамова глава: коли створилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ небо и землю, и вся, яже на земли, и начерта на земли по образу своему человѣка, и нарече имя ему Адамъ, и вынялъ у него ребро, и сотворилъ ему жену Еву, и отъ нихъ поидоша цари и князи, потому адамова глава главамъ мать; а древо древомъ мать древо кипарисъ пѣвга, кедръ, потому что отъ нихъ идеть благоуханье, отъ нихъ же родиться ладонъ, идеть во всю землю свѣторусскую: потому древомъ мать; а трава травамъ мать плакунъ трава; какъ жидове Христа распинали, и Богородица на ту траву уканула слезу; потому травамъ мать: а птица птицамъ мать таврукъ птица, невелика съ русскую галку; а живеть она у гремячева кладезя у теплаго моря; а звѣрь звѣрямъ мать единьрогъ; коли на земли была засуха, и въ тѣ поры дождя на землю не было, тогда въ рѣкахъ и въ озерахъ воды не было, только во единомъ озерѣ вода была, и лежалъ великой змій, и не давалъ людямъ пить, и никакому протекучему звѣрю, ни птицѣ полетучей; а коли побѣжить единорогъ воды пить и змій лютый заслышить и побѣжить отъ звѣря того за три дни, и въ ту пору запасаються водою люди; а озеро озеромъ мать Ильмень озеро что подъ Кіевомъ градомъ, потому что взяло въ себя триста рѣкъ, а море моремъ мать океанъ море великое, потому что въ немъ стоить церковь Климента папы римскаго; а рыба рыбамъ мать окіанъ рыба валикая, какъ та рыба китъ взыграеться, и пойдеть во глубину морскую, тогда будеть свѣту преставленіе; а гора горамъ мать фаворская да сіонская. И глагола ему царь Давыдъ: а ты мнѣ царь Волотъ Волотовичь про то скажи: кому на второмъ пришествіи не быть и лица Божія невидать и суда Божія имъ не будеть? И отвѣща ему царь Волотъ Волотовичь: азъ тебѣ про то скажу: всякому человѣку на второмъ пришествіи быть и судъ ихъ будеть по дѣломъ ихъ, а еретикомъ и чародѣемъ тѣмъ суда Божія не видать; безъ суда Божія послани будуть въ муку вѣчную, нынѣ и присно и во вѣкы вѣковъ, аминь.

(Изъ Памятниковъ Старинной р. литературы, в. 2, стр. 307—308).

Сонъ Мати-Маріи.

Ай же ты, Мати Марія,
Пречистая Дѣва, пресвятая!
Гдѣ же ты ночесь ночевала?
— Во городѣ и въ Ерусалимѣ,
— Во Божьей церквѣ за престоломъ;
— Страшенъ я сонъ въ сняхъ видала,
— Будто я сына спородила,
— Во свято крещенье крестила,
— Во пелены пеленовала,
— Во пелены пелены камчатыя,
— Во пояса шелковые.
— Кто бы мнѣ тотъ сонъ приразсудилъ?
— Кто бы мнѣ тотъ сонъ приразсказалъ?—
Провѣщится молодой юношъ,
Юношъ—сынъ возлюбленный:
«Ай же ты, Мати-Марія!
Пречудная дѣва, пресвятая!
Самъ я этотъ сонъ прирасскажу,
Самъ я этотъ сонъ приразсужу:
Быть мнѣ-ка, матушка, распяту,
Ко кресту пригвожденну;
Въ руцѣ мнѣ гвоздье вколотятъ,
Въ нози мои гвоздье забиваша,
Копіемъ бока у меня прободоша,
Тростью мою, матюшка, главу убиваша,
Совсѣмъ меня, матушка, присрамляша,
Желчью меня напоиша.»
Восплачется тутъ Мати-Марія,
Пречистая дѣва, пресвятая:
— «На кого же ты меня оставляешь? —
«Оставлю я на брата на Іоанна,
На Іоанна брата, Предтечу,
Не крестителя тебя Господня.
Въ третій я день, мати, воскресну,
Самъ я по тебя, мати, буду,
Самъ я изъ тебя душу выну,
И спишу твой ликъ на икону,
Положу икону во Божью церкву,
Во Божію церковь за престоломъ;
Пойду — иконѣ помолюся,
Приду — иконѣ поклонюся,
Во вѣки, матушка, прощуся
До свѣтла Христова Воскресенья.»
Кто этотъ стихъ воспѣваетъ,
Избавленъ будетъ отъ вѣчныя муки.

(Изъ Сборника Варенцова, стр. 48—50).

ДЛЯ СРАВНЕНІЯ: ИЗЪ АПОКРИФОВЪ.

Сонъ Богородицы.

Опочивала пресвятая Богородица во святѣемь градѣ Вифліемѣ іюдейстѣемь, въ мѣсяцѣ мартѣ, тридцатомь числѣ, во святѣй святынѣ, во святѣй горѣ въ вертепѣ, надъ святою рѣкою надъ Ерданію. Ложилась владычица спать и почивать, Владычици мало спалось и во снѣ много видѣлось. Видѣла вельми сонъ страшенъ и грозенъ и чуденъ, про возлюбленаго сына своего, про самого про Исуса Христа, царя небеснаго, Спаса, — какъ бы его, Господа нашего Исуса Христа, сына Божія, поимана и къ жидомъ приведена, связана и предана къ жидомъ въ руки на поруганіе, Господа нашего Исуса Христа ученикомь его первымь, Іюдою Скаріотскымь, цѣною за тридесять сребреникъ. И приведена отъ жидовей Господа нашего Исуса христа, Сына Божія, въ руцѣ к Понтійскому Пилату игемону на распятіе. Въ третій день на крестѣ распяша на трехъ древахъ. кедрѣ на кипарисѣ и на певгѣ, промежу двою разбойнику, на горѣ Голгофѣ; въ руцѣ и въ нозѣ гвоздми пригвоздиша, и копіемь въ ребро его прободоша, святую кровь проліяша: солнце померкло, луна кровію предася, небо и земля потрясеся, церковная завѣса на двое раздрася, сверху и до низу, каменіе распадеся, гроби отверзошася, и мнози усопшіихъ тѣлеса восташа. И видѣла Господа нашего Исуса Христа, Сына Божія, желчію напоена, тростію на главѣ біена; вѣнець съ главы сняша терновъ вѣнець на главу возложиша. Видѣла Господа Исуса Христа, Сына Божія, на

нозѣ тискана и тѣломъ его всѣмъ поругана, и по святому лицу біена, оплевана отъ беззаконныихъ и нечестивыихъ жидовъ, искуплена и во гробѣ положена, и въ землю погребена. И паки въ третій день, по писанію, отъ гроба воскресе Христосъ. Видѣла Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, на превышнѣемъ престолѣ; воскресе Христосъ.

И пріиде къ ней Господь нашъ Исусъ Христосъ Сынъ Божій, Спаситель міра сего, къ матери своей, дѣвѣ Маріи. Рече ей Господь нашъ Исусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель міра сего: «мати моя возлюбленая, госпоже пресвятая Богородице, дѣво Маріе! Спишь ли ты, или такъ лежишь? встань и убудись.»

И рече ему пресвятая Богородица, дѣва Марія: «возлюбленый Сыне мой Господь Исусъ Христосъ, сынъ Божій, Спаситель міра сего! глаголю я тебѣ: спала есми я во святѣемъ градѣ въ Еоліемѣ іюдейстѣмъ, въ мѣсяцѣ мартѣ, въ тридцатомъ числѣ, во святѣй святынѣ, во святѣй горѣ, въ вертепѣ, надъ святою рѣкою, надъ Ерданію, ложилась я Владычица спать и почивать. Мнѣ, Владычицѣ, мало спалось, а во снѣ много видѣлось, сонъ видѣла и страшенъ и грозенъ и чуденъ, про тебя, про возлюбленаго сына моего, про самаго Исуса Христа царя небеснаaго — свѣта, и нельзя тебѣ повѣдать.»

И рече ей Господь нашъ Исусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель міра сего: гой еси ты, мати моя возлюбленая, госпоже пресвятая Богородице, дѣва Маріе, и повѣдай ми сонъ свой, и что ты еси во снѣ своемъ видѣла про меня?»

И рече ему пресвятая Богородица: «какъ бы тебя Господа моего Исуса Христа поимана жидовьями и приведена связана и предана къ жидомъ въ руки, ученикомъ твоимъ, превозлюбленымъ другомъ, Іюдою Искаріотскыимъ, цѣною 30 сребренницъ, и т. д.

И рече ей Господь нашъ Исусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель міра сего: «гой еси ты, мати моя возлюбленая, госпоже пресвятая Богородице, дѣва Марія! доподлинно сонъ твой не ложенъ, что ты еси во снѣ своемъ видѣла про меня страсти; то все надо мною сбудеться. Азъ на то отъ тебе родихся, и сошедъ отъ Отца моего съ небеси; и смертію моею крестною спасти испогыбшій родъ человѣческый, а кровію моею избавити, и вывести изъ ада преисподняго и огня геенскаaго...

(Отреченныя книги, собр. А. Н. Пыпинымъ, стр. 125 — 126.)

О Христовомъ распятіи.

Со страхомъ мы, братіе,
Мы послушаемъ Божія писанія,
Господнихъ страстей:
Пророки пророчили за 1,000 лѣтъ,
Другіе сказали за 3,000 годовъ.
Во пятой во тысячѣ во пяти стахъ годахъ,
Во мартѣ во мѣсяцѣ во послѣднихъ днѣхъ,
На страшной недѣлѣ во пятничной день,
Во святомъ градѣ Іерусалимѣ
Плакала, ходила Святая Дѣва,
При ней были три мироносицы—жены.
Во градѣ имъ встрѣчу грядутъ два жида.
Восплакала, спросила Святая Дѣва:
«Гдѣ вы жиды были! отколь грядете?»
Что возговорили два жидовина:
— Живемъ мы теперь во Іерусалимѣ. —
«Что вы тамъ, жидове, дѣлали?»
— А мы били, мучили Исуса Христа:
— Бивши, мучивши, въ темницу всадили;
— Въ 6-мъ часу въ пятницу распяли его,
— Въ ноги и во длани прибивши гвоздьми,
— Вѣнецъ наложили на голову его.
— Мученія и ранъ невозможно исчесть.
— Исуса копіемъ въ ребра прободили,
— Земля обагрися отъ крови его.
Услышала глаголы ихъ Святая Дѣва;
Она бысть безъ памяти и больше часа!
Ударилась о землю, едва бысть жива.
Жены соблюдали и были при ней;
Застонетъ, восплачетъ, въ горести речетъ:
«Увы, мать-розсыра земля, возьми меня къ себѣ!
«Сыне мой любезный, надежда моя!
«И что не послушалъ матери своей?
«Нынѣ вижу, сыне, поруганнаго...
«Какое ты дѣло жидамъ сотворилъ?
«О злые рушители безаконные!

‹За кое вы дѣло Исуса бьете?
‹Вчера не хотѣла отпустить тебя,
‹Волею пойде на крестную смерть.
‹Плачите, рыдайте, солнце и луна!
‹Плачите, стоните, мѣсяцъ со звѣздами!
‹Плачите, стоните, вдовы и сироты!
‹Наставникъ, учитель вашъ покинулъ васъ всѣхъ.
‹Сыне мой любезный, надежда моя!
‹Волею поиде на крестную смерть,
‹Нынѣ сердце мое терзается,
‹Составы и плоти разсыпаются,
‹Кровію устнѣ мои запекаются.
‹Почто оставляешь едину мя здѣсь?
‹Вкупѣ бы вкусила съ тобою я смерть.
‹Кто нынѣ утѣшитъ отъ горькихъ мя слезъ?
‹Нынѣ Семіона пророчествія сбылись.
‹Воистину были глаголы его:
‹Со страху великаго и со ужасти
‹Скрылися—бѣжали Апостоли всѣ,
‹Едину оставили мене плакати.
‹Кто нынѣ, сыне, поможетъ въ слезахъ?
‹Архангелъ Гавріилъ, помози ты мнѣ!
‹Радосте моя сошедъ во гробъ.›

(Сборникъ Варенцова, стр. 53—55.)

Извидѣла мати Марія,
Мать Божія пресвятая,
Вися(щаго) на крестѣ сына распята,
Убитаго, кровянаго,
Течетъ по кресту со слезами.
Утроба и сердце возгорахомъ.
‹Увы, мой сынъ прелюбимый,
‹Пресладкій сынъ, о Исусе!
‹За кого ты, сынъ, муку терпишь,
‹Не малую смерть принимаешь?›
Глаголетъ ей о Исусе:
—„Не плачь, моя мати Марія,
— Не плачь, Божія, пресвятая!
— Не кроти, мати, своей краты,
— Не скорби свое лице бѣло,
— Не слези очи ясны.
— По мнѣ, мати, плачутъ небо и земля,
— По мнѣ, мати, плачутъ солнце и луна,
— По мнѣ, мати, плачутъ, рѣки и моря,
— По мнѣ, мати, плачутъ старыя старины,
— По мнѣ, мати, плачутъ вдовы—сироты.
— Потерпи, мати, малое время,
— Когда тѣло мое съ креста соймутъ,
— Въ плащеницѣ я появлюся,
— Въ новоимъ гробѣ положуся,
— И погребенъ есть буду;
— Во третей день, мати, воскресну,
— Въ четыредесятъ дёнъ просвѣщуся
— И на небеса вознесуся
— Со Ангелами со святыми,
— Со грозными Херувимамъ,
— Со страшными Серафимамъ.“
Гля-ради Христа сына Божья
Солнце-мѣсяцъ-луна засіяла,
Небо-земля зрадовалась,
Весь міръ на землѣ взвеселился,
Завѣса церковная спаляхомъ,
На Христѣ ризы исцѣляхомъ.
Я вѣрнымъ дарую для спасенья,
Невѣрнымъ на вѣчную муку.
Христосъ воскресе изъ гроба.
Ради воскресенія Христова
Мы пѣснь поемъ—аллилуія.

(Сборникъ Варенцова, стр. 52—53.)

Еще о распятіи.

Якъ було давно, а въ первовѣку,
Коли жидове Христа мучили,
Христа мучили, на муки брали,
На розпятію гей розпинали,
Клинові за ребра гей розбивали,
Терновый вѣнецъ на головъ клали,
Глоголи шпильки за ногти били,
Всякое деревце не цвѣло въ тѣльце:
Червона ива ой согрѣшила,
Исуса Христа кровцю пустила:
Де кровця цяне—церковця стане,
Де плечи впали—престоли стали,
Де руки впали—тамъ свѣчи стали,
Де очи впали—тамъ книги стали,
Де личка впали—образы стали,
Де зубы впали—дзвононьки стали,
Сами ся престолы позастилали,
Сами ся свѣчи позажигали,
Сами ся книги перечитали,
Сами ся образы помалёвали,
Сами ся звоны перезвонили,
Сами ся службы переслужили,

А всѣ ся души порадовали,
До пана Бога хвалу давали.

(Головацкаго, пѣсни Угорской Руси, I, 23).

Свята Олена доловъ бѣжала....
Сынойка свого, сына глядала....
Срѣтила она свѣтле сонейко:
«Богъ помогай, Богъ, свѣтле сонейко!»
— Боже дай здравья, мати Божая! —
— Свѣтле сонейко, высоко ходишь,
Высоко ходишь, далеко видишь,
Ци' сь не видало, ци' сь не срѣтило
Сынойка мого, Бога милого?»
— Свята Олена доловъ бѣжала, и пр.
Ясенъ мѣсячокъ и пр.
Свята Олена доловъ бѣжала, и пр.
Срѣтила она ясну зорничьку:
«Богъ помогай, Богъ, ясна зорничька!—
— Боже дай здравья, Божья мати!—
Ясна зорничька, высоко ходишь
Высоко ходишь, далеко видишь,
Ци'сь не видѣла, ци'сь не срѣтила
Сынойка мого, Бога милого?»—
— Ей я видѣла, ей я срѣтила
Сынойка твого, Бога милого.
Пошовъ овонъ на монастыри,
Сами му ся врата й отворили:
Сами му дзвоны передзвонили,
Сами му свѣчи та взагарали,
Свѣчи взгарали, ангелы грали.
Поздри, панночька, у гору высоку,
А на той гори три деревини,
А на тимъ древѣ кресты роблено,
Кресты роблено, Христа мучено.» —
Поздрѣла она на гору высоку, —
На горѣ высокой три гроба лежать:
Въ единомъ гробѣ лежить самъ Господь,
А въ другимъ гробѣ лежить сынъ Божій,
А въ третимъ гробѣ свята Пречиста!
Передъ самымъ Богомъ ангели грауть,
Передъ сыномъ Божимъ свѣчи вгарауть,
Передъ святовъ Пречистовъ ружа проквитаетъ,
А зъ той ружи втапокъ вылѣта'тъ.
Птапокъ вылѣта'тъ по цѣломъ свѣту,
По цѣломъ свѣту то расповѣда'тъ.

(Головацкаго Пѣсни, I, 46, 47).

Зъ за тамтой горы, зъ за высокои...
Выходитъ намъ тамъ золотый хрестъ,
А подъ тимъ хрестомъ самъ милый Господь,
На немъ сорочка та кирвавая...
Видѣло дѣвча жидовча,
Ой и шло воно въ Дунай *) по воду,
По воду и шло, та й увидѣло,
Же русскій панъ-Богъ изъ мертвыхъ уставъ.
Скоро видѣло, вотцу повѣдѣло:
Ой дѣвче, дѣвче, ты жидовина,
Кобы'сь ты не такъ моя дѣтина,
Казавъ былъ я тя въ дунай шипути;
Втоды русскій панъ Богъ изъ мертвыхъ устане,
Коли тотъ каплунъ спредъ меня злетитъ,
Подъ облаки сяде, красне запѣе. —
Есть передъ жидовъ тарѣль злаченій,
А на немъ лежить каплунъ печеній;
А каплунъ злетѣвъ, на облаки си сѣвъ;
Краснейко запѣвъ, а жидъ остовпѣвъ!

(Головацкаго, I, 6).

Изъ апокрифовъ: хожденіе Богородицы по мукамъ.

— — — Богородица, хотящи дабы видѣла, како ся душя мучать, и рече Михаилу Архистратигу: исповѣждь ми, яже суть на земли всяческая. И рече къ ней Михаилъ: яко же речеши, благодатьная; азъ вcяческая тебѣ исповѣмъ. И рече къ нему святая Богородица: колько есть мукъ, идѣже мучиться родъ христіаньскьи? И рече къ ней Архистратигъ: неизреченныя суть муки. Рече же къ нему благодатьная: исповѣжь ми на небеси и на земли. Тогда повелѣ архистратигъ явитися ангеломъ отъ полудне, и отверзеся адъ. И видѣ въ адѣ мучащался

*) Древнее названіе рѣки вообще.

и бяше ту множество мужь и женъ, и вопль многъ бяше. И вопроси благодатьная архистратига: кто си суть? И рече архистратигъ: си суть иже не вѣроваша въ Отца и Сына и с. Духа, нъ забыша Бога и вѣроваша юже ны бѣ тварь Богъ на работу створилъ; то то они все богы прозваша: солнце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады. — — — Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша, бѣсомъ злыимъ вѣроваша. Да и доселѣ мракомъ злымь одержими суть, того ради сде тако мучаться. И видѣ на друзѣмь мѣстѣ тьму велику, и рече святая госпожа: что есть тьма си и кто суть пребывающеи въ ней? И рече архистратигъ: многы душя пребывають въ мѣстѣ томь. И рече св. богородица: да отъиметься тьма си, да быхъ видѣла и ту муку. И отвѣщаша ангели стрегущеи муку: поручено ны есть да не видять свѣта, донъдеже явиться сынъ твой благый наче 7 солнчь свѣтлѣйшь. И прискорьбна бысть св. богородица. И ко ангеломъ возведе очи свои, и възрѣ на невидимый престолъ отца своего и рече: во имя Отца и Сына и св. Духа, да отъиметься тьма си, да быхъ видѣла сію муку. И отъяся тьма и 7 небесъ явися и ту пребываше множьство народъ мужь и женъ и въпль многъ бысть и гласъ великъ исхожаше. И видѣвши я пречистая богородица и рече къ нимъ, плачющися съ слезами: что сътвористе бѣдници оканьніи недостойніи, како въ семь постигостеся? Не бы гласа отъ нихъ, ни отвѣта. И рекоша ангели стрегущеи: по что не глаголете? И рекоша мучащеися: благодатьпая, отъ вѣка нѣсмы свѣта видѣли, да не можемъ възърѣти горѣ. И възърѣвши на ня св. богородица, и въсплакашася вельми. И видѣвше ю мучащеися рекоша къ ней: како ны еси присѣтила, св. богородице? Нъ сынъ твой благодатный на землю приходи и не въпроси насъ. То ни Аврамъ прадѣдъ, ни Моисій пророкъ, ни Іоаннъ креститель, то ни апостолъ Павелъ, възлюбленикъ божій; нъ ты, пресвятая богородице и застуннице. Ты еси роду крестьянску стѣна. — —Тогда рече св. богородица къ архистратигу: что есть съгрѣшеніе тѣхъ? И рече Михаилъ: си суть, иже не вѣроваша въ отца и т. д., то ни въ тя, св. богородице.— — —

И пакы прослъзящися св. богородица рече къ нимъ: почто съблазнистеся? Не вѣсте ли вы, яко же мое имя чтеть все създаніе. То рѣкъши св. богородица, и пакы тьма паде на нихъ. И рече къ ней архистратигъ: кудѣ хощеши благодатьная да изидемъ? На полудне или на полунощь? И рече благодатьная: да изидемъ на полудне. И тъгда обратишася хѣровима и серафими и 400 аньгелъ изведоша богородицю на полудне. иде же рѣка исхожаше огньна. И ту бяше множьство мужь и женъ, и бяху погружени ови до пояса, ови до пазуху, ови до шія. а друзіи до верха. И видѣвши св. богородица възъпи гласомь великъмь и въпроси архистратига: которіи се суть иже до пояса въ огни погружени. И рече къ ней архистратигъ: си суть иже отцню и матерьню клятву пріяша. — — И пакы рече богородица: иже суть подъ пазусѣ въ огни, которіи суть? — Си суть, иже приснымя кумы били, коряще я. — А иже суть до шія? — — Си суть, иже мяса яша человѣча. — — А си до верха ввержени? — — Си суть иже крьстъ чьстный държаще кленуться лъжами. — — И увидѣ св. богородица мужа висаща за нозѣ, и чьрьве ядяху его. — — Сь есть, иже приклады имаше на злато свое и на сребро. — — И рече къ ней Михаилъ: и еще св. богородице нѣси видѣла великыихъ мукъ. И рече святая къ аньгелу: изидѣмъ да походимъ да видимъ вся мукы.— —Кудѣ хощеши, благодатьная, да изидемъ? — — На полунощь. — — И бысть облакъ огньнъ распростьртъ посредѣ, и одрове яко и пламя, и огнь; на нихъ лежааше множьство мужь и женъ. — — Си суть, госпоже, иже въ святую недѣлю на заутрьню не въстають, но лѣнящеся лежать. И рече богородица: : да аще кто не можеть въстати, что да створили? — И рече Михаилъ: послушай, пресвятая; аще кому загориться храмина на четверо, и обойдеть и огнь, и съгорить, не мога въстати. — то таковый не имать грѣха. И видѣ на на друзѣмъ мѣстѣ столи огньны и на нихъ множьство народа, и мужь и женъ, взагарааху на нихъ. — — Си суть, иже поповъ не чьтуть, то не въстають имъ, егда приходять отъ церкве божія. — И увидѣ святая древо

желѣзно, имѣюще отрасли и вѣтвіе желѣзно, и върхіе вѣтвія того имѣяше уды желѣзны, и бяше ту висящихъ множьство мужь и женъ за языкы. И видѣвши святая просльзися и въпроси Михаила, кто си суть. — — Се суть клеветьници и сводьници и иже разлучиша брата отъ брата и мужа отъ женъ своихъ. — — Аще кто хотяше креститися или покаятися грѣхъ своихъ, то ти разглаголаху и не поучаху спасенію. — — И видѣ святая на друзѣмь мѣстѣ висяща мужа за четверо за вся края ногтій его, исхожаше кровь вельми зѣло и язикъ его вязанеся отъ пламене огньнааго.— — И видѣвши его пресвятая богородица и въсплакася и рече: господи помилуй — трижды, и сотвори молитву. И приде къ ней аньгелъ иже обладааше муками отрѣшити языкъ мужева тому. И въпроси пресвятая кто сь есть бѣдный человѣкъ пріемляй сію муку. И рече аньгелъ: сь есть иконамъ и церкви служитель, и не творя воля божія, нъ да продаяше съсуды имѣніе церковное и глаголаше: иже церкви работаеть, то отъ церкве питаеться; и того ради мучиться сде.

И рече пресвятая: яко же есть сътворилъ, тако и пріемлеть. И пакы ему аньгелъ связа языкъ. — — И видѣ попы висяща; отъ края ногътій исходяше огнь отъ тѣмене ихъ и опаляше я. — — Си суть литургіи служители, и предстояще престолу божію и достойни ся творяще, да егда проскомисаху и не храняху, и роняху крупица на землю, яко и звѣзды божія, тогда страшный престолъ колебашеся и подножіе божіе трепеташе. И видѣ святая мужа и змій крылатъ имѣющь три главы, едина же глава къ очима мужю, а двѣ къ устомъ его. — — Сь есть, иже святыя книгы прочиташе и еуангелія самъ не послушаше люди; учаше, а самъ не творяше воля божія.

— — — И увидѣ святая, кдѣ лежаху на пламени огньнѣемь, и ядяше ихъ червь не сыпая. — — Си суть иже образъ аньгельскый носяще и апостольский на земли, величающеся патріарси и епископи славніи имены, и словяху благословити отци святіи, но а небеси не зовахомся святіи. — — И видѣ пресвятая жены висяща за вся ногти, а пламень исхожаше изъ устъ ихъ и опаляше вся. — — То суть попадьи, поповъ своихъ не почьтоша и по смерти ихъ идоша за мужь, до того ради мучаться. — —

— — Бяше тьма мрачна и ту лежаше множьство мужь и женъ, и клокотааху яко въ котьлѣ, и яко морьскыя волны и ображаються надъ грѣшникы, да егда вълны въсхожаху и погружаху грѣшникы тысятю лакъть. — — Ядяше я червь неусыпаяй, и скрьжета зубомь. — — И видѣвши пресвятая аньгелы скорьбны унылы грѣшникъ ради, и въсплакася пресвятая. И възопиша вси единѣмь гласомь глаголюще: добрѣ есте пришли въ тьму сію, да ны видите, како ны есть мука. И помолися пресвятая съ архангелъмь и слыша плачь грѣшныихъ, и въздвигоша гласъ свой въпіюще и глаголюще: Господи, помилуй ны! Да яко опростиша молитву, уставися буря рѣчьная и волны огньныя, и явишася грѣшьници яко и зьрна горюшичьна. — — И рече архистратигъ. се рѣка вся смольна и вълны ея вся огньны, а иже ся мучать, то то суть жидове, иже мучиша Господа нашего Іисуса Христа — — и вси языци, иже крьстишася во имя Отца и т. д. и вѣрують въ дѣмоны. — — И рече святая: по дѣломъ ихъ буди тако. И пакы найде на ня бурьная рѣка и огньныя вълны, и тьма покры я. —

— — И вознесоша благодатьную на высоту небесьную и поставиша ю прѣдъ невидимымь отцемь у прѣстола. И възведе руцѣ свои и благодатьнуую сыну своему рече: помилуй, Владыко, грѣшьныя, яко видѣхъ я и не могу тьрпѣти, да ся мучю и азъ съ крьстіаны. И приде гласъ къ ней, глаголя: како хощють помиловати, а вижу гвоздія въ дланькъ сыну моему, да не имамъ како я тѣхъ помиловати. И рече: Владыко, не молюся за невѣрныя жиды, нъ за крестіаны молю твое милосердіе. И приде къ ней гласъ глаголя: азъ вижу, яко братія моея не помилована, да нѣсть ми како тѣхъ помиловати. И рече пресвятая: помилуй, Владыко, грѣшныя, помилуй, Господи, тварь руку своею. — — И рече богородица: кде есть Моисій пророкъ, кде ли суть вси пророци и вы отци, иже грѣха не створисте никодиже; кде ли Павелъ възлюбленикъ божій, кде ли есть недѣля, похвала крестьяномъ

яньская, иде ли есть сила честнаго крьста, имьже Адама и Евъгу отъ клятвы избави. (Тогда начинають молить за грѣшниковъ и всѣ ангелы, и Моисей, и Іоаннъ, и Павелъ.) И видѣ владыка мольбу святыихъ и умилосердися сына ради своего единочаднаго и видѣ мольбу святыихъ, и яви лице свое на грѣшникы. И съшьдъ Господь — — рече: рай насадихъ и человѣка съзьдахъ по образу своему и поставихъ и господина раеви — — Они же ослуху створиша. — — И снидохъ на землю и въплотихся — — вознесохся на крьстъ — — да вы прощу отъ первыя клятвы, и вы не брегостеся покаяти своихъ грѣхъ, но крьстьяне ся творяще словъмь точію — — да не имамъ васъ помиловати. Нынѣ же милосердіе отца моего, яко посла мя къ вамъ, и за молитвы матере моея, яко плакася много за васъ, и за Михаила архистратига завѣту и за множьство мученикъ моихъ, яко много трудишася за васъ, и се даю вамъ мучащіимся дьнь и нощь отъ великаго четвьрътка до святыя пятикостія имѣти вы покой. — — И отвѣщаша вси: слава милосердію твоему.

(Извѣстія Акад. Наукъ, т. X, ст. 557—577. Напечатано И. И. Срезневскимъ по рукописи XII ст. съ дополненіями изъ рукописей позднѣйшихъ.)

Изъ апокрифа: Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской.

По възнесеніи Господа нашего І. Х. азъ Іоаннъ, вшедшу ми на гору Ѳаворскую, и на ней же пречистое тѣло свое и божество свое показа намъ, не могуще зрѣти падохомъ на земли ниць. Пришедшу же ми на мѣсто то, и възрѣвъ на небо очима и руцѣ свои воздвигохъ и помолихся къ Богу. — — Научи мя о пришествіи твоемь, егда хощеши пріити на землю, что хощеть быти солнце, и луна, и звѣзды — — И створихъ днiй 7 моляся и по семь облакъ свѣтелъ восхити отъ горы и постави мя предъ лицемь небесныимь, и слышахъ гласъ, глаголющь ми: взри праведный Іоанне рабе господ нь и разумѣй. И възрѣхъ и видѣхъ небо отъверсто и исхожаше изусиръ воня и аромати съ небесе, и блахоуханія многа, и видѣнія, свѣтлость многа зѣло, паче солнца свѣтлѣе, и паки слышанъ гласъ, глаголющь ми: возри, праведный Іоанне, и възрѣвъ очима своима и видѣхъ книгы лежащя, яко иню, равно 7 горъ толщина ихъ, долгота же ихъ умъ человѣчь не можеть разумѣти, имуща печатій седмь. И рѣхъ услыши, Господи, раба твоего гласъ, и открый ми, что суть писана въ книгахъ сихъ. И слышахъ гласъ глаголющь ми: книгы, яже видиши нынѣ, и то суть писано еже на небесѣхъ и въ безднахъ и въ всякой вещи человѣчьствѣй *). И рѣхъ: Господи, когда хощеть быти время то?— — — Тогда явиться отметникъ, глаголемый антихрестъ — — Видѣніе лица его мрачно, власи главы его остри, яко стрѣлы, видъ ему яко и дивьяку, око ему десное акы и звѣзда заутра въсходящія, а другое акы льв, уста ему локти, зуби ему пядь, перси ему акы и серпи, стопа ногу его пядью двою, и на лици его пишеться: антихресть. До небесъ вознесеться и до ада снидеть, творя лжу привидѣнія. И тогда сотворю небо мѣдяно, и дажи сыры иослеть на землю, и съкрыю облаки въ послѣднихъ земля, и скрыю руцѣ овѣтренѣи, да ни вѣтри възвѣють и на земли— — —И тогда пошлю Еноха и Илію на обличеніе его, покажеть лжа суща и преступника, и тогда убіеть Илію на жертвенницѣ— — — Тогда пошлю ангелы моя на лици всея земля, и возьмуть отъ нея все славное и честное и святыя книги и славный и честный крестъ и съсуды церковныя, и все на облацѣхъ взнесеться, и великій и честный крестъ, на немь же руцѣ свои простеръ, и вси чини ангельстіи поклонятся ему, и тогда възнесуться праведныи на облацѣхъ.— — И тогда изидуть вси дуси не-

---

*) По другому списку: сія книгы, яже видиши, писано есть, еже на небеси и на земли, и въ преисподнихъ и всякому дыханію небесному и земному правда и кривда. (Тихонравова, Отреч. кн. II. 183.)

чистіи иже въ безднѣ, иже на морѣ и иже на земли, идѣже есть гдѣ на лици всея земля отъ въстокъ солнца и до запада, и прилѣпиться книзи своемь Антихристи и възнесеться на облацѣхъ — — — И тогда пошлю ангелы моя святыя и да зажгуть землю, и изгорить земля локоть 50500 въ глубину, и изгорять горы великыя и низпадуть и сокрушаться, и будуть яко и праси, изгорить все древо отъ конца вселеныя и до конца, изгорить всякъ скотъ и всякъ гадъ,ползаяй по земли и всяка птица, парящія по аеру — — И тогда отънечатлѣю четыре части восточныя, изидуть четыре вѣтри велицін, и възвѣють на лици всея земля отъ конець и до западъ вселенныя, и развѣють, и убѣлиться земля яко снѣгъ и яко харатія изравниться, не имущи никоея же скверны— — И изидеть честный крестъ со тьмами и тысящьми аггелъ— — —Исполниться земля небесныхъ, и разверадться сокровища небесная и изнесеться свѣтлое кадило и всякое благоуханіе, и горній Іерусалимъ снесенъ будеть на землю, яко же невѣста украшена, его же красоты усты не можно извѣстити — — И по семь станеть небо тще и будеть аеръ отпущенъ, и тогда станеть предъ Господомь всяка вещь человѣчьска, и вси дуси лукавіи съ Антихристомь нази и обременени, и тогда сънесены будуть книгы съ семью печатей, толстота имъ акы 7 горъ, а должина горѣ очима зрѣти, въ нихъ же писана яже отъ вѣка сотворена быша, и отверзеться 1-я печять, спадуть звѣзды, и егда 2-я печять отверзеться, съ крыеться луна и къ тому не будеть ея; егда отъиметься 3-я печять, затвориться лучь солнечный, и къ таму не будеть его; гдѣ бо есть Самъ Христосъ, солнце ту не требѣ есть, сіе видомо солнце. Егда отъиметься 4-я печять, разступяться небеса и будетъ аеръ отпущенъ — — И егда отъ иметься 5-я печять, раздереться земля, се есть кромѣшная тма, и егда отверзеться 6-я печять, изсякнеть пучина морская; и егда отверзеться 7-я печять, адъ открыеться.

(Тихонравова, Памятники Отреченной русской литературы, II, стр. 174—180)

О великой грѣшницѣ.

По морю по синему по Хвалынскому
Тутъ ишли, пробѣгали черезъ корабли:
Во этыхъ корабляхъ святые ангелы сидятъ;
На встрѣчу имъ самъ Іисусъ Христосъ,
Самъ небесный Царь.
Сталъ онъ въ (у) ангелахъ (ловъ) выспрашивать и выспытывать:
„Святые ангели, архангели, гдѣ вы хаживали, гдѣ гуливали,
„Что слышивали, что вихивали?"
— Самъ Іисусъ Христосъ, самъ Небесный Царь!
— Мы хаживали на вольномъ на свѣту,
— Много слышали, много видѣли:
— Солнышко на закатъ пошло
— Красное закатилося,
— Душа съ тѣломъ разставалася,
— Отошедши, она тѣлу поклонялася:
— „Ты прости, мое тѣло бѣлое, *)
— Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
— Червямъ, тѣло, на источеніе,
— Вы, кости, земли на преданіе,
— А мнѣ душѣ идти къ самому Христу
— Къ самому Христу, судьѣ праведному.**)
— На встрѣчу души самъ Іисусъ Христосъ:
— „Почаму же ты, душа, грѣхи угадываешь?„
„Потому я, душа, грѣхи угадываю,
„Что жила я на вольномъ на свѣту,
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Изъ коровушекъ молоки я выкликивала,
„Во сырое коренье я выдаивала,
„Въ эвтимъ во грѣхѣ Богу не каялася.
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Смалешеньку дитя своего проклинывала,
„Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася.

*) Эти 4 стиха изъ другаго варьянта (Шевыр. Ист. Р. Слов., ч. I, стр. 244).
**) 2 стиха изъ другаго варьянта (Шевыр. ч. I, стр. 214).

„Еще душа Богу согрѣшила:
„Мужа съ женой я поразважива̀ла,
„Золотые вѣнцы поразлучивала,
„Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася.
„Еще душа Богу согрѣшила:
«По улицамъ душа много хаживала,
„По подоконью душа много слушивала:
„Хоть не слышала, скажу—слышала.
„Хоть не видѣла, скажу—видѣла.
„Въ эвтихъ грѣхахъ Богу не каялася.
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Середы и пятницы не пащивалась,
„Великаго говѣнія не гавливалася,
„Заутреня, вечерни просыпывала я,
„Въ воскресный день обѣдни прогуливала,
„Въ подпонкахъ душа много хаживала,
„Не по-праведну землю роздѣливала:
„Я межу черезъ межу перекладывала,
„Съ чужой нивы землю украдывала.
„Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася,
„И отцу духовному не сказывала,
„Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
„Еще душа Богу согрѣшила;
„Не по-праведну покосы я раздѣливала,
„Чужую полосу позакашивала.
„Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялася,
„Отцу духовному и пр.
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Въ соломахъ я заломы заламывала,
„Со всякаго хлѣба споръ отнимывала.
„Въ эвтихъ во грѣхахъ.....
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Я по полямъ, душа, много хаживала,
„Проворы во поляхъ пораскладывала,
„Скотину въ поле попапущивала,
„И добрыхъ людей оголаживала.
„Въ эвтихъ во грѣхахъ.....
„Еще душа Богу согрѣшила:
„По свадьбамъ душа много хаживала,
„Свадьбы звѣрями оборачивала,
„Въ эвтихъ во грѣхахъ.....
„Еще душа Богу согрѣшила:
„По игрищамъ душа много хаживала,
„Подъ всякія игры много плясывала,
„Самого сатану воспотѣшивала,
„Въ этихъ во грѣхахъ.....
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Напилася душа зеленаго вина,
„Отъ зеленаго вина душа пьяна была."
Померла эта душа безъ покаянія,
Безъ того ли безъ попа безъ духовнаго.
Провалилася душа въ преисподній адъ;
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
За свое великое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.

(Сборникъ Варенцова, стр. 134—143.,

О Михаилѣ Архангелѣ.

Еще зналъ бы человѣкъ житіе вѣку себѣ.
Своей бы силой поработалъ,
Равно свое житье-бытье бы пораздавалъ
На нищую на братію на убогую.
Речетъ Михаилъ Архангелъ,
Грозныхъ силъ воевода:
«Еще кто у насъ, братія,
У Христа есть во плоти?
У Христа есть во плоти свѣтъ Илья пророкъ.
Взошелъ онъ на гору на сіонскую,
Указалъ онъ многимъ грѣшнымъ муку и рай.
Всякому человѣку мѣсто изготовлено,
Тѣмъ ворамъ и разбойникамъ,
Еретникамъ, клеветникамъ, ненавистникамъ.
Течетъ имъ рѣка огненная
Отъ востоку солнца до запада,
Пламя пышетъ отъ земли до небеси.
Праведные идутъ черезъ огненную рѣку.
Идутъ они рòвно пò-суху и рòвно по-землѣ,
Огнемъ ихъ, пламенемъ лице не пожираетъ.
Поютъ они пѣсню херувимскую.
Еще поютъ серафимскую;
Гласы гласятъ все по-ангельскому,
Свѣтъ несутъ по-божественному,
Хвалятъ Христа-Царя Бога Небеснаго,
Надѣются на Спаса на пречистаго,
На Мать Божію Богородицу,
Хвалу несутъ дѣти отцу-матери:
«Спасибо тебѣ, батюшка со матушкой!
«Умѣли насъ вспоить-вскормить,
«Умѣли на добрыя дѣла научить,
«Приврили намъ царство небесное—рай.»
Грѣшные рабы беззаконные
Оставались за рѣкой за огненною,
Вопіяли во многіе разные голосы:
«Свѣтъ нашъ Михаилъ Архангелъ,
«Грозныхъ силъ воевода!
«Переведи насъ черезъ огненну рѣку,

«Возьми ты отъ насъ злата-серебра,
«Мелкаго скатнаго жемчугу:
«Пускай насъ во царство, во небесный рай.»
Речетъ имъ Михаилъ Архангелъ,
Грозныхъ силъ воевода:
«Вы гой еси многогрѣшные, рабы беззаконные!
«Здѣсь судья вамъ не подсудливая,
«Здѣсь судья вамъ съ Богомъ праведная.
«Судъ судимъ мы по-праведному,
«Дѣлаемъ повелѣнное;
«Не беремъ ни злата, ни серебра,
«Ни скатнаго мелкаго жемчугу,
«А беремъ только души праведныя,
«Отдаемъ во царство небесное
«Къ святому Абрамію—отцу праведному.»
Речетъ Михаилъ Архангелъ,
Грозныхъ силъ воевода:
«Гой еси многогрѣшные рабы, беззаконные!
«У васъ тамъ было на вольномъ на свѣту,
«У васъ были судьи немилостивые,
«Судъ судили не по-праведному,
«Дѣлали не повелѣнное,—
«Праваго ставили въ виноватые,
«Виноватаго ставили во правые;
«Съ виноватаго брали злата-серебра,
«Копили казну себѣ несчетную;
«Ваша казна будетъ явитися
«На второмъ на Христовомъ пришествіи.»
Пошли грѣшные въ огненну рѣку,
Они плачучи и возрыдаючи,
Въ тоскахъ тѣлеса свои обрываючи,
Къ сырой землѣ припадаючи,
Клянутъ-бранятъ дѣти отца съ матерью:
«Не спасибо вамъ, отецъ съ матерью!
«Умѣли вы насъ породити,
«И умѣли вспоить-вскормить,
«Да неумѣли на добрыя дѣла научить,—
«Призрили намъ муку превѣчную.
Вопіяли грѣшные
Во многіе разные голосы:
«Свѣтъ нашъ Михаилъ Архангелъ,
«Грозныхъ силъ воевода!
«Зачѣмъ мы на томъ свѣту родилися?
«Не слыхать бы намъ грѣшнымъ слова грознаго,
«Не терпѣть бы муки превѣчныя.
Речетъ имъ Михаилъ Архангелъ,
Грозныхъ силъ воевода:
„Вы гой еси многогрѣшные рабы, беззаконные!
„Топерь, рабы, вы росплакалися,
„Топерь, рабы, вы воспокаялися.
„Некогда вамъ, грѣшнымъ, душа спасти;
„Некогда вамъ, грѣшнымъ, во рай войти.
„У васъ-то было на вольномъ на свѣту,
„У васъ были церкви соборныя,
„Во церквахъ были книги божсетвенныя,
„Во книгахъ было написано,
„Написано и напечатано
„Чѣмъ душа спасти, какъ во рай войти.
„Душа спасти есть святымъ постомъ и молитвами,
„Въ рай войти—честной милостиной,
„Честной, не ожуренною (не укорительной);
„При церквахъ попы были, священники,
„Пастыри ваши поучители.
Для чего поповъ-отцевъ не слушались,
Ко Божьей церкви не прихаживали,
Страху Господня не послушивали.
Писанію Божію не вѣровали,
Раннія заутрени просыпывали,
Священныя обѣдни прогуливали,
За смирною вечернею не стаивали,
Со слезами Богу не маливались,
Земныхъ поклоновъ не кладывали
Отъ бѣлаго лица до сырой земли.“
Речетъ имъ Михаилъ Архангелъ,
Грозныхъ силъ воевода:
„Вы гой еси многогрѣшные рабы, беззаконные!
Пожили вы вѣки долгіе,
Своимъ душамъ добра не дѣлывали,
Не имѣли вы ни середы, ни пятницы,
Ни того воскресенья тридневнаго,
Ни тѣхъ годовыхъ честныхъ праздниковъ.
Не тѣ ли грѣхи ваши объявляются,
Огненна рѣка къ вамъ приближается—
Палитъ лице многогрѣшное,
Палитъ лице огнемъ-пламенемъ.“
Михаилу Архангелу славу поемъ.
Во вѣки ему слава не минуется. Аминь.

(Сборникъ Варенцова, стр. 137—142.)

Изъ другихъ стиховъ о страшномъ судѣ.

Разступилась, расплакалась
Матушка сыра земля
Передъ Господомъ Богомъ:
„Тяжелъ то мнѣ, тяжелъ, Господи, вольный свѣтъ;
„Тяжелѣ — много грѣшниковъ, болѣ беззаконниковъ."
Речетъ же самъ Господь сырой землѣ:
„Потерпи же ты, матушка сыра земля!
„Не придутъ ли рабы грѣшники
„Къ самому Богу съ чистымъ покаяніемъ?
„Ежели придутъ, прибавлю я имъ свѣта вольнаго,
„Царство небесное.
„Ежели не придутъ ко мнѣ къ Богу,
„Убавлю я имъ свѣту вольнаго,
„Прибавлю я имъ муки вѣчныя."

(Ист. Р. Слов. Шевыр. ч. I стр. 245.)

Спадутъ съ неба на землю часты звѣзды;
Небо и земля потрясется,
То каменные грады разрушатся,
Ключи, источники истекнутъ,
Да солнце, мѣсяцъ померкнутъ,
Луна съ кровью претворится;
Отъ небесъ моря возмутятся,
Тогда Ангелы-Архангелы всѣ устрашатся;
Херувимы и Серафимы всѣ подвигнутся,
Небесная сила восколыбнется.
Со небесъ сойдетъ Мати Всепѣтая,
Госпожа Владычица Богородица
Со своею силой со небесною,
Со Ангеламъ, со Архангеламъ,
Со всѣми съ Херувимами.
Среди земли престолъ Божій поставится,
На престолъ сойдетъ самъ Исусъ Христосъ,
Самъ Исусъ Христосъ, Небесный Царь, Судія праведный.

. . . .

Возглаголетъ Господи ко грѣшникамъ,
Со престолу со Божьяго:
«Вы, грѣшные рабы, беззаконные!
Отойдите прочь, рабы проклятые!
Не могу я васъ грѣшныхъ рабовъ навидѣти.
Изготовлена вамъ мука вѣчная,
Огонь-пламя неугасимое,
Вамъ пропасти неисповѣдимыя!»
И росплачутся многи грѣшные
Со ночну страну:
«Насъ, Господи, грѣшныхъ рабовъ помилуй!

. . . .

«Ой ты мати наша Всепѣтая,
Госпожа Владычица и Богородица!
Помолися Ты о насъ о грѣшныхъ
У своего сына у распятаго,
У Христа Царя Богонебеснаго.

. . . .

Притечетъ мати Всепѣтая,
Ко престолу ко Божьему;
Проглаголетъ Мати Всепѣтая,
Госпожа Владычица и Богородица:
„Іисусъ Христосъ пресладкій сынъ,
„На престолѣ Судья праведный!
„Моги ради меня грѣшныхъ рабовъ помиловать
„Отъ злыя муки вѣчныя,
„Отъ огня-пламя неугасимаго,
„Отъ пропасти неисповѣдимыя.

. . . .

Проглаголетъ Господи ко Матери
Со престолу со Божьяго:
„Ой ты, Мати моя Всепѣтая,
„Госпожа, Владычица и Богородица!
„Могу ради тебя грѣшныхъ рабой помиловать
„Отъ злыя муки вѣчныя,
„Отъ огня-пламя неугасимаго,
„Отъ пропасти неисповѣдимыя,
„Да все ради тебя,
„Госпожи Владычицы и Богородицы;
„Да можешь ли, Мати, меня видѣти
„Во-второе на Христовѣ на распятіи?"
И росплачится Мати Всепѣтая
Надъ многими надъ грѣшными.
Проглаголетъ Мати Всепѣтая:
„Іисусъ Христосъ пресладкій сынъ,
„На престолѣ Судья праведный!
„Не могу я тебя видѣти
„Во-вторые на Христовѣ на распятіи:
„Не могу забыть твое прежнее помученіе;
„Не могу я ту чару выпити,
„Горькими слезами плачучи.
„Не жаль мнѣ таковаго народа многогрѣшнаго,

„А жаль мнѣ своего сына родимаго,
„Христа Царя Богонебесняго."

(Сборн. Варенцова, стр. 162—166.)

Отъ востока солнца до Западу
Протечетъ рѣка-Сіонъ огненная:
Протечетъ она, яко громъ прогремитъ.
Тогда ангелы, архангелы пріустрашатся,
Херувимы, серафимы пріужаснутся,
И вся сила небесная
Вострепещется, восколеблется,
Понесетъ сія рѣка огненная
Человѣка многогрѣшнаго
По мукамъ по разноличнымъ;
Повелитъ Господь всѣмъ ангеламъ, архангеламъ
Брега съ мѣста содвигнути,
Повелитъ Господь перстьемъ засыпати,
Святымъ Духомъ замуравити,
Чтобъ отъ грѣшныхъ было не слышати
Ни зыку, ни крику, ни рыданія.

(Шевыр. ч. I. стр. 250.)

Было добро да миновалася,
Будетъ добро, того долго ждать.
И рече пресвятая Богородица,
Святая мать милосердія:
„Рабы-де-вы мои христолюбивые!
„Поимѣйте вѣру Христіанскую:
„И вѣрою и любовію
„Поимѣйте другъ друга и братъ брата
„И сынъ отца и мать свою!
„За вашу вѣру христіанскую
„Сошлетъ Господи пророчество:
„Илью пророка, и Онофрія,
„И станутъ святые пророчити,
„И сойдетъ на землю бездушный богъ.
„Бездушный богъ, Антихристосъ;
„Онъ исколетъ святое пророчество.
„Отъ той-то отъ святой отъ крови
„Загорится матушка сыра земля,
„Съ восхода загорится, до запада,
„Съ полудня загорится, да до ночи:
„И выгорятъ горы со раздольями,
„И выгорятъ лѣсы темные.
„И сошлетъ Господи потопія,
„И на три дни, на три мѣсяца,
„И вымоютъ матушку сыру землю,
„Аки харатью бѣлую,
„Аки скорлупу яичную
„Аки дѣвицу непорочную,
„Аки вдовицу благочестивую."

(Шевырева, Исторія Р. Слов., часть 1, стр. 251 и 252.)

Еще о страшномъ судѣ.

Воскреснетъ небесный царь
И вознесется рука его
Да на вышнія нёбеса...
Ужахнется вся вселенная,
Померкнетъ красное солнышко,
Потемнѣетъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
Падутъ звѣзды на землю,
Яко листвіе со древа...
Со восточныя со стороны
Идутъ души праведныя...
Срѣчаетъ ихъ небесный царь
Съ милостью, съ жалостью
И съ великою со любовію...
Съ западныя стороны,
Со полуночныя темныя
Идутъ души грѣшныя,
Идутъ все беззаконныя;
Проречетъ имъ небесный Царь
Съ грубостью съ яростью,
Съ великою нелюбовію:
«Подите, грѣшные,
Зыдите, проклятые,
Къ сотоны ко дьяволу,
Кому вы работали!...
Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Іереямъ священникамъ
И судіямъ неправеднымъ,
Погреба имъ будутъ глыбокіе,
Мразы имъ будутъ лютые...
Инымъ будетъ грѣшникамъ,
Мужамъ—беззаконникамъ,
Инымъ будетъ грѣшницамъ
Женамъ—беззаконницамъ,—
Котлы имъ будутъ мѣдные,
Огни разноличные...
Глумотворцамъ и просмѣшникамъ,—
Смола имъ кипучая..,

Клеветникамъ и язычникамъ, [1])
Языкъ въ темя вытягнутъ
И за языки повѣшаны
На удахъ желѣзныихъ...
Пьяницамъ и корчемницамъ, —
Чады имъ будутъ горькіе
И смрады имъ великіе...
Плясунамъ и волынщикамъ, —
За хребты оны будутъ повѣшаны
Надъ плитамъ надъ каленыимъ
И на гвоздье зелѣзное...
Сребролюбцамъ и грабителямъ, —
Червь имъ будетъ неусыпаемая;
То имъ мука вѣчная,
Житіе безконечное.—»
Припадутъ вси грѣшные
Ко матушкѣ къ сырой землѣ:
«Увы, отцы матери!
Почто насъ породили,
На добры дѣла не учили?...»

(Калѣки Перехожіе, ч. II, вып. V, стран. 176—181.)

ИЗЪ СТИХА ОБЪ ІОСИФѢ ПРЕКРАСНОМЪ.

а) Плачь на могилѣ матери.

Богатые же купчане
Поѣдутъ путёмъ возлѣ моря.
Пребудутъ купчане близъ подрогу,
Противъ его стараго жилища,
Гдѣ матерь его, Рахиль, схоронёна.
Іосифъ, свѣтъ, Прекрасный,
Жалко купчанамъ возмолился:
«Богатые вы купчане!
«Отпустите, ослобоните,
«На матушкину могилку!
«Горючихъ я слезъ наточуся,
«Со родимою матушкой прощуся!»
Богатые же купчане
Красоту его потѣшали:
Отпустили, ослобонили
На матушкину могилку.
Іосифъ, свѣтъ, Прекрасный
Пришёлъ, до земли поклонился,
На сыру землю онъ упадоше;
Онъ плачетъ, самъ возрыдаетъ,
Устами своими глаголуетъ:
«Увы, земля мать сырая!
«Сырая земля мать, раступися!
«Мать моя, Рахиль, пробудися!
«Прими меня, матерь, во свой гробъ,
«Да будетъ намъ гробъ твой единъ отрокъ!
«Не примешь меня, Рахиль-матерь, во свой гробъ, —
«Воздай мнѣ своё великое благословенье:
«Чтобы мнѣ во Египтѣ не погибнуть
«На той на Египетской работѣ!»
Богатые же купчане
На Іосифа-свѣтъ прослезилися,
За бѣлыя руци принимали,
Отъ сырой земли подымали,
Ласковымъ словомъ увѣщевали:
— Возстань, чадо любезное!
— И намъ ты печаль всѣмъ воздаваешь;
— Достоинъ ты, чадо, своей красотою:
— Не будешь ты въ Египтѣ работати,
— А будешь передъ самимъ царёмъ стояти,
— Съ вельможами честь воздержати! —

(«Калѣки» вып. I, стр. 176 и 177.)

б) Прибытіе Іакова въ Египтѣ.

Осипъ же Прекрасный
Отца своего Якова сожидаетъ,
Приказалъ столпъ въ землю становити,
Приказалъ онъ бархатомъ обвити.
Какъ скоро отецъ Яковъ на пріѣздѣ,
Приказалъ онъ отца къ столбу проводити,
Осипъ за столпъ становился,
Жезло свое съ руки оброняетъ,

[1]) Ябедникамъ, доносчикамъ, злоязычникамъ, и т. п.

Осипъ за жезломъ наклонился,
Осипъ же отцу поклонился:
«Здравствуешь, старѣйшій отецъ Яковъ!»
Яковъ же столопъ къ себѣ прижимаетъ,
Съ обѣихъ концевъ сокъ выступаетъ:
— Свѣтъ ты, мое любезное чадо,
— Юношъ ты мой молодый,
— Именемъ же Осипъ Прекрасный!
— Затужило твое ретивое серденько
— На чужой на дальной на сторонкѣ?
Речетъ ему Осипъ Прекрасный:
«Старѣйшій отецъ ты нашъ Яковъ!
«Тутъ тебѣ столопъ, сударь, поставленъ;
«Ты былъ ко столбу, сударь, приведенъ;
«Укроти свое сердце богатырско,
«Сдѣемъ со мной доброе здоровье.»
— Спасибо, любезное мое чадо,
— Что ты не шелъ теперь ко мнѣ въ руки:
— Зажалъ бы съ тоски тебя до смерти. —

«Калѣки,» в. I, стр. 171.

СТИХЪ О ДВУХЪ ЛАЗАРЯХЪ.

Жили да были два брата родные — оба Лазаря —
На вольнымъ свѣту;
Единая ихъ матушка воспородила,
Да не единою долей ихъ Господь надѣлилъ:
Большому-то брату Лазарю богатства тьма,
Меньшому-то брату Лазарю убожество и рай.
Сослалъ Господи на убогаго гнѣвъ:
Лежалъ же убогъ Лазарь онъ во трудѣ, весь во гноищѣ
Воскликнетъ онъ, восгаркнетъ громкимъ голосомъ:
—«Ой милый братецъ мой, богатый Лазарь!
За имя Господне призри ты меня,
Заименье Христово напой, накорми!
Сегодня я, братецъ мой, не пилъ, не ѣдалъ,
И хлѣба я, соли въ ротъ не бралъ.»
Воскликнулъ же, восгаркнулъ богатый Лазарь
Громкимъ своимъ голосомъ:
— «Что жъ ты за невѣжа — такой человѣкъ?
Братомъ меня нарекаешь.
А и есть у меня братья, каковъ я самъ богатъ:
Купцы-те да бояра — то братія моя;
Попы-те церковны—то хлѣбъ-соль съ ними една у меня.
А есть у меня два люта пса;
Али они-то братья твои.
Плюнулъ же богатъ Лазарь, самъ прочь отошелъ;
Восходилъ же богатъ Лазарь въ полаты свои,
Сатился богатъ Лазарь хлѣбъ-соль воскушать,
Садился богатъ Лазарь пойло испивать.
А есть у богата два лютые пса:
Подстольемъ они ходятъ,
Обронныя крошечки собираютъ;
Къ убогому Лазарю приношиваютъ,
Убогаго Лазаря пропитываютъ,
Во гноищѣ его раночки зализываютъ,
Вставалъ же убогъ Лазарь онъ весь изцѣленъ,
Вставалъ же убогой на рѣзвы ноги,
Молитву онъ творилъ самъ ко Господу:
«О Господи! услыши молитву мою,
Да восприми, Господи, на хвалы свои,
Создай мнѣ, Господи, грозныхъ Ангеловъ,
А грозныхъ Ангеловъ, всѐ немилосливыхъ,
По мою по душеньку, по Лазареву.
Не такъ моя душенька поцарствовала,
Живучи, бывучи на вольнымъ свѣту.»
Выслушалъ же Господи молитву его,
Да воспринялъ Господи на хвалы къ себѣ
Сослалъ ему Господи тихихъ Ангеловъ,
Тихихъ Ангеловъ, милосливыхъ.
По его по душу, по Лазареву.
Вынимали его душеньку честно — хвально въ сахарны уста,
Положили его душеньку на Божью пелену,
Воздымали его душеньку вверхъ на небеса,
Отдавали его душеньку ко Якову во рай;
«Вотъ тебѣ, святой отецъ Іаковъ, святая душа!»
Опослѣ богатый Лазарь не долго онъ живетъ:
Охочъ былъ богачъ Лазарь пиры пировать,

Охочъ былъ богачъ Лазарь торгомъ торговать,
Охочъ былъ богачъ Лазарь прохлажатися,
Охочъ былъ богачъ Лазарь похвалятися;
Пошелъ же богачъ Лазарь изъ пиру домой;
Воздымало богатаго повыше его,
Обрянило богатаго о мать о сыру землю:
Лежалъ богачъ Лазарь день до вечера,
Во всю темну ноченьку до бѣлой зари;
На бѣлую на зареньку образумился,
Да не узрилъ богачъ Лазарь свѣту вольнаго,
Да не узрилъ богачъ Лазарь дому своего,
Да не узрилъ богачъ Лазарь жены и дѣтей;
Молитву онъ творитъ самъ ко Господу:
О Господи, Спасъ милостивый!
Восприми, Господи, молитву мою,
Создай ты мнѣ, Господи, тихихъ Ангеловъ,
Тихихъ Ангеловъ, все милосливыхъ,
По мою ли по душеньку, по Лазареву,
Не такъ моя душенька помаялася,
А живучи-бывучи на вольныимъ свѣту.»
Выслушалъ же Господи молитву его,
Не воспринялъ Господи на хвалы свои,
Сослалъ ему Господи грозныхъ Ангеловъ,
А грозныхъ Ангеловъ немилостивыхъ
По его ли по душеньку, по Лазареву.
Вынимали его душеньку нечестно, нехвально,
Сквозь реберъ его — костей.
Вздымали его душеньку весьма высоко,
Обрянили его душеньку во тьму глубоко,
Во тьму глубоко, во плящій огонь.
Узрилъ же богачъ Лазарь изъ муки въ рай,
Да узрилъ же богачъ Лазарь Обрамія въ раю,
Опослѣ Обрамія — брата своего.
«Ой, милый братецъ, убогій Лазарь,
Есть у тебя, братецъ, правая рука,
На правой на рученькѣ есть мизинный пёрстъ,
Обмокни-ко-сь, родимый, холодной водой,
Закропи-ко-сь, родимый мой, палящій огнь!
Кабы мнѣ, родимый мой, всему не сгорѣть!»
Отвѣтъ ему держитъ убогій Лазарь:
— «Какой ты мнѣ есь братецъ, какой и родной?
А есть у тебя братья, каковъ ты самъ богатъ,
Купцы-те бояры—то братьи твои,
Попы-те церковники—то хлѣбъ-соль съ ними одна у тебя.»
Отвѣтъ ему держитъ богатый Лазарь!
«Ой милый братецъ мой убогій Лазарь!
Купцы-те, бояре всѣ забросили меня;
Попы-те церковники миновалися,
Золото мое, серебро земля пожрала,
Цвѣтное мое платьице все тлѣнъ восприняль.»
Отвѣтъ ему держитъ убогій Лазарь;
«Ой, милый братецъ мой, богатый Лазарь!
Что же ты, родимый, на томъ свѣту не поилъ, не кормилъ,
У темной ноченьки не прикрывалъ,
Съ укропною свѣчою ты меня не провожалъ?»
Отвѣтъ ему держитъ богатый Лазарь:
«Ой милый братецъ мой, убогій Лазарь!
Чтожъ ты мнѣ, родимый, прежде не сказалъ?
Поилъ бы я, родимый мой, поилъ бы и кормилъ,
У темной ноченьки я бы укрывалъ,
Съ укропной свѣчею я бы провожалъ.»
Отвѣтъ ему держитъ Обрамей изъ раю:
«Вспокаялся братъ, Лазарь, да не во время!
Подернуло адъ крожѣшной травой - муравой.»

(Сборникъ Варенцова, стр. 67—71.)

НАЧАЛО СВѢТСКОЙ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

XII ВѢКЪ.

Слово о полку Игоревѣ.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы [1]) трудныихъ повѣстій [2]) о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? начяти же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню? Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяаше пѣснь творити, то растекаашеться мыслію по древу, сѣрымь вълкомь по земли, шизымь орломь подъ облакы.

Не начать ли, братцы, мнѣ
Моего повѣствованья,
По завѣтной старинѣ,
Складомъ важнаго сказанья,
Про исполненный невзгодъ
Святославича походъ?
И начать разсказъ мнѣ свой
Не по пѣснямъ вдохновеннымъ
Соловья страны родной,
А по былямъ современнымъ.
Ибо если нашъ пѣвецъ
Сплесть хотѣлъ кому вѣнецъ,
То несался мыслью-птицей
Онъ по дебрямъ и лѣсамъ,
Сѣрымъ волкомъ по полямъ,
Или сизою орлицей
Уносился къ облакамъ.

Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобиця: тогда пущашеть 10 соколовъ на

А когда о несчастливыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ:

---

[1]) Старыми словесы — словами стариннаго преданія, словами Бояна или какого другого народнаго пѣвца. (Прим. Буслаева, христом., стр. 590).

[2]) Трудными именовались повѣсти, въ которыхъ описывались важныя событія; позже стали ихъ называть умилительными или унильными. (Прим. Дубенскаго съ ссылкою на Максимовича). Повѣстій — дополненіе къ словесы, а не къ начати. (Прим. Дуб.)

стадо лебедій; который дотечааше, та [1]) преди пѣснь пояше старому Ярославу [2]), храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми [3]), красному Романови Святъславличю [4]).

Десять соколовъ пускалъ
На лебедокъ говорливыхъ,
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ
То про старца Ярослава,
То про храбраго Мстислава,
Что Касоговъ побѣдилъ,
И Редедю великана
Въ поединкѣ умертвилъ;
То про краснаго Романа.

Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедій пущааше, нъ своя вѣщія пръсты на живыя струны въскладааше; оны же сами княземъ славу рокотаху.

Не на стадо лебедей
Дней минувшихъ соловей
Десять соколовъ пускаетъ; —
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокочущимъ струнамъ,
И онѣ ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараага Владимера [5]) до нынѣшняго Игоря [6]); иже истягну умь крѣпостію своею [7]), и поостри сердца своего мужествомъ [8]), напълнився ратнааго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

Такъ начну же наше «Слово»
Отъ Владиміра Святого,
И про Игоря, друзья,
Пѣсней вамъ окончу я:
Про того вождя-героя,
Кто свой разумъ изострилъ,
Кто кровавой жаждой боя
Духъ свой бранный укрѣпилъ,
И за Русь повелъ дружины
Нашихъ сѣверскихъ князей
Въ безглагольныя равнины
Половецкихъ дикарей.

---

[1]) Вѣроятно испорчено; надо читать: ти (союзъ) или тъ, т. е. тотъ преди пѣснь пояше, и т. д. (Буслаева). Но можетъ быть тутъ и та—т. е. лебедь (въ ж. р.)

[2]) Ярославъ I, сынъ Владиміра св.

[3]) Мстиславъ, сынъ Владиміра св., князь тмутараканскій, умертвившій въ единоборствѣ татарскаго князя Редедю.

[4]) Романъ Святославичъ, родной братъ Олегу, дѣду Игоря, героя слова. (Эти три прим. Дубенскаго.)

[5]) Владиміръ св. (вѣроятно).

[6]) Игорь Святославичъ, удѣльный князь Новгородъ-Сѣверскій, герой слова; внукъ Олега Тмутараканскаго.

[7]) Истягну умь крѣпостію — т. е. вошелъ въ совершенный смыслъ. По мнѣнію Дубенскаго надо читать: и стягну (два слова). Стягнути въ древности — препоясать (на пр. Илія стягне чресла своя. Кн. царствъ, XVIII, 46.) И такъ — препояса умь крѣпостью. Что касается слова умь, то, основываясь на употребленіи его пѣвцомъ далѣе въ женскомъ родѣ, Дубенскій считаетъ его равнымъ думь—дума.

[8]) Укрѣпилъ сердце мужествомъ. (Бусл.) Сердца-винительный, подобный родительному—быть можетъ, по представленію сердца одушевленнымъ.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце. и видѣ отъ него тьмою [1]) вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей:

„Братіе и дружино! луцежъ [2]) бы потяту быти [3]), неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на своя бръзыя комони [4]), да позримъ синего Дону.“ Спала князю умъ [5]) по хоти [6]) и жалость ему знаменіе застуни [7]) искусити Дону великаго.

„Хощу бо, рече. копіе преломити конець поля Половецкаго [8]) съ вами, Русици;

„Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону!“

О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сія плъкы ущекоталъ [9]), скача, славію, по мыслену древу, летая умомь подъ облакы,

Свивая славы оба полы сего времени [10]), рища въ тропу Трояню [11]) чрезъ поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореви, того Ольга [12])

Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтило,
И видя, что вмѣсто лучей,
Полки его мглою оно осѣнило,
Такъ молвилъ дружинѣ своей:
‹Не лучше ль погибнуть среди битвы кровавой,
‹Чѣмъ даться живому въ полонъ!
‹И такъ — на коней и за новою славой!...
‹Туда, гдѣ синѣется Донъ!›
‹Хочу, продолжалъ онъ, объ поле чужое —
‹Чужой Половецкой земли,
‹Сломить вмѣстѣ съ вами копье боевое
‹Дружина и братья мои!
‹Хочу положить свои кости за Дономъ —
‹На берегѣ дальнемъ его.
‹Или, зачерпнувши желѣзнымъ шеломомъ,
‹Напиться воды изъ него!›
Боянъ вдохновенный! твоими стихами
Приличнѣе пѣть о быломъ,
Носясь умомъ наравнѣ съ облаками,
Порхая лѣснымъ соловьемъ,
Сличая прошедшую русскую славу
Съ позднѣйшей, и мчась по слѣдамъ
Героя Трояна, сквозь боръ и дубраву,
По дебрямъ, полямъ и горамъ:
Тебѣ бы приличнѣе пѣть о героѣ —
Про ольгова внука дѣла!

---

[1]) Указаніе на затмѣніе солнечное, бывшее въ 1185 г. (Дуб).

[2]) Луце — вм. луче = лучше.

[3]) Потяту — отъ тяти — бить (Владиміръ велѣлъ ‹тети Перуна жезліемь›). (Дуб).

[4]) Комони — кони. (Б).

[5]) Умь = думь — припала ему (въ просторѣчіи говорится: припала охота. (Дуб.)

[6]) По хоти (два слова) — мысль поохотиться на хановъ (предположеніе Дуб.)

[7]) Жалость къ родинѣ заступила, загородила ему знаменіе — затмѣніе. (Заставила имъ пренебречь). (Дуб.)

[8]) О самый конецъ поля, т. е. въ самыхъ дальныхъ предѣлахъ земли половецкой. (Буслаева.)

[9]) Щекотъ, щукотъ = шумъ. Щукочу, щекочу = производжу шумъ; здѣсь — громко пою, щелкаю. (Дуб.)

[10]) Соединяя обѣ половины (оба полы) славы сего времени, (т. е. прошедшее или настоящее и будущее?) А можетъ быть славы испорчено вм. славію (о соловей — зват. пад.) (Б.) Или же надо читать славьи, т. е. по соловьиному (Дуб.) Оба полы нерѣдко имѣетъ въ древнихъ памятникахъ значены нарѣчія = съ обѣихъ сторонъ. (Дуб.)

[11]) Троянъ — лицо миѳическое (см. далѣе текстъ.)

[12]) Въ подлинникѣ не было Ольга; слово это внесено первыми издателями. Лучше, можетъ быть, подразумѣвать тутъ того — стараго Владиміра (предка). (Дуб.)

внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая:

Галици стады [1]) бѣжать къ Дону великому; чили въспѣти было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче [2]):

Комони ржуть за Сулою звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ [3]); стоять стязи въ Путивлѣ:

Игорь ждеть мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ Всеволодъ [4]):

„Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! оба есва Святъславлича!

„Сѣдлай, брате, своя бръзыя комоня, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди.

„А мои ти Куряни [5]) свѣдоми къмети [6]), трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскръмлени:

„Пути имъ вѣдоми, яругы (овраги) имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули (колчаны) отворени сабли изъострены;

„Сами скачють, акы сѣріи влъци въ полѣ, ищуче себѣ чти [7]), а князю славы.“

—

Тогда въступи Игорь князь въ златъ

Не буря изъ родины въ поле чужое
Степныхъ соколовъ занесла:

Слетаются галки густыми стадами
На Донъ, изъ невѣдомыхъ странъ...
Или не начать ли твоими стихами,
Велѐсовъ внукъ, вѣщій Боянъ!

Ржутъ борзые кони за тихой Сулою;
Въ Новѣ-градѣ трубы трубятъ;
Прославился Кіевъ счастливой войною;
Въ Путивлѣ знамена шумятъ:

Князь Игорь лишь брата буй-туръ Всеволода,
Имъ нѣжно любимаго ждетъ.
И такъ ему молвитъ любимецъ народа
Отважный буй-туръ Всеволодъ.

— Единственный братъ мой! единая слава!
Свѣтъ свѣтлый — мой Игорь-боецъ!
Не мы ль сыновья одного Святослава?
Не ты ли мой братъ первенецъ?

Вели—пусть колчужники снова сѣдлаютъ
Своихъ быстроногихъ коней:
Мои же у Курска тебя поджидаютъ,
Красуясь бронею своей.

Куряне жь мои — удалые Куряне —
Взлелѣяны въ шлемахъ родныхъ,
Повиты подъ трубными звуками брани,
И вскормлены съ копій стальныхъ.

Колчаны гремятъ боевыми стрѣлами,
Булатныя сабли въ рукахъ;
Дороги знакомы, луки съ тетивами,
Извѣстенъ имъ каждый оврагъ,

И знаютъ лишь рыскать по чистому полю,
Какъ волки по дебрямъ бродить,
Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
Чтобъ князю почету добыть. —

Князь Игорь въ чеканное стремя вступаетъ,

---

[1]) Галки—стадами (вѣроятно). У Нестора: се соколъ сбиваетъ галицъ. (Дуб.)

[2]) Пѣвецъ называется внукомъ Волоса, стариннаго божества Славянъ. (См. въ главѣ объ обрядовой поэзіи. въ Ист. Обозр.)

[3]) Въ Новгородѣ сѣверскомъ.

[4]) Буй туръ — ярый, дикій волъ. Въ лѣтоп. храбръ яко туръ. (Дуб.) Всеволодъ Святославичъ курскій и трубчевскій былъ меньшой братъ Игоря сѣверскаго.

[5]) Куряне — жители Курска, вообще Переяславцы. (Б).

[6]) Кмети — наѣздники, воины служители. (Дуб.)

[7]) Чти — чести,

стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступааше;

Нощь стонущи ему грозою птичь [1]) убуди; свистъ звѣринъ въ стазби [2]); дивъ [3]) кличетъ врьху древа:

Велить послушати земли незнаемѣ [4]) — Влъзѣ, и поморію, и по-Сулію [5]), и Сурожу [6]), и Корсуню, и тебѣ, Тьмутораканьскый блъванъ [7]).

А Половци неготовами [8]) дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычать тѣлѣгы полунощи, рци лебеди роспущены [9]).

Игорь къ Дону воя ведетъ; уже бо бѣды его пасеть птиць [10]);

Подобію [11]) влъци грозу въсрожать [12]) по яругамъ; орлы клектомь на кости звѣря зовуть;

И ѣдетъ дорогой степной;
Но солнце дорогу ему застилаетъ
Полночною, синею тьмой.
Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаетъ,
И ревъ плотоядныхъ звѣрей
Въ окрестныхъ степяхъ; и сова завываетъ
Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей,
Чтобъ волнамъ Сурожа и — вамъ, поморянѣ —
Дать вѣсть за далекой землей,
Корсуню, и идолу въ Тмутараканѣ,
И Волгѣ съ Сулою-рѣкой.
А Половцы по полю тѣсной толпою
Къ великому Дону спѣшатъ;
Какъ рѣзкій крикъ лебедя, поздней порою,
Возы ихъ дорогой скрипятъ.
Онъ къ синему Дону свой путь направляетъ
Съ дружиною храброй своей;
Но птицы погибель ему предвѣщаютъ;
Орлы плотоядныхъ звѣрей
Пронзительнымъ крикомъ своимъ вызываютъ
На трупы—изъ дебрей лѣсныхъ;

---

[1]) Вм. птиць — (ч вм. ц) винит. множ. вм. древнѣйшей формы птиця, птичя (юсъ малый). Но можно также предположить притяжательное птичь, т. е. птичій родъ. (Дубенскаго.)

[2]) Или въ стевѣ, (сербск. стаза, стазица) т. е. на тропѣ, на дорогѣ, или — въ стадбѣ (стадзбѣ — стазбѣ) т. е. на пастбищѣ (отъ стадо). (Дуб.)

[3]) Дивъ—птица зловѣщая, (Словенское дiв, кроатсвое. дев=удодъ. (Дуб.)

[4]) Чужбинѣ. (Дуб.)

[5]) Мѣста по Сулѣ. (Дуб.)

[6]) Сурожу —Азовскому морю.

[7]) Т. е. тмутараканскій идолъ, вм. — Тмутаракань, (Б.)

[8]) Быть можетъ — непроложенными, глушью.

[9]) Полунощи, т. е. въ полуночи; рци — повел. накл. глагола реку, значитъ: словно, точно. Роспущени, кажется, опискою вм. распужени, отъ распудити = разогнать. (Дубен.)

[10]) Или: уже бѣда (бѣды — ошибка) его пасетъ, т. е. кормитъ птицъ, или: уже птиць (муж. р. вмѣсто птица) а можетъ быть вм. птичь (притяжательное); т. е. птичій (родъ) пасетъ, т. е стережетъ его бѣды, ждетъ поживы отъ его бѣды. (Б.)

[11]) Подобно (по подобію).

[12]) Въсрожать — можетъ быть отъ глагола срожати — польское srozyc — дѣлать суровыми, жестокими; въсрожать — усиливаютъ грозу. Или же отъ рогъ (труба)—т.е. трубятъ, предвѣщаютъ. (Дуб.)

Лисици брешуть на чръленыя щиты. О Руская земле! уже за шеломянемь еси!

Длъго ночь мркнеть, заря свѣтъ [1]) запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди.

Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищуче себѣ чти, а князю славы.

И волки невзгоду на нихъ накликають,
Блуждая въ оврагахъ крутыхъ;
Проснулись лисицы и лають за станомъ,
Завидя стальные щиты.
Кормилица Русь! уже ты за курганомъ!
Спускается ночь съ высоты,
Заря, чуть мерцая, въ дали догараетъ,
Поля покрываются мглой.
Въ сосѣднемъ лѣсу соловей умолкаетъ,
Крикъ галичій слышенъ порой.
А Русскіе, тѣсно сомкнувшись щитами,
Идутъ по пустыннымъ полямъ —
Добыть себѣ чести стальными мечами,
И славы — отважнымъ князьямъ.

(Перев. Гербеля, стр. 33—45.)

—

Съ заранія въ пятъкъ потопташа поганыя плъкы половецкыя; и рассушась [2]) стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты [3]). Орьтьмами [4]) и япончицами [5]) и кожухы начяша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половецкыими. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка [6]), сребрено стружіе [7]) — храброму Святъславличю.

Спозаранокъ было въ пятницу,
Потоптали наши витязи
Половецкую силу поганую,
Поразсыпались стрѣлами по полю,
Красныхъ дѣвокъ схвативъ половецкихъ,
Съ ними золото, ткани и бархаты,
А намстами, епанчицами,
И кожухами, и узорочьемъ
Стали витязи мосты-мостить
Надъ болотами да надъ топями.
Знамя красное и та хоругвь бѣлая
Со багряной чолкой и съ древкомъ серебрянымъ
Достаются храброму Святославичу.

Дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо... Далече залетѣло... Не было

Дремлетъ на полѣ гнѣздо Олега храброе:
Залетѣло далеко оно,
Да ни соколу, ни кречету

---

[1]) Заря-свѣтъ — какъ путь-дорога, родъ-племя и т. п. (Б.)

[2]) Отъ рассутися — разсоваться (у Малоросовъ до сихъ поръ говорится — рассулися стрѣлками по полю). (Дуб.)

[3]) Оксамиты — бархаты или парчи. (Дуб.)

[4]) Первые издатели полагали, что орьтъма = охабень: Пожарскій, что оно = ортами (юртами, кибитками кочевниковъ); польск. ортъ = наметъ, шалашъ. (Дуб.)

[5]) Тоже, что епанча, = плащь, охабень. (Дуб.)

[6]) То, чѣмъ полотно знамени прикрѣплено къ древку (потяша стяговника (знаменоносецъ) и челку стяговую соторгоша). (Дубенскій по изд. Грамматина).

[7]) Стружіе — отъ стругати = шестъ, жердь, древко копья (ниже будетъ: дотчеся стружіемь злата стола кыевскаго). (Дуб.)

нъ [1]) обидѣ порождено — ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжить сѣрымь волкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому [2]).

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца [3]) а въ нихъ трепещуть синія млънія; быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: [4]) ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати [5]) о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великааго.

О, Русская земле! Уже не шеломянемь еси [6]). Се вѣтри, Стрибожи внуци [7]), вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнеть [8]), рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрывають [9]); стязи глаголють: Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, Рускыя плъкы оступиша [10]). Дѣти бѣсови кликомь поля прегородиша,

На обиду не родилося,
Не токма тебѣ, черну ворону,
Половчину нечестивому..
Сѣрымъ волкомъ въ степи Гзакъ бѣжитъ,
А Кончакъ ему слѣдъ правитъ на великій
Донъ.

На другой-то день ранешенько;
Алой кровью зори разливаются;
Идутъ съ моря тучи черныя;
(На четыре солнца надвигаются);
Въ нихъ трепещутъ молньи синія:
Быть-гремѣть грому не малому
И стрѣлами литься дождику,
Отъ того-ли отъ Дону великаго;
Тутъ-то копья поломаются,
Тутъ-то сабли поиззубрятся
На Каялъ-рѣкѣ, у Дона у великаго!

Охъ ты, гой-еси земля русская,
За холмами ты схоронилася!
Вотъ и вѣтры, внучата стрибоговы,
Навѣваютъ стрѣлы отъ моря
На могучій полкъ князя Игоря.
Стономъ-стонетъ и гудитъ земля;
Рѣки мутно въ берегахъ текутъ;
Съ поля пороси снимаются;
Знамена шумятъ, — и Половцы

---

[1]) Испорчено; читай: не было оно... (т. е. не было гнѣздо порождено обидѣ (на обиду) ни для сокола, и т. д. (Б.)

[2]) Гзакъ и Кончакъ — ханы половецкіе. (Б.)

[3]) 4 солнца, т. е. гнѣздо олегово: самъ Игорь, братъ его Всеволодъ, сынъ Игоря Владиміръ Путивльскій и племянникъ Святославъ Олеговичъ Рыльскій. (Дуб.)

[4]) Все это — уподобленіе: тучи — Половцы; молнія, громъ, дождь стрѣлами — явленія битвы. (Дуб.)

[5]) Въ просторѣчіи до сихъ поръ — натрутить руку, ногу (корень тру, трыю, трѣти); потручати = натереть (натрудити), притупить. (Дуб.)

[6]) Не шеломянемь т. е. уже не возвышенностью, не по возвышенности (дорога шла по возвышенію между рр. Дономъ и Осколомъ.) (Дуб.) Смыслъ, мнѣ кажется, тотъ же, что и выше: за шеломянемъ (не на возвышенности, а уже за нею.)

[7]) Стрибогъ — богъ вѣтра, или погоды. (Дуб.)

[8]) Тутнути = производить шумъ (тутнати и гремѣти всему мѣсту тому — (въ Хожд. Даніила); (тутно=громъ) (лекс. Памвы Берынды.) (Дуб.)

[9]) Пороси, вм. праси — отъ прахъ (прахи). Сравни съ пороша — не только снѣжная, но и всякая мелкая пыль (Дуб.) Пороси употребляется донынѣ въ южныхъ губерніяхъ и означаетъ туманы, поднимающіеся по утру изъ росы. Производство его ясно: по росѣ. (Мей.)

[10]) Въ подлинникѣ, по всей вѣроятности опиской,—отступиша (оступиша во традѣ Глѣба— въ лѣтописи.) (Дуб.) А, быть можетъ также, ошибка въ падежѣ;—читай: плъци рустіи отступиша.

а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты.

Идутъ отъ Дону, отъ моря, ото всѣхъ сторонъ.
Отступили полки русскіе....
Дѣти вражьи оцѣпили степи криками,
Наши витязи щитами-ли багряными.

Яръ туре Всеволоде! стоиши на борони, [1]) прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными [2]). Камо Туръ поскочяаше, своимь златымь шеломомь посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя; поскепани [3]) саблями каленыими шеломи оварьстіи [4]) отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде!

Яръ-туръ Всеволодъ! ты впереди стоишь!
Прыщешь стрѣлами на воиновъ,
О шеломы ихъ гремишь мечомъ булатнымъ.
А куда, ребята, Туръ скакалъ,
Гдѣ на Турѣ золотой шеломъ посвѣчивалъ,
Тамъ легли горою головы,
А шеломы вражіе аварскіе
Поразбиты саблями калеными
Отъ тебя-ли, яръ-туръ Всеволодъ!

Кая раны дорога, братіе [5]), забывъ чти и живота, и града Чернигова, отня злата стола, и своея милыя хоти красныя Глѣбовны, свычая и обычая? [6])

Да и что ему, ребята, головы жалѣть,
Коль забылъ онъ жизнь почестную,
И Черниговъ, и отцовскій золотой престолъ,
И своей хозяйки милыя,
Красной Глѣбовны, обычаи и свычаи.

(Переводъ Мея, стр. 12—14.)

—

Были вѣчи [7]) Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святьславличя [8]). Тъй бо Олегъ мечемь крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше.

Прошли трояновы вѣка,
Минуло время Ярослава,
Не стало ольгова полка —
Олега, сына Святослава,
Который саблею ковалъ
Одни крамолы и раздоры,
И вкругъ стрѣлами осыпалъ
Родныя пажити и горы:

---

[1]) Боронь, брань — передовой отрядъ. (Дубенскій по Карамзину.)

[2]) Буларными (Харалужными — вѣроятно восточнаго происхожденія.) (Дуб.)

[3]) Скепати = щепати (ту бѣ щитомъ скепаніе. (Ср. разскепъ — разщепъ — у пера) (Дубенскаго.)

[4]) Между Грузіею и Черкесіею до сихъ поръ живетъ народъ аварскій, Авары, вѣроятно несторовы Обре. (Дуб.)

[5]) Испорчено; читай: кая рана дорога или кыя раны дороги — т. е. какая рана ему дорога, или какія раны ему дороги (важны). (Бусл.)

[6]) Хоти-Глѣбовны, т. е. жены (своей) Глѣбовны (Ольги, дочери Глѣба Юрьевича Кіевскаго). «Свычая и обычая» — поговорка, какъ «совѣтъ и любовь» (Б.) Хоть можно произвести отъ хотѣть, желать; потому хоть всегда ближе переводится словомъ-желанная. (Мей.)

[7]) Вм. вѣци — вѣки, вѣка. (Дуб.)

[8]) Олегъ Святославичъ, или, какъ далѣе онъ называется — Гореславичъ (славный горемъ, какое онъ причинялъ) — дѣдъ Игоря, главный виновникъ междоусобій своего времени. (Б.)

Ступаетъ въ златъ стремень [1]) въ градѣ Тьмуторокани. То же звонъ [2]) слыша давный великый Ярославль сынъ Всеволодъ, а по вся утра уши закладааше въ Черниговѣ [3]);

Еще, бывало, на коня
Садился онъ въ Тмутаракани,
А ужъ къ концу того же дня
Раскатамъ грома новой брани
Великій Всеволодъ внималъ,
А князь Владиміръ, сидя дома,
Чтобъ не слыхать тѣхъ браней грома,
Съ разсвѣтомъ уши затыкалъ.

Бориса же Вячеславлича [4]) слава на судъ приведе [5]), и на канину зелену паполому [6]) постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя.

И привела на судъ свой слава
Бориса, сына Вячеслава,
И положила на коверъ—
На бархатъ конскаго покрова—
За оскорбленье, за позоръ
Олега, князя молодого.

Съ тояже Каялы Святоплъкъ повелѣ я отца своего [7]) междю Угорьскыими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кыеву [8]).

И Святополкъ нашъ съ той же самой
Каялы бурной и упрямой
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ коняхъ
Къ стѣнамъ софіевскаго храма.

Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшеться и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжіихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ съкратишась [9]). Тогда по Рустѣй земли рѣтко

Такъ при Олегѣ молодомъ—
При Гореславичѣ—кругомъ
Междоусобья засѣвались,
Всходили—горемъ разрастались:
И погибала жизнь людей—

---

[1]) Здѣсь описана первая междоусобная война Олега со Всеволодомъ, отцомъ Мономаха (Дуб.)

[2]) То же — вм. тъ же, тотъ же звонъ, т. е. вообще шумъ. (Б.)

[3]) Въ подл. опискою Ярославь вм. Ярославль, а Всеволожь вм. Всеволодъ,— I-ый, отецъ Мономаха. (Дуб.) Владиміръ, т. е. Мономахъ; затыкалъ уши, чтобы не слышать воинскаго грома, т. е. любилъ миръ; можетъ быть: закладывалъ ухо у воротъ, т. е. запиралъ ворота. (?) (Б.)

[4]) Борисъ, сынъ Вячеслава Смоленскаго, принявшій сторону Олега противъ Всеволода Ярославича, и убитый въ битвѣ при Нѣжатинѣ Нивѣ (1054.)

[5]) На судъ, т. е. Божій. Судомъ Божіимъ въ лѣтописяхъ называется смерть (Дуб.)

[6]) Паполома — греч. «паплома» — покровъ. Канину или опискою вм. конину (конскую) или опискою же вм. ткань ину, или же сродно съ польскимъ кани—шелковый червь; тогда—шолковая паполома (Дуб.)

[7]) Повелѣ я, затѣмъ вѣроятно опущено ти— повелѣ яти отца (т. е. тѣло). Но отецъ Святополка, Изяславъ, былъ убитъ не на Каялѣ; поэтому м. б. не лишено основанія мнѣніе Буткова, что тутъ упоминается смерть на Каялѣ въ 1095 г. хана Половецкаго Тугоркана и отца надо тогда читать въ смыслѣ тестя (такъ какъ Тугорканъ былъ Святополку тестемъ (Дб.)

[8]) Угорьскими—т. е. венгерскими, т. е. на венгерскихъ коняхъ (Г.)

[9]) Въ припискѣ на концѣ пергаменной рукописи Апостола 1307 г. мы читаемъ: сего же лѣта бысть бой на русской земли; Михаилъ съ Юрьемъ о княженье Новгородское (т. е.

(рѣдко) ратаеве кикахуть [1]): нъ часто врани граяхуть (каркали), трупія себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе [2]).

Внучатъ могучаго Даждь-Бога,
И сокращалася на много
Въ междоусобіяхъ князей.
Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселянъ;
Но часто вороны кричали,
Терзая трупы христіанъ;
А галки въ полѣ собирались,
И на пиру родныхъ полянъ
Между собой перекликались.

То было въ ты рати, и въ ты плъкы; а сице (вм. сицей—нарѣч., такой) и рати не слышано:

Не разъ гремѣлъ побѣдный громъ,
И битвы лютыя бывали;
Но о сраженіи такомъ
Еще на Руси не слыхали:

—

Съ зaранія до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабля о шеломы, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земля Половецкыя.

Отъ денницы золотой
До глубокой мглы ночной,
И отъ этой мглы ночной
До денницы золотой
Стрѣлы тучами летятъ,
Копья крѣпкія трещатъ,
И о бляхи мѣдныхъ латъ
Сабли острыя гремятъ,
Средь невѣдомыхъ полей
Кровожадныхъ дикарей.

Чърна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна [3]); тугою взыдоша [4]) по Рустѣй земли.

Степь истоптана, изрыта
Сталью конскаго копыта, —
И кругомъ была она
Нашей кровію полита,
А костьми удобрена:
И надъ русскою землею
Тотъ посѣвъ взошелъ бѣдою.

Михаилъ Тверской съ Георгіемъ Даниловичемъ Московскимъ) при сихъ князехъ сѣяшеться и ростяше усобицами. Гыняше (т. е. гибла) жизнь наша въ князехъ которы (т. е. нашихъ князей междоусобіями) и вѣци скоротишася человѣкомъ — очевидное заимствованіе изъ «слова о полку Игоревѣ.»

Дажь Богъ—Божество солнца. Жизнь Дажь Божа внука, (потомка) т. е. жизнь Русскихъ. (Б.)

[1]) Кыкати—у Южн. Славянъ kyħati, у Чеховъ kychati, keychati — (чихати) вообще звучать, кричать, погоняя воловъ. (Дуб.)

[2]) Уѣдіе—на ѣду, на пиръ.

[3]) Въ малороссійской народной поэзіи: чорна роля (пашня) заорана и кулями (пулями засѣяна, бѣлымъ тѣломъ зволочена и кровью сполощена.»—Уже почавъ вонъ (онъ) землю конскими копытами орати, кровью молдавскою поливати» (Б.)

[4]) Тугою—горемъ, печалью взошли онѣ, т. е. посѣянныя кости.

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь нлъкы заворочаеть: жаль бо ему мила брата Всеволода.

Что за топотъ, что за звонъ
Рано утромъ, предъ зарею?
Это Игорь!—это онъ,
Онъ съ дружиной удалою:
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.

Бишася день, бишася другий: третьяго дне къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрыя Каялы [1]). Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты [2]) попоиша, а сами полегоша за землю Рускую [3]).

Вотъ ужь день, за нимъ другой—
Пышетъ битва, будто пламя,
А на третій, предъ зарей,
Пало княжеское знамя:
И опять разлучены
Братья жребіемъ войны.
Тамъ, гдѣ пѣнится Каяла,
Чаша выпита до дна!...
Тамъ кроваваго вина
Не хватило, не достало!
Тамъ у вражеской рѣки
Наши братья-земляки
Пиръ кровавый довершили,
Жданыхъ сватовъ напоили,
И за честь своей земли
Сами трупами легли.

Ничить трава жалощами [4]), а древо стугою къ земли преклонилось.

Вянетъ на полѣ былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонитъ яворъ молодой:

(Перев. Гербеля, стр. 57—65)

Уже бо, братіе, не веселая година [5])

Подошло, ребята, время невеселое,
И пустыней сила призакрылася;

---

[1]) Нынѣшній Кагальникъ, впадающій въ Донъ. (Д.)

[2]) Сватъ —вообще близкій—(Изяславъ сватаеться со Всеславомь—у Нестора); въ переносномъ значеніи—гость (Дуб.) Сваты—тутъ, кажется, должно быть принято въ смыслѣ—Половцы (не безъ ироніи, а м. б. и съ указаніемъ на частыя родственныя съ ними связи князей—посредствомъ браковъ.)

[3]) Въ малороссійской нар. поэзіи: «иду я туды, де роблять (гдѣ дѣлаютъ) на диво червоное пиво зъ крови супостатъ. Хиба жь (или же) ты задумавъ тѣмъ пивомъ упиться? — Якъ пиръ той минется—вернусь я назадъ.—А що, якъ наше козачество мовъ (словно) у пеклѣ (въ аду) Ляхи спалять, да зъ нашихъ козацькихъ костей пиръ собѣ на похмѣлье зварять» (Н).

[4]) Никнетъ отъ жалости. Жалощами — подобно тому какъ въ началѣ ев. отъ Луки. радощами.

[5]) Невеселый часъ, пора (Дуб.)

въстала, уже пустыни [1]) силу [2]) прикрыла. Въстала обида въ силахъ (т. е. ратяхъ) Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣемъ морѣ у Дону плещучи: убуди жирня времена. [3])

Усобица княземъ на поганыя погыбе [4]), рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша князи про малое — се великое — млъвити, а сами на себе крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождааху съ побѣдами на землю Рускую.

О далече зайде соколъ, (т. е. Игорь) птиць бья къ морю: а Игорева храбраго плъку не крѣсити. За нимь кликну Карна и Жля [5]), поскочи по Рустѣой земли, смагу [6]) мычючи въ пламянѣ розѣ [7]).

Жены Рускыя въсплакашась, аркучя [8]): „уже намъ своихъ милыхъ ладъ [9]) ни мыслію смыслити, ни думою сдумати [10]), ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати.“ [11])

Залегла обида горькая
Въ силы племени даждь-божьяго,
Стала дѣвою на землю на трояну,
Лебедиными крылами расплескалася
На синемъ на морѣ, у Дону:
Пробудила время смутное.

А князья-то позабыли брань на ворогов,
А за тѣмъ, что брату молвилъ братъ:
«То мое, и это-вонъ опять мое!»
Повели князья про малость рѣчь велику,
А невѣрные со всѣхъ сторонъ съ побѣдами
Приходили въ землю русскую.

Охъ, далеко залетѣлъ соколъ,
Загоняючи птицъ на море!
А ужъ Игорева пблку воскресить нельзя..
Крикнулъ Карна ему въ слѣдъ и Жля
Наскочилъ на землю русскую,
Изъ роговъ каленыхъ полымя бросаючи.

Зарыдали жены русскія, возговоривъ:
«Какъ милыхъ-то ладъ ни мыслію намъ смыслити,
Ни завѣтной думой сдумати,
Ни очами ихъ завидѣти,
А не то-что златомъ-серебромъ побрякивать!»

---

[1]) Мѣстн. падежъ—въ пустынѣ (Дуб.) Но нельзя ли принять, что пустыни вм. пустыня (какъ рабыни, княгыни и т. п.)? Тогда будетъ: пустыня покрыла, т. е. охватила, поглотила скрыла силу.

[2]) Т. е. военную силу, рать (Дуб.)

[3]) Олицетвореніе обиды въ образѣ миѳической дѣвы съ лебедиными крыльями (сравни с скандинавскими валькиріями—воинственными дѣвами въ лебединыхъ сорочкахъ). (Б.) Вступилъ—описка вм. вступивъ; жирня—богатыя, обильныя (т. е. времена; не богатыя ли горемъ?) Но жирный (жирній) м. б. также въ смыслѣ сильный; тогда жирныя времена—времена сильныя, силы, насилія (самоуправства) (Дуб.)

[4]) Погибла, т. е. прекратилась война (усобица) съ погаными (т. е. съ врагами внѣшними, потому что князья стали воевать другъ съ другомъ.)

[5]) Ханы половецкіе.

[6]) Съ ханомъ Кончакомъ былъ Бесерменинъ, стрѣлявшій живымъ огнемъ. Смыслъ тутъ долженъ быть такой: огонь или дымъ кидать изъ наполненнаго пламенемъ рога. (Дуб.)

[7]) Смаговницами въ древн. назыв. пищали. (Молорос. смага = пригарина; смагнетъ во рту — сохнетъ отъ жара. Въ просторѣчіи у насъ — черенъ какъ смага. (Дуб.)

[8]) Ркучя, рекучи — говоря. (Собств. ркучя--ркущясюсъ малый.)

[9]) Ладо — мужъ, какъ хоти — жена; оба слова, вѣроятно, изъ разговорнаго языка. (Дубенскаго.)

[10]) Вѣроятно—народная поговорка. (Дуб.)

[11]) У Малоросовъ: а що ты тамъ треплешь (гремишь) грошима. (Дуб.)

А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Рустѣй земли; печаль жирна тече средь земля Рускыя.

А князи на себе крамолу коваахү; а поганіи сами побѣдами нарищуще [1]) на Рускую землю, емляаху дань по бѣлѣ [2]) отъ двора. Та бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста [3]), которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великый Кыевскый [4]). Грозою бяшеть притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣкы и озера, иссуши потокы и болота, а поганааго Кобяка изъ луку моря [5]) отъ желѣзныихъ, великыихъ плъковъ половецкыихъ, яко вихрь, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридници Святъславли [6]).

Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ (клянутъ) Князя Игоря, иже погрузи жиръ [7]) во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя, Рускаго злата насыпаша [8]). Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата а въ сѣдло Кощіево [9]).

Застоналъ, ребята, Кіевъ подъ невзгодою,
А Черниговъ подъ напастями,
И тоска всю землю русскую
Поняла, что воды нолыя.

А князья ковали сами на себя бѣду,
А поганый ворогъ рыскалъ по святой Руси,
Со двора по бѣлкѣ подать отбираючи.
Такъ-то храбрые Святъславичи,
Игорь съ Всеволодомъ, худую славу подняли:
Знать задаромъ уложилъ ее
Ихъ отецъ Святъславъ, князь кіевскій,
Тотъ-ли грозный и великій князь.
Былъ грозой: своей дружиной сильною,
Да мечами-ли булатными
Страхъ нагналъ на землю половецкую,
Притопталъ онъ холмы со оврагами,
Возмутилъ онъ рѣки со озерами,
А Кобяка нечестиваго,
Словно вихорь, вырвалъ изъ луки морской,
Изъ полковъ великихъ половецкіихъ;
И упалъ Кобякъ во стольномъ градѣ Кіевѣ,
Въ свѣтлой гридницѣ святославовой.

Тамъ Нѣмцы со Венедцами,
Тамъ и Греки со Моравами
Поютъ славу святославову
И поносятъ князя Игоря,
А за то, что силу русскую
Погрузилъ на дно Каялъ-рѣки,
И ту рѣку половецкую

---

1) Нарискати — нарыскати — набѣгать. (Дуб.)

2) Бѣлъ, бѣла — бѣлка. (Дуб.)

3) Лжу — не въ смыслѣ ли кривды, какъ обиды, а затѣмъ и бѣдствія. Вельтманъ сопоставляетъ съ сербск. лош = бѣдствіе (лоша срѣтя = бѣдовая доля) (Дуб.)

4) Святославъ Всеволодовичъ, В. К. Кіевскій, сынъ Всеволода Ольговича. Собственно онъ былъ Игорю и Всеволоду только двоюродный братъ, но, какъ старшій, въ отца мѣсто. (Дубенскаго.)

5) Лукоморье — морской излучистый берегъ, имѣющій видъ лука или дуги. Одна изъ половецкихъ ордъ, обитавшая близь лукоморья, называлась лукоморскою (Дуб.)

6) Кобякъ, ханъ половецкій, взятый въ плѣнъ Святославомъ за годъ до похода Игоря.

7) Жиръ — богатство, силу.

8) Опискою или вм. насыпаше, или вм. насыпша насыпавша, (т. е. Игоря — связано съ каютъ.) (Дуб.)

9) Кощеями назывались плѣнники, невольники половецкіе, печенѣжскіе, хозарскіе, литовскіе и др., что свидѣтельствуется лѣтописями. Кощей — также значитъ — отрокъ княжеской дружины. (Дуб.)

Позасыпалъ русскимъ золотомъ.
Тутъ Князь-Игорь изъ сѣдла изъ золоченого
Пересѣлъ въ сѣдло кощеево....

Уныша бо градомъ забрали [1]), а веселіе пониче.

Городскія стѣны понасупились,
И веселье призатихнуло.

—

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ: „въ Кыевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя [2]), рече, чръною паполомою [3]), на кровати тисовѣ; чрьпахуть ми синее вино съ трудомь [4]) смѣшено; сыпахуть ми тъщіими тулы поганыихъ тльковинъ [5]) великый женчюгъ на лоно, и нѣгують мя. Уже дьскы безъ кнѣса [6]) въ моемь теремѣ златоврьсѣемь.— — —

Святославу снился смутный сонъ:
«Будто я въ горахъ подъ Кіевомъ,»
Говоритъ онъ: «будто въ эту ночь
Одѣвали меня съ вечера
На кровати на тесовой черной ризою;
Подносили зелено вино,
А вино-то съ зельемъ смѣшано....
Будто тощими колчанами
Мнѣ на грудь изъ грязныхъ раковинъ
Крупный жемчугъ сыпали... и нѣжили....
Будто доски всѣ безъ матицы
Въ златоверхомъ моемъ теремѣ....

И ркоша бояре князю: „уже, княже, туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали [7]) поганыихъ саблями, а самаю опустоша [8]) въ путины желѣзны.

А бояре говорятъ ему:
«Князь! печаль заполонила умъ,
Отъ того, что оба сокола
Отлетѣли съ золота престола отчаго
Поискать Тмутаракань вдвоемъ,
Аль испить шеломомъ изъ Дону,
И что тѣмъ-ли сизымъ соколомъ
Обрубили крылья Половцы
И въ желѣза ихъ опутали.

„Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста [9]), оба багряная стлъпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца —

(Наступила тьма на третій день:
Оба солнушка померкнули
И погасли два столпа багряные,

---

[1]) Городскія стѣны. (Дуб.)

[2]) Вм. одѣвасте, вы одѣвали меня..,

[3]) Погребальнымъ покровомъ. (Б.)

[4]) Съ болѣзнію, или съ отравою, съ зельемъ. (Б.)

[5]) Тльковинъ Карамзинъ переводилъ раковинъ. (Дуб.) Между тѣмъ у Нестора мы читаемъ: иде Олегъ на Грекы — — множьство Варягъ, и Словенъ и Чюди (далѣе перечисляются другіе народы), и Дулѣбы и Тиверця, иже суть Толковины: си вси звахуться великая Скуѳь. (П. С. Р. Л. I, 12.) — Изъ этого хотя и не вытекаетъ объясненія загадочному слову, но, по крайней мѣрѣ, видно, что оно—не раковины. (Благодарю Л. Н. Майкова, обратившаго вниманіе мое на приведеное свидѣтельство Нестора.)

[6]) Кнѣсъ — перекладина, матица, на которой утверждается потолокъ. (Дуб.)

[7]) Кор. пѣх, пѣшити — пѣшій. Припѣшали = подрѣзали. (Дуб.)

[8]) Самаю вм. самою, саму, дв. ч.; опустоша, вѣроятно, ошибка вм. опуташа (Дуб.)

[9]) Два солнца, т. е. Игорь и Всеволодъ.

Олегъ и Святъславъ [1]) тьмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста ханови [2]). На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руотѣй земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо [3]). Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну [4]) нужда на волю; уже връжеся дивъ на землю.

Съ ними оба молодые мѣсяца,
Святославъ съ Олегомъ, тьмой покрылися),
На Каялъ-рѣкѣ затмился свѣтъ;
По Руси метнулись Половцы,
Словно барсовъ лютый выводокъ,
Потопили Русь въ синёмъ морѣ
И придали хану буйство превеликое.
На хвалу хула поднялася,
А нужда на волю вольную,
И повергнулся дивъ на землю.

„Се бо Готскыя красныя дѣвы [5]) въспѣша на брезѣ синему морю [6]); звонящя Рускымь златомь, поють время Бусово, лелѣють месть Шароканю [7]). А мы уже дружина жадни веселія.“

Вотъ и готскія красныя дѣвицы
Запѣваютъ на берегѣ, у моря:
Русскимъ золотомъ звенятъ онѣ
И поютъ про время бусово,
Шараканью месть лелѣючи,
А ужъ намъ, твоей дружинѣ, нѣтъ веселія!»

Тогда великый Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: „О моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начяла Половецкую землю мечи цвѣлити [8]), а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣста: нечестно бо кровь поганую проліяста. Ваю храбрыя сердца въ жестоцѣемь харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створиста моей сребренѣй сѣдинѣ! а уже не вижду власти сильнааго, и богатаго, и много вой брата моего Ярослава, съ Черниговьскыми

Втапоры Святъславъ великій князь
Золотое слово выронилъ:
Со слезами его слово было смѣшано.
И сказалъ онъ: «охъ племянники —
Игорь съ Всевлодомъ! Не въ пору вы
Стали землю половецкую
Сокрушать мечами, славы ищучи:
Одолѣли вы нечестіемъ
И нечестіемъ поганую кровь пролили.
Ваше сердце, въ буйствѣ закаленное,
Сталью крѣпкою заковано....
Посмѣялись мы надъ сѣдиной моей!

[1]) Олегъ-сынъ; Святославъ-племянникъ Игоря. (Дуб.)

[2]) Въ подлинникѣ: Подасть — ошибка вм. подаста дв. ч., Хинови—т. е. ханови. (Дуб.) Если же принять двойственное число—подаста и погрузиста, то необходимо сдѣлать перестановку, которую я себѣ и позволилъ. Въ подлинникѣ же—на рѣцѣ на Каялѣ слѣдовало за тьмою ся поволокоста.

[3]) Пардуже гнѣздо — племя рысей. Сличи въ лѣтописи о Святославѣ: «легко ходя, акы парудсъ.» (Дуб.)

[4]) Въ лѣтопис. тресну громъ—т. е. разразился; и такъ=разразилась нужда на волю.

[5]) Готы-поселенцы, съ III в. (Черноморскіе), покорены были Половцами около 1050 г. (Дуб.)

[6]) На брезѣ — чему? морю (какъ царь царемъ, вм. царей). (Дуб.)

[7]) Шароканъ или Шаракунъ — извѣстный полководецъ половецкій. Бусъ — тоже имя собственное.

[8]) Сербск. цвилити = плакать (у Хорватовъ = трещать). Чешск. kwieliti, польское kwilic, откуда квилинъ — филинъ = пугачъ. Въ Волынск. лѣтоп. сестра твоя умираючи велѣла ми тебе пояти за ся, ати (чтобы) иная жена дѣтій не цвѣлить (не обижала, не била). Мечи цвѣлити — по Дубровскому — мечами производить плачь. (Дуб.)

былями [1]), съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ребугы, и съ Ольберы [2]). Тіи бо безъ щитовъ съ засапожникы [3]) кликомъ плъкы побѣждають, звоняче въ прадѣднюю славу [4]).

Я не вижу власти сильнаго,
Многовоевъ Ярослава, брата милаго,
Со черниговскими былями
(Со Могутами, съ Татранами, со Шельбирами,
Со Топчаками, съ Ревугами, съ Ольберами)
Безъ щитовъ, съ однимъ лишь засапожникомъ,
Разгоняютъ они громкимъ крикомъ ворогов,
Возвѣщая славу прадѣдовъ.

„Нъ рекосте: мужаимѣся сами [5]), преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. А чи диво ся, братіе, стару помолодити? коли соколъ въ мытехъ бываеть [6]), высоко птиць възбиваеть; не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло: княже ми не пособіе [7]); на ниче ся годины обратиша.“ [8])

Но вы молвили: — мы сами помужаемся,
Сами славой прошлой раздобудемся,
Сами славой будущей подѣлимся! —
Развѣ диво, братцы, старику помолодѣть?
Коли соколъ поднимается,
Отбиваетъ онъ съ полету птицъ
И не дастъ въ обиду своего гнѣзда.
Да бѣда: князья не въ помочь мнѣ!
Подошла година смутная...

Се у Римъ кричать подъ саблями Половецкыими, а Володиміръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову [9])!

Вонъ Ромны кричатъ подъ саблей половецкою,
А Владиміръ князь подъ ранами;
Сыну глѣбову — печаль-тоска!»
(Перев. Мея, стр. 17—22.)

—

[1]) Быль — можетъ быть отъ былой, т. е. бывалый въ походахъ. (Б.) Шишковъ думалъ, не тутъ ли корень слова — бобыль. (Дуб.)

[2]) Здѣсь, вѣроятно, исчисляются отряды Ковуевъ, которыхъ Игорь пригласилъ къ себѣ на помощь. Отряды, можетъ быть, названы по именамъ предводителей. Ковуевъ Карамзинъ причисляетъ къ Чернымъ Клобукамъ и Берендеямъ. (Дуб.)

[3]) Первые издатели думали, что засапожники — это ножи, носимые за сапогами—(обычай сохранившійся въ Малороссіи.) (Дуб.)

[4]) Гремя славою прадѣда, родоначальника черниговскихъ князей, Святослава Ярославича....

[5]) Повел. накл. — мужаимся (будетъ мужаться)

[6]) Птица третей, четвертой мыти, т. е. линяла три, четыре раза — думали первые издатели. Дубенскій же переводилъ, на основаніи нѣкоторыхъ сближеній, — выводитъ птенцовъ (что идетъ, по его замѣчанію, къ Святославу, какъ главѣ, отцу). Въ объясненіе къ възбиваетъ приводитъ онъ изъ лѣтописи: се соколъ сбиваетъ галицъ.

[7]) Позволяю себѣ поставить двоеточіе послѣ зло, и объясняю такъ: но въ томъ зло, что ми не (проп. есть, нѣсть) княже пособіе: мнѣ нѣтъ помощи княжеской, помощи отъ князей.

[8]) Времена ни во что обратились. (Дуб.) Вѣроятно — прежнія, лучшія времена.

[9]) Римъ, Римы — Ромны; Владиміръ — Владиміръ Глѣбовичъ переяславскій, братъ супруги Всеволода, Ольги Глѣбовны.

Великый княже Всеволоде [1])! не мыслію ти прелетѣти [2]) издалеча отня злата стола поблюсти? [3])

Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.

Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ [4]), а Кощей по резанѣ.

Ты бо можеши по суху живыими шереширы стрѣляти [5]) — удалыими сыны Глѣбовы [6]).

Ты, буй Рюриче и Давыде [7])! не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? [8])

Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранени саблями каленыими, на полѣ незнаемѣ?

Вступита, господина, въ злать стремень — за обиду сего времене, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святславлича!

Великій князь Всеволодъ храбрый!
Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой на защиту
Престола отца своего?

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать по злакамъ полей,
И вычерпать Донъ необъятный
Шеломами рати своей.

Когда бъ ты былъ здѣсь — по ногатѣ
Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платили бъ по мелкой резани
За дѣвъ половецкой земли.

Отважные глѣбовы дѣти
Живое оружье въ рукахъ:
Ты можешь послать на Половцевъ
Ихъ, славныхъ въ кровавыхъ бояхъ.

Ты, Рюрикъ, отважный и буйный!
И ты, князь Давыдъ молодой!
Не ваши ли шлемы стальные
Забрызганы кровью чужой?

Не ваши ль дружины рыкаютъ
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненнымъ турамъ
Концами калёныхъ мечей?

Скорѣй въ стремена золотыя
Вступайте — и вихремъ за Донъ!..
За русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

---

1) Всеволодъ Юрьевичъ — Великій Князь Владимірскій на Клязьмѣ, по прозванію Большое гнѣздо.

2) Мысль тебѣ не есть — т. е. ты и не вздумаешь. (Дуб.)

3) Т. е. Кіевскаго, стола Юрія Долгорукаго.

4) Ногата—ходячая мелкая монета того времени. Въ гривнѣ было 20 ногатъ или 50 резанъ. Ногата равнялась нынѣшнему полтиннику, а резана — двугривенному. — Чага=жена, взятая въ плѣнъ у Половцевъ (бысть руськымъ воемъ наполнитися и колодникы и чагами, и дѣтьми ихъ — въ лѣтоп); въ другихъ же спискахъ вм. чагами — женами. (Дуб.)

5) Шерширы — съ греч. — копье, и польск. шаршинъ или шаршунъ (вышло изъ употребленія) — мечь, шпага. (Б.)

6) Дѣти Глѣба Ростиславича, князья рязанскіе, признававшіе въ то время своимъ главою князя Владимірскаго Всеволода.

7) Дѣти Ростислава, сына Мстислава Великаго.

8) Тутъ описка: надо читать: или плаваста (вы плавали, своими шеломами, въ крови, т. е. ваши шеломы купались въ ней, были ею забрызганы; или излаченіи ваю шеломи плаваху; или наконецъ (дружина) плаваху (какъ далѣе дружина ваю рыкають.) (Дуб.)

Галичкы Осмомысле Ярославе [1])! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣемъ столѣ.

А ты Ярославъ знаменитый,
Князь галицкій-славный умомъ!
Высоко сидишь на престолѣ
Престолѣ своемъ золотомъ:

Подперъ горы Угорскыя [2]) своими желѣзными плъкы, заступивъ королеви путь [3]),

Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Кидая бойницы за тучи,
Ты путь королю заступилъ;

Затвори въ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облакы [4]), суды рядя до Дуная.

Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкую пасть,
И, правя суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.

Грозы твоя по землямъ текуть; отворяеши Кыеву врата [5])

Молва о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Гремитъ по далекимъ землямъ,
И къ Кіеву путь пролагаетъ,
Къ его золотымъ воротамъ.

Стрѣляеши съ отня злата стола салтаны за землями [6]).

Высоко сидя на отцовскомъ
Золоченомъ-пышно столѣ,
Стрѣляешь могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.

Стрѣляй, господине, Кончака, поганаго Кощея — за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Направь свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ —
За Русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

А ты, буй Романе и Мстиславе [7])! храбрая мысль носить вашь умъ [8]) на дѣло.

И вы, храбрецы удалые,
Романъ и Мстиславъ молодой!
Мечтая о подвигахъ ратныхъ,
Вы смѣло кидаетесь въ бой;

Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. [9])

Однажды рѣшившись, отважно
Стремитесь вы къ цѣли своей,
Какъ соколъ, ширяющій въ небѣ,
Чтобъ жертву настигнуть вѣрнѣй;

---

[1]) Сынъ Владиміра Володарича, по прозвищу Осмомыслъ.

[2]) Угорскія — венгерскія, т. е. карпатскія горы.

[3]) Т. е. заградивъ входъ королю — венгерскому. (Дуб.)

[4]) Бремены, тяжести. Вин. отъ бремень (какъ стремень — стремя). (Такъ уже въ 1 изд. вм. времены, стоявшаго въ подлинникѣ. Меча, т. е., вѣроятно, таранами — огромныя тяжести. (Дуб.)

[5]) Т. е. можешь впустить въ Кіевъ кого и когда захочешь. (Дуб.)

[6]) Галичане могли участвовать вмѣстѣ съ Венграми въ крестовыхъ походахъ на востокъ (Дуб.)

[7]) Романъ Владиміро-волынскій, сынъ В. К. Мстислава; Мстиславъ — двоюродный братъ Романа, сынъ Ярослава Изяславича Луцкаго.

[8]) Въ подл. вашъ, род. множ. Можетъ быть опискою вм. ваю. (дв. ч.) (Дуб.)

[9]) Ед. ч. вмѣсто двойственнаго, какъ выше—ты, буй Романе и Мстиславѣ!

Суть бо у ваю желѣзнии папорзи [1]) подъ шеломы латинскими [2]). Тѣми тресну земля, и многи страны хановы.

Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулиця своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечя харалужныя.

Нъ уже, княже, Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ [3]), а древо не бологомъ [4]) листвіе срони:

По Рсіи, по Сули [5]) грады подѣлиша, а Игорева храбрааго плъку не крѣсити.

Донъ ти, княже, кличеть, и зоветь князя на побѣду. Олговичи храбріи князи [6]) доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичя [7]), не худа гнѣзда шестокрилця, [8])

Не побѣдными жребіи собѣ власти рас-

Затѣмъ, что латинскіе шлемы
И латы на вашихъ плечахъ:
Ужъ многія ханскія земли
Предъ ними распалися въ прахъ.

Ятвяги, Литва, Деремела
И орды степныхъ дикарей
Повергли оружье, склонились
Подъ гнетомъ булатныхъ мечей.

Князья! ужъ померкъ невозвратно
Для Игоря солнечный свѣтъ,
И листья опали съ деревьевъ,
Какъ-будто въ предвѣстіе бѣдъ:

Уже города подѣлили
По Роси-рѣкѣ и Сулѣ;
А Игоря храброй дружинѣ
Спать сномъ непробуднымъ въ землѣ.

Князья, свѣтлый Донъ на побѣду
Зоветъ васъ, вздымая волну!
Отважныя ольговы дѣти
Готовы идти на войну.

О Ингварь и Всеволодъ буйный!
И вмѣстѣ три брата лихихъ
Мстиславича, — вы шестокрыльцы
Гнѣзда славныхъ предковъ своихъ!

Вы ваши удѣлы добыли
Не жребіемъ сѣчь роковыхъ:

---

[1]) Папорзи, вм. паперси — верхняя часть брони, которую надѣвали на перси или грудь — по перси. (Б.) Или же тутъ, можетъ быть, описка вм. паворзи=ужійце, стрычокъ, шнуръ. Наконецъ можно сопоставить съ польск. paprос—папороть (и м. б. папоротокъ)=косточки въ птичьихъ крыльяхъ между плечикомъ и кистью. Тогда здѣсь только далѣе проводится уподоб леніе соколу: на желѣзныхъ папороткахъ = крыльяхъ. Ими сокрушены земли — тресну земля. (Дубенскаго).

[2]) Т. е. вообще западными.

[3]) Утрпѣти, трьпѣти = умалиться, убавиться. (Сербск. и чешск. утрапити = зарыть, спрятать). (Дуб.) Объясняютъ различно: или: уже солнечный свѣтъ погасъ (намекъ на затмѣніе предвозвѣстивше бѣдствіе), или: уже солнечный свѣтъ не такъ жарокъ; время было къ осени. (Б.) Солнцю — дат. = свѣтъ солнцу убылъ вм. у (солнца); Игорю — опять дат, такъ какъ это ему служило предзнаменованіемъ.

[4]) Т. е. не благомъ; смыслъ: не къ добру.

[5]) Рось и Сула впадаютъ въ Днѣпръ.

[6]) Олеговичи — князья черниговскіе.

[7]) Ингварь и Всеволодъ — дѣти Ярослава Изяславича. Три Мстиславича — вѣроятно. Романъ, Святославъ и Всеволодъ, дѣти Мстислава Изяславича и внуки Мстислава Великаго. (Дуб.)

[8]) Такъ какъ у трехъ птенцовъ — шесть крылъ. (Дуб.)

хытисте? [1]) Кое [2]) ваши златія шеломи и сулицы Ляцкыя и щити [3])?

Загородите полю [4]) ворота своими острыими стрѣлами — за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Къ чему же вамъ польскіе шлемы
Съ мечами и коньями ихъ?
Князья, положите преграду
Набѣгамъ сосѣднихъ племенъ —
За русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

(Перев. Гербеля 91—97).

—

Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомь [5]) течеть онымъ грознымъ Полочаномъ, подъ кликомь поганыихъ.

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыими мечи о шеломы Литовскыя; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыими мечи [6]).

Не течетъ Сула струею серебристою
Къ Переяславлю ко городу,
И Двина болотомъ подъ невѣрный крикъ
Къ Полочанамъ грознымъ катится.
Только ты лишь, Изяславъ, Васильковъ сынъ,
Позвонилъ мечами острыми
О шеломы о литовскіе.
Затуманилъ славу дѣдову, Всеславову.
Самъ-же саблями литовскими,
На травѣ на окровавленной,
Подъ щитами затуманился....

И схоти ю [7]) на кровать [8]), и рекъ: „дружину твою, Княже, птиць [9]) крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша.“ Не бысть ту брата Брячислава [10]), ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе [11]).

Славу взялъ съ собой на ложе онъ, проговаривая:
«Князь! твою дружину храбрую
Пріодѣли птицы крыльями,
Полизали у ней звѣри кровь.»
Не случилося тутъ братьевъ изяславовыхъ —
Брячислава не случилося со Всеволодомъ:
Онъ одинъ изъ тѣла храбраго

---

[1]) Пѣвецъ, вѣротно, хочетъ сказать, что они добыли свои волости какъ законные наслѣдники, а не какъ завоеватели. (Дуб.)

[2]) Кое вм. что (на что, къ чему.)

[3]) Сулицы лядкія — (копья польскія).

[4]) Полю, т. е. живущимъ въ полѣ, степнякамъ, кочевникамъ.

[5]) Мутно, подобно болоту. (Дуб.)

[6]) Одинъ изъ князей полоцкихъ, едва ли не сынъ Василка Рогволодовича, о которомъ лѣтописцы упоминаютъ подъ 1132 г.

[7]) Схоти — можетъ быть вм. схопи = взялъ; или равно по смыслу всхотѣ — возжелалъ ея (т. е. славы?) (Дуб.)

[8]) Мѣсто, вѣроятно испорченное.

[9]) Какъ будто бы муж. р. вм. — птица, со смысломъ собирательнымъ.

[10]) Брячеславъ Васильковичъ Витебскій.

[11]) Подобно тому въ древне-чешскомъ стихотвореніи: «вылѣтѣла душа прекраснымъ, протянутымъ горломъ, изъ горла прекрасными устами... теплая кровь за душенькою течетъ и отлетѣвшею.» (Краледв. рук.) (Дуб.)

Уныли голоси, пониче веселіе. Трубы трубять Городеньскыя [1]). Ярославе [2]), и вси внуци Всеслави! уже понизить стягы своя [3]), вонзить своя мечя вережены; уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣаше насиліе отъ земля Половецкыя!

Душу выронилъ жемчужную
Сквозь златое ожереліе.

Голоса уныли; смолкнуло веселіе;
Трубы трубятъ городенскія.
Ярославъ и внучата всеславовы!
Понижайте знамена свои
И вложите ржавый мечь въ ножны:
Не добыть вамъ славы дѣдовой.
Вы-то первые и начали крамолами
Наводить враговъ на землю русскую
И на жизнь-ли на всеславову;
А до той поры отъ Половцевъ
Не видать было насилія.

На седьмомь вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу [4]). Тъй клюками [5]) подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемь злата стола Кыевскааго. Скочи отъ нихъ лютымь звѣремь въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ [6]), утръ же воззни [7]) стрикусы [8]) оттвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомь до Немигы съ Дудутокъ [9]).

На седьмомъ вѣку трояновомъ,
Кинулъ жеребій Всеславъ о милой дѣвицѣ...
Опираяся ходулями,
Изъ окна скокнулъ онъ къ Кіеву,
И коснулся онъ древкомъ копья
Золота престола княжаго;
А оттуда лютымъ звѣремъ во полуночи
Убѣжалъ изъ Бѣлагорода,
Обернувшись мглою синею,
А по утру ужь таранами
Отворялъ ворота въ Новѣгородѣ,
Расшибая славу ярославову.
А съ Немиги до Дудотокъ проскакалъ, какъ волкъ.

На Немизѣ [10]) снопы стелють головами, молотять чепы харалужными, на тоцѣ

На Немигѣ-то снопами стелютъ головы,
Бьютъ цѣпями ихъ булатными,

[1]) Отъ мѣстечка Городно, гдѣ княжилъ Изяславъ Васильковичъ (Минской губ. пинскаго уѣзда) (Дуб.)

[2]) Вѣроятно Ярославъ Владиміровичъ, внукъ Мстислава великаго.

[3]) Понизить — вонзить, вм. понизте, вонзите.

[4]) Подъ этимъ иносказательно разумѣется Кіевъ. (Дуб.) (?)

[5]) Клюка — изогнутая палка, крюкъ; въ переносномъ смыслѣ хитрость (переклюкала мя еси, Ольга — въ лѣтоп.) (Дуб.)

[6]) Или=обвѣсися, т. е. окружилъ себя синею мглою; или же отъ-обѣситися = водиться съ бѣсами, черными духами (въ краледв. рукоп. biesniechu=бѣсновали.) (По лѣтописи — носился слухъ, что во время бѣгства Всеслава изъ Кіева въ Полоцкъ, злые духи скакали тамъ на коняхъ.) (Дуб.) Синѣ мглѣ—мѣстн. над.

[7]) Можетъ быть описка вм. козньми (козни — машины стѣнобитныя); или вм. вознзи (въньзти — вонзать, насаживать, т. е. стрикусы). (Дуб).

[8]) Стрикусы—стѣнобитное орудіе. (Ср. съ чешск. strkati=толкать). (Дуб.)

[9]) Мѣсто вообще темное, вѣроятно испорченное. Дудутки = мѣстечко около Новгорода Великаго (Г.)

[10]) Одни объясняютъ это слово Нѣманомъ. другіе видятъ тутъ городъ Немизу, что между Друтскомъ и Ршою или Немизу — притокъ въ Минскѣ, впадающій въ Свислочь. (Б.)

животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брези не болотомь бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускыихъ сыновъ. Всеславъ Князь людемъ судяаше, княземъ грады рядяаше, а самъ въ ночь влъкомь рыскааше; изъ Кыева дорыскааше до куръ Тмуторокана; великому Хръсови влъкомь путь прерыскааше [1]).

На сыромъ току животъ кладуть,
Вывѣваютъ душу изъ тѣла.
Берега Немиги окровавились:
Не добромъ они засѣяны,
А засѣяны костями были русскими.
Князь Всеславъ людей судилъ-рядилъ,
Вѣдалъ онъ удѣлы княжіе
И самъ волкомъ рыскалъ по ночи изъ Кіева
И до самыхъ куреней Тмутараканскіихъ,
Хорсу путь перебѣгаючи.

Тому въ Полотстѣ позвонишa заутренюю рано у Святыя Софія въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша [2]).

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ чясто бѣды страдааше [3]). Тому вѣщій Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: „ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду [4]) суда Божія не минути.“

О, стонати Рустѣй земли, помянувъ пръвую годину, и пръвыихъ князій! того стараaго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кыевскыимъ.— — —

У святой Софіи въ Полоцкѣ
Чуть ударили къ заутренѣ,
Онъ и въ Кіевѣ услышалъ звонъ.
Да въ иномъ душа и вѣщая,
А отъ бѣдъ страдаетъ почасту,
Для того впервой пѣвецъ Боянъ
И сложилъ припѣвку мудрую:
«Суда Божья ни гораздому, ни хитрому,
Ни гораздой птицѣ миновать нельзя!»
О, стонать тебѣ святая Русь,
Время прежнее поминаючи,
Поминаючи удалыхъ князей!
Да нельзя вѣдь было стараго Владиміра
Пригвоздить къ вершинамъ кіевскимъ!

(Перев. Мея, стр. 24—27.)

—

Ярославнинъ гласъ слышить [5]): зегзицею незнаемъ [6]), рано кычеть:

То не кукушка въ рощѣ тёмной
Кукуетъ рано по зарѣ;
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Одна на городской стѣнѣ:

---

[1]) Всеславъ изображается тутъ какимъ-то чародѣемъ, который въ образѣ волка перебѣгаетъ путь богу Хорсу (солнцу?) (Б.) До-куръ—мѣсто темное. Одни объясняютъ — до пѣтуховъ, другіе — до Киръ — Тмутаракания (греч. куръ — господинъ). (Б.) (см. перев. Мея).

[2]) Звонятъ въ Полотскѣ къ заутрени, а Всеславу слышится кіевскій звонъ, — такъ долго онъ не могъ забыть кіевскаго престола. (Б.)

[3]) Хотя и мудрая душа у другаго (въ другомъ тѣлѣ) но часто бѣды терпитъ, страдаетъ.

[4]) птицю горазду — вѣроятно испорчено. Можетъ быть: птичю горазду — птичьему хитрецу, умѣющему узнавать судьбу по птицамъ (Б.)

[5]) Иные объясняютъ: Святославъ слышитъ гласъ Ярославны; другіе думаютъ, что слышить тутъ вмѣсто слышиться. Ярославна—Евфросинья, дочь Ярослава Владиміровича Галицкаго, вторая супруга Игоря (Б.)

[6]) Зег. зицею—Кукушкою (горюющія женщины въ народной поэзіи уподобляются кукушкѣ)

„Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви [1]; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣемь его тѣлѣ [2].“

‹Я покину боръ сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И въ Каяль-рѣкѣ бобровый
Я рукавъ мой обмочу;
Я домчусь къ родному стану,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой;
Князю я обмою рану
На груди его младой.›

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ [3], аркучи:

„О вѣтре! вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? чему мычеши хановскыя стрѣлкы на своею нетрудною крильцю [4]) на моея лады [5]) воя? мало ли ти бяшеть горъ [6]) подъ облакы вѣяти, лелѣя корабля на синѣ мори? чему, господине, мое весслїе по ковылю развѣя?“

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарёй на городской стѣнѣ:

‹Вѣтеръ, вѣтеръ, о могучій,
Буйный вѣтеръ! что̀ шумишь?
Что̀ ты въ небѣ чёрны тучи
И вздымаешь, и клубишь?
Что ты лёгкими крылами
Возмутилъ потокъ рѣки,
Вѣя ханскими стрѣлами
На родимые полки.›

‹Въ облакахъ ли тѣсно вѣять
Съ горъ крутыхъ чужой земли?
Если хочешь ты лелѣять
Въ синемъ морѣ корабли:
Что̀ же страхомъ ты усѣялъ
Нашу долю? Для чего
По ковыль-травѣ разсѣялъ
Радость сердца моего?›

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, аркучи:

„О, Днѣпре словутицю [7])! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославля носады [8]) до плъку Кобякова [9]): възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано.“

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарёй на городской стѣнѣ:

‹Днѣпръ мой славный! ты волнами
Скалы Половцевъ пробилъ;
Святославъ съ богатырями
По тебѣ свой бѣгъ стремилъ:
Не волнуй же, Днѣпръ широкій,
Быстрый токъ студёныхъ водъ,
Ими князь мой черноокій
Въ Русь святую поплывётъ.›

[1]) Дунай—рѣка, особенно любимая народными пѣснями (рѣка вообще; какъ Ильмень — озеро вообще — въ духовн. стих.)

[2]) Жестоцѣемь—твердомъ, мужественномъ.

[3]) Путивль—городъ Курской губернiи. На забралѣ или заборолѣ—на стѣнѣ.

[4]) На своихъ легкихъ крыльяхъ.

[5]) лада или ладо—мужъ.

[6]) Горъ вм. горѣ—вверху. (А, м. б., тутъ горы въ мноч. смыслѣ—тучи?)

[7]) Отъ словутичь (словутый) (пресловутый) (Дуб.)

[8]) Посады — тоже, что насады — суда, ладьи (ста Глѣбъ на Смядинѣ (рѣкѣ) въ насадѣ (Дуб.).

[9]) Кобякъ—половецкій ханъ, разбитый Игоремъ въ 1171 г.

«О рѣка! отдай мнѣ друга;
На волнахъ его лелѣй,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорѣй;
Чтобъ я болѣ не видала
Вѣщихъ ужасовъ во снѣ;
Чтобъ я слёзъ къ нему не слала
Синимъ моремъ на зарѣ,»

Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарёй на городской стѣнѣ:

„Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на лады воя? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лукы съпряже [1]), тугою имъ тулы затче.“

«Солнце, солнце, ты сіяешь
Всѣмъ прекрасно и свѣтло!
Въ знойномъ полѣ что сжигаешь
Войско друга моего?.
Жажда луки съ тетивами
Иссушила въ ихъ рукахъ,
И печаль колчанъ съ стрѣлами
Заложила на плечахъ.»
И тихо въ теремъ Ярославна
Уходитъ съ городской стѣны.

(Перев. Козлова, полн. собр. стихотв. ч. II, стр. 31—34.)

—

Прысну море полунощи; идуть сморци мьглами [2]); Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земли Половецкыя на землю Рускую, къ отню злату столу.

Прыщетъ море со полуночи
Идутъ тучи мглою черною:
Князю Игорю Богъ кажетъ путь
Изъ земли изъ половецкой въ землю русскую
Къ золоту престолу отчему.—

„Погасоша вечеру зари: Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаaго Дону до малааго Донца.

Погасаютъ зоря красныя вечернія;
Игорь спитъ—не спитъ, а мыслію
Измѣряетъ поле отъ Дону великаго
И до малаго Донца рѣки.

Комонь въ полуночи [3]). Овлуръ свисну за рѣкою [4]); велить Князю разумѣти: Князю Игорю не быть [5]).

Конь осѣдланъ со полуночи;
За рѣкою засвисталъ Овлуръ,
Разумѣть велитъ: не мѣшкать князю Игорю!

[1]) Съпряже—отъ съпрягнути—согнуть, покоробить.

[2]) Сморци—сморчи или смерчи. (Дуб.)

[3]) Комонь въ полуночи, т. е. готовъ, готова.

[4]) Овлуръ, Влуръ, — Лавръ, Лаверъ или Лаворъ — имя Половчанина, помогшаго Игорю бѣжать (мать его была русская. (Дуб.)

[5]) т. е. князь не является—знать ему уже не быть! (Дуб.)

Кликну стукну земля; въшумѣ трава. Вежя ся Половѣцкыя подвизашася. [1]) А Игорь князь поскочи горностаемь къ тростію, и бѣлымь гоголемь на воду; въръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымь вльъкомь, и потече къ лугу Донца, и полете соколомь подъ мглами [2]), избивая гуся и лебедя завтраку, и обѣдѣ и ужинѣ.

Загудѣла, заходила-ходенемъ земля;
Зашумѣла зеленà трава;
Снялись съ мѣста ставки половецкія...
А князь Игорь горностаемъ прикрнулъ въ
тростникъ,
Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ,
И взмахнулся на добрà коня;
Соскочивъ съ него, какъ сѣрый волкъ,
Проскакавши по лугамъ Донца,
Полетѣлъ въ туманѣ соколомъ
Лебедей съ гусями избиваючи
На обѣдъ, на полдникъ и на вечерю.

Коли Игорь соколомь полетѣ, тогда Влуръ влъкомь потече: труся собою студеную росу: претръгоста [3]) бо своя бръзая комоня.

Коли Игорь соколомъ летѣлъ,
Такъ Овлуръ за нимъ, какъ волкъ, бѣжалъ,
Студеную росу отряхаючи....
А лихихъ коней ужъ загнали....

Донець рече: „Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Рустѣй земли веселія!“

Говоритъ Донецъ: — «Охъ, Игорь князь!
Много, князь, тебѣ величія,
А Кончаку недолюбія,
А землѣ русской веселія!»

Игорь рече: „О, Донче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныихъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыими мъглами подъ сѣнію зелену древу [4]); стрежаше и [5]) гоголемь на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми [6]) на вѣтрѣхъ.

Игорь молвитъ: — «Охъ, Донецъ-рѣка;
И тебѣ не мало вѣдь величія:
Ты волнами князя убаюкивалъ,
Стлалъ ему траву зеленую
По серебряному берегу,
И подъ тѣнью дерева зеленаго
Одѣвалъ его мглами теплыми;
На водѣ стерегъ его — гоголемъ,
На струяхъ стерегъ его — чайками,
На вѣтру стерегъ его — чернедьми;

Не тако ли, рече, рѣка Стугна [7]) худу струю имѣя, пожръши чужя ручья, и стругы ростре на кусту? Уношу [8]) князю Ростиславу затвори Днѣпръ темны

А Стугна-рѣка не таковская
И бѣжитъ струей не доброю,
Не свои ручьи пожираючи,
По кустамъ струга растираючи.

[1]) Двизати, движу, двигну;—подвизатися, подвигнутися (Дуб.)

[2]) Въ малороссійскихъ пѣсняхъ: «черезъ темный лѣсъ яснымъ соколомъ лети, черезъ быстрыя воды—бѣлымъ лебедемъ плыви, черезъ степи далекія перепелочкомъ бѣжи, на моемъ, брате, подворьѣ, ты голубонькомъ пади. (Б.)

[3]) Надорвали. (Дуб.)

[4]) Дат. вм. род.—любимый оборотъ пѣвца Игорева. (Дуб.)

[5]) Въ подлинникѣ, опискою—є, средній родъ, вм. мужескаго=и (его).

[6]) Чернедь—чирокъ—родъ утокъ мелкой породы. (Дуб.)

[7]) Рѣка, впадающая въ Днѣпръ повыше Триполья. Въ 1093 г. на этой рѣкѣ Половцы разбили князей: Святополка, Владиміра Мономаха и брата его Ростислава. Русскіе, спасаясь отъ враговъ, гибли въ рѣкѣ, которая отъ дождей наполнилась водою (пожрши чужя ручья). Юный Ростиславъ погибъ въ этой рѣкѣ.

[8]) Дат. отъ им. уношь (младъ вьюношь—въ народной поэзіи).

ше: „видихомся съ ратныими, ратници ваши со доспѣхомь ѣздять; да или поѣдѣте борзо, или возворотитеся домовь, яко не наше есть время.“ Игорь же рече съ братьею своею: „оже ны будеть не бившеся возворотитися, то соромъ ны будеть пуще смерти; но како ны Богъ дасть.“ И тако угадавше, и ѣхаша черезъ ночь, заутра же пятку наставшу, во обѣднее веремя усрѣтоша полкы половецькыя: бяахуть бо до нихъ доспѣли, вѣжя своя пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояахуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлія. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву брата его Всеволожь, а по лѣву Святославль сыновця его, напередѣ ему сынъ Володимеръ и другый полкъ Ярославль, иже бяаху съ Ольстиномь Коуеве, а третій полкъ напереди же стрѣлци, иже бяаху отъ всихъ князій выведени; и тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: „братье! сего есмы искали, а потягнемъ;“ и тако пойдоша къ нимъ, положаче на Бозѣ упованіе свое. И яко быша къ рѣцѣ ко Сюурлію, и выѣхаша изъ половецькыихъ полковъ стрѣлци, и пустивше по стрѣлѣ на Русь и тако поскочиша, Русь же бяахуть не переѣхали еще рѣкы Сюурлія; поскочиша же и ти Половци силы половецькыя, которіи же далече рѣкы стояахуть. Святославъ же Олговичь, и Володимеръ Игоревичь, и Ольстинъ съ Коуи, и стрѣлци потчоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ помалу идяаста, не роспустиста полку своего, передніи же ти Русь биша я, имаша; Половци же пробѣгоша вѣжя, и Русь же дошедше вѣжь и ополонишася, друзіи же ночь пріѣхаша къ полкомъ съ полономь. И яко собрашася Половци вси, и рече Игорь ко братома и къ мужемъ своимъ: „се Богъ силою своею возложилъ на врагы нашя побѣду, а на насъ честь и слава; се же видихомъ полкы половецькыя, иже мнози суть, ту же ци вси си суть совокупили? нынѣ же поѣдѣмъ черезъ ночь, а кто поѣдеть заутра по насъ, то ци вси поѣдуть, но лучьши коньници переберуться, а самѣмъ какъ ны Богъ дасть.“ И рече Святославъ Олговичь строемъ своимъ: „далече есть гонилъ по Половцихъ, а кони мои не могуть, аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико ми будеть на дорозѣ остати“ — и поможе ему Всеволодъ, акоже облечи ту. И рече Игорь: „да недивно есть разумѣюще, братье, умрети“ — и облегоша ту. Свѣтающи же суботѣ, начяша выступати полци половецтіи, акы борове; изумѣшася князи рустіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленное множество. И рече Игорь: „се вѣдаюче собрахомъ на ся землю: Кончака, и Козобурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича и Терьтробюга.“ И тако угадавше вси съсѣдоша съ коній, хотяахуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо: „оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ, сихъ выдавше, пойдемъ; но или умремъ, или живи будемъ на единомь мѣстѣ.“ И та рекше вся сосѣдоша съ коній, и поидоша бьючеся; и тако, Божіимь попущеніемь, уязвиша Игоря въ руку и умрътвиша шюйцю его, и бысть печаль велика въ полку его, и воеводу имяахуть, тъ напереди язвенъ бысть. И

тако бищася крѣпко ту днину (тотъ день) до вечера, и мнози ранени и мертвя быша въ полцѣхъ рускыихъ; наставши же нощи суботнѣи, и поидоша бьючеся; бысть же свѣтающи недѣли, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяашеть въ то время на кони, зане раненъ бяаше, пойде къ полку ихъ, хотя возворотитися къ полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюргевичь познавъ князя и возворотися; не бяахуть бо добрѣ смялися съ Ковуи, но мало отъ простыихъ или кто отъ отрокъ боярьскыихъ, добри бо вси бьяхуться идуще пѣши — и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видилъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бився, яко и оружья въ руку его не доста, и бьяаху бо ся идуще вкругъ при езерѣ. И тако, во день святаого Воскресенія, наведе на ня Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю, (жаль, печаль) на рѣцѣ Каялѣ. Рече бо дѣ и Игорь: „помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господемь Богомь моимь, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ земли крестьянстѣй, яко же бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньніи хрестьяни, отлучаеми отець отъ роженій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своея, и все смятено плѣномь и скорбью тогда бывшею, живіи мертвыимъ завидять, а мертвіи радоваахуся, акы мученици святіи огнемь отъ жизни сея искушеніе пріемше, старци порѣваахуться, уноши же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужіе же пресѣкаеми и разсѣкаеми бывають и та вся створивъ азъ „рече Игорь“, не достойно ми бяашеть жити; и се нынѣ вижю отместье отъ Господа Бога моего; гдѣ нынѣ возлюбленый мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чядо роженія моего? гдѣ бояре думающеи, гдѣ мужіе храборствующеи, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? не ото всего ли того обнажихся, и связня преда мя въ рукы беззаконьныимъ тѣмъ? се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою, истиненъ Господь и прави суди его зѣло, азъ же убо не имамъ со живыими части; се нынѣ вижю другыя мученія вѣньця пріемлющя, почто азъ единъ повиньный не пріяхъ страсти за вся си? но Владыко Господи Боже мой! не отрини мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ“. И тогда кончавшюся полку, розведени быша, и поиде кождо во своя вѣжя. Игоря же бяахуть яли Тарголове, мужь именемь Чилбукъ, а Всеволода брата его ялъ Романъ Кзичь. — — Тогда же на полчищи Концакъ поручися по свата Игоря, зане бяашеть раненъ. Отъ толикыихъ же людій мало ихъ нзбысть, нѣкакомь полученіемь, не бяашеть

бо лзѣ ни бѣгаючіимъ утечи, зане яко стѣнами сильными огорожени бяаху полкы половецькыими; но нашихъ Руси съ 15 мужь утекше, а Ковуемъ мнѣ, а прочіи въ морѣ истопоша. Въ то же время великый князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяашеть въ Корачевъ, и сбирааше ту отъ верхънiихъ земль воя, хотя ити на Половця къ Донови на все лѣто. Яко возворотися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверьскаага, и слыша о братіи своей, оже шли суть на Половця, утаившеся его: и не любо бысть ему. Святославъ же идяаше въ лодьяхъ и яко приде къ Чернигову, и во тъ годъ прибѣже Бѣлоголодъ Просовичь, и повѣда Святославу бывшее о Половцихъ; Святославъ же то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: „о люба моя братья и сынове и мужіе земля рускыя! далъ ми Богъ притомити поганыя, но не воздержавше уности отвориша ворота на русьскую землю, воля Господня да будеть о всемь; да како жаль ми бяашеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемь.“ Посемь же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера въ Посемье; то бо слышавше возмятошася городи Посемьстіи, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемь Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверьстѣемь, и по всей волости черниговьстѣй, князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяахуться акы въ мотви, городи воставаахуть и не мило бяашеть тогда комуждо свое ближнее, но мнози тогда отрекаахуся душь своихъ, жалующе по князихъ своихъ. Посемь же посла Святославъ ко Давыдови Смоленьску, река: „рекли бяахомъ пойти на Половця и лѣтовати на Донѣ; нынѣ же Половци се побѣдили Игоря, и брата его съ сыномь; а поѣди, брате, постерези земля рускыя.“ Давыдъ же приде по Днѣпру, придоша же ины помочи и сташа у Трополя, а Ярославъ въ Черниговѣ совокупивъ воя своя стояшеть. Поганіи же Половци побѣдивше Игоря съ братьею, и взяша гордость велику и съвокупиша вьсь языкъ свой на рускую землю; и бысть у нихъ котора (распря), молвяашеть бо Кончакъ: „пойдемъ на кыевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашь Бонякъ;“ а Кза молвяашеть: „пойдемъ на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же городы безъ опаса;“ и тако раздѣлишася надвое, Кончакъ пойде къ Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту вьсь день. Володимеръ же Глѣбовичь бяаше князь въ Переяславли, бяаше же дерзъ и крѣпокъ къ рати, выѣха изъ города и потче къ нимъ, и по немь мало дерьзнувъ дружины, и бися съ нимь крѣпко: и объступиша мнозіи Половци, тогда прочіи видивше князя своего крѣпко бьющася, выринушася изъ города, и тако отъяша князя своего, язвена суща треми копьи. Сій же добрый Володимеръ язвенъ труденъ въѣха во городъ свой, и утре мужественнааго пота своего за отчизну свою. Володимеръ же слаашеть ко Святославу, и ко Рюрикови, и ко Давыдови, и рече имъ: „се Половци у мене, а помозите ми;“ Святославъ же слаашеть ко Давыдови, а Давыдъ стояшеть у Треполя со Смолняны. Смолняне же почаша вѣче дѣяти, рекуще; „Мы дошли до Кыева, да

же бы была рать, билися быхомъ; намъ ли иныя рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемогли;“ Святославъ же съ Рюрикомь и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпръ, противу Половцемъ, а Давыдъ возвратися опять со Смолняны. То слышавше Половци, и возвратишася отъ Переяславля, идуще же мимо приступиша къ Римови; Римовичи же затворишася въ городѣ, и возлѣзше на заборолѣ, и тако, Божіимь судомь, летѣста двѣ городници съ людми, тако къ ратнымъ, и на прочія гражаны найде страхъ, да которіи же гражане выйдоша изъ града и бьяхуться ходяще по римьскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ въ городѣ, и ти вси взяти быша. Володимеръ же слаашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ къ собѣ, да быста ему помогла; она же опоздистася сжидающа Давыда Смолняны, и тако князи Рустіи опоздишася и не заѣхаша ихъ. Половци же вземше городъ Римовъ, и ополонишася полона и пойдоша во свояси; князи же возворотишася въ домы своя, бяхуть бо печальни, и со сыномь своимь Володимеромь Глѣбовичемь, зане бяшеть раненъ велми язвами смертьными, и хрестьянъ плѣненыхъ отъ поганыихъ. И се Богъ казня ны, грѣхъ ради нашихъ наведе на ны поганыя, не акы милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны къ покаянью, да быхомся востягнули отъ злыихъ своихъ дѣлъ; и симъ казнить ны нахожденіемь поганыихъ, да некли смиривъшеся воспомянемся отъ злаго пути. А друзіи Половци идоша по оной сторонѣ къ Путивлю, Кза у силахъ тяжькыихъ, и повоевавше волости ихъ и села ихъ пожгоша, пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася восвояси. Игорь же Святославичь тотъ годъ бяшеть въ Половцихъ, и глаголаше: „азъ по достоянью моему восприяхъ побѣду отъ повелѣнія твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу пріяти нужная вся, ихъ же есмь пріялъ азъ.“ Половци же акы стыдящеся воевъдъства его и не творяахуть ему пакости, но приставиша къ нему сторожевъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичичевъ пять; то тѣхъ всихъ 20: но волю ему даяахуть, гдѣ хочеть ту ѣздяшеть и ястребомь ловяшеть, а своихъ слугъ съ 6 и съ 6 съ нимь ѣздяашеть; сторожеве же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ послаашеть кого, безъ пря (распри) творяахуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ изъ Руси къ собѣ, со святою службою: не вѣдяашеть бо Божія промысла, но творяашеться тамо и долго быти. Но избави и Господь за молитву хрестьяньску, имъ же мнози печаловаахуться и проливаахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцихъ, тамо ся налѣзѣ мужь, родомь половчинъ, именемь Лаворъ: и пріимъ мысль благу, и рече: „пойду съ тобою въ Русь.“ Игорь же исперва не имяшеть ему вѣры, но держааше мысль высоку своея уности, мысляашеть бо емъ мужь и бѣжати въ Русь, молвяшеть бо: „азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ не славныимь путемь не имамъ пойти.“ Съ нимь бо бяашеть тысячкаагo сынъ и ко-

нюшій его, и та нудяста и (его), глаголюща: „пойди, княже, въ землю рускую, аще восхощеть Богъ избавити тя;“ и не угодися ему время таково, какого же искаашеть. Но яко же преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци: и рекоша Игореви думци его: „мысль высоку и неугодну Господеви имѣеши въ собѣ, ты ищеши яти мужа и бѣжати съ нимь, а о семь чему не разгадаешь, оже пріѣдуть Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князій васъ и всю Русь? да не будеть славы тобѣ, ни живота.“ Князь же Игорь пріимъ во сердце съвѣтъ ихъ, уполошеся пріѣзда ихъ и возъиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзя бѣжати въ день и въ нощь, иже сторожеве стрежаахуть его, но токмо и веремя таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшего своего, река ему: „переѣди на ону сторону Дона, съ конемь поводныимь:“ бяшеть бо съвѣчалъ съ Лавромь бѣжати въ Русь. Въ то же время Половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божію и кресту честному, глаголя: „Господи сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнааго“ — и возмя на ся крестъ, икону, и подойма стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющіимъ и веселящіимся, а князя творяахуть спяща. Сій же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вѣжя. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ. И иде пѣшь 11 денъ до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ — и обрадовашася ему; изъ Новагорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща: Игорь же оттолѣ ѣха ко Кыеву къ великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, та же и Рюрикъ сватъ его.

Слово Даніила заточника.

(По изводу XII ст.)

Вострубимъ, братіе, яко во златокованыя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити во серебренныя органы, и возвѣемъ мудрости своея. Воже, Боже мой! вскую мя еси оставилъ? Возстани слава моя, возстани въ псалтыри и въ гуслехъ; возстану рано, исповѣмтися. Да разверзу во причтахъ гаданіе мое; провѣщаю во языцѣхъ славу мою. Сердце бо смысленаага укрѣпляеться въ тѣлеси его мудростію. Бысть языкъ мой яко тросгь книжника скорописца, и увѣтлива уста, акы рѣчьная быстрость; сего ради покушахся написати всякъ союзъ сердца моего, и разбихъ злѣ, акы древняя младенця о камень. Но боюся, господине, похуленія твоего на мя; азъ бо есмь яко та смоковница проклятая, не имѣя плода покаянію. Имѣю бо сердце акы лице безъ очію, и бысть умъ мой яко нощный вранъ. На

нырищи забдѣхъ. Разсыпася животъ мой акы ханаонскый царь буестію, и покры мя нищета акы Черьное море Фараона. Сеже бѣхъ написалъ, бѣжа отай художьства моего, акы Агарь рабыни отъ Сарры госпожя своея. Но вѣдѣхъ, господине княже, твое добросердіе къ себѣ, и притекохъ ко обычнѣй твоей любви, глаголеть бо Писаніе: просящему у тебе дай, толкущему отверзи, да нелишенъ будеши Царьства небеснааго; писано бо есть: возверзи на Господа печаль свою, той тя пропитаеть во вѣкы [1]. Азъ бо есмь, княже господине, яко трава блещанна, растущи за стѣнію, на нюже ни солнце сіяеть, ни дождь идеть; тако и азъ, княже господине, всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомь грозы твоея, яко оплотомь твердымь [2]. Но не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня; но возри на мя, Господине мой, акы мати на младенца. Возри, господине, на птиця небесныя, яко ти ни орють, ни сѣють, ни въ житницу собирають, но уповають на милость Божію; тако и мы, княже господине, желаемъ твоея милости: зане, господине, кому благо любиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣе смолы: кому Лачь озеро, а мнѣ, на немь сѣдя, плачь горкый. И тако ти есть Новгородъ, а мнѣ угли отпали, зане не процвѣте чясть моя [3]. Друзи же мои и ближніи мои и тіи отвергошася мене: зане не поставихъ предъ ними трапезы многоразличныихъ многыихъ брашенъ. Мнози бо дружаться со мною, омочають рукы въ солило, а при напасти акы врази обрѣтаються, а паки помогающе подразити нозѣ моя: очима бо плачють со мною, а сердцемь смѣютьмися. Тѣмьже не ими другу вѣры; не надѣйся на брата своего. Не лгалъ бо ми Ростиславъ [4] князь: лѣпши бы ми смерть, а не Курское княженіе. Такоже и мужеви лѣпши есть смерть, нежили продолженъ животъ въ нищетѣ: яко же бо Соломонъ рече: ни богатства, ни убожества не дай ми, Господи; аще-

[1]) Въ ред. XIII в. слѣдуетъ: «Княже мой господине, помяни мя въ княженіи своемь яко азъ рабъ твой, сынъ рабыня твоея. Вижю вся человѣкы яко солнцемь грѣемыя милостію твоею. Только азъ единъ хожю во тмѣ, отлученъ свѣта отъ очію твоею. (Русск. Бесѣда, 1856, II, 103)

[2]) Въ ред. XIII в. слѣдуютъ тутъ слова о преимуществахъ, даваемыхъ богатымъ (что въ ред. XII будетъ ниже), потомъ: «Княже мой господине! Яви ми зракъ и образъ твой красенъ. Сыту источають устнѣ твои. Посланія твоя яко роса съ плодомь. Руцѣ твои исполнени отъ злата ѳарсиска. Ланите твои яко сосудъ ароматъ. Гортань твоя яко кринъ, капая міро—милость твою. Видъ твой яко ливанъ избранъ. Очи твои яко кладезь воды живы. Чрево твое бысть яко стогъ пшениченъ многы питая. Глава твоя превозноситъ главу мою»—и наконецъ еще одно сравненіе неясное, а потому я его и опускаю (очевидно текстъ тутъ испорченъ) Русск. Бес., 1856, II, 104).

[3]) Въ ред. XIII в. этому мѣсту соотвѣтствуетъ слѣд. «Неостави мене, яко отець мой и мати моя остависта мя. А ты, господине, пріими милостію своею. Кому ти есть Переславль, а мнѣ Гореславль, зане чясть моя не прорасте въ немь.» (Р. Б. 1856, II 109).

[4]) Въ копентаг. сп. Ярославъ.

ли буду богатъ, гордость восприиму; ащели буду убогъ, помышляю на татьбу и на разбои. Тѣмьже вопію къ тебѣ, княже мой, господине мой, одержимъ есмь нищетою: помилуй мя, сыне Великааго князя Владимера [1]). Да не восплачуся рыдая, яко Адамъ рая. Пусти тучю на землю художьства моего; зане, княже господине, богатъ мужь вездѣ знаемъ есть, и въ чюжей земли другы имѣеть, а убогъ и во своихъ невидимо ходить. Богатъ возглаголеть, вси возмолчать и слово его вознесуть до облакъ; а убогъ возглаголеть, вси нань кликнуть и уста ему заградять: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна. Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенету, яко птицу отъ кляпця, яко утя отъ ногтій носимааго ястреба, яко овцу отъ устъ львовыихъ. Азъ бо есмь, княже господине, яко древо при пути: мнози бо посѣкають и на огнь вмещуть; такоже и азъ всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомь грозы твоея. Якоже бо олово гынеть, часто разваряемо: тачо и человѣкъ пріемля многыя бѣды. Никтоже бо можеть соли зобати и ни въ печали смыслити; всякъ бо человѣкъ хытръ и мудръ о чюжей бѣдѣ, а о своей не можеть смыслити. Злато искушаеться огнемь, а человѣкъ напастьми; пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаеть, а въ печали обрѣтаеть человѣкъ умъ совершенъ. Молеве ризы изъѣдають, а человѣка печаль; печалну мужу засышуть кости. Аще кто человѣка въ печали призрить, яко студеною водою напоить во знойный день. Птица бо радуеться веснѣ, а младенець матери, тако и азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаеть цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовиця, отъ вельможь погружаемы [2]). Княже мой господине! яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой государевъ красенъ. Съты (соты) источають медвени устнѣ твои и лице твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой государевъ якоже прекрасный рай плодовитъ. Азъ же худый добрѣ дивлюся [3]) Но егда веселишися многыими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядуща, или піеши сладкое питіе, а мене помяни теплу воду пьюща, и праха нападша отъ мѣста не завѣтреня. Егда ляжеши на мягкыихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единѣмь платномь лежаща, и зимою умирающа, и каплями дожневными яко стрѣлами сердце пронизаема.

---

[1]) Въ ред. XIII в. «помяни мя, сыне великаго царя Всеволода.» Въ другомъ мѣстѣ: «возглаголемъ къ господину своему всемилостивому князю Ярославу Всеволодовичу». Самое же заглавіе: «Данила Заточника моленіе къ своему князю Ярославу Всеволодовичу» (Р. Б., 1856, II, 110, 102, 102).

[2]) Этихъ словъ въ ред. XIII в. нѣтъ.

[3]) Въ ред. XIII в. этому мѣсту соотвѣтствуетъ болѣе пространное и напыщенное, помѣщенное ближе къ началу (прим. 2). Тутъ же слѣдуетъ: „княже мой господине, не отрини раба скорбящаго, не лиши мене живота своего. Яко очи рабыня въ руку госпожа своея, тако очи мои въ руку твоею. Яко азъ рабъ твой, сынъ рабыня твоея.“ (Р. Б., 114).

Да не буди, княже, рука твоя согбена на поданіе убогымъ; ни чашею бо моря расчерпати, ни нашимь иманіемь твоего дому истощити. Якоже бо неводъ не удержить воды, но точію едины рыбы: тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра, но роздай людемъ [1]). Паволока бо испещрена многыими шелкы, красно лице являеть: тако и князь многыими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ; якоже рече Соломонъ: Слава Царю во множѣхъ языцѣхъ; тако и тебѣ, княже, слава и побѣда велика во множѣхъ людѣхъ. Якоже бо похвалися Езикѣй царь посломъ царя Вавилоньскаго, и показа имъ множество злата и сребра; они же рѣша ему: нашь царь богатѣе тебя, не множествомь злата, а множествомь вой, занеже мужи злато добудуть, а златомь людій не добыти [2]). Якоже рече Святославъ князь сынъ Ольгинъ идый на царя съ малою дружиною и рече имъ: братіе! намъ ли отъ града погыбнути, или граду отъ насъ плѣнену быти? Якоже Богъ повелить, тако и будеть: поженеть бо единъ сто, а отъ ста побѣгнеть и двигнеться тма; надѣйся на Господа, яко гора Сіонъ не подвижеться во вѣкы. Диво ли за буяномь кони паствити, а за добрымь княземь воевати. Многажды бо безнарядіемь полци погибають. Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣеть: тако и добріи полци безъ добраго князя погыбають. Гусли бо строяться персты, а тѣло основасться жилами, а дубъ крѣпиться множежествомь коренія: тако и градъ нашь крѣпиться твоею державою [3]): зане князь щедръ отецъ есть всѣмъ; слузи бо мнози отца и матере лишаються и

---

[1]) Въ ред. XIII в. „Тако и ты, княже, самъ не удержи богатства, но раздавай сильнымъ". (Р. Б., 105 и 106).

[2]) Въ ред. XIII в. слѣдуетъ: „вода мать рыбамъ, а ты, княже, людемъ своимъ. Весна украшаеть землю цвѣты. А ты, княже, насъ украшаеши милостію своею". Се былъ есмь въ велицѣй нужи подъ работнымь яремомь пострадалъ. Все тое искусихъ, яко зло есть. Луче бы ми видѣти нога своя въ лычници въ дому твоемь, нежели въ червленѣ сапозѣ въ боярстѣемь дворѣ. Луче бы ми тебѣ въ трузѣ служити, нежели въ багряници въ боярстѣемь дворѣ. Нелѣпо бо усерязь златъ въ ноздри свиніи, ни на холопехъ добрый портъ. Аще бы котлу золота колца во ушію; но дну его не избыти черности, и жженія его. Тако же и холопу. Аще паче мѣры гордѣлъ и буялъ, то укора ему своего не избыти холопія имене. Луче бы ми вода пити въ дому твоемь, нежели пити медъ въ боярстѣемь дворѣ. Луче бы ми воробей испеченъ прінмати отъ рукы твоея, нежели плеча бараня отъ рукы злыихъ государь. Многажды бо ми ся обрѣтаеть работный хлѣбъ акы пелынь во устахъ моихъ. И питіе съ плачемь растворяхъ (Р. Б., 106 и 107).

[3]) Въ ред. III в. „княже мой господине! орелъ царь надъ птицами, а осетръ надъ рыбами, а левъ надъ звѣрями. А ты, княже, надъ Переяславци. Левъ рыкнеть? кто не устрашиться. А ты, княже, речеши, кто не убоиться. Яко жь бо змій страшенъ свистаніемь своимь, тако и ты, княже нашь, грозенъ множествомь сильныихъ вой. Злато красота женамь, а ты, княже, людемъ своимъ, якожь бо рябъ збираеть птенца не токмо своя, но и отъ чужихъ гнѣздъ приносить яица, воспоетъ, рече, рябъ, созоветь птенця, ихъ же роди; тако и ты, княже, многы совокупи, не токмо своя домочадця; но и отъ инѣхъ странъ совокупи притекающая къ тебѣ (Р. Б., 114 и 115).

къ нему прибѣгають. Добру бо господину служа, дослужиться свободы; а злу господину служа, дослужиться большія работы. Зане князь щедръ, акы рѣка безъ береговъ текущи сквозь дубравы, напояющи не токмо человѣкы, но и скоты и вся звѣря; а князь скупъ, акы рѣка текущи въ каменныихъ берѣзѣхъ: не льзя пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, акы кладезь при пути; а скупъ бояринъ, акы кладезь солонъ. Не имѣй себѣ двора близь княжа двора; не держи села близь княжа села: тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можеши устрещися жженія портъ [1]). Княже господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богата безумна, несмыслена: нищь бо мудръ, яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то акы поволочитое сголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутренняя: азъ бо одѣяніемь есмь скуденъ, но разумомь обиленъ; унъ возрастъ имѣю, а старъ смысломь; быхъ мыслію паря яко орелъ по воздуху. Но постави сосуды скудельничя подъ потокъ капля языка моего, накаплять ти сладчайшя меду словеса устъ моихъ [2]); якоже рече Давидъ: сладка словеса твоя паче меда устомъ моимъ; Соломонъ рече: словеса добра напояють душа, покрываеть же печаль сердце безумному. Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, самъ не лѣнися по немь ити. Очи бо мудрыихъ желають благыихъ а безумнааго дому пировнааго. Лѣпши слышати прѣніе умныихъ, нежели безумныихъ наказаніе (наставленія). Дай премудру вину, премудрѣе будеть. Не сѣють бо на браздахъ [3]) жита, ни мудрости на сердце безумныихъ, ти бо ни орють, ни сѣють, ни въ житниця собирають, но сами ся рожають. Како во утѣлъ мѣхъ воду лити, тако безумна учити; псомъ и свиніямъ ненадобно злато ни сребро, ни безумному мудрая словеса; ни мертвеца разсмѣшити, ни безумна наказати [4]). Дѣти бѣгають урода [5]), а Господь пьянааго человѣка. Коли пожреть синица орла, коли каменіе восплываеть по водѣ, коли свинія почнеть на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научиться. Или ми речеши:

[1]) Этихъ словъ въ ред. XIII в. нѣтъ.

[2]) Въ ред. XIII: „княже мой господине! Азъ нѣсмь феофрастянинъ Терендъ, Египетскый мудрець Пифаній, Калимидій аѳинійскый хитрець. Аще есть малоуменъ, обаче послушай гласа моего, постави сосудъ сердечный подъ потокъ языка моего; искаплю сладость словесную паче водъ ароматскыихъ. (Р. Б., 112). Въ другомъ мѣстѣ: „княже мой господине! Азъ бо аще не во Аѳинахъ растохъ, ни у философъ учихся, но быхъ падая акы пчела по книгамъ по различныимъ цвѣтомъ. Оттуду избираю сладость словесную. Совокупляя мудрость яко въ мѣхъ воду морскую. (Р. Б., 109).

[3]) Въ ред. XIII в. — „на браздахъ на мокрыихъ“. (Р. Б., 113).

[4]) По копенг. сп. научити.

[5]) Въ христом. Буслаева „дѣти бѣгають рода:“ Родъ какое-то миѳическое существо. Въ одномъ сборникѣ XV в. Родъ противополагается истинному Богу. „Всѣмъ бо есть Творець Богъ, а не Родъ“. (Хр. Бусл., ст. 641. 8).

отъ безумія ми еси молвилъ. То не видалъ есмь неба полстяна, ни звѣздъ лутовяныихъ, ни безумна мудрость глаголюща [1]). Или ми речеши: солгалъ ми еси акы песъ: добраaго бо пса князи и боляре любять. Или ми речеши: солгалъ ми еси акы тать; аще быхъ умѣлъ украсти, толико бы не скорбѣхъ. Погубляеть мужь мужество свое татьбою. Княже мой господине! не море топить корабля, но вѣтри; а не огонь творить ражженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное: такоже и князь не самъ впадаеть во многыя въ вещи злыя, но думци вводять. Съ добрыимь бо думцею князь высока стола додумаеться, а съ лихыимь думцею думая малаaго стола лишенъ будеть. Глаголеть бо въ мірскыихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нетопырь, а не мужь въ мужѣхъ, кѣмъ своя женя обладаеть [2]); не работавъ работаеть, иже подъ жонками возъ возить. Дивѣе дива, кто поимаеть жену злообразну, приобытка ради. Нѣкогда же видѣхъ жену злообразну, приничюющу къ зерцалу и мажущуся, и рѣхъ ей: не зри въ зерцало, видѣти бо не лѣпо есть лица своего, зане большую печаль пріимеши собѣ. Или речеши: женися у богатаaго тестя, чти дѣля, а ту пей, яжь, и веселися въ велицѣй радости и любви; то лѣпше волъ ввести въ домъ свой, нежели злая жена поняти: волъ бо не молвить, ни зла мыслить; а зла жена біема бѣситься, а кротима выситься, въ богачествѣ гордиться, а во убожествѣ инѣхъ осужаеть [3]). Что есть жена зла? гостница неусыпаемая [4]), купница бѣсовская. Что есть жена зла? мірьскый мятежь, ослѣпленіе уму, начялница всяцѣй злобѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спасенію. Аще который мужь имѣеть смотрѣти на красоту жены своея и на ея ласковая словеса, а дѣлъ ея не испытаеть: то дай Богъ ему трясавицею болѣти [5]). Ино по сему разсмотрите злу жену: речеть мужу своему: господине мой, свѣте очію моею! азъ на тя не могу возрѣти; егда глаголеши ми, тогда взираю на тя и обумираю, и раздражать ми уди тѣла моего.

---

[2]) Въ ред. XIII в. „аще бо не мудръ есмь, но поне мало мудрости усрѣтохъ, во вратехъ разумныихъ мужь сапогы носилъ есмь. А въ смысленныихъ въ ризы облачихся. (Р. Б., 115) — княже мой господине! всякому дворянину тѣмь имѣти честь и милость у князя. (Р. Б., 116).

[5]) Въ ред. XIII в. „не холопъ въ холопехъ, кто у холопа работаеть. (Р. Б., 117).

[8]) Въ Копенгаг. сп. неуповаемая.

[3]) Въ ред. XIII в. за этимъ: „или речеши, княже пострижися въ черніця. Не видалъ есми мертвеца на свиніяхъ ѣздяща, ни черта на бабѣ, ни ѣдалъ есмь отъ ивія смокви. Луче ми есть тако скончати животъ свой, нежели восприимшу ангельскый образъ Богу солгати. Лжи бо, рече, мирови, а не Богу: Богу нельзя лгать, ни великыимь играти. Мнози бо отшедше мира сѣго, пакы возвращаються, акы пси на своя блевотины, на мирское гоненіе. Обиходять села и домы славныихъ мира сего яко пси ласкосердіи, — идѣ жь браци и пирове, ту черници и черници, и беззаконніи, отеческый имѣя на собѣ санъ, а обычаемь золъ (Р. Б., 118 и 119).

Въ ред. XIII в. „трясца бо тряся пустить, а злая жена и до смерти сушить“. А такая жена, по этой ред., будетъ у того, кто „поиметь злообразну жену придатка ради“.

Послушайте, жены, Апостола Павла глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужь женѣ своей. Жены же у церкви стоите молчяща. Но токмо взирайте на образъ Божій, молящася Богу и святѣй Богородици; а чему ся хотите учити, учитеся въ домѣхъ у мужій своихъ; а вы мужи по закону держите жены своя, понеже не борзо обрѣсти добрыихъ женъ. Жена добра вѣнець мужу своему и безпечаліе; а зла жена люта печаль, изотщаніе дому. Червь бо древо тлить, а зла жена домъ мужа своего теряеть. Лутши есть во утлѣ лодьи по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты помочить, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляеть. Лѣпши есть камень долотити, нежели зла жена учити; желѣзо разварити, а злы жены не научиши; зла бо жена ни ученія слушаеть, ни церковника чтить, ни Бога ся боить, ни людій стыдиться, но вся укоряеть и вся осуждаеть. Что льва злѣе въ четвероногыихъ? и что змія лютѣйши въ ползущіихъ по земли? всего того злая жена злѣе. Нѣсть на земли болши женскыя злобы: женою бо исперва прадѣдъ нашь Адамъ изгнанъ бысть изъ рая; жены ради Іосифъ прекрасный въ темници затворенъ бысть; жены ради пророка Данила въ ровъ вверже, а льви ему нозѣ лизааху. О злое оружіе діяволе! Нѣкому умре жена зла, а онъ же, по смерти ея, начатъ дѣти продавати, людіе же рѣша ему: чему продаеши дѣти? онъ же рече имъ: аще ли будуть родилися въ матерь, и они возрастьше, мене продадуть [1]). Еще возвратимся на переднія словеса. Азъ бо, княже господине, ни за море ходихъ, ни отъ философъ научихся, но быхъ яко пчела падая по различныимъ цвѣтомъ и совокупляя медведный сотъ; тако и азъ по многыимъ книгамъ избирая сладость словесную и разумъ, совокупихъ яко мѣхъ воды морскыя, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла. Си суть словеса, да не уже много глаголю [2]). — —

Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утелъ, роняя богатство убогыимъ; да не уподоблюся жерновомъ, яко тѣ многыя люди насыщають, а сами себе не могуть насытити; да не возненавидѣнъ буду міру со многою бесѣдою. Якоже бо птица учащаеть пѣсни своя, скоро возненавидима бываеть. Глаголеть бо въ мірскыихъ притчахъ: рѣчь продолжена недобро, продолжена паволока [3]). Господи! дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Алек-

[1]) Этого отвратительнаго анекдота въ ред. XIII в. нѣтъ. Въ ней нападокъ на злыхъ женъ вообще менѣе.

[2]) Слѣдующее за тѣмъ мѣсто — о томъ, какъ рыба проглотила рукописаніе Даніилово — я опускаю какъ очевидную вставку позднѣйшаго времени. Въ Копенг. сп. ея нѣтъ.

[3]) Въ ред. XIII в. Се уже оставимъ речи и речемъ сице. Воскресни Боже, суди земля, воздвигни князя, убуди бояръ. Умножи силу князю нашему. Укрѣпи бо ны и утверди лѣнивыя. Вложи ярость страшливыимъ въ сердце. Не дай же, Господи, въ полонъ земля нашея языкомъ незнающіимъ Бога. Да не рекуть иноплеменници: гдѣ есть Богъ ихъ? Богъ же намъ на небеси и на земли. Подай же намъ, Господи, побѣду на вся возстающяя на ны. Подай намъ, Господи, Самсонову силу и т. д.

сандрову. Іосифовъ разумъ, мудрость Соломоню, кротость Довидову. И умножи [1]), Господи, вся человѣкы подъ руку его. Лютѣ бѣснующемуся дати часть, а лукавому власть. Паче всего не навижь стороника перетерплива. Аминь.

(Сказ. Сахар. I, IV, и правки по Кпенгаг. Сп. Ч. А. Н. X, ш.)

ЛѢТОПИСЬ XII В.

(ИПАТЬЕВСКАЯ).

Убіеніе Андрея Боголюбскаго.

Въ лѣто 1175. Убьенъ бысть великый князь Андрей Суздальскый, сынъ Дюрдевъ, внукъ Володимерь Мономаха, мѣсяца Іюня въ 28-й день, канунъ святыихъ Апостолъ, день бѣ тогда суббота. Создалъ же бяшеть собѣ городъ каменъ, именемь Боголюбый, толь далече якоже Вышегородъ отъ Кыева, такоже и Боголюбый отъ Володимеря. Сь благовѣрный и христълюбивый князь Андрей отъ млады верьсты Христа возлюбивъ и пречистую его Матерь, смыслъ бо оставивъ и умъ, яко полату красну, душю украсивъ всѣми добрыими нравы; уподобися царю Соломону, яко домъ Господу Богу и церковь православну святыя Богородиця Рожества, посредѣ города каменну созда въ Боголюбовѣ, и удиви ю паче всѣхъ церквій, подобна тои Святая Святыихъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ. Тако и сій князь благовѣрный Андрей створи церковь сію въ память собѣ, и украси ю иконами многоцѣньныими, златомь и каменьемь драгыимь и жемчюгомь великыимь безцѣньныимь, и устрои ю различныими цятами и аспидными цятами ю украси, и всяцѣми узорочьи удиви ю, свѣтлостью же не како зрѣти, зане вся церкы бяше золота; и украсивъ ю и удививъ ю сосуды златыими и многоцѣньныими, тако яко и всѣмъ приходящіимъ дивитися, и вси бо видѣвше ю не могуть сказати изрядныя красоты ея: златомь и финиптомь и всякою и добродѣтелью и церковныимь строеніемь украшена, и всякцѣми сосуды церковныими, и Ерусалимъ златъ, съ каменьи драгыими, и рѣпидіи многоцѣньныими, каньдѣлы различныими, изъ дну церкве отъ верха и до долу; и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомь, и двери же и ободверье церкве златомь же ковано, бяшеть же и сѣнь златомь украшена отъ верха и до деисуса, и всею добродѣтелью церковьною исполнена, изъмечтана всею хытростью. Князь же Андрей бѣ городъ Володимерь сильно устроилъ, къ нему же ворота златая доспѣ, а другая серебромь учини. И доспѣ церковь каменну сборную святыя Богородиця, пречюдну велми, и всѣми различными виды украси ю

[1]) Не ошибкою ли вм. уложи.

отъ злата и сребра, и 5 верховъ ея позолоти, двери же церковныя трои золотомь устрои, каменьемь дорогыимь и жемьчюгомь украси ю многоцѣньныимь, и всякцѣми узорочьи удиви ю, и многыими паникандѣлы золотыими и серебряными просвѣти церковь, а онъбонъ отъ злата и серебра устрои. а служебныихъ съсудъ и рипидьи и всего строенья церковнааго, златомь и каменьемь драгыимь и жемчугомь великыимь, велми много, а тріе ерусалими, велми велицiи, иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣньна устрои, и всѣми виды и устроеньемь подобна бысть удивленiю Соломонову Святая Святыихъ; и въ Боголюбомь и въ Володимерѣ городѣ верхъ бо златомь устрои, и комары позолоти, и поясъ златомь устрои, каменьемь усвѣти и столпъ позлати изовну церкве, и по комарамъ же потқы золоты и кубкы и вѣтрила золотомь устроены постави, по всей церкви и по комарамъ около. Посемь же иныя церкви многы каменны постави различныя, и манастыря многы созда. На весь бо церковьный чинъ и на церковникы отверзлъ бяше Богъ сердечныя очи, не помрачи ума своего пьянствомь, и кормитель бяшеть черньцемъ и черницамъ и убогыимъ, и всякому чину яко възлюбленый отець бяшеть, паче же милостынею бяше милостивъ: слыша Господа глаголюща: аще створите братьи меньшеи моей, то мнѣ створите; и пакы Давыдъ глаголеть: блаженъ мужь милуя и дая вьсь день, о Господѣ не поткнеться; мужьство и умъ въ немь живяаше, правда же и истина съ нимь ходяста, иного добродѣянiя много въ немь бяше, и всякъ обычай добронравенъ имѣяшеть: въ нощь въходяшеть въ церковь и свѣщя въжигиваашеть самъ, и видя образъ Божiй на иконахъ написанъ, взирая яко на самаго Творца, и вся святыя написаны на иконахъ видя, смиряя образъ свой, съкрушеномь сердцемь, и уздыханье отъ сердца износя и слезы отъ очью испущая, покаянье Давыдово прiимая, плачася о грѣсѣхъ своихъ, възлюбивъ нетлѣньная паче тлѣньныихъ и небесная паче временныихъ, и царство съ святыими у Вседержителя Бога паче претекущаго сего царства земльнаго, и всею добродѣтелью бѣ украшенъ, вторый мудрый Соломонъ; бяшеть же и сю добродѣтель имѣя: веляшеть по вся дни возити по городу брашьно и питье разноличное, больныимъ и нищiимъ на потребу, и видя всякого нища приходящаго къ собѣ просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако: „еда се есть Христосъ пришедъ испытатъ мене?" и тако прiимааше всякого приходящаго къ нему, яко же Христосъ заповѣда, рече: аще симъ меньшiимъ створисте братьи моей, то мнѣ створисте, и то помняше слово въ сердци всегда. Тѣмь достойно отъ Бога побѣдный вѣнець прiялъ еси княже Андрею, мужьству тезоимените, братома благоумныма святыма страстотерпцема въслѣдовалъ еси, кровью умывся страданiя ти; аще бо не напасть, то ни вѣнець, аще ли не мука, то ни дарове: всякъ бо держася добродѣтели не можетъ безо многыихъ врагъ быти. Князь же Андрей вражное убiйство слышавъ напередѣ до себе, духомь разгорѣся божественныимь и нивочто же вмѣни, глаголя: „Господа Бога моего, Вседержителя и Творьца своего возлюбленiи людье на

крестѣ пригвоздиша, глаголюще: кровь его буди на насъ и на чадѣхъ нашихъ; и пакы глаголющее слово усты святыихъ Еуангелистъ: аще кто положить душю свою за другы своя, можеть мой ученикъ быти.“ Сей же боголюбивый князь не за друга, но за самого Творца, создавшаго всячьская отъ небытья въ бытье, душю свою положи. Тѣмь въ память убьенья твоего, страстотерпьце княже Андрею, удивишася небесніи вои, видяще кровь проливаему за Христа; рыдаеть же множество правовѣрныихъ, зряще отца сирыимъ и кормителя, омрачныимъ звѣзду свѣтоносну помрачаему; оканьніи же убійци огнемь крестяться конечныимь и сожигаѣть всякого грѣха купину, рекьше дѣянье. Ты же, страстотерпьче, молися ко Всемогущему Богу о племени своемь, и о сродницѣхъ, и о земли Русьтѣй, дати мірови миръ. Мы же на преднее възратимся. Се же бысть въ пятницю, на обѣдніи, съвѣтъ лукавый и пагубоубійственный. И бѣ у него Якимъ слуга възлюбленый имь, и слыша отъ нѣкоего, аже брата его князь велѣлъ казнить, и устремися дьяволимь наученіемь, и рече вопія къ братьи своей къ злыимъ съвѣтникомъ, якоже Іюда къ Жидомъ, тъсняся угодити отцю своему сотонѣ; и почаша молвити: „день того казнилъ, а насъ заутра; а промислимы о князи семь“ — и съвѣщаша убійство на ночь, якоже Іюда на Господа. И пришедъши нощи, они же устремившеся поимавше оружья, придоша на нь яко звѣрье свѣрьпіи; и идущіимъ имъ къ ложници его, и прія я страхъ и трепетъ и бѣжаша съ сѣній, шедше въ медушю и пиша вино; сотона же веселяшеть я въ медуши и служа имъ невидимо, поспѣвая и крѣпя я, якоже ся ему обѣщали бяхуть; и тако упившеся виномь поидоша на сѣни. Начальникъ же убійцамъ бысть Петръ Куцьковъ зять, Анбалъ Ясинъ ключникъ, Якимъ Кучьковичь, а всѣхъ невѣрныихъ убійцъ 20 числомь, иже ся бяху сняли на оканьный съвѣтъ, томь дни, у Петра у Кучкова зятя. Постигъши бо ночи суботнѣи, на память святую апостолу Петра и Павла, вземше оружье, яко звѣрье дивіи, пришедшіимъ имъ къ ложници, идѣже блаженый Князь Андрей лежить, и рече одинъ стоя у дверій: „господине!“ И князь рече: „кто есть?“ И онъ же рече: „Прокопіи.“ И рече князь: „о паробьче! не Прокопій.“ Они же прискочивше къ дверемъ, слышавше слово княже, и почяша бити въ двери и силою выломиша двери. Блаженый же вскочи, хота взяти мечь, и не бѣ ту меча, бѣ бо томь дни вынялъ и Анбалъ ключникъ его: то бо мечь бяшеть святого Бориса. И въскочиша два оканьная и ятася съ нимь, и князь поверже одиного подъ ся, и мнѣвше князя повержена и уязвиша и свой другъ; и посемь познавше князя и боряхуся съ нимь велми, бяшеть бо силенъ и сѣкоша и меци и саблями и копійныя язвы даша ему. И рече имъ: „о горе вамъ нечестивіи! что уподобистеся Горясѣру? что вы зло учинихъ? аще кровь мою прольясте на земли, да Богъ отомьстить вы, и мой хлѣбъ.“ Се же нечестивіи мнѣвше его убьена до конца, и възьмьше друга своего и несоша вонъ, трепещющи отъидоша; онъ же во торопѣ выскочивъ по нихъ, и начатъ ригати и глаголати въ болѣзни сердца, иде подъ сѣни.

Они же слышавше гласъ, возворотишася опять на нь. И стоящіимъ имъ, и рече одинъ: „стоя видѣхъ яко князя идуща съ сѣній доловъ;“ и рекоша: „глядай его;“ и текоша позоровати его, оже нѣтуть, идѣже его отоили убивше; и рекоша; „то ть ёсме погибохо́мъ, вборзѣ ищѣте его.“ И тако вьжегъше свѣщя налѣзоша и по крови. Князь же узрѣвъ я идущя къ собѣ и въздѣвъ руцѣ на небо помолися Богу, глаголя: „аще, Господи, и въ семь осужденіе и конець пріимаю, аще и много согрѣшихъ, Господи, заповѣди твоя не схранивъ, но вѣдѣвъ яко милостивъ еси, плачюща видиши и противу течеши, обращая блудьнаго;“ и вздохнувъ изъ глубины сердецныя, и прослезися, и помяну вся Іовова, и размышляше въ сердци своемь, и рече: „Господи! аще и время живота моего мало и полно труда и злыихъ дѣлъ, но отпущеніе ми даруй и сподоби мя, Господи, недостойнаго пріяти конечь сей, якоже вси святіи, тако и толикы страсти и различныя смерти на праведникы находили суть, како святіи пророци и апостоли съ мученикы вѣнцашася, по Господѣ крови своя прольяша, и тако и святіи священомученици и преподобніи отци многыя напасти и горькыя мукы, различныя смерти пріяша, искушени быша отъ дьявола, яко злато въ горнилѣ; ихъ же молитвами, Господи, въ избранѣемь твоемь стадѣ съ десными овцами причти мя; како святіи правовѣрніи цари прольяша крови, стражюще за люди своя, и еще же и Господь нашь Исусъ Христосъ искупи міра отъ прельсти дьявола честьною кровью своею „ — и тако глаголя тѣшашеся; пакы же глаголаше: „Господи! призри на немощь мою, и вижь смиренье мое и злую мою печаль и скорбь мою, одержащюю мя нынѣ, да уповая терплю; о всѣхъ сихъ благодарю тя, Господи, яко смирилъ еси душю мою и въ царствіи твоемь причастьника мя створи; и се нынѣ, Господи, аще и кровь мою прольють, а причти мя въ ликы святыихъ мученикъ, Господи!“ И то ему глаголавшю и молившюся о грѣсѣхъ своихъ къ Богу, и сѣдящю ему за столпомь въсходныимь, и надолзѣ ищющіимъ его: и узрѣша и сѣдяща яко агня непорочно, и ту оканьніи прискочиша, и Петръ же отъта ему руку десную. Князь же възрѣвъ на небо и рече: „Господи въ руцѣ твои предаю тобѣ духъ мой;“ и тако успе. Убьенъ же бысть въ суботу на нощь. И освѣте заутра въ недѣлю, на память 12 Апостолъ, оканьніи же оттуда шедше убиша Прокопья милостьника его и оттуда идоша на сѣни, и вынимаша золото и каменье дорогое и женчюгъ и всяко узорочье, и до всего любимаго имѣнія, и въскладше на милостьныя коня послаша до свѣта прочь; а сами въземше на ся оружье княже, милостьное, почаша совокупляти дружину къ собѣ, ркуче: „ци жъ да на насъ пріѣдуть дружина Володимирьская?“ И скупиша полкъ, и послаша къ Володимерю: „ти что помышляете на насъ? а хочемъ ся съ вами коньчати; не насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть же въ той же думѣ.“ И рекоша Володимерьци: „да кто съ вами въ думѣ, то буди вамъ, а намъ не надобѣ.“ И разидошася и вълегоша грабитъ, страшно зрѣти. И тече на мѣсто Кузмище Кыянинъ, оли нѣтуть князя, идѣже убьенъ бысть; и

почя прошати Кузмище: „кдѣ есть убитъ Господинъ?“ И рекоша: „лежить ти выволоченъ въ огородъ; но не мози имати его, тако ти молвять вси, хочемъ и вывеpечи псомъ; оже ся кто пріиметь по нь, тъ нашь ворожьбитъ есть, а и того убьемъ.“ И начя плакати надъ нимь Кузмище: „господине мой! како еси не очютилъ скверныихъ и нечестивыихъ пагубоубійственыихъ ворожбитъ своихъ, идущіихъ къ тобѣ, или како ся еси не домыслилъ побѣдити ихъ, иногда побѣжая полкы поганыихъ Болгаръ?“ и тако плакася и. И пріиде Амбалъ ключникъ, Ясинъ родомь, тъ бо ключь держашеть у всего дому княжа, и надо всѣми волю ему далъ бяшеть, — и рече възрѣвъ на нь Козмище: „Амбале вороже: сверзи коверъ ли что ли, что постьлати или чимь прикрыти господина нашего.“ И рече Амбалъ: „иди прочь, мы хочемъ вывеpечи псомъ.“ И рече Кузмище: „о еретиче! уже псомъ вывеpечи? помниши ли, жидовине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяше? ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежить; но молютися, сверьзи ми что любо“ — и сверже коверъ и корзно; и обертѣвъ и и несе и въ церковь. И рече: „отомкнѣте ми божницю.“ И рекоша: „порини и ту въ притворѣ, печаль ти имъ;“ уже бо пьяни бяхуть. И рече Кузмище: „уже тебе, господине, паробьци твои не знають; иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царягорода и отъ инѣхъ странъ изъ Рускыя земля, и аче Латининъ, и до всего хрестьяньства, и до всея погани, и рече; въведѣте и въ церьковь и на полати, да видять истиньное хрестьяньство и крестяться, якоже и бысть, — и Болгаре и Жидове и вся погань, видивше славу Вожію и украшеніе церковное, и тѣ болма плачють по тобѣ; а сіи ни въ церковь не велять вложити.“ И тако положивъ и въ притворѣ у божници, прикрывъ и корзномь; и лежа ту 2 дни и нощи. На третій день приде Арсеній игуменъ святою Козмы и Демьяна, и рече: „долго намъ зрѣвшіимъ на старѣйшяя игумены и долго сему князю лежати? отомкнѣте божницю, да отпою надъ нимь, вложимы и любо си въ буди, любо си въ гробъ, да коли престанеть злоба си, да тогда пришедъ изъ Володимеря и понесуть и тамо.“ И пришедъше клирошане Боголюбьстіи, и вземше и внесоша въ божницю, и вложиша и въ гробъ каменъ, отпѣвше надъ нимъ погребальное съ игуменомь Арсеньемь. Горожане же Боголюбьци разграбиша домъ княжь, и дѣлатели, иже бяху пришли къ дѣлу, золото и серебро, порты и паволокы, имѣніе, ему же не бѣ числа; и много зла створися въ волости его, посадниковъ и тивуновъ домы пограбиша, а самѣхъ и дѣтскыя его и мечникы избиша, а домы ихъ пограбиша, не вѣдуще глаголемаго: идѣже законъ, ту и обидъ много; грабители же и изъ селъ приходяче грабяху. Такоже и Володимери, оли же почя ходити Микулиця со святою Богородицею, въ ризахъ, по городу, тождь почяша не грабити. Пишеть апостолъ Павелъ: всяка душа властемъ повинуеться, власти бо отъ Бога учинены суть; естествомь бо царь земныимь подобенъ есть всякому человѣку; властью же сана вышьшій, яко Богъ; рече великый Златоустець: иже кто противиться власти, противиться закону Божью, князь бо не туне носить мечь, Божій бо слуга есть. Мы же на преднее возвратимся. Въ 6 день, въ пят-

ницю, рекоша Володимерци игумену Феодулови и Луцѣ деместьвнику святы Богородиця: „нарядита носилица, ать поѣдемъ возмемъ князя, а господина своего Андрея;“ а Микулици рекоша: „събери попы вся, оболокшеся в ризы выйдѣте жь передъ Серебряная ворота съ святою Богородицею, ту князя дождеши.“ И сотвори тако Феодулъ игуменъ святыя Богородиця Володимерьскыя съ крилошаны и съ Володимерьци, ѣхаша по князь во Боголюбое, и вземше тѣло его привезоша Володимерю, со честью, съ плачемь великимь. И бысть по малѣ времени, и почя выступати стягъ отъ Боголюбого: люди не могоша ся нимало удержати, но вси вопьяхуть, отъ слезъ же не можаху прозрити, и вопль далече бѣ слышати. И почя весь народъ плача молвити: „уже ли Кыеву поѣха, господине, въ ту церковь, тѣми золотыми вороти, ихъ же дѣлати послалъ быше той церкви на велицѣмь дворѣ на Ярославлѣ, а река: хочю создати церковь таку же, яка же ворота си золота, да будеть память всему отечьству моему?“ и тако плакася по немь вьсь градъ. И спрятавше тѣло его, съ честью и съ пѣсньми благохвалныими, положиша его у чудныя хвалы достойныя у святыя Богородиця Златоверхыя, юже бѣ самъ создалъ. Сь бо князь Андрей не вда въ животѣ своемь тѣлу своему покоя и очима своима дреманья, донелѣ же обрѣте домъ истины, прибѣжище всѣмъ хрестьяномъ, Цариця Небесныихъ Чиновъ и Госпожя всея вселенныя, всякого человѣка и многыими путьми ко спасенью приводящи. Якоже апостолъ учить: его же любить Господь, того же и казнить, и бьеть же всякого сына, его же пріемлеть; аще бо наказанья терпите, яко сыномъ вамъ обрѣтаеться Богъ. Не постави бо Богъ прекраснаго солнца на единомь мѣстѣ, а доволѣюща и оттуду всю вселеную освѣщати, но сотвори ему устокъ и полъдне и западъ: и тако угодника своего Андрея князя не приведе его къ собѣ туне, а могащаго таковымь житіемь и тако душю спасти, но кровью мученичьскою умывся прегрѣшеній своихъ, и со братома своима съ Романомь и съ Давыдомь единодушно ко Христу Богу притече, и въ райстѣи пищи водворяяся неизреченьно съ нима, ихъ же око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку възыде, яже уготова Богъ любящіимъ его, тѣхъ благъ сподобився видѣти въ вѣкы. Радуешися Андрею, княже великый, дерзновенье имѣя ко всемогущему и богатыихъ богатѣйшему, на высокыихъ сѣдящему Богу, молися помиловати братью свою, да подасть имъ побѣду на противныя и мирную державу и царство честьно и многолѣтно, на вся вѣкы вѣковъ, аминь.

Полн. Собр. Лѣт., т. III)

XIII. ВѢКЪ.

а) ВРЕМЯ ДО ИГА МОНГОЛЬСКАГО.

СИМОНЪ, ЕП. ВЛАДИМИРСКІЙ.

Изъ посланія къ Поликарпу.

а) Вступленіе.

Брате, сѣди въ безмолвіи, събери умъ свой и рци къ себѣ: человѣче! нѣси ли міра оставилъ и по плоти родитель, ащеже и здѣ пришелъ на спасеніе, а не духовная творпши. Что ради въ черночеcкое имя облекся еси? А не избавять тебе мукы черныя ризы. Се вижь, яко блажимъ еси здѣсь отъ князь и отъ боляръ и отъ всѣхъ другъ твоихъ, глаголють бо: блаженъ есть, яко възненавидѣлъ есть міра и славы его, уже не печеться ничимъ же земнымь, небесныхъ желая. [illegible] же неминишески живещи. Великъ студъ обдержить мя тебе ради: ащеже блажаще ны здѣ [1]) варяють ны [2]) въ Царьство небесное, и они въ покои обрящуться, мы же мучимiи горько възопiимъ; и кто помилуеть тя, самому себе погубившу? Въспряни, брате, вспряни и попечися мысленно о своей души, работай Господеви съ страхомь и съ всякою смиреною мудростію. Да не днесь кротокъ, утро яръ и золъ; вмалѣ молчаніе и пакы роптаніе на своего игумена и на того служителя. Небуди лживъ, виною тѣлесною сбора церковнаго не отлучайся; якоже бо дождь растить сѣмя, тако и церкы влечеть душу на добрыя дѣла; все бо елико твориши въ келіи ни въ чтоже суть, аще и псалтырь чтеши, или обанадѣсять псалма поеши, ни единому Господи помилуй подобиться съборному пѣнію. О семь, брате, разумѣй, яко верховный Апостолъ Петръ, самъ церкы сый Бога жива, егда ятъ бысть отъ Ирода, и всаженъ въ темницю, не отъ церкве ли бывающа молитва избави отъ руку Иродову? Давыдъ бо молиться глаголя: единого прошу у Господа и того взыщу, да живу въ дому Господни вся дни живота моего, и да зрю красоты Господня и посѣщаю церковь святую его. Самъ же Господь глаголеть: домъ мой, домъ молитвы нареченься; идѣже бо, рече, два или тріе събрани во имя мое, ту есмь посреди ихъ. То аще толикъ зборъ болѣ ста сбереться, вѣруй, яко ту есть Богъ нашь. Отъ того бо божественнаго огня тѣхъ обѣдъ створяеться, егоже азъ желаю единоя крупиця, паче всего суща еже предо мною. Свидѣтель ми

---

[1]) Т. е. считающіе насъ здѣсь блаженными.

[2]) Предварятъ насъ, раньше насъ достигнутъ.

сть Господь, яко ничемуже быхъ не присяглъ ко иному брашну, развѣ четверти и гороху, устроенаго на святую братію. Ты же, брате, не днесь похваляя лежащіихъ на трапезѣ и утро на варящаго и служащаго брата ропщеши, и симь старѣйшинѣ пакость творя. Терпи же, брате, и досажденія; претерпѣвый бо до конца спасаеться. Аще бо и ключитьтися озлоблену быти, и пришедъ нѣкто възвѣстить ти, яко онсица потяза тя злѣ [1]), рци же възвѣстившему ти: аще и укори мя, но братъ ми есть и достоинъ бо есмь того, не о себѣ же творить сего, но врагъ попустилъ есть на се, да вражду сътворитъ между нама, Господь же да поперетъ лукаваго, брата же да помилуеть. Речеши же: яко въ лице ми досади предо всѣми; не пристрастенъ буди, чадо, о томь, ни скоро подвигнися на гнѣвъ, но падъ поклонився до земля, а брату глаголи: прости мя, и исправи въ себѣ прегрѣшеніе, и всю силу вражію побѣдиши. Ащели потязанъ сопротивишися, сугубо еси себѣ досадилъ. Ты ли болій еси Давыда Царя, ему же Семей досажаше въ лице, единъ же отъ слугъ царевъ не стерпѣ: иду, рече, и отъиму главу его, почто песъ мерзкый проклинаеть Господа моего? Но что же рече и Давыдъ къ нему: о сыне Саруинь! не дѣй его, да видить Господь смиреніе мое и въздасть ми Господь благая, клятвы его ради. Помысли, чадо, и больша, како Господь нашь смири себе, бывъ послушливъ до смерти своему Отцу, досаждаемъ не въспрещааше, слыша ся: бѣса имаши, по лицю біемъ и заушаемъ, оплеваемъ не гнѣвашеся, но и за распинающя моляшеся и тебе научилъ есть: молите, рече, за врагы своя и добро творите ненавидящіимъ васъ, благословите кленущія вы. Довольно же ти буде, брате, твоего круподушія (гордости) сътвореное дѣло, тѣмьже ти плакатися подобаеть, да прощенъ будеши, яко оставивъ святый честный манастырь и святыихъ отець Антонія и Ѳеодосія и святыихъ черноризець иже съ нима, и ялъся еси игуменити у святою безмезднику [2]). Добрѣ еси сътворилъ, лишився таковаго начинанія пустошнаго, и не далъ еси плещу врагу своему ибо вражіе желаніе погубити тя хотяше. Невѣси ли яко древо часто напаемо скоро исшеть, и ты отъ послушанія отча и братіи своей оставль свое мѣсто, въ скорѣ хотяше погыбнути; овчя пребывая въ стадѣ невреженo будеть, а отлучившееся въскорѣ погыбаеть и волкомь изъѣдено будеть. Подобаше ти преже разсудити, что и ради въсхотѣлъ еси изыти отъ святаго и блаженнаго и честнаго и спасенаго того мѣста печерьскаго, въ немь же дивно есть всякому хотящему спаситися? Мню, брате, яко Богъ створи се, не терпя твоея гордости и изверже тя, яко же преже сатану со отступными силами, зане же не восхотѣлъ еси служити святу мужеви, своему господину, а нашему брату, архимандриту Акиндину, игумену печерьскому. Печерьский бо манастырь море есть, не держить въ себѣ гнилаго, но изметцеть вонъ. А еже вписалъ ми еси досаду свою, лютѣ тебѣ, яко погубилъ еси душу свою. Въпро-

---

[1]) Т. е. такой-то худо говорилъ о тебѣ, поносилъ тебя.
[2]) Въ монастырѣ св. безсребренниковъ Козьмы и Даміана.

шаю тебе: чимь хощеши спастися? Аще постникъ еси, или трезвитель о всемь и нищь, безъ сна пребывая, а досады не терпя, не получиши спасенія. Но радуеться о тебѣ игуменъ и вся братія, и мы вѣсть слышавше и вси утѣшихомся о обрѣтеніи твоемь, яко погыблъ бѣ и обрѣтеся. Попусти же и еще твоей волѣ быти, а не игумени, въсхотѣлъ еси пакы игуменити у святаго Димитрія, а не бы тебе принудилъ игуменъ, или князь, или азъ. И уже искусился еси. Разумѣй, брате, яко неугодно Богу твое старѣйшиньство, и сего ради дарова ти оскудѣніе очію [1]); то ты ни тако здрогнуся, идѣже бѣ рещи: благо ми, яко смирилъ мя еси, да научюся оправданіемъ твоимъ. Разумѣхъ тя самолюбца, и славы ищеши отъ человѣкъ, а не отъ Бога. Не вѣруеши, окаянне, писаному; никто же о себѣ възметь чести, но званый отъ Бога; аще бо Апостолу не вѣруеши, то ни Христу. Что отъ человѣкъ ищеши сану самъ, а не отъ Бога, сущихъ же отъ Бога и не хощеши повѣнутися и мыслиши высочайшая, идѣже древле таковіи съ небесъ свержени быша! Азъ нѣсмь ли, глаголеши, достоинъ увѣритися таковому сану? или хуждіе есмь чимь иконома сего, или его брата спѣюща? Самъ не получивъ желанія мятешися. Хощеши же часто исходити отъ келія въ келію, и ту сваживати брата зъ братомь, глаголя неполезная: или минть сій игуменъ и сій икономъ, яко здѣ токмо спастися възможно, а сами что ми не разумѣють? Си дьявольская начинанія, си точныихъ тебѣ изящьства! Аще ли и самъ кое предспѣяніе получиши, яко стати ти на высочайшемь мѣстѣ, не забывай смиренныя мудрости, да егда прилучитьтися съступити съ степене, и обрящеши путь свой смиренный, и не впадеши въ скорби различныя. Пишеть же ми книгыни Ростиславля Вѣрхуслава, хотящи тебе поставити епископомь Новуграду на Онтоніево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто, или Юрьеву на Олексіево мѣсто: аще ми и тысяща сребра расточити тебе ради и Поликарпа ради; и рѣхъ ей: дщи моя Анастасіе! дѣло небогоугодно хощеши сътворити; абы пребылъ въ манастыри неисходно съ чистою съвѣстію, въ послушаніи Игумени и всея братія, трезвяся о всемь, то нетокмо бы въ святительскую одежу оболченъ, но и вышняго Царства достоинъ бывъ. Ты же, брате, епископьству ли похотѣлъ еси? Добру дѣлу хощеши, но послушай глаголяща къ Тимоѳею Павла Апостола, и почетъ разумѣеши, аще еси что отъ того исправилъ, какову подобаеть быти епископу [2]). Аще бы ты былъ достоинъ таковаго сана, не быхъ тя пустилъ отъ себе, но своима рукама намѣстника тя поставилъ быхъ во обѣ епископьи, Владимерю и Суздалю, якоже князь Георгій хотѣлъ, но азъ ему възбранихъ, видя твое веледушіе [3]). Аще мене преслушаешися, какоя любо власти

[1]) Слабость зрѣнія.

[2]) Прочитавъ пойми, все ли ты исполнилъ, чтобы быть такимъ, какимъ долженъ быть епископъ.

[3]) Въ другомъ спискѣ: малодушіе (Бусл. Христ., 765).

въсхощеши, или епископьству или игуменьству повиншеися, буди ти клятва, а не благословеніе, и ктому не внидеши въ святое и честное мѣсто, въ неньже еси остриглся, и акы сосудъ непотребенъ будеши извержен, и плакатися имаши много. Врате, не то свершеніе есть, еже славиму быти отъ всѣхъ, но еже исправити житіе и чиста себе снабдѣти. Отъ того, брате, печерьскаго манастыря мнози епископи поставлени быша; якоже отъ самаго Христа Бога нашего апостоли въ всю вселеную послани быша, такоже отъ того Матере Госпожя нашея Богородиця великаго манастыря тоя, мнози епископи поставлени быша въ всю рускую землю. Первый ростовьскый Леонтій священномученикъ, егоже Богъ прослави нетлѣніемь, и се бысть первопрестольникъ, егоже невѣрніи, много мучивше, убиша: и се третій гражанинъ небесный бысть рускаго міра, съ онѣма варягома вѣнчався отъ Христа, егоже ради убіенъ бысть. Иларіона митрополита челъ еси самъ въ житіи святаго Антонія, яко отъ того пострижен бысть, и тако священьства сподобленъ бысть. По сихъже Никола, Ефремъ Переяславлю, Исаіа Ростову, Германъ Новуграду, Стефанъ Владимерю, Нифонтъ Новуграду, Маринъ Юрьеву, Мина Полотьску, Никола Тиуторокану, Өеоктистъ Чернигову, Лаврентій Турову, Лука Бѣлуграду, Ефремъ Суздалю. Аще хощеши вся увѣдати, почти лѣтописца стараго ростовьскаго, есть бо всѣхъ болѣ 30, а еже потомь и до насъ грѣшныхъ, мню близъ 50. Разумѣй, брате, колика слава того манастыря и постыдився покайся, и изволи си тихое и безмятежное житіе, къ немуже Господь привелъ тя. Азъ быхъ радъ оставилъ епископьство и работалъ игумену, но вѣси кая вещь держить мя. И кто не вѣсть мене грѣшнаго епископа Симона и сея зборныя церкве красоты владимирскыя и другыя суздальскыя церкве, юже самъ создахъ? Колико же имѣеть градовъ и селъ? и десятину збирають по всей земли той, и тѣмь всѣмь владѣеть наша худость. Предъ Богомь ти молвлю: всю сю власть якокалъ мнѣлъ быхъ, аще бы митрескою (каломъ) торчати за враты или смѣтіемь (сором) валятися въ печерьстѣемь манастыри и попираему быти человѣкы. Или единому быти отъ убогыхъ предъ враты честныими тоя лавры, и сотворитися просителю. Лучьши есть чести временныя день единъ въ дому Божія Матере паче 1000 лѣтъ, въ немьже волилъ быхъ пребывати, паче неже жити ми въ селѣхъ грѣшничихъ.

(Калайдовича, Пам. Россійск. Слов. XIIв. стр. 259—267). Иное поправлено по списку, напечатанному въ Христ. г. Буслаева

b) Начало сказанія о построеніи Печерской церкви.

Бысть въ земли варяжстѣй князь Африканъ, братъ Якуновъ, иже отбѣже золотыя руды біяся полкомь по Ярославѣ съ лютымь Мстиславомь. Сему Африкану бяшета два сына, Фріандъ и Шимонъ. По смьрти же отца ею изгна Якунъ обою брату области ею. Пріиде же Шимонъ къ благовѣр-

ному князю Ярославу. Его же пріимъ, во чти имяше, и дасть и (его) сынови своему Всеволоду; да будеть старѣй у него. Прія же велику власть отъ Всеволода.

Въ княженіе Изяславле Кыевѣ, Половцемъ пришедшемъ на русскую землю, изидоша си тріе Ярославичя всрѣтенье имъ: Изяславъ, Святъ-славъ и Всеволодъ, съ собою имый сего Шимона. Пришедшемъ же имъ къ святому Антонію молитвы ради благословенія, старець же отверзъ неложная своя уста и хотящую быти погыбель ясно исповѣдаше. Сь же варягъ, надъ на ногу старца, моляше схраненъ быти отъ таковыя бѣды. Блаженый же рече ему: О чядо! яко мнози падуть остріемь меча, и бѣжащіимъ вамъ отъ супостатъ вашихъ, попрани, язвлени будете и въ водѣ потопитеся: ты же спасенъ бывъ сдѣ положенъ имаши быти въ хотящіи ся здати церкви. Бывшемъ же имъ на Альтѣ, съступленію полкома бывшю, Божіимь гнѣвомь побѣжени быша Хрестьяне. И бѣжащіимъ имъ. убьени быша воеводы со многыими вои въ съступѣ. Туже и Шимонъ бѣ лежа язвленъ посреди ихъ. Возрѣвъ на небо, и видѣ церьковь превелику, въспомяну глаголы Спасовы и рече: Господи! избави мя отъ горкыя сея смерти молитвами Твоея матере и преподобною Антонія и Феодосья. И ту абіе нѣкая сила взять и (его) ранъ. И вся своя обрѣтъ цѣлы и здравы. И пришедъ къ блаженому, сказа вещь дивную.

(Христ. Галахова, стр. 56 и 57).

ПОЛИКАРПЪ ЧЕРНОРИЗЕЦЪ

Изъ посланія къ Акиндину.

Начало житія Агапитова.

Нѣкто отъ Кыева пострижеся именемь Агапитъ при блаженѣемь отци нашемь Антоніи, иже послѣдовавъ житія того ангельскаго, самовидець бывъ исправленіемъ его. Якоже бо онъ, великый, покрывая свою святость, болныя цѣляше отъ своея яди, мняся тѣмь зелье врачевьное подаяти, тако здраво бываху молитвою его: тако и сь блаженый Агапитъ, ревнуя святому старцю, помогааше больныимъ. Егда кто отъ братія разболяшеся, сій оставивъ кѣлію (не бѣ что крадомаго), пришедъ къ болящему брату, и служаше ему, подъимая же и полагая того, на свою руку износя его, подавая тому отъ своея яди, еже варяше зеліе; и тако здравъ бываше больный молитвою его. Аще же ли продолжашеся недугъ болящему —сице Богу благоволящю, да и вѣру и молитву раба своего умножить— сій блаженый Агапитъ неотступно пребываше у него непрестаньно моляся за нь, дондеже Господь сдравіе подасть болящему молитвы его ради. И сего ради прозванъ бысть лѣчець. Сему Гос-

подь дарова дары ицѣленія. И въ градѣ се слышано бысть: нѣкто въ манастыри лѣчець. И мнози приношаху къ нему болящяя, и сдрави бываху.

Бысть же въ сего блаженаго время нѣкто, Орменинъ родомь и вѣрою, хытръ же бѣ врачевати, яковъ же не бысть преже его, иже токмо видѣвъ больнаго познаваше и повѣдааше смерть его, нарекъ день же и часъ, и никако же измѣниться слово его. Се уже никако же не врачуеться. Отъ сихъ единъ больный принесенъ бысть въ печерскый манастырь, иже первый бысть у князя у Всеволода, его же Арменинъ въ нечаяніе введе, прорекъ ему по осьми дній смерть. Блаженый жъ Агапитъ, давъ тому отъ зелія, еже самъ ѣдяше, сдрава створи. И промчеся слово о немь по всей земли рустѣй, Арменинъ же утъченъ бысть завистною стрѣлою, начя укоряти блаженаго. Посла въ манастырь нѣкоего осужена на смерть, повелѣвъ дати ему смертнаго зелія, да предъ нимь вкусивъ, падъ умреть. Блаженый же сего умирающа, дасть ему манастырскы яди, и сдрава створи, молитвою своею отъ смерти избави повиньнаго. Отселѣ вооружаеться на нь иновѣрный, научая тожевѣрникы своя, хотя уморити мниха смертнымь зеліемь. Блаженый же піяше безъ пакости, ничто же зла пріемля. Вѣсть бо Господь благочестивыя избавляти отъ смерти. Иже рече: аще что и смертно испіють, ничто же ихъ не вредить; на недужныя руки възложать, и сдрави будуть.

(Христ. Гвлахова, стр. 57).

Кирилъ I. Митрополитъ.

Изъ поученія къ крьстьяномъ.

Князю земля вашея покиряйтеся, не рцѣте ему зла въ сердци своемь, и пріяйте ему головою своею и мечемь своимь, и всею мыслью своею, и не возмогуть противитися иніи князю вашему и обогатѣеть земля ваша и плодъ добръ объемлете. Аще кто отъ своего князя ко иному князю отъѣдеть, а достойну честь пріемля отъ него, подобенъ есть Іюдѣ, иже любимъ Господомь ти умысли продати и ко княземъ жидовьскымъ. И купиша имъ село крове и гроба съ прочими дары, и отекъ отъ великы печали, суяся сѣмо и овамо, въ Іерусалимѣ отъ всѣхъ людій проклинаемъ. И бѣжа изъ Іерусалима по пути, и тугы и великыя печали прія болѣзнь, и стекъ съ того и яко все злый расѣдеся на полы. И епископство его пріиметь инъ, и дѣти его въ пагубу впадоша. Да и вы, синове мои миліи, не мните пріяти чюжему князю, да не въ то же зло впадете. — —

Другомъ же малымъ и великымъ покаряйтеся. Или на пиръ звани будете, сядите на послѣднѣемь мѣстѣ по еуангелью. Рече бо: егда званъ будеши на бракъ, не сяди на преднѣемь мѣстѣ, егда кто честнѣй тобе будеть званыихъ, и пришедъ звавый тя и речеть ти: друже, дай сему мѣсто, и тог-

да начнеши съ соромомь посѣдатися ниже. Но егда званъ будеши на пиръ, шедъ сяди на послѣднѣемь мѣстѣ, да егда придеть звавый тя, и речеть ти: друже, сяди выше. И тогда будеть ти слава предо всѣми сѣдящіими съ тобою. Яко всякъ возносяйся смириться, а смѣряйся вознесеться. — —

— Чяда моя милая, еще вы глаголю, челядь свою кормите яко же до сыти (до сыта) имъ, одѣвайте, обуваните. Аще ли не кормите, ни обуванете, а холопа твоего убьють у татьбы, или робу, то за кровь его тобѣ отвѣщати. Тѣмь же набдите сироты своя во всемь. И учите я на крьщеніе и на покаяніе и на весь законъ Божій. Ты бо есц яко и апостолъ дому своему, кажи грозою и ласкою. Аще не учиши, то отвѣтъ воздаси за то предъ Богомь. И Аврамъ бо научи своя домочядця всему добру закону и добру норову. Страхъ бо Божій пріимше, не опечалять на старость тебе; аще ли тебѣ не послушьютъ ни мало, то лозы на ня не щади, якоже премудрость Божія глаголеть. До 4 или 6 ранъ, или за 12 ранъ. Аще ли рабъ и рабыни не слушаеть и по твоей воли не ходить, то загода, (загодя, заблаговременно) лозы нань не щадите до 6 ранъ и до 12. Аще ли велика вина, то и 20 ранъ. Аще ли велма велика вина, то 30 ранъ лозою, а болѣ 30 ранъ не велимъ. Да еще тако кажеши я, и добрѣ одѣваеши и кормиши, то благъ даръ пріимеши отъ Бога. — —

И се вы, чяда моя, глаголю: иже кто въсхощеть любити животъ свой и голову свою, и домъ свой, да хранить тайну цареву и друговъ своихъ. Рече бо премудрость: слышалъ еси слово или каку тайну, да умреть съ тобою. Аще ли хощеши повѣдати кому, мня добра друга (думая, что онъ добрый другъ), то уже напряглъ еси стрѣлы съ чемеремь (съ ядомъ) и съ сѣрою горячею на голову свою, и на домъ свой. Мнози бо дружбу имѣюче велику и заклинаніемь, и ласкою, тайну повѣдять всѣмъ человѣкомъ, и много пострадавъ, и едва избудеши зла того, и много ся начнеши каяти, послѣди же ратенъ будеши (будешь во враждѣ) съ тѣмь, у него же слышавъ и ему же повѣдавъ, со обѣма ратенъ будеши. А отъ онѣхъ соромъ. Видиши колико ти зла, тайну повѣдавъ. Рѣдко того нынѣ, якоже бѣ Нафанъ съ Давидомь съ сыномь съ Саулимь, како имѣяста любовь и твердую тайну, да и плакася Давидъ по Нафанѣ, да не много братьи таковыя дружбы нынѣ. Да иже кто блюдеть тайну, то блюдеть и главы своея. — —

Сынове же мои и чяда, и се вы и еще глаголю: не вѣруйте сномъ, иже бо вѣруеть сномъ, погыблъ есть оттудь. Яко же иніи святіи мнозіи первѣе и Сираховичь Іисусъ пишеть, глаголя: аще кто можеть стѣнь яти свой [1] или вѣтръ угонити, то тогда и сну вѣру ими. Первое бѣсъ тобою блазнить, второе разумѣй отъ рѣчій твоихъ, и отъ помыслъ твоихъ, и солжеть ти во

[1] Стѣнь — тѣнь; прежде было муж., теперь женск. родъ.

снѣ. И имеши ему вѣру. Потомъ же вѣруеши, а онъ тобою лжеть. И тако гнѣвъ Божій наведеть на тя. И прочее въ муку пойдеши, во сны вѣруя. — —

(Христом. Буслаева, ст. 477—481.)

СЛОВО НѢКОЕГО ХРИСТОЛЮБЦА,

ревнителя по правой вѣрѣ.

Яко Илья Фезвитянинъ [1]) заклавый іерея жерця идольскыя числомъ 300, и рече: ревнуя поревновахъ по Господѣ вседержители. Тако и сей не мога терпѣти хрестьянъ двоевѣрно живущіихъ, и вѣрують въ Перуна, и въ Хорса, и въ Мокошь, и въ Сима и въ Рьгла, и въ вилы, ихъ же числомъ тридевять сестреницъ, глаголять невѣгласи и мнять богынями, и та подкладывають имъ теребы, и куры имъ рѣжють и огнѣви моляться, зовуще его Сварожичемъ, [2]) и чесновито [3]). Богомъ творять. Еда же у кого будеть пиръ, тогда же кладуть въ ведра и въ чаши и пьють о идолѣхъ своихъ, веселящеся; не хужьши суть еретиковъ ни жидовъ, иже въ вѣрѣ и во крещеньи тако творять, не токмо невѣжи, но и вѣжи, попове и книжници. Аще ли не творять того вѣжи, да пьють и ядять моленое то брашно. Аще ли не пьють ни ядять, да видять дѣянія ихъ злая; аще ли не видять, да слышать, и не хотять ихъ поучити. О таковыхъ бо пророкъ речеть: окаменѣ сердце людій сихъ, ушима тяжко слышать, очи свои смѣжиша. Павелъ къ Римляномъ рече: открыеться гнѣвъ божій съ небесе на все бещестье, и на неправду человѣчю, скрывающимъ истину въ неправдѣ. Самъ Господь рече: мнози пастуси погубиша виноградъ мой. Пастуси суть книжници, а виноградъ — вѣра. Человѣци въ вѣрѣ погыбають лихыими пастухы. Учители безумныимъ! Аще не лишаться (не отстанутъ отъ) проклятаго моленья и службы дьяволя, то достойни огню негасимому. Сиже учители будуть имъ подгнѣтати, аще ихъ не обратять отъ дѣла того сотонина. Глаголеть бо пророкъ отъ лица невѣрныихъ людій приходящіихъ во крещенье и ученіе добрыихъ дѣлъ: да обратять ны, боящеся тобе, и вѣдуще свидѣнья твоя. Аже молвить книжникомъ Павелъ, рече: горе человѣку тому, имь же соблазниться миръ. Рече Господь: иже добре научить хто, то великъ нареченться во царствіи небеснѣемъ: Павелъ рече къ Римляномъ: аще многы наставникы има-

---

[1]) Изъ города Өесвы — Илья пророкъ.

[2]) Т. е. сыномъ Сварога. Въ Ипатьевск. спискѣ лѣтописи Сварогъ именуется Богомъ и отцемъ Дажь-Богу, божеству солнца.

[3]) Языческій обрядъ чеснока до сихъ поръ сохранился у Славянъ. Въ Галиціи въ праздникъ коляды передъ каждымъ за столомъ кладутъ луковицу чесноку — для отогнанія болѣзни.

те о Христѣ, но немногыя отця; о Христѣ бо Іисусѣ азъ вы родихъ еуангеліемь. Молю же вы ся, подобници (подобны) ми будите, и попове и книжници. Будете же вы подобници Павлу великому учителю, учите же люди на добро и обращайте ихъ ото лсти дьяволя къ вѣрѣ истиннѣй, служите истинному Богу, да и вы речете предъ Богомь пророчимь гласомь: се азъ и дѣти моя, яже ми далъ еси, Господи, и азъ народихъ ученьемь. Того ради пьете, ясте и дары ємлете отъ нихъ. Аще ли не хощете учити ихъ, то не примѣшайтеся имъ по еуангельскому слову: аще имаши око свое лукаво, то исткни е вонъ, аще ли руку, то отсѣци ю, лучше бо одинъ удъ погыбнеть, нежели все тѣло. Не можеть бо погыбнуть праведникъ про беззаконника. Кое причастье Христу бѣсомъ? Тако и служащіихъ Богу кое причастье къ служащіимъ бѣсомъ и угодья дьяволя творящіимъ. Павелъ бо Коренфѣемъ рече: братья, писахъ вамъ въ посланьяхъ, не примѣшайтеся къ рѣзоимцемъ ([1]) ни грабителемъ, ни корчъмитомъ и къ служащіимъ кумиромъ, но должни есте отъ міра сего изити, река умрети. Нынѣ же писахъ вамъ, съ таковыими ни пити ни ясти, но изверзите таковаго, таковіи бо царствія Божія не наслѣдять, окаменѣ бо сердце ихъ въ неистовѣемь пьянствѣ, и быша слугы кумиромъ. Яко же бо пишеть: сѣдоша бо людіе пити и ясти, не въ законъ но въ упой быша пьяни, и восташа и рати — и того дни погыбе ихъ 620 за свое неистовое пьянство. Того ради не подобаеть крестьяномъ игръ бѣсовскыихъ играти, еже есть плясанье, гуденье, пѣсни мирскыя, и жертвы идольскыя; еже молять ся огневи подъ овиномъ, и виламъ, и Мокоши, и Симу, и Рьглу и Перуну, и Роду и Рожаници, и всѣмъ тѣмъ, иже суть тѣмъ подобни. Се же ученіе намъ вписася на конець вѣка. Да не во лжи будемъ рекли: крещающеся, отрицаемся сотоны и всѣхъ ангелъ его, и всего студа его да обѣщахомся Христови. Да аще ся обѣщахомъ Христови, то чему ему не служимъ, но бѣсомъ служимъ, и вся угодья имъ творимъ на пагубу душамъ своимъ. Не тако же зло творимъ просто, но и мѣшаемъ нѣкыя чистыя молитвы со проклятыимь моленьемь идольскыимь, иже ставять лише кутья законнаго обѣда, ины трапезы, яже нарицаються беззаконная трапеза, мѣнимая Роду и рожаницамъ и въ прогнѣванье Богу, [2]) самъ бо Господь речеть: не всякъ внидеть во царствіе мое, рекъ ми: Господи, Господи, но творяй волю отца моего. Павелъ рече: видѣхъ облакъ кровавъ распростергъ надъ всѣмь міромь и вопросихъ глаголя: Господи, что се есть. И рече ми: се есть молитва человѣческая, смѣшена съ беззаконьемь; того ради Господь речеть: не можеть рабъ работати двѣма господинома; одиного возлюбить, а

---

[1]) Берущимъ лихву, проценты.

[2]) О пѣсняхъ и возліяніяхъ въ честь Рожаницамъ и Роду упоминается во многихъ памятникахъ нашей литературы. (Я позволилъ себѣ въ этомъ мѣстѣ небольшую перестановку словъ, выясняющую смыслъ.

другаго возненавидить, тако и мы, братья, возненавидимъ дьявола, а Христа возлюбимъ, вонь бо крестихомся, вонь облекохомся, его хлѣбъ ямы и чашу его піемы, умираемъ, здрави бывѣемъ о немь. Рече: слава тебѣ о всемь, данѣемь тобою, не токмо здѣ, но и въ будущемь вѣцѣ. Рече же Павелъ: то убо требы кладуть страны бѣсомъ а не Богу. Не велю же вамъ общникомъ быти бѣсомъ, и не можете бо пити чашя Господня, и не можете бо причяститися трапезѣ Господни, да не разгнѣваемъ Бога. Аще кто повѣсть вамъ, яко се требно [1]) кумиромъ, не ядите того, аще ль пьете, или ясте то все въ славу Богу творите. Господня бо есть земля и конця ея.———
Братія, не велю же вамъ не вѣдати бесѣды сія, но инѣмъ будите на пользу хотящіимъ спастися. Исторьгнитеся отъ сѣти дьяволя. Да пріидемъ къ пречистому свѣту Господа нашего Іисуса Христа. Беззаконнымъ непокоривымъ, противящіимся здравому ученью, нечестивымъ, хулящіимъ отца и матерь, славы Божія не наслѣдовати.

(Христ. Буслаева, ст. 519—525.)

ТИМОѲЕЙ ПОНОМАРЪ

Изъ первой Новгородской лѣтописи.

1 Повѣсть о взятіи крестоносцами Цариграда [2]).

Въ лѣто 6712 (1204) Царствующю Ольксѣ [3]) въ Цариградѣ, въ царствѣ Исаковѣ брата своего, его же слѣпивъ, а самъ царемь ста, а сына его Алексу затвори въ стѣнахъ высокыихъ стражею, яко не вынидеть. И временомъ минувъшемъ, и дързну Исакъ молитися о сынѣ своемь, дабы ему испустилъ изъ твьрди [4]) предъ ся; и умоли брата Исакъ, и пріяша извѣщеніе (условіе) съ сыномь, яко не помыслити на царство, испущенъ бысть изъ твьрди, и хожашеть въ своей воли. Царь же Олькса не печяшеся о немь, вѣря брату Исакови и сынови его, зане пріяста извѣщеніе; и потомь Исакъ помысливъ и въсхотѣ царства, и учяшеть сына, посылая потаи: яко добро створихъ брату моему Ольксѣ, отъ поганыихъ выкупихъ его, а онъ противу зла ми възда, слѣпивъ мя царство мое възя. И въсхотѣ сынъ его, якоже учашеть его и мышляшеть, како ему лзьити изъ града въ дальняя страны и оттолѣ искати царства. И въведенъ бысть въ корабль, и въсаженъ

---

[1]) Требное — принесенное въ требу, т. е. въ жертву.
[2]) Взято изъ иностранныхъ источниковъ, преимущественно изъ византійскихъ.
[3]) Алексѣю.
[4]) Изъ крѣпости, изъ тюрьмы.

бысть въ бочку, имущу три дна: при единѣмь конци, за нимь же Исаковиць сѣдяше, а въ другомь конци вода, идѣже гвоздь; нелзѣ бо бяше изъити изъ града, и тако изъидо изъ гречьскыя земля. И увидавъ царь, посла искатъ его; и начяша искати его во инозѣхъ мѣстѣхъ, и внидоша въ тъ корабль, идѣже бяшеть, и вся мѣста объискаша, а изъ бочькы гвозди вынимаша, и видѣша воду текущую, идоша прочь, и не обрѣтоша его. И тако изъиде Исаковичь и приде къ нѣмьчьскому царю Филипови, къ зятю и къ сестрѣ своеи; Царь Нѣмечьский [1]) посла къ папѣ въ Римъ, и тако увѣчаста (уговорились), яко не воевати на Царьградъ, нъ яко же рече Исаковиць: весь градъ Констянтинь хотять моего царства [2])... Тако же посадяче его на престолѣ, поидѣте же къ Іерусалиму въ помочь; не въсхотять ли его, а ведѣте и опять къ мнѣ, а пакости не дѣйте Гречьстѣй земли. Фрязи (Франки) же и вси воеводы ихъ възлюбиша злато и сребро, еже суляшеть имъ Исаковиць, а цаева велѣнія забыша и папина: перьвое пришьдъше въ Судъ (цареградскую гавань), замкы желѣзныя разбиша и приступивъше къ граду огнь въвергоша 4-рь мѣстъ въ храмы. Тъгда царь Олькса, узьрѣвъ пламень, не створи брань противу имъ; призвавъ брата Исака, его же слѣпи, посади его на престолѣ и рече: даже еси, брате, тако створилъ, прости мене, а се твое царство. Избѣжа изъ града. И пожьженъ бысть градъ и цьркви несказаны лѣпотою, имъ же не можемъ числа съповѣдати, и святыя Софія притворъ погорѣ, идѣже патріарси вся написани, иподрумье (ипподромъ-ристалище) и до моря, а сѣмо по царевъ затворъ и до Суда погорѣ. И тъгда погна Исаковиць по цари Олексѣ съ Фрягы, и не постиже его, и възвратися въ градъ; и съгна отца съ престола, а самъ царемь ста: ты еси слѣпъ; како можеши царство дьржати? азъ есмь царь. Тъгда Исакъ царь много съжаливъся о градѣ и о царствѣ своемь, и о грабленіи монастырскыихъ, еже дяша Фрягомъ злато и сребро посуленое имъ, разболѣвъся и бысть мнихъ, и отъиде свѣта сего. По Исаковли же смерти, людіе на сына его въсташа про зажьженіе градьное и за пограбленіе монастырьское, и събрачеся чернь, и волочаху добрыя мужя, думающе съ ними, кого царя поставять, и вси хотяху Радиноса; онъ же не хотяше царства, нъ крыяшеся отъ нихъ, измѣнивъся въ черны ризы; жену его имъше, приведоша въ Святую Софію, и много нудиша ю: повѣжь намъ, кдѣ есть мужь твой? и не сказа о мужи своемь. Потомь же яша человѣка, именьмь Николу воина, и на того възложиша вѣньць безъ патріарха, и ту быша съ нимь въ Святѣй Софіи 6 дній и 6 ночій, царь же Исаковиць бяшеть въ Влахернѣ, и хотяше въвести Фрягы отаи бо-

---

[1]) Нѣмецкій императоръ Филиппъ Швабскій имѣлъ въ супружествѣ Ирину, дочь Исаака Ангела.

[2]) хотять—множ. ч. согласовано съ ед. градъ. Далѣе пропускъ въ самой рукописи, а потомъ слѣдуетъ—не продолженіе рѣчи Алексѣя, но увѣщаніе крестоносцамъ Имп. Филиппа или папы Иннокентія III, который запрещалъ имъ воевать съ христіанами.

ярь въ градъ; бояре же увѣдавъше утолиша царя, не даша ему напустити Фрягъ, рекуче: мы съ тобою есмы. Тъгда бояре убояшася въведенія Фрягъ, съдумавъше съ Мюрчюфломь, яша царя Исаковиця, а на Мюрчюфла вѣньць възложиша; а Мюрчюфла бяше высадилъ изъ тьмьниця Исаковиць и прiялъ извѣщеніе, яко не искати подъ Исаковицемь царства, нъ блюсти подъ нимь. Мюрчюфлъ же посла къ Николѣ и къ людьмъ въ Святую Софію: азъ ялъ ворога вашего Исаковиця; азъ вамъ царь, а Николѣ даю пьрвый въ боярѣхъ. Никола же сложи съ себе вѣньць, и вси людіе не даша ему сложити вѣньця, нъ болѣ заклящася: кто отступить отъ Николы, да будеть проклять. Того же дне дождавъше ночи разбѣгошася вси, а Николу яша, и жену его я [1]) Мюрчюфлъ и въсади я (ихъ) въ тьмницю, и Ольксу Исаковиця утвьрди въ стѣнахъ, а самъ царемь ста Мюрчюфлъ феуруаря въ 5 день, надѣяся побити Фрягы. Фрязи же увѣдавъше ята Исаковця [2]), воеваша волость около города, просяче у Мюрчюфла: дай намъ Исаковиця, ать (а то) поидемъ къ Нѣмечьскому царю, отнелѣ же есме послани; а тобѣ царство его. Мюрчюфлъ же и вси бояре не даша его жива, и уморивъше Исаковиця, и рекоша Фрягомъ: умьрлъ есть, придѣте и видите и. Тъгда Фрязи печальни быша о преслушаніе свое; не тако бо бѣ казалъ имъ царь нѣмечьскый и папа римьскый, яко же си зло учиниша Цариграду. И рѣша сами къ собѣ вси: оже намъ нѣту Исаковиця, съ нимь же есме пришли, да луче ны есть умрети у Царяграда, нежели съ срамомь отъити; оттоль начяша строити брань къ граду. И замыслиша, якоже и преже, на кораблихъ раями на шьглахъ [3]), на нихъ же кораблихъ изъциниша порокы и лѣствиця, а на инѣхъ замыслиша съвѣшивати бъчьки черезъ градъ, накладены смолы, и лучины зажьгъше пустиша на хоромы, якоже и преже пожьгоша градъ. И приступиша къ граду априля въ 9 день, въ пятъкъ 5 недѣля поста, и неуспѣша ничьто же граду, нъ Фрягъ избиша близъ 100 мужь. И стояша ту Фрязи 3 дни, и въ понедѣльникъ вербныя недѣля приступиша къ граду, солнчю въсходящю, противу святому Спасу, зовемому Вергетисъ [4]), противу Испигасу, сташа же и до Влахерны. Приступиша же на 40 корабльвъ великыихъ; бяху же изременани (?) межю ими, въ нихъ же людіе на конихъ, одѣни (одѣты) въ бръня и кони ихъ, иніи же корабля ихъ и галеи [5]) ихъ стояху назадѣ, боящеся зажьженія. Якоже и преже бяхуть Грьци пустили на ня 10 кораблевъ съ огньмь въ Фрягы извеременивъше погодье вѣтра [6]), на Василіевъ день по-

---

[1]) вм. болѣе употреб. ятъ—взялъ.

[2]) узнавъ, что Исаковичь взятъ.

[3]) райна—поперечина на мачтѣ судовъ, къ которой привязываются паруса; шегла—длинное срубленное дерево, съ вырубами, употребляемое вм. лѣстницы.

[4]) т. е. благотворитель. Такъ назыв. монаст. Христа Спасителя.

[5]) галея (galea)—гребное судно съ низкимъ бортомъ.

[6]) улучивъ попутный вѣтеръ.

луноци, и не успѣша ничтоже фрязьскыимъ кораблемъ, вѣсть бо имъ бяше далъ Исаковиць, а Грькомъ повелѣ пустити на корабля на ня; тѣмьже и не погорѣша Фрязи. И тако бысть взятіе Царяграда великаго: и привлеце корабль къ стѣнѣ градьнѣй вѣтръ, и быша скалы ихъ великыя чрезъ градъ, а нижьнія скалы равно забородомъ (заборамъ, стѣнамъ); и бьяхуть съ высокыихъ скалъ на градѣ Грькы и Варягы (Нѣмцевъ—въ общемъ смыслѣ) каменіемь, и стрѣлами, и сулицами, а съ нижьніихъ на градъ сълѣзоша. И такъ взяша градъ. Царь же Мюрчюфлъ крѣпляше бояры, и вся люди, хотяту брань створити съ Фрягы, и не послушаша его, побѣгоша отъ него вси; царь же побѣже по нимъ и угони я на коннѣемь търгу, и много жалова на бояры и на вся люди. Тъгда же царь избѣже изъ града, и патріархъ и вси бояре; и внидоша въ градъ Фрязи вси априля въ 12 день, на святого Василія исповѣдника, въ понедѣльникъ, и сташа на мѣстѣ, идѣже стояше царь грьчьскый, у святаго Спаса; и ту сташа и на ночь. Заутра же, солнчю въсходящю, вънидоша въ святую Софію, и одьраша двьри и разсѣкоша онболъ [1]), окованъ бяше вьсь сребромь, и столпы сребрьныя 12, а 4 кивотьныя и тябло [2]) изсѣкоша и 12 креста, иже надъ олтаремь бяста, межю има шишкы яко древа вышьша мужь, и преграды олтарьныя межи стълпы, а то все сребрьно; и тряпезу чюдьную одраша драгый камень и велій жьньчюгъ, а саму невѣдомо камо ю дѣша, и 40 кубьковъ великыихъ, иже бяху предъ олтаремь, и понекадѣла и свѣтилна сребрьныя, яко не можемъ числа повѣдати; съ праздничьными съсуды безцѣньными поимаша служьбьное, еуангеліе и хресты честьныя, иконы безцѣньныя вся одраша, и подъ тряпезою кръвъ найдоша: 40 кадій чистаго злата, а на полатѣхъ и въ стѣнахъ и въ съсудохранильници не вѣдѣ (не вѣмъ—не знаю) колико злата и сребра, яко нѣту числа, и безъцѣньныихъ съсудъ. То же все въ единѣй Софіи сказахъ, а святую Богородицю, иже въ Влахернѣ, идѣже святый Духъ съхожаше на вся пятниця, и ту одраша: инѣхъ же церквій не можеть человѣкъ сказати, яко безъ числа. Одигитрюю же чюдную, яже по граду хожаше, святую Богородицю съблюде ю Богъ добрыими людьми; и нынѣ есть, на нюже надѣемся; иныя церкви въ градѣ и вънѣ града, и манастыри въ градѣ и вънѣ градъ пограбиша вся, имъже не можемъ числа ни красоты ихъ сказати. Черньчя же, и черниця и попы облупиша (ограбили) и нѣсколько ихъ избиша, Грькы же и Варягы изгнаша изъ града, иже бяхуть остали.

(Христ. Буслаева, ст. 440—447.)

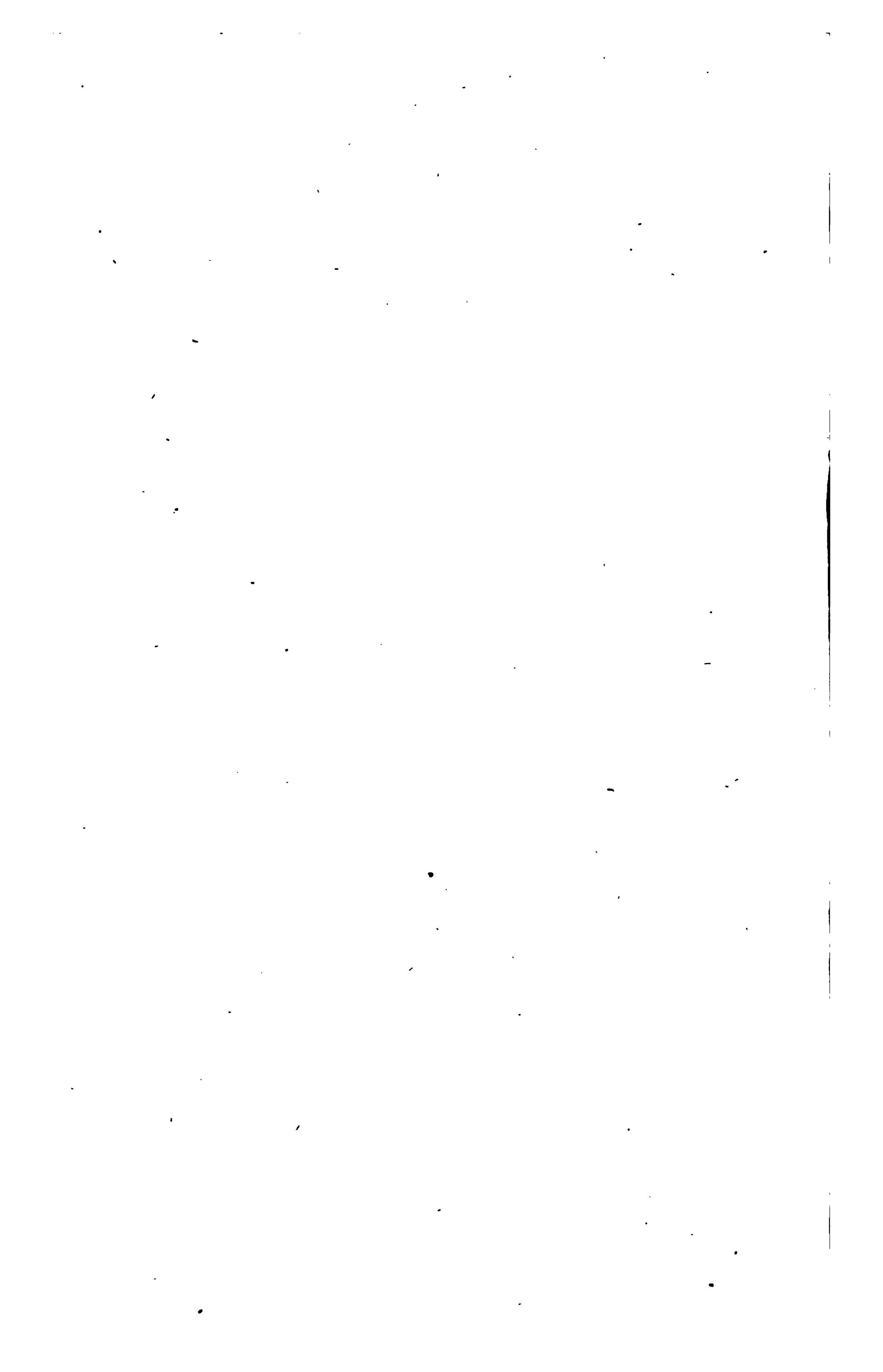
[1]) вѣроятно вм. амвонъ.
[2]) ярусъ иконостаса.

2. Голодъ въ Новгородѣ.

Въ лѣто 6738. (1230) То же Богъ видя наша беззаконія, и братоненавидѣніе, и непокореніе другъ къ другу, и зависть, и крестомь вѣрящеся въ лжю; его же ангели не могуть зрѣти и многоочитіи крылы закрываються, того же мы въ рукахъ дьржаще скверныими усты цѣлуемъ; и за то Богъ на насъ поганыя наведе и землю нашю пусту положиша, а иное сами не блюдуче безъ милости истеряхомъ свою власть, и тако бысть пусто; и тако ны Господь Богъ възда по дѣломъ нашимъ. Изби мразъ на въздвиженіе честьнаго хреста обилье по волости нашей, и оттолѣ горе уставися велико: почяхомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривьнъ, а въ дворѣхъ по полъ-30, а пшениця по 40 гривьнъ, а пшена по 50, а овса по 46 гривьнъ, а пшена по 50, а овса по 18 гривьнъ, и разъидеся градъ нашь и волость наша, и полни быша чюжіи гради и страны братья нашея и сестръ, а останъкъ почяша мерети. И кто не просльзиться о семь, видя мьртвьця по улицамъ лежащя и младенця отъ пьсъ изъѣдаемы? и вложи Богъ въ сердце благое створити архепископу Спуридону, и постави скудельницю у святыихъ апостолъ, въ ямѣ, на Прусьтѣй улици, и пристави мужа блага смѣрена, именьмь Станила, возити мьртвьця на кони, кдѣ объиди по городу; и тако безпрестани по вся дни влачаше, и наполни до вьхра, иже бысть въ ней числомь 3000 и 30. На ту же зиму поиде княжиць Ростиславъ съ посадникомь Вънѣздомь на Тържькъ, мѣсяця декабря въ 8, въ недѣлю. А заутра убиша Смена Борисовиця въ 9, а домъ его весь розграбиша и села, а жену его яша, а самого погребоша у святаго Гюргя въ манастыри; такоже и Водовиковъ дворъ и села, и брата его Михаля, и Даньслава, и Борисовъ тысячьскаго, и Творимириць, и иныхъ много дворовъ. А Водовикъ то зло услышавъ, побѣже съ Торжьку съ братьею, и Борисъ тысячьскый и Новотържьчи къ Михаилу въ Цьрниговъ; и даша посадничьство Степану Твьрдиславичю, а тысячьское Микитѣ Петриловицю; а добытъкъ Сменовъ и Водовиковъ не стомъ розделиша; они трудишася събирающе, а си въ трудъ ихъ вънидоша: о таковыхъ бо рече Духъ Святый: събираеть, а не вѣсть кому сбираеть; а княжицю Ростиславу путь показаша съ Торжьку къ отцеви въ Цьрниговъ: какъ отець твой реклъ былъ въсѣсти на конь на войну съ Въздвиженія и крестъ цѣловалъ, а се уже Микулинъ день; съ насъ крестное чѣлованіе, а ты поиди прочь, а собѣ князя промыслимъ; — и послаша по Ярослава на всей воли новгородьстѣй. Ярославъ же въбързѣ приде въ Новъгородъ, мѣсяця декабря въ 30, и створи вѣце, и цѣлова святую Богородицю на грамотахъ на всѣхъ ярославлихъ; и сѣдѣвъ 2 недѣли, иде опять въ Переяславль, поя съ собою мужя новгородьскыя моложьшяя, а сына своя 2 посади Новогородѣ, Ѳеодора и Олькандра. Той же зимѣ въ-

девоша съ Хутина отъ святаго Спаса Арсенія игумена, мужа кротка и смѣрена, князь Ярославъ, владыка Спуридонъ и вьсь Новгородъ, и даша игуменьство у святаго Георгія; а Саву лишиша, посадиша и въ келіи, и разболѣся, лежавъ 6 недѣль и преставися марта въ 15, въ суботу, предъ обѣдьнею, и тако погребенъ бысть игуменомь Арсеніемь и всею братьею, а дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѳею понаманарю: бяшеть бо мужь благъ, кротъкъ, съмѣренъ и незлобивъ, покой Богъ душю его съ всѣми правьдными въ царствіи небеснѣемь. Мы же на преднее възвратимся, на горькую и бѣдную память тоя весны. Что бо рещи, или что глаголати о бывшей на насъ отъ Бога казни? яко иніи простая чядь рѣзаху люди живыя и ядяху, а иніи мьртвая мяса и трупіе обрѣзающе ядяху, а друзіи конину, псину, кошкы; из тѣхъ осочивъше тако творяще овыя огньмь изжгоша, и другыя осѣкоша, иныя извѣшаша. Ини же мъхъ ядяху, ушь, сосну, кору липову и листъ ильмъ, кто что замысля. А иніи пакы зліи человѣци почяша добрыихъ людій домы зажигати, кдѣ чююче рожь, и тако разграбливахуть имѣніе ихъ. Въ покаянія мѣсто злое и горцяйши того быхомъ на зло, а видяще предъ очима нашима гнѣвъ Божій: мьртвьци по уличамъ и по търгу и по мосту по великому, отъ пьсъ изъѣдамы, оже не можаху погребати. И поставиша другую скудьлницю на поли, коньць Чюдиньчевѣ улици, и бысть та пълна, въ ней же числа нѣсть; а 3-тью поставиша на Колѣни, за святымь Рожьствомь, и та же бысть пълна, въ ней же числа нѣсть. То же бы намъ все видяще предъ очима, лучьшіимъ быти, мы же быхомъ пущьше: (хуже) братъ брату не съжалящеться, ни отечь сынови, ни мати дъчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба; не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль, на уличи скърбь другъ съ другомь, дома тъска, зрящe дѣтій плачющe хлѣба, а другая умирающя. И купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и поболшю, а ржи 4-ю чясть кади купляхомъ по гривнѣ серебра; и даяху отци и матери дѣти свое одьрень, изъ хлѣба, гостьмъ. Се же горе бысть не въ нашей земли во одиной, нъ по всей области русьстѣй, кромѣ Кыева одиного. И тако ны Богъ възда по дѣломъ нашимъ.

(Христ. Галахова, стр. 66 и 67)



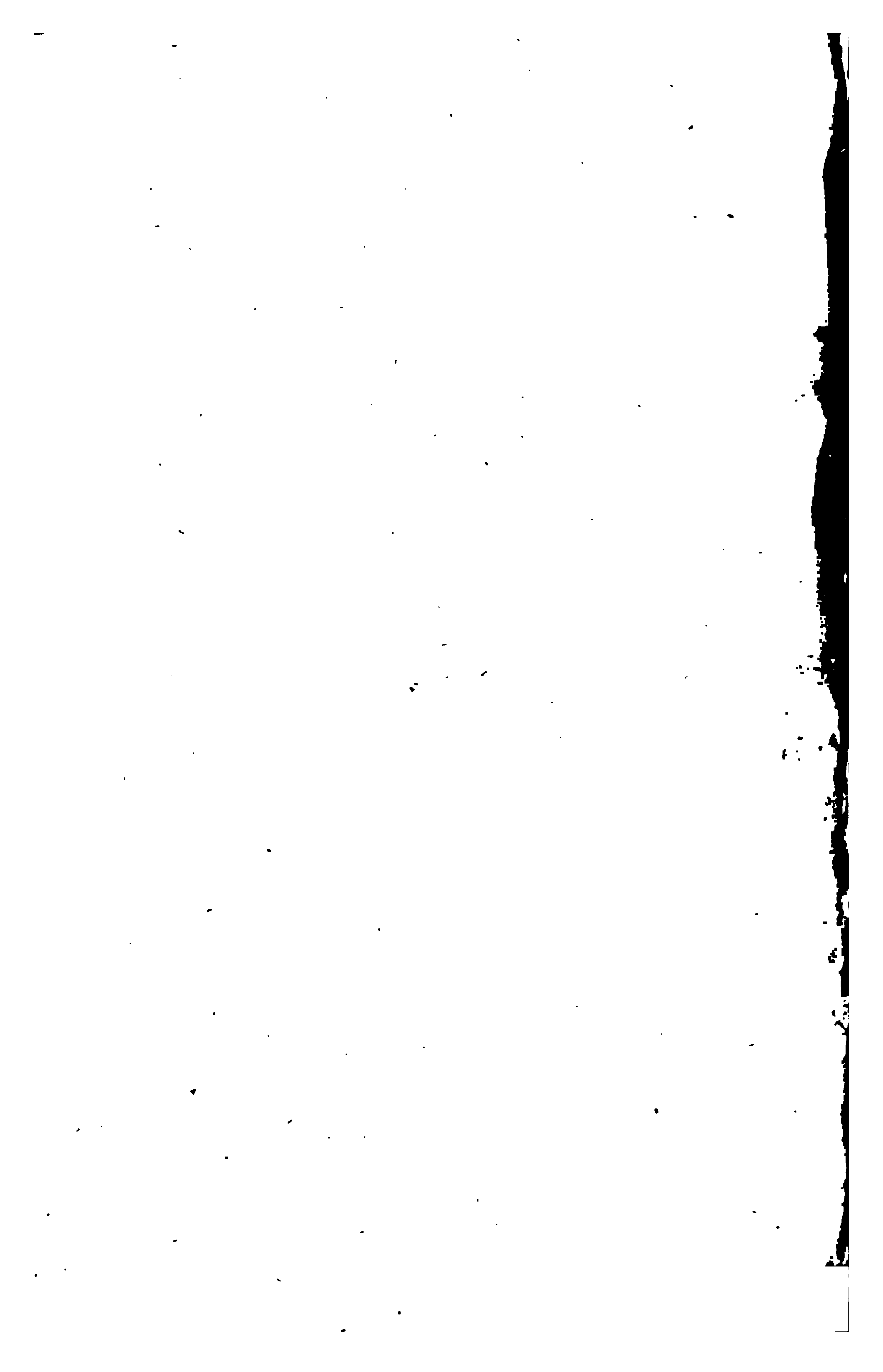
ГЛАВНѢЙШІЯ ИЗЪ ОПЕЧАТОКЪ,

ЗАМѢЧЕННЫХЪ ВЪ ОТДѢЛѢ ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Напечатано: стр.	строка.		Должно быть:
182	2	есмы	есмь
—	4	научили	научиша
183	3 и 9	будете	будѣте
—	12	кленитеся	кленѣтеся
—	13	емлите	емлѣте
184	3	единааго	единого
—	14	врагамъ	врагомъ
—	25	явльшейся	явльшіися
188	11	вѣдущіи	вѣдущеи
—	16	болящіихъ	болящяя
—	19	ихъ	я
189	13	блистающеся	блистаяся
—	14	валяяся	валяющеся
190	19	винограды ваша	винограды вашя
—	23	тяжкія	тяжкыя
—	28 и 29	кленущаяся, лишающая .. насильствующая	кленущяся, лишающяя, насильствующяя
—	34	взыщите	взыщѣте
191	5 и 9	превабляемы... дрьзливы	превабляеми, дрьзливи
—	7	зубами	зубы
—	8	всякыими	всяцѣми
—	27	чада, будете	чяда, будѣте
—	36	никоя же	никая же
—	40	прящіися	прящеся
192	5	есмы	есмь
—	16 и 19	отцамъ, христіанамъ	отцемъ... христіаномъ
—	24 и 25	подвигнемся... поживемъ	подвигнѣмся... поживѣмъ
193	3	всякааго	всякого
—	13	себѣ	себе
—	35	творящая	творящія
194	15	съвѣщаахъ	съ вѣщахъ
—	26	за всѣхъ за приносящіихъ	за вся за приносящяя
—	32	душъ... изгнани	душь... изгнаны
—	35	да не лѣно намъ	да не лѣпо ли намъ
195	1	пріимете	пріимѣте
—	2	трьпящая	трьпящяя
—	12	львамъ	львомъ
—	17	толикыихъ	толицѣхъ
—	18	видя ихъ	видя я
—	29	приходомъ	придохомъ
—	31	томко	токмо
—	34	самааго	самого
197	1	вои многы	воя многы
—	9	начать	начять
—	25	тоему	моему
—	36	багряницы	багряниця
199	8	святыя	свягая
—	12 и 13	убуждьшеся	убуждься
—	32 и 33	ключа неврежены и заключена	ключя неврежены и заключены
—	37	отъ церкви	отъ церкве
200	9	въ тыи годы	въ тыя годы
—	16	людямъ	людемъ
—	24	свѣтящеся	свѣтящися
—	31	единааго	единого
201	10 и 11	видяще	видящи
—	28	рачише	рачи
202	2	нача	начя
—	6	стужающіи	стужающеи

стр.	строка.	Напечатано:	Должно быть:
—	14	мнѣвъ же	мьнѣвъше же
—	32	единаaго	единого
—	33	абеі	абіе
—	37	хотящи	хотяще
203	7	ихъ... и тыихъ	я... и тыя
—	34	тыи	ти
—	37	бѣ	бо
204	8	сущая	сущ'я
—	10	свѣщя горящ'я	свяща горящяя
—	14	всятою	святою
—	21 и 22	приближишеся	приблизися
205	18	подражающа	подражающи
206	5	зимлада	измлада
—	31	единууму	единому
—	38	всякыимь	всяцѣмь
207	20	обѣщаашася	обѣщашася
—	30	единаaго	единого
		въ выноскѣ:	
		т. е. смерти	т. е. по смерти
208	26	речете	речѣте
210	9	всякыимь	всѣцѣмь
—	10	идяще	идяаше
211	9	прогнавше	прогнавъ
—	14	инѣхъ многыихъ древніихъ гонитель и убойникъ братоненавидникъ	иныя многыя древняя гонителя и убойникы братоненавидникы
—	30 и 34	единаaго	единого
212	22 и 23	испущающе... поюще	испущающя... поющя
—	40	о христолюбцѣ	о христолюбци
213	7	части	чясти
—	21	по землѣ	по земли
214	27	сущая	сущяя
—	34	носами	но сами
—	35	ты	ти
215	11	живущіи	живущеи
—	20	сущая	сущяя
—	25	племени	племене
216	1	ты	тп
—	28	вои	воя
—	42	Ярославлѣ	Ярославли
217	12	жіущая	жіущяя
218	3	прочая	прочія
—	13	отрините	отринѣте
—	28	идите	идѣте
218	28	несъ же	несъше же
—	32	пришлите	пришлѣте
—	34	лучшіи	лучшія
220	12	вои многи	воя многы
—	16	по князѣ	по князи
—	20	стоя Ольга	стоящи Ольга
221	4	прочая люди овыихъ	прочія люди овыя
—	6	2 части... идеша	двѣ части идета
—	24	радовавъшеся	радовавъшися
—	27	о церковномъ	о церковнѣемь
222	10	ищющи	ищющеи
—	14 и 15	любящая... приходящая	любащяя, приходящяя
—	14 и 25	ищющіи... ходящіи	ищющеи... ходящеи
—	31	часто	чясто
—	35	поганьскыи	поганьскыя
224	23	свѣтящеся	свѣтящися
225	3	убояашеся	убояшася
—	11	яже стоять	иже стоять
—	34	дары больша	дары больша
227	4	мняишеся	мняшеся
228	16 и 17	творящая...дѣющая	творящяя... дѣющяя
—	40	вси законы	вся законы
231	28	биричи	биричя
237	4	стужающіи	стужающеи
239	2	есмы	есмь
241	23	усрѣтоша мя послы	уср. мя посли
—	27	всякую	вскую
243	6	кленитеся	кленѣтеся
—	18	приходящіи къ вамъ, и	приходящеи...., ни
—	19	вышедъ, не лѣнитеся	вышедше, не...
245	5	душѣ	души
248	11	томь	тѣмь
—	24	рождшіи	рождшая
—	27	богородицѣ	богородици
—	31	стояаху вся	стояаху вся
250	3	всякаго	всякого
—	8	исполнить мя	исполнить ма
—	25 и 29	кандила сущяя	канд. сущая
251	5	купилъ	купихъ
—	7	единаaго	единого
252	8 и 19	иныимъ... самыми	инѣмъ... самѣми
—	20	двери вся	двери вси
—	35	стоящіихъ	стоящая
253	14	всятѣемь	святѣемь
—	31	князіи русскыихъ	князь р.

стр.	строка. Напечатано:	Должно быть:
254	5 почтите	почтѣте
255	23 осѣнившиеся	осѣнившеся
256	7—9 имуще,.. держащееся .. пущающе	имущи... держащи пущающи...
—	22 гнѣздящеся	гнѣздящяся
—	25, 26 и 28 трудившііся.. пострадавшіи.. претерпѣвшіи	трудившеися...пострадавшеи...претерпѣвшеи
258	11 видѣвшіи... вѣровавшіи	видѣвшеи... вѣровавшеи
—	30 ради братіи моей	р. братія моея
—	35 и 36 живыхъ	живыихъ
—	37 юдъ	адъ
—	37 и 38 укоарящіимъся	укоряющіимся
260	10 вся...сътворившяяся	вся... створившаяся
261	4 земныя	земная
262	22 хранящая	хранящяя
263	4 будущяя	будущая
265	6 невидимая	невидимыя
—	25 видимая сущя	видимая суща
267	6 и инам нога	и ина многа
269	17 съ камени	съ камене
—	20 повѣдаше	повѣда
270	19 яахомъ	яхомъ
271	4 рцыте,.. старець, сей	рцѣте... старець сь.
—	7 вопрошааите ловцовъ сихъ	вопрошайте ловця сія
285	18 и 19 ст. 1 отложьше... оболкшеся	отложши...оболкшися
—	2 ст. 2 отрокъ своихъ	отрокы своя
—	25 и 26 ст. 2 добрыи воина съ тобоюодолѣваши	добріи воини съ тобою одолѣваша
—	42 ст. 2 Египетъ	Египетъ
—	45 ст. 2 о бѣды, всякыя	отъ бѣды, всякоя
286	30 ст. 1 всяческый свѣдыя	всяческая свѣдый
—	33 и 34 ст. 1 враговъ сихъ морзкыихъ змѣевъ	врагы сія мерзкыя змѣя
—	19 ст. 2 двѣмя	двѣма
299	31 ст. 2 христіаньськы	христіаньскый
303	4 ст. 1 книзи	князи
311	5 ст. 1 времени	времене
313	21 ст. 1 (та же ошибка).	
314	21 ст. 1 сабли	сабля
315	17 ст. 1 орлы	орли
317	6 ст. 1 дни	дне
318	4 ст. 1 на вой	на воя
319	4 ст. 1 и по вся утра	а Владиміръ по...
320	10 и 11 ст. 1 копія харалужныя	к. харалужная
323	15 ст. 1 притопша холми	прит. холмы
327	5 ст. 1 вульяты	выльяти
329	6 ст. 1 тьи	тыя
—	16 и 17 ст. 1 Мстиславичя...шестокрылця	Мстиславичи.. шестокрыльци
331	2 ст. 1 Городенькыія	Городеньскыя
—	3 ст. 1 Всеслави	Всеславли
335	11 ст. 1 потече: труся	потече, труся
—	26 ст. 1 струю имѣя	струю имѣюще
338	13 потягнемъ	потягнѣмъ
—	27 лучьши конници	лучшеи конница
—	28 есть	есмь
340	14 жалую болши	жалую боле
—	30 осталъ	осталы
341	9 тѣ	ти
343	7 (выноски) капая	каплющи
345	7 (выноски) трузѣ	дерузѣ
—	18 (выноски) женомь	женамъ
—	19 (выноски) птенца	птенця
346	16 сладчайшя	сладчайша
—	21 лѣпши	лѣпе
—	3 (вын.) есть	есмь
347	15 приничющу... мажущуся	приничющю... мажущюся
348	7 и 9 лутши... лѣпши	луче — лѣпе
352	4 погибохомъ	погыбохомъ
354	26 могащаго	могущаго
—	36 томъ III	т. II
355	20 бывающа	бывающи
356	3 лежащіихъ	лежащяя
357	13 сущихъ	сущіимъ
359	18 взятъ	изятъ
361	6 обуваните	обуванѣте
—	13 тебѣ не послушьютъ	тебе не послушаютъ
363	2 и 3 будите... будете	будѣте... будѣте
—	13 братья	братіе
364	9 конца	коньци
366	24 бочьки	бочькы
—	26 богородица, иже	богородица, яже

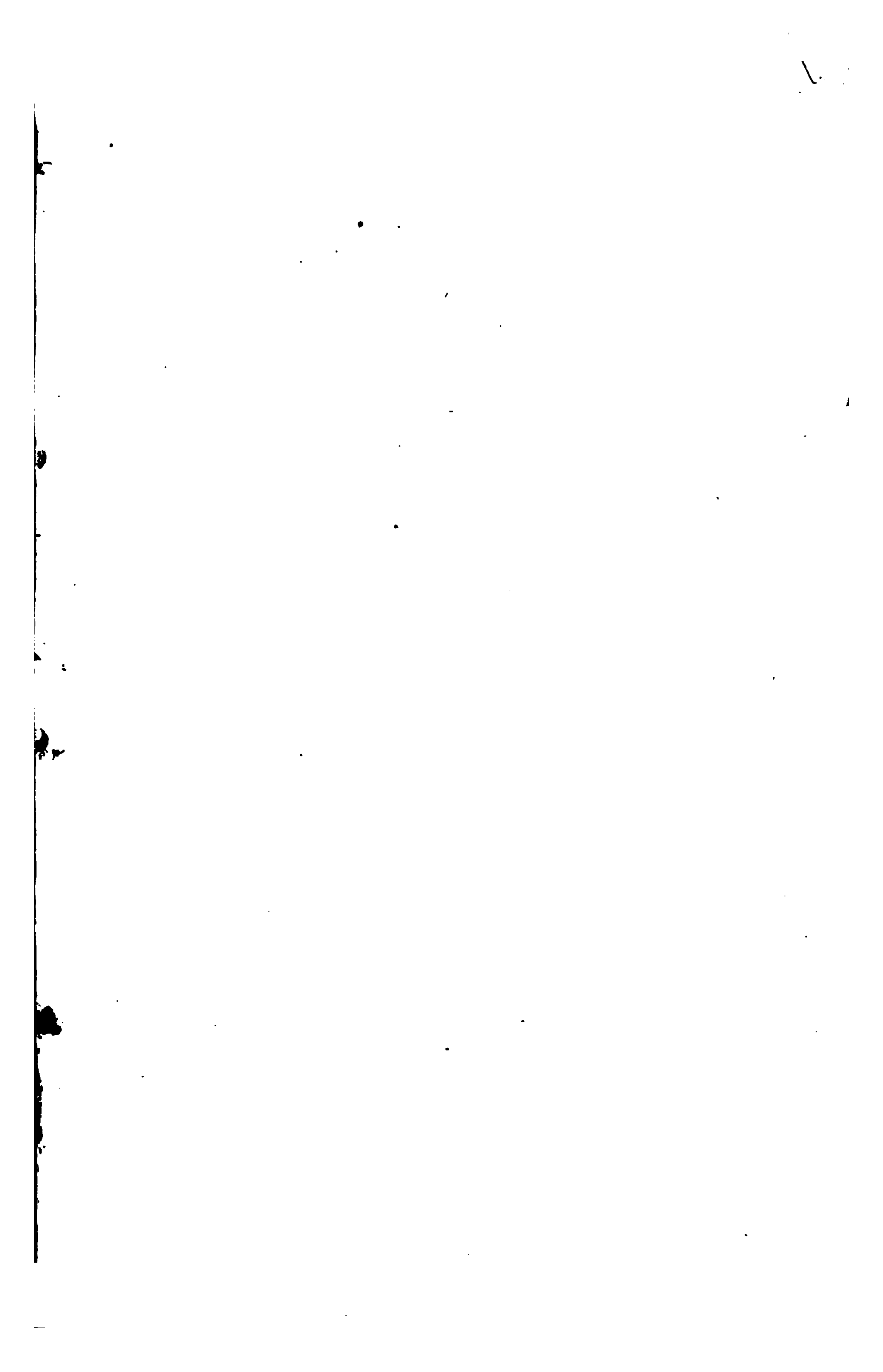


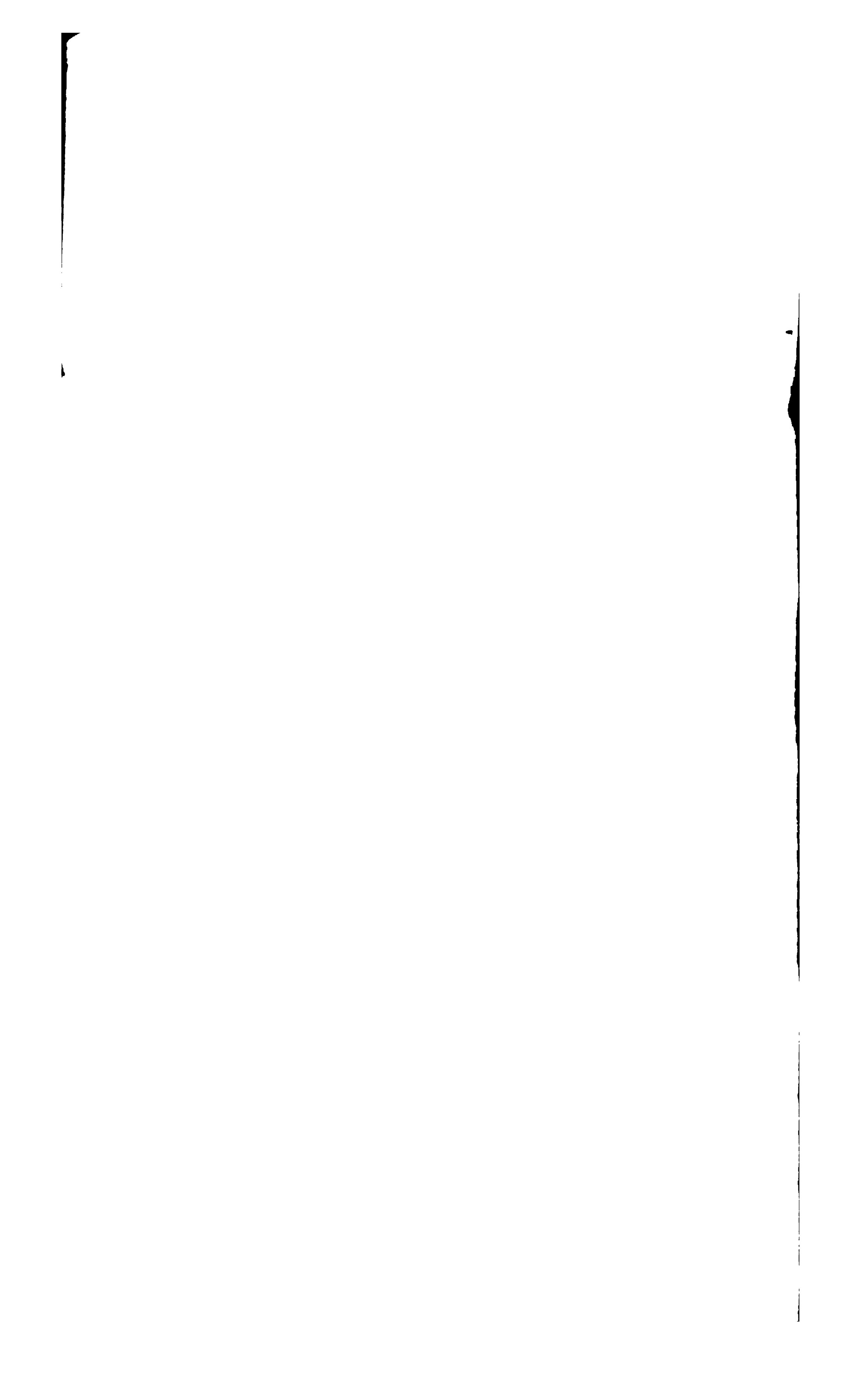
Цѣна Хрестоматіи вмѣстѣ съ 1-мъ выпускомъ „Историческихъ [illegible] Русской Словесности“ 2 р. с. Втораго изданія 1-го вып. „Ист. Оч.“ [illegible] печатано уже около половины; должно оно выйти въ послѣднихъ [illegible] Апрѣля, при семъ же на полученіе его выдается билетъ. Во [illegible] изд. 1 вып. „Истор. Оч.“ войдетъ около 12 печатныхъ листовъ [illegible] вошедшихъ въ составъ 1-го изд. и обнимающихъ собою историческій [illegible] остатковъ древнѣйшаго періода устно-народной словесности.

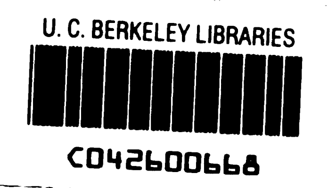
СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Бесѣды о Русской Исторіи, вып. 1., изданіе 2-ое, С. П. Б. 1864 г. [illegible] 25 к. с.

Славянскій вопросъ въ наукѣ и въ жизни. По поводу обзора исторіи славянскихъ литературъ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича С. П. Б. 1865 г. цѣна 25 к. с.






U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042600668

589055
UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY